Проф. М. Сперанскій.

ИСТОРІЯ ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ПОСОБІЕ КЪ ЛЕКЦІЯМЪ

ВЪ УНИВЕРСИТЕТѢ И НА ВЫСШИХЪ ЖЕНСКИХЪ КУРСАХЪ ВЪ МОСКВѢ.

Изданіе 2-е, пересмотрѣнное.

МОСКВА—1914.
СКЛАДЪ ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ
В. С. Спиридонова и А. М. Михайлова.
Москва, Моховая, уг. Тверской, д. Варвар. Акц. О-ва.
Телефонъ № 120-95.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К⁰. Пименовская ул., соб. д.
Москва—1914.

Печатаемая вторымъ изданіемъ «Исторія древней русской литературы» представляетъ, подобно первому изданію ея, сокращенное изложеніе курсовъ, читанныхъ въ Университетѣ и на Высшихъ Женскихъ Курсахъ въ Москвѣ, и назначается въ качествѣ пособія при слушаніи соотвѣтствующихъ курсовъ, но не замѣняетъ собою самихъ курсовъ, давая лишь наиболѣе существенныя обобщенія и наиболѣе важные и характерные факты этой исторіи. Поэтому для расширенія и углубленія знакомства съ древней русской литературой даются соотвѣтствующія указанія на литературу въ текстѣ и примѣчаніяхъ, а въ концѣ книги—списокъ пособій, необходимыхъ и рекомендуемыхъ.

Проф. **М. Сперанскій.**

СОДЕРЖАНІЕ.

Главнѣйшія явленія письменной литературы Кіевскаго періода.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Исторія русской литературы, какъ одного изъ крупнѣйшихъ явленій общей культурной исторіи русскаго народа, подобно послѣдней, стоитъ въ тѣсной связи съ историческимъ прошлымъ народа, подобно послѣдней, отмѣтила въ своемъ развитіи рядъ послѣдовательныхъ измѣненій, въ зависимости отъ тѣхъ общекультурныхъ и историческихъ въ узкомъ смыслѣ слова факторовъ, съ которыми приходится имѣть дѣло историку русской жизни вообще.

Представляя картину непрерывнаго развитія, русская литература такъ же, какъ и русская жизнь вообще, въ различное время выдвигала въ своемъ содержаніи, идейномъ и фактическомъ, различныя стороны русской жизни, смѣнявшія въ качествѣ характерныхъ другъ друга.

На основаніи этого является возможнымъ при изученіи исторіи русской литературы, слѣдя за ея послѣдовательнымъ развитіемъ, распредѣлять эти явленія по періодамъ, характеризуя каждый изъ нихъ по тѣмъ основнымъ условіямъ, которыя имѣли мѣсто въ то или иное время этой литературной жизни, памятуя, однако, постоянно, что эти намѣчаемые нами періоды выдѣлены нами лишь въ интересахъ болѣе удобнаго, правильнаго освѣщенія общаго непрерывнаго развитія русской литературы, т.-е., лишь въ интересахъ метода.

Съ этой точки зрѣнія и на основаніяхъ, которыя будутъ указываемы всякій разъ въ своемъ мѣстѣ, исторію русской литературы мы дѣлимъ на древнюю и новую; опредѣляя хронологически эти два періода, гранью между ними мы можемъ считать вторую половину XVII вѣка, какъ отмѣченную окончательнымъ выясненіемъ новаго западно-европейскаго теченія въ жизни русскаго племени и его литературы, обусловившаго развитіе ихъ въ болѣе позднее время. Начальной же эпохой древняго періода литературы, имѣя въ виду нашу христіанскую письменную, мы можемъ счесть появленіе въ нашей жизни новаго общаго фактора нашей культуры—христіанства вмѣстѣ съ письменностью,

иначе—конецъ X и начало XI вѣка. Т. о. древній періодъ нашей литературы охватитъ собою время съ X до половины XVII вѣка. На пространствѣ шести съ половиной вѣковъ своего развитія литература испытала рядъ видоизмѣненій, въ значительной степени обусловливавшихъ собою тѣ явленія, съ которыми приходится имѣть дѣло изслѣдователю новой литературы съ конца XVII в. вплоть до нашего времени. Въ зависимости отъ этихъ видоизмѣненій, вызванныхъ въ свою очередь измѣненіями въ культурныхъ условіяхъ русской жизни съ X по XVII вѣкъ, возможно дѣленіе и древняго періода литературы на два по крайней мѣрѣ: первый, условно называемый Кіевскимъ, и второй—Московскимъ. Хронологически первый изъ нихъ укладывается въ промежутокъ времени отъ конца X вѣка и приблизительно до половины XIII-го; второй, стало-быть, съ этого времени—и до второй половины XVII-го [1]).

Такое дѣленіе, условное и приблизительное, представляется наиболѣе удобнымъ, какъ по существу дѣла, такъ и въ методологическомъ отношеніи и въ отношеніи научнаго изложенія въ предѣлахъ времени, которымъ располагаетъ исторія древней русской литературы въ системѣ предметовъ университетскаго курса.

---

[1]) См. также М. Сперанскаго. Дѣленіе исторіи русской литературы на періоды въ „Рус. Фил. Вѣстн." 1896 г. № 3—4.

Кіевскій періодъ.

Введеніе въ исторію русской древней литературы.

Кіевскій періодъ книжной русской литературы, какъ сказано выше, начальный ея періодъ, но онъ не начальный въ тоже время періодъ русской жизни и русской словесности: и до X вѣка существовало русское племя и имѣло свою словесность, но не писанную, а устную. Жизнь кіевскаго періода литературы стояла въ зависимости отъ культурныхъ условій, отличныхъ въ значительной степени отъ современныхъ намъ и извѣстныхъ намъ. А потому прежде, чѣмъ непосредственно перейти къ ознакомленію съ тѣми литературными фактами, которые относятся къ этому времени, необходимо, конечно, обладать нѣкоторыми подготовительными свѣдѣніями въ области исторіи русскаго племени, какъ носителя литературы, его культуры, исторіи науки, ея методовъ. Въ силу этихъ соображеній курсу кіевской литературы и предпосылаются эти свѣдѣнія, которыя въ цѣломъ могутъ быть названы «Введеніемъ въ исторію древней русской литературы». Только послѣ такого «Введенія» станетъ возможнымъ болѣе или менѣе правильное научное отношеніе къ фактамъ, имѣющимъ мѣсто въ исторіи древней литературы. Поэтому обращаемся прежде всего къ тому, что мы назвали «Введеніемъ», и постараемся теперь же подробнѣе объяснить себѣ, почему подобное введеніе нужно, и что оно должно въ себѣ заключать.

Самыя простыя, естественныя соображенія будутъ, конечно, таковы: передъ нами лежитъ задача—изучить древне-русскую литературу, ту литературу, которая отдѣлена отъ нашего времени цѣлымъ рядомъ столѣтій. За этотъ рядъ столѣтій, само собой разумѣется, какъ русская жизнь, такъ и русская литература сравнительно съ тогдашнимъ временемъ значительно измѣнились и измѣнились настолько, что даже самый литературный языкъ древней Руси рѣзко отличается какъ по своимъ основаніямъ, такъ и по характеру отъ современнаго намъ литературнаго языка, такъ что приходится отдѣльно изучать этотъ языкъ

древней Руси. Затѣмъ, самыя условія жизни, отраженіемъ которыхъ является эта литература, разумѣется, также рѣзко измѣнились сравнительно съ нашимъ временемъ, т.-е. жизнь X, XI и XII вѣковъ уже рѣзко отличается отъ жизни XIX и XX столѣтій. Поэтому естественно, что, изучая древне-русскую литературу, мы изучаемъ область, которая для насъ, современныхъ людей, является въ большинствѣ случаевъ чуждой. Въ силу того, что, какъ всякую чуждую область, приходится изучать, уже обладая до извѣстной степени подготовкой, спеціальными познаніями, такъ и въ данной области приходится остановиться въ этомъ спеціальномъ небольшомъ «Введеніи» на этихъ подготовительныхъ данныхъ, безъ которыхъ мы не можемъ приступить къ изученію этого въ значительной степени чуждаго намъ по своему строю и характеру періода кіевской литературы. Это одно соображеніе.

Другое соображеніе такого рода. Кіевскій періодъ является началомъ нашей литературной исторіи. Если мы пожелаемъ излагать научно эту литературную исторію, то мы несомнѣнно должны обладать нѣкоторыми, по крайней мѣрѣ, элементарными научными пріемами, научными методами, безъ выясненія которыхъ, конечно, мы не будемъ въ состояніи отнестись сознательно къ тѣмъ фактамъ, тѣмъ явленіямъ, съ которыми намъ придется имѣть дѣло. Слѣдовательно, извѣстная методологическая подготовка должна предшествовать непосредственному изученію литературы.

Наконецъ, въ-третьихъ, кіевская древняя литература представляетъ значительныя трудности для ея изученія и сама по себѣ. Эти трудности заключаются, главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ. Не говоря уже о томъ, что эта литература излагается на языкѣ, который отошелъ для насъ совершенно въ область исторіи, и для того, чтобы понимать этотъ языкъ, нужно имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія по исторіи литературнаго русскаго языка, мало этого: русская древняя литература, какъ всякая древняя литература, отличается тѣмъ, что число источниковъ, которые даютъ о ней свѣдѣнія, крайне ограниченно сравнительно съ тѣми требованіями, съ тѣми стремленіями, которыя мы предъявляемъ къ изученію литературы въ наше время. Число памятниковъ, особенно древней эпохи, тѣмъ меньше, чѣмъ періодъ древнѣе. Стало быть, намъ приходится работать при чрезвычайно трудныхъ условіяхъ. Наша задача—установить по возможности ясную и полную картину литературнаго и культурнаго развитія Россіи между X—XIII вѣками, т.-е., за періодъ времени значительный. Но отъ этого періода до насъ дошло лишь незначительное количество источниковъ, при чемъ эти источники отличаются большой отрывочностью и неполнотой. Поэтому намъ приходится особенно внимательно и старательно изучать эти источники, чтобы за-

ставить ихъ сказать то, что намъ нужно, т.-е.: работа надъ первоисточниками древняго періода должна быть очень интенсивна. Отъ эпохи кіевскаго періода X—XIII вѣковъ дошло до насъ чрезвычайно мало рукописей, т.-е. письменныхъ памятниковъ, въ томъ видѣ, въ какомъ они явились и жили въ то время. Объясняется это совершенно естественно: памятники эти когда-то, быть можетъ, и довольно многочисленные, съ теченіемъ времени утрачиваются, гибнутъ, измѣняются и т. д. Въ результатѣ, теперь ихъ можно перечислить по пальцамъ. Въ данномъ случаѣ, мы говоримъ о тѣхъ памятникахъ, которые въ самомъ текстѣ относятся къ кіевскому періоду, т.-е. о такихъ, которые мы имѣемъ въ подлинномъ ихъ видѣ. Большинство же памятниковъ, которые дошли до насъ и могутъ быть отнесены къ кіевскому періоду, дошло съ позднѣйшими измѣненіями, въ копіяхъ позднѣйшаго времени, которое, естественно, наложило на нихъ извѣстный отпечатокъ. Возьмемъ для примѣра хотя бы русскую лѣтопись, о которой въ любомъ школьномъ учебникѣ мы найдемъ такое опредѣленіе: «Русская лѣтопись—памятникъ XI столѣтія», т.-е. того времени, когда у насъ начали записывать событія. Явилась лѣтопись, дѣйствительно, въ XI вѣкѣ; но у насъ нѣтъ въ рукахъ ни одного текста ея отъ XI столѣтія. Самый древній текстъ, дошедшій до насъ, относится только ко второй половинѣ или даже къ концу XIV вѣка [1]). Стало быть, чѣмъ была лѣтопись въ XI, XII, XIII и въ началѣ XIV вѣка, намъ приходится заключать по такимъ позднимъ (и то рѣдкимъ) матеріаламъ, какъ рукописи XIV вѣка. Отсюда слѣдуетъ, что только тогда, когда мы научно проанализируемъ эти сравнительно позднія рукописи и увидимъ, что̀ въ нихъ позднее, и что̀ раннее, мы тогда только можемъ сказать, что̀ представляла лѣтопись XI вѣка. Большинство же лѣтописей дошло до насъ въ спискахъ XV и XVI, главнымъ образомъ XVII вѣковъ. Стало быть, число искаженій и измѣненій, которымъ путемъ переписыванія подверглись первоначальные памятники, будетъ очень велико, а по этимъ-то спискамъ намъ приходится судить о первоначальномъ видѣ памятника. Такимъ образомъ, изученіе литературы кіевскаго періода литературы осложнено и состояніемъ самого матеріала и его размѣровъ. Изученіе же матеріаловъ, находящихся въ подобномъ состояніи, требуетъ, разумѣется, извѣстныхъ подготовительныхъ работъ и знаній, и этими подготовительными знаніями должны обладать не только изслѣдователи древней литературы непосредственно, но и тѣ, которые изучаютъ литературу по чужимъ изслѣдованіямъ. Эти же подготовительныя знанія, основанныя на

[1]) Таковы: Лаврентьевскій списокъ 1377 года, Ипатскій конца XIV в.; старѣйшій по времени лѣтописный текстъ—Новгородскій, конца XIII в. есть, какъ лѣтопись мѣстная, переработка обще-русскихъ сводовъ.

методологическомъ научномъ знакомствѣ съ цѣлымъ рядомъ вспомогательныхъ наукъ, будутъ имѣть свое истинное значеніе только тогда, когда мы будемъ имѣть представленіе о самихъ этихъ вспомогательныхъ наукахъ: иначе, вѣдь, невозможно сознательное отношеніе къ самому предмету изученія.

Такимъ образомъ, съ какой бы стороны мы ни подошли къ изученію начальнаго періода русской литературы, то введеніе, о которомъ только что говорилось, является необходимымъ.

Затѣмъ, самая разработка методовъ изученія, пріемовъ изслѣдованія, которые мы имѣемъ изъ другихъ вспомогательныхъ наукъ для того, чтобы сознательно отнестись къ древней русской литературѣ, показываетъ, что всѣ эти пріемы и методы складывались постепенно и продолжаютъ развиваться до настоящаго времени[1]. Съ тѣхъ поръ, какъ научно начали изучать древне-русскую литературу, эти методы, по сравненію съ настоящимъ временемъ, значительно измѣнились. Но, съ другой стороны, нельзя сказать, чтобы въ XX столѣтіи всѣ данныя старой литературы были уже окончательно освѣщены и переработаны примѣнительно къ современнымъ намъ требованіямъ. Кромѣ того, многое, что добыто было наукой въ старое время, остается цѣннымъ и правильнымъ и въ настоящее время. Поэтому, если на основаніи этихъ старыхъ методовъ нельзя строить настоящую современную методологію, все-таки, изучая древне-русскую литературу (да и любую литературу), намъ приходится дѣйствовать, имѣя въ рукахъ не только труды новѣйшіе, но и труды предшествующихъ эпохъ, которые созданы на основаніи другихъ условій въ жизни науки, подъ другимъ угломъ зрѣнія. Поэтому, прежде, чѣмъ воспользоваться этими трудами, необходимо умѣть къ нимъ отнестись критически, необходимо для себя установить, что́ въ нихъ дѣйствительно цѣнно для нашего времени, и что́ должно быть оставлено, какъ уже отжившее. Приведемъ примѣръ. Есть взглядъ, который долгое время держался, и, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще держится, взглядъ на народную устную словесность: если возьмемъ какой-нибудь учебникъ (Галахова, Порфирьева, или какой-либо другой), который теперь распространенъ въ школахъ, то уви-

---

[1]) Подробнѣе о методахъ, ихъ развитіи говорится въ спеціальныхъ курсахъ по методологіи исторіи русской литературы; такихъ курсовъ, окончательно выработанныхъ, до сихъ поръ для исторіи русской литературы нѣтъ; можно указать только на новѣйшую попытку въ этомъ направленіи — проф. *В. Н. Перетца,* „Изъ лекцій по методологіи ист. русск. лит. Исторія изученій. Методы. Источники. *Корректурное изданіе на правахъ рукописи*“ (Кіевъ 1914; ц. 4 р.). Сюда же слѣдуетъ отнести *В. М. Истрина* „Опытъ методологическаго введенія въ исторію русской литературы XIX в.“ Вып. I (изъ Ж. М. Н. П. за 1907 годъ), опытъ не оконченный и во многомъ спорный

димъ, что тамъ исторія литературы русской начинается съ такъ называемой «народной», или «устной», словесности: первая глава такихъ учебниковъ всегда посвящена «народной русской словесности». Естественно, что едва ли многіе изъ учащихся отдавали себѣ отчетъ въ томъ, почему мы начинаемъ изученіе исторіи русской литературы именно съ «народной», «устной» словесности. Въ подобныхъ руководствахъ разсказываютъ, что народная словесность, это—одна изъ замѣчательныхъ отраслей русской литературы, говорятъ, что она древнѣйшая для того времени, и что до письменности была уже устная народная словесность, что до того времени, когда русскіе приняли христіанство, т.-е. въ концѣ X вѣка, въ то время эта устная словесность уже существовала, и т. п. При этомъ во многихъ учебникахъ указывается, какія неисчерпаемыя богатства имѣетъ древняя устная народная словесность. Все это очень опредѣленно, какъ будто и убѣдительно. Но на самомъ дѣлѣ: нужно ли начинать именно съ устной народной словесности исторію русской литературы? Оказывается, что это, съ строго научной точки зрѣнія нашего времени, подлежитъ большому сомнѣнію. Можно начать съ устной литературы только тогда, когда мы убѣдились, что *та* словесность, которую мы теперь знаемъ подъ именемъ «устной», «народной», и о которой говоритъ учебникъ, дѣйствительно, древнѣйшая, и что въ этомъ самомъ видѣ она существовала еще до начала нашей письменности, а въ этомъ-то и приходится усомниться. «Устную», «народную» словесность мы узнаемъ только въ наши дни, когда стали записывать хранящіяся въ памяти народа пословицы, пѣсни, сказки, поговорки и т. д. Стало быть, исходя изъ взгляда учебника, мы должны допустить, что мы имѣемъ передъ собой памятники дохристіанскаго періода русской жизни, лишь записанные въ наши дни. Естественно, возникаетъ сомнѣніе, дѣйствительно ли это—остатки словесности, которые, какъ бы окаменѣвшіе, сохранялись у народа въ неизмѣнномъ видѣ и въ такомъ видѣ дошли до насъ? Дѣло въ такомъ случаѣ представляется такъ, что, тогда какъ условія народной жизни измѣнялись и не разъ, словесность—это отраженіе жизни—оставалась все та же—съ ея миѳологіей, съ ея поклоненіемъ солнцу и т. д. Это во всякомъ случаѣ представляется даже a priori странным. Объясненіе же появленія такого взгляда въ наукѣ, а затѣмъ въ школьномъ учебникѣ заключается въ слѣдующемъ. То мнѣніе, которое напрасно распространяютъ въ школьныхъ учебникахъ русской словесности, есть не болѣе, какъ одно изъ переживаній въ русской наукѣ. Справившись въ исторіи изученія русской литературы, мы узнаемъ, что былъ въ началѣ этого изученія періодъ, когда у насъ господствовала такъ называемая миѳологическая школа (30—60 гг. XIX ст.), когда въ наукѣ и отчасти въ обществѣ пользовалось

голословно признанiемъ мнѣнiе, что̀ все, что идетъ изъ устъ народа, есть подлинная самобытная, доисторическая русская «народная» словесность; поэтому тогда считали какую-нибудь сказку, напримѣръ, исконнымъ самобытнымъ произведенiемъ русскаго народа, выражающимъ его еще дохристiанскiя воззрѣнiя. Только въ силу такой романтической вѣры въ незыблемость обычаевъ, народныхъ воззрѣнiй и въ силу, можетъ быть, похвальной любви къ этому простому, тогда обездоленному, крѣпостному народу, можно было примиряться съ этимъ воззрѣнiемъ. Но эта посылка, ничего общаго не имѣющая съ научнымъ изслѣдованiемъ, легла въ качествѣ краеугольнаго камня въ основу изложенiя нашей литературы въ прежнее время, да такъ и осталась въ основѣ нашихъ учебниковъ, какъ фактъ, якобы не подлежащiй сомнѣнiю, фактъ, якобы научный. На дѣлѣ же, когда мы научнѣе стали изслѣдовать литературу, оказалось иное. Дошедшая до насъ въ устахъ простого народа литература записана, главнымъ образомъ, въ XIX вѣкѣ, начиная съ 30-хъ его годовъ. Мы знаемъ теперь точнѣе условiя, при которыхъ она дожила до нашего времени отъ прежняго. Оказывается, народъ вовсе не былъ никогда какой-то гранитной скалой, мимо которой проходили всѣ ураганы жизни, не затрогивая ее. Въ народѣ въ разное время появлялся интересъ къ самымъ различнымъ сторонамъ жизни и культуры, въ народъ проникала грамотность и проникала довольно глубоко, проникали устные и письменные источники отъ другихъ народовъ и т. д. Словомъ—жизнь, интересы народныхъ массъ постоянно мѣнялись. Въ результатѣ получается, что теперешнее мiровоззрѣнiе народа является далеко не самостоятельнымъ, не такимъ чистымъ, безъ всякой примѣси, архаическимъ, древнимъ мiровоззрѣнiемъ. На дѣлѣ то, что мы считали въ «устной» народной словесности исконно русскимъ, считали выраженiемъ миѳологiи, какъ дохристiанскихъ вѣрованiй и быта, является наслоенiемъ болѣе поздняго времени уже на исторической основѣ. Тѣ народныя былины, въ которыхъ видѣли какую-то миѳологiю доисторическаго русскаго народа, съ поклоненiемъ небеснымъ свѣтиламъ, оказываются произведенiями далеко не такого древняго времени. Мы видимъ, что цѣлый рядъ былинъ и ихъ отдѣльныхъ чертъ, считавшихся доисторическими, въ лучшемъ случаѣ восходятъ къ XVI вѣку, а иногда и ко времени и болѣе позднему. Естественно, что только отсутствiе строго научныхъ методовъ въ прежнее время и могло привести къ такимъ заключенiямъ изслѣдователя 30-хъ и 40-хъ годовъ. Но, съ другой стороны, намъ приходится пользоваться какъ разъ такими данными, которыя были разработаны въ эту романтическую эпоху и, если мы не воспользуемся этими данными, то можемъ пропустить нужное для насъ, можемъ пройти мимо матерiала, годнаго и при современныхъ научныхъ методахъ

Отсюда слѣдуетъ выводъ, что въ качествѣ одной изъ составныхъ частей «Введенія» въ исторію древне-русской литературы или вообще въ исторію литературы должно входить также изученіе исторіи развитія самой этой науки. Отсюда же выясняется и планъ «Введенія» въ научную исторію литературы. Говоря въ общемъ о планѣ «Введенія» въ изученіе русской литературы, и, въ данномъ случаѣ, преимущественно древней литературы, можно сказать, что это введеніе должно состоять, во-первыхъ, изъ исторіи самой науки, гдѣ мы увидимъ, какъ постепенно наростали задачи, которыя мы теперь ставимъ изученію нашей литературы. Въ этой же исторіи мы должны увидѣть и тѣ методы, которые вырабатывались постепенно въ русской наукѣ. Изученіе этихъ методовъ должно, конечно, дать и намъ въ руки отчасти методы для изученія кіевскаго періода, методы научные, годные, по крайней мѣрѣ, для того, чтобы отнестись къ этому періоду сознательно. Затѣмъ, въ связи съ этимъ въ «Введеніи» должны быть, по крайней мѣрѣ, сообщены свѣдѣнія о тѣхъ вспомогательныхъ наукахъ, которыя даютъ возможность научно освѣщать тѣ или другіе факты древней литературы, чтобы заставить ихъ служить нашей основной цѣли—исторіи древней литературы, въ то же время вполнѣ сохраняя по отношенію къ нимъ научные пріемы; съ другой стороны, когда мы овладѣемъ этими предварительными свѣдѣніями, тогда мы будемъ знакомы уже отчасти и съ матеріаломъ и съ тѣмъ, какъ этотъ матеріалъ долженъ быть освѣщенъ, и какъ онъ въ настоящее время освѣщается наукой. Вотъ, слѣдовательно, тѣ предварительныя данныя, которыя нужно имѣть въ виду, чтобы сознательно относиться къ построенію нашего курса.

Теперь мы и перейдемъ къ выполненію этого плана «Введенія» въ исторію древней литературы. Слѣдовательно, въ первой части его будетъ ознакомленіе съ исторіей изученія русской литературы, преимущественно древней.

I. Исторія изученія русской литературы. Что касается исторіи изученія древне-русской литературы, какъ исторіи и русской литературы вообще, то тутъ прежде всего нужно сказать, что мы имѣемъ дѣло съ наукой сравнительно молодой. Эта наука не насчитываетъ даже и полнаго столѣтія своего существованія. Это нужно имѣть въ виду потому, что этимъ въ значительной степени объясняются тѣ особенности, которыя присущи исторіи русской литературы. Всякое историческое изученіе, въ какой бы области оно ни начиналось, въ области ли политической, экономической исторіи, или въ области искусства или литературы, всякое историческое изученіе показываетъ опредѣленое воззрѣніе на свое прошлое того общества, которое разрабатываетъ историческую науку. Если у общества явилось самосознаніе, и

если это общество, хотя бы въ лицѣ отдѣльныхъ членовъ, выполнило задачу—опредѣлить, чѣмъ оно было въ прошломъ, то уже самое появленіе этой задачи показываетъ, что у общества, въ силу культурнаго уровня, явилась необходимость самосознанія, желаніе и стремленіе дать себѣ отчетъ въ своемъ прошломъ и настоящемъ. Стало быть, до тѣхъ поръ, пока историческое самосознаніе не явилось въ обществѣ, до тѣхъ поръ общество не имѣетъ своей научной исторіи. Есть народы, которые не сознаютъ себя, это народы доисторическіе, народы первобытные. Какой-нибудь папуасъ или лапландецъ мало интересуется своимъ прошлымъ и, наоборотъ, интересуется только настоящимъ, данной минутой; прошлое же интересно для него только по стольку, по скольку онъ можетъ извлечь изъ него какую-нибудь выгоду для практическихъ цѣлей настоящаго. Въ большинствѣ случаевъ это—не далекое прошлое, это—то, что̀ совершалось вчера. Въ этомъ отношеніи, чѣмъ раньше проявилъ народъ самосознаніе, чѣмъ раньше онъ проявилъ потребность историческаго самосознанія, тѣмъ культура этого народа должна быть выше.

Накопленіе и собираніе матеріала. Примѣняя это наблюденіе къ изученію русской литературы, мы видимъ, что общественное самосознаніе, самосознаніе историческое, въ русскомъ обществѣ проявилось чрезвычайно поздно. Правда, уже въ XI и XII вѣкахъ люди записывали то, что совершалось въ ихъ время. Позднѣе, эти извѣстія переписывались; отсюда слѣдуетъ, что люди интересовались своимъ прошлымъ, но интересъ этотъ былъ скорѣе интересомъ любопытства, нежели интересомъ научнаго объясненія, научнаго отношенія къ своему прошлому. Русскіе лѣтописцы оставили намъ свои записи, слѣды своего интереса къ прошлому, но только историки времени Петра Великаго, Татищевъ и ближайшіе его преемники, въ родѣ князя Щербатова и другихъ, стали разрабатывать русскую исторію. Но это еще не есть пока полное выраженіе историческаго, вполнѣ научнаго, самосознанія. Они сознаютъ только, что необходимо это самосознаніе; но какъ его себѣ представить, они еще не знаютъ; они чувствуютъ только, что для этого надо обратиться къ источникамъ. Они добываютъ эти источники съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи ихъ переработать. В. Н. Татищевъ—наиболѣе талантливый и способный историкъ этого времени, располагавшій сравнительно богатыми для того времени научными средствами—пишетъ свою русскую исторію въ промежуткѣ 1725—1750 годовъ [1]); но онъ ограничивался только преимущественно собираніемъ фактовъ русскаго прошлаго по документамъ, группировкой ихъ въ порядкѣ простой

[1]) Первая книга его „Исторіи Россійской съ самыхъ древнѣйшихъ временъ“ вышла въ 1768 году

хронологіи. Послѣдующіе историки (Щербатовъ, Стритеръ, Байеръ и другіе петербургскіе академики XVIII столѣтія) также занимались русской исторіей, но не въ смыслѣ ясно сознанной идеи самосознанія, а проявили только интересъ къ подготовительнымъ матеріаламъ, къ собиранію фактовъ и начинаютъ ихъ провѣрку. Стало быть, въ ихъ работахъ собственно нѣтъ того, что мы называемъ прагматизмомъ, т.-е. умѣніемъ установить внутреннюю связь между событіями. Но въ концѣ же XVIII вѣка у насъ пробуждается и народное самосознаніе. Съ этихъ поръ, мы можемъ сказать, началось и изученіе исторіи русской литературы. Но и тутъ нужно прежде всего сказать, что это изученіе не было строго научнымъ. Научное изученіе исторіи русской литературы, вообще, и въ частности древней русской литературы, началось гораздо позднѣе—въ 20-хъ или даже 30-хъ годахъ XIX столѣтія. Слѣдовательно, дѣло обстоитъ приблизительно такъ: къ концу XVIII вѣка пробуждается сознаніе необходимости изучать свое прошлое. Это пробудившееся сознаніе ищетъ себѣ пищи, обращается къ сырымъ матеріаламъ; но собиратели этого матеріала не обладаютъ еще умѣніемъ точно, ясно оцѣнить то, что они собираютъ, хотя и чувствуютъ уже важное значеніе этихъ матеріаловъ. Этотъ подготовительный періодъ накопленія матеріала идетъ до 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX столѣтія, когда мы впервые встрѣчаемся съ научной попыткой обобщенія фактовъ русской литературы. Такимъ образомъ, въ исторіи изученія русской литературы мы различаемъ два періода: періодъ накопленія матеріаловъ—періодъ безсознательный, и періодъ разработки матеріаловъ—періодъ сознательный. Первый, т.-е. безсознательный, періодъ кончается въ 20-хъ, 30-хъ годахъ XIX столѣтія, періодъ сознательный начинается съ этихъ поръ и продолжается до нашихъ дней.

Что же представлялъ собою этотъ періодъ безсознательнаго накопленія матеріаловъ? Отвѣчая на этотъ вопросъ, придется сдѣлать маленькое отступленіе для того, чтобы стало понятнымъ, какимъ образомъ шло дѣло собиранія матеріаловъ для исторіи литературы, и какими методами руководились при этомъ собираніи, другими словами: нужно напомнить нѣсколько данныхъ изъ исторіи русскаго общества, русской культуры XVIII столѣтія, потому что иначе, если мы не представимъ себѣ болѣе или менѣе отчетливо, чѣмъ былъ XVIII вѣкъ въ нашемъ культурномъ прошломъ, мы не поймемъ, какимъ образомъ появилось вдругъ стремленіе къ собиранію и изученію матеріала, а потомъ и къ изученію самого прошлаго. Напомнимъ себѣ объ этомъ въ общихъ чертахъ.

Какъ извѣстно, XVIII вѣкъ отмѣченъ въ исторіи политической жизни Россіи какъ періодъ новый, и, если не совсѣмъ новый, то во

всякомъ случаѣ такой, который закончилъ собой предшествующее развитіе: XVIII вѣкъ отмѣченъ, какъ та грань, которая отдѣлила насъ отъ древней Россіи: XVIII вѣкъ, петровское время, было временемъ окончательнаго объединенія нашего культурнаго развитія съ западной Европой. Объединеніе это было не на равныхъ условіяхъ: мы оказались учениками Запада, и Западъ принялъ насъ подъ свое покровительство. Мы сами увѣровали въ западную культуру и науку, сами же сознали себя учениками и были учениками очень старательными. XVIII вѣкъ съ его культурой явился для многихъ чѣмъ-то неожиданнымъ, и добрая половина этого вѣка проходитъ въ усвоеніи того, что намъ давалъ Западъ. Если вспомнимъ хотя бы школьныя свѣдѣнія изъ исторіи литературы XVIII вѣка, то припомнимъ, что у насъ какъ разъ въ то время появляется рядъ писателей, которые усердно открещивались отъ своего русскаго и старались поскорѣе стать европейцами, старались по возможности полнѣе поглотить европейскую литературу и по возможносоти точно придерживаться ея. Это—знаменитое «ложно-классическое» (иначе, и правильнѣе—«французское») направленіе въ литературѣ, за которымъ слѣдуетъ такъ называемое философское направленіе эпохи просвѣщенія. Кромѣ того, разница, которая бросалась въ глаза, между старымъ русскимъ бытомъ и тѣмъ, что давала западная Европа, между старымъ русскимъ человѣкомъ—бариномъ, живущимъ московско-византійскимъ бытомъ, и французскимъ «петиметромъ», эта противоположность естественно ставила вопросъ такого рода: какъ же быть со старымъ? XVIII вѣкъ рѣшалъ этотъ вопросъ просто. Человѣкъ XVIII вѣка стремился превратиться во француза, нѣмца, во что угодно, лишь бы не быть русскимъ; отсюда—презрительное отношеніе ко всему русскому, какъ къ варварскому, отношеніе къ своей старой литературѣ, какъ къ чему-то такому, что не имѣетъ права даже называться литературой. Припомнимъ Сумарокова, Ломоносова (не говоря уже о людяхъ менѣе образованныхъ), какъ они относятся къ литературѣ низшихъ классовъ, жившихъ и въ XVIII вѣкѣ еще идеями и интересами XVII-го и старшихъ вѣковъ. По ихъ понятію это—литература «подлая», т.-е. неблагородная, некультурная, недостойная людей, считающихъ себя образованными. А въ этой-то «подлой» литературѣ и нужно было вскорѣ искать нашу народность. Разумѣется, Вольтеръ, Руссо не могли намъ помочь, сказать, чѣмъ мы были, и что мы такое; разумѣется, для этой цѣли (разъ этотъ вопросъ сталъ на очереди) несомнѣнно нужно было обратиться къ прошлому, а это прошлое, какъ не культурное, какъ не нужное для современности, отрицали, и поэтому историческаго самосознанія въ этотъ періодъ XVIII в., періодъ поспѣшнаго поглощенія всего иноземнаго, мы пока не видимъ. Но

къ концу XVIII вѣка мы замѣчаемъ извѣстнаго рода поворотъ въ русскомъ обществѣ. Дѣло въ томъ, что это поспѣшное поглощеніе чужихъ элементовъ, поверхностное ихъ усвоеніе, самый характеръ западно-европейскихъ элементовъ, еще недавно чуждый намъ—все это, въ концѣ концовъ, вело, если такъ можно выразиться, къ краху, т.-е., наиболѣе сознательные люди конца XVIII в. убѣдились, что французское направленіе само по себѣ правильно, но оно къ намъ не приложимо во всей полнотѣ и въ томъ видѣ, какъ оно вносилось, что все стремленіе нашихъ писателей стать французами и нѣмцами и даже греками и римлянами не подходитъ къ условіямъ нашей жизни, имѣющей свои иныя основы въ прошломъ. Даже Державинъ, наиболѣе талантливый представитель иноземной литературной школы, убѣждается въ томъ, что ограничиться однимъ подражаніемъ Боало нельзя. Онъ пишетъ громкія оды, по всѣмъ правиламъ французской теоріи, но въ то же время уже чувствуетъ, что съ этими французскими одами на русской почвѣ, примѣнительно къ русской жизни, совершается что-то неладное, и онъ пишетъ оды «сатирическія», гдѣ невольно, безсознательно, приближается къ жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ приближается къ той «подлой» черни, отъ которой онъ теоретически открещивается. Въ концѣ концовъ, оказывается, что эта «подлая» чернь съ своимъ міросозерцаніемъ торжествуетъ: мы видимъ, что на ряду съ одами Державинъ по секрету пишетъ такъ называемую «Жизнь Званскую» (стихотв. такъ названы по Званкѣ—его помѣстью), подражаетъ народнымъ пѣснямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ тщательно прячетъ ихъ у себя въ портфель. Этотъ примѣръ ясно показываетъ, что дѣло съ «оффиціальной» литературой чисто западнаго по внѣшности типа обстояло не благополучно, и, дѣйствительно, къ концу XVIII вѣка мы замѣчаемъ уже паденіе этихъ иноземныхъ теорій, вѣры въ нихъ. Но по мѣрѣ того, какъ эти иноземныя теоріи падаютъ, по мѣрѣ этого въ русской литературѣ усиливается интересъ къ своему русскому: появляются такіе люди, какъ Чулковъ, Елагинъ, которые пробуютъ выйти на новый путь изъ тупика, куда привело литературу слѣпое увлеченіе Западомъ. Они, убѣжденные ложно-классики, говорятъ, что трагедіи нужно писать непремѣнно съ любовными интригами, съ чудовищными страстями по всѣмъ тѣмъ правиламъ, какъ это было предписано въ западной Европѣ, что комедію нужно писать, обязательно придерживаясь Аристофана, какъ образца; но вмѣстѣ съ тѣмъ, они же говорятъ, что нужно, придерживаясь опредѣленнаго выбора матеріала, съ интересомъ относиться и къ своему русскому, считаться съ русской народной дѣйствительностью (Лукинъ), и вносятъ въ литературный обиходъ новый матеріалъ, который есть не что иное, какъ отрывки изъ той устной народной и старой книжной литературы, изъ той литературы XVII и XVI вѣ-

ковъ, которой только что пренебрегали. Чулковъ издаетъ свои «Словенскія сказки», «Словарь русскихъ суевѣрій», «Пѣсенники» и друг. Въ сущности не важно, изъ сколь чистаго источника онъ беретъ этотъ матеріалъ, какъ его обрабатываетъ; важно то, что онъ приходитъ къ убѣжденію въ необходимости изученія народной физіономіи и своего прошлаго: въ этомъ есть уже начало того народнаго самосознанія, которое очень скоро должно будетъ пробудиться отчетливѣе.

И, дѣйствительно, послѣ Чулкова мы видимъ вскорѣ такихъ писателей, какъ Новиковъ. Н. И. Новиковъ былъ первоначально издателемъ сатирическихъ журналовъ, представителемъ этики и эстетики въ литературѣ, но самая его этика будетъ уже нѣсколько иная, чѣмъ этика его предшественниковъ. Онъ уже не только нападаетъ на галломанію своихъ современниковъ, но идетъ уже дальше: этой поверхностной, растлѣвающей нравы галломаніи онъ уже противополагаетъ старый русскій быть, какъ не испорченный, не извращенный этими чужими и чуждыми вліяніями. Появленіе этого направленія, на первое время своеобразнаго «стародумства», было уже знаменательно. Разъ мы уже не отрицаемъ, не насмѣхаемся, не открещиваемся отъ стараго быта, то ясное дѣло, мы обязаны его знать, изучать. Слѣдующіе шаги Новикова, поэтому, будутъ понятны: онъ собираетъ русскія пѣсни, издаетъ вновь собраніе пѣсенъ Чулкова, и эти пѣсни уже не трактуются, какъ пѣсни «подлыхъ» людей, а какъ любопытный, интересный остатокъ пережитаго, добраго времени, времени отцовъ и дѣдовъ, остатокъ, который сохраненъ бережно среди меньшей братіи, оставшихся русскими низшихъ слоевъ общества. Другое направленіе, которое затѣмъ выясняется у Новикова, совершенно органически связанное съ предшествующимъ, идетъ еще дальше: оно указываетъ на необходимость гуманнаго отношенія къ этому простому народу, сберегшему народность, но темному, обездоленному: это—то время, когда Новиковъ уходитъ въ масонство, это—періодъ его просвѣтительной дѣятельности въ Москвѣ, когда онъ здѣсь образовалъ «Дружеское общество» и началъ распространять свои гуманныя идеи путемъ печати, ставши во главѣ т. н. «Типографической Компаніи». Здѣсь народное, старое уже часто идеализируется. Такимъ образомъ, мы видимъ расширеніе интересовъ литературы, если не въ смыслѣ углубленія національнаго самосознанія, то въ смыслѣ обращенія къ источникамъ самосознанія. Новиковъ дѣлаетъ, наконецъ, и слѣдующій шагъ, который и заставилъ насъ остановиться на немъ нѣсколько дольше: онъ предпринимаетъ многотомную «Древнюю россійскую Вивліоѳику». Этимъ сборникомъ Новиковъ рѣшилъ ознакомить русскихъ читателей съ ихъ прошлымъ уже по непосредственнымъ, подлиннымъ документамъ. Тамъ видимъ отрывки изъ лѣтописей, житія, историческія сказанія, пу-

тешествія, описанія отдѣльныхъ обычаевъ, свадебъ, царскихъ выходовъ и такъ далѣе. Это изданіе показываетъ, что Новиковъ, идя такимъ путемъ, пришелъ къ сознанію необходимости непосредственнаго изученія русскаго прошлаго, такъ какъ это русское прошлое для него тѣсно связано съ потребностями его времени, съ русскимъ народомъ, т.-е., говоря проще: Новиковъ впервые увидѣлъ народность въ русскомъ прошломъ и поставилъ вопросъ о томъ, что́ же мы представляемъ собою теперь и что́ мы представляли собою въ прошломъ? А это и есть первый сознательный шагъ къ самоопредѣленію. Но Новиковъ, какъ видимъ, только собиралъ пока матеріалъ, а изслѣдователемъ еще не былъ. Этотъ взглядъ на прошлое въ Новиковѣ уже укрѣпился, и онъ издаетъ еще одинъ подобный трудъ—опытъ историческаго «Словаря о россійскихъ писателяхъ». Это сочиненіе было направлено главнымъ образомъ къ тому, чтобы дать возможность обозрѣть матеріалъ, который необходимъ для знакомства съ русской литературой прежняго времени. Этотъ списокъ писателей—чрезвычайно характерный для сужденія о развитіи историческаго самосознанія въ концѣ XVIII в.: онъ содержитъ въ себѣ біографіи и перечни сочиненій писателей, но не стараго времени, а преимущественно XVIII столѣтія, начиная съ петровскаго времени. Это показываетъ, что идея Новикова уже значительно расширилась: необходимость оглянуться назадъ, дать себѣ отчетъ въ прошломъ въ смыслѣ самосознанія онъ видитъ не только въ отдаленномъ прошломъ, но и въ современномъ почти, въ окружающемъ: для него и XVIII вѣкъ, какъ одинъ изъ элементовъ этого самосознанія, уже входитъ въ его представленіе. Такимъ образомъ, приблизительно съ конца XVIII вѣка было положено начало собиранію матеріаловъ, относящихся къ русскому прошлому, въ частности по русской литературѣ, т.-е., было положено начало изученію русской литературы. Послѣдующее время внесло еще много новаго.

Примѣръ Новикова показывалъ, что въ русскомъ обществѣ уже пробудилось самосознаніе, потребность оглянуться назадъ, потребность изучать свое прошлое. Правда, Новиковъ это изученіе нѣсколько идеализировалъ, придавая ему патріотическо-тенденціозную окраску: оно для него было противовѣсомъ теперешнему галломаніи. Спеціальнаго объективно-научнаго изученія русскаго прошлаго пока еще нѣтъ. Продолжается этотъ періодъ, который начался съ Новикова, періодъ собиранія матеріаловъ, и въ началѣ XIX в. И, дѣйствительно, если Новиковъ собиралъ матеріалы и печаталъ то, что ему казалось нужнымъ, то въ русской средѣ наиболѣе интеллигентныхъ людей появился цѣлый рядъ такъ называемыхъ собирателей, которые сами не разрабатываютъ эти матеріалы, но уже представляютъ себѣ ихъ цѣнность въ будущемъ. Это преимущественно русскіе аристократы, люди состоятель-

ные, которые собираютъ русскую старину, собираютъ русскіе «куріозы». Они собираютъ и старыя картины, и старыя иконы; и старую утварь, и старыя рукописи потому, что это—мода, но эта мода дурного въ себѣ не заключала. Одни собирали только «куріозы», другіе же шли при этомъ и дальше, постепенно отъ собиранія этихъ «куріозовъ» переходя къ ихъ изученію, къ желанію вскрыть ихъ смыслъ. Такимъ образомъ начиналось болѣе или менѣе научное отношеніе къ старинѣ близкой и далекой. Если графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ и друг. собирали монеты, рукописи, утварь, какъ антиквары-любители, то ближайшій преемникъ ихъ въ этомъ отношеніи графъ Н. П. Румянцовъ, уже положилъ начало цѣлому періоду въ изученіи русскаго прошлаго, въ частности въ исторіи русской литературы. Онъ создалъ научное изученіе матеріаловъ, положилъ начало первому научному изученію въ области прошлаго литературы. Онъ же подготовилъ и первую школу историковъ русской литературы.

За небольшими исключеніями дѣло собиранія матеріаловъ для исторіи русской литературы, преимущественно древней, продолжалось до 20-хъ годовъ XIX столѣтія, нося характеръ антикварный, въ большинствѣ случаевъ случайный, безсистемный. Съ этого же времени мы видимъ уже нѣкоторое измѣненіе: начинается уже собираніе матеріаловъ съ научной цѣлью, систематическое, а не только случайное, любительское; уже наблюдаются первыя попытки послѣдовательнаго изученія этого матеріала. Въ это время начинаютъ уже собирать матеріалъ съ тѣмъ, чтобы по нему ознакомиться научно съ древне-русской исторіей, съ древне-русской литературой. Эти матеріалы теперь пробуютъ издавать научно, и на дѣлѣ печатаютъ. Такъ какъ это была первая попытка въ этой области, то первымъ такимъ собирателямъ приходится, изучая предметъ, изучая матеріалы, вмѣстѣ съ тѣмъ учиться самимъ, вырабатывать методы, научные пріемы.

Эпоха Румянцова. Во главѣ этого новаго движенія по изученію и изданію матеріаловъ русской литературы и сталъ извѣстный покровитель просвѣщенія, графъ Н. П. Румянцовъ, основатель Румянцовскаго музея. Румянцовъ занимаетъ высокое положеніе въ русскомъ обществѣ, въ русской бюрократіи: онъ—канцлеръ, представитель министерства иностранныхъ дѣлъ и въ то же время одинъ изъ вліятельнѣйшихъ вельможъ въ Россіи, человѣкъ, обладающій громадными средствами, унаслѣдованными отъ знаменитаго Румянцова-Задунайскаго, екатерининскаго полководца. Эти-то средства онъ тратитъ на изученіе древне-русской литературы и древне-русской исторіи. Пользуясь своимъ положеніемъ канцлера, онъ ведетъ оживленныя сношенія съ заграничными учеными, черезъ нихъ достаетъ заграничные матеріалы,

которые ему интересны для его цѣлей; такъ, напримѣръ, онъ заводитъ сношенія съ Римской куріей, съ Ватиканомъ, ему открывается доступъ въ папскую библіотеку, гдѣ онъ достаетъ матеріалы по русской исторіи. Но Румянцовъ этимъ не ограничивается: на свои средства онъ снаряжаетъ внутри Россіи рядъ археографическихъ экспедицій, съ большими, широкими полномочіями, приглашаетъ къ себѣ на службу способныхъ и интересующихся стариной людей, вырабатываетъ съ ними планъ дѣйствій; и они путешествуютъ по Россіи, разыскивая рукописи и другіе документы, которые, по большей части, хранились въ разныхъ монастыряхъ, въ монастырскихъ подвалахъ, архивахъ и т. д. Нѣкоторые изъ этихъ матеріаловъ Румянцовъ покупаетъ; чего нельзя было пріобрѣсти, то члены его экспедиціи списываютъ на мѣстахъ, дѣлаютъ выборки и выписки изъ этихъ документовъ, потомъ все это привозится въ Петербургъ въ библіотеку графа, отчасти въ Москву, и сдается въ Архивъ иностранныхъ дѣлъ. Эти документы здѣсь сортируются и подготовляются къ изданію.

Конечно, для того, чтобы выполнить это громадное дѣло мало было инициативы только самого Румянцова, тѣмъ болѣе, что Румянцовъ не былъ человѣкомъ, спеціально подготовленнымъ для подобнаго рода дѣятельности, т.-е., къ занятію старыми рукописями, старыми текстами, сверхъ того имѣлъ и служебныя дѣла. Тогда такихъ подготовленныхъ людей среди знати вообще было мало. И самъ Румянцовъ получилъ типичное западно-европейское образованіе и только впослѣдствіи, какъ любитель, понявшій потребность времени, обратился къ изученію русской старины; но въ данномъ случаѣ важно то, что Румянцовъ обладалъ большимъ умѣньемъ находить подходящихъ людей, не говоря уже о томъ, онъ обладалъ неослабной энергіей и громадными матеріальными средствами; поэтому, вокругъ Румянцова, благодаря его подбору, группируется рядъ сотрудниковъ, которые осуществляютъ энергично то, что находилъ нужнымъ сдѣлать Румянцовъ; они исполняютъ его планы; но онъ даетъ имъ полную свободу въ выполненіи работы, какъ они сами находятъ нужнымъ это дѣлать, полагаясь на ихъ способности, уваженіе къ наукѣ. Такимъ образомъ, около Румянцова образуется нѣчто въ родѣ ученой академіи, которая ставитъ своей спеціальной цѣлью изученіе и изданіе старыхъ памятниковъ, касающихся прошлаго Россіи. Это прошлое для кружка Румянцова не ограничивается лишь древнѣйшимъ временемъ: собиратели старины не пренебрегаютъ и памятниками XVII и XVIII вѣка, какъ это видно изъ состава Румянцовской библіотеки.

Говоря о старшихъ румянцовскихъ сотрудникахъ, которые положили начало научному изученію древне-русской литературы, конечно,

всѣхъ ихъ перечислять нѣтъ надобности въ общемъ очеркѣ; достаточно назвать изъ нихъ только тѣхъ, съ которыми намъ придется особенно часто имѣть дѣло впослѣдствіи, и труды которыхъ для насъ, изучающихъ исторію литературы, не утратили до сихъ поръ своего значенія. На первомъ мѣстѣ нужно поставить Евгенія Болховитинова, который былъ сначала преподавателемъ въ Воронежской семинаріи, затѣмъ архіереемъ послѣдовательно въ Новгородѣ, Вологдѣ, Калугѣ, наконецъ, митрополитомъ въ Кіевѣ. По возрасту онъ былъ представителемъ предыдущаго поколѣнія, но не тѣхъ собирателей «куріозовъ», какимъ, напримѣръ, былъ Мусинъ-Пушкинъ и другіе, а уже серьезнымъ изслѣдователемъ. Положеніе его, какъ изслѣдователя древнихъ памятниковъ, было очень благопріятное: онъ былъ въ Новгородѣ, въ одномъ изъ старыхъ русскихъ городовъ, гдѣ сосредоточены были издавна и до настоящаго времени отчасти уцѣлѣли богатые матеріалы для изученія прошлаго, въ видѣ древнихъ церквей съ богатыми ризницами, собраніями при нихъ и въ монастыряхъ рукописныхъ библіотекъ. Вся та старина, которая лежала въ этихъ монастыряхъ, и съ которой мѣстные жители, духовенство обращались съ пренебреженіемъ, обратила на себя его вниманіе, и онъ занялся ея разборомъ. Конечно, при извѣстномъ желаніи и интересѣ къ дѣлу, можно было найти много, а у Евгенія было и то и другое. Мы и видимъ, что Евгеній занимается такъ же, какъ и любой румянцовскій «археографъ», описаніемъ, приведеніемъ въ извѣстность этихъ матеріаловъ. То же самое онъ продолжаетъ, когда переходитъ въ другой крупный историческій центръ—въ Кіевъ. Результатомъ этого собиранія является рядъ его работъ, чисто историко-литературныхъ и историческихъ; такъ, онъ пишетъ «Историческіе разговоры о древностяхъ Новгорода», основываясь на документахъ, которые ему удалось найти здѣсь же, привлекая, конечно, и другіе матеріалы; пишетъ исторію стараго Кіева, пишетъ отдѣльныя историческія монографіи, ведетъ ученую переписку съ Румянцовымъ. На ряду съ этимъ онъ работаетъ въ томъ направленіи, которое раньше характеризовалось дѣятельностью Новикова. Онъ собираетъ матеріалы для исторіи русской литературы и издаетъ сначала «Словарь русскихъ писателей духовнаго чина», имѣя въ виду то, что русская литература въ древнее время культивировалась главнымъ образомъ лицами духовнаго званія. Матеріалъ оказывается на столько великъ (онъ извлекается не только изъ печатныхъ матеріаловъ, накопившихся къ первымъ десятилѣтіямъ XIX в., но и изъ цѣлаго ряда рукописей, которыя впервые стали доступны Евгенію), что получается уже солидный двухтомный словарь, вмѣсто небольшой книжечки Новикова, притомъ обнимающей и свѣтскую и духовную литературу. Объ этихъ писа-

теляхъ и Евгеніемъ также даются краткія свѣдѣнія, т.-е., приводятся біографія ихъ и перечень ихъ трудовъ, а также указывается, что изъ этихъ трудовъ издано, и что подлежитъ изданію, гдѣ найти не изданные ихъ труды; затѣмъ, если встрѣчаются спорные вопросы о дѣятельности писателя, излагаются и самые эти вопросы въ освѣщеніи составителя. Такимъ образомъ, этотъ «Словарь духовныхъ писателей» имѣетъ значеніе не только справочной книги: онъ является отправной точкой для изслѣдователей послѣдующаго времени во многихъ случаяхъ. Для нашего времени «Словарь» Евгенія уже значительно утерялъ свое руководящее значеніе, замѣнясь иными, болѣе богатыми; но все-таки довольно часто и до сихъ поръ къ нему приходится изслѣдователю обращаться за справками, и, какъ основанный на первоисточникахъ, до сихъ поръ онъ остается во многихъ случаяхъ не замѣнимымъ; безъ него часто нельзя обойтись, особенно изучающимъ древне-русскую литературу. Параллельно съ этимъ словаремъ Евгеній составляетъ и другой словарь (который послѣ его смерти былъ изданъ Погодинымъ). Это—такой же словарь, но писателей свѣтскихъ, два тома; построенъ по такому же плану и доходитъ въ хронологическомъ отношеніи до конца второй половины XVIII столѣтія. Такимъ образомъ, митрополитъ Евгеній дѣлаетъ уже серьезную библіографическую попытку уяснить, что такое представляетъ собою древне-русская литература. Конечно, такой пріемъ точнаго представленія о ходѣ развитія литературы дать не могъ, такъ какъ онъ содержитъ въ себѣ преимущественно матеріалъ, часто впервые найденный собирателемъ, и лишь отчасти разработку его; но когда эти словари были закончены, мы получили возможность, хотя въ крупнѣйшихъ внѣшнихъ чертахъ, представить себѣ, чѣмъ была русская литература древняя, и чѣмъ была русская литература въ средній періодъ, т.-е. до начала XVIII вѣка; и тогда оказалось, что эта литература по объему гораздо значительнѣе, по составу гораздо сложнѣе и разнообразнѣе, нежели о ней думали современники Евгенія, представлявшіе нашу древнюю литературу лишь какъ церковно-духовную почти безъ исключеній, какъ наивную, преимущественно переводную, не оригинальную. Въ числѣ писателей оказались такіе, о которыхъ до сихъ поръ не знали ничего, дѣятельность ихъ была на столько разнообразна, что представлять себѣ русскую литературу, какъ сплошную церковную, стало теперь едва ли возможно. Оказалось, что, вопреки установившемуся мнѣнію о какомъ-то русскомъ застоѣ въ жизни, о застоѣ въ древне-русской литературѣ говорить нельзя. Указываютъ обыкновенно на то, что русская литература не самостоятельна, что она не имѣетъ подъ собой своей собственной почвы, что она занималась только усвоеніемъ, перенесеніемъ къ себѣ результатовъ

чужихъ трудовъ, главнымъ образомъ, греко-византійскихъ, затѣмъ западно-европейскихъ, средневѣковыхъ; правда, по нашему современному представленію, въ древнѣйшей русской литературѣ преобладаетъ элементъ заимствованія и подражанія, но опять-таки нельзя не замѣтить, что уже въ древнѣйшей періодъ русской литературы мы имѣли и оригинальныя, не заимствованныя произведенія, видимъ самодѣятельность, представленную рядомъ писателей, талантливыхъ притомъ, которые и нашли себѣ мѣсто въ «Словарѣ» Евгенія. Такимъ образомъ, трудъ перваго же изъ румянцовскихъ сотрудниковъ, Евгенія, показалъ, что литература еще долго должна быть изучаема, и что она, дѣйствительно, представляетъ предметъ достойный изученія и предметъ довольно сложный. Впервые, со времени трудовъ Евгенія, хотя и не въ полномъ объемѣ, передъ нами предстала древне-русская литература, какъ крупная страница культурнаго прошлаго.

Но Евгеній является не непосредственнымъ сотрудникомъ Румянцова, не членомъ той «археографической» школы, которая работала подъ руководствомъ и на средства Румянцова, а только ставшимъ близкимъ къ нему человѣкомъ, какъ шедшій по той же дорогѣ интереса къ прошлому. Сохранилась очень любопытная переписка между нимъ и Румянцовымъ, которая въ настоящее время напечатана [1]) и даетъ обильный матеріалъ для изслѣдователя древней литературы, весьма поучительна, такъ какъ показываетъ наглядно тотъ путь, какимъ шла русская наука въ выработкѣ методовъ, въ постепенномъ завоеваніи новыхъ и новыхъ данныхъ.

Рядомъ съ Евгеніемъ работаютъ уже настоящіе археографы школы Румянцова. Изъ нихъ на первомъ мѣстѣ нужно назвать А. Х. Востокова. Нѣмецъ по происхожденію, фонъ-Остенекъ, онъ превратился въ А. Х. Востокова, сперва былъ поэтомъ средней руки, переводчикомъ, но вскорѣ былъ замѣченъ Румянцовымъ, который приблизилъ его къ себѣ, пристроилъ къ своей библіотекѣ, заставилъ изучать собранныя въ ней рукописи, и Востоковъ вышелъ на новый путь. О немъ мы теперь имѣемъ представленіе, какъ объ одномъ изъ старѣйшихъ и крупнѣйшихъ представителей славянскаго языковѣдѣнія, видномъ изслѣдователѣ славянорусской письменности. Въ высшей степени поучительно прослѣдить тотъ путь, какой прошелъ Востоковъ. Какъ видно изъ сказаннаго выше, онъ совершенно не готовился къ этой дѣятельности, а между тѣмъ теперь, имѣя подъ руками богатый матеріалъ, собранный и обработанный Востоковымъ, мы располагаемъ большими научными богатствами. Востоковъ, какъ чиновникъ Румянцова, получившій порученіе изучать и описывать этотъ матеріалъ, пытливый Востоковъ

---

[1]) Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей россійскихъ, 1882 г., кн. I.

самъ начинаетъ учиться на этомъ матеріалѣ по мѣрѣ того, какъ онъ его описываетъ. Описаніе рукописнаго собранія Румянцовскаго музея вышло въ 1842 году: это—громадный томъ въ четверку, гдѣ даны подробныя свѣдѣнія о четырехстахъ слишкомъ рукописяхъ собранія графа Румянцова (теперь Румянцовскаго музея въ Москвѣ) Этотъ томъ былъ плодомъ работы Востокова цѣлыхъ 18 лѣтъ. Разумѣется, эти 18 лѣтъ не ушли исключительно на то, чтобы написать только каталогъ рукописей, собранныхъ Румянцовымъ. Несомнѣнно, что въ теченіе этихъ 18 лѣтъ Востоковъ многому и многому въ этихъ рукописяхъ научился. Дѣйствительно, результаты этого изученія передъ нами. Описаніе востоковское рукописей считается не только образцовымъ трудомъ библіографическимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ является одной изъ лучшихъ ученыхъ книгъ для историка литературы, именно: Востоковъ уже примѣнялъ къ описанію этихъ рукописей всѣ тѣ научные методы, которые и въ настоящее время считаются обязательными при изученіи литературныхъ памятниковъ стараго времени. Такимъ образомъ, въ книгѣ Востокова мы получили руководство для изученія или, лучше сказать, своего рода методологію для изученія, обращенія съ памятниками древней литературы. Подробно на этомъ трудѣ Востокова останавливаться нѣтъ надобности, достаточно указать только одно: въ 50-хъ годахъ книга Востокова, вмѣстѣ съ другими мелкими его работами по описанію рукописей, подверглась переработкѣ, сокращенію со стороны извѣстнаго ученаго историка литературы А. Н. Пыпина: Пыпинъ извлекъ изъ трудовъ Востокова тѣ теоретическія положенія, тѣ взгляды и пріемы, которые были впервые у насъ примѣнены Востоковымъ въ его описаніяхъ рукописей, и получился превосходный учебникъ, съ одной стороны, палеографіи (т.-е. ученія о древней письменности), съ другой стороны, получился образцовый учебникъ библіографическаго характера.

Но этимъ трудомъ Востоковъ не ограничился: онъ издалъ древнѣйшій памятникъ русской письменности, именно, знаменитое Остромирово евангеліе, которое написано въ 1055—56 году (для посадника Остромира, по всей вѣроятности, въ Кіевѣ) и представляетъ древнѣйшій старо-славянскій текстъ евангелія, исполненный русскимъ писцомъ, который старался внимательно копировать свой оригиналъ восточно-болгарскаго происхожденія. Несомнѣнно, что уже въ XI столѣтіи была разница между русскимъ и болгарскимъ языками, особенно въ фонетикѣ. Отдѣльныя начертанія и ихъ группы (напр., **ѫ, ѧ, трь, тлъ** и т. п.) произносились иначе на болгарскомъ, нежели на русскомъ языкѣ. Такимъ образомъ, Востоковъ, взявшись за изданіе Остромирова евангелія, долженъ былъ имѣть дѣло не только съ рус-

скимъ языкомъ, но и съ языкомъ болгарскимъ или, правильнѣе, старославянскимъ. Результатомъ этого и было научное изданіе Остромирова евангелія, текста XI вѣка. Востоковъ издалъ его не только буква въ букву, но и приложилъ греческій текстъ для того, чтобы видѣть, какъ переводили этотъ текстъ св. Кириллъ и Меѳодій. Затѣмъ онъ далъ полный словарь къ евангелію, указалъ такимъ образомъ на составъ лексическаго строя славянскаго языка сравнительно съ русскимъ; затѣмъ онъ далъ первую научную грамматику старославянскаго языка, представленнаго въ древнѣйшихъ тогда извѣстныхъ памятникахъ XI вѣка славянской письменности, при чемъ ему впервые пришлось столкнуться съ вопросомъ: въ какомъ отношеніи находится старо-славянскій языкъ, на которомъ написано Остромирово евангеліе, къ языку того писца, который переписывалъ это евангеліе. Слѣдовательно, ему пришлось дать начатки изученія старо-славянскаго языка. Востоковъ, въ силу этихъ обстоятельствъ, долженъ былъ положить начало и исторической грамматикѣ русскаго языка. Кромѣ того, какъ опытный человѣкъ въ обращеніи съ рукописями, онъ даетъ и образцовое палеографическое описаніе рукописи.

Но этимъ дѣло не ограничилось въ дѣлѣ работы по Остромирову евангелію. Востоковъ желалъ опредѣлить мѣсто и время Остромирова евангелія въ ряду другихъ памятниковъ на другихъ языкахъ, поэтому долженъ былъ придти къ мысли о соотношеніи между славянскимъ и русскимъ языками. Иначе сказать: Востоковъ дѣлаетъ то, что одновременно съ нимъ на Западѣ дѣлаютъ славянскіе ученые— Добровскій, Капитаръ, Шафарикъ. Онъ старается разработать старославянскую грамматику на почвѣ изученія старо-славянскаго языка, пользуется уже сравнительнымъ методомъ. Образчикъ перваго примѣненія этого сравнительнаго метода у Востокова оказался чрезвычайно удачнымъ въ его «Разсужденіи о славянскомъ языкѣ». Онъ привелъ его къ одному изъ крупнѣйшихъ открытій въ области старо-славянскаго языка. Извѣстно, что въ Остромировѣ евангеліи встрѣчаются особыя начертанія, позднѣе уже исчезающія въ русскихъ и сербскихъ рукописяхъ, такъ называемые юсы [ихъ два: большой — **ѫ (ѭ),** и малый — **ѧ (ѩ)**]. Западно-европейскіе слависты: Добровскій, Капитаръ и другіе, долго задумывались надъ тѣмъ, какіе звуки означаютъ эти начертанія. Обращались обыкновенно къ русскому языку, въ которомъ одно начертаніе—произносилось, какъ «я» или «а» (напримѣръ: жатва, въ древне-русскомъ: жятва—ст.-сл. жѧтва, мѧсо—мясо) другое—ѫ, какъ „у“ — „ю“ (дѫбъ — дубъ; творѭ — творю). Востоковъ, изучая въ связи съ Остромировымъ евангеліемъ (гдѣ есть оба юса) сравнительную фонетику старо-славянскаго языка, пришелъ къ выводу,

что когда-то эти звуки имѣли иное значеніе, иное произношеніе, нежели въ русскомъ, гдѣ они при наличности начертаній *у*, *ю*, *я*, *а* являются какъ бы лишними. Путемъ сопоставленія, путемъ параллельнаго изученія русскаго и старо-славянскаго языковъ съ языкомъ польскимъ и другими, Востоковъ приходитъ къ выходу, что эти начертанія въ русскомъ языкѣ дѣйствительно произносятся, какъ «а» и «я» или какъ «у» и «ю», а въ старо-славянскомъ языкѣ они имѣли носовое произношеніе — on, en, подобно польскимъ ą и ę (хотя и въ иномъ соотвѣтствіи между собою). Это было несомнѣнно большое открытіе, потому что значительно измѣняло наше представленіе о фонетикѣ славянскихъ языковъ, ея исторіи, взаимномъ отношеніи славянскихъ языковъ между собой и къ другимъ родственнымъ. Востоковъ въ то же время, въ связи съ изслѣдованіемъ судебъ старо-славянскаго языка, поставилъ чрезвычайно важный вопросъ о происхожденіи, родинѣ старо-славянскаго языка. Какъ извѣстно, древнѣйшіе наши памятники идутъ отъ оригиналовъ на славянскомъ языкѣ, теперь уже не существующемъ въ видѣ живого языка. Спрашивается: какому народу принадлежалъ тотъ языкъ, на которомъ писалось по старо-славянски? Востоковъ высказалъ взглядъ, который долгое время оспаривался, но въ наше время опять восторжествовалъ: онъ указалъ, что старо-славянскій языкъ есть одно изъ нарѣчій старо-болгарскаго языка. До него и послѣ него одни считали этотъ языкъ сербскимъ, другіе—словенскимъ. Теперь новѣйшія изслѣдованія науки подтвердили эти выводы Востокова. Такимъ образомъ видно, что Востоковъ, работая съ Румянцовымъ, ставилъ себѣ самые крупные общіе вопросы, которые необходимы для правильнаго научнаго изученія исторіи русской литературы, исторіи языка, и удачно ихъ велъ къ рѣшенію.

Но на этомъ не кончилась дѣятельность Востокова. Послѣдній крупный трудъ Востокова — «Церковно-славянскій словарь» (1861 г.). Если мы теперь, имѣя нѣкоторую подготовку въ исторіи старо-славянскаго языка и древне-русскаго, возьмемъ какой-нибудь текстъ этого древняго языка и захотимъ его изучать, мы все же встрѣтимъ цѣлый рядъ затрудненій, найдя въ такомъ текстѣ непонятныя слова, малопонятныя. Это указываетъ на то, какъ старорусскій языкъ и языкъ старо-славянскій, церковно-славянскій, бывшій въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ нашимъ литературнымъ языкомъ, отошелъ далеко отъ нашего живого современнаго языка. Такія затрудненія испытываемъ мы, люди, получающіе въ школахъ извѣстныя указанія, какъ обращаться съ этимъ языкомъ, мы, которые имѣемъ постоянно дѣло съ славянскимъ текстомъ въ церкви. Но, конечно, еще труднѣе было справиться со старымъ текстомъ образованнымъ людямъ,

которые въ началѣ XIX вѣка получали воспитаніе, слишкомъ отличное отъ нашего. Это были люди, часто знавшіе французскій языкъ лучше, нежели русскій, и, конечно, не знавшіе вовсе языка стараго, люди, которые привыкли даже думать по-французски, для которыхъ старая Россія была чѣмъ-то чужимъ. Современная или даже старая Европа для этихъ людей была ближе, чѣмъ старая Россія, и, конечно, для нихъ изученіе древней русской литературы было много труднѣе, нежели намъ. Однимъ изъ существенныхъ затрудненій при этомъ является именно точное пониманіе того языка, на которомъ были написаны древніе памятники русской литературы: необходимъ былъ словарь. Такой словарь и является въ свѣтъ на основаніи изданныхъ и неизданныхъ памятниковъ, научно изслѣдованныхъ въ связи съ исторіей языка: имъ былъ «Словарь» Востокова. Въ этомъ словарѣ Востокова, какъ во всякомъ словарѣ, дается объясненіе тѣхъ или другихъ формъ, тѣхъ или другихъ словъ, дается переводъ на языкъ латинскій, греческій и русскій. Это—обычный планъ словаря; но, кромѣ того, Востоковъ указываетъ тѣ памятники, въ которыхъ эти слова встрѣчаются. Такимъ образомъ онъ даетъ слова и оправдательные документы, на основаніи которыхъ онъ установилъ то или другое значеніе даннаго слова. Пріемъ—уже чисто научный, который до нашего времени остается въ силѣ. Значеніе словаря Востокова очень ясно. Кромѣ этого словаря, есть словарь вѣнскаго ученаго Миклошича, изданный въ 60-хъ годахъ (немного позднѣе Востоковскаго), затѣмъ есть словарь древне-русскаго языка Срезневскаго (недавно только законченный): оба эти словаря стоятъ въ зависимости отъ «Словаря» Востокова, положившаго, такимъ образомъ, начало научныхъ словарей славянскаго и русскаго языковъ. «Словарь» Востокова и до сихъ поръ является чуть не настольной книгой словесника. Такимъ образомъ отъ Востокова осталась цѣлая серія работъ, которыя до сихъ поръ являются фундаментальными, образцовыми.

Несомнѣнно, Востоковъ былъ крупнѣйшимъ представителемъ школы Румянцова и, кромѣ того, крупнѣйшимъ представителемъ начальной эпохи научнаго изученія русской литературы. Но нельзя отрицать заслугъ и другихъ товарищей Востокова, сотрудниковъ Румянцова. Изъ числа ихъ нужно вспомнить, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ. На первомъ мѣстѣ изъ этой «меньшей братіи» нужно назвать К. Ф. Калайдовича. Онъ въ значительной степени ученикъ Востокова, началъ свою работу въ Румянцовской библіотекѣ уже тогда, когда Востоковъ довольно опредѣленно выходилъ на свой путь. Поэтому естественно, что Калайдовичъ отразилъ на себѣ пріемы Востокова и при помощи этихъ пріемовъ велъ разработку памятниковъ древней литературы. Кромѣ

того, Калайдовичъ былъ однимъ изъ тѣхъ лицъ, которыя ѣздили въ археографической экспедиціи по порученію Румянцова. Изъ Калайдовича выработался образцовый типичный изслѣдователь литературы и, пожалуй, даже скорѣе, типичный научный издатель памятниковъ древней литературы и вмѣстѣ съ тѣмъ, если можно такъ выразиться, типичный для того времени «открыватель» новыхъ памятниковъ (что̀ понятно для того времени, когда дѣло разработки матеріаловъ только начиналось). Съ именемъ Калайдовича мы неразрывно связываемъ рядъ изданій, которыя были произведены на средства Румянцова. Всѣ эти изданія отличаются роскошью, не только по внѣшности, но и по широтѣ замысла. Изданія эти до настоящаго времени въ значительной степени сохраняютъ свою цѣнность. Одною изъ первыхъ работъ Калайдовича было изданіе «Древне-россійскихъ стихотвореній Кирши Данилова» (1818). Кирша Даниловъ былъ и раньше извѣстенъ русскимъ ученымъ, русскимъ любителямъ народной поэзіи, но при иныхъ обстоятельствахъ. Приблизительно въ половинѣ XVIII вѣка одинъ изъ Демидовыхъ, извѣстныхъ промышленниковъ на востокѣ Россіи и богачей, составилъ сборникъ старыхъ русскихъ простонародныхъ пѣсенъ, того, что мы теперь называемъ «старинами», «былинами», «духовными стихами»; рукопись съ нотами, подъ которыми записаны эти пѣсни. Вещь «куріозная»—въ глазахъ любителя XVIII вѣка и начала XIX-го: эти пѣсни принадлежали народной массѣ, къ которой свысока относились люди XVIII вѣка; это былъ записанный образчикъ «подлой» литературы. Тогда же этотъ сборникъ сталъ извѣстенъ императрицѣ Екатеринѣ, но его не оцѣнили; позднѣе онъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Одинъ изъ владѣльцевъ этого сборника, именно московскій почтъ-директоръ Ключаревъ, рѣшился доставить удовольствіе публикѣ, издавши этотъ «куріозный» памятникъ, тѣмъ болѣе, что на это теперь, въ началѣ XIX вѣка, была мода. Онъ поручаетъ одному изъ своихъ чиновниковъ Якубовичу приготовить этотъ сборникъ къ изданію; они вмѣстѣ выбрали изъ него то, что было прилично, по ихъ мнѣнію, для публики, не оскорбляло ея вкуса. Въ предисловіи они указываютъ, что рѣшаются издать такого рода стихотворенія, находя въ нихъ наивную поэзію нашихъ поселянъ (которыми, правда, съ идиллической точки зрѣнія уже начинаютъ свысока, снисходительно интересоваться образованные люди). Но при такой точкѣ зрѣнія, при боязни оскорбить такъ или иначе слухъ читателей, конечно, выборъ былъ чрезвычайно осторожный и своеобразный съ научной точки зрѣнія. Прибѣгали даже къ замѣнѣ въ текстѣ иными тѣхъ словъ, которыя казались грубыми для читателей и т. д. Румянцовъ смотритъ на дѣло уже иначе: это для него—старина, старина, достойная изученія. Зная

неполноту изданія Якубовича (1804 г.), онъ пріобрѣтаетъ эту рукопись и поручаетъ Калайдовичу издать. Но издать ее въ цѣломъ видѣ оказалось все-таки невозможнымъ, потому что многія стихотворенія въ сборникѣ Кирши по содержанію таковы, что появиться въ свѣтъ они никогда не смогутъ; а при тогдашнихъ условіяхъ цензуры и взглядахъ, еще не отрѣшившихся вполнѣ отъ стараго воззрѣнія, многое, что мы считаемъ возможнымъ, печатать было не удобно: пришлось дѣлать опять выпуски; по требованію духовной цензуры пришлось, напр., выпустить нѣкоторые духовные стихи, напр., «Голубиную книгу», не говоря уже о многихъ циническихъ стихотвореніяхъ. Но все же это изданіе впервые установило научную точку зрѣнія на наши былины, а именно ту точку зрѣнія, что это пѣсни историческія по своему происхожденію, устно-народныя, и что онѣ представляютъ своеобразный цѣнный матеріалъ для историка, что въ устной народной пѣснѣ, въ народномъ эпосѣ сохранились такія преданія, которыя не сохранились въ рукописной лѣтописи. Это было совершенно новое воззрѣніе на народную поэзію. На этой точкѣ зрѣнія стоятъ въ значительной степени и современные изслѣдователи русской народной поэзіи. Все это было высказано Калайдовичемъ въ предисловіи къ изданію.

Затѣмъ, Калайдовичу принадлежитъ цѣлый рядъ другихъ изданій: «Памятники россійской словесности XII вѣка», т.-е., уже прямо сборникъ литературныхъ произведеній опредѣленнаго и притомъ древняго времени. Сюда вошли: сочиненія Кирилла Туровскаго, Даніила Заточника, рядъ каноническихъ памятниковъ; все это въ большинствѣ случаевъ было ученой новостью. Наконецъ, послѣдній трудъ Калайдовича, который можно упомянуть, это—«Іоаннъ, экзархъ болгарскій», совершенно до тѣхъ поръ неизвѣстный. Калайдовичъ установилъ, что это былъ крупный писатель болгарскій X вѣка, жившій въ блестящую эпоху болгарской литературы при царѣ Симеонѣ, далъ подробный обзоръ его сочиненій и переводовъ, нѣкоторыя его произведенія напечаталъ. Это было важное открытіе, потому что оно не только представляло біографію крупнаго писателя, но и заставляло обратить вниманіе на древнѣйшую болгарскую литературу вѣка царя Симеона, важное значеніе которой для русской литературы древнѣйшаго времени несомнѣнно, что̀ впослѣдствіи и было доказано.

Нужно назвать еще одного изъ видныхъ сотрудниковъ Румянцова, именно, П. М. Строева. Это—также типичный работникъ школы Румянцова: типичный «археографъ», занимающійся спеціально древней письменностью, типичный библіографъ, собиратель данныхъ для изученія древней русской литературы; кромѣ того, онъ—типичный же издатель румянцовской школы. Строевъ участвуетъ почти во всѣхъ экспе-

диціяхъ, которыя посылаетъ Румяцовъ въ разные концы Россіи, составляетъ рядъ описаній памятниковъ, съ которыми ему приходится встрѣчаться, подготовляетъ ихъ изданія. Интересъ Строева былъ главнымъ образомъ библіографическій и историческій. Послѣ Строева остался громадный матеріалъ по исторіи древне-русской литературы, нѣчто въ родѣ словаря писателей Евгенія Болховитинова. Но въ этотъ словарь вошло то, что не было доступно Евгенію: это—такъ называемый «Библіологическій словарь» (который въ 1882 году былъ изданъ Академіей наукъ), представляющій важное дополненіе къ словарямъ Евгенія. Такого рода дополненія Строева показывали, что самое представленіе о древней литературѣ послѣ Евгенія значительно измѣнилось: Евгеній представленіе о литературѣ тѣсно связываетъ съ именемъ опредѣленнаго писателя, Строевъ прежде всего съ самымъ произведеніемъ, что̀ ближе подходитъ и къ общему характеру нашей письменности, въ значительной долѣ анонимной. Поэтому Строевъ могъ значительно расширить объемъ нашей древней литературы, не ограничиваясь произведеніями, носящими имя автора (какъ это было у Евгенія). Въ отличіе отъ послѣдняго онъ еще больше пользуется сырыми библіографическими матеріалами. Онъ указываетъ не только извѣстныхъ писателей, анонимныя произведенія, но перечисляетъ и мѣста, гдѣ рукописи произведеній этихъ сохранились, отмѣчаетъ характерныя черты этихъ рукописей и т. д. Другія его работы точно такъ же преимущественно библіографическія: это—рядъ описаній рукописей извѣстныхъ собраній (графа Ѳ. Толстого, И. Н. Царскаго, Общества Исторіи и Древностей и др.). Подъ вліяніемъ антикварнаго направленія того времени явился рядъ собирателей рукописей, которые составляютъ коллекціи, иногда весьма обширныя, цѣнныя: эти-то коллекціи рукописей и описываются Строевымъ; описанія эти печатаются. Поэтому въ настоящее время постоянно приходится обращаться къ каталогамъ Строева: собранія рукописей, описанныя Строевымъ, цѣлы и до настоящаго времени и до настоящаго времени далеко не изучены, не использованы въ наукѣ: ихъ разработка продолжается. Видно съ перваго взгляда, что каталоги эти составлены опытнымъ человѣкомъ и вполнѣ надежны: онъ точно опредѣляетъ вѣкъ, годъ (если можно) рукописи и точно даетъ содержаніе ея, указываетъ, что изъ нея издано и что не издано и т. д. Дальнѣйшія работы Строева преимущественно историческаго характера. Такъ, напримѣръ, надо назвать составленные имъ «Списки іерарховъ и настоятелей монастырей россійской церкви» (изд. 1877): это—перечни архіереевъ, игуменовъ монастырей въ историческомъ порядкѣ епархій съ точными указаніями времени жизни или упоминанія объ этихъ лицахъ. Все основано на достовѣрныхъ точныхъ данныхъ, почерпывавшихся

Строевымъ изъ всевозможныхъ источниковъ во время его археографическихъ странствованій и трудовъ по библіотекамъ. Книга Строева весьма полезна и важна, какъ справочникъ, и для историка литературы, напримѣръ, въ такомъ случаѣ: встрѣчаемъ во время работы указаніе, что такая-то интересующая насъ рукопись писана при игуменѣ такомъ-то, монастыря такого-то (а года нѣтъ); имѣя въ рукахъ «Списки» Строева, точно можно установить, когда она писана; полезна она и въ иномъ случаѣ: напр., въ анализируемомъ памятникѣ встрѣчаемъ упоминаніе о личности, занимавшей то или другое положеніе въ ряду другихъ, а другихъ указаній на время возникновенія памятника нѣтъ. Это упоминаніе бываетъ важно для историка литературы потому, что и оно можетъ опредѣлить время происхожденія самого памятника. Представимъ себѣ, что въ какой-нибудь повѣсти упоминается, что то или иное событіе было тогда, когда въ Ростовѣ, въ монастырѣ Богоявленскомъ былъ архимандритомъ Вассіанъ. Справляемся у Строева и узнаемъ, что и само произведеніе принадлежитъ по времени не старше половины XVII в. Наконецъ, Строевъ издавалъ и отдѣльные памятники, преимущественно лѣтописные тексты, которые одинаково важны и для исторіи политической, и для исторіи литературы. Такъ, имъ изданъ одинъ изъ крупнѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ, такъ называемый «Софійскій временникъ». Это—русская лѣтопись, написанная въ Новгородѣ, представляющая извѣстныя особенности, которыя даютъ возможность разгадать отчасти, чѣмъ было наше лѣтописаніе въ древнѣйшую эпоху русской литературы.

Наконецъ, слѣдуетъ уже совсѣмъ «меньшая братія» румянцовскаго кружка; изъ числа этихъ второстепенныхъ работниковъ нужно назвать Ермолаева. Ермолаевъ почти ничего не писалъ, а былъ спеціалистомъ по изученію графики рукописей, былъ по преимуществу палеографомъ, и матеріалы, собранные Ермолаевымъ, представляютъ большой интересъ; они необходимы при изученіи исторіи русской древней письменности. Онъ очень много новаго вноситъ въ изученіе письма: орнаменты, миніатюры, почерки и т. п. Ермолаевъ постоянно занимается тѣмъ, что снимаетъ точныя копіи съ рукописей, сопоставляетъ ихъ между собой, извлекаетъ изъ самыхъ матеріаловъ, полухудожественныхъ, полуремесленныхъ, данныя, которыя необходимы для историка литературы. Можно назвать еще одного изъ сотрудниковъ Румянцова—К. Тромонина, который дѣлалъ снимки съ водяныхъ знаковъ бумаги (иначе «филиграней»). Эти водяные знаки—собственно фабричныя клейма бумажныхъ фабрикъ—встрѣчаются на памятникахъ древняго времени, писанныхъ и печатанныхъ на бумагѣ, и даютъ возможность пріурочить данный текстъ къ извѣстному времени: зная, къ какому времени отно-

сится данный водяной знакъ, мы можемъ опредѣлить время, когда писана рукопись. Задача опредѣленія времени этихъ водяныхъ знаковъ и интересовала Тромонина и его предшественника Лаптева: они брали рукопись или точно датированную или точно относимую къ опредѣленному времени, находили водяные знаки, срисовывали ихъ, составляли альбомъ, гдѣ каждый знакъ былъ такимъ образомъ отнесенъ къ опредѣленному времени; взявши рукопись не датированную и подыскавъ въ альбомѣ Тромонина знакъ, который видѣнъ въ бумагѣ нашей рукописи, мы такимъ образомъ опредѣляемъ съ достаточной точностью время изготовленія самой рукописи. Такого рода пособіе—одно изъ необходимыхъ для историка литературы, разъ ему приходится обращаться непосредственно къ старой бумажной рукописи.

Такимъ образомъ видимъ, что Румянцовская школа начала серьезно, научно изучать древне-русскую литературу и древне-русскую письменность. Надо сказать, что пока всѣ эти работы носятъ характеръ работъ подготовительныхъ: это, главнымъ образомъ, уясненіе, осмысленіе того матеріала, который можно получить изъ древней рукописи, древнихъ памятниковъ вообще. Конечно, это еще не есть исторія литературы, но несомнѣнно это—уже прочный фундаментъ, вполнѣ научная выработка методовъ, отъ которыхъ можно было отправляться при изученіи русской литературы.

II. Начало научнаго изученія исторіи ли-ры. И дѣйствительно, вслѣдъ за эпохой Румянцова у насъ начинается настоящее изученіе древне-русской литературы и ея исторіи. Оно въ своемъ развитіи представляетъ нѣкоторыя особенности сравнительно съ исторіей той же науки на Западѣ. Эта особенность заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что и въ литературномъ отношеніи, какъ и въ другихъ, мы являлись и являемся послѣдователями Запада. Мы пользуемся тѣми результатами и методами, которые ранѣе насъ выработали на Западѣ, и примѣняемъ ихъ въ готовомъ видѣ къ потребностямъ нашей науки. Разница между болѣе отдаленнымъ отъ насъ временемъ и болѣе близкимъ будетъ заключаться, главнымъ образомъ, въ томъ, что чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ западно-европейскіе пріемы изученія быстрѣе и полнѣе переходятъ къ намъ. Въ настоящее время мы пользуемся совершенно тѣми же методами, которыми пользуются ученые Запада. Иначе говоря, у насъ научное построеніе русской литературы стоитъ въ зависимости отъ теченій западной науки. И, дѣйствительно, если мы посмотримъ, какъ развивалось изученіе исторіи литературы на Западѣ и сравнимъ съ тѣмъ, что началось у насъ въ 30—40-хъ годахъ, то увидимъ, что у насъ повторяются тѣ же стадіи развитія, которыя наблюдались на Западѣ; разница будетъ только въ

томъ, что ступени изученія мы проходимъ быстрѣе, потому что беремъ уже готовые методы. Поэтому, для исторіи дальнѣйшаго изученія исторіи русской литературы несомнѣнно должна быть установлена тѣсная связь съ Западомъ. Въ нашихъ цѣляхъ достаточно указать лишь главные этапы въ развитіи литературы у насъ и отмѣтить попутно соотвѣтствующія явленія на Западѣ съ тѣмъ, чтобы по возможности отчетливо представить себѣ соотношеніе между нашей наукой и западной, по скольку онѣ касаются изученія исторіи литературы.

Исторія литературы на Западѣ. Научное изученіе литературы на Западѣ началось довольно рано, приблизительно въ эпоху гуманизма, подвинулось же впередъ, главнымъ образомъ, въ началѣ XVII вѣка. Особенно во вторую половину XVII вѣка западноевропейскіе ученые, почувствовавъ необходимость оглянуться назадъ, оглянуться на свое прошлое въ области литературы, прежде всего естественно должны были поставить вопросъ: что же такое литература? Этотъ вопросъ играетъ видную роль въ исторіи нашей науки, но и до сихъ поръ остается вопросомъ. Мы всѣ знаемъ, что есть извѣстная область, которая носитъ названіе литературы. Исторически изучая эту область, мы говоримъ, что изучаемъ исторію литературы. Но, если мы захотимъ рѣшить вопросъ точнѣе, тотчасъ начинаются колебанія относительно того, что̀ представляетъ предметъ изученія литературы. Въ разное время въ зависимости отъ общаго научнаго развитія на Западѣ объемъ понятія «литература» понимался различно, а потому и самому понятію давались различныя опредѣленія. Это же отразилось и на нашей почвѣ въ русской наукѣ. Это колебаніе осталось и до настоящаго времени. Ученые гуманисты, воспитанные на античной письменности, на греческихъ и латинскихъ писателяхъ, проникнутые глубочайшимъ уваженіемъ къ нимъ, ко всему, что носитъ печать античнаго, классическаго, считали древнюю письменность полнымъ выраженіемъ «настоящей», обще-человѣческой, культуры; поэтому они и литературу опредѣляли до извѣстной степени формально: въ ихъ представленіи самое слово «литература», конечно, прежде всего связано съ litterae — буквы, письменность (что и правильно); поэтому гуманисты и рѣшали, что литературой является все то, что пишется; при этомъ, они, конечно, принимали во вниманіе античную греко-римскую письменность. Гуманистъ относился къ ней не только съ уваженіемъ, но даже съ пристрастіемъ, а потому онъ давно привыкъ все то, что осталось намъ отъ классической древности, считать драгоцѣннымъ, такъ какъ это есть наслѣдіе того блестящаго времени, когда человѣчество находилось на высотѣ своей культуры, а къ этой же высотѣ долженъ стремиться и современный человѣкъ. Таково міровоззрѣніе гу-

маниста, и поэтому въ понятіе литературы у него входятъ и памятники политическіе, и историческіе, и бытовые; къ литературѣ относится собраніе надписей, которыя находятся въ огромномъ количествѣ въ землѣ, встрѣчаются на колоннахъ зданій и стѣнахъ храмовъ, домовъ; достаточное количество такой «литературы» находится въ Помпеѣ, въ такъ называемыхъ помпейскихъ свиткахъ (папирусахъ), на которыхъ рядомъ съ рѣчью оратора, ученымъ трактатомъ увидимъ и счетъ изъ мелочной лавки и объявленіе о какой-нибудь куплѣ-продажѣ, и произведеніе Цицерона, и стихотвореніе, и любовныя письма,—все это идетъ отъ древности, а потому имѣетъ право на названіе литературы и на мѣсто въ ея исторіи. Въ концѣ концовъ, естественно пришлось опредѣлить это понятіе такимъ образомъ: все, что выражается при помощи письма, то и есть литература, и перенести это представленіе и на письменность другихъ народовъ западной Европы, другого времени, кончая своимъ временемъ—эпохой гуманизма. Но если гуманистъ, съ одной стороны, такъ широко опредѣлялъ понятіе литературы, то, съ другой стороны, онъ все-таки опредѣлялъ его недостаточно. Онъ совершенно не считается съ тѣмъ, что помимо того, что написано, есть еще произведенія словесности устной, которыми такъ богата, напримѣръ, русская литература, но которыя подъ это опредѣленіе уже не подходятъ (хотя по содержанію не отличаются часто отъ тѣхъ, которыя написаны): они, во-первыхъ, не написаны, а во-вторыхъ, не освящены авторитетомъ классической древности, а потому гуманистъ рѣзко раздѣляетъ произведенія человѣческаго слова на литературу, т.-е. письменную, и на не-литературу. Настоящей литературой онъ считаетъ литературу только письменную, а въ ней считаетъ настоящимъ только то, что по характеру воспроизводитъ идеи, содержаніе, языкъ, формы тѣ, которые являются для него идеаломъ литературы, т.-е. литературу латинскую и греческую. Стало быть, гуманистъ строилъ опредѣленіе литературы, съ одной стороны, такъ, что литературой будетъ всякое словесное произведеніе человѣка, написанное слово, съ другой стороны, что литературнымъ произведеніемъ будетъ только такое произведеніе, которое подходитъ къ античному. Остальное все не будетъ литературой. Но подобная поправка была очень сомнительна. Если бы античная литература представляла что-нибудь строго опредѣленное по содержанію, отношенію къ жизни, то тогда было бы понятно; а если литературой было и то, что говорилъ Цицеронъ, Овидій и другіе античные писатели, писавшіе о юридическомъ и религіозномъ бытѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ и такія дѣловыя отношенія, о которыхъ мы упомянули, въ родѣ торговыхъ счетовъ изъ мелочной лавочки и т. д., то мы видимъ въ этомъ ошибку. Она заключалась въ томъ, что люди по внѣшнимъ признакамъ, по про-

исхожденію изъ античной древности и по способу передачи (т.-е. путемъ начертаній), опредѣляли содержаніе понятія, которое не можетъ быть опредѣлено такимъ образомъ: форма, а не самое существо понятія привлекала ихъ вниманіе. Естественно, что такое опредѣленіе литературы долго удержаться не могло.

Нѣкоторое время беретъ верхъ суженное опредѣленіе, построенное на первомъ признакѣ, т.-е. связи съ древнимъ міромъ, а именно въ эпоху XVI—XVIII вѣковъ, эпоху французскаго классицизма, или, какъ ее называютъ, эпоху «ложнаго» классицизма. Хотя и здѣсь была внесена новая поправка, но опять-таки недостаточно гарантирующая правильность сужденія. Убѣдившись въ томъ, что нельзя же ставить на одну доску произведенія греческихъ писателей—Софокла, Еврипида и др. и счетъ изъ мелочной лавочки или любовную записку, теоретики литературы XVI—XVII вв. пробуютъ разграничить эти интересы и нападаютъ на принципъ эстетическій, т.-е., подъ литературой они начинаютъ понимать литературу художественную; и, разумѣется, они были правы въ общемъ. Въ области произведеній человѣческаго духа выраженіе словъ письмомъ, несомнѣнно, существуетъ, но существуетъ отдѣльная и опредѣленная область, которая имѣетъ значеніе художественной; напримѣръ, сборникъ стихотвореній Пушкина, который пишетъ свои стихотворенія, несомнѣнно, имѣя въ виду доставить эстетическое наслажденіе себѣ или своимъ читателямъ, и это вполнѣ законно. Если бы дѣло обстояло только такъ, конечно, ошибки не было бы; но естественно опять возникаетъ новый вопросъ: что считать художественнымъ? Тутъ опять является рядъ недоразумѣній. Ученые изслѣдователи литературы, имѣя передъ собою «образцовую» классическую литературу, обращаются къ ней же за рѣшеніемъ и такого вопроса. Они находятъ въ античной письменности рядъ отдѣльныхъ указаній, именно въ сочиненіяхъ греческихъ писателей, мыслителей, у Аристотеля, Платона и цѣлаго ряда второстепенныхъ писателей, находятъ критерій того, что можно считать художественнымъ. Аристотель, напримѣръ, указываетъ, что безусловно удовлетворяющимъ законамъ эстетики является то, что̀ грекъ называетъ красивымъ, прекраснымъ, хорошимъ, обозначая при этомъ высоту духовныхъ качествъ человѣка и красоту внѣшнихъ формъ въ ихъ гармоничномъ сочетаніи (καλὸς κἀγαθός); этимъ опредѣленіемъ Аристотель даетъ нѣкоторое разъясненіе стремленію къ пластикѣ, которое мы знаемъ въ греческой литературѣ, въ греческомъ искусствѣ и греческомъ языкѣ. Ученый XVII вѣка говоритъ, что то, что удовлетворяетъ эстетическимъ потребностямъ, какъ ихъ понималъ Аристотель, и есть настоящая литература. Принципъ Аристотеля, основанный на изученіи художественныхъ произведеній Греціи его времени, ясно, будетъ осуществляться

въ этой литературѣ. Ученый XVII в. дѣлаетъ и дальнѣйшій шагъ: греческая литература, ея формы и содержаніе даютъ ему возможность построить литературную эстетику для своего времени. Если бы онъ остановился на этомъ, говоря о литературѣ греческой, то дѣло было бы не такъ печально; дѣло же въ томъ, что тотъ критерій, который установилъ Аристотель для греческой литературы, въ глазахъ теоретика XVII в. получилъ значеніе критерія для литературы вообще. Остается поэтому еще вопросъ: подойдетъ ли эта мѣрка къ другой литературѣ? Оказывается, что нѣтъ, потому что эстетика каждаго народа, каждой эпохи создается его жизнью въ зависимости отъ тѣхъ культурныхъ условій, въ которыхъ находится человѣкъ. Англичанинъ, напримѣръ, и вообще какой-нибудь человѣкъ XIX вѣка считаетъ красивой, художественной какую-нибудь картину, нарисованную въ его время; папуасъ, который понятіе красиваго полагаетъ совсѣмъ въ другомъ, найдетъ это произведеніе совсѣмъ не художественнымъ, и обратно. Нашъ знаменитый В. К. Тредьяковскій писалъ произведенія, которыя онъ считалъ художественными, и которыя считались и его современниками выраженіемъ художественнаго стремленія человѣка; но проходитъ 20—30 лѣтъ, и провинившуюся фрейлину Екатерины II въ наказаніе заставляютъ учить наизусть стихотвореніе Тредьяковскаго: ясно, что понятіе эстетическаго измѣнилось. Пока мы не опредѣлимъ степени и условій этого измѣненія, пока мы не опредѣлимъ строго и точно, что составляетъ понятіе «эстетическаго», какъ одного изъ свойствъ человѣческаго духа, до тѣхъ поръ не получимъ точнаго опредѣленія содержанія понятія «эстетическій», которое бы отвѣчало данному времени. Историки литературы XVII вѣка попрежнему считали вообще эстетическимъ такое, что̀ принадлежитъ вообще человѣчеству во всѣ времена и при всякихъ условіяхъ,—воззрѣнія греко-римской литературы во всемъ ея объемѣ, т.-е., считали античную литературу общечеловѣческой во всемъ, забывая, что она, кромѣ общечеловѣческаго, содержитъ и греческое и римское, какъ индивидуальное и временное, свойственное опредѣленному періоду греческой или римской жизни. На этомъ ложномъ фундаментѣ и построена вся классическая школа XVI—XVII вв., дѣйствительно, придававшая античной эстетикѣ такого рода толкованіе, которое стоитъ внѣ времени и пространства. Для грека понятіе о красотѣ заключается въ гармоніи между внѣшними качествами человѣка и внутренними. Человѣкъ, который красивъ по внѣшности, тогда только будетъ удовлетворять идеалу, когда его душа такъ же прекрасна, какъ прекрасна его наружность. Вотъ тотъ смыслъ, который заключается въ терминологіи Аристотеля, и онъ правиленъ для грека при его «греческомъ» идеалѣ. Въ римской литературѣ, которая развилась подъ вліяніемъ греческой, этотъ принципъ можетъ быть приложимъ, но и тамъ

онъ былъ уже не приложимъ вполнѣ: особенности римской націи другія, чѣмъ греческой. Римскій народъ практиченъ, а потому у него развиваются науки юридическія, ораторская рѣчь, и это составляетъ отличіе его литературы отъ литературы греческой: идеалъ римлянина уже иной. Изъ этихъ особенностей, изъ этой склонности къ практичности римлянъ вытекаютъ особенности ихъ литературы. Въ понятіе этой литературы приходится включить, напримѣръ, ораторскую рѣчь Цицерона, которая уже не будетъ вполнѣ удовлетворять Аристотелевскому идеалу. Если мы возьмемъ христіанскую эпоху, то разница будетъ еще больше. То, что язычникъ считаетъ прекраснымъ, наоборотъ, для христіанина не представляетъ никакой цѣнности. Для христіанина цѣнны и въ художественномъ отношеніи будутъ священное писаніе и житія святыхъ, какъ выраженіе высоты духа, независимо отъ оболочки: внѣшнее безобразіе не влечетъ обязательно за собой отсутствія духовной красоты, часто даже наоборотъ, а съ точки зрѣнія Аристотеля эти произведенія будутъ антихудожественны. У писателя-теоретика XVII вѣка возникли и новыя затрудненія, созданныя самой наличной, разумѣется, христіанской европейской литературой, которая дожила до XVII вѣка: какъ мы будемъ трактовать всю литературу до XVII вѣка? Онъ говоритъ, что литература должна быть общечеловѣческой, находиться подъ руководствомъ литературы общечеловѣческой, иначе—античной, т.-е.: античная эстетика должна руководить писателемъ и XVII—XVIII вѣка. Изъ этого формальнаго взгляда видно, какъ пойдетъ дѣло дальше. XVII вѣкъ говорилъ, что современный писатель долженъ подражать образцамъ классической древности, тогда какъ и идейное и культурное состояніе его современности иное, нежели греческое или римское; отсюда вытекаетъ то «ложно-классическое» направленіе литературы, которое стремится изо всѣхъ силъ къ тому, чтобы вполнѣ совпасть съ образцами греческими и латинскими. Какъ извѣстно, французская литература связана въ прошломъ, какъ и самая народность, съ литературой латинской; но она прошла черезъ цѣлый рядъ столѣтій иныхъ культурныхъ условій, и потому видоизмѣнилась ея старая латинская основа, какъ и во французѣ перемѣнился старый римлянинъ, до неузнаваемости. Русская же литература и вовсе не имѣетъ такого классическаго прошлаго; ясное дѣло, что новое понятіе о литературѣ, какъ построенное на эстетическомъ, взятомъ изъ классическаго міра принципѣ, не могло покрывать собою насущнѣйшихъ потребностей человѣка другой культуры, другой эпохи. Этимъ объясняется то, почему, несмотря на всѣ усилія французской классической литературы, она очень скоро стала тепличнымъ растеніемъ, стала литературой придворной, мало удовлетворявшей даже ту искусственную среду, для которой она производилась по правиламъ

Буало и классиковъ. Это—литература не живая, наполненная трескучими, напыщенными рѣчами, но не отражавшая жизни народа. Съ этой точки зрѣнія ясна и внутренняя несостоятельность понятія XVII—XVIII вѣковъ о литературѣ, а потому и его недолговѣчность; это опредѣленіе ея должно было неминуемо потерпѣть неудачу, оно не выдержало критики: сюда не подходила вся средневѣковая христіанская литература, все, что пережила данная нація, не подходила сюда совершенно устная народная литература, литература не-аристократическихъ классовъ.

Эта неудовлетворенность опредѣленіемъ понятія литературы и нашла себѣ выходъ во второй половинѣ XVIII вѣка, когда, какъ извѣстно, начинается борьба противъ ложно-классицизма (во главѣ съ Лессингомъ), нарождается новое теченіе, которое носитъ названіе романтическаго. Конечно, во время самой борьбы еще не задумывались надъ новымъ, болѣе правильнымъ опредѣленіемъ литературы: это позднѣе постарались сдѣлать тѣ же романтики, и они дѣлали это, разумѣется, въ зависимости отъ тѣхъ представленій, которыми жили они сами. Они внесли нѣкоторый коррективъ въ прежнее представленіе о литературѣ, ея объемѣ, но опять-таки не даютъ точнаго опредѣленія литературы. Эта борьба важна уже потому, что въ связи съ нею начинается уже чисто научное, не прежнее схоластическое, а идейное изученіе литературы, которое и даетъ тѣ методы, которыми мы будемъ руководиться. Когда на смѣну французско-классическаго направленія стало выступать новое, которое носитъ названіе романтизма, смѣна эта должна была отразиться на самомъ пониманіи литературы: что такое литература, что должно входить въ составъ литературы, и какъ эта литература должна изучаться? Здѣсь мы видимъ новое измѣненіе и объема понятія литературы, измѣненіе характера матеріала, который входитъ въ исторію литературы, и одновременно съ этимъ видоизмѣненіе методовъ, при помощи которыхъ изучается исторія литературы. Романтизмъ, какъ извѣстно, былъ прежде всего направленіемъ боевымъ; боевой характеръ этого направленія заключался главнымъ образомъ въ томъ, что романтики требовали полной свободы личности, свободы творчества, свободы отъ тѣхъ условностей, тѣхъ правилъ, которыми обставленъ былъ всякій шагъ писателя, изслѣдователя литературы въ эпоху такъ называемаго «классицизма». Въ то же время романтизмъ такъ или иначе долженъ былъ возвратиться къ тому, противъ чего боролся, т.-е., борясь противъ всякихъ правилъ, условностей, онъ долженъ былъ, въ концѣ концовъ, установить свои принципы, свою поэтику, потому что одно отрицаніе само по себѣ лишь одна сторона процесса, сторона не созидающая, но лишь ведущая къ созиданію. Такимъ образомъ, вмѣсто ложно-классической поэтики нарождается по-

этика и теорія словесности романтическая. Конечно, нѣтъ надобности приводить подробности касательно того, какъ развивался романтизмъ: это не входитъ въ ближайшую нашу задачу; достаточно указать только на тѣ результаты, которые далъ романтизмъ для изученія и пониманія литературы.

Романтизмъ проповѣдывалъ свободу творчества. Онъ обратилъ вниманіе на тѣ стороны жизни человѣка, которыя въ предшествующемъ направленіи ложно-классицизма отрицались, какъ не укладывавшіяся въ рамки «классической» эстетики, обратилъ вниманіе на то, что средневѣковая литература, которая такъ мало походила на классическую литературу, давала, однако, удовлетвореніе человѣчеству въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ, служа религіознымъ его стремленіямъ, его стремленію къ знанію, его поэтическимъ и художественнымъ потребностямъ; поэтому романтики въ противовѣсъ ложно-классицизму прежде всего обратились съ увлеченіемъ къ изученію средневѣковой поэзіи, средневѣковой литературы, какъ выраженію этихъ стремленій человѣческаго духа; но въ виду, того, что литература эта отрицалась прежними теоретиками, какъ не художественная, сравнительно съ классической, романтики, наоборотъ, стараются видѣть въ ней настоящую художественную литературу: таковъ уже обыкновенно законъ борьбы двухъ ли направленій, двухъ ли міровоззрѣній—отрицать отрицаемое противникомъ. Романтики начинаютъ доказывать, что средневѣковая литература имѣетъ и теперь даже полное право на существованіе, потому что эта литература христіанская и руководится тѣми основными идеями, что́ и существующая въ новое время. Они указывали на то, что средневѣковая поэтическая литература хотя несомнѣнно является для насъ грубой по наружности, но эта грубость объясняется тѣмъ, что тѣ формы, въ которыя отливалась эта средневѣковая литература, не были достаточно разработаны. Внутренній же смыслъ средневѣковыхъ произведеній, разъ они удовлетворяли такимъ высокимъ чувствамъ человѣка, какъ чувство религіозное, смыслъ несомнѣнно долженъ быть возвышенный; только нужно найти его, чтобы уразумѣть высокую цѣну этой литературы. Поэтому романтикъ начинаетъ перебирать грубыя съ точки зрѣнія эстетики XVIII вѣка средневѣковыя легенды и въ нихъ, дѣйствительно, находитъ тѣ возвышенныя идеи, которыя сами по себѣ прекрасны и величественны. Отсюда въ романтической поэзіи наплывъ такъ называемыхъ средневѣковыхъ сюжетовъ. Старая берлинская школа, начальная школа романтизма, въ лицѣ Виланда, Тика и другихъ культивируетъ средневѣковую фантастическую легенду. Эта школа находитъ особый художественный смыслъ въ самой фантастикѣ, въ пристрастіи къ чудесному, таинственному. Въ

результатѣ средневѣковая литература становится изъ презираемой литературы уважаемой, ей увлекаются, ее изучають. Стало быть, она находитъ мѣсто и въ исторіи литературы.

Итакъ, первымъ шагомъ, который былъ сдѣланъ романтикомъ, было измѣненіе объема понятія литературы, именно: включеніе въ этотъ объемъ литературы средневѣковой, литературы предшествовавшей эпохѣ возрожденія и происшедшей отъ нея литературѣ ложно-классической. Далѣе романтики дѣлаютъ и слѣдующій шагъ. Подъ вліяніемъ внѣшнихъ политическихъ условій ускоряется выработка такъ называемой національной идеи въ понятіи литературы. Національная идея, выдвинутая главнымъ образомъ романтиками, заключалась въ томъ, что при тѣсной связи человѣка со средой, со всѣмъ человѣчествомъ у каждаго человѣка есть свои индивидуальныя свойства, сравнительно съ остальной массой человѣчества. Этими индивидуальными свойствами человѣкъ выдѣляетъ себя изъ среды, и его выдѣляютъ другіе изъ ряда личностей, изъ цѣлой массы: такъ и отдѣльныя народности имѣютъ свои отличительныя черты сравнительно со всей массой человѣчества, напр.: хотя нѣмцы представляютъ равноправныхъ членовъ мірового человѣческаго общества, но это, конечно, не мѣшаетъ имъ имѣть свои собственныя, имъ только принадлежащія черты, точно такъ же, какъ своими отличительными чертами обладаютъ французы, китайцы, итальянцы, русскіе и т. д. Слѣдовательно, романтики признаютъ, что рядомъ съ общечеловѣческими чертами у всякой группы людей есть свои черты, которыя отличаютъ ее отъ другой группы. Эти черты и заставляютъ насъ представлять нѣмцевъ, англичанъ, французовъ, итальянцевъ, русскихъ, какъ представителей отдѣльныхъ группъ, отдѣльныхъ національностей. Понятіе о національности такимъ образомъ, по мнѣнію романтиковъ, является совокупностью тѣхъ чертъ, которыя составляютъ отличительныя свойства данной народной группы отъ другихъ. Этими чертами прежде всего будутъ, конечно, черты духа, черты психологическія. Наблюденіе, сдѣланное романтиками, было поддержано и политическими событіями, главнымъ образомъ борьбой съ Наполеономъ и его режимомъ, клавшимъ въ свою основу лишь принципъ государственный, политическій, а не національный, въ основѣ своей этнографическій: всѣ, кто входилъ въ составъ французской имперіи, должны считаться французами (т.-е. принадлежащими къ «французской націи»), гражданами французскаго государства. Борьба противъ этого принципа, особенно въ соединеніи съ идеей политической самостоятельности, принимаетъ характеръ борьбы за національную самостоятельность, за право національности, какъ таковой, на самобытное существованіе. Вопросъ о національности выдвинутъ

рѣзко, опредѣленно, особенно въ Германіи въ эпоху паденія Наполеоновщины. Для того, чтобы доказать, что та или иная черта считается специально нѣмецкой, нужно было изучать психологическія черты нѣмцевъ, изучать исторически. Рядомъ съ идеей національности выдвигается исторія національности. Слѣдовательно, здѣсь романтики переходятъ къ реальному обоснованію идеи національности, къ выработкѣ методовъ изученія народности. Въ чемъ же нужно было видѣть прошлое народности? Если данная народность имѣла тѣ же самыя черты въ прошломъ, какія она имѣетъ въ настоящее время, то тѣмъ болѣе она имѣетъ право на существованіе теперь. Въ прошломъ мы, конечно, должны будемъ найти тѣ черты, которыя находимъ и теперь или, лучше сказать, теперешнія черты, характеризующія народность, мы должны оправдать исторически, прослѣдивши ихъ въ глубь вѣковъ. Тутъ уже готовый матеріалъ лежитъ передъ романтиками: средневѣковый міръ съ его легендами, съ его фантастикой становится предметомъ изученія съ точки зрѣнія народности въ прошломъ. Въ средневѣковой литературѣ германской и французской романтикъ находитъ уже тѣ черты національности, которыя онъ наблюдаетъ и въ современномъ бытѣ нѣмцевъ, французовъ. Мало того, оказывается, что главная масса чертъ, которыя являются національными, сосредоточиваются не въ аристократическомъ классѣ (въ отличіе отъ французскаго ложно-классицизма, который считался съ представителями литературы, по скольку эта литература была представлена аристократическими классами), по характеру не національномъ, международномъ; наоборотъ: главная масса національныхъ чертъ, по наблюденію романтика, сохранилась въ той массѣ, которая была мало затронута нивеллирующимъ вліяніемъ цивилизаціи, вліяніемъ людей, которые подверглись воздѣйствію французской классической литературы. Простая, мало культурная масса, оказывается, больше сохранила эти черты народности: простые крестьяне, мѣщане— въ большей степени нѣмцы, нежели числящіе себя нѣмцами аристократы. Это въ политической жизни Европы было началомъ широкаго развитія демократизма и соціализма; и поэтому романтики вмѣсто того презрѣнія къ «подлой» черни, которое отличало французскій ложноклассицизмъ и подражающаго ему нѣмца, наоборотъ, начинаютъ къ этому народу относиться со вниманіемъ, съ уваженіемъ: онъ, вѣдь, этотъ народъ сохранилъ для нихъ дорогую всѣмъ національность. Съ этого времени начинаютъ изучать народъ, его бытъ, литературу, начинаютъ задумываться надъ тѣмъ, что составляетъ и прежде составляло его міросозерцаніе. Конечно, прежде всего обращаются къ той литературѣ, которая является, до извѣстной степени, исключительной народной особенностью: эта исключительно народная литература—устно-

народная литература. Такимъ образомъ, постепенно, идя шагъ за шагомъ, романтики выдвигаютъ идею національности, идею народности, поскольку она заключается въ литературѣ. При этомъ лингвистика даетъ имъ обильный матеріалъ и новый методъ для изученія исторіи народности. Сравнительное языкознаніе, какъ отдѣльная наука, народилось въ первой четверти девятнадцатаго вѣка; она поставила себѣ цѣлью изученіе законовъ и исторіи человѣческой рѣчи, и при этомъ изученіе сравнительное. Для представителей этой науки изученіе нѣмецкаго языка, напримѣръ, не возможно иначе, какъ только путемъ сравненія его съ другими родственными языками. Желаніе постигнуть духъ языка, законы развитія человѣческой рѣчи привело къ цѣлому ряду открытій не только въ области языкознанія. Благодаря этимъ открытіямъ, оказалось возможнымъ заглянуть въ доисторическую эпоху жизни человѣчества. Оказалось, что въ тѣ времена, которыя далеко превосходятъ по древности извѣстные намъ историческіе источники, человѣчество уже жило полной культурной жизнью, слѣды которой сохранились только въ языкѣ: языкъ оказался самымъ древнимъ памятникомъ человѣческой культуры. Изученіе цѣлаго ряда языковъ привело Ф. Боппа (основателя науки языкознанія) къ такого рода результатамъ: отдѣльные народы, теперь населяющіе Европу, значительную часть Азіи, въ отдаленное время представляли одну родственную семью (т. н. индоевропейскую, арійскую). Оказалось, что если теперь славяне и нѣмцы отличаются одни отъ другихъ по языку, не считаютъ себя однимъ и тѣмъ же народомъ, даже въ большинствѣ случаевъ относятся другъ къ другу враждебно, то это было не всегда. Было время, которое измѣряется тысячелѣтіями, когда славяне и нѣмцы входили въ составъ одной семьи славяно-литовско-германской. Такимъ образомъ сравнительное языкознаніе указало на возможность прослѣдить исторію данной народности, ея отношеній къ другимъ, начиная со времени, гораздо болѣе отдаленнаго, нежели позволяли историческіе памятники, при чемъ оно указало и на методъ сравнительнаго изученія фактовъ. Примѣняя методъ сравнительнаго языкознанія къ литературѣ, романтики приходятъ къ такого рода выводамъ. Если существуетъ родство двухъ народовъ, напримѣръ, славянъ и германцевъ, въ языкѣ, то это родство должно оказаться и въ ихъ литературѣ, поскольку она могла сохраниться съ того времени. Одинаковость двухъ сюжетовъ въ сказкахъ нѣмцевъ, въ сказкахъ русскихъ или южно-славянскихъ будетъ доказывать, что этотъ сюжетъ чрезвычайно древенъ, потому что, подобно общимъ фактамъ въ языкѣ этихъ народовъ, восходитъ къ тому времени, когда славяне и нѣмцы составляли одну семью: такимъ образомъ получалась возможность изучать исторію національности во времена чрезвычайно отдаленныя. Глав-

ная заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ нѣмцамъ, именно, школѣ братьевъ Гриммовъ, которые собирали и истолковывали въ духѣ метода сравнительнаго языкознанія данныя, почерпнутыя изъ устной и письменной нѣмецкой литературы и другихъ родственныхъ. Оказывается, что возможно установить связь между нѣмецкой сказкой и «Иліадой» Гомера, между французскимъ эпосомъ и персидскимъ, германскимъ и т. д. Такимъ образомъ, видимъ, подъ вліяніемъ романтиковъ самый методъ изученія литературы раздвинулся широко. Вмѣсто изученія только эстетическихъ достоинствъ того или иного произведенія, провѣрки того, писано ли оно по правиламъ или нѣтъ, на сколько оно успѣшно подражаетъ классикамъ,—вмѣсто этого теперь идетъ изученіе въ иномъ направленіи. Въ литературномъ произведеніи разыскиваютъ его отдаленное прошлое, устанавливаютъ, какія національныя черты, отражающія духовное состояніе народа въ извѣстную эпоху, сохранились въ произведеніи. Слѣдовательно, объемъ и самаго понятія литературы раздвинулся значительно, сравнительно съ прежнимъ.

Опуская другія стадіи развитія изученія литературы, и изъ сказаннаго мы легко можемъ понять, какъ представляли себѣ романтики историки литературы, объемъ литературы. Все, что даетъ матеріалъ для изученія данной народности, какъ таковой, все, что даетъ объясненіе для исторіи этой народности, что выражаетъ духъ народа въ его прошломъ и настоящемъ,—все это должно служить предметомъ изученія историка литературы. Но этотъ объемъ литературы долго держаться на такомъ уровнѣ не могъ. Необходимо было въ эту формулу вложить реальное содержаніе. Каково же содержаніе этихъ «народныхъ» памятниковъ? Конечно, человѣческое слово является древнѣйшимъ памятникомъ литературы для романтиковъ. При этомъ они обращали данныя языка въ данныя культуры и литературы, изучая сравнительнымъ методомъ, главнымъ образомъ, языки-родственники, такъ называемые индо-европейскіе, но не въ теперешнемъ ихъ состояніи, а въ ихъ прошломъ, такъ называемый общій праязыкъ. Такъ, романтики наблюдаютъ, напр., слѣдующее: во всѣхъ языкахъ, нѣмецкомъ, греческомъ, латинскомъ и цѣломъ рядѣ другихъ, есть одинаковыя съ точки зрѣнія языка названія для членовъ семьи; отсюда дѣлаютъ выводъ: разъ эти слова общія у цѣлой группы родственныхъ народовъ, ясно, что въ отдаленное время уже существовало совершенно опредѣленное понятіе о семьѣ, т.-е.: это было не безпорядочное сожительство дикарей, а опредѣленныя формы общежитія, слагающіяся изъ отца, матери, сыновей, дочерей и т. д.; это доказываетъ, что нѣмецъ или грекъ въ ту отдаленную эпоху обладалъ понятіемъ о семьѣ, стало быть, онъ стоялъ уже гораздо выше какого-нибудь полинезійскаго дикаря, который еще до

сихъ поръ не имѣетъ понятія о семьѣ. Такимъ образомъ фактъ изъ исторіи языка превращается въ фактъ изъ исторіи культуры. Такимъ же образомъ, идя далѣе въ томъ же направленіи, изслѣдователь доходитъ до возстановленія и литературнаго факта, какъ отраженія культурной обстановки, творчества отдаленнаго времени. Всѣ тѣ аналогичныя сказанія, которыя существуютъ теперь или существовали не такъ давно въ литературѣ родственныхъ народовъ индоевропейской семьи, должны быть отнесены къ отдаленному прошлому общей жизни индоевропейскихъ народовъ. Эти сказанія, отдѣльные ихъ мотивы, такимъ образомъ, будутъ древнѣйшими мотивами и сказаніями данной, изучаемой народности: сравнительный методъ устанавливаетъ ихъ хронологію, даетъ возможность возсоздать доисторическую индоевропейскую старину въ литературѣ каждой отдѣльной народности. Вотъ приблизительно тотъ путь, которымъ идетъ изслѣдователь-романтикъ. Но, конечно, разъ пришлось сказать, что предметомъ исторіи литературы является все, что выражается человѣческимъ словомъ, по скольку оно является выразителемъ культурнаго прошлаго человѣка, его духа, то романтики опять обрекали себя на безплодную въ значительной степени работу, по скольку они стремились выяснить понятіе «литература», потому что отдѣльныя отрасли проявленія человѣческаго духа сливались въ этомъ обобщеніи со всей культурной производительностью человѣка: туда приходилось, какъ и человѣку эпохи гуманизма, вводить матеріалы, совершенно не подходящіе къ литературѣ въ собственномъ смыслѣ слова, въ смыслѣ о т д ѣ л ь н о й отрасли дѣятельности человѣческаго духа, преслѣдующей свои цѣли, отличныя отъ иныхъ. Объемъ литературы опять лишается опредѣленныхъ границъ. Но все же романтическая школа внесла измѣненіе въ научные методы изученія литературы. Она дала сравнительный методъ для изученія литературы, который остается для насъ и до настоящаго времени единственнымъ научнымъ методомъ.

Разнообразіе въ пониманіи интересовъ литературы зависитъ отъ разнообразія примѣненія сравнительнаго метода; при этомъ цѣль, которую онъ преслѣдуетъ, будетъ для насъ ясна, если мы дальше прослѣдимъ, какъ шло изученіе литературы. Установивши понятіе, что всякое произведеніе человѣческаго слова, являющееся отраженіемъ человѣческаго духа, въ частности національнаго, будетъ литературой, романтики попробовали приложить полученный ими результатъ въ области разработки реальныхъ данныхъ. И мы видимъ зарожденіе уже отдѣльной опредѣленной школы въ изученіи исторіи продуктовъ человѣческаго слова.

Эта школа носитъ названіе на первый взглядъ, пожалуй, непонятное, а именно: «м и ѳ о л о г и ч е с к о й», «с о л я р н о й» (солнечной). Что ка-

сается названія школы и ея теоріи «миѳологической», то тутъ легко догадаться, въ чемъ дѣло: такъ какъ каждый романтикъ, хотя онъ и отказывался и искренно отряхалъ съ себя прахъ ложно-классицизма, все-таки онъ оставался сыномъ своего вѣка и, конечно, на прошлое человѣчества онъ смотрѣлъ съ той точки зрѣнія, которая была привита ему исторически; а эта точка зрѣнія восходитъ въ общемъ къ идеямъ XVIII в. (эпохи просвѣщенія) и къ формамъ литературы того же вѣка. Романтики согласно съ этимъ начинаютъ утверждать, что древнѣйшія поэтическія произведенія народа есть прежде всего его религіозныя вѣрованія, которыя выражаются въ религіозно-фантастическихъ сказаніяхъ, т.-е. въ томъ, что составляетъ предметъ миѳологіи. Конечно, легко догадаться, откуда у него появился такой порядокъ мыслей. Онъ отлично зналъ то, что гуманисты и французскіе ложноклассики называли миѳологіей: это—детально разработанная миѳологія античныхъ народовъ, нашедшая выраженіе себѣ въ античной поэзіи. Стало быть, все-таки и романтику представляется, что прошлое и французовъ, и русскихъ, и нѣмцевъ должно быть похоже на прошлое грековъ и латинянъ (не даромъ же они родня по праязыку), т.-е., что въ дохристіанское время литература народа была выраженіемъ прежде всего религіи и отливалась въ сказанія о Богѣ, или богахъ, т.-е. миѳологію, которая потому и занимается религіозными вѣрованіями, являющимися главнымъ выразителемъ культуры въ раннее время у всякаго народа. Возсозданіе этой-то миѳологіи своего и родственныхъ народовъ и составило видную задачу романтиковъ, изучающихъ устно-народную и старинную литературу, преимущественно поэтическую. Дѣйствительно, результаты такихъ изученій были, какъ казалось, чрезвычайно успѣшны, даже прямо соблазнительны своей цѣльностью, полнотой, ясностью, а притомъ и художественны. Оказывалось, что, если у грековъ были великолѣпный художественный олимпійскій Зевсъ и Олимпъ, полный божествъ, то, присматриваясь и къ другимъ народамъ и вдумываясь въ ихъ сказанія, относящіяся къ области религіозно-поэтической, восходящія къ глубокой старинѣ, убѣждаемся, что и нѣмцы, напр., когда-то имѣли своего рода Зевсовъ, свой Олимпъ; постепенно путемъ сравнительнаго, направленнаго въ сторону миѳа изученія старыхъ сказокъ, пѣсенъ, старыхъ письменныхъ памятниковъ изслѣдователи-романтики доходятъ до того, что находятъ возможнымъ построить цѣлую миѳологію германскую, сходную не только въ общемъ, но, въ силу доисторическаго родства самихъ народовъ, во многихъ частностяхъ съ греческой; аналогія достигаетъ иногда почти степени тождества. Источникомъ и матеріаломъ для добыванія данныхъ миѳологическаго свойства для романтиковъ служитъ пережившее вѣка преданіе, заключенное въ сказ-

кѣ, пѣснѣ и т. д.; надо только умѣть найти этотъ смыслъ въ нихъ; а способъ для этого данъ—это сравнительный методъ. Въ результатѣ получается наблюденіе: миѳологія существуетъ въ народной словесности, языкѣ до сихъ поръ, но лишь затемненная позднѣйшими представленіями, наслоеніями въ теченіи вѣковъ въ народномъ сознаніи, у цѣлаго ряда народовъ; она въ основѣ вездѣ одна и та же, вездѣ была выраженіемъ однихъ и тѣхъ же культурно-религіозныхъ представленій, разъ эти народы восходятъ къ одному «пранароду». Но установивши такой «фактъ», нужно и дать ему объясненіе, сказать, что̀ онъ значитъ, что̀ поэтическая легенда о богахъ означаетъ и въ дѣйствительности, что собой поэтически покрыла? Тутъ-то и было положено начало такъ называемой «солярной» (солнечной) теоріи. Изучая греческую, вмѣстѣ съ тѣмъ германскую и другихъ родственныхъ народовъ миѳологію съ ея богами, пришлось естественно поставить вопросъ: что же представляла собою эта миѳологія? Вотъ, напримѣръ, сказаніе о Гекторѣ и Андромахѣ: но какое религіозное представленіе выражаетъ это поэтическое сказаніе? Изслѣдователи и говорятъ, что древнѣйшія вѣрованія есть вѣра въ силы природы, и что въ сущности миѳъ о Гекторѣ и Андромахѣ, о Зевсѣ и Юнонѣ, о Гераклѣ есть не что иное, какъ поэтическое выраженіе вѣрованій въ тѣ или иныя силы природы. Путемъ логическихъ построеній «миѳологи» начинаютъ добираться до того, въ чемъ заключаются вѣрованія въ силы природы, эта первобытная естественная религія человѣка? Оказывается, что она заключается въ слѣдующемъ: человѣкъ интересуется силами природы по стольку, по скольку онѣ оказываютъ на него вліяніе въ его жизни, бытѣ; вліяніе это двоякое: или благотворное, или вредное. Благотворное—это тѣ блага, которыя получаетъ человѣкъ отъ природы; зловредное—это то, что природа мѣшаетъ просто, хорошо, съ удобствомъ устроить жизнь человѣка; а потому и человѣкъ дѣлитъ все въ природѣ на доброе и злое: это—своего рода психологическій дуализмъ. Доброе начало для него—свѣтъ, тепло: когда человѣку не холодно, когда онъ не мерзнетъ, не нуждается въ одеждѣ и въ прочномъ жилищѣ, солнце, источникъ тепла и свѣта, является для него благодѣтельнымъ божествомъ; зима, морозъ, туча, которая закрываетъ солнце и мѣшаетъ свѣту и теплу, это—злое начало. Вотъ, слѣдовательно, что̀ значитъ миѳологія: поклоненіе силамъ природы. Слѣдовательно, вся миѳологія сводится къ поэтическому выраженію религіозныхъ чувствъ по отношенію къ солнцу и свѣту, значеніе коихъ въ жизни первобытнаго человѣка первостепенное. Отсюда и названіе солнечная, солярная теорія объясненія миѳологіи. Признавши эту теорію соотвѣтствующей дѣйствительности, получается у изслѣдователя миѳологіи и народныхъ сказаній средство понять

все просто: стоитъ лишь вспомнить простоту, несложность мышленія первобытнаго человѣка, какимъ былъ нашъ предокъ въ доисторическую эпоху (а въ этомъ не сомнѣвались послѣ этнографическихъ изученій быта дикарей еще въ XVIII в.): у всѣхъ народовъ, дѣйствительно, есть общее начало всѣхъ ихъ вѣрованій и поэзіи, какъ выраженія этихъ вѣрованій. Напримѣръ: сказка о Полифемѣ и Одиссеѣ въ «древнѣйшемъ» Гомеровскомъ эпосѣ въ Россіи является въ видѣ сказки о Лихѣ-одноглазомъ и бабѣ-Ягѣ: Одиссей и русскій кузнецъ—явленіе свѣтлое, благодѣтельное; злымъ началомъ является Полифемъ, а въ русской сказкѣ баба-Яга. Въ этихъ сказкахъ излагается на дѣлѣ борьба свѣта, свѣтлаго божества съ тьмой, съ злыми силами или борьба зимы и лѣта, при чемъ лѣто беретъ верхъ надъ зимой. Объясненіе—какъ будто удовлетворительное, подкупающее своей простотой, столь согласное съ простотой первобытнаго, наивнаго предка. Вотъ какого рода обобщеніе приходитъ въ голову романтику. При такомъ упрощенномъ объясненіи поэзія народная сохраняетъ свой поэтическій смыслъ; приложимо это объясненіе всюду и вездѣ. Этимъ же самымъ началомъ борьбы силъ природы можно объяснить и всѣ наши былины: напримѣръ, Илья Муромецъ является свѣтлой силой, баба-Горынинка—начало темное, свѣтъ противоположенъ тьмѣ, борется съ тьмой; а это мы видимъ, въ самомъ дѣлѣ, въ былинѣ. Все какъ будто бы ясно и просто. Но дѣйствительно ли все это выдерживаетъ научную критику? не является ли это объясненіе замѣной при помощи той же поэзіи научнаго пониманія прошлаго? своего рода поэтической фикціей? Это—вопросъ, который очень скоро всталъ передъ изслѣдователями, изумившимися той крайности, къ которой они сами незамѣтно пришли, поддавшись соблазну все объяснить, притомъ объяснить такъ просто и такъ красиво.

Въ видѣ противовѣса этому крайнему увлеченію «солярной» теоріей является другая теорія, также построенная по сравнительному методу, которая по имени ея основателя можетъ быть названа «бенфеевской». Θеодоръ Бенфей, нѣмецкій ученый востоковѣдъ, изучая литературу сравнительно, какъ и представители миθологической школы, также сопоставлялъ сказанія отдѣльныхъ народовъ и также находилъ между ними сходство; но при этомъ онъ натолкнулся на такого рода неожиданность: у народовъ, которые по языку не являются родственными между собой, напримѣръ, у славянъ или у древнихъ индусовъ съ одной стороны, и у арабовъ и евреевъ—съ другой стороны (первые принадлежатъ къ племени индоевропейскому, вторые къ семитическому, родство коихъ не установлено), Бенфей находитъ одинаковыя сказанія. Если бы эти народы были родственны по языку, по своему прошлому, то одинаковость сюжетовъ можно было бы объяснить тѣмъ, что это

сказаніе восходитъ къ тому времени, когда эти народы жили вмѣстѣ, и только впослѣдствіи отдѣлившись, каждый понесъ этотъ старый сюжетъ на свою новую родину (какъ это, напримѣръ, объясняли миѳологи по отношенію къ сказкѣ о бабѣ-Ягѣ и Лихѣ-одноглазомъ и сказкѣ о Полифемѣ). Но въ данномъ случаѣ подобное объясненіе, ясно, неприложимо, ибо арабы и славяне общей жизнью не жили, однимъ племенемъ не были; а сходство, аналогія разсказовъ тѣмъ не менѣе остаются несомнѣнными. Подобнаго рода наблюденія заставили Бенфея искать другого объясненія этого сходства. Оказалось, что и въ цѣломъ рядѣ другихъ случаевъ такія же общія сказанія есть не только у родственныхъ народовъ, но и у народовъ неродственныхъ, французовъ и арабовъ, монголовъ и славянъ, китайцевъ и евреевъ и т. д. Бенфей, докапываясь причинъ этого сходства, находитъ возможнымъ объяснить это сходство удовлетворительно, но иначе, нежели миѳологи. Онъ указываетъ, что сходство двухъ сюжетовъ у неродственныхъ народовъ въ цѣломъ рядѣ случаевъ можетъ объясняться тѣмъ, что одинъ народъ заимствовалъ это сказаніе у другого, т.-е.: и въ прошломъ мы видимъ то же самое, что мы можемъ точно наблюдать и въ настоящее время: два народа перенимаютъ одинъ у другого то, что каждому изъ нихъ болѣе подходитъ, болѣе его интересуетъ. Иначе говоря: одинаковость сюжетовъ у двухъ народовъ является результатомъ культурнаго ихъ соприкосновенія, культурнаго взаимовліянія. Указаніе на возможность заимствованія, однако, еще не рѣшаетъ вопроса окончательно: нужно доказать не только то, что это могло быть заимствовано, но и то, что на самомъ дѣлѣ заимствовано; нужно указать, какимъ образомъ совершилось это заимствованіе. Бенфей на цѣломъ рядѣ случаевъ изъ области литературы это и доказалъ: онъ обратился къ такого рода источникамъ, какъ источники историческіе (въ отличіе отъ доисторическихъ) въ широкомъ смыслѣ этого слова, не къ тѣмъ построеніямъ полуисторическаго, полупоэтическаго, полуфилософскаго свойства, какія дѣлали представители солярной теоріи, а обратился къ точной исторіи. На основаніи разысканій въ этой области—исторіи—оказывается возможнымъ установить, что тѣ два неродственные другъ другу народа, въ литературѣ которыхъ оказался одинъ общій сюжетъ, сравнительно въ недавнемъ историческомъ прошломъ (разумѣется, по отношенію къ доисторическому), дѣйствительно, соприкасались между собою, вліяли другъ на друга; а разъ это доказано, тогда становится понятнымъ и то, почему у того и другого народа имѣются общіе сюжеты: это—результатъ столкновенія между ними на глазахъ уже исторіи. Бенфей, напавши на этотъ путь, идетъ имъ и далѣе: онъ полагаетъ, что можно намѣтить тѣ общіе пути, по кото-

рымъ въ извѣстныя эпохи шло это перемѣщеніе литературныхъ сюжетовъ у отдѣльныхъ народовъ. Онъ выясняетъ это такимъ образомъ. Изучая восточныя литературы, онъ нашелъ тамъ такъ называемую «Панчатантру» (пятикнижіе), сборникъ разсказовъ, написанныхъ на языкѣ санскритскомъ—старомъ литературномъ языкѣ индусовъ [1]).

Эта «Панчатантра» состоитъ изъ ряда разсказовъ, которые можно сопоставить съ нашими баснями: небольшіе, краткіе нравоучительные разсказы, подобранные по темамъ нравоученія, проникнутаго житейской моралью. Напримѣръ, разсказывается здѣсь о томъ, какъ вредно, опасно увлекаться надеждами, какъ несбыточны бываютъ эти надежды, и какъ человѣкъ самъ кузнецъ своего счастья; на эту тему имѣется въ сборникѣ рядъ отдѣльныхъ разсказовъ, иллюстрирующихъ это нравоученіе, эту сентенцію. Оказалось по изслѣдованію Бенфея [2]), что въ этой «Панчатантрѣ» цѣлый рядъ такихъ сюжетовъ, которые встрѣчаются почти во всѣхъ литературахъ народовъ индоевропейскаго происхожденія, а также и въ литературахъ народовъ не родственныхъ, напримѣръ, еврейской, арабской, сирійской, т.-е. въ литературахъ Малой и Передней Азіи. Обращаясь къ исторіи этого сборника, Бенфей пришелъ къ слѣдующему любопытному выводу: сборникъ «Панчатантра» возникъ въ Индіи въ той редакціи, въ которой онъ дошелъ до насъ, возникъ въ довольно далекое до насъ время, но не въ доисторическое, а приблизительно, около второго вѣка послѣ Рождества Христова; можно и дальше прослѣдить судьбу этого сборника: онъ не остался лежать въ индійской (санскритской) литературѣ мертвымъ капиталомъ, а переводился на другіе языки; прежде всего переводъ былъ сдѣланъ на языкъ древне-персидскій, а затѣмъ на сирійскій (это—языкъ той мѣстности, которая въ настоящее время можетъ быть опредѣлена долинами Тигра и Евфрата въ Месопотаміи; произошелъ этотъ сирійскій переводъ приблизительно въ VI в.), при чемъ при переводахъ сборникъ нѣсколько видоизмѣнялся: обстановка вмѣсто индійской стала сперва персидской, а затѣмъ сирійской, но сюжеты разсказовъ оставались тѣ же самые. Затѣмъ этотъ сборникъ переходитъ къ арабамъ, потомъ является уже въ литературѣ еврейской, у тѣхъ евреевъ, которые въ средніе вѣка въ связи съ развитіемъ арабскихъ завоеваній, приблизительно въ VIII—IX вѣкахъ играли такую видную роль уче-

---

[1]) Санскритъ родственепъ древне-персидскому, славянскому, нѣмецкому, греческому и другимъ европейскимъ, восходя вмѣстѣ съ ними къ одному праязыку, стало быть, языкъ индоевропейскій.

[2]) Ему принадлежитъ и лучшее научное изданіе „Панчатантры“ на нѣмецкомъ языкѣ съ обширнымъ комментаріемъ (1859).

ныхъ, дѣльцовъ на югѣ Европы, въ Испаніи. Послѣ этого отдѣльные сюжеты сборника оказываются въ цѣломъ рядѣ европейскихъ литературъ и такимъ образомъ доживаютъ до XVIII и начала XIX вѣка. Наблюденія надъ исторіей этого сборника, слѣдовательно, показали, что разъ этотъ сборникъ переходилъ въ видѣ переводовъ отъ одного народа къ другому, то съ этими переводами переносились и сюжеты, которые такимъ образомъ приходится считать заимствованными той или другой литературой изъ сосѣдней или сосѣднихъ и даже довольно далекихъ, въ концѣ концовъ. Такого рода переходъ произведеній изъ одной литературы въ другую—странствованіе—можно иллюстрировать и на исторіи не только сборника, но и отдѣльнаго сюжета. Изъ сборника могъ быть взятъ одинъ—два разсказа, и эти разсказы уже отдѣльно въ свою очередь начинаютъ странствовать, и мы можемъ эти пути прослѣдить. Напримѣръ, всѣмъ извѣстенъ разсказъ «о молочницѣ», который мы находимъ, между прочимъ, въ баснѣ у Лафонтена. Молочница Пьеретта идетъ изъ деревни въ городъ и несетъ на головѣ кувшинъ молока продавать; идучи она размечталась о томъ, какъ на полученныя деньги купитъ сотню яицъ; изъ яицъ выйдутъ цыплята, цыплята выростутъ; куръ она продастъ, купитъ свинку; эта свинушка выростетъ, она ее продастъ, въ концѣ концовъ на полученныя деньги купитъ корову съ теленкомъ, пуститъ въ стадо, гдѣ теленокъ будетъ весело прыгать. При этомъ Пьеретта уже на самомъ дѣлѣ дѣлаетъ прыжокъ, горшокъ разбивается, молоко разливается, и всѣ ея мечты погибаютъ. Сюжетъ этотъ обработалъ знаменитый французскій баснописецъ Лафонтенъ, при чемъ обработалъ такъ, что обстановку онъ взялъ французскую, даже описываетъ наружность этой молочницы, какъ она идетъ въ башмачкахъ на высокихъ каблукахъ, въ коротенькой юбочкѣ. Читая басню, мы убѣждены будто, что сюжетъ придуманъ самимъ поэтомъ: такъ онъ простъ и естественнъ. На дѣлѣ же оказывается, что Лафонтену здѣсь принадлежитъ только форма: мѣстный французскій бытовой колоритъ, а сюжетъ восходитъ къ отдаленному восточному оригиналу, упомянутой «Панчатантрѣ», вмѣстѣ съ которой онъ путемъ переводовъ и передѣлокъ съ Востока дошелъ до западной средневѣковой Европы, пришелъ и на европейскій Востокъ, гдѣ мы его находимъ между прочимъ и въ нашей народной сказкѣ о бѣднякѣ и зайцѣ. Сюжетъ остался тотъ же, мѣнялась только обстановка: индійскій браминъ «Панчатантры» съ горшкомъ рису превращался то въ нищаго, то въ работницу, то въ молочницу, то въ русскаго мужика, а горшокъ—въ зайца. Такимъ образомъ Бенфей доискался, что первоначальный сюжетъ басни Лафонтена есть не что иное, какъ странствующій сюжетъ, въ историческое уже время переходившій путемъ заимствованія изъ одной

литературы въ другую и извѣстный намъ со II вѣка по Р. X. по «Панчатантрѣ» [1]).

Приведенный примѣръ очень удобенъ для того, чтобы можно было наглядно увидѣть методъ, которымъ работаетъ Бенфей, и чтобы можно было судить о томъ, чѣмъ отличается его методъ отъ метода представителей миѳологической школы, хотя и тотъ и другіе пользуются методомъ сравненія. Представители «солярной» теоріи берутъ разсказъ объ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ Разбойникѣ и заранѣе уже увѣрены, что тутъ есть миѳологія: борьба солнца съ тучей, свѣта съ тьмой, добра со зломъ. Слѣдовательно, они прямо берутъ частный случай и объясняютъ его при помощи апріорнаго положенія, что всякая миѳологія есть изображеніе борьбы свѣта съ тьмой, борьбы между силами природы, изъ которыхъ однѣ являются добрыми, другія—злыми, и что именно такого рода миѳологія заключается въ народной поэзіи. Изслѣдователь, такимъ образомъ, заранѣе убѣжденный въ древности сюжета изъ общаго положенія, подтверждаетъ эту древность и объясняетъ значеніе сюжета. Бенфей дѣлаетъ наоборотъ: онъ начинаетъ отъ поздняго факта XVII вѣка, отъ басни Лафонтена, затѣмъ, отодвигаясь далѣе въ глубь вѣковъ, переходитъ къ Среднимъ вѣкамъ и, наконецъ, доходитъ до II вѣка по Р. X., постоянно идетъ за своимъ сюжетомъ, опредѣляя, какимъ образомъ шло это заимствованіе. Слѣдовательно, если путь представителей солярной теоріи можно было назвать апріористическимъ, то этотъ методъ можетъ быть названъ ретроспективнымъ, т.-е. изслѣдователь идетъ отъ болѣе позднихъ и болѣе потому доступныхъ фактовъ къ болѣе раннимъ. Представители солярной теоріи, сказавши, что борьба Ильи Муромца обозначаетъ борьбу свѣта съ тьмой, думаютъ, что они удовлетворительно объяснили все; но какимъ образомъ получилось то, что у русскаго народа въ срединѣ XIX вѣка (когда записана былина) сохранилось то, что составляетъ достояніе доисторическаго человѣка? Русскій человѣкъ, вѣдь, давно христіанинъ, давно пересталъ вѣрить въ языческихъ боговъ и вѣритъ, хотя, можетъ быть, и недостаточно сознательно, въ истиннаго Бога и во всякомъ случаѣ далекъ отъ того, чтобы вѣрить въ борьбу солнца съ тучей. Но представитель солярной теоріи и объясняетъ, что̀ разсказъ значитъ, но не объясняетъ, какъ это произошло, а Бенфей это и объясняетъ: онъ доказываетъ, какъ стало возможнымъ, что до Лафонтена, представителя французской литературы, дошелъ постепенно этотъ разсказъ во французскую литературу; Бенфей объясняетъ, почему черезъ Испанію перешелъ этотъ раз-

[1]) Подробнѣе см. Ѳ. И. Буслаева „Перехожія повѣсти": сборникъ „Мои досуги" (М. 1886), II, стр. 275—282.

сказъ: въ IX—XI вѣкахъ мы наблюдаемъ явленіе, точно подтвержденное спеціалистами историками: въ это время особенно усиливается обмѣнъ литературный и культурный между народами Европы и народами Азіи подъ вліяніемъ культуры арабскаго халифата, завоеваній арабовъ въ Европѣ; подъ вліяніемъ этого, несомнѣнно, является интересъ къ Востоку. Элементы восточные сближаются съ элементами европейскими. Если мы прослѣдимъ, какъ шелъ до этого времени сюжетъ «Молочницы» Лафонтеновской, то увидимъ, что какъ разъ въ V вѣкѣ мы наблюдаемъ оживленіе жизни на Востокѣ, наблюдается религіозное броженіе, причемъ главную роль играютъ народы Персіи, Сиріи, власть которыхъ распространяется на Индостанъ и Месопотамію. Всѣ эти области соприкасаются въ жизни, затѣмъ появляются арабы, которые усваиваютъ себѣ культуру этихъ народовъ. Возникаетъ арабскій халифатъ, появляется масса памятниковъ древнесирійскихъ, древнееврейскихъ въ арабской литературѣ. Далѣе завоеванія арабскія опрокидываютъ Египетъ, захватываютъ сѣверную Африку, и въ VIII вѣкѣ мы уже видимъ арабовъ въ Испаніи: это такъ называемый Гренадскій халифатъ, съ которымъ пришлось имѣть дѣло Карлу Великому и его преемникамъ. Такимъ образомъ ясно, что по мѣрѣ того, какъ распространяется власть арабовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ передвигается и литература, которая по дорогѣ захватываетъ элементы литературъ тѣхъ странъ, черезъ которыя она проходитъ. Представителями науки являются не только арабы, но и въ значительной степени образованные евреи, которые владѣютъ и арабскимъ языкомъ, и еврейскимъ; перейдя съ арабами въ Европу, тѣ же евреи являются посредниками между ними и европейской наукой, усвоивши знаніе латинскаго языка—литературнаго языка средневѣковья. Это время расцвѣта раввинистической еврейской литературы. Въ это время евреи кладутъ начало многимъ научнымъ предпріятіямъ Европы (напримѣръ, первый медицинскій факультетъ въ Салерно былъ основанъ испанскими евреями). Евреи принимаютъ дѣятельное участіе и въ литературѣ. Гренадскій халифатъ падаетъ, въ Испаніи водворяется опять христіанская власть, но евреи продолжаютъ играть видную роль, и Петръ Альфонси является извѣстнымъ лицомъ въ литературѣ. Спеціально посвятивши себя ознакомленію своихъ новыхъ соотечественниковъ съ наукой и литературой Востока, онъ принялъ христіанство и былъ при дворѣ кастильскаго короля Альфонса, перевелъ цѣлый рядъ восточныхъ произведеній, которыя, по его мнѣнію, полезны для его соотечественниковъ; переводилъ онъ съ арабскаго, съ еврейскаго на латинскій. Мы можемъ такимъ образомъ шагъ за шагомъ прослѣдить, какимъ образомъ сюжетъ «Молочницы» появился въ европейской литературѣ. Бенфей въ противоположность и въ отличіе отъ старой

теоріи устанавливаетъ новый методъ: онъ остается попрежнему сравнительнымъ, но отличается отъ прежняго тѣмъ, что это историко-сравнительный методъ. Онъ и является тѣмъ методомъ, которымъ работаетъ наука до сихъ поръ надъ исторіей литературы. Правда, этотъ методъ является чрезвычайно медленнымъ, не дающимъ такихъ блестящихъ результатовъ, какъ прежній миѳологическо-сравнительный. Взяли, напримѣръ, мы Илью Муромца, ознакомились съ сюжетомъ, и, если будемъ слѣдовать представителямъ солнечной теоріи, увидимъ въ былинѣ сразу борьбу лѣта и зимы, свѣта и тьмы и прямо получаемъ основной, идейный смыслъ разсказа. Прежде чѣмъ сказать, что обозначаетъ данный сюжетъ, по теоріи Бенфея, намъ придется не только памѣтить сходство, но и объяснить причину сходства, разсказать, какъ возникло это сходство; стало быть, прежде, чѣмъ придти къ опредѣленнымъ выводамъ, мы должны изучить исторію и среду, въ которыхъ этотъ сюжетъ развился, и тогда только поймемъ, почему онъ развился такъ, а не иначе. Но разъ это мы получили, то результатъ будетъ прочный; тогда только можетъ быть установлено, имѣютъ ли разсказы объ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ Разбойникѣ значеніе миѳологическое; но пока до такого вывода, оставаясь на почвѣ исторіи, мы добраться не можемъ. Намъ надо, идя отъ болѣе поздняго къ болѣе раннему времени, прослѣдить всѣ наросты, которые налегли на этотъ сюжетъ, отстранить ихъ, чтобы получить сюжетъ въ наиболѣе древнемъ, наиболѣе чистомъ видѣ, и тогда только можно приступить къ толкованію сюжета, его значенія и смысла. Былины (а въ томъ числѣ объ Ильѣ и Соловьѣ) записаны Гильфердингомъ въ концѣ 60-хъ годовъ XIX вѣка, проживши, можетъ быть, много вѣковъ, а это заставляетъ предполагать цѣлые слои наростовъ, отложившихся на былинѣ ко времени ея записи. Наросты непремѣнно должны быть, потому что постепенно мѣняющееся міросозерцаніе русскаго народа отлагалось на былинѣ постепенно; она дошла до насъ съ ними, частью ихъ притомъ сохранивши, частью измѣнивши, частью утративши. Слѣдовательно, бенфеевскій методъ является методомъ болѣе научнымъ, несомнѣнно болѣе соотвѣтствующимъ прошлому литературы. Мы изучаемъ параллельно исторію культуры и явленія литературныя по ихъ взаимной связи.

Методъ бенфеевскій на Западѣ пережилъ стадію борьбы между нимъ и старыми методами, но, въ концѣ концовъ, взялъ верхъ и продолжаетъ развиваться. Въ настоящее время методы изученія литературы уже осложнились сравнительно съ бенфеевскимъ. Изучая исторію литературы, мы изслѣдуемъ теперь не только исторію литературнаго факта, но и смотримъ на этотъ фактъ, какъ на фактъ психологическій, соціологическій. Изучая литературу, мы изучаемъ въ то же время психоло-

гію и соціальную жизнь извѣстнаго народа, по скольку онѣ отразились въ литературѣ, въ то же время изучаемъ строго исторически. Прежде чѣмъ говорить о фактѣ, какъ о психологическомъ или соціальномъ явленіи, мы должны убѣдиться, что данный фактъ принадлежитъ данному народу, и что именно этотъ народъ вноситъ въ него эти элементы, а не какой другой, отъ котораго могъ придти сюжетъ. Такимъ образомъ, воззрѣнія современной науки потребовали созданія цѣлаго ряда параллельныхъ методовъ: въ основѣ лежитъ бенфеевскій, за нимъ слѣдуетъ психологическій методъ, методъ романтиковъ и въ результатѣ стремленіе къ тѣмъ обобщеніямъ, которыя такъ поспѣшно дѣлала солярная теорія. Но эти обобщенія представляются намъ только тѣмъ идеаломъ, къ которому мы стремимся.

Спрашивается, какъ же теперь намъ должна представляться литература? Что входитъ въ наше современное понятіе литературы? Послѣ всего сказаннаго ясно, что литература и ея предметъ прежде всего для насъ является матеріаломъ для изученія прошлаго даннаго народа. Этотъ матеріалъ представляетъ результатъ его психологической дѣятельности и его внѣшней и внутренней исторіи. Затѣмъ, она представляетъ для насъ предметъ для изученія идейныхъ стремленій отдѣльной народности, и, въ концѣ концовъ, этотъ матеріалъ представляетъ предметъ для изученія психологіи творчества извѣстнаго народа въ прошломъ или въ настоящемъ. Вотъ, слѣдовательно, каково разнообразіе тѣхъ цѣлей, которыя ставитъ себѣ исторія литературы. Съ этой стороны этотъ предметъ совершенно аналогиченъ тому, съ которымъ имѣетъ дѣло историкъ политическій, историкъ культуры, т.-е., исторія литературы представляетъ часть исторіи культуры. Вотъ послѣдній выводъ, который можетъ быть данъ въ настоящее время.

Но что входитъ въ литературу? На этотъ вопросъ до сихъ поръ мы еще не отвѣчали, и отвѣтить на него будетъ трудно. При той широтѣ задачъ, которую ставитъ себѣ современная исторія литературы, мы должны имѣть въ виду и неопредѣленность въ выборѣ матеріаловъ. Предметомъ литературы можетъ служить все то, что служитъ для объясненія психологіи творчества извѣстнаго народа въ его прошломъ. Но гдѣ особенно сказывается его творческая дѣятельность? Прежде всего въ памятникахъ, которые служатъ удовлетворенію его не насущныхъ, бытовыхъ, будничныхъ потребностей, а потребностей идеальныхъ. Литература, прежде всего, существуетъ не только, какъ практическое средство удовлетворенія такихъ потребностей, а служитъ для удовлетворенія культурныхъ высшихъ стремленій человѣка, т.-е. стремленій идеальныхъ. А высшія стремленія человѣка связаны, прежде всего, съ его художественными стремленіями, въ разное время, конечно, пони-

маемыми различно. Стало быть, въ литературу входятъ произведенія, имѣющія преимущественно художественное значеніе, отвѣчающія эстетическимъ воззрѣніямъ народа въ данное время его исторической жизни. Такимъ образомъ мы получаемъ выводъ, что произведенія XII вѣка, если мы дѣйствительно докажемъ, что они удовлетворяли художественнымъ, идеальнымъ потребностямъ человѣка XII вѣка, будутъ произведеніями художественными, эстетическими для XII вѣка. Они, конечно, могутъ не быть таковыми для насъ, но мы непремѣнно должны стать на точку зрѣнія XII вѣка и тогда только поймемъ художественный смыслъ произведенія XII вѣка. Что касается остальныхъ матеріаловъ, входящихъ въ литературу, то мы ими отнюдь не пренебрегаемъ. Этотъ матеріалъ получаетъ для насъ новую роль. Цѣлый рядъ произведеній человѣческаго духа, не преслѣдующій прямо идеальныхъ цѣлей, можетъ совмѣщать эти идеальныя цѣли съ практическими, напримѣръ: можно не только построить домъ, но можно построить красиво, и при видѣ этого красиво построеннаго дома, мы будемъ испытывать художественныя эмоціи. Можно надѣть костюмъ не только для того, чтобы прикрыть наготу или согрѣться, а и для того, чтобы удовлетворить художественнымъ потребностямъ (что и дѣлаютъ моды). Такимъ образомъ, на этихъ примѣрахъ видно, что и словесное произведеніе, не идущее непосредственно для удовлетворенія художественныхъ потребностей, можетъ входить въ литературу; напримѣръ: проповѣдникъ желаетъ не только убѣдить своихъ слушателей въ томъ или другомъ положеніи, но желаетъ доставить имъ и удовольствіе и понимаетъ, что даже легче можетъ убѣдить своихъ слушателей въ правотѣ своего тезиса, заботясь о красотѣ своей рѣчи. Такимъ образомъ, предметъ литературы расширяется; но чисто художественное произведеніе, разумѣется, въ исторіи литературы будетъ имѣть бо̀льшое значеніе, чѣмъ тѣ, которыя соприкасаются съ литературой; но эти послѣднія имѣютъ значеніе того фона, на которомъ можетъ развиться художественное произведеніе. Возьмемъ, напримѣръ, такой, пожалуй, грубый случай: извѣстная работа ремесленная, фабричная доставляетъ человѣку заработокъ, средства для болѣе или менѣе обезпеченнаго состоянія. Но по мѣрѣ того, какъ человѣкъ становится болѣе обезпеченнымъ, онъ все болѣе и болѣе можетъ удовлетворять свои потребности не только матеріальныя, но и духовныя, художественныя. Возьмемъ русскій памятникъ XVI вѣка «Домострой». Это произведеніе не литературное строго: это — указаніе, какъ нужно себя вести, чтобы быть порядочнымъ человѣкомъ въ семейномъ и общественномъ быту; но вмѣстѣ съ тѣмъ у автора «Домостроя» есть стремленія идеальныя, а именно: онъ хочетъ показать, каковъ долженъ быть человѣкъ, чтобы жить по-божески. Этотъ памятникъ можетъ быть нами

изучаемъ, потому что онъ отразилъ идеальныя стремленія человѣка XVI вѣка, при которыхъ возникали и цѣлыя прямо художественныя произведенія. Такимъ образомъ, исторія литературы привлекаетъ къ дѣлу и памятники не прямо художественно-литературные, но по стольку, по скольку они служатъ объясненіемъ, основаніемъ для памятниковъ художественно-литературныхъ. Слѣдовательно, большее или меньшее соотвѣтствіе художественнымъ цѣлямъ литературы оказываетъ вліяніе при подборѣ матеріаловъ у историка литературы. Вотъ приблизительная точка зрѣнія на современныя задачи исторіи литературы [1]).

III. Западныя научныя теоріи въ русской наукѣ. Послѣ отступленія, касающагося того, какъ исторія литературы развивалась на Западѣ у гуманистовъ, романтиковъ и т. д., можемъ продолжить наше ознакомленіе съ исторіей изученія исторіи литературы въ Россіи. Мы остановились на школѣ Румянцова, когда у насъ намѣтилось сознательное накопленіе литературнаго матеріала, которое продолжается и до настоящаго времени. При Румянцовѣ же видимъ и первыя попытки разработать этотъ матеріалъ. Имѣя въ виду то, что русская наука и русская жизнь тѣсно связаны съ западно-европейской, при чемъ такъ, что чѣмъ дальше отъ нашего времени, тѣмъ наша зависимость отъ западно-европейской мысли и науки является все тѣснѣе и тѣснѣе, естественно, предположить, что и первые зачатки изученія у насъ литературы, попытки разобраться въ накопленномъ матеріалѣ будутъ сдѣланы по указаніямъ западной Европы. И, дѣйствительно, первыя же попытки научнаго изученія исторіи литературы у насъ повторяютъ, но въ нѣсколько упрощенной, видоизмѣненной формѣ то, что мы узнали относительно этого предмета на Западѣ: первые историки русской литературы въ Россіи находятся подъ вліяніемъ западныхъ теорій, западныхъ взглядовъ. И эти западные взгляды, соображаясь съ русскими условіями, примѣняются къ изученію русской литературы; поэтому естественно намъ перейти къ обозрѣнію того, съ чего началась научная работа надъ исторіей русской литературы, и въ какихъ фазахъ она выразилась.

У насъ изученіе литературы, какъ было уже сказано, прошло тѣ же стадіи своего развитія, что и на Западѣ, но прошло нѣсколько ускореннымъ темпомъ, такъ какъ методы и пріемы мы брали оттуда готовыми. Основываясь на этомъ, исторію изученія исторіи литературы у насъ можно прослѣдить гораздо болѣе кратко, чѣмъ это мы сдѣлали по отношенію къ Западу.

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ см. Н. С. Тихонравова, Сочиненія, т. I, стр. 1 и сл. А. Н. Пыпина, Ист. рус. слов., т. I, введеніе, В. В. Сиповскаго, Исторія литературы, какъ наука (серія „Свободное знаніе“).

У насъ научно-историческое изученіе литературы началось съ того, что стали примѣнять къ памятникамъ русской литературы тотъ методъ романтиковъ, который мы условно назвали школой миѳологической, школой солярной. Съ другой стороны, начало этого изученія совпадаетъ у насъ съ общественнымъ движеніемъ, которое въ своихъ корняхъ точно также восходитъ къ аналогичному западному, но, примѣнительно къ нашей почвѣ, приняло своеобразныя формы. Мы имѣемъ въ виду извѣстную борьбу между славянофилами и западниками.

Въ концѣ 20-хъ годовъ у насъ подъ вліяніемъ роста общественнаго самосознанія нарождается особое теченіе, которое стремится къ самоопредѣленію въ національномъ смыслѣ, т.-е., стремится указать русскія характерныя черты въ отличіе отъ другихъ народностей, указать практическую цѣнность этихъ особенностей для выработки міросозерцанія. На этой почвѣ, почвѣ пересмотра основныхъ элементовъ нашей народной физіономіи, создаются двѣ крупныя общественныя группы, получившія значеніе идейное, литературное и общественное. Одна изъ нихъ—славянофилы—стоитъ за національную самостоятельность, самобытность основъ нашей культуры. Подобно нѣмецкимъ романтикамъ, они указываютъ на то, какъ важно въ основу жизни и дальнѣйшаго развитія Россіи положить національную основу. Они стремятся указать, въ чемъ заключается эта національная основа, и этимъ самымъ стремятся поставить нынѣшнюю русскую жизнь на національную основу. Подъ вліяніемъ этого стремленія у славянофиловъ нарождается прямо отрицательное отношеніе къ Западу. Въ качествѣ аргумента они вырабатываютъ (еще не забытую и до настоящаго времени) свою формулу отношеній къ Западу (впрочемъ, теперь употребляемую не съ такой настойчивостью, не съ такой остротой); формула эта—противоположеніе Россіи и Запада въ прошломъ, а слѣдовательно, и въ настоящемъ: у Россіи были и есть особыя отличныя отъ Запада культурныя задачи, основанныя на прошломъ, также отличномъ отъ Запада.

Другая группа—западниковъ—смотритъ на задачи Россіи иначе: возможно быстрое и полное сліяніе Россіи съ Западомъ въ культурномъ отношеніи должно быть цѣлью и средствомъ дальнѣйшаго прогресса. Они относятся критически къ тому, что говорятъ ихъ противники, восхвалявшіе русскую древность, какъ носительницу русской народности. Западники указываютъ, что въ русской древности и съ ея якобы народными основами нѣтъ начатковъ истинной культуры и прогресса, а есть только признаки варварства и застоя. Подъ вліяніемъ это[й] борьбы и все общество распадается на поклонниковъ и враговъ Запад[а]. Но въ области науки обѣ партіи сходятся: и та и другая восходятъ к[ъ] нѣмецкому романтизму, который въ видѣ стараго шеллингизма дает[ъ]

начало нашимъ славянофиламъ, а въ видѣ гегельянства кладетъ основаніе западникамъ. Такимъ образомъ, славянофилы и западники—близкіе родственники, но расходятся въ задачахъ и въ способѣ проведенія новыхъ идей при обновленіи русской жизни. Въ приложеніи къ литературѣ мы видимъ почти то же самое, что и на Западѣ, почти такое же дѣленіе, какое установилось въ самомъ обществѣ. Славянофилы преимущественно являются представителями солярной теоріи, миѳологической школы; западники идутъ преимущественно по пути историческаго заимствованія. Такимъ образомъ, благодаря общественной группировкѣ, получается сразу двѣ школы въ изученіи исторіи литературы: школа славянофиловъ, главнымъ образомъ, представителей миѳологической, националистической теоріи, и школа западниковъ, иначе представителей школы бенфеевской теоріи, историческаго заимствованія. Какъ та, такъ и другая школа, дѣйствительно, вносятъ очень много новаго въ изученіе нашей литературы; поэтому и изученіе литературы подвигается у насъ гораздо быстрѣе, чѣмъ на Западѣ. Представители славянофильскаго, националистическаго теченія дорожатъ больше всего тѣмъ, въ чемъ выражалась и выражается исконная, по ихъ мнѣнію, русская народность. Они обращаютъ большое вниманіе на изученіе такихъ памятниковъ, въ которыхъ можно было найти эти драгоцѣнные для нихъ элементы русской народности, ея славное, далекое прошлое. Для нихъ, конечно, удобна солярная теорія и тотъ подборъ памятниковъ, на которыхъ основывалась въ Германіи эта теорія, т.-е. памятниковъ устной народной словесности, въ которыхъ и они находили остатки отдаленнаго національнаго прошлаго, находили глубокій этическій смыслъ, видѣли остатки прежняго цѣльнаго русскаго или, по крайней мѣрѣ, славянскаго міросозерцанія, насколько оно рисовалось въ памятникахъ русской словесности въ ихъ истолкованіи; поэтому они усматривали въ русской народной сказкѣ, въ русской былинѣ отзвуки отдаленной миѳологической старины. Такимъ образомъ, подобно нѣмцамъ, они строили поэтическую, но далекую отъ научной дѣйствительности, красивую картину русской старины. Для построенія этой картины они собираютъ усердно матеріалъ. Въ этомъ и заключается главная заслуга славянофильской школы передъ русской литературой.

Памятники устной словесности. Славянофилы. Правда, славянофилы собираютъ памятники нѣсколько тендеціозно, отдавая предпочтеніе одному роду ихъ передъ другимъ, но все таки этотъ матеріалъ охватываетъ новую область (какова, напр., устная словесность), которая до сихъ поръ была сравнительно мало затронута. Является цѣлый рядъ лицъ—представителей славянофильства во главѣ съ братьями Кирѣевскими: Иваномъ и Петромъ Васильевичами. Ки-

рѣевскіе образуютъ около себя уже 30-хъ гг. XIX ст. цѣлую группу этнографовъ, которые со всѣхъ концовъ собираютъ памятники русской устной словесности. По большей части это—люди обезпеченные и даже богатые, преимущественно дворяне. Они тратятъ свои средства на снаряженіе своего рода экспедицій для поисковъ русской народности въ нѣдрахъ самого народа; распространяютъ путемъ журналовъ рядъ идей, въ которыхъ указываютъ на великое значеніе для жизни Россіи знанія настоящей русской народности, не затронутой «гнилой» культурой Запада. По ихъ мнѣнію, всякое слово, исходящее изъ устъ народа, есть уже народная мудрость. Результатомъ этого является цѣлый рядъ изданій памятниковъ народнаго творчества. Первая четверть XIX вѣка въ этой области сдѣлала очень немного: это было извлеченіе на свѣтъ случайно попадавшихся отдѣльныхъ старинныхъ записей, въ родѣ знаменитыхъ пѣсенъ Кирши Данилова, собранія Сахарова «Русскихъ пѣсенъ и сказокъ» (очень подозрительной цѣнности). 30-ые и 40-ые годы отмѣчены появленіемъ цѣлаго ряда сборниковъ дѣйствительно подлинныхъ памятниковъ устной народной словесности. Центромъ славянофильства является Москва, гдѣ славянофилы группируются около братьевъ Кирѣевскихъ и позднѣе (съ 50-хъ гг.) около «Общества любителей россійской словесности». Во главѣ этого Общества стоятъ такіе люди, какъ Хомяковъ, Погодинъ и др., горячіе сторонники славянофильскихъ теорій или же прямо славянофилы. А. С. Хомяковъ жертвуетъ большія средства на изданіе собранныхъ Рыбниковымъ былинъ сѣвернаго Олонецкаго края. Въ это же время и П. И. Якушкинъ, одинъ изъ сотрудниковъ Петра Кирѣевскаго, съ котомкой на спинѣ на его средства ходитъ по всей Россіи и собираетъ сказки и народныя повѣрья, пѣсни. Всѣ эти матеріалы скапливаются въ рукахъ Хомякова въ помѣщеніи «Общества любителей россійской словесности». Понемногу Общество переходитъ и къ изданію этихъ памятниковъ. Въ 60-хъ годахъ появляются одно за другимъ изданія Общества, посвященныя исключительно этимъ памятникамъ устной словесности: такъ, выходятъ цѣлыхъ 6 томовъ «Калѣкъ перехожихъ» подъ редакціей одного изъ усердныхъ (впрочемъ, не особенно толковыхъ) членовъ Общества—Петра Безсонова. Эта книга содержитъ въ себѣ религіозные стихи, которые распѣваются калѣками-нищими, т. н. «каликами перехожими». Эти шесть выпусковъ составляютъ довольно значительный фондъ для изучающихъ русскую народную словесность и въ частности для изучающихъ русскіе духовные стихи. Почти одновременно съ этимъ выходятъ пѣсни, собранныя П. Кирѣевскимъ. Онъ началъ это собираніе съ 30-хъ г. и до 50-хъ годовъ былъ центромъ, куда стекались всевозможные матеріалы по народной

словесности. На протяженіи 60-хъ годовъ это изданіе даетъ 10 томовъ, или выпусковъ. Сюда входятъ, главнымъ образомъ, историческія пѣсни, которыя, между прочимъ, охватываютъ древнѣйшій періодъ русской жизни, какъ тогда рисовали ее себѣ славянофилы, т.-е. періодъ эпическій, миѳологическій, представленный пѣснями и былинами; затѣмъ идутъ историческія пѣсни объ Иванѣ Грозномъ и пѣсни, кончая эпохой 12-го года. Такимъ образомъ, за разъ получается громадное систематическое собраніе. Вслѣдъ за этими изданіями выходитъ изданіе былинъ Олонецкаго края П. И. Рыбникова. За этими изданіями появляются бѣлорусскія пѣсни, памятники народной словесности и жизни Юго-Западной Россіи. Наконецъ въ это же время выходятъ болгарскія пѣсни, нужныя для того, чтобы путемъ сравненія съ славянскими, доказать древность нашей народной словесности. Таковы результаты этой эпохи, давшей, если не исчерпывающее, то все же громадное количество устной народной легенды, устныхъ народныхъ сказаній, пѣсенъ, отлившихся въ народные устные памятники. Такимъ образомъ, борьба западниковъ и славянофиловъ въ результатѣ дала цѣлую новую область въ наукѣ: памятники устно-народнаго творчества.

Понемногу эти памятники начинаютъ изучать и, конечно, прежде всего тѣ лица, которыя ихъ собирали, т.-е. представители романтической, солярной, миѳологической теоріи въ духѣ братьевъ Гриммовъ. Во главѣ нашихъ миѳологовъ, изучающихъ памятники подъ этимъ угломъ зрѣнія, стоитъ извѣстный собиратель сказокъ Н. А. Аѳанасьевъ. Онъ самъ собираетъ народныя сказки, но широко пользуется и чужимъ матеріаломъ. Изъ-подъ его пера появляется «евангеліе» нашихъ миѳологовъ: «Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу», громадные три тома. Въ этомъ изслѣдованіи, какъ видно и по самому заглавію, авторъ—Аѳанасьевъ—пожелалъ представить все поэтическое содержаніе народной словесности не только русской, но и ближайше родственныхъ ей племенъ. Онъ исходитъ изъ солярной теоріи, представителемъ которой, въ наиболѣе чистомъ и развитомъ ея видѣ, онъ и является въ нашей научной литературѣ. Онъ склоненъ во всемъ видѣть миѳологію, ея отзвукъ и, пользуясь приведенной раньше формулой романтиковъ, находитъ ее. Подъ это общее понятіе онъ и старается подводить всѣ поэтическіе элементы, которые онъ находитъ въ русской народной поэзіи: въ сказкахъ, былинахъ, пословицахъ, поговоркахъ, повѣрьяхъ, въ заговорахъ, въ отдѣльныхъ эпитетахъ и т. д.. Аѳанасьевъ не особенно строго разбираетъ происхожденіе этихъ памятниковъ: для него одинаково цѣнны и заговоры, которые, въ концѣ концовъ, оказываются не особенно пригодными, какъ представляющіе переводы, передѣлки (и довольно поздния иногда) съ гре-

ческихъ заклинательныхъ молитвъ, и сказки бытового характера, и народныя повѣрья, и т. д.. Вездѣ онъ видитъ миѳологію, все служитъ ему матеріаломъ для возсозданія устной старинной поэзіи и поэтическаго воззрѣнія русскихъ на природу. Но ему нужно было доказать не только то, что это міровоззрѣніе цѣльно и содержитъ элементы миѳологіи, ему нужно было доказать еще и глубокую древность этихъ элементовъ. Здѣсь Аѳанасьевъ переходитъ въ славянскую область и область индоевропейскую, впрочемъ, конечно, не безъ натяжекъ, свойственныхъ всѣмъ миѳологамъ. Аѳанасьевъ постоянно изучаетъ сравнительно, параллельно явленія русскія и явленія славянскія, явленія индоевропейскія съ цѣлью доказать глубокую древность и чистоту старыхъ миѳологическихъ воззрѣній русскаго народа. Вообще, про Аѳанасьева надо сказать, что это—типичный представитель того уклада мысли, который наши славянофилы считали наиболѣе соотвѣтствующимъ ихъ задачамъ. Аѳанасьевъ не былъ славянофиломъ-политикомъ, онъ не брался, подобно Хомякову, за переустройство русскаго общества, не требовалъ земскихъ соборовъ, но охотно давалъ и еще болѣе охотно разрабатывалъ тотъ матеріалъ, который нуженъ былъ для оправданія политическихъ и общественныхъ теорій славянофиламъ-публицистамъ. За Аѳанасьевымъ слѣдуетъ цѣлый рядъ другихъ подобнаго же рода изслѣдователей, перечислять которыхъ нѣтъ надобности въ нашемъ очеркѣ: достаточно того, что сказано объ Аѳанасьевѣ, какъ самомъ типичномъ представителѣ школы. Остальные представители этого направленія только раздвигали рамки матеріала, дорисовывая картину доисторическаго быта, но новаго въ методологическомъ отношеніи почти ничего не вносили. Нужно только упомянуть о послѣднемъ крупномъ представителѣ этой миѳологической школы. Миѳологическая школа прожила у насъ довольно долго, дожила почти до нашего времени и имѣла большое вліяніе, если не на самое науку, то на ея приложеніе къ жизни, прежде всего въ школѣ: она жива здѣсь отчасти и до настоящаго времени, и теперь въ школьныхъ учебникахъ по теоріи словесности можно встрѣтить тѣ же воззрѣнія, только уже не такъ рѣзко и наивно высказанныя. Это показываетъ, что русское общество воспринимало эти теоріи довольно чутко, а воспринимало потому, что эти теоріи соотвѣтствовали романтическимъ элементамъ, проникшимъ въ него инымъ путемъ и въ иныхъ областяхъ жизни; кромѣ того, построенія миѳологовъ, какъ поэтическія, удовлетворяли потребности читателя не только исторической, но и потребности художественнаго вымысла, фантазіи и т. д.

Въ 1873 г. появляется замѣчательное послѣднее собраніе, которое стоитъ въ связи эпохой собиранія памятниковъ народной словесности

у славянофиловъ, это—«Онежскія былины» Гильфердинга. А. Ѳ. Гильфердингъ—славистъ по образованію, одинъ изъ первыхъ ученыхъ славистовъ въ русскихъ университетахъ съ очень широкими планами. Онъ собираетъ и памятники историко-литературные, письменные, преимущественно юго-славянскіе, древніе (во время своего путешествія на Балканскій полуостровъ), и памятники историческіе, главнымъ образомъ по исторіи тѣхъ же славянъ, и памятники устнаго творчества. Въ Олонецкой губерніи, куда онъ совершаетъ поѣздку на средства Географическаго Общества, онъ открываетъ, какъ онъ самъ говоритъ, «Исландію русскаго эпоса» — послѣдніе остатки богатырской пѣсни—и привозитъ оттуда огромный сборникъ былинъ, который вмѣстѣ съ сборниками Кирѣевскаго и Рыбникова является отправной точкой изслѣдованій по народной словесности въ наше время. Но за четыре года до изданія «Онежскихъ былинъ» выходитъ послѣдняя капитальная работа старой миѳологической школы, подведшая, такъ сказать, итоги всему, что было сдѣлано этой школой, попытавшаяся (хотя и тщетно) прочнѣе обосновать ея взгляды. Это была вышедшая въ 1869 году книга петербургскаго проф. Ореста Ѳедоровича Миллера «Илья Муромецъ и богатырство Кіевское».

Но прежде чѣмъ говорить о книгѣ Миллера, нужно вернуться нѣсколько назадъ. Если О. Ѳ. Миллеръ въ 60-хъ годахъ находилъ возможнымъ по былинамъ написать книгу о русскомъ эпосѣ въ духѣ славянофильства, то и другая группа представителей общественнаго движенія за время отъ 30-хъ до 70-хъ годовъ должна была кое-что сдѣлать, съ чѣмъ долженъ былъ считаться Ор. Миллеръ. И, дѣйствительно, мы видимъ, что Миллеръ въ своей книгѣ не только строитъ теорію постепеннаго развитія нашего эпоса на древнихъ миѳологическихъ основахъ, но онъ постоянно и полемизируетъ съ тѣми невѣрующими, съ тѣми непатріотами, которые осмѣливаются говорить, что никакого собственно русскаго эпоса нѣтъ, что все это—позднѣйшія заимствованія и вовсе не культурныхъ элементовъ, а варварскихъ: тюркскихъ, татарскихъ, которые переработаны у насъ въ позднее сравнительно время, которые и составили такимъ образомъ такъ называемый «народный» эпосъ. Конечно, ясно, что Миллеру приходилось считаться съ взглядами, выросшими въ средѣ западниковъ, сторонниковъ бенфеевской школы. Западники видѣли залогъ будущаго нашего развитія въ сближеніи съ Западомъ, въ усвоеніи культуры Запада. Представители этого направленія очень неохотно занимаются исторіей древней Руси. Для нихъ исторія древней русской литературы представляетъ мало интереса, именно потому, что въ ней не видѣли они достаточно прогрессивныхъ элементовъ, какіе они находили на Западѣ, а отчасти и потому, что ее очень любили представи-

тели славянофиловъ. Западники говорятъ, что Россія стала культурной страной съ Петра Великаго. Славянофилы говорятъ, что Петръ принесъ Россіи вредъ, реформы Петра Великаго они считаютъ роковой ошибкой въ развитіи Россіи. Отсюда понятно, что, занимаясь изученіемъ основаній русской культуры, западники въ лучшемъ случаѣ должны были едва интересоваться старо-русскимъ прошлымъ. Во главѣ направленія въ области изученія русской литературы подъ угломъ зрѣнія западничества стоитъ извѣстный человѣкъ, который самъ не занимался спеціально исторіей литературы, но оказалъ на направленіе изученія ея громадное вліяніе, это—Бѣлинскій. Для того, чтобы болѣе или менѣе полно представить, какимъ образомъ типичные западники подходили къ изученію русской литературы, достаточно указать на извѣстный 8-ой томъ сочиненія Бѣлинскаго, который содержитъ критическій разборъ дѣятельности Пушкина и весь посвященъ Пушкину. Это былъ первый серьезный научный трудъ, посвященный изслѣдованію новой русской литературы. Дѣятельность Пушкина отдѣлена отъ времени Бѣлинскаго какими-нибудь 15—20 годами, а Бѣлинскій подвергаетъ ее уже критическому обозрѣнію; для него Пушкинъ—уже фактъ русской культуры, русской исторіи: для того, чтобы выяснить настоящее значеніе Пушкина въ русской литературѣ, въ русской жизни, Бѣлинскій подходитъ къ Пушкину исторически: онъ доказываетъ, что Пушкинъ явился, какъ результатъ предшествующаго развитія русской литературы, т.-е., всѣ основные элементы творчества Пушкина, характеръ его поэзіи— все это получаетъ свое объясненіе въ прошломъ русской литературы, русской культуры. Поэтому, чтобы понять Пушкина, говоритъ Бѣлинскій, надо изучить русскую литературу предшествующаго времени, и тогда Пушкинъ явится одной изъ главъ исторіи русской литературы, притомъ блестящихъ главъ. И Бѣлинскій начинаетъ изучать главныя теченія и направленія въ русской литературѣ съ самаго начала, которымъ для него является петровская эпоха. Онъ ни однимъ словомъ не желаетъ обмолвиться объ устной народной литературѣ, на которую смотритъ очень неблагосклонно, указывая и раньше [1]), что одно удачное стихотвореніе сознательнаго современнаго поэта стоитъ гораздо больше, чѣмъ цѣлый томъ или нѣсколько десятковъ страницъ устнаго народнаго творчества. Отсюда ясно, что представители западныхъ теорій не могли особенно симпатизировать тому, даже болѣе или менѣе значительному, въ области изученія народной словесности, что освѣщалось съ такой предвзятой точки зрѣнія, какова славянофильская. Они направляютъ свое вниманіе на изученіе болѣе близкой эпохи.

---

1) По поводу „Древне-россійскихъ стихотвореній" Кирши Данилова (т. VI, изд. Венгерова).

Ѳ. И. Буслаевъ. Подъ вліяніемъ Бѣлинскаго создается русская критическая школа, которая работаетъ, главнымъ образомъ, въ интересахъ современности. Крупныхъ результатовъ она дать не могла, потому что чѣмъ ближе къ намъ эпоха, тѣмъ труднѣе ее изучить, вслѣдствіе того, что передъ изслѣдователемъ много фактовъ еще не законченныхъ, продолжающихся. Но то, что сдѣлали западники, лежитъ въ основѣ изученія новой русской литературы. Однако нельзя сказать, чтобы представители западничества остались безучастны къ изученію и прежней нашей литературы. Представителями въ области исторіи литературы этихъ изученій прошлаго были не западники въ чистомъ видѣ, интересовавшіеся современностью, преимущественно публицисты и общественные дѣятели, а ученые, которые исходили изъ западно-европейскихъ теорій, не придерживаясь, однако, того или иного толка. Во главѣ этой школы стоитъ извѣстный историкъ литературы Ѳ. И. Буслаевъ [2]). Буслаевъ несомнѣнно по своимъ первоначальнымъ воззрѣніямъ очень близокъ къ славянофиламъ, но онъ отнюдь не славянофилъ: онъ воспринялъ романтическія основанія, на которыхъ и строилъ обликъ народа въ прошломъ и настоящемъ, прямо отъ Гриммовской школы; однако, эти теоріи онъ принялъ совершенно научно, и изъ славянофильскихъ теорій взялъ лишь горячую любовь къ простому народу, къ народности (чего не чуждъ и Гриммъ). Для него изученіе народныхъ элементовъ въ данной литературѣ не есть видъ благодарности тому народу, который сохранилъ нашу народность въ неприкосновенномъ видѣ, какъ полагали славянофилы, а долгъ человѣка, который обязанъ давать себѣ отчетъ въ своемъ прошломъ, т.-е., по его мнѣнію, изучать народность необходимо для самоопредѣленія. При этомъ, настаиваетъ Буслаевъ, ее нужно изучать объективно, а не пристрастно, какъ изучали нѣкоторые, находя только положительныя черты прошлаго и не замѣчая отрицательныхъ, или наоборотъ. Этотъ взглядъ Буслаева показываетъ, почему онъ не могъ примкнуть къ тенденціознымъ основаніямъ славянофиловъ, но и не могъ раздѣлять односторонностей и увлеченій западниковъ. Буслаевъ въ своихъ изслѣдованіяхъ пользуется первое время своей дѣятельности всѣми данными «гриммовской» школы. Его дѣятельность посвящена, главнымъ образомъ, выдѣленію элементовъ русской народности въ прошломъ, но не исключительно изъ устно-народнаго творчества, а на основѣ данныхъ во всей русской литературѣ, какъ оригинальной, такъ и переводной, древней и новой, устной и письменной, — словомъ, выдѣленіе такихъ

[1]) Спеціальнаго очерка, болѣе или менѣе полно знакомящаго съ дѣятельностью Ѳ. И. Буслаева, еще нѣтъ въ научной литературѣ; болѣе другихъ, посвященныхъ Буслаеву по случаю его смерти (1897 г.) очерковъ дастъ сборникъ „Памяти Ѳ. И. Буслаева“, изданный Учебн. Отд. Общ. распространенія технических знаній (М. 1898).

элементовъ, которые характеризуютъ историческое міросозерцаніе русскаго народа. Исходя изъ положеній гриммовской школы, Буслаевъ апріори полагаетъ, что и у насъ былъ миѳологическій періодъ, но онъ далекъ отъ того, чтобы строить красивыя поэтическія миѳологическія теоріи, исходя изъ неподвижности стараго въ новомъ. Буслаевъ, подобно Аѳанасьеву, находитъ въ русской литературѣ, какъ и во всякой европейской литературѣ, застрявшіе (въ силу закона переживанія старины) остатки доисторическихъ вѣрованій, но не рѣшаетъ вопроса всегда въ пользу ихъ исконности и характерности для русскаго міросозерцанія. Итакъ, начиная съ конца 40-хъ годовъ, первый строго научный изслѣдователь русской литературы—Буслаевъ—кладетъ основы дѣйствительно серьезнаго объективнаго изученія русской народной словесности, изученія письменныхъ памятниковъ, поэзіи того народа, къ которому онъ самъ принадлежитъ. По его мнѣнію, пристрастное отношеніе къ этимъ памятникамъ можетъ оскорбить правильное, честное отношеніе къ наукѣ, къ самому народу.

Въ 40-хъ годахъ Буслаевъ пишетъ большой трудъ «Историческую грамматику русскаго языка». Эта книга является первымъ научнымъ опытомъ въ изученіи исторіи русскаго языка. Исторія русскаго языка для славянофиловъ несомнѣнно имѣетъ большое значеніе. Въ остаткахъ старинныхъ формъ, въ старинныхъ оборотахъ, старинныхъ словахъ русскаго языка славянофилы-миѳологи видятъ цѣлую художественную картину поэтическихъ образовъ. Буслаевъ смотритъ гораздо правильнѣе: онъ видитъ только фактъ языка, фактъ прошлаго въ культурномъ развитіи русскаго народа. Въ своихъ же изслѣдованіяхъ по литературѣ Буслаевъ прежде всего сдѣлалъ для русской литературы то, что братья Гриммы сдѣлали для нѣмецкой литературы, гдѣ они были изслѣдователями и нѣмецкаго языка и словесности. Буслаевъ работаетъ въ области изученія народныхъ вѣрованій и памятниковъ народной литературы, но изучаетъ ихъ въ связи съ письменной литературой. Хорошо зная западно-европейскія литературы, онъ постоянно учитываетъ воздѣйствіе постороннихъ вліяній, напр., византійскаго, западно-европейскаго, юго-славянскаго и т. д.. Съ этой точки зрѣнія онъ и классифицируетъ русскіе памятники. Въ 60-мъ г. выходятъ его «Очерки по исторіи русской народной словесности и искусства». Въ этихъ «Очеркахъ», представляющихъ собраніе прежнихъ его мелкихъ статей, видимъ, дѣйствительно, научное освѣщеніе явленій исторіи русской литературы, гдѣ методы ея изученія представляются уже вполнѣ развернувшимися во всю ихъ широту. Возьмемъ для примѣра статью Буслаева о «Словѣ о полку Игоревѣ»—«Русская поэзія XI—XII столѣтій». Буслаевъ здѣсь былъ однимъ изъ первыхъ, вполнѣ научно изучавшихъ «Слово о полку

Игоревѣ». Онъ указалъ, что нечего искать въ этомъ произведенiи миѳологiи, но что въ немъ есть элементы, которые когда-то были миѳологическими, и что эти «миѳологическiе» элементы представляютъ дѣйствительно рядъ чертъ, родственныхъ съ миѳологическими чертами другихъ народовъ. Но «миѳологическаго» Баяна или Трояна въ «Словѣ о полку Игоревѣ» онъ сопоставляетъ съ другими уже историческими преданiями, напр., съ отзвуками изъ эпохи римскихъ завоеванiй на Балканскомъ полуостровѣ; подъ именемъ Трояна «Слова...» видитъ онъ императора Трояна, о которомъ хранились воспоминанiя на Балканахъ. Такое заключенiе для миѳологовъ было бы оскорбительно. Далѣе, разбирая «Слово...», Буслаевъ совершенно точно разграничиваетъ элементы устные и письменные, указываетъ на то, какимъ образомъ создалось «Слово...». Авторъ «Слова» несомнѣнно находился, по Буслаеву, подъ влiянiемъ своей устной народной поэзiи XI—XII вѣка и въ то же время подъ влiянiемъ литературы книжной. Здѣсь такимъ образомъ уже видна точка зрѣнiя, совмѣщавшая въ себѣ до извѣстной степени воззрѣнiя миѳологическiя, но не въ ихъ крайнемъ примѣненiи, съ воззрѣнiями строго историческими, чисто научными.

Въ 59-мъ году Буслаевъ произноситъ въ Московскомъ университетѣ актовую рѣчь «О народности въ древне-русской литературѣ» [1]). Это было какъ разъ время самаго разгара нашихъ славянофильскихъ увлеченiй въ московскомъ кружкѣ ученыхъ. Рѣчь Буслаева показала, какъ нужно смотрѣть на дѣло, если стать на строго научную точку зрѣнiя. Доказательства Буслаева очень просты: онъ беретъ рядъ памятниковъ старой письменности, преимущественно бытового, суевѣрнаго характера, и памятниковъ устной народной словесности, находитъ между ними точки соприкосновенiя, при чемъ указываетъ, что, если видѣть народность въ суевѣрьяхъ и повѣрьяхъ, то она является одинаково развитой и въ тѣхъ и въ другихъ памятникахъ, потому что существованiе этихъ памятниковъ возможно только при наличности подобнаго рода воззрѣнiй. Такимъ образомъ, Буслаевъ установилъ взаимоотношенiе между устной и письменной народной словесностью, которую дѣлили на двѣ противоположныя другъ другу группы, какъ славянофилы, такъ и западники: устную считали болѣе ранней и народной, письменную—занесенной изъ Византiи и не народной, чужой. Буслаевъ доказалъ, что эта разница происхожденiя далеко не всегда обусловливаетъ дальнѣйшую исторiю этихъ видовъ литературы. Онъ устанавливаетъ идею представленiя о русской литературѣ, какъ о цѣломъ культурномъ явленiи. Для него всѣ памят-

---

1) Напечатана тамъ же въ „Очеркахъ" (II, 1) и въ Отчетѣ У—а за 1858 годъ.

ники входятъ въ русскую литературу, по скольку они ее характеризуютъ. Никаго предпочтенія устнымъ передъ письменными онъ не дѣлаетъ, а цѣнитъ и въ тѣхъ и въ другихъ то, что отражаетъ народность.

Сверхъ всего указаннаго, за Буслаевымъ нужно еще признать особую заслугу въ области изученія литературы, въ томъ смыслѣ, что онъ первый ясно указалъ и на необходимость примѣненія къ изученію ея и методовъ школы Бенфея. При этомъ въ русской наукѣ повторилось почти то же самое, что мы видимъ на Западѣ, въ Германіи: здѣсь Максъ Мюллеръ, одинъ изъ крупнѣйшихъ представителей миѳологической школы, въ частности ея солярной теоріи, убѣждается въ недостаточности этой школы для уясненія прошлаго и въ односторонности ея методовъ для пониманія явленій литературы, такъ какъ онъ понялъ, что далеко не всѣ элементы, которые мы видимъ въ нашей литературѣ, могутъ быть возводимы къ доисторическимъ временамъ только потому, что они находятъ себѣ параллельныя явленія въ другихъ литературахъ; это значило бы отрицать значеніе для литературы историческаго періода жизни народа, пользоваться неправильно аналогіей, основанной на родствѣ народовъ по языку; аналогія сказаній у народовъ, не родственныхъ по языку, не допускаетъ того же объясненія, что у народовъ родственныхъ. Это привело М. Мюллера къ теоріи Бенфея, которая какъ разъ, какъ мы видѣли, давала научное разъясненіе подобныхъ случаевъ сходства элементовъ у народовъ, не родственныхъ по языку. И М. Мюллеръ популяризируетъ эту теорію въ своей статьѣ «Wanderung der Sagen». Точно такъ же и у насъ поступилъ Буслаевъ: онъ написалъ статью «Странствующія повѣсти», въ основу которой положилъ только что упомянутую статью Макса Мюллера. Онъ ясно доказываетъ, что повѣсти или отдѣльные элементы, встрѣчающіеся въ нашей литературѣ и находящіе себѣ параллель въ другихъ литературахъ, не являются вовсе элементами доисторическими, наслѣдствомъ нашихъ родственныхъ связей, а элементами заимствованія уже историческихъ временъ. Онъ взялъ статью М. Мюллера и дополнилъ русскими параллелями: упомянутый разсказъ о молочницѣ, приведенный Максомъ Мюллеромъ (см. выше), дополнилъ его русскими параллелями. «Самый фактъ литературной взаимности, — говоритъ Буслаевъ, — не подлежитъ сомнѣнію. Въ теченіе многихъ вѣковъ блуждали и до сихъ поръ не перестаютъ блуждать изъ страны въ страну по всему міру цѣлые ряды повѣстей, анекдотовъ и разныхъ разсказовъ... Литературное заимствованіе составляетъ только одинъ изъ множества случаевъ историческаго между народами общенія». Другими словами: здѣсь мы видимъ теорію Бенфея.

В. В. Стасовъ. Эта теорія заимствованія, формулированная ясно и популярно Буслаевымъ, скоро получила отзвукъ въ нашей научной лите-

ратурѣ, но отзвукъ этотъ оказался на первыхъ порахъ довольно уродливымъ. Въ борьбѣ славянофиловъ и западниковъ, несомнѣнно, какъ и во всякой борьбѣ, возможны были крайности; подъ вліяніемъ этой борьбы и у насъ являются попытки приложить у себя на родинѣ эту теорію, но со всѣми ея крайностями, къ изученію русскаго эпоса, т.-е., какъ разъ къ той литературной области, которой славянофилы придавали большое значеніе, какъ древнему свидѣтелю нашего самобытнаго народнаго міросозерцанія, какъ доисторической и миѳологической въ своей основѣ. Одинъ изъ молодыхъ тогда, впослѣдствіи крупныхъ историковъ искусства, В. В. Стасовъ пишетъ въ «Вѣстникѣ Европы» 1868 года рядъ статей «О происхожденіи русскихъ былинъ» [1]). Славянофилы ожидали, что въ этой статьѣ авторъ разскажетъ, какъ въ доисторическія времена слагался нашъ эпосъ, и какимъ образомъ великій русскій народъ сохранилъ эти древніе художественные, поэтическіе образы до нашего времени въ качествѣ національнаго достоянія. Но они были разочарованы. Стасовъ, взявъ былины по сборникамъ Рыбникова и Кирѣевскаго, а рядомъ собраніе тюркскихъ сказаній Радлова и другихъ и, разбирая ихъ сравнительно, шагъ за шагомъ доказываетъ, что въ нашихъ былинахъ нѣтъ почти ничего русскаго, что наши былины суть чуть ли не всѣ лишь русскія передѣлки чужихъ сюжетовъ, взятыхъ на прокатъ отрывковъ повѣстей и разсказовъ у средне-азіатскихъ народовъ, главнымъ образомъ тюрковъ: Стасовъ, производя сравненіе русскихъ и восточныхъ разсказовъ, замѣтилъ цѣлый рядъ точекъ соприкосновенія между ними и объяснилъ это тѣмъ, что мы въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ имѣли тѣсное соприкосновеніе съ тюрками: воевали, дружили, братались и т. п., и такимъ путемъ тюрки передали намъ свои разсказы, въ свою очередь собранные ими во время ихъ кочеваній въ Азіи; русскія былины, такимъ образомъ, и представляютъ переработку этихъ разсказовъ. Слѣдовательно, въ русскихъ былинахъ нѣтъ ничего высоко-культурнаго и національнаго, какъ это хотѣли видѣть наши миѳологи, большей частью славянофилы, а ужъ миѳологіи тамъ и искать, конечно, нечего. Этотъ неожиданный выводъ, во всякомъ случаѣ остроумнаго, Стасова произвелъ ошеломляющее впечатлѣніе на тѣхъ, кто привыкъ вѣрить старой красивой миѳологической теоріи о русскомъ эпосѣ, о русскомъ исконномъ народномъ міросозерцаніи. Раздались взрывы негодованія. Начали полемизировать со Стасовымъ. Однимъ изъ первыхъ полемистовъ выступилъ и Буслаевъ; но полемика его носила совершенно опредѣленный характеръ. Имѣя въ виду взгляды Стасова и представителей старой школы, Буслаевъ подвергаетъ научно-

[1]) Перепечатаны въ дополненномъ видѣ въ собраніи сочиненій В. В. Стасова (Спб. 1894), III, 948 и сл.

исторической критикѣ репертуаръ народной поэзіи по тѣмъ сборникамъ, которые пользовались въ то время большой популярностью, и на которыхъ строили свои выводы и Стасовъ и его противники. Въ связи съ этой задачей Буслаевъ пишетъ рядъ статей (которыя позднѣе были объединены подъ названіемъ «Русская народная поэзія»), гдѣ онъ указываетъ, что не правы миѳологи, которые въ развитіи своей теоріи дошли до такой крайности, что заключили, что все содержаніе устно-народной поэзіи сводится къ миѳу о борьбѣ двухъ началъ, положительнаго и отрицательнаго: если подъ миѳологіей понимать борьбу солнца съ тучами, свѣта съ тьмой,—говоритъ Буслаевъ,—то подъ эту теорію можно подвести все, что угодно. Ошибка этой теоріи, какъ указываетъ Буслаевъ, съ логической точки зрѣнія, заключается въ неправильности обобщенія, не провѣряемаго фактами. Но не правъ и Стасовъ, который дѣлаетъ рѣшительный, общій притомъ для всей устной словесности выводъ на основаніи предвзятыхъ и невѣрно обобщенныхъ предпосылокъ. Не достаточно сказать, что мы сидѣли рядомъ съ тюрками, надо доказать, что мы не только могли, но и на самомъ дѣлѣ заимствовали отъ нихъ сюжеты былинъ.

Но еще, разумѣется, сильнѣе ополчились противъ Стасова представители науки славянофильскаго лагеря, которые считали нравственной своей обязанностью защитить оскорбленную русскую словесность отъ нападокъ западника Стасова, какъ разъ, на томъ матеріалѣ, въ которомъ они находили народную подлинную, самобытную, глубоко древнюю словесность, и съ которымъ такъ обидно обошелся авторъ «Происхожденія русскихъ былинъ». Такимъ защитникомъ и явился Орестъ Миллеръ, чѣмъ и объясняется полемическій характеръ его упомянутаго выше произведенія, въ которомъ онъ старается доказать дѣйствительную наличность миѳологіи въ нашемъ эпосѣ, его обще-индоевропейскую основу. Ошибка О. Миллера лежала въ самой основной мысли работы, а также въ методѣ: подтверждать на вѣру принятое, какъ доказанное уже научно, положеніе о высокой сохранности и самобытности нашего эпоса и выдѣлять эти признаки сохранности и древности содержанія эпоса по рецепту романтиковъ, теоретически и апріорно устанавливавшихъ, въ чемъ въ позднемъ эпосѣ надо видѣть черты древнія и миѳологическія. Несмотря на эту основную ошибку, за О. Миллеромъ остается крупная заслуга методологическаго свойства: никто до него не раздвигалъ такъ широко рамки сравнительнаго метода, никто не далъ такого широкаго пользованія варіантами былинъ, не оцѣнилъ ихъ значенія въ изслѣдованіи произведеній старой литературы—устной и отчасти книжной. Но, какъ бы то ни было, это была послѣдняя вспышка романтической ненаучной теоріи.

Новая школа. Теперешнее изученіе былевого эпоса стоитъ уже на строго научной почвѣ. Тепершніе ученые, какъ разъ изучаютъ элементы заимствованія и воздѣйствія въ нашемъ эпосѣ, происходившія въ теченіе ряда вѣковъ. Они указываютъ на то, что нашъ эпосъ миѳологіи въ подлинномъ ея видѣ не содержитъ уже, что онъ развился не въ древнѣйшій періодъ нашей исторіи, и что едва ли тотъ эпосъ, который мы знаемъ, старше XI—XII вѣка; въ цѣломъ же рядѣ случаевъ это—продуктъ поздній, можетъ быть, XV—XVI вѣковъ. Далеко не все въ этомъ эпосѣ является исконнымъ русскимъ; цѣлый рядъ былинъ является результатомъ заимствованія въ цѣломъ или въ частяхъ и часто элементовъ книжныхъ изъ литературъ народностей, съ которыми мы были въ культурныхъ отношеніяхъ во время отнюдь не доисторическое. Такимъ образомъ, послѣдняя попытка славянофиловъ не удалась, и миѳологическая школа быстро клонится къ упадку. Наоборотъ, бенфеевская теорія, но не въ крайнемъ ея примѣненіи, а въ болѣе научномъ, объективномъ, расширенномъ, беретъ верхъ и у насъ, и такое изученіе русской литературы продолжается у насъ и до сихъ поръ.

Правда, по временамъ являются попытки, такъ или иначе, вернуться къ миѳологическимъ теоріямъ, но онѣ показываютъ только, что изслѣдователь не стоитъ на высотѣ современнаго требованія науки. Были попытки нѣсколько оправдать и Стасова, внеся исправленія въ его общій взглядъ: такъ, В. Ѳ. Миллеръ попробовалъ дать научныя обоснованія теоріи заимствованія въ широкихъ размѣрахъ въ области народнаго эпоса, ослабивъ категоричность выводовъ Стасова и указавши на возможность иного историческаго обоснованія аналогій русскаго и восточныхъ эпосовъ. Большой знатокъ кавказскихъ языковъ и литературъ, обладающій большими знаніями въ области сравнительнаго языковѣдѣнія—В. Ѳ. Миллеръ въ «Экскурсахъ въ область народнаго эпоса» пробуетъ доказать, что если нашъ эпосъ не возникъ изъ тюркскихъ, кавказскихъ, иранскихъ сказокъ, то во всякомъ случаѣ элементы и иногда довольно обильные изъ сказаній этихъ народовъ присущи нашему эпосу. Но проходитъ 5—6 лѣтъ, выступаетъ новый изслѣдователь Н. П. Дашкевичъ, который разбираетъ книгу Миллера и вскрываетъ дѣйствительную историческую основу былины путемъ широкаго сравненія нашего эпоса съ лѣтописью [1]). Такимъ образомъ попытка В. Ѳ. Миллера терпитъ въ значительной степени неудачу, и всѣ послѣдующіе его труды (два тома «Очерковъ») являются почти сплошнымъ отказомъ отъ его прежнихъ взглядовъ. Теперь В. Ѳ. Миллеръ уже стоитъ

[1]) „Былины объ Алешѣ Поповичѣ“ (Кіевъ 1883) и Отчетъ о 36 присужденіи наградъ гр. Уварова“ (Спб. 1895).

вполнѣ на исторической точкѣ зрѣнія. Вотъ приблизительно судьба того теченія, которое было намѣчено славянофилами въ приложеніи къ изученію русской литературы и, слѣдовательно, къ изученію русской народности.

Другое теченіе, выдвинутое Стасовымъ и еще раньше намѣченное такъ прямо и ясно Буслаевымъ, точно также продолжаетъ свое развитіе.

Послѣ работъ Буслаева, главнымъ образомъ, послѣ его работы «О странствующихъ повѣстяхъ», нужно отмѣтить въ русской наукѣ при изученіи русской литературы въ строго историческомъ, въ строго объективномъ направленіи, прежде всего, А. Н. Пыпина. Первыя работы Пыпина вышли не изъ школы Буслаева, а непосредственно изъ школы тѣхъ западныхъ теченій, съ которыми мы познакомились отчасти. Эти западныя теченія тѣсно связаны съ бенфеевской школой. Въ 58-омъ году вышла большая ученая работа Пыпина «Очеркъ литературной исторіи повѣстей и сказокъ русскихъ». Здѣсь Пыпинъ совершенно ясно намѣчаетъ тотъ путь, которымъ онъ пришелъ къ этому труду: еще въ началѣ XIX вѣка англичанинъ Денлопъ издалъ большую работу подъ названіемъ «History of fiction» (1814, 1816, третье изд. 1843 г.), которую въ 1851 г. перевелъ и нѣсколько дополнилъ извѣстный изслѣдователь нѣмецкой старой литературы Ф. Либрехтъ, подъ заглавіемъ «Geschichte der Prosadichtung», гдѣ собраны были и сопоставлены средневѣковые печатные и отчасти рукописные разсказы. Здѣсь странствующая повѣсть была представлена очень обильно; изложены подробно и умѣло романы и сказки, начиная съ греческаго времени, кончая половиной XVIII вѣка. Книга Пыпина является продолженіемъ и расширеніемъ работы Либрехта: Либрехтъ, сторонникъ историко-сравнительнаго метода, видѣлъ недостатки книги Денлопа и дополнилъ ее восточными параллелями, какъ знатокъ и восточныхъ литературъ, напр., арабской, персидской, индійской и т. д. [1]). Либрехтъ, восполняя недостатки Денлопа, ограничился лишь литературами дальняго, азіатскаго Востока. Этотъ недостатокъ книги Либрехта восполняетъ Пыпинъ: занявшись отчасти византійской и преимущественно славяно-русской литературой, онъ указалъ, что и славяне сохранили въ своей литературѣ богатый запасъ международныхъ повѣствовательныхъ средневѣковыхъ элементовъ. Пыпинъ обратился ближайшимъ образомъ къ изслѣдованію русской повѣсти и ея исторіи, при чемъ

[1]) Ближнимъ Востокомъ и главнымъ образомъ славянскимъ, за малыми исключеніями, не интересовались въ 40-хъ и 50-хъ годахъ прошлаго вѣка въ Германіи: цѣлую область восточной литературы—литературу византійскую—стали изучать сравнительно недавно; славянскія же литературы, въ томъ числѣ русская, еще менѣе интересовали западнаго ученаго.

въ значительной степени, слѣдуя плану Либрехта, пользуется методомъ Бенфея: разбирая репертуаръ нашей старинной литературной повѣсти, онъ старается указать ея связь съ произведеніями того же характера на Западѣ и въ Византіи. Такимъ образомъ, Пыпинъ даетъ первую исторію русской повѣсти и романа, построенную на научныхъ основаніяхъ, и доказываетъ, что наша повѣсть не имѣла почти ничего самостоятельнаго, и что мы питомцы, главнымъ образомъ, переводной литературы: въ древній періодъ—византійской повѣсти, перешедшей къ намъ на Русь черезъ южно-славянскія страны; въ болѣе позднее время—западно-европейской повѣсти, которая переходитъ къ намъ черезъ Польшу и Германію, вообще черезъ католическій Западъ. За такого рода работу могъ взяться, разумѣется, прежде всего западникъ, и Пыпина представилъ типъ объективнаго ученаго этого рода. Несмотря на все его обычное для западника отрицательное отношеніе къ славянофиламъ, его научное воззрѣніе уже не позволяетъ въ интересахъ исторіи русской литературы пройти мимо того, что сдѣлали въ этой области славянофилы. Такимъ образомъ, Пыпинъ является первымъ западникомъ, который обращается къ объективному изученію исторіи русской литературы: т.-е., Пыпинъ исправляетъ ошибки западниковъ, которые не хотѣли изучать древне-русской народности и литературы, равно какъ славянофиловъ, которые не хотѣли изучать нашу книжность или изучали ее по своему.

Рядомъ съ Пыпинымъ, почти одновременно, выступаетъ такой крупный ученый, какъ Н. С. Тихонравовъ. Послѣдній былъ воспитанникомъ московскаго университета, съ одной стороны руссофила Шевырева, съ другой—Буслаева. Тихонравовъ является научнымъ изслѣдователемъ прежде всего въ области древне-русской литературы, и проходитъ приблизительно тѣ же стадіи развитія, что и Буслаевъ. Первыя работы Тихонравова, несмотря на историческій методъ, все-таки отдаютъ миоологическими теоріями, которыя звучали въ первыхъ трудахъ и его учителя—Буслаева; но отъ Шевырева Тихонравовъ заимствовалъ то знаніе древней литературы, въ которомъ у него, Тихонравова, тогда не было и, пожалуй, нѣтъ и до настоящаго времени соперниковъ. Тихонравовъ занимается, напр., изданіемъ «Слова о полку Игоревѣ» и даетъ одинъ изъ такихъ разборовъ, который въ научномъ смыслѣ и до сихъ поръ является однимъ изъ самыхъ крупныхъ. Онъ изучаетъ это произведеніе исторически, каждое слово этого произведенія получаетъ объясненіе на основаніи цѣлаго ряда древнихъ письменныхъ памятниковъ, и памятниковъ устной словесности; устанавливаетъ научнымъ путемъ самую обстановку, въ которой работалъ авторъ «Слова...» Въ этомъ произведеніи встрѣчается цѣлый рядъ отзвуковъ изъ нашего устнаго

народнаго эпоса: Тихонравовъ изучаетъ русскій народный эпосъ черезъ установленіе его вліянія на литературу книжную. Нужно сказать, что Тихонравовъ два раза издавалъ «Слово о полку Игоревѣ»: первое изданіе вышло въ 1865 г., второе въ 1868 г.. Если сравнить эти оба изданія, то увидимъ ту эволюцію, которую прошелъ, какъ разъ, въ эти годы Тихонравовъ въ своей научной дѣятельности. Въ первомъ изданіи еще видны попытки объяснить при помощи сравнительной миѳологіи тѣ поэтическіе отзвуки, которыми богато «Слово о полку Игоревѣ», въ изданіи же 1868 г. Тихонравовъ уже отказался отъ этого воззрѣнія и перешелъ на строго историческое изученіе. Затѣмъ, Тихонравовъ вмѣстѣ съ Пыпинымъ изучаетъ цѣлую новую область русской литературы, а именно переводную апокрифическую, которая оказала сильное вліяніе на нашу устную народную поэзію. Достаточно сказать, что значительная часть нашихъ духовныхъ стиховъ получаетъ свое объясненіе именно изъ апокрифической легенды: Тихонравовъ вмѣстѣ съ Пыпинымъ кладетъ основаніе изученію легенды въ исторіи русской литературы. Это одна вѣтвь изслѣдователей, получившая начало отъ Буслаева [1]).

Другая вѣтвь школы того же Буслаева выходитъ въ цѣлое ученое направленіе, являющееся теперь основнымъ въ нашей литературѣ. Полнѣе всего направленіе это оказалось въ трудахъ Александра Николаевича Веселовскаго. Онъ былъ воспитанникомъ Буслаева по московскому университету, затѣмъ въ продолженіе почти 40 лѣтъ онъ работаетъ въ качествѣ профессора петербургскаго университета и академика. Онъ оставилъ послѣ себя громадное количество трудовъ, которые касаются не только русской, но и зап.-европейской литературы. Перу Веселовскаго принадлежитъ одно изъ лучшихъ въ Европѣ изслѣдованій по литературѣ итальянскаго возрожденія («Вилла Альберти»), изслѣдованія общаго характера по роману, повѣстямъ и т. д.; перу Веселовскаго же принадлежатъ замѣчательныя изслѣдованія дѣятельности Петрарки, Боккачіо. Но не въ этомъ лежитъ главная заслуга Веселовскаго передъ русской наукой. Есть много русскихъ ученыхъ, которые посвящали себя изученію чужой литературы и достигали значительныхъ результатовъ; цѣлый рядъ русскихъ ученыхъ вносилъ и вноситъ новое въ зап.-европ. научную литературу; но заслуга Веселовскаго заключается въ томъ, что изученіе русской литературы въ строго научномъ смыслѣ онъ поставилъ на такую высоту, что до сихъ поръ его изслѣдованія являются постоянно исходнымъ пунктомъ для вся-

---

1) Обстоятельный обзоръ дѣятельности Н. С. Тихонравова принадлежитъ А. Н. Рудневу: „Академикъ Н. С. Т. и его труды по изученію памятниковъ древне-русской литературы". Варшава. 1914.

каго историка русской и, пожалуй, даже западно-европейской литературы. Такимъ образомъ, мы видимъ, что Веселовскій пошелъ по слѣдамъ Буслаева, но значительно двинулся впередъ и совершенно ясно и отчетливо соединилъ общеисторическую точку зрѣнія съ точкой зрѣнія буслаевской: для него явленія русской литературы, какъ для представителя буслаевской школы и отчасти черезъ Буслаева бенфеевской школы, не есть факты только русской литературы, а литературы міровой, и онъ ихъ изучаетъ не только, какъ факты русской литературы, но и какъ факты міровой литературы. Слѣдовательно, для него русская литература уже является неотъемлемымъ членомъ міровой литературы, иначе: Веселовскій опредѣляетъ мѣсто ея въ этой литературѣ, выясняя то, что сдѣлано русской литературой въ общемъ развитіи міровой литературы, выясняетъ взаимоотношенія ихъ, изучаетъ ихъ въ ихъ «взаимообщеніи» (ср. Буслаева). Такая широкая программа требовала исключительной строгости метода, и Веселовскій даетъ намъ образецъ такого строгаго примѣненія сравнительно-историческаго метода. Ни одно явленіе въ жизни любого народа—въ данномъ случаѣ, русскаго народа—не изучается имъ иначе, какъ сравнительно, при чемъ это сравненіе строится на строго научныхъ основаніяхъ культурной исторіи, а именно: изучая извѣстное явленіе, онъ изучаетъ его не само по себѣ, а въ той исторической обстановкѣ, въ которой происходитъ это явленіе. Такого рода постановка изученія требуетъ громадной эрудиціи, знакомства съ громаднымъ количествомъ фактовъ не только литературныхъ, но и культурныхъ. Всѣми этими знаніями Веселовскій обладаетъ въ полной мѣрѣ. Таковы работы Веселовскаго: «О Соломонѣ и Китоврасѣ, изъ исторіи литературнаго общенія Востока и Запада», «Разысканія въ области духовнаго стиха», «Изъ исторіи христіанской легенды», и мн. др. При такой широкой постановкѣ изученія исторіи литературы, онъ даетъ такое яркое освѣщеніе русскимъ фактамъ, котораго до сихъ поръ никто не давалъ, и при этомъ освѣщеніи это настолько всесторонне, что факты литературы въ большинствѣ случаевъ являются вполнѣ ясными въ своемъ прошломъ и вполнѣ исчерпанными. акимъ образомъ, если Веселовскій работаетъ, напр., въ области ле- енды западно-европейской, то тѣмъ самымъ разрабатываетъ и русскую егенду. Изъ работъ Веселовскаго, какъ образцовую по методу, можно мѣтить его «Южно-русскія былины». Это произведеніе не лько изучаетъ исторію русской былины, но и вноситъ много новаго литературу общеевропейскую и довольно характерно для русской уки. Сущность работы этой заключается въ слѣдующемъ: еще въ хъ гг. обострился такъ называемый «малорусскій» вопросъ; предвители руссофильства, такъ называемой «офиціальной народности»,

стараются при помощи данныхъ науки, главнымъ образомъ, исторіи литературы, тенденціозно отвергать право малорусской литературы и языка на самостоятельное существованіе, отрицая историческую и племенную связь малорусскаго племени въ старой Кіевской, а слѣдовательно, по ихъ мнѣнію и съ прямой наслѣдницей ея Московской Русью; по ихъ мнѣнію, современная малорусская литература явленіе совершенно новое по происхожденію, какъ и само малорусское племя, пришедшее съ запада; если есть литература малорусская, то она не старше XVI—XVII вѣковъ по времени возникновенія, а нѣкоторые горячіе защитники этихъ взглядовъ говорятъ даже, что она не старше XVIII вѣка (времени Котляревскаго съ его «Энеидой»). Въ числѣ доказательствъ такого мнѣнія приводили между прочимъ и то, что древній эпосъ, содержащій въ себѣ разсказы о кіевскомъ великомъ князѣ Владимирѣ и его кіевскихъ богатыряхъ, есть исключительная принадлежность великорусскаго племени и сохранился на сѣверѣ, т.-е.—у потомковъ кіевлянъ, великоруссовъ; на югѣ ничего подобнаго нѣтъ, да и не было, прибавляютъ такіе полемисты. Отсюда ясно, что малороссійскій народъ не имѣетъ права на древній эпосъ. Путемъ внимательнаго и критическаго изученія того, что даетъ современная малорусская устная словесность, Веселовскій приходитъ къ совершенно опредѣленному выводу, именно: оказывается, что, если богатырскаго эпоса въ настоящее время у малороссовъ нѣтъ, то изъ этого нельзя еще заключать, что его не было совсѣмъ; при болѣе внимательномъ изученіи современнаго малороссійскаго эпоса (пѣсни-думы, сказки, обрядовая пѣсня, легенды) оказывается, что онъ былъ, и что это былъ тотъ же эпосъ, который сохранился въ болѣе древнемъ видѣ на сѣверѣ-востокѣ. Веселовскій беретъ современную малороссійскую сказку о Михайликѣ: въ нее вошли посторонніе, чужіе элементы. Эти элементы Веселовскій отстраняетъ и, въ концѣ концовъ, получается основа сказки о Михайликѣ, которая совпадаетъ съ великорусской былиной. Вотъ тотъ путь, которымъ идетъ Веселовскій въ изученіи эпоса: такого рода выводъ при прежнихъ теоріяхъ, считавшихъ все, что есть въ народѣ, самобытнымъ, былъ, разумѣется, невозможенъ. Такими же крупными являются и работы Веселовскаго въ области изученія русскаго духовнаго стиха, упомянутыя выше: это—цѣлыхъ три тома въ которыхъ онъ объясняетъ, что такое духовные стихи; оказывается что въ современный ихъ составъ входили и дѣйствительно устно-народные элементы, и чисто русскіе, и восточные, и западные и элементы книжные, при томъ въ разное время. Такимъ образомъ, онъ даетъ намъ и общее представленіе о литературѣ нашей устно-народной; о[н]а вовсе не есть что-нибудь неподвижное, сохранившееся искони вѣков[ъ] но, наоборотъ, живетъ той же самой жизнью, что и всякая литератур[а]

измѣняясь, приспособляясь къ условіямъ времени, воспринимая и выдѣляя изъ себя элементы чрезвычайно разнообразные. Такимъ образомъ, работы Веселовскаго окончательно вывели изученіе русской литературы на тотъ широкій путь объективнаго сравнительнаго изслѣдованія, по которому идетъ оно въ настоящее время: путь намѣченъ Буслаевымъ, проложенъ Веселовскимъ [1]).

Тотъ широкій размахъ сравнительнаго изученія литературы, который приданъ этому изученію Веселовскимъ, потребовалъ большой разносторонности и исключительной эрудиціи и талантливости отъ историка литературы: выполненіе задачи во всемъ ея объемѣ было, да и то не всегда, подъ силу самому только А. Н. Веселовскому; поэтому послѣ Веселовскаго оказалось наиболѣе продуктивнымъ раздѣленіе труда: отдѣльные ученые посвящаютъ свои силы отдѣльнымъ вопросамъ, исторіи отдѣльныхъ памятниковъ, при чемъ область международныхъ отношеній большею частью получаетъ значеніе фона для исторіи памятника, тѣсно связываемаго съ почвой русской, т.-е., изучается преимущественно памятникъ, какъ фактъ данной литературы, освѣщаются международныя отношенія мотивовъ памятника, а не мотивъ, нашедшій мѣсто въ памятникѣ, въ его международномъ общеніи. Таковы работы одного изъ выдающихся историковъ литературы русской И. Н. Жданова, изучавшаго по этому плану важный вопросъ о взаимовліяніи литературы книжной и устной на русской почвѣ въ своихъ образцовыхъ по методу трудахъ: «Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи» (Кіевъ, 1881) и «Русскій былевой эпосъ» (Спб., 1895), гдѣ жизнь книжнаго, переводнаго памятника развертывается широко на фонѣ отраженій его и въ средѣ произведеній устной словесности [1]). Образцомъ разработки частнаго вопроса—мотива, сюжета—въ духѣ А. Н. Веселовскаго, представляетъ, напр., работа Ѳ. Батюшкова «Споръ души съ тѣломъ» въ памятникахъ средневѣковой литературы (Спб., 1891), гдѣ среди міровыхъ мотивовъ «преній» нашли мѣсто и русскія оригинальныя и переводныя «пренія» живота со смертію.

---

[1]) Полнаго подробнаго очерка дѣятельности А. Н. Веселовскаго еще не сдѣлано; есть лишь болѣе или менѣе полные перечни его работъ (Указатель къ научнымъ трудамъ 1859—95 г. Спб. 1896; П. К. Симони, „Къ XL-лѣтію уч. лит. дѣят. А. Н. Веселовскаго". Спб. 1902). Полное собраніе сочиненій А. Н. Веселовскаго издается Акад. Наукъ; вышло 5 томовъ.

[2]) Сочиненія И. Н. Жданова собраны и изданы въ 2-хъ томахъ И. Акад. Наукъ (Спб. 1904 и 1907); его „Былевой эпосъ" не переизданъ.

IV. Вспомогательныя науки. Слѣдующей главой нашего «Введенія» въ исторію русской литературы будетъ, какъ было указано, ознакомленіе, по крайней мѣрѣ, съ главнѣйшими вспомогательными средствами, при помощи которыхъ мы можемъ сознательно отнестись къ матеріалу, подлежащему изученію исторіи древне-русской литературы. На первомъ мѣстѣ здѣсь должны быть поставлены вопросы: гдѣ можетъ быть найденъ матеріалъ, и каковъ этотъ матеріалъ?

Библіографія. На первый вопросъ отвѣчаетъ обыкновенно библіографія. На второй вопросъ отвѣтитъ рядъ отдѣльныхъ дисциплинъ, которыя спеціально разрабатываютъ вопросы, имѣющіе мѣсто, но какъ частные, и при изученіи древне-русской литературы. Сюда относятся: палеографія, исторія русскаго языка, этнографія и т. д. О каждой изъ этихъ отраслей, играющихъ, въ данномъ случаѣ, роль наукъ вспомогательныхъ по отношенію къ исторіи русской литературы, необходимо сказать, обративши вниманіе на то, что будетъ наиболѣе полезно для изучающихъ древне-русскую литературу.

Что касается библіографіи, т.-е. той отрасли знанія, которая спеціально собираетъ указанія о матеріалѣ по той или другой спеціальности, то, въ данномъ случаѣ, библіографія древне-русской литературы тѣсно связана съ библіографіей русской исторіи вообще. Несомнѣнно, что библіографическіе труды должны были возникнуть въ періодъ собиранія матеріала, т.-е. въ начальный періодъ изученія русской литературы, приблизительно въ концѣ XVIII вѣка и до 20—30-хъ годовъ XIX вѣка. Но, конечно, ожидать въ это время особаго развитія библіографіи, какъ справочника, какъ указателя, гдѣ какой матеріалъ находится, было бы трудно. Когда такого матеріала накопилось у собирателей достаточно, тогда только и начался библіографическій обзоръ этого матеріала, его сортировка по отраслямъ.

Первую серьезную библіографію мы видимъ въ концѣ XVII вѣка [1]) русской литературы, но къ этому времени библіографія еще не отличается ни полнотой, ни совершенствомъ. На болѣе правильный путь библіографія вступаетъ уже въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка, тогда, когда уже накопился матеріалъ въ большей степени, когда пробудилось и въ обществѣ самосознаніе. Одной изъ первыхъ работъ въ области нашей библіографіи, къ которой до настоящаго времени приходится иногда обращаться, была работа Новикова. Новиковъ, какъ уже было говорено, издалъ «Опытъ словаря русскихъ писателей», который охватыва-

[1]) Этотъ трудъ неизвѣстнаго начитаннаго любителя (одни считали имъ извѣстнаго въ XVII в. ученаго Сильвестра Медвѣдева, другіе также ученаго того же времени Каріона Истомина) изданъ въ „Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Др.“ 1846 г. кн. 3.

етъ, главнымъ образомъ, XVIII вѣкъ и только изрѣдка отмѣчаетъ крупные литературные факты XVII вѣка. Поэтому матеріала, который могъ бы быть полезенъ намъ для изученія литературы предшествующихъ столѣтій, начиная съ X или XI вѣковъ, у Новикова мы почти не встрѣтимъ. Это и понятно: тогда, въ 1772 г., еще не было почти ничего извѣстно о литературѣ и очень мало по исторіи этого стараго періода. Новиковъ, проникнувшись историческимъ самосознаніемъ, старается оглянуться назадъ, но дальше XVII вѣка интересы его не простираются. Но все-таки для изучающихъ литературу XVIII вѣка «Словарь русскихъ писателей» Новикова, какъ составленный по свѣжимъ слѣдамъ, отчасти современникомъ, по фактамъ самой литературы XVIII вѣка, представляетъ не мало интереса.

Гораздо болѣе широкое значеніе въ области библіографіи пріобрѣтаетъ трудъ другого, уже намъ извѣстнаго дѣятеля и въ области изученія литературы—митрополита Евгенія Болховитинова, одного изъ сотрудниковъ Румянцова, одного изъ наиболѣе усердныхъ и ранѣе другихъ вышедшихъ на научный путь изслѣдователей памятниковъ древней письменности, оставившаго послѣ себя два словаря, одинъ— «Писателей россійскихъ духовнаго чина», другой словарь «Писателей русскихъ свѣтскихъ». Самыя заглавія уже показываютъ, какого рода матеріалъ входилъ въ тотъ и другой словарь. Здѣсь мы уже имѣемъ матеріалы и по древнему періоду русской исторіи и русской литературы. Само собой понятно, что отъ Евгенія нельзя было требовать безусловной полноты и ясности, потому что онъ жилъ въ эпоху, когда серьезная разработка исторіи древней литературы только начиналась. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ, которымъ впервые приходилось открывать, изслѣдовать сырой матеріалъ и знакомить съ нимъ другихъ. Тѣмъ не менѣе «Словари» Евгенія (особенно, «Словарь писателей духовнаго чина», какъ касающійся области духовной литературы, наиболѣе характерной и обильной въ древнемъ періодѣ нашей письменности и болѣе близкой самому Евгенію по его положенію и направленію, и потому отличающійся большей полнотой) сохраняютъ въ значительной степени свое значеніе: къ нимъ до сихъ поръ приходится обращаться за справками. «Словарь писателей свѣтскихъ» является въ значительной долѣ продолженіемъ, дальнѣйшимъ развитіемъ словаря Новикова, но онъ менѣе удовлетворителенъ. Вотъ главные словари древнихъ писателей, интересные для того времени. Но, конечно, словарями не исчерпывается библіографія. Древне-русская литература отличается отъ современной прежде всего тѣмъ, что въ ней не только часто встрѣчаются, но и преобладаютъ памятники, а не лица, т.-е., мы знаемъ много памятниковъ, авторовъ которыхъ мы не знаемъ; поэтому отдѣльныя произве-

денія, неизвѣстно кѣмъ написанныя, или, по крайней мѣрѣ, долгое время неизвѣстно кѣмъ написанныя, такія произведенія съ трудомъ и большей частью случайно могли попадать въ словари писателей. Это объясняетъ, почему рядомъ со словарями писателей возникаютъ другого рода библіографіи: обзоры самыхъ памятниковъ литературы, большею частью анонимныхъ, обзоры ихъ списковъ, которые дошли до нашего времени отъ старой эпохи. Въ этомъ направленіи библіографія русской литературы даетъ очень многое. Прежде всего собираніемъ, приведеніемъ въ извѣстность такихъ памятниковъ занималась вся школа Румянцова, вся созданная имъ Археографическая Комиссія. Матеріала было извлечено сотрудниками Румянцова очень много. Но его такъ или иначе нужно было привести въ извѣстность, въ порядокъ, и вотъ мы видимъ, что приведеніемъ въ библіографическій порядокъ этого матеріала занимается рядъ видныхъ ученыхъ той же школы, напр., П. Строевъ, Калайдовичъ и др.

Но пока до 50—60-хъ годовъ у насъ въ распоряженіи нѣтъ такихъ общихъ обзоровъ памятниковъ литературы. Это время наступило позднѣе, когда уже русская наука вполнѣ сформировалась и вышла на вполнѣ научный путь. Къ этой эпохѣ можно, пожалуй, отнести труды, которые имѣютъ отношеніе къ этой области, но не будутъ въ прямомъ смыслѣ справочными книгами, подобно словарямъ: имѣемъ въ виду описанія отдѣльныхъ рукописныхъ собраній, которыя занимаютъ очень видное мѣсто, играютъ видную роль въ тѣхъ трудахъ, которыми сопровождается развитіе русской науки исторіи литературы. Но о нихъ придется говорить ниже.

Съ другой стороны, можно указать труды, которые стараются совмѣстить принципы «Словарей писателей» съ принципами чисто библіографическаго указанія на самое произведеніе. Образцомъ такого рода труда можно назвать «Опытъ Россійской библіографіи» В. Сопикова (1813—1821 г., 5 томовъ) [1]. Сопиковъ былъ большимъ любителемъ книгъ, собирателемъ ихъ. Въ концѣ своей дѣятельности рѣшилъ издать «Опытъ Россійской библіографіи», т.-е., перечень всѣхъ русскихъ книгъ, которыя были печатаны, какъ церковнымъ, такъ и гражданскимъ шрифтомъ. Его кругозоръ, такимъ образомъ, не ограничился тѣми книгами, которыя читались въ его время или въ періодъ близкій къ нему, т.-е., до 20-хъ гг. XIX ст.: онъ желаетъ дать обзоръ русской и славянской книги съ конца XV вѣка, когда была основана первая славянская ти-

---

[1]) Трудъ Сопикова былъ переизданъ съ поправками В. Н. Рогожинымъ въ 1908 г. (Спб.); имъ же изданъ подробный указатель къ этому труду („Чтенія въ Общ. Ист. и Древн.“ за 1899 г.).

пографія (въ Краковѣ), и напечатана первая славянская книга (1491 г.), и съ половины XVI в., когда основана была первая русская типографія въ Москвѣ, и напечатана первая русская книга (извѣстный «Апостолъ» Федорова 1563 г.). Сопиковъ даетъ т. о. обзоръ печатныхъ книгъ съ XV и до начала XIX вѣковъ, и не только книгъ, но и писателей. Это значительно облегчаетъ наше знакомство съ тѣмъ, что было сдѣлано въ древній періодъ нашей письменности. Слѣдовательно, если у Сопикова мы не будемъ искать полнаго матеріала для изученія древне-русской литературы, то, съ другой стороны, найдемъ обильный печатный матеріалъ для этого изученія, по скольку онъ дошелъ съ конца XV вѣка и до начала XIX вѣка и сталъ извѣстенъ книжному любителю; а въ этомъ матеріалѣ мы можемъ встрѣтить указанія, которыя полезны и намъ, изучающимъ болѣе древнюю эпоху, даже древне-кіевскій періодъ, такъ какъ ко времени Сопикова уже было издано кое-что изъ произведеній этого періода, напр., лѣтописи, Слово о полку Игоревѣ и др.. Къ этому указателю и до сихъ поръ приходится довольно часто обращаться изслѣдователямъ, потому что другого такого общаго и полнаго обзора русской книги за такой большой періодъ времени, который далъ намъ Сопиковъ, мы не имѣемъ, несмотря на цѣлый рядъ трудовъ, которые предприняты были позднѣе Межовымъ, Ундольскимъ, Каратаевымъ и др.; эти послѣдніе труды [1]) имѣютъ не общій, а частный и спеціальный характеръ.

Рукописи. Другой группой библіографическаго матеріала, важной для историка древней литературы, являются, какъ сказано, описанія рукописей. Но, прежде чѣмъ говорить объ этомъ, нужно напомнить о томъ явленіи, въ связи съ которымъ возникла эта обширная область библіографіи—описанія рукописей. Намъ уже извѣстно, что въ концѣ XVIII вѣка у насъ замѣчается интересъ къ собиранію древнихъ предметовъ, рѣдкостей. Въ числѣ ихъ находятся и памятники старинной письменности. Такъ какъ русская литература вплоть до второй половины XVI вѣка могла пользоваться для своего развитія только письменностью, т.-е., литературные памятники сохранялись и распространялись путемъ переписыванія, потому что печатныхъ книгъ еще не было, то легко себѣ представить, какую роль играла письменность до второй половины XVI в.. Но и тогда, когда появилась печатная книга, привычка распространять рукописнымъ путемъ интересныя произведенія не утратилась

[1]) Межовъ издавалъ библіографію (правда, весьма полную) преимущественно по изданіямъ XIX в., Ундольскій—дополнилъ списки Сопикова книгъ церковной печати, Каратаевъ описывалъ также церковныя книги, но остановился на половинѣ XVII в., Пекарскій—книги Петровскаго времени и т. п.

по той простой причинѣ, что первоначально печатныя книги были предназначены для узко-опредѣленной цѣли: до конца XVII в. печатались почти исключительно книги богослужебныя, притомъ въ ограниченномъ количествѣ. По этой причинѣ печатный станокъ первое время не могъ успѣшно служить для развитія всей литературы, а потому рядомъ съ печатными книгами продолжаютъ распространяться рукописныя. Громадное количество рукописей пишется и переписывается въ теченіе XVI—XVII вѣкахъ. Въ XVIII вѣкѣ дѣло обстоитъ лучше: появленіе гражданской печати значительно усилило средства литературы; но все-таки и въ XVIII вѣкѣ рукопись не изгнана изъ употребленія. Если припомнить общій характеръ литературы XVIII в., какъ онъ обычно представляется, то увидимъ, что печатные станки новаго петровскаго шрифта обслуживаютъ не всю русскую литературу, а только ея аристократическую, передовую часть, литературу той части русскаго общества, которая быстро сближается съ западной Европой или сознательно гонится за этимъ сближеніемъ. Эта часть общества живетъ новой литературой, развивающейся подъ сильнымъ воздѣйствіемъ Запада. Остальная, бо̀льшая часть, русскаго грамотнаго общества не интересуется или мало интересуется этой чуждой ей литературой; она живетъ попрежнему традиціями и памятниками старой литературы XVI—XVII вѣковъ, читая и перерабатывая ихъ, по своимъ взглядамъ и вкусамъ; поэтому новая, передовая, аристократическая литература для этой части общества почти не существуетъ, а потому не существуетъ для нея и печатный станокъ, который служитъ теперь такимъ писателямъ, какъ Державинъ, Ломоносовъ, Сумароковъ и др. Книги, удовлетворяющія потребности стараго читателя, не воспринимающаго новую литературу, попрежнему должны размножаться при помощи рукописи. И вотъ мы видимъ, что въ XVIII и даже въ началѣ XIX вѣковъ въ среднихъ и низшихъ классахъ русскаго общества рукопись продолжаетъ еще существовать. Такимъ образомъ, древне-русская литература, какъ рукописная, въ своемъ развитіи находится въ зависимости отъ тѣхъ средствъ, которыми она пользуется. Печатный станокъ передаетъ очень точно то, что написано авторомъ, и передаетъ сразу въ массѣ экземпляровъ, въ нѣсколькихъ сотняхъ, тысячахъ, десяткахъ тысячъ и т. д. Съ рукописью дѣло обстоитъ иначе. Тамъ каждый экземпляръ приходится воспроизводить отдѣльно. Слѣдовательно, рукописное дѣло идетъ медленно, слабѣе способствуетъ развитію литературы. Въ рукописномъ дѣлѣ существуютъ собственныя правила, собственные законы, свои навыки. Если въ настоящее время такіе поступки, какъ переписываніе чужихъ произведеній или ихъ перепечатываніе, считаются актомъ контрафакціи, то мы исходимъ здѣсь изъ опредѣленнаго понятія объ авторской собственности: то, что написано какимъ-ни-

будь лицомъ, то принадлежитъ только этому лицу; если кто воспользуется безъ согласія автора произведеніемъ его, то совершитъ своего рода кражу—«плагіатъ». Старый русскій человѣкъ иначе смотрѣлъ на литературную собственность: разъ произведеніе было написано, разъ оно было пущено въ оборотъ, оно переставало въ его глазахъ быть личной собственностью написавшаго. Имя писателя сохраняется, если оно представляетъ интересъ; но по большей части читателя мало интересуетъ имя автора, его гораздо больше интересуетъ самое произведеніе. Часто имя автора совершенно пропадаетъ, произведеніе становится анонимнымъ. Мы не знаемъ имени цѣлаго ряда авторовъ, хотя произведенія ихъ существуютъ; существуетъ, напр., цѣлый рядъ «Словъ святыхъ отецъ, какъ жить христіанамъ»: это—произведенія главнымъ образомъ практическаго характера и нравоучительнаго; авторовъ этихъ произведеній мы не знаемъ. Мало этого: иногда для приданія этимъ анонимнымъ произведеніямъ бо́льшаго значенія или изъ уваженія къ нимъ произведенія эти приписывались умышленно, чаще неумышленно, другимъ лицамъ, извѣстнымъ, авторитетнымъ. Такъ, напр., большей популярностью пользовался крупный писатель, но не русскій, а византійскій—Іоаннъ Златоустъ и пользовался популярностью не только въ Греціи, но и у всѣхъ славянъ, въ частности и у насъ. И среди русскихъ рукописей мы встрѣчаемъ массу произведеній съ именемъ Іоанна Златоуста въ заголовкѣ; но было бы ошибкой предполагать, что все это подлинныя произведенія Іоанна Златоуста: почти треть ихъ не принадлежитъ указанному автору, они только надписаны именемъ Іоанна Златоуста, какъ лица почетнаго, чтобы тѣмъ самымъ выразить оцѣнку того или иного важнаго и любопытнаго произведенія. Словомъ, произведеніе, ставшее доступнымъ публикѣ, становится общимъ достояніемъ. Всякій, кто имѣетъ списокъ этого произведенія, является его хозяиномъ. Отсюда то свободное отношеніе къ подлиннымъ произведеніямъ, которое мы видимъ въ древней письменности, и не только въ XI—XII вѣкахъ, но и въ XVI—XVII вѣкахъ и отчасти въ XVIII вѣкѣ. Взявши извѣстное произведеніе, писецъ не считаетъ себя обязаннымъ переписывать буквально, онъ распоряжается произведеніемъ такъ, какъ находитъ это нужнымъ. Интересны, напр., нѣкоторыя произведенія, направленныя противъ евреевъ, не вѣрующихъ во Христа. Эти произведенія переходятъ изъ византійской письменности; они цѣнны въ жизни стараго читателя, какъ направленныя къ защитѣ христіанства. Появились они въ нашей письменности въ XI—XII вѣкѣ. Наступаетъ XV—XVI вѣкъ, вѣкъ своеобразной русской націоналистической эпохи, окрашенной въ нѣкоторой степени чертами еврейства. Произведеніе, написанное въ XI—XII вѣк., хотя и подходитъ для извѣстной цѣли—борьбы

православныхъ съ «жидовствующими», но условія жизни XVI вѣка уже не тѣ, что были въ XI—XII вѣкахъ. И вотъ мы видимъ, что книжникъ XV—XVI вѣка, переписывая старое произведеніе, измѣняетъ его, примѣняясь къ условіямъ современности, вноситъ еще много полемическихъ элементовъ противъ своихъ враговъ, намеки на современность, угрозы и наказанія, которыми грозитъ еретикамъ правительство, и т. д. Получается переработка стараго произведенія, новая его редакція, при чемъ памятникъ можетъ сохранить свое прежнее названіе. Такъ, существуетъ популярная «Толковая Палея», памятникъ XII—XIII вѣка; въ XV вѣкѣ подъ вліяніемъ условій борьбы съ жидовствующими онъ начинаетъ перерабатываться, но въ основѣ сохраняетъ свое содержаніе и свое прежнее заглавіе. Такимъ образомъ получилась новая редакція «Толковой Палеи». По всѣмъ этимъ причинамъ разбираться въ старинныхъ памятникахъ далеко не легко. Недостаточно найти какой-нибудь текстъ стараго памятника, надо убѣдиться въ томъ, что этотъ текстъ на всемъ протяженіи своей литературной исторіи оставался въ томъ видѣ, въ какомъ его нашли, а это бываетъ очень рѣдко. Большинство памятниковъ испытываетъ измѣненія въ родѣ указанныхъ. Возьмемъ, напр., «Слово митрополита Иларіона», памятникъ XI вѣка. Чтобы установить подлинный его текстъ, мы должны по возможности собрать большое количество его списковъ, изучить эти списки, и тогда только окажется возможнымъ установить—и то предположительно—первоначальный подлинный текстъ. Тогда только мы получимъ возможность сказать, что «Слово Иларіона» имѣло тотъ или иной видъ.

Такое состояніе древней письменности объясняетъ, почему первые собиратели, изучающіе русскую литературу, собирая рукописи, не говоря уже о погонѣ за рѣдкостью, старались собрать какъ можно больше того, что осталось отъ древне-русской литературы. Въ зависимости отъ того, при какихъ условіяхъ приходилось работать собирателю, получалось большее или меньшее количество матеріала. Въ русскомъ обществѣ еще въ концѣ XVIII вѣка появились спеціальныя собранія рукописей [1]). Это былъ своего рода патріотическій подвигъ, спортъ пробуждавшагося самосознанія. Но, начиная съ 30-хъ годовъ XIX вѣка, особенно въ московскомъ обществѣ, собирательство развивается въ своего рода страсть. Появляется цѣлый рядъ собраній. Прежде всего состоятельные люди, родовитые дворяне и купцы, начинаютъ собирать коллекціи рукописей. Позднѣе этимъ собраніемъ занимаются и

---

[1]) Первое собраніе, съ научной цѣлью составлявшееся, было Академіи Наукъ, которая еще по завѣту Петра Великаго должна была собирать лѣтописи и хронографы для созданія ученой исторіи Россіи.

частныя и казенныя учрежденія, само правительство. Не имѣя возможности пріобрѣтать все, что представляетъ интересъ, начинаютъ изучать собранія, которыя сохранились до нашего времени отъ старины при церквахъ, при монастыряхъ, въ отдѣльныхъ учрежденіяхъ, въ родѣ бывшихъ старыхъ приказовъ Московскаго государства, и т. д. Обладатели рукописнаго матеріала и сами стараются разобраться въ этомъ, оказавшемся, дѣйствительно, огромнымъ матеріалѣ. Сразу этого сдѣлать, конечно, не было возможности: для этого не хватаетъ ни силъ, ни средствъ. Приходилось издавать только то, что было можно, чаще же ограничиваться болѣе скромной ролью: приводить въ извѣстность то, что до сихъ поръ нашлось. Эту-то цѣль и преслѣдуютъ тѣ описанія рукописей, о которыхъ мы начали говорить. Съ 30-хъ годовъ и до настоящаго времени эта работа непрерывно продолжается, но далеко не все добытое до сихъ поръ приведено въ извѣстность, хотя имѣется въ печати уже цѣлый рядъ описаній.

Перечислять всѣ эти описанія безполезно [1]); для нашей настоящей цѣли достаточно дать понятіе объ этой отрасли библіографіи. Но все же нужно указать на нѣкоторыя рукописныя собранія, съ которыми намъ чаще всего придется имѣть дѣло, и которыя представляютъ наибольшую научную цѣнность для изучающаго исторію литературы. Параллельно съ указаніемъ наиболѣе цѣнныхъ собраній рукописей, укажемъ и на тѣ описанія, которыя существуютъ для этихъ собраній, при чемъ ограничимся преимущественно московскими крупными собраніями, какъ наиболѣе намъ доступными; описанія эти, помимо непосредственной библіографической, иногда имѣютъ цѣнность и чисто историко-литературную.

На первомъ мѣстѣ изъ такихъ собраній нужно поставить Московскую Синодальную (патріаршую) библіотеку. Она находится въ Кремлѣ при синодальной, или патріаршей, ризницѣ. Эта библіотека представляется одной изъ наиболѣе цѣнныхъ библіотекъ въ Россіи по значенію собранныхъ въ ней памятниковъ, по своему старѣйшему происхожденію. Названіе ея «патріаршей» показываетъ, что эта библіотека рукописей существовала еще тогда, когда существовало у насъ патріаршество, т.-е., еще въ XVII вѣкѣ. Это была домашняя, подручная библіотека патріарха всероссійскаго, главы русской церкви, и въ силу

---

[1]) Имѣются довольно полные перечни печатныхъ описаній рукописей, каковъ, напр., въ „Очеркѣ кирилловской палеографіи“ Е. Ѳ. Карскаго (Варшава 1901), стр. 18—32; ср. А. И. Соболевскаго, „Славянорусская палеографія“ (изд. 2, Спб. 1908, стр. 18—19); см. также въ предисловіи къ начатому (вышелъ пока первый выпускъ) большому труду Н. К. Никольскаго „Рукописная книжность древнерусскихъ библіотекъ“ (XI—XVII вв.). Спб. 1914 (изд. О. Л. Д. П.), стр. XIII и сл.

того положенія, которое занималъ въ государствѣ глава русской церкви, и въ силу интереса, который онъ проявлялъ къ русской письменности, преимущественно церковной, эта библіотека сосредоточила въ своихъ стѣнахъ такіе крупные и древніе памятники. Тамъ мы находимъ памятники XI вѣка, напр., сборникъ 1073 г. кн. Святослава, цѣлый рядъ «Апостоловъ», «Евангелій», «Твореній святыхъ отцовъ»,—и все это въ древнихъ, часто даже XI—XII—XIII вѣковъ, спискахъ. Очевидно, эти рукописи собирались здѣсь въ теченіе долгаго времени, вѣроятно, отчасти еще митрополитами—до утвержденія патріаршества. Однимъ изъ крупныхъ вкладчиковъ въ этомъ направленіи былъ патріархъ Никонъ. Рѣшившись ввести въ церковный обиходъ книгу новой печати, патріархъ для справокъ собиралъ тѣ старыя рукописи, на основаніи которыхъ можно было бы произвести исправленіе богослужебной книги, подлежащей изданію. Такъ какъ въ этомъ отношеніи важное значеніе представляли книги греческія, съ которыхъ былъ когда-то сдѣланъ переводъ всѣхъ церковныхъ книгъ, то онъ снаряжаетъ экспедицію подъ начальствомъ діакона Арсенія Суханова на Востокъ, чтобы собрать нужныя для этого книги. Сухановъ тратитъ много денегъ на собираніе книгъ на Аѳонѣ, въ Іерусалимѣ, на Балканскомъ полуостровѣ и собираетъ ихъ въ громадномъ количествѣ; книги эти греческаго и рѣже юго-славянскаго происхожденія. Въ то же время патріархъ, пользуясь своей властью, разсылаетъ по всѣмъ такъ называемымъ «степеннымъ» монастырямъ, т.-е. монастырямъ, которые въ своемъ управленіи связаны съ центральнымъ управленіемъ московскаго патріарха, указы, чтобы они присылали въ Москву старыя богослужебныя книги изъ своихъ библіотекъ. Такимъ путемъ собралось громадное количество книгъ, древнихъ рукописей отъ самаго древняго времени, греческихъ отъ VI—VII вѣка, славянскихъ рукописей XI вѣка и т. д. Несомнѣнно, это собраніе въ научномъ смыслѣ представляетъ громадный интересъ и громадную цѣнность, но оно нѣсколько одностороннее по своему содержанію: собираніе производилось для справокъ при исправленіи церковныхъ книгъ; слѣдовательно, это будетъ церковная литература прежде всего, которая исчерпывается, главнымъ образомъ, священнымъ писаніемъ, богослужебными книгами, писаніями отцовъ церкви, которыя играютъ важную роль въ церковномъ обиходѣ, въ церковной литературѣ. Остальныя же литературныя произведенія собирались, разумѣется, не такъ старательно и составляютъ меньшую и, болѣе или менѣе, случайную часть библіотеки. Какъ извѣстно, въ половинѣ XVII в. патріархъ Никонъ строитъ свой скитъ, Новый Іерусалимъ, иначе Воскресенскій монастырь, гдѣ также старается объединить возможно большее количество книжнаго богатства. Такъ составляется знаменитая Воскресенская би-

бліотека изъ древнихъ рукописей, но уже не столь односторонне подобранная, хотя все же преимущественно церковная. Это собраніе недавно было перенесено въ Синодальную библіотеку вмѣстѣ съ небольшими коллекціями другихъ московскихъ монастырей. Такимъ образомъ Синодальная библіотека является своего рода памятникомъ практической дѣятельности патріарха Никона XVII вѣка и однимъ изъ центральныхъ собраній рукописей, а потому описаніе ея богатствъ для насъ очень важно. Тамъ мы найдемъ древнѣйшіе памятники языка и древнѣйшіе памятники славянской письменности, по скольку эти памятники входятъ въ исторію русской литературы. Лучшимъ, образцовымъ, которое оставляетъ за собою позади всѣ другія, является «Описаніе рукописей Синодальной библіотеки» (Москва, 1855—69, 4 тома), составленное, но, къ сожалѣнію, не конченное, большими учеными А. В. Горскимъ и К. И. Невоструевымъ. Горскій былъ преподавателемъ, а затѣмъ ректоромъ Московской духовной академіи въ 50-хъ и 60-хъ годахъ, т.-е. въ то время, когда академія обладала лучшими научными силами. Въ то время относились съ бо́льшимъ вниманіемъ къ научнымъ потребностямъ духовенства, синодъ отпускалъ большія средства на выполненіе такихъ научныхъ потребностей. Цѣлый рядъ второстепенныхъ ученыхъ и студентовъ академіи командируется на помощь Горскому и Невоструеву; дѣло идетъ медленно, но строго научно. Въ результатѣ мы получаемъ 4-томное описаніе рукописей Синодальной библіотеки. Туда вошли всѣ древнѣйшія рукописи священнаго писанія, богослужебныхъ книгъ, отцовъ церкви и въ значительной степени памятники русской литературы болѣе поздняго времени, начиная съ XIV и кончая XVII вѣкомъ. Это описаніе, дѣйствительно, удовлетворяетъ самымъ строгимъ научнымъ потребностямъ. Оно является не только библіографическимъ трудомъ, но и крупнымъ трудомъ по исторіи литературы. Такъ какъ Горскій и Невоструевъ были изслѣдователями, стоящими вполнѣ на научной почвѣ, а разработана древняя письменность была еще слабо, то они не только описывали то, что видѣли въ библіотекѣ, но и должны были производить разслѣдованіе того, что тамъ находили; а находили они много новаго, неизвѣстнаго, не обслѣдованнаго. Постепенно ихъ описаніе превратилось въ цѣлый рядъ научныхъ изслѣдованій по отдѣльнымъ памятникамъ, съ которыми имъ пришлось встрѣчаться въ библіотекѣ. Къ этимъ описаніямъ Горскаго и Невоструева мы должны постоянно обращаться за справками, за указаніями о томъ, на какой научной стадіи стоитъ въ настоящее время тотъ или другой вопросъ. Для примѣра достаточно указать на вопросъ о переводѣ священнаго писанія на славянскій языкъ, имѣющій громадное значеніе для историка литературы, потому что языкъ церковной службы прежде

всего является литературнымъ языкомъ для древней Руси, а св. писаніе—источникомъ перваго знанія. Поэтому литературная исторія священнаго писанія на славянскомъ языкѣ представляется крупной страницей въ исторіи русской литературы: эту страницу на основаніи изслѣдованія рукописей и написали Горскій съ Невоструевымъ. Если бы мы хотѣли познакомиться съ вопросомъ, какъ совершался переводъ священнаго писанія на славянской и русской почвѣ въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ, но оставили бы въ сторонѣ труды Горскаго и Невоструева, то не узнали бы и половины того, что должны были бы знать [1]).

Затѣмъ идутъ другія собранія, имѣющія точно также крупное значеніе, и описанія которыхъ до извѣстной степени являются необходимыми для историка литературы, и не только какъ справочныя пособія. Это прежде всего—самое крупное по объему изъ московскихъ собраній, а именно: собраніе Румянцовскаго музея, являющагося, въ значительной степени, результатомъ дѣятельности Н. П. Румянцова, о которомъ уже не разъ приходилось говорить. Въ числѣ прочихъ рѣдкостей, которыя Румянцовъ собиралъ для своей библіотеки, было собраніе рукописей, около 500 съ небольшимъ рукописей. Благодаря своему вліянію и положенію, въ числѣ этихъ рукописей Румянцовъ могъ сосредоточить рядъ крупныхъ и цѣнныхъ памятниковъ не только литературы церковной, но и литературы свѣтской. Собраніе самого Румянцова является, несомнѣнно, если не особенно крупнымъ по своему объему (синодальное собраніе почти въ три раза больше по числу рукописей), то по своему содержанію стоитъ не ниже, если не выше синодальнаго собранія. Преимущество его заключается въ томъ, что оно не является собраніемъ, составленнымъ съ спеціальной цѣлью, какова Синодальная библіотека, а составлено учеными, которые понимали всю широту и важность всесторонняго изученія русскаго прошлаго. Оно богато по разнообразному подбору текстовъ, которые въ него вошли; но еще большую цѣнность пріобрѣтаетъ собраніе Румянцова въ связи съ тѣмъ описаніемъ, которое было къ нему составлено. Это описаніе составлено родоначальникомъ научнаго изученія славянскаго и русскаго языка знаменитымъ А. Х. Востоковымъ. Описаніе рукописей Румянцовскаго музея, составленное Востоковымъ, вышло въ 42-мъ году. Востоковъ составлялъ его въ теченіе слишкомъ 18 лѣтъ; это вышло также не простое описаніе того, что содержится

---

[1]) Для непосредственнаго пользованія рукописями Синодальной библіотеки существуетъ довольно полный ихъ обзоръ арх. Саввы (Указатель... М. 1858) и арх. Владимира (Системат. опис. рук. Московской Син. библ., ч. I, М. 1894)—для греческихъ рукописей; для рукописей Воскресенской библіотеки, вошедшей въ составъ Синодальной, есть краткое, не вполнѣ точное описаніе архим. Амфилохія (М. 1875).

въ румянцовскомъ собраніи: Востокову такъ же, какъ и Горскому съ Невоструевымъ, пришлось имѣть дѣло съ громаднымъ количествомъ новыхъ неизвѣстныхъ памятниковъ и быть однимъ изъ первыхъ, приступившихъ съ научнымъ методомъ къ рукописи. Онъ ихъ описываетъ и изслѣдуетъ, хотя не такъ подробно, какъ Горскій и Невоструевъ, но даетъ указанія не только внѣшнихъ, но и внутреннихъ свойствъ даннаго памятника. Описаніе Востокова является такой же настольной книгой для историка литературы, какъ и описаніе Горскаго и Невоструева. Мало того, описаніе Востокова имѣетъ и болѣе широкую цѣль. Востоковъ былъ знатокомъ палеографіи, т.-е., изслѣдователемъ древней письменности, какъ искусства, какъ фактора культуры. Поэтому въ румянцовскомъ описаніи сосредоточено большое количество научныхъ данныхъ для исторіи нашей письменности, какъ искусства, для нашей палеографіи. Эти замѣчанія настолько цѣнны, что А. Н. Пыпинъ еще въ 50-хъ годахъ сдѣлалъ извлеченіе изъ описаній рукописей Румянцовскаго музея этихъ данныхъ и далъ т. о. первый учебникъ русской палеографіи. Несомнѣнно, что эта сторона румянцовскаго описанія показываетъ, почему мы до сихъ поръ часто обращаемся къ описанію Востокова, не только отыскивая тамъ указаніе на извѣстный текстъ, но и стараемся узнать, что сказано объ этомъ текстѣ такимъ осторожнымъ, образцовымъ изслѣдователемъ, какъ Востоковъ.

Но собраніе Румянцовскаго музея не ограничивается собраніемъ Румянцова. Какъ извѣстно, Румянцовскій музей постепенно превратился въ публичную библіотеку. Въ собраніе Румянцова поступаютъ одно за другимъ любительскія собранія рукописей 40—50-хъ годовъ и дѣлаются общественнымъ достояніемъ. Туда поступило одно изъ крупныхъ собраній—В. М. Ундольскаго, около 1.500 рукописей, и болѣе тысячи старопечатныхъ книгъ, отчасти собраніе извѣстнаго изслѣдователя славянскаго Востока В. И. Григоровича, изслѣдователя славянства и греческаго искусства Севастьянова, рядъ собраній другихъ ученыхъ: такъ, здѣсь мы находимъ большое собраніе въ 700 слишкомъ рукописей Н. С. Тихонравова, собранія: Бѣляева Пискарева, Большакова, А. Попова и др. Въ настоящее время Румянцовскій музей считаетъ въ своемъ собраніи уже болѣе 9.000 славянскихъ и русскихъ рукописей [1]), при чемъ только около 500 падаетъ на румянцовское собраніе. Разумѣется, такое крупное собраніе является важнымъ источникомъ для изучающихъ русскую литературу. Правда, тамъ есть еще много не изученнаго, новаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ есть и описанія собраннаго; но они, конечно, не могутъ быть поставлены рядомъ съ

[1]) Къ 50-лѣтію Музея (1913 г.) числилось 9723 №.

описаніемъ Востокова, Горскаго и Невоструева: это простые каталоги ежегодныхъ пріобрѣтеній Музея въ его «Отчетахъ» [2]).

Наконецъ, третьимъ собраніемъ, которое представляетъ не малый интересъ по своему объему и разнообразію, является собраніе Историческаго музея. Оно еще до сихъ поръ не имѣетъ никакого описанія, кромѣ карточнаго, инвентарнаго; пользованіе имъ пока довольно затруднительно, въ виду отсутствія особаго такого описанія. Въ этомъ собраніи насчитывается около 8.000 рукописей преимущественно русскихъ, древнихъ немного, но зато тамъ большое количество рукописей съ роскошными, интересными заставками, миніатюрами, что даетъ возможность изучать исторію искусства, исторію русской графики.

Наконецъ, четвертое изъ крупныхъ и цѣнныхъ собраній въ Москвѣ, это библіотека при Синодальной типографіи съ 2000 приблизительно рукописей, начиная съ XI в. (такова—Саввина книга—евангеліе), составившаяся частью еще въ XVII в. при московскомъ печатномъ дворѣ и бывшая прежде соединенной съ патріаршей Синодальной. Часть рукописей имѣетъ печатные каталоги. Библіотека важна для изученія у насъ развитія печатнаго дѣла съ XVII в. и до начала XIX-го.

Кромѣ этихъ собраній въ Москвѣ есть и еще собранія рукописей, которыя б. ч. не имѣютъ печатныхъ описаній, напр., большое собраніе епархіальнаго вѣдомства, небольшое собраніе московскаго университета и др. извѣстныя собранія. Среди нихъ должно быть отмѣчено собраніе, которое занимаетъ видное положеніе въ наукѣ: это—собраніе А. И. Хлудова. Оно находится въ единовѣрческомъ Никольскомъ монастырѣ. Хлудовъ былъ богатымъ московскимъ фабрикантомъ, старообрядцемъ. Онъ тратилъ много денегъ на собираніе рѣдкихъ книгъ и, какъ старообрядецъ, на собираніе старыхъ печатныхъ книгъ. Онъ пользовался большимъ уваженіемъ и довѣріемъ среди своихъ единовѣрцевъ; поэтому ему удалось при своихъ средствахъ составить такое собраніе, какое рѣдко кому удавалось въ наше время. Онъ пріобрѣтаетъ рукописи юго-славянскія чрезвычайно цѣнныя, дорогія, древнія, собранныя А. Ѳ. Гильфердингомъ; къ нему стекаются рукописи, которыя хранились у старообрядцевъ, и которыхъ послѣдніе нестарообрядцамъ не продали бы. Это собраніе послѣ смерти Хлудова поступило въ единовѣрческій монастырь и составляетъ собственность этого монастыря; но, несмотря на это, оно является общедоступнымъ. Оно описано однимъ изъ лучшихъ знатоковъ древнихъ рукописей, однимъ изъ наиболѣе опытныхъ библіогра-

---

[1]) Только собраніе Ундольскаго имѣетъ отдѣльное, но не оконченное, сжатое описаніе.

фовъ, именно Андреемъ Поповымъ, который въ данномъ отношеніи является ученикомъ Горскаго, Невоструева, Востокова, Тихонравова и др. Его описаніе можетъ удовлетворить не только библіографовъ. Онъ знаетъ цѣну каждаго отрывка, каждой статьи, которые находитъ въ хлудовскомъ собраніи; поэтому, если онъ и не пускается въ подробныя изслѣдованія, то дѣлаетъ цѣнныя указанія, а иногда и издаетъ цѣликомъ произведенія, которыя по своей цѣнности и рѣдкости имѣютъ большое значеніе. Поэтому описаніе собранія Хлудова является въ то же время и изданіемъ наиболѣе цѣнныхъ памятниковъ, по скольку эти памятники сохранились въ рукописяхъ Хлудова.

Изъ другихъ московскихъ собраній, представляющихъ болѣе или менѣе важное значеніе для изслѣдователя древней литературы, можно упомянуть: библіотеку Общества Исторіи и Древностей при Моск. у-ѣ, имѣющую подробные печатные каталоги рукописей (болѣе 400, съ XIV в. и по XVIII-й) П. Строева (1845) и Е. И. Соколова (1905), библіотеку Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ, куда вошли собранія кн. Оболенскаго (преим. историч. характера), Мазурина, свое собраніе и др.; къ сожалѣнію, это богатое собраніе печатнаго каталога до сихъ поръ не имѣетъ.

Нужно, наконецъ, упомянуть также объ одномъ собраніи, которое представляетъ несомнѣнный интересъ для историка литературы: это—бывшее собраніе Чудова монастыря (въ Кремлѣ). Чудовъ монастырь—митрополичій и одинъ изъ самыхъ крупныхъ по своему литературному и общественному значенію въ древней Руси. Онъ имѣлъ большое собраніе рукописей, отличающихся большой цѣнностью. Тамъ въ большомъ количествѣ находятся списки XII—XVII вѣковъ книгъ свящ. писанія, отцовъ церкви, между ними—списокъ «Четьей Минеи» Макарія митрополита и др. [1]). Это собраніе долгое время было недоступно или почти недоступно, имѣетъ краткое и не вездѣ точное описаніе, составленное кіевскимъ профессоромъ духовной академіи Петровымъ, которому удалось пробраться въ стѣны монастыря. Теперь это собраніе находится въ Синодальной библіотекѣ. Описаніе Петрова даетъ, конечно, хотя и неполныя, указанія на то, что тамъ можетъ быть найдено.

Остается указать еще на немногія изъ подобныхъ собраній, находящихся не въ Москвѣ. Однимъ изъ владѣльцевъ крупныхъ собраній около Москвы является Троицкая лавра. Эта лавра—одинъ изъ старыхъ монастырей, которые играли крупную культурную роль, начиная съ XV вѣка и въ теченіе всего XVI и XVII вѣковъ. Поэтому есте-

---

[1]) Это сокращенный, сдѣланный въ 1600 г. списокъ; два полныхъ, составленныхъ самимъ Макаріемъ, находятся въ Патріаршей Синодальной библіотекѣ.

ственно, что тамъ скопились большія книжныя богатства. Въ той же Троицкой лаврѣ находится и Московская духовная академія, высшее духовно-научное учрежденіе, для котораго старая литература, въ особенности духовно-церковная, должна представлять не мало интереса: въ виду этого въ 50-хъ годахъ въ духовныя академіи въ лучшую пору ихъ научной жизни—въ Петербургскую, Московскую и Казанскую—были переданы старыя библіотеки изъ другихъ мѣстъ, главн. обр. изъ монастырей, старыхъ культурныхъ центровъ Руси. Въ Московскую академію попала библіотека Волоколамскаго монастыря (Московск. губ.), одна изъ крупнѣйшихъ библіотекъ XVI—XVII вѣковъ; въ этомъ монастырѣ сосредоточивался большой кругъ ученыхъ, преимущественно консервативнаго направленія; здѣсь широко культивировалась письменность. Поэтому въ Троицкой лаврѣ, помимо своихъ, оказались собранными большія книжныя сокровища. Лаврскія рукописи и рукописи академіи имѣютъ печатные каталоги. Правда, эти каталоги не представляютъ большого научнаго труда, но имѣютъ характеръ хорошаго справочнаго указателя [2].

Кстати слѣдуетъ упомянуть о библіотекѣ Казанской академіи. Это тоже одинъ изъ крупныхъ центровъ, гдѣ сосредоточено довольно много матеріала. Въ Казанскую духовную академію перевезены собранія съ сѣвера: изъ Соловецкаго и др. монастырей Бѣломорскаго поморья. Для нихъ тоже существуетъ каталожное обстоятельное описаніе (Казань, 1881, 1885, 1898 г., 3 т.), но не оконченное.

Что касается Петербурга, то онъ, какъ и Москва, представляетъ большое сосредоточеніе рукописнаго матеріала. Здѣсь на первомъ мѣстѣ должна быть поставлена Публичная библіотека, обладающая громаднымъ количествомъ рукописей; это—самое крупное собраніе рукописей въ Россіи [1]. Рукописи эти описываются въ «Отчетахъ» библіотеки, хотя и очень кратко, поверхностно, что составляетъ невыгодную сторону пользованія этой библіотекой. Затѣмъ большое собраніе рукописей есть и въ Академіи Наукъ, гдѣ рукописи собирались съ самаго основанія Академіи съ 20-хъ годовъ XVIII стол. По уставу Академія имѣла даже обязанность собирать памятники древнерусской исторіи и литературы; и на ней лежала обязанность издавать эти памятники. Академія первое время собирала памятники, но не особенно усердно, потому что въ XVIII вѣкѣ тамъ господствовалъ

---

[1]) Каталоги составлены: для Лавры—іером. Арсеніемъ (М. 1878—79 г.), для Волоколамск. рук.—іером. Іосифомъ (М. 1882).

[2]) Въ 1910 г. въ немъ было болѣе 36 съ половиной тысячъ рукописей славянскихъ и иноязычныхъ, начиная съ V—VI в. и кончая XIX-мъ. Здѣсь же хранится древнѣйшая славянская датированная рукопись—Остромирово евангеліе 1056—1057 г.

среди ученыхъ иноземный элементъ, который не былъ въ этомъ заинтересованъ. Поэтому только въ наши дни появляются более или менѣе обстоятельныя описанія рукописей, находящихся въ академической библіотекѣ. Третьимъ собраніемъ, находящимся въ Петербургѣ и представляющимъ интересъ, является собраніе духовной академіи, особенно цѣнное для насъ. Въ составъ этого собранія вошли собранія рукописей двухъ культурныхъ центровъ древней Руси, а именно: изъ Новгорода, который въ теченіе долгаго времени, вплоть до конца XV-го вѣка, былъ несомнѣнно самымъ культурнымъ и литературнымъ центромъ всего сѣвера: около св. Софіи новгородской группировались ученые новгородцы; Софійская библіотека еще въ XVI и XVII в. славилась своимъ богатствомъ. Въ богатыхъ новгородскихъ монастыряхъ тоже были сосредоточены издавна большія собранія рукописей. Всѣ эти собранія и перенесены въ духовную академію. Другая библіотека, которая поступила въ духовную академію, это—библіотека Кирилло-Бѣлоозерскаго монастыря. Въ XV — XVI вѣкахъ Кирилло-Бѣлоозерскій монастырь стоялъ во главѣ цѣлаго общественно-литературнаго теченія «Заволжскихъ старцевъ», этихъ аскетовъ-раціоналистовъ. Монастырь этотъ сыгралъ очень важную роль въ нашей исторіи. Въ немъ несомнѣнно, какъ и въ другихъ подобныхъ центрахъ, должны были быть сосредоточены большія книжныя богатства, которыя теперь и вошли въ составъ Петербургской духовной академіи. Эти рукописи новгородскія и кирилло-бѣлоозерскія до сихъ поръ не имѣютъ полныхъ порядочныхъ описаній. Описаніе новгородскихъ рукописей еще только начинается, пока вышло три тома, охватывающіе незначительную часть этого громаднаго собранія [2]).

Кромѣ Москвы и Петербурга, большимъ сосредоточіемъ рукописнаго матеріала является Кіевъ съ его академіей. Кіевскія собранія большой древностью собранныхъ рукописей не отличаются, но важны, какъ собранія матеріаловъ для исторіи мѣстной, юго-западной и малорусской литературы XV—XVIII ст.. Большинство рукописей сосредоточено въ библіотекѣ академіи, Печерской лаврѣ и отчасти монастыряхъ (напр., Михайловскомъ). Большинство этихъ собраній описаны кратко, но точно въ большинствѣ случаевъ, проф. академіи Н. И. Петровымъ («Описаніе рукоп. Церковно-Археолог. Музея при Кіев. дух. ак.», 3 вып., Кіевъ 1875—79 и «Опис. рукописныхъ собраній, находящихся въ городѣ Кіевѣ», 3 вып., М. 1891, 1896, 1904 гг.). Собраніе рукописей, интересныхъ для юго-западной же литературы, есть и въ Вильнѣ въ Публичной библіотекѣ (каталогъ его изданъ въ 1882 г. Ф. Добрянскимъ).

---

[1]) Составляется Д. И. Абрамовичемъ: вып. I (книга св. писанія)—Спб. 1905, вып. II (Четьи-Минеи, Прологи, Патерики)—1907 г. и вып. III (сборники)—1910 г.

Нѣтъ надобности перечислять описаній мелкихъ собраній. Достаточно и того, что было указано, для того, чтобы представить себѣ, какого рода источники и пособія находятся въ нашемъ распоряженіи. Въ общемъ слѣдуетъ отмѣтить еще только то, что въ большинствѣ монастырей, если только они имѣютъ за собой болѣе или менѣе значительное историческое прошлое, сохраняются остатки прежняго ихъ книжнаго богатства; въ однихъ монастыряхъ сохраняются они бережно, въ другихъ гніютъ, тлѣютъ, раскрадываются, расхищаются. Кромѣ этого, очень многія изъ этихъ естественныхъ книгохранилищъ привлекли къ себѣ вниманіе экспедицій, собиравшихъ рукописи, и затѣмъ вниманіе развившихъ свою дѣятельность собирателей, которые не пренебрегали никакими средствами для пріобрѣтенія книгъ, вслѣдствіе чего изъ монастырей пропадали рукописи и попадали въ частныя руки, но тѣмъ спасались иногда отъ неминуемой почти гибели. Затѣмъ въ большинствѣ русскихъ провинціальныхъ центровъ, главнымъ образомъ, въ губернскихъ городахъ учреждаются въ наше время Архивныя комиссіи, которыя собираютъ въ свои библіотеки и сберегаютъ мѣстные источники для русской исторіи и литературы. Большинство этихъ Архивныхъ комиссій пользуются въ качествѣ источниковъ для своихъ собраній тѣми же мелкими монастырями и церквами, гдѣ уцѣлѣли еще небольшія собранія рукописей. Все это понемногу описывается, частью поступаетъ въ библіотеки комиссій. Нѣкоторыя комиссіи въ этомъ случаѣ достигаютъ большихъ успѣховъ, напр., Тверская, которая обладаетъ собраніемъ до 2.000 рукописей въ своемъ музеѣ; изъ нихъ нѣкоторыя описаны.

Наконецъ, и за предѣлами Россіи есть рукописный матеріалъ, полезный для историка литературы, главнымъ образомъ въ тѣхъ славянскихъ земляхъ, которыя культурно въ прошломъ болѣе или менѣе тѣсно были связаны съ Русью, а также въ западно-европейскихъ библіотекахъ (Вѣна, Берлинъ, Дрезденъ, Парижъ, Лондонъ и Римъ) есть небольшія коллекціи славянскихъ и русскихъ рукописей, въ большинствѣ случаевъ имѣющихъ описанія въ каталогахъ этихъ библіотекъ [1]). Но особенно крупныя собранія и наиболѣе важныя для насъ сосредоточены, разумѣется, у славянъ, главнымъ образомъ: въ Прагѣ (Чехія), Загребѣ (Хорватія), Бѣлградѣ (Сербія), Софіи, Филиппополѣ, Рыльскомъ монастырѣ (Болгарія), отчасти на Аѳонѣ, гдѣ съ давнихъ поръ былъ культурный центръ для славянъ и русскихъ. Довольно значительное собраніе преимущественно русскихъ и при томъ чаще южно-рус-

[1]) Общій, нѣсколько устарѣвшій и не полный обзоръ русскихъ рукописей въ заграничныхъ библіотекакъ составленъ былъ С. Строевымъ („Описаніе памятниковъ славяно-русской литературы...“ М. 1841).

скихъ рукописей мы знаемъ во Львовѣ (Галиція). Всѣ почти эти собранія также имѣютъ болѣе или менѣе удовлетворительныя описанія [1]).

Такимъ образомъ, главнымъ источникомъ для нашего ознакомленія съ русской литературой древняго періода являются рукописи. Этими рукописями приходится постоянно почти пользоваться непосредственно, разыскивая и изучая ихъ. Изъ всего этого громаднаго количества рукописей, которыя являются главнымъ источникомъ исторіи древней литературы, и которыя дошли до нашего времени, а также памятниковъ, въ нихъ заключающихся, издано сравнительно немного. Если у насъ есть цѣлый рядъ изданій, подчасъ достаточно крупныхъ, которыя посвящены какъ разъ этимъ древнимъ памятникамъ, то это—все-таки незначительная доля того, что приведено въ извѣстность, и что намъ нужно еще привести въ извѣстность. Поэтому почти ни одна работа по древней литературѣ до сихъ поръ не можетъ обойтись одними печатными изданіями матеріала: постоянно приходится обращаться къ рукописямъ, нерѣдко по довольно элементарнымъ и крупнымъ вопросамъ. Тѣмъ не менѣе, теперь изданія древнихъ памятниковъ уже представляютъ цѣлыя серіи, подчасъ многотомныя, стоившія много труда, подчасъ многолѣтняго и сложнаго, цѣлаго ряда ученыхъ.

Изданія памятниковъ древней письменности. Для ознакомленія съ этимъ важнымъ пособіемъ для изученія древней литературы, хотя бы въ общихъ чертахъ, нужно указать на наиболѣе крупныя научныя предпріятія, въ которыхъ чаще всего и можно найти богатый матеріалъ, и къ которымъ чаще всего и приходится обращаться. Матеріаломъ по древней письменности занимаются не только и не столько отдѣльныя лица, сколько цѣлыя ученыя общества, главнымъ образомъ, столичныя историческія и археологическія. Опять-таки остановимся только на нѣкоторыхъ наиболѣе крупныхъ и важныхъ въ этомъ отношеніи.

Начнемъ опять съ Москвы. Здѣсь на первомъ мѣстѣ нужно поставить «Общество Исторіи и Древностей россійскихъ» при Московскомъ университетѣ. Это общество существуетъ уже болѣе столѣтія и по самому своему уставу обязано издавать этотъ матеріалъ. Цѣлью основанія общества была разработка древне-русской исторіи и древне-русской литературы и въ частности (о чемъ прямо было сказано въ уставѣ) изданіе лѣтописей. Изданія этого общества носятъ названіе: «Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ». Это изданіе въ каждой книгѣ состоитъ

[1]) Пражскія рукописи описаны М. Сперанскимъ (М. 1894), Бѣлградскія—Л. В. Стояновичемъ (Бѣлгр. 1901 и 1903), софійскія—Б. Цоневымъ (Софія 1910), рыльскія—Спростановымъ (Софія 1892), филиппопольскія—Дяковичемъ (Пловдивъ 1906), аѳонскія—Савой Хиландарцемъ (Прага, 1896), львовскія—И. С. Свенцицкимъ (Львовъ, 1906, 1911).

изъ отдѣльныхъ частей: съ одной стороны, это—изслѣдованія, касающіяся преимущественно русской исторіи и исторіи древней русской литературы; затѣмъ идетъ вторая половина книги, заполненная обыкновенно изданіемъ литературныхъ и историческихъ документовъ, которые извлекаются обыкновенно изъ архивовъ, изъ рукописныхъ библіотекъ. Ни одному историку литературы, занимающемуся древней литературой, нельзя обойтись безъ справокъ по этимъ изданіямъ. Въ теченіе ста лѣтъ общество сдѣлало очень и очень много. Пользоваться этими изданіями въ настоящее время очень легко: существуютъ подробные библіографическіе указатели къ нимъ: одинъ—составленный И. Е. Забѣлинымъ, другой—С. А. Бѣлокуровымъ. Этотъ послѣдній указатель постоянно систематически пополняется, благодаря чему пользованіе изданіями общества значительно облегчается. Другія ученыя общества въ Москвѣ, которыя бы такъ много сдѣлали для изученія древне-русской литературы, указать трудно. Другія ученыя московскія общества не преслѣдуютъ изученія спеціально древней русской исторіи и древней русской литературы. Правда, эти матеріалы встрѣчаются въ трудахъ этихъ обществъ. Можно, напр., указать Московское археологическое общество, гдѣ есть даже спеціальная Славянская комиссія, образованная, главнымъ образомъ, для изслѣдованія старинныхъ славянскихъ памятниковъ и въ связи съ ними памятниковъ русскихъ. Кромѣ того, эти памятники издаются и другими научными учрежденіями, напр., въ запискахъ университета. Но это все единичныя случайныя явленія, которыя общаго значенія не могутъ имѣть.

Изданія древнихъ памятниковъ сосредоточены, главнымъ образомъ, при петербургскихъ ученыхъ обществахъ. Тамъ на первомъ мѣстѣ должна быть поставлена Академія наукъ, а именно Отдѣленіе русскаго языка и словесности, которое имѣетъ два спеціальныхъ органа для этихъ цѣлей: «Сборникъ» и «Извѣстія», а кромѣ того, цѣлый рядъ отдѣльный изданій, каковы: «Памятники славянскаго языка и литературы», «Памятники древне-русскаго языка и литературы» и др.. Ко всѣмъ этимъ изданіямъ печатаются время отъ времени указатели, что облегчаетъ отчасти пользованіе этимъ большимъ матеріаломъ. Въ Петербургѣ же есть и другое общество, которое посвящаетъ себя спеціально изданію этихъ памятниковъ; это—«Общество любителей древней письменности». Это общество издаетъ преимущественно роскошныя изданія, но издаетъ и многіе чисто научные труды, главнымъ образомъ, по изслѣдованію текстовъ, которые могутъ быть важны для историка литературы. «Общество любителей древней письменности» насчитываетъ теперь почти двѣсти томовъ, или выпусковъ, изданій, въ которыхъ почти исключительно помѣщены памятники древней письмен

ности, начиная съ XI вѣка. Тамъ есть изданія, дающія полныя факсимиле (снимки) съ такихъ памятниковъ, каковы: сборникъ Святослава 1073 г., изданное роскошно, съ воспроизведеніемъ иллюстрацій житіе Николы и др., которыя т. о. представляютъ въ то же время и памятники древняго искусства. Затѣмъ это общество издаетъ цѣлый рядъ памятниковъ болѣе поздняго періода. Несомнѣнно это общество, несмотря на свой, нѣсколько капризный, аристократическій характеръ, оказываетъ большія услуги дѣлу ознакомленія съ нашей древней письменностью, и изданія его представляютъ большой интересъ для историка литературы.

Еще большее значеніе имѣетъ Археографическая Комиссія. Это—наслѣдница румянцовскихъ археографическихъ экспедицій. Археографическая Комиссія занимается изданіемъ спеціально русскихъ историческихъ литературныхъ памятниковъ. Этой Комиссіи мы обязаны изданіемъ крупнѣйшихъ источниковъ древнѣйшей литературы, прежде всего, изданіемъ русскихъ лѣтописей. Въ настоящее время этихъ лѣтописей издано слишкомъ двадцать томовъ, въ которыхъ мы найдемъ уже всѣ главнѣйшіе тексты памятника. Другое предпріятіе Археографической Коммисіи, которое важно для историка литературы, это—изданіе Макарьевской «Четьи Минеи». Это—памятникъ XVI вѣка, совмѣстившій въ себѣ почти всю церковную или имѣющую отношеніе къ церкви письменность, кончая половиной XVI вѣка: житія, поученія, переводные и оригинальные памятники нашей, преимущественно, церковно-духовной старины и т. д. Составлена она была митрополитомъ Макаріемъ, современникомъ Грознаго. Въ подлинникѣ это—громадный трудъ, представляющихъ рядъ большихъ томовъ; онъ постепенно, листъ за листомъ издается Археографической Комиссіей. Кромѣ этого собранія, это общество издаетъ и другіе болѣе мелкіе памятники: Патерикъ Печерскій, отдѣльные списки лѣтописи, отдѣльныя собранія древнихъ документовъ, которые имѣютъ большое юридическое и историческое значеніе, но не лишены значенія и для историка литературы, каковы: «Русская историческая библіотека», «Лѣтописи занятій».

Наконецъ, въ отдѣлѣ библіографіи собственно древней литературы слѣдуетъ отмѣтить и такія изданія, которыя, имѣя въ виду громадный объемъ, разнообразіе и пестроту рукописнаго матеріала по содержанію и по времени его происхожденія, какъ изданнаго, такъ, еще болѣе, лишь приведеннаго въ извѣстность, имѣютъ своей ближайшей цѣлью помочь изслѣдователю разобраться въ этомъ матеріалѣ, сгруппировавъ его по опредѣленному принципу. Работы въ этомъ направленіи еще далеки до своего окончанія, все же слѣдуетъ отмѣтить, какъ полезныя для историка литературы, нѣкоторыя попытки объединить этотъ

матеріалъ, хотя бы отчасти. Къ такимъ работамъ относятся, напр.: Н. В. Волкова «Статистическія свѣдѣнія о сохранившихся древне-русскихъ книгахъ XI—XIV вѣковъ, и ихъ указатель» (Спб. 1897, изд. О. Л. Д. П., памятники CXXIII), гдѣ авторъ даетъ главнымъ образомъ внѣшнюю исторію древнѣйшихъ памятниковъ нашей письменности, классифицируя ихъ по содержанію (напр. всѣ сохранившіяся съ XI и по XIV в. евангелія, богослужебныя книги, творенія отцовъ церкви и т. д.). Большой полнотой отличаются «Матеріалы для повременнаго списка русскихъ писателей и ихъ сочиненій (X—XI в.)» Н. К. Никольскаго (Спб. 1906), имѣющіе въ виду дать перечень сохранившихся списковъ оригинальныхъ произведеній этого времени. Для болѣе поздняго времени важенъ трудъ А. И. Соболевскаго «Переводная литература Московской Руси XIV—XVII в. Библіографическій указатель». (Спб. 1903), дающій обильный матеріалъ и цѣнныя указанія для исторіи литературы этого времени. Къ числу такихъ же пособій слѣдуетъ отнести огромный «Опытъ русской исторіографіи» В. С. Иконникова (2 тома въ 4-хъ большихъ книгахъ, Кіевъ 1891—92 и 1908), гдѣ съ большой полнотой охваченъ и историко-литературный матеріалъ, введенный въ область русской исторіографіи вообще.

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ общій очеркъ того, гдѣ сосредоточены памятники древней письменности, и гдѣ сосредоточена ихъ разработка. Теперь обратимся къ болѣе внимательному изученію этого матеріала. Конечно, большихъ подробностей въ этомъ случаѣ отъ насъ требовать нельзя, потому что это значило бы превратить курсъ русской литературы и введеніе въ нее въ отдѣльную отрасль исторіографіи; но тѣмъ не менѣе указать на нѣкоторыя научныя области, имѣющія практическое значеніе при изученіи этого матеріала для того, кому придется имѣть съ нимъ дѣло, кто возьмется за исторію древней литературы, необходимо.

Палеографія. Прежде всего, однимъ изъ главнѣйшихъ пособій, необходимыхъ для изучающаго древнюю литературу по памятникамъ, кромѣ библіографіи, является спеціальная дисциплина палеографія, т.-е. ученіе о древней письменности и ея развитіи. Эта наука несомнѣнно представляетъ одно изъ главныхъ пособій для изучающаго древніе памятники, по той простой причинѣ, что древніе памятники, даже изданные, далеко не всегда доступны для правильнаго пониманія человѣку неподготовленному, не говоря о томъ, что спеціальными познаніями долженъ обладать человѣкъ, обращающійся къ сырому, не изданному матеріалу. Этимъ объясняется, почему палеографія входитъ въ курсъ

наукъ высшихъ учебныхъ заведеній. Историку литературы, если даже онъ не посвящаетъ себя спеціально палеографіи, необходимо все-таки обладать нѣкоторыми палеографическими свѣдѣніями. Необходимость знакомства съ палеографіей объясняется самымъ свойствомъ и исторіей того матеріала, который подлежитъ изслѣдованію историка литературы. Матеріалъ этотъ дошелъ, главнымъ образомъ, въ видѣ рукописей. Эти рукописи бываютъ чрезвычайно различнаго происхожденія и по времени, и по мѣсту. На рукописномъ матеріалѣ отражается самая исторія русской литературы, связь этой литературы съ другими литературами; на рукописи отражаются часто жизненные факты, важные для исторіи литературы, памятника, въ рукописи помѣщеннаго, каковы: сношенія отдѣльныхъ областей другъ съ другомъ, впечатлѣнія читателя, степень пониманія имъ содержанія написаннаго и т. д.. Палеографія помогаетъ установить и время происхожденія памятника. Если, напр., возьмемъ какой-нибудь древній памятникъ и при помощи палеографіи опредѣлимъ время рукописи, напр., установимъ, что она не моложе XIV вѣка, то это укажетъ намъ, что и лежащее передъ нами произведеніе не можетъ быть моложе XIV вѣка. Но, присматриваясь внимательнѣе къ письму этой рукописи, мы часто можемъ открыть, что эта рукопись XIV вѣка восходитъ по оригиналу, съ коего она списана, къ болѣе старому времени: начертанія могутъ указать, что оригиналъ могъ быть XII—XIII вѣковъ. Разъ мы получимъ выводъ, что текстъ лежащаго передъ нами произведенія по списку XIV вѣка списанъ съ текста XII—XIII вѣковъ, то и самый памятникъ получаетъ болѣе точное опредѣленіе по времени. Затѣмъ, нѣкоторыя особенности нашихъ рукописей, не только библіографическія, но и художественныя, прямо даютъ указаніе на время происхожденія рукописи, а черезъ это даютъ указаніе на время и характеръ того литературнаго памятника, который подлежитъ нашему изслѣдованію. Присматриваясь ближе къ рукописи, мы находимъ иногда и другія данныя, напр., въ рукописяхъ встрѣчаются записи: записи, если ихъ умѣло дешифрировать, указываютъ на время происхожденія самой рукописи и подчасъ самого памятника. Поэтому извѣстное ознакомленіе и внимательное изученіе рукописи даже съ внѣшней стороны можетъ быть интересно не только само по себѣ, но оно можетъ дать полезныя указанія для изслѣдованія данной рукописи въ литературномъ отношеніи. На этомъ основаніи и во «Введеніе» въ исторію русской литературы необходимо должны входить, хотя бы самыя элементарныя, указанія того, какимъ образомъ можно извлекать изъ рукописи данныя, необходимыя для исторіи памятника, въ ней заключеннаго. А для этого должны быть даны необходимыя элементарныя указанія для перваго ознакомленія съ рукописью, съ текстомъ.

Что касается нашихъ рукописей, то мы знаемъ, что древнѣйшіе тексты, которые доступны намъ, не восходятъ къ самому началу русской письменности. Письменность началась у насъ, повидимому, еще до офиціальнаго принятія христіанства, т.-е. до конца X вѣка. Христіанство было и раньше на Руси, и уже въ то время христіанское населеніе пользовалось, вѣроятно, письменностью; но рукописи тѣхъ временъ до насъ не дошли. Но отъ XI вѣка уже есть тексты въ нашемъ распоряженіи. Нужно сказать, что русская литература въ этомъ отношеніи счастливѣе другихъ литературъ: старѣйшій памятникъ русской письменности носитъ даже точное указаніе на время и, отчасти, мѣсто своего происхожденія: это—знаменитое Остромирово евангеліе, писанное въ 1056 г. для новгородскаго посадника Остромира. Писано оно, однако, не въ Новгородѣ, а гдѣ-то на югѣ Россіи, повидимому, въ Кіевѣ. Оно представляетъ образчикъ древнѣйшей русской письменности. Это Остромирово евангеліе является памятникомъ, по которому можно судить, чѣмъ была книга (правда, роскошная) въ древнюю эпоху. Прежде всего эта рукопись писана не на бумагѣ, а на к о ж ѣ (на пергаминѣ). Довольно долгое время письменность не только у насъ, но и на Западѣ, не знала того писчаго матеріала, который мы называемъ бумагой. Въ древнѣйшее время писали на камняхъ, на металлахъ. Такъ написаны разныя надписи, дошедшія до насъ изъ древнѣйшихъ временъ исторіи Востока, Греціи, Рима. Затѣмъ, дальнѣйшая, увеличивающаяся потребность въ письмѣ вызвала къ употребленію новый матеріалъ, которымъ явился п а п и р у с ъ, т.-е. извѣстнымъ образомъ обработанные и склеенные другъ съ другомъ листья египетскаго растенія, сглаженные при помощи какого-нибудь твердаго полированнаго предмета. На папирусѣ пишутъ уже при помощи чернилъ или раствора какой-нибудь краски. Папирусъ восходитъ къ III-му, и, можетъ быть, ко II вѣкамъ до Р. Х., и его употребленіе тянется и въ первые вѣка христіанства. Папирусныя рукописи получили распространеніе, главнымъ образомъ, на Востокѣ и въ Европѣ и болѣе всего въ Италіи. Такъ мы знаемъ извѣстные геркуланскіе папирусы, которые оказались въ Помпеѣ и Геркуланѣ и были раскопаны въ наше время; а, какъ извѣстно, изверженіе Везувія произошло въ концѣ I столѣтія по Р. Х. Эти свитки слишкомъ древни для нашего времени, и поэтому съ папирусами намъ не приходится имѣть дѣло: у насъ на папирусѣ не писали; когда началась наша письменность, папирусъ уже вышелъ изъ употребленія. Слѣдующимъ матеріаломъ, употребляемымъ въ письменности, служилъ п е р г а м и н ъ— иначе кожа животныхъ (чаще всего баранья, ослиная, рѣже телячья), которая выскабливается иногда съ одной стороны, иногда съ обѣихъ,

и на выглаженной такимъ образомъ поверхности уже писалось. Самое свое названіе пергаминъ получилъ отъ города Пергама приблизительно во II—III вѣкахъ до Р. Х. Этотъ матеріалъ для письма оказался очень устойчивымъ и употребляется въ теченіе большей части всѣхъ Среднихъ вѣковъ. Остромирово евангеліе и написано на подобнаго рода матеріалѣ. Пергаминъ идетъ для книгъ, письма вообще, у насъ вплоть до конца XIV вѣка или даже начала XV вѣка. Только тогда уже появляется бумага. Такимъ образомъ, первымъ признакомъ, характеризующимъ древнюю русскую письменность, будетъ матеріалъ—пергаминъ. Онъ ввозится къ намъ, главнымъ образомъ, изъ Византіи, изъ Малой Азіи. Но пергаминъ былъ у насъ дорогъ и самъ по себѣ и рѣдокъ, какъ матеріалъ привозный, а потому и древнерусскія книги были дороги и рѣдки. Слѣдовательно, тѣмъ драгоцѣннѣе для насъ рукописи XI—XII вѣковъ, дошедшія до насъ.

Книга и въ глазахъ современниковъ, благодаря своей рѣдкости и трудности ее написать, считалась большой цѣнностью, къ ней относятся, какъ къ дорогому сокровищу. Рукописи обыкновенно писались очень внимательно и часто искусно украшались рисунками, что еще увеличивало цѣнность рукописи. Такъ было не только у насъ, но и въ другихъ странахъ. Для того, чтобы сберечь рукопись, ее не только переплетали въ твердый, прочный переплетъ, но иногда даже приковывали къ опредѣленному мѣсту на цѣпь. Рукописи, особенно роскошно написанныя, жертвуются, какъ вещи цѣнныя, въ церковь въ качествѣ вкладовъ на поминъ души, за здравіе. Кромѣ этого, несомнѣнно и самое содержаніе рукописи должно было придавать ей еще большую цѣнность: въ ней помѣщался важный по содержанію матеріалъ: это—была преимущественно религіозная письменность и, прежде всего, священное писаніе Новаго завѣта. Этимъ объясняется, почему главные тексты нашей древнѣйшей письменности, до насъ дошедшіе, содержатъ преимущественно именно священное писаніе. Внѣшній видъ Остромирова евангелія показываетъ, что это была дорогая и роскошная рукопись: она содержитъ евангельскія чтенія; каждое отдѣленіе этихъ чтеній начинается роскошнымъ рисункомъ, изображающимъ евангелиста; заглавныя буквы каждаго чтенія точно также роскошно разрисованы; самый шрифтъ текста отличается крупнымъ размѣромъ и необыкновенной тщательностью въ выполненіи. Вотъ древнѣйшая извѣстная намъ русская датированная рукопись. Отсюда можно сдѣлать выводъ, что древняя хорошая рукопись пишется на пергаментѣ, украшается она рисунками или цѣльными картинами (миніатюрами), или заставками; заглавныя буквы, или инициалы, пишутся красиво, самый текстъ—крупнымъ письмомъ и очень тщательно. Конечно, не всѣ рукописи похожи на Остромирово еванге-

ліе. Есть экземпляры и болѣе простые, но все-таки рукописью дорожатъ и стараются писать ее, какъ можно лучше, и украшать, какъ можно роскошнѣе, смотря по средствамъ, искусству.

Шрифтъ Остромирова евангелія называется, обыкновенно, уставнымъ письмомъ. Характерными чертами его является квадратность, т.-е., каждую букву, написанную такимъ уставнымъ письмомъ, можно обвести квадратомъ. Это письмо и составляетъ древнѣйшій видъ письма ц.-славянскаго и русскаго, называемаго кирилловскимъ, кирилицею [1]). Чѣмъ дальше отъ древнѣйшаго времени, тѣмъ болѣе это письмо мѣняетъ свой видъ, а именно: оно становится все у́же и у́же, буквы вытягиваются вверхъ и суживаются съ боковъ. Такой процессъ идетъ постепенно до XIV вѣка. Съ этого времени письмо носитъ уже характеръ поздняго уставнаго письма. Объясняется это тѣмъ, что писцу нужно возможно больше буквъ умѣстить на строкѣ, такъ какъ матеріалъ дорогъ, но въ то же самое время желательно сохранить и четкость письма. Съ конца XIV вѣка наступаетъ новый періодъ письма: это—такъ называемый полууставъ. Это значитъ, что прежнія буквы пишутся уже не такъ однообразно, красиво. Писать полууставомъ гораздо скорѣе, чѣмъ уставомъ. Это вызывается тѣмъ, что потребность въ книгѣ возрастаетъ, что книгъ нужно больше, а потому нужно скорѣе ихъ производить. Рукопись становится менѣе роскошной, написана небрежнѣе, часто буквы, которыя не умѣщаются въ строкѣ, выносятся и помѣщаются между строкъ, тогда какъ въ предыдущемъ, уставномъ, письмѣ такіе случаи очень рѣдки и допускались въ опредѣленныхъ мѣстахъ (напр., конецъ строки). Слова чаще сокращаются, т.-е. пишутся подъ титлами. Титлы эти стали обычнымъ явленіемъ въ церковномъ печатномъ и письменномъ шрифтѣ, въ опредѣленныхъ, привычныхъ случаяхъ, т.-е. нѣкоторыя слова, какъ, напр., Богъ, Господь, ангелъ, пишутся не полностью, а только часть слова, сверху же ставится черточка, которая называется титломъ; часто букву «с» не пишутъ на строкѣ, а пишутъ наверху и покрываютъ скобой; это обозначаетъ въ концѣ слова, напр., «ся». Въ этомъ направленіи ухудшеніе письма въ погонѣ за быстротой идетъ дальше. Въ XV—XVI вѣкахъ вырабатывается такъ называемая скоропись, т.-е., письмо по принципамъ, приблизительно, того типа, который наблюдается теперь. Въ старомъ уставномъ и полууставномъ письмѣ буквы пишутся каждая отдѣльно, какъ въ нашихъ печатныхъ книгахъ, а въ скорописи писцы придерживаются манеры, писать, не отрывая пера отъ бумаги, букву за буквой; буквы сближаются, спле-

---

[1]) По имени славянскаго апостола Кирилла, которому преданіе приписываетъ изобрѣтеніе этого вида шрифта.

таются приблизительно такъ же, какъ въ наше время. Для того, чтобы писать было легче и быстрѣе, буквы закругляются, т.-е. получается округлый шрифтъ нашего времени. Но эта скоропись употребляется въ обиходномъ письмѣ, для болѣе же важныхъ книгъ, какъ, напр., евангелія, апостола или вообще богослужебныхъ церковныхъ книгъ, все еще употребляется преимущественно полууставъ, иногда даже и уставъ, т. н. «подражательный». Скоропись доживаетъ до гражданскаго шрифта, затѣмъ постепенно переходитъ въ ту скоропись, которой мы пользуемся въ настоящее время. Различіе почерковъ, какъ видно изъ сказаннаго, даетъ возможность уже на основаніи письма опредѣлять въ общемъ и время рукописи; болѣе же внимательное изученіе каждаго почерка (о чемъ говоритъ спеціально палеографія) даетъ возможность еще болѣе точно опредѣлять время рукописи, указывая столѣтіе или даже часть его; это же изученіе почерковъ даетъ возможность иногда опредѣлять и мѣстность написанія рукописи; такъ, мы при помощи подобнаго изслѣдованія узнаемъ почерки великорусскіе (разныхъ родовъ), бѣлорусскіе, или западные, малорусскіе, или южные.

Вмѣстѣ съ измѣненіемъ письма, въ интересахъ размноженія рукописей, измѣняется и самый матеріалъ для письма. Потребность увеличить число книгъ въ обращеніи привела къ изобрѣтенію новаго болѣе дешеваго, нежели пергаминъ, матеріала, который мы называемъ бумагой. Старая бумага дѣлалась изъ развареннаго и особымъ образомъ приготовленнаго льняного тряпья: путемъ кипяченія, перетиранья получается однообразная бѣловатая жидковатая масса, которая выливается на мелкую металлическую сѣтку; вода стекаетъ, масса просыхаетъ, получается тонкая лепешка, которую прессуютъ, и получается бумажный листъ. Чѣмъ древнѣе бумага, тѣмъ она грубѣе, толще, неудобнѣе для письма. Древнѣйшая бумага, до извѣстной степени, по составу и по характеру напоминаетъ то, что мы теперь называемъ пропускной («промакательной») бумагой. Разумѣется, на такой бумагѣ писать трудно, чернила на ней расплываются; поэтому часто древнѣйшіе тексты пишутся на одной сторонѣ. Кромѣ этого, такая бумага должна быть приготовлена особымъ образомъ для письма; для этого писцы употребляли такъ называемую «ножку», т.-е. костяшку съ гладкой, отполированной поверхностью: прежде чѣмъ писать, писецъ тщательно выглаживаетъ бумагу этой ножкой, благодаря чему чернила уже не такъ растекаются. Затѣмъ, скоро въ употребленіе входитъ такъ называемая клеевая бумага, т.-е., бумага, въ составъ которой входитъ клей. Она уже тоньше, прочнѣе, плотнѣе, чернила на ней не растекаются. Клеевая бумага и становится главнымъ матеріаломъ для письма, а затѣмъ и для печати

и остается въ употребленіи до настоящаго времени [1]). Бумага для рукописей стала употребляться въ зап. Европѣ съ XIII, у насъ изрѣдка съ XIV в., а чаще съ XV-го.

Благодаря изобрѣтенію и примѣненію для письма бумаги, мы получаемъ новый матеріалъ для того, чтобы установить, когда извѣстная рукопись написана, и иногда, гдѣ написана. Дѣло въ томъ, что съ тѣхъ поръ, какъ начали вырабатывать бумагу, въ ней стали появляться особые такъ называемые водяные знаки, иначе: филиграни, или фабричныя клейма. Это то же самое, что и теперь можно часто видѣть на почтовой бумагѣ, особенно въ красивыхъ, дорогихъ сортахъ. Если такой листъ бумаги посмотрѣть на свѣтъ, то можно увидѣть или линеечки, или какой-нибудь рисунокъ (орла, человѣка, герба и т. п.), или нѣсколько буквъ. Обычай дѣлать эти водяные знаки появился среди фабрикантовъ очень рано. Технически это дѣлается приблизительно такъ: на той сѣткѣ, на которую отливають бумагу, выкладывается изъ проволоки какая-нибудь фигура или буквы, въ этомъ мѣстѣ отлитая бумага будетъ естественно тоньше, благодаря чему и будетъ виденъ знакъ. По этимъ водянымъ знакамъ мы можемъ установить, какой фабрикѣ принадлежитъ исполненіе данной бумаги, и въ какое время отлита бумага; иногда время даннаго знака опредѣляется датированной рукописью. Разъ можно установить, къ какому времени относится водяной знакъ, то онъ можетъ служить показателемъ того, что приблизительно въ это же время была написана рукопись. Правда, нельзя точно получить годъ, потому что бумага идетъ, особенно въ древнее время, въ употребленіе на сейчасъ же, какъ она изготовлена; въ особенности у насъ, когда бумага была привозной, проходило довольно много времени, но, какъ показываютъ изслѣдованія, разница между временемъ изготовленія бумаги и употребленіемъ ея для письма рѣдко достигаетъ 10—15 лѣтъ. Если, напр., взять бумагу съ водянымъ знакомъ, изображающимъ бычачью голову съ крестомъ, вокругъ котораго обвита змѣя (между рогами), то смѣло можно утверждать, что это бумага перваго десятилѣтія XVI вѣка. Такая бумага выдѣлывалась во Франціи, а затѣмъ продавалась во всѣхъ странахъ Европы, попадала и къ намъ, конечно, спустя нѣкоторое время. Эти водяные знаки, какъ оказывающіе такую большую пользу при опредѣленіи времени текста, очень рано начали въ свою очередь изучаться въ связи съ исторіей бумажныхъ фабрикъ. Начиная съ 20-хъ годовъ, одинъ изъ сотрудниковъ Румянцова Лаптевъ начинаетъ собирать

---

[1]) Правда, теперь изъ льняного тряпья мало дѣлаютъ бумагу, замѣняя прочную льняную ткань волокнами другихъ болѣе дешевыхъ растеній, въ родѣ соломы, древесины (такова напр. целлюлоза); но принципъ остается тотъ же въ приготовленіи бумаги.

эти водяные знаки и устанавливать, къ какому времени относится данный водяной знакъ: получился альбомъ водяныхъ знаковъ. Подобное во много разъ большее собраніе дѣлаетъ потомъ Тромонинъ; затѣмъ, не такъ давно, вышелъ громадный трудъ Лихачева, въ которомъ мы находимъ отъ 5 до 6 тысячъ такихъ водяныхъ знаковъ съ объясненіемъ. Пользуясь этимъ пособіемъ, мы можемъ подойти довольно близко къ опредѣленію времени рукописнаго текста. Такое же указаніе на время появленія рукописи даетъ ея почеркъ: оба показанія дополняютъ или контролируютъ другъ друга, придавая бо̀льшую точность опредѣленію времени рукописи.

Но, кромѣ всего этого, у насъ есть иногда и другое средство опредѣлить время написанія рукописи, это—миніатюры, заставки, заглавныя буквы, т.-е., элементы древняго искусства, примѣненные къ рукописи. Съ рукописями, украшенными такимъ способомъ, должно было повториться то же, что со всѣми памятниками искусства. Разрисовать, украсить, какъ слѣдуетъ, рукопись, дѣло не только писца, но и художника. Конечно рукопись украшали въ духѣ и вкусѣ даннаго времени. Это, въ общемъ—орнаментъ. Поэтому по характеру рисунка, какъ и по характеру буквъ, можно судить и о времени написанія данной рукописи. Подробности, касающіяся орнамента, какъ матеріала для хронологіи, теперь неумѣстны. Только для примѣра можно привести нѣсколько типичныхъ примѣтъ. Въ древнѣйшихъ русскихъ рукописяхъ, вродѣ Остромирова евангелія, въ памятникахъ XI вѣка преобладаетъ геометрическій орнаментъ, воспроизводящій византійскій IX—X вѣковъ. Начиная какую-нибудь главу, писецъ оставляетъ часть страницы, пустой, а художникъ, если писецъ самъ не обладаетъ умѣньемъ, потомъ на этомъ мѣстѣ рисуетъ заставку, которая обыкновенно имѣетъ видъ прямоугольника, параллелограмма. Внутри этой рамки онъ дѣлаетъ какой-нибудь рисунокъ. Послѣдній можно сравнить съ какимъ-нибудь вышиваньемъ цвѣтными шелками или нитками или съ ковромъ. Здѣсь преобладаютъ геометрическія линіи: круги, квадраты, треугольники. Иногда этотъ параллелограммъ открытъ внизу въ видѣ арки, гдѣ пишется часть заглавія текста. Рисунокъ раскрашивается опредѣленными красками, по большей части довольно пестро, но въ красивой гармоніи цвѣтовъ, а если позволяютъ средства, съ прозолотой. Краски употреблялись чаще другихъ: желтая, зеленая, голубая, чаще всего красная. Красной краской обыкновенно художникъ дѣлаетъ контуръ, промежутки клѣтки заполняетъ разными цвѣтами; каждому времени соотвѣтствуетъ особый подборъ цвѣтовъ и подборъ клѣточекъ рисунка. Геометрическій орнаментъ у насъ относится къ XI—XII вѣкамъ. Съ конца XIII вѣка стиль рисунка измѣняется: художникъ беретъ рядъ

ремней и дѣлаетъ изъ нихъ различныя переплетенія, иногда очень причудливыя. Эту плетенку онъ располагаетъ иногда такимъ образомъ, что получается извѣстный рисунокъ-мережка. Впрочемъ, начало этого стиля видимъ и раньше. Въ плетенкѣ этой въ XIII—XIV в. можно замѣтить фигуры и изображенія звѣрей, большею частью фантастическихъ чудовищъ (драконы, грифы, львы и т. д.), исполненныхъ этимъ ремнемъ. Этотъ рисунокъ называется тератологическимъ орнаментомъ, т.-е. чудовищнымъ. Онъ получаетъ особенное распространеніе въ XIII—XIV вѣкахъ, въ особенности въ Новгородѣ. Если передъ нами рукопись и въ ней въ видѣ орнамента (въ заставкахъ и заглавныхъ буквахъ) рисунокъ дракона, чудовищныхъ птицъ, грифовъ, львовъ, смѣло можно утверждать, что по украшеніямъ данная рукопись относится къ школѣ тератологической и ко времени XIII—XIV вѣковъ. Позднѣе мода опять измѣняется. Въ XV и въ XVI вѣкахъ у насъ опять пріобрѣтаютъ значеніе геометрическіе орнаменты. Но этотъ орнаментъ будетъ уже нѣсколько иной, нежели древній. Здѣсь будутъ главнымъ образомъ круги и квадраты, промежутки между которыми заполнены различными вавилонами, стилизованными цвѣтами и растеніями. Это южно-славянскій орнаментъ (правильнѣе: ново-византійскій), который у насъ прививается въ XV—XVI вѣкахъ подъ вліяніемъ юга славянства. Въ концѣ XVI вѣка (нѣсколько ранѣе на юго-западѣ Руси, нежели на востокѣ) подъ вліяніемъ зап. Европы въ этотъ орнаментъ у насъ начинаетъ проникать живописный элементъ. Въ орнаментѣ стараются брать предметы и изображать ихъ такъ, какъ они встрѣчаются въ природѣ; цвѣты рисуютъ собранными въ букеты, ставятъ ихъ въ вазы. Это—цвѣтной, или травный, орнаментъ. Имъ характеризуются уже рукописи XVI—XVII вѣковъ. Вотъ, слѣдовательно, еще одинъ признакъ для ознакомленія съ рукописью.

Что касается миніатюры въ рукописи, т.-е. иллюстрацій къ тексту, мы ихъ находимъ либо на отдѣльныхъ страницахъ рукописей, въ текстѣ, или на поляхъ; художественный стиль этихъ «лицевыхъ» изображеній опредѣляетъ время созданія и исполненія этихъ изображеній (чѣмъ занята исторія искусства), а слѣдовательно, и время самой рукописи.

Затѣмъ нужно указать и другіе элементы, съ которыми придется имѣть дѣло занимающимся рукописями. Древняя литература въ силу общаго характера средневѣковья была литературой преимущественно церковной. Принципъ поучительный, этическій является господствующимъ. Этотъ принципъ приводитъ къ тому, что самое писаніе рукописей, какъ средство распространять высокія христіанскія мысли, считается дѣломъ христіанскаго подвига. Грамотныхъ людей въ древности

мало. Рукописи писать довольно трудно, процессъ идетъ очень медленно. Поэтому, какъ пріобрѣтеніе рукописи, такъ и ея выполненіе считается благочестивымъ подвигомъ. На дѣло изготовленія рукописей смотрятъ, приблизительно, какъ на молитву или постъ, подвигъ вообще. Признакомъ литературнаго дѣятеля и писца, въ силу этого положенія, считается прежде всего смиреніе. Смиренный писецъ считаетъ своей обязанностью скрывать свое имя; поэтому въ большинствѣ случаевъ мы не знаемъ, кто написалъ данныя рукописи. Чаще мы знаемъ, кѣмъ эта рукопись пожертвована въ церковь, въ монастырь; на это мы чаще встрѣчаемъ въ рукописяхъ указанія въ видѣ записи въ концѣ ихъ, внизу по листамъ. Тутъ указывается, когда она пожертвована, кѣмъ, съ какой цѣлью, напр., на поминъ души, на поминовеніе родителей, или прямо «церкви святой Богородицы пожертвована на вѣчное поминовеніе такимъ-то» и т. п. Но иногда писецъ не можетъ устоять противъ искушенія, чтобы не сказать о себѣ, потому что онъ предпринялъ очень важное, большое дѣло, которое тянется очень долго (напр., Остромирово евангеліе пишется около $1^1/_2$ года); окончаніе этого дѣла наполняетъ радостью много трудившагося писца. Конечно, очень трудно удержаться отъ того, чтобы не назвать своего имени, не выразить своего настроенія. Окончивъ рукопись, писецъ и пишетъ иногда послѣсловіе, иногда довольно витіеватое, въ родѣ такого: «какъ радуется заяцъ, избѣжавшій тенета, или, какъ радуется пловецъ, достигшій пристани, такъ радуется и писецъ, окончившій свое писаніе», и затѣмъ прибавляетъ: «а началъ я писать тогда-то, въ день такого-то святого, а кончилъ тогда-то въ день такого-то святого», иногда прибавляетъ онъ также имя князя или царя, и имя мѣстнаго архіерея или своего игумена (если онъ монахъ), при которыхъ исполнялъ онъ свой трудъ; свое имя иногда онъ и не называетъ. Если такая надпись есть, то мы должны быть счастливы и довольны, потому что такимъ образомъ точно опредѣляется, кѣмъ и когда рукопись написана. Но, къ сожалѣнію, далеко не всегда такъ бываетъ. Такихъ «датированныхъ» рукописей мы знаемъ сравнительно немного, хотя бы потому, что весьма часто послѣсловіе пропадаетъ съ концомъ рукописи, который скорѣе всего утрачивается. Чаще, если подпись и есть, она носитъ неопредѣленный характеръ, напр.: «а писалъ я такой-то» и прибавляется иногда: «во время царствованія такого-то», или «при митрополитѣ такомъ-то», чаще «при игумнѣ такомъ-то». Слѣдовательно, для того, чтобы знать, когда написана рукопись, нужно знать, когда царствовало такое-то лицо, или, когда жилъ такой-то игуменъ. Для этого и существуютъ справочные указатели, напр., П. Строева «Списки іерарховъ» и т. п., упомянутые раньше.

Но иногда мы не можемъ найти и такихъ указаній. Какъ уже сказано, у писца могло быть желаніе заявить о своемъ имени, но такъ какъ это считалось нескромнымъ и предосудительнымъ или иногда просто почему-либо неудобнымъ, то писецъ пускался на своего рода уловку. Онъ пишетъ о себѣ, но такъ, что не всякій его пойметъ, а именно онъ употребляетъ шифръ, т.-е. тайнопись, иначе криптограмму. Конечно, не знающіе ключа къ этому шифру не могли прочесть подписи. Отыскать же этотъ ключъ бываетъ иногда довольно трудно, а съ другой стороны найти его для насъ бываетъ очень важно. Насколько важно бываетъ подчасъ найти этотъ ключъ, показываетъ, напр., слѣдующее: въ XV—XVI вѣкахъ у насъ развивается раціоналистическая ересь «жидовствующихъ», противъ которой ведутъ энергичную борьбу православные вмѣстѣ съ правительствомъ. Среди сторонниковъ этой ереси были лица, занимавшія подчасъ важное общественное положеніе, которымъ, именно въ силу своего положенія, неудобно открыто стоять на сторонѣ еретиковъ. Они помогаютъ еретикамъ, но тайно отъ православныхъ, распространяя еретическія сочиненія. Такой писецъ естественно тщательно скрываетъ важное имя, пишетъ его криптографіей. Такъ, мы находимъ у еретиковъ апокрифическій памятникъ «Лаодикійское посланіе»; на этомъ памятникѣ мы находимъ запись, кто его перевелъ на русскій языкъ. Но пока мы не умѣли прочесть эту запись, написанную секретнымъ письмомъ, до тѣхъ поръ, мы не знали, что этотъ памятникъ пустилъ въ оборотъ одинъ изъ видныхъ общественныхъ дѣятелей, именно: дьякъ великаго князя, Федоръ Курицынъ. Когда мы это узнали, тогда намъ стало понятно, почему ересь имѣла такой успѣхъ, почему, чѣмъ больше ее преслѣдовали, тѣмъ больше она развивалась: она имѣла, оказывается, весьма сильныхъ покровителей среди представителей самого правительства. Иногда такой тайнописью пишутся и другого рода вещи, напримѣръ: произошелъ въ монастырѣ какой-нибудь скандалъ; онъ, конечно, составляетъ монастырскую злобу дня. Монахи удалились отъ міра, но тѣмъ болѣе они чувствительны къ сплетнямъ и скандаламъ, какъ вносящимъ разнообразіе въ ихъ монотонную, однообразную жизнь. Монаху хочется записать такой пикантный случай для потомства или просто для собственнаго удовлетворенія, но записать опасно, потому что рукопись можетъ попасть въ руки игумена или вообще начальства, противника, и за это можетъ достаться. Въ такомъ случаѣ монахъ прибѣгаетъ къ тайнописи. Въ XV вѣкѣ, напр., мы находимъ такого рода запись, въ которой описывается такое «событіе»: сосланный въ монастырь князь Хованскій подрался съ игуменомъ и побилъ его палкой. Записать обычнымъ письмомъ такой случай нельзя, и писецъ прибѣгъ къ хитрой тайнописи. Такимъ образомъ мы видимъ, что случаевъ для

примѣненія тайнаго письма было довольно много, а прочесть эту тайнопись часто важно: это интимное письмо можетъ вскрыть намъ интересныя стороны жизни. Во всякомъ случаѣ историку литературы, занимающемуся рукописями, нужно имѣть и нѣкоторое знакомство съ криптографіей, потому что при помощи ея онъ можетъ открыть иногда имя автора рукописи, время ея написанія, можетъ узнать условія, при которыхъ появился данный текстъ, можетъ, наконецъ, найти описаніе случаевъ, которые въ офиціальныхъ рукописяхъ быть не могли, а подчасъ эти случаи могутъ быть для насъ очень интересны. По этимъ причинамъ въ область палеографіи и вводится изученіе тайнописи.

Правда, въ настоящее время тайнопись изучена еще не особенно подробно, открыты не всѣ виды тайнописи, но все-таки открыто довольно много. О нихъ мы можемъ говорить, какъ о стройной системѣ, привившейся на Руси. Самый способъ употреблять криптографію является у насъ заимствованнымъ: къ подобнаго же рода уловкамъ прибѣгали и на Западѣ, и наши учителя-греки, и южные славяне. Собранный до сихъ поръ матеріалъ даетъ возможность указать на тѣ принципы, которыми пользовались наши писцы въ древнѣйшее время, хотя бы въ общихъ чертахъ. Какъ извѣстно, въ древнѣйшее время славянской письменности употребляется два шрифта: одинъ кирилловскій, отъ котораго происходитъ наша церковная и гражданская азбука, и шрифтъ глаголическій, получившій распространеніе въ древнѣйшее время у южныхъ славянъ, болгаръ и сербовъ, и въ болѣе позднее время у хорватовъ. Глаголическій шрифтъ не получилъ у насъ широкаго распространенія. Имъ, правда, умѣли пользоваться, его знали, но далеко не всѣ уже въ древнѣйшее время. Это письмо, какъ доступное для немногихъ, очень рано у насъ и стали употреблять для тайнописи. И вотъ мы видимъ, что въ XII—XIII вв. писцы пишутъ свои записи такимъ образомъ: прежде всего онъ пишетъ о томъ, что слава Богу онъ окончилъ рукопись, совершилъ извѣстный трудъ, имя же свое пишетъ глаголицей, иногда вперемежку съ кирилловскими буквами. Древнѣйшій памятникъ, написанный такого рода тайнописью—г л а г о л и ц е й, мы встрѣчаемъ въ Новгородѣ въ соборѣ св. Софіи, сохранившійся и до нашего времени. Храмъ этотъ былъ построенъ Ярославомъ, оконченъ онъ былъ къ 50-му г. XI ст. Постепенно онъ, какъ всѣ старые памятники, передѣлывался, и, какъ всѣ старые памятники, заросталъ землей; постепенно полъ его поднимался, насыпалась новая земля, строился новый полъ. Когда же при реставраціи храма открыли, уже въ наше время, старый полъ, то оказалось, что стѣны храма отъ полу по цоколю были исцарапаны надписями: очевидно, та привычка, въ силу которой и теперь еще пишутъ на стѣнахъ и скамьяхъ, существовала уже и въ XI—XII

вѣкѣ. Въ XI—XII вѣкѣ человѣкъ, пришедшій въ храмъ, хотѣлъ отмѣтить свое посѣщеніе, но въ то же время ему было, повидимому, совѣстно сдѣлать это просто, и онъ сталъ писать отчасти кириллицей, отчасти глаголицей, письмомъ малоизвѣстнымъ. Такимъ образомъ, можно предполагать, что у насъ уже съ конца XI вѣка или начала XII-го въ примѣненіи къ тайнописи стала употребляться глаголица. Впрочемъ, для XI—XII в. такой выводъ не можетъ считаться безусловно опредѣленнымъ: есть основанія предполагать, что для этихъ вѣковъ глаголица на Руси едва ли въ полномъ смыслѣ была тайнописью, какъ о томъ свидѣтельствуютъ цѣлыя кирилловскія рукописи, списанныя съ глаголическихъ; но для XII—XIII в. онъ будетъ уже надежнѣе: глаголица забывалась, глаголическія рукописи перестаютъ вращаться среди грамотныхъ людей, и глаголица—уже рѣдкое, дѣйствительно, мало извѣстное письмо, а потому и годна вполнѣ для тайнописи. Изъ XII—XIII вѣковъ, подобныя полуглаголическія надписи, въ качествѣ тайнописныхъ, извѣстны намъ по нѣсколькимъ рукописямъ (напр., въ такъ называемыхъ финляндскихъ, т.-е. найденныхъ въ Финляндіи, отрывкахъ русскихъ рукописей). Повидимому, къ XIV вѣку этотъ способъ тайнописи уже вышелъ изъ моды и возобновился только въ XV—XVI в., но уже изъ другихъ источниковъ, и встрѣчается рѣдко.

Рядомъ съ этимъ способомъ приблизительно съ того же времени, XIII—XIV вѣковъ, мы встрѣчаемся съ другими видами секретнаго письма. Конечно, перечислять всѣ эти виды нѣтъ надобности. Главные же принципы и виды болѣе поздней тайнописи въ общемъ могутъ быть указаны такіе. Одинъ изъ видовъ тайнописи, напр., основывается на томъ, что однѣ буквы азбуки *замѣняются* другими той же азбуки. Нужно, конечно, знать, какія буквы замѣняютъ другія, тогда только можно дешифрировать подобную запись. Въ другихъ случаяхъ употребляютъ *цифры* въ различныхъ комбинаціяхъ, основываясь на томъ, что въ славянской письменности, а также и въ древне-греческой, буквы въ то же время играютъ роль и цифръ. Наконецъ, употреблялись *особые значки*, которые замѣняли собою буквы. Вотъ нѣсколько образчиковъ подобнаго рода системъ тайнописи. Напримѣръ, встрѣчаются довольно часто въ рукописяхъ такого рода начертанія: «арипь»; это писано тайнописью. Она основывается на томъ, что всѣ гласные остаются неизмѣнными, а согласные дѣлятся на двѣ половины и пишутся одна подъ другой:

б	в	г	д	ж	з	к	л	м	н
щ	ш	ч	ц	х	ф	т	с	р	п

и замѣняются взаимно.

Въ этомъ видѣ тайнописи *р* соотвѣтствуетъ *м*, *п*—*н*, т. о. получается:

«аминь». Это самый простой видъ тайнописи и называется литореей. Затѣмъ, примѣръ цифровой тайнописи. Въ славянской письменности а=1, в=2, г=3, д=4 и т. д.; і=10, к=20, л=30, р=100, с=200 и т. д. Этотъ принципъ и примѣненъ къ тайнописи; но взятъ онъ только нѣсколько похитрѣе. Берутся слагаемыя, большей частью одинаковыя, и пишутся вмѣсто суммы, т.-е. приблизительно такъ:

вв . нк . кк . дд . вв . ъ

Если произвести попарно сложеніе этихъ буквъ, взявъ ихъ цифровое значеніе то получимъ 2+2=5, 50+20=70, 20+20=40, 4+4=8, т.-е. 4 . 70 . 40 . 8 . 4. Замѣнивши наши арабскія цифры соотвѣтствующими славянскими буквами, получимъ слово: «Домидъ»; это—имя писца русской рукописи Апостола 1307 года.

Есть виды тайнописи и посложнѣе, а именно тамъ, гдѣ вмѣсто буквъ употребляются особые значки, напр., вмѣсто единицы ставится точка, вмѣсто десятка—черточка, для сотни—кружочекъ; эти значенія переводятся на буквы, какъ выше:

o— o— · : · , т.-е. слава.

Есть еще система, которая основана на томъ, что пишется по-русски, но чужимъ, напр., греческимъ, шрифтомъ: ποδπισαχъ, что будетъ значить: «подписахъ». Встрѣчается и такой способъ, гдѣ пишутся буквы не цѣликомъ, а только части буквъ, напр., слово «Иванъ» приблизительно пишется такъ: İ Ь\I Ꞁ. Наконецъ, есть еще видъ тайнописи, съ которымъ довольно часто встрѣчаемся въ русскихъ рукописяхъ: это—такъ называемая пермская азбука. Извѣстно, что въ XIV вѣкѣ христіанство было принесено въ Пермь къ зырянамъ св. Стефаномъ Пермскимъ; онъ для зырянъ придумалъ особую азбуку. Въ своей основѣ это таже кирилловская азбука, но передѣланная. Эта азбука не привилась, и мы видимъ, что уже въ XV—XVI вв. ее употребляютъ въ качествѣ тайнописи. Таковы наиболѣе обычные и наиболѣе простые виды тайнописи. Но встрѣчаются и другіе способы, болѣе сложные и трудные; нѣкоторые остаются до сихъ поръ не раскрытыми [1]).

Ученіе объ изводахъ памятниковъ. Наконецъ, послѣдній пунктъ, который долженъ имѣть въ виду читающій старые тексты, это—изводъ памятника. Руская письменность не зародилась самостоятельно, не жила обособленно, а получила свое начало отъ письменности сосѣднихъ, главнымъ образомъ, южныхъ славянъ,

---

[1]) Подробнѣе о тайнописи у А. И. Соболевскаго, Палеографія, изд. 2. (Спб. 1908), стр. 108 и сл., или Е. Ѳ. Карскаго, Очеркъ палеографіи (Варш. 1901), стр. 258 и сл.

испытывала на себѣ ихъ вліяніе. Начало русской литературѣ было положено тѣмъ, что къ намъ явилась масса славянскихъ переводовъ съ юга, главнымъ образомъ, изъ Болгаріи. Эти сношенія съ Болгаріей, а потомъ съ Сербіей продолжаются и позднѣе въ теченіе вѣковъ. Въ первое время этихъ сношеній мы получаемъ гораздо больше, чѣмъ даемъ. Послѣ XVI вѣка, наоборотъ, русская рукопись, русская печатная книга идутъ къ юго-славянамъ, которые все-таки по прежнему, но меньше уже, продолжаютъ снабжать насъ письменными памятниками. Потому литературная исторія памятника, извѣстнаго въ русской литературѣ, часто начинается за предѣлами русской литературы, развивается внѣ русской территоріи. Имѣя въ виду то, что у насъ къ рукописи относились съ большимъ уваженіемъ, вообще старались списывать ее возможно точнѣе, безъ измѣненій, такъ какъ боялись, какъ бы этимъ не измѣнить смысла и не нарушить правильность текста, несомнѣнно, что у насъ тщательно списывали и иноземныя славянскія рукописи. Съ другой стороны, чисто филологической точности въ передачѣ словъ оригинала требовать отъ писца въ древнее время нельзя. Такимъ образомъ, получился рядъ рукописей, писанныхъ въ Россіи, но не съ русскихъ, а славянскихъ оригиналовъ. Конечно, русскій писецъ, какъ бы онъ ни стремился старательно списывать, онъ поневолѣ, въ силу близости къ его родному языку литературной рѣчи юго-славянина, безсознательно вноситъ тѣ измѣненія, которыхъ требуетъ его русскій языкъ, главнымъ образомъ въ фонетику, отчасти въ морфологію. Уже древнѣйшій датированный текстъ, а именно Остромирово евангеліе, представляющее довольно точно текстъ болгарскаго своего оригинала, въ то же время является и памятникомъ русскаго языка, потому что русскій его писецъ при всемъ желаніи сохранить текстъ не измѣненнымъ, дѣлалъ нѣкоторыя отклоненія въ пользу русской фонетики. Такимъ образомъ получается, что Остромирово евангеліе—болгарскій памятникъ, но съ чертами русскаго языка. Это и называется изводомъ, т.-е., отношеніе между данной рукописью и ея оригиналомъ, съ котораго она писана: Остромирово евангеліе есть старославянскій памятникъ русскаго извода. Важность опредѣлить, былъ ли оригиналъ текста русскаго или нерусскаго происхожденія, конечно, понять легко: если мы имѣемъ передъ собой русскій по письму памятникъ, присматриваясь къ которому, мы опредѣлимъ, что онъ не русскаго происхожденія, а болгарскаго или сербскаго, то этимъ самымъ мы установимъ важный фактъ для исторіи этого памятника; или: если мы имѣемъ какой-нибудь апокрифъ въ цѣломъ рядѣ русскихъ рукописей и, присматриваясь къ этимъ рукописямъ, опредѣляя ихъ изводы, мы увидимъ, что въ основѣ лежитъ сербскій оригиналъ, мы дѣлаемъ заключеніе, что эти тексты не явились у насъ самостоятельно, а

что, напротивъ, они были занесены на Русь черезъ сербскую письменность. Основываясь на этомъ, и мы говоримъ, что данное произведенiе появилось ранѣе въ юго-славянскомъ переводѣ и затѣмъ уже перешло на Русь. Присматриваясь ближе къ языку, мы можемъ опредѣлить иногда и время, не позднѣе котораго этотъ текстъ перешелъ на Русь. Особенности языка оригинала связаны, какъ извѣстно, съ опредѣленнымъ временемъ жизни этого языка; эти особенности языка оригинала иногда переносятся и въ копiю, которую мы имѣемъ передъ собой; зная исторiю того языка, на которомъ писанъ оригиналъ, мы можемъ эти особенности относить къ извѣстному времени, каковы, напр., архаизмы въ склоненiи, въ синтаксисѣ и т. п., а это даетъ возможность говорить о томъ, что оригиналъ, напр., русскаго текста, имѣющагося у насъ въ рукахъ, не можетъ быть моложе того или другого времени. Вотъ практическая сторона изученiя того, что называется изводомъ. Изъ сказаннаго ясно, что для того, чтобы опредѣлить изводъ рукописи, нужно найти тѣ данныя языка, которыя могутъ быть превращены въ данныя литературнаго свойства. Главнымъ основанiемъ этого является внимательное изученiе текста, конечно, главнымъ образомъ, его языка. Конечно, это не входитъ ближайшимъ образомъ въ нашу задачу; но элементарныя, общiя, основныя положенiя, касающiяся стараго языка, долженъ знать всякiй историкъ литературы. Эти положенiя въ нѣсколькихъ словахъ сводятся къ слѣдующему. Въ славянской письменности, которая пользуется кирилловскимъ письмомъ или глаголицей (въ данномъ случаѣ это безразлично), различаютъ три главныхъ извода: болгарскiй, сербскiй и русскiй. Это будетъ значить, что въ основѣ всѣхъ этихъ изводовъ лежитъ языкъ старо-славянскiй, т.-е. тотъ языкъ, на который впервые въ IX вѣкѣ было переведено священное писанiе Кирилломъ и Меѳодiемъ, на которомъ появились первые письменные памятники и въ русской литературѣ. Но этотъ старо-славянскiй языкъ скоро начинаетъ измѣняться, потому что онъ становится л и т е р а т у р н ы м ъ языкомъ не только у болгаръ македонскихъ (на языкѣ которыхъ говорили Кириллъ и Меѳодiй), а также у другихъ славянскихъ народовъ: сербовъ, западныхъ и восточныхъ болгаръ и русскихъ. Эти народы, примѣняя старо-славянскiй языкъ къ своему живому языку, невольно измѣняютъ его. Мы видимъ, что первоначальный старо-славянскiй текстъ переписываетъ, напр., восточный болгаринъ, въ языкѣ котораго или нѣтъ нѣкоторыхъ особенностей языка старо-славянскаго или есть другiя, которыхъ нѣтъ въ старо-славянскомъ языкѣ; онъ измѣняетъ особенности старо-славянскаго и вноситъ въ свой текстъ особенности своего восточно-болгарскаго и, такимъ образомъ, получается изводъ болгарскiй (точнѣе восточно-болгарскiй). Если подобнаго же рода работу продѣлываетъ сербъ, то по-

лучается изводъ сербскій; если писецъ принадлежитъ къ русскому племени, то изводъ будетъ русскій, какъ мы видѣли въ Остромировомъ евангеліи. Какъ различить эти изводы, указываетъ намъ старо-славянскій языкъ, главнымъ образомъ та его часть, которая называется фонетикой, т.-е. ученіе о звукахъ, отчасти морфологія, т.-е. ученіе о формахъ словъ. Если мы знаемъ разницу въ отдѣльныхъ фонетическихъ фактахъ между языками болгарскимъ, русскимъ и сербскимъ и если встрѣчаемъ отзвуки болгарской фонетики въ русскомъ текстѣ, тогда мы несомнѣнно можемъ говорить, что данный русскій текстъ ведетъ свое происхожденіе отъ болгарскаго текста, т.-е. здѣсь русскій изводъ болгарскаго текста. Слѣдовательно, все здѣсь сводится къ тому, чтобы уяснить основныя черты языка этихъ трехъ главныхъ группъ славянскаго языка.

Конечно, излагать сравнительную грамматику славянскихъ нарѣчій—болгарскаго, сербскаго и русскаго—не входитъ въ задачу введенія въ исторію русской литературы; но надо все же указать главнѣйшіе признаки, по которымъ можно опредѣлить сербскую, болгарскую и русскую рукописи или то, что русская рукопись писана съ болгарскаго или сербскаго текста. Наиболѣе характерными здѣсь являются отдѣльные звуки. На первомъ мѣстѣ нужно поставить носовые звуки, такъ называемые *юсы*. Носовое произношеніе начертаній ѫ (ѭ) и ѧ (ѩ), какъ указано было раньше, открыто Востоковымъ. Юсы являются несомнѣнной принадлежностью, какъ обще-славянскаго языка, такъ и принадлежностью старо-славянскаго языка, на которомъ писали Кириллъ и Меѳодій. Эти носовые звуки въ разныхъ славянскихъ языкахъ имѣли различную судьбу, замѣняясь другими звуками, носовыми же, или чистыми; такъ, въ сербскомъ и русскомъ языкѣ мы не знаемъ носовыхъ звуковъ, но знаемъ остатки ихъ въ языкѣ болгарскомъ. Поэтому, если мы встрѣчаемся съ носовыми звуками въ русской рукописи, мы прежде всего ставимъ вопросъ: не представляютъ ли эти носовые звуки остатковъ старо-славянскаго или болгарскаго оригинала, или объясненіе должно быть какое-нибудь другое? Присматриваясь къ судьбѣ носовыхъ въ русскомъ языкѣ, мы убѣждаемся, что большой и малый юсы встрѣчаются и въ русскихъ рукописяхъ на письмѣ, но имѣютъ уже иное произношеніе, напр., слово «дубъ» или «клятва» писалось въ старо-славянскомъ такъ: дѫбъ, клѧтва; пишется такъ иногда и въ русскихъ текстахъ. Мы видимъ, что здѣсь въ русскомъ языкѣ юсовъ уже нѣтъ, русскій писецъ, если и пишетъ: дѫбъ, клѧтва, то произноситъ «дубъ», клятва», т.-е. въ русскомъ языкѣ старо-славянскія носовыя начертанія произносились не какъ носовые, а какъ чистые звуки: большой юсъ произносился, какъ *у*, а малый, какъ *я* или *а*.

Такъ можно сказать про писца Остромирова евангелія. Уже въ XI вѣкѣ писецъ очень правильно пишетъ большіе юсы своего оригинала, но не произноситъ ихъ въ носъ. Это видно изъ того, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти юсы онъ путаетъ, ставя вмѣсто ѧ—*я*, вмѣсто ѫ—*оу* и обратно. Эта путаница въ начертаніи звуковъ даетъ намъ право опредѣлить, что Остромирово евангеліе есть памятникъ старо-славянскій, но уже русскаго извода. Сербскій языкъ точно также не имѣетъ этихъ носовыхъ звуковъ: онъ подобно русскому пользовался замѣной этихъ звуковъ чистыми, но замѣна эта будетъ иная, нежели въ русскомъ языкѣ: большой юсъ сербъ произноситъ такъ же, какъ мы, «у»; поэтому, хотя сербъ, можетъ быть, напишетъ „дѫбъ", но будетъ произносить „дубъ"; въ словѣ же „клятва" онъ будетъ вмѣсто „ѧ" произносить „*е*", т.-е. „клетва", т.-е.: ѫ=*у*, ѧ=*е*. Если мы замѣтимъ такую замѣну юсовъ въ памятникѣ, то смѣло можемъ сказать, что имѣемъ дѣло съ сербскимъ изводомъ. Если русскій человѣкъ пишетъ съ сербской рукописи, то онъ повторитъ эту замѣну. Въ такомъ случаѣ, мы будемъ ясно видѣть, что онъ имѣлъ передъ собой сербскій оригиналъ. Это будетъ изводъ сербско-русскій. Остается еще болгарскій изводъ, который въ этомъ случаѣ представляетъ особенности. Если старо-болгарскій языкъ въ македонскомъ нарѣчіи есть въ то же время языкъ старо-славянскій, правильно употребляющій юсы, то болгарскій языкъ въ другихъ нарѣчіяхъ и позднѣе уже отклоняется отъ этой нормы старо-славянскаго языка. Въ концѣ XI—XII вѣковъ онъ начинаетъ эти носовые звуки употреблять по-своему. Въ XII вѣкѣ въ восточной Болгаріи носовые уже отсутствуютъ, хотя они и пишутся, но произносятся иначе: большой юсъ произносится, какъ глухой, или «ирраціональный». Болгаринъ говоритъ не «дубъ», а «дёбъ» (нѣчто среднее между «у» и «е»), и скоро начинаетъ писать соотвѣтствующимъ образомъ; поэтому въ болгарской рукописи можно встрѣтить такія начертанія: „дѫбъ" или „дъбъ". Кромѣ того, вскорѣ большой и малый юсы утрачиваютъ разницу между собой въ болгарскомъ языкѣ въ извѣстныхъ случаяхъ, поэтому слово «чѫсть» болгаринъ можетъ написать такъ: „чѧсть", слово „клѧтва" онъ можетъ написать „клетва" или клѫтва, т.-е. съ большимъ юсомъ или просто черезъ *е*. Такого рода смѣшеніе носовыхъ даетъ возможность относить рукописи къ тому или иному изводу, а слѣдовательно, говорить и о слѣдахъ этого извода въ русскихъ рукописяхъ, говорить объ ихъ происхожденіи. Затѣмъ чрезвычайно характернымъ признакомъ являются такъ называемые глухіе въ русскомъ языкѣ: «ъ, ь», которые различаются довольно послѣдовательно (что видно изъ правильной ихъ замѣны—*о* и *е*). Напротивъ, сербскій языкъ этихъ глухихъ не различаетъ; тамъ они сливаются въ одинъ глухой звукъ, который обозначается тѣмъ, что мы теперь назы-

ваемъ ь. Основываясь на этомъ, мы всегда можемъ сказать, что имѣемъ дѣло съ сербскимъ текстомъ въ основѣ, если вмѣсто ъ встрѣчаемъ ь. Существуетъ отличіе глухихъ и въ другихъ случаяхъ. Въ русскомъ языкѣ въ отличіе въ передачѣ отъ юго-славянскаго встрѣчаются такія сочетанія согласныхъ съ плавными и глухого: напр., русское «стълпъ» вмѣсто южнаго «стлъпъ». Такимъ образомъ, если мы видимъ начертаніе глухихъ послѣ плавныхъ, то можемъ говорить, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ слѣдами юго-славянскаго письма. Такого рода наблюденія надъ глухими и надъ носовыми даютъ намъ право дѣлать заключеніе о томъ или другомъ происхожденіи нашей рукописи, т.-е. о томъ или другомъ изводѣ нашего текста. Если у насъ текстъ русскій, но въ немъ есть слѣды какого-нибудь другого письма, напр., сербскаго или болгарскаго, тогда мы дѣлаемъ заключеніе, что нашъ текстъ ведетъ свое происхожденіе отъ сербскаго или болгарскаго, смотря по тому, какіе слѣды мы находимъ. Отсюда ясно, что послѣднимъ методологическимъ условіемъ для изученія старыхъ памятниковъ является нѣкоторое знаніе исторіи языка и грамматики. То же надо сказать и о роли исторической діалектологіи русскаго языка. Этимъ объясняется, почему вспомогательнымъ средствомъ для изучающихъ древніе памятники является историческая грамматика русскаго языка и языковъ славянскихъ.

— —

Главнѣйшія явленія письменной литературы Кіевскаго періода.

Итакъ, мы пересмотрѣли тѣ главныя вспомогательныя средства, съ которыми можно приступить къ изученію древней литературы въ частности и русской литературы вообще.

I. Литература письменная и устная. Перейдемъ теперь къ изученію нашей древней литературы. Она представляетъ двѣ разновидности по своему внѣшнему характеру; эти разновидности различаются между собой по тѣмъ средствамъ, которыми пользуется каждая изъ нихъ. Существуетъ литература устная, главнымъ средствомъ для которой является устное преданіе, живое слово, передаваемое однимъ лицомъ другому и сохраняющееся т. о. отъ одного поколѣнія другому (конечно, съ измѣненіями) путемъ памяти. Другая отрасль нашей литературы — литература письменная, т.-е. та литература, которая для своего сохраненія и распространенія пользуется искусствомъ письма. Эта вторая отрасль литературы сохранилась до насъ въ менѣе измѣненномъ видѣ, нежели первая, въ тѣхъ рукописяхъ и текстахъ, о которыхъ была рѣчь во «Введеніи». Еще недавно представляли себѣ въ русской литературѣ какъ бы двѣ отдѣльныхъ литературы: съ одной стороны—литература письменная, или книжная, съ другой—устная, при чемъ изучали ихъ отдѣльно, до извѣстной степени противополагая одну другой. Называя одну (книжную) также искусственной, другую безъискусственной, говорили, что литература устная, какъ сохранившаяся въ устахъ народа, есть настоящая русская литература, національная, сохранившая народныя черты, почему ее и называютъ народной. Письменная же литература, по этому воззрѣнію, какъ бы не народная, большею частью переводная, заимственная и чужая и т. д. Это традиціонное, неправильное представленіе о литературѣ и создало такое пониманіе, что будто существуетъ двѣ параллельно стоящія, самостоятельныя литературы на пространствѣ одного и того же русскаго языка, одного и того же русскаго племени. Это традиціонное представленіе до извѣст-

ной степени остается и до настоящаго времени; напр., у насъ существуетъ двѣ кафедры: устно-народной литературы и остальной литературы. Конечно, такое дѣленіе русской литературы, какъ бы на двѣ совершенно отдѣльно стоящія литературы, письменную и устную, не вполнѣ правильно. Но все таки въ этомъ дѣленіи есть извѣстная доля правды, только эту долю правды надо точно себѣ уяснить. Какъ та, такъ и другая отрасль литературы несомнѣнно является литературой русской, т.-е., въ нихъ входятъ такія явленія человѣческаго духа которыя выражаются словомъ, и обѣ литературы выражаютъ психическія свойства русскаго народа. Разница только въ способѣ выраженія. И, дѣйствительно, устная литература, благодаря тому, что она сохраняется путемъ живого слова, развивается въ иныхъ условіяхъ и инымъ отчасти путемъ, нежели литература письменная: можно знать цѣлый рядъ народныхъ пѣсенъ, обучать имъ съ голоса другихъ и не знать грамоты. Съ другой стороны, если человѣкъ не умѣетъ читать и писать, то онъ не можетъ принимать непосредственнаго участія въ письменной литературѣ. Но отсюда будетъ слѣдовать не то, что это двѣ разныхъ литературы, а лишь двѣ разныхъ области одной и той же. Такъ можно было думать только тогда, когда недостаточно изслѣдованы были обѣ эти области. Теперь же, когда изслѣдованіе литературы, которую мы называемъ устной, и той, которую мы называемъ письменной, далеко продвинулось впередъ, мы видимъ совершенно иную картину. Прежде всего оказывается, что мы не можемъ себѣ представить народа, у котораго бы не было устной, или традиціонной, литературы. Эта литература является единственной литературой, пока у народа нѣтъ главнаго средства для развитія своей литературы, именно—письменности. Но затѣмъ, когда появляется письменность, когда появляется письменная литература, то картина измѣняется. Вмѣстѣ съ появленіемъ письменной литературы, являются люди, которые путемъ письменности могутъ выражать и традиціонную старую литературу, и новую, которая создается при новыхъ, уже иныхъ культурныхъ условіяхъ. Тогда и возникаетъ вопросъ, въ какомъ же отношеніи между собой находятся та и другая отрасли литературы? Несомнѣнно одно, что теперь уже нельзя говорить о противоположности устной литературы литературѣ письменной, нельзя говорить, что то, что составляетъ содержаніе устной литературы, чуждо письменной, и наоборотъ. Теперешніе изслѣдователи литературы съ очевидностью намъ доказываютъ, что двухъ литературъ нѣтъ, а есть одна обще-русская литература, которая только развивается двумя способами; имѣются на дѣлѣ только двѣ отрасли одной и той же литературы, тѣсно связанныя между собой. Факты показываютъ, что такъ называемая устная литература постоянно оказываетъ вліяніе на письменную, и наоборотъ:

письменная постоянно оказываетъ вліяніе на устную, т.-е., эти двѣ области находятся въ постоянномъ взаимовліяніи. Примѣровъ можно достаточно привести изъ тѣхъ матеріаловъ, которые давно намъ извѣстны. Возьмемъ, напр., «Слово о полку Игоревѣ»—памятникъ несомнѣнно письменный. Имя творца этого памятника намъ не извѣстно, но все таки мы ни минуты не сомнѣваемся въ томъ, что «Слово» написано точно такъ же, какъ Пушкинъ писалъ свои произведенія, т.-е. это такая же письменная поэзія, какъ современная намъ. Но «Слово» кромѣ того памятникъ народный; въ немъ отразилось народное міровоззрѣніе XII в., но и не только народное вообще, но и простонародное, т.-е. той части общества русскаго, которая называется «простонародіемъ» въ отличіе отъ болѣе культурныхъ, интеллигентныхъ, грамотныхъ классовъ общества. Въ «Словѣ» мы видимъ постоянные отзвуки тѣхъ элементовъ и мотивовъ, съ которыми мы имѣемъ дѣло въ устной народной поэзіи и теперь въ устахъ «простонародія». Это показываетъ, что «Слово» есть памятникъ, соединяющій въ себѣ эти области. Эти области въ немъ настолько тѣсно сплетаются, что мы не понимали многаго въ «Словѣ», пока при изученіи его не обратились не только къ сравнительному изученію письменной литературы, но и традиціонной, устной, или народной. Возьмемъ другой примѣръ: былины (старины). Обыкновенно со словомъ «былины» связывается представленіе о народномъ, устномъ произведеніи. Но, войдя глубже въ изученіе былинъ, мы видимъ, что эти былины вовсе не являются строго народными, вполнѣ самостоятельными произведеніями, безъискусственными. Былина точно такъ-же имѣетъ своего создателя, точно также мы не можемъ назвать его имя, но зато, какъ и относительно автора «Слова», можемъ, по крайней мѣрѣ, указать къ какому классу, къ какому соціальному слою принадлежалъ авторъ былины. Мы можемъ сказать, что авторъ «Слова» дружинникъ, онъ близокъ къ интеллигенціи русскаго общества XII вѣка, очевидецъ событій и т. д. Точно также и авторъ былины часто съ очевидностью выдаетъ себя: это будетъ или веселый скоморохъ, или калика, т.-е. странникъ, промышляющій милостыней и въ то же время пѣніемъ, исполненіемъ народно-художественныхъ произведеній или пѣвецъ-профессіоналъ и т. д. Такимъ образомъ съ этой стороны разницы въ авторахъ не будетъ: и тамъ и здѣсь мы не знаемъ автора, но и въ томъ и другомъ случаѣ знаемъ соціальный слой, къ которому онъ принадлежалъ. Присматриваясь ближе къ содержанію былинъ мы увидимъ, что, если авторъ «Слова» пользуется книжными источниками, то книжными же источниками, можетъ быть не непосредственно читая ихъ, а слыша и передавая съ чужихъ словъ, пользовался и авторъ былинъ; поэтому извѣстная былина «о Святогорѣ» или «Самсонѣ богатырѣ» представляетъ

передѣлку разсказа изъ библіи о Самсонѣ, въ былинѣ о «народномъ» богатырѣ Ильѣ Муромцѣ мы видимъ цѣлый рядъ отложеній книжныхъ мотивовъ. Такимъ образомъ ясно, что съ точки зрѣнія источниковъ положительно невозможно разграничивать, какъ двѣ совершенно чуждыя другъ другу области, устную литературу и литературу письменную, книжную. Возьмемъ еще такой примѣръ: существуетъ русскій писатель XIII вѣка Даніилъ Заточникъ; его «Моленіе» состоитъ изъ цѣлаго ряда изреченій. Оказывается, что для созданія этого своего «Моленія» онъ пользуется переводными собраніями изреченій, но также народными пословицами, которыя до нашего времени ходятъ въ простомъ народѣ. Въ свою очередь мы узнаемъ, что это «Моленіе» Даніила Заточника даетъ пищу народнымъ пословицамъ: многія народныя пословицы представляютъ собою не что иное, какъ заимствованія изъ того круга письменныхъ памятниковъ, которые подъ видомъ «Сборниковъ изреченій» разныхъ названій использовалъ Даніилъ, и самъ Даніилъ сталъ героемъ пословицы уже въ концѣ XIII вѣка. Слѣдовательно, если говорить о двухъ областяхъ русской литературы, то нужно говорить о нихъ, имѣя постоянно въ виду ихъ взаимодѣйствіе. Вотъ точка зрѣнія, которая принимается теперь при изученіи исторіи литературы.

При такой постановкѣ дѣла возникаетъ вопросъ: что же мы знаемъ объ устной литературѣ, которая несомнѣнно была въ древній періодъ Руси и которая въ своемъ точномъ видѣ до насъ не дошла потому, что люди, которые были носителями этой литературы, уже не существуютъ, а ихъ слова, можетъ быть, съ сильными измѣненіями переданы черезъ десятки поколѣній? Передъ нами возникаетъ и такой вопросъ: если древнѣйшая русская литература до начала письменности была литературой устной, то какова эта литература была въ то время? Производя историческій анализъ современной устной литературы и современной литературы книжной, прежде всего мы убѣждаемся, что литература устная несомнѣнно существовала въ дохристіанское время въ средѣ русскаго племени. Съ появленіемъ христіанства, которое у насъ сопровождается и появленіемъ письменности, эта литература должна была вступить въ тѣ или иныя отношенія къ литературѣ христіанской. Результатомъ этого взаимодѣйствія литературы дохристіанской и христіанской является теперешняя наша литература. Но какова она была фактически въ эту древнѣйшую историческую эпоху до принятія христіанства, мы, конечно, съ точностью сказать не можемъ, потому что эта литература до насъ не дошла. Дошли до насъ только отдѣльные намеки и указанія и, только собравши ихъ, мы можемъ, и то въ самыхъ общихъ чертахъ, представить себѣ, чѣмъ была та устная литература, которая предшествовала нашей письменной христіанской литературѣ. Если мы соберемъ эти намеки,

разбросанные въ болѣе поздних памятникахъ, въ извѣстіяхъ сосѣдей, нами интересовавшихся, то мы можемъ сказать, что содержанія этой литературы въ большинствѣ случаевъ мы теперь уже не знаемъ, но можемъ съ увѣренностью говорить, что наиболѣе крупные виды теперешней устной народной литературы, несомнѣнно, уже существовали и въ тѣ отдаленныя времена, когда у нас появилась литература письменная. Такъ напр., несомнѣнно, что, если теперешній богатырскій эпосъ не содержитъ въ себѣ уже элементовъ чисто миѳологическихъ, то есть нѣкоторая возможность указать и для ранней эпохи христіанства на Руси, какого рода было содержаніе эпоса этого времени: главнымъ предметомъ эпоса были уже событія русской исторіи; есть возможность предполагать, что отдѣльныя сказанія, напр., объ Игорѣ, Олегѣ и т. д. въ X—XI вѣкѣ были уже достояніемъ народной пѣсни, которая по своей формѣ существовала задолго до христіанства, и которая, можетъ быть, когда-то въ доисторическія времена дѣйствительно заключала въ себѣ элементы миѳологическіе рядомъ съ историческими. Но въ извѣстную намъ историческую эпоху она уже не заключала въ себѣ миѳологіи въ смыслѣ системы воззрѣній. То, что народная пѣсня не заключала въ себѣ миѳологіи и въ то время, это показываетъ и отсутствіе въ книжной литературѣ какихъ бы то ни было указаній на миѳологическій характеръ нашихъ вѣрованій стараго, кіевскаго времени, кромѣ немногихъ указаній на нѣкоторыя божества, которыя, какъ увидимъ, происхожденія большею частью чуждаго. Хотя мы видимъ, что человѣкъ XII вѣка пользуется тѣмъ, что въ нашемъ сознаніи является связаннымъ съ миѳологіей, напр., именами Дажьбога, Стрибога, Велеса, пользуется фантастическими сказаніями въ родѣ сказанія о Всеславѣ Полоцкомъ, но въ томъ же «Словѣ» есть и другія указанія: это—совершенно ясно—лишь поэтическій матеріалъ, но уже не элементъ вѣрованій. Наконецъ, еще одно крупное указаніе даетъ намъ «Слово»: это—«Плачъ Ярославны», въ которомъ она обращается къ солнцу, мѣсяцу, и здѣсь, конечно, никакой миѳологіи нѣтъ. Хотя Ярославна и олицетворяетъ эти свѣтила, но это для автора «Слова» почти такой же поэтическій пріемъ литературный, какъ это видимъ у Пушкина, напр., въ «Мѣдномъ всадникѣ»: «И всплылъ Петрополь, какъ Тритонъ, по поясъ въ воду погруженъ». Тѣ же мотивы и почти въ тѣхъ же формахъ, какъ въ «Словѣ», мы знаемъ въ теперешнихъ олонецкихъ причитаніяхъ—ясное указаніе для сужденія о народной поэзіи XII в.. Эти примѣры показываютъ, что уже въ XII вѣкѣ традиціонная, устная литература до извѣстной степени въ общемъ обладала тѣми же формами, представлялась въ томъ же видѣ, какъ мы знаемъ ее сейчасъ. Если мы обратимся къ лѣтописи, то и тамъ найдемъ указаніе на то, что тогдашняя традиціонная литература

представляла приблизительно тѣ же формы и виды, что и теперь. Лѣтописецъ, напр., разсказываетъ, какъ около тысячнаго года близь Кіева проходили Угры, т.-е., тѣ дикіе кочевники, которые впослѣдствіи осѣли въ зап. Европѣ, и остатки которыхъ до сихъ поръ составляютъ Венгерское королевство. Передъ этимъ онъ приводитъ разсказъ объ Аварахъ, говоря объ ихъ насиліяхъ, о томъ, какъ они мучили Дулебовъ, запрягали женщинъ въ телѣги, заставляли возить. Затѣмъ эти Авары провалились на западъ, исчезли; но о нихъ осталась память въ «притчахъ», т.-е. поговоркахъ: «погибоша, яко Обрѣ»; это по формѣ то же, что говорили впослѣдствіи: «погибъ, какъ шведъ подъ Полтавой», т.-е. поговорка, пословица. Слѣдовательно, мы въ правѣ заключить, что въ древнѣйшее время наша традиціонная поэзія обладала тѣми же формами и отчасти содержаніемъ, по крайней мѣрѣ, по характеру, которыя мы знаемъ въ позднѣйшей устной народной поэзіи. Сказаніе объ Олегѣ въ лѣтописи носитъ характеръ былины, хотя не въ той точно формѣ, но несомнѣнно, съ тѣмъ же колоритомъ, тѣмъ же характеромъ. Затѣмъ идетъ бытовой эпосъ. Что касается этого эпоса, то тутъ еще болѣе увѣренно можно сказать, что это была обрядовая поэзія, подобная той, которая существуетъ до настоящаго времени. Такимъ мы знаемъ его по отзвукамъ его въ памятникахъ русской письменности XII вѣка, напр., въ Поученіи Владимира Мономаха. Здѣсь мы находимъ ясныя указанія на свадебные обряды, указанія на то, что эти свадебные обряды сопровождались ритуальными дѣйствіями: Владимиръ проситъ прислать невѣстку, жену недавно умершаго сына, для того, чтобы онъ могъ оплакать вмѣстѣ съ ней смерть любимаго сына, какъ бы взамѣнъ свадебныхъ пѣсенъ (Владимиру на свадьбѣ быть не привелось). Въ каноническихъ сочиненіяхъ (т.-е. сочиненіяхъ, касающихся церковныхъ правилъ) русскаго происхожденія содержатся между прочимъ вопросы и отвѣты о томъ, какъ относиться къ тѣмъ или другимъ народнымъ обрядамъ, каковы, напр., вопросы нѣкоего священника Кирика и другихъ и отвѣты на нихъ епископа Нифонта (половины XII в.), или каноническіе отвѣты Іоанна II, писателя начала XII вѣка; здѣсь мы находимъ намеки на условія бытовой жизни, интересныя для сужденія объ устной поэзіи этого времени; такъ, напр.: священникамъ рекомендуется уходить со свадьбы немедленно, какъ только начнутся мірскія пѣсни, гудьба, или музыка. Въ житіи преп. Θеодосія, написанномъ монахомъ Несторомъ въ XI вѣкѣ, разсказывается о томъ, что Θеодосій бывалъ въ гостяхъ у князя, при чемъ при появленіи его немедленно изъ уваженія къ преподобному прекращалось пѣніе и музыка, которыми князь тѣшился. Все это соотвѣтствуетъ народнымъ обрядамъ, которые до сего времени уцѣлѣли въ простонародныхъ мас-

сахъ еще въ значительной степени. Слѣдовательно, и въ этой части народная, бытовая, обрядовая поэзія стараго времени найдетъ себѣ полное подтвержденіе въ сопоставленіи съ современной. Т. о. мы видимъ, что въ древній періодъ наша устная поэзія была приблизительно тѣмъ же самымъ, обладала тѣми же формами, которыя мы находимъ и сейчасъ. При этомъ мы должны помнить: содержанія ея мы не знаемъ; оно намъ неизвѣстно, или почти неизвѣстно, потому что не могло сохраниться, будучи передаваемо устнымъ путемъ; закрѣпленію же письменностью въ древнее время она не подвергалась (исключая, развѣ, немногіе намеки, въ родѣ приведенныхъ выше); почему этого закрѣпленія не произошло, увидимъ впослѣдствіи. На этомъ основаніи мы не будемъ останавливаться на нашей устной поэзіи дохристіанскаго періода, будемъ только помнить, что эта поэзія существовала и до христіанства, и что въ началѣ у насъ письменности эта устная поэзія должна была выработать свое отношеніе къ литературѣ и поэзіи христіанской.

Обратимся теперь къ христіанской письменной литературѣ, которая несомнѣнно болѣе доступна нашему изученію, потому что памятники, которые дошли до насъ отъ того времени, правда не въ подлинникахъ, а въ болѣе позднихъ копіяхъ, доступны нашему анализу. Путемъ этого анализа мы можемъ, въ большинствѣ случаевъ, довольно точно установить, чѣмъ былъ памятникъ въ моментъ своего появленія, даже въ X—XI вѣкахъ.

Но прежде чѣмъ перейти къ отдѣльнымъ памятникамъ литературы X—XI вѣковъ, необходимо выяснить тѣ общія условія, при которыхъ появилась эта литература. Письменность, какъ новое средство культуры, къ намъ принесла съ собою христіанская литература, т.-е. литература съ тѣмъ новымъ міросозерцаніемъ, которое было чуждо, или почти совершенно было чуждо, до сихъ поръ русскому племени. Письменность явилась новымъ культурнымъ средствомъ для литературнаго развитія русскаго племени. Поэтому для насъ чрезвычайно важно отмѣтить эти условія.

II. Христіанство на Руси. Прежде всего, если мы обратимъ вниманіе на то время, къ которому мы относимъ появленіе у насъ христіанской письменной литературы, то мы невольно замѣтимъ большую аналогію между появленіемъ христіанства и христіанской литературы и письменности у русскихъ и другихъ сосѣднихъ славянскихъ народовъ. Почти одновременно у всѣхъ славянскихъ народовъ на протяженіи какихъ-нибудь 200 лѣтъ вездѣ происходятъ существенныя перемѣны въ ихъ политической исторіи одновременно съ появленіемъ христіанства. Вездѣ христіанство отмѣчаетъ собой начало литературы. Несомнѣнно, это совпаденіе или, одновременность, не лишены своего значенія; они, повидимому, не случайны. Не случайны они и потому, что какъ разъ мы имѣ-

емъ дѣло здѣсь не только съ появленіемъ христіанства, какъ новаго культурнаго и религіознаго фактора, но и съ новыми общественными формами; иначе говоря: приблизительно почти въ то же время, но внѣ прямой связи съ христіанствомъ у тѣхъ же славянъ, у которыхъ появилось христіанство, появилось и государство. Мы знаемъ, что русскіе славяне, какъ и другіе славяне, не живутъ до сихъ поръ государствомъ. У нихъ еще въ полномъ ходу тотъ родовой бытъ, который не представляетъ государства, какъ правового организма, какъ организма политическаго. Какъ разъ въ это время совершается политико-культурный переворотъ у большинства славянъ: въ Польшѣ въ IX вѣкѣ зарождается государство германскаго типа; въ IX же вѣкѣ создается государство на Руси, гдѣ возникаютъ тѣ византійско-скандинавскія формы, въ которыхъ оно существуетъ въ продолженіе всего кіевскаго періода. У юго-славянъ въ началѣ IX вѣка окончательно уже слагается государство: въ IX вѣкѣ мы видимъ зачатки государства у болгаръ и у южныхъ сербовъ, въ стилѣ Византійскаго государства. Естественно, что появленіе государства мы должны разсматривать, какъ культурный факторъ. Въ IX—X вѣкахъ постороннее культурное вліяніе доходитъ до той степени своего напряженія, когда уже прежнія сложившіяся естественно родовыя отношенія отдѣльныхъ группъ не удовлетворяютъ: необходимъ переходъ къ другимъ формамъ общежитія, къ формамъ общежитія государственнымъ. Несомнѣнно, что этотъ подъемъ культуры приведетъ къ перевороту и въ міросозерцаніи. Въ это время старое язычество, господствовавшее до того времени у русскихъ и у другихъ славянъ, повидимому, приходитъ къ концу. Очевидно, сосѣднее иное по содержанію и характеру культурное вліяніе кладетъ конецъ развитію религіозныхъ вѣрованій дохристіанскаго періода, т.-е. вѣрованій языческихъ. Этимъ объясняется, почему какъ разъ въ это время у насъ появляется христіанство; говоря иначе: въ IX—X вѣковъ славяне и въ частности русскіе достигаютъ той степени культурности, которая уже требуетъ христіанства и государства, какъ выраженія перемѣны міросозерцанія.

Затѣмъ, нужно выяснить для пониманія нашей начальной литературы еще одно обстоятельство, относительно появленія у насъ этого новаго крупнаго культурнаго фактора—христіанства. Къ IX вѣку христіанство уже не представляетъ такого однообразнаго стройнаго цѣлаго, какимъ оно представляется намъ въ первые вѣка своего существованія. Подъ вліяніемъ культурныхъ, историческихъ условій къ IX вѣку совершенно ясно въ христіанствѣ уже опредѣляются два варіанта. Они, правда, намѣчались и раньше, но въ IX вѣкѣ это раздѣленіе является настолько очевиднымъ, что его уже пробуютъ точно формулировать. Христіанство раздѣляется на два типа: съ одной стороны, типъ греч-

скій, восточный, базировавшійся на основахъ восточной, эллинской культуры съ греческимъ языкомъ, съ массой элементовъ античной греческой и восточной культуры; съ другой стороны—западный типъ, въ основѣ коего лежитъ римская культура съ латинскимъ языкомъ, которая оказала громадное вліяніе на все развитіе зап. Европы. Двѣ разновидности культуры древняго міра—восточная и западная—были примѣнены къ христіанству и достигаютъ въ немъ полнаго своего развитія. Въ IX вѣкѣ мы уже можемъ говорить о двухъ, совершенно различныхъ, типахъ христіанства: восточномъ и западномъ, которые даже внѣшнимъ образомъ доходятъ до враждебныхъ другъ къ другу отношеній. Во главѣ западнаго христіанства стоитъ римскій патріархъ—папа, который считаетъ себя единой, истинной главой всего христіанства; поэтому онъ смотритъ на Востокъ, какъ на такую группу христіанъ, которая отклоняется отъ правильнаго пониманія христіанства. Наоборотъ, восточное христіанство, съ Византіей во главѣ, отрицаетъ такое значеніе римскаго первосвященника, римскаго папы, и признаетъ себя наиболѣе чисто сохранившимъ вселенскій принципъ древняго христіанства. Константинопольскій патріархъ вмѣстѣ съ другими восточными патріархами составляетъ вселенскую православную церковь, въ которую они не включаютъ все западное христіанство. Какъ разъ въ IX вѣкѣ эти двѣ силы на почвѣ религіозной и политической вступаютъ въ рѣшительную борьбу между собой: съ одной стороны римскій папа старается подчинить себѣ Востокъ, съ другой стороны, Востокъ, наоборотъ, стремится такъ или иначе сохранить свою самостоятельность и отказываетъ въ признаніи правильности ученія западной церкви. Разгорается извѣстная борьба, съ одной стороны, между патріархомъ Фотіемъ, съ другой—папой Адріаномъ. Какъ разъ въ это время, т.-е., когда уже опредѣлилась физіономія той и другой половины христіанства, оно начинаетъ появляться у славянъ, и первоначально появляется въ той области, которая была пограничной полосой, гдѣ столкнулся восточный міръ съ западнымъ: это происходило у чеховъ и моравань (славянъ западныхъ). Во главѣ этого движенія стоятъ, съ одной стороны, представители Востока, Византіи—братья Кириллъ и Меѳодій, съ другой стороны, римскіе католики. Этимъ путемъ борьбы и совершается зарожденіе славянской литературы, славянской письменности, и такимъ образомъ вырабатываются основы и для христіанской литературы русской: Русь усвоила восточно-византійскій типъ христіанства въ славянской обработкѣ этого типа, данной ему Кирилломъ и Меѳодіемъ.

Прежде всего, конечно, важно обратить вниманіе не только на то, *почему* христіанство было принято отъ Востока, т.-е. изъ Византіи, но и на то, *въ какомъ видѣ* оно пришло, такъ какъ этотъ именно

византійскій характеръ христіанства обусловилъ самый характеръ перешедшей съ нимъ къ намъ литературы. Несомнѣнно, если бы христіанство было принято нами не изъ Византіи, а съ Запада, т.-е. не въ православномъ, а въ католическомъ видѣ, то и содержаніе нашей литературы было бы совершенно другое: христіанство опредѣленнаго культурнаго типа обусловило собою содержаніе и направленіе нашей письменной литературы въ первые вѣка ея существованія. Поэтому-то нужно нѣсколько остановиться на выясненіи характера культуры Византіи, современной крещенію Руси.

Для того, чтобы выяснить эти условія, намъ придется выйти за предѣлы не только русской, но и византійской литературы. Несомнѣнно, что окончательное выясненіе двухъ типовъ христіанства—христіанства западнаго и христіанства восточнаго—имѣло громадное значеніе въ жизни всей Европы. Оффиціальное раздѣленіе церквей, совершившееся нѣсколько позднѣе, собственно говоря, ничего не измѣнило: оно лишь бы санкціонированіемъ давно совершившагося факта, регистраціей отношеній, уже давно имѣвшихъ мѣсто въ реальной жизни. Основная причина раздѣленія христіанства на восточное и западное зависѣла отъ распаденія обще-европейской культуры еще въ древніе вѣка на двѣ части—на западную и восточную, между которыми географически являлось границей Адріатическое море, и центрами которыхъ были, какъ извѣстно, Римъ и Константинополь (раньше Аѳины). Сообразно съ этими двумя видами древней культуры, развиваются и два вида христіанства, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, обособляясь другъ отъ друга. На Западѣ возникаетъ цѣлый рядъ государствъ, новаго, именно, римскаго типа. На обломкахъ Римской имперіи возникаютъ новыя государства, проникнутыя традиціями римскаго. Во главѣ ихъ—въ культурномъ и религіозномъ отношеніи становится Римъ, который имѣетъ претензію считать себя центромъ всего христіанства, какъ раньше онъ имѣлъ основаніе считать себя властелиномъ всего міра. Это единство власти, выработавшееся во время военнаго могущества Рима, при перенесеніи на религіозную почву имѣло слѣдствіемъ то, что этотъ политическій принципъ привелъ къ признанію главенства папской власти и къ усвоенію папствомъ прерогативъ главы имперіи. А такъ какъ свѣтской объединяющей власти уже не было (политическое могущество Рима уже кончилось), земли, покоренныя ея мечомъ, вышли изъ-подъ ея власти и сложились въ отдѣльныя государства, то духовная власть явилась ихъ объединительницей, такимъ образомъ возвысилась надъ властью свѣтской, властью политической, такъ какъ территорія ея вліянія стала несравненно больше территоріи вліянія данной политической власти, взятой въ отдѣльности.

На Востокѣ соотношеніе между церковью и государствомъ установилось совершенно иное. Если не вся Византійская имперія, то часть ея, несомнѣнно, подпала подъ сильное вліяніе Востока, и въ государственной жизни Византіи поэтому воплотились не черты, выработанныя Римомъ, а скорѣе черты деспотическаго Востока, подъ вліяніемъ которыхъ переработались и черты римской государственности, вошедшія въ Византію. На основаніи этихъ воззрѣній и отношенія между церковью и государствомъ, конечно, должны были сложиться иначе, чѣмъ на западѣ Европы. Власть императора дѣлалась всеобъемлющей и церковная власть неминуемо должна была стать по отношенію къ ней въ подчиненное положеніе; такъ это и вышло на самомъ дѣлѣ. Однако это подчиненіе шло довольно медленнымъ темпомъ. Для этого потребовалось 7—8 вѣковъ. Когда подчиненіе совершилось, зависимость духовной власти отъ свѣтской доходитъ даже до такой степени, что, напр., смѣна патріарховъ стояла въ непосредственной зависимости отъ смѣны императоровъ: мѣнялись императоры—мѣнялись и патріархи. Патріархъ, угодный одному государю, не могъ оставаться при его преемникѣ и былъ обыкновенно смѣщаемъ; съ своей стороны, и церковная власть оказываетъ вліяніе на государственныя дѣла. Такимъ образомъ, образовался тѣсный союзъ между государственной и церковной властью съ явнымъ преобладаніемъ первой. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ условій, а также въ значительной степени подъ вліяніемъ Востока, складывается характеръ византійскаго христіанства. На Западѣ старались развить и поддерживать нормы римскаго права; здѣсь же развивались и культивировались нормы совершенно другого характера. Здѣсь тоже имѣется представленіе о вселенской церкви, только совершенно въ другомъ смыслѣ. Римъ считаетъ себя центромъ всего христіанскаго міра; римскій епископъ—папа—считаетъ себя главою вселенской церкви; византійскій же патріархъ считаетъ себя выше папы, какъ глава церкви въ государствѣ, унаслѣдовавшемъ права царственнаго Рима, полагаетъ, что онъ является истиннымъ представителемъ вселенской церкви, при чемъ онъ также опирается на власть византійскаго императора и на свою связь съ отдѣльными восточными христіанскими церквами (Антіохія, Іерусалимъ, Александрія).

Такимъ образомъ, христіанство, какъ культурное явленіе, получаетъ двѣ разновидности: съ одной стороны—это христіанство западное, христіанство латинское съ традиціями, выработанными въ Римѣ, съ латинской письменностью и литературой, съ другой стороны—христіанство византійское съ древне-греческими традиціями, съ греческимъ языкомъ и съ греческой литературой. Но, конечно, ни та, ни другая половина христіанства не остаются при этомъ въ своемъ пер-

воначальномъ видѣ, а подвергаются видоизмѣненіямъ, претерпѣваютъ извѣстную эволюцію, а именно: первое, т.-е. христіанство западное, латинское къ римской культурѣ присоединяетъ міросозерцаніе тѣхъ варварскихъ народовъ, среди которыхъ оно распространяется, т.-е. Запада романскаго и германскаго; второе—византійское въ свою очередь присоединяетъ къ греческому наслѣдію міросозерцаніе Востока и тѣхъ варварскихъ народовъ, среди которыхъ оно распространяется. Такимъ образомъ, несомнѣнно, что разница, бывшая сначала незначительной, съ теченіемъ времени должна была все увеличиваться и увеличиваться до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, обѣ части совершенно не раскололись. Время IX—X-го вв. и явилось именно временемъ критическимъ для христіанства, когда эта разница между двумя типами христіанства стала уже настолько велика, что даже внѣшняя связь неминуемо должна была оборваться.

Въ силу географическаго положенія и другихъ условій мы вступили въ непосредственныя сношенія именно съ восточнымъ христіанствомъ, поэтому, разумѣется, его особенности должны были отразиться на русской жизни. Получивъ христіанство съ Востока, пріобщившись къ культурѣ Византіи, Русь тѣмъ самымъ обрекла себя на принадлежность именно къ восточному міру, а не къ западному, что, конечно, было чревато многими послѣдствіями.

При какихъ условіяхъ совершилось принятіе христіанства на Руси? Если въ X в. у насъ вполнѣ совершился переходъ общества въ христіанство, которое стало съ этого времени религіею офиціальною, и если это христіанство перешло къ намъ отъ Византіи, то естественно, что отношенія, въ которыя стало государство къ церкви, были заимствованы тоже изъ Византіи. Но неминуемо тутъ должна быть и извѣстная разница. Въ Византіи церковная жизнь создалась внутри самаго государства, была создана, до извѣстной степени благодаря государству, у насъ же церковное устройство было заимствовано извнѣ, и создалось независимо отъ нашего государственнаго устройства, пришло готовое. Поэтому совершенно ясно, что соотношеніе между властью государственною и церковью у насъ должно бы быть нѣсколько инымъ, чѣмъ въ Византіи. Затѣмъ, несомнѣнно, были и посторонніе условія, особенно въ послѣдующее время, въ силу которыхъ византійское христіанство должно было у насъ культивироваться нѣсколько иначе, чѣмъ оно понималось въ самой Византіи. Эти условія заключались, главнымъ образомъ, въ томъ, что прежде всего византійскому вліянію приходилось дѣйствовать среди народа иной національности, нежели греческая или грецизированная. Стало быть, греческая церковь должна была приспособиться, чтобы стать пріемлемой на русской почвѣ.

Затѣмъ, рядомъ съ вліяніемъ византійскимъ, непосредственно идутъ и вліянія юго-славянскія. И само византійское вліяніе приходитъ къ намъ не только прямо, но, и даже въ большей степени, преломившись черезъ юго-славянскую среду. Стало быть, уже и самый характеръ такого вліянія не будетъ вполнѣ аналогичнымъ чистому византійскому вліянію. Такимъ образомъ, вліяніе Византіи на Русь далеко не можетъ быть представляемо въ такихъ простыхъ, элементарныхъ формахъ, какимъ, напримѣръ, было это вліяніе по отношенію къ славянамъ, жившимъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Византія. Кромѣ того, въ исторіи принятія Русью христіанства нужно имѣть въ виду еще одно условіе, которое имѣло мѣсто въ судьбѣ славянства—это тѣ внѣшнія вліянія Византіи на славянство, которыя мы видимъ по отношенію къ славянамъ южнымъ и западнымъ: имѣемъ въ виду миссіонерскую дѣятельность IX-го и X-го вв., которая играла такую видную роль во внѣшней политикѣ Византіи. Въ Византіи этого времени мы видимъ оживленіе этой дѣятельности: миссіонеры греческіе отправляются въ варварскія страны Европы и Азіи. Эта дѣятельность представляла теперь довольно стройную систему. Благодаря дѣятельности своихъ миссіонеровъ, Византіи удалось распространить свое вліяніе—сначала религіозное, а потомъ и политическое—на довольно большое количество новыхъ земель. Это стремленіе подчинить своему вліянію стало еще сильнѣе проявляться у Византіи послѣ того, какъ она начала вести борьбу съ магометанами, когда она потеряла рядъ областей въ Азіи и Африкѣ, когда магометане распространили свои завоеванія на Египетъ, Палестину, Антіохію. Византія ведетъ упорную борьбу съ магометанскимъ Востокомъ, пока эта борьба не кончилась ея паденіемъ; на эту борьбу уходитъ не одно столѣтіе. Пока же до паденія еще было не близко, Византія, какъ сказано, усиленно стремилась распространить свое вліяніе на сосѣднія варварскія земли. Прежде всего, конечно, такими землями были славянскія земли Балканскаго полуострова. Они явились ближайшимъ возмѣщеніемъ тѣхъ потерь, которыя она несла внѣ Европы и въ Европѣ (таковы византійскія владѣнія въ Италіи (южная часть ея) и Равеннскій экзархатъ, отошедшіе цѣликомъ и въ церковномъ отношеніи къ Западу). Мы видѣли, церковная дѣятельность Византіи находилась въ тѣснѣйшей зависимости отъ ея политической жизни; Византія ищетъ новыхъ областей для распространенія на нихъ своего политическаго вліянія, какъ источника матеріальной поддержки греческаго государства, а лучшимъ орудіемъ ею признается введеніе христіанства и предварительное подчиненіе новыхъ областей своему церковному авторитету: куда проникалъ византійскій миссіонеръ, туда за нимъ шло вліяніе политическое, а иногда

и господство Византіи; гдѣ утверждалось господство и вліяніе политики Византіи, тамъ появлялось и византійское христіанство. Въ Византіи же въ это время наблюдается общее культурное оживленіе, при чемъ замѣчается несомнѣнный расцвѣтъ литературы и науки. Мы имѣемъ въ виду, главнымъ образомъ, высшую Константинопольскую школу при св. Софіи—византійскій университетъ. Этотъ университетъ служилъ центромъ византійскаго просвѣщенія, подготовляя ученыхъ для общественной, научной, политической и религіозной дѣятельности. Изъ него и вышли такіе дѣятели, какъ славянскіе первоучители—Кириллъ и Меѳодій.

Кириллъ и Меѳодій. Кириллъ и Меѳодій (какой бы національности они ни были: славяне ли, прошедшіе греческую школу, или греки, близко знакомые съ славянствомъ, безразлично въ данномъ случаѣ) были солуняне, изъ города Солуня (который и тогда, какъ и теперь (Ѳессалоники), обладалъ смѣшаннымъ населеніемъ, славяно-греческимъ)—явились крупными дѣятелями въ тогдашней Византіи и сыграли чрезвычайную роль въ судьбѣ значительной части славянства, въ томъ числѣ косвенно и въ судьбѣ русскихъ. Изъ сказаній о Кириллѣ и Меѳодіи, изъ такъ называемыхъ паннонскихъ житій (которыя могутъ считаться восходящими ко времени дѣятельности славянскихъ апостоловъ и являются, во всякомъ случаѣ, источниками, которымъ мы можемъ довѣрять) видно, что Кириллъ и Меѳодій были типичными миссіонерами въ духѣ патріарха Фотія, главнаго и типичнаго же представителя христіанско-политическихъ стремленій Византіи IX-го вѣка. Біографіи Кирилла и Меѳодія [1]) говорятъ намъ, что они были людьми не заурядными, замѣчательными по своему времени, стояли на высотѣ возможнаго тогда образованія, при чемъ выше мы должны поставить Кирилла. Кириллъ былъ, несомнѣнно, однимъ изъ выдающихся и талантливѣйшихъ ученыхъ IX-го вѣка. Его образованіе, какъ богословское, такъ и общее, было очень высоко. Своей дѣятельности онъ отдавался горячо, при чемъ, хотя и считалъ себя обязаннымъ дѣйствовать именно въ цѣляхъ Византіи, поступалъ такъ однако безъ какихъ-либо побочныхъ расчетовъ, а вполнѣ искренно, по своимъ неизмѣнно-твердымъ убѣжденіямъ, внося въ эту программу высокіе идеалы ранняго христіанства, «апостольства». По той нравственной высотѣ, на которой онъ стоялъ, онъ напоминалъ церковныхъ дѣятелей III—IV-го столѣтія: Златоуста, Василія Великаго и др. Это былъ идеалистъ чистой воды, который мыслилъ не объ одномъ только византійскомъ христіанствѣ, а о слу-

---

[1]) Подробно излагать ихъ нѣтъ необходимости, какъ общеизвѣстныя; достаточно обратить вниманіе на наиболѣе важные для насъ факты изъ этихъ житій. Русскій пересказъ П. А. Лаврова см. въ „Книгѣ для чтенія по ист. средн. вѣковъ“, II, 133—220.

женіи всемірной христіанской церкви, стоящей выше современныхъ счетовъ Рима и Византіи. Эта черта многое объясняетъ намъ въ дѣятельности Кирилла. Безъ такого пониманія его міросозерцанія мы не въ состояніи были бы объяснить его увлеченіе въ дѣлѣ распространенія христіанства среди славянъ. Благодаря этому міросозерцанію, онъ и сдѣлался миссіонеромъ. Братъ его Меѳодій, несомнѣнно, стоялъ ниже его по образованію и по талантливости, но у него было необычайно цѣнное качество—умѣнье приводить замыселъ въ исполненіе, то, что обыкновенно въ жизни называютъ практическимъ смысломъ. Это отъ природы былъ организаторъ, политикъ. Онъ былъ настолько образованъ, что могъ вполнѣ понимать дѣятельность своего брата, бывшаго душой всего дѣла, и являлся необычайно полезнымъ для него сотрудникомъ. Насколько сильно было увлеченіе славянскихъ апостоловъ, видно изъ того, что они не пожелали приблизиться ко двору, хотя имѣли на то всѣ шансы, и избрали для себя трудный путь именно проповѣдниковъ-миссіонеровъ среди полудикихъ языческихъ народовъ. Еще задолго до своей дѣятельности въ Панноніи (мѣстность по среднему теченію Дуная съ прилежащими къ нему странами) Кириллъ съ миссіонерскими же цѣлями совершаетъ поѣздку въ предѣлы теперешней Россіи, именно въ Корсунь (Херсонесъ) и тамъ проповѣдуетъ христіанство, ведя полемику съ иновѣрными, принявшими іудейство, хазарами. Возможно, что его проповѣдь дошла и до русскихъ славянъ, такъ какъ славяне, несомнѣнно, были въ оживленныхъ сношеніяхъ съ греческими колоніями, расположенными на берегу Чернаго моря, такъ что Кириллъ являлся въ такомъ случаѣ однимъ изъ первыхъ насадителей христіанства и у насъ на Руси. Но это лишь предположеніе. Затѣмъ онъ отправляется въ Малую Азію и тамъ продолжаетъ свою миссіонерскую дѣятельность. Человѣкъ, обладающій такимъ образованіемъ и такой беззавѣтной преданностью своему дѣлу, кромѣ того и обладающій такимъ солиднымъ миссіонерскимъ опытомъ, былъ чрезвычайно полезенъ для византійскаго правительства. На него возлагались большія надежды. И когда Ростиславъ, князь моравскій, обратился въ Византію съ просьбой прислать ему проповѣдниковъ христіанства, то ему послали именно Кирилла съ его братомъ Меѳодіемъ.

Что заставило Ростислава, представителя западнаго славянства, обратиться съ просьбой о присылкѣ миссіонеровъ именно въ Византію, а не къ своимъ сосѣдямъ,—это объясняется довольно ясно и точно изъ тѣхъ политическихъ условій, въ которыхъ находились западные славяне въ то время. Въ IX вѣкѣ, какъ было указано выше, для всѣхъ славянъ наступилъ періодъ перехода отъ примитивныхъ формъ жизни къ формамъ болѣе сложнымъ, именно, къ формамъ жизни государствен-

ной. Тогда часть западныхъ славянъ (главнымъ образомъ, чехи, мораване, словенцы) объединились въ видѣ великой Моравской державы. Она объединила довольно значительное количество отдѣльныхъ славянскихъ племенъ. Въ территорію этой державы входила вся теперешняя Моравія, Чехія, Тироль, Штирія, Каринтія; она захватила на большомъ протяженіи все среднее теченіе Дуная, доходя до соприкосновенія съ другимъ славянскимъ племенемъ, съ поляками, которые тоже складывались въ видѣ отдѣльнаго государства приблизительно въ это же время. Такимъ образомъ, это было довольно большое славянское государство. Но не надо забывать, конечно, тѣхъ внѣшнихъ условій, съ которыми связано было образованіе этого государства. Въ него вошли многія составныя части Священной Римской Имперіи, наскоро сколоченной Карломъ Великимъ. Сюда входили и восточныя «марки» (пограничныя области), а онѣ обнимали собой и славянъ. Несомнѣнно, что первые зачатки государства произошли изъ этихъ ленныхъ участковъ бывшей Римской Имперіи. Когда произошло общее распаденіе этой Имперіи, то дружныя усилія моравскихъ князей въ IX вѣкѣ привели къ тому, что образовалось довольно обширное славянское Моравское государство. Оно отвоевало свою независимость отъ Римской (Германской) Имперіи, и естественно, конечно, что это отдѣленіе не могло пройти совершенно спокойно. Завязалась борьба, которая приняла опредѣленныя формы. Германское государство являлось государствомъ національнымъ. По культурѣ своей оно входило въ составъ народовъ западной Европы и являлось распространителемъ этой культуры среди сосѣднихъ болѣе низкихъ по культурѣ народовъ. Въ церковномъ отношеніи оно находилось въ непосредственной зависимости отъ Рима. Оно признаетъ религіозное господство Рима, и такимъ образомъ, является распространителемъ германско-латинскаго вліянія. Это германо-латинское вліяніе и являлось тѣмъ связующимъ звеномъ, которое объединяло въ одно цѣлое всѣ стремленія этого государства. Это было не только культурное вліяніе, но и вліяніе политическое, что нужно имѣть въ виду при объясненіи событій IX вѣка въ славянствѣ. Юрисдикція римскаго епископа въ союзѣ съ римскимъ императоромъ, несомнѣнно, въ значительной степени была явленіемъ политическимъ. Поэтому съ политической борьбой отдѣльныхъ государствъ тѣсно связывалась борьба религіозная. Поэтому же борьба отколовшейся Моравіи съ Германской имперіей должна была принять характеръ не только политическій, но анти-германскій, національный и въ то же время религіозный.

Этимъ, именно, должно быть объясняемо то обстоятельство, что мороване, принадлежавшіе къ западной половинѣ Европы и западному

славянству, обратились на востокъ къ Византіи за присылкой учителей. Географическое положеніе Велико-моравской державы, простиравшейся вплоть до береговъ Нижняго Дуная и граничившей съ болгарами (еще не оттѣсненными румынами за Дунай) облегчало шагъ, предпринятый Ростиславомъ. Обстоятельства характера, главнымъ образомъ, политическаго, въ связи съ національными, заставили его на почвѣ религіозной искать сближенія съ Византіей, въ область вліянія которой входили уже южные сосѣди Великой Моравіи—народы балканскіе. Германія несла еще раньше въ Моравію свою культуру, несла и христіанство. Но вмѣстѣ съ проповѣдью христіанства (конечно, христіанства латинскаго) Германія соединяла и политическія и германизаторскія претензіи; кромѣ же того, это христіанство приносилось съ богослуженіемъ на языкѣ, чужомъ для славянъ Моравіи и Паннонія—на языкѣ латинскомъ, но также и нѣмецкомъ (проповѣдь); поэтому понятно, почему Ростиславу, отстаивавшему политическую свою самостоятельность и въ то же время видѣвшему тѣсную связь ея съ національностью, пришла мысль обратиться къ Византіи, чтобы она помогла ему оказать противодѣйствіе этому германско-латинскому и церковно-политическому вліянію, т.-е., моравани ищутъ себѣ опоры въ культурѣ и христіанствѣ, отличныхъ и тогда уже прямо враждебныхъ Германіи и латинству. Здѣсь, конечно, должны были сыграть большую роль именно южные славяне, которые раньше уже подвергались вліянію Византіи и отъ нея частью уже приняли христіанство. Нужно при этомъ имѣть также въ виду, что въ то время разница въ языкѣ между славянами западными и южными была гораздо меньше, чѣмъ это наблюдается теперь, 1000 лѣтъ спустя: южные славяне могли свободно изъясняться съ западными, точно также и греки, по скольку они знали южно-славянскіе языки, могли быть очень удобными посредниками между южными и западными славянами. Процессъ выработки отдѣльныхъ славянскихъ языковъ происходилъ довольно медленно, что видно изъ того, что столѣтіе спустя и у насъ безъ труда водворилось христіанство на старо-славянскомъ (болгарскомъ) языкѣ, который тогда очень мало отличался отъ языка русскаго, во всякомъ случаѣ, былъ совершенно понятенъ русскимъ славянамъ. Для западныхъ славянъ имѣемъ приблизительно то же: болгарскіе (старо-славянскіе) тексты моравскаго происхожденія XI—XII вѣковъ (каковы такъ называемые глаголическіе Пражскіе отрывки) подтверждаютъ это. Такимъ образомъ вполнѣ понятно, какъ легко могла Византія воздѣйствовать на западныхъ славянъ путемъ южныхъ славянъ. Поэтому Византія и послала въ Моравію Кирилла и Меѳодія, владѣвшихъ болгарскимъ языкомъ, вполнѣ надѣясь на успѣшность ихъ миссіи. Новыя изслѣдованія

въ области исторіи зарожденія славянскихъ литературъ даютъ возможность заключать, что подготовка къ этой проповѣди происходила, вѣроятно, еще въ Константинополѣ; еще тутъ, кажется, была составлена Константиномъ славянская азбука, примѣнительно къ звукамъ болгарскаго языка, на которомъ говорили въ Солуни. На этотъ языкъ и переведено было священное писаніе, богослужебныя книги, по крайней мѣрѣ то, что необходимо было при богослуженіи на первое время, т.-е. Евангеліе, Псалтырь, можетъ быть, Паримейникъ (церковныя чтенія изъ пророчествъ и пятикнижія Моисеева), затѣмъ богослужебныя книги и, вѣроятно, какое-либо собраніе церковныхъ правилъ, такъ называемый Номоканонъ (только переведенъ былъ, безусловно, не Номоканонъ Фотія, а такъ называемый Номоканонъ Іоанна Схоластика въ 70 титлахъ).

Это и составляло, вѣроятно, тотъ письменный багажъ, съ котораго и началась славянская письменность и литература. Съ этими книгами Кириллъ и Меѳодій укрѣпляютъ восточное христіанство среди славянъ, чеховъ, моравовъ, такъ называемыхъ паннонцевъ, главнымъ образомъ, тѣхъ, которые жили по Дунаю. Здѣсь-то именно впервые и привилось христіанское богослуженіе на славянскомъ языкѣ.

Шагъ, сдѣланный Ростиславомъ, княземъ моравскимъ, оказался на первое время чрезвычайно удачнымъ. Дѣйствительно, проповѣдь германо-латинскихъ священниковъ, которые несли богослуженіе на совершенно непонятномъ для народа языкѣ, не могла оказать большого сопротивленія проповѣди, приносимой изъ Византіи св. братьями. Богослуженіе же если не на родномъ, то во всякомъ случаѣ, на совершенно понятномъ языкѣ, несомнѣнно, быстро оказало свое воздѣйствіе на народныя массы: о поразительныхъ успѣхахъ братьевъ свидѣтельствуютъ паннонскія житія. Кромѣ того, большое вліяніе, конечно, оказывала и личность самихъ проповѣдниковъ. Одушевленные чисто апостолькимъ рвеніемъ, Кириллъ и Меѳодій горячо вели великое дѣло. Успѣху этой миссіи помогала, конечно, талантливость и опытность, какъ миссіонерская Кирилла, такъ и административная Меѳодія, уже испытаннаго въ Византіи въ качествѣ правителя цѣлой области. Все это имѣло своимъ слѣдствіемъ то, что христіанство съ богослуженіемъ на славянскомъ языкѣ быстро стало распространяться въ Моравіи, вытѣсняя зачатки западнаго христіанства съ его германо-латинскимъ типомъ.

Это сильно безпокоило Римъ, и онъ не могъ оставаться безучастнымъ зрителемъ всего этого. Римъ все еще не терялъ надежды на міровое духовное господство, хотя, собственно говоря, демаркаціонная линія между нимъ и Византіей была уже давно проведена. Риму предназначалась западная Европа, въ сферу же вліянія Византіи входилъ

востокъ Европы. Западные славяне (мораване и проч.) считались уже принадлежащими черезъ Германскую имперію юрисдикціи Рима. Такимъ образомъ, ясно, что распространеніе вліянія православной Византіи на западныхъ славянъ являлось, до нѣкоторой степени, вторженіемъ въ ту область, которую Римъ считалъ своею, подчиненной его вліянію. Естественно, что Римъ, по чисто религіозно-политическимъ причинамъ, не могъ быть доволенъ дѣятельностью проповѣдниковъ изъ Византіи среди западныхъ славянъ, поведеніемъ моравскаго князя. Еще менѣе этимъ могъ быть доволенъ германскій императоръ, только что выпустившій изъ рукъ крупнаго вассала.

Въ Римѣ великолѣпно понимали, что личность Кирилла играетъ огромную роль въ дѣлѣ распространенія византійскаго христіанства и византійскаго вліянія среди западныхъ славянъ; поэтому, именно, на него и обратили особое вниманіе. Но самъ идеалистъ Кириллъ стоялъ выше своихъ современниковъ византійцевъ въ дѣлѣ пониманія христіанства, ставя его выше современныхъ политическихъ видовъ. Онъ, стоя на канонической точкѣ зрѣнія единой вселенской церкви, признавалъ юрисдикцію римскаго епископа, разъ онъ проповѣдывалъ въ области, принадлежащей вѣдѣнію этого епископа; онъ, вызванный для отчета въ своей дѣятельности папой, каноническимъ главой Моравіи, съ братомъ отправился въ Римъ, чтобы оправдаться передъ папой въ обвиненіи, возводимымъ на него и брата со стороны мѣстнаго католическаго духовенства. Это онъ дѣлаетъ тѣмъ спокойнѣе на томъ основаніи, что еще офиціально единство вселенской церкви не было нарушено. Случайно вышло, что папа, противникъ Кирилла и славянскаго богослуженія, умеръ какъ разъ въ то время, когда Кириллъ былъ на пути въ Римъ; преемникъ же его посмотрѣлъ на дѣло иначе, и Кириллъ былъ принятъ съ честью, славянское богослуженіе было признано папой, и Меѳодій вернулся (Кириллъ умеръ и погребенъ въ Римѣ) въ Моравію, признанный архіепископомъ Моравіи со стороны папскаго престола. Римъ осторожно пробуетъ извлечь выгоды изъ новаго дѣла для себя, до времени относительно терпимъ, чтобы позднѣе нанести болѣе вѣрный ударъ всему дѣлу проповѣдниковъ.

Но внѣшнее положеніе дѣла, именно по отношенію къ Риму, сильно измѣнилось послѣ смерти Кирилла: Меѳодій лишился въ немъ геніальнаго сотрудника, а Римъ тотчасъ измѣняетъ всю свою политику: признаніе Меѳодія было формальнымъ, а на дѣлѣ германо-латинское духовенство, поощряемое тайно тѣмъ же Римомъ (еп. Вихингъ), энергично и грубо открываетъ борьбу противъ Меѳодія. Такимъ образомъ Римъ начинаетъ борьбу, при чемъ ведетъ двойную политику: Меѳодія прямо онъ пока не преслѣдуетъ, но въ то же время поощряетъ всякія пре-

слѣдованія православія со стороны германскаго духовенства. Борьба эта не легко досталась Меѳодію: онъ, какъ извѣстно, провелъ даже нѣсколько лѣтъ въ тюрьмѣ. Когда же умеръ и Меѳодій, то у Рима уже совершенно были развязаны руки, и онъ началъ открытую и непосредственную борьбу. Это была борьба латинской церкви и нѣмецкой культуры со славянскою національностью и византійскимъ христіанствомъ. Политическое положеніе Моравіи пошатнулось подъ напоромъ Германской имперіи. Этимъ пользуется, конечно, Римъ въ своихъ цѣляхъ и въ союзѣ съ германской державой. Славянскій элементъ долженъ былъ уступить германской культурѣ, хотя совершилось это не сразу и не совсѣмъ. Геніальные основатели славянства сообщили ему извѣстную живучесть, связавъ его съ національнымъ самосознаніемъ славянъ. Поэтому борьба за славянское богослуженіе, борьба за славянскій языкъ продолжалась довольно долго, несмотря на громадное неравенство силъ борющихся; не кончилась она и поднесь.

Около 150 лѣтъ мы, несомнѣнно, имѣемъ дѣло съ существованіемъ славянскаго богослуженія въ Моравіи и Панноніи и съ развитіемъ въ нихъ славянской литературы. Но, съ другой стороны, ясно, что это было явленіе только временное: исходъ борьбы былъ предрѣшенъ. Уже ближайшіе ученики Кирилла и Меѳодія не могли выдержать борьбы, предоставленные своимъ силамъ и забытые Византіей, увидавшей для себя невозможность бороться со всѣмъ Западомъ и съ Римомъ изъ-за Моравіи; они почти всѣ бѣжали изъ Моравіи, бѣжали, главнымъ образомъ на югъ, на Балканскій полуостровъ, частью на родину, частью къ родственному народу. Здѣсь-то и оказалось то мѣсто, гдѣ дѣло Кирилла и Меѳодія продолжало развиваться. Такимъ образомъ, результатомъ религіозно-политическихъ явленій IX и X вѣковъ было то, что славянская христіанская литература получила развитіе не тамъ, гдѣ было положено ея основаніе, а тамъ, гдѣ оказались наиболѣе выгодныя для нея условія, именно, на Балканскомъ полуостровѣ, среди южныхъ славянъ. Здѣсь, къ этому времени возникало крупное болгарское царство. Оно находилось въ извѣстной зависимости отъ Византіи; но власть Византіи, обремененной борьбой внутренней и внѣшней (съ мусульманствомъ), не могла быть здѣсь на столько сильна, на сколько сильна была власть Германской имперіи по отношенію къ западнымъ славянамъ. Болгарское царство, принимая христіанство, подпало подъ церковное вліяніе Византіи. Но славянскую національность Болгаріи Византія заглушить не могла; это и не входило пока въ ея политическіе виды. Этимъ и объясняется, что здѣсь дѣло Кирилла и Меѳодія имѣло несравненно большій успѣхъ, чѣмъ на Западѣ.

То, что совершилось для славянства въ IX-омъ вѣкѣ, внесло въ

его жизнь крупный переворотъ и, конечно, было очень важно для его литературы. Славянская литература Болгаріи быстро усиленно развивается («Золотой вѣкъ» царя болгарскаго Симеона падаетъ уже на конецъ IX-го и начало X-го вѣка [1])), уже въ IX-омъ создалась почва для развитія славянской культуры и славянской литературы на западѣ и на югѣ славянства. Этотъ фактъ въ высшей степени важенъ и для насъ, русскихъ.

Теперь мы должны обратиться нѣсколько назадъ, чтобы выяснить нѣкоторые частные вопросы.

Несомнѣнно, что распространеніе христіанской культуры и литературы у славянъ сопровождалось очень энергичной дѣятельностью, и славяне успѣли кое-что за это время сдѣлать. Византія оказала, конечно, сильное вліяніе и притомъ на все славянство, даже и на западное. Поэтому мы и въ чехо-моравской культурѣ имѣемъ дѣло съ византійскимъ вліяніемъ и, хотя дѣло славянской литературы и ея культуры пришло тамъ въ упадокъ, эта связь съ Византіей все же сыграла и здѣсь нѣкоторую роль. Всѣ литературные памятники, которые появились въ это время у западныхъ славянъ, были перенесены къ южнымъ славянамъ [2]). Такимъ образомъ, Балканскій полуостровъ развивалъ не только свою письменность, но и воспользовался также наслѣдіемъ отъ западныхъ славянъ. Здѣсь-то и выработались тѣ памятники, которые оказали большое вліяніе и на русскую литературу, перейдя къ намъ вмѣстѣ съ христіанствомъ. Мы увидимъ, что намъ придется говорить именно о памятникахъ, которые возникли на почвѣ западнаго славянства и впослѣдствіи стали достояніемъ русской литературы. Вотъ та картина, которую представляютъ основы литературы и культуры славянства ко времени начала оффиціальнаго христіанства на Руси.

Прежде чѣмъ перейти къ выясненію этихъ первыхъ шаговъ славянской письменности на Руси, намъ нужно коснуться еще нѣсколько важныхъ для насъ вопросовъ: не составивши себѣ о нихъ болѣе или менѣе яснаго представленія, намъ не только трудно, но иногда и невозможно будетъ правильно оцѣнить цѣлый рядъ вопросовъ чисто литературныхъ въ древнемъ періодѣ. Къ числу такихъ вопросовъ слѣдуетъ отнести вопросъ о двухъ алфавитахъ, примѣнявшихся къ новой христіанской литературѣ у славянъ и въ частности у русскихъ.

---

[1]) О развитіи въ это время литературы см. Пыпина и Спасовича, Ист. слав. лит., изд. 2 (Спб. 1897), т. I, или М. И. Соколова, Болгарская письменность (Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, II, 913).

[2]) Подробнѣе см. А. И. Соболевскій, Церковно-славянскіе тексты Моравскаго происхожденія (Рус. Фил. Вѣстн. 1900 г., I, стр. 190), а также и др. его статьи, собранныя въ Сборн. Отд. Рус. яз. и сл. И. А. Н., т. 88 (1910 г.).

Кириллица и глаголица. Вопросъ о кириллицѣ и глаголицѣ не является безразличнымъ для русской литературы, такъ какъ это вопросъ не только формальнаго свойства, не только о шрифтѣ, но въ наукѣ съ нимъ связываютъ извѣстную тенденцію, не лишенную значенія и для пониманія литературныхъ явленій, въ частности у насъ. Представители преимущественно западной науки смотрятъ на дѣло такъ, что глаголица была выразительницей преимущественно католическихъ традицій; а такъ какъ глаголица, по ихъ мнѣнію, ведетъ свое начало отъ самого Кирилла, то въ связи съ этимъ предполагается, что и католическая традиція идетъ отъ самихъ первоучителей славянства. Тотъ же алфавитъ, который принято называть кириллицей, считается въ этомъ случаѣ позднѣйшаго происхожденія и при томъ тѣмъ, который находился въ употребленіи преимущественно у восточныхъ славянъ православныхъ и является такимъ образомъ выразителемъ православныхъ греческихъ традицій.

Однако новѣйшія изслѣдованія показали, что подобное рѣшеніе вопроса не имѣетъ за собой прочныхъ основаній. Нельзя полагать, что глаголица неразрывно связана только съ католицизмомъ. Древніе памятники, судя по ихъ характеру и языку, говорятъ намъ, что глаголическая письменность была и въ Болгаріи, и въ Македоніи, и восточной Сербіи, гдѣ о католическомъ вліяніи не можетъ быть и рѣчи. Такими памятниками являются, напримѣръ, Зографское Евангеліе (конца X вѣка), Маріинское Евангеліе (XI вѣка) и другіе тексты, писанные глаголицею въ средѣ, гдѣ католицизмъ не былъ господствующей формой вѣры.

Съ другой стороны несомнѣнно, что глаголическая письменность, дѣйствительно, происхожденія очень древняго и была распространена во время дѣятельности Кирилла и Меѳодія и на мѣстѣ ихъ проповѣди— у западныхъ славянъ. Объ этомъ говорятъ нѣкоторые старинные письменные памятники, правда, сохранившіеся лишь въ отрывкахъ: таковы, напримѣръ, извѣстные глаголическіе «Кіевскіе отрывки», которые заключаютъ въ себѣ отрывокъ богослужебной книги. По языку этотъ отрывокъ, несомнѣнно, относится къ старославянскимъ памятникамъ, но по содержанію это—служебникъ по католическому обряду (Миссалъ). Такимъ образомъ, становится яснымъ, что глаголица служила и католической традиціи, но въ то же время ею пользовались и тамъ, гдѣ никакой католической традиціи она съ собою не несла.

Что касается изобрѣтенія глаголицы, то большинство ученыхъ теперь полагаетъ, что она была изобрѣтена именно Кирилломъ, въ большинствѣ своихъ начертаній представляетъ передѣлку греческой скорописи (минускулъ), при чемъ греческія буквы преобразуются въ славянскія путемъ прибавки петель, кружковъ или путемъ округленія, примѣ

ненія греческихъ лигатуръ (связныхъ начертаній) для отдѣльныхъ славянскихъ звуковъ. Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ славистовъ нашего времени, И. В. Ягичъ, даетъ наглядное сопоставленіе между начертаніями греческой азбуки, именно въ скорописномъ ея видѣ, и буквами глаголицы: сходство несомнѣнное [1]. «Кирилловская» же азбука появляется, повидимому, позднѣе, на почвѣ Болгаріи, при чемъ, несомнѣнно, возникаетъ также изъ греческаго письма, но уставнаго (майюскулъ), такъ называемаго «литургическаго», т.-е. употреблявшагося въ IX—X вв. для книгъ богослужебныхъ. Обѣ азбуки существуютъ, безусловно, извѣстное время рядомъ, но потомъ кириллица, особенно на востокѣ, вытѣсняетъ глаголицу, какъ болѣе удобная, болѣе простая. Относительно возраста кириллицы нужно сказать, что она, если и моложе глаголицы, то во всякомъ случаѣ, не на много. Если глаголица восходитъ къ IX-у вѣку (письменными памятниками она зарегистрирована не ранѣе X в.), то и кириллица, безусловно, существовала и была распространена въ X-мъ вѣкѣ. Не особенно давно была найдена въ Болгаріи надгробная надпись, сдѣланная по повелѣнію царя Самуила, сына царя Шишмана I; надпись относится къ 993-у году и сдѣлана кириллицей [2]. Такимъ образомъ, ясно, что въ X-мъ вѣкѣ «кириллица» не только существовала, но была на столько распространена, что надгробная надпись сдѣлана была именно ею, какъ шрифтомъ общепринятымъ. Но рядомъ существовала и глаголица. Какъ долго продолжалось это совмѣстное существованіе, мы точно опредѣлить не можемъ. Наибольшее число глаголическихъ болгарскихъ и сербскихъ (православныхъ) памятниковъ относится къ XII—XIII вѣкамъ, затѣмъ число ихъ уменьшается; стало быть, беретъ верхъ кириллица. По мѣстностямъ памятники встрѣчаются вперемежку. Такимъ образомъ, ни кириллица, ни глаголица не несли съ собой какой-либо особой вѣроисповѣдной тенденціи.

Кириллица на югѣ и востокѣ Балканскаго полуострова начинаетъ съ XII-го вѣка вытѣсняетъ глаголицу; эта послѣдняя удерживается лишь на западѣ южнаго славянства—у католическихъ хорватовъ; гдѣ продолжаетъ въ измѣненномъ видѣ существовать вплоть до XVIII вѣка, служа цѣлямъ уже римско-католической славянской письменности у нихъ. Такимъ образомъ, факты древняго времени и исторія славянской письменности показываютъ, что вопросъ о кириллицѣ и глаголицѣ долженъ быть отдѣленъ отъ вопроса о характерѣ первоначальной славян-

---

[1] Полный обзоръ исторіи изученія глаголицы съ цѣлымъ атласомъ снимковъ данъ И. В. Ягичемъ въ „Энциклопедіи славяновѣдѣнія", вып. III (1911 г.).

[2] Напечатана не разъ; см. въ альбомѣ при „Палеографіи" Е. Ѳ. Карскаго („Образцы", изд. 2 или 3).

ской письменности, чисто византійскомъ или византійскомъ съ примѣсью католицизма, или даже съ преобладаніемъ послѣдняго. Если вскорѣ послѣ Кирилла и Меѳодія придаютъ кириллицѣ и глаголицѣ такую тенденціозность, то это вызвано посторонними, преимущественно церковно-политическими условіями времени, а не сущностью дѣла. Но вопросъ о двухъ азбукахъ, какъ о внѣшней формѣ письменности, не лишенъ значенія и для письменности русской. Взаимоотношеніе ихъ даетъ указанія на источники нашей письменности, опредѣляя, по крайней мѣрѣ, мѣстность, откуда шла къ намъ главная масса памятниковъ. Поэтому исторія кириллицы и глаголицы и для насъ не безынтересна.

Какимъ образомъ случилось, что глаголица замерла, это, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ южнымъ и восточнымъ славянамъ, можетъ быть объяснено удовлетворительно. Кириллица, образовавшаяся изъ греческаго уставнаго литургическаго письма, была несомнѣнно болѣе проста и удобна, чѣмъ глаголица, очертанія буквъ которой сложны и труднѣе усвояются, запутаны. Какъ происшедшая изъ литургическаго письма, т.-е. письма, употреблявшагося для богослужебныхъ книгъ, требовавшихъ по своему значенію красивой внѣшности, кириллица стала употребляться для церковныхъ надобностей, какъ болѣе красивый и строгій шрифтъ, соотвѣтствующій важности богослуженія. Аналогію даетъ и византійская письменность, знавшая два шрифта—скорописный для мірской книги, и уставный—для церковной. Поэтому кирилловская письменность и стала скоро преобладать и оттѣснила глаголицу безъ большого труда, особенно тамъ, гдѣ вліяніе Византіи было сильнѣе. Глаголица осталась въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ впервые появилась славянская письменность въ видѣ глаголицы—въ Босніи, Герцеговинѣ, Хорватіи—вдали отъ Византіи. Этимъ и объясняется, почему мы не имѣемъ хорватскихъ глаголическихъ памятниковъ старше XIII-го вѣка. Тамъ же совершился и переходъ отъ круглой глаголицы къ угловатой, «готической» по типу глаголицы, выработавшейся, надо полагать, не безъ вліянія угловатаго латинскаго письма Запада. Въ восточной же Болгаріи никогда, повидимому, глаголическая письменность особеннаго распространенія не имѣла: эти мѣста были ближе къ центру византійскаго просвѣщенія. Главнымъ же очагомъ глаголицы въ Болгаріи была ея западная часть и Македонія. Но и здѣсь ея судьба оказалась не прочной въ отношеніи къ культурнымъ теченіямъ страны. Политическій центръ Болгаріи оказался не въ Македоніи, а гораздо восточнѣе—въ Тырновѣ—въ восточной Болгаріи, подверженной вліянію Византіи. Съ этой стороны понятно, почему кириллица вытѣснила глаголицу и въ Македоніи: культурное вліяніе шло съ востока на западъ Болгаріи. Это постепенное исчезновеніе глаголицы можно прослѣдить и наглядно по памят-

никамъ. Въ древнихъ болгарскихъ рукописяхъ XI—XIII вѣковъ мы встрѣчаемся со слѣдомъ борьбы между кириллицей и глаголицей. Такъ, мы имѣемъ, правда очень рѣдко, рукописи кирилловскія съ глаголическими приписками, глаголическими буквами между кирилловскими; но зато довольно часто попадаются, наоборотъ, рукописи глаголическія съ кирилловскими приписками. Это значитъ, что кириллица становится все болѣе и болѣе распространеннымъ привычнымъ письмомъ, и глаголическія рукописи снабжаются пояснительными приписками, написанными кириллицей. Такія древнія приписки мы видимъ въ Маріинскомъ, Зографскомъ, Ассемановомъ Евангеліяхъ и другихъ глаголическихъ памятникахъ; чисто глаголическихъ рукописей болгарскихъ въ XIII в. мы уже почти не знаемъ.

Такимъ образомъ на Балканскомъ полуостровѣ глаголица—письмо преимущественно западное, кириллица—преимущественно восточное, восточной Болгаріи; глаголица уже въ раннее время—письмо менѣе распространенное, кириллица—общепринятое.

Этотъ краткій очеркъ исторіи письменности на Балканскомъ полуостровѣ уясняетъ намъ, почему въ русской письменности мы почти не встрѣчаемся съ глаголицей. Мы заимствовали славянское письмо отъ Болгаріи, а оттуда къ намъ перешла именно кириллица.

Начало письменности на Руси. Когда мы говоримъ, что къ намъ перешла славянская письменность, то естественно возникаетъ вопросъ объ ея роли въ литературѣ. При выясненіи этого вопроса мы, прежде всего, сталкиваемся съ другимъ вопросомъ, о томъ, была ли у насъ какая-либо письменность до принятія христіанства, до перехода къ намъ болгарской письменности?

Этотъ вопросъ является далеко не празднымъ, такъ какъ исторія распространенія письменности у другихъ народовъ, имѣвшихъ свою письменность до христіанства или мѣнявшихъ одну письменность на другую, показываетъ намъ, что подобное явленіе, т.-е. замѣна одной письменности другою, часто означаетъ и смѣну культуры. Возьмемъ, напримѣръ, Германію: мы увидимъ, что до принятія христіанства тамъ существовала письменность, такъ называемая, руническая. Остатки ея, сохранившіеся до сихъ поръ, показываютъ, что она служила не только исключительно для практическихъ цѣлей, но и для цѣлей литературныхъ. Древнія скандинавско-германскія сказанія были записаны отчасти именно этими письменами. Съ появленіемъ христіанства руническая письменность исчезаетъ, быстро замѣняясь латинскихъ шрифтомъ, который вырабатывается въ письмо готическое. Это готическое письмо и сдѣлалось типичной германской разновидностью латинскаго шрифта, существующей и до сихъ поръ. Подобное явленіе мы можемъ найти среди

восточныхъ народовъ, напримѣръ, въ Египтѣ, гдѣ письмо іероглифическое путемъ долгой эволюціи замѣнилось письмомъ греческимъ, что совершилось совмѣстно съ выработкой новаго типа культуры греко-египетской. Такимъ образомъ, самый фактъ замѣны одной письменности другой и полнѣйшее забвеніе первой не представляетъ собою ничего не вѣроятнаго и даже исключительнаго. Значитъ, возможно, что и на Руси до принятія христіанства и славянской письменности могла, разсуждая a priori, существовать какая-либо особая письменность, которая потомъ, послѣ принятія христіанства, была совершенно вытѣснена письменностью кирилло-меѳодіевскою и совершенно забыта.

Обыкновенно вопросъ этотъ рѣшается въ томъ смыслѣ, что никакой письменности у русскихъ славянъ до принятія христіанской письменности не было. Но были въ наукѣ и противники такого рѣшенія. Эти противники указываютъ на различныя свидѣтельства, которыя устанавливаютъ, по ихъ мнѣнію, фактъ существованія письменности у насъ до появленія письменности вмѣстѣ съ христіанствомъ, т.-е. до конца X вѣка.

Среди такихъ свидѣтельствъ наиболѣе древнимъ и важнымъ является свидѣтельство монаха Храбра (болгарскаго писателя X вѣка) о славянской письменности. Онъ указываетъ, что славянская письменность введена Кирилломъ и, говоря о громадной важности этого изобрѣтенія, сообщаетъ, что раньше, до принятія христіанства, славяне «погани суще», пользовались («нуждахуся») греческими письменами, а также и латинскими, но эти письмена не могли выражать всѣхъ звуковъ славянскаго языка, а потому были очень неудобны. Поэтому изобрѣтеніе азбуки Кирилломъ Храбръ рисуетъ, какъ большое благодѣяніе для славянъ [1]). Изъ этого свидѣтельства ясно видно, что у южныхъ славянъ письменность была до принятія христіанства, при чемъ они, не имѣя своего алфавита, пользовались письменностью греческой и латинской, смотря по тому, какое вліяніе преобладало въ данной мѣстности: на западѣ Балканскаго полуострова, на берегахъ Адріатики, вѣроятно, латинское, на востокѣ—греческое. Правда, если мы примемъ во вниманіе, выраженіе «нуждахуся», то намъ станетъ яснымъ, что эта письменность не имѣла большого распространенія и употреблялась только тогда, когда для того была крайняя нужда: ею пользовались тамъ, гдѣ безъ письменности обойтись никакъ было нельзя, напримѣръ, когда нужно было заключить какой-либо договоръ и т. п. Конечно, кругъ такихъ случаевъ у народа, стоящаго на невысокой ступени развитія (а такими и были славяне до принятія христіанства) былъ очень не великъ. До насъ

[1]) По цѣлому ряду списковъ съ комментаріемъ свидѣтельство Храбра издано И. В. Ягичемъ: Изслѣдованія по русскому языку, I (Спб. 1885—95), стр. 297 и сл.

дошелъ, дѣйствительно, даже цѣлый памятникъ, написанный по-славянски латинскими буквами; это памятникъ уже католическій,—«Фрейзингенскія» статьи [1]); таковы глоссы (приписки) славянскія въ латинскихъ рукописяхъ, сохранившіяся до сихъ поръ. Тамъ мы видимъ, съ какою трудностью изображались нѣкоторыя славянскія слова латинскими буквами: многихъ буквъ для обозначенія звуковъ славянскаго языка въ латинскомъ алфавитѣ совсѣмъ нѣтъ потому, что нѣтъ самыхъ звуковъ въ этомъ языкѣ, напримѣръ: нѣтъ буквы для звука Ж, для звука Ч, для звуковъ Ш, Щ, затѣмъ для носовыхъ звуковъ. Такъ, напр., слово: «боже» пришлось изображать такъ: bose, boze; «земля»—zemla или zzemla, или же szemla, или же semla; «человѣкъ»—selovek, ccelovek, cselovek; «тьма»—tima, tuima и т. д., т.-е. одинъ и тотъ же славянскій звукъ—латинской буквой, произносившейся иначе, или разными комбинаціями буквъ, что̀, разумѣется, затрудняло чтеніе, пониманіе написаннаго. Поэтому мы совершенно поймемъ свидѣтельство Храбра, что славяне могли употреблять такія письмена только тогда, когда они «нуждахуся», и что изобрѣтеніе Кирилла явилось, дѣйствительно, величайшимъ для нихъ благодѣяніемъ. А разъ дѣло обстоитъ такъ, мы въ правѣ заключить, что у славянъ письменность существуетъ лишь для самыхъ необходимыхъ случаевъ; естественно, что она примѣнялась только для практическихъ цѣлей, не могла имѣть широкаго распространенія и не могла служить орудіемъ литературы, т.-е., быть средствомъ для выраженія такихъ сложныхъ произведеній человѣческаго духа, каковы произведенія литературы. Это же можно примѣнить и по отношенію къ русскимъ: если зачатки письменности существовали и у насъ, то, во всякомъ случаѣ, условія были не благопріятны для широкаго ея развитія въ цѣляхъ литературы. Такимъ образомъ, при наличности свидѣтельства черноризца Храбра, мы должны допустить, что у южныхъ славянъ собственной письменности не было.

Что касается до русскихъ въ частности, то указываютъ еще другія свидѣтельства о существованіи у нихъ письменности ранѣе X вѣка. Такъ, въ житіи Кирилла славянскаго, говорится, что онъ путешествовалъ на сѣверное побережье Чернаго моря въ страну хазаръ для того, чтобы имѣть съ ними пренія о вѣрѣ; хазары были отчасти евреями по религіи, отчасти язычниками, отчасти магометанами. Кириллъ, по словамъ житія, имѣлъ тамъ большой успѣхъ и обратилъ многихъ въ христіанство; кромѣ того, этотъ успѣхъ выразился въ томъ, что онъ добился освобожденія многихъ плѣнниковъ. И вотъ тамъ-то, въ Херсонесѣ, по словамъ житія, онъ встрѣтилъ одного человѣка, который оказался

[1]) Это—текстъ исповѣдныхъ молитвъ католическихъ и краткое слово духовника кающемуся, написанныя на поляхъ и свободныхъ листахъ латинской рукописи X вѣка.

христіаниномъ, и у котораго была русская Псалтырь, написанная русскими письменами. Въ видѣ величайшей похвалы таланту Кирилла, чуть ли не какъ чудо, житіе сообщаетъ, что Кириллъ въ очень быстрое время изучилъ этотъ «русскій языкъ» и сталъ читать и объяснять эту Псалтырь. Это свидѣтельство и приводится обыкновенно въ доказательство того, что у русскихъ славянъ еще до принятія славянской письменности была своя письменность. Но это свидѣтельство не можетъ показаться убѣдительнымъ прежде всего потому, что вызываетъ рядъ вопросовъ. Прежде всего: что это за «русская» Псалтырь, что это за «русскій» человѣкъ? Этотъ вопросъ является совершенно необходимымъ, такъ какъ мы знаемъ, что въ IX—X вв., слово «русскій» обозначало совсѣмъ не то, что стало обозначать послѣ. Подъ этимъ «русскимъ» человѣкомъ мы можемъ подразумѣвать не только и не столько русскаго славянина, но и норманна-русса: въ Византіи «Rossoi»—это скандинавы; имя «руссовъ» для одного норманскаго племени извѣстно и въ самой Скандинавіи. Нахожденіе такого «росса»—«русскаго» въ Крыму не должно представляться удивительнымъ, такъ какъ скандинавы были опытными мореплавателями, вели торговлю съ самыми отдаленными странами, ходили по «великому водному пути» и по Черному морю, а Херсонъ былъ однимъ изъ крупнѣйшихъ рынковъ черноморскаго побережья. Такимъ образомъ, вполнѣ законно спросить: съ кѣмъ Кириллъ имѣлъ дѣло, съ славяниномъ ли, или съ скандинавомъ? Скорѣе можно склониться къ послѣднему, имѣя въ виду роль варягоруссовъ и на Руси, такъ и потому, что русскія (славянскія) поселенія и колоніи въ IX в. далеко еще не доходили до береговъ Чернаго моря.

Затѣмъ указываютъ, что Кириллъ быстро усвоилъ «русскій» языкъ и сталъ объясняться съ этимъ руссомъ. Дѣйствительно, это было сдѣлать очень не трудно, если бы это былъ русскій славянинъ, такъ какъ тогдашній живой русскій языкъ отличался лишь немного отъ больгарскаго, который былъ, конечно, великолѣпно извѣстенъ Кириллу. Но и это соображеніе вовсе не можетъ служить доказательствомъ того, что Кириллъ встрѣтилъ именно русскаго славянина. Прежде всего не нужно забывать, что этотъ разсказъ приводится въ видѣ доказательства необыкновенныхъ способностей Кирилла къ усвоенію языковъ, передается какъ какое-то чудо, сопровождавшее дѣятельность Кирилла-миссіонера. Съ другой стороны мы знаемъ, что Кириллъ былъ, дѣйствительно, замѣчательнымъ лингвистомъ. Онъ зналъ много языковъ, зналъ не только европейскіе языки, но и азіатскіе, напримѣръ, арабскій и сирійскій м. б. и еврейскій (вліяніе этихъ языковъ отразилось на составленной имъ славянской азбукѣ); онъ былъ выдающимся ученымъ: поэтому было бы очень странно, если бы въ доказательство всего этого и въ видѣ осо-

бенной похвалы Кириллу разсказывалось, что онъ быстро усвоилъ языкъ русскихъ славянъ: это не представляло особеннаго труда для всякаго, знающаго болгарскій языкъ. Съ другой стороны, конечно, не вѣроятно предположить, чтобы человѣкъ, съ какими бы онъ способностями и знаніями ни былъ, могъ въ очень короткій срокъ усвоить совершенно чуждый языкъ. Но дѣло объясняется проще, если бы мы допустили, что это былъ скандинавскій языкъ: этотъ языкъ не былъ совершенно не извѣстенъ въ Византіи при тѣхъ оживленныхъ сношеніяхъ, которыя вели скандинавы съ Византіею, при роли скандинавовъ-руссовъ при дворѣ [1]); а стало быть, Кириллъ, какъ ученый лингвистъ, долженъ былъ знать его, хотя бы элементарно. Поэтому ему, съ его необычайными знаніями и способностями къ изученію языковъ, и не представило особеннаго труда въ быстрый срокъ на столько освоиться съ новымъ языкомъ, чтобы можно было на немъ читать и понимать читаемое. Такимъ образомъ, и это предположеніе вмѣстѣ съ приведеннымъ выше доказываетъ намъ, что вѣроятнѣе всего этотъ русскій не былъ русскимъ славяниномъ, а именно скандинавомъ-руссомъ. Что касается вопроса о томъ, были ли скандинавы въ Крыму, то, какъ мы уже замѣтили, этотъ вопросъ нужно разрѣшить также въ утвердительномъ смыслѣ. Остается еще одинъ вопросъ относительно интересующаго насъ извѣстія: было ли у самихъ скандинавовъ письмо? Вѣроятно—было. Мы знаемъ, что у сѣверныхъ германцевъ-скандинавовъ уже существовало въ это время письмо руническое. Это руническое письмо представляетъ изъ себя очень простую и несложную передѣлку латинской азбуки, такъ что Кириллъ дѣйствительно могъ ихъ скоро выучить при несомнѣнномъ знакомствѣ съ латинскимъ шрифтомъ. Но возможно, что письмо Псалтыри было и не руническое (мы не знаемъ текстовъ священнаго писанія, христіанскихъ памятниковъ, написанныхъ рунами), а готское. Извѣстно, что въ IV-омъ вѣкѣ епископъ Ульфила составилъ на основаніи греческой готскую азбуку и перевелъ на готскій языкъ священное писаніе. Готскій же языкъ—представитель германской вѣтви языковъ, родственный, стало быть, и старо-скандинавскимъ. При знакомствѣ съ послѣднимъ, человѣкъ, знающій и греческій алфавитъ, могъ читать и понимать и готское письмо, а при извѣстныхъ способностяхъ и достаточно быстро освоиться съ этимъ языкомъ. А этими качествами обладалъ и Кириллъ. Внѣшнія же условія—пребываніе гота христіанина въ Херсонесѣ — также не возбуждаютъ сомнѣній. Готы уже въ IV вѣкѣ были въ южно-русскихъ степяхъ и на нижнемъ Дунаѣ; въ это время они приняли христіанство (аріанство); остатки ихъ еще въ XV-омъ вѣкѣ живутъ въ Крыму. Близость же го-

---

[1]) Изъ нихъ набиралась дворцовая гвардія, тѣлохранители императора.

товъ къ скандинавамъ даетъ объясненіе, почему авторъ сказанія о Кириллѣ могъ назвать гота болѣе обычнымъ для него именемъ «русса». Такое рѣшеніе вопроса о «русской» Псалтыри Кирилла считается наиболѣе вѣроятнымъ. Можетъ быть, при такомъ предположеніи объясняется и то обстоятельство, что никакихъ слѣдовъ этой русской (славянской) письменности намъ не извѣстно, тогда какъ, будь эта Псалтырь, дѣйствительно, писана русскими (славянскими) письменами, было бы иначе: переводъ Псалтыри существовать одинъ не могъ и предполагаетъ существованіе и другихъ книгъ, т.-е. довольно уже развитую письменность, которая, такимъ образомъ, не понятно почему, исчезла, не оставивъ даже памяти по себѣ къ концу X в., когда у насъ появилась кириллица. Такимъ образомъ, какъ бы мы не рѣшали вопросъ—въ пользу ли норманна, или гота—говорить, что Кириллъ встрѣтилъ русскаго славянина и читалъ Псалтырь, написанную на русскомъ языкѣ, мы не имѣемъ никакого права.

Этотъ фактъ, не рѣшая вопроса въ пользу существованія письменности у русскихъ до христіанства, однако, еще не доказываетъ положительно и отсутствія ея; къ тому же есть и другія свидѣтельства, которыя какъ будто говорятъ все-таки за существованіе у славянъ и русскихъ какой-то письменности до христіанства. Это во-первыхъ, свидѣтельство опять того же черноризца Храбра, данныя болѣе позднихъ источниковъ, русскихъ и арабскихъ—во-вторыхъ, а также свидѣтельства археологическаго характера—въ-третьихъ.

Свидѣтельство черноризца Храбра, какъ будто бы прямо указываетъ на существованіе письменности у славянъ до Кирилла: славяне, по его словамъ, помимо латинскихъ и греческихъ письменъ, употребляли еще какіе-то черты и рѣзы («чрьтами и рѣзами гатааху»). Это, конечно, одинъ изъ первобытныхъ способовъ письменности, который и до сихъ поръ употребляется у неграмотныхъ, особенно при ариѳметическихъ счетахъ, когда надо изобразить число: обыкновенно его изображаютъ на деревянной палкѣ (бирка) черточками, кружочками и крестиками, изъ коихъ каждый имѣетъ опредѣленное значеніе; это и будутъ «черты и рѣзы». Они, конечно, годны только для примитивно-практическихъ цѣлей, и само собой разумѣется, что никакихъ сложныхъ мыслей ими выражать нельзя. Стало быть, и этимъ свидѣтельствомъ существованія письменности, какъ орудія литературы, не доказывается. Если и была такая письменность (въ чемъ невѣроятнаго ничего нѣтъ), то, во всякомъ случаѣ, употребленіе ея было очень ограниченно. Такого же рода «черты и рѣзы», кажется, мы имѣемъ и въ свидѣтельствѣ араба X-го вѣка Ибнъ-эль-Недима, видѣвшаго и зарисовавшаго въ своемъ сочиненіи «Спискѣ книгъ» кусокъ бѣлаго дерева съ письменами русскихъ: письмена

были рѣзныя. Поэтому, даже не опровергая подобнаго свидѣтельства, письмо это нельзя сопоставлять съ позднѣйшей кирилловской письменностью, какъ орудіемъ литературы.

Приводили и еще свидѣтельства въ доказательство того, что и до христіанства на Руси письменность была. Такъ, имѣли въ виду договоры, которые заключали русскіе языческіе князья съ другими государствами; таковы, напр., были договоры Олега и Игоря съ Византіей. Договоръ, обыкновенно, сопровождается тѣмъ, что обѣ стороны обмѣниваются договорными грамотами (стало быть, русскіе должны были дать грамоту византійцамъ, а византійцы русскимъ), или же составлялась сообща грамота, которая писалась въ двухъ экземплярахъ, при чемъ, каждая изъ сторонъ, конечно, получала по одному изъ нихъ. Что грамоты были, на это указываетъ то обстоятельство, что тексты нашихъ договоровъ съ греками сохранились въ лѣтописи, при чемъ несомнѣнно, что они были туда внесены именно въ подлинномъ текстѣ. Какова же была эта письменность? Высказано было объ этомъ много предположеній. Одни полагали, что это была письменность руническая (для чего основаніемъ служитъ скандинавское происхожденіе князей), другіе—глаголическая; послѣдняго мнѣнія держался знатокъ древней письменности И. И. Срезневскій [1]). Доказательство этому онъ видѣлъ въ тѣхъ ошибкахъ лѣтописнаго текста договора, которыя писецъ допустилъ, по мнѣнію Срезневскаго, потому, что списывалъ кириллицей съ плохо знакомаго по шрифту глаголическаго текста подлинника. Такой ошибкой, думаетъ Срезневскій, была ошибка въ цифрѣ индикта (3-ій вмѣсто 4-го): она вполнѣ понятна, по его мнѣнію, лишь при переведеніи глаголическихъ цифръ на кирилловскія, такъ какъ въ кириллицѣ буква «б» не имѣла числового значенія, а въ глаголицѣ имѣла(=2), почему для 3 въ глаголицѣ употребляется «в», въ кириллицѣ же «г», для 4 въ глаголицѣ «г», въ кириллицѣ «д» и т. д.; т. о. глаголическое «г» (=4) писецъ, переписывая кириллицей, по ошибкѣ передалъ кирилловскимъ «г», т.-е. написалъ 3, а не 4 (договоръ 945 г. Игоря). Затѣмъ въ договорѣ Святослава (972) выраженіе: «съ всякымъ великымъ цѣсаремъ грьчьскымъ», представляется страннымъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ въ договорѣ нѣтъ необходимаго имени византійскаго императора. Это имя должно быть въ оригиналѣ, писанномъ глаголицею, но прочтено списывавшимъ кириллицею въ виду сходства начертаній глаголическихъ буквъ вмѣсто: «Иванъмъ» (т.-е. Іоаннъ Цимисхій)—«всакъмъ». Но эта догадка Срезневскаго остается догадкой, оправданія коей нѣтъ въ дру-

---

[1]) Его соображенія изложены вкратцѣ въ „Древнихъ памятникахъ русскаго письма и языка“ (2-е изд., Спб. 1882), стр. 4—5, 7.

гихъ источникахъ. Само по себѣ допустимо, въ X-мъ вѣкѣ могли писать глаголицей, но сомнительна ея общеизвѣстность на Руси; также не нужно забывать извѣстнаго указанія черноризца Храбра, что славяне «нуждаяся» употребляли и греческія буквы: договоръ могъ быть писанъ по-русски, но греческими буквами. Возможно и то, что договоръ былъ писанъ на греческомъ языкѣ въ обоихъ текстахъ, такъ какъ греки едва ли знали языкъ русскій; что же касается русскихъ, то весьма возможно, что, если и не самъ князь, то многіе изъ его высшей аристократіи были настолько знакомы съ греческимъ языкомъ, что составленіе договора именно на греческомъ языкѣ не представило какихъ-либо трудностей. Стало быть, и это свидѣтельство ничего намъ не можетъ сказать опредѣленнаго о письменности до-христіанской, какъ служащей для цѣлей литературы на Руси.

Наконецъ, есть и еще свидѣтельство—археологическаго характера. Именно: одинъ изъ арабскихъ путешественниковъ первой половины X-го вѣка, Ибнъ-Фодланъ (или Фоцланъ), бывшій въ Россіи, описываетъ погребеніе богатаго русса гдѣ-то на берегахъ Оки. Онъ говоритъ, что, когда его вмѣстѣ съ ладьей, конемъ, рабыней и оружіемъ сожгли, то прахъ его собрали и положили въ горшокъ, который поставили на столбѣ при пути, и на горшкѣ написали имя покойника и князя, при которомъ покойникъ жилъ. Значитъ: опять какъ будто неопровержимое доказательство существованія письменности въ Россіи уже въ половинѣ X-го вѣка. Но дѣло измѣняется опять, коль скоро мы поставимъ вопросъ, который уже не разъ приходилось ставить, именно: вопросъ о томъ, кто же былъ этотъ «руссъ», погребеніе котораго удалось видѣть Ибнъ-Фодлану въ 912 году? Былъ ли то славянинъ, или скандинавъ? Если былъ скандинавъ, то весь вопросъ отпадаетъ. Если же это и былъ русскій, то, во всякомъ случаѣ, русскій не простой, а знатный, глава рода, который стоялъ по своей культурности несравненно выше окружающихъ его, поэтому возможно, что онъ и пользовался какими-либо письменами, которые оставались неизвѣстными народу. Въ такомъ случаѣ вопросъ объ этомъ письмѣ остается открытымъ въ виду неопредѣленности самаго извѣстія. Сложность этого вопроса возрастаетъ еще благодаря и тому, что мы не знаемъ этнографическаго состава той мѣстности, гдѣ происходило погребеніе; иначе: было ли это погребеніе русскимъ (въ смыслѣ славянскаго), или не вполнѣ русскимъ, или же инородческимъ? Это могъ быть и иноземецъ (хотя бы скандинавъ), осѣвшій и ставшій мѣстнымъ аристократомъ среди чужого (хотя бы и русско-славянскаго) племени, чему мы имѣемъ много примѣровъ, начиная съ русскаго княжескаго рода.

Пробовали, впрочемъ, подтверждать это свидѣтельство и археоло-

гически. Приблизительно на томъ мѣстѣ, гдѣ Ибнъ-Фодланъ видѣлъ погребеніе русса, производились раскопки [1]), при чемъ найдено одно погребеніе, относящееся къ X-ому вѣку, погребеніе архаическое съ сожженіемъ; въ немъ въ числѣ другихъ предметовъ былъ найденъ и разбитый горшокъ небольшихъ размѣровъ. На внѣшней сторонѣ горшка оказался не то орнаментъ, не то рядъ знаковъ, которые напоминали письменные знаки, неизвѣстные до сихъ поръ. Нѣкоторые ученые (именно польскій—Лицѣевскій) пытались прочесть эту надпись, примѣнивъ къ ней руническій алфавитъ; объяснить надпись ни изъ скандинавскихъ языковъ (что a priori возможно), ни изъ русскаго, однако, даже при большихъ натяжкахъ не удалось: предположенное чтеніе Лицѣевскаго (славянское)—фантастично. Національность погребенія также осталась невыясненной, славянское ея происхожденіе во всякомъ случаѣ очень сомнительно.

Вотъ, собственно говоря, всѣ свидѣтельства о существованіи у насъ до-христіанской и до-кирилловской письменности. На основаніи сказаннаго мы можемъ притти къ заключенію, что письменности у русскихъ славянъ въ до-христіанскій періодъ не было, не было, по крайней мѣрѣ, въ такомъ видѣ, въ какомъ мы понимаемъ ее. Если и существовали какіе-либо письменные знаки, то такая письменность распространенія получить не могла и выполняла лишь нѣкоторыя практическія функціи, для служенія литературѣ она не годилась. Это положеніе вполнѣ совпадаетъ съ общими данными культурной исторіи русскаго племени. Народы, находящіеся на такомъ же уровнѣ развитія, на какомъ находились тогда наши предки, обыкновенно письменностью, служащей орудіемъ литературы, не обладаютъ: это—время еще традиціонной, устной словесности. Нѣтъ ничего, конечно, удивительнаго и въ томъ предположеніи, что письмо совершенно отсутствовало, и въ немъ не было никакой потребности: чуть ли не на нашихъ глазахъ наши крестьяне умѣли обходиться совершенно безъ всякой письменности. Затѣмъ, и теперь у многихъ нашихъ инородцевъ замѣчается тоже полное отсутствіе письменности, при чемъ и потребности въ ней не ощущается. У такихъ народовъ процвѣтаетъ устная литература, совершенно не нуждаясь въ письменномъ матеріалѣ.

Повидимому, самое естественное, если мы представимъ себѣ дѣло о русской до-христіанской письменности именно такимъ образомъ, и это будетъ находиться въ согласіи со всѣмъ тѣмъ, что будемъ мы потомъ говорить о нашей письменной литературѣ. Эта литература развивалась

---

[1]) Подробности см. въ статьѣ В. А. Городцова въ „Археол. изв. и зам.“, 1897 г. № 12; тамъ же рисунокъ надписи; самый горшокъ находится въ Истор. музеѣ въ Москвѣ. Раскопки производились около с. Алеканова, Муромиск. вол., Рязан. губ.

крайне медленно, составляя достоянiе лишь немногихъ, привилегированныхъ слоевъ населенiя; масса же оставалась совершенно внѣ ея. Если бы существовала какая-либо письменность раньше, то и славянская письменность, вслѣдствiе привычки пользоваться этимъ средствомъ, должна была бы скорѣе, легче и глубже распространиться.

Теперь остаются еще нѣкоторые, чисто формальные, вопросы, которые нужно разрѣшить, прежде чѣмъ перейти къ изученiю самыхъ литературныхъ явленiй.

Это—опять, во-первыхъ, вопросъ о кириллицѣ и глаголицѣ, на этотъ разъ, уже, конечно, на русской почвѣ. Мы знаемъ уже, что глаголица не составляла принадлежности какой-либо одной славянской литературы, а что обѣ азбуки долгое время существовали рядомъ, параллельно въ отдѣльныхъ литературахъ, при чемъ у части юго-западныхъ славянъ беретъ верхъ глаголица, а у южныхъ и юго-восточныхъ—кириллица.

Несомнѣнно, что въ X-мъ вѣкѣ, когда на Русь проникло христiанство и вмѣстѣ съ нимъ славянская письменность, и кириллица и глаголица являлись равноправными. Поэтому является вопросъ: какая же азбука перешла на Русь?

Рѣшая его a priori, мы можемъ сказать, что къ намъ перешли обѣ азбуки, при чемъ у насъ произошелъ въ общемъ тотъ же самый процессъ, что и у южныхъ славянъ, т.-е., что кириллица вытѣснила со временемъ глаголицу. Такъ было въ Сербiи, въ Македонiи, гдѣ сначала глаголическая письменность была особенно распространена. Однако, многiя данныя говорятъ за то, что у насъ уже сразу получила преимущество кириллица. Къ намъ славянская азбука перешла изъ восточной Болгарiи, наиболѣе близкой къ намъ географически, а тутъ-то именно глаголица была меньше всего распространена. Объ этомъ говоритъ, напримѣръ, такой памятникъ, какъ «Остромирово Евангелiе» (XI в.), которое было списано чрезвычайно точно съ подлинника именно восточно-болгарскаго. И другiе древнѣйшiе памятники, напримѣръ, извѣстный Изборникъ Святослава 1073 года, списанный съ Изборника царя Симеона, изобличаетъ въ языкѣ опять же восточныхъ болгаръ, а не западныхъ. Такимъ образомъ, мы въ правѣ предполагать, что къ намъ перешла отъ этихъ болгаръ именно кириллица, а не глаголица. Для болгарской письменности мы еще знаемъ памятники, писанные глаголицей, но мы не знаемъ ни одного цѣльнаго глаголическаго русскаго памятника XI или XII вѣка. Это также говоритъ косвенно въ пользу распространенiя у насъ исключительно кириллицы. Но это еще не рѣшаетъ окончательнаго вопроса. Если памятники не дошли, то это еще не значитъ, что они не были извѣстны въ древней Руси. Вспомнимъ указанiе Срезневскаго на то, что договоръ съ греками могъ быть пере-

писаннымъ съ глаголическаго списка. Затѣмъ: въ 1047 году новгородскимъ попомъ Упыремъ Лихимъ (простонародное прозвище) были списаны «Толкованія 12-ти пророковъ», при чемъ онъ самъ отмѣтилъ, что онъ переписалъ эту рукопись «изъ куриловицы», т.-е. съ кириллицы. Въ виду того, что попъ Упырь Лихой писалъ тѣмъ шрифтомъ, который въ древности у насъ и теперь называется кириллицей, это мѣсто является очень страннымъ: почему это онъ, переписывая съ кириллицы кириллицей же, считаетъ нужнымъ указать, что онъ именно пишетъ «изъ куриловицы»? Поэтому новѣйшіе изслѣдователи указываютъ, что подъ этой «куриловицей», о которой говоритъ попъ Упырь Лихой, нужно понимать не нашу кириллицу, а именно глаголицу, которая дѣйствительно была изобрѣтена Кирилломъ, и носила, очевидно, его имя. Теперешняя же кириллица получила свое имя позднѣе, когда преданіе объ изобрѣтеніи письменности Кирилломъ было еще живо, а о глаголицѣ память уже исчезла. Попъ Упырь еще помнилъ, два алфавита—обычный (нашъ кирилловскій) и глаголическій. Съ глаголицы-то и переписываетъ на кириллицу (въ нашемъ смыслѣ) попъ Упырь Лихой, и поэтому считаетъ нужнымъ это отмѣтить, такъ какъ, вѣроятно, въ его времена разбираться въ глаголицѣ было дѣломъ не легкимъ, а списывать съ нее—дѣломъ рѣдкимъ. Это не есть одна догадка. Она находитъ подтвержденіе въ текстѣ рукописи попа Упыря Лихого. Слѣды глаголическаго оригинала Упыря Лихого остались въ графикѣ «Толкованій» даже въ копіи XV в., въ которой дошелъ до насъ вмѣстѣ съ послѣсловіемъ текстъ, списанный новгородскимъ попомъ въ 1047 году «изъ куриловицы». А что Упырю пришлось списывать кириллицей съ глаголическаго оригинала, въ этомъ ничего не правдоподобнаго нѣтъ: мы знаемъ и другіе древніе (XI и XII в.) русскіе тексты, несомнѣнно, списанные съ глаголическаго подлинника; въ нѣкоторыхъ изъ такихъ текстовъ (каковы, такъ называемая Евгеньевская Псалтирь XI в., слова Григорія Богослова XI в., Толковая Псалтирь Толстовская XII в.) остались слѣдомъ оригинала отдѣльныя буквы или слова, писанныя въ сплошномъ кирилловскомъ текстѣ глаголицей.

Затѣмъ, есть нѣсколько отдѣльныхъ свидѣтельствъ, которыя указываютъ, что въ XII—XIII вв. у насъ среди грамотныхъ людей было знакомство съ глаголицей: это—тѣ записи, приписки, которыя дѣлаются на разныхъ памятникахъ кириллицей вперемежку съ глаголицей. Такимъ образомъ, несомнѣнно, что глаголическое письмо существовало на Руси, но несомнѣнно и то, что оно не пользовалось широкимъ распространеніемъ. Кромѣ такихъ фактовъ, какъ трудъ попа Упыря Лихого, который счелъ необходимымъ глаголическую рукопись переписать кириллицей, нужно указать и на то, что глаголица у насъ играла роль крипто-

графіи—«тайнописи» въ припискахъ, содержаніе которыхъ писавшій не желалъ дѣлать общедоступнымъ, чтобы не всякій ихъ разобралъ, а только человѣкъ свѣдущій (см. выше). Есть и еще указанія, что глаголическое письмо было извѣстно даже въ XI в.: это—надписи на штукатуркѣ храма св. Софіи въ Новгородѣ, о которыхъ была рѣчь раньше (см. стр. 104), и которыя также говорятъ о времени, когда было еще знакомство съ общими шрифтами, при несомнѣнномъ, однако, преобладаніи въ смыслѣ обычнаго письма кириллицы. Происхожденіе этихъ надписей, вѣроятно, объясняется просто: грамотные паломники-богомольцы, по тому же чувству, по которому гдѣ-нибудь на стѣнахъ дѣлаются надписи и теперь, старались увѣковѣчить себя на стѣнахъ Софійскаго храма.

Всѣ эти факты доказываютъ, что вопросъ о существованіи глаголицы въ русской письменности не является празднымъ. Мы видимъ, что глаголица на Руси была, но распространена была слабо, преимущество было всецѣло за письменностью «кирилловскою», которая сохранилась и до сихъ поръ въ нашемъ печатномъ шрифтѣ. Позднѣе XIII в. слѣдовъ русской глаголицы уже нѣтъ.

Подводя итоги сказанному о письменности въ Россіи до принятія христіанства, мы получимъ въ результатѣ:

1) письменности, притомъ такой, которая была орудіемъ литературы, до-христіанская Русь не знала;

2) извѣстія о существованіи письменности или относятся къ употребленію письменныхъ знаковъ въ практическихъ цѣляхъ, либо не могутъ служить доказательствомъ существованія русской письменности;

3) если эта «практическая» письменность и была, то кругъ ея примѣненія былъ ограниченъ—и къ литературѣ она не примѣнима;

4) изъ славянскихъ алфавитовъ на Руси получила доступъ и распространеніе кириллица; глаголица же если и была извѣстна, то какъ письмо случайное, не общепринятое;

5) до-христіанская русская литература оставалась традиціонной, устной, обходившейся безъ письменности.

Совершенно измѣнилось положеніе литературы съ принятіемъ христіанства (X в.). Христіанство несло съ собою цѣлое новое міровоззрѣніе и громадный запасъ словесныхъ памятниковъ, при наличности которыхъ, несомнѣнно, литература уже не могла обходиться безъ письменности.

Поэтому и въ другихъ странахъ, гдѣ появлялось христіанство, гдѣ не было раньше письменности, оно приносило и письменность,

свою литературу, безъ которой оно само немыслимо. Этимъ и объясняется, почему появленіе письменности обыкновенно связывается съ появленіемъ христіанства (конечно, если у народа, принимающаго христіанство, не существовало раньше развитой письменности, и сравнительно высокой культуры); какъ и другіе славянскіе народы, и русскіе славяне были въ такомъ положеніи: у нихъ до-христіанства не существовало письменности, ни развитой значительной культуры. Поэтому, появившееся христіанство съ его письменностью, преимущественно религіознаго характера, и было у нихъ первымъ проводникомъ письменныхъ памятниковъ новой, иной, нежели зачатки прежней, культуры. Эта новая культура съ христіанствомъ и письменностью налегла на старую, слабую или первобытную, претворяла ее, сама измѣнялась въ зависимости отъ почвы, на которую она ложилась. Какова же была та почва, тѣ условія, при которыхъ новая христіанская культура стала жить на Руси? Этотъ вопросъ ведетъ насъ по необходимости къ ознакомленію съ тѣмъ, что Русь представляла собой въ культурномъ и литературномъ отношеніи до появленія въ ней христіанства.

Начнемъ съ данныхъ этнографіи и лингвистики.

Русское племя. Данныя эти говорятъ слѣдующее: русское племя, которое въ IX и X вв., несомнѣнно, было племенемъ уже обособленнымъ, т.-е. такимъ, культурная физіономія котораго въ значительной степени уже опредѣлилась въ отличіе отъ другихъ родственныхъ и неродственныхъ, это племя уже испытало на себѣ цѣлый рядъ различныхъ постороннихъ вліяній. Поэтому въ его жизни мы встрѣчаемъ не только свои оригинальныя воззрѣнія, но и многочисленныя отраженія, вліянія чужихъ элементовъ. Эти чужіе элементы мы въ значительной степени имѣемъ возможность опредѣлить на основаніи тѣхъ международныхъ отношеній, которыя имѣли мѣсто въ то время.

Эти этнографическія данныя сводятся къ слѣдующему: въ IX—X вв. русское племя является прочно уже осѣвшимъ въ области, южная граница которой находится между устьями Дуная и Днѣпра; область разеленія этого племени простирается вверхъ по Днѣпру, постепенно расиряясь по его притокамъ, направляется къ сѣверу, гдѣ отклоняется одной стороны немного на западъ, съ другой—на востокъ, и перекая верховья Оки и Волги, снова суживается, переходя въ бассейнъ и Волхова, и, наконецъ, упирается въ Ладожское озеро и Финскій ивъ, можетъ быть, немного не доходя до моря. Вотъ приблизительно, грубыхъ очертаніяхъ, та полоса, которую занимало русское племя это время (см. карту I).

Затѣмъ мы знаемъ, что въ этотъ періодъ въ русскомъ племени живо сознаніе его прежнихъ родственныхъ отношеній, именно: оно

помнитъ свою тѣсную связь съ тѣми племенами, съ которыми оно находилось въ этнографическомъ родствѣ, т.-е. съ племенами другихъ славянъ. Общеславянская семья въ разсматриваемое время уже совершенно распалась на отдѣльные обособленные народы, но принадлежность къ одной общей семьѣ съ общей культурой живо еще чувствовалась членами этой семьи. Эту связь со славянствомъ сознаетъ и русское племя, отраженіе чего мы видимъ ясно еще въ нашей древней лѣтописи—памятникѣ, сложившемся въ своей основѣ въ XI вѣкѣ. Говоря о русскомъ племени, составитель лѣтописнаго свода старается показать историческій генезисъ своего племени. Эти свѣдѣнія принадлежатъ, вѣроятно, составителю обще-русскаго «начальнаго» лѣтописнаго свода, а быть можетъ, автору т. н. «Повѣсти временныхъ лѣтъ» (которую совершенно неправильно отождествляютъ въ общежитіи съ первоначальной русской лѣтописью). Авторъ желаетъ опредѣлить: что такое русское племя, откуда оно взялось, и каково его мѣсто въ ряду другихъ племенъ и народовъ? Онъ, руководясь схемой греческихъ хроникъ, начинаетъ издалека, именно, отъ временъ всемірнаго потопа, отъ сыновей Ноя: какъ и всѣ средневѣковые книжники, онъ полагаетъ, что всѣ народы на землѣ произошли изъ потомства трехъ сыновей Ноя. Что же касается русскаго племени, то онъ рѣшаетъ вопросъ такъ, что русскіе произошли отъ Іафета, какъ и другіе народы, заселившіе Европу. Но лѣтописецъ не сразу говоритъ о русскихъ: онъ сначала говоритъ о «словѣнахъ», какъ потомкахъ племени Іафета, которые разселились около Карпатъ, потомъ двинулись на югъ и на сѣверо-востокъ, до Вислы и Одера, съ одной стороны, и до Оки и Дона—съ другой. Въ числѣ этихъ «словѣнъ» числится и русское племя. Лингвистическія изученія славянства, произведенныя за послѣднее время, подтвердили всѣ данныя лѣтописца относительно взаимоотношенія племенъ. Всѣ славяне происходятъ изъ общеславянскаго ядра, которое говорило праславянскимъ языкомъ, изъ котораго образовались существующіе теперь славянскіе языки. Эта совмѣстная жизнь славянскихъ народовъ относится, конечно, ко времени очень давнему, точно неопредѣленному; по всей вѣроятности, приблизительно къ началу христіанской эры славяне еще не разложились окончательно на отдѣльныя племена. Находились они въ т[illegible] время, по мнѣнію однихъ—въ Прикарпатьѣ (что, повидимому, и правил[illegible]нѣе), по мнѣнію другихъ—въ Пинскихъ болотахъ, откуда потомъ разсе[illegible]лись въ разныя стороны, пока не заняли, наконецъ, того положенія, [illegible]торое описывается въ русской лѣтописи XI вѣка. Русскій писатель так[illegible] образомъ совершенно правильно представляетъ родственныя отношен[illegible] племенъ: онъ знакомъ съ ними по преданію еще довольно свѣже[illegible] Русское племя IX—X вв. и въ отношеніи языка находилось въ [illegible]

нѣйшей, сознаваемой или чувствуемой, связи съ остальными славянскими племенами. Этимъ объясняются тѣ точки соприкосновенія въ области культуры, которыя мы можемъ намѣтить въ эпохѣ еще доисторической по отношенію, во-первыхъ, къ славянамъ южнымъ и, во-вторыхъ, къ славянамъ западнымъ. Такимъ образомъ, ясно, что изученіе древняго періода русской жизни должно быть связано съ изученіемъ русско-славянскихъ отношеній; отсюда вытекаетъ: русскій человѣкъ при началѣ своей исторической жизни, хотя и занимаетъ уже опредѣленное, обособленное мѣсто, однако, живетъ еще тѣми же идеями, которыя общи родственнымъ ему славянскимъ народамъ; поэтому, стало быть, для изученія древне-русскаго быта и міропониманія мы должны использовать эти родственныя отношенія. Говоря иначе: мы должны воспользоваться для изученія жизни русскаго племени тѣмъ, что не сохранилось въ письменности и устномъ преданіи русскаго народа, но сохранилось часто у другихъ народовъ, наиболѣе родственныхъ русскимъ, т.-е., у южныхъ и западныхъ славянъ; такъ поступать мы въ правѣ потому, что взаимныя отношенія русскихъ и славянъ въ періодъ IX—X вв. были еще довольно тѣсными. Поэтому, когда мы переходимъ къ характеристикѣ реальныхъ чертъ древне-русскаго быта, то тѣ свѣдѣнія, которыя даютъ ближайшіе наши родственники, окажутъ намъ очень важныя и существенныя услуги. Итакъ, первымъ источникомъ для ознакомленія съ бытомъ русскихъ въ періодъ доисторическій, до-писменный являются тѣ свѣдѣнія, которые мы имѣемъ о родственныхъ намъ славянахъ, рядомъ съ туземными данными. Вторымъ источникомъ является ознакомленіе съ отношеніями, которыя имѣло русское племя къ сосѣднимъ не родственнымъ, не-славянскимъ племенамъ. Мы знаемъ, что въ тотъ моментъ, о которомъ мы ведемъ рѣчь, такіе сосѣди были.

Сосѣди русскаго племени. Если мы представимъ себѣ ту довольно узкую полосу, занимаемую русскимъ племенемъ, которая очерчена была выше, то увидимъ, что ближайшими сосѣдями русскихъ являются племена не-славянскаго происхожденія: это, прежде всего, племена финскія (или угрофинскія), которыя соприкасаются съ русскимъ племе-емъ по сѣверо-восточной и частью восточной его границѣ. Это—извѣст-я, часто упоминаемыя въ нашихъ лѣтописяхъ: чудь, мордва, меря, ъ и др. Всѣ эти племена, вѣроятно, въ то время были продвинуты здо далѣе на западъ, чѣмъ теперь остатки нѣкоторыхъ этихъ пле-ъ, оттѣсненныхъ позднѣе движеніемъ русской колонизаціи на сѣверо-токъ. На основаніи многихъ данныхъ мы въ правѣ заключать, что нско-угрскія племена отличались отъ русскихъ племенъ своей куль-ой, не только языкомъ. Точно опредѣлить финскіе вліяніе мы въ ящее время еще не можемъ, но, во всякомъ случаѣ, оно не под-

лежитъ сомнѣнію. Археологическія данныя показываютъ намъ, что жившія тогда по сосѣдству съ русскими финскія племена обладали извѣстной, довольно значительной культурой и входили въ взаимоотношеніе съ племенами русскими. Эти финскія племена, какъ предполагаютъ обыкновенно, переселились откуда-то изъ Средней Азіи или изъ Сибири въ незапамятныя времена въ равнину теперешней Россіи и принесли съ собою своеобразную, притомъ уже довольно развитую культуру; стало быть, взаимоотношеніе, какъ культурное, такъ и литературное, между ними и русскими было вполнѣ возможно. И дѣйствительно, какъ показали новѣйшія изслѣдованія, русская устная литература несетъ на себѣ слѣды вліянія устной литературы финской, и слѣды эти очень стары. Но, такъ какъ несомнѣнно, что культура финскихъ племенъ была, во всякомъ случаѣ, не выше культуры русскихъ племенъ, то вліяніе было возможно не только со стороны финновъ на русскихъ, но и обратное. Это предположеніе подтверждается, опять же, присутствіемъ многихъ элементовъ русской поэзіи въ эпосѣ финскомъ.

Затѣмъ на югъ отъ мѣстности, занимаемой русскими племенами, приблизительно съ того мѣста, гдѣ теперь находятся города Орелъ и Курскъ, и далѣе на югъ вплоть до самыхъ Азовскаго и Чернаго морей, жило также чуждое русскимъ населеніе, но уже не финскаго происхожденія: эти племена — безусловно индоевропейскія, скорѣе всего иранцы—скиѳы, м. б., предки теперешнихъ осетинъ. Исторія русская ихъ уже не застаетъ въ указанныхъ мѣстахъ, но несомнѣнно, что ихъ обломки продолжали еще существовать въ періодъ, непосредственно предшествующій началу русской письменности. Только вліяніемъ этихъ племенъ можетъ быть объяснено присутствіе въ нашемъ эпосѣ кое-какихъ отголосковъ иранской культуры, а въ языкѣ древней Руси— кое-какихъ словарныхъ элементовъ иранскаго происхожденія.

Затѣмъ, въ довольно ранній же періодъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ передъ этимъ были какіе-то скиѳы, появляется рядъ племенъ тюркско-татарскаго племени, съ которыми русскимъ приходилось вести долгі вѣка нескончаемую борьбу за степь. Въ X, XI вв. эта борьба уж ведется энергично, а при борьбѣ, конечно, неизбѣжно взаимовліян Затѣмъ, можетъ быть, изъ-за Кавказа, изъ Средней Азіи въ юж русскія степи проникали и болѣе отдаленныя народности азіат съ которыми русскіе тоже входили во взаимоотношенія, слѣдст чего было проникновеніе къ намъ многихъ восточныхъ мотивов устную литературу. Приходится при этомъ сказать, что точно опр лить размѣры вліяній этихъ довольно трудно, но въ общемъ оста несомнѣннымъ вліяніе и татарско-тюркскихъ и восточно-азіатскихъ ментовъ.

Затѣмъ, съ другой стороны, т.-е. съ сѣверо-запада, нашими сосѣдями, хотя и не непосредственно соприкасающимися, а живущими черезъ Балтійское море, являются сѣверо-германскія племена—скандинавы. Вліяніе этихъ племенъ, культура которыхъ стояла довольно высоко уже въ VIII—IX вѣкѣ, несомнѣнно, было довольно сильное, такъ какъ и сношенія ихъ съ русскими племенами были очень частыми и оживленными. Хотя культура скандинавскихъ народовъ и превосходила древнерусскую культуру, но все же мы имѣемъ полное право говорить не только о вліяніи, но и о взаимовліяніи, какъ то показываетъ изслѣдованіе скандинавскаго эпоса (сагъ), въ которомъ имѣются на лицо мотивы, принадлежавшіе русскому эпосу. Вліяніе скандинавовъ на русскую жизнь было такъ сильно, что въ наукѣ возникла цѣлая «нормандская» теорія основанія русскаго государства, признававшая это вліяніе не только въ политическомъ бытѣ, но и въ другихъ отношеніяхъ. Эта теорія съ извѣстными ограниченіями имѣетъ полное право на существованіе, такъ какъ мы не можемъ отрицать дѣйствительнаго вліянія сѣверно-германцевъ на русскую культурную и умственную жизнь и въ историческое время. Несомнѣнно также, что это вліяніе было довольно давнимъ, такъ какъ отзвуки этой культурной связи съ норманнами мы видимъ еще въ древнемъ періодѣ нашей христіанской культуры, т.-е., въ періодъ Кіевскій. Самое зарожденіе русскаго государства совершается не безъ вліянія и не безъ участія нормандскихъ скандинавскихъ элементовъ. Правители дома Рюрика въ теченіе долгаго времени не только состоятъ въ связи со скандинавами, но и сохраняютъ память о своемъ кровномъ единеніи съ ними, и еще въ XI—XII вв. поддерживаютъ съ ними оживленныя сношенія, какъ съ родственниками.

Далѣе на западѣ съ русскимъ народомъ является пограничнымъ литовское племя, которое живетъ по Западной Двинѣ, приблизительно въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находятся наши Плоцкая, Псковская, Гродненская, Ковенская губерніи, вплоть до Балтійскаго моря, до котораго когда-то доходила литва, еще не оттѣсненная финнами и нѣмцами. Литовское вліяніе на русское племя тоже можетъ быть учтено, при емъ могутъ быть намѣчены и точки соприкосновенія. Возможно говоить и о взаимовліяніи, хотя культура литовскаго племени въ историкое время была, повидимому, ниже культуры русскихъ племенъ.

Затѣмъ, съ запада же граничатъ съ нами владѣнія уже родствено западно-славянскаго племени—именно, поляковъ. Объ отношеніяхъ сскихъ и поляковъ нужно говорить особо. Видимо, въ началѣ нашей торической жизни это взаимоотношеніе русскихъ и поляковъ, какъ ухъ родственныхъ по происхожденію народовъ, чувствуется довольно во; но скоро новый факторъ, именно—особенныя условія, въ кото-

рыя довольно рано былъ поставленъ польскій народъ, не позволили, чтобы отношенія его съ русскими развивались или оставались близкими. Въ силу историческихъ и географическихъ условій поляки очень рано стали сознавать себя равноправнымъ членомъ въ семьѣ западно-европейскихъ народовъ. Однимъ изъ упомянутыхъ условій была принадлежность ихъ къ римской церкви, а съ ней и къ романо-германской культурѣ. Все это дѣлало польское вліяніе на древнюю Русь значительно болѣе слабымъ, чѣмъ оно могло бы быть при другихъ условіяхъ.

Наконецъ, дальше идутъ словаки и другіе отпрыски чешскаго племени, которые тоже по культурѣ принадлежатъ къ Западу и поэтому тоже не могли оказывать особенно интенсивнаго вліянія на русскихъ въ историческое время.

Иначе дѣло обстоитъ съ нашими южными сосѣдями, каковыми являются славяне, живущіе на Балканскомъ полуостровѣ, т.-е., болгары и сербо-хорваты. Несмотря на то, что между балканскими славянами и русскими лежала область, населенная не-славянскимъ народомъ (это древнее Седмиградье, т.-е. область отъ того мѣста, гдѣ Дунай поворачиваетъ къ югу, гдѣ лежитъ городъ Браиловъ; здѣсь расположилось племя романизированныхъ варваровъ—теперешнихъ румынъ), между ними поддерживаются дѣятельныя сношенія. Румынская національность вступила на историческую арену гораздо позднѣе славянства. Христіанская румынская литература развивалась не только подъ вліяніемъ славянства, но и на славянскомъ, именно, на болгарскомъ языкѣ. Въ болѣе древнее время эта связь была еще болѣе сильна. Поэтому румыны не могли особенно мѣшать намъ при сношеніяхъ съ славянами Балканскаго полуострова. Но, кромѣ того, у насъ была возможность и непосредственнаго сношенія со славянствомъ, это именно въ томъ мѣстѣ, которое теперь называется Добруджей, т.-е., въ той узкой полосѣ, которая лежитъ по западному берегу Чернаго моря и между нимъ и Дунаемъ въ нижнемъ его теченіи: здѣсь южно-русскія племена непосредственно сталкивались съ болгарами. И по этому-то именно пути и происходили, главнымъ образомъ, постоянныя оживленныя сношенія русскихъ и балканскихъ славянъ (напр., при Святославѣ это—уже традиціонный путь).

Вотъ всѣ тѣ сосѣди, съ которыми приходилось жить русск
племени въ началѣ изучаемаго періода. Многіе изъ этихъ сосѣдей,
нѣе подвергшіеся культурному вліянію Византіи или Запада, при вза
ныхъ сношеніяхъ съ русскимъ племенемъ, естественно, оказывали,
своей стороны, одни—въ большей, другіе—въ меньшей степени,
вѣстное вліяніе, какъ на культурно-историческую, такъ и умствен
поэтическую жизнь русскаго народа, который, въ свою очередь, им
вліяніе, хотя, можетъ быть, и болѣе слабое, и на своихъ сосѣде

Иноземныя вліянія. Но, кромѣ того, возможно говорить и о вліяніи на русскую жизнь народовъ, которые не были сосѣдями русскихъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, но вліяніе которыхъ было настолько несомнѣнно, что оно обязательно должно быть учтено, если мы хотимъ добиться правильнаго пониманія основъ древне-русской жизни. Это прежде всего—Византія, затѣмъ—вліяніе дальняго азіатскаго Востока, лучше сказать, юго-востока (отъ насъ).

Византія въ X в. только что пережила блестящій періодъ своей жизни. Христіанская культура и литература Византія явилась продолжательницей богатѣшаго наслѣдія, оставленнаго античной греко-римской культурой и литературой, и раннимъ христіанствомъ, къ которымъ прибавилась на зарѣ нашей исторіи еще старинная культура азіатскаго Востока.

Въ IX и X вв. Византія въ культурномъ отношеніи стоитъ высоко, даже, пожалуй, культурно преобладаетъ надъ западной Европой. Принимая во вниманіе это, мы поймемъ, что связь съ такой страною не могла пройти для Руси безслѣдно. Дѣйствительно, мы и видимъ на дѣлѣ сильное вліяніе Византіи и византійской культуры въ исторіи Руси съ самаго ея начала.

Самый торговый водный путь, который пролегалъ какъ разъ черезъ всю русскую область, назывался путемъ «изъ варягъ въ греки». Этимъ путемъ Византія вывозила свои произведенія на сѣверъ Европы. Массы византійскихъ купцовъ проѣзжали по русскимъ землямъ, несомнѣнно, оказывая попутно свое вліяніе. Начало этого вліянія восходитъ, надо полагать, ко временамъ болѣе давнимъ, нежели IX и X вѣка. Самая дорога «изъ варягъ въ греки» существовала приблизительно уже въ VII и, вѣроятно, даже въ VI вѣкѣ, если не раньше. Это устанавливается археологическими находками и открытіями, которыхъ, особенно въ недавнее время, было сдѣлано много, и которыя указываютъ на слѣды византійской культуры, какъ по всему протяженію «великаго пути», такъ и на берегахъ далекой Скандинавіи. Затѣмъ, кромѣ непосредственнаго вліянія, на насъ Византія оказывала свое вліяніе, при томъ болѣе сильное, нежели непосредственное, и черезъ посредство одпавшихъ ранѣе насъ подъ ея вліяніе ея близкихъ сосѣдей балканихъ славянъ. Исторія Балканскаго полуострова представляетъ намъ средніе вѣка постоянную борьбу византійцевъ-грековъ и славянъ, по ѣстѣ съ тѣмъ и постоянное воздѣйствіе культурной Византіи на полуарварскіе народы Балканскаго полуострова. Такъ какъ болгары и рбы жили въ Византіи ближе, чѣмъ русскіе, то понятно, что до хъ византійское вліяніе доходило скорѣе и сильнѣе, чѣмъ до насъ. лгары приняли христіанство уже въ VIII вѣкѣ, а въ IX-мъ оно тамъ

окончательно утвердилось и распространилось на большинство другихъ славянъ, какъ тѣхъ, которые пребывали еще въ дикомъ состоянiи, такъ и тѣхъ, которые, хотя еще въ III—IV вв. подвергались влiянiю Рима, но все же на западѣ Балканскаго полуострова, въ приморскихъ областяхъ Адрiатики въ VII вѣкѣ не замедлили подпасть подъ религiозное и культурное влiянiе Византiи. Славяне же ближайшiе—востока Балканскаго полуострова—несомнѣнно, въ силу самыхъ географическихъ условiй своего существованiя, должны были всецѣло поддаться ея культурному влiянiю. Какъ мы уже говорили, Византiя въ то время занимала по своему культурному положенiю выдающееся мѣсто въ Европѣ. Особенно важность ея положенiя заключалась въ томъ, что Византiя находилась какъ бы въ центрѣ всей средневѣковой культуры, именно между Европой, Азiей и Африкой, почему она и являлась главной дорогой между Европой и Азiей, проводникомъ и восточныхъ литературы и культуры. Все это создавало исключительное положенiе Византiи и придавало ея влiянiю на Русь огромную роль. Принимая это во вниманiе, мы поймемъ, почему Византiя, являясь посредницей между Азiей и Европой, явилась проводникомъ и къ намъ восточныхъ мотивовъ, которые потомъ такъ и застряли въ нашей литературѣ.

Но, помимо влiянiя черезъ Византiю, мы имѣемъ право говорить и о непосредственномъ влiянiи Востока на русскую жизнь. Это влiянiе Востока доходило въ тотъ перiодъ до мѣстъ, заселяемыхъ Русью, какъ то неоспоримо доказываютъ намъ археологическiя находки. Несомнѣнно, жители долины Тигра и Евфрата имѣли доступъ въ страны, близкiя къ Руси, если не на самую Русь. Черезъ Каспiйское море переплывали они и поднимались вверхъ по Волгѣ, ведя оживленную торговлю различными продуктами. Большою станцiею на этомъ пути была извѣстная по лѣтописямъ волжская или камская Болгарiя. Эта «Болгарiя», вѣроятно, находилась приблизительно тамъ, гдѣ теперь находятся Нижнiй-Новгородъ—Казань, и прекратила свое существованiе только въ XII—XIII вѣкахъ. Памятниками этихъ «восточныхъ» отношенiй остаются свидѣтельства различныхъ арабскихъ писателей (въ томъ числѣ упомянутый Фодланъ), которые показываютъ, что съ арабами IX и X вв. были постоянныя и частыя сношенiя и у русскихъ. Размѣры этого восточнаго влiянiя точно опредѣлить довольно трудно. Но ясно, что влiянiе шло къ намъ, какъ черезъ посредство другихъ народовъ, такъ и прямо, преимущественно влiянiе арабское, наиболѣе культурное въ самой Азiи. Прямыхъ слѣдовъ литературнаго влiянiя Востока мы, однако, не знаемъ.

Наконецъ, мы можемъ говорить о непосредственно-западномъ влiянiи, такъ какъ несомнѣнно, что по торговымъ промышленнымъ сооб

женіямъ въ предѣлы древней Руси заѣзжали представители западныхъ націй, главнымъ образомъ тѣ же скандинавы, что, конечно, тоже не могло остаться безъ вліянія на русскую жизнь. Шло, повидимому, вліяніе съ запада и черезъ западныя окраины Руси (Смоленскъ, Полоцкъ), хотя опять-таки прямыхъ указаній на это въ области литературы мы указать не можемъ.

Вотъ, стало быть, тѣ элементы, которые мы должны предполагать, на основаніи историческаго изученія условій и жизни русскаго племени въ древнѣйшій періодъ его жизни, и которые должны были имѣть мѣсто и въ русской литературѣ, какъ устной, такъ и позднѣйшей—письменной. Ими опредѣляется въ значительной мѣрѣ тотъ кругъ явленій, въ которомъ мы должны поискать указаній, для рѣшенія вопроса, чѣмъ была культура русскаго племени до того времени, о которомъ мы не можемъ судить точно по дошедшимъ до насъ памятникамъ. Когда мы примемъ все это во вниманіе, то намъ станетъ ясно, почему въ позднѣйшихъ письменныхъ памятникахъ мы встрѣтимъ массу переплетающихся теченій и направленій, и почему самъ культурный русскій типъ является типомъ сложнымъ.

Мы разсмотрѣли тотъ кругъ сосѣдства, который окружалъ русское племя въ древнѣйшій историческій періодъ его существованія, для того, чтобы выяснить себѣ взаимныя отношенія русскихъ съ сосѣдями и на основаніи полученныхъ свѣдѣній вывести заключеніе о томъ, каково могло быть культурное и умственное состояніе русскаго народа. Если мы присмотримся къ народностямъ, находившимся въ сосѣдствѣ съ русскими, то замѣтимъ, что всѣхъ ихъ можно раздѣлить на двѣ группы. Первую изъ нихъ составятъ народности, живущія на сѣверо-востокъ и на востокъ отъ русскихъ племенъ. Эти народности стоятъ на довольно низкой ступени культурнаго развитія и являются и позднѣе чуждыми намъ по культурѣ. Наоборотъ, вторую группу составляютъ народности, живущія на западъ отъ насъ (также на сѣверо-западъ) и юго-западъ. Эти народности (главнымъ образомъ поляки, за ними другіе европейцы и южные славяне) стоятъ на довольно высокой степени культуры, во всякомъ случаѣ, превышающей культуру русскаго племени, и культурное общеніе съ ними можетъ быть установлено. Это наблюденіе имѣетъ для насъ извѣстный смыслъ, такъ какъ культурныя отношенія между отдѣльными народами обыкновенно характеризуются въ области вліянія ихъ другъ на друга, при чемъ дѣйствуетъ законъ, силу котораго болѣе культурное племя вліяетъ на менѣе культурное; при этомъ намъ становится ясно, что русское племя должно было претерпѣть рядъ такихъ вліяній, преимущественно отъ нашихъ западныхъ и южныхъ сосѣдей. Поэтому, естественно, что въ русской литературѣ, въ русскомъ бытѣ мы можемъ наблюдать чаще вліяніе народностей запад-

ныхъ и южныхъ, тогда какъ слѣды вліянія народовъ финскаго племени будутъ несравненно менѣе замѣтны. Исключеніе составляетъ Польша, которая въ силу особыхъ условій, о которыхъ рѣчь была выше, не оказала на древнѣйшую Русь большого вліянія. Поэтому наиболѣе важнымъ для насъ въ отношеніи вліяній являются южные славяне и Византія. Затѣмъ еще несомнѣннымъ является вліяніе азіатскаго Востока, главнымъ образомъ, арабскаго халифата, но едва-ли сильное, скорѣе, б. м., практически бытовое, скоро стертое иными вліяніями того же Востока. Такимъ образомъ опредѣляется и самый характеръ тѣхъ вліяній, при помощи которыхъ мы можемъ опредѣлять нашъ древнѣйшій бытъ.

Это, стало быть, будетъ, во-первыхъ, вліяніе родственныхъ славянскихъ элементовъ и, во-вторыхъ, другія, неславянскія вліянія, которыя тоже отразились въ древне-русскомъ бытѣ. Это наблюденіе можетъ быть опредѣлено и въ болѣе точномъ смыслѣ. Народы, болѣе культурные, ранѣе вступившіе на историческую сцену, несомнѣнно, раньше начинаютъ и влiять на своихъ сосѣдей, и тѣмъ раньше мы узнаемъ объ этомъ. Такъ, когда, напримѣръ, въ Греціи еще была довольно низкая культура, а въ Азіи и Африкѣ были уже государства, далеко превосходящія Грецію по культурѣ, то эти именно государства оказали сильное вліяніе на Грецію. То же можно сказать и по отношенію Греціи къ Риму въ послѣдующіе вѣка. Римская же культура, въ свою очередь, оказываетъ вліяніе на малокультурные народы Европы, живущіе къ сѣверу отъ Италіи. То-же самое можно наблюдать и по отношенію Византіи къ славянству и затѣмъ славянства (т.-е. славянства Балканскаго полуострова) къ русскимъ племенамъ. Процессъ вездѣ происходитъ одинъ и тотъ же. Это не случайное явленіе, а историческое, закономѣрное.

Съ другой стороны, нужно принять во вниманіе еще слѣдующее. Когда происходитъ взаимообщеніе и взаимовліяніе двухъ народовъ, причемъ одинъ является болѣе культурнымъ, другой менѣе культурнымъ, то отношеніе народа болѣе культурнаго къ народу менѣе культурному является болѣе сознательнымъ. Болѣе культурный народъ, относясь къ своимъ сношеніямъ къ другому народу сознательно, старается учитывать эти отношенія, отдать себѣ въ нихъ отчетъ, тогда какъ народъ менѣе культурный относится къ этимъ сношеніямъ безсознательно, [во] всякомъ случаѣ малосознательно. Такъ, дѣйствительно, оказывается и [на] самомъ дѣлѣ. Русское племя, какъ менѣе культурное, чѣмъ Византія, напр., относится безсознательно къ своимъ сношеніямъ съ Византіей, тогда какъ Византія, старается учесть свои отношенія къ русскому племени, старается отдать себѣ точный отчетъ въ томъ, что представляютъ и[зъ] себя ея сосѣди: это нужно для цѣлей практическихъ либо идеальныхъ

Бытовыя условія. Эти наблюденія получаютъ для насъ довольно важное значеніе. Когда Византія живетъ полной исторической жизнью, когда тамъ процвѣтаетъ умственная культура, процвѣтаетъ литература, русскіе и славяне не имѣютъ ни письменности, ни государственнаго устройства. Будучи сосѣдями этихъ славянъ, ведя съ ними постоянную борьбу (славяне постоянно прорываются, ища новыхъ мѣстъ поселенія, въ предѣлы Византіи), византійцы по необходимости изучаютъ своихъ враговъ-сосѣдей, оцѣнивая ихъ бытъ, нравы со своей болѣе культурной точки зрѣнія; потому въ византійской литературѣ мы находимъ извѣстія о славянахъ и о русскихъ въ частности. Свѣдѣнія эти для насъ особенно цѣнны, потому что восходятъ къ тому времени, когда самое существованіе славянъ и русскихъ еще не было отмѣчено ими самими въ домашнихъ памятникахъ, которыхъ еще нѣтъ, когда славяне и русскіе не выступали еще на историческое поприще. Такимъ образомъ, древнѣйшія свѣдѣнія о славянахъ и русскихъ мы почерпаемъ прежде всего изъ чужеземныхъ источниковъ, именно, источниковъ *византійскихъ*; къ нимъ нѣсколько позднѣе присоединяются еще источники *арабскіе*: достигшіе высокой степени культуры арабы въ IX—X вѣкахъ также приходятъ въ соприкосновеніе съ славянами, а именно—съ русскими.

Византійскіе писатели VI-го вѣка, *Прокопій* и немного младшій его, императоръ *Маврикій*, оставили нѣсколько характерныхъ замѣтокъ о бытѣ славянъ въ то время. Прежде всего нужно замѣтить то, что они еще не различаютъ отдѣльныхъ славянскихъ племенъ. Новѣйшая наука по лингвистическимъ даннымъ признаетъ вполнѣ возможнымъ что въ это время, т.-е. приблизительно въ VI-мъ вѣкѣ, разница между уже отдѣлившимися славянскими племенами еще не была рѣзко выражена въ бытѣ и языкѣ, и потому дѣленіе славянъ на большія группы могло остаться незамѣченнымъ постороннимъ чужеземнымъ наблюдателямъ, да едва ли и было имъ интересно. Какъ разъ въ VI-мъ вѣкѣ славяне появились впервые за Дунаемъ на Балканскомъ полуостровѣ, который входилъ тогда въ сферу вліянія, отчасти и владѣній Византіи, поэтому, естественно, Византія должна была вступить прежде всего во враждебныя отношенія къ этимъ варварамъ, вторгнувшимся въ ея владѣнія. Но чисто-военной силой справиться и прогнать славянъ назадъ оказалось не такъ легко: волны приливали за волнами, славяне оказались сильными; тогда Византія поняла, что для того, чтобы успѣшно бороться, нужно прежде всего изучить своего врага, выработать тактику примѣнительно къ характеру врага, и она начинаетъ присматриваться къ этимъ варварамъ. Вотъ т. о. источникъ первыхъ извѣстій о славянахъ, которыя представляются и для насъ чрезвычайно любопытными, какъ самыя древнія извѣстія. Византійскіе писатели, упомяну-

тые Прокопій и Маврикій, даютъ намъ любопытную картину, по которой, несмотря на ея односторонность (византійцы изучаютъ славянъ лишь въ интересахъ борьбы съ ними), мы можемъ кое-что заключить о бытѣ славянъ въ тѣ отдаленныя времена [1]).

Эти византійскіе писатели сообщаютъ намъ прежде всего, что у славянъ они нашли ataxia и anarchia, т.-е. отсутствіе государственнаго порядка и отсутствіе власти. Такое наблюденіе естественно: византійцы, прошедшіе политическую школу древне-греческаго міра, затѣмъ школу военнаго Римскаго государства, присматриваясь къ жизни славянъ, и сравнивая ихъ жизнь съ жизнью своей и извѣстныхъ имъ культурныхъ народовъ, не замѣтили ни taxis, ни arche, т.-е., ни государственнаго порядка, ни наличности власти въ томъ видѣ, какъ они ихъ себѣ представляли, а лишь механическое собраніе въ одно отдѣльныхъ группъ людей. Но изъ этого отрывочнаго свидѣтельства нельзя еще многое выводить. Мы можемъ сказать только то, что у славянъ въ VI-мъ вѣкѣ не было еще того государственнаго строя, который былъ въ любомъ средневѣковомъ европейскомъ или восточномъ деспотическомъ государствѣ; но о сущности общественной жизни славянъ мы по этимъ словамъ еще не можемъ составить себѣ представленія. Но далѣе императоръ Маврикій объясняетъ, въ чемъ состояли эти ataxia и anarchia: онъ говоритъ, что славяне жили отдѣльными кучками, во главѣ каждой кучки стоялъ старѣйшій въ родѣ, славяне жили такими кучками вразбродъ и только во время внѣшней опасности или общаго крупнаго предпріятія соединялись вмѣстѣ въ болѣе крупныя группы. Византійцы прекрасно понимали, что для нихъ очень выгодно поддерживать среди славянъ эти ataxia и anarchia, т.-е., другими словами, понимали выгоду примѣнять старый римскій принципъ: «divide et impera», такъ какъ, если бы славяне соединялись въ прочную государственную организацію, то могли бы представить настолько крупную силу, что бороться съ ней Византіи было бы очень затруднительно.

Что же говорятъ намъ всѣ эти свѣдѣнія, будучи переведены на языкъ современныхъ научныхъ понятій? Они, конечно, прежде всего не представляютъ ничего удивительнаго, исключительнаго въ исторіи человѣчества. Изъ данныхъ сравнительной этнологіи мы знаемъ, что такую ступень общественной жизни проходитъ каждый народъ, прежде чѣмъ дойти до устройства государственной жизни. Изучая жизнь первобытныхъ народовъ, наука пришла къ убѣжденію, что древнѣйшій бытъ — это бытъ семейный, когда народъ живетъ отдѣльными небольшими

[1]) Подробное изложеніе этихъ свѣдѣній въ „Книгѣ для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ“ (П. Г. Виноградова), I. гл. 3—5.

группами, основанными па самомъ простомъ, природой данномъ принципѣ—ближайшаго родства—семьи. Слѣдующая стадія—бытъ родовой: родъ—это семья, разросшаяся до довольно большихъ размѣровъ, но члены которой не забыли еще своего кровнаго родства, въ которомъ состоятъ другъ съ другомъ. Слѣдующая ступень—племенной бытъ: семья разростаясь превращается въ родъ; родъ разростаясь превращается въ племя. Племя—это уже совокупность родовъ, сильно разросшихся, такъ что непосредственное кровное родство уже въ значительной степени утратилось, но происхожденіе отъ общаго всѣмъ родича еще чувствуется, не забыто. Организація племени въ основѣ родовая же, но уже гораздо болѣе сложная. Несомнѣнно, что Маврикіемъ отмѣчена у славянъ именно родовая стадія быта. Не даромъ же онъ говоритъ, что славяне жили группами, кучками, въ которыхъ главнымъ считался старшій по лѣтамъ. Изъ этого ясно, что основы родового быта еще признаются у славянъ VI вѣка, хотя уже претерпѣли извѣстныя измѣненія. Представителемъ власти въ родѣ въ военное время является уже лицо, не по наслѣдству получающее ее отъ древняго родича, а лицо выборное на основаніи своего старшинства. Затѣмъ упоминаніе о томъ, что роды соединяются во время опасности, говоритъ намъ уже, что славяне находятся на стадіи, когда отдѣльные роды начинаютъ, хотя и на время, соединяться въ государства съ военною властью. Во время опасности, во время войны необходимъ полководецъ, общій руководитель, который является главою этого военнаго союза, зарождающагося государства. Стало быть, Маврикій такъ и описывалъ бытъ славянъ: въ мирное время—какъ организацію, гдѣ преобладаетъ бытъ родовой, а въ военное—какъ зарождающееся военно-деспотическое государство; стало быть, онъ констатируетъ уже начало того процесса, который происходилъ у цѣлаго ряда извѣстныхъ намъ варварскихъ средневѣковыхъ народовъ. Это для насъ очень важно, такъ какъ изъ этого мы можемъ заключить, что славяне стояли въ это время на той же ступени развитія, какъ и многіе другіе народы Европы. Вотъ то первое извѣстіе о славянахъ, въ томъ числѣ, стало быть, и русскихъ, оторое мы могли получить на основаніи показаній греческихъ историвъ. Свидѣтельство это относится, какъ мы говорили, къ VI вѣку, етъ быть, къ началу VII-го вѣка (Маврикій умеръ въ 602 году). мы теперь забѣжимъ нѣсколько впередъ, именно, обратимся ко енамъ перваго нашего общерусскаго лѣтописнаго свода (т.-е. къ му столѣтію), который, какъ свидѣтельство традиціонное, передать сложившіеся разсказы о древнихъ временахъ, то увидимъ, что въ ніе тѣхъ двухъ-трехъ вѣковъ, которые прошли со времени, къ рому относятся приведенныя византійскія свѣдѣнія, память объ

этомъ древнемъ бытѣ еще не забылась: еще ясно помнили эту прежнюю жизнь; и это воспоминаніе лѣтописи подтверждаетъ намъ какъ разъ то, о чемъ говорятъ греческіе историки. Лѣтопись, характеризуя русское племя, описываетъ состояніе русскихъ, но не какъ цѣльнаго народа, а какъ рядъ отдѣльныхъ племенъ; упоминаются отдѣльно: поляне, древляне, тиверцы, ильменскіе словѣне и т. д.; каждое племя имѣетъ свою область, отчасти и свои нравы. Судя по той территоріи, которую занимали эти русскія племена и по условіямъ быта, благодаря которымъ населеніе должно было быть очень рѣдкимъ, эти славянскія «русскія» племена были не многочисленны. Эти племена (по нашей лѣтописи) живутъ каждое отдѣльною жизнью, отличаясь другъ отъ друга; такія различія по территоріи и по характеру лѣтописецъ и указываетъ: поляне, напр.,—наиболѣе культурное племя (назывались такъ, потому что жили въ «поляхъ»), древляне (потому что жили въ «деревахъ»—лѣсахъ) жили «звѣринскимъ» обычаемъ; отдѣльно жили тиверцы, отдѣльно радимичи, вятичи и т. д. Такимъ образомъ несомнѣнно, что въ X—XI в. русское племя представлялось еще рядомъ отдѣльныхъ племенъ; стало быть, это показаніе вполнѣ сходится съ показаніями Маврикія. Затѣмъ лѣтопись прямо говоритъ намъ: «живяху кождо родомъ своимъ». Стало быть, дѣйствительно, славяне и русскіе въ то время жили родовымъ бытомъ. Но, несомнѣнно, что родовое начало начинаетъ уже распадаться, такъ какъ извѣстны случаи, когда отдѣльные роды уже объединялись, а это, какъ мы замѣтили, является уже переходомъ къ элементарному государственному опыту.

Такимъ образомъ, можно признать, что въ VII-мъ и слѣдующемъ вѣкахъ среди славянъ, въ частности русскихъ, были еще живы остатки первоначальнаго родового быта, и пока еще этотъ родовый бытъ служилъ главною формою общежитія. Тѣ же самыя указанія даютъ намъ и свидѣтельства о другихъ варварскихъ народахъ, находящихся на той же ступени развитія, на которой находились и славяне въ VII—VIII вв. Съ этой «родовой» организаціей русскіе славяне и переходятъ къ государственному быту въ IX в.; вліяніе этой родовой организаціи видимъ и въ послѣдующее, уже «государственное» время.

Религіозный бытъ. У тѣхъ же византійскихъ писателей мы находи[м] свидѣтельства и о другой сторонѣ быта славянъ, именно объ ихъ [ре]лигіозныхъ воззрѣніяхъ. Эти показанія, само собой разумѣется, [для] насъ чрезвычайно важны, такъ какъ съ религіей обыкновенно связ[ыва]ется начало литературной жизни. Византійскіе писатели указыва[ютъ] намъ, что у славянъ и религіи нѣтъ, что они «безбожники» (asebo[i]). И это показаніе, какъ и предыдущее, для насъ совершенно понят[но]. Само собой разумѣется, что у нихъ не было и не могло быть рел[игіи]

въ томъ смыслѣ, какъ ее понималъ образованный византіецъ того времени: у нихъ не было ни того стройнаго языческаго Олимпа, какой былъ у древнихъ грековъ, ни того развитого культа различныхъ боговъ, какой былъ у римлянъ, не было, конечно, и христіанства. Сравнивая религіозныя вѣрованія славянъ съ извѣстными ему языческими религіями, а также съ христіанствомъ (Прокопій былъ христіанинъ), греческій писатель, естественно, приходилъ къ выводу, что у дикихъ славянъ ничего подобнаго нѣтъ; потому онъ и сообщаетъ о томъ, что у нихъ нѣтъ религіи. Но это, конечно, вовсе не означаетъ, чтобы у нихъ не было никакихъ религіозныхъ вѣрованій. Далѣе онъ, дѣйствительно, на такія вѣрованія самъ указываетъ. Именно, онъ говоритъ, что въ случаѣ опасности они давали обѣтъ богу и приносили жертву за спасеніе свое. Ясное дѣло, что это указываетъ именно на присутствіе религіозныхъ вѣрованій. У нихъ, стало быть, есть вѣрованіе въ высшую религіозную сущность, которая завѣдуетъ судьбами людей, которую можно молить и умилостивлять. Затѣмъ, по его словамъ, славяне вѣрятъ въ загробную жизнь. Эта загробная жизнь, по ихъ воззрѣніямъ, является продолженіемъ земной жизни; поэтому, когда славяне хоронятъ своихъ покойниковъ, то ставятъ въ могилу пищу и питье, кладутъ оружіе и т. д.: опять-таки хорошо извѣстная намъ ступень первобытныхъ вѣрованій, которую мы встрѣчаемъ у цѣлаго ряда малокультурныхъ народовъ. Ихъ знаетъ Прокопій и изъ древне-греческой жизни: въ греческомъ эпосѣ отразилось представленіе о загробной жизни, именно какъ о продолженіи жизни земной: такъ, на томъ свѣтѣ герои «Одиссеи» посѣщаютъ другъ друга. Что же касается славянъ, то это находитъ себѣ подтвержденіе какъ въ данныхъ филологическаго характера, такъ и археологическихъ, благодаря раскопкамъ, которыя обнаруживаютъ въ славянскихъ могилахъ вмѣстѣ съ костями погребенныхъ различныя принадлежности быта, съ которыми умершій отправляется на тотъ свѣтъ. Похороны обставлялись извѣстнымъ ритуаломъ, въ который входилъ обыкновенно и пиръ на могилѣ (тризна); было также обыкновеніе закалывать на могилѣ умершаго его коня и даже его женъ... Такимъ образомъ, свѣдѣнія, даваемыя Прокопіемъ, оказываются въ общихъ [че]ртахъ совершенно вѣрными.

Затѣмъ и еще кое-что можемъ мы почерпнуть изъ его разсказа. [Го]воря, что у славянъ нѣтъ религіи, что для насъ вполнѣ понятно, [если] мы станемъ на точку зрѣнія Прокопія,—онъ указываетъ еще [и] нѣкоторыя ихъ религіозныя вѣрованія, кромѣ вѣры въ загробную [жи]знь. Такъ, славяне, по Прокопію, почитаютъ рѣки и нимфъ [(т.] е. лѣсное божество) и иныя разныя божества. Лѣса и рѣки, по ихъ [воз]зрѣніямъ, населены живыми существами. Это хорошо намъ знакомо

изъ болѣе поздней русской народной поэзіи, и эти вѣрованія живутъ отчасти въ народѣ еще и до сихъ поръ: это—лѣсовики, русалки и т. д. Послѣ всего этого совершенно ясно, что никоимъ образомъ нельзя говорить объ отсутствіи религіи вообще, въ смыслѣ міровоззрѣнія и культа. Но, конечно, то, что было у славянъ, совершенно не подходило подъ понятія о религіи, которыя были у образованнаго грека, потому для насъ нѣтъ ничего удивительнаго въ отзывѣ *Прокопія*. Но что же это была за религія? Рѣшить этотъ вопросъ намъ поможетъ то наблюденіе, что у различныхъ народовъ религіозныя вѣрованія всюду проходятъ приблизительно одинаковыя стадіи въ своемъ развитіи, иначе: сравнительное изученіе быта и религіи дастъ намъ схему развитія этихъ вѣрованій. Исторія религіи говоритъ намъ, что первыми источниками религіозныхъ вѣрованій являются обыкновенно отношенія человѣка къ природѣ. Человѣкъ инстинктивно чувствуетъ и видитъ на постоянномъ опытѣ свою зависимость отъ силъ и явленій природы; человѣкъ, чѣмъ онъ менѣе культуренъ, тѣмъ болѣе чувствуетъ свое безсиліе передъ ея несокрушимой мощью, и у него появляется смутное сознаніе, что природа—это великая сила, отъ которой все зависитъ; къ этому сознанію присоединяется страхъ передъ ея грозными явленіями. Это-то и порождаетъ первые зачатки религіозныхъ вѣрованій. Это—древнѣйшая, первобытная ступень религіи, которую, судя по *Прокопію*, славяне уже перешли въ VI в.. Слѣдующая ступень есть представленіе силъ природы, какъ чего-то одушевленнаго, представленіе объ отдѣльныхъ силахъ и явленіяхъ природы, какъ объ отдѣльныхъ могущественныхъ живыхъ существахъ. Сталкиваясь съ силами природы, человѣкъ стремится, осмысляя ихъ, придать имъ конкретный образъ и волевой импульсъ; источникъ этого представленія—самонаблюденіе. Эту-то ступень вѣрованій мы застаемъ, напр., въ древнѣйшемъ слоѣ греческой миѳологіи. То же самое мы находимъ и въ германскомъ эпосѣ. Если мы возьмемъ знаменитую скандинавскую «Старшую Эдду» и обратимся къ легендамъ ея космогоническаго характера, то мы найдемъ тѣ же титаническіе образы, въ родѣ образа гигантской коровы, изъ сосковъ которой текутъ безконечныя рѣки, которыми питается міръ. Эту ступень въ наук называютъ *анимизмомъ*. Слѣдующую ступень развитія религіозны вѣрованій можно назвать *антропоморфизмомъ*, т.-е. сближені облика божества съ обликомъ человѣка: это—греческій Олимпъ съ богами, которые такъ же, какъ и простые смертные, грѣшатъ и у живаютъ, напиваются и развратничаютъ, такъ же, какъ и прост смертные, ссорятся между собой, отличаясь отъ людей лишь толь тѣмъ, что они безсмертны и обладаютъ чудодѣйственными силами. этой ступени вѣрованій мы застаемъ уже устную поэзію въ пол

разгарѣ, именно, застаемъ уже вполнѣ развитую сагу, т.-е. разсказъ о жизни боговъ, облеченныхъ уже въ формы человѣческія. Далѣе религія дѣлаетъ уже слѣдующій шагъ—уже въ область философіи, въ область знанія; представленіе божества становится абстрактнымъ, его образъ понимается уже какъ символъ. Это приблизительно будутъ IV и III вѣка до Р. Х. въ греческой религіи.

Взявши эту схему, мы увидимъ, что славянская религія, какъ описываетъ ее византійскій историкъ, относится къ той стадіи вѣрованій, когда до яснаго антропоморфизма дѣло еще не дошло; хотя и есть указанія на отдѣльныя олицетворенія, но, вѣроятно, рѣзко очерченныхъ образовъ тогда еще не было. Стало-быть, это довольно извѣстная намъ одна изъ низшихъ ступеней развитія религіозныхъ вѣрованій—анимистическаго характера. Если мы сопоставимъ данныя Прокопія съ позднѣйшими свидѣтельствами, которыя имѣютъ для насъ большую цѣну на основаніи закона переживанія, то мы увидимъ, что первобытная начальная русская религія какъ будто бы застыла на томъ уровнѣ, на которомъ ее наблюдалъ Прокопій. Религія эта для насъ должна быть въ высшей степени интересна. Съ одной стороны, въ нее входятъ общечеловѣческіе элементы психики, съ другой стороны—элементы своеобразные, національные.

Свидѣтельства древней славяно-русской письменности (лѣтописи, поученія, «Слово о полку Игоревѣ» и др.) сохранили намъ рядъ именъ языческихъ божествъ, своего рода «Олимпъ»: это—Перунъ, Велесъ, Дажбогъ, Стрибогъ, Мокошь, Вила, Родъ, Рожаница и т. д. [1]). Вѣрованія съ такими именами должны были бы отлиться въ стройную форму ко времени появленія христіанской вѣры, какъ это видимъ, напр., у античныхъ народовъ; изъ нихъ же мы видимъ, что отъ «натуральной» религіи какъ будто совершился переходъ къ дѣйствительному антропоморфизму. По аналогіи мы въ правѣ предположить и развитую миѳологію, миѳологическую сагу. Такъ ли было на самомъ дѣлѣ? Съ тѣмъ, чтобы уже болѣе не возвращаться къ этому вопросу, можно здѣсь же остановиться нѣсколько подробнѣе на немъ и постараться выяснить сущность религіи нашихъ предковъ.

Кромѣ свидѣтельствъ современниковъ, каковыми являются свидѣ-

[1]) Довольно полный перечень этихъ именъ и цитатъ изъ памятниковъ, гдѣ эти на встрѣчаются, приведенъ у *Gregor*'a *Krek*'a въ Einleitung in die slavische Literaturschichte (2 изд. Graz, 1887), стр. 384—86, примѣчанія; здѣсь же и соотвѣтствуюя научная (впрочемъ, устарѣвшая значительно) литература. Нѣсколько новѣе, но же стоящая въ значительной степени на старыхъ основахъ школы Аѳанасьева—та *Л. Леже* (L. Leger) Mythologie slave (Paris 1902), извѣстная и въ русскомъ водѣ (Воронежъ, 1908, изъ „Филол. Зап." 1907 г.).

тельства греческихъ или арабскихъ историковъ, мы располагаемъ въ этомъ отношеніи свидѣтельствами еще двухъ родовъ. Всѣ эти свидѣтельства, нужно сознаться, довольно позднія. Во-первыхъ, это воспоминанія старины, сохранившіяся, по закону переживанія, въ поэзіи позднѣйшихъ поколѣній, главнымъ образомъ, устной; во-вторыхъ, это показанія древней письменности, упомянутыя выше. Присматриваясь ближе къ этимъ свѣдѣніямъ и привлекая позднѣйшіе элементы, сохранившіеся въ русской устной словесности на основаніи закона переживанія, мы приходимъ къ довольно любопытнымъ наблюденіямъ. Прежде всего, если мы возьмемъ произведенія нашей устной словесности и сравнимъ ихъ со «Словомъ о полку Игоревѣ», упоминаніями въ лѣтописяхъ и т. д., поскольку тѣ и другія сохранили данныя для нашихъ вѣрованій, то намъ сейчасъ же бросится въ глаза, что имена древнихъ боговъ вродѣ: Перуна, Дажбога, Стрибога, Хорса, Мокоши, Вилъ и т. д. въ нашей народной словесности вовсе не встрѣчаются; но зато мы найдемъ въ довольно большомъ количествѣ упоминанія о такъ называемыхъ лѣшихъ, русалкахъ, домовыхъ, водяныхъ, и т. д.; эти имена въ свою очередь, почти не встрѣчаются въ древней письменности. Далѣе замѣтимъ разницу и въ характерѣ самыхъ этихъ именъ въ той и другой группѣ источниковъ. Имена языческихъ божествъ, каковы: Дажбогъ, Стрибогъ, Велесъ, Хорсъ и т. д. [1]), окажутся не русскаго и даже не славянскаго, происхожденія, значеніе ихъ не объяснимо изъ русскаго или славянскихъ языковъ: имена же «низшихъ» божествъ—лѣшій, домовой, водяникъ и т. п. все—русскія слова, происхожденіе которыхъ ясно изъ живого русскаго языка: лѣшій—отъ лѣса, водяникъ—отъ воды, домовой—отъ дома, берегыня—отъ берега и т. д. Затѣмъ: съ одной стороны, мы имѣемъ дѣло съ названіями божествъ—именами «собственными» (по грамматической терминологіи), съ другой стороны—съ «прилагательными» и словами, обозначающими качества божествъ; иначе: первыя названія выражаются б. ч. существительными, вторыя—прилагательными. Что это наблюденіе не случайно, что оно не есть лишь плодъ остроумной догадки изслѣдова- теля, видно изъ того, что оба эти ряда именъ совершенно отличают- другъ отъ друга и по происхожденію, именно: имена существительны- всѣ неславянскаго происхожденія, такъ какъ эти Перуны, Хорсы и совершенно чужды русской живой рѣчи; всѣ эти слова принадле- къ числу заимствованныхъ въ разное время, при чемъ языковѣд-

---

[1]) Это положительно доказываетъ *Ф. Е. Коршъ* въ статьѣ „Владимировы б- (Сборн. Харьковскаго Историко-Филологическ. Общ., т. XVIII. (Харьковъ, 1- стр. 53 и сл.)

указываетъ и источникъ этого заимствованія: часть именъ объясняется изъ языковъ иранскихъ (Хорсъ, Даждь-богъ), часть изъ языковъ м. б. германскихъ (Перунъ), финскихъ (Мокошь). Отсюда понятно, что эти божества съ такими чудными, совершенно нерусскими и непонятными именами и сами являются результатомъ заимствованія, а не результатомъ развитія мѣстныхъ вѣрованій: вслѣдствіе этого они не были удержаны позднѣе и, вѣроятно, не были и усвоены широко устной народной словесностью. И дѣйствительно, оно такъ, повидимому, и оказывается. Выше говорилось, что въ числѣ прочихъ вліяній, идущихъ отъ нашихъ сосѣдей по территоріи, мы должны, между прочимъ, считаться и съ иранскимъ вліяніемъ. На юго-востокѣ русской территоріи слѣды иранизма древни, могутъ быть отмѣчены и въ бытѣ, и въ литературѣ [1]). Элементы иранизма, повидимому, скрывались прежде всего въ средѣ болѣе состоятельной, родовой «аристократіи» древняго времени, какъ болѣе культурномъ слоѣ: вездѣ и всегда болѣе культурные, они же болѣе сильные имущественно и по положенію, слои раньше и глубже воспринимаютъ культурные элементы и въ томъ числѣ чужіе. Еще съ большимъ правомъ мы можемъ говорить о вліяніи скандинаво-германскомъ. Отношенія славяно-германскія, какъ показываютъ данные языка, весьма древни. А сверхъ того, очевидно, что тотъ пришлый скандинавскій элементъ, который составилъ въ значительной степени основу нашего княжескаго управленія (князья, старшая дружина), приносилъ съ собой и свои религіозныя вѣрованія. И эти вѣрованія оказывали вліяніе, прежде всего, на лица высшихъ классовъ и домашней, родовой знати [2]), быть можетъ, совсѣмъ не коснувшись или, во всякомъ случаѣ, слабо коснувшись, низшихъ классовъ населенія. Т. о. религія съ этими чуждыми русскому народу элементами, была, скорѣе всего, религіей аристократическаго, княжескаго, правящаго класса. Съ этой точки зрѣнія становится понятнымъ, почему Владиміръ Святой, вводя христіанство и уничтожая идоловъ, уничтожалъ именно тѣхъ, которые стояли на его холмѣ; это именно и были идолы тѣхъ божествъ съ чудными не русскими именами, о которыхъ говорилось выше: Перунъ и прочіе, а не «лѣшіе», «водяные», и т. п. Изъ сказаннаго ясно, что,

---

[1]) Опредѣлить точнѣе объемъ и силу этого вліянія была сдѣлана попытка В. Ф. ...ллеромъ по отношенію къ литературѣ въ его „Экскурсахъ въ область народ...го эпоса“ (М. 1892 г.). Попытка во многомъ не удавшаяся: доказавши наличность ...ого вліянія, В. Ф. Миллеръ преувеличилъ значеніе и силу этого вліянія, на что и ...ыло въ свое время указано ему критикой, что и заставило его впослѣдствіи въ ...начительной степени ограничить сказанное въ изслѣдованіи.

[2]) Вошедшій, по В. О. Ключевскому, въ составъ старшей дружины правящихъ ...ссовъ, вообще боярства.

говоря о древнихъ вѣрованіяхъ нашихъ предковъ, мы обязаны различать два слоя: первый слой—это низшій, сохранившійся въ видѣ пережитковъ и до настоящаго времени среди простонародной сѣрой массы: это—демократическая религія; она дошла до степени только реальнаго анимизма. Съ другой стороны, приходится констатировать религію «высшую»: это—религія по преимуществу культурныхъ классовъ общества, которые впитали въ себя чужеземные элементы; эта религія доходила въ X вѣкѣ уже до грубаго антропоморфизма, о которомъ и говоритъ лѣтопись, описывая, напр., идола Перуна съ золотой головой, серебряными усами и т. д., имѣла идоловъ, человѣкообразныя изображенія божествъ.

Такимъ образомъ, можно объяснить, почему именно въ нашу древнюю религію проникъ совершенно посторонній элементъ, при чемъ онъ въ высшихъ классахъ тѣсно слился съ элементомъ національнымъ. Конечно, возможно было и взаимоотношеніе этихъ двухъ религій. Оно, повидимому, не подлежитъ сомнѣнію: именно, благодаря ему происходитъ проникновеніе элементовъ высшей религіи въ низшую, и наоборотъ. Какъ на примѣръ, можно указать на то, что имя бога «Велеса» вошло въ народное сознаніе, отождествившись съ христіанскимъ святымъ Власіемъ, который сдѣлался, подобно «Велесу, скотію богу», покровителемъ стадъ и земледѣлія вообще; въ «Словѣ о полку Игоревѣ», съ другой стороны, находимъ олицетвореніе рѣки Дона, зашедшее сюда изъ народной религіи. Но самый фактъ остается, конечно, въ силѣ: существуетъ. какъ бы двѣ религіи: религія высшихъ классовъ общества, религія меньшинства—религія почти исключительно заносная,—и религія низшихъ классовъ общества—національная, которая стоитъ на довольно низкой ступени элементарнаго анимизма [1]). О ней-то говоритъ Прокопій въ VI вѣкѣ. Почему же эта религія осталась такъ долго на такой низкой ступени? Потому, несомнѣнно, что должна стоять въ соотвѣтствіи съ общимъ культурнымъ уровнемъ; культура же эта въ низшихъ классахъ массы была очень невысока. Дальнѣйшая судьба этихъ вѣрованій зависѣла уже отъ условій исторической жизни русскаго племени. Мы уже отмѣчали два крупнѣйшихъ факта нашей начальной исторіи: это, во-первыхъ, созданіе государства, которое появилось въ IX—X в., и, во-вторыхъ, введеніе христіанства, которое не дало развиться дальше языческой религіи того и другого типа. Это явленіе общее; какъ у германцевъ, такъ и у другихъ народовъ запа

---

[1]) Въ общемъ къ такому же наблюденію приходитъ, между прочимъ, и новѣйшій изслѣдователь Е. В. Аничковъ въ монографіи „Язычество и древняя Русь“ (Сп 1914); см. стр. 261—2, 218 и др.

ной Европы, а такъ же и у славянъ, съ появленіемъ христіанства прежнія религіозныя вѣрованія начинаютъ понемногу забываться, во всякомъ случаѣ остановились въ своемъ развитіи. Конечно, не всѣ вѣрованія легко и быстро забывались, исчезали; характерное явленіе при смѣнѣ одного религіознаго міросозерцанія другимъ—естественная борьба языческихъ элементовъ съ христіанскими, борьба стараго міровоззрѣнія съ новымъ, которая кончалась обыкновенно побѣдой послѣдняго, какъ болѣе культурнаго и глубокаго, но побѣдой далеко не всегда полной. У насъ на Руси слѣдствіемъ этой неполной побѣды христіанства надъ язычествомъ явилось, какъ и у другихъ народовъ, такъ называемое *двовѣріе*, своеобразный компромиссъ двухъ міровоззрѣній; оно не исчезло всюду и до сихъ поръ, сохраняясь въ томъ или другомъ видѣ въ христіанскихъ вѣрованіяхъ и христіанской литературѣ; объ этомъ двоевѣріи придется еще говорить дальше. Такимъ образомъ, вотъ что мы могли извлечь изъ нашего второго свидѣтельства Византійцевъ—свидѣтельства о религіи.

Теперь обратимся еще къ третьему свидѣтельству, которое мы находимъ у древнихъ писателей и сосѣдей. Одинъ, неизвѣстный намъ по имени, писавшій по-латыни географъ X в., затѣмъ скандинавы указываютъ на громадное количество городовъ у славянъ, въ частности русскихъ: этотъ географъ насчиталъ у славянъ 3760 городовъ (civitates, urbes) ему извѣстныхъ, а скандинавы долго еще зовутъ Русь Gardariki, т.-е. «царство городовъ». Это обиліе городовъ, если понимать буквально эти свидѣтельства, будетъ указывать уже на большую плотность населенія, на его высокую культуру, которую предполагаетъ обязательно столь развитая жизнь городовъ; но это будетъ находиться въ противорѣчіи съ тѣмъ, что мы до сихъ поръ узнали о культурѣ и бытѣ славянъ, было бы это въ противорѣчіи и съ тѣмъ, что мы видимъ уже въ историческую эпоху, когда мы не найдемъ этихъ тысячъ городовъ, а количество населенія прямо удивитъ насъ своей незначительностью, рѣдкостью. Но дѣло значительно упрощается, если мы присмотримся къ этимъ свидѣтельствамъ ближе и привлечемъ еще современныя данныя. Именно: у одного арабскаго писателя X в. (Ибнъ-Якуба) мы находимъ описаніе этихъ «городовъ», способа ихъ постройки; у него сказано, что всѣ города обнесены землянымъ валомъ-тыномъ и служатъ убѣжищемъ для населенія въ военное время. Такой «городъ», разумѣется, имѣетъ мало общаго съ городомъ въ нашемъ современномъ значеніи: это сооруженіе для спеціальной цѣли, сооруженіе временное; по объему такой городъ великъ быть не могъ: онъ строился отдѣльнымъ племенемъ для себя на случай опасности, а племя—группа людей небольшая. Если сюда присоединить первоначальное значеніе слова

«городъ» (т.-е. просто огороженное мѣсто независимо отъ его объема и назначенія), то станетъ ясно, что современное наше представленіе о городѣ, какъ центрѣ болѣе высокой культуры и мѣстѣ объединенія болѣе значительной группы населенія въ цѣляхъ этой культуры, не будетъ тождественно вполнѣ съ понятіемъ о городѣ старой эпохи; оно будетъ соотвѣтствовать греч. kastron (лат. castra), нѣмец. Burg, романскому castel, т.-е. укрѣпленному мѣсту вообще; и до сихъ поръ у южныхъ и западныхъ славянъ «градъ»—крѣпость, кремль—отличается по значенію отъ словъ, обозначающихъ у насъ «городъ» (ср. польское «grod» и «miasto», серб. «градъ» и «варош»). Въ такомъ же смыслѣ и лѣтопись говоритъ о тѣхъ городахъ, которые въ X—XI в. строилъ св. Владиміръ по р. Peслу: это были «городки»—крѣпости, охранявшія Русь отъ вторженій степи. Мы можемъ и наглядно представить себѣ тотъ «городъ», о которомъ говорится въ X в.: археологія раскрыла намъ огромный рядъ русскихъ «городищъ»; это и есть старый «городъ»; по своему строенію, плану это городище вполнѣ соотвѣтствуетъ «городу» Ибнъ-Якуба. Т. о. и араба, и скандинавовъ, и географа X в. поразили необычайныя, маленькія и многочисленныя земляныя сооруженія. Эти сооруженія будутъ намъ говорить не о многочисленности населенія, не о высотѣ культуры славянъ, а лишь объ одной бытовой чертѣ—привычкѣ строить временныя укрѣпленія въ военное время для самозащиты. Будутъ говорить они, развѣ, о нѣкоторой культурности, въ отличіе отъ первобытности, укажутъ на связь этой невысокой культуры съ племеннымъ бытомъ, о чемъ мы знаемъ и изъ другихъ источниковъ.

На основаніи изученія старѣйшихъ византійскихъ данныхъ и кое-какихъ иныхъ, мы получили извѣстное представленіе о бытѣ русскихъ славянъ за тотъ періодъ, который обыкновенно принято называть доисторическимъ, т.-е. за время приблизительно до IX—X вѣковъ. Время, болѣе близкое къ началу нашей исторической жизни, даетъ рядъ свидѣтельствъ, которыя помогутъ намъ точнѣе представить себѣ русское племя въ различныхъ отношеніяхъ въ моментъ, такъ сказать, его выступленія на историческое поприще. Ознакомимся съ нѣкоторыми изъ этихъ свидѣтельствъ.

Къ такимъ свидѣтельствамъ относится, напр., разсказъ арабска писателя Ибнъ-Фодлана, бывшаго въ началѣ X-го вѣка въ Ро (ок. 912 г., см. выше) и описавшаго свое путешествіе и бытъ вянъ съ большими подробностями. Былъ онъ, вѣроятно, по торговы дѣламъ, мѣстнаго языка не зналъ, такъ что о многомъ говоритъ, димо, не по личнымъ наблюденіямъ, а по разсказамъ другихъ лиц переводчиковъ. Онъ, напримѣръ, описываетъ подробно обрядъ пог бенія русса. Прежде всего, когда мы обращаемся къ этому показа

Ибнъ-Фодлана, у насъ возникаетъ вопросъ, кто былъ этотъ «руссъ». Подъ именемъ «русса» въ IX—X вв. могли подразумѣвать и скандинава-русса и русскаго славянина. Изъ словъ писателя не ясно, о какого рода «руссѣ» идетъ у него рѣчь: онъ называетъ его знатнымъ руссомъ; м. б., это былъ туземецъ-аристократъ, какой-либо родовладыка, а м. б., и какой-нибудь пришлый скандинавъ, осѣвшій и подчинившій себѣ туземцевъ: вѣдь, X в.—время паденія старыхъ родовыхъ традицій и начало новаго порядка. Впрочемъ, есть возможность предположить первое, т.-е. именно, что это описываются похороны не пришельца, а коренного русскаго жителя, либо, если не коренного русскаго, то такого, который жилъ мѣстнымъ бытомъ. Если такъ, то разсказъ Ибнъ-Фодлана для насъ, конечно, представляетъ не малый интересъ, такъ какъ онъ даетъ много характерныхъ бытовыхъ чертъ, касаясь такого важнаго явленія жизни, какъ обрядъ погребенія, выражающій прежде всего видный элементъ народнаго міропониманія—взглядъ на смерть и загробную жизнь. Итакъ, описываются Фодланомъ похороны какого-то высокопоставленнаго лица, вѣроятно, главы рода. Изъ этого описанія выходитъ, что въ X вѣкѣ русскіе славяне жили совершенно языческой жизнью съ очень невысокой культурой и съ рядомъ типичныхъ особенностей этой культуры. Погребеніе происходитъ на кораблѣ (въ «ладьѣ») и сопровождается сожженіемъ покойника, погребеніемъ пепла его въ курганѣ. Похороны въ «ладьѣ», сжиганіе, а не закапываніе трупа—древнѣйшій типъ погребенія. Судя по описанію, обрядъ погребенія у руссовъ уже традиціонный, давнишній, съ широко и полно развитымъ ритуаломъ. Все это даетъ наглядную картину уже развитого вполнѣ родового быта. Къ нѣкоторымъ частностямъ этого обряда мы еще вернемся.

Языкъ русскаго племени. Нѣсколько иного характера мы можемъ извлечь данныя, притомъ довольно цѣнныя, изъ свидѣтельства византійцевъ, почти того же времени (второй половины X в.), напр., изъ сочиненія Константина Порфиророднаго «Объ управленіи государствомъ». Онъ въ своемъ сочиненіи говоритъ уже о прямо русскихъ славянахъ, живущихъ по берегамъ Дона и Днѣпра. Извѣстно въ его очиненіи мѣсто, гдѣ онъ перечисляетъ по именамъ днѣпровскіе по...ги и описываетъ путешествіе черезъ нихъ. Въ византійской тран...ипціи (не имѣющей, какъ мы знаемъ уже, буквъ для цѣлаго ряда ...авянскихъ звуковъ), правда, довольно сильно искажается русское ...роизношеніе этихъ именъ; но все же мы узнаемъ изъ этихъ именъ, ...то уже въ X вѣкѣ русское племя представляло нѣчто обособленное отъ ...угихъ славянъ въ области языка, а стало быть, и въ племенномъ отно...ніи; напр., онъ приводитъ названіе одного порога: Βερούτζη (Ve-

rutzi): ясно, что въ это время въ живомъ русскомъ произношеніи не было уже носового звука (*ж-on*) (ср. старо-слав. форму: **вьржшти**), и онъ былъ замѣняемъ, какъ видимъ и въ послѣдующее историческое уже время, простымъ звукомъ—*у*; а t+j въ это время уже давало не «шт» (какъ въ старо-слав. и праславянскомъ), а *ч* (въ греческой транскрипціи—τζ); *ь* звучало, какъ весьма краткое (ирраціональное) *е*; т. о. теперь мы бы написали это слово такъ: «вьручи» (т.-е. кипящій—отъ слова «врѣти»—кипѣть). Другой порогъ у Константина называется: Νεασήτ (Neasit), третій—Ναπρεζή (Naprezi), въ которыхъ нельзя не узнать нашихъ словъ: «неясыть» (старослав.—неѩсыть) и «напрези» (старослав.—напрѧзи). Это совершенно ясно указываетъ на отсутствіе въ русскомъ языкѣ того времени другого носового (ѧ), который здѣсь, какъ видимъ, замѣняется простымъ *я*, какъ ж — черезъ *у*. Такимъ образомъ ясно, что эти чисто-русскія особенности языка уже тогда, въ X в., вполнѣ опредѣлились. Нечего говорить, конечно, о важности этого лингвистическаго свидѣтельства: оно говоритъ, что къ X в. уже произошло отдѣленіе русскаго племени отъ родственныхъ другихъ славянскихъ.

Отсюда прямой переходъ уже къ другимъ источникамъ—къ памятникамъ уже русскаго происхожденія, говорящимъ о прошломъ русскаго племени. Правда, эти памятники—источники болѣе поздняго происхожденія (XI в.); но имѣя въ виду обычную точность, вѣрность и пунктуальность при копированіи памятниковъ въ старой письменности, мы можемъ утверждать, что въ народной памяти сохранились довольно точно представленія о прошедшихъ временахъ и событіяхъ. Стало быть, свидѣтельства XI-го вѣка могутъ быть примѣнены съ извѣстными оговорками къ X-му, IX-му и даже къ VIII-му вѣкамъ. На первомъ мѣстѣ среди этихъ источниковъ стоитъ лѣтопись, правильнѣе,—«общерусскій лѣтописный сводъ», памятникъ XI вѣка. И дѣйствительно, свидѣтельства лѣтописи разсказываютъ, что русскіе славяне въ VIII—IX вв. жили еще отдѣльными племенами, сохраняя въ основѣ быта родовое начало, т.-е. говорятъ точь-въ-точь то же, что мы можемъ заключить и изъ другихъ источниковъ. Значитъ, мы можемъ въ большей мѣрѣ довѣрять нашей лѣтописи, тѣмъ болѣе, что весьма вѣроятно предположеніе, что она пользовалась для своихъ сообщеній о русскихъ и славянахъ [illegible] исключительно устными традиціонными преданіями, а также и стары[illegible] письменными замѣтками, до насъ не дошедшими. Лѣтопись же, при бл[illegible]жайшемъ критическомъ ознакомленіи съ ея свидѣтельствами [1]), даетъ

---

[1]) Эти свидѣтельства сосредоточены, главнымъ образомъ, въ началѣ лѣтопи[illegible] (разсказъ о происхожденіи Руси).

такія указанія на быть и культуру, отчасти міросозерцаніе русскихъ славянъ въ интересующую насъ эпоху—накапунѣ начала нашей исторической жизни [2]): 1) территорія, которую занимали русскіе славяне въ это время,—та же, которую они занимаютъ при началѣ своей исторіи (бассейнъ Днѣпра, Волхова, и верховьевъ Зап. Двины и Волги съ Окой); 2) русское племя дробится уже на отдѣльныя группы, имѣющія свои племенныя прозвища, отчасти въ зависимости отъ характера мѣстности поселенія: Поляне, Древляне, Кривичи, Дреговичи, Полочане, Дулебы, Бужане, Волыняне, Уличи, Тиверцы и др.; 3) родственная связь этихъ племенъ между собою и общерусская—съ славянскимъ племенемъ въ цѣломъ сознается еще въ XI в. вполнѣ отчетливо; 4) въ культурномъ отношеніи эти русскія племена въ XI в. различаются довольно еще ясно: поляне—наиболѣе культурны: они «кротки», «тихи», сохраняютъ семейные нравы въ чистотѣ, знаютъ бракъ; древляне менѣе другихъ культурны: живутъ «звѣринскимъ» обычаемъ, убиваютъ другъ друга, ѣдятъ нечистое, настоящаго брака не знаютъ; кривичи также дики, у нихъ есть и многоженство, погребеніе сожженіемъ и т. д.; 5) черты быта русскихъ, поскольку онѣ отмѣчены лѣтописью, подтверждаютъ, что при племенномъ бытѣ у нихъ родовыя начала еще свѣжи и живучи, родовой быть представляется развитымъ въ подробностяхъ (тризны, сожженіе мертвецовъ; лѣтопись подчеркиваетъ «законъ отецъ своихъ», «свой нравъ»—у каждаго племени). Вотъ почти всѣ общаго характера свѣдѣнія, которыя мы можемъ извлечь изъ нашей лѣтописи относительно быта славянскихъ племенъ въ доисторическій періодъ.

Теперь является вопросъ: можемъ ли мы, исходя изъ разобранныхъ свидѣтельствъ иноземныхъ и русскихъ, возстановить хотя бы отчасти міросозерцаніе славянъ, ихъ духовный обликъ времени доисторическаго или даже начала историческаго? Условно мы можемъ дать положительный отвѣтъ. Здѣсь намъ окажетъ помощь сравнительное изученіе русскаго и славянскаго быта и быта другихъ народовъ, которые проходили ѣ же ступени развитія, что и русскіе славяне. Возстановленіе же ого міросозерцанія, хотя бы отчасти, для насъ необходимо. Видимъ выраженіемъ міросозерцанія является литература народа. При тствіи письменности литература эта, какъ мы знаемъ, традиціонная, я по способу передачи, сохраненія. Она, разумѣется, можетъ ю измѣняться, исчезать, не доступна намъ непосредственно въ лomъ. Но знать ее важно: письменность и христіанство созидали

) Не вдаваясь въ подробности, ограничимся лишь выводами, къ которымъ пришли стоящаго времени историки русской культуры.

иную литературу, а старую видоизмѣняли. Намъ интересно знать, съ чѣмъ пришлось имѣть дѣло этой новой литературѣ, какъ эта новая литература развилась въ связи со старой, ею найденной, и т. д.?

На основаніи указанныхъ свидѣтельствъ и показаній сравнительнаго изученія быта мы можемъ заключить, что задолго до начала христіанства русскіе славяне обладали уже устной довольно развитой словесностью. Она была, несомнѣнно, словесностью традиціонной, тѣсно связанной съ религіозными вѣрованіями и міросозерцаніемъ славянъ, при чемъ въ болѣе позднее время, но еще до христіанства, эта связь становилась все меньше и меньше. Къ началу исторической жизни русскаго народа эта связь уже, вѣроятно, совершенно ослабла, и остатки этихъ древнихъ религіозныхъ воззрѣній превратились въ значительной степени въ литературную условную форму, поэтическій матеріалъ, сохраняясь въ видѣ пережитковъ старины, служа уже цѣлямъ преимущественно литературнымъ, иллюстрируя болѣе консервативный обрядъ, прямой смыслъ котораго уже забывался. Этимъ объясняется то, что въ позднѣйшей книжной словесности, которая, неся новое, впитала въ себя и старое міросозерцаніе, на эту народную устную словесность имѣются только незначительные намеки.

Выше было указано на то, что въ нашей древней религіи мы должны различать два слоя: такъ сказать, аристократическій и демократическій. Отъ высшей аристократической религіи до насъ не дошло ничего, кромѣ именъ божествъ, да развѣ еще нѣкоторыхъ конкретныхъ понятій, связанныхъ съ этими именами, напр., опредѣленія Перуна, какъ главнаго бога, Велеса, какъ «скотія» бога. Что касается «демократической» религіи, то здѣсь дѣло обстоитъ нѣсколько лучше. На основаніи тѣхъ немногихъ свѣдѣній, которыя застряли въ книжной старой литературѣ, и на основаніи данныхъ традиціонной устной литературы, исторической этнографіи мы можемъ заключать, что эти вѣрованія до принятія христіанства были, до извѣстной степени, тѣ же самыя, которыя сохранялись долгое время и послѣ, но въ большинствѣ случаевъ уже съ другимъ смысломъ, то-есть: всѣ эти вѣрованія въ «бѣсовъ» (уже христіанское опредѣленіе), вѣдьмъ, домовыхъ, водяныхъ, руса-локъ и т. д., ставши по преимуществу поэтическими образами, ста[...] достояніемъ позднѣйшей и народной поэзіи, т.-е. должны быть [...]сматриваемы, уже не какъ чистое вѣрованіе, а какъ поэтическіе обр[...] съ которыми когда-то, давно, соединялся элементъ вѣры, теперь с[...]шій «суевѣріемъ», привычкой, а то и просто поэтическимъ мотиво[...] иногда формой. Обратимся, напримѣръ, къ пословицамъ. Пословицы в[...] производили міросозерцаніе народа иногда болѣе рельефно, болѣе по[...] и реально, чѣмъ иное цѣлое поэтическое произведеніе устной [...]

весности. Въ пословицахъ мы часто встрѣчаемся съ выраженіями, очевидно связанными когда-то съ религіозными вѣрованіями, но уже переставшими быть таковыми: въ томъ смыслѣ, въ которомъ пословицы встрѣчаются въ XII, напр., вѣкѣ, онѣ безусловно уже порвали всякую связь съ религіознымъ содержаніемъ, сохранивъ, и то не всегда, значеніе бытовое, обще-этическое. Если возьмемъ другую область—поэтическую—бытовую лирическую пѣсню, восходящую по своему началу иногда ко времени доисторическому, то опять-таки найдемъ въ ней тѣ же фазы развитія, что и въ значительно болѣе позднее время. Связь, когда-то бывшая съ религіозными вѣрованіями, несомнѣнно, и здѣсь должна быть признана уже традиціонной. Съ такимъ именно характеромъ она продолжаетъ существовать и въ позднѣйшее время вплоть до XX-го вѣка. Слѣды этой лирической поэзіи, именно—въ типичной ея формѣ, въ формѣ причитанія, отразились въ нашей древней письменности, напр., въ знаменитомъ плачѣ Ярославны въ «Словѣ о полку Игоревѣ»: мы найдемъ полнѣйшія параллели ему въ позднѣйшей народной словесности вплоть до настоящаго времени. Эти воззванія къ солнцу, къ вѣтру, сохранившіяся и въ позднѣйшей поэзіи, несомнѣнно, являются исключительно уже поэтическими пріемами, безъ какого-либо слѣда религіозныхъ, анимистическихъ вѣрованій. Затѣмъ есть еще въ древней письменности любопытное свидѣтельство о пѣсенномъ творчествѣ: это—извѣстное мѣсто въ Поученіи Владиміра Мономаха, гдѣ онъ проситъ прислать къ нему невѣстку (т.-е. жену умершаго сына) затѣмъ, чтобы вмѣстѣ поплакать, вмѣсто свадебныхъ пѣсенъ—указаніе на обрядовую поэзію; она въ томъ же видѣ доживаетъ до поздняго времени.

Главное, что мы можемъ заключить изъ этихъ примѣровъ, это то, что такая поэзія существовала, и затѣмъ, что она являлась уже тогда (XI—XII в.) въ значительной степени традиціонной.

Есть и еще одна группа памятниковъ, изъ которыхъ мы можемъ извлечь нѣкоторыя свѣдѣнія объ устной литературѣ: это—поученія. Авторы «словъ» и «поученій» — духовныя лица разныхъ ранговъ, должны были, конечно, касаться народныхъ воззрѣній, часто совершенно противорѣчащихъ воззрѣніямъ христіанскимъ, и попутно народной словесности, какъ выраженія нехристіанскихъ народныхъ воззрѣній. Конечно, полнаго и безпристрастнаго представленія о состоя- устной традиціи въ XI—XIII в. эти памятники намъ дать не могутъ, однако, ихъ свидѣтельства представляются очень важными и цѣнными. Эти поученія, конечно, съ своей точки зрѣнія смотрятъ на всѣ народныя вѣрованія, какъ на «бѣсовскія», и всякую пѣсню и устную литературу другихъ родовъ считаютъ тоже «бѣсовскою» и безусловно грѣховною и всю ее огуломъ безповоротно осуждаютъ; конечно, еще

бо̀льшимъ осужденіямъ подвергаются различные обряды. Но и изъ того указанія на обряды, которое дается въ этихъ поученіяхъ, мы можемъ заключить, что и эти обряды являлись также традиціонными, хотя уже отнюдь не носили формы ясно выраженной *системы* языческаго богослуженія; это—жертвы божеству и только.

Такимъ образомъ, ясно, что религія славянъ въ эпоху предшествовавшую принятію христіанства, была уже на ступени разложенія. Многія воззрѣнія или, не успѣвъ развиться, стали забываться, или сдѣлались уже не религіознымъ обычаемъ. Это наблюденіе чрезвычайно важно, такъ какъ оно можетъ окончательно рѣшить вопросъ о русской миѳологіи.

Какъ извѣстно, въ эпоху увлеченія романтизмомъ, подъ вліяніемъ работъ бр. Гриммовъ, и у насъ пробовали воскресить на основаніи народныхъ повѣрій и старинныхъ преданій древнюю славянскую миѳологію; при этомъ полагали, что у нашихъ предковъ славянъ могла быть такая же развитая миѳологическая система, какъ у народовъ болѣе культурныхъ, и полагали, что эту-то именно миѳологію народъ и противопоставлялъ новой христіанской религіи. Пробовали отыскать слѣды этой миѳологіи въ томъ эпосѣ, который сталъ открываться, главнымъ образомъ, лишь въ XIX-мъ вѣкѣ. Это направленіе имѣло своихъ увлеченныхъ сторонниковъ и среди русскихъ ученыхъ. Такими являются, прежде всего, Афанасьевъ, реконструировавшій цѣлую стройную миѳологическую систему на основаніи сказокъ и повѣрій, и Орестъ Миллеръ, продѣлавшій то же по отношенію къ былинамъ. Но если мы примемся за дѣло съ болѣе критической мыслью и объективностью, то для насъ станетъ яснымъ, что никакого Олимпа, никакихъ стройныхъ миоологическихъ представленій у нашихъ древнихъ предковъ не было, да и быть не могло уже благодаря одной ихъ малокультурности.

Рѣшая подобнымъ образомъ вопросъ, мы неминуемо должны поставить и другой: имѣемъ ли мы, дѣйствительно, выраженіе какихъ бы то ни было миоологическихъ вѣрованій народа въ VIII—IX вв. въ пѣсняхъ, которыя поются въ XIX-мъ вѣкѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, конечно, современная наука даетъ отрицательный; даже наиболѣе поэтичный из[illegible] древнихъ памятниковъ—«Слово о полку Игоревѣ»—наиболѣе полно [illegible]ражающій древнія народныя воззрѣнія и вѣрованія, не даетъ намъ [illegible]какого права говорить о какихъ-либо миѳахъ. Дѣйствительно, если [illegible] народное сознаніе было наполнено извѣстными образами, и эти обра[illegible] были миѳами, то въ древней письменности мы, безусловно, имѣли [illegible] отраженіе этихъ миоовъ. Многое изъ того, что считалось прежде ми[illegible]ческимъ въ народной поэзіи, при сравнительно-историческомъ изуче[illegible] получило совсѣмъ иное освѣщеніе. Изученіе былины и сказки прив[illegible]

къ такому же результату: основа былины и сказки, можетъ быть, и очень древняя, но въ ней не заключается никакихъ миѳологическихъ началъ, а она является, безусловно, отраженіемъ историческихъ событій, фактовъ (въ широкомъ смыслѣ слова). Несомнѣнно, что въ разсказахъ о богатыряхъ мы имѣемъ дѣло не только съ обыкновеннымъ рядовымъ отраженіемъ жизни и быта, но и съ отраженіемъ извѣстныхъ историческихъ событій. Самая древняя стадія нашего эпоса, доступнаго намъ, стоитъ, безусловно, на точкѣ зрѣнія уже исторической. И дѣйствительно, по установленіи такого взгляда на содержаніе устной поэзіи, для насъ станетъ совершенно яснымъ отраженіе ея и въ письменности. Подходя съ этой точки зрѣнія къ народной поэзіи и книжной литературѣ, мы можемъ установить, быть можетъ, связь разсказовъ начальной лѣтописи съ народной поэзіей. Такіе разсказы, какъ объ Олегѣ, Ольгѣ, Игорѣ, частью о крещеніи Руси и пр., вполнѣ возможно, представляютъ въ нѣкоторыхъ своихъ чертахъ именно отраженіе народной устной поэзіи. Стало быть, если мы когда-либо и переживали дѣйствительно миѳологическій періодъ, то онъ долженъ относиться ко времени несравненно болѣе древнему, а никакъ не ко времени передъ принятіемъ христіанства.

Вотъ тѣ общія положенія, которыя мы должны принять по отношенію къ «народной» словесности, т.-е. къ устной литературѣ, этого древнѣйшаго историческаго періода.

Полученные нами выводы если и утверждаютъ мысль, что и до христіанства у насъ была традиціонная поэзія, отлившаяся въ формы аналогичныя дошедшей до насъ устной поэзіи, то они же говорятъ и о томъ, что о содержаніи этой поэзіи доисторическаго времени мы можемъ только гадать, а содержанія ея почти не знаемъ: оно не дошло. Т. о. устная поэзія должна быть изучаема, но не въ качествѣ поэзіи древнѣйшаго періода, а какъ одинъ изъ элементовъ, который имѣетъ мѣсто при созданіи, въ теченіе ряда вѣковъ исторической жизни, міросозерцанія русскаго народа, которое и выражается какъ въ устной, такъ и въ письменной литературѣ уже историческаго періода.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній намъ представляется ...зможность еще ближе подойти къ исторической эпохѣ, при изученіи ...орой мы, конечно, будемъ теперь стоять гораздо тверже, такъ какъ ...нашемъ распоряженіи есть уже цѣлый рядъ фактовъ и наблюденій, ...я часто отрывочныхъ, не связанныхъ между собою, но все же точ...ыхъ и исторически достовѣрныхъ.

Племенное дѣленіе. Говоря объ начальной исторической эпохѣ, мы ...ѣемъ въ виду, главнымъ образомъ, явленія начиная съ IX вѣка и X-й ...къ. Въ это время русское племя разселилось уже на тѣхъ мѣстахъ,

гдѣ его первоначально и застала исторія, уже раздвинулось въ разныя стороны, идя вдоль водныхъ путей и въ стороны отъ нихъ, хотя и немного. Это племя находится въ родственныхъ отношеніяхъ къ славянамъ западнымъ (въ меньшей степени) и къ славянамъ южнымъ (въ большей степени). Само племя русскихъ славянъ является раздѣленнымъ на рядъ меньшихъ племенъ. Эти племена отличаются другъ отъ друга, главнымъ образомъ, по быту; но, судя по нѣкоторымъ древнимъ письменнымъ памятникамъ, отразившимъ живую рѣчь, мы имѣемъ право говорить также и объ различіи ихъ между собой по языку. Такъ, рядомъ съ памятниками, которые ничего не говорятъ намъ о какомъ-либо мѣстномъ нарѣчіи, какимъ, напримѣръ, является Остромирово Евангеліе, мы имѣемъ рядъ, правда, небольшой памятниковъ, въ которыхъ вполнѣ ясно сказываются характернѣйшіе признаки сѣверно-русскаго (новогородскаго) говора: мы знаемъ этотъ сѣверный новогородскій говоръ, начиная съ XI-го вѣка и до сихъ поръ, и эти признаки настолько устойчивы, что у насъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ томъ, что діалектическія особенности въ IX, X вв. были уже налицо; памятниками XII в. закрѣплены уже южно-русскіе говоры. Бытовое дѣленіе русскаго племени на рядъ племенъ—полянъ, древлянъ, дреговичей, кривичей, сѣверянъ, тиверцевъ и т. д.—должно находить себѣ оправданіе отчасти и въ языкѣ. Это наблюденіе для насъ очень важно. Въ позднѣйшее время мы столкнемся съ существованіемъ отдѣльныхъ литературныхъ центровъ, которые отчасти совпадутъ съ центрами различныхъ отдѣльныхъ племенъ и м. б. говоровъ. Такимъ образомъ, въ литературѣ мы будемъ наблюдать на ряду съ объединяющимъ литературнымъ принципомъ—общерусскимъ и принципъ раздѣлительный, областной. Конечно, для древнѣйшаго періода мы не можемъ говорить объ особенно крупныхъ отличіяхъ этихъ литературныхъ областей: для этого у насъ мало матеріала, мало памятниковъ; но мы все же можемъ констатировать, хотя и предположительно иногда, существованіе отдѣльныхъ литературныхъ центровъ; таковыми являются, кромѣ Кіева, прежде всего Новгородъ, позднѣе Владиміръ Волынскій, Псковъ, Ростовъ, Смоленскъ, Черниговъ, Владиміръ Залѣсскій и т. д.

Исходя изъ этихъ общихъ положеній, мы естественно должны в двинуть вопросъ: въ какомъ отношеніи находится дѣленіе русскаго мени на части, упомянутыя лѣтописью, къ тому областному дѣле съ которымъ мы сталкиваемся во времена болѣе позднія, именно дѣленію русскаго племени на великоруссовъ, малоруссовъ и бѣлору совъ? Естественно возникаютъ и вопросы: какъ древне это послѣдн дѣленіе? Являлись ли, дѣйствительно, старые поляне и ихъ сосѣди мѣсту прямыми предшественниками теперешнихъ малоруссовъ? Ка

или какія древнерусскія племена явились прямыми предшественниками великоруссовъ? Отвѣтъ на вопросъ о прямомъ наслѣдованіи теперешнихъ племенъ русскихъ древнимъ дается обыкновенно отрицательный, т.-е.: наши древнія русскія племена—поляне, древляне, и т. д.—не соотвѣтствуютъ вполнѣ позднѣйшимъ малоруссамъ, бѣлоруссамъ и великоруссамъ, а эти великоруссы, бѣлоруссы и малоруссы есть результатъ позднѣйшихъ этнографическихъ скрещеній и переселеній. Во всякомъ случаѣ, въ теченіе всего кіевскаго періода (который тянется приблизительно до конца XIII-го вѣка) ме не можемъ констатировать наличности того дѣленія, которое мы знаемъ послѣ. Однако нашею задачею все же является уяснить себѣ, въ какомъ же отношеніи находятся эти племенныя группы къ послѣдующему дѣленію; отъ рѣшенія его зависитъ опредѣленіе характера и времени кіевской литературы и послѣдующей московской. Этимъ вопросомъ въ послѣднее время не мало занимались въ нашей ученой литературѣ. Особенно въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія работы А. А. Шахматова [1]). Онъ понимаетъ дѣло приблизительно такимъ образомъ: отдѣльныхъ мелкихъ русскихъ племенъ въ древней Руси мы можемъ насчитать десятка съ полтора. Всѣ они объединяются пережитками прежняго родового быта, но на разной ступени развитія культуры, и не рѣзко отличаются другъ отъ друга по языку. Что же касается отличій по языку, то таковыя, конечно, были, но въ то же время по языку между отдѣльными племенами группами была близость, почему всѣ племена старой Руси могутъ быть сведены въ общемъ къ тремъ языковымъ группамъ. Однако группы эти распредѣлялись совершенно иначе, чѣмъ современныя намъ три діалектическія группы русскаго народа. Эти группы были слѣдующія: 1) прежде всего намѣчается группа южная (или лучше: юго-западная), въ составъ которой входили древнерусскія племена, жившія отъ устьевъ Дуная и Днѣпра вверхъ по Днѣпру до Припети и Десны, приблизительно; 2) затѣмъ отъ Припети и Десны до верховьевъ Оки и Волги жила другая группа населенія, которую мы можемъ назвать средне-русской; 3) все остальное представляло группу сѣверно-русскую. Съ теченіемъ времени историческія событія (въ числѣ которыхъ А. А. Шахматовъ прежде всего выставляетъ вліяніе зародившагося государственнаго порядка, тѣ передвиженія, которыя происходили при переселеніи князей изъ одного удѣла въ другой, колонизацію, давленіе «степи») имѣли слѣдствіемъ то, что началось передвиженіе и самого населенія съ юга на сѣверо-востокъ. Развитіе этого движенія совпадаетъ какъ разъ съ концомъ кіевскаго періода. Южное населе-

[1]) Въ сжатомъ видѣ эти работы представлены въ его статьѣ „Русскій языкъ" въ словарѣ Брокгауза и Эфрона, полутомъ 55, стр. 564 и сл.

ніе подвигается на сѣверо-востокъ, частью на мѣсто средне-русскаго населенія, а это въ свою очередь, отчасти подъ вліяніемъ напора пришельцевъ, отчасти подъ вліяніемъ другихъ причинъ, передвигается, съ одной стороны, на западъ, и съ другой на сѣверъ, въ бассейнъ Оки и Москвы, гдѣ сталкивалось съ южно-русскимъ племенемъ, и они вмѣстѣ сѣверно-русской кладутъ основаніе той великорусской группѣ русскихъ говоровъ, съ которой мы и имѣемъ дѣло въ позднѣйшій періодъ, именно, въ московскій. Стало быть, изъ двухъ остатковъ древнихъ южныхъ и средне-русскихъ племенъ образовалось новое племя—великорусское. Этимъ и объясняется то родство, которое великорусская народность сохранила съ малоруссами, съ одной стороны, съ бѣлоруссами (потомками остатковъ средне-русской группы и южно-русской)—съ другой. Что же касается остальной части населенія юга, то она подвинулась частью на западъ, частью на юго-западъ и заселила Галицію, Волынь. Позднѣе часть населенія Галича и Волыни передвигается опять на юго-востокъ и, сливаясь съ мѣстнымъ оставшимся населеніемъ, образуетъ племя малорусское. Сѣверная же группа племенъ остается приблизительно на старомъ мѣстѣ, раздвигаясь лишь на востокъ и постепенно, хотя медленно, смѣшиваясь съ южно-великоруссами. Этимъ и объясняется тотъ фактъ, что сѣверные русскіе говоры оказываются наиболѣе архаичными, древне-русскій языкъ въ нихъ сохранился въ менѣе измѣненномъ видѣ. Вотъ приблизительно то отношеніе, которое мы можемъ установить между современнымъ дѣленіемъ русскаго народа на великоруссовъ, малоруссовъ и бѣлоруссовъ и древне-русскими племенами кіевскаго періода [1]).

Если дѣло обстоитъ именно такъ, то, несомнѣнно, для кіевскаго періода, когда еще не сложились позднѣйшія русскія племена, мы должны имѣть дѣло еще со старой группировкой русскихъ племенъ и старыми центрами. И дѣйствительно, въ культурной жизни русскаго племени мы замѣчаемъ сильное тяготѣніе къ отдѣльнымъ центрамъ, при чемъ получается дѣленіе, въ общемъ вполнѣ совпадающее съ дѣленіемъ Шахматова. Южнорусское племя, наиболѣе культурной частью котораг- было племя полянъ, имѣетъ своимъ центромъ Кіевъ, который съ сама начала нашей исторіи становится самымъ виднымъ культурнымъ и го дарственнымъ центромъ. Но это, однако, вовсе не значитъ, чтобы о него объединялась вся Русь. Были и другіе центры, которые сохра свою самостоятельность. Такъ, на сѣверѣ былъ свой крупный куль ный центръ: это—Новгородъ. Тутъ нужно отмѣтить весьма характ ный фактъ, что среднерусскія племена менѣе культурныя, (како

[1]) Ср. прилагаемыя карты I и II.

полочане, кривичи) въ началѣ кіевскаго періода такого центра не имѣли: ихъ культурные центры — Полоцкъ и Смоленскъ — образовались приблизительно лѣтъ на 100—150 позднѣе, когда культурность ихъ поднялась, конечно, подъ вліяніемъ болѣе культурныхъ сѣверянъ и южанъ. Передовымъ племенемъ, такимъ образомъ, является племя полянъ съ прилегающими къ нему другими южной группы. Имъ-то и пришлось быть первоначальными носителями новой культуры. Стало быть, при изученіи литературы кіевскаго періода мы должны, отмѣчая черты бытовыя и черты общерусскія, имѣть въ виду, что литература развилась далеко не равномѣрно по всей русской землѣ, именно культурная жизнь на сѣверѣ отъ Кіева проявляется менѣе интенсивно, а въ средней Руси начинается гораздо позднѣе, нежели на югѣ и на сѣверѣ. Поэтому старое племенное или областное дѣленіе русской литературы должно быть учитываемо при изученіи древняго періода. Болѣе слабые отзвуки этого дѣленія могутъ быть найдены нами и въ литературныхъ памятникахъ непосредственно.

IV. Государство на Руси. Несомнѣнно, что выступленіе славянскихъ полудикихъ племенъ на историческую сцену было обусловлено рядомъ факторовъ, объясняющихъ это выступленіе. Изъ этихъ факторовъ, конечно, нужно прежде всего упомянуть образованіе государствъ и затѣмъ принятіе христіанства, которыя имѣли мѣсто почти одновременно, на что уже указывалось раньше. Несомнѣнно, что эти факторы много способствовали поднятію культурности и среди русскихъ племенъ. Какое же вліяніе оказало образованіе государства и принятіе христіанства на развитіе литературы? Къ выясненію этого вопроса мы и обращаемся.

Конечно, мы, изслѣдуя факты литературы, должны возможно меньше касаться фактической стороны политической исторіи, такъ какъ она сама касается непосредственно литературы только частью [1]). Прежде всего мы должны замѣтить, что первый факторъ, т.-е. образованіе государства, играло, повидимому, гораздо меньшую роль въ литературной жизни, чѣмъ второй факторъ, т.-е. принятіе христіанства. Это вполнѣ понятно: религіозная идея тѣснѣе связана съ міровоззрѣніемъ каждаго человѣка, нежели идея политическая, государственная; христіанское міровоззрѣніе находитъ свое отраженіе прежде всего въ литературѣ, прикасаясь съ домашней интимной жизнью человѣка болѣе, нежели власть политическая, особенно при невысокомъ уровнѣ культуры вообще. Конечно, нельзя при этомъ отрицать и важной роли образо-

[1]) Для болѣе подробнаго ознакомленія можно рекомендовать „Курсъ русск. исторіи“ В. О. Ключевскаго, т. I.

ванія государства, тѣмъ болѣе, что этотъ факторъ былъ тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ распространеніемъ христіанства. Какъ мы уже знаемъ, почти одновременно съ образованіемъ русскаго государства, около половины IX-го вѣка, то же самое происходитъ и у другихъ славянскихъ народовъ: вездѣ мы приблизительно около этого времени видимъ зарожденіе государства, гдѣ немного раньше, гдѣ немного позднѣе. Стало быть, приблизительно въ одно и то же время всѣ славяне вообще достигаютъ той степени развитія, когда первобытные народы отъ родового быта переходятъ къ болѣе усовершенствованнымъ формамъ жизни—къ быту государственному. Тотъ фактъ, что въ образованіи государствъ наблюдается извѣстная аналогія между всѣми славянскими народностями, и что хронологически оно почти совпадаетъ у всѣхъ нихъ, доказываетъ намъ, что славянство, хотя и раздробилось уже на отдѣльныя народности, но все же эти народности были довольно близки другъ къ другу по культурѣ, хотя, конечно, это не исключаетъ и частныхъ различій и дробленій въ предѣлахъ одного и того же племени, какъ то мы видѣли, напримѣръ, у русскихъ славянъ. Нельзя не отмѣтить еще одного характернаго факта: всѣ славяне основываютъ свои государства большею частью при содѣйствіи иноземныхъ элементовъ. У насъ таковыми элементами оказываются, съ одной стороны, Скандинавія, съ другой—Византія, съ которыми Русь издавна была въ культурно-торговыхъ сношеніяхъ. То же самое мы замѣчаемъ и у другихъ славянъ: основы польской государственности, дѣйствительно, находятся внѣ Польши; чехо-моравское государство возникаетъ подъ вліяніемъ Германіи, южные славяне образуютъ государства при непосредственномъ участіи византійскаго вліянія. Если мы попробуемъ опредѣлить причины этого явленія, то, несомнѣнно, найдемъ ихъ въ бытѣ народа: сосѣди раньше вышли на культурный путь, нежели славяне. Говоря ближе объ условіяхъ и характерѣ основанія государствъ у славянъ и въ частности у русскихъ, прежде всего нужно указать на то, что этотъ фактъ, т.-е. созданіе русскаго государства, находится въ непосредственной зависимости отъ экономическихъ и соціальныхъ причинъ. У насъ основаніе государства тѣснѣйшимъ образомъ связано с[illegible] торговыми предпріятіями русскаго племени. Русское племя разселил[illegible] вѣдь, главнѣйшимъ образомъ, по торговому пути; оно образовало [illegible] городовъ, которые съ сѣвера замыкались Новгородомъ, съ юга—Кіе[illegible] которые были прежде всего торговыми центрами. И около этихъ т[illegible] выхъ центровъ, которые въ то же время становятся и культурн[illegible] центрами, группируется и все остальное населеніе Руси: къ этимъ це[illegible] рамъ оно тяготѣетъ. Изъ этихъ экономическихъ факторовъ возникае[illegible] идея государственнаго устройства. Возникновеніе княжеской вла[illegible]

какъ и всей организаціи государства, вызвано было, по мнѣнію В. О. Ключевскаго [1]), прежде всего экономическими условіями. Князья первоначально являлись наемниками, которые за плату, за вознагражденіе, поддерживали порядокъ въ странѣ со своими дружинами, оберегая ея торгово-промышленныя предпріятія, ея торговые пути. Потомъ, подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій, эти князья, стоящіе во главѣ дружины, пріобрѣтаютъ больше правъ на участіе въ мѣстной жизни и становятся постоянными представителями дѣйствительной власти, по характеру остающейся попрежнему прежде всего военной. Рядомъ съ этой властью князя и его княжеской дружиной стоитъ старая власть русскихъ родовыхъ установленій—вѣче и родовая аристократія. Въ этой группировкѣ лежитъ начало дѣленія на классы, сословія: такъ, изъ старшей дружины и представителей старой родовой власти образуется позднѣйшая военная аристократія, изъ младшей и свободныхъ людей населенія, служащихъ князю,—служилая. Затѣмъ слѣдуетъ дальнѣйшее раздѣленіе русскаго общества. Такимъ образомъ вырабатываются тѣ общественныя группы, которыя потомъ лягутъ въ основу опредѣленныхъ сословныхъ группъ русскаго общества. Несомнѣнно, это явленіе представляетъ немалый интересъ и для историка литературы. Въ основу классоваго дѣленія кладется принципъ экономическій. Такимъ образомъ, различныя группы общества отличаются другъ отъ друга и по своему матеріальному положенію. Классы, болѣе матеріально обезпеченные, скорѣе и лучше могутъ воспринимать культуру, чѣмъ классы менѣе обезпеченные. Поэтому, несомнѣнно, міросозерцаніе высшихъ классовъ и низшихъ классовъ не можетъ быть одинаковымъ. Это, конечно, должно отражаться и на литературѣ. Однако, если мы возьмемъ письменный матеріалъ древней письменности, то далеко не всегда найдемъ это сословно-классовое различіе выраженнымъ, но все же мы можемъ его предполагать теоретически. Письменные памятники, которые дошли до насъ, конечно, вышли изъ наиболѣе культурнаго класса общества: для созданія произведенія необходимо образованіе, а возможность получить его связана съ матеріальнымъ достаткомъ и черезъ него—съ ...инадлежностью къ опредѣленному классу; поэтому намъ должно быть ...ятно единообразіе нашихъ литературныхъ произведеній въ смыслѣ ...женія міросозерцанія. Несомнѣнно, однако, что между высшими и ...е имущими классами общества и низшими существовалъ цѣлый ... промежуточныхъ ступеней. Поэтому мы не имѣемъ никакого права ...ать, что литература высшихъ слоевъ общества была совершенно не...тупна остальнымъ слоямъ общества и, наоборотъ, то, что литература

[1]) См. Исторію сословій въ Россіи (М. 1913), лекція V.

высшихъ слоевъ общества оставалась совершенно чуждой народнаго міросозерцанія. Это уже не допустимо потому, что древнерусскія сословія и имущественные классы мы не можемъ счесть чѣмъ-либо замкнутымъ, заключавшимся сами въ себѣ: какъ дружина, состоящая изъ пришлаго элемента и туземной старой группы правящихъ лицъ, постоянно пополнялась новыми элементами изъ тѣхъ же источниковъ, такъ былъ постоянный и отливъ обратно: обѣднявшій, утратившій значеніе представитель старшей дружины опускался въ младшую или переходилъ въ рядъ неслужилыхъ свободныхъ людей, такъ и разбогатѣвшій, усилившійся членъ младшей дружины подымался въ ряды старшей, а неслужилый человѣкъ оказывался въ той или иной дружинѣ и т. п. Т. о. постоянный обмѣнъ элементами между отдѣльными группами былъ вполнѣ естественнымъ, было взаимовліяніе. Это взаимовліяніе безусловно существовало и въ области литературы, гдѣ замѣтнѣе, гдѣ менѣе замѣтно. Къ экономическому фактору обмѣна, объединенія разнокультурныхъ элементовъ присоединяется факторъ политическій. Здѣсь роль играетъ система распредѣленія княжескихъ столовъ между представителями княжескаго рода. Какъ извѣстно, въ Кіевской Руси князь не являлся привязаннымъ къ опредѣленной области, а постоянно переходилъ съ одного княжескаго стола на другой, но въ извѣстномъ порядкѣ. Первымъ и главнымъ столомъ считался кіевскій, затѣмъ шелъ столъ новгородскій, затѣмъ черниговскій, смоленскій и т. д. Это дѣленіе тоже имѣло въ основѣ чисто экономическій принципъ: лучшимъ столомъ считался наиболѣе доходный; таковымъ являлся именно Кіевскій; затѣмъ шли остальные въ постепенности ихъ доходности. Въ Кіевѣ сидѣлъ великій князь, на остальныхъ столахъ его братья, сыновья и родственники по старшинству. По смерти какого-либо князя всѣ князья передвигались изъ удѣла въ удѣлъ, изъ худшаго—въ лучшій въ порядкѣ старшинства въ родѣ. Стоило только сойти со сцены одному, хотя бы не особенно значительному князю, какъ происходила значительная передвижка князей, стоявшихъ ниже. Когда же умиралъ великій князь, то всѣ князья передвигались и занимали другіе столы. Этотъ чисто-политическій факторъ, однако, имѣетъ свое значеніе и дл[illegible] литературной жизни. Прежде всего, эта цѣпь взаимно связанныхъ кн[illegible]жествъ порождала мысль объ единствѣ русской земли: она прина[illegible]жала не князю, а всему княжескому роду; единный княжескій родъ [illegible] мало помогалъ выработкѣ этого представленія. Затѣмъ, несомнѣн[illegible] что это приводило и къ извѣстнымъ практическимъ результатамъ, пр[illegible]изводя извѣстную нивеллировку общественныхъ слоевъ, группъ насел[illegible]нія разныхъ мѣстностей, производя обмѣнъ населенія между отдѣ[illegible]ными областями, что, конечно, имѣетъ вліяніе и на литературную жиз[illegible]

князь, переходя изъ удѣла въ удѣлъ, переводилъ съ собой и извѣстную часть населенія прежняго удѣла, хотя бы въ лицѣ дружины и своихъ служащихъ, а позднѣе и значительныхъ группъ рабочаго населенія. Такимъ образомъ, эти княжескія перемѣщенія много способствовали выработкѣ общихъ воззрѣній въ древней Руси, которыя мы находимъ въ древней литературѣ.

Теперь обращаемся ко второму важному фактору—къ принятію христіанства.

Христіанство на Руси. Конечно, дата учебниковъ—988 г.—теперь уже никѣмъ не можетъ серьезно приниматься. Путемъ научныхъ изслѣдованій по вопросу о крещеніи Руси установлено довольно прочно, что христіанство, безусловно, существовало на Руси до 988 г., и не только существовало, но и пользовалось извѣстнымъ признаніемъ, во всякомъ случаѣ мыслилось, какъ религія равноправная язычеству. Въ разсказѣ лѣтописи о договорѣ Игоря (945) съ греками упоминается о существованіи «соборной» церкви Ильи въ Кіевѣ. Конечно, мы не будемъ вдаваться въ подробности толкованія этого слова «соборная» въ томъ смыслѣ, что, разъ церковь носила названіе «соборной», то, значитъ, были и другія, не соборныя, т.-е. «соборная»—будто бы значитъ: главная среди другихъ церквей, почему можно бы заключить, что во времена Игоря было въ Кіевѣ нѣсколько церквей. Это толкованіе едва ли возможно: по смыслу мѣста [1]), русскіе христіане приносятъ клятву, заключая договоръ въ церкви Ильи (находящейся въ Кіевѣ), церкви «соборной», т.-е. просто въ церкви, куда обыкновенно собирались; лѣтопись хочетъ указать лишь на то, что, такъ какъ варяговъ-христіанъ было въ Кіевѣ (среди дружины) много, то у нихъ уже была и своя церковь. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что церковь въ Кіевѣ существовала при Игорѣ и христіанство пользовалось признаніемъ въ кругу правящихъ сферъ—князя-язычника и языческой части его дружины. Такимъ образомъ, мы можемъ видѣть, что христіанство безусловно существовало на Руси до Владиміра. Подробно на этомъ вопросѣ мы останавливаться не будемъ [1]).

Приходя на Русь, христіанство, какъ міросозерцаніе, должно было тотчасъ же опредѣлять свое отношеніе къ язычеству. Вопросъ объ этомъ отношеніи христіанства къ дохристіанскому міросозерцанію весьма важенъ и для исторіи русской литературы. Дѣйствительно, древнее язычество, какъ бы скудно оно ни было по своему развитію (см. выше),

[1]) Это мѣсто читается такъ: „а хрестеяну Русь водиша ротѣ въ церкви святаго Ильи... се бо бѣ сборная церкви, мнози до бѣша Варязи хрестьяни“.

[2]) Подробное изложеніе этого вопроса можно найти въ спеціальной монографіи Преосв. *Макарія* „О христіанствѣ на Руси до Владиміра“.

должно было составлять особое міросозерцаніе, къ которому привыкли, за которымъ была большая давность. Христіанство несло новое міросозерцаніе, которое должно было вытѣснить прежнее, чтобы стать самому на его мѣсто. Вытѣснить цѣлое міросозерцаніе—дѣло не легкое и не быстрое. Поэтому христіанство должно было вступить въ борьбу съ этимъ старымъ міросозерцаніемъ. Вотъ этотъ-то процессъ борьбы и, какъ ея слѣдствія, взаимодѣйствіе двухъ міросозерцаній и является чрезвычайно важнымъ въ теченіе всего древняго періода нашей исторіи литературы, не только кіевскаго, но и московскаго періода, и доходитъ въ нѣкоторыхъ своихъ проявленіяхъ даже до сихъ поръ: во всякомъ случаѣ съ послѣдствіями этого симбіоза двухъ міросозерцаній мы встрѣчаемся и до сихъ поръ. Что же касается примѣненія въ данномъ случаѣ общихъ законовъ культурной исторіи, то здѣсь замѣчается довольно полная аналогія между Русью и другими варварскими народами. Вездѣ, гдѣ христіанство вступало въ свои права, ему приходилось сталкиваться со старымъ міросозерцаніемъ, и вездѣ оно вступало въ аналогичную борьбу, вездѣ происходилъ и аналогичный процессъ. Прежде всего нужно отмѣтить, что новое христіанское міросозерцаніе считало себя (да и на дѣлѣ было) во многомъ діаметрально противоположнымъ тому, которое оно вытѣсняло. Христіанство X в. отличалось своего рода нетерпимостью въ томъ смыслѣ, что, признавая себя единственно-правильною религіею, оно отвергало цѣликомъ всѣ прочія не христіанскія, считая ихъ произведеніемъ темной, враждебной силы—«бѣсовъ» (по христіанской обычной терминологіи), при чемъ всѣ вообще не-христіанскія религіи (исключая, развѣ, древне-еврейскую религію) обобщались: магометанство, еврейство, философское античное язычество ставилось на одну доску съ языческой религіей первобытнаго человѣка. Такимъ образомъ, христіанство неминуемо должно было требовать полной замѣны прежняго міросозерцанія новымъ. Но эта замѣна не могла никогда и нигдѣ произойти сразу, вдругъ: наступала переходная эпоха. При этомъ переходная эпоха у разныхъ народовъ бываетъ различна: у народовъ болѣе культурныхъ менѣе продолжительна, но болѣе глубока, у народовъ менѣе культурныхъ—болѣе продолжительна и менѣе глубока, такъ какъ христіанство предполагаетъ извѣстную культурную подготовку, какъ религія культурная, возвышенная. Что касается положенія дѣла у насъ, русскихъ, то у насъ, какъ мы говорили, эта переходная эпоха была необычайно продолжительна. Какъ извѣстно, выработка христіанскаго міросозерцанія не закончена еще и до сихъ поръ, не только въ низшихъ слояхъ народа, но и въ болѣе высокихъ слояхъ его, даже у интеллигенціи. Вездѣ (даже у народовъ очень культурныхъ, какими, напр., являлись греки и римляне) этотъ процессъ

сводится къ одному—къ примѣненію закона культурныхъ переживаній. Этотъ законъ состоитъ въ томъ, что то, что разъ пріобрѣтено въ культурѣ, не исчезаетъ безслѣдно, а продолжаетъ жить, хотя бы на смѣну ему явился и новый факторъ, при чемъ этотъ старый факторъ видоизмѣняется, вступая во взаимодѣйствіе съ новымъ фактомъ, или продолжаетъ развиваться въ такомъ видоизмѣненномъ видѣ, или же служитъ матеріаломъ для образованія новаго культурнаго фактора. На исторіи христіанства у средневѣковыхъ народовъ легко провѣрить это наблюденіе. Христіанство, какъ ученіе, заключающееся въ опредѣленныхъ положеніяхъ, основанныхъ на священномъ писаніи и опредѣленномъ его истолкованіи, нигдѣ не замѣнило собою цѣликомъ стараго міросозерцанія, на смѣну котораго оно пришло. Даже въ такихъ культурныхъ странахъ, какъ Греція, Римъ, Александрія, страны Востока, гдѣ, кажется, могли бы вполнѣ проникнуться сущностью христіанскаго ученія, оно нигдѣ не прививалось въ массахъ въ своемъ чистомъ, идеальномъ видѣ,—вездѣ вступало во взаимодѣйствіе, отчасти, какъ сказать, компромиссъ съ прежней культурой, на смѣну которой оно появлялось, измѣняясь и само кое въ чемъ подъ вліяніемъ этой культуры, то болѣе, то менѣе. На этой почвѣ, еще очень давно, стали вырабатываться отдѣльные типы христіанства, главнымъ образомъ, типъ христіанства восточнаго, т.-е. византійско-греческаго, и западнаго, т.-е. римскаго, о которыхъ мы говорили раньше. Это значитъ, что христіанство, развиваясь, вступило на почву взаимодѣйствія съ мѣстными старшими культурами Востока и Запада. Что касается восточнаго христіанства, разработаннаго отцами церкви въ первые вѣка христіанской эры, то оно представляетъ, какъ система, не что иное, какъ результатъ взаимодѣйствія христіанскихъ началъ съ началами греческой, въ томъ числѣ платоновской философіи, отчасти мистическихъ идей стараго Востока. Такимъ образомъ, даже въ наиболѣе культурныхъ странахъ древняго міра, гдѣ разница между старымъ языческимъ и новымъ христіанскимъ міросозерцаніями была [illegible]же не такъ велика, и тамъ приходилось христіанству итти на компро[illegible]иссы. Тѣмъ болѣе это должно было имѣть мѣсто тамъ, гдѣ дохристіан[illegible]ое міросозерцаніе очень отличалось отъ христіанскаго, стояло несрав[illegible]но ниже его. Тамъ христіанству даже для того, чтобы въ своей [illegible]ѣ стать доступнымъ, приходилось дѣлать довольно крупныя уступ[illegible]остоянно приходилось или поглощать цѣликомъ старое міросозерца[illegible]или итти на уступки въ областяхъ, менѣе существенныхъ въ смыслѣ [illegible]ы, такъ что получалась любопытная амальгама, состоящая изъ [illegible]еплетающихся воззрѣній, принесенныхъ христіанствомъ, съ старыми [illegible]ристіанскими воззрѣніями. Это явленіе обыкновенно носитъ названіе [illegible]евѣрія. Это двоевѣріе, какъ мы замѣчали, не кончилось у насъ

среди простыхъ массъ народа еще и до сихъ поръ; что же касается кіевскаго періода, то оно составляетъ характернѣйшую черту всей народной жизни этого времени. Въ силу этого оно ярко отражается какъ на устной словесности, такъ и—слабѣе, впрочемъ—въ письменныхъ произведеніяхъ; съ этой-то точкой зрѣнія намъ постоянно приходится считаться съ двоевѣріемъ въ разсмотрѣніи нашей литературы, какъ отраженія міросозерцанія того или иного времени. Чтобы учесть это явленіе въ его значеніи для пониманія литературы, нужно съ нимъ познакомиться нѣсколько пристальнѣе.

Мы сказали, что двоевѣріе отразилось и въ устной и въ письменной литературѣ. Что касается литературы устной, то мы относительно ея знаемъ для древняго періода такъ мало, что ничего опредѣленнаго сказать не можемъ. О томъ, что мы можемъ заключать о содержаніи устной литературы въ кіевскій періодъ, уже говорилось въ своемъ мѣстѣ раньше; на основаніи же сказаннаго и того, что мы знаемъ объ отношеніяхъ христіанства къ народному міровоззрѣнію, какъ не-христіанскому (о чемъ также выше), а также объ отношеніяхъ представителей христіанства къ этому міросозерцанію, по скольку оно отразилось въ письменности, мы въ правѣ предполагать, что въ устной словесности, кіевскаго періода элементъ двоевѣрія, какъ и естественно въ эпоху смѣны міровоззрѣнія, былъ выраженъ особенно отчетливо, съ вѣроятнымъ даже преобладаніемъ старыхъ элементовъ въ малокультурной и плохо понимавшей христіанство массѣ. Далѣе этихъ общихъ, въ значительной степени апріорныхъ, предположеній идти мы не можемъ. Что же касается литературы письменной, то здѣсь, мы, конечно, можемъ судить болѣе точно. Прежде всего, нужно принять во вниманіе, что эта письменная литература Кіевской Руси является въ значительной степени наслѣдіемъ литературы византійской. Поэтому намъ нужно взглянуть на эти отзвуки идей византійской христіанской литературы въ литературѣ русской: тогда намъ многое станетъ яснымъ. Конечно, дать въ краткомъ очеркѣ характеристику византійской литературы дѣло очень трудное; придется имѣть въ виду лишь самыя общія черты. Но это сдѣлать необходимо, такъ какъ самые первые памятники нашей оригинальной литературы получаютъ свое объясненіе прежде всего изъ той же литературы византійской.

Естественно, прежде всего желательно по возможности представ[...] себѣ новый факторъ—византійское міросозерцаніе, какъ источн[...] претворенія русскаго до-христіанскаго. Византійская христіанская [...]тература давно уже опредѣлилась, пройдя къ IX—X в. всѣ главнѣйш[...] стадіи своего развитія, переваривши всѣ раннія вліянія, выработав[...] твердыя уже формы. Прежде всего она уже опредѣлила себѣ цѣ[...]

византійская христіанская литература рѣшительно отвергала всякую другую литературу не-христіанскую, независимо отъ ея содержанія, въ лучшемъ случаѣ низводя эту чужую литературу на степень матеріала, и то не перваго разряда, для своихъ построеній, какъ поступила она, напр., съ литературой античной. Это отрицательное отношеніе, хотя смягченное нѣсколько, относится и къ христіанской, но западной, литературѣ: она по временамъ даже приравнивается къ не-христіанскимъ. Это безпощадно-отрицательное отношеніе опредѣлило основной фонъ византійской литературы. Все, выработанное до христіанства, совершенно исключалось изъ области христіанской литературы, т.-е. единственно возможнымъ міровоззрѣніемъ становилось христіанское міровоззрѣніе, притомъ въ той формѣ, какую ему придала своя греко-византійская культура. Съ этой точки зрѣнія становится понятнымъ, почему византійская письменность старалась чуждаться народнаго міровоззрѣнія и народно-устной традиціонной литературы, какъ своей, такъ и тѣхъ народовъ, къ которымъ приходила эта письменность съ христіанской проповѣдью. Этимъ же объясняется, почему отзвуки до-христіанской литературы и въ нашей письменности, всецѣло ставшей въ зависимость отъ византійской, такъ слабы. Но это вовсе не значитъ, чтобы слѣды вліянія этихъ до-христіанскихъ воззрѣній были и на самомъ дѣлѣ такъ незначительны. Христіанство несетъ новое цѣльное міровоззрѣніе; но оно является не на пустое мѣсто, въ виду чего неминуемо вступаетъ въ взаимодѣйствіе съ тѣмъ, что было до него. Книжная литература прежде всего переводная у насъ, чужая, потомъ это—литература меньшинства; за ней остается туземная литература—массы; но эта литература намъ малодоступна для изученія; она почти исключительно устная (см. выше). Характерной чертой всего древняго періода русской литературы является поэтому преобладаніе у насъ литературы переводной надъ литературой оригинальной. Этотъ фактъ объясняется изъ общихъ же культурныхъ данныхъ. Вездѣ, гдѣ является своя новая литература, она является приспособленіемъ, подражаніемъ болѣе высокому въ культурномъ отношеніи образцу. Позднѣе уже на почвѣ этого подражанія будетъ развиваться своя самостоятельая литература.

Такимъ образомъ, вотъ общія положенія для исторіи развитія на-й начальной книжной литературы:

1) Появленіе письменности, заимствованной изъ византійско-славян-каго источника.

2) Отрицательное отношеніе этой письменности къ до-христіанской тературѣ и къ до-христіанскимъ воззрѣніямъ, слѣдствіемъ чего явля-ся очень медленное усвоеніе христіанскаго ученія народными массами.

3) Отрицательное отношеніе къ западной христіанской литературѣ и мысли.

4) Преобладаніе переводной письменности надъ своей.

5) Элементы двоевѣрія въ литературѣ, какъ устной, такъ и письменной.

6) Областной принципъ развитія литературы въ связи съ этнографическимъ составомъ племени.

Книжная литература, какъ указано было, становится удѣломъ людей болѣе образованныхъ, и лишь для этой незначительной сравнительно части общества христіанство въ болѣе полномъ и точномъ видѣ становится болѣе доступнымъ. Но результатъ получается одинъ и тотъ же, что въ Византіи. Устная литература начинаетъ отчуждаться отъ литературы письменной, литература культурныхъ слоевъ общества и литература некультурныхъ—народная устная традиціонная литература—оказываютъ другъ на друга слабое вліяніе. Однако, нельзя сказать, что такого вліянія совсѣмъ не было. Несомнѣнно, извѣстное вліяніе мы можемъ замѣтить. Съ одной стороны, это будетъ вліяніе устной литературы на письменную, съ другой—явленіе обратное, т.-е. вліяніе книжной, письменной литературы на устную. Литература народная, какъ традиціонная, продолжаетъ существовать въ народныхъ массахъ, представляя въ своемъ содержаніи преобладаніе элементовъ нехристіанскихъ, до-христіанскихъ, языческихъ, литература книжная—преобладаніе элементовъ христіанскихъ. Такимъ образомъ, отмѣченный раньше фактъ дѣленія нашей литературы на двѣ отдѣльныя отрасли: на устную и письменную, получаетъ объясненіе историческое изъ отношеній христіанства къ язычеству уже по существу [1]). Еще въ XVI-мъ вѣкѣ произносятся обвиненія противъ устно-народной литературы, хотя эти обвиненія и не достигаютъ почти никакой цѣли. Отцы Стоглаваго собора повторяютъ по существу то же, что говорило, вѣроятно, духовенство X—XI вѣка. Стало быть, этотъ процессъ не могъ совершиться такъ просто и быстро, разъ мы видимъ такую медленность въ измѣненіи отношеній на протяженіи нѣсколькихъ вѣковъ. Такимъ образомъ литература постоянно двоится. Съ одной стороны—развивается народно-устная литература, съ другой стороны—письменная. Обѣ вѣтви литературы, хотя и не признаютъ другъ друга, но невольно вступаютъ въ взаимодѣйствіе. И здѣсь мы находимся въ чрезвычайно невыгодномъ положеніи, такъ какъ намъ мало знакомъ одинъ изъ двухъ входящихъ въ взаимовліяніе элементовъ; изучая литературу древняго періода, мы

[1]) Но что это дѣленіе, хотя и по существу, конечно не то, противъ котораго приходилось возражать выше, это само собою ясно.

говоримъ объ устной литературѣ очень немного, не потому, конечно, чтобы она не заслуживала подробнаго разсмотрѣнія, а по той простой причинѣ, что она намъ не достаточно извѣстна. Поэтому получается одностороннее освѣщеніе литературныхъ фактовъ, котораго, конечно, никогда избѣгнуть не удастся. Это обязываетъ насъ придерживаться особеннаго метода при изученіи всей нашей древней литературы вплоть до XVII-го вѣка, именно: мы должны постоянно памятовать, что письменная литература не выражаетъ всего содержанія нашей литературы, и что мы, при невозможности точно учесть ее въ полномъ объемѣ, должны постоянно вращаться въ области лишь болѣе или менѣе вѣроятныхъ предположеній, говоря о древней литературѣ во всемъ ея объемѣ. Этимъ, собственно говоря, опредѣляется и та программа, которой мы должны держаться при изученіи литературы кіевскаго періода.

Литература переводная. Изъ сказаннаго о византійскомъ культурномъ вліяніи видно, что прежде, чѣмъ перейти къ русскимъ оригинальнымъ памятникамъ, мы должны представить полное содержаніе того литературнаго фонда, который былъ перенесенъ къ намъ; стало быть, мы должны познакомиться съ тѣмъ, что дала намъ византійская литература въ качествѣ образца и матеріала для собственнаго развитія. Поэтому первымъ пунктомъ является вопросъ объ объемѣ и содержаніи той христіанской литературы, которая перешла къ намъ изъ Византіи прямо и чрезъ славянъ Балканскаго полуострова.

Для того, чтобы дать понятіе объ объемѣ и содержаніи этой литературы, можетъ быть, самымъ простымъ способомъ было бы дать полный перечень перешедшихъ памятниковъ съ указаніемъ ихъ содержанія. Но, прежде всего, такого перечня мы дать не можемъ, такъ какъ лишь немногіе изъ этихъ памятниковъ дошли до насъ изъ кіевскаго періода въ текстахъ того же времени, большинство же сохранилось лишь въ позднѣйшихъ спискахъ, сильно отличающихся отъ первоначальныхъ редакцій; а затѣмъ—и это самое важное—многое намъ и вовсе осталось навсегда неизвѣстнымъ, такъ какъ русская жизнь кіевскаго періода завершилась чудовищнымъ разгромомъ, во время котораго погибла, езусловно, масса рукописей, цѣлыя богатыя библіотеки; многое, моетъ быть, до сихъ поръ еще не найдено. Несомнѣнно, что и переѣны и перетасовки населенія имѣли отрицательное значеніе для сохраенія памятниковъ Кіевской Руси. Самая судьба Кіевской Руси имѣетъ здѣсь также не малое значеніе: Кіевская Русь должна была сильно ократиться, если почти совсѣмъ не прекратить свое существованіе, и сновать новое государство съ новой народностью на сѣверо-востокѣ.

Если это передвиженіе на сѣверо-востокъ населенія Кіевской Руси, съ одной стороны и способствовало сохраненію, хотя и въ передѣлкахъ и копіяхъ, памятниковъ Кіевской Руси на сѣверо-востокѣ (куда съ собой ихъ несли переселенцы), то на мѣстѣ оно вмѣстѣ съ погромами, съ другой стороны, лишало силъ эту литературу. Оставшаяся на мѣстѣ часть населенія Кіевской Руси, правда, довольно скоро начинаетъ новую энергичную жизнь, но уже подъ инымъ, западно-европейскимъ, преобладающимъ вліяніемъ. Такимъ образомъ, и исторія говоритъ намъ, что мы знаемъ лишь часть того, что было въ Кіевской Руси. Но по отсутствію теперь многихъ памятниковъ, мы никакъ не можемъ заключить, что ихъ и не было; наоборотъ, по дошедшимъ ихъ остаткамъ весьма вѣроятно предположить, что ихъ было въ Кіевское время очень много, и что мы знаемъ теперь лишь только незначительную часть ихъ. Поэтому способъ простого перечня для ознакомленія съ этой литературой является не примѣнимымъ въ полной мѣрѣ. Несравненно плодотворнѣе окажется изученіе этой литературы, если мы познакомимся съ нею по тѣмъ типичнымъ памятникамъ, содержаніе и характеръ которыхъ намъ удается возстановить путемъ научной критики. При этомъ мы можемъ существованіе нѣкоторыхъ памятниковъ предположить, такъ какъ безъ такихъ памятниковъ невозможно существованіе тѣхъ или иныхъ явленій въ области нашего христіанства, въ области памятниковъ другого рода. На основаніи такого «типологическаго» изученія памятниковъ древней литературы мы получимъ возможность судить приблизительно и объ объемѣ всей этой литературы, но не количественномъ прежде всего, а идейномъ, что, конечно, и важнѣе. Вотъ оправданіе того метода, въ силу котораго мы не будемъ перечислять всѣ памятники, а говорить будемъ лишь о тѣхъ, отъ знакомства съ которыми мы можемъ отправляться въ цѣляхъ представленія общей картины жизни и развитія кіевской литературы.

Итакъ, первое, съ чѣмъ мы должны имѣть дѣло, это—познакомиться съ византійской христіанской литературой, перешедшей въ извѣстной долѣ на Русь. Здѣсь мы можемъ получить довольно ясную картину въ общемъ.

Священное писаніе. Христіанская литература является и у насъ пр
близительно въ томъ объемѣ, въ какомъ она была при тѣхъ же ку
турныхъ условіяхъ и въ другихъ мѣстахъ. Прежде всего это, коне
священное писаніе новаго и ветхаго завѣта. Въ виду необы
но бережнаго отношенія къ священному писанію, являвшагося сл
ствіемъ того уваженія и значенія, которыя оно имѣетъ въ христіа
ствѣ, въ виду большого количества и также древности сохранивши
списковъ, мы можемъ составить себѣ точное представленіе о томъ,

какомъ видѣ и какъ перешло къ намъ священное писаніе при принятіи христіанства.

Миссіонеры, являвшіеся въ нехристіанскую страну для проповѣди христіанства, должны были прежде всего дать источникъ своего вѣроученія паствѣ и средство для отправленія богослуженія. Главнымъ источникомъ было, конечно, священное писаніе; поэтому однимъ изъ первыхъ шаговъ миссіонеровъ долженъ быть всюду и всегда одинъ и тотъ же: переводъ священнаго писанія и прежде всего Евангелія на языкъ обращаемаго народа (если только само миссіонерство не есть лишь средство для иныхъ цѣлей). Въ данномъ случаѣ дѣло такъ было и у славянъ. Кириллъ и Меѳодій отправляются къ славянамъ съ готовымъ переводомъ священнаго писанія. Этотъ-то переводъ черезъ югъ славянства приходитъ и къ намъ. Нужно замѣтить, что священное писаніе еще въ самой Византіи (какъ и на Западѣ) встрѣчается въ двухъ видахъ: оно является и какъ источникъ христіанскаго вѣроученія, и какъ необходимое пособіе при богослуженіи. Дѣйствительно, и славянское священное писаніе дошло до насъ въ двухъ различныхъ видахъ, поскольку это касается новаго завѣта: во-первыхъ, какъ источникъ христіанскаго вѣроученія, въ своемъ полномъ, такъ сказать, естественномъ видѣ, т.-е. сначала Евангелія: Матѳея, Марка, Луки и Іоанна, затѣмъ Дѣянія, Посланія апостоловъ, наконецъ Откровеніе Іоанна Богослова; во-вторыхъ, существовалъ у насъ и другой видъ священнаго писанія, болѣе краткій, приспособленный къ потребностямъ богослуженія. Такой текстъ въ Византіи назывался по-гречески aprakos, т.-е. недѣльнымъ Евангеліемъ, Апостоломъ [1]). Въ немъ располагались Евангелія и апостольскія посланія въ порядкѣ церковныхъ чтеній за весь годъ, и сравнительно съ Четвероевангеліемъ такой текстъ не имѣлъ отдѣльныхъ кусковъ священнаго текста, какъ не вошедшихъ въ церковную службу. Уже à priori, исходя изъ характера дѣятельности Кирилла и Меѳодія, какъ прежде всего миссіонеровъ, можно сказать, что они сдѣлали переводъ именно такого богослужебнаго, не полнаго текста Евангелія, такъ какъ прежде всего передъ ними стояли практическія цѣли—доставить славянамъ возможность совершать богослуженіе на родномъ славянскомъ языкѣ. ревнія письменныя свидѣтельства подтверждаютъ это. Іоаннъ Экзархъ олгарскій писатель X в.) сообщаетъ, что блаженный Кириллъ переѣлъ «отъ Евангелія и Апостола изборъ», т.-е., что переводъ Кирилла представлялъ именно краткій, богослужебный текстъ Евангелія остального новаго завѣта. Въ такомъ видѣ священное писаніе пере-

[1]) На Западѣ такой текстъ получилъ названіе „Лекціонарія", чѣмъ еще нагляднѣе одчеркивается его богослужебное назначеніе (отъ lectio-чтеніе).

шло и къ намъ на Русь. Старѣйшимъ, отмѣченнымъ годомъ, представителемъ такого типа Евангелія, является извѣстное Остромирово Евангеліе,—памятникъ прекрасно сохранившійся отъ середины XI-го вѣка (писанъ 1056—1057 г.) [2]). Присматриваясь ближе къ составу Остромирова Евангелія, мы видимъ, что оно представляетъ дѣйствительно апракосъ, притомъ такъ называемый краткій, т.-е.: оно не содержитъ въ себѣ евангельскихъ чтеній, расположенныхъ по днямъ цѣлаго года, а только евангельскія чтенія для воскресныхъ и тѣхъ праздничныхъ дней, когда являлось необходимымъ совершеніе богослуженія. Однако, думать, что въ такомъ не полномъ видѣ Евангеліе и появилось впервые на Руси, нѣтъ никакихъ основаній. Хотя полнаго недѣльнаго Евангелія такой древности, къ которой восходитъ Остромирово Евангеліе, и не сохранилось на русской почвѣ, но въ существованіи болѣе полныхъ недѣльныхъ списковъ Евангелія мы можемъ убѣдиться по сохранившимся юго-славянскимъ спискамъ. Эти списки представляютъ полный годовой кругъ чтеній, и, естественно, вмѣстѣ со многимъ другимъ переходили они и на Русь. Что же касается Четвероевангелія, т.-е. полнаго, расположеннаго по евангелистамъ текста, то прямыхъ доказательствъ того, что оно въ славянскомъ переводѣ появилось на Руси вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства и вмѣстѣ съ апракосными типами Евангелій, нѣтъ; но есть доказательства косвенныя. Древнѣйшимъ датированнымъ русскимъ спискомъ Четвероевангелія является такъ называемое Галицкое Евангеліе (называется оно такъ потому, что было долгое время въ южной Руси, близъ г. Галича); списокъ относится къ 1144 году. Памятникъ этотъ хотя относится къ XII вѣку, позволяетъ однако намъ предположить, что и раньше были подобнаго же рода памятники, съ которыхъ это Галицкое Евангеліе могло быть списано. Образчики такихъ памятниковъ даетъ намъ опять-таки юго-славянская литература главнымъ образомъ: древніе тексты славянскаго Четвероевангелія восходятъ къ X-му (предположительно) и XI-му вв. въ Болгаріи (пишутся отчасти глаголицей): это— извѣстное Зографское Евангеліе, затѣмъ въ Сербіи—Марьинское Еванге-ліе (XI—XII в.), которыя представляютъ не апракосный типъ, а именн типъ Четвероевангелія. Изучая списки этихъ Четвероевангелій, мы пр ходимъ къ любопытному выводу, именно, къ тому, что Четвероеванге на славянской почвѣ ведетъ свое начало отъ апракоснаго типа славянскихъ Евангелій, въ основѣ которыхъ лежитъ первоначала Кирилло-Меѳодіевскій переводъ; стало быть, новаго перевода съ гр скаго для Четвероевангелія не дѣлалось, а создалось оно такъ. Со вители текста Четвероевангелія взяли Евангеліе-апракосъ, выбр

[1]) Издано было оно въ 1842 г. А. Х. Востоковымъ, см. выше (введеніе).

изъ него отдѣльныя чтенія по евангелистамъ, и затѣмъ эти отдѣльные куски евангельскаго текста расположили въ порядкѣ повѣствованія, какъ оно читается въ греческомъ Четвероевангеліи. При этомъ, конечно, нѣкоторыхъ кусковъ недоставало, по сравненію съ полнымъ греческимъ текстомъ Четвероевангелія, такъ какъ богослужебная практика (для которой и существовалъ апракосъ) не обнимаетъ полнаго текста всѣхъ евангелистовъ. Эти недостающіе куски восполнены были переводомъ съ греческаго, сдѣланнымъ вновь для этой цѣли. Этотъ процессъ виденъ изъ различія въ переводѣ однихъ и тѣхъ же греческихъ словъ на славянскій, въ частяхъ находящихся въ апракосѣ и отсутствующихъ въ немъ, но читаемыхъ въ Четвероевангеліи (напр., grammateus переведено двояко въ разныхъ мѣстахъ «кънижьникъ» и «кънигъчии»). Это преобразованіе апракоса въ Четвероевангеліе совершилось не позднѣе начала X вѣка, повидимому, въ Болгаріи (Симеоновская эпоха), стало быть, еще до распространенія христіанства на Руси. Разъ уже по спискамъ подобные тексты на русской почвѣ восходятъ къ XII вѣку, то, естественно, мы можемъ предположить ихъ появленіе въ XI-мъ или даже въ концѣ X-го вѣка. Такимъ образомъ, священное писаніе новаго завѣта, въ частности Евангеліе, перешло въ Россію очень рано и притомъ въ двухъ видахъ, въ апракосномъ (который въ свою очередь представлялъ два вида: Евангеліе-апракосъ краткаго и апракосъ полнаго состава) и въ видѣ Четвероевангелія. Т. о. мы имѣемъ съ самаго начала нашей письменности тѣ же два вида Евангелія, что и Византія.

Что касается другихъ книгъ новаго завѣта, то, повидимому, здѣсь дѣло обстояло нѣсколько иначе: Апостолъ перешелъ, вѣроятно, первоначально только въ одномъ видѣ—въ видѣ апракоса: полный же текстъ Дѣянія и Посланій апостольсокихъ появился нѣсколько позже. Несомнѣнно, что Евангеліе въ древней Руси пользовалось болѣе широкимъ распространеніемъ, чѣмъ Апостолъ (что понятно по значенію Евангелія сравнительно съ Апостоломъ). Древнѣйшіе списки Апостола-апракоса относятся у насъ къ XII в. (хотя, несомнѣнно, были и старшіе, но до насъ не дошли), рукописи же полнаго Апостола встрѣчаются е раньше XIII вѣка, притомъ очень рѣдки вплоть до XV вѣка. Тамъ образомъ, новый завѣтъ былъ представленъ первое время по ошенію къ Евангелію полнѣе, чѣмъ по отношенію къ Дѣяніямъ и ланіямъ апостольскимъ.

Изъ остальныхъ книгъ священнаго писанія—ветхаго завѣта—очень ьшое распространеніе получила Псалтирь. Псалтирь играетъ очень жную роль въ богослуженіи православной церкви; затѣмъ Псалтирь дучи ветхозавѣтной книгой) является, такъ сказать, наиболѣе христнской книгой всего ветхаго завѣта въ пониманіи христіанина: по

толкованію отцовъ, она содержитъ рядъ пророчествъ объ Іисусѣ Христѣ. Кромѣ того, Псалтирь—это книга, заключающая въ себѣ высокую религіозную поэзію, вполнѣ понятную для простого и примѣнимую и въ христіанствѣ. Все это обезпечивало Псалтири особенный успѣхъ въ христіанствѣ вообще. Сверхъ того, Псалтирь съ давнихъ временъ и вплоть до XIX-го вѣка являлась учебной книгой въ византійской и въ нашей школѣ. Какъ собраніе поэтическихъ мыслей въ оригинальной формѣ, она представляла удобный матеріалъ для заучиванія наизусть: отдѣльныя изреченія изъ Псалтири заучиваются и въ школѣ и при чтеніи и постоянно употребляются въ видѣ пословицъ на разные случаи жизни. Какъ произведеніе лирическое сверхъ всего, Псалтирь служитъ для удовлетворенія художественно-эстетическихъ потребностей. Наконецъ, Псалтирь получаетъ и чисто-утилитарное примѣненіе къ жизни. Мы знаемъ, что и въ Византіи и на Западѣ съ давнихъ поръ Псалтирь становится домашней настольной книгой, которая является необходимой принадлежностью каждаго мало-мальски образованнаго дома. Здѣсь Псалтирь получаетъ самыя разнообразныя примѣненія: ее читаютъ надъ покойниками, по Псалтири «отчитываютъ» больныхъ, наконецъ, по Псалтири гадаютъ. Гаданіе это по Псалтири было очень распространено, какъ въ Византіи, такъ и на Западѣ, а за ними и въ древней Руси и производилось разными способами, напр., такимъ образомъ: когда нужно было разрѣшить какое-либо сомнѣніе, то открывали Псалтирь на первомъ попавшемся мѣстѣ, находя его или при помощи ножа, втыкаемаго въ обрѣзъ книги, или же просто разгибая книгу на удачу, и читали тотъ псаломъ, который при этомъ открывался, при чемъ изъ содержанія псалма старались сдѣлать выводъ для разрѣшенія своего сомнѣнія. Этотъ обычай такъ распространился, что рано появились спеціальныя «гадательныя» Псалтири, которыя восходятъ тоже къ довольно древнимъ временамъ (есть русскіе списки XI-го вѣка). Въ этихъ гадательныхъ Псалтиряхъ подъ каждымъ псалмомъ дѣлалась приписка, въ которой говорилось, что̀ при какихъ обстоятельствахъ тотъ или иной псаломъ рекомендуетъ. При такомъ текстѣ, конечно, дѣло гадающаго сильно облегчалось: въ обыкновенной Псалтири нужно было прочесть псаломъ, вникнуть въ его содержаніе и сдѣлать уже потомъ выводъ, что бы[illegible] далеко не для всякаго доступно, въ гадательной же Псалтири, откр[illegible] какой-нибудь псаломъ, нужно было лишь прочитать приписку, въ [illegible]торой было сказано, что этотъ псаломъ при такомъ-то обстоятельс[illegible] обозначаетъ то-то [1]). При томъ широкомъ распространеніи, которое [illegible]

[1]) Подробнѣе о гадательныхъ Псалтиряхъ см. М. Сперанскаго. Изъ ист[illegible] отреченныхъ книгъ I (Спб. 1899).

лучила Псалтирь въ Византіи, естественно предположить, что и у насъ она явилась однимъ изъ древнѣйшихъ письменныхъ памятниковъ. Дѣйствительно, факты оправдываютъ это: древнѣйшіе списки Псалтири на русской почвѣ восходятъ къ XI-му в. Такимъ образомъ, несомнѣнно, мы должны признать, что Псалтирь была извѣстна въ переводѣ у насъ на Руси съ первыхъ временъ христіанства. Самый же переводъ Псалтири на славянскій долженъ такъ же, какъ и новаго завѣта, быть сочтенъ трудомъ славянскихъ первоучителей и потому ко времени перенесенія христіанства на Русь пользоваться большой извѣстностью. И дѣйствительно, въ оригинальныхъ русскихъ произведеніяхъ въ XI—XVII вв. (напр., въ «Поученіи» Владимира Мономаха) цитаты изъ Псалтири представляются наиболѣе распространенными.

Кстати будетъ сказать, что Псалтирь существовала съ первыхъ же шаговъ нашей письменности не въ одномъ только чистомъ видѣ. Кромѣ обыкновеннаго текста Псалтири, были распространены еще такъ называемые тексты «Толковой» Псалтири, подобно тому, какъ рядомъ съ другими книгами св. писанія обычными, были и толковые ихъ тексты (напр., Евангелій, Апостола, Пророческихъ книгъ ветхаго завѣта). Появленіе такихъ текстовъ объясняется, конечно, неясностью смысла нѣкоторыхъ мѣстъ Псалтири, разъ она—не только книга поэтическая, хвалебная, не только книга учительная, но и книга пророческая. Пророчества о Христѣ, христіанствѣ въ Псалтири, конечно, не всегда легко находимы, особенно при искусственности въ толкованіи въ такомъ направленіи. Мѣста, имѣвшія подобное значеніе, необходимо было отмѣчать, истолковывать ихъ въ опредѣленномъ смыслѣ; поэтому и появляются еще въ Византіи тексты Псалтири, въ которыхъ самый текстъ псалмовъ сопровождается часто то краткими, то обширными толковыми примѣчаніями и объясненіями. Значеніе Псалтири, какъ книги пророческой, было сознано еще очень давно—въ первые вѣка христіанства въ эпоху борьбы его съ язычествомъ и іудействомъ. Она поэтому и стала толковаться не только примѣнительно къ христіанству, какъ книга, связующая ветхій завѣтъ съ новымъ, но иногда ...лучала специфическую, именно антиіудейскую окраску. Толкованіями ... этой Псалтири старались доказать ошибочность, ложность іудейской ...гіи. Логическая связь была такая: Псалтирь—самая іудейская ...а, написанная авторитетнымъ и въ глазахъ іудеевъ царемъ Дави...ъ, и она же говоритъ ясно о христіанствѣ; стало быть, это самымъ ...шимъ образомъ доказываетъ ложность іудейской религіи [1]). И такая

---

[1]) Спеціальное изслѣдованіе о переводѣ Псалтыри на славянскій: Вяч. И. ...зневскій. Древній славянскій переводъ Псалтири (Спб. 1877).

толковая Псалтирь стала извѣстна на Руси въ переводахъ чуть ли не одновременно съ обычной, притомъ въ разныхъ видахъ; извѣстны тексты XI—XII вв. Псалтири съ толкованіями, приписываемыми Аѳанасію Александрійскому (напр., т. н. толстовская Псалтирь въ Имп. Публ. Библ.), а также изъ того же времени Псалтирь съ толкованіями Ѳеодорита Киррскаго; въ обѣихъ толкованія съ сильнымъ противоеврейскимъ оттѣнкомъ [1]). Оба перевода толковыхъ Псалтирей не моложе конца IX или нач. X вв., совершены, какъ обычно, въ Болгаріи.

Что касается остальныхъ книгъ, относящихся къ циклу книгъ священнаго писанія ветхаго завѣта, то мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ недочетовъ для славяно-русской письменности въ этомъ отношеніи. Какъ извѣстно, книги ветхаго завѣта входятъ въ обиходъ православнаго богослуженія, хотя и не въ такомъ объемѣ, какъ книги священнаго писанія новаго завѣта, а въ гораздо меньшемъ; стало быть, и на русской почвѣ первое время для практической цѣли необходимы были книги священнаго писанія ветхаго завѣта только въ частяхъ, приспособленныхъ къ богослуженію. Онѣ, дѣйствительно, и были, повидимому, въ такомъ объемѣ. Вѣроятно, первымъ текстомъ, перешедшимъ на Русь изъ книгъ священнаго писанія ветхаго завѣта, и является Паримейникъ, который составленъ изъ отдѣльныхъ отрывковъ историческихъ, учительныхъ и пророческихъ книгъ ветхаго завѣта, примѣнительно къ чтеніямъ на богослуженіяхъ. И этого на первое время было достаточно: книги ветхаго завѣта не могли быть поставлены на одну доску съ книгами новаго завѣта по самому содержанію и значенію въ практикѣ христіанской церкви и въ глазахъ читателей и слушателей. Паримейникъ былъ переведенъ на славянскій языкъ еще въ Кирилло-Меѳодіевскую эпоху по той же причинѣ, что и апракосное Евангеліе, является наиболѣе древнимъ и на Руси источникомъ для знакомства съ ветхимъ завѣтомъ, но, понятно, источникомъ далеко не полнымъ. Но этотъ Паримейникъ долгое время и остается главнымъ источникомъ знакомства со священнымъ писаніемъ ветхаго завѣта на Руси: приблизительно до конца XV вѣка у насъ обходились однимъ Паримейникомъ и въ церковномъ обиходѣ [2]).

Но въ древнемъ періодѣ нашей литературы были также извѣст[ны] въ славянскомъ переводѣ и отдѣльныя книги ветхаго завѣта: во-[первыхъ]...

---

[1]) Полное изданіе перваго толкованія: V. Jagić. Psalterium Bononiense, V[indob.] 1907, второго: В. А. Погорѣловъ. Чудовская псалтирь XI в. (Спб. 1911). Из[слѣ]дованіе о послѣдней принадлежитъ ему же (Варшава 1910).

[2]) Изданіе части старославянскаго Паримейника: „Григоровичевъ Паримейни[къ]" (М. 1894), сдѣлано въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. Р. Ѳ. Брандтомъ; изслѣдованіе: А. Михайловъ. Опытъ изслѣд. книги Бытія, I (Варш. 1912).

выхъ, «пятокнижіе», т.-е. первыя пять книгъ Библіи (Бытія, Исходъ, Левитъ, Числа, Второзаконіе), излагающія исторію жизни человѣчества до Христа, а жизнь эта разсматривалась въ древне-христіанской литературѣ не какъ явленіе самостоятельное, а главнымъ образомъ, какъ лишь подготовительная ступень къ истинной жизни, христіанству; ветхозавѣтныя событія понимались въ значительной мѣрѣ лишь, какъ прообразъ новозавѣтныхъ: въ этомъ прежде всего интересъ ветхозавѣтнаго писанія для христіанина. Этимъ и объясняется то, что, если мы въ древности не встрѣчаемъ полнаго текста всѣхъ книгъ ветхаго завѣта въ славянскомъ переводѣ, то съ XII в., можетъ быть, даже съ XI вѣка встрѣчаемся съ отдѣльными книгами. Этому интересу обыкновенно удовлетворяло или пятокнижіе, или же восьмикнижіе (гдѣ къ пяти книгамъ Моисеевымъ прибавлялись 3 книги Судей израильскихъ). Эти книги перешли въ такомъ объемѣ изъ Византіи на Русь черезъ тѣхъ же славянъ; но едва ли переводъ ихъ совершенъ въ Кирилло-Меѳодіевскую эпоху: языкъ въ переводѣ показываетъ, что онъ былъ сдѣланъ въ Болгаріи, хотя и довольно рано; рано встрѣчаются и русскіе списки (впрочемъ не старше XIV в.), но въ ограниченномъ количествѣ. Во-вторыхъ, несомнѣнно, изъ книгъ ветхаго завѣта большое значеніе придавалось книгамъ пророческимъ; но онѣ были сами по себѣ малопонятны для не спеціалиста-богослова, при туманности содержанія, намековъ и обиліи поэтико-символическихъ образовъ. Поэтому еще въ Византіи выработался особый типъ пророческихъ книгъ, типъ, такъ называемый «толковый»; поэтому пророческія книги въ своемъ чистомъ видѣ встрѣчаются и въ Византіи рѣдко, наиболѣе же распространены тексты, снабженные толкованіями, или носящими преимущественно полемическій характеръ противъ іудеевъ, или же проводящими общую мысль о прообразовательномъ значеніи ветхаго завѣта. На Руси отдѣльные, чистые тексты встрѣчались еще рѣже; многія книги пророческія безъ толкованій такъ и не были извѣстны до поздняго времени, какъ о томъ свидѣтельствуетъ Геннадіевская Библія (1492 г.)—первый опытъ полнаго собранія св. книгъ въ славянскомъ переводѣ: Геннадію нигдѣ не далось достать чистаго текста нѣкоторыхъ пророческихъ книгъ (а мы аемъ, что онъ прилагалъ много стараній, чтобы разыскать недостающія иги по всей Россіи), и редакторамъ Геннадіевской Библіи поневѣ пришлось пользоваться толковыми текстами: изъ толкованій вырать то, что представляло собственно текстъ пророческихъ книгъ и о. составлять чистый текстъ пророковъ; однако, редакторы не всегда гносились къ своему дѣлу достаточно умѣло, не всегда могли точно зличить (да это и на дѣлѣ не легко), что представляетъ основной кстъ, что—толкованіе чистаго пророческаго текста, и мѣстами пере-

писывали вмѣстѣ съ текстомъ и часть толкованія (это и обличаетъ то, что переписывали съ толковаго текста). Насколько древни у насъ были эти толковые тексты, показываетъ приписка извѣстнаго уже намъ новгородскаго попа, по прозванію—Упыря Лихого, который переписалъ толкованія 12-ти пророковъ: эта приписка попа Упыря Лихого, вошедшая и въ геннадіевскій сводъ книгъ св. писанія, содержитъ, какъ припомнимъ, хронологическую дату, именно—1047 годъ.

Изъ сдѣланнаго нами обзора видно, что священное писаніе ветхаго завѣта перешло къ намъ въ древнемъ періодѣ литературы не въ полномъ объемѣ, какъ священное писаніе новаго завѣта, что, конечно, прежде всего объясняется различіемъ значенія того и другого завѣта въ христіанской жизни и богослужебной практикѣ.

Такимъ образомъ, первыми книгами, съ которыми познакомились на Руси по принятіи христіанства, были священное писаніе новаго завѣта и отчасти священное писаніе ветхаго завѣта. Это знакомство, несомнѣнно, имѣетъ огромное значеніе въ исторіи нашей литературы. Это были первые памятники, которые сообщили намъ христіанскую образованность. Священное писаніе открывало цѣлый міръ, во всемъ столь отличный по характеру отъ древняго нашего языческаго, вносило новыя идеи и понятія, новыя общественныя и семейно-бытовыя нормы, наконецъ, давало многія историческія знанія, и эти познанія давались впервые. Поэтому священное писаніе, особенно новаго завѣта, должно было имѣть значительное вліяніе на жизнь. Дѣйствительно, это такъ и было на дѣлѣ. Вся наша письменность древняго періода носитъ на себѣ слѣды этого вліянія священнаго писанія. Древнѣйшіе же книжники свое образованіе получали преимущественно на основаніи изученія священнаго писанія. Чѣмъ древнѣе памятникъ, тѣмъ чаще встрѣчаемся мы въ немъ съ обильными цитатами изъ священнаго писанія, какъ новаго, такъ и ветхаго завѣта: авторъ какъ бы старается даже свою мысль выражать словами высшаго авторитета—св. писанія; таково, напр., извѣстное «Поученіе» Владиміра Мономаха (XII в.) и др.

Богослужебныя книги. Но, несомнѣнно, наша христіанская литература и образованность не могли ограничиться исключительно свя щеннымъ писаніемъ. Сюда присоединяются еще и другія книги, пре имущественно той же церковной письменности.

Такъ какъ христіанское богослуженіе, ко времени принятія х стіанства на Руси, представляло уже систему довольно развитую, от чалось большою сложностью своего ритуала (оно, напр., въ символ ческихъ образахъ воплощало цѣлый рядъ моментовъ изъ священн исторіи новаго и ветхаго завѣта), поэтому, несомнѣнно, мы имѣе полное право предположить, что, на ряду съ книгами священнаго писан

къ намъ перешли и книги, служащія руководствомъ при совершеніи церковныхъ службъ; поэтому, мы, естественно, и предполагаемъ существованіе довольно обширной богослужебной литературы въ нашей древнѣйшей письменности съ первыхъ же поръ по принятіи христіанства. Дѣйствительно, изъ XI вѣка мы имѣемъ рядъ такихъ богослужебныхъ книгъ, сохранившихся отчасти до нашего времени. Это, прежде всего, такъ называемая служебная мѣсячная Минея, т.-е. собраніе службъ и указаніе ихъ порядка по церковному календарю на весь годъ, по мѣсяцамъ. Онѣ до насъ дошли въ спискахъ конца XI вѣка: это— т. н. новгородскія Минеи 1095—1097 г. (рукописи ихъ хранятся въ Москвѣ въ библіотекѣ Синодальной типографіи) [1]. Несомнѣнно, что и раньше конца XI вѣка подобныя Минеи должны были существовать на Руси. Переводъ ихъ сдѣланъ въ Болгаріи, относится къ X—XI вѣку. Эти богослужебныя книги имѣютъ не только практическое, но и большое литературное значеніе. Если представить себѣ отчетливо ходъ нашего православнаго богослуженія, то станетъ ясно, что вліяніе его далеко не ограничивалось предѣлами одной церкви. Христіанское богослуженіе, какъ извѣстно, слагается изъ ряда чтеній и пѣснопѣній, въ сопровожденіи обряда. Эти пѣснопѣнія представляютъ, такъ сказать, художественную часть христіанскаго богослуженія, являются чисто-литературнымъ элементомъ. Этотъ-то литературный элементъ и долженъ былъ оказать большое вліяніе и за стѣнами церкви. Народъ, приходя въ храмъ, слышалъ церковныя пѣснопѣнія, которыя, хотя и возникли на чуждой почвѣ, но не могли не дѣйствовать на эстетическую сторону настроенія слушателя, такъ какъ иногда возвышались до высокой поэтичности, каковы, напр., извѣстныя пѣснопѣнія Романа Сладкопѣвца, Іоанна Дамаскина, Андрея Критскаго и другихъ талантливыхъ христіанскихъ поэтовъ. Эти пѣснопѣнія, дѣйствуя на сознаніе народа, должны были оказывать сильное впечатлѣніе на его поэтическое творчество и со стороны формы и содержанія, вытѣсняя собою тѣ языческія пѣсни, которыя пѣлись раньше въ народѣ. Поэтому вліяніе нашего церковнаго богослуженія на устную словесность, несомнѣнно, должно быть учтено [1]) при ея изученіи. Объ этомъ можно заключить и на основаніи послѣдующаго времени: цѣлый видъ народной поэзіи, такъ называемые «духовные ...хи», стоитъ въ непосредственной связи съ богослуженіемъ и цер-

[1]) Именно мѣсяцы: сентябрь, октябрь и ноябрь. Они цѣликомъ изданы И. В. ...чемъ въ Акад. Наукъ (Спб. 1886 г.); см. особенно введеніе, излагающее составъ ...инеи сравнительно съ греческимъ, изслѣдованіе о языкѣ и переводѣ.

[2]) Эту эстетико-художественую сторону богослуженія и ея значеніе хорошо оцѣ...ли и византійцы и русскіе; ср. легенду (лѣтописную) о русскихъ послахъ Владимира ... богослуженіи въ св. Софіи.

ковной поэзіей. Что касается письменности, то и она испытываетъ на себѣ сильное вліяніе этой церковной поэзіи, вносившей въ нее крупные лирическіе и художественные элементы, напр., въ церковной проповѣди [1]). Такимъ образомъ, излагая исторію литературы уже начальнаго Кіевскаго періода, нельзя не принимать во вниманіе, что наша литература съ самаго начала должна была обнаруживать связь съ богослуженіемъ, которому черезъ богослужебныя книги принадлежитъ также извѣстная роль въ постепенномъ превращеніи и устной дохристіанской словесности въ болѣе или менѣе христіанскую по духу. Эта богослужебная литература и помимо своего спеціальнаго назначенія—въ церкви—имѣла въ жизни и болѣе широкое значеніе: она въ то же время была и литературой четьей, т.-е., служила и внѣ церкви для чтенія и образованія, какъ это мы видимъ, напр., па примѣненіи часослова къ школьнымъ цѣлямъ.

Литература житiйная. Къ этой литературѣ тѣсно примыкала и литература спеціально «четья», которая въ свою очередь входила отчасти и въ богослужебную. Такъ, къ числу такихъ памятниковъ древнѣйшаго періода русской литературы относится прежде всего литература учительная, содержащая церковныя поученія, литература церковно-историческая, главнымъ образомъ, житія святыхъ. Несомнѣнно, что и въ церковной практикѣ эта литература имѣла не малое значеніе. Нужно имѣть въ виду, что теперешній обычный церковный уставъ во многомъ отличается отъ древнихъ уставовъ; онъ измѣнялся сравнительно съ древнимъ въ смыслѣ упрощенія и сокращенія, при сохраненіи, однако, существеннаго. Древніе уставы сохранились болѣе или менѣе лишь въ нѣкоторыхъ наиболѣе по своимъ уставамъ строгихъ монастыряхъ: служба по этимъ уставамъ, сравнительно съ обычной, осложнена внесеніемъ (особенно вечернее богослуженіе) цѣлаго ряда пѣснопѣній и чтеній; для этихъ-то послѣднихъ и доставляла матеріалъ житійная и учительная литература. Конечно, разъ чтеніе такихъ книгъ небогослужебнаго характера въ узкомъ смыслѣ слова входило, какъ необходимый элементъ, въ наше древнее богослуженіе, то, несомнѣнно, долженъ былъ существовать и матеріалъ для такого чтенія; такія сочиненія должны были они являться въ переводахъ съ греческаго въ славянской и ру[...]ской письменности. Дѣйствительно, такія пособія церковно-истори[...]скаго и въ то же время учительнаго характера мы и видимъ въ на[...] древней литературѣ. Это, во-первыхъ,—Прологъ, во-вторыхъ, Четьи Минеи, за которыми слѣдуютъ многочисленныя отдѣльн[...] житія и сборники житій разныхъ наименованій и состава.

---

[1]) Ср. Похвалу кн. Владиміру митр. Иларіона, конецъ сказанія о Борисѣ и Гл[...] въ лѣтописи) и т. д.

Прологъ по-гречески называется Синаксаремъ (Synaxarion) или Минологіемъ (Menologion) [1]. Прологъ состоитъ изъ ряда сказаній о жизни святыхъ, преимущественно мучениковъ (что объясняется изъ исторіи Пролога, о чемъ ниже), расположенныхъ въ порядкѣ чиселъ и мѣсяцевъ примѣнительно ко днямъ церковной памяти каждаго святого. Эти сказанія большею частью кратки [2]. Минеи четьи же состоятъ изъ житій святыхъ болѣе обширныхъ, расположенныхъ по тому же плану.

Исторія Пролога до сихъ поръ является однимъ изъ наиболѣе запутанныхъ вопросовъ въ исторіи русской литературы. По-латыни Прологъ называется очень характерно: «Martyrologium», т.-е. чтенія о мученикахъ (отъ греч. martys и lego). Дѣйствительно, въ Прологъ вошли прежде всего сказанія о мученикахъ. Это объясняется исторіей развитія самого памятника въ связи съ общей исторіей агіографіи въ древней церкви. Въ первые вѣка христіанства мученики, какъ защитники и проповѣдники новаго ученія, пользовались особеннымъ уваженіемъ: это—своего рода герои или богатыри правой вѣры; на ихъ гробахъ или мѣстахъ ихъ мученій совершалось богослуженіе въ ихъ память и прославленіе, они впервые являлись въ глазахъ людей святыми. Поэтому-то прежде всего въ христіанской литературѣ мы и встрѣчаемся со сказаніями о мученикахъ. Эти сказанія и составили первоначальное содержаніе Пролога; памятники, содержащіе эти сказанія, располагались въ календарномъ порядкѣ, пріурочиваясь ко дню кончины или прославленія мученика. Конечно, далеко не весь календарь былъ заполненъ сразу, многія числа мѣсяцевъ оставались пустыми и заполнялись лишь постепенно, позднѣе [3]. Съ накопленіемъ въ христіанской литературѣ понятій о другого рода святыхъ и эти послѣдніе получаютъ мѣсто въ календарѣ и Прологѣ, при чемъ мы замѣчаемъ любопытную «іерархію» святыхъ въ размѣщеніи подъ даннымъ числомъ (если ихъ было нѣсколько): сначала помѣщаются житія мучениковъ; они какъ бы считаются самыми древними и важными изъ святыхъ по своему значенію; послѣ мучениковъ по степени святости и важности идутъ исповѣдники, т.-е. лица, которыя, хотя и не приняли мученической смерти за свои убѣжденія, но много пострадали, твердо и неуклонно испов-

---

[1] Самое названіе „Прологъ“ исключительно русское; явилось оно вслѣдствіе ошибки: въ Синаксарѣ въ началѣ мы имѣемъ введеніе, заглавіе котораго (πρόλογος) и было принято за заглавіе всей книги; юго-славяне названія „Прологъ“ не знаютъ въ древнее время и называютъ греческимъ именемъ „Синаксар“.

[2] Приблизительно въ среднемъ въ десятокъ — полтора строкъ печатной нашей книги въ 8 д. листа.

[3] Вообще христіанскій календарь развивался очень медленно, и въ IX—X в. еще не достигъ полноты, особенно въ смыслѣ житійнаго матеріала.

дуя ихъ; за ними идутъ святители, т.-е. лица, носившія высокій духовный санъ, которыя по своему положенію сдѣлали много для распространенія христіанской вѣры и самаго сана удостоились за свои подвиги; далѣе идутъ преподобные, среди которыхъ въ свою очередь замѣчается извѣстная «іерархическая» послѣдовательность, дѣленіе на классы: просто преподобные, пустынники, столпники, Христа ради юродивые и т. д. Такимъ образомъ получается своеобразная градація, по которой и распредѣляются святые, постепенно заполняя календарь. Это распредѣленіе, основанное на историческомъ развитіи самого христіанства, и отразилось въ Прологѣ при распредѣленіи святыхъ по числамъ: если случалось, что на одно число мѣсяца приходилась память не одного святого, а нѣсколькихъ, то строго придерживались именно этой іерархіи, т.-е.: житіе мученика будетъ стоять впереди, затѣмъ будетъ итти житіе исповѣдника; житіе исповѣдника всегда будетъ предшествовать житію святителя или просто преподобнаго и т. д.. Эти-то житія по церковнымъ уставамъ и полагалось обыкновенно читать въ церкви во время утрени. Включивъ сюда общехристіанскія памяти о событіяхъ изъ жизни Христа (праздники Господніе) и Богородицы (богородичные), получимъ довольно полное и точное представленіе о составѣ древнѣйшаго Пролога.

Житія Четьихъ-Миней [1]) отличаются отъ житій проложныхъ, какъ указано было, прежде всего своимъ размѣромъ и способомъ изложенія: тогда какъ проложное житіе обыкновенно кратко, является въ большинствѣ случаевъ лишь констатированіемъ фактовъ изъ жизни святого, и то немногихъ, какъ бы «послужнымъ спискомъ» даннаго святого, житіе Минеи—это цѣлый литературный памятникъ, подчасъ довольно обширный; житіе Пролога иногда имѣетъ, какъ сказано было, не болѣе какъ десятокъ-полтора строкъ (въ древнѣйшемъ видѣ Пролога), житіе Минеи достигаетъ иногда десятковъ и сотенъ страницъ; въ минейномъ житіи, послѣ біографіи святого, которая излагается довольно подробно, идетъ изложеніе всѣхъ извѣстныхъ подвиговъ его и чудесъ, совершонныхъ при жизни, затѣмъ подробное описаніе смерти святого, особенно, если это былъ мученикъ; далѣе идетъ обыкновенно описаніе ряда чудесъ, которыя сотворилъ святой послѣ своей смерти, и благодаря которымъ, такъ сказать, опредѣляется въ глазахъ всѣх[illegible] его святость; иногда разсказъ заканчивается обширной похвалой св[illegible] тому, молитвеннымъ къ нему обращеніемъ. Понятное дѣло, что та[illegible] обширныя житія составлялись довольно медленно: для написанія и[illegible]

[1]) Самое названіе греческо-русское (отъ Μηναῖον, т.-е. мѣсячное и „читать“, т.-е ежемѣсячное чтеніе). Такъ названа книга въ отличіе отъ другой Минеи, служебно[illegible] о которой рѣчь была выше.

требовалось много матеріала, а иногда большое искусство, большой литературный талантъ; поэтому житія полныя появлялись въ христіанской литературѣ гораздо медленнѣе, нежели дѣловыя, краткія замѣтки—житія проложнаго характера. Поэтому самое число житій, помѣщавшихся въ Минеяхъ-четьихъ, было несравненно меньше, чѣмъ число житій проложныхъ, и многіе святые, житія которыхъ имѣлись въ Прологѣ, не были совсѣмъ представлены соотвѣтствующими житіями въ Минеяхъ. Но все же число ихъ было настолько значительно, что изъ нихъ составлялись отдѣльные, иногда большіе по размѣру сборники ихъ. Житія святыхъ читались въ церкви не только, какъ интересныя для вѣрующихъ воспоминанія, но имъ придавалось большое значеніе и въ дидактическомъ смыслѣ: жизнь святого разсматривается какъ образецъ, достойный подражанія. Когда этихъ пространныхъ житій стало набираться много, то они стали соединяться въ сборники, гдѣ, подобно проложнымъ, располагались по мѣсяцамъ и днямъ, примѣнительно ко днямъ памятей самыхъ святыхъ. Различіе между Прологомъ и Минеями, такимъ образомъ, будетъ сводиться, какъ къ размѣру и составу житій, такъ и къ степени заполненія календаря памятями по мѣсяцамъ, и къ самой исторіи различной для того и другой въ прошломъ: тогда какъ Прологъ довольно быстро заполнялъ весь годъ, при чемъ на многіе дни приходилось даже не одно житіе, а нѣсколько, Минея заполнялась гораздо медленнѣе. Въ X—XI вѣкѣ въ греческой Минеѣ было еще много дней, совершенно не заполненныхъ житіями [1]).

Оба эти памятника: Прологъ и Четья-Минея, изъ Византіи перешли очень рано на Русь. Въ исторіи появленія ихъ возникаетъ вопросъ: который изъ нихъ перешелъ раньше? Вопросъ о родинѣ перевода Пролога и о времени появленія его на русской почвѣ представляется въ наукѣ вопросомъ еще спорнымъ. Насколько можно судить по сдѣланнымъ до сихъ поръ изслѣдованіямъ, исторія Пролога въ древнѣйшую эпоху на славяно-русской почвѣ сводится къ слѣдующему. Если возьмемъ наиболѣе древній списокъ русскаго Пролога (относящійся къ концу XIII вѣка) и такой же юго-славянскій списокъ (относящійся тоже къ XII—XIII вв.), мы замѣтимъ между ними въ части, восходящей къ греческому оригиналу, полное сходство—доказательство того, что въ основѣ русскихъ и юго-славянскихъ текстовъ лежитъ не только одинъ греческій оригиналъ, но и одинъ переводный текстъ. Гдѣ и когда былъ совершонъ этотъ переводъ съ греческаго? Въ научной литературѣ су-

[1]) Подробнѣе см. въ статьяхъ М. Сперанскаго о до-Макарьевской Минеѣ за сентябрь и октябрь (Извѣстія отд. русск. яз. и слов. И. А. Н. I (1897 г.), (1901). О „Составѣ древне-русскаго Пролога“ ст. Н. И. Петрова говоритъ главнымъ образомъ объ учительной его части и значеніи, но кое-что (устарѣвшее) и объ его исторіи.

ществуютъ по этому поводу разныя мнѣнія: по одному, переводъ Пролога сдѣланъ на Руси и уже отсюда распространился на югѣ славянства. Въ этомъ, говорятъ, убѣждаетъ присутствіе въ юго-славянскихъ спискахъ Пролога житій русскихъ святыхъ (Ѳеодосій Печерскій, Борисъ и Глѣбъ, Ольга кн., Мстиславъ). Но, по мнѣнію иныхъ, выводъ этотъ оказывается не вполнѣ точнымъ. Дѣло въ томъ, что житія нѣкоторыхъ изъ русскихъ святыхъ оказываются взятыми совершенно изъ различныхъ источниковъ въ русскихъ спискахъ, съ одной стороны, и въ спискахъ юго-славянскихъ—съ другой, юго-славянскіе же святые и здѣсь и тамъ одинаковы. Это наблюденіе прежде всего показываетъ, что при переводѣ съ греческаго въ Прологѣ были сдѣланы дополненія (русскихъ и славянскихъ святыхъ въ греч. Прологѣ нѣтъ). Возникаетъ естественно вопросъ, кто вставилъ въ переводъ съ греческаго текста житія русскихъ и славянскихъ святыхъ? Вопросъ усложняется тѣмъ еще, что редакція этихъ житій (Бориса и Глѣба, Ѳеодосія Печерскаго и др.) въ русскомъ и южно-славянскомъ Прологѣ различныя, такъ что предполагать, что переводъ возникъ на русской почвѣ (гдѣ вставлены русскіе святые) и затѣмъ былъ перенесенъ къ южнымъ славянамъ, нельзя. Кромѣ того, судя по наличнымъ древнимъ спискамъ Пролога, эти русскія памяти распредѣлены не равномѣрно: если памяти Бориса и Глѣба и Ѳеодосія Печерскаго находимъ во всѣхъ, какъ юго-славянскихъ, такъ и русскихъ, то память Мстислава попадается лишь изрѣдка, но также и въ юго-славянскихъ и русскихъ спискахъ Пролога. Затѣмъ, по отношенію къ памяти Ѳеодосія также есть и особенность: въ однихъ юго-славянскихъ текстахъ мы находимъ лишь память (а не житіе) его, въ другихъ (болѣе позднихъ) и житіе, уже построенное на извѣстномъ Несторовскомъ [1]. Все это ведетъ къ выводу, что эти русскія памяти и житія попадали въ Прологъ, какъ русскій, такъ и юго-славянскій, по спискамъ разновременно. Только относительно Бориса и Глѣба и Ольги, можно сказать, что они составляли принадлежность первоначальнаго славянскаго текста Пролога, и то это правильно будетъ относительно только памяти, а не житіи, которыя въ Прологахъ русскихъ и юго-славянскихъ не совпадаютъ по текстамъ. Съ другой стороны, въ иныхъ мѣстахъ и юго-славя скихъ текстовъ Пролога, восходящихъ къ греческому тексту, мы имѣе несомнѣнныя указанія на то, что переводъ этихъ мѣстъ дѣлался съ г ческаго именно русскимъ человѣкомъ. Напримѣръ, въ разсказѣ о с найскихъ пустынникахъ, которыхъ перебили сарацины, племя этих

---

[1] О немъ см. М. Сперанскій. Сербское житіе Ѳеодосія Печерскаго—Чте въ Общ. Ист. и Древн. 1914 г.

сарацинъ называется «глазатые», по-гречески: vlemmides (отъ слова vlemma—глазъ). Такой переводъ даетъ ясное указаніе на то, что переводчикъ этого разсказа былъ русскій, такъ какъ юго-славянскіе языки не знаютъ слова «глазъ»: этому слову въ этихъ языкахъ вездѣ соотвѣтствуетъ слово старо-славянское «око»; и этотъ переводъ «глазатые» мы находимъ во всѣхъ юго-славянскихъ текстахъ Пролога. Это говоритъ какъ будто въ пользу русскаго перевода Пролога. Но въ то же время въ значительномъ количествѣ случаевъ находимъ мѣста, которыя ясно указываютъ на переводъ на одно изъ нарѣчій южно-славянскихъ. Такимъ образомъ, вопросъ запутывается. Становится яснымъ только одно, что рѣшеніе вопроса о переводѣ Пролога въ смыслѣ того, что онъ совершонъ цѣликомъ въ Россіи, признано удовлетворительнымъ быть не можетъ; съ другой стороны, и предположеніе, что переводъ цѣликомъ совершонъ юго-славяниномъ, также принято быть не можетъ. О времени появленія Пролога на славянской почвѣ есть хронологическія указанія. Старшіе списки Пролога русскаго и славянскаго относятся къ XII—XIII в. Въ самомъ составѣ Пролога мы имѣемъ также хронологическія данныя, указывающія на то время, раньше котораго онъ переведенъ быть не могъ, именно, въ сказаніяхъ о русскихъ святыхъ. Такъ: Борисъ и Глѣбъ были убиты въ 1015 г., Θеодосій Печерскій умеръ въ 1074 г., князь же Мстиславъ Кіевскій—въ 1132 г.; стало быть, списокъ Пролога, въ который входятъ всѣ эти житія, не можетъ восходить по оригиналу къ времени, болѣе раннему, чѣмъ середина XII вѣка; а эти святые находятся одинаково и въ русскихъ и въ юго-славянскихъ спискахъ. Но попали эти памяти и житія въ Прологъ разновременно, какъ мы видѣли выше, раньше, и притомъ во всѣ Прологи Борисъ и Глѣбъ и Θеодосій, позднѣе Мстиславъ. Т. о. можно предположить, что при переводѣ внесены были лишь памяти Бориса и Глѣба, а также Θеодосія; а могло это совершиться лишь послѣ признанія ихъ святыми (канонизаціи); если Борисъ и Глѣбъ прославлены были уже при Ярославѣ, то Θеодосій позднѣе около 1108 года; стало быть, если внесеніе памятей Бориса и Глѣба совершено единовременно съ переводомъ Пролопа съ греческаго, то переводъ ранѣе прославленія Θеодосія совершонъ быть не могъ. Такимъ образомъ, вопросъ о времени появленія славянскаго перевода Пролога можетъ считаться приблизительно рѣшеннымъ, т.-е. онъ явился въ переводѣ съ греческаго не ранѣе начала XII в. А послѣ 1132 г. внесена была какъ въ юго-славянскіе, такъ и въ русскіе тексты память и житіе Мстислава. Какъ могло это произойти, мы догадываемся: юго-славяне и русскіе еще въ XII в. находились въ тѣсномъ общеніи не только литературномъ, но и церковномъ, стараясь поддержать единеніе русской и по-

лусвободной болгарской церкви (о чемъ ниже), результатомъ чего могло быть и общее дѣло перевода Пролога и внесеніе въ него одинаково признаваемыхъ той и другой церковью (въ отличіе отъ греческой) памятей и внесеніе Мстислава, если это единеніе было и въ XII в. Съ этимъ согласны и данные языка Пролога: онъ не можетъ быть отнесенъ къ IX или X вѣку. Гораздо, какъ мы видѣли, труднѣе рѣшить точно, гдѣ былъ переведенъ Прологъ. Единственное, что мы можемъ предположить въ этомъ случаѣ, это—то, что Прологъ, при его пестромъ составѣ (русскія, юго-славянскія, греческія памяти) и при пестротѣ языка перевода (юго-славянская струя и русская), былъ переведенъ гдѣ-то тамъ, гдѣ возможна была совмѣстная работа русскихъ и юго-славянъ, при чемъ переводъ дѣлался не однимъ, а компаніей славянъ, въ числѣ которыхъ были болгары (большая часть Пролога по языку указываетъ именно на нихъ), но, кромѣ нихъ, былъ одинъ или нѣсколько человѣкъ и русскихъ. Если это предположеніе правильно, возможно предположеніе и относительно мѣста приблизительно въ такомъ видѣ: переводъ совершонъ тамъ, гдѣ сталкивались и русскіе и юго-славяне вмѣстѣ, въ культурномъ греческомъ центрѣ (гдѣ и могъ быть совершонъ переводъ). Такимъ центромъ въ XII в. для славянъ и русскихъ скорѣе всего былъ Константинополь [1]). То, что Прологъ могъ быть переведенъ именно въ Константинополѣ скорѣе, чѣмъ гдѣ-либо, напр., на Аѳонѣ, также центральномъ мѣстѣ для славянъ и русскихъ, на это имѣются косвенныя указанія въ самомъ составѣ Пролога: въ славянскомъ текстѣ (иначе въ его греч. оригиналѣ) мы встрѣчаемся съ чисто-частными мѣстными памятями и богослужебными указаніями, которыя касаются исключительно Константинопольскихъ церквей и ихъ святыхъ и въ другихъ мѣстахъ не чевствуются [2]). Отсюда вѣроятно, что нашъ Прологъ былъ переведенъ со списка, употреблявшагося въ Константинополѣ. Мысль же о томъ, что переводился онъ нѣсколькими переводчиками, основывается и на томъ, что въ разныхъ мѣстахъ Пролога одно и то же греческое слово передается различными славянскими словами, чего не было бы, если бы переводчикомъ было одно лицо. Остается еще одинъ вопросъ: возможно ли такое соединеніе для перевода въ Константинополѣ болгаръ и русскихъ? На этотъ вопросъ м

---

1) Въ XII в. Болгарія, какъ государство, уже не существуетъ, будучи покоре Византіей, а какъ церковь она полуавтокефальна: ея архіепископъ ставится по ук занію императора. Ясно, что въ церковномъ отношеніи она должна была тянуть и имѣть центръ въ Константинополѣ.

2) Иначе сказать: оригиналъ нашего Пролога идетъ по мѣстному константино-польскому служебному уставу, имѣющему свои, исключительно ему принадлежащі особенности.

можемъ отвѣтить скорѣе всего утвердительно. Мы знаемъ, что русскихъ, въ томъ числѣ и образованныхъ людей, было всегда не мало въ Константинополѣ; въ частности, мы встрѣчаемся съ ними въ извѣстномъ монастырѣ Ѳеодора Студита, бывшемъ какъ разъ центромъ церковно-литературной дѣятельности въ XI—XII вв.: извѣстно, напр., что Ѳеодосій Печерскій, принявъ въ основу своей обители Студійскій уставъ, посылалъ за нимъ, именно въ Константинополь, въ монастырь Ѳеодора Студита, гдѣ и былъ сдѣланъ переводъ устава для Ѳеодосія; еще въ XIV в. (около 1350) русскій паломникъ Стефанъ Новгородецъ вспоминаетъ, что изъ этого монастыря посылали много книгъ (разумѣется, славянскихъ) на Русь. Такимъ образомъ, приходится признать, что славянскій переводъ Пролога, въ дошедшей до насъ его формѣ возникъ не раньше XII в., при чемъ переведенъ онъ былъ, вѣроятно, въ Константинополѣ группой людей, среди которыхъ были и южные славяне и русскіе; этимъ переводчикамъ принадлежатъ дополненія отсутствующихъ въ греч. текстахъ житій и русскихъ святыхъ.

Теперь для насъ становится яснымъ поставленный раньше вопросъ о томъ, что перешло на Русь раньше: Прологъ или Минея-четья? Перешла раньше, несомнѣнно, Минея, такъ какъ Прологъ переведенъ лишь въ XII-омъ вѣкѣ; что же касается Минеи, то она явилась въ славянскомъ переводѣ не позднѣе X вѣка: древнѣйшіе сохранившіеся списки Четьихъ Миней (напр., извѣстная Супрасльская рукопись) относятся къ началу XI вѣка и началу XII (русскаго письма—Успенская Минея за май мѣсяцъ). Есть основаніе предполагать, что и въ Россіи Минеи-четьи были извѣстны уже въ началѣ XI-го вѣка [1]). Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ остальной церковной литературой на Русь перешли и Четьи-Минеи, а затѣмъ принесены были и Пролога: тѣ и другіе, представляя обширные сборники житій святыхъ, давали молодой русской литературѣ сразу большой запасъ этого рода памятниковъ. Эти книги служили не только для церковнаго чтенія, но и для назидательнаго, домашняго. Онѣ, особенно Прологъ, получили большое распространеніе въ древней Руси и очень быстро акклиматизировались. Прологъ на Руси сталъ быстро пополняться новыми матеріалами; скоро размѣры его настолько увеличились, что уже въ XIV в. онъ превосходилъ раза въ три греческій текстъ Пролога. Прологъ расширялся, не только благодаря прибавленію новыхъ житій, новыхъ святыхъ, сколько расширенію его особенно способствовало то обстоятельство, что къ ста-

---

[1]) Обѣ рукописи изданы: первая цѣликомъ въ послѣдній разъ С. Н. Северьяновымъ въ И. Ак. Н: (Памятн. старослав. языка II, 1, Спб. 1904), вторая — первая половина рукописи—въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. А. А. Шахматовымъ и П. А. Лавровымъ (М. 1899).

рымъ житіямъ прибавлялся новый, иной характерный матеріалъ. Послѣ житія даннаго дня прибавлялась не только какая-либо мѣстная легенда (что было рѣдко), но и небольшое поученіе, поучительный разсказъ; и тѣ и другіе брались почти исключительно уже изъ готовыхъ славянскихъ переводовъ другихъ памятниковъ: патериковъ, сборниковъ поученій, отдѣльныхъ популярныхъ житій (напр., житія Варлаама и Іоасафа). Это развитіе Пролога на Руси (у юго-славянъ этихъ добавленій не видимъ) объясняется тѣмъ, что Прологъ имѣлъ не только историческое и богослужебное значеніе, но несомнѣнно и дидактическое: всякое житіе въ глазахъ читателей имѣло именно такой поучительный характеръ, какъ жизнеописаніе святого, которому надо подражать, на примѣрѣ котораго надо учиться, иллюстрировало какое-нибудь правило, нравственное положеніе (напр., о нестяжаніи, о любви къ ближнему). Таковы уже древнѣйшіе русскіе тексты Пролога. Такимъ образомъ, уже въ XIII вѣкѣ Прологъ является одной изъ распространеннѣйшихъ и одною изъ любимыхъ книгъ на Руси. Поэтому Прологъ оказываетъ очень большое вліяніе на нашу письменность, а также позднѣе и на нашу устную словесность. Онъ является распространеннымъ не только въ кіевской Руси, но позднѣе и въ Руси московской, и доживаетъ въ переработкахъ въ массѣ цѣльныхъ списковъ, выборокъ и печатныхъ изданій вплоть до нашихъ дней. Прологъ лежитъ въ основѣ цѣлаго ряда духовныхъ стиховъ, народныхъ легендъ [1]).

Кромѣ Пролога и Четьей-Минеи, существуютъ и отдѣльныя житія святыхъ, которыя тоже иногда соединяются по тому или иному принципу въ сборники, подобно Минеямъ и Прологамъ еще на греческой почвѣ. И нѣкоторые изъ такихъ сборниковъ извѣстны уже въ кіевское время; такой переводный типъ сборниковъ представляютъ у насъ Патерики. Этихъ Патериковъ извѣстно въ кіевское время нѣсколько, напр.: Синайскій Патерикъ, Скитскій, Іерусалимскій Патерикъ, или Лугъ Духовный, Патерикъ Аѳонскій и другіе. Особенность этихъ сборниковъ въ томъ, что въ нихъ сгруппированы однородныя сказанія и житія только святыхъ иноковъ и подвижниковъ—аскетовъ какой-либо одной мѣстности: Іерусалимской области, Сиріи, Египта, Аѳона и т. д. Эти Патерики переводные явились образцомъ для русскаго, когда и у насъ распространился монашескій образъ жизни: въ XIII в. по образ

---

1) Этотъ Прологъ, явившійся въ кіевскомъ періодѣ нашей литературы, называе обыкновенно „простымъ“ въ отличіе отъ другого Пролога, появившагося поздн (около XII вѣка) въ Византіи и также извѣстнаго на Руси и у юго-славянъ (г онъ даже вытѣснилъ въ значительной степени старый Синаксарь); это т. н. „стип ной“ Прологъ. Онъ, повидимому, въ кіевское время извѣстенъ не былъ. О немъ пр дется говорить ниже въ исторіи литературы московскаго періода.

ихъ созидается Патерикъ Печерскій, т.-е. жизнеописанія кіевскихъ печерскихъ святыхъ.

Перечисленными сборниками житій не исчерпывался, разумѣется, популярный и въ Византіи кругъ житійной литературы. Рядомъ съ этими сборниками мы можемъ указать не мало отдѣльныхъ греческихъ житій, весьма рано появившихся у насъ въ переводѣ и оказавшихъ, въ качествѣ образцовъ и матеріала, вліяніе на самостоятельную нашу житійную послѣдующаго, хотя и довольно ранняго времени, литературу; для примѣра слѣдуетъ указать на большое житіе Саввы Освященнаго (съ которымъ еще придется встрѣтиться), большую житіе-повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ Индійскомъ (изъ котораго дѣлались дополненія къ Прологу), житіе популярнаго Николая Чудотворца [1]), большое житіе Іоанна Златоуста и др.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ цѣлый довольно обширный кругъ церковно-исторической литературы, которая вошла въ русскую литературу при самомъ ея началѣ изъ греческаго источника и затѣмъ продолжала жить и развиваться на русской почвѣ, оказывая вліяніе на туземную литературу. Эта литература сказаній и житій имѣла не только общее значеніе въ смыслѣ пріобрѣтенія извѣстныхъ историческихъ знаній, но и, кромѣ того, имѣла, какъ мы сказали, важное дидактическое значеніе: житіе святого, какъ лица особенно глубоко понявшаго вѣру, осуществившаго идеалы христіанина въ томъ или иномъ отношеніи въ своей жизни и за это удостоеннаго особыхъ даровъ Богомъ, такое житіе, несомнѣнно, должно имѣть весьма поучительное значеніе въ глазахъ читателя, вызывая въ немъ стремленіе подражать жизни святого человѣка; давая ему образецъ высокихъ добродѣтелей, напоминало ему объ этихъ высокихъ завѣтахъ христіанства. Оттого-то житійная литература, получая значеніе учительное, притомъ наглядно-учительное, такъ популярна въ средніе вѣка всюду и стала популярна и у насъ. Сверхъ того эта литература имѣла значеніе и поэтическое. Въ послѣднемъ отношеніи многія житія оказали довольно сильное вліяніе, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ отличались высокой поэтичностью (напр., описанія чудесныхъ явленій, чудеса, фантастика), являясь до извѣстной степени замѣной, но уже христіанской, нашей народной поэзіи до-христіанской, а потому подлежащей упраздненію послѣ принятія новой христіанской культуры.

Литература историческая. Конечно, разсмотрѣнными переводными памятниками далеко не исчерпывалась вся перешедшая къ намъ

---

[1]) Это житіе, повидимому, пришло къ намъ не обычнымъ путемъ—черезъ юго-славянъ, а прямо, будучи переведено съ греческаго непосредственно на русско-славянскій языкъ.

вмѣстѣ съ христіанствомъ литература. Хотя въ небольшомъ количествѣ, но, вѣроятно, въ первыя же десятилѣтія христіанства, къ намъ перешла и христіанская чисто-историческая литература, т.-е. такіе труды, которые пробуждали историческую мысль, сообщали историческія свѣдѣнія, не входившія въ кругъ узко-церковный. Къ числу такихъ произведеній нужно отнести прежде всего хроники, или хронографы. Это были довольно типичныя произведенія Византійскаго средневѣковья. Они представляютъ исторію человѣчества, начиная съ созданія міра, какъ это разсказывается въ Библіи и у древне-греческихъ историковъ различнаго пошиба, доведенную, обыкновенно, до новѣйшаго времени, т.-е. до времени составленія такой хроники. Въ византійской письменности этотъ типъ хроники къ IX-X в. успѣлъ уже давно опредѣлиться и отлиться въ совершенно опредѣленную форму. Этихъ хронографовъ или хроникъ разныхъ авторовъ и наименованій, излагающихъ всемірную исторію, встрѣчается въ Византіи довольно много, но всѣ они идутъ не по стопамъ древнихъ (античныхъ) историковъ—Тита Ливія, Ѳукидида и др. (послѣднимъ такимъ византійскимъ историкомъ этого «античнаго» типа былъ уже упомянутый нами Прокопій): они пріобрѣли совершенно особую окраску, полурелигіозную, согласно съ общимъ характеромъ средневѣковаго міросозерцанія: исторія человѣчества разсматривалась подъ угломъ зрѣнія религіозныхъ воззрѣній и религіозныхъ знаній. Этимъ принципомъ религіознымъ, который въ средніе вѣка считался необходимымъ для всѣхъ и для всего, въ силу значенія и пониманія самого христіанства, опредѣлился и самый планъ такой византійской хроники. Древнѣйшей исторіей человѣчества является, конечно, для религіознаго сознанія исторія библейская. Въ ней разсказывается, съ полной вѣрой въ достовѣрность сообщаемаго, исторія творенія міра, исторія первыхъ людей и исторія первыхъ вѣковъ жизни человѣчества. Сообразно этому разсказу излагается древнѣйшая исторія человѣчества и въ византійскихъ хроникахъ. Затѣмъ отъ исторіи всего человѣчества (которая излагается, собственно говоря, лишь въ первой книгѣ Библіи и то въ первыхъ ея главахъ) повѣствованіе переходитъ исключительно къ изложенію исторіи іудейскаго народа, какъ избраннаго Богомъ, касаясь другихъ народовъ лишь постольку, поскольку они имѣли отношеніе къ исторіи іуде... ства. Въ этомъ отношеніи іудейскій народъ и его исторія являются д... читателя интересными, прежде всего, какъ народъ единственный, с... хранившій истинную вѣру въ единаго, истиннаго Бога, какъ непосре... ственный предшественникъ, носитель будущаго христіанства. Таким... образомъ, мы видимъ, что представленіе о міровой исторіи съ точк... зрѣнія византійскаго хрониста для насъ сильно съуживается, т.-е. вм...

сто исторіи всего человѣчества онъ излагаетъ только исторію одного народа, излагая преимущественно лишь исторію іудейства. Это, конечно, вполнѣ согласуется съ религіознымъ взглядомъ автора хроники на исторію. Но іудейская религія въ глазахъ хрониста имѣла значеніе лишь какъ религія, подготовлявшая человѣчество къ христіанству; поэтому онъ іудействомъ интересуется только до пришествія Іисуса Христа. Послѣ этого исторія человѣчества (или на дѣлѣ іудейскаго народа) превращается у хрониста въ исторію христіанства или народовъ христіанскихъ, которая излагается, конечно, по священному писанію, т.-е. Евангеліямъ, по Дѣяніямъ и Посланіямъ апостоловъ, а дальше по твореніямъ отцовъ церкви, по частнымъ христіанскимъ и греческимъ хроникамъ. Но скоро опять начинается суженіе горизонта хрониста. Самъ византіецъ, онъ, конечно, усвоиваетъ традиціонное византійское представленіе о томъ, что истинное христіанство сохранилось только въ Византіи, а что на Западѣ христіанство является уже въ искаженномъ видѣ—воззрѣніе, слагавшееся въ Византіи еще задолго до офиціальнаго признанія раздѣленія церквей, приблизительно еще со временъ Константина Великаго и Ѳеодосія Великаго, со времени зарожденія восточнаго типа христіанства. Такимъ образомъ, исторія человѣчества постепенно превращается уже въ исторію Византіи, какъ единой христіанской страны. Въ результатѣ понятіе о міровой исторіи у византійскаго хрониста сильно съужено именно подъ вліяніемъ того религіознаго принципа, который онъ кладетъ въ основу своего воззрѣнія, какъ христіанинъ средневѣковья, а это воззрѣніе, въ свою очередь, обусловило пониманіе хронистомъ описываемыхъ имъ событій.

Выработка такого воззрѣнія произошла въ Византіи довольно рано. Мы указывали, что послѣднимъ историкомъ иныхъ воззрѣній былъ Прокопій (VI в.), который писалъ свои исторію по образцу древнихъ историковъ—Тита Ливія и Ѳукидида, былъ главнымъ образомъ политикомъ, историкомъ государственности, смотрѣлъ на свою задачу отчасти и какъ на художественное возстановленіе прошлаго; поэтому у него видны и характерныя черты этого направленія исторіографіи: изложены рѣчи, вложенныя въ уста историческихъ лицъ, даются общія разсужденія и т. д. Послѣ Прокопія мы уже не встрѣчаемъ историковъ съ подобнымъ широкимъ взглядомъ. Однако, нельзя сказать, чтобы содержаніе византійскихъ хроникъ сложилось сразу и вездѣ однообразно: несмотря на единство основного воззрѣнія на міровую исторію, онѣ разнообразятся по содержанію въ зависимости отъ общихъ теченій византійской литературы и культуры. А эти направленія опредѣляются въ значительной степени отношеніемъ богословской науки къ античной древности, къ классическому наслѣдію Византіи. Византія задолго до начала западно-европей-

скаго возрожденія, т.-е. до XIII—XIV вв., имѣла свои, такъ сказать, частные періоды возрожденія классической древности; и до XIII в. отношенія къ классицизму мѣнялись, начиная съ противоположенія древне-греческой культуры христіанской, разумѣется, не въ пользу первой, кончая признаніемъ ея авторитета почти наравнѣ съ христіанской философіей. Что касается Запада, то тамъ во времена до возрожденія, въ періодъ паденія классическихъ традицій, интересовались, главнымъ образомъ, римскими писателями, преимущественно политиками послѣднихъ вѣковъ, т.-е. I—II—III вв. по Р. Хр., и эти интересы преимущественно сосредоточивались по кельямъ ученыхъ монаховъ, считавшихся знатоками римской литературы, и среди немногихъ ученыхъ. Въ Византіи дѣло обстояло нѣсколько иначе. Тамъ эта связь съ греческимъ античнымъ міромъ чувствовалась какъ бы живѣе, хотя существовало, конечно, своеобразное отношеніе къ нему. Тамъ культивировали это старое античное наслѣдіе, но старались примѣнить къ христіанскимъ воззрѣніямъ, пользовались имъ для установленія формъ современной литературы, какъ матеріаломъ для тѣхъ же христіанскихъ воззрѣній. При этомъ надо замѣтить, что это отношеніе было не всегда устойчивымъ, а, наоборотъ, замѣтно колебалось, т.-е., иногда наступали, по тѣмъ или инымъ причинамъ, періоды усиленія этого вліянія античнаго міра, иногда, наоборотъ, это вліяніе уменьшалось, поглощалось христіанскимъ міросозерцаніемъ, всецѣло сводясь къ одной лишь внѣшней формѣ. Когда наступало первое теченіе, то поднимался интересъ къ греческой философіи: въ это время усиленно занимались Платономъ, Аристотелемъ и другими греческими философами, изучались греческіе историки, поэты (особенно Гомеръ и трагики); самый языкъ византійца-ученаго стремился подражать античному; старались примирить путемъ толкованія содержаніе произведенія и мысль античнаго грека съ христіанской мудростью. Такіе частичные періоды возрожденія были, напр., въ VII вѣкѣ, затѣмъ въ X и далѣе въ XI, XII вѣкахъ при Комнинахъ; затѣмъ уже это самостоятельное возрожденіе не имѣло мѣста, византійская литература падаетъ, а съ XV в. идетъ уже за западнымъ возрожденіемъ. Подъ вліяніемъ такихъ перемѣнъ курса по отношені къ античной древности, измѣняется и содержаніе византійскихъ хрони Въ однѣхъ хроникахъ, которыя являются строго ортодоксально- стіанскими, религіозно-христіанская точка зрѣнія исключительно обладаетъ въ построеніи исторіи, въ толкованіи ея фактовъ. Т разсказывается исторія человѣчества по Библіи, затѣмъ исторія нар Израильскаго по остальнымъ историческимъ библейскимъ книгамъ, тѣмъ исторія плѣна іудейскаго, наконецъ, исторія по возвращеніи плѣна, вплоть до появленія Іисуса Христа, послѣ чего излагается и

рія христіанства, и, наконецъ, исторія Византіи вплоть до времени составленія хроники: таковая общая схема. Но есть и другой типъ хроники, который, очевидно, возникъ въ періодъ увлеченій античной философіей и литературой. Въ хроникахъ такого типа изложеніе расширяется именно введеніемъ въ изложеніе исторіи античнаго міра, преимущественно Греціи, при чемъ, конечно, излагаются древне-греческія легенды и миѳы, но основная, приведенная выше точка зрѣнія христіанская остается въ силѣ, покрываетъ собой античную. При этомъ чрезвычайно любопытно прослѣдить, какъ въ сознаніи византійскаго православнаго хрониста искали и находили примиреніе христіанскія понятія съ языческими, какъ соединялъ онъ изложеніе исторіи по священному писанію съ изложеніемъ исторіи языческой античности Греціи: вездѣ онъ подчинялъ въ смыслѣ исторической цѣнности античный матеріалъ христіанскому, смотря на античный фактъ, какъ на своего рода дополненіе къ христіанскому, или какъ излагающее тотъ же фактъ, но только въ иной формѣ. Конечно, научно-критической въ полномъ смыслѣ работы хронистъ произвести не могъ: для этого средствъ не давала средневѣковая наука. Единственно, что для него было понятно, это распредѣленіе событій хронологическое. Такъ онъ и дѣлалъ. Несомнѣнно, что при чисто-формальномъ отношеніи у него получалась довольно любопытная картина отъ этого соединенія двухъ противоположныхъ по духу исторій человѣчества: отдѣльные періоды библейской исторіи онъ хронологически сопоставляетъ съ фактами античной Греціи. Такъ, когда онъ разсказываетъ о Египтѣ, о путешествіи туда Іакова съ сыновьями, ставшими патріархами, родоначальниками народа еврейскаго, то съ этимъ временемъ, по его мнѣнію, совпадаетъ существованіе Кроноса, который породилъ Кронидовъ—греческихъ боговъ (которыхъ онъ, стало быть, считаетъ за исторически существовавшія личности). Затѣмъ къ этому же приблизительно времени онъ относитъ и Геракла. Далѣе, когда въ Іудеѣ царствуетъ Давидъ, въ это время происходитъ Троянская война; она продолжается и при Соломонѣ. Иногда при изложеніи дѣло облегчается, такъ какъ и въ Библіи и въ греческой исторіи встрѣаются упоминанія объ однѣхъ и тѣхъ же личностяхъ, встрѣчаются ни и тѣ же имена; такимъ является, напр., Нимвродъ. Затѣмъ нистъ подходитъ ужъ къ такимъ историческимъ именамъ, какъ царь сидскій Киръ, Дарій, что, конечно, позволяетъ ему излагать исто- іудейскаго возвращенія изъ плѣна параллельно съ исторіей грекорсидскихъ войнъ, которымъ онъ, впрочемъ, удѣляетъ очень скроме мѣсто, какъ событію, лежащему внѣ его посредственныхъ интересвъ. Персидскіе цари, затѣмъ Александръ Македонскій, которымъ, бственно говоря, кончается для писателя греческая исторія, конечно,

занимаютъ уже совершенно опредѣленное хронологическое мѣсто по отношенію къ исторіи іудейства и христіанства. Что касается такого расширенія кругозора хрониста, то ясно, что кругозоръ этотъ расширяется чисто-механически, и во всякомъ случаѣ, не идейно. Что касается римскаго Запада, то онъ игнорируется почти совершенно. О немъ упоминается лишь вскользь, главнымъ образомъ, когда разсказывается легенда о покореніи Александромъ Македонскимъ Римской Имперіи. Этимъ случаемъ хронистъ пользуется, чтобы сказать нѣсколько словъ и вообще о Римѣ, что онъ знаетъ. Тутъ онъ передаетъ миѳы о Ромулѣ и Ремѣ, затѣмъ, дѣлая быстрый очеркъ царства и республики, переходитъ прямо къ Тиверію Кесарю, какъ императору, при которомъ явилось христіанство, и начинаетъ уже излагать исторію христіанства, понимая подъ нимъ, главнымъ образомъ, православное византійское. Количество античнаго матеріала, вводимаго въ хронику, стоитъ въ зависимости въ значительной степени отъ личнаго настроенія хрониста; а это послѣднее зависитъ отъ общаго теченія культуры или литературы и роли въ нихъ античнаго наслѣдія въ ту или другую эпоху.

Такихъ хроникъ, или хронографовъ, составленныхъ по тому или другому типу, было много въ византійской литературѣ [1]). Довольно много ихъ дошло и до насъ. Но мы, конечно, не будемъ ихъ всѣ разсматривать. Для нашихъ цѣлей будетъ вполнѣ достаточнымъ отмѣтить лишь двѣ подобныя хроники, которыя являются наиболѣе типичными и которыя нашли себѣ отраженіе и мѣсто и въ нашей литературѣ. Таками являются: хроника Іоанна Малалы и хроника Георгія Грѣшника (Амартола). Обѣ эти хроники сыграли видную роль въ исторіи русской литературы.

Что касается хроники Іоанна Малалы Антіохійскаго, то уже по самому названію видно, что она возникла въ Антіохіи, т.-е. на востокѣ византійскаго государства, поэтому въ ней и болѣе замѣтно вліяніе культуры Востока: это сказалось прежде всего въ склонности и интересѣ къ фантастикѣ, красочности. Передавая въ изобиліи античныя легенды въ отличіе отъ западно-греческой, эта хроника воспринимаетъ много поэтическаго матеріала. Тамъ мы находимъ много поэтическихъ разсказовъ изъ греко-восточной миѳологіи, сказанія о Троянской войн[illegible] Александрѣ Македонскомъ, такія, которымъ не придавалъ вѣры бо[illegible] сухой, трезвый ученый грекъ-византіецъ. Доведена хроника Іоа[illegible]

---

[1]) Характеристика и перечень наиболѣе важныхъ хроникъ Византіи даны[illegible] K. Krumbacher'a въ Geschichte der byzantinischen Litteratur (изд. 2, Mü[illegible]chen, 1897), параграфы, начиная съ 138-го. Соотвѣтствующіе параграфы тру[illegible] К. Крумбахера есть и въ русскомъ переводѣ: Очерки по исторіи Византіи, подъ [illegible] В. Н. Бенешевича, вып. 3 (Спб. 1912).

Малалы до Юстиніана. Съ меньшимъ интересомъ къ античному міру относится хроника Георгія Грѣшника. Эта хроника зато болѣе интересуется событіями христіанскаго міра, въ частности византійскаго. Что касается внѣшняго изложенія, то она является сравнительно съ Малалой болѣе сухою и скупою на поэтическіе элементы. Это—довольно типичная византійская хроника. Создателемъ ея не былъ, несомнѣнно, Георгій Амартолъ, съ именемъ коего она намъ извѣстна. Анализъ ея показываетъ, что схема и составъ хроники опредѣлились давно, и что Георгію оставалось только проредактировать трудъ своихъ предшественниковъ такъ же, какъ съ его трудомъ поступали его преемники (Симеонъ Логоѳетъ, Ѳеофанъ). Самъ Георгій Амартолъ жилъ въ VIII вѣкѣ и закончилъ свою исторію возстановленіемъ иконопочитанія, значитъ, приблизительно 742-мъ годомъ; живя въ такую бурную эпоху, какъ иконоборческая, онъ отразилъ именно эту сторону современности—рѣзко выраженный религіозный интересъ. Оригиналъ славянскаго перевода продолженъ до половины X-го вѣка.

Оба эти типа хроникъ: Іоанна Малалы и Амартола, дошли до русской литературы въ славянскихъ переводахъ довольно рано. Хроника Іоанны Малалы, какъ поэтическая, несомнѣнно должна бы была оказать вліяніе на нашу литературу. Она переведена на славянскій языкъ въ X-мъ вѣкѣ, несомнѣнно, въ Болгаріи во время расцвѣта болгарской литературы. Въ Россію она перешла нѣсколько времени спустя, при чемъ нужно сказать, что особеннымъ распространеніемъ она все же не пользовалась, вѣроятно, въ виду необычнаго для того времени обилія въ ней какъ разъ нерелигіознаго элемента. Съ отрывками изъ нея мы встрѣчаемся въ лѣтописныхъ сводахъ, но не первоначальныхъ, а уже вторичныхъ редакцій (напр., во второй редакціи «обще-русскаго» Кіевскаго свода). Отдѣльные списки хроники ни въ полномъ видѣ, ни въ сокращенномъ до сихъ поръ нигдѣ не встрѣчались. Хронику эту въ отрывкахъ мы, кромѣ лѣтописныхъ сводовъ, находимъ въ историческихъ компилляціяхъ вторичнаго характера, каковы «Еллинскій лѣтописецъ», т. н. «Архивскій» хронографъ и др. [1]), въ русской литературѣ. Другое дѣло — хроника Георгія Амартола. Она пользовалась ...чень широкимъ распространеніемъ. Георгій Амартолъ былъ чрезвы...йно популяренъ не только у южныхъ славянъ, но и на Руси, не ...ько въ Кіевскій періодъ, но и въ періодъ Московскій. Переводъ былъ

[1]) Попытка собрать все, что можно было найти отъ бывшаго когда-то полнаго, ...льнаго текста хроники Малалы въ слав. переводѣ, и т. о. отчасти возстановить ... найденный переводъ, сдѣлана В. М. Истринымъ въ Зап. И. А. Н., серія VIII, ...I, № 3; Лѣтописяхъ Ист.-фил. Общ. при Новор. у-ѣ, т. X, XIII, и Сборн. отд. рус. ... и сл. И. А. Н. т. 89.

сдѣланъ также въ Болгаріи, также не позднѣе, кажется, Х-го вѣка. Впрочемъ, о переводѣ хроники Георгія Амартола существуетъ нѣсколько мнѣній. Наиболѣе надежнымъ изъ нихъ является то, что переводъ сдѣланъ не позже самаго начала XI-го вѣка, вѣроятно даже въ Х-мъ, что въ началѣ же XI-го вѣка онъ перешелъ и къ намъ на Русь. Это доказывается тѣмъ, что составитель нашего «общерусскаго» лѣтописнаго свода, который относится къ 90-мъ годамъ XI-го вѣка, уже пользовался Георгіемъ Амартоломъ. Другое мнѣніе, которое, впрочемъ, больше претендуетъ на остроуміе, чѣмъ на научную достовѣрность, высказано было архимандритомъ Леонидомъ [1]). Онъ находитъ возможнымъ категорично утверждать, что духовникъ княгини Ольги (болгарки, по Леониду) нѣкій Григорій, отличавшійся большою ученостью, и былъ переводчикомъ хроники Георгія Амартола такъ же, какъ и другихъ крупныхъ переводныхъ текстовъ: хроники Малалы, Хронографа Еллинскаго, Изборника Симеона (Святославова — 1073), Пчелы. Самый фактъ существованія у Ольги ученаго духовника, конечно, вполнѣ вѣроятенъ. Вѣроятно также, что этотъ духовникъ былъ не грекъ (Ольга едва ли знала, какъ слѣдуетъ, греческій языкъ, а ея приближенные и того менѣе), а южный славянинъ. Но, конечно, предполагать изъ этого одного факта, что переводъ Георгія Амартола сдѣланъ именно на Руси и именно имъ, довольно рискованно. Арх. Леонидъ основывается при этомъ на томъ обстоятельствѣ, что переводъ Амартола (Х в.) не извѣстенъ (т.-е. не извѣстенъ намъ, не найденъ) до сихъ поръ въ юго-славянскихъ рукописяхъ, у юго-славянъ, у насъ же популяренъ. Если Георгій Амартолъ въ этомъ переводѣ (онъ извѣстенъ по русскимъ текстамъ съ XIII в.) не извѣстенъ на югѣ славянства въ древнѣйшихъ спискахъ [2]), то это еще, конечно, далеко не служитъ доказательствомъ того, что тамъ такого перевода и не было. Развѣ мало у насъ есть памятниковъ, несомнѣнно, юго-славянскихъ по происхожденію, которые, однако, сохранились только въ русскихъ спискахъ? Русская литература въ этомъ отношеніи вѣдь оказалась гораздо болѣе счастливой, чѣмъ литература юго-славянская. Наконецъ, самое тождество Григорія [3]), переводчика Іоанна Малалы

---

[1]) См. его статью „Древняя рукопись“ въ Рус. Вѣстникѣ, 1889 г., апрѣль.

[2]) У юго-славянъ распространеніемъ пользовался *другой* переводъ, сдѣланный *иной*, нежели старшій („болгарскій“), греческой редакціи; переводъ этотъ сдѣл[illegible] также въ Болгаріи, но позднѣе (вѣроятно, въ XIII—XIV в.) и сохранился въ с[illegible]скахъ, начиная съ XIV в. (Синод. библ., Вѣнской, Пражской) и называется непр[illegible]вильно „сербскимъ“, какъ сохранившійся преимущ. въ сербскихъ спискахъ.

[3]) О Григоріи пресвитерѣ и отношеніи его къ этимъ переводамъ обстоятел[illegible]нѣе см. въ ст. Н. Е. Евсѣева въ Изв. Отд. рус. яз. и сл. И. А. Н. VII, [illegible] стр. 356 и сл.

и Амартола, и Григорія, духовника Ольги,—лишь предположеніе, ни на чемъ не обоснованное. Еще менѣе мы знаемъ о литературной дѣятельности этого духовника Григорія; а то, что приписываетъ ему Леонидъ, это опять-таки произвольная (и притомъ невѣрная) его догадка. Такимъ образомъ, мы все-таки можемъ допустить, что первоначальный переводъ Георгія Амартола сдѣланъ былъ на болгарскій въ Симеоновскую эпоху: за это говорятъ положительныя лексическія и грамматическія особенности языка. Несомнѣнно также и то, что скоро этотъ переводъ сталъ извѣстенъ на Руси и принадлежалъ къ однимъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ Кіевскаго періода, при чемъ оказалъ вліяніе на первоначальный лѣтописный сводъ: Георгій, котораго цитируетъ русскій начальный лѣтописный сводъ, и есть Георгій Амартолъ. Этими хрониками или, собственно говоря, Георгіемъ Амартоломъ и Іоанномъ Малалой, и ограничивался кругъ цѣнныхъ историческихъ византійскихъ памятниковъ, которые вошли въ древнѣйшую русскую литературу. Но, конечно, этимъ далеко не ограничивался кругъ историческихъ памятниковъ вообще, перешедшихъ къ намъ изъ Византіи въ древній періодъ: отдѣльныя статьи историческаго характера, какова, напр., «Лѣтопись вкратцѣ патріарха Никифора», можетъ быть, даже сборники ихъ, были извѣстны на Руси; другія историческія свѣдѣнія находимы были въ памятникахъ иного характера, напр., въ житіяхъ, повѣстяхъ.

Литература каноническая. Несомнѣнно, что, если эти памятники расширяли историческій кругозоръ древне-русскаго читателя, сообщали ему, такъ сказать, научныя знанія, то другіе памятники расширяли его кругозоръ въ другихъ направленіяхъ. Въ этомъ отношеніи прежде всего приходится упомянуть про памятники, знакомящіе съ греческимъ каноническимъ церковнымъ и государственнымъ правомъ,—съ понятіями церковно-юридическими. Такимъ памятникомъ прежде всего является *Кормчая*, или *Номоканонъ*. Кормчая книга представляетъ собою собраніе, иногда вмѣстѣ и толкованіе, постановленій и нормъ, принятыхъ въ византійской церкви, начиная отъ временъ апостольскихъ и кончая послѣднимъ вселенскимъ соборомъ, включая сюда и помѣ-стные. Но, кромѣ нормъ собственно церковныхъ, сюда въ значительномъ количествѣ входили и такія нормы и законоположенія, которыя мы ни-къ не могли бы назвать церковными—нормы чисто-гражданскія: это—ѣтское византійское законодательство, въ видѣ «новеллъ» императо-овъ, главнымъ образомъ. Дѣло въ томъ, что въ Византіи жизнь государ-твенная такъ близко соприкасалась съ жизнью церковной, что можно ыло говорить не о томъ, что подсудно церкви, а скорѣе о томъ, что подсудно церкви; нормы частной и въ значительной степени обще-

ственной жизни давала, или, по крайной мѣрѣ, стремилась давать церковь. Таковыми, съ одной стороны, являлись указы или эдикты императоровъ, напр., о монастырскихъ земляхъ, о правахъ поселенія на этихъ земляхъ: это касалось экономической стороны, какъ государства, такъ и церкви. Съ другой стороны, во многихъ случаяхъ церковь издавала такія постановленія, съ которыми должно было считаться и государство: таковы ограниченія правъ за религіозныя преступленія. Всѣ эти постановленія и заключались въ Кормчей. Кормчая т. о. должна была служить нормой для руководства въ самыхъ различныхъ случаяхъ общественной, церковной и частной жизни. Вводя христіанство на Руси, Византія естественно, давая нормы христіанской жизни, жизни религіозной, заключающіяся въ Кормчей, давала и византійскія нормы гражданской, государственной жизни, вліяя такимъ образомъ на прежнее обычное право языческаго времени на Руси. Что касается перевода Кормчей, или Номоканона, на славянскій языкъ, то онъ долженъ былъ появиться очень рано, такъ какъ воззрѣнія христіанской жизни, вводимыя при его помощи, настолько рѣзко отличались отъ до-христіанскихъ, а церковная жизнь представляла уже столько сложнаго, что новая жизнь у славянъ не могла оставаться безъ писанныхъ нормъ. Поэтому, естественно, что Номоканонъ, какъ элементарное церковное и общественное законодательство, долженъ былъ быть переведенъ въ числѣ первыхъ книгъ при введеніи у славянъ христіанства; поэтому-то первоначальный переводъ на славянскій Номоканона приписывается (и основательно) славянскимъ первоучителямъ, въ частности Меѳодію. Какого рода Кормчая первоначально была переведена? Мы знаемъ и въ Византіи не одинъ видъ Номоканона, знаемъ и въ славянскихъ переводахъ также Кормчія различнаго состава (см. подробнѣе: Розенкампфъ «Обозрѣніе Кормчей въ исторической видѣ» (М. 1829), стр. 6—9). Если вопросъ о типѣ Кормчей, переведенной первоучителями, какъ увидимъ, рѣшается точно, то вопросъ о ея характерѣ представляетъ въ наукѣ предметъ спора. Имѣя въ виду, что первоначально христіанство среди славянъ на славянскомъ языкѣ явилось на западѣ—въ Паннонiи и Моравіи, находившихся въ области юрисдикціи Рима, можно было предположить, что на переводѣ Кормчей отразилось католическое римское вліяніе, хот[illegible] римское каноническое право VIII—IX в. было близко еще къ визант[illegible]скому, восходя въ своихъ основахъ и источникахъ къ тому же праву г[illegible]ческому. Извѣстный представитель исторіи каноническаго права про[illegible] Н. С. Суворовъ утверждалъ, что въ славяно-русской первоначально[illegible] Кормчей, дѣйствительно, есть слѣды католическаго вліянія, что в[illegible] переводъ греческаго текста были внесены нѣкоторыя латинскія допо[illegible]ненія и измѣненія; онъ ихъ и видитъ въ «Заповѣди св. отецъ», и в[illegible]

«Законѣ судномъ людямъ». Это сочиненіе [1]) Н. С. Суворова вызвало протестъ другого канониста, бывшаго проф. Московскаго университета Ал. Ст. Павлова, который рѣшительно отрицаетъ присутствіе слѣдовъ католическаго вліянія въ нашей Кормчей [2]). Рѣшеніе этого вопроса въ ту или другую сторону для насъ чрезвычайно важно. Если мнѣніе Суворова правильно, мы получаемъ важный культурный фактъ: западно-европейское (а не византійское только) вліяніе въ установленіи новыхъ культурныхъ нормъ при введеніи христіанства на Руси, а стало быть, и въ русской литературѣ. Работа Павлова доказала несостоятельность воззрѣнія Суворова въ тѣхъ случаяхъ, которые Суворовъ имѣетъ въ виду. Но своими разсужденіями и доказательствами Павловъ, если и опровергъ Суворова, доказавши греческое происхожденіе заподозрѣнныхъ статей, онъ не устранилъ другихъ связей съ Западомъ въ Кормчей, которыя въ ней нашлись. Такъ, если мы возьмемъ древнѣйшій русскій (но идущій отъ болгаръ) списокъ Кормчей, такъ называемый Устюжскій (писанъ въ городѣ Великомъ Устюгѣ въ XIII в., хранится въ Рум. музеѣ за № 230), то мы увидимъ рядъ особенностей въ языкѣ перевода, которыя дѣйствительно говорятъ намъ о несомнѣнномъ вліяніи католическаго Запада; напр., мы встрѣчаемся съ такимъ терминомъ, какъ «стрижники», употребляющемся для обозначенія клириковъ: само собою разумѣется, что изъ греческаго слова klirikoi—такого славянскаго перевода никакъ не могло получиться; если же мы обратимся къ католической церкви и ея терминологіи, дѣло сразу объяснится: тамъ для опредѣленія клириковъ употреблялось слово—tonsurati (что̀ вполнѣ соотвѣтствуетъ обычаю римской церкви при посвященіи пробривать на головѣ небольшую лысину, которая называется tonsura, откуда и названіе клирика—tonsuratus), которому соотвѣтствуетъ наше «стрижникъ» въ томъ же смыслѣ. Какимъ образомъ эти «стрижники» попали въ нашъ переводъ Кормчей, сдѣланный съ греческаго, гдѣ этого термина однако не находимъ? Съ точки зрѣнія Суворова это лишь доказательство правильности его утвержденія о католическомъ вліяніи въ текстѣ нашего Номоканона. Но эта на первый взглядъ странная черта нашего Номоканона получаетъ свое естественное объясненіе изъ условій возникновенія христіанства у славянъ и вмѣстѣ съ тѣмъ перевода Номоканона. Несомнѣнно, что Кормчая была переведена Меѳодіемъ съ греческаго оригинала, при чемъ предназначалась для распространенія среди славянъ Моравіи и Паннонiи; но здѣсь было

---

[1]) „Слѣды западно-католическаго церковнаго права въ памятникахъ древне-русскаго права“ (Труды VII археол. съѣзда 1888).

[2]) Соч. А. С. Павлова: „Мнимые слѣды католическаго вліянія въ древнихъ памятникахъ юго-славянскаго и русскаго церковнаго права“ (М. 1892).

уже до Кирилла и Меѳодія довольно много славянъ, крещеныхъ по католическому обряду нѣмецкими священниками, которые и совершали богослуженіе на латинскомъ языкѣ. Возможно, что установившаяся у нихъ терминологія и оказала извѣстное вліяніе на терминологію Кормчей, воспользовавшейся уже готовой и болѣе или менѣе уже знакомой мораванамъ терминологіей. Конечно, вліяніе католической терминологіи— это далеко не то, что вліяніе самой католической религіи. Что же касается словъ западнаго происхожденія (главнымъ образомъ, терминовъ), то они встрѣчаются и въ другихъ славянскихъ памятникахъ, переведенныхъ съ греческаго; такихъ словъ въ евангеліяхъ, богослужебныхъ книгахъ насчитываютъ (Шафарикъ, Ягичъ) нѣсколько десятковъ. Но эти слова имѣютъ значеніе иное, нежели показаніе католическаго вліянія, или указаніе на латинскій оригиналъ славянскаго перевода: присутствіе ихъ служитъ лишь неоспоримымъ доказательствомъ древности славянскаго перевода, который, несомнѣнно, долженъ былъ возникнуть въ Кирилло-Меѳодіевскую эпоху и возникнуть при указанныхъ условіяхъ, т.-е. въ Паннонін и Моравіи въ началѣ нашей христіанской письменности. Эти слова, несмотря на свое западное происхожденіе, не измѣняютъ византійскаго характера памятника въ его содержаніи, идеяхъ.

Какая же Кормчая была переведена первоучителями? Если мы обратимся къ византійской литературѣ VIII—IX в. и къ древнимъ русскимъ спискамъ, то мы увидимъ существованіе двухъ типовъ Кормчихъ. Обыкновенная Кормчая, образецъ которой мы имѣемъ въ упомянутой Устюжской Кормчей, является переводомъ съ такъ называемой греческой Кормчей Іоанна Схоластика—въ 50 титулахъ, т.-е. главахъ. Іоаннъ Схоластикъ былъ извѣстный византійскій канонистъ VI в., патріархъ, который и создалъ наиболѣе цѣльный сводъ христіанскаго церковнаго права, поэтому и получившій названіе Кормчей, или Номоканона, Іоанна Схоластика. Особенность плана этой Кормчей Іоанна Схоластика заключается въ томъ, что онъ держится строго-хронологическаго порядка, т.-е., онъ излагаетъ всѣ постановленія, относящіяся къ церковному законодательству, въ томъ порядкѣ, въ какомъ они издавались, главнымъ образомъ на вселенскихъ и помѣстныхъ соборахъ; затѣмъ помѣщены выборки изъ гражданскаго законодательства, поскольку оно касается церкви, отдѣльныя объясненія разныхъ случаевъ церковной практики [1]). Изложеніе каноновъ послѣ Іоанна Схоластика дов

[1]) Подробный составъ Кормчей Іоанна Схоластика см. Востоковъ, Опис. Рум. Муз. № 230, или Розенкампфъ, Обзоръ Кормчей, стр. 113—127; см. также *А. С. Павлова*, Курсъ церковнаго права (Серг. пос. 1902) § 22—26. Изъ новѣйшихъ тру

дено до 681 года. Это собраніе, конечно, очень цѣнно съ исторической стороны, но очень неудобно было для практическаго пользованія. Найти что-либо въ этой Кормчей было очень трудно, приходилось для каждаго мелкаго вопроса пересматривать всю Кормчую, собирать воедино разныя постановленія по этому случаю и изъ сопоставленія этихъ мѣстъ дѣлать выводъ. Это сдѣлало необходимымъ приложеніе особаго указателя, который, дѣйствительно, и прилагался къ Кормчей Іоанна Схоластика, но только частью облегчалъ дѣло. Это неудобство Кормчей Іоанна Схоластика привело къ тому, что въ концѣ IX в. въ Византіи возникла другая Кормчая уже въ 14 титулахъ, или главахъ. Это—такъ называемый Фотіевскій Номоканонъ. Фотіевскій Номоканонъ отличался отъ Номоканона Іоанна Схоластика какъ разъ тѣмъ, что матеріалъ располагался не въ хронологическомъ порядкѣ, а былъ сгруппированъ по содержанію. Это, конечно, дѣлало пользованіе Номоканономъ очень удобнымъ и устраняло необходимость пользоваться указателемъ и искать въ разныхъ мѣстахъ Кормчей указанія по одному и тому же вопросу. Поэтому Номоканонъ Фотія скоро совершенно вытѣснилъ Номоканонъ Іоанна Схоластика, постепенно осложняясь въ связи съ условіями жизни. Какъ извѣстно, самъ Фотій находился въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ славянскими апостолами. Онъ былъ профессоромъ Кирилла по Высшей школѣ при св. Софіи; онъ же, вѣроятно, указалъ на св. братьевъ византійскому правительству, какъ на людей, наиболѣе способныхъ выполнить тяжелую миссію обращенія славянъ, при чемъ Фотій, конечно, руководился не одними только религіозными соображеніями, но, несомнѣнно, и соображеніями политическаго характера, такъ что въ этомъ отношеніи Фотій являлся вполнѣ солидарнымъ съ византійскимъ правительствомъ. Однако мы видимъ, что Меѳодій переводитъ не Фотіевскій Номоканонъ, а именно Номоканонъ Іоанна Схоластика. Это возможно объяснить только тѣмъ, что ко времени моравской миссіи Фотій еще не успѣлъ создать свой Номоканонъ, и Кормчая Іоанна Схоластика была еще дѣйствующимъ руководствомъ въ церкви. Безъ церковнаго же законодательства обходиться было нельзя при введеніи новыхъ нормъ у славянъ; поэтому братья и рѣшили приняться за переводъ стараго Номоканона, именно Номоканона Іоанна Схоластика: этотъ переводъ въ русской копіи XIII в. (Устюжской) и дошелъ до насъ. Этимъ объясняется и глубокая древность языка этой Кормчей.

Но весьма рано появился и переводъ Фотіева Номоканона, какъ

довъ о славянскихъ кормчихъ въ связи съ греческими слѣдуетъ упомянуть труды В. Н. *Бенешевича*, Канонич. сборникъ XIV титуловъ (Спб. 1905), Древне-славянская Кормчая XIV титуловъ (Спб. 1906), Синагога въ 50 титуловъ (Спб. 1914).

дѣйствующаго закона современной византійской церкви, и на Руси. Этотъ фактъ мы обязаны предположить и теоретически на основаніи отношеній русской и византійской церквей, и потому, что до нашего времени дошелъ въ спискѣ XI—XII вв. (Синод. библ. № 227) списокъ слав. перевода Кормчей Фотія. Переводъ сдѣланъ, повидимому, на Руси при Ярославѣ, какъ предполагаетъ А. С. Павловъ, подробно обслѣдовавшій этотъ кодексъ (см. его «Первоначальный, славяно-русскій Номоканонъ»). Во второй половинѣ XIII в. къ намъ проникаетъ опять новый типъ византійской Кормчей того же Фотія, но съ толкованіями извѣстныхъ византійскихъ канонистовъ—Аристина, Зонары и Вальсамона. Этотъ типъ Кормчей, прошедшей черезъ сербскую среду, представляетъ переводъ, сдѣланный (а можетъ быть, правильнѣе, проредактированный русскій) на Аѳонѣ въ самомъ началѣ XII вѣка Саввой Сербскимъ, первымъ архіепископомъ и основателемъ сербской церкви. Списокъ этой Кормчей въ 1262 г. былъ полученъ въ Россіи изъ Болгаріи и въ 1276 г. принятъ на соборѣ во Владимірѣ, гдѣ тогда была русская митрополія (послѣ паденія Кіева). Этотъ типъ Кормчей сохранилъ свое значеніе въ нашемъ церковномъ законодательствѣ и до настоящаго времени, являясь исходнымъ пунктомъ позднѣйшаго церковнаго законодательства [1]), какъ источникъ новыхъ христіанскихъ нормъ жизни на Руси.

Памятники каноническаго права должны быть принимаемы во вниманіе и при изученіи литературы: они вліяли на наше народное міросозерцаніе, въ нихъ отражалось въ свою очередь міросозерцаніе эпохи, какъ это мы увидимъ еще въ памятникахъ Кіевскаго времени; поэтому имъ и дано мѣсто въ нашемъ обзорѣ.

Литература научная. Продолжая характеристику переводной литературы, перешедшей къ намъ изъ литературы греческой черезъ южное славянство, а отчасти и прямо [2]), мы должны остановиться еще на трехъ крупныхъ отдѣлахъ этой литературы, которымъ въ нашей древней литературѣ суждено было сыграть важную роль въ выработкѣ нашего міросозерцанія и, слѣдовательно, въ литературѣ. Это—во-первыхъ, памятники, такъ сказать, научнаго (въ средневѣковомъ смыслѣ), общеобразовательнаго характера, во-вторыхъ—такъ называемая леген[дарная] и апокрифическая литература, въ-третьихъ—литература уч[и]тельная, отчасти спеціально богословская. Первая группа примы[ка]етъ къ церковной литературѣ менѣе тѣсно, являясь расширеніемъ [...]

[1]) См. А. С. Павлова, Курсъ церк. права, § 36.

[2]) Перечень такихъ переводовъ см. у А. И. Соболевскаго, „Особенност[и] русскихъ переводовъ домонгольскаго періода“ (М. 1897, изъ Трудовъ XI археол. съѣз[да] въ Вильнѣ).

учнаго кругозора, построеннаго на основахъ той же литературы богословской, вторая—тѣснѣе связана съ этой литературой, будучи, какъ увидимъ, ея своеобразнымъ продолженіемъ, третья—спеціально религіозно-дидактическая, близко подходящая къ литературѣ церковной.

Что касается научныхъ, общеобразовательныхъ произведеній, то къ нимъ нужно отнести всю ту литературу, которая трактовала о различныхъ вопросахъ природовѣдѣнія, главнымъ образомъ, естественно-историческаго характера. Къ такимъ памятникамъ относятся, прежде всего, такъ называемые Шестодневы. Эти Шестодневы представляютъ довольно типичныя произведенія, сложившіяся подъ вліяніемъ средневѣковаго міровоззрѣнія, которое господствовало въ Византіи и на Западѣ въ тѣ времена приблизительно въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ. По внѣшнему своему плану Шестодневы представляются толкованіемъ на шесть дней творенія міра и человѣка, т.-е. собственно толкованіе соотвѣтствующаго разсказа Библіи (кн. Бытія, гл. 1—3). Какъ извѣстно, относительно сотворенія міра въ Библіи мы находимъ очень краткій разсказъ, правильнѣе говоря, лишь простой перечень того, что было сдѣлано Богомъ въ теченіе 6 дней, когда возникло все существующее. Этотъ короткій перечень, касающійся событія такой важности, конечно, долженъ былъ возбудить любопытство по связи съ видимымъ и окружающимъ человѣка міромъ природы, но въ томъ видѣ, какъ онъ читается въ Библіи, не могъ удовлетворить даже невзыскательнаго средне-вѣковаго мыслителя, разъ онъ попробуетъ найти въ немъ объясненія окружающаго его теперь. Нужны были комментаріи и разъясненія: съ такими-то комментаріями и разъясненіями, построенными на данныхъ богословія и отчасти античной и восточной науки, притомъ строго согласованными съ общебогословскимъ міросозерцаніемъ средневѣковья, но въ то же время уже не носящими узко-церковнаго характера, мы и встрѣчаемся въ Шестодневахъ. Такое воззрѣніе на науку, признающее ее допустимой и цѣнной только постольку, поскольку она согласуется съ воззрѣніями церкви, довольно рано получило полное право гражданства какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ. Это отношеніе церковной, богословской науки къ «свѣтской», «мірской», «внѣшней» характерно выразилось въ опредѣленіи самой важной изъ наукъ нецерковныхъ—философіи: въ VIII в. на Востокѣ Іоаннъ Дамаскинъ, Ѳома [Ак]винскій на Западѣ—оба большіе авторитеты въ глазахъ средневѣ[к]овья—признали философію лишь «служанкой» истинной науки—богословія. Понятно поэтому, что наука въ памятникахъ такого рода съ нашей точки зрѣнія является односторонней. Во всякомъ случаѣ, даже [и] такая наука служила для расширенія кругозора, давала пищу пытливости средневѣковаго христіанина, хотя сама и была построена на

недостаточно объективномъ основаніи, слаба въ смыслѣ наблюденія, опыта. Этимъ и объясняется, почему авторитетная Библія являлась исходной точкой для научнаго мышленія человѣка среднихъ вѣковъ, являлась въ частности и рамкой для его представленія объ окружающемъ, о мірозданіи. Въ рамки этой схемы и укладывались познанія естественно-историческія, историческія, физическія и пр. въ средніе вѣка. Итакъ, Шестодневъ представляетъ обширный комментарій на ту часть Библіи, гдѣ разсказывается о шести дняхъ творенія: отсюда его и названіе. Въ исторіи христіанской древней литературы, а также средневѣковой, мы знаемъ нѣсколько различныхъ Шестодневовъ. Потребность въ такого рода трудахъ должна была возникнуть довольно рано; въ средніе вѣка ясно опредѣлилось, что знаніе должно итти въ двухъ направленіяхъ: съ одной стороны—было знаніе отвлеченное, знаніе догматическое, ведшее человѣка къ идеалу; съ другой стороны было знаніе реальное, дававшее пониманіе окружающаго и отношеніе его къ идеальному; сюда входили прежде всего, конечно, естественно-историческія науки. Знаніемъ перваго рода занимались богословіе и схоластическая философія, знаніе же второго рода не могло войти въ ихъ область и требовало отдѣльной области: этого рода знаніе и должны были давать труды, подобные Шестодневу. Возникли эти Шестодневы довольно рано и въ значительномъ числѣ; такъ, извѣстны: Шестодневъ Василія Великаго, Шестодневъ Амвросія Медіоланскаго, Шестодневъ Северіана Гавальскаго (епископа испанскаго), Шестодневъ Іоанна Дамаскина и другіе. Эти Шестодневы, кромѣ каноническихъ свѣдѣній о твореніи міра, сообщали всевозможныя данныя тогдашней науки. Эти данныя почерпались, главнымъ образомъ, изъ того наслѣдства, которое средневѣковой Европѣ осталось отъ античнаго времени, въ Византіи, главнымъ образомъ, отъ Греціи, Востока. Всѣ эти данныя входили въ Шестодневъ, подчиняясь, разумѣется, въ своемъ истолкованіи основной наукѣ—богословской. Такимъ образомъ, здѣсь мы видимъ своеобразное соединеніе двухъ міровоззрѣній—дохристіанскаго и христіанскаго съ явнымъ, конечно, преобладаніемъ второго. Въ видѣ образчика разсужденій Шестоднева можно привести, напр., разсужденіе о стихіяхъ: «философы міра сего» (т.-е. древніе) увѣряютъ, что небо состоитъ изъ четырехъ стихій (огонь, воздухъ, земля и вода); другіе признаютъ пятой стихіей, называя его эѳиромъ и объясняя его свойства. Т[illegible] другіе, по мнѣнію автора, не правы: по Моисею, сотворилъ Богъ н[illegible] (т.-е. ангеловъ, невидимое) и землю (т.-е. видимое). По мѣрѣ то[illegible] какъ авторъ Шестоднева идетъ дальше, его комментаріи становятс[illegible] все обширнѣе и обширнѣе. Такъ, когда онъ доходитъ до описанія че[illegible]твертаго дня творенія, онъ при описаніи творенія свѣтилъ пользует[illegible]

случаемъ изложить вопросъ о происхожденіи дня и ночи, о движеніи свѣтилъ и проч.; описывая пятый день и шестой творенія, составитель особенно подробно излагаетъ всякаго рода свѣдѣнія о животныхъ четвероногихъ, рыбахъ и птицахъ, исходя изъ тѣхъ полунаучныхъ, полуфантастическихъ свѣдѣній, которыми по наслѣдству отъ античнаго міра и Востока обладало его время, все это сдабривая то полемикой противъ «внѣшнихъ», то извлекая изъ этихъ свѣдѣній либо моральный урокъ, либо подтвержденіе словамъ Св. Писанія [1]). Шестодневъ, такимъ образомъ, превращается въ цѣлую систему, излагающую исторію созданія міра на основаніи данныхъ, добытыхъ наукой въ теченіе ряда вѣковъ, въ своего рода «научную» энциклопедію. Распространеніе подобныхъ руководствъ, несомнѣнно, имѣло большое значеніе: эти руководства не служили только одной цѣли—цѣли уясненія и истолкованія библейскихъ положеній,—но подъ видомъ библейскаго комментарія они давали научныя или наукообразныя свѣдѣнія. Стало быть, въ Шестодневѣ мы имѣемъ дѣло съ памятникомъ, собственно говоря, не узко-церковнымъ, а съ памятникомъ свѣтскимъ (въ нашемъ смыслѣ), представляющимъ собою научное руководство, и, какъ таковое, оно въ значительной степени служило общеобразовательнымъ средствомъ, расширяло кругозоръ, удовлетворяло естественной потребности—дать себѣ отчетъ объ окружающемъ. Къ намъ на Русь Шестодневы явились въ довольно раннее время и притомъ въ нѣсколькихъ видахъ: кромѣ статей и статеекъ этого характера, находимыхъ въ древнѣйшихъ сборникахъ, переведенныхъ съ греческаго, мы знаемъ древній переводъ Шестоднева Василія Великаго, а кромѣ того, и уже славянскую переработку греческихъ Шестодневовъ: это—Шестодневъ Іоанна, экзарха Болгарскаго. Іоаннъ Экзархъ былъ однимъ изъ видныхъ дѣятелей болгарской литературы (IX—X в.) въ ея извѣстную Симеоновскую эпоху, такъ называемый «золотой вѣкъ», о которомъ уже не разъ приходилось говорить. Онъ былъ образованнымъ человѣкомъ и оказалъ не мало услугъ своей литературѣ [1]). Но значеніе Іоанна Экзарха не ограничивается лишь одною областью болгарской литературы: онъ важенъ и для насъ, при изученіи русской литературы, прежде всего какъ авторъ Шестоднева, перешедшаго рано къ намъ на Русь въ числѣ ...тихъ книгъ, которыми снабжала насъ Болгарія въ кіевскую пору, и ...орыя соединили древнюю эпоху нашей и болгарской литературы ...сною связью. Если мы сравнимъ Шестодневъ Іоанна Экзарха съ

---

[1]) Подробнѣе см. В. Успенскій, Толковая палея (Казань, 1876), стр. 21—39.

[1]) О немъ см. капитальное изслѣдованіе К. Калайдовича: Іоаннъ Экзархъ ...лгарскій (М. 1824); самый Шестодневъ Іоанна Экзарха изданъ позднѣе (1879) по ...мѣчательному древнему списку (XIII в.) А. Н. Поповымъ (Чтенія Общ. Ист. и Др.).

Шестодневомъ Василія Великаго, то увидимъ, что Іоаннъ Экзархъ не является только переводчикомъ греческаго Шестоднева, хотя и стоитъ отъ него въ сильной зависимости. Его Шестодневъ значительно отличается отъ текста Василія Великаго; но, съ другой стороны, не видимъ и большой самостоятельности Іоанна: онъ является компиляторомъ, соединявшимъ воедино нѣсколько ходячихъ въ византійской литературѣ его времени руководствъ аналогичнаго содержанія, почему мы и встрѣчаемъ у него ссылки на ученіе Аристотеля, Платона, Ѳалеса и др. философовъ. Думать, что Іоаннъ Экзархъ пользовался непосредственно сочиненіями всѣхъ этихъ греческихъ ученыхъ, едва ли возможно: скорѣе всего онъ руководился источниками, въ которыхъ находились указанія на ученія греческихъ философовъ, прежде всего греческими Шестодневами, въ которыхъ, дѣйствительно, находимъ указанія на греческихъ философовъ и ихъ мысли. Подробное ознакомленіе съ трудомъ Іоанна Экзарха показываетъ, что онъ въ подлинникѣ греческихъ писателей не изучалъ. Въ этомъ убѣждаетъ насъ его способъ цитировки древнихъ авторовъ: мы имѣемъ дѣло лишь съ отрывками, отдѣльными мыслями ихъ, передаваемыми далеко не точно, чего не было бы, имѣй онъ въ рукахъ самыя сочиненія философовъ. Возможно допустить, что болѣе онъ знакомъ лишь съ Аристотелемъ, бывшимъ въ X в. въ Византіи въ большомъ почетѣ и потому м. б. болѣе доступнымъ и Іоанну Экзарху, хотя бы въ видѣ болѣе или менѣе обширныхъ извлеченій, какихъ мы знаемъ изъ этого времени достаточно: недаромъ онъ добросовѣстно указалъ свои главные источники въ заглавіи своего труда: «Шестоденье, списано Іоанномъ Презвитеромъ Эксархомъ, отъ св. Василія, Іоанна (т.-е. Златоуста) и Северіана (т.-е. Гевальскаго) и Аристотеля философа и иныхъ». Но кромѣ тѣхъ свѣдѣній, которыя дали для комментарія Іоанну Экзарху имъ же перечисленные источники, онъ пользуется случаемъ, чтобы присоединить и другія научныя свѣдѣнія; напр., цѣлый рядъ свѣдѣній излагаетъ онъ, когда ему приходится говорить о сотвореніи живыхъ существъ—рыбъ, птицъ, животныхъ, вплоть до человѣка. Эти свѣдѣнія онъ заимствуетъ также изъ готоваго источника—Физіолога. При сравненіи мы убѣждаемся, что разсказъ Іоанна Эк-зарха о животныхъ почти дословно совпадаетъ съ разсказами греч-каго «Физіолога».

Что касается «Физіолога», то это—въ высшей степени интерес- и очень типичный памятникъ средневѣковой «научной» литературы. О- также очень рано въ славянскомъ переводѣ сталъ извѣстенъ и у нас. Главное содержаніе «Физіолога» [1])—разсказы о животныхъ, ихъ внѣ-

[1]) Спеціальное изслѣдованіе и изданіе текстовъ см. А. Д. Карнѣева, Фи-логъ (Спб. 1890).

ности, свойствахъ. Происхожденіе «Физіолога» очень сложное. Въ основаніе его, несомнѣнно, легли данныя научнаго опыта и наблюденія долгихъ лѣтъ античной науки, скорѣе всего, александрійской учености, съ другой стороны—элементы легендарнаго характера, приблизительно тѣ средневѣковыя представленія объ окружающемъ мірѣ, которые мы находимъ въ животномъ эпосѣ Востока и Запада. Такимъ образомъ, «Физіологъ» является памятникомъ чрезвычайно любопытнымъ, такъ какъ характеризуетъ состояніе естественно-научныхъ воззрѣній въ средніе вѣка. Описаніе внѣшнихъ свойствъ животныхъ ведется приблизительно по тому же плану, какъ это дѣлается теперь въ популярныхъ учебникахъ естествовѣдѣнія. Указывается на признаки животнаго, его свойства, качества, на степень приносимой имъ пользы или вреда человѣку и т. д. Но, конечно, духъ средневѣковой науки не могъ не наложить своего отпечатка и на эти естественно-историческія наблюденія и описанія. Благодаря этому, животныя описываются не только съ точки зрѣнія ихъ свойствъ, но и съ точки зрѣнія этики, построенной на данныхъ богословія. Въ силу этого, каждому животному приписывается какое-либо символическое значеніе: оно собою характеризуетъ то или иное свойство человѣка, наглядно представляетъ то или иное обстоятельство изъ жизни человѣка или человѣчества. Такимъ образомъ для средневѣковаго ученаго каждое животное было не только объектомъ для безпристрастнаго наблюденія, но и средствомъ, дающимъ возможность извлечь изъ наблюденія какой-либо нравственный урокъ. Возьмемъ примѣръ—описаніе лисицы: «о лисѣ Физіологъ говоритъ, что жизнь ея лукава: когда она проголодается и хочетъ ѣсть и не находитъ ничего, она идетъ къ дому или къ сараю, ложится навзничь и, затаивши дыханіе, лежитъ, какъ дохлая; и птицы, думая, что она мертвая, садятся на нее и начнутъ ее клевать; тутъ она быстро вскакиваетъ, схватываетъ птицу и съѣдаетъ ее: такъ и дьяволъ лукавъ, злодѣй, и дѣла его злы, ибо всякій, кто хочетъ вкусить плоти его, умретъ; а плоть его—блудъ, сребролюбіе, сластолюбіе, зависть. Поэтому Иродъ уподобляется лисицѣ, и книжникъ слышалъ отъ Спасителя: «яко лиси язвини имутъ», и Соломонъ въ Пѣсни Пѣсней сказалъ: «имѣите себе лисица малыя, безъ вѣсти творящая винограды», Давидъ сказалъ въ псалмахъ: «часть лисовомъ будетъ» и проч. Хо-шо говоритъ Физіологъ о лисицѣ». Здѣсь видимъ и наблюденіе надъ войствомъ лисицы, и нравоучительное истолкованіе ея свойствъ, и ма-еріалъ для пониманія того или иного мѣста изъ св. Писанія, наконецъ и символику, и элементы сказки о животныхъ (ср. извѣстную казку, теперь дѣтскую, о лисицѣ и волкѣ—эпизодъ съ рыбой).

Еще примѣръ: «о змѣѣ Господь сказалъ въ Евангеліи: «будите

мудри, яко змія, и кротци, яко голубіе». Физіологъ говоритъ, что она имѣетъ четыре свойства: 1) когда состарѣется и начнетъ плохо видѣть и, если хочетъ обновиться, алчетъ 40 дней и ночей, пока не ослабѣетъ ея тѣло; и поищетъ разсѣлицы узкой въ камнѣ и сниметъ съ себя кожу и, снявши ее, обновится; такъ и ты человѣкъ: если хочешь освободиться отъ ветхаго сего міра, иди узкимъ и скорбнымъ путемъ, истоми тѣло свое постомъ: «узокъ бо путь, водяй въ вѣчную жизнь»; 2) змѣя, когда ходитъ на источникъ пить, яда съ собой не имѣетъ: такъ и намъ слѣдуетъ, идя въ церковь, отврещи отъ себя зло; 3) змѣя боится нагого человѣка: такъ и Адамъ въ раю, будучи нагъ, не былъ прельщенъ змѣемъ; 4) змѣя, когда хотятъ ее убить, прячетъ голову, предавая остальное тѣло на смерть: такъ и намъ слѣдуетъ предавать тѣло на смерть за Христа, а голову сохранять отъ грѣха и дурного, какъ поступали святые мученики, ибо «мужу глава есть Христосъ».

Еще примѣръ: «Разсказывая о львѣ, Физіологъ говоритъ, что дѣтеныши льва рождаются мертвыми. Три дня лежитъ львенокъ бездыханнымъ, затѣмъ приходитъ левъ-отецъ, дуетъ на него, и львенокъ оживаетъ». Опять авторъ Физіолога совершенно не интересуется вопросомъ о томъ, вѣрно это или нѣтъ; для него важно преобразовательное значеніе эпизода. Фактъ пребыванія мертвымъ львенка въ теченіе трехъ дней и его воскрешеніе заставляетъ его видѣть въ этомъ прообразъ смерти и тридневнаго воскресенія Іисуса Христа.

Въ такомъ духѣ въ «Физіологѣ» идетъ разсказъ о цѣломъ рядѣ животныхъ, числомъ до 50. Здѣсь рядомъ съ существующими животными находимъ и фантастическихъ: Сирену и Кентавра, Феникса, и минералы: Алмазъ, Кремень, Магнитъ, и растенія: смоковницу, какое-то дерево peridexion и даже св. трехъ отроковъ въ пещи вавилонской. Такимъ образомъ, «Физіологъ» являлся богатымъ источникомъ для христіанской символики, легенды, долженъ былъ оказать на нее вліяніе равно, какъ и на изобразительныя искусства. Дѣйствительно, на Западѣ и въ Византіи мы часто видимъ отзвуки «физіологической саги» и въ литературѣ, и въ искусствѣ [1]). Такъ, мы бы ожидали, должно было бы быть и на русской почвѣ; на дѣлѣ же мы не видимъ въ древній періодъ русской литературы широкаго вліянія этой сторон[...] Шестодневовъ и Физіологовъ. Причина этого, повидимому, заключает[...] въ томъ, что Физіологъ или Шестодневъ, перейдя на Русь, былъ [...] по плечу большинству русскихъ читателей, недавно ставшихъ хрис[...]

---

[1]) Этой сторонѣ исторіи „Физіолога“ посвящена спеціальная работа Lauchert[...] Geschichte des Physiologus; есть и болѣе поздніе отзвуки „Физіолога“ въ славянски[...] литературахъ; см. ст. Новаковича (Starine, XI, 1879), Physiologus.

анами и не доросшихъ до воспріятія этой «научной» стороны Шестодневовъ и Физіологовъ. Большинство ученыхъ склоняются къ этому мнѣнію (Пыпинъ, Голубинскій). Дѣйствительно, требовалось извѣстное общее развитіе, извѣстная начитанность, чтобы читатель могъ понять отвлеченный поэтическій символъ въ примѣненіи къ искусству или могъ бы заинтересоваться отвлеченнымъ богословскимъ догматомъ въ примѣненіи къ естественно-историческимъ фактамъ. Всего этого мы ожидать отъ древне-русскаго книжника не въ правѣ въ начальномъ періодѣ новой нашей жизни. Косвенно это подтверждается, съ одной стороны, слабымъ развитіемъ самостоятельныхъ литературы и искусства въ древнемъ періодѣ, съ другой—тѣмъ, что ближайшіе интересы литературы лежали въ иной области—усвоенія съ возможной полнотою новаго міропониманія. Лишь позднѣе мы встрѣчаемся съ развитіемъ «физіологической саги» и у насъ, но уже при иныхъ условіяхъ жизни (это уже XV—XVII в.). Однако, это вовсе не даетъ намъ права отрицать значеніе этихъ памятниковъ для исторіи русской литературы. Они безусловно оказывали свое вліяніе, если не непосредственно, то черезъ посредство другихъ памятниковъ, если не какъ Физіологи, то какъ образы, входившіе въ оборотъ въ качествѣ аллегорій, символовъ и другихъ стилистическихъ украшеній рѣчи, въ сочиненіяхъ нашихъ наиболѣе выдающихся людей по образованію, напр., митрополита Иларіона, Кирилла Туровскаго и другихъ. У такихъ писателей мы обнаруживаемъ несомнѣнное знакомство съ этой литературной традиціей, тѣсно связанной съ Физіологами и Шестодневами въ своемъ прошломъ: привычка обращаться за образами, сравненіями къ окружающей природѣ, беря изъ нея какъ разъ то, о чемъ трактуютъ эти руководства, и притомъ такъ же, какъ говорятъ эти памятники, ясно указываетъ, что Шестодневы и Физіологи не были мертвымъ капиталомъ у читателя и писателя, по крайней мѣрѣ, болѣе подготовленнаго и талантливаго.

Рядомъ съ этими памятниками, которые, такимъ образомъ, предназначались, повидимому, лишь для незначительнаго меньшинства, для наиболѣе образованной части общества, имѣлись и популярныя книги кого же характера. Образецъ такихъ книгъ мы имѣемъ въ извѣстныхъ евнихъ сборникахъ (изборникахъ) Святослава. Этихъ сборниковъ два нъ дошелъ въ спискѣ 1073 г., другой—въ спискѣ 1076 г.); оба представляютъ произведенія не русскія; они переведены съ грекаго на болгарскій и изъ Болгаріи пришли къ намъ. Названіе свое вятославовы Изборники»—они носятъ потому, что были переписаны я великаго князя Святослава Ярославича. Послѣсловіе Изборника 73 г. (въ первоначальномъ своемъ видѣ въ спискѣ XV в.) показытъ намъ, что этотъ сборникъ былъ первоначально переведенъ для

царя Симеона болгарскаго: послѣсловіе 1073 года буквально (за исключеніемъ, разумѣется, именъ) повторяетъ первоначальное послѣсловіе, гдѣ и упоминается иниціаторъ перевода—царь Симеонъ. Оба сборника составлены, повидимому, еще на греческой почвѣ, изъ весьма разнообразныхъ источниковъ [1]). Характеръ сборника 1073 г. опредѣляется отчасти его заглавіемъ: «Съборъ отъ многъ отьць: тълкованія о неразумныихъ словесахъ въ еуаггеліи и въ апостолѣ и въ инѣхъ книгахъ въ кратцѣ съложено на память и на готовъ отвѣтъ». Здѣсь, дѣйствительно, преобладаетъ «толкованіе», но не только того, что невразумительно въ Евангеліи и Апостолѣ (для этого существовали и спеціальныя сочиненія), но и многое другое: чисто-богословскія догматическія статьи (о Св. Духѣ, символъ Михаила Синкелла), а также историческія (перечень вселенскихъ соборовъ), обширный катехизисъ (Анастасія Синайскаго—о вѣрѣ), списокъ каноническихъ и ложныхъ книгъ (Богословца отъ словесъ—Исидорово), о различныхъ дѣленіяхъ времени (мѣсяцы римскіе, іудейскіе, македонскіе, египетскіе, еллинскіе) и т. п. Такого же пестраго характера, но съ преобладаніемъ поученій и этическихъ изреченій, составъ и сборника 1076 г. Кромѣ этихъ дошедшихъ въ рукописяхъ кіевскаго времени, намъ извѣстны и другіе сборники, если не столь древніе по спискамъ, то во всякомъ случаѣ восходящіе въ XII в. по оригиналамъ, а по переводу и дальше, каковъ, напр., большой сборникъ XIII в. (Имп. Публичная библіотека) [1]).

Легенда и апокрифъ. Слѣдующая крупная по объему и значенію группа памятниковъ переводной литературы, которую намъ слѣдуетъ разсмотрѣть, группа, какъ сказано, примыкающая къ церковной, въ частности къ житійной литературѣ, но которая, однако, носитъ такой своеобразный характеръ по своему прошлому и своему значенію, что требуетъ отдѣльнаго изученія и разсмотрѣнія. Это—группа, состоящая изъ легенды и апокрифа.

Какъ извѣстно, легендарная литература не представляетъ какой-либо исключительной принадлежности литературъ христіанскихъ; христіанская легенда, наоборотъ, находится въ связи съ легендой древнихъ народовъ, что придаетъ ей, конечно, особый интересъ. Главна особенность христіанской легенды сравнительно съ остальной хрис анской письменностью заключается въ томъ, что она никогда не тер своей связи съ народной поэзіей, даже будучи перенесена на нов

[1]) Изборникъ 1073 г. изданъ въ Чт. Общ. Ист. и Др. 1882, IV (изд. не оконче съ греческимъ подлинникомъ, а полное факсимиле—въ Общ. Л. Др. письм., Сборни 1076 г. также изданъ В. Шимановскимъ (Варшава 1887, 1894 гг.).

[2]) О немъ свѣдѣнія см. Н. Никольскій, Климентъ Смолятичъ (Спб. 18 стр. 10 и сл.).

чужую почву. И въ этомъ случаѣ, конечно, христіанская легенда не составляла исключеній. Она, подобно всякой легендѣ, являлась сложнымъ отраженіемъ на почвѣ смѣшенія народныхъ воззрѣній разныхъ странъ и временъ: христіанская легенда, въ связи съ самой исторіей христіанства, представляетъ лишь особенно сложный организмъ. Возникновеніе легенды, какъ продукта человѣческой мысли, объясняется въ общихъ чертахъ такимъ образомъ. Всякое лицо или событіе, вызвавшее сильный къ себѣ интересъ со стороны народнаго сознанія, когда оно становится достояніемъ прошлаго, вмѣстѣ съ тѣмъ становится и достояніемъ легенды, т.-е. остается предметомъ воспоминаній и разсказа, преданія. И чѣмъ менѣе фактическихъ свѣдѣній объ этомъ лицѣ или событіи, и чѣмъ они болѣе интересны, тѣмъ сильнѣе работаетъ фантазія, привлекая посторонніе аналогичные матеріалы, и тѣмъ скорѣе разсказъ пріобрѣтаетъ легендарную окраску, заимствуя эти краски изъ болѣе раннихъ легендъ, отвлекая матеріалъ отъ другихъ фактовъ прошлаго. Такимъ образомъ, обыкновенно рождается цѣлый кругъ отдѣльныхъ легендъ, группирующихся около какого-либо событія.—Такимъ представляется общечеловѣческій ходъ развитія легенды; это, прежде всего устное произведеніе, и легенда въ своемъ развитіи подчинена общимъ законамъ развитія эпоса. Что же касается связи легенды съ религіей, то она обусловливается, конечно, тѣмъ исключительно центральнымъ положеніемъ, которое занимала въ древности и въ средніе вѣка религія. Вотъ тѣ общія соображенія, которыя можно высказать относительно происхожденія христіанской легенды [1].—Христіанство почти со времени самаго зарожденія его окутано такими легендами. Онѣ появлялись одновременно съ возникновеніемъ священнаго писанія и, вѣрнѣе всего, даже раньше возникновенія самого священнаго писанія. Уже самый духъ священнаго писанія, которое, по понятіямъ христіанъ, писалось подъ особымъ наитіемъ, по внушенію Святаго Духа, исключалъ изъ него стремленіе къ точной фактической достовѣрности и придавалъ ему символически-легендарный, поэтическій характеръ. Слѣды этихъ легендъ замѣчаются въ священномъ писаніи довольно ясно: напр., указаніе на раннее существованіе такихъ легендъ мы находимъ въ Евангеліи Луки (I, 1—3), которое является одною изъ болѣе позднихъ по времени книгъ новозавѣтнаго канона [2]. Затѣмъ Евангеліе отъ Іоанна (XXI, 22) (еще болѣе позднее по времени написанія) въ концѣ констатируетъ необычайное количество ле-

[1] Общій очеркъ зарожденія и развитія легенды см. „Починъ“ (сборн. Общ. Люб. Рос. Слов.) на 1896 годъ, стр. 230 и сл.

[2] По мнѣнію новѣйшихъ нѣмецкихъ изслѣдователей, оно составлено изъ двухъ частей и явилось поздно, хотя, можетъ быть, не позднѣе конца I вѣка.

гендъ, распространенныхъ въ христіанствѣ уже въ такое раннее время; такъ приходится понимать слова: «Многое и другое (кромѣ вошедшаго въ Евангеліе) сотворилъ Іисусъ; но если бы написать о томъ подробно, то, думаю, и всему міру не вмѣстить бы написанныхъ книгъ». Сама христіанская церковь постоянно пользовалась этими легендами. Ею признается, что основою христіанства служитъ, во-первыхъ, священное писаніе, какъ богодухновенное, во-вторыхъ, священное преданіе, т.-е. то, что не вошло въ священное писаніе, но сохранилось путемъ устной и иногда письменной передачи. А это священное преданіе, главнымъ образомъ, и зиждется на легендѣ, при чемъ вопросъ о достовѣрности многихъ легендъ обыкновенно и не возбуждается: все основано на вѣрѣ и довѣріи къ разсказу. Въ этомъ смыслѣ легенды и являются крупными факторами въ древней литературѣ любого христіанскаго народа. Но не нужно при этомъ забывать, что уже сама древняя христіанская легенда по своему составу представляла элементъ довольно сложный. Христіанской литературѣ предшествовала литература іудейская, затѣмъ она восприняла въ себя литературу восточную, античную—греко-римскую. Создателями и носителями самой христіанской легенды были люди, несшіе въ своей культурѣ переживанія тѣхъ же восточныхъ, іудейскихъ, античныхъ и варварскихъ элементовъ легенды. Слѣды всѣхъ этихъ вліяній и могутъ быть обнаружены въ христіанской легендѣ, при чемъ часто въ весьма причудливыхъ соединеніяхъ. Поэтому въ христіанской легендѣ мы находимъ иногда ясные слѣды пользованія до-христіанской легендой, преимущественно іудейской, такъ какъ центромъ зарожденія и развитія христіанства и его легендъ, какъ извѣстно, были іудеи. Образчикъ такого пользованія іудейской легендой мы имѣемъ даже въ священномъ новозавѣтномъ писаніи, наиболѣе оберегаемомъ въ смыслѣ чистоты христіанскаго міросозерцанія; напр., въ Посланіи апостола Іуды (I, 14—15) есть ссылка на Еноха, предполагающая то, чего нѣтъ въ Библіи объ этомъ патріархѣ [1]): въ данномъ случаѣ оно пользуется легендой, вошедшей въ извѣстную іудейскую «Книгу Еноха». Такимъ же образомъ воспринимала христіанская легенда и цѣлыя іудейскія легенды, перерабатывая ихъ въ духѣ христіанства, къ которымъ присоединялись также, приспособляясь легенды или отдѣльные элементы античные—греко-римскіе, а также и элементы восточные. Само христіанство по духу своему—религія демократическая; первыми ея прозелитами были «пр

[1]) Вотъ это мѣсто: „О нихъ (нечестивыхъ) *пророчествовалъ* и Енохъ, седьмый отъ Адама, говоря: Се идетъ Господь съ тьмами ангеловъ — сотворить судъ надъ всѣми...“ Библія (Бытіе, гл. 5) ничего не знаетъ о пророчествѣ Еноха о страшномъ судѣ, но знаетъ древнеіудейская легенда.

стецы». Этотъ характеръ ея, связь съ воззрѣніями массъ, особенно ярко выступаетъ въ легендѣ; она тѣсно связана съ самаго начала съ народнымъ міросозерцаніемъ и связь эту сохраняетъ всюду и всегда, пока она существуетъ, какъ живой организмъ; подъ вліяніемъ времени, условій она только лишь видоизмѣняется въ зависимости отъ степени культурности той среды, въ которую она попадаетъ, однако, оставаясь выразительницей міропониманія, христіанскихъ воззрѣній широкихъ массъ народа, которому остается недоступной почти (не считая самыхъ общихъ истинъ ученія) отвлеченная философско-богословская сторона религіи. Аристократъ ума могъ не нуждаться въ легендѣ, для него мысль религіи могла быть понятна и въ ея духовномъ, отвлеченномъ образѣ, простой же народъ къ такой мысли совершенно не привыкъ: онъ могъ понимать ее лишь въ конкретизированномъ видѣ. Здѣсь-то и приходила на помощь легенда. Кромѣ того, она несла съ собой богатѣйшій поэтическій и художественный запасъ, которымъ могла вліять, какъ на народную устную, такъ и на письменную литературу болѣе образованныхъ классовъ. Но если для народныхъ массъ легенда давала пищу художественному чутью, питала вѣру, замѣняла собою постепенно дохристіанскую поэзію, то для образованныхъ классовъ легенда давала матеріалъ для высокой искуственной поэзіи, для сознательно-художественнаго произведенія вообще. Вліяніе легенды и было, дѣйствительно, очень сильно въ дѣятельности христіанскихъ писателей. Такъ какъ въ образованіи легенды, какъ мы видѣли, принимаютъ участіе совершенно различные элементы, часто другъ другу совершенно противоположные, какъ, напр., элементъ христіанскій и элементы языческіе—античные или восточные, то, конечно, при соединеніи этихъ элементовъ возникаетъ компромиссъ между этими противоположными воззрѣніями, а компромиссъ этотъ возникаетъ тѣмъ легче, чѣмъ ближе сталкиваются въ жизни двѣ культуры, несущія эти элементы, чѣмъ менѣе критична среда, творящая и воспринимающая эти элементы; а такой средой являлся тотъ культурный конгломератъ, который представлялъ въ началѣ христіанской эры переднії Востокъ, главный очагъ созданія и развитія христіанской легенды. Затѣмъ въ легендѣ, конечно, отражается и эпоха, въ которую она слагается или ерабатывается. Результатомъ этого является легенда, сотканная изъ личныхъ, часто разновременныхъ элементовъ, но всегда согласная народнымъ міропониманіемъ данной эпохи. Поэтому христіанская генда въ своемъ развитіи такъ гибка, такъ приспособляется къ жизни, итывая въ себя различные элементы до-христіанской, языческой лециды,—будутъ ли то элементы іудейскіе, или античные—греко-рим- е или восточные, или просто варварскіе. Для наглядности вотъ при-

мѣръ, на которомъ можно наблюдать, какъ эти различные элементы могутъ переплетаться въ одной и той же легендѣ, примиряться между собою. Такую легенду, гдѣ сохранились и іудейскіе элементы, и античные греческіе, и восточные, и гдѣ всѣ эти элементы перемѣшиваются съ легендой христіанской, составляя вмѣстѣ уже легенду христіанскую, можно видѣть въ «Сказаніи Афродитіана персянина о рождествѣ Христовомъ» [1]).

Какъ извѣстно, самый фактъ рожденія Іисуса Христа передается и въ Евангеліи отчасти въ поэтическомъ освѣщеніи. Рожденіе Іисуса Христа, по Евангелію, сопровождается различными чудесами: прежде всего оно было давно предсказано въ ветхомъ завѣтѣ, и Іисусъ Христосъ долженъ по плоти носить связь съ главнымъ іудейскимъ родомъ—съ родомъ царя Давида, происходящимъ отъ праотца Авраама; потому именно, желая на это указать, евангелистъ (Матѳей) и приводитъ подробную родословную Іисуса Христа, начиная эту родословную, какъ извѣстно, съ Авраама (чѣмъ и открывается текстъ самого Евангелія). Затѣмъ, само рожденіе происходитъ чудеснымъ образомъ, именно при непорочномъ зачатіи отъ Духа Святаго; ему предшествуетъ благовѣщеніе дѣвѣ Маріи. Затѣмъ появляется чудесная звѣзда, увидѣвъ которую, восточные волхвы поняли, что родился Христосъ, и по ея мѣстонахожденію опредѣлили мѣсто рожденія Іисуса Христа, пришли ведомые этой звѣздой и поклонились ему. Такимъ образомъ передается все это въ каноническихъ Евангеліяхъ.

Въ сказаніи Афродитіана исторія появленія на землѣ Христа представляется, въ немногихъ словахъ, такъ [1]): и по легендѣ, персидскіе ученые маги, постоянно слѣдящіе за теченіемъ планетъ, первые узнаютъ, что долженъ скоро родиться великій человѣкъ въ мірѣ, «начало спасенія», «конецъ гибели». Узнаютъ же они объ этомъ такъ: въ Персидѣ есть храмъ языческій, богато украшенный. Тамъ стоятъ различные идолы, среди которыхъ—идолъ богини «Иры» (несомнѣнно греческаго происхожденія—«Гера», считавшаяся матерью боговъ и людей). И вотъ, однажды ночью жрецъ Прупъ видитъ, что всѣ идолы сошли со своихъ мѣстъ и кланяются этой богинѣ Ирѣ, выражая ей знаки своего почтенія, такъ какъ она во чревѣ зачала, будучи помолвлена за плотник[illegible]

[1]) Легенда эта уже въ письменномъ видѣ, въ нѣкоторой обработкѣ, стало б[illegible] дошла до насъ въ греческомъ текстѣ, который сталъ источникомъ различныхъ е[illegible] пейскихъ версій, въ томъ числѣ славяно-русской. Подробнѣе о ней см. въ моногра[illegible] *П. Е. Щеголева*, Очерки исторіи отреченной литературы. Сказаніе Афродитіана[illegible] Изв. Отд. рус. яз. и сл. А. Н., IV, 1, 4.

[2]) Полный слав. текстъ „Сказанія“ см. у Тихонравова, Пам. отр. лит. I, 1[illegible] русскій переводъ греч. текста у Щеголева о. с.

(ср. Іосифа, обручника Маріи). Жрецъ докладываетъ объ этомъ персидскому царю. Тотъ не вѣритъ. Жрецъ предлагаетъ убѣдиться лично. Царь отправляется на слѣдующую ночь въ храмъ, чтобы видѣть чудо. Дѣйствительно, и на эту ночь происходитъ то же самое. Боги кланяются Ирѣ, называя ее «источникомъ», давая ей имя Мугіа (слав. переводчикъ дѣлаетъ уже Марію), которую возлюбило великое солнце. Въ это время на Иру—источникъ—спускается блестящая звѣзда: Ира облечена въ царскую корону, и звѣзда стоитъ надъ ея главой. Изъ разговора боговъ царь узнаетъ, что родился въ Виѳлеемѣ царь, и посылаетъ волхвовъ для поклоненія новорожденному Спасителю. Волхвы придя провѣряютъ предсказаніе: Марія дѣйствительно обручена «тектону», родила безъ мужа, по благовѣщенію ангела. Обличивши невѣрующихъ іудеевъ и бѣжавши отъ Ирода, волхвы возвращаются домой и заносятъ обо всемъ на золотыя скрижали.—Такимъ образомъ, ясно, здѣсь переплетаются различные элементы—греческіе, іудейскіе, восточные, примыкая къ евангельской, христіанской легендѣ.

Еще примѣръ такой сложной легенды: это—эпизодъ изъ «Дѣяній апостола Андрея» [1]). Несмотря на всѣ чудеса, творимыя Іисусомъ Христомъ, іудеи все же не вѣрили въ его божественное происхожденіе, не вѣрили, что Онъ тотъ самый Богъ, который говорилъ съ праотцами. Легенда переноситъ насъ въ храмъ Соломоновъ, гдѣ и происходитъ споръ между Христомъ и невѣрными іудеями. Тамъ стоитъ каменный сфинксъ на пьедесталѣ (какъ видимъ, вліяніе совершенно посторонняго элемента, такъ какъ, намъ извѣстно, изъ іудейскаго храма были изгнаны всякія изображенія, кромѣ изображеній херувимовъ, такъ что присутствіе изображенія египетскаго или греческаго сфинкса въ іудейскомъ храмѣ—вещь, съ исторической точки зрѣнія совершенно немыслимая). По знаку Христа этотъ сфинксъ оживаетъ, снимается съ мѣста и отправляется въ Хананею, гдѣ погребены іудейскіе патріархи—Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ, оживляетъ и приводитъ ихъ въ храмъ, для того, чтобы они свидѣтельствовали объ Іисусѣ, какъ истинномъ Богѣ. Но и послѣ этого евреи все-таки не повѣрили. Эта легенда составляетъ вставной эпизодъ въ другой легендѣ объ апостолѣ Андреѣ: ему по жребію нужно было отправиться съ проповѣдью въ городъ человѣкоядцевъ. Эти «человѣкоядцы», по легендѣ, жили въ какой-то приморской странѣ и постоянно совершали набѣги на сосѣднія страны. Взятыхъ въ плѣнъ людей они откармливали, потомъ поили дурманомъ и съѣдали на площади при торжественномъ празднествѣ. Къ этимъ-то людоѣдамъ и долженъ былъ отправиться съ проповѣдью апостолъ Андрей. По дорогѣ

[1]) Изданъ текстъ въ XV т. „Древностей“ Моск. Археол. Общества.

чудеснымъ образомъ является ему Іисусъ Христосъ и въ видѣ кормчаго ведетъ корабль Андрея. Здѣсь Андрей и разсказываетъ приведенную выше легенду. Послѣ ряда мученій, которымъ подвергли апостола антропофаги, Андрей знаменіемъ креста побѣждаетъ дьявола, явившагося въ темницу, гдѣ былъ заключенъ апостолъ, затопляетъ городъ водой, льющейся изъ устъ статуи (фонтанъ), окруживъ городъ огненной стѣной, чтобы жители не могли бѣжать. Жители обращаются къ Христу.—Здѣсь опять видимъ рядомъ съ христіанской легендой—восточную, народную легенду о людоѣдахъ.

Постепенно развиваясь и переходя отъ народа къ народу, эти легенды все болѣе и болѣе усложнялись и расширялись. Часть ихъ органически входила въ народную устную поэзію, часть же ихъ попадала въ письменность и записывалась. Такимъ образомъ, въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ образовался огромный циклъ такихъ легендъ, который размѣрами своими далеко превзошелъ само священное писаніе, и этотъ циклъ выдѣлилъ изъ себя такъ называемую апокрифическую легендарную литературу, ставшую, въ концѣ-концовъ, достояніемъ и письменности. Этотъ кругъ апокрифической легенды образовался постепенно. Путь образованія легенды и памятника апокрифическаго, какъ выраженія этой легенды, въ общихъ чертахъ долженъ быть намѣченъ и для исторіи русской литературы: она, ставши, христіанской, восприняла въ значительной степени и легенду вообще и апокрифическую легенду въ частности, а также и отношеніе къ нимъ, выработанное древнимъ христіанствомъ; и здѣсь ея роль является въ значительной степени сходной съ ролью ея на родинѣ.

Понимая такъ широко легенду, какъ ее мы опредѣлили, исчерпать все, что было принесено намъ въ области легенды, конечно, немыслимо, но дать общее представленіе о томъ, что было принесено, и что оказало вліяніе на нашу литературу, представляется вполнѣ возможнымъ. Источниками для такого представленія намъ послужатъ, во-первыхъ, тѣ общіе законы распространенія легенды, которые, разумѣется, имѣли мѣсто и при распространеніи ея на русской почвѣ, во-вторыхъ, анализъ наиболѣе крупныхъ легендъ и памятниковъ легендарно-апокрифическаго характера, пришедшихъ къ намъ въ кіевскій періодъ. Въ послѣднемъ случаѣ не нужно упускать изъ виду, что точнаго объема того, что было принесено, мы все же получить не можемъ, благодаря общему положенію нашихъ свѣдѣній о литературѣ кіевскаго періода: не только въ данной области, но и въ другихъ матеріалъ, дошедшій до насъ отъ этого времени, мы должны представлять лишь скудными остатками того, что было въ дѣйствительности: намъ по обломкам приходится заключать о цѣломъ.

Но, прежде, чѣмъ перейти непосредственно къ обзору наиболѣе важныхъ памятниковъ разсматриваемой группы произведеній, ставшихъ достояніемъ нашей литературы, нужно сдѣлать нѣсколько предварительныхъ замѣчаній, а именно: говоря о легендѣ, мы употребили слова: «апокрифическая легенда». Относительно пониманія этого термина въ научной литературѣ существуетъ нѣкоторое разногласіе, которое необходимо предварительно разъяснить. Когда мы употребляемъ названіе «апокрифъ», «апокрифическая легенда» примѣнительно къ литературному произведенію, то мы имѣемъ дѣло съ опредѣленіемъ чисто-формальнаго характера, стало быть, съ опредѣленіемъ условнымъ. Исторія этого термина и его примѣненія въ древней и поздней литературѣ дастъ намъ наиболѣе правильное его пониманіе.

Прежде всего нужно замѣтить, что терминъ «апокрифъ» происхожденія очень ранняго, и вовсе не христіанскаго: онъ восходитъ ко временамъ гораздо болѣе древнимъ, чѣмъ само христіанство, и употреблялся еще въ языческомъ мірѣ; изъ понятія, соединяемаго съ этимъ терминомъ еще въ до-христіанское время, постепенно выработалось и христіанское представленіе объ апокрифѣ, которое въ свою очередь и здѣсь въ разныя времена имѣло различный объемъ и смыслъ. Древнее значеніе термина «апокрифическій», какъ то видно изъ самаго значенія греческаго слова (apokryphos, отъ глаг. apocrypto), есть: «сокровенный», «тайный»; въ дохристіанской древности этотъ терминъ, прилагаясь къ религіознымъ ученіямъ и писаніямъ, обозначалъ изъ нихъ такія, которыя считали неудобнымъ открывать для всѣхъ; при томъ, нужно замѣтить, выраженія: «апокрифическая» религія, «апокрифическій» культъ, писаніе и т. п., вовсе не означали чего-либо худого, еретическаго, неправильнаго, непригоднаго; наоборотъ, этимъ терминомъ обозначалось нѣчто высшее, что не было и не должно было быть доступно простой необразованной массѣ, что знали лишь избранные, особо подготовленные, избранные. Такихъ культовъ въ древности было не мало; извѣстно, что, напр., въ Египтѣ было два культа: одинъ попроще—для всей массы народа, другой—для избранныхъ, придворныхъ, аристократовъ, царей; этотъ послѣдній культъ считался по высотѣ своего ученія непригоднымъ для людей низшихъ и скрывался отъ нихъ, дабы они, не понимая его, не исказили высокаго ученія. Такіе культы и сочиненія, гдѣ излагались ученія этихъ культовъ, и носили названіе апокрифическихъ; съ ними соединялось представленіе чего-то важнаго, сокровеннаго. Этотъ смыслъ имѣетъ терминъ «апокрифическій» и въ раннюю христіанскую эпоху. Многія секты, уже христіанскія, также имѣютъ двоякое ученіе—общее и частное, открытое и тайное. И въ первыя времена христіанства слово «апокрифическій», несомнѣнно, не имѣло того смысла, ко-

торый оно пріобрѣло здѣсь потомъ; напр., въ первые вѣка христіанства пользовалась большимъ уваженіемъ книга Іоанна Богослова, извѣстная подъ именемъ «Апокалипсиса»; и эта книга называлась «апокрифической», т.-е. тайной, потому, что она содержитъ важныя, таинственныя, облеченныя въ сокровенную, иносказательную форму пророчества о судьбахъ христіанскаго міра.

Но исторія развитія и распространенія христіанства повела къ тому, что, въ концѣ-концовъ, терминъ «апокрифическій» получилъ смыслъ, чуть не противоположный первоначальному. Исторія сложенія и развитія христіанства, особенно догматической его стороны, отмѣчена не только положительнымъ развитіемъ основъ, данныхъ ему его Основателемъ, но и оживленной борьбой между различными толкованіями этихъ основъ у различныхъ группъ, постепенно входившихъ въ кругъ христіанской церкви. Первые вѣка отмѣчены, иначе сказать, борьбой правовѣрнаго (ортодоксальнаго) христіанства съ ересями и расколами. Различія этихъ группъ—ортодоксальныхъ и неортодоксальныхъ—вытекали изъ различія тѣхъ культурно-національныхъ элементовъ, которые входили постепенно въ кругъ христіанъ: христіанинъ изъ іудеевъ не былъ по своему пониманію христіанства тождественъ съ христіаниномъ-грекомъ, а этотъ въ свою очередь отличался отъ христіанина-египтянина или римлянина въ пониманіи и отношеніи ко многимъ положеніямъ новой религіи. Однимъ словомъ, первоначальная исторія христіанства, какъ отмѣченная борьбою между различными культурными направленіями древняго міра, отразилась самымъ рѣшительнымъ образомъ на ихъ взаимоотношеніяхъ, на отношеніяхъ къ одному и тому же явленію. Поэтому въ однѣхъ христіанскихъ общинахъ одни религіозные памятники и мнѣнія пользовались большимъ авторитетомъ, тогда какъ въ другихъ эти памятники не признавались столь же авторитетными и даже вовсе отрицались; на этой почвѣ и возникло понятіе о писаніяхъ л о ж н ы х ъ, т.-е. такихъ, которыхъ считающіе себя ортодоксальными христіане не признавали за правильныя, и которыя въ ихъ глазахъ являлись иногда прямо еретическими, такъ какъ эти памятники, часто окрашенные специфическими чертами какого-либо мѣстнаго ученія, ча сто популярные среди еретиковъ и сектантовъ, среди этихъ груп пользуются авторитетомъ, въ которомъ имъ отказываютъ правовѣрн Такимъ образомъ, и легенда, легендарный памятникъ, авторитетный одной группѣ христіанъ (чаще всего тѣхъ изъ нихъ, которые при лежали къ еретикамъ или сектантамъ съ точки зрѣнія ортодоксальн христіансчтва), считался ложнымъ, недопустимымъ въ другой груп какъ выразитель непризнаваемаго въ ортодоксальной группѣ взгляд потому подвергался осужденію. Такимъ образомъ, возникло предста

ніе о цѣломъ циклѣ литературы одной группы, который являлся недоброкачественнымъ у другой. Приверженцы этихъ отвергаемыхъ книгъ и ученій, когда имъ приходилось уступать въ борьбѣ, конечно, отъ нихъ не отказывались, но скрывались съ ними, продолжая исповѣдывать ихъ тайно. На этой-то почвѣ и сближались по отношенію къ литературнымъ памятникамъ и ученіямъ понятія о тайномъ, ложномъ, запретномъ въ глазахъ одной группы вѣрующихъ и важномъ, авторитетномъ и также тайномъ въ глазахъ другой.

Съ накопленіемъ подобнаго матеріала съ одной стороны, съ установленіемъ все болѣе и болѣе точныхъ нормъ въ ортодоксальной церкви— съ другой, естественно возникаетъ потребность и болѣе точной расцѣнки этого матеріала съ точки зрѣнія пригодности его для развившейся и развивающейся литературы христіанства. Является необходимымъ опредѣлить, что можетъ и что не можетъ вести къ правильному пониманію христіанства. Такъ, уже въ III в. подготовляется, а въ IV созрѣваетъ мысль о канонѣ, каноническихъ писаніяхъ. Подъ канономъ книгъ, въ частности книгъ священнаго писанія ветхаго и новаго завѣта, подразумѣвается собраніе тѣхъ обращавшихся среди вѣрующихъ книгъ, которыя признаются чистыми источниками вѣроученія, въ данномъ случаѣ христіанскаго[1]). Установленіе этого канона и сыграло важную роль въ исторіи развитія и опредѣленія литературы легендарной и въ частности апокрифической. Но и здѣсь мы видимъ ту же постепенность въ выработкѣ термина, что и по отношенію къ термину «апокрифъ»; по мнѣнію тѣхъ, кто установлялъ этотъ канонъ, не всѣ книги, не вошедшія въ него, оказывались безусловно негодными, запретными, отреченными. Въ основу расцѣнки книгъ критеріемъ принята была степень чистоты христіанскаго вѣроученія. Однѣ книги, за которыми установился непререкаемый авторитетъ, близость ихъ къ трудамъ основателей христіанства (почему эти книги называются точнѣе—богодухновенными), отграничивались достаточно рѣзко отъ остальныхъ книгъ, вращавшихся среди христіанъ. Во вторую же группу вошли обильныя легенды на ряду съ прочими писаніями. Разумѣется, что это раздѣленіе книгъ совершилось не сразу и не вездѣ одинаково. Особенно это замѣтно по отношенію къ памятникамъ легендарнаго характера: легендой пользуется охотно и ортодоксальная церковь и неортодоксальная; часто эта легенда—одна и та же, часто она лишь мелкій варіантъ легенды, вошедшей въ авторитетныя (позднѣе—каноническія) писанія. Въ силу этого при расцѣнкѣ

[1]) Такого рода собраніе книгъ (хотя и не называвшееся канономъ) представляетъ, какъ извѣстно, собраніе книгъ ветхаго завѣта, составленное еще Ездрой для іудеевъ,— стало быть, термина не было, но понятіе было и до христіанства.

должна была возникнуть извѣстная градація между писаніями священными, боговдохновенными, и писаніями, не обладающими такимъ почетнымъ признаніемъ. Дѣйствительно, кромѣ книгъ священнаго писанія, образовался цѣлый рядъ писаній, которыя, хотя и не признавались священными, но вполнѣ допускались не только какъ невредныя, но даже какъ полезныя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Эти писанія носили названіе «homologumena» (въ IV—V вѣкахъ), т.-е. такія, относительно которыхъ состоялось согласное мнѣніе о нихъ безвредности или пользѣ (отъ греч. homologeisthaï). Въ этотъ разрядъ вошли писанія легендарнаго характера въ большомъ количествѣ: какъ писанія и сказанія, популярныя по содержанію, они считались даже полезными для неофитовъ, для людей мало подготовленныхъ для пониманія высокаго ученія христіанства. Затѣмъ уже выдѣлили изъ нихъ разрядъ «aporreta» (отреченныя), или «notha» (вредныя), подъ которыми понимались писанія, искаженныя еретиками, прямо еретическія, не дозволенныя для ортодоксальныхъ христіанъ въ силу неправильности мыслей, догматовъ; писанія эти содержали въ себѣ также легенды, распространенныя въ простомъ народѣ, но такія, которыя не заслуживаютъ совершенно довѣрія съ точки зрѣнія ученія церкви ортодоксальной. Такимъ образомъ получалось три разряда книгъ: 1) каноническихъ (canonica biblia), 2) допускаемыя (homologumena), 3) отреченныя (aporreta, notha).

Какъ видимъ, въ основѣ этой расцѣнки наличной христіанской литературы лежитъ извѣстнаго рода принципъ: степень годности или негодности того или другого писанія, въ силу его правильности или неправильности. Но, конечно, полной устойчивостью этотъ принципъ отличаться не могъ. Само догматическое ученіе далеко не вездѣ еще было однообразно установлено въ деталяхъ; христіанство само еще не было одной стройной, до деталей разработанной организаціей, дробясь на отдѣльныя, исторически и культурно различно складывавшіяся общины. Тутъ-то и сказались, прежде всего, различія отдѣльныхъ церквей въ оцѣнкѣ отдѣльныхъ явленій изъ области какъ обычаевъ, убѣжденій, такъ и литературы. То, что на Западѣ считалось даже каноническимъ, на Востокѣ было лишь дозволеннымъ; то, что на Востокѣ было дозволеннымъ, на Западѣ считалось отреченнымъ, и обратно. Не было однообразія и на самомъ Востокѣ: кое-гдѣ (напр., въ кипрской церкви) кромѣ четырехъ Евангелій, еще въ VI в. было распространено и пят[ое] Евангеліе—апостола Петра (о страстяхъ Христа, сошествіи въ адъ), к[о]торое въ этой церкви читалось за службами, стало быть, признавалос[ь] каноническимъ; на Западѣ же и въ другихъ восточныхъ церквахъ он[о] не признавалось таковымъ, а считалось прямо не допустимымъ д[ля] душеполезнаго чтенія. Въ Египтѣ долгое время признавалось так[ж]е

пятое, но другое евангеліе—Евангеліе Никодима, также страстное, на Западѣ же и въ Византіи оно прямо считалось апокрифическимъ [1]). Наконецъ, что касается Апокалипсиса Іоанна Богослова, то въ антіохійской церкви онъ пользовался полнымъ признаніемъ и уваженіемъ, на Западѣ къ нему относились сдержанно, а на Востокѣ, въ другихъ мѣстахъ, напр. въ Византіи, повидимому, онъ не пользовался безусловнымъ авторитетомъ: въ богослужебной практикѣ, принимавшей только строго каноническое писаніе въ свой обиходъ, Апокалипсиса не находимъ; то же видимъ и на Западѣ. Еще большія колебанія были по отношенію къ писаніямъ менѣе авторитетнымъ. Такимъ образомъ, выработка канона, какъ однообразной нормы, представлялась дѣломъ не легкимъ. Въ IV-мъ вѣкѣ, однако, канонъ этотъ сталъ уже постепенно слагаться опредѣленнѣе, по крайней мѣрѣ въ ортодоксальной церкви. Когда христіанство стало дозволенной правительствомъ религіей, то необходимо было и правительству и самому христіанству, чтобы послѣднее точнѣе опредѣлило себя, въ своей организаціи представляло нѣчто болѣе устойчивое, нежели отдѣльныя христіанскія общины, строй и порядокъ въ которыхъ основывался лишь на авторитетѣ въ дѣлѣ вѣры, на соглашеніи членовъ общины. Церковь вступаетъ на путь законодательства, стремится въ этомъ случаѣ приблизиться къ государству, опредѣлить къ нему свои отношенія, какъ полноправный членъ его. Поэтому вскорѣ начинается эпоха вселенскихъ соборовъ. Первымъ является соборъ Никейскій, который и старается вынести опредѣленныя нормы для распорядка христіанской жизни. И вопросъ о священномъ писаніи тоже долженъ былъ получить теперь точное разрѣшеніе. Но первый соборъ въ этомъ случаѣ не далъ точнаго рѣшенія, ограничившись общаго рода постановленіемъ—не читать ненадежныхъ писаній,—а дала его практика государственная. Извѣстный историкъ церкви Евсевій по порученію Константина Великаго составляетъ «somation» (по-гречески), или «corpus» (по-латыни), священнаго писанія, т.-е. собраніе тѣхъ книгъ священнаго писанія, которыя должны быть общепризнаннымъ авторитетомъ, источникомъ для знанія христіанства. Этотъ «somation» Евсевія, переписанный въ рядѣ экземпляровъ, былъ разосланъ тогда же властями по всѣмъ провинціямъ государства, которыя были ортодоксальными, съ рекомендаціей—принять этотъ «somation» за норму. Это и была первая попытка установить канонъ священнаго писанія фактически. Ею опредѣлялась и остальная христіанская письменность: все, кромѣ того, что входило въ somation, т.-е. въ канонъ, т. о. оказывалось или «homologu-

[1]) Оно такъ и осталось уважаемымъ наравнѣ съ каноническими въ абиссинской (монофозитской) церкви.

mena», или «aporreta», или правильнѣе—внѣканоническимъ. Слѣдующимъ, вполнѣ естественнымъ шагомъ въ опредѣленіи канона былъ списокъ, перечень книгъ, принятыхъ въ канонъ (слѣдовательно остальныя были внѣ-каноническія), т.-е. получалось два разряда: книги каноническія и книги не каноническія; но послѣднія не всѣ были одинаковаго достоинства: среди нихъ были и допускаемыя и отвергаемыя церковью. Списокъ книгъ каноническихъ составить было легко при наличности somation'а, какъ онъ самъ составился путемъ отбора; произвести же перечень всего неканоническаго (внѣканоническаго) уже гораздо труднѣе: такой списокъ не обниметъ всего, какъ бы громаденъ онъ ни былъ: внести одну опредѣленную норму въ эту пеструю литературу, расцѣниваемую различно въ различныхъ группахъ даже ортодоксальной церкви, было едва-ли возможно: большая внутренняя свобода, основанная на вѣрѣ и убѣжденіи, которая отличаетъ раннюю церковную общину, съ трудомъ уступала централизующей регламентаціи, особенно когда рѣчь шла о такихъ второстепенныхъ по значенію (сравнительно) вещахъ, какъ писанія внѣканоническія. Выгоднѣе начать было съ конца—перечислить aporreta; такъ и было: списки писаній то въ двѣ группы (canonica и aporreta), то въ три группы (canonica, homologumena, aporreta) издавались время отъ времени. Съ теченіемъ времени, однако, разрядъ homologumena изъ этихъ списковъ пропадаетъ, какъ такой разрядъ, который и учесть трудно, но который никто не можетъ смѣшать ни съ каноническимъ писаніемъ, ни съ перечисленными въ спискѣ aporreta, т.-е. остаются въ перечняхъ тѣ книги, которыя должно читать, и книги, которыя не должны быть читаемы. Такимъ образомъ средній терминъ, обнимавшій неканоническое, но дозволенное писаніе, а въ томъ числѣ и легенду, опять уже остается безъ точнаго опредѣленія; а терминъ aporreta сливается съ терминомъ «apocrypha»; въ послѣднюю группу apocrypha, такимъ образомъ, входитъ не ортодоксальное писаніе, а писаніе еретическое, легенда, признаваемая неправильной, искаженной, ложной. Признаніе того или иного писанія или легенды неправильными покоилось на несоотвѣтствіи ея съ тѣмъ, что признавало истиннымъ, заслуживающимъ довѣрія мнѣніе церкви, прежде всего основывавшееся н томъ, что давало каноническое писаніе и священное преданіе; поэто въ числѣ апокрифовъ могли оказаться, какъ писанія, противорѣча признанной нормѣ церкви, писанія по содержанію еретическія, и пи нія ложныя по другимъ причинамъ, напр., не согласныя съ предані ортодоксальной церкви, прежде всего приписываемыя авторству ав ритетныхъ лицъ (чѣмъ поднимался авторитетъ и писанія), но, по мнѣ церкви, имъ не принадлежащія, т.-е. такъ называемыя «pseudepigrap что значитъ «ложно надписанныя», хотя въ своемъ содержаніи злов

наго ничего не заключающія (напр., «Евангеліе» Іакова). Все это и есть легенда апокрифическая, писаніе апокрифическое, какъ содержащее эту легенду, или приписанное ложно автору, которому оно не принадлежитъ. Такой смыслъ должно имѣть понятіе «апокрифическій», какъ оно сложилось исторически. На это слѣдуетъ обратить особенное вниманіе: дѣло въ томъ, что у старинныхъ ученыхъ богослововъ держался совершенно неправильный взглядъ на значеніе апокрифа, какъ термина. Эти преимущественно западные старинные богословы, а за ними и нѣкоторые наши русскіе ученые, воспитанные на взглядахъ этихъ ученыхъ (напр., Порфирьевъ), полагали, что апокрифическимъ слѣдуетъ называть все то, что разсказывая о событіяхъ, извѣстныхъ по каноническому писанію, сообщаетъ какія-нибудь подробности, не находящіяся въ этомъ священномъ писаніи, или разсказываетъ о томъ, чего нѣтъ въ каноническомъ писаніи, т.-е.: нормой для опредѣленія апокрифа является не канонъ, а содержаніе каноническихъ книгъ. Ясно изъ того, что сказано о постепенной выработкѣ канона, что такое мнѣніе будетъ не точно, не будетъ соотвѣтствовать дѣйствительности, исторіи самого канона. Нужно вспомнить о той массѣ писаній и легендъ, которыя не признавались священнымъ писаніемъ, которыя по содержанію отъ него отличались, однако вовсе не считались ни еретическими, ни заслуживающими осужденія, тогда какъ «апокрифъ»—это то, что осуждается, отвергается, какъ ложное, неправильное. Стало быть, если мы апокрифическимъ будемъ считать все, что не входило въ составъ священнаго писанія, то мы незаконно расширимъ понятіе «апокрифическій». Несомнѣнно, что огромную массу подобныхъ писаній сама церковь не признавала безусловно правильными, по авторитету равными каноническому писанію, но и не отвергала.

Собственно говоря, еретической легенды, какъ разсказа, фабулы и нѣтъ: если она когда и была, она исчезла вмѣстѣ съ самими ересями; можетъ быть лишь еретическое истолкованіе общехристіанской легенды, примѣненіе легенды неправильное. Общехристіанская легенда (такъ сказать, нейтральная сама по себѣ, какъ фабула) можетъ получить ретическую окраску, и тогда она становится вредной и подлежитъ проверженію, запрещенію. Поэтому, очень часты случаи, что какое-бо сказаніе, легшее въ основу апокрифическаго писанія, принимали итали лица даже высоко образованныя, стало быть, умѣвшія отли- правильное отъ неправильнаго. Такихъ сказаній и легендъ, кото- до сихъ поръ признаются церковью, дѣйствительно, не мало. Такъ, а очень поэтичная легенда и до сихъ поръ читается въ нашихъ квахъ на Пасху послѣ Свѣтлой заутрени, передъ обѣдней. Она итъ въ составъ т. н. «Огласительнаго посланія», принадлежащаго ну Златоусту: «Посланіе» изображаетъ ту свѣтлую радость, лико-

ваніе, которыя охватываютъ человѣка и весь міръ по поводу воскресенія Христова. Въ сочиненіи много отдѣльныхъ поэтическихъ картинъ. Одною изъ такихъ является картина сошествія І. Христа въ адъ. Какъ извѣстно, объ этомъ событіи въ священномъ писаніи говорится очень немного и кратко (см. Мѳ. XXVII, 51—53): о землетрясеніи, о катапетазмѣ и воскресеніи многихъ святыхъ въ моментъ смерти Христа. Здѣсь же дается цѣлая картина сошествія Іисуса Христа въ адъ [1]. Стало быть, все это взято изъ легенды. Та же легенда лежитъ въ основѣ Никодимова Евангелія, гдѣ во второй его части подробно разсказывается о схожденіи Іисуса Христа въ адъ; а Евангеліе Никодима церковью признано апокрифическимъ. Та же легенда разработана и въ Словѣ Евсевія на великій пятокъ о сошествіи Іоанна Предтечи въ адъ еще подробнѣе; «Слово Евсевія» не каноническое писаніе, какъ и «Слово Іоанна Златоуста», но и не апокрифическое. Отсюда выводъ: одно содержаніе легенды, не находящейся въ священномъ писаніи каноническомъ, не дѣлаетъ ея апокрифической. Она апокрифической становится лишь по формальной причинѣ: когда, входя въ составъ памятника, она вмѣстѣ съ нимъ подвергается запрещенію; а это запрещеніе выражается формальнымъ актомъ церкви, напр., постановленіемъ собора, занесеніемъ въ признаваемый церковью index—списокъ запрещенныхъ книгъ. Если мы возьмемъ Житіе Богородицы, написанное Епифаніемъ (IV в.), то придемъ къ тому же заключенію: о жизни Божіей Матери мы изъ священнаго писанія знаемъ очень мало, несмотря на то, что она—такое важное лицо въ христіанскомъ міросозерцаніи. Однако въ этомъ обширномъ Житіи Богородицы мы находимъ собраннымъ цѣлый циклъ легендъ о Богородицѣ, распространенныхъ во время Епифанія, пользовавшихся уваженіемъ въ его глазахъ. Но значительную часть тѣхъ же легендъ найдемъ мы и въ апокрифическихъ писаніяхъ; однако это не сдѣлало сочиненія Епифанія апокрифическимъ; а часть легендъ, служившихъ источникомъ Епифанію, оказалась апокрифической, будучи занесена въ index. Такимъ образомъ, церковь сам[illegible] пользовалась и пользуется христіанской легендой въ широкомъ ра[illegible] мѣрѣ, видя въ ней заслуживающее довѣрія священное преданіе; л[illegible] генда, популярная среди еретиковъ, вошедшая въ писанія, не приз[illegible] ваемыя заслуживающими довѣрія, отвергается; но легенда въ от[illegible] женномъ писаніи часто та же, что и допускаемая. Поэтому станов[illegible] понятнымъ, что издававшіеся церковью, начиная съ IV—V вв., спи[illegible] или индексы, книгъ ложныхъ, отреченныхъ, очень мало могли ре[illegible]

---

[1] См. это Слово въ „Службѣ на великій день Воскресенія Христова“; отдѣл[illegible] изданій этой Службы, и старыхъ и новыхъ, много.

ровать развитіе легенды, въ томъ числѣ легенды «апокрифической», прекращать распространеніе послѣдней. На людей благочестивыхъ, образованныхъ богословски, списки производили свое впечатлѣніе, заставляя не брать въ руки и не читать запрещенныхъ книгъ, но на массу, неспособную критически отнестись къ матеріалу, увлекаемую потребностью эстетическаго и поэтическаго (а это давала легенда) и доступнаго разумѣнію этотъ списокъ дѣйствія производить не могъ, и легенда, и православная и еретическая, пользовались большимъ распространеніемъ. Легенда согласовалась съ народнымъ сознаніемъ, и сама церковь, запрещая то или иное писаніе, сама же пользовалась легендой, входящей въ составъ этого писанія. Такимъ образомъ, легенда продолжала существовать, оказывая сильное вліяніе на народное міросозерцаніе; она для малокультурныхъ народныхъ массъ значила даже больше, чѣмъ само священное писаніе, отвлеченныя догмы и возвышенныя мысли котораго были мало доступны простому человѣку, особенно ставшему недавно христіаниномъ. Легенда же преподносила ему все, правда въ упрощенномъ видѣ, въ конкретныхъ образахъ, въ понятномъ и вполнѣ доступномъ видѣ, давала объясненіе и отвѣтъ на многіе вопросы, которые были лишь намѣчены въ священномъ писаніи. Эту легенду, въ томъ числѣ и заключенную въ апокрифическія писанія, христіанство принесло и намъ.

Переходя къ разсмотрѣнію судебъ этой легенды у насъ на Руси, мы видимъ, что она у насъ прошла тѣ же стадіи, что и въ Византіи и на Западѣ. Когда христіанская литература стала водворяться на русской почвѣ, положеніе христіанской легенды въ Византіи было таково, что тѣ общіе вопросы, которые могли подниматься въ связи съ нею, были уже давно разрѣшены. Легенда продолжала существовать, измѣняясь иногда настолько, что теряла свой первоначальный смыслъ, иногда вновь зарождаясь, иногда сохраняя довольно древнія черты, но, во всякомъ случаѣ, это время—IX—X вѣка—не было еще періодомъ упадка христіанской легенды. Если она развивалась медленно, то тотъ апасъ, который остался отъ стараго времени, былъ достаточенъ для довлетворенія религіозныхъ и поэтическихъ потребностей широкихъ ссъ, особенно новокрещенныхъ. Самый характеръ легенды въ древнестіанскомъ мірѣ, т.-е. характеръ народный, сохраненный ею, долъ былъ способствовать жизненности легенды.

Такимъ образомъ, при соприкосновеніи Руси и Византіи на релиной и культурной почвѣ, несомнѣнно, христіанская легенда также жна была сыграть свою роль и здѣсь, какъ средство, наиболѣе доное для христіанизаціи некультурныхъ элементовъ русскаго общеизъ которыхъ оно сплошь, за немногими единичными исключе-

ніями, и состояло. Это проникновеніе христіанской легенды въ народное міросозерцаніе и въ русскую письменность замѣчается съ очень ранняго времени. Насколько велико было это вліяніе христіанской легенды рядомъ съ вліяніемъ перешедшей остальной христіанской письменности, это—вопросъ другой. Мы можемъ говорить о томъ, насколько могло быть велико вліяніе легенды, а не о томъ, каково это вліяніе было въ дѣйствительности,—конечно, въ зависимости отъ жалкаго состоянія источниковъ, по которымъ мы можемъ вообще судить о древнѣйшемъ Кіевскомъ періодѣ нашей литературы. Цѣлый рядъ представленій нашихъ въ этомъ случаѣ естественно носитъ характеръ апріорныхъ, хотя и вполнѣ вѣроятныхъ, часто оправдываемыхъ извѣстными уже фактами, предположеній.

Главными дѣятелями, перенесшими къ намъ содержаніе византійской литературы въ значительномъ объемѣ и въ томъ числѣ и христіанскую легенду, были прежде южные славяне, ранѣе насъ воспринявшіе эту литературу отъ грековъ, затѣмъ тѣ же греки, которые въ значительномъ количествѣ направились на Русь; наконецъ, и болѣе близкія непосредственныя связи съ христіанскимъ Востокомъ несли къ намъ и устнымъ путемъ тотъ же матеріалъ. Поэтому вопросъ о томъ, что получено было нами изъ византійской христіанской легенды, составляетъ вопросъ первостепенной важности для изучающаго древнюю нашу литературу. Но состояніе нашихъ источниковъ не даетъ намъ возможности дать на это точный отвѣтъ; въ особенности это трудно по отношенію къ литературѣ среднихъ и низшихъ классовъ, среди которыхъ и самая письменность была распространена мало, замѣняясь въ огромномъ большинствѣ случаевъ устной передачей, преданіями, которыя до насъ могли дойти письменнымъ только путемъ, мало доступнымъ этой массѣ; и въ исключительныхъ лишь случаяхъ достигла эта легенда (несомнѣнно на дѣлѣ очень обильная въ древнее время) до нашихъ дней въ устахъ народа въ своемъ первоначальномъ видѣ. Такимъ образомъ, главнымъ источникомъ для знакомства съ легендарно-апокрифической литературой въ Кіевскій періодъ остается все та же письменность, или, лучше сказать, ея остатки. Но попытка и по отношенію къ легендѣ и апокрифу представить себѣ степень ихъ распространенія, тѣмъ не менѣе, возмож- на. Поэтому, прежде всего, желая опредѣлить содержаніе и объе легендарно-апокрифической литературы, перешедшей къ намъ на Р изъ Византіи, мы должны обратиться къ древнимъ памятникамъ и искать тамъ указаній и свидѣтельствъ относительно этого. Дѣйст тельно, мы такія указанія въ нихъ находимъ.

Первыя указанія и у насъ, какъ и въ Византіи, даютъ упомяну раньше индексы, списки книгъ «истинныхъ и ложныхъ». Такъ, въ

вѣстномъ уже намъ Изборникѣ Святославовомъ 1073-го года мы встрѣчаемся со спискомъ книгъ истинныхъ и ложныхъ. Это—упомянутая выше статья сборника (л. 253) «Богословьца отъ словесъ» [1]): статья состоитъ собственно изъ двухъ перечней: одинъ—книгъ истинныхъ, другой—а) книгъ истинныхъ, б) книгъ, числящихся внѣ этихъ истинныхъ и в) книгъ «сътровьныихъ», т.-е. апокрифическихъ; 1-й перечень приписанъ Богословцу (вѣроятно, Григорію), второй—составленъ какимъ-то неизвѣстнымъ намъ Исидоромъ. Что касается истинныхъ (т.-е. каноническихъ), то Исидоръ насчитываетъ ихъ шестьдесятъ въ обоихъ завѣтахъ; «внѣ» этихъ 60-ти («свѣне 60»)—десять книгъ; сокровенныхъ (т.-е. апокрифическихъ) книгъ перечислено 25. Этотъ списокъ восходитъ къ греческому оригиналу [1]), обнимаетъ онъ только ветхій и новый завѣтъ, не включая сюда книгъ, по содержанію не охватываемыхъ каноническимъ писаніемъ. По своему типу списокъ Исидора архаичный: онъ признаетъ еще промежуточный отдѣлъ («внѣ 60-ти»), соотвѣтствующій знакомымъ намъ выше homologumena. Чтобы оцѣнить значеніе этого списка ложныхъ книгъ, надо обратить вниманіе на то, что онъ переведенъ, какъ сказано, съ греческаго, т.-е. указываетъ прежде всего на ложныя книги, извѣстныя Исидору въ Византіи; были ли эти же книги всѣ извѣстны и на Руси, отвѣта на это списокъ не даетъ. Въ самой греческой письменности этотъ индексъ представляется не вполнѣ уже соотвѣтствующимъ дѣйствительному составу апокрифической письменности времени перехода ея на Русь. Въ эпоху IX—XI вв., когда появлялись первые переводы апокрифическихъ произведеній и первый переводъ ихъ списка на славянскій языкъ, объемъ этой письменности и самые памятники ея уже претерпѣли значительныя измѣненія сравнительно съ объемомъ и редакціями памятниковъ этой литературы въ V—VI вв., къ которымъ относится составленіе самаго индекса, отразившаго, естественно, тогдашнюю наличность апокрифической литературы; иначе: и въ самой Византіи этотъ индексъ носитъ характеръ уже не дѣйствующаго закона, а документа историческаго. Къ IX—XI вв. въ самой Византіи многіе изъ упомянутыхъ въ индексѣ писаній уже исчезли изъ обращенія и не могли быть переданы намъ, другія измѣнили свои редакціи и, стало быть, могли не подходить подъ краткое опредѣленіе ндекса (въ видѣ заглавія запрещаемаго сочиненія), третьи—апокрифы, звѣстные во время составленія индекса, получили позднѣе и въ эпоху еводовъ на славянскій популярность и т. о. не могли оказаться въ

[1]) Цѣликомъ издана вмѣстѣ съ другими аналогичными текстами въ Лѣтописи за-й Археограф. Комиссіи I (1862), стр. 9—10, А. Н. Пыпинымъ.

[2]) Онъ изданъ Пыпинымъ тамъ же, стр. 11.

индексѣ; наконецъ, четвертые могли, даже продолжая существовать, измѣнить самое заглавіе и т. о. также не отвѣчать прямымъ указаніямъ индекса. Такимъ образомъ, прежде чѣмъ, пользуясь славянскимъ переводомъ индекса, рѣшать, что тотъ или другой изъ извѣстныхъ, доступныхъ намъ, текстовъ есть апокрифическій, переведенный съ греческаго, мы должны каждый разъ рѣшать рядъ другихъ вопросовъ:

1) есть ли интересующій насъ текстъ дѣйствительно тотъ, который имѣлъ въ виду индексъ въ своемъ запрещеніи?

2) былъ ли данный текстъ «апокрифомъ», считался ли запретнымъ въ то время, когда онъ переводился на славянскій?

3) относился ли этотъ текстъ по времени къ Кіевскому періоду?

Обращаясь же къ самой статьѣ о книгахъ истинныхъ и ложныхъ, мы также должны, естественно, себя спросить, какъ сказано выше: были ли всѣ писанія, запрещенныя индексомъ (если даже они извѣстны по-гречески), въ нашей литературѣ въ переводѣ? На этотъ вопросъ, поскольку намъ извѣстна византійская и славяно-русская письменность, должны мы часто отвѣчать отрицательно. Такъ, если мы возьмемъ индексъ Святославова Сборника, его указанія, то найдемъ: а) упомянутыя въ немъ «Молитва Іосифа», «Елдадъ», представляя старые апокрифы, въ самой Византіи IX—XI вв. не были уже извѣстны, б) Обиходы и ученія апостольскія, Павлово дѣяніе—старые гностическіе (III—IV вв.) апокрифы уже замѣнились стершими еретическія черты «Дѣяніями» отдѣльныхъ апостоловъ и, не преслѣдуемыя индексами, какъ озаглавленныя иначе, и не имѣвшіяся имъ въ виду, свободно обращались въ Византіи, откуда перешли и къ намъ, в) Псалмы Соломона, Евангеліе Варнавы извѣстны по-гречески, но не извѣстны въ славянскихъ и русскихъ текстахъ и т. д. Съ другой стороны, указанные индексомъ: Адамъ, Енохъ, патріархи (12), Іаковля повѣсть—дѣйствительно сохранились въ византійской письменности до времени перевода ихъ на славянскій языкъ и черезъ югъ славянства еще въ Кіевскій періодъ перешли къ намъ. Напомнимъ, что формальное запрещеніе индекса не мѣшало распространенію апокрифа въ широкихъ массахъ, даже едва ли знавшихъ о самомъ индексѣ. Доказательствомъ этого является литературная исторія этихъ переводовъ, возводящая ихъ по языку, по связямъ съ остальной литературой ко времени Кіевскому.

Самымъ же лучшимъ доказательствомъ того, какія апокрифическ[ія] писанія дѣйствительно существовали въ нашей древней Кіевской Рус[и], была бы, конечно, наличность текста, содержащаго такой памятни[къ] и принадлежащаго по времени написанія къ XI или къ XII в., вооб[ще] ко времени Кіевскаго періода. Дѣйствительно, такого рода тексты [мы] имѣемъ, хотя и въ весьма ограниченномъ количествѣ. Затѣмъ, др[...]

тимъ средствомъ должны служить указанія постороннихъ источниковъ: какой-либо русскій по происхожденію памятникъ, завѣдомо относящійся къ Кіевскому періоду, пользовался уже славянскимъ текстомъ апокрифа: ясно, что въ это время такой текстъ уже былъ извѣстенъ автору памятника и, весьма вѣроятно (при слабомъ знаніи у насъ языка греческаго), уже въ славянскомъ переводѣ. Наконецъ, есть еще третій способъ: это опредѣленіе текста на основѣ взаимныхъ отношеній между русской литературой и юго-славянскими: если какой-либо апокрифическій памятникъ существовалъ въ сербской или болгарской литературахъ древняго времени и пользовался распространеніемъ, то вполнѣ вѣроятно предположить, что онъ перешелъ и на Русь; она, вѣдь, находясь подъ сильнымъ вліяніемъ юго-славянства, восприняла въ полномъ почти объемѣ въ себя юго-славянскіе переводы и оригинальные памятники. Вотъ, стало быть, тѣ рубрики, по которымъ мы можемъ вести свой обзоръ легендарно-апокрифической литературы Кіевскаго періода.

Что касается самыхъ текстовъ апокрифическихъ памятниковъ, то отъ XI в. сохранился, правда въ ничтожномъ отрывкѣ, одинъ. Эта рукопись содержитъ въ себѣ отрывокъ изъ апокрифическихъ «Дѣяній апостоловъ», отмѣчаемыхъ въ индексахъ ложныхъ книгъ подъ общимъ заглавіемъ: «Обиходы и ученія»; именно—отрывокъ изъ «Дѣяній ап. Павла и Ѳеклы». Святая Ѳекла является ученицей апостола Павла, много ему помогаетъ въ его миссіонерской дѣятельности, сопровождаетъ его, затѣмъ попадаетъ вмѣстѣ съ нимъ въ Римъ и вмѣстѣ съ нимъ принимаетъ мученическую кончину [1]).

Отъ XII в. мы имѣемъ апокрифическое «Хожденіе Богородицы по мукамъ» [2]). Эта легенда въ высшей степени интересна для русской литературы. Содержаніе ея таково. Богородица умоляетъ Сына своего Іисуса Христа, чтобы Онъ показалъ ей мѣста мученія грѣшниковъ послѣ ихъ смерти. Христосъ исполняетъ ея желаніе. Въ сопровожденіи арх. Михаила, который служитъ ей путеводителемъ и даетъ разъясненія, Богородица посѣщаетъ эти мѣста мученія, видитъ, какъ люди подвергаются различнымъ родамъ мученій (рѣка огненная, въ ней кто поясъ, кто по горло; другихъ ѣстъ червь неусыпаемый, иные повѣ...ы на крючьяхъ; иныхъ грызутъ лютые зміи и т. д.), смотря по ... грѣхамъ, которые они совершили при жизни. Богородица въ ...сѣ отъ всѣхъ этихъ мукъ, направляется къ престолу Сына своего

...) Текстъ по этой рукописи (теперь И. П. Б.) изданъ И. И. Срезневскимъ въ „Па...кахъ древне-русскаго письма и языка“ (1863 г.), стр. 170—171.

...Параллельно съ греческимъ текстомъ по такой рукописи (Троице-Сергіевой ...) издано Срезневскимъ же, тамъ же, и Тихонравовымъ въ Пам. отр. лит., II, 23.

и вмѣстѣ съ архангелами, святыми и апостолами умоляетъ помиловать всѣхъ грѣшниковъ и избавить ихъ отъ ужасныхъ мученій. Но во имя высшей справедливости Іисусъ Христосъ призналъ невозможнымъ помиловать ихъ; однако, внимая мольбамъ Заступницы рода человѣческаго Богородицы и святыхъ, дѣлаетъ грѣшникамъ большое облегченіе: отъ четверга Великаго и до Святой Пятидесятницы имѣть они будутъ покой отъ мученій, чтобы прославлять Отца и Сына и Св. Духа. И отвѣчали всѣ грѣшники: «Слава милосердію Твоему».—По своему характеру легенда, какъ видимъ, принадлежитъ къ многочисленнымъ, такъ называемымъ легендамъ эсхатологическаго характера [1]). Само собою разумѣется, что такія легенды всюду должны были имѣть большой успѣхъ и въ частности у славянъ могли легко привиться: вопросъ о состояніи человѣка послѣ смерти, какъ великая загадка, интересовалъ человѣчество всегда и вездѣ. Перейдя на Русь и къ славянамъ, прежде всего легенды эти имѣли здѣсь достаточную почву. Вспомнимъ свидѣтельства византійскихъ историковъ, напр., Прокопія, что славяне, хотя и «не имѣютъ религіи», но имѣютъ вѣру въ загробную жизнь, что представляютъ эту жизнь подобной жизни на землѣ, и что это нашло себѣ отраженіе и въ самомъ погребальномъ обрядѣ. Въ самой Византіи такихъ эсхатологическихъ легендъ, представляющихъ часто смѣшеніе древне-еврейскихъ и восточныхъ и другихъ элементовъ, было не мало. Къ числу такихъ сказаній о загробномъ мірѣ и о будущей жизни, о кончинѣ міра относятся и каноническій Апокалипсисъ Іоанна Богослова, и апокрифическія: Откровеніе Меѳодія Патарскаго, Откровеніе апостола Павла, и не-апокрифическія: Видѣніе Андрея Юродиваго, Житіе Василія Новаго и мн. др. Къ этому же роду легендъ принадлежало и «Хожденіе Богородицы по мукамъ» [2]). Оно давало свой отвѣтъ на этотъ мучительный вопросъ, отвѣтъ ясный: оно соединяло идейно, ставило въ связь здѣшнюю жизнь съ тамошней, основывая эту связь на началахъ христіанской этики, идеѣ возмездія. Кромѣ того, этотъ памятникъ былъ однимъ изъ первыхъ, клавшихъ вмѣстѣ съ церковной и канонической литературой начало культу Богоматери, цѣлому циклу поэтическихъ произведеній, бывшихъ выраженіемъ этого культа на Востокѣ и на Западѣ. Такимъ образомъ, можно предполагать, что эт

[1]) Эсхатологическимъ памятникомъ принято называть такой, который тракт о послѣдней судьбѣ человѣка, его смерти, о загробной жизни, наконецъ о послѣд судьбахъ міра и человѣчества.

[2]) О популярности этого рода произведеній также на Западѣ свидѣтельству напр., „Божественная Комедія“ Данте, построенная по той же схемѣ и притомъ въ я зависимости отъ упомянутаго выше „Откровенія ап. Павла“, по плану и содерж дающаго аналогію къ „Хожденію Богородицы“.

«Хожденіе Богородицы» по самому своему характеру, содержанію должно было проникнуть на Русь очень рано и должно было имѣть большой успѣхъ, такъ какъ оно трактовало о вопросахъ, которые не были чужды міросозерцанію русскаго человѣка даже еще до принятія имъ христіанства. Эсхатологическая литература вообще должна была оказать вліяніе на наше міросозерцаніе вообще, найти себѣ отраженіе въ устной и письменной литературѣ. Такъ было и съ «Хожденіемъ Богородицы по мукамъ»: оно, повидимому, очень плотно входитъ въ самосознаніе русскихъ читателей, притомъ весьма рано: оно въ XII в. существуетъ уже въ русскомъ по языку спискѣ, воспринимаетъ въ себя элементы нашей бытовой обстановки. Это послѣднее видимъ въ одномъ мѣстѣ самого текста при сравненіи его съ греческимъ оригиналомъ: Богородица видитъ въ аду множество мужей и женъ, спрашиваетъ архангела: кто это? и получаетъ отвѣтъ: «это тѣ, кто не вѣровалъ въ Отца, Сына и Св. Духа, и за то они такъ мучатся» (греческій текстъ). Славянскій текстъ, однако, отъ себя продолжаетъ: «и вѣроваша юже ны бѣ тварь Богъ на работу створилъ, то-то они все богы прозваша: сълнце и мѣсяцъ, землю и воду, звѣри и гады: то сетьнѣе и человѣчьска имена па утрія (?): Трояна, Хърса, Велеса, Перуна на богы обратиша, бѣсомъ злыимъ вѣроваша до и доселѣ мракъмъ злыимъ одържими суть. Того ради сде тако мучаться», т.-е. люди эти мучатся за язычество, въ частности за поклоненіе языческимъ богамъ, именно, русской аристократической религіи. Значитъ, еще въ XII в. были на Руси люди, которымъ нужно было напоминать о грѣховности поклоненія языческимъ богамъ («доселѣ мракъмь одьржими суть»). Такимъ образомъ, «Хожденіе Богородицы по мукамъ» обнаружило значительную жизнеспособность при приспособленіи къ русскому міросозерцанію XII в. Дальнѣйшая литературная исторія этого апокрифа еще болѣе подтверждаетъ это: «Хожденіе Богородицы по мукамъ» дало матеріалъ и основу для народно-устнаго духовнаго стиха, дошедшаго въ устахъ народа до сихъ поръ.

Въ этой жизнеспособности и вліяніи на міросозерцаніе «Хожденіе» не является одинокимъ. На эти же слѣды приспособленія переодныхъ памятниковъ къ русскому міросозерцанію мы можемъ указать по отношенію къ другимъ, перешедшимъ къ намъ изъ Византіи въ выхъ юго-славянскихъ переводахъ памятниковъ. Это доказываютъ скія сочиненія, хронологія которыхъ можетъ быть довольно прочно новлена, и которыя пользуются той или другой легендой, тѣмъ другимъ апокрифомъ, перешедшимъ изъ Византіи путемъ пере-, приспособляя ихъ или къ условіямъ русской жизни или къ ему содержанію. При этомъ надо замѣтить, что иногда только изъ

такихъ указаній мы узнаемъ объ извѣстности въ русской письменности древняго времени того или другого переводнаго апокрифа: древнихъ, восходящихъ къ кіевскому времени, текстовъ такого памятника мы чаще всего не имѣемъ. А исходя изъ общихъ условій развитія нашей письменности, мы въ большинствѣ случаевъ предполагаемъ и посредство юго-славянской литературы: отзвуки текста, извѣстнаго намъ по-гречески, въ русскомъ памятникѣ, находятъ себѣ подтвержденіе въ юго-славянскомъ текстѣ, что вполнѣ естественно: при слабомъ знакомствѣ съ греческимъ мы пользуемся услугами юго-славянъ, дающихъ намъ текстъ въ своемъ переводѣ на языкѣ, близкомъ и понятномъ для русскаго, особенно въ то время (ср. роль старо-болгарскаго языка въ качествѣ русскаго литературнаго). Къ числу такихъ указаній, наиболѣе подтверждающихъ наше положеніе, мы можемъ отнести другое большое и пользовавшееся большимъ распространеніемъ сочиненіе, тоже эсхатологическаго характера: такъ называемое «Откровеніе Меѳодія Патарскаго о послѣднихъ временахъ» [1]). Это Откровеніе долгое время не считалось апокрифическимъ. Такъ, только въ индексахъ XVII в. оно значится въ качествѣ книги ложной, въ индексахъ же болѣе раннихъ оно отсутствовало. Оно приписывается нѣкоему Меѳодію, при чемъ одни полагали, что оно принадлежитъ извѣстному христіанскому писателю III—IV в., епископу Патарскому, другіе—что Меѳодію, патріарху Константинопольскому, писателю IX в. Но несомнѣнно, что основные элементы этого произведенія довольно раннія: въ томъ же видѣ, въ какомъ мы знаемъ этотъ памятникъ въ греческихъ текстахъ и латинскомъ древнемъ (уже VIII в.) переводѣ, «Откровеніе» должно было сложиться едва ли раньше послѣдней четверти VII в., какъ это принято теперь въ наукѣ. Содержаніе его въ краткихъ словахъ можно передать слѣдующимъ образомъ: вначалѣ говорится о сотвореніи міра, объ Адамѣ и Евѣ, но довольно кратко: затѣмъ, быстро пробѣгая исторію ветхаго и новаго завѣта, авторъ Откровенія переходитъ къ описанію событій, непосредственно предшествующихъ кончинѣ міра; все заканчивается поэтической картиной момента передъ самымъ началомъ Страшнаго суда. Схема разсказа типичная византійская. Это наиболѣе явствуетъ изъ той основной точки, которая красной нитью проходитъ черезъ все сочиненіе: судьба христіанства, бол[illegible] того, судьба всего человѣчества и всего міра, тѣснѣйшимъ образо[illegible] связаны съ судьбою Константинополя. Константинополь является, та[illegible]

[1]) Этому тексту посвящено спеціальное изслѣдованіе В. М. Истрина „От[illegible]веніе Меѳодія Патарскаго и апокрифическое видѣніе Даніила въ византійской и [illegible]вяно-русской литературахъ. Изслѣдованіе и тексты“. (М., 1897 г., въ Чт. Общ. [illegible] и Др.). Здѣсь же приведена и вся предшествующая литература объ этомъ апокри[illegible]

сказать, палладіумомъ христіанства, безъ котораго оно не можетъ существовать. Кончина міра непосредственно связывается въ представленіи автора сказанія съ кончиною Константинополя, какъ центра христіанскаго міра: даже Іерусалимъ въ этомъ отношеніи не можетъ быть поставленъ въ рядъ съ нимъ [1]).

Въ числѣ событій, показывающихъ близость наступленія Страшнаго суда, легенда разсказываетъ, что передъ тѣмъ, какъ послѣдній царь греческій среди общаго мира и тишины взойдетъ на Голгоѳу и предастъ царство свое Богу, передъ самымъ пришествіемъ Антихриста, отверзутся сѣверныя врата и на умиротворенную, ликующую землю придутъ «поганые народы», затворенные когда-то въ горномъ ущеліи Александромъ Македонскимъ, растлятъ и осквернятъ землю, но Господь пошлетъ на нихъ архангела и истребитъ ихъ въ одинъ мигъ. Тотъ же эпизодъ можно найти и въ другихъ эсхатологическихъ сказаніяхъ, напр., въ Житіи Андрея Юродиваго (см. у Тихонравова. Соч. I, 235—236), представляющихъ болѣе подробную обработку того же основного сказанія о кончинѣ міра и Византіи, что и «Слово Меѳодія». Такого рода сказанія можно найти и въ апокрифическомъ Пророчествѣ Даніила и въ средневѣковомъ романѣ объ Александрѣ Македонскомъ, во второй редакціи котораго, въ славянскихъ текстахъ, входящихъ въ составъ Хронографа, есть вставка (изъ того же Меѳодія) о нечистыхъ народахъ. Эта легенда о нечистыхъ народахъ, которымъ предстоитъ явиться передъ кончиной міра, очень рано стала извѣстна на Руси, воспринята была живо и непосредственно. Писатель, у котораго мы находимъ о ней упоминаніе, одинъ изъ создателей нашего лѣтописнаго начальнаго свода, жившій не позднѣе конца XI в.: по поводу нашествія на Кіевъ въ 1096 г. половцевъ, которые тогда впервые явились неожиданно подъ предводительствомъ «шелудиваго» Боняка, опустошили всѣ окрестности, ворвались въ Печерскую лавру («намъ»—такъ могъ говорить только современникъ, печерскій монахъ, самъ пережившій погромъ—«сущимъ ... келіямъ, почивающимъ по заутрени»), ограбили монастырь, при ...ъ «укоряху Бога и законъ нашъ» и «ина хулная словеса глаголаху ... святыя иконы»,—лѣтописецъ и вспоминаетъ о тѣхъ нечистыхъ на...ъ, которые должны выйти передъ концомъ міра и осквернить ... мерзостью міръ: съ ними онъ сопоставилъ половцевъ. При этомъ ...сецъ передаетъ и самое сказаніе, какъ Александръ Македонскій ...лъ эти нечистые народы въ горахъ, и какъ они должны выйти ...рымъ пришествіемъ и, относя къ нимъ и половцевъ, до-

...ніе „Слова“ Меѳодія превосходно, въ сжатой формѣ, изложено у Н. С. ... Соч., I, 231—232.

бросовѣстно добавляетъ: «Меѳодій же свидѣтельствуетъ о нихъ» («яко же сказаеть о нихъ Меѳодій Патаріійскый), при чемъ тутъ же даетъ цитату изъ извѣстнаго вамъ «Слова» этого Меѳодія, а кстати передавая и свой разговоръ съ Гюрятой Роговичемъ (новгородцемъ), который передаетъ еще подробности изъ того же сказанія, только въ примѣненіи къ какимъ-то сѣвернымъ народамъ-сосѣдямъ, югрѣ и самоѣдамъ [1]). Ясно, что лѣтописецъ вспомнилъ именно апокрифическое сказаніе Меѳодія Патарскаго, и половецкій погромъ напомнилъ ему о предстоящемъ, предсказанномъ появленіи нечистыхъ народовъ; онъ и рѣшилъ, что, значитъ, скоро должно быть второе пришествіе, и привелъ въ лѣтописи это соображеніе съ указаніемъ на источникъ. Это—ясное доказательство того, что эсхатологическое апокрифическое «Откровеніе» рано пользовалось большимъ распространеніемъ въ Кіевской Руси среди людей, стоящихъ близко къ церкви: во всякомъ случаѣ, въ немъ не видѣли чего-либо еретическаго, противорѣчащаго духу христіанства, наоборотъ, имъ пользовались, его цитировали, какъ вполнѣ заслуживающее довѣрія.

Къ числу подобныхъ же раннихъ упоминаній можно отнести и другое указаніе на весьма распространенный еще въ христіанской древности апокрифъ, именно, такъ называемое «Первоевангеліе» Іакова, которое, хотя и запрещалось и греческими и славянскими индексами, какъ апокрифическое, подъ заглавіемъ «Іаковля повѣсть», за то, что приписывалось Іакову, брату Господню по плоти, но, несмотря на это, свободно распространялось и цѣликомъ, и по частямъ подъ другими названіями, напр., «Слова на Рождество Пресвятыя Богородицы», «Слова на Рождество Христово», помѣщаясь даже въ такихъ уважаемыхъ сборникахъ, какъ «Златоусты» [2]). Это «Евангеліе Іакова» повѣствуетъ, главнымъ образомъ, объ обстоятельствахъ жизни Богородицы, объ ея рожденіи, воспитаніи, о благовѣщеніи, наконецъ, о рожденіи Спасителя, при чемъ передаетъ такія подробности, какихъ мы не видимъ въ кан... ническихъ писаніяхъ (которыя, вообще говоря, излагаютъ событія ... жизни Богородицы очень кратко). Этотъ апокрифъ, несомнѣнно, су... ствовалъ рано въ древней Руси и пользовался большимъ распрост... ніемъ; судя по языку, который сохранилъ многія довольно ... черты, славянскій переводъ долженъ относиться къ весьма ... времени, можетъ быть, даже къ Кирилло-Меѳодіевской эпо... лярность этого «Первоевангелія» понятна: личность Богород...

---

[1]) См. Лаврентьевскую лѣтопись подъ 1096 г. (3-е изданіе, стр. ...

[2]) Подробнѣе см. въ работѣ М. Сперанскаго: „Славянскія ... гелія“ (1895 г.), стр. 27.

и вездѣ была одной изъ центральныхъ фигуръ, къ которымъ стремится христіанская мысль, и которыя могли возбуждать особый интересъ христіанъ; это отразилось и на христіанскомъ богослуженіи, гдѣ Богоматери отведено такое почетное мѣсто «предстательницы рода человѣческаго», что и выразилось въ богатой религіозно-поэтической церковной литературѣ богослужебной (Іоаннъ Дамаскинъ, Іосифъ, творецъ кановновъ, Романъ Сладкопѣвецъ—всѣ они дали рядъ произведеній, посвященныхъ Богоматери); культъ Богоматери нашелъ себѣ яркое выраженіе въ христіанскомъ искусствѣ Востока и Запада. Поэтому подобныя легенды, давая цѣлый рядъ поэтическихъ подробностей, распространялись съ большимъ успѣхомъ почти сейчасъ же вслѣдъ за распространеніемъ христіанства у новыхъ народовъ. И одинъ изъ русскихъ писателей XI в.—Іаковъ мнихъ, авторъ сказанія объ убіеніи святыхъ князей-мучениковъ Бориса и Глѣба,—даетъ положительныя указанія на пользованіе этимъ апокрифомъ. Положимъ, что онъ, въ отличіе отъ лѣтописца, не ссылается непосредственно на свой источникъ, но фактъ пользованія именно Первоевангеліемъ несомнѣненъ. Въ ряду многихъ другихъ эпизодовъ изъ жизни Богородицы, ея родственниковъ въ Первоевангеліи разсказывается о томъ, что послы Ирода, которые разыскивали младенца Іисуса, чтобы Его убить, пришли къ Захаріи, отцу Іоанна Крестителя, требуя выдачи младенца; но Захарія, бывшій въ это время на служеніи въ храмѣ, отозвался незнаніемъ, гдѣ находится его сынъ (Елизавета же, слыша объ избіеніи младенцевъ, бѣжала съ отрокомъ въ пустыню, и, спасаясь отъ преслѣдующихъ ее воиновъ, скрылась въ горѣ, разверзшейся чудесно и сохранившей ее въ своихъ нѣдрахъ до тѣхъ поръ, пока не миновала опасность),—послы Ирода убиваютъ его. Убійство происходитъ въ храмѣ между алтаремъ и жертвенникомъ, во время богослуженія. Но свершилось чудо: кровь ахаріи, протекшая между алтаремъ и жертвенникомъ, затвердѣла и ъ и осталась въ видѣ напоминанія о совершонномъ злодѣяніи.— оженіе Захаріи, стоящаго передъ убійцами и невинно обреченнаго ерть, вспомнилось Іакову мниху, когда ему пришлось разсказывать исѣ, окруженномъ подосланными Святополкомъ убійцами, и онъ всказъ изложилъ словами эпизода изъ «Первоевангелія». Ясно, бразомъ, что Іаковъ мнихъ пользовался апокрифомъ, совершен- авая его отреченности.

я точки соприкосновенія мы найдемъ и еще не у одного вскаго періода. Напр., это пользованіе апокрифической ле- жемъ констатировать и у Кирилла Туровскаго (XII в.), крашенія котораго въ его проповѣдяхъ, несомнѣнно, го- бъ этомъ пользованіи апокрифическимъ матеріаломъ.

Такъ, онъ пользуется такъ называемымъ «Плачемъ Анны», который относится къ числу эпизодовъ того же Первоевангелія. Сущность его заключается въ томъ, что Анна, будучи неплодной и очень сокрушаясь объ этомъ, вышла въ садъ и тамъ наединѣ горько плакала о своемъ горѣ. Поднявши глаза вверхъ, она увидала на деревѣ гнѣздо; это ей еще сильнѣе напомнило ея безчадіе; ея горе и вылилось въ поэтическомъ «Плачѣ» [1]), послѣ чего и получила откровеніе, что молитва ея услышана. Этому «Плачу» или подобному ему и подражаетъ начитанный Кириллъ Туровскій, въ своемъ «Словѣ» о снятіи со креста и о мироносицахъ [2]), разумѣется, примѣняя его къ своимъ цѣлямъ и потому измѣняя.

Такимъ образомъ, ясно, что христіанская легенда имѣла довольно большое примѣненіе въ кіевской Руси, простирая свое вліяніе на оригинальную русскую литературу съ первыхъ почти ея шаговъ.

Вліяніе это выражалось не только въ перенесеніи въ русскую литературу новаго для нея содержанія, но и міропониманія: сюда приносилось христіанское міросозерцаніе въ томъ видѣ, какъ оно вырабатывалось въ тѣхъ странахъ, откуда шла эта легенда, въ частности въ Византіи и Болгаріи, какъ главныхъ источникахъ для усвоенія легенды и пониманія христіанства. Поэтому, для болѣе точнаго опредѣленія этого вліянія легенды, мы должны постоянно учитывать и данныя, характеризующія это міросозерцаніе въ этихъ старшихъ, нежели наша, литературахъ. Рядомъ съ византійской литературой, выразительницей идей которой была вся переводная литература древней Руси, и болгарской, несшей тоже византійское пониманіе христіанства, мы не можемъ не считаться съ тѣмъ, что было выработано Болгаріей уже болѣе или менѣе самостоятельно: это спеціально болгарское могло отразиться, рядомъ съ общехристіанскимъ, и у насъ; и дѣйствительно, такъ или иначе отразилось. Изъ такихъ спеціально-болгарскихъ явленій наибол[illegible] крупнымъ и важнымъ для развитія литературы является движеніе т[illegible] наз. богомильское X—XI вв. Не входя въ подробности его истор[illegible] ограничимся общей его характеристикой, достаточной для опред[illegible] его роли въ исторіи развитія легенды на русской почвѣ. Богом[illegible] какъ религіозное міросозерцаніе, является по существу выр[illegible] проведеннаго съ прямолинейной послѣдовательностью христіан[illegible]

---

[1]) Этотъ „Плачъ" см. у М. И. Сухомлинова „Рукописи гр. [illegible] (Спб. 1858), стр. XXIX.

[2]) См. тамъ же, стр. 26—27.

[3]) О немъ см. у Пыпина и Спасовича, Исторія славян[illegible] изд. 2, т. I, 63 и слѣд. Цѣнную работу по богомильству представл[illegible] замѣтки по старинной славянск. лит-ѣ". М. И. Соколова (М[illegible]

лизма вообще, но осложненнымъ вліяніями крайнихъ дуалистическихъ же ученій древняго и ранне-христіанскаго востока (откуда, какъ отзвукъ манихейства (III в.) и позднѣйшихъ павликіанства и мессаліанства, оно и развивалось). Все существующее въ мірѣ богомилы возводили къ дѣятельности двухъ началъ, первоначально, казавшихся равносильными: Бога и сатаны: Богу принадлежитъ начало духовное, все благое, сатанѣ—начало матеріальное, все злое; все видимое, и совершающееся въ мірѣ, есть проявленіе той или иной силы. Самый актъ искупленія рода человѣческаго, по богомильству, есть актъ борьбы между этими силами, освобожденіе человѣчества отъ власти сатаны. Но власть дьявола-сатаны и въ новомъ завѣтѣ не уничтожена окончательно: въ искупленіи, въ христіанствѣ человѣкъ, если и получилъ побѣду надъ темной силой, но постоянно долженъ бороться: обладая свободной волей, онъ долженъ избирать, умѣть узнать благое, чтобы не подпасть грѣху, этому созданію дьявола. Высокая нравственность, аскетизмъ, рядомъ съ отрицаніемъ оффиціальной церкви, какъ исказившей истинныя основы христіанства (онѣ были лишь въ первобытномъ христіанствѣ), впадшей во власть «міра», обладаемаго сатаной—отличають богомила. Съ другой стороны, это упрощеніе міропониманія, раздѣляющаго все на «божіе» и «сатанино», благое и злое, упрощало до крайности пониманіе какъ самаго христіанства, такъ и окружающаго, дѣлало это ученіе доступнымъ малокультурной массѣ, дѣлало его народнымъ, близкимъ къ міропониманію простыхъ людей, легко и наглядно разрѣшало всѣ вопросы богословскаго и вообще вѣроисповѣднаго характера, мало доступные въ своемъ ортодоксальномъ видѣ для неподготовленныхъ. Эта демократическая религія богата легендой, легко укладывавшейся въ ея простыя рамки, легко упрощавшейся. Поэтому у богомиловъ циркулируетъ масса апокрифовъ, въ большинствѣ не ими созданныхъ, но ими переработанныхъ, чаще истолкованныхъ, приспособленныхъ къ ихъ ученію. Этимъ объясняется, почему богомилы могли сы... крупную роль въ качествѣ распространителей не только апокрифа, ... легенды вообще.

...ственно предположить, что при томъ живомъ общеніи, кото...навливалось у Руси съ югославянствомъ, въ частности съ ...еще въ IX—X вѣкахъ, богомильская легенда могла про... намъ, оказывать вліяніе и на наше міросозерцаніе. По...ходимъ и у насъ памятники, связанные съ богомильствомъ ...испытавшіе на себѣ его вліяніе. Съ другой стороны, ...какъ ученія, какъ цѣльнаго міропониманія, какъ осо...системы, мы на Руси не видимъ. Это кажущееся про...ить себѣ объясненіе въ томъ, что специфически бого-

мильскія черты ихъ памятниковъ, переходившихъ къ намъ, попадая въ иную среду, не прививались, не могли дать развитія: у насъ воспринималась фабула разсказа, а тенденціей, какъ мало понятной для мало, сравнительно даже съ болгарской, развитой массы, не интересовались, находя самое большее—богомильскій дуализмъ аналогичнымъ тому дуализму, которымъ обладало наше язычество (какъ и всякое другое). Иначе сказать, «богомильскій» памятникъ для насъ не заключалъ въ себѣ сознаваемаго богомильства, становясь въ уровень съ легендой христіанской вообще, а потому и дѣйствовавшій, привлекавшій своимъ содержаніемъ, поэтическимъ, простымъ, а не своей тенденціей. Поэтому, говоря о богомильскихъ памятникахъ въ русской литературѣ, мы не можемъ еще говорить о богомильствѣ на Руси. Къ тому же чисто богомильскихъ памятниковъ мы знаемъ сравнительно мало и въ Болгаріи: они, б. ч., уже утратили свой рѣзко богомильскій характеръ, сохранивъ чаще всего слѣдъ когда-то примѣсившагося, но потомъ исчезнувшаго богомильства; повидимому, эта спеціально богомильская литература особенно значительна никогда не была: богомилы охотно пользовались и общехристіанской легендой, мало ее измѣняя, лишь понимая по-своему. Такимъ образомъ, и въ такомъ случаѣ вліяніе богомильства, какъ таковаго, у насъ значительно быть не могло.

Чтобы дать болѣе наглядное представленіе о легендѣ, вошедшей въ нашу литературу въ кіевскій ея періодъ, отмѣтить нагляднѣе ея разносторонность въ содержаніи, будетъ не лишнимъ, не входя въ подробности, дать краткій перечень того, что изъ области легенды, въ частности апокрифической, можетъ считаться достояніемъ еще кіевскаго періода нашей литературы. Для удобства обозрѣнія можно принять въ руководство прямо индексъ, отмѣчая тѣ легендарно-апокрифическіе памятники, которые могутъ быть отождествлены съ указаніями списка книгъ ложныхъ. Такъ, кромѣ перечисленныхъ выше апокриф[illegible] ческихъ текстовъ, для кіевской Руси можно указать слѣдующіе (въ [illegible] дексѣ они отмѣчаются въ порядкѣ, принятомъ и для каноничес[illegible] писаній, т.-е. сперва ветхаго, затѣмъ новаго завѣта) [1]:

---

[1]) Большинство русскихъ и славянскихъ текстовъ этихъ памятниковъ изда[illegible] Тихонравовъ. Памятники отреченной литературы, I—II (Спб. 1863); б[illegible] пинъ. Памятники старинной русской литературы, III (Книги отрече[illegible] Руси. Спб. 1863; в) Порфирьевъ И. Я., Апокрифич. сказанія о [illegible] лицахъ и событіяхъ (Спб. 1877, Сборн. Отд. рус. языка и сл. Ак.[illegible] Апокрифич. сказ. о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ (тамъ же, [illegible] рукописямъ соловецкой библіотеки. Справки объ отдѣльныхъ текст[illegible] въ статьѣ „Книги отреченныя", въ Православной богословской эн[illegible] (1911), хотя въ этой статьѣ, сильно искаженной въ печати, доволь[illegible] стей. У Н. С. Тихонравова въ указ. соч. въ предисловіи и индекс[illegible] коего придерживается нашъ нижеслѣдующій перечень.

1) Сказанія объ Адамѣ, подъ разными заглавіями, содержатъ разсказы о грѣхопаденіи Адама, его болѣзни, путешествіи Сиоа къ раю за вѣткой «древа помилованія», о смерти, погребеніи Адама, о «Исповѣданіи» (разсказѣ) Евы передъ смертію, о покаяніи ихъ и рожденіи Каина. Апокрифъ по происхожденію еще древнееврейскій, но уже въ христіанской обработкѣ; у насъ онъ идетъ черезъ югъ славянства, стоитъ въ связи съ болгарскимъ богомильствомъ (Индексъ у Тихонравова, № 1—2). Сюда же примыкаютъ разсказы о лбѣ (черепѣ) Адама, о древѣ крестномъ (ведущемъ свое происхожденіе отъ райскаго древа жизни), съ позднѣйшими нарощеніями о Лотѣ, Авраамѣ, судьбѣ будущаго крестнаго древа вплоть до крестной смерти Спасителя. И эта группа (въ индексѣ № 3—5) стоитъ въ связи съ богомильствомъ, чѣмъ и датируется ея древность для славянской литературы.

2) Книга Еноха—разсказъ о видѣніяхъ Еноха, взятаго на небо, описаніе міозданія, чудесъ на небесахъ, разсказъ о потомкахъ Еноха, кончая Ноемъ. Апокрифъ іудейскій въ христіанской обработкѣ, также стоитъ въ связи съ богомильствомъ на славянской почвѣ. (Тихонрав. № 6—7).

3) Ламехъ—отрывокъ о слѣпомъ Ламехѣ, убившемъ Каина, заклятаго Богомъ, и впервые введшемъ идею покаянія на землѣ, первомъ двоеженцѣ, встрѣчается рано, уже въ т. н. Толковой Палеѣ, русскомъ памятникѣ не моложе XIII в. (Тих. № 8).

4) Завѣты 12 патріарховъ, сыновей Іакова: каждый умирая разсказываетъ свою жизнь въ качествѣ поученія о томъ, къ чему надо стремиться, чего избѣгать, пророчествуетъ о будущей судьбѣ іудейства и о Христѣ. Апокрифъ іудейскій, но въ II—III вв. переработанный христіанами. У насъ извѣстенъ уже изъ Толковой Палеи, куда онъ вставленъ цѣликомъ (см. выше). (Тихонр. № 11).

5) Іаковличи, охватываютъ разсказъ о лѣствицѣ, видѣнной Іако[illegible]ъ (откуда и названіе «Лѣствица»), и главнымъ образомъ объ Авраамѣ, [illegible]рый въ откровеніи убѣждается въ ложности боговъ своего отца [illegible] происхожденія того же, что «Завѣты», встрѣчается въ той же [illegible] (Тих. № 9—10). Сюда же относится встрѣчаемый тамъ же раз[illegible] смерти Авраама, съ большими подробностями передающій со[illegible] [illegible]сказывающій о его видѣніяхъ (Тих. № 12). Вся группа, по[illegible] [illegible]тамъ», происхожденія іудейско-христіанскаго.

[illegible]тъ и восходъ Моисея—иначе въ слав. текстахъ «Жи[illegible] [illegible]поздняя обработка іудейской легенды: разсказъ о Моисеѣ [illegible]ѣ онъ сталъ царемъ, побѣдилъ при помощи аистовъ [illegible] д., о его смерти, во время которой арх. Михаилъ [illegible]ись изъ-за тѣла Моисеева (Тих. № 15—16). Сла-

вянскій текстъ древенъ, несомнѣнно, былъ извѣстенъ еще въ Кіевскій періодъ.

7) Откровеніе Варуха—обработка одной изъ внѣканоническихъ еврейскихъ книгъ: пророчества Варуха и плача Іереміи по поводу покоренія и запустѣнія Іерусалима. По славянскимъ рукописямъ восходитъ къ XII—XIII вв., переводъ съ греческаго. (Тих. № 24).

8) Откровеніе Исаіи—апокалиптическаго содержанія: видѣніе небесъ, бесѣда съ Богомъ (Тих. № 23); извѣстенъ въ рукописи, уже русской, конца XII в. (Успенскій сборникъ); м. б. стоитъ въ связи съ богомильствомъ.

9) Іаковля повѣсть—иначе Первоевангеліе (Тих. № 28); смотри выше.

10) Евангеліе Ѳомы, иначе Евангеліе дѣтства Христова (Тих. № 30—37); разсказы фантастическіе восточнаго происхожденія о чудесахъ и подвигахъ Христа-мальчика, кончая эпизодомъ о собесѣдованіи отрока Христа съ фарисеями въ храмѣ (ср. Ев. Луки). Тексты рѣдки, такъ какъ Христу приданъ черезчуръ реалистическій необычный типъ мальчика, озлобленнаго, безпощаднаго, даже въ чудесахъ (съ учителемъ, съ дѣтьми, игравшими съ нимъ). Старшіе тексты—югославянскіе, вѣка XIV, стоятъ, кажется, въ связи съ богомильствомъ. Подробнѣе см. о немъ въ «Апокрифич. Евангеліи», М. Сперанскаго (М. 1895).

11) Евангеліе Никодима—разсказъ о судѣ надъ Христомъ, его смерти, погребеніи, о сошествіи въ адъ, воскресеніи: къ этому «страстному» Евангелію, составляя съ нимъ циклъ, примыкаютъ мелкіе памятники: «Посланіе Пилата» (въ сжатомъ видѣ содержаніе то же, что Никодимово Евангеліе), «Преданіе и смерть Пилата» (съ разсказомъ о чудесномъ хитонѣ Христа, защищавшемъ Пилата передъ Тиверіемъ), «Исторія Іосифа Аримаѳейскаго» (о преслѣдованіи іудеями тайнаго уч[еника] Христова, чудесномъ его спасеніи) и др. Эти небольшіе разск[азы] (исключая «Исторію Іосифа») всѣ встрѣчаются вмѣстѣ съ Н. Е. в[ъ ...] стахъ. Въ общемъ циклъ знакомитъ съ исторіей всѣхъ второс[тепен]ныхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ исторіи послѣднихъ дней жизни Спасителя. Текстъ славянскими индексами не считался [...]ческимъ (см. выше), но отмѣченъ въ греческихъ и древн[...] скихъ. Переводовъ славянскихъ два: 1) съ латинскаго, сд[...] роятно, еще въ Моравіи, около времени Кирилла и Меѳ[одія ...] позднѣе IX—X вв.) и 2) съ греческаго—въ Болгарі[и ...] XI—XII в.; оба у насъ популярны: въ отрывкахъ чи[...] кви, въ качествѣ благочестиваго разсказа на Страстной [...]

[1]) Подробности: М. Сперанскій, Слав. апокр. Еванг., стр. 3[...]

12) Обиходы и ученія Апостоловъ—первоначально, кажется, еретическія, а затѣмъ очищенныя и перешедшія къ православнымъ сказанія о проповѣди и чудесахъ отдѣльныхъ апостоловъ. У насъ въ переводахъ съ греческаго извѣстны для древняго періода: «дѣянія» Петра и Павла (о Симонѣ Волхвѣ), Андрея (см. выше), Павла и Θеклы (см. выше), Матθея, Θомы (въ Индіи) и др. (Тих. № 38—39).

13) Легенды о Христѣ: какъ Его «въ попы ставили» (при чемъ обнаружилось Его божественное происхожденіе), «какъ Онъ плугомъ оралъ», «какъ Его Провъ назвалъ другомъ», и Онъ исцѣлилъ его отца (христіанскій варіантъ къ ветхозавѣтной, библейской легендѣ о Товіи и Товитѣ), «какъ Его ап. Петръ продавалъ» въ видѣ мальчика-раба и др. Всѣ эти легенды стоятъ въ связи съ развитіемъ богомильства (см. выше), чѣмъ и опредѣляется ихъ давность на славяно-русской почвѣ. (Тих. № 40, 41).

14) Сказаніе Афродитіана персянина—см. выше (Тих. № 45).

15) Хожденіе Богородицы по мукамъ—см. выше. (Тих. № 47).

16) Откровеніе ап. Павла—его хожденіе по раю и аду—легенда, аналогичная предыдущей. Переводъ, несомнѣнно, древній, весьма популярный въ качествѣ поученія въ русскихъ «Златоустникахъ».

17) Сказанія о раѣ—нѣсколько: Макарія иноки нашли у вратъ рая, Агапій удостоился видѣнія рая, Зосима ходилъ въ сторону блаженныхъ, живущихъ близъ рая. Сказанія—весьма и у насъ популярныя, отвѣчали на любопытный вопросъ о существованіи рая на землѣ, описывали въ фантастическо-поэтической формѣ рай и его прелести. Сказаніе объ Агапіи есть уже въ русской рукописи XII в. (Успенскій сборникъ). (Тих. № 49—50).

18) Рядъ апокрифическихъ мученій, т.-е. сказаній о мученикахъ: Θеодорѣ Тиронѣ и борьба его со зміемъ (тема, ставшая народ-...ѣ), Никитѣ, Ипатіи, Георгіи (основа русскихъ духовныхъ былевыхъ ...ювъ о немъ), Иринѣ и т. д. (Тих. № 51—57).

...) Эсхатологическія сказанія: вопросы Іоанна Богослова ...ѣ Θаворской, на горѣ Елеонской Авраама о праведныхъ ду-...сѣ весьма древни (№ 59—61). Сюда же относится сказаніе ...атарскаго (№ 62); о немъ выше.

...числяя другихъ болѣе мелкихъ текстовъ, уже изъ приведен-...мы видимъ, что запасъ одной апокрифической легенды, ...ами, и богатъ и разнообразенъ: онъ, если не во всей ...никовъ, то полно по темамъ проводилъ намъ эту апокри-...ду древняго христіанства. А сколько шло къ намъ не-... легенды, легенды, не отмѣченной индексомъ, и сказать

трудно. Изъ этого ясно, что роль легенды христіанской, перешедшей къ намъ, чрезвычайно велика для выработки нашего христіанскаго міросозерцанія. Достаточно напомнить, что цѣлая отрасль устно-народной поэтической литературы—духовный русскій стихъ, эти зачатки христіанскаго эпоса—возникла и создалась въ значительной долѣ на почвѣ перешедшей къ намъ легенды.

Теперь остается указать лишь на тѣ пути, которыми шла къ намъ эта легенда. Главнымъ путемъ былъ, конечно, обычный путь изъ Византіи черезъ южное славянство. Почти всѣ тѣ произведенія, которыя перешли къ славянамъ отъ грековъ во время блестящей Симеоновской эпохи и позднѣе, потомъ перешли и къ намъ. Вмѣстѣ съ этими произведеніями перешла и христіанская легенда. Это—одинъ путь.—Но существовалъ и другой путь, именно, путь устной передачи. Цѣлый рядъ легендъ, сказаній и другихъ подобныхъ произведеній Кіевскаго періода мы не можемъ объяснить посредствомъ этого перваго пути. Они отмѣчаются нами по русскимъ текстамъ, восходящимъ къ кіевскому времени, но до сихъ поръ не найдены въ точныхъ греческихъ или юго-славянскихъ текстахъ (что позволяло бы говорить о письменномъ посредствѣ въ ихъ появленіи); съ другой стороны, мы находимъ этимъ легендамъ параллель у такихъ народовъ, которые не приходили съ нами въ непосредственное тѣсное общеніе, напр., у народовъ Востока. Надо полагать, что здѣсь мы имѣемъ передъ собою случаи устнаго воспріятія легенды, передачи по памяти, со словъ: переданный такимъ путемъ мотивъ или легенда оставляли свой слѣдъ, часто закрѣпляемые русской письменностью, почему и становятся намъ извѣстными подчасъ изъ памятниковъ весьма для насъ ранняго времени. И дѣйствительно, по отношенію къ нѣкоторымъ легендамъ мы можемъ намѣтить тотъ устный путь, по которому онѣ переходили на Русь. Это—путь вполнѣ есте-ственный, который долженъ былъ существовать параллельно обмѣ
путемъ письменности; что не могло перейти письменнымъ путемъ,
переходило путемъ устной передачи, какъ результатъ соприкосно
двухъ народностей на культурной почвѣ. Конечно, всѣ случаи
условія такого общенія мы учесть не можемъ теперь, но нѣкото
нихъ намѣтить представляется возможнымъ; таковы, напр., торг
шенія, заносившія не только матеріальную, но и духовную ку
енныя и политическія столкновенія и т. п. Такими же но
генды являлись обыкновенно и, м. б., особенно часто
путешественники вообще. Если мы возьмемъ, напр., кл
саніе древне-русскаго путешествія по святымъ мѣстамъ
ника (нач. XII в.), то тотчасъ мы увидимъ, какую мас
легендъ сообщаетъ онъ. Паломники, попадая въ Свят

дали, такъ сказать, въ самый очагъ легенды. Каждое мѣсто въ Палестинѣ освящено, отмѣчено и окружено было толпой различныхъ легендъ, которыя охотно и сообщались паломникамъ, какъ проводниками, такъ и другими паломниками, уже болѣе опытными, и мѣстнымъ населеніемъ. Поэтому у Даніила Паломника мы находимъ много такихъ легендъ: это—легенды о пупѣ (центрѣ) земномъ, о столпѣ Давыдовомъ, легенды о Юдоли плача, о домѣ Уріи, о Іорданѣ и т. д. Массу подобныхъ и другихъ легендъ переносили паломники, эти легенды съ жадностью слушали соотечественники ихъ, паломниковъ часто съ радостью принимали, какъ людей, могущихъ поразсказать много интереснаго, совершившихъ трудный, богоугодный подвигъ. Такимъ образомъ, вся эта масса легендъ легко прививалась и быстро распространялась на Руси. Паломники были какъ бы живымъ мостомъ, по которому христіанская легенда переходила къ намъ, пожалуй, болѣе успѣшно, чѣмъ путемъ письменности. Паломничество сыграло огромную роль въ перенесеніи къ намъ легенды, въ литературномъ обмѣнѣ вообще. «Хожденіе Даніила»—ясный свидѣтель этого. Анализъ легенды, занесенной Даніиломъ въ свое «Хожденіе», показываетъ, что у него было два источника для нихъ: однѣ (каковы о рождествѣ Христовѣ, о Елизаветѣ, матери Предтечи), слышанныя имъ, воспроизведены имъ позднѣе (вѣроятно, когда онъ обработывалъ свои воспоминанія) по славянскимъ переводамъ, содержащимъ эти легенды (напр., по Первоевангелію)); другія (каковы: о кладезѣ Давида, Іосифѣ Прекрасномъ и др.) записаны имъ на основаніи слышанныхъ имъ на мѣстахъ разсказовъ. Если мы теперь присмотримся хорошенько къ «каличьимъ» духовнымъ стихамъ, которые часто сохранили память о довольно древнихъ временахъ, то мы увидимъ и тамъ не мало слѣдовъ этой христіанской легенды. Носителями и отчасти создателями духовныхъ стиховъ были въ значительной степени тѣ ...е паломники [1]). Паломники въ древней Руси занимали довольно исклю...тельное мѣсто: они были чѣмъ-то вродѣ полудуховныхъ, полусвѣт...ъ людей; мѣсто ихъ было при храмѣ; вѣдала ихъ власть духовная. ...ло храма и вращалась христіанская мысль древней Руси. Палом... ...редставляются людьми всезнающими, видавшими виды; они и ...ваютъ обыкновенно о томъ, какъ ходили, что видѣли; по своему ...му уровню они тѣсно связаны были съ народной массой, изъ ...д и выходили, а съ другой стороны, были представителями ...сы того религіознаго знанія, которое было основой науки, ...нѣе культурнымъ слоямъ общества.

...г...

...ре... см. у Н. С. Тихонравова, Сочиненія I, статья: „Калѣки перехожіе", ... Ист. русск. литерат. I, гл. X.

Такимъ образомъ, мы намѣтили два основные пути, которыми шла къ намъ въ Кіевскій періодъ христіанская легенда. Затѣмъ можно указать и еще на одинъ, можетъ быть, и не столь частый путь, которымъ шла къ намъ легенда. Это—путь искусства. Заимствовавъ религію, мы заимствовали и византійское искусство, которое выразилось, прежде всего, въ архитектурѣ нашихъ храмовъ, затѣмъ въ иконописи, въ стѣнописи церквей, въ миніатюрахъ рукописей. И иконопись, и стѣнопись, и миніатюра тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ христіанской легендой, именно: легенда давала сюжеты для христіанской живописи, будетъ ли это мозаика, миніатюра, фреска или какой другой родъ древняго искусства; она же служила комментаріемъ къ иконописному изображенію; наличность иконописнаго изображенія вызывала къ ознакомленію или поддерживала, популяризировала легенду, лежащую въ основѣ изображенія; легенда вызывала потребность изобразить ее на иконѣ, въ рукописи, какъ иллюстрацію. Съ этой точки зрѣнія приходится констатировать наличность и апокрифической легенды и тамъ, гдѣ проявляется искусство.—Наиболѣе роскошнымъ и художественно-украшеннымъ зданіемъ въ Кіевской Руси была, какъ и долгое время послѣ, конечно, церковь. И въ этомъ отношеніи Русь вполнѣ естественно находилась въ непосредственной зависимости отъ Византіи. Церкви прежде всего строили греческіе мастера, затѣмъ ихъ русскіе ученики, и они-то и приносили съ собой легенду, которую и закрѣпляли въ произведеніяхъ искусства, выражавшихся въ живописи и стѣнописи. Такъ, напр., въ выстроенной въ XI в. кіевской Софіи, въ оставшейся отъ того времени до сихъ поръ мозаикѣ, мы ясно видимъ присутствіе мотивовъ христіанской апокрифической легенды. Возьмемъ для примѣра изображеніе Благовѣщенія: въ отличіе отъ каноническаго писанія, христіанская легенда знаетъ *два* Благовѣщенія: первое Благовѣщеніе, или «предблаговѣщеніе», у колодца и второе въ храмин (это послѣднее только и признаетъ каноническая христіанская письм ность). Въ апокрифическомъ Евангеліи Іакова разсказывается подр объ обстоятельствахъ этого перваго Благовѣщенія. Богородица п говорится тамъ, за водой на колодезь съ кувшиномъ, почерпну и собирается домой; вдругъ она слышитъ за собой обращаю ней голосъ, оборачивается, но никого не видитъ. Оказало что это былъ голосъ ангела, который принесъ ей вѣсть рожденіи Спасителя. Смущенная, въ раздумьи о происш приходитъ въ домъ и затѣмъ черезъ нѣсколько времени, обычаю, ткала для храма завѣсу изъ пурпура и виссона. уже въ видимомъ образѣ ангелъ и повторилъ свое благ Софіи Кіевской на столбахъ у главной абсиды, въ м

шающихъ эти столбы, мы видимъ изображеніе Благовѣщенія, именно, въ храминѣ. Богородица нарисована съ пряжей (чего не знаетъ каноническое изображеніе) въ рукахъ. Во фрескѣ же въ томъ же храмѣ Софіи находимъ и Благовѣщеніе у кладезя, иначе «предблаговѣщеніе», какъ его называли: горный ландшафтъ, цистерна; у нея Богородица съ водоносомъ въ позѣ удивленія или испуга [1]). Такимъ образомъ, ясно, что передъ нами мотивъ легенды, занесенный и въ апокрифическое Евангеліе. Конечно, подобные памятники искусства въ мѣстахъ общественныхъ (какова церковь) служили довольно дѣятельно въ дѣлѣ проведенія христіанской легенды. Эти изображенія бросались несомнѣнно въ глаза всѣмъ молящимся, будили ихъ любопытство, и они съ удовольствіемъ выслушивали разсказы, объясняющіе видимое ими изображеніе. При такомъ методѣ «нагляднаго обученія» легенды очень легко и быстро могли запоминаться и распространяться, становясь основой христіанскихъ понятій новообращенной массы. Этимъ же объясняется, почему легенды въ такомъ большомъ количествѣ вошли и въ духовные стихи: они отразили не только каноническую легенду, церковную легенду, вошедшую въ церковное пѣснопѣніе, а также и церковную фреску, живопись, являясь, такимъ образомъ, народнымъ, популярнымъ средоточіемъ вліянія книжной легенды и устной и искусства: элементы иконографіи изслѣдователи (напр., Барсовъ, Кирпичниковъ) указываютъ въ книжной литературѣ и въ устной (напр., въ стихахъ объ Егоріи Храбромъ).

Богословско-учительная литература. Послѣдней, крупной по объему, самой крупной, изъ области переводной литературы нашей за кіевскій періодъ, слѣдуетъ признать литературу византійскую богословскую, въ спеціальномъ смыслѣ слова, вмѣстѣ съ учительной, т.-е. творенія отцовъ церкви, экзегетическія и догматическія, и сборники поученій. Литература эта, дававшая основной фонъ всей нашей письменности, является болѣе всего выраженіемъ культурно-христіанскаго вня русскаго читателя и писателя; съ другой стороны, она, давая ю начитанность, оставалась, преимущественно, удѣломъ образо- о меньшинства, какъ недостаточно популярная для широкихъ ъ силу своей отвлеченности, недостаточной для этихъ массъ сти содержанія. Этимъ объясняется и то, что изъ поученій народныя массы усвоивали, преимущественно, внѣшнюю щее представленіе о самомъ авторѣ, повѣствовательный, матеріалъ, оставляя въ сторонѣ почти цѣликомъ осталь-

гое изображенія изданы не разъ; см., напр., И. Толстого и Н. Кон- ревности", IV (1891), стр. 134 и 135.

ное, исключая развѣ самыя общія понятія, которыя тѣсно связывались съ первыми начатками христіанской этики. Такого рода впечатлѣніе получаемъ, сравнивая писанія этихъ учителей церкви съ народнымъ міросозерцаніемъ, народной легендой, сохранившейся даже отъ болѣе поздняго времени. Но тѣмъ важнѣе, въ смыслѣ общеобразовательнаго средства, являлась эта литература для образованныхъ людей, какими, преимущественно, былъ классъ духовный: отцы церкви были для нихъ тѣмъ идеаломъ, къ которому приблизиться они считали своею цѣлью въ своихъ писаніяхъ, даже въ своей жизни.

Писанія св. отцовъ въ нашей письменности мы встрѣчаемъ или въ видѣ отдѣльныхъ собраній (болѣе или менѣе полныхъ) сочиненій ихъ, или въ видѣ отдѣльныхъ сочиненій того или другого, или же (и это наиболѣе часто) въ видѣ сборниковъ, объединявшихъ писанія различныхъ отцовъ по извѣстному плану или по темамъ, напр., собранія полемическаго характера противъ латинянъ, или по внѣшнему признаку, напр., по времени ихъ чтенія (напр., въ Великомъ постѣ). Изъ наиболѣе популярныхъ писателей церковныхъ въ кіевскій періодъ встрѣчаемъ: Ефрема Сирина, много дававшаго по истолкованію св. писанія, а также образцы высокаго христіанскаго лиризма (напр., его «Слово о кончинѣ міра»), трогательнаго («Слово объ Іосифѣ Прекрасномъ»), и автора весьма популярнаго позднѣе и въ народныхъ слояхъ «Слова о злыхъ женахъ» (оно же встрѣчается и съ именемъ І. Златоуста), пересыпаннаго остроумными, картинными, подчасъ ядовитыми изреченіями о женщинѣ, близкими къ народной пословицѣ, и друг. Многія «Слова» его съ весьма ранняго времени встрѣчаются отдѣльно по сборникамъ (напр., въ Изборникѣ 1073 г.) или цѣликомъ, или въ извлеченіяхъ и, вѣроятно, идутъ изъ бо́льшого сборника сочиненій Ефрема, извѣстнаго подъ названіемъ «Паренесиса» (т.-е. утѣшеніе), извѣстнаго намъ уже по русскимъ рукописямъ съ XII—XIII в. и явившагося, конечно, раньше. Въ «Паренесисѣ» находимъ также особенно поэти-ское и картинное Слово объ антихристѣ, трактующее одну изъ сам... любимыхъ темъ въ древней литературѣ. Еще популярнѣе былъ Іо... Златоустъ: съ его именемъ встрѣчаемъ у насъ, какъ и ... зантіи, рядъ поученій и сочиненій, и отдѣльно и въ видѣ цѣ... браній, какъ дѣйствительно ему принадлежащихъ, такъ и ч... украшенныхъ его знаменитымъ именемъ. Изъ подлинныхъ ... Іоанна Златоуста еще въ Симеоновскую эпоху въ Болгарі... веденъ сборникъ «Златоструй», сохраненный въ рус... XII в. [1]): содержаніе его составляютъ поученія, главы ...

[1]) Спеціальное о немъ изслѣдованіе библіограф. преимущест... В. Малинина (Кіевъ, 1878).

нравственныхъ началахъ христіанской жизни. Отдѣльныя слова Іоанна Златоуста разсѣяны во множествѣ по древнимъ рукописямъ, начиная съ XI вѣка, каковы, напр., составляющіе цѣлую группу въ Супрасльской Минеѣ четьей. Изъ той же эпохи дошло къ намъ и «Учительное Евангеліе»; это—сборникъ, частью выборка толкованій на Евангелія изъ сочиненій Златоуста (и отчасти другихъ), такъ называемыя «Катены» (т.-е. цѣпи, такъ какъ всѣ толкованія, взятыя вмѣстѣ, представляютъ какъ бы отдѣльныя звенья одной общей цѣпи). «Учительное Евангеліе» переведено съ греческаго, отчасти обработано Константиномъ пресвитеромъ, однимъ изъ крупнѣйшихъ болгарскихъ писателей вѣка царя Симеона (X в.) [1]). Изъ сочиненій Василія Великаго извѣстны были, кромѣ цѣлаго ряда его отдѣльныхъ словъ и поученій, его «Шестодневъ» (о немъ выше), его аскетическія поученія («Слова постническія»). Изъ другихъ писателей, пользовавшихся извѣстностью и вліяніемъ, можно назвать: Геннадія, патр. константинопольскаго, автора катехизиса, названнаго «Стословомъ» (въ немъ 100 параграфовъ), помѣщеннаго уже въ сборникѣ Святослава 1076 г., Θеодорита Киррскаго, толкователя книги Бытія и Псалтыри, Григорія Богослова, Іоанна Синайскаго, автора «Лѣствицы», Θеодора Студита, уставъ котораго легъ въ основу устава Θеодосія Печерскаго, Кирилла Александрійскаго, Іоанна Дамаскина и многихъ другихъ [2]).

Большинство писаній отцовъ церкви доходило къ намъ не въ видѣ собраній сочиненій отдѣльнаго автора, а въ сборникахъ, располагавшихся или по опредѣленному плану, или же просто объединяемыхъ внѣшнимъ образомъ—собраніемъ въ одной книгѣ писаній разныхъ авторовъ. Сборникъ—любимая литературная форма средневѣковья, не только восточнаго, но и западнаго. Перечислять всѣ сборники, ходившіе въ Кіевское время, и ихъ виды едва ли возможно въ краткомъ обзорѣ: какъ на образчикъ сборниковъ неопредѣленнаго состава, можно [illegible]азать на упомянутые выше сборники Святослава (1073 и 1076 гг.), [illegible] учительно-богословскій элементъ представленъ не менѣе богато, не[illegible] элементъ, названный нами условно «научнымъ». Что касается [illegible]ковъ перваго рода, т.-е. подобранныхъ по извѣстному принципу, [illegible] то для примѣра можно назвать сборникъ, получившій, м. б., [illegible] (однако, не позднѣе XIV в.) названіе «Золотой цѣпи»: это

[1]) [illegible] спеціальная монографія А. В. Михайлова, въ Древностяхъ, тру[illegible] Ком. Моск. Арх. Общ., I.

[2]) [illegible] въ отдѣльной монографіи А. С. Архангельскаго „Творенія [illegible]евне-русской письменности“ (Спб. 1888), и приложеніяхъ къ книгѣ [illegible]ре выпуска, Казань). Сжатый обзоръ—въ книгѣ П. В. Владими[illegible]усская литература кіевскаго періода“ (Кіевъ, 1901), стр. 15 и сл.

собраніе поученій различныхъ писателей, преимущественно Златоуста, или Словъ съ именемъ его на воскресные дни Великаго поста: весьма рано, повидимому, онъ сталъ пополняться русскими подражаніями-словами и, такимъ образомъ, легъ въ основу весьма популярнаго позднѣе сборника «Златоуста», или «Златоустника».

Наконецъ, въ кругу этой учительной, догматической литературы слѣдуетъ отмѣтить особую группу, которой пришлось сыграть роль въ развитіи нашего христіанскаго міросозерцанія; это—обширная, такъ называемая «вопросоотвѣтная» литература, гдѣ въ формѣ діалога (вопросъ-отвѣтъ) дается отвѣтъ на многіе насущнѣйшіе вопросы христіанскаго знанія, начиная отъ исторіи мірозданія, кончая общедоступными догматическими положеніями. Въ смыслѣ усвоенія эти «вопросы-отвѣты» представляли, несомнѣнно, гораздо больше доступности, нежели отдѣльные связные трактаты по тому или иному вопросу, давая сжатую формулировку, быстрѣе разрѣшая вопросъ, обнимая на небольшомъ пространствѣ цѣлый рядъ разнообразныхъ вопросовъ, интересующихъ читателя, и по формѣ и по содержанію эти вопросы-отвѣты близко подходили къ популярной литературѣ, отчасти даже апокрифической (какова, напр., «Бесѣда трехъ святителей»). Этихъ вопросо-отвѣтовъ за древнее время намъ извѣстно довольно много; таковы, напр., «Отвѣты Аѳанасія Александрійскаго къ Антіоху князю о вѣрѣ», извѣстные изъ того же Изборника 1076 года. Эта вопросоотвѣтная литература [1]), въ силу своего указаннаго выше характера, должна была оказать значительное вліяніе и на народную словесность, представляя въ своихъ наиболѣе популярныхъ произведеніяхъ связующее звено между строгой, отвлеченной богословской доктриной и народнымъ пониманіемъ христіанства.

Этотъ кругъ учительной литературы дополняется обширной группой так называемыхъ «толковыхъ» текстовъ, весьма рано проникшихъ к… намъ въ готовыхъ юго-славянскихъ переводахъ. Группа эта представле… толкованіями, главнымъ образомъ, на св. писаніе; въ видѣ образц… можно напомнить про толкованіе пророковъ, въ 1047 году спис… «изъ куриловицѣ» Упыремъ Лихимъ (см. выше), назвать тол… на Апокалипсисъ Аѳанасія Александрійскаго и Филона Карпаѳ… особенно же «Толковыя Псалтыри»: ихъ еще въ древнемъ… какъ мы видѣли, было извѣстно цѣлыхъ два: Ѳеодорита… шееся въ русскомъ спискѣ еще XI вѣка, и болѣе по… ярко выраженной противоіудейской тенденціей, богатое си…

[1]) О ней см. В. Мочульскаго „Слѣды народной библ… А. Архангельскаго, у. с. стр. 16 и слѣд.

кованіями псалмовъ въ смыслѣ пророчествъ о Христѣ: это—такъ называемое Толкованіе Аѳанасія Александрійскаго, также съ XI в. извѣстное по русскимъ рукописямъ. За ними слѣдуютъ многочисленныя толкованія на новый завѣтъ, его отдѣльныя мѣста.

Изъ приведеннаго краткаго и поверхностнаго обзора переводной учительной литературы убѣждаемся, что по объему это—самый обширный отдѣлъ нашей письменности древнѣйшаго времени. Это и понятно: содержаніе его и новымъ христіанамъ, и нашимъ просвѣтителямъ представлялось самымъ существеннымъ, ибо вело ихъ къ христіанскому просвѣщенію, углубленію религіознаго самосознанія, и, кромѣ того, въ силу общаго значенія богословской и религіозной мысли въ средніе вѣка (о чемъ была рѣчь выше), роль этой литературы пріобрѣтала особое значеніе—источника знанія вообще: на этой литературѣ получалось, главнымъ образомъ, просвѣщеніе, на ней воспитывались, какъ на образцахъ для подражанія, самостоятельные писатели русскіе. Конечно, при этомъ нельзя не замѣтить, что значительность объема этой литературы на Руси не соотвѣтствовала результатамъ, отъ нея ожидавшимся; причина этого въ большой разницѣ культурнаго уровня старой христіанской Византіи и молодой, только что вышедшей изъ состоянія первобытности, Руси: какъ грамотность, просвѣщеніе составляли удѣлъ меньшинства, притомъ незначительнаго, такъ и эта литература учительная (вмѣстѣ со всякой другой книжностью) принадлежала тому же меньшинству, и сравнительно немногое изъ нея становилось достояніемъ массъ. Но все же и для массъ не проходила даромъ эта литература, равно какъ и воспитанныя на ней писанія самихъ русскихъ. Въ этомъ ея общее значеніе.

Свѣтская литература. Наконецъ, изъ Византійской же литературы достались намъ и произведенія свѣтскаго скорѣе, нежели духовнаго, содержанія повѣствовательнаго характера, произведенія, назначеніе коихъ было служить удовлетворенію художественно поэтическихъ наклонностей читателя, его фантазіи. Какъ видъ литературы, слабѣе другихъ ...анный съ церковью, съ общимъ средневѣковымъ настроеніемъ и ...омъ на письменность и литературу, прежде всего обязанную слу...ѣлямъ христіанской этики, поученію, эти повѣсти не особенно ...ленны были и въ самой Византіи, несмотря на ихъ сравни...лизость къ народному міросозерцанію: вѣдь именно это міро... какъ чуждое или не стоявшее въ непосредственной связи ...ой мыслію, само симпатіей руководителей литературы не ...[1]), особенно въ раннее время. Еще менѣе охотно распро-

...ти см. K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Litteratur ... 1897), § 356—384.

страняли ихъ Византійцы у сосѣднихъ народовъ, прежде всего являвшихся для грековъ ареной ихъ миссіонерской дѣятельности. Все же кое-что и изъ этой литературы стало достояніемъ литературы русской, хотя и здѣсь это немногое осталось рѣдкостью. Таково «Девгеніево дѣяніе»—романъ X в., излагающій боевыя и любовныя похожденія героя византійскаго богатырскаго эпоса, Дигениса Акрита, и построенный на основѣ греческихъ былинъ о борьбѣ съ сарацинами. Этотъ недочетъ «свѣтскаго» элемента въ Византіи, а слѣдомъ и у насъ, отчасти возмѣщался quasi-исторической, на дѣлѣ же художественно поэтической повѣстью, часто въ качествѣ подлинно исторической входившей въ компиляціи историческаго чисто характера, каковы сказанія о Троѣ, о взятіи Іерусалима Титомъ (Іосифъ Флавій), «Александрія» (романъ объ Александрѣ Великомъ) и др. Всѣ эти произведенія еще въ кіевскій періодъ, иногда немного позднѣе, стали достояніемъ, частью черезъ юго-славянъ, и русской литературы. Принимаемыя и у насъ, какъ историческія, повѣсти эти часто входятъ въ наши компиляціи въ родѣ хроникъ; они, можетъ быть, обусловили характеръ и самостоятельной русской повѣсти, слабой въ развитіи чисто-фантастической стороны, но обильной въ смыслѣ исторической, вылившейся въ характерную поэтическую, съ народнымъ оттѣнкомъ повѣсть, «воинскую», о дѣйствительныхъ событіяхъ боевой жизни древней Руси.

Роль свѣтской же литературы на дѣлѣ исполняли, какъ мы видѣли выше, и житія святыхъ, гдѣ религіозный и учительный характеръ произведенія часто прикрывалъ собою содержаніе свѣтское; это было необходимымъ условіемъ пріемлемости произведенія въ глазахъ руководителей литературы. Къ такого рода «скрытымъ» свѣтскимъ произведеніямъ относится упомянутое выше «Житіе Варлаама и Іоасафа», представляющее на дѣлѣ романическую повѣсть восточнаго происхожденія, даже не христіанскую, только обращенную въ житіе свя
тыхъ отшельниковъ: главный интересъ этого житія—рядъ аполого
басенъ, содержащихъ далеко не всегда христіанское поученіе, а
уроки общей этики, житейской морали въ видѣ интереснаго ра
поэтичной, близкой къ народной, аллегоріи. Того же рода произ
окрашенное даже только обще-моральнымъ характеромъ, предс
Повѣсть о Стефанитѣ и Ихнилатѣ, также соб
точныхъ (индійскихъ) апологовъ въ византійско-греческой
Оно черезъ юго-славянъ еще въ кіевское время, повид
доступно и намъ.

Пути переводной литературы. Говоря о переводно
намъ приходилось указывать, что путь ея изъ Визан

всего черезъ старшую по литературѣ Болгарію, вообще черезъ югъ славянства. Но путь этотъ—обходный, изъ Византіи на Русь—если и былъ главнымъ, доставлявшимъ намъ христіанскіе памятники, но все же онъ былъ не единственнымъ: рядомъ съ юго-славянскими переводами, сдѣланными преимущественно въ Болгаріи, въ нашей письменности кіевскаго періода мы можемъ найти рядъ (правда, небольшой) переводовъ съ латинскаго и переводовъ съ греческаго и прямо русскихъ. Что касается первыхъ, т.-е. памятниковъ, переведенныхъ съ латинскаго и ставшихъ достояніемъ и русской письменности, то они должны быть сочтены древнѣйшими славянскими переводами и притомъ устанавливающими (помимо свящ. писанія, богослужебной и отчасти канонической литературы) связь русской письменности съ эпохой Кирилло-Меѳодіеской литературы старо-славянской. Эта связь намѣчается въ немногихъ словахъ слѣдующимъ образомъ [1]). Въ IX в. положено начало славянской письменности, она развивается въ это время среди западныхъ славянъ, чеховъ и моравовъ, отчасти словенцевъ, бывшихъ до того уже подъ вліяніемъ латино-нѣмецкой культуры и латинскаго христіанства. Кириллъ и Меѳодій, внеся туда основы христіанства восточнаго типа, не упразднили здѣсь (да и не имѣли къ тому повода) вліянія западнаго типа. Результатомъ этого было появленіе на старо-славянскомъ языкѣ переводовъ съ латинскаго, отчасти (позднѣе, вѣкѣ въ X) и оригинальныхъ произведеній западнаго типа, каковы, напр.: Бесѣды Григорія папы (Римскій патерикъ), житіе Венедикта, Никодимово евангеліе (см. выше), нѣкоторыя молитвы, житіе Іоанна Милостиваго и др., м. б., два поученія на Рождество и Крещеніе, сказаніе о св. Вячеславѣ Чешскомъ и др. Когда же началась рѣзкая реакція противъ дѣла Кирилла и Меѳодія со стороны католическаго нѣмецкаго духовенства, дѣло ихъ падаетъ среди западныхъ славянъ, переносится, какъ извѣстно, ...ъ учениками въ Болгарію; вмѣстѣ съ тѣмъ переходятъ сюда и упо...нутые памятники, а затѣмъ уже изъ Болгаріи вмѣстѣ съ другими, ...анными съ греческаго, переводами появляются у насъ. Какъ памят... западнаго происхожденія, они могли доносить къ намъ и западное ...ное вліяніе; но на дѣлѣ этого мы не видимъ, во-первыхъ, по... въ нихъ ничего специфически западно-христіанскаго (напр., ... догматики), кромѣ терминологіи и лексики, ничего не было; ... они прошли черезъ юго-славянскую среду (по типу куль-

[1]) ... см. А. И. Соболевскаго, Церковно-славянскіе тексты Морав...ія (Рус. Фил. Вѣстн. 1900 г. № 1—2, стр. 150 и сл.). Списокъ та... впослѣдствіи А. И. Соболевскимъ еще расширенъ.

туры восточную), значительно стершую и эти внѣшніе слѣды западнославянской ихъ физіономіи; въ-третьихъ, эти памятники очень не многочисленны по сравненію съ массой восточныхъ, пришедшихъ къ намъ. Такимъ образомъ, несмотря на свою связь съ западнымъ христіанствомъ, они не въ силахъ были измѣнить наше восточное христіанство, оставить на немъ замѣтный слѣдъ. Этотъ общій типъ нашей литературы не нарушали, разумѣется, и прямо русскіе переводы съ греческаго. Несомнѣнно, что болѣе имущіе классы стараго русскаго общества, каковы духовенство, правящіе классы (князья, дружина), довольно рано уже значительно двинулись въ культурномъ своемъ развитіи: переводная литература, о которой до сихъ поръ говорилось, существовала, главнымъ образомъ, для нихъ; среди нихъ, несомнѣнно, уже были, хотя бы и не въ большомъ числѣ, лица, усвоившія въ достаточной степени и греческій языкъ и греческую образованность; среди нихъ были и прямо греки (напр., высшее духовенство, присылаемое изъ Константинополя), овладѣвавшіе русской литературной рѣчью, и образованные юго-славяне (находившіеся подъ сильнымъ вліяніемъ Византіи). Только при такомъ представленіи русской культуры понятны будутъ свидѣтельства нашей лѣтописи, напр., о Ярославѣ Мудромъ, который «собралъ многихъ писцовъ» и съ ними не только списывалъ, но и «перелагалъ» греческія книги на славянскій. Конечно, эти ученые, образованные люди составляли незначительное меньшинство сравнительно съ темной, не грамотной и въ лучшемъ случаѣ полуграмотной массой; рѣдки были они и среди грамотной массы, знавшей славянскій языкъ, умѣвшей читать, но не дошедшей до знанія греческаго языка и литературы. Поэтому понятно, почему переводная литература юго-славянскаго происхожденія была главной представительницей христіанской мысли въ нашей литературѣ Кіевскаго періода, почему число оригинальныхъ произведеній (преимущественно носящихъ характеръ подражательный) и русскихъ переводовъ такъ мало сравнительно съ юго-славянскими, вошедшими въ составъ нашей литератур[illegible] Тѣмъ не менѣе, основываясь главнымъ образомъ на языкѣ, фразео[illegible]гіи, лексикѣ старыхъ текстовъ, мы можемъ найти между перевод[illegible] произведеніями, циркулировавшими на Руси, хотя и небольшо[illegible] такихъ, относительно которыхъ съ увѣренностью можемъ утв[illegible] что переводы ихъ сдѣланы прямо на русскій языкъ и на Р[illegible] подтвердить выше сказанное, апріорное предположеніе. Вотъ[illegible] изъ нихъ, несомнѣнно, относящіеся къ Кіевскому еще пер[illegible]

---

[1]) Подробнѣе см. А. И. Соболевскаго „Матеріалы и изсл[illegible] сти славянской филологіи“ (Сбор. Отд. рус. и слов. Ак. Наукъ, т. [illegible] Это—списокъ, исправленный и дополненный сравнительно съ по[illegible] азанной выше статьѣ („Особенности русскихъ переводовъ домонго[illegible]

1) Житіе Андрея Юродиваго—памятникъ эсхатологическаго характера, разсказывающій о послѣднихъ дняхъ міра и Византіи (о немъ см. выше, стр. 253); выписки изъ русскаго перевода находимъ уже въ Прологахъ XIII в.

2) Пандекты Никона Черногорца—извѣстныя по рукописямъ XII в., содержащія богословско-каноническія разсужденія ученаго монаха.

3) Христіанская типографія Козьмы Индикоплова, писателя VI вѣка, разсказываетъ объ устройствѣ міра, извѣстна съ XII вѣка.

4) Исторія іудейской войны Іосифа Флавія—памятникъ, важный для исторіи нашей «воинской повѣсти» и «Слова о полку Игоревѣ».

5) Пчела—собраніе изреченій, касающихся нравственности, быта, собранное, какъ изъ христіанской, такъ и древней греческой литературы. Переводъ сдѣланъ едва ли позднѣе XIII вѣка.

6) Чудеса Николы Чудотворца, дошедшія частью въ спискѣ XII вѣка.

7) Студійскій уставъ—онъ переведенъ Ѳеодосіемъ Печерскимъ; стало быть, въ XI вѣкѣ.

8) Повѣсть о Девгеніи—м. б. явившая на Руси впервые въ переводѣ, по характеру «воинская» повѣсть, разсказывающая о борьбѣ византійцевъ съ сарацинами; памятникъ также важный для пониманія «Слова о полку Игоревѣ».

Изъ этого небольшого перечня [1]), видно, что, несмотря на свой небольшой сравнительно объемъ, эта переводная собственно-русская итература дополняла собой юго-славянскую [2]), представляя въ то же ремя значительное разнообразіе. Она же показываетъ, что переводеская дѣятельность на Руси началась вскорѣ по принятіи христіан—въ XI вѣкѣ, развилась въ XII и XIII в. довольно успѣшно. Но се же не измѣняла общаго характера литературы Кіевскаго пена была выраженіемъ того же византійскаго вліянія, что и юго-я.

ннаго обзора переводной литературы мы видѣли, что наша получила всѣ средства для своего развитія, которыми расыкновенно и другія средневѣковыя литературы христіан-: взамѣнъ устной традиціонной, языческой словесности, тіанствомъ и письменностью, мы получили въ значи-

евскаго, ук. соч., приведено 25 такихъ произведеній.

ъ русскихъ текстовъ впослѣдствіи и перешли на югъ славянства.

тельномъ объемѣ и почти во всѣхъ теченіяхъ и видахъ литературу одного изъ культурнѣйшихъ центровъ средневѣковья—Византіи. Отсюда мы должны вывести естественное заключеніе, что и сама русская литература должна была развиваться такъ же, какъ развивались и другія средневѣковыя литературы. Оно такъ и было. При этомъ нужно имѣть въ виду, что литературные факторы, двигавшіе нашу литературу, возникли внѣ русской литературы, были перенесены на русскую почву и здѣсь должны были приспособляться постепенно, оттѣсняя старыя основы или замѣняя ихъ такъ, что долженъ былъ выработаться своеобразный типъ литературы, представляющій соединеніе чертъ національныхъ, съ одной стороны, и чертъ заимствованныхъ, наносныхъ—съ другой. И въ этомъ отношеніи русская литература не будетъ составлять исключенія; такимъ образомъ, и оригинальная литература должна будетъ находиться въ нѣкоторой зависимости отъ перенесенной византійской литературы.

VI. Областной принципъ. Теперь, переходя къ обзору памятниковъ собственно русской литературы, возникшей на русской почвѣ, мы, конечно, будемъ въ значительно меньшей степени говорить о тѣхъ памятникахъ, которые возникли подъ непосредственнымъ вліяніемъ византійской литературы, представляютъ простое подражаніе тѣмъ или другимъ явленіямъ и прямо фактамъ въ византійской литературѣ. Это будетъ выражать скорѣе количественную производительность молодой литературы, внѣшній ея ростъ. Въ качественномъ отношеніи для сужденія о русской литературѣ, какъ таковой; такой обзоръ дастъ сравнительно немного, указывая лишь на степень воспріимчивости къ чу- жимъ элементамъ. Но, конечно, и совершенно игнорировать эту чист[o] подражательную литературу мы тоже не можемъ. Значеніе ея въ том[ъ,] что она является показателемъ той сравнительно высокой культу[ры,] которой достигали отдѣльныя лица въ Кіевской Руси; безъ нея [не]мыслимы и оригинальные памятники, особенно въ молодой литера[турѣ.] Итакъ, прежде всего мы должны обращать вниманіе на тѣ про[изведе]нія, которыя находятся въ меньшей зависимости отъ виза[нтійскаго] вліянія, или которыя представляютъ своеобразную переработ[ку за]нятыхъ мотивовъ: эти произведенія показательнѣе для харак[теристики] литературы даннаго времени, несмотря на сравнительну[ю немно]гочисленность.

Но прежде, чѣмъ непосредственно обратиться къ [обзору памятни]ковъ, явившихся на русской почвѣ, мы должны ещ[е укло]ниться въ сторону, чтобы выяснить еще ближе тѣ [условія, которыя] имѣли мѣсто при развитіи оригинальной русской ли[тературы и въ] числѣ прочихъ, опредѣлялся характеръ этой литера[туры.]

віями, которыя историкъ литературы долженъ имѣть въ виду, мы можемъ назвать 1) условія этническія и 2) условія соціальныя.

Что касается перваго условія, то нужно припомнить, что единое по отношенію къ племенамъ нерусскимъ, русское племя не представляло внутри себя однороднаго цѣлаго, однообразной этнической массы: оно было раздроблено, м. б., историческими и, навѣрное, культурными силами на отдѣльныя племена, или племенныя группы. Такія группы были указаны лѣтописцемъ [1]) еще въ XI-мъ вѣкѣ и отмѣчены уже нами (см. стр. 171). Говоря о русскомъ племени по отношенію къ другимъ лѣтописецъ говоритъ о немъ, какъ объ отдѣльныхъ племенахъ русскаго племени, упоминая въ качествѣ таковыхъ: полянъ, древлянъ словенъ (новгородскихъ славянъ), полочанъ (относя ихъ къ кривичамъ), дреговичей, сѣверянъ, бужанъ, волынянъ; русскія племена радимичей и вятичей онъ ведетъ отъ ляховъ; называетъ еще уличей и тиверцевъ (у Днѣстра и Дуная). Это дробленіе, несомнѣнно, имѣло въ основѣ своей различія, вѣроятно, діалектическія и, навѣрное, бытовыя. О первыхъ мы въ правѣ предполагать на основаніи позднѣйшаго образованія русскихъ нарѣчій, особенности коихъ мы можемъ намѣтить по даннымъ языка текстовъ еще Кіевскаго періода; а о вторыхъ ясно говоритъ сама лѣтопись: «имяху бо обычаи свои, и законъ отецъ своихъ и преданья, к о ж д о с в о й п р а в ъ». Этимъ-то правомъ, въ глазахъ лѣтописи, различались «кроткіе» поляне отъ древлянъ, живущихъ «звѣринскимъ» обычаемъ, отъ дикихъ радимичей, вятичей и сѣверянъ, сжигавшихъ мертвецовъ, а также кривичей. Это дробленіе заставляетъ насъ естественно поставить вопросъ: не имѣло ли такое дѣленіе вліянія и на литературу, не нашло ли оно своего отраженія и въ ней? Отвѣтить на этотъ вопросъ придется утвердительно, но въ общей
формѣ, именно: придется признать, что дѣленіе русскихъ славянъ на
лемена (хотя бы на тѣ три группы племенъ, какія установилъ Шах-
товъ, см. выше) имѣло большое вліяніе на развитіе русской литера-
въ кіевскомъ періодѣ: при идеѣ общности русскаго племени, при
тавленіи русской литературы кіевскаго періода, какъ общерусской,
жны въ ней встрѣтить нѣсколько типовъ этой литературы, и
будутъ основаны, между прочимъ, на различіяхъ племен-
кже и областныхъ (государственныхъ). Несомнѣнно, что бла-
ичной культурѣ отдѣльныхъ племенъ, и христіанская лите-
остранялась далеко не равномѣрно; иначе сказать: передъ
ическій принципъ развитія новаго міросозерцанія. Кромѣ
менной принципъ имѣлъ и другое значеніе: онъ помогъ

евскій списокъ (изд. 3), стр. 9—12.

развиться областному началу, помогъ образоваться отдѣльнымъ культурнымъ центрамъ, которые и нашли свое выраженіе въ литературныхъ типахъ общерусской литературы.. Дѣйствительно, мы видимъ, что и въ культурномъ отношеніи древняя Русь, не представляя полнаго единства этнографическаго, распадалась на отдѣльныя области, при чемъ каждая имѣла свой культурный центръ. Судя по состоянію нашихъ источниковъ, далеко не обильныхъ въ этомъ отношеніи, мы можемъ намѣтить, по крайней мѣрѣ, три такихъ культурныхъ области для кіевскаго періода: 1) Русь южная; 2) Русь средняя и 3) Русь сѣверная.

Въ южной Руси объединяющимъ центромъ, который стягивалъ къ себѣ всѣ культурныя и экономическія силы области, являлся, конечно, Кіевъ; онъ же былъ носителемъ общерусской культуры съ X по XIII вѣкъ. Въ средней Руси такимъ центромъ былъ, вѣроятно, Полоцкъ или Смоленскъ, выдвинувшійся, однако, нѣсколько позднѣе, насколько мы можемъ судить по памятникамъ; въ сѣверной Руси—Новгородъ, вѣроятно, стянувшій къ себѣ сѣверныя племена одновременно съ Кіевомъ, но значительно его пережившій, какъ культурный центръ. Это дѣленіе будетъ находить себѣ соотвѣтствіе и въ діалектической группировкѣ русскихъ племенъ (см. мнѣніе А. А. Шахматова), и въ различіи исторіи этихъ областей въ послѣдующее время. Это дѣленіе имѣло свое отраженіе и въ развитіи литературы.

Что касается Кіева, то здѣсь дѣло обстоитъ, повидимому, довольно ясно. Новгородъ также не оставляетъ сомнѣній. Безусловно, наша древняя литература, при всей скудости ея памятниковъ, дошедшихъ до насъ, представляетъ матеріалъ для дѣленія ея, по крайней мѣрѣ, на двѣ вѣтви: сѣверную и южную. Что же касается средней Руси, то для нея прочныхъ литературныхъ данныхъ мы въ древней нашей письменности не находимъ: существованіе этой группы мы должны предположить теоретически для болѣе древняго времени и утверждать фактически на осно[illegible] ваніи болѣе позднихъ памятниковъ, которые не подойдутъ ни подъ кі[illegible] скій, ни подъ новгородскій типъ. Это объясняется тѣмъ, что племена, [illegible] селявшія область средней Руси, какъ то отмѣчено и лѣтописцемъ, д[illegible] не достигли такой ступени развитія, на какую взошли уже кіевляне [illegible] городцы. Средняя Русь и вообще находилась въ невыгодныхъ ус[illegible] она имѣла по двумъ сторонамъ два крупныхъ культурныхъ ц[illegible] стояла географически далеко отъ всякаго иноземнаго вліян[illegible] средняя Русь и не успѣла выработать своего особаго куль[illegible] одновременно съ тѣми, которые были выработаны кіев[illegible] родской Русью. Кіевъ находился подъ сильнымъ вліяні[illegible] югославянства, Новгородъ—подъ болѣе слабымъ виз[illegible] ніемъ и, кромѣ того, подъ вліяніемъ западной Европы[illegible]

связывали культурно-экономическіе интересы. Расположенные на двухъ противоположныхъ концахъ великаго воднаго пути «изъ варягъ въ греки», Новгородъ и Кіевъ служили соединительными звеньями, связывавшими Русь съ остальнымъ культурнымъ міромъ. Средняя Русь находилась въ сторонѣ отъ этихъ вліяній непосредственно, была, если можно такъ выразиться, «транзитнымъ» только пунктомъ культурнаго движенія съ юга на сѣверъ, и только потомъ, черезъ 100—150 лѣтъ, и она заявляетъ себя, выставляя свои культурные центры, которые, однако, никогда не могли сравняться по силѣ и значенію съ культурными центрами сѣверной и южной Руси—съ Новгородомъ и Кіевомъ [1]. Съ другой стороны, несомнѣнно и то, что Новгородъ стоялъ въ культурномъ отношеніи ниже Кіева, хотя рано имѣлъ уже и свои особенности. Кіевъ имѣлъ дѣло съ высоко-культурной Византіей, Новгородъ—съ германсиким племенами береговъ Балтійскаго моря, еще недавно вышедшими изъ-подъ уровня варваровъ. Характерныя стороны литературы и языка довольно рѣзко выдѣляются по отношенію къ Кіеву и Новгороду очень рано. Что же касается средней Руси, то о такихъ особенностяхъ мы не можемъ говорить долгое время. Число несомнѣнныхъ памятниковъ изъ полоцко-смоленской Руси крайне незначительно. Средне-русскія особенности не выяснились и до болѣе поздняго пріода. Что же касается сѣверно-новгородскаго типа, то онъ выступаетъ рано совершенно опредѣленно: уже въ рукописяхъ русскихъ конца XI в. (каковы, напр., Минеи 1096—1097 гг.) особенности, отличавшія новгородскій говоръ и позднѣе, выступаютъ совершенно опредѣленно [2]. По отношенію къ особенностямъ языка памятниковъ кіевскаго района, мы поставлены въ положеніе мало удовлетворительное: памятники XI в. не даютъ чего-либо устойчиваго въ этомъ отношеніи, ихъ скорѣе приходится характеризо-вать отрицательно: не новгородскіе и не сѣверо-западные; въ XII в. ... имѣемъ уже памятники южно-русскіе, но не кіевскіе, а галицко-...искіе.

...кимъ образомъ, несомнѣннымъ является для насъ существованіе, ...йней мѣрѣ, двухъ основныхъ типовъ литературы въ кіевскомъ ... это—типъ южный—кіевскій и сѣверный—новгородскій. Глав... этихъ типовъ мы можемъ указать довольно точно, не только

...ю аналогію представляетъ позднѣе бѣлорусское племя, оказавшееся ...й“ Руси кіевскаго времени: оно также не успѣло развить вполнѣ ...ратуры.

...этихъ миней: „Служебн. Минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь“ ...886). (Памятники древне-русскаго языка, I). Для западно-русскихъ ... памятники восходятъ едва къ концу XIII вѣка (какова Псал-

въ языкѣ, но и характерѣ самыхъ памятниковъ. Отсюда выводъ: при изученіи кіевскаго періода русской литературы мы должны имѣть въ виду и областной-этнографическій принципъ развитія литературы.

Теперь переходимъ къ другому классу явленій, которыя мы обобщили подъ группой явленій соціальнаго порядка; сюда же входятъ и явленія экономическія, какъ тѣсно связанныя съ первыми. Подъ этимъ общимъ опредѣленіемъ мы, конечно, можемъ подразумѣвать довольно многое. Прежде всего мы должны обратить вниманіе на сословное дѣленіе въ древней Руси: принадлежность къ тому или другому сословію связана съ тѣми или другими общественными и имущественными правами: а это, несомнѣнно, обусловливаетъ особенности быта, міросозерцанія, а, слѣдовательно, и отраженіе ихъ въ литературѣ, на личности писателя и т. д. Древняя Русь отличалась, какъ приходилось уже указывать, значительнымъ демократизмомъ, по сравненію хотя бы съ Русью московской; но все же было бы совершенно не правильнымъ думать, что въ древней Руси не было какихъ-либо соціальныхъ различій. Можетъ быть, не существовало классовъ строго замкнутыхъ, не было между ними рѣзкихъ границъ, переходить которыя было трудно, но различія существовали и были, несомнѣнно, существенны. Изъ такихъ сословныхъ группъ мы должны прежде всего отмѣтить высшую военную аристократію, съ князьями во главѣ, затѣмъ шли: дружинный классъ, духовный классъ, классъ землевладѣльцевъ и классъ торговый—лично-свободные, классъ полусвободныхъ, наконецъ, классъ рабовъ [1]). Это дѣленіе не могло не отразиться на литературномъ развитіи: уже въ кіевскій періодъ при общемъ однообразномъ средневѣковомъ тонѣ литературы, подчиненной церкви и религіи, мы все же можемъ намѣтить специфическіе оттѣнки въ нѣкоторыхъ памятникахъ: произведеніе, писанное, напр., лицомъ духовнымъ, будетъ даже при близости міросозерцанія отличаться отъ произведенія писаннаго, напримѣръ, княжескимъ дружинникомъ. Кромѣ того, сам степень участія въ литературѣ отдѣльныхъ группъ населенія буд различна въ зависимости отъ ихъ положенія въ обществѣ, степен разованности и т. д. Въ самомъ разслоеніи общества на групп ную роль играло и экономическое различіе отдѣльныхъ группъ. различались не только по своему правовому, но и по мате положенію: если князь былъ администраторомъ, то онъ бы нымъ купцомъ; такое соединеніе, разумѣется, и въ литера ношеніи и въ средствахъ къ пріобрѣтенію отличало его торговца, а это отражалось и на культурности человѣка.

---

[1]) Подробнѣе у В. О. Ключевскаго: „Исторія сословій в

прежде всего, требовала средствъ, а такъ какъ средства далеко не у всѣхъ классовъ общества были въ одинаковомъ количествѣ, то и далеко не всѣ классы имѣли возможность принимать равное участіе въ культурной жизни. Литература, занятіе которой соединялось съ извѣстнымъ имущественнымъ обезпеченіемъ, несомнѣнно, могла быть достояніемъ скорѣе высшихъ, матеріально обезпеченныхъ классовъ (военно-служилой аристократіи и духовенства). Можетъ быть, что она была доступна въ значительной степени и среднимъ классамъ—низшему духовенству, купечеству и другимъ лично-свободнымъ элементамъ населенія кіевской Руси; но мы не можемъ объ этомъ сказать чего-либо опредѣленнаго за отсутствіемъ матеріаловъ; мы можемъ совершенно опредѣленно говорить о литературѣ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ отдѣльныхъ классовъ, напр., о литературѣ военно-служилой аристократіи, о литературѣ духовнаго класса, точно такъ же, какъ можемъ говорить о литературѣ кіевской, о литературѣ новгородской. Такимъ образомъ, второе условіе, которое мы постоянно должны имѣть въ виду, это—сословная группировка общественныхъ силъ.

Чтобы не повторять всякій разъ при ознакомленіи съ отдѣльными памятниками, можно указать и третью общую черту, проходящую черезъ кіевскій періодъ литературы, какъ начальный: ее также можно условно отнести къ чертамъ принципіальнымъ: это—отношеніе къ народности, степень выраженія въ литературѣ народнаго міросозерцанія. Прежде всего нужно напомнить, что русское міросозерцаніе до начала письменности было не христіанское, а языческое; но оно было міросозерцаніемъ народнымъ. Міросозерцаніе книжной литературы было, наоборотъ, христіанское, не національное для насъ (или, если въ немъ были черты національныя, то принадлежали онѣ чужой народности—прежде всего греческо-византійской, и тѣмъ, которыя въ себя впитала
та греко-византійская). Такимъ образомъ, началомъ у насъ христіан-
ой литературы, основнымъ ея процессомъ, является выработка новаго
осозерцанія на двойной основѣ: языческо-народной и христіанской.
постепенная выработка проходитъ черезъ весь кіевскій періодъ и
тъ себѣ выраженіе прежде всего въ оригинальныхъ русскихъ
кахъ, какъ письменности, такъ и устной словесности. Постепен-
той выработки и измѣряется степень то національизаціи хри-
памятниковъ и понятій, то степень христіанизаціи народныхъ
мятниковъ устной литературы и народнаго міросозерцанія.
ій религіозный принципъ отличался въ отношеніи къ не-
міросозерцанію и его выраженію въ литературѣ полной
, именно: онъ чужого народнаго міросозерцанія совсѣмъ
Все, что не укладывалось въ рамки христіанства, какъ

его понимали византійцы, считалось отверженнымъ, «бѣсовскимъ». Всякое выраженіе дохристіанскихъ вѣрованій безусловно осуждалось и изгонялось, какъ діавольское, въ какомъ бы отношеніи по существу оно ни стояло къ христіанству. Подъ это понятіе—дьявольскаго, противоположнаго христіанству—подводилось, такимъ образомъ, и выраженіе народности. Это византійское міросозерцаніе было усвоено и нашимъ духовенствомъ и нашей литературой, по крайней мѣрѣ теоретически. Духовенство и руководимая имъ литература стали также относиться безусловно отрицательно ко всему дохристіанскому, ко всякимъ проявленіямъ старины и народности. Таково было сознательное отношеніе, стремленіе; но, съ другой стороны, безсознательно народность все же отражалась въ литературѣ и должна была отражаться: вѣдь, носителями литературы были русскіе, жившіе или живущіе въ значительной степени традиціоннымъ бытомъ, который сразу не могъ измѣниться по чужому шаблону. У грековъ по отношенію къ намъ принципъ народности былъ подмѣненъ принципомъ православія; у русскихъ этого случиться не могло въ силу свойствъ народности и низкаго уровня христіанскаго просвѣщенія: вопросъ о двоевѣріи не можетъ быть обойденъ изслѣдователемъ русской литературы.

Языкъ литературный. Рядомъ съ вопросомъ о національности стоитъ вопросъ о языкѣ литературы, какъ одномъ изъ главныхъ выразителей этой національности и въ литературѣ. Къ намъ, какъ извѣстно, пришелъ языкъ родственный старо-славянскій (болгарскій) въ качествѣ литературнаго. Вопросъ,—почему именно болгарскій (старославянскій) литературный языкъ сталъ и нашимъ литературнымъ языкомъ, и какимъ путемъ произошло это усвоеніе чужого (но не чуждаго) литературнаго языка,—вопросъ этотъ, важный для пониманія исторіи нашей литературы, нуждается въ освѣщеніи. Въ самомъ дѣлѣ: какъ объяснить то обстоятельство, что, если византійцы греки дали намъ христіанство, христіанскую культуру и литературу, они не дали намъ своего литературнаго языка? Если принять во вниманіе, что византійское христі[illegible]ство не считало для себя обязательнымъ, подобно западному, вво[illegible] съ христіанствомъ и свой языкъ у новокрещаемыхъ народовъ, [illegible] языкъ проводникомъ космополитичности церкви, въ то же время [illegible] противъ національзаціи церкви, мы все же не объяснимъ се[illegible] появленія болгарскаго языка у насъ въ качествѣ литерату[illegible] зантійцы могли допустить и даже способствовать зарожденію [illegible] литературы христіанской на языкѣ живомъ—русскомъ [illegible] насъ явился все таки языкъ болгарскій. Возможно объяс[illegible] Болгарія, раньше насъ ставшая христіанской, имѣла, бла[illegible] и Меѳодію, національную литературу, и X в. пережив[illegible]

расцвѣта (Симеоновская эпоха, «золотой» вѣкъ) и, какъ близко-родственная по языку, могла въ глазахъ Византіи играть роль, аналогичную литературѣ на живомъ славянскомъ же языкѣ, какъ и русско-славянская. Нашли же они возможнымъ говорящихъ на болгарскомъ языкѣ Кирилла и Меѳодія послать въ чехо-моравскую Паннонію. Но объясняя такъ, мы объяснимъ лишь путь и причину вліянія болгарской письменности на зарожденіе ея у насъ, но не объяснимъ, почему Византія избрала именно этотъ путь? Политическая программа Византіи (съ которой мы познакомились выше), общій характеръ отношеній Византіи къ Руси, какъ предмету эксплоатаціи страны въ интересахъ государственныхъ Византіи, враждебныя отношенія къ Болгаріи, изъ-за обладанія которой ведется Византіей какъ разъ въ это время жестокая борьба, наконецъ отсутствіе данныхъ для утвержденія въ Византіи такого «филологическаго» взгляда, о которомъ говорилось выше,— все это, взятое вмѣстѣ, дѣлаетъ и второе предположеніе сомнительнымъ, во всякомъ случаѣ, не объясняющимъ удовлетворительно историческій ходъ развитія у насъ литературы на языкѣ старо-славянскомъ, не объясняетъ цѣлаго ряда ея явленій. Иное болѣе близкое къ истинѣ объясненіе мы получимъ, если внимательнѣе присмотримся къ взаимнымъ отношеніямъ Руси къ Болгаріи, Византіи къ Болгаріи и Руси и отчасти даже отношеніямъ Руси къ христіанству западному [1]). Не входя въ подробности, въ данномъ случаѣ излишнія, мы должны представить себѣ дѣло такимъ образомъ. Христіанство распространялось на Руси, какъ мы знаемъ (см. выше, стр. 183), еще до крещенія Владимира, которому принадлежитъ заслуга въ возведеніи христіанства въ Россіи на степень государственной религіи. Мало того, христіанство не только было извѣстно, но ко времени Владимира пользуется свободой и признаніемъ (ср. договоры съ греками, гдѣ отдѣльно приноситъ клят- языческая часть княжей дружины, отдѣльно часть христіанская, ...ществованіе своей христіанской церкви Ильи, рядомъ съ языческими ...ами культа, христіанство Ольги); оно, слѣдовательно, до Вла... пользовалось уже распространеніемъ. Откуда шло это христіан... Владимира? Историческіе источники объ этомъ прямо не го... ...связывая самое начало христіанства съ Владимиромъ и, оче... мысль источниковъ надо понимать въ указанномъ выше ... начала государственной религіи. Греческіе источники или ...ихъ русскіе настойчиво проводятъ мысль о связи хри-

1) ...вѣтить эти отношенія съ точки зрѣнія церковно-политической дѣ... Приселкова. „Очерки по церковно-политич. исторіи Кіевской ...Спб. 1913), гдѣ есть любопытный матеріалъ, хотя косвенный, и ...съ вопроса.

стіанства съ усиліями грековъ, замалчивая предшествующую эпоху, а между тѣмъ побочные, отчасти указанные моменты говорятъ объ иномъ положеніи дѣла; самое принятіе христіанства Владиміромъ не можетъ считаться явленіемъ внезапнымъ (какъ оно рисуется позднѣе въ легендѣ), должно было имѣть прецеденты, и имѣло ихъ. Какъ явленіе не только религіознаго порядка, но и общекультурное, христіанство и на Руси, какъ и въ другихъ мѣстахъ, должно было быть результатомъ культурнаго воздѣйствія близкихъ и дальнихъ сосѣдей, въ культурномъ отношеніи опередившихъ Русь. И дѣйствительно, такія благопріятныя условія были въ IX—X в. для Руси налицо: сосѣдняя болѣе, чѣмъ Византія, близкая по географич. положенію, языку Болгарія, успѣвшая не только принять въ трудахъ Кирилла и Меѳодія восточное христіанство на живомъ языкѣ страны, но и развить уже христіанскую литературу и культурно подняться, эта Болгарія уже давно связана съ Русью культурно-политическими отношеніями (для примѣра припомнимъ тяготѣніе, хотя бы Святослава, къ Дунаю и Болгаріи); къ концу X в. Болгарія уже ведетъ борьбу съ Византіей, раньше очень успѣшную, теперь мало удачную. Черезъ западныхъ нашихъ сосѣдей, главнымъ образомъ черезъ Прикарпатье и Польшу, доходятъ до Руси отзвуки и западной культуры и, м. б., западнаго христіанства: та терпимость, которую обнаруживала Русь, уже христіанская, при Владимірѣ къ западу (на что намекаютъ разсказы, напр., о епископѣ Брунонѣ въ Кіевѣ), настойчивое стремленіе грековъ внушить и намъ необходимость отчужденія отъ иновѣрнаго Запада, о которой мы слышимъ чуть не съ первыхъ шаговъ византійскаго христіанства у насъ, все это говоритъ за давность этихъ отношеній къ Западу. Они, несомнѣнно, поддерживались и тѣмъ скандинаво-варяжскимъ вліяніемъ, которое шло главнымъ образомъ по великому водному пути.

Эти два наблюденія ведутъ къ тому, что мы поймемъ теперь правильно отношенія наши и къ Византіи—тѣ шероховатости, которым[illegible]
сопровождается у насъ водвореніе греческаго вліянія и іерархіи [illegible]
первые вѣка нашего христіанства (исторія Иларіона, Климента См[illegible]
тича): греки, ясно, наталкивались на противодѣйствіе не толь[illegible]
области политическаго обладанія, но и церковно-религіозной; [illegible]
тиводѣйствіи же язычества христіанству мы не слышимъ; л[illegible]
этому предположить, что какое-то иное, христіанское уже[illegible]
тормозило грекамъ достиженіе ими ихъ церковно-политиче[illegible]
новъ. Теченіе это должно быть признаннымъ идущимъ к[illegible]
за это говорятъ и болѣе раннія отношенія Руси къ Бо[illegible]
раннее появленіе у насъ христіанства и наличность б[illegible]
водной литературы въ такомъ обиліи къ моменту при[illegible]

наго христіанства при Владимірѣ; наконецъ на то же указываютъ враждебныя отношенія къ Византіи Болгаріи этого времени. Иначе сказать: добившись оффиціальной связи русской церкви съ Византійской, греки для фактическаго осуществленія этой связи (созданія русской митрополіи, зависящей отъ греческаго патріархата) должны были бороться съ христіанствомъ и его организаціей, идущими изъ Болгаріи. Исторія водворенія греческой іерархіи въ Россіи это и подтверждаетъ: только въ 1039 году удалось грекамъ нормировать въ желаемомъ духѣ, и то не безъ затрудненій впослѣдствіи (Климентъ Смолятичъ), эти отношенія; сношенія литературно-церковныя съ Болгаріей (въ частности съ Охридскимъ патріархомъ болгарскимъ—въ Македоніи) засвидѣтельствованы фактически. Согласны съ этимъ и показанія литературныя: мы знаемъ въ русской письменности переводные тексты, идущіе именно изъ Македоніи (каковы, напр., Толковый Псалтирь, изреченія Менандра и др.), знаемъ памятники, переписанные съ глаголицы, которая была обычнымъ письмомъ въ западной Болгаріи и Македоніи и не пользовалась распространеніемъ въ восточной Болгаріи, болѣе близкой географически къ намъ. Т. о. вліянію непосредственно византійскому предшествовало (до Владимира) вліяніе христіанское же, по болгарское (правда, несшее, но уже на народномъ языкѣ, тоже греческое). Оно то, какъ близко родственное по языку, давало намъ и первые письменные памятники и старо-славянскій литературный языкъ. И позднѣе это вліяніе болѣе культурной, нежели Русь, Болгаріи, и при наличности церковно-политическаго византійскаго вліянія въ области литературы, оставалось въ силѣ: число переводовъ прямо съ греческаго, сдѣланныхъ на Руси, не велико сравнительно съ пришедшими черезъ Болгарію, которая т. о. насъ пріобщила и къ литературному наслѣдію Кирилла и Меѳодія. Наличности этого юго-славянскаго вліянія мы [illegible]бязаны, повидимому, и умѣренностью нашихъ отношеній къ Западу: [illegible]го рѣзко отрицательнаго отношенія къ нему, которое старательно при[illegible]ала Византія, мы въ первые вѣка христіанства у насъ не видимъ. [illegible]ругой стороны, это западное вліяніе, какъ отличное по типу и отъ [illegible]кой (въ основѣ византійской же) культуры, поддерживаемой [illegible]нымъ вліяніемъ греческимъ, да и само по себѣ не сильное [illegible] отдаленности отъ очаговъ западной культуры, развиться не [illegible] наличности болгарскаго вліянія, почему къ концу Кіевскаго [illegible]вершенно замираетъ. Такимъ образомъ въ силу указанныхъ [illegible] силу большой близости нашего языка и болгарскаго въ [illegible] свободно могли пользоваться готовыми трудами южныхъ [illegible] тому же, ихъ языкъ сдѣлался у насъ литературнымъ [illegible] на немъ писали свои произведенія и русскіе авторы.

Въ то же время языкъ этотъ все же не былъ тождественнымъ съ языкомъ живымъ ни въ фонетикѣ, ни въ морфологіи [1]), такъ что нуженъ былъ все же извѣстный навыкъ въ усвоеніи и употребленіи этого литературнаго, для насъ условнаго языка, хотя это и не представляло для начитаннаго въ болгарскихъ книгахъ большихъ трудностей. Но все-таки перенять чужой, хотя и родственный, языкъ цѣликомъ было невозможно. Поэтому въ кіевской уже литературѣ наблюдается любопытный процессъ ассимиляціи языковъ: болгарскій языкъ измѣняется подъ вліяніемъ русскаго живого языка, принимаетъ фонетическія и морфологическія особенности русскаго языка; съ другой стороны, и самый русскій книжный, отчасти живой языкъ подпадаетъ подъ вліяніе болгарскаго языка, заимствуя изъ него многое, частью безсознательно, частью сознательно, частью формы, частью самыя слова, выражающія новыя для насъ понятія. Дѣло нужно въ общемъ представлять въ такомъ родѣ: славяно-болгарскій языкъ, на которомъ перешла къ намъ письменность, письменность прежде всего церковная, конечно, сталъ у насъ считаться языкомъ литературнымъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ съ нимъ соединилось представленіе, какъ о языкѣ церковномъ, богослужебномъ. Поэтому и оригинальныя русскія произведенія, которыя трактовали о тѣхъ же церковныхъ вопросахъ, вопросахъ религіозныхъ, писались на языкѣ, довольно близкомъ къ этому славяно-болгарскому языку. Другое дѣло, когда приходилось писать что-либо, къ церкви не имѣющее никакого отношенія, или имѣющее лишь косвенное отношеніе (напр., юридическій актъ, лѣтопись): тутъ выступалъ уже живой русскій языкъ съ бо́льшей силой. Можно даже предполагать, что въ такихъ случаяхъ употреблять «священный» церковный языкъ едва ли признавалось даже удобнымъ; къ тому же и кругъ идей, а стало быть, и ихъ обозначеніе (напр., русскіе традиціонные юридическіе термины, бытовыя, военныя понятія) были столь отличны отъ церковнаго, что и въ самой церковной пис[...]менности подходящій образецъ найти было едва ли возможно. Отс[...] мы можемъ вывести общее наблюденіе: чѣмъ памятникъ ближ[...] церкви, тѣмъ языкъ его ближе къ славяно-болгарскому, и наоб[...] чѣмъ памятникъ дальше отъ церкви, тѣмъ языкъ его болѣе [...] къ живому русскому языку. Если мы возьмемъ какую-либо [...] проповѣдь, съ одной стороны, напр., поученіе Кирилла Т[...] (XII в.), и, съ другой стороны, напр., договорную грамоту (...

[1]) Рядъ звуковъ, напр., носовые, отсутствовалъ въ русскомъ ж[...] давно; многія формы (напр., имперфектъ, аористъ) также отсутс[...] отсутствовали, вымирая и замѣняясь иными. Подробнѣе объ этомъ [...] ріи русскаго языка.

славову 1146 г.), то эта разница въ языкѣ станетъ намъ совершенно ясна: поученіе Кирилла Туровскаго написано на церковно-славянскомъ языкѣ, довольно далекомъ отъ русскаго живого языка (лишь изрѣдка попадаются руссизмы), тогда какъ Мстиславова грамота написана на чистомъ почти русскомъ языкѣ съ незначительнымъ налетомъ славянизмовъ. Этотъ процессъ оказывается характернымъ для всего древняго періода. Приведенный примѣръ даетъ два крайніе пункта различія: памятникъ церковный и бытовый житейскій. Въ другихъ случаяхъ, когда произведеніе само по характеру и отношенію къ «божественному» и «мірскому» занимаетъ не столь опредѣленное положеніе (напр., лѣтопись), и въ языкѣ (если такъ можно выразиться) пропорція церковно-славянскаго и живого русскаго элемента будетъ иная, т.-е. возможны различныя степени окраски литературнаго языка живымъ и обратно (рѣже). Если мы этотъ принципъ будемъ всегда принимать во вниманіе, то онъ объяснитъ намъ довольно многое не только въ кіевскомъ, но и въ слѣдующихъ періодахъ литературы.

VII. Оригинальная литература. Переходя теперь непосредственно къ обзору того, что создала русская литература за первыя столѣтія своего христіанскаго существованія, будемъ держаться тѣхъ же рубрикъ, которыя намѣчены были при обозрѣніи письменности переводной: это дастъ и больше наглядности и облегчитъ представленіе о взаимоотношеніи этихъ двухъ вѣтвей литературы—переводной и оригинальной.

Св. писаніе. Что касается священнаго писанія, то много здѣсь, конечно, сказать не придется. То, что было передано намъ отъ Кирилло-Меѳодіевской эпохи, что было переведено въ Болгаріи въ Симеоновскую эпоху, это все и составило основной фондъ, которымъ и продолжали [illegible]ользоваться на Руси довольно долгое время. О самостоятельной дѣ[illegible]льности въ этой области, конечно, не можетъ быть и рѣчи; что ка[illegible]тся переводовъ, то дѣло впередъ не шло очень долго. По крайней [illegible], только въ концѣ XV вѣка у насъ впервые появляется полный [illegible] священнаго писанія Ветхаго и Новаго Завѣта,—это такъ назы[illegible] Геннадіевская Библія (старѣйшій ея списокъ 1499 года въ [illegible]бл.). До этого времени приходилось довольствоваться и до[illegible]лись тѣмъ, что было завѣщано отъ Кирилло-Меѳодіевской [illegible] въ этомъ направленіи что-либо и дѣлалось, то это своди[illegible]вымъ переводамъ текстовъ св. писанія, а къ исправленію, [illegible]старѣвшихъ или искаженныхъ прежнихъ; но и этого [illegible]ть, даже въ незначительномъ объемѣ, прочно не мо[illegible]атирована до XIV вѣка.

Богослужебная литература. То же до нѣкоторой степени надо сказать и о литературѣ богослужебной; но здѣсь все же сама жизнь вызывала къ творчеству, хотя бы и подражающему готовымъ образцамъ. Появлялись у насъ свои русскіе святые, свои праздники, требовавшіе своего спеціальнаго богослужебнаго выраженія; поэтому мы и видимъ, что уже въ XI в. у насъ, по образцу византійскихъ, создаются службы, напр., новоявленнымъ мученикамъ Борису и Глѣбу, Николаю Чудотворцу по случаю перенесенія его мощей въ Италію и др.

Богословско-учительная лит. Что же касается другихъ произведеній церковно-богословской литературы, не переводной, то въ этотъ періодъ она также не могла быть особенно велика. Условія, при которыхъ развивалась древне-христіанская русская литература, должны были прежде всего породить въ значительномъ количествѣ литературу, во-первыхъ, поучительную, во-вторыхъ, полемическую. Литература поучительная требовалась для того, чтобы разъяснить новообращеннымъ и обращаемымъ истины христіанскаго вѣроученія, внѣдрять новое христіанское міропониманіе; литература полемическая необходима была для того, чтобы ограждать русскихъ отъ постороннихъ вліяній, искоренять остатки (конечно, первое время весьма крупные) прежняго, до-христіанскаго міросозерцанія. И та и другая были, слѣдовательно, насущною потребностью. Дѣйствительно, оба эти рода литературы и представлены довольно обильно въ древней Руси, но представлены они, главнымъ образомъ, литературой не оригинальной, а опять-таки переводной. Литература проповѣдническая, поучительная, была настолько многосторонне развита въ самой византійской литературѣ, что въ этомъ отношеніи трудно было оказаться самостоятельнымъ русскому проповѣднику, особенно если имѣть въ виду взглядъ на иновѣріе, прочно и опредѣленно установившійся въ Византі[illegible] (см. выше, стр. 280) и усердно прививаемый греками и намъ, а так[illegible] тотъ низкій уровень развитія русской массы, къ которой обращал[illegible] эта литература: истины, которыя нужно было внѣдрять недавно [illegible] щенному славянину, давно уже выдвинуты и разработаны въ л[illegible] турѣ старой по культурѣ Византіей, къ тому же опытной те[illegible] дѣлѣ миссіонерства. Поэтому и видимъ, что наша неперевод[illegible] тельная литература находится подъ сильнымъ вліяніемъ, чу[illegible] леніемъ византійской, составляя литературу, такъ сказат[illegible] стоятельную. Кромѣ того, чтобы составить самому поуч[illegible] бы разъясняло истины христіанской вѣры, нужно было [illegible] вательной богословской подготовкой, чего, конечно, у [illegible] духовенства первое время ожидать было трудно. Эта [illegible] полагаетъ уже наличность общаго образованія, долго[illegible]

ванія новаго міросозерцанія. Поэтому, конечно, эта литература и не могла получить особаго самостоятельнаго развитія, т.-е., лучше сказать, она развивалась скорѣе количественно, продолжая качественно оставаться все на той же ступени—ступени то большого, то меньшаго подражанія византійскимъ образцамъ. Представителями этой литературы должны были прежде всего быть тѣ лица, на которыхъ лежала офиціальная обязанность распространять христіанское ученіе, т.-е. прежде всего тѣ же греки, которые пріѣхали къ намъ въ качествѣ миссіонеровъ. Конечно, всѣ эти лица должны были чувствовать себя совершенно чуждыми русскому народу, и уже поэтому много оригинальнаго дать они не могли, и—самое большее—могли лишь приспособлять свою греческую (для насъ переводную) литературу къ условіямъ русской жизни. Эти общаго характера соображенія показываютъ, что мы, имѣя въ виду немногочисленность дошедшихъ до насъ отъ кіевскаго періода учительныхъ памятниковъ, не имѣемъ въ данномъ случаѣ права предполагать, что мы очень далеки отъ представленія о настоящемъ объемѣ древней учительной литературы, и что литература эта на дѣлѣ захватывала гораздо болѣе широко наше общество, чѣмъ это мы знаемъ теперь: этого быть не могло; можно быть увѣреннымъ, что наши знанія о древней поучительной литературѣ могли бы увеличиться, но только количественно, если бы, напр., было открыто еще много памятниковъ, а не качественно; въ этой литературѣ мы встрѣтимъ повтореніе темъ, уже извѣстныхъ изъ византійской литературы, большей частью знакомыхъ намъ по переводамъ и на Руси. Литература византійская проповѣдническая является въ нихъ лишь приспособленной къ условіямъ русской жизни, ея невысокаго уровня. Такого рода памятникомъ является, напр., цѣлый литературный переводный сборникъ—«Измарагдъ» [1]), содержащій въ себѣ массу различныхъ поученій, затѣмъ такой сборникъ, какъ «Златоструй», переведенный въ Симеоновскую эпоху. Къ числу такихъ сборниковъ относится и «Златая Цѣпь»—поученія на [illegible] Великаго поста — прототипъ нашего «Златоустника», и другіе по[illegible]ные сборники. Всѣ эти сборники — Измарагдъ, Златоструй, Златая [illegible] и другіе—оказались вполнѣ подходящими къ русской почвѣ и, [illegible] произведеній, носящихъ авторитетныя имена учителей христіан[illegible]кви, продолжали существовать въ обращеніи въ теченіе очень [illegible]емени. По образцу этихъ-то переводныхъ, вошедшихъ въ эти [illegible]поученіи возникали и поученія оригинальныя. Но при осо[illegible]ядѣ на личность автора, который господствовалъ въ древ-

[1]) [illegible]пеціальная монографія В. А. Яковлева: „Опытъ изслѣдованія [illegible]а, 1893 г.).

ности, не только большинство авторовъ такихъ поученій, смиренно скрывшихъ и просто не называвшихъ своего имени, осталось намъ совершенно неизвѣстными,—болѣе того: къ поученіямъ, особенно понравившимся читателямъ, придавалось какое-либо знаменитое имя, чаще всего Златоуста или Василія Великаго и др.; съ этимъ именемъ поученіе, получая больше довѣрія, вступало въ обращеніе [1]). Такія поученія обращаются вмѣстѣ съ подлинными, и только научная критика, и то не всегда, вскрываетъ ихъ принадлежность русскому автору и кіевскому періоду; таковы, напримѣръ, многочисленныя слова со стереотипнымъ заглавіемъ: «како жити христіанамъ»; въ числѣ ихъ, несомнѣнно, есть и переводныя, и передѣланныя изъ переводныхъ, и свои подражанія этимъ переводамъ.

Полемическія произведенія. Полемическая литература, повидимому, не достигла въ кіевскій періодъ такого хотя бы количественнаго развитія, какъ литература поучительная. Это доказываетъ, что въ ней не было и такой потребности. Объясняется это тѣмъ, что старымъ вѣрованіямъ не придавалось особенно большого значенія, а также и тѣмъ, что эти вѣрованія не всегда были хорошо извѣстны самимъ представителямъ нашей церкви. Язычество нашихъ предковъ не было организовано и не могло систематически бороться съ христіанствомъ. Во всякомъ случаѣ при распространеніи христіанства рѣзкой борьбы не было. Борьба была, конечно, но не настолько сильная, чтобы вызвать противъ язычества цѣлую литературу полемическихъ сочиненій. Языческое міропониманіе разъ навсегда во всемъ его объемѣ было осуждено, признано подлежащимъ полной замѣнѣ новымъ; насажденіе новыхъ воззрѣній, составлявшее цѣль поучительной литературы, подразумѣвало тѣмъ самымъ упраздненіе старыхъ, т.-е., учительная литература брала на себя въ значительной степени задачи и полемической противъ язычества. Однако, все же есть «Слова», направленныя противъ язычества; всего мы ихъ можемъ насчитать менѣе десяти. Бол шинство изъ нихъ извѣстно въ довольно древнихъ текстахъ. По язы и содержанію ихъ можно заключить, что они относятся къ самому нему періоду. Если мы присмотримся къ ихъ содержанію, то димъ, что даже въ нихъ основа—не оригинальная; это—типичн ческія «Слова», направленныя противъ греческаго язычества. противъ «еллинства» [1]), лишь слегка они приспособлены къ

---

[1]) Это перенесеніе чужого знаменитаго имени на анонимное пр тѣмъ легче, что это анонимное произведеніе было подражаніемъ, ин удачнымъ, тому или иному творенію знаменитаго, авторитетнаго п церкви.

[2]) Въ томъ широкомъ значеніи этого термина, какой ему при

русской жизни. Это приспособленіе сказывалось въ томъ, что рядомъ съ греческими божествами попадалось упоминаніе русскаго божества или какого-нибудь русскаго суевѣрія. Иногда дѣло ограничивается подставкой вмѣсто греческаго обычая и вѣрованія—русскаго, далеко не всегда по существу соотвѣтствующаго [1]). Въ общемъ подобныя «Слова» носятъ бытовой, не догматическій, часто прямо утилитарный характеръ. Эта послѣдняя черта—преслѣдованіе въ проповѣди чисто-практическихъ цѣлей—идетъ въ византійской проповѣди иногда (и довольно часто) до явно выраженной не общехристіанской, а чисто византійской, даже, такъ сказать, политической тенденціи. Эта черта стоитъ въ связи съ тѣмъ направленіемъ, какое принимаетъ въ Византіи самая христіанская мысль въ области миссіонерства; проповѣдь христіанства, особенно среди новыхъ народовъ, рука объ руку идетъ съ установленіемъ и политическаго вліянія, и даже зависимости отъ Византіи; связь церкви и государства эксплуатируется въ пользу политическихъ цѣлей Византіи. Поэтому Византія сообщила намъ опредѣленное отношеніе къ Западу, къ латинству. Раньше уже не однократно приходилось говорить, что ко времени начала нашей христіанской литературы уже окончательно успѣли опредѣлиться два типа христіанства, христіанство восточное и христіанство западное, и успѣло уже опредѣлиться враждебное отношеніе между этими двумя разновидностями христіанства. Это враждебное отношеніе доходило до того, что христіане-латиняне считали христіанъ восточныхъ, христіанъ-грековъ, едва ли не еретиками; папы проклинали ихъ, отлучали ихъ отъ церкви и т. д. Византійцы въ свою очередь не оставались въ долгу: смотрѣли на христіанъ западныхъ съ явнымъ пренебреженіемъ. Подобное же отношеніе установилось и у насъ на Руси, съ первыхъ же вѣковъ принятія христіанства, благодаря стремленіямъ нашихъ просвѣ-
ителей, стремившихся закрѣпить Русь за собой, оградить насъ отъ
...янія посторонняго, прежде всего своихъ религіозныхъ и политиче-
...ъ антагонистовъ: на «латинянъ» и у насъ стали смотрѣть, какъ
...оганыхъ». Благодаря этому, установились враждебныя отношенія
...ъ единоплеменнымъ съ нами народамъ, какъ, напримѣръ, къ

...христіанское (независимо отъ подробностей: магометанство, еврейство, ...нія, еретическія, античныя) и даже иногда все неправославное.

...ихъ „Словъ" издана въ „Лѣтописяхъ русской литературы и древности" ...ымъ. Полнѣе подборъ ихъ и вводная къ нимъ статья П. В. Влади-...аніи: „Памятники древне-русской церковно-учительской литературы" ...ика" подъ ред. А. И. Пономарева), вып. III (1897 г.), стр. 195 и сл. ... однако удачно выполненное, изслѣдованіе объ этихъ Словахъ и ... Аничкова „Язычество и древняя Русь" (Спб. 1914).

полякамъ, принявшимъ иной типъ христіанства—западный. Если въ древнее, кіевское время эти отношенія не поражаютъ такой рѣзкостью, какъ позднѣе, то во всякомъ случаѣ начало этого отчужденія можетъ быть отнесено къ этому времени. Объяснить это можно прежде всего безсознательнымъ чувствомъ разницы двухъ общекультурныхъ типовъ, выработанныхъ средневѣковьемъ, западнаго и восточнаго. Въ виду же значенія и роли церкви и церковно-богословской науки въ средніе вѣка, это различіе познавалось прежде всего, какъ разница религіозная; въ силу этого и Византія стремится внушить намъ недовѣрчивое, иногда прямо враждебное отношеніе къ западному христіанству; а въ виду силы этого послѣдняго не прочь даже, охраняя свое вліяніе, усилить тенденціозно эту разницу, ставя католичество ниже даже завѣдомо еретическихъ и даже языческихъ доктринъ.

Слѣды этого настроенія мы видимъ въ извѣстной легендѣ о принятіи крещенія княземъ Владиміромъ, въ тѣхъ частяхъ этой легенды, гдѣ идетъ рѣчь объ испытаніи вѣръ Владиміромъ, а также въ исповѣданіи вѣры, преподанной Владиміру послѣ его крещенія; есть также указанія на это и въ рѣчи Философа. Въ первомъ случаѣ, гдѣ изображается та хитрость, которой склонили на свою сторону греки пословъ Владиміра (великолѣпная служба, царскій пріемъ), уже видна тенденція, вложенная въ уста пословъ: «Придохомъ въ Нѣмцы (представители западнаго христіанства) и видѣхомъ въ храмѣхъ многи службы творяща, а красоты не видѣхомъ никоеяже». Не то—продолжаютъ послы—у грековъ: «мы не знали, на землѣ ли мы, или на небѣ». Во второмъ случаѣ это еще яснѣе, въ исповѣданіи вѣры преподано Владиміру: «да не прельстятъ тебя Нѣмци отъ еретикъ»; въ немъ же послѣ перечня семи вселенскихъ соборовъ прямо указано: «Не преимай же ученья отъ Латинъ, ихъже ученіе развращено»; далѣе перечень ихъ «раз-вращенныхъ» обычаевъ и вѣрованій, чему посвящена добрая полови[на] этого исповѣданія. Наконецъ въ рѣчи Философа читаемъ: «слышах[омъ] же и се, яко приходиша отъ Рима поучить васъ къ вѣрѣ своей, и[хъ] вѣра маломь съ нами развращена». Легенда, такимъ образомъ, [даетъ] понять, что просвѣтители наши позаботились не только о наш[емъ хри]стіанствѣ, но постарались предостеречь насъ и отъ христіанс[кихъ уче]нія своихъ враговъ; и враги эти были не только врагами ре[лигіозными,] но и политическими для Византіи. Конечно, если это н[е ...] претендующая на строгую фактичность, то, во всяком[ъ случаѣ] отразила дѣйствительное положеніе дѣла.

Слѣды той же тенденціи сохранились и въ нашей [...] только въ переводной съ греческаго, но и въ оригина[льной ...] переводной слѣдуетъ припомнить рядъ разнообразны[хъ ...]

насъ «Словъ» и «Поученій», направленныхъ противъ «латинянъ» [1]). Изъ числа не переводныхъ произведеній этого рода можно указать на поученіе противъ латинянъ, приписываемое Θеодосію Печерскому [2]). Въ переводныхъ «Поученіяхъ», «Словахъ» перечисляются обыкновенно «вины латинскія», т.-е. тѣ пункты, въ которыхъ формулированы уклоненія «латинянъ» отъ истинной православной вѣры. Въ Словѣ Θеодосія Печерскаго «О вѣрѣ христіанской и латинской» мы видимъ выборку изъ одного изъ такихъ греческихъ поученій: главное содержаніе слова Θеодосія—также перечень (въ старшей редакціи ихъ 18) «винъ латинскихъ». Несмотря на чисто-компилятивный характеръ Слова Θеодосія и ему подобныхъ (напр., Георгія митр.), эти сочиненія интересны для историка литературы, такъ какъ они позволяютъ судить о томъ умственномъ уровнѣ, на которомъ стояло русское общество (конечно, высшее, наиболѣе образованные его классы) того времени. На основаніи ихъ мы можемъ заключить, что этотъ уровень былъ очень невысокъ, такъ какъ рядомъ съ дѣйствительными догматическими различіями, которыя ставятся въ вину «латинянамъ», указываются обрядовыя отличія даже мелочныя, обѣ категоріи не различаются; напр., рядомъ съ догматомъ о происхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына (извѣстное—Filioque) говорится о томъ, что римляне мертвецовъ кладутъ на западъ ногами и руки подгибаютъ внизъ; рядомъ съ указаніемъ на запрещеніе католическимъ священникамъ вступать въ бракъ и на обыкновенныя послѣдствія этого запрещенія, т.-е. внѣбрачное сожительство, говорится о томъ, что латынянинъ напишетъ на землѣ крестъ и ему кланяется, а затѣмъ, ставши, попираетъ его ногами и т. п. Мы видимъ здѣсь, такимъ образомъ, типичное средневѣковое міросозерцаніе, проникнутое схоластикой, не различающее существеннаго отъ внѣшняго, идейнаго отъ формальнаго—результатъ отсутствія научно-критической мысли, преобладанія вниманія къ формѣ, какъ болѣе доступному, ...ъ содержаніемъ. Это является тѣмъ понятнѣе, если принять во вни... сравнительную новость христіанства въ Россіи XI в., невысокій ...нь общекультурнаго развитія даже передовой части общества. Все ...сомнѣнно, теперь же должно быть нами отмѣчено и учтено, ...ъ потомъ намъ не разъ придется считаться съ этой степенью ... христіанства въ Кіевскій періодъ и послѣдующій Московскій. ...ы можемъ видѣть то чисто-внѣшнее отношеніе къ христі... ...ниманіе его сущности, которое потомъ стало такъ харак-

[1]) ... и изслѣдованію посвящена спеціальная работа А. Н. Попова: ...кихъ сочиненій противъ латинянъ" (М. 1875 г.), и рецензія на нее ...ъ Отчетѣ о 19-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова.

[2]) ...ъ указ. соч. А. Н. Попова, стр. 69 и слѣд.

терно для русской богословской и вообще духовной литературы XV, XVI, XVII вв. Начало этому, несомнѣнно, лежитъ еще въ Кіевскомъ періодѣ. Но, конечно, это не лишаетъ подобныя произведенія ихъ значенія и интереса: мы имѣемъ въ нихъ передъ собой цѣнный бытовой матеріалъ, важный для пониманія эпохи и ея литературы. И сверхъ того, конечно, этимъ не исчерпывалось христіанское міропониманіе древней эпохи: въ другихъ областяхъ жизни мы видимъ иныя, не столь безотрадныя явленія.

Проповѣдь. Кромѣ того и изъ самой Византіи давалось и нѣчто другое, болѣе высокое, разсчитанное на болѣе высокій умственный уровень, если не массы, то хотя бы круга сравнительно образованныхъ лицъ. Если эти явленія могли получить еще меньшее вліяніе на русское общество древняго періода, когда такой кругъ не могъ быть очень великъ, то во всякомъ случаѣ въ болѣе позднее время, когда общество поднялось выше къ уровню лучшей части его Кіевскаго періода, они опредѣлили собой надолго развитіе нашей проповѣди. Такова та «ораторская» церковная литература, которая занимаетъ столь видное мѣсто въ исторіи мысли и литературы въ самой Византіи. Византійское ораторское искусство развилось быстро уже въ IV—V вѣкахъ на почвѣ древне-греческаго. Іоаннъ Златоустъ, Василій Великій, Григорій Богословъ и рядъ другихъ даровитыхъ ораторовъ, воспитанныхъ на художественной и научной литературѣ древняго міра, довели христіанское богословское ораторство до высокой степени обработки не только со стороны содержанія, но и стиля, формы. Однако, скоро это время живого расцвѣта византійскаго христіанскаго ораторства миновало, ослабѣвая по мѣрѣ ослабленія связей съ античныхъ міромъ, и впослѣдствіи, въ VIII, IX, X-мъ вѣкахъ, отъ Іоанна Златоуста и другихъ классиковъ христіанскаго ораторства унаслѣдована была, главнымъ образомъ, лишь форма. Въ VIII, IX, X вв. стали главнымъ образо[...] заботиться о стилѣ, широко разрабатывали внѣшнія средства ора[...] скаго искусства; о новости и значительности содержанія же забот[...] мало, превращая, такимъ образомъ, церковное поученіе въ ритори[...] болѣе или менѣе искусное упражненіе передъ слушателями, та[...] склонными болѣе увлекаться формой, нежели содержаніемъ, [...] ніемъ все болѣе и болѣе становившейся схоластическою шк[...] гавшей все рѣшительнѣе формальную сторону мысли, [...] формѣ. Это византійское ораторство періода его внутрен[...] внѣшняго блеска, главнымъ образомъ, и перешло в[...] IX—X в., а затѣмъ и къ намъ на Русь при нач[...] ратуры, въ видѣ почти многочисленныхъ переводныхъ [...] емистыхъ ихъ сборниковъ. Проповѣди ученика славя[...]

Климента славянскаго, почти всѣ носятъ на себѣ отличительныя черты господствовавшаго въ то время у греческихъ образованныхъ проповѣдниковъ торжественнаго рода, по внутреннимъ свойствамъ своимъ приближающаго ее къ типу церковныхъ пѣснопѣній. Проповѣди Константина Болгарскаго (X вѣкъ) относятся къ типу гомилій, или изъяснительной бесѣды, существенное содержаніе которой всегда составляетъ изъясненіе въ порядкѣ словъ и стиховъ какого-либо отрывка изъ св. Писанія. Отличительная черта проповѣди I-го рода—р и т о р с т в о; форма гомиліи въ это время была не въ модѣ [1]). Если въ оригиналѣ—въ Византіи—эта литература была бѣдна мыслью и не глубока по своему содержанію, то тѣмъ блѣднѣе она оказалась въ болгарскомъ и русскомъ подражаніи. Но здѣсь мы имѣемъ и положительныя стороны этого вліянія: если высоко развитая форма византійской проповѣди, соотвѣтствующая высокому развитію литературной византійской рѣчи, и была трудна для славянскаго и русскаго языковъ, какъ только что начавшихъ служить литературѣ книжной, то образцы эти способствуютъ, именно, выработкѣ этого литературнаго языка. А свѣжесть чувства, воспріимчивость молодой народности дѣлала то, что наиболѣе живые и жизненные элементы византійской рѣчи нашли у насъ живой, поэтичный подчасъ, откликъ въ рѣчи русскихъ витій.

Поэтому уже въ довольно раннее время мы имѣемъ нѣсколько перевоклассныхъ образцовъ ораторскаго искусства и на Руси. Прежде всего нужно упомянуть извѣстныя имена: Иларіона, Кирилла Туровскаго, Климента Смолятича, которые дали рядъ образцовъ чрезвычайно искусной поддѣлки подъ блестящій византійскій стиль церковнаго ораторства, но согрѣтыхъ живой, если и не глубокой богословской мыслью и проникнутыхъ искреннимъ чувствомъ [2]). Проповѣди и этихъ лицъ были, конечно, разсчитаны на небольшой кругъ общества, его наиболѣе под-

[1]) *Антоній* (Вадковскій). Изъ исторіи христіанской проповѣди, изд. 2 (Спб. 1896), 148, 163, 269).

Ср. у Антонія, у. с., стр. 305 и сл. Краснорѣчіе христіанское, по наслѣдству ичнаго, было 3-хъ родовъ: политическое, или совѣщательное (genus delibera- ржественное, или панегирическое (genus demonstrativum) и судебное (genus Въ проповѣдяхъ мы находимъ образцы всѣхъ трехъ родовъ: до V в. пре- ъ учительный, но съ V-го—торжественный. Оба рода почти одновременно Руси: представителями учительнаго рода были: Өеодосій Печ., Ники- рапіонъ, торжественнаго — Кириллъ Туровскій, Цамвлакъ.

щаетъ это несоотвѣтствіе *общему* уровню, основываясь на параллели ь, который „по характеру совершенно сходенъ съ Кирилломъ Ту- популярности К. Т. *впослѣдствіи* (а въ его время?). Мнѣніе, при- принадлежитъ Е. Е. Голубинскому и должно быть сочтено болѣе йствительности,

готовленный въ томъ же византійскомъ духѣ слой, назначались, естественно, для тѣхъ немногихъ, кто способенъ былъ понять и оцѣнить риторическія тонкости искуснаго византійца и его ученика. Этимъ и объясняется, почему церковная художественная проповѣдь не могла развиваться широко на русской почвѣ. Она была слишкомъ высока для общаго культурнаго уровня тогдашней Руси, чтобы разсчитывать на популярность, но позднѣе только съ расширеніемъ круга интеллигенціи она все же была оцѣнена по достоинству.

Если мы ближе присмотримся къ содержанію оригинальныхъ русскихъ ораторскихъ произведеній, то мы увидимъ, что проповѣди эти повторяютъ ходячія византійскія темы, излагая ихъ нѣсколько проще, нагляднѣе; онѣ касаются общихъ, подчасъ отвлеченныхъ, общехристіанскихъ вопросовъ, богаты паѳосомъ искренно вѣрующаго христіанина, но почти не касаются міросозерцанія массы, еще полной двоевѣрія и нуждающейся въ пониманіи самыхъ основныхъ простыхъ истинъ христіанства и въ проведеніи ихъ въ жизнь. Это—красивыя разсужденія, сопоставленія, которыя умѣстны только въ средѣ, которая прошла уже начальную стадію своего христіанскаго просвѣщенія, но для которой все же еще были полны свѣжести мысли, ставшія уже ходячими у грековъ. Въ результатѣ мы видимъ, что проведеніе въ жизнь христіанскихъ идей въ Кіевскомъ періодѣ принадлежало, главнымъ образомъ, литературѣ переводной другихъ видовъ; рѣже это была византійская проповѣдь, чаще же св. писаніе каноническое, церковное, апокрифическое, церковно-законодательный памятникъ, религіозная легенда въ видѣ житія и сказанія, часто апокрифическая, историческая повѣсть христіанскаго дидактическаго характера.

Въ то же время нельзя отрицать, что и сама жизнь, новая, христіанская, толкала на путь непосредственнаго водворенія новыхъ началъ, на путь проповѣди, поученія къ ново-просвѣщенной или же еще просвѣщаемой массѣ. И этимъ путемъ идетъ проповѣдь, но не та, представителя[illegible] которой являются витійствующіе ученики византійцевъ, а вырос[illegible] изъ непосредственнаго чувства вѣрующаго средняго человѣка, [illegible] близко стоящаго къ міропониманію массы, но уже охваченнаго [illegible] идеей, скорѣе со стороны непосредственной вѣры, чувства че[illegible] близко стоящаго къ жизни, реально къ ней относящагося. Это—[illegible] частью анонимная безыскусственная проповѣдь, прививающая [illegible] чатки вѣры, привычки христіанина, остерегающая его отъ [illegible] шенія подчасъ простѣйшихъ понятій христіанина и нехрис[illegible] отраженія въ жизни. Таковы упомянутыя «Слова, как[illegible] аномъ», таковы немногія поученія Ильи Новгородск[illegible] дяты, произведенія которыхъ наглядно показываютъ [illegible]

ный уровень, на которомъ стояла паства и рядовые проповѣдники Кіевскаго періода [1]).

Изъ числа писателей «византистовъ» хронологически первое мѣсто принадлежитъ митрополиту Иларіону (половины XI вѣка). Свѣдѣній о немъ и его жизни дошло очень мало. Извѣстно изъ лѣтописи, что онъ былъ «благъ и книженъ и постникъ», т.-е. ученый человѣкъ и суровый аскетъ; жилъ въ пещерѣ, въ которой, по преданію, потомъ поселился св. Антоній, положившій первое начало Кіево-Печерскому монастырю; затѣмъ извѣстно, что онъ былъ священникомъ въ княжескомъ селѣ Берестовѣ, и что его очень любилъ и уважалъ сынъ св. князя Владимира Ярославъ; наконецъ извѣстно, что первый изъ русскихъ онъ удостоился чести занять высокій постъ русскаго митрополита (1051 г.). Несомнѣнно, что появленіе такой личности, какъ блестящій ораторъ митрополитъ Иларіонъ, было фактомъ рѣдкимъ, экстраординарнымъ. Это особенно приходится подчеркивать. Онъ былъ, прежде всего, выдающейся талантливой личностью, несомнѣнно, начитанъ въ византійской бывшей у насъ переводной литературѣ. Быть можетъ, случайно пришлось ему найти и непосредственно ученыхъ грековъ-руководителей; это видно изъ того, что онъ проникся византійской словесной наукой, усвоилъ ея технику, проникся духомъ христіанства, конечно, въ томъ своеобразномъ пониманіи, которое было тогда въ Византіи. Несомнѣнно, что онъ былъ вполнѣ образованнымъ человѣкомъ для своего времени; несомнѣнно также, что онъ стоялъ не ниже по образованію средняго византійца своего времени. Въ этомъ убѣждаетъ насъ его «Слово о законѣ и благодати» [2]).

«Слово о законѣ и благодати» построено по типу панегириковъ и является высокимъ образцомъ краснорѣчія этого рода, такъ что оно можетъ быть для насъ вполнѣ надежнымъ показателемъ того, до какой степени совершенства могла уже въ XI вѣкѣ доходить русская литера-урная рѣчь въ рукахъ талантливаго ея представителя. «Слово о за-...тѣ и благодати», какъ и всякая византійская проповѣдь, полно сим-...въ и риторическихъ фигуръ. Подъ именемъ «закона» оно подра-...аетъ ветхій завѣтъ, іудейство, подъ именемъ «благодати»—новый ... христіанство. Вся рѣчь построена на противопоставленіи этихъ ... съ одной стороны—ветхій завѣтъ, съ другой стороны—но-

[1]) ...ижайшаго ознакомленія съ этой литературой можно указать на „Памят-...сской учительной литературы“, подъ ред. А. Пономарева, вып. 1 ...I (Спб. 1897). Здѣсь напечатаны (съ вводными статьями) почти ...оторыхъ идетъ рѣчь въ этомъ отдѣлѣ книги.

[2]) ...его и изложеніе у Порфирьева I, 366 и сл., характеристика стиля ...ого—у Голубинскаго, I, 841 и сл.; у Пономарева (см. предыдущее ...) I, стр. 50 и сл.

вый завѣтъ; съ одной стороны—«законъ», съ другой стороны—«благодать». Рядъ символовъ и олицетвореній знаменуютъ собой эти понятія и ихъ взаимоотношеніе: Агарь—іудейство, Сарра—христіанство; лунный свѣтъ—іудейство, солнечный—христіанство; та же пара—Манассія и Ефремъ, сыновья Іакова. Рядомъ съ противопоставленіемъ—параллелизмъ: Владимиръ св. и Константинъ Великій, княгиня Ольга—царица Елена и т. п. Такимъ образомъ, рѣчь идетъ о взаимоотношеніи іудейства и христіанства, при чемъ торжественно доказывается, разумѣется, преимущество послѣдняго надъ первымъ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что русскій ораторъ XI вѣка говоритъ на такую тему: она могла отчасти имѣть и реальную подкладку въ условіяхъ русской жизни XI вѣка. Нужно вспомнить, что представитель іудейства фигурируетъ въ числѣ лицъ, предлагавшихъ кн. Владимиру свою вѣру въ извѣстной легендѣ объ испытаніи вѣръ Владимиромъ. Несомнѣно, что соприкосновеніе съ іудействомъ было возможно во времена кіевскаго періода; какъ извѣстно, не задолго передъ тѣмъ хозары приняли іудейство, а хозары всегда вели оживленныя сношенія съ русскими славянами. Мы знаемъ, что и въ самомъ Кіевѣ жило не мало евреевъ. Вспомнимъ, что Ѳеодосій Печерскій не разъ вступалъ съ ними въ споръ о вѣрѣ, какъ разсказываетъ его житіе. Но возможно въ выборѣ темы видѣть и отраженіе вліянія Византіи, одной изъ ходячихъ темъ, циркулировавшихъ здѣсь въ теченіе ряда вѣковъ: старый врагъ христіанства оставилъ по себѣ память въ видѣ привычной литературной формы. Содержаніе и тонъ «Слова о законѣ и благодати» заставляетъ насъ предпочесть второе предположеніе, а именно, что «Слово о законѣ и благодати» митрополита Иларіона не было вызвано прямой необходимостью защищать христіанство передъ іудействомъ; мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ обличительной рѣчью, не съ апологіей христіанства (что, несомнѣнно, должно бы быть, если бы слово Иларіона было вызвано реальной потребностью борьбы), а съ красивымъ риторическимъ разсужденіемъ, въ которомъ взаимоотношеніе между іудействомъ и христіанствомъ, превосходство послѣдняго надъ первымъ является лишь матеріал[illegible] которымъ ораторъ искусно пользуется въ качествѣ введенія, [illegible] части, exordium'а, для основной темы его панегирика — похвал[illegible] стителю Руси, князю Владимиру. «Слово» Иларіона, какъ по[illegible] византійскимъ рѣчамъ, воспользовалось и въ этомъ случа[illegible] скими же образцами; въ самой Византіи вопросъ объ іудейс[illegible] живой въ эпоху активнаго спора двухъ религій, былъ д[illegible] поконченъ и не могъ возбудить какихъ-либо горячи[illegible] X—XI вѣкахъ [1]).

[1]) Помня старое противоположеніе между христіанствомъ и[illegible]

Важное по темѣ, красивое по формѣ, богатое по картиннымъ деталямъ противоположеніе іудейства христіанству являлось весьма цѣннымъ въ глазахъ ритора, привыкшаго уснащать свою рѣчь символами и сравненіями. Въ лучшемъ случаѣ подобная тема была лишнимъ случаемъ напомнить слушателямъ о томъ же христіанствѣ и его цѣнности. Серьезнаго основанія, житейскаго, жизненнаго, не имѣло и въ Россіи іудейство: частные случаи, въ родѣ приведенныхъ выше, оставались частными на общемъ фонѣ направленія жизни, которая уже идетъ у насъ прочно по пути христіанства, хотя и медленно. Какъ настоящій ученикъ византійцевъ, Иларіонъ стоитъ на той же точкѣ зрѣнія: ему это сопоставленіе нужно, какъ переходъ къ другому, на этотъ разъ уже имѣвшему реальную подкладку, параллелизму: Руси языческой и Руси христіанской, крещенной княземъ Владиміромъ. Иларіонъ рисуетъ картину іудейства и рядомъ — картину христіанства, чтобы подготовить слушателей къ новой картинѣ христіанства на Руси, смѣнившаго язычество. Сопоставляя ихъ, онъ даетъ цѣлый рядъ эффектныхъ образовъ; ораторъ прежде всего желаетъ подѣйствовать на воображеніе, на чувства слушателей. Стало быть, передъ нами прежде всего не догматическо-богословское произведеніе, разъясняющее тему о превосходствѣ христіанства надъ всѣми другими вѣрами, а произведеніе «лирическое», художественное на религіозную тему. Всѣ характерные пріемы византійской ораторской рѣчи находятъ себѣ примѣненіе въ «Словѣ» Иларіона: мы видимъ рядъ символовъ, пріемы антитезы, проведенные весьма настойчиво, параллелизмъ (см. выше), видимъ постоянныя обращенія къ слушателямъ, къ герою рѣчи (кн. Владиміру), постоянное желаніе дѣйствовать на воображеніе и на чувства слушателей (молитва отъ лица просвѣщенной свѣтомъ крещенія Руси къ Богу и т. д.),—однимъ словомъ, всѣ тѣ же пріемы, которые такъ знакомы намъ изъ византійскихъ образцовъ. Но если въ произведеніи Иларіона мы и имѣемъ образецъ подражанія византійскимъ образцамъ, ... подражаніе это не является рабскимъ, чисто внѣшнимъ, а свобод... самостоятельнымъ творчествомъ въ рамкахъ извѣстнаго образца: ... обладаетъ искреннимъ чувствомъ, увлеченіемъ темой, и какъ ...ся въ эти византійскіе пріемы творчества, отливаетъ свое чув... усвоенныя имъ формы, вполнѣ считая ихъ своимъ способомъ

...е любилъ облекать въ форму борьбы съ еврействомъ свою борьбу съ ...емъ свидѣтельствуютъ многочисленные трактаты подъ заглавіемъ ...ъ", отчасти перенесенные и въ нашу литературу. Обвинять, напр., ...клонности къ еврейскимъ вѣрованіямъ и обычаямъ (напр., отно... ...ѣсноковъ)—одинъ изъ обычныхъ пунктовъ византійской полемики

выраженія. Принимая во вниманіе весь внѣшній блескъ рѣчи и старательность отдѣлки «Слова» Иларіона, мы должны заключить, что оно было произнесено передъ отборной публикой, которая была способна понимать и оцѣнить подобныя литературно-художественныя красоты: это была, по словамъ Е. Е. Голубинскаго, не проповѣдь, не поученіе, а академическая торжественная рѣчь по случаю торжественнаго (но намъ неизвѣстнаго) событія, сказанная передъ княземъ и «лучшими» людьми Кіева. «Слово о законѣ и благодати» заканчивается похвалою кагану [1]) Владиміру и молитвой къ нему, которыя и составляютъ основную тему Слова. Это—сильный патетическій заключительный аккордъ, обличающій въ Иларіонѣ дѣйствительно незаурядный литературный и ораторскій талантъ.

Съ именемъ того же Иларіона (хотя едва ли ему принадлежитъ) связывается и другое произведеніе: «Изложеніе» или «Исповѣданіе вѣры», компиляція на основаніи греческаго исповѣданія Михаила Синкелла и патріарха Ѳомы: это (если оно принадлежитъ Иларіону), вѣроятно, то исповѣданіе вѣры, которое читаетъ посвящаемый въ епископы передъ поставленіемъ. Оно показываетъ, что и въ смыслѣ догматическаго образованія Иларіонъ стоитъ на современномъ уровнѣ византійскаго богослова. Третье Слово, приписываемое преданіемъ Иларіону—«О пользѣ душевной»—ему не принадлежитъ. Ему же не принадлежитъ иногда приписываемое ему «Слово къ столпнику брату».

Къ Иларіону по характеру литературныхъ пріемовъ и отчасти содержанію примыкаютъ два писателя XII вѣка: это—К л и м е н т ъ С м о л я т и ч ъ и Кириллъ Туровскій.

Что касается Климента (или Клима) Смолятича [2]), то онъ такъ же, какъ и Иларіонъ, былъ митрополитомъ кіевскимъ и русскимъ по происхожденію. Лѣтопись отмѣчаетъ его не совсѣмъ обыкновенную судьбу и выдающуюся начитанность. Поскольку относительно занятія каѳедры Иларіономъ совершенно неизвѣстно какихъ-либо враждебныхъ проявл... ній къ нему со стороны грековъ (хотя, правда, мы ихъ можемъ все-т... предполагать) [3]), постольку все пребываніе Климента Смолятича н...

---

[1]) Тюркизмъ, вм. князю,—результатъ сосѣдства съ степняками и хозар...

[2]) О немъ см. Н. К. Н и к о л ь с к а г о „О литературныхъ трудахъ... Смолятича“ (Спб. 1892) и Е. Е. Г о л у б и н с к а г о „Исторія церкви“, ...

[3]) См. остроумную статейку М. П р и с е л к о в а „Иларіонъ—въ сх... какъ борецъ за независимую русскую церковь“ въ Сборникѣ въ чест... нова (Спб. 1911), стр. 195 и сл. Въ болѣе полномъ видѣ съ любопы... „Слова“ съ точки зрѣнія современныхъ отношеній церковныхъ с... П р и с е л к о в а „Очерки по церковно-политической исторіи кіевск... Спб. 1913. Здѣсь же и гипотеза относительно ближайшаго по... „Слова“, именно о Владимирѣ, крестителѣ Руси.

трополичьей каѳедрѣ было борьбой съ этимъ враждебнымъ отношеніемъ къ нему не только грековъ, но и русскихъ сторонниковъ ихъ. Греки ревниво оберегали свое право назначать митрополита на Руси и проводили, разумѣется, грека, представителя власти, интересовъ (въ томъ числѣ и матеріальныхъ) патріархіи. Русскіе же желали имѣть своего человѣка на такомъ отвѣтственномъ посту, какъ митрополичья каѳедра. На этой почвѣ и возникли препирательства. Такъ было и съ Климентомъ. Когда изъ Греціи долго не присылали новаго митрополита, а выбраннаго на Руси и русскаго не утверждали, то соборъ русскихъ епископовъ рѣшилъ своей властью поставить своего кандидата митрополитомъ. Русскіе епископы сознавали свое право (оно было признано и канонами) выбирать митрополита; но чтобы выбранный сталъ законнымъ митрополитомъ, нужно было получить благословеніе, т.-е. утвержденіе константинопольскаго патріарха. Когда па Руси былъ избранъ свой митрополитъ безъ воли константинопольскаго патріарха, то русскіе епископы нашли другое средство узаконить свое избраніе: Климентъ Смолятичъ былъ утвержденъ въ санѣ митрополита «главою святого Климента» [1]). Такимъ образомъ былъ поставленъ Климентъ Смолятичъ (около 1145 г.). Константинопольскій патріархъ, конечно, этого поставленія не призналъ. Нѣкоторые русскіе епископы (въ томъ числѣ извѣстный Нифонтъ новгородскій, если только онъ не былъ грекъ) согласились съ константинопольскимъ патріархомъ и тоже отказались признать поставленіе Климента Смолятича правильнымъ, а его—своимъ главой. Въ концѣ-концовъ, Клименту пришлось оставить каѳедру, когда умеръ Изяславъ вел. кн., его покровитель. Вскорѣ послѣ этого онъ умеръ. Хотя лѣтопись и знаетъ Климента, какъ незауряднаго по образованію человѣка и писателя, однако, до недавняго времени не было извѣстно ни одного его произведенія, такого, которое принадлежало бы ему безъ сомнѣнія. Встрѣчающіеся въ рукописяхъ «Слово о любви Климово», «Слово въ субботу сыропустную» едва ли принадлежатъ Клименту Смолятичу. Въ 1892 г. было Хрис. Меѳ. Лопаревымъ найдено «По...іе, написанное Климентомъ, митрополитомъ русскимъ, Ѳомѣ пре...у, истолковано Аѳанасіемъ мнихомъ» [2]). По другой рукописи

[1]) Владимиръ, по лѣтописи, принесъ ее изъ Корсуни, когда передъ креще... этотъ городъ. Русскіе архіереи, по лѣтописи, поступили, „якоже и Грепи ... св. Іоанна“, т.-е.: церковно-каноническій актъ былъ подмѣненъ внѣшнимъ ... всякомъ случаѣ актомъ иного порядка: опять—образецъ некритич...го мышленія нашего средневѣковья. Это благословеніе мощами, по ... епископовъ, было равнозначащимъ благословенію константинополь-

[2]) ...Древней Письменности“, вып. XC: „Посланіе митрополита Кли... пресвитеру Ѳомѣ. Сообщеніе Хрис. Лопарева“. (Спб. 1892).

въ томъ же году оно издано съ подробнымъ изслѣдованіемъ и Н. К. Никольскимъ (см. выше стр. 298 примѣч. 2). Какъ можно заключить уже изъ заглавія, и это произведеніе Климента дошло до насъ не въ первоначальномъ своемъ видѣ, а уже съ добавленіями толкованій какого-то монаха Аѳанасія, который могъ даже взять изъ посланія лишь то, что нуждалось въ комментаріи, могъ слить въ одно и свое, и Климентово; такимъ образомъ, только научная критика можетъ выдѣлить то, что было въ подлинномъ трудѣ Климента, притомъ не ручаясь за полноту результатовъ этого труда [1]).

Возникновеніе этого «Посланія», насколько можно заключить по составу дошедшаго до насъ его текста, приблизительно таково: смоленскій князь Ростиславъ Мстиславичъ, братъ Изяслава (который и провелъ Климента въ митрополиты), враждебно отнесся къ Клименту, какъ незаконно поставленному; Климентъ, желая оправдаться передъ княземъ Ростиславомъ, пишетъ ему посланіе (это посланіе до насъ не дошло), въ которомъ задѣлъ и м. б. обидѣлъ чѣмъ-либо какого-то священника Ѳому, близкаго человѣка къ князю Ростиславу. Обиженный Ѳома написалъ князю посланіе (оно также не дошло), гдѣ въ свою очередь укоряетъ митрополита; это посланіе Ѳомы стало извѣстно (м. б. при помощи кн. Ростислава) Клименту. Отражая нападки и упреки Ѳомы, Климентъ пишетъ Ѳомѣ посланіе: это-то посланіе, отвѣтное Ѳомѣ, и сохранилось въ рукописяхъ съ толкованіемъ какого-то монаха Аѳанасія. Ѳома, какъ можно судить по посланію Климента, упрекаетъ митрополита въ тщеславіи, а также въ пристрастіи къ «эллинской» мудрости въ ущербъ отеческимъ писаніямъ. Въ отвѣтъ на это Климентъ пишетъ свое посланіе, гдѣ указываетъ на неправильность и голословность обвиненій, возводимыхъ Ѳомой. Интересно, что Ѳома въ своемъ посланіи обвинялъ митрополита въ увлеченіи философіей, при чемъ называетъ имена Гомера, Аристотеля и Платона, которыхъ, якобы, цитируетъ Климентъ въ своемъ посланіи къ князю, что дало возможность первом
издателю «Посланія» сдѣлать предположеніе о существованіи у н
настоящаго греческаго просвѣщенія, знакомства съ подлинной кл
ческой древностью, однимъ изъ представителей котораго и был
мнѣнію Х. М. Лопарева, Климентъ Смолятичъ въ XII в. Но та
водъ долженъ быть признанъ большимъ преувеличеніемъ, д
признать Климента, согласно съ лѣтописью, и «философомъ»,
щимся книжникомъ. Подробный анализъ «Посланія» въ связи
явленіями литературы кіевскаго періода сдѣланъ былъ Н
скимъ и привелъ къ инымъ выводамъ. Результаты раб

[1]) Эта работа продѣлана въ указанномъ трудѣ Н. К. Нико

кольскаго сводятся къ слѣдующему представленію о литературной дѣятельности Климента. Хотя изъ «многихъ писаній» Климента (о чемъ говоритъ лѣтопись) до настоящаго времени сохранилось очень немного, и то въ обработкѣ другого лица, но и по этимъ остаткамъ можно предполагать, что Климентъ былъ однимъ изъ просвѣщенныхъ лицъ XII в.: «книжникъ», по выраженію лѣтописи, знакомый съ мыслями классическихъ писателей (вѣроятно, не непосредственно, а чрезъ выборки, распространенныя въ Византіи и отъ нея у насъ, напр., въ сборникахъ изреченій, цитатахъ, въ другихъ произведеніяхъ переводныхъ), начитанный въ церковной богословской письменности, Климентъ занимался съ интересомъ библейской экзегетикой; какъ толкователь, онъ оригиналенъ не былъ, потому что, какъ представитель средневѣковой науки, считалъ себя обязаннымъ слѣдовать возможно усерднѣе авторитетнымъ святоотеческимъ преданіямъ. Главными его источниками были толкованія Θеодорита Киррскаго, бывшія уже въ значительномъ количествѣ въ переводахъ на славянскій (каковы, напр., вопросоотвѣты въ такъ называемомъ Изборникѣ XIII в., упомянутомъ выше, стр. 230), а также Никиты Ираклійскаго. При всемъ слѣдованіи своимъ источникамъ у Климента есть стремленіе къ своему пониманію св. книгъ, желаніе «по тонку» (до возможной точности) пытливо добраться до смысла читаемаго. Какъ писательскую манеру Климента, слѣдуетъ отмѣтить рядомъ съ буквалистическимъ методомъ, типичнымъ для этого времени, склонность къ прообразамъ, «приточному», образному (отчасти символическому) способу объясненія св. писанія, особенно ветхаго завѣта—черта, которая роднитъ его, съ одной стороны, съ византійской современной школой экзегетовъ, съ другой—съ его предшественникомъ Иларіономъ митр. и жившимъ позднѣе его Кирилломъ Туровскимъ. Такимъ образомъ, въ лицѣ Климента мы имѣемъ еще одного представителя школы византійски-образованныхъ дѣятелей на Руси XI—XIII вв. (Иларіонъ, Климентъ, Кириллъ Туровскій), культивировавшихъ эту писательскую манеру. Въ ...слѣ талантливости Климентъ, повидимому, уступалъ и Иларіону и ...иллу, хотя судить объ этомъ положительно и трудно: слишкомъ мало ...сь намъ отъ его писаній. Можно отмѣтить еще слѣдъ его дѣятель... какъ человѣка, интересовавшагося богословско-каноническими ...и: въ «Вопрошаніяхъ Кирика» (о нихъ ниже) въ числѣ даю... ...ты по недоумѣннымъ вопросамъ видимъ и Клима [1]); почти ...жно сказать, подъ нимъ подразумѣвается нашъ Климентъ ...то не противорѣчитъ нашему представленію о немъ, какъ ... «книжникѣ», получаемому изъ лѣтописи и изъ его по... ...сохраненнаго въ отрывкахъ мнихомъ Аθанасіемъ.

[1]) ...по изд. въ Русск. Ист. библ., VI (стр. 31).

Дальнѣйшее развитіе нашей проповѣднической и экзегетической литературы представляетъ, какъ было сказано, Кириллъ Туровскій. Кириллъ, епископъ Туровскій, жившій во второй половинѣ XII-го вѣка (онъ современникъ князя Андрея Боголюбскаго) представляетъ крупное явленіе въ нашей древней Руси. Кромѣ того, на его долю выпало исключительное счастье, именно: отъ него дошло сравнительно довольно много произведеній; онъ очень рано уже пользуется славой выдающагося писателя; память о немъ держится прочно у потомства, возводящаго его даже на ступень «русскаго Златуста»; есть даже отдѣльное, хотя и краткое, сказаніе о немъ въ Прологѣ, какъ о святомъ. Кириллъ Туровскій представляется намъ болѣе всего типичнымъ «византійскимъ» проповѣдникомъ въ древнемъ періодѣ русской литературы. Въ его произведеніяхъ передъ нами—расцвѣтъ этого литературнаго стиля; съ другой стороны, въ его произведеніяхъ для насъ уже ясно намѣчаются тѣ черты, которыя обусловили дальнѣйшую судьбу нашей проповѣднической литературы, все болѣе и болѣе отходившие отъ реальныхъ потребностей жизни. Количество произведеній Кирилла Туровскаго намъ извѣстныхъ, какъ сейчасъ было сказано, довольно значительно [1]. Но при этомъ нужно указать на то, что до сихъ поръ еще безусловно точно не установленъ объемъ его литературной дѣятельности: рядомъ съ несомнѣнно ему принадлежащими произведеніями, съ его именемъ, какъ популярнаго писателя, ходятъ и произведенія, ему едва ли принадлежащія. Во всякомъ случаѣ, даже на основаніи несомнѣнныхъ его произведеній, приходится заключить, что онъ былъ очень плодовитымъ писателемъ и написалъ гораздо больше того, что до насъ дошло. Краткое житіе его, которое находится въ позднихъ (XVI—XVII вв.) спискахъ Пролога [2], прямо называетъ его плодовитымъ писателемъ: «Андрею же Боголюбскому князю многа посланія написа отъ евангельскихъ и пророческихъ писаній, яже суть чтоми на праздники господскія [3]. И ина многа душеполезна словеса, яже къ Б

[1] Изданія сочиненій Кирилла Туровскаго: 1) К. Калайдовича. Пам российской словесности XII в. М. 1821, стр. 1—152. 2) М. И. Сухомл Рукописи гр. А. Уварова, II, 1. Спб. 1858 г., съ обстоятельнымъ введ Творенія св. отца нашего Кирилла, еп. Туровскаго, съ предварительным исторіи Турова и Туровской епархіи до XIII в. Изд. Евгенія, еп. Ми ровскаго, Кіевъ 1880. Поученія переведены на современный русскій я Пономаревъ. Пам. (см. выше), II, 89 и сл.

[2] Житіе Кирилла Туровскаго (память его 28 апрѣля) издано у М ук. соч., стр. 1—2.

[3] Дѣйствительно, въ „Златоустникѣ“ (гдѣ помѣщаются поуче праздничные дни Великаго поста) чаще всего и находимъ сло въ „Торжественникѣ“ (собраніе словъ на господскіе и богород

молитвы и *похвалы* многимъ; ина *множайшая* написавъ церкви предасть».

Что касается біографіи Кирилла Туровскаго, то въ краткихъ словахъ она слѣдующая: Кириллъ былъ уроженцемъ города Турова (въ теперешней Минской губерніи) и происходилъ изъ зажиточной семьи; въ дѣтствѣ ему удалось получить сравнительно хорошее образованіе. Послѣ полученія образованія, Кириллъ, жаждавшій подвиговъ, удалился въ монастырь, гдѣ вскорѣ сталъ извѣстенъ своимъ учительствомъ. Но, не довольствуясь обычной монашеской жизнью, онъ рѣшился на болѣе суровый, аскетическій подвигъ, именно, затворился въ «столпѣ». Затѣмъ Кириллу пришлось выйти изъ своего аскетическаго уединенія и занять епископскую каѳедру по просьбѣ жителей Турова и князя. И здѣсь онъ показалъ себя энергичнымъ дѣятелемъ; такъ, онъ принялъ живое участіе въ борьбѣ противъ ереси Ѳедорца (еп. Ѳеодора) о субботнемъ постѣ, былъ въ перепискѣ съ Андреемъ Боголюбскимъ. Какъ видный дѣятель, близкій къ князю, жилъ, кажется, въ Кіевѣ и оттуда управлялъ своей епархіей (предположеніе Е. Е. Голубинскаго), вращаясь т. о. среди «лучшихъ» людей.

Изъ цѣлаго ряда писаній Кирилла Туровскаго, существованіе коихъ предполагаетъ его житіе, до насъ съ его именемъ, или, несомнѣнно ему принадлежащихъ, дошло сравнительно немного, но все-таки настолько много, что судить о писательской манерѣ, о складѣ мыслей, направленіи Кирилла Туровскаго мы можемъ, именно: 13 поученій и посланій; изъ нихъ 8 пріурочены къ воскреснымъ днямъ тріоди цвѣтной (т.-е. съ недѣли цвѣтоносной, передъ Пасхой, и кончая недѣлей св. отецъ передъ Пятидесятницей); м. б., между прочимъ, эти слова имѣетъ въ виду житіе, говоря о писаніяхъ на «господскіе праздники». Затѣмъ мы имѣемъ 5 поученій и притчей, въ томъ числѣ—два къ архимандриту Василію (намъ ближе неизвѣстному, кажется, печерскому) о онашествѣ, затѣмъ—о душѣ человѣческой, будущемъ судѣ (это м. б. шеполезна словеса» житія). Наконецъ, имѣемъ девять «молитвосло- молитвы на каждый день недѣли, канонъ молебный, исповѣданіе, о, что упоминаетъ житіе. М. б., ему же принадлежатъ «Слово 5-ю по Пасхѣ» и еще два отрывка. Такимъ образомъ, едва ли сатель древней Руси такъ обильно представленъ для насъ; что Житіе было право, считая его плодовитымъ писателемъ. Кирилла Туровскаго представляютъ по формѣ большей хему. Это—изложеніе событія праздника, которому посвя- провождаемое толкованіемъ или, скорѣе, изображеніемъ я возбуждаетъ въ авторѣ та или другая подробность бытія. При этомъ Кириллъ не довольствуется часто

точнымъ разсказомъ евангельскаго текста, а драматизируетъ его, влагая въ уста дѣйствующихъ лицъ сочиненныя имъ рѣчи; самое изложеніе—это типичная византійская рѣчь съ ея витіеватыми прикрасами, параллелизмами, уподобленіями, поэтическими образами и блестящей реторикой. Съ этой стороны, «Слова» Кирилла—блестящія, первоклассныя произведенія въ византійскомъ духѣ. Но это не только искусное подражаніе своимъ образцамъ: въ «Словахъ» Кирилла, какъ и у Иларіона, много искренняго воодушевленія предметомъ своей рѣчи, доходящаго иногда до истинной поэзіи. Въ то же время видимъ, что, увлеченный красотой формы, красотой изображаемаго событія, Кириллъ отодвигаетъ на второй планъ ближайшую цѣль проповѣди, особенно цѣнную въ эпоху, когда ему пришлось дѣйствовать, именно—цѣль учить людей истинамъ молодой въ Россіи христіанской вѣры, возбуждать людей глубже проводить въ свою жизнь христіанскія начала; иногда въ поученіяхъ онъ доходитъ до полнаго отсутствія ученія и назиданія: мы видимъ красивую риторику, искренніе лирическіе порывы автора, панегирикъ, исторію событія—и только. Онъ—ораторъ, риторъ болѣе, нежели проповѣдникъ. Конечно, винить Кирилла въ этомъ нельзя, такъ какъ онъ представляетъ въ своей дѣятельности лишь то, что сдѣлали изъ него его учителя-греки: такова, вѣдь, именно и была греческая проповѣдь того времени. Какъ эта послѣдняя по своимъ качествамъ и формѣ разсчитана была на болѣе образованный кругъ греческаго общества, воспитанный на тѣхъ же вкусахъ и средствахъ, что и самъ проповѣдникъ-ораторъ, такъ и «Слова» Кирилла Туровскаго еще въ большей степени не могли имѣть въ виду широкія массы Руси; кругъ лицъ, которымъ доступна была блестящая рѣчь Кирилла, которыя могли бы оцѣнить его, былъ еще уже: та специфическая византійская образованность, которая создала Кирилла, была удѣломъ очень и очень немногихъ: князей (и то далеко не всѣхъ), членовъ старшей дружины, княжескихъ придворныхъ лицъ, духовенства (и то, вѣроятно, въ крупны[...] центрахъ только). Они-то и создали славу Кириллу въ потомствѣ: [...] съ XIII вѣка его поученія списываются усердно, и списки ихъ т[...] вплоть до XVII вѣка, заносимые въ такіе почетные сборники[...] «Златоустъ», наравнѣ съ великими учителями византійской [...] его учителями.

Такимъ образомъ, по этимъ тремъ именамъ, на которыхъ [...] новились, мы можемъ судить о томъ состояніи образованно[...] была передана намъ Византіею. Внѣ сомнѣнія, какъ м[...] такія личности, которыя воспринимали эту византійскую[...] со всѣми хорошими и дурными ея чертами, были, но э[...] единичныя. Несомнѣнно, далѣе и то, что византійск[...]

шла къ намъ на Русь и культивировалась этими отдѣльными личностями, но акклиматизироваться вполнѣ не могла, т.-е. была растеніемъ искусственнымъ и мало подходящимъ къ условіямъ и требованіямъ русскаго быта при его общемъ невысокомъ культурномъ уровнѣ и въ древнее время.

Поэтому, рядомъ съ такими незаурядными писателями, каковы: Иларіонъ, Климентъ, Кириллъ, выдѣляется другая группа писателей—проповѣдниковъ XI—XII вв., которые мало на нихъ походили. Это проповѣдники безъ всякаго почти слѣда византійскаго вліянія: Лука Жидята, Илья (оба епископы Новгорода) и отчасти — Ѳеодосій Печерскій. Разница между ними и первыми заключалась въ томъ, что проповѣдники-ораторы являлись подражателями блестящаго византійскаго стиля проповѣди, украшали свои рѣчи всякими стилистическими фигурами и, такимъ образомъ, заботились болѣе о стилѣ, о внѣшности и красотѣ своего произведенія, чѣмъ о той непосредственной пользѣ, которую оно можетъ принести слушателемъ; другіе, наоборотъ, говорили проповѣди простымъ, безыскусственнымъ языкомъ, при чемъ на первомъ мѣстѣ у нихъ было желаніе преподать наставленіе слушателямъ, чему-либо ихъ научить, быть имъ понятными и полезными. У первыхъ слова имѣютъ цѣлью наслажденіе, удовольствіе, у вторыхъ—прямую цѣль—пользу душевную. Если аудиторія первыхъ проповѣдниковъ состояла изъ немногочисленнаго высшаго класса тогдашняго русскаго общества, изъ аристократіи—вѣроятно, приближенныхъ князя и дружины его,—то аудиторія вторыхъ проповѣдниковъ—это люди среднихъ и низшихъ классовъ общества, которымъ проповѣдникъ и старается простымъ, доступнымъ имъ языкомъ растолковать самыя элементарныя истины христіанской вѣры и этики.

Сравнивая только что упомянутыхъ проповѣдниковъ, съ одной стороны—Луку Жидяту (1036—1059), Илью, (1166) и отчасти Ѳеодосія [П]ечерскаго (1073 †), и, съ другой стороны представителей блестящаго [виз]антійскаго стиля проповѣди—митрополита Иларіона, Кирилла Туров[ска]го, Климента Смолятича, мы не можемъ не поразиться той разницею, [котора]я лежала между произведеніями тѣхъ и другихъ, бывшихъ болѣе [или мен]ѣе современниками. Если Иларіонъ говоритъ о еврействѣ и [христіанс]твѣ, о ветхомъ и новомъ завѣтѣ, то онъ вовсе не имѣетъ [цѣлью пол]емизировать съ іудействомъ и доказывать превосходство хри[стіанства, въ] чемъ оно не нуждалось уже; и іудейство, и христіанство, [и завѣ]тъ и ветхій—все это для него лишь удобные символы, [которыя онъ] разукрашиваетъ—нужно сознаться, и умѣло—свою бле[стящую рѣчь. Л]ука же Жидята говоритъ только потому, и только то, [что ему] необходимо говорить своимъ слушателямъ; употре-

бляемыя имъ выраженія—не украшенія, не символы мысли, и цѣль ихъ—не красота и изящество: Лука Жидята не говоритъ лишняго. Передъ нимъ паства, только недавно еще обращенная въ христіанство, часто только по имени христіанская, въ лучшемъ случаѣ двоевѣрная. Ему необходимо сообщить ей элементарныя истины христіанства, необходимо предостеречь отъ остатковъ язычества, отъ грубыхъ суевѣрій, отъ грубой безнравственности, необходимо научить хотя бы самымъ основнымъ принципамъ христіанской этики, преподать хотя бы первые христіанскіе навыки. И онъ излагаетъ все это въ самыхъ простыхъ, доступныхъ всякому выраженіяхъ, при чемъ старается быть возможно краткимъ и опредѣленнымъ. Онъ говоритъ о томъ, что нужно вѣрить въ Бога, какъ научили апостолы, вѣрить въ воскресенье мертвыхъ, въ жизнь вѣчную и муку для грѣшниковъ, т.-е. излагаетъ основные догматы христіанства. Затѣмъ говоритъ, что нужно не лѣниться ходить въ церковь и не забывать молиться дома, въ церкви стоять чинно, не разговаривать, не думать о постороннемъ, что нужно имѣть любовь ко всѣмъ и не дѣлать никому дурного, терпѣть обиды и не платить зломъ за зло, быть милостивыми, смиренными; говоритъ, что не нужно развратничать, ругаться срамными словами, участвовать въ игрищахъ «бѣсовскихъ» (т.-е. языческихъ), не брать взятокъ, процентовъ, не убивать, не красть, не лгать, не враждовать, не пьянствовать и т. д., т.-е. научаетъ основнымъ элементарнымъ обязанностямъ христіанина по отношеніи къ Богу и къ ближнему. Илья Новгородскій проповѣдуетъ въ томъ же духѣ, даетъ подобнаго же рода совѣты и дѣлаетъ предостереженія, при чемъ здѣсь мы можемъ подмѣтить не мало любопытныхъ бытовыхъ чертъ, характеризующихъ міросозерцаніе проповѣдника и паствы: рядомъ съ христіанскими догматами онъ, напримѣръ, говоритъ, что не нужно играть въ бабки и пр.

Теперь передъ нами невольно встаетъ любопытный вопросъ: почему эти проповѣдники произносили такого рода проповѣди: потому ли, ч[illegible] уровень массъ былъ очень низокъ, и ихъ аудиторія не могла восп[illegible] нять чего-либо менѣе элементарнаго, или потому, что и сами пр[illegible] вѣдники не могли сказать чего-либо болѣе сложнаго и глуб[illegible] Несомнѣнно, что въ Кіево-Новгородской Руси уровень культур[illegible] пониманія истинъ христіанства былъ очень низокъ, и при[illegible] только среди массъ, но и среди духовенства. И духовенст[illegible] могло проникнуться особенно глубоко истинами христіан[illegible] ихъ богословской сложности, не всегда само въ нихъ умѣл[illegible] и больше всего обращало вниманія на внѣшность, к[illegible] всего и была доступна. Остальной народъ, конечно[illegible] своихъ духовныхъ руководителей. Поэтому можно пр[illegible]

самп рядовые проповѣдники едва ли чувствовали себя въ силахъ уходить въ богословскія умствованія или въ красивую форму, хотя, конечно, возможно допустить, что они и принуждены были все же снисходить къ потребностямъ паствы, приноравливаться къ ея культурному уровню, какъ это можно предполагать для Ѳеодосія Печерскаго, напримѣръ: это подсказывалъ имъ житейскій смыслъ и тактъ, можетъ быть, ихъ происхожденіе изъ этой же массы: всѣ они русскіе (а не греки), вышли изъ народа. Оба представителя этой простой проповѣди Лука и Илья—сѣверяне, новгородцы по мѣсту своей дѣятельности; всѣ же представители искусственнаго ораторства—Иларіонъ, Кириллъ, Климентъ—южане: На это обыкновенно указываютъ, какъ на главную причину разницы между Лукою Жидятою и Иларіономъ, имѣя въ виду культурную разницу Кіева и Новгорода, разницу темперамента. Конечно, это указаніе имѣетъ свою долю правды. Дѣйствительно, еще въ древнѣйшій Кіевскій періодъ уже начали обнаруживаться эти характерныя черты сѣвернаго и южнаго племени. Сѣверяне—люди практики, меньше настроенные поэтически, склонны къ лаконизму въ выраженіяхъ, дѣловитые; южане—кіевляне, наоборотъ, настроены болѣе поэтично, стремятся къ отвлеченностямъ, рѣчь ихъ менѣе скупа, болѣе красива: такое впечатлѣніе получается, напримѣръ, при сопоставленіи сѣверной и южной лѣтописи. Можетъ быть, все это, дѣйствительно, и имѣетъ нѣкоторое значеніе; но было бы большой ошибкой полагать, что только это является причиной разницы, какая существуетъ между стилемъ разсмотрѣнныхъ выше двухъ типовъ ораторовъ древней Руси. Такому одностороннему взгляду, прежде всего, мѣшаетъ фактически Ѳеодосій Печерскій. Онъ—южанинъ и по происхожденію, и по мѣсту жизни и дѣятельности; однако, по характеру своихъ проповѣдей онъ принадлежитъ къ одному типу съ Лукою Жидятою, съ Ильею Новгородскимъ, а никакъ не съ митрополитомъ Иларіономъ и Кирилломъ Туровскимъ. Несомнѣнно, что Ѳеодосій—великій идеалистъ, несомнѣнно, что душа его ...ужда поэзіи, но важно то, что по своему пониманію задачъ проповѣд... онъ совершенно не сходится съ ораторами типа Кирилла Туров... ...и митрополита Иларіона. Поскольку поученія Ѳеодосія сохрани... ...ни поученія къ инокамъ занесены въ его житіе, написанное Не... ...другія—сохранились и отдѣльно) [1]), мы можемъ по нимъ до...тливо представить литературную личность ихъ автора. Если ...казанное выше объясненіе разницы въ тонѣ и складѣ рѣчи

...ой дѣятельности Ѳеодосія см. монографію В. Чаговца. Преп. ...го жизнь и сочиненія (Кіевъ 1901); короче у Голубинскаго, ...ученія Ѳеодосія см. у Пономарева, ук. изд., I, 26 и сл.

и мыслей проповѣдниковъ сѣверянъ и южанъ, то въ лицѣ Θеодосія придется признать соединеніе типа проповѣдника сѣвернаго съ типомъ проповѣдника южнаго, чѣмъ, однако, подрывается само подобное объясненіе. Въ поученіи Θеодосія «О казняхъ Божіихъ» рядомъ съ явнымъ вліяніемъ поученія І. Златоуста на ту же тему (оно извѣстно намъ уже изъ «Златоструя» царя Симеона) мы видимъ трезваго проповѣдника, обличающаго реальные недостатки слушателей и, несомнѣнно, русскихъ, каковы: пьянство, неумѣнье держать себя въ храмѣ, языческія вѣрованія и обычаи. Въ другомъ поученіи къ мірянамъ такъ же трезво и дѣловито, съ полнымъ пониманіемъ условій времени, разъясняется элементарное отношеніе къ церкви (сюда нельзя носить снѣди, кромѣ просфоръ), къ молитвѣ; рекомендуется скромное сидѣніе за столомъ, воздержаніе отъ болтовни и празднословія за обѣдомъ, наконецъ, опять о пьянствѣ. Опять видимъ передъ собой рядомъ съ пользованіемъ чужими источниками, ясное умѣніе и сознаніе необходимости приспособить чужой матеріалъ къ даннымъ времени и мѣста, цѣлесообразность, умѣлую популяризацію. Такими же качествами отличаются поученія Θеодосія къ инокамъ (ихъ четыре, они въ его житіи, писанномъ Несторомъ). Все это ведетъ къ наблюденію, что помимо «этнографическихъ» причинъ въ нашей проповѣди различіе клалось и другими условіями. А такимъ прежде всего была степень византійскаго вліянія: у ораторовъ типа Кирилла Туровскаго оно подавляло національное чувство, чувство дѣйствительности, у проповѣдниковъ типа Θеодосія Византія, не проникая глубоко, оставляла свободнымъ это чувство дѣйствительности, которое и руководитъ проповѣдникомъ. Такимъ образомъ, вопросъ о различіи «сѣвернаго» и «южнаго» типа нашихъ древне-русскихъ проповѣдниковъ, какъ видимъ, представляется несравненно болѣе сложнымъ, чѣмъ это кажется съ перваго раза. Разрѣшить его вполнѣ вѣрно довольно трудно, главнымъ образомъ, благодаря незначительности и отрывочности тѣхъ свѣдѣній, ко- торыя дошли до насъ относительно проповѣдниковъ древней Кіевс[...] Руси: мы вѣдь владѣемъ лишь обрывками цѣлыхъ двухъ напра[...] ній проповѣднической литературы. Мы можемъ лишь сказать, что[...] вѣроятно, играли роль различные факторы. Однимъ изъ них[...] быть и этнографическое различіе. Рядомъ съ этимъ нужн[...] мать во вниманіе и различіе культурности Новгорода и [...] пень вліянія грековъ и, конечно, личныя индивидуальн[...] проповѣдниковъ.

Памятники каноническіе. Въ тѣсной связи съ пропов[...] являются характерными показателями этого уровня [...] стіанства, какое было въ тѣ времена, стоитъ еще одн[...]

ковъ, не имѣющая непосредственнаго отношенія къ литературѣ, но чрезвычайно интересная для насъ по тѣмъ же самымъ причинамъ. Это— памятники каноническаго характера, возникшіе на Руси кіевскаго времени. Не касаясь подробнѣе этихъ памятниковъ, будетъ вполнѣ достаточно разсмотрѣть нѣсколько болѣе подробно одинъ-два памятника этого рода, изъ которыхъ мы можемъ извлечь достаточно любопытнаго матеріала для сужденія о состояніи нашего религіознаго и, вообще, всякаго просвѣщенія этого времени. Такими памятниками являются «Правило церковное» митр. Іоанна II-го и «Вопрошанія» Кирика [1]).

Первый изъ нихъ явился около 1089 г. первоначально по-гречески (Іоаннъ II былъ грекъ), въ видѣ отвѣтовъ къ какому-то черноризцу Іакову (м. б., извѣстному автору сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, житія Владиміра; о немъ ниже) на его вопросы о недоразумѣніяхъ въ церковной практикѣ; тогда же, вѣроятно, отвѣты Іоанна переведены на русскій литературный (церковно-славянскій) языкъ. «Вопросы Кирика и др.» представляютъ, главнымъ образомъ, «Отвѣты Нифонта и др.» (въ числѣ ихъ и Клима, вѣроятно, извѣстнаго Климента Смолятича, см. выше) на вопросы по тѣмъ же поводамъ какихъ-то Кирика (Киріака, Кирилла), Саввы, Иліи и др. По времени «Вопрошаніе» слѣдуетъ относить къ 1130—1156 гг. Нифонтъ—извѣстный епископъ новгородскій, противникъ возведенія Климента Смолятича на митрополичью каѳедру (кажется, грекъ по происхожденію) [2]), стоящій, во всякомъ случаѣ, на сторонѣ византійскаго пониманія дѣла въ борьбѣ съ Климентомъ, и являющійся, конечно, человѣкомъ болѣе развитымъ, по сравненію съ русскими священниками и, м. б., даже епископами. Несомнѣнно, что этотъ Нифонтъ былъ человѣкомъ выдающимся, энергичнымъ дѣятелемъ (такимъ рисуетъ его лѣтопись), хорошимъ знатокомъ церковной практики, прежде всего, разумѣется, византійской. Илія, вопрошавшій вмѣстѣ ... другими Нифонта, могъ быть упомянутымъ выше епископомъ Нов...одскимъ, но еще до своего епископства. Кирикъ былъ, повидимому, ...енникомъ; больше о немъ ничего не знаемъ.

... этимъ двумъ памятникамъ конца XI и до половины XII в. мы ... судить объ интересахъ, а стало быть, отчасти, и степени куль-

[1]) ... другое изд. А. С. Павловымъ, Русск. ист. библ. VI, 1—62; „Вопросы“ ... полному тексту также у Калайдовича, „Пам. росс. слов. XII в.“, ... въ Чтен. Общ. Ист. и Древн., 1912 г., издана особая редакція „Во... С. И. Смирновымъ.

[2]) ... другимъ извѣстіямъ, постриженникомъ Печерскаго монастыря въ ...чаѣ скорѣе всего онъ могъ быть русскимъ, и, стало быть, сто...въ, либо греческаго пониманія правъ Русской церкви.

турнаго развитія лицъ, которые являются вопрошателями; а они принадлежатъ къ средней группѣ русскихъ образованныхъ лицъ—духовенству. Если мы пересмотримъ эти вопросы, то передъ нами встанетъ довольно выпукло убогое міросозерцаніе русскаго священника XI—XII вв.: ясно, что христіанское просвѣщеніе не успѣло еще пустить глубокихъ корней даже въ сравнительно передовыхъ людяхъ, какіе предполагаются въ рядахъ духовенства. Прежде всего наблюдается полнѣйшее отсутствіе классификаціи вопросовъ по степени ихъ важности, изъ чего можно заключить, что вопрошавшіе важныхъ вопросовъ отъ неважныхъ отличить не могли, либо не находили нужнымъ и, вѣроятно, считали ихъ всѣ одинаково существенными, разъ явилась у нихъ необходимость обращаться за ихъ разрѣшеніемъ къ епископу. Напримѣръ, рядомъ съ вопросомъ о томъ, что если человѣкъ, попавъ въ плѣнъ, по принужденію перейдетъ въ другую вѣру и потомъ вернется изъ плѣна, нужно ли его снова крестить? не облегчаетъ ли его вины то обстоятельство, что онъ измѣнилъ вѣрѣ не по своей волѣ, а по принужденію?—рядомъ мы встрѣчаемъ вопросъ о томъ, что если въ платье священника вшита заплата отъ женскаго платья, то можетъ ли онъ служить въ такомъ платьѣ обѣдню, или же это грѣхъ? Кромѣ этого наивнаго смѣшенія важнаго съ неважнымъ, существеннаго съ мелочнымъ, здѣсь еще выступаетъ характерный взглядъ на женщину какъ на существо нечистое, существо, прикосновеніемъ къ которому или даже въ одеждѣ котораго священникъ уже оскверняется настолько, что не можетъ совершать таинства. Насколько еще невысоко стояло пониманіе христіанства, показываетъ вопросъ о бракѣ; еще свѣжа была память о томъ, какъ обходились безъ всякаго брака, т.-е. безъ христіанскаго обряда. Этотъ христіанскій обрядъ, являвшійся чѣмъ-то новымъ, непривычнымъ, конечно, не могъ оттѣснить сразу старыхъ бытовыхъ обрядовъ; народъ относился къ нему по-старому. И вотъ в «Вопросахъ» Іакова къ митрополиту Іоанну мы видимъ вопросъ о то что нужно ли вѣнчать всѣхъ, или же это необходимо только князь и боярамъ, а простой народъ можетъ обходиться и безъ церковнаг ка? Конечно, возможность подобнаго вопроса со стороны свящ очень характерна. Затѣмъ еще недоумѣніе: какъ быть свящ когда ему приходится быть на свадьбѣ, т.-е. на свадебно Обряды, сопровождающіе пиръ (пѣсни, игры),—все это еще стало быть, «бѣсовское» съ точки зрѣнія византійской, а ско-христіанской; прилично ли ему, представителю хри сутствовать при этомъ, согласно ли это съ христіанство что сторона догматическая смѣшивалась со стороной къ христіанству часто не имѣющей никакого отно

примѣръ, вопросы о томъ, какъ слѣдуетъ относиться къ тѣмъ, которые жертвы творятъ «роду» и «рожаницѣ»? Для христіанина здѣсь, разумѣется, не было вопроса, а Кирикъ еще долженъ ставить его епископу. Эти немногіе примѣры указываютъ на ту степень пониманія религіи, на которой находились какъ высшіе, такъ и низшіе классы русскаго общества: на каждомъ шагу встрѣчалъ священникъ недоумѣнія при столкновеніи новаго со старымъ и чувствовалъ себя лично безсильнымъ дать то или иное разрѣшеніе случаю, самъ недоумѣвалъ.

Анализъ памятниковъ литературы, до сихъ поръ нами разсмотрѣнныхъ, показываетъ, что, несмотря на крайне неблагопріятныя условія этого изученія (мы владѣемъ, вѣдь, лишь обрывками того, что существовало въ Кіевскій періодъ), мы можемъ дѣлать заключенія объ общемъ характерѣ этой литературы, можемъ по ней представлять себѣ культурный уровень русскаго общества и массы, говорить объ ихъ міросозерцаніи, степени усвоенія новыхъ началъ христіанства. Такъ, мы видимъ прежде всего рядъ переводныхъ памятниковъ, служащихъ для выработки этого новаго міросозерцанія, различную степень воспріятія идей, заключенныхъ въ этихъ памятникахъ; видимъ людей поднявшихся почти до уровня своихъ учителей (Иларіона, Кирилла); видимъ такого трезваго, разсудительнаго и умѣлаго человѣка, какъ Ѳеодосій; видимъ не далеко отошедшихъ отъ народнаго міросозерцанія священниковъ, въ родѣ Кирика; видимъ, наконецъ, темную массу, едва затронутую новымъ порядкомъ идей. Отсюда явствуетъ, что существовало замѣтное различіе въ культурномъ уровнѣ высшихъ и низшихъ классовъ Кіевской Руси, которое должно было непосредственно отразиться и на литературѣ того и другого класса. При разсмотрѣніи другихъ памятниковъ русской литературы Кіевскаго періода, мы увидимъ, что придемъ ... тѣмъ же самымъ выводамъ: въ ней есть оригинальные памятники, ...ысококультурные, и средніе, и очень не высоко стоящіе въ куль...омъ отношеніи.

...тія. Къ числу такихъ оригинальныхъ памятниковъ относится пре...го цѣлая группа ихъ, служащая отраженіемъ и стоящая въ ... византійской житійной литературой: это—житія и сказанія о ...святыхъ и религіозныхъ событіяхъ. Часть ихъ сохранилась ...мъ видѣ, часть же не дошла до насъ въ своемъ перво...идѣ, сохранившись съ измѣненіями, въ составѣ другихъ ...же въ составѣ древняго переводнаго Пролога мы ви...ставленныя по образцу греческихъ житія первыхъ рус...нягини Ольги, Владимира, Бориса и Глѣба, Ѳеодо-

сія и др. Но существовали и болѣе обстоятельныя отдѣльныя житія этихъ святыхъ. Такъ, до насъ дошли «Сказаніе о св. мученикахъ Борисѣ и Глѣбѣ» (есть уже списокъ XII в.) и «Память и похвала князю Владиміру», отмѣчаемыя именемъ Іакова мниха, жившаго, вѣроятно, около второй половины XI вѣка. Въ житіи Владиміра Іаковъ пользуется уже ранѣе составленнымъ (вскорѣ, можетъ быть, по смерти Владиміра—1015 г.), но не дошедшимъ до насъ житіемъ того же князя. Оба эти произведенія даютъ понятіе о литературной манерѣ Іакова: она проста, преслѣдуетъ фактическія цѣли, довольно стройна; авторъ, видимо, боится быть многословнымъ; единственное риторическое украшеніе рѣчи, допускаемое невольно авторомъ, это—внесеніе разговоровъ (діалогъ), плачи: и то, и другое, ясно указываютъ на вліяніе византійскихъ образцовъ, любящихъ, какъ это мы уже знаемъ, это средство, для приданія разсказу, рѣчи драматичности, повышеннаго настроенія (ср. у Кирилла Туровскаго). На ту же тему, вѣроятно, немного позднѣе и независимо отъ Іакова писалъ Несторъ, печерскій монахъ (род. около 1057 г.) «Чтеніе о житіи и о убіеніи и о чудесахъ св. Бориса и Глѣба»; ему же принадлежитъ большое и обстоятельное «Житіе преп. Ѳеодосія Печерскаго»; оба произведенія писаны, повидимому, не позднѣе послѣдней четверти XI вѣка и ясно рисуютъ Нестора, какъ писателя: въ отличіе отъ просто и по возможности дѣловито, фактически пишущаго Іакова, Несторъ любитъ красивую риторику, пересыпая свою рѣчь лирическими отступленіями, цитатами изъ св. Писанія, снабжая искусно и хитро составленными красивыми введеніями и заключеніями. Это, положительно, начитанный въ византійской (разумѣется, уже по переводамъ) литературѣ, образованный писатель, воодушевленно, съ паѳосомъ относящійся къ предмету своихъ писаній. Въ житіи Ѳеодосія онъ уже характерно пользуется византійскими источниками, искусно подобранными: такъ, естественно, наход
сходство въ типѣ между основателемъ палестинскаго монашества
Саввой Освященнымъ (VI в.) и основателемъ русскаго монашества
Ѳеодосіемъ, Несторъ воспользовался въ качествѣ образца житіе
Саввы, уже бывшимъ къ XI вѣку въ славянскомъ переводѣ [1];
только заимствуетъ изъ него отдѣльныя выраженія, подража
гда въ расположеніи матеріала; м. б., даже кое-какія мелочи
скаго характера перенесены въ житіе Ѳеодосія изъ житія Са
общемъ житіе Ѳеодосія все-таки остается самостоятельнымъ
стора, богатымъ и подлиннымъ фактическимъ матеріалом

[1]) Уже южно-русскій текстъ этого житія извѣстенъ изъ XIII
Люб. Др. Письм. въ 1890 (Спб.) подъ ред. *И. В. Помяловскаго.*
на Нестора см. статью *А. А. Шахматова*, Изв. Отд. рус. яз.

по свѣжему преданію въ монастырѣ [1]), гдѣ самъ Ѳеодосій жилъ, дѣйствовалъ, прославился и, конечно, оставилъ прочную память; поэтому въ житіи находимъ обильный живой бытовой матеріалъ, мѣстами яркія характеристики (напримѣръ, матери Ѳеодосія), находимъ вставленными и цѣлыя поученія Ѳеодосія (къ инокамъ), вѣроятно, записанныя кѣмъ-либо прямо со словъ преподобнаго и т. д. Близко подходятъ къ этой житійной литературѣ, повидимому, Кіевской и даже Печерской по мѣсту появленія, сказанія историческаго характера и въ то же время церковнаго: это—сказаніе о началѣ Печерскаго монастыря: «Чесо ради прозвася Печерскій монастырь», сохраненное (правда, уже въ измѣненномъ, м. б., сокращенномъ видѣ) въ лѣтописи подъ 1051 г., можетъ быть, въ своемъ первоначальномъ видѣ восходящее къ тому же Нестору и вошедшее предварительно въ мѣстную монастырскую Печерскую лѣтопись.

Съ именемъ того же Печерскаго Кіевскаго монастыря, бывшаго, какъ видимъ, и крупнымъ литературнымъ центромъ, связанъ и цѣлый циклъ агіографической литературы, вылившійся къ началу XIII в. въ крупный вліятельный памятникъ: это—Печерскій Патерикъ: онъ, въ подражаніе переводнымъ Патерикамъ (см. выше), объединилъ цѣлый рядъ сказаній о печерскихъ подвижникахъ, объ исторіи знаменитаго монастыря (напримѣръ, упомянутое раньше сказаніе о началѣ монастыря, о созданіи главной Печерской церкви и др.). Онъ даетъ богатый матеріалъ для изученія такого крупнаго явленія въ нашемъ христіанскомъ міросозерцаніи, каково пониманіе аскетизма въ древней Руси: оно въ основѣ византійское, но рано уже переработалось въ своеобразное и по-своему высоко-альтруистическое воззрѣніе, чуждое византійскаго огульнаго отрицанія «міра», «мірского», сохранившее и связь съ народностью въ видѣ гуманнаго отношенія къ мірскому, народному воззрѣнію при строгомъ отношеніи къ себѣ, высоко-гуманное, мягкое, ...шевное отношеніе къ ближнему въ отличіе отъ отдающаго ревни...ъ эгоизмомъ аскетизма греческаго и восточнаго. Такимъ типичнымъ ...омъ истиннаго монаха былъ, по представленію Нестора, именно ...ій [2]); этотъ образъ въ различныхъ деталяхъ, въ частяхъ сво...озитъ въ жизни печерскихъ подвижниковъ, въ глазахъ ближай...омства—въ Патерикѣ.

[1]) ...й скончался, какъ извѣстно, въ 1073 году; трудъ же Нестора, по изслѣ... Шахматова, писанъ не позднѣе 1088 года.

[2]) ...енѣе научное изданіе Печерскаго Патерика сдѣлано *В. А. Яковлевымъ* ...лит. XII и XIII ст.“ (Кіевскія религіозныя сказанія и Патерикъ ...2. Недавно (1911) Патерикъ Печерскій изданъ также Археографи-

Паломническія произведенія. Новую культурную страницу нашего прошлаго открываетъ Даніилъ Паломникъ, въ началѣ XII в. (1106—1107) побывавшій въ Іерусалимѣ и оставившій свои записки объ этомъ путешествіи, подъ названіемъ «Хожденія игумена русскія земли Даніила», или «Странника». Онъ, южанинъ, можетъ быть, черниговецъ, человѣкъ любознательный, охваченный теплой вѣрой и горячимъ желаніемъ посѣтить столь дорогія для христіанина мѣста, гдѣ зародилось христіанство, идетъ въ Палестину по образцу греческихъ и западныхъ паломниковъ, попадаетъ туда какъ разъ вскорѣ послѣ завоеванія Іерусалима крестоносцами, знакомится съ Балдуиномъ Фландрскимъ, королемъ Іерусалимскимъ, молится, ставитъ лампаду за здравіе русскихъ князей, за всю Русь и, вернувшись домой, излагаетъ то, что видѣлъ, что слышалъ, правдиво (онъ точенъ, выше въ этомъ отношеніи своихъ западныхъ современниковъ), съ любовію, часто съ довѣрчивостью, всегда съ глубокой вѣрой и высокой терпимостью къ чужимъ вѣрованіямъ, съ искренней скромностью. Его «Хожденіе»—въ то же время драгоцѣнный складъ христіанской легенды, перенесенной устно на Русь, почерпнутой и изъ готовыхъ уже славянскихъ легендарныхъ переводныхъ, часто апокрифическихъ, памятниковъ; оно—цѣнный матеріалъ для палестиновѣда и для историка; въ немъ мы встрѣтимъ уже ясно выраженное національное самосознаніе: какъ лѣтопись и «Слово о полку Игоревѣ», Даніилъ проникнутъ сознаніемъ народнаго единства всей Руси [1].

Около 1200 г. путешествуетъ съ тою же цѣлью въ другой болѣе близкій центръ христіанской святыни—Царьградъ—Антоній, еп. Новгородскій, оставившій также свое «Сказаніе мѣстъ святыхъ во Царѣградѣ». Тутъ опять видимъ аналогію къ сѣверной и южной лѣтописи, къ южанину Кириллу Туровскому и сѣверянину Лукѣ и т. п.: въ отличіе отъ поэтичнаго, лирически настроеннаго южанина Даніила, Антон[...] кратокъ, дѣловитъ, скупъ на слова, даетъ скорѣе не описаніе, а ка[...] логъ святынь цареградскихъ, имъ видѣнныхъ. Паломничество, пре[...] вителями котораго были Даніилъ и Антоній (только ихъ «хожде[...] дошли до насъ), было выраженіемъ одного изъ важнѣйшихъ к[...] ныхъ явленій средневѣковья, привитыхъ намъ Византіей. На[...] еще съ первыхъ вѣковъ (приблизительно съ IV в.) христіан[...] средство удовлетворенія повышеннаго религіознаго настрое[...] шееся широко ко времени просвѣщенія Руси, паломничес[...]

---

[1] Лучшее изданіе „Хожденія" Даніила въ 3 и 9 выпусках[...] Сборника" (ред. *М. А. Веневитинова*); хорошій комментарій—[...] 1864). О паломникахъ вообще см. *Пыпина,* Ист. русск. слов.,[...]

нимъ изъ могучихъ средствъ международнаго литературнаго обмѣна, имѣло свои крупныя послѣдствія: оно расширяло кругозоръ не только паломника, но и тѣхъ, съ кѣмъ дѣлился впечатлѣніями онъ, вносило новые литературные мотивы и т. д. У насъ, если и нѣтъ литературныхъ слѣдовъ паломничества, ранѣе начала XII в., то есть фактическія указанія, что уже въ XI в. мы получили этотъ источникъ литературнаго развитія: Антоній Печерскій уже паломничествуетъ, Ѳеодосій хочетъ бѣжать изъ родительскаго дома съ паломниками и т. д. Т. о. и эта важная въ культурномъ отношеніи отрасль литературы не отсутствовала въ Кіевскій періодъ, наоборотъ, была представлена такими хорошими образцами, какъ Даніилъ и Антоній.

VIII. Лѣтопись. Къ важнѣйшимъ по значенію памятникамъ, которые даютъ возможность судить о культурномъ развитіи Кіевской Руси, принадлежитъ лѣтопись или вообще памятники лѣтописнаго характера [1]). Существованіе такъ называемой «Начальной лѣтописи»— фактъ чрезвычайно для насъ важный, такъ какъ говоритъ намъ о томъ, что уже въ Кіевской Руси начало пробуждаться самосознаніе, появилась потребность дать себѣ отчетъ въ настоящемъ и прошедшемъ, а это показываетъ уже значительные культурные успѣхи, которыхъ достигла Русь уже въ XI столѣтіи. Но этимъ, разумѣется, общимъ наблюденіемъ не ограничивается важное значеніе нашей лѣтописи для изученія нашего прошлаго. Представляя въ томъ видѣ, какъ мы знаемъ ее по многочисленнымъ дошедшимъ до насъ спискамъ, сложный, претерпѣвшій уже рядъ измѣненій, большого объема памятникъ, лѣтопись является памятникомъ центральнымъ по своему значенію для изученія древней Руси, и ея литературы. Поэтому лѣтопись освѣщаетъ или, по крайней мѣрѣ, даетъ возможность освѣтить, различныя стороны русской жизни, различнаго времени, на пространствѣ всего Кіевскаго періода и даже послѣдующаго. Такъ, для бытовой исторіи до христіанскаго времени главнымъ образомъ лѣтопись помогла намъ представить себѣ картину разселенія русскихъ племенъ, судить о религіозномъ міросозерцаніи этихъ племенъ; она же является главнымъ источникомъ для изученія этого міросозерцанія и по принятіи христіанства, такъ какъ остальная литература не переводная, въ этомъ отношеніи бѣдна вслѣдствіе причинъ, указанныхъ выше, и вслѣдствіе гибели многихъ памятниковъ Кіевской Руси. Для исторіи языка лѣтопись является памятникомъ незамѣни-

[1]) ...ду дать лишь главнѣйшіе моменты въ развитіи начальнаго періода ... останавливаемся лишь на крупнѣйшихъ ея явленіяхъ; болѣе по... матеріалъ можно найти въ главнѣйшихъ учебникахъ (у Пор... ...ыпина).

мымъ: хотя писанная на литературномъ языкѣ, въ основѣ старо-славянскомъ, она, какъ произведеніе, не отождествляется съ литературой собственно церковно-религіозной, несетъ на себѣ въ большей степени слѣды вліянія живой русской рѣчи, стоя ближе къ обыденной, «мірской» жизни. Въ этомъ отношеніи по своему значенію она уступаетъ только чисто бытовымъ памятникамъ, каковы, напр., грамоты, юридическіе памятники (напр., «Русская Правда»); но такіе памятники, подобно другимъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ погибли и сохранились потому въ ничтожномъ количествѣ. Сверхъ того лѣтописи мы обязаны также сохраненіемъ цѣлыхъ памятниковъ историко-политическаго характера, при томъ древнѣйшаго времени: достаточно напомнить, что договоры русскихъ князей съ греками X в. извѣстны намъ только потому, что они цѣлы были еще въ XI в., и тогда же цѣликомъ были внесены въ копіяхъ на страницы лѣтописи. Конечно, о значеніи лѣтописи, какъ источника фактическихъ данныхъ, отмѣченныхъ или современникомъ, или ближайшимъ потомкомъ событій, говорить излишне: по своей точности, правдивости русская лѣтопись XI в. не имѣетъ себѣ равныхъ въ средневѣковой литературѣ.

Для исторіи русской литературы, значеніе лѣтописи, конечно, не менѣе велико: и здѣсь она занимаетъ центральное положеніе. Дошедшая до насъ въ спискахъ не старше XIII—XIV вв., восходя по времени своего возникновенія къ первой половинѣ XI вѣка, лѣтопись на пространствѣ почти четырехъ вѣковъ жила полной литературной жизнью, отражая на себѣ чуть не всѣ литературныя явленія этого періода. Какъ памятникъ сложный, опиравшійся и пользовавшій цѣлымъ рядомъ источниковъ, какъ туземныхъ, такъ и иноземныхъ, она уже по одному этому является сама крупнымъ источникомъ для исторіи нашей древней литературы вообще, будучи тѣсно связана съ нею цѣлой сѣтью разнообразныхъ отношеній. Пользуясь старшими ея и современными источниками, она вносила ихъ на свои страницы или цѣликомъ, чаще, перерабатывая ихъ примѣнительно къ своимъ цѣлямъ. П въ составѣ лѣтописи мы, если правильно освѣтимъ этотъ состав демъ цѣлый рядъ такихъ литературныхъ памятниковъ, которы ны намъ по другимъ редакціямъ, б. ч. болѣе позднимъ, отд же такихъ, которые сохранены единственно въ лѣтописи цѣ ково, напр., извѣстное «Поученіе Мономаха», единстве коего дошелъ до насъ вставленнымъ въ лѣтопись по Л списку XIV в., или «Паннонскія» житія славянскихъ отдѣльномъ видѣ, ранѣе XV в. неизвѣстныя, или основаніи Печерскаго мон., въ иной редакціи извѣс

Патерику и т. д.). Еще больше мы найдемъ въ лѣтописи въ переработкѣ, болѣе или менѣе значительной, такіе памятники, которые въ отдѣльномъ видѣ существовали во время сложенія или редактированія лѣтописи, а позднѣе затерялись и не найдены, и это памятники, б. ч., относящіеся къ древнѣйшему періоду нашей письменности: таковы, напр., разсказы, повѣсти (м. б., частью греческаго происхожденія), существовавшіе отдѣльно на славяно-русскомъ языкѣ, о крещеніи Владимира; эти разсказы использованы составителемъ лѣтописнаго свода въ первой половинѣ XI в., и только изъ его переработки намъ и извѣстны; таково же, напр., житіе Антонія Печерскаго, къ XV в. уже исчезнувшее, но въ отрывкахъ сохраненное тѣмъ же составителемъ свода; наконецъ, таковы же такъ называемыя русскія «воинскія» повѣсти, составившія видную и важную отрасль нецерковно-назидательной литературы (о нихъ ниже) и т. д. Наконецъ, лѣтопись особенно важна для исторіи нашей у с т н о й л и т е р а т у р ы: только по лѣтописи, главнымъ образомъ, мы можемъ судить о томъ, чѣмъ была, какія основы и содержаніе могла имѣть наша былевая поэзія устная въ XI—XII в.: составитель лѣтописи для времени до христіанства, а отчасти и послѣ принятія его широко использовалъ, въ качествѣ историческаго источника, устное преданіе, тѣсно связанное съ былевой поэзіей.

Т. о., вопросъ о литературной исторіи лѣтописи—вопросъ первостепенной важности для насъ. Въ то же время, что касается литературной исторіи лѣтописи, то изъ сказаннаго ясно, что вопросъ этотъ является однимъ изъ сложныхъ вопросовъ въ исторіи русской литературы. Подробное изученіе вопроса о русскихъ лѣтописяхъ потребовало бы цѣлаго отдѣльнаго спеціальнаго курса [1]); здѣсь же, въ общемъ курсѣ русской литературы Кіевскаго періода, естественно, слѣдуетъ намѣтить лишь самые важные пункты, и то въ предѣлахъ изу-
аемаго періода.

Прежде всего нужно принять во вниманіе, при изученіи лѣтопи-
мы поставлены въ особенно невыгодныя условія по отношенію
Кіевскому періоду. Наиболѣе древнія рукописи лѣтописей, намъ
ныя, не восходятъ раньше XIII—XIV-го вѣка: Лаврентьевскій
писанъ въ 1377-мъ году, Ипатьевскій—въ концѣ XIV-го; прав-
окъ 1-й Новгородской лѣтописи относится къ XIII вѣку; но

си и вопросамъ, связаннымъ съ нею, въ русской наукѣ посвященъ
онникова „Опытъ русской исторіографіи", II, 1—2; этотъ библіогра-
бнимаетъ болѣе 2000 стр.; но онъ не захватываетъ новѣйшихъ ра-
разъ особенно важны: теперь (напр., въ трудахъ А. А. Шахма-
торіи лѣтописи мы наблюдаемъ замѣтный поворотъ къ новому
наго явленія въ области исторіи литературы.

онъ не типиченъ, какъ лѣтопись мѣстная, для лѣтописи, какъ выраженія общерусскаго самосознанія, притомъ происхожденія онъ не кіевскаго: а Кіевъ съ его областью и долженъ считаться родиной нашей лѣтописи и главнымъ представителемъ общерусскихъ началъ въ этой лѣтописи. Такимъ образомъ, иначе говоря, отъ самаго Кіевскаго періода мы не имѣемъ ни одного списка лѣтописи, такъ что о лѣтописи, какой она была въ Кіевскій періодъ и въ Кіевѣ, намъ приходится судить по текстамъ съ позднѣйшими измѣненіями, которыя непрерывно совершались въ нашемъ лѣтописномъ дѣлѣ, при томъ по текстамъ, идущимъ изъ другихъ мѣстностей; древнѣйшій, намъ доступный текстъ отдѣленъ отъ первоначальной лѣтописи нѣсколькими вѣками: свѣдѣнія же, сообщаемыя лѣтописями, и матеріалъ, ими представляемый, таковы, что мы должны предположить существованіе на Руси лѣтописанія во всякомъ случаѣ уже во второй четверти XI-го столѣтія. Такимъ образомъ, по спискамъ XIV-го вѣка мы должны составить характеристику лѣтописанія, его особенностей, его исторію, начиная съ XI-го, т.-е. на три вѣка назадъ.

Трудность изученія лѣтописи увеличивается также и громадностью и сложностью самого матеріала, представляемаго рукописями, до насъ дошедшими. Лѣтописное дѣло было дѣломъ живымъ; въ теченіе ряда вѣковъ измѣнялись пріемы, въ зависимости отъ этого и старшій матеріалъ получалъ различную въ различное время въ различныхъ мѣстахъ обработку. Въ результатѣ мы имѣемъ, начиная съ XIV в. и до конца XVII-го массу списковъ лѣтописей, разнообразныхъ по своему составу и редакціямъ, различно относящимся къ своему прототипу—первоначальному лѣтописному своду, намъ неизвѣстному и не сохраненному ни однимъ изъ наличныхъ, дошедшихъ текстовъ въ его первоначальномъ видѣ. Наконецъ, самое изученіе лѣтописи, начавшееся у насъ почти 200 лѣтъ назадъ, постоянно измѣняло наши взгляды на лѣтопись вообще и на остальныя явленія въ этой области въ зависимости от[illegible] измѣненія методовъ изученія и самыхъ взглядовъ на задачи исто[illegible] риковъ и историковъ литературы. Исторія изученія лѣтописи до[illegible] въ значительной степени приблизить насъ къ пониманію самой лѣт[illegible] путь, пройденный наукой, освѣщаетъ современное ея состояніе, [illegible] многое и по существу въ изслѣдуемомъ явленіи. Краткій очер[illegible] нѣйшихъ моментовъ этой исторіи необходимъ, т. о., для пр[illegible] отношенія и къ современнымъ научнымъ взглядамъ на лѣто[illegible] самой лѣтописи.

Сколько намъ извѣстно, первымъ, кто попробовалъ [illegible] учнымъ взглядомъ къ лѣтописямъ, былъ В. Н. Тати[illegible] 1750 г.), который въ своей «Россійской исторіи» призн[illegible]

топись дѣломъ одного лица. Такимъ лицомъ былъ признанъ имъ Несторъ, инокъ Кіево-Печерскаго монастыря. Основывался Татищевъ на одной изъ тѣхъ рукописей, которыя были въ его распоряженіи, которая носила имя Нестора въ заголовкѣ. Съ именемъ того же Нестора связано, какъ мы знаемъ, и еще нѣсколько произведеній (Житіе Θеодосія, сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ). Стало быть, мы видимъ попытку объединить все наше древнее лѣтописаніе подъ видомъ дѣятельности одного лица. Кромѣ того, Татищеву первому принадлежитъ мысль о связи нашей лѣтописи въ отдѣльныхъ сказаніяхъ съ устной поэзіей: онъ первый сопоставилъ Кіевскія былины (собственно, только Владимира) съ преданіями о князьяхъ въ лѣтописи. Это представленіе о происхожденіи лѣтописи отмѣтило собой первый періодъ изученія лѣтописей. Затѣмъ подъ вліяніемъ все развивавшейся критической разработки извѣстій, сообщаемыхъ лѣтописью (Шлецеръ), взглядъ этотъ измѣняется, и съ нарожденіемъ извѣстной скептической школы русскихъ историковъ (конца XVIII и нач. XIX в.), во главѣ которой стоялъ профессоръ Московскаго университета, М. Т. Каченовскій, взглядъ на составленіе начальной лѣтописи совершенно мѣняется [1]). Направленная противъ патріотически преувеличенныхъ представленій о прошломъ Россіи, такъ ярко выразившихся въ «Исторіи» Карамзина, «скептики» видѣли ихъ источникъ въ качествѣ самихъ историческихъ источниковъ и прежде всего въ лѣтописи: имѣя въ виду, главнымъ образомъ, начальныя страницы лѣтописи (разсказы о первыхъ князьяхъ), они отказывали въ достовѣрности и всей лѣтописи Кіевскаго періода. Исходя же отъ общаго односторонняго представленія о слабости развитія русской мысли въ древнемъ періодѣ, слабости самосознанія, представители скептической школы считали невозможнымъ столь раннее появленіе лѣтописи, памятника столь крупнаго, а стало быть, невозможнымъ и авторство Нестора; исходя же изъ представленія о лѣтописныхъ извѣстіяхъ, ...къ записяхъ современниковъ, они находили совершенно недопусти...ъ, чтобы одно лицо могло вести эти записи на пространствѣ, много ...шающемъ размѣры человѣческой жизни. Авторство Нестора при...я сомнительнымъ. Теперь полагаютъ, что лѣтопись составлялась ... многихъ лицъ, если съ извѣстнаго времени она и ведется въ ... Руси. Т. о., вмѣсто вопроса о томъ, кто создалъ русскую ...ставится вопросъ: каково было участіе того или другого изъ ...сновенныхъ къ составленію лѣтописи, въ созданіи ея, въ

...ученія лѣтописи (кончая, правда, временемъ 40-хъ гг. XIX ст.) ...ыхъ чертахъ въ книгѣ *П. Н. Милокова* „Главныя теченія рус... ...ысли“, I (М. 1897, Спб. 1913), особ. ст. 213 и сл. Подробнѣе ... Исторіографія, II, I.

чемъ оно выразилось? Этимъ послѣднимъ вопросомъ по отношенію къ Нестору занимался извѣстный историкъ Погодинъ, потомъ И. И. Костомаровъ и цѣлый рядъ русскихъ историковъ. Костомаровъ въ своихъ изслѣдованіяхъ по русской исторіи, въ частности въ «Лекціяхъ по русской исторіи» (1861 г.), обратилъ вниманіе на сохранившуюся въ Лаврентьевскомъ спискѣ запись игумена Кіевскаго Михайловскаго монастыря, Сильвестра съ годомъ 1116-мъ [1]). По взгляду Костомарова, эта запись не говоритъ, что Сильвестръ былъ единоличнымъ авторомъ лѣтописи, но она можетъ служить указаніемъ на то, что онъ былъ редакторомъ одной изъ ея редакцій, именно 1116 года, почему и выставилъ свое имя на ней: это имя и сохранено Лаврентьевскимъ спискомъ 1377 года. Костомарову же принадлежитъ и дальнѣйшая научная разработка отношеній лѣтописи къ устной литературѣ: въ своихъ «Преданіяхъ начальной лѣтописи» (1873), и раньше въ статьѣ «Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи» (1843) онъ прочно устанавливаетъ фактъ пользованія устнымъ преданіемъ въ лѣтописи.

Лѣтопись во всемъ своемъ объемѣ, какъ мы ее теперь знаемъ, несомнѣнно, является плодомъ работы не отдѣльнаго какого-либо лица, а цѣлаго послѣдовательнаго ряда лицъ, соединявшихъ въ различной комбинаціи отдѣльныя части старшихъ лѣтописей и иные источники, и трудъ послѣднихъ изъ этихъ лицъ приводитъ ее къ тому виду, въ какомъ мы ее и знаемъ. Стало быть, мы имѣемъ передъ собой лѣтописный сводъ, который является результатомъ длинной литературной исторіи, которая выразилась, прежде всего, въ составленіи отдѣльныхъ частей свода, въ ихъ подборѣ, согласованіи, редактированіи и т. д. Такимъ образомъ вопросъ о составѣ нашего лѣтописнаго свода замѣняетъ собой вопросъ о происхожденіи лѣтописи, какъ цѣльнаго, единоличнаго произведенія или цѣльнаго литературнаго памятника опредѣленной эпохи. Такая работа изслѣдованія состава свода для лѣтописей была произведена впервые и вполнѣ научно извѣстнымъ историком
К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ [2]). Для этого нужно было оцѣнить л
топись въ цѣломъ, какъ памятникъ литературный, указать на его ис
ники, на составныя части. Бестужевъ, оставляя въ сторонѣ чис
тературную сторону лѣтописи, обратилъ вниманіе преимуществ
фактическую ея сторону, группировку этихъ извѣстій по ра
спискамъ и редакціямъ лѣтописныхъ сборниковъ, установляя
взаимоотношенія. Конечно, этимъ вполнѣ незыблемо устан

---

[1]) Подъ 1110 годомъ; здѣсь кончается древняя часть лѣтопис
далѣе начинается лѣтопись Суздальская (мѣстная). См. 3-е изд
1847), стр. 274.

[2]) „О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV в.“ Спб.

что лѣтопись есть результатъ не единоличнаго труда, а труда ряда писателей, что она есть сводъ лѣтописнаго матеріала. Но этимъ рѣшеніемъ не устраненъ былъ, конечно, вопросъ о порядкѣ и способѣ составленія всего лѣтописнаго свода въ томъ видѣ, какъ онъ впервые сложился. Бестужевъ-Рюминъ остановился на XIV вѣкѣ въ изученіи лѣтописи потому, что полагалъ, что къ концу этого вѣка, съ концомъ Кіевскаго государства и сложеніемъ Московскаго, кончилось прежнее направленіе въ развитіи лѣтописи: лѣтописное дѣло получило новыя задачи, новыя формы. Онъ, анализируя подъ этимъ угломъ зрѣнія дошедшіе лѣтописные сборники XIV—XVII в., какъ сохранившіе отчасти слѣды старой кіевской традиціи, и пришелъ къ твердо установленному выводу, что лѣтопись въ разсматриваемый періодъ есть «лѣтописный сводъ»; затѣмъ онъ утверждаетъ, что сводъ этотъ составленъ въ XII вѣкѣ, и, наконецъ, что источники свода могутъ быть нами опредѣлены. Въ числѣ этихъ источниковъ онъ перечисляетъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ лѣтописныхъ замѣтокъ, устныхъ преданій и т. д. Еще до Бестужева-Рюмина лѣтопись уже изучалась съ иныхъ точекъ зрѣнія, намѣчались отдѣльные вопросы, съ нею связанные. Такъ, выдвинута была и чисто литературная сторона ея: «лѣтопись, какъ памятникъ литературный», была обслѣдована между прочимъ М. И. Сухомлиновымъ, намѣтившимъ (не всегда, впрочемъ, вѣрно, въ виду отсутствія въ то время разработки отдѣльныхъ литературныхъ памятниковъ, вошедшихъ въ лѣтопись) также цѣлый рядъ литературныхъ источниковъ «лѣтописей» [2]. Такъ, въ числѣ ихъ указаны: свящ. писаніе, Палея (что оказалось не точнымъ), Исповѣданіе вѣры Михаила Синкелла, Паннонскія житія, Житія: Владимира, Бориса и Глѣба (Іакова Мниха, что также не точно), Хроника Амартола, Откровеніе Меѳодія Патарскаго и др. Имъ [...]же отмѣчено впервые значеніе т. н. «Пасхальныхъ таблицъ» для уясне[...]я краткихъ записей и «пустыхъ» годовъ лѣтописи (см. ниже). Ра[...]а Сухомлинова положила поэтому начало изученію литературныхъ [...]никовъ лѣтописи.

[...]слѣ Бестужева-Рюмина и Сухомлинова лѣтописями занимался [...]еныхъ. Эти работы значительно разъяснили отдѣльные вопросы [...]о лѣтописи, далеко впередъ придвинули ея разработку и въ [...] Въ настоящее время явились замѣчательныя работы А. А. [...]ва. Эти работы произвели полный почти переворотъ въ

[...] русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ". Спб. 1856 г. [...]нова въ 1908 году перепечатанъ въ 85 т. Сборника Отд. рус.

[...] у А. И. Маркевича: „О лѣтописяхъ" (Одесса. 1883—85 гг.).

изученіи лѣтописей и являются послѣднимъ словомъ въ наукѣ о лѣтописяхъ [1]).

Примыкая въ основномъ воззрѣніи къ первому выводу Бестужева-Рюмина о лѣтописи, какъ лѣтописномъ сводѣ, Шахматовъ прежде всего устанавливаетъ, что мы имѣемъ передъ собою поздніе по времени лѣтописные своды, которымъ, въ свою очередь, предшествовали другіе также своды, но болѣе древніе, иного состава. Конечно, тутъ еще ничего новаго онъ не высказываетъ. Но далѣе Шахматовъ старается выяснить исторію возникновенія и созданія этихъ лѣтописныхъ сводовъ, при чемъ пользуется очень искусно методомъ, который можно назвать «ретроспективнымъ», т.-е. отъ болѣе сложнаго, поздняго онъ идетъ къ болѣе раннему, болѣе простому; снимая верхнія, позднѣйшія наслоенія, онъ получаетъ возможность добраться до первоначальной основы «Начальнаго Свода», поскольку она доступна изслѣдователю при теперешнихъ средствахъ науки. Работы Шахматова по изученію лѣтописей не закончены, но насколько можно судить по напечатанному имъ до сихъ поръ, дѣло изученія лѣтописей дало уже видные положительные результаты. Путь, которымъ Шахматовъ дошелъ до теперешнихъ своихъ результатовъ и главнаго изъ нихъ—возстановленія текста Древнѣйшаго Кіевскаго свода 1039 г. (онъ и напечатанъ имъ въ редакціи 1073 года въ упомянутомъ изслѣдованіи, стр. 573—610), имъ самимъ указанъ въ предисловіи къ изслѣдованію: изучая наличные списки «Повѣсти временныхъ лѣтъ» (одинъ изъ видовъ, который можно услѣдить въ позднихъ лѣтописныхъ сводахъ), Шахматовъ пришелъ къ выводу, что она существовать должна была въ двухъ редакціяхъ: Сильвестровской (сост. въ 1116 году, сохранена въ лучшемъ видѣ въ Лаврентьевскомъ спискѣ 1377 г.) и второй (сост. 1118 г., сохранена въ Ипатьевскомъ XIV—XV вв. и позднихъ новгородскихъ); обѣ редакціи восходятъ къ старшей, доведенной до смерти Святополка; составителемъ е[illegible] и могъ быть Несторъ, и составлена она въ 1095 г., доведена же [illegible] 1093 г. Этотъ «Начальный Кіевскій Сводъ» не былъ, однако, перв[illegible] лѣтописнымъ сводомъ, а заставляетъ предполагать о существ[illegible] еще болѣе древняго свода, доведеннаго до 1073 года; этотъ по[illegible] созданъ въ Кіево-Печерскомъ мон., использовалъ еще болѣе [illegible] сводъ Кіевскій, а также Новгородскій; т. о. сводъ 1093—5[illegible] ставляетъ соединеніе этого Кіево-Печерскаго свода 1073 г. [illegible]

---

[1]) Послѣдній и самый обширный трудъ А. А. Шахматова [illegible] древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ". Лѣтоп. занятій Ар[illegible] т. XX) вышелъ въ 1908 г. Ему предшествовалъ рядъ другихъ м[illegible] ботъ, посвященныхъ частнымъ вопросамъ о лѣтоп. сводахъ: эти[illegible] Шахматовъ объединяетъ, частью исправляя и отчасти измѣняя[illegible]

шимъ Новгородскимъ сводомъ (создавшимся около 1050 года). Но и Кіево-Печерскій 1073 г. сводъ не первый: въ его основѣ лежитъ «Древнѣйшій Кіевскій Сводъ», составленный въ 1039 г., при Софійской кіевской церкви, какъ древнѣйшій Новгородскій при Софіи новгородской; этотъ же послѣдній въ свою очередь въ основу принялъ «Древнѣйшій Кіевскій» 1039 года, продолжилъ его мѣстными событіями. Вникая подробнѣе въ составъ этихъ послѣдовательныхъ сводовъ и опредѣляя условія, вызвавшія ихъ составленіе, Шахматовъ находитъ возможнымъ предположительно прикрѣпить эти своды даже къ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ и назвать по ихъ именамъ, отчасти указать и причину появленія лѣтописныхъ сводовъ. Такъ, «Древнѣйшій Кіевскій сводъ» вызванъ, по его мнѣнію, къ существованію въ 1039 г. учрежденіемъ Кіевской митрополіи (годъ освященія кіевской Софіи) [1]. Составитель его въ предѣлахъ, кончая Владиміромъ, использовалъ: 1) мѣстныя кіевскія преданія (а такими могли быть историческія пѣсни, былины); 2) кое-какія письменныя сказанія о русскихъ святыхъ и событіяхъ русской церкви; тутъ онъ имѣлъ передъ собой готовый (Шахматовъ полагаетъ, юго-славянскій, болгарскій) образецъ; 3) для болѣе поздняго времени—за время Ярослава (1015—1039)—извѣстія взяты изъ живыхъ, свѣжихъ воспоминаній о недавнихъ событіяхъ; этотъ сводъ заканчивался прославленіемъ Ярослава, какъ строителя храмовъ и поборника духовнаго просвѣщенія. Древній Новгородскій сводъ основанъ въ 1050 г. (годъ освященія новгородской Софіи) Лукой Жидятой при Софійской церкви; онъ составленъ: 1) по Кіевскому древнему своду 1039 г., кончая св. Владиміромъ; 2) по Новгородской лѣтописи, доведенной до 1036 г. (веденіе которой преданіе, впрочемъ, позднее, приписывало иниціативѣ Іоакима, перваго епископа Новгорода, начиная съ 1017 года); 3) событія 1037—1050 гг. изложены составителемъ самостоятельно на основаніи разспросовъ и припоминаній (Новгородскій сводъ 1050 г. ополнялся приписками постепенно до 1108 г., а съ этого года идетъ е правильно—погодно). Первый Кіево-Печерскій сводъ 1073 г. за- енъ Никономъ Печерскимъ; это—переработка «Древнѣйшаго» путемъ вставокъ, а со смерти Ярослава—самостоятельный трудъ по воспоминаніямъ его и монашеской братіи (въ числѣ ихъ и патичъ); подъ 1062 г. помѣщена исторія Печерскаго монаремени того же Никона. Этотъ первый Кіево-Печерскій сводъ потомъ до 1093 г. (главная часть этого продолженія— чинѣ Өеодосія). Около 1095 г. получился второй Печерче «Начальный сводъ»: онъ объединилъ и первый сводъ

русскіе митрополиты (греки) имѣли свою каөедру въ Переменно.

Печерскій (1073 г.) съ его продолженіемъ, Новгородскій владычный древній сводъ, отдѣльныя лѣтописи (Выдубицкую, Черниговскую), воспользовался греческимъ хронографомъ, житіемъ Антонія (до насъ не дошедшимъ), Паримейникомъ. Составленіе и редактированіе этого свода можетъ принадлежать Нестору, имя котораго и сохранилось въ нѣкоторыхъ спискахъ, а затѣмъ перешло и въ «Повѣсть временныхъ лѣтъ». Сводъ Нестора и сталъ первымъ «общерусскимъ сводомъ»; онъ и легъ въ основу «Повѣсти временныхъ лѣтъ», а она въ свою очередь стала источникомъ и основой всѣхъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ, разбившись предварительно на 2 редакціи: 1116 г. и 1118 г., при чемъ въ 1-й ред. (1116 г.) «Повѣсть» сохранена лучше.

Изучая лѣтописи, какъ памятникъ литературный, прежніе изслѣдователи указывали, что разница между двумя циклами лѣтописей, сѣверными (Новгородскими) и южными (Кіевскими), параллельна разницѣ въ ораторскомъ стилѣ Луки Жидяты и митрополита Иларіона, что эта разница является показателемъ различія духовной организаціи новгородца и кіевлянина. Въ то время, какъ лѣтопись сѣверная суха, дѣловита, южная лѣтопись полна поэзіи, передаетъ больше мѣстныхъ легендъ, описываетъ событія съ большими подробностями, вноситъ сюда болѣе опредѣленности. Но, какъ мы теперь видимъ, составъ лѣтописей новгородскихъ объясняется въ то же время изъ общаго съ кіевскими первоисточника—свода 1039 года. Такимъ образомъ, разница будетъ касаться прежде всего стиля только, а затѣмъ уже и подбора извѣстій. Такимъ образомъ, Шахматовъ совершенно иначе представляетъ дѣло объ общерусскомъ лѣтописномъ сводѣ. У него для исторіи нашихъ лѣтописныхъ сводовъ XI—XII вѣковъ получается такая схема [1]):

Древнѣйшій Кіевскій сводъ (1039 г.) — (митрополичій, при Софіи Кіевской).

Первый Печерскій сводъ (1073 г.). (Никонъ)

Новгородскій сводъ (1050 г.) (при Со[...] Новгородской) (Лука Жидята) [...]

Продолженіе 1-го Кіево-Печ. свода (1093 г.).

↓

Второй Кіево-Печерскій сводъ (1095 г.) = [...]
(Несторъ)
= Онъ же — Начальный Общерусскій сво[...]

↓

„Повѣсть временныхъ лѣтъ“ (1116. Сильвестр[...]

Владимирскій сводъ (1185 г.).

2-я ред. „Повѣсти [...]

[1]) Приводится въ нѣкоторомъ сокращеніи.

Изъ этой схемы видно, что «Повѣсть временныхъ лѣтъ» обнаруживаетъ въ своемъ составѣ, кромѣ «Древнѣйшаго Кіевскаго свода» (1039 г.), присутствіе цѣлаго ряда источниковъ, распространившихъ этотъ сводъ и превратившихъ его въ «Повѣсть временныхъ лѣтъ», въ томъ смыслѣ, какъ ее знаютъ дошедшіе до насъ ея тексты.

Такимъ образомъ, изученіе «Повѣсти временныхъ лѣтъ», какъ литературнаго памятника, на первое мѣсто выдвигаетъ вопросъ объ ея источникахъ. Внимательное ея изученіе даетъ возможность выдѣлить нѣкоторыя (помимо «Древнѣйшаго свода») части ея, какъ восходящія къ отдѣльнымъ источникамъ, впрочемъ, не всегда дошедшимъ до насъ, но лишь предполагаемымъ. Эти отдѣльные источники въ различное время (на пространствѣ 1039—1095 г.) входили въ составъ «древнѣйшаго свода» и превратили его въ «Повѣсть временныхъ лѣтъ», т.-е. всѣ они (поскольку они могутъ быть выдѣлены въ настоящее время) представляютъ произведенія (оригинальныя и переводныя) старшія, нежели конецъ XI в., въ русской письменности.

Содержаніе же «Повѣсти» опредѣляется ея заглавіемъ: «Се Повѣсти времянныхъ лѣтъ, откуду есть пошла Русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити, и откуду Русская земля стала есть». Значитъ, это произведеніе говорило о происхожденіи Русской земли, о первыхъ кіевскихъ князьяхъ и объ утвержденіи ихъ власти. Эта цѣль составителя «Повѣсти» довольно опредѣленно можетъ быть прослѣжена по плану первой части начальнаго лѣтописнаго свода. Первоначально эта же часть, какъ видно изъ заглавія, заключала въ себѣ разсказъ, который заканчивался приблизительно событіями, предшествовавшими водворенію Олега въ Кіевѣ. Была, стало быть, у автора опредѣленная цѣль показать, какъ зародилось русское государство, какимъ образомъ центръ его основался въ Кіевѣ. Содержаніе этой повѣсти очень знаменательно: это не только изложеніе историческихъ фактовъ, но и произведеніе съ опредѣленной мыслью, сочиненіе, написанное человѣкомъ ученымъ, знаю- ...имъ, болѣе того—человѣкомъ своего рода мыслителемъ, захотѣвшимъ ...януть на прошлое своей родины. Онъ, дѣйствительно, и поступаетъ, ... опытный ученый: исторія созданія русскаго государства рисуется ..., какъ исторія русскаго племени; потому онъ и сообщаетъ по... ...а свѣдѣнія о происхожденіи русскаго племени, начиная отъ древ... времени, какимъ онъ по библейскимъ даннымъ считаетъ время ...я народовъ отъ потомковъ Ноя, о его разселеніи, о его раз... отдѣльныя племена, о нравахъ и обычаяхъ и т. д.; авторъ ...нимаетъ связь русскаго племени какъ съ другими сла... ...нами, такъ и съ древними народами. Поэтому, онъ вво... ...емя въ міровую исторію, исторію человѣчества, посколь-

ку онъ могъ обнять ее на основаніи своихъ познаній, основанныхъ на византійской книгѣ и преданіяхъ, живыхъ еще въ его время въ народѣ. Чтобы выяснить эту связь русскаго племени съ общеміровой исторіей, лучше сказать, связь русскихъ съ остальными народами, авторъ и начинаетъ свой разсказъ отъ Ноя, сообщая, что человѣчество раздѣлилось, происходя отъ его трехъ сыновей, какъ то разсказывается въ Библіи и у Георгія Амартола. Но авторъ тутъ же оговаривается, что онъ не имѣетъ желанія излагать исторію всѣхъ потомковъ Ноя, а только тѣхъ, съ которыми непосредственно связаны славяне и русскіе. Такимъ образомъ, онъ доходитъ до русскаго племени, излагаетъ исторію разселенія русскихъ, даетъ характеристику нравовъ ихъ. Если авторъ жилъ въ XI-омъ вѣкѣ, то извѣстія эти онъ могъ почерпнуть изъ устнаго преданія; оно было еще свѣжо, какъ можно заключить изъ общей точности и правильности сообщаемаго имъ о славянахъ и русскихъ. Сказавши о русскомъ народѣ, авторъ разсказываетъ о началѣ государственности на Руси, передавая преданія о первыхъ князьяхъ и ставя въ связь событія Руси съ византійскими; здѣсь онъ пользуется уже письменнымъ памятникомъ; такимъ для него является Георгій Амартолъ (авторъ добросовѣстно ссылается: «яко же глаголетъ Георгій»). Онъ довольно близко передаетъ иногда текстъ Г. Амартола, такъ что мы можемъ даже судить о томъ, какая изъ редакцій Г. Амартола была подъ руками у автора «Повѣсти временныхъ лѣтъ», и въ какомъ видѣ онъ ее имѣлъ въ рукахъ. Переводъ славянскій Георгія Амартола долженъ былъ, какъ мы знаемъ, относиться къ X вѣку, во всякомъ случаѣ это былъ переводъ юго-славянскій. Этотъ переводъ сохранился въ отдѣльномъ спискѣ XIII вѣка (списокъ Московской Духовной Академіи); такимъ-то переводомъ и пользовался авторъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ». Этотъ греческій переводный источникъ далъ составителю и первыя хронологическія даты для русской исторіи: съ 852 г. онъ ведетъ счетъ годамъ по византійскимъ императорамъ, современникамъ русскихъ князей.

Что касается другихъ источниковъ, то приходится признать су... ствованіе еще нѣсколькихъ письменныхъ произведеній, вошедшихъ... составъ «Начальнаго» свода. Къ числу такихъ источниковъ, нес... но, относится повѣсть о крещеніи князя Руси. Эта повѣсть... мнѣнно, существовала отдѣльно. Она представляетъ нѣкоторое... съ произведеніемъ Іакова Мниха—житіемъ кн. Ольги и В... Однако, эта повѣсть Іакова Мниха не можетъ быть сочтена... (а скорѣе наоборотъ), но, съ другой стороны, и повѣсть... Руси сама сложная: такъ, разсказъ о путешествіи Вла... сунь представлялъ изъ себя также отдѣльный разска...

шедшій въ эту повѣсть. Какъ предполагаетъ Шахматовъ, это произведеніе могло быть даже переводнымъ на русскій съ греческаго. Отдѣльныя подробности разсказа совершенно опредѣленно указываютъ на то, что авторъ его былъ не русскій человѣкъ; даже въ переработкѣ разсказа о Владимирѣ въ «Повѣсти» сохранился еще слѣдъ греко-византійской тенденціи [1]). Но эта повѣсть не одна послужила источникомъ для лѣтописнаго разсказа о крещеніи Руси и Владимира. Здѣсь можно выдѣлить еще нѣсколько кусковъ, отдѣльныхъ мотивовъ: во-первыхъ, такимъ кускомъ будетъ, повидимому, разсказъ объ испытаніи вѣръ Владимира, во-вторыхъ, разсказъ о томъ, какъ Владимиръ ходилъ войной на Корсунь (это упомянуто выше) завоевывать, такъ сказать, новую вѣру, и, въ-третьихъ, разсказъ греческаго философа, который поучаетъ Владимира и показываетъ ему картину Страшнаго суда, которая такъ сильно дѣйствуетъ на Владимира. Повидимому, всѣ эти три части и идутъ изъ совершенно различныхъ источниковъ. Разсказъ о взятіи Владимиромъ Корсуня, повидимому, возникъ совершенно самостоятельно отъ другихъ частей. Разсказъ о философѣ—по основнымъ своимъ мотивамъ—разсказъ традиціонный въ христіанскихъ литературахъ: то же въ общемъ разсказывается про обращеніе, напримѣръ, болгарскаго царя Бориса и, можетъ быть, нашъ разсказъ (какъ полагаетъ Шахматовъ) къ нему и восходитъ. Но что особенно существенно въ этомъ разсказѣ—это рѣчь философа: мы видимъ обличеніе религій невѣрныхъ и восхваленіе христіанства, но обличеніе не древняго русскаго язычества, а обличеніе іудейства и предостереженіе отъ католицизма. Философъ сжато излагаетъ картины изъ ветхаго и новаго завѣтовъ и показываетъ преимущество новаго надъ ветхимъ, христіанства передъ іудействомъ. Это заставляетъ предполагать, что этотъ разсказъ философа есть въ свою очередь приспособленіе готовой ходячей въ Византіи темы къ данному случаю. При внимательномъ изученіи рѣчи ...ософа мы найдемъ, что здѣсь налицо полнѣйшая аналогія съ из... ...ными въ Византіи памятниками экзегетическо-полемическаго харак... ...отчасти популярными изложеніями Библіи; это—такъ наз. Палеи, ...хъ одна «историческая» давно извѣстна въ славянскомъ пере... ...угая составилась на Руси позднѣе (Толковая Палея на іудея); ... были источниками рѣчи философа, а, вѣроятно, какія-либо ...стныя до сихъ поръ «Палеи». Затѣмъ, мы можемъ указать ...гіе источники въ составѣ повѣсти о крещеніи Руси. Въ ...азѣ довольно точно передано такъ называемое «Исповѣ-

[1]) ...одчеркивается роль грековъ въ обращеніи Владимира, выдвига... ...ъ Русью и т. п.

даніе вѣры» Владиміра, которое также не оригинально, а взято, должно-быть, изъ готоваго текста. Древнѣйшій списокъ перевода «Исповѣданія вѣры» сохранился въ извѣстномъ изборникѣ Святославовомъ, написанномъ въ 1073-мъ году: это—исповѣданіе, приписываемое Михаилу синкеллу Іерусалимскому; сравнивая съ нимъ лѣтописный текстъ, мы убѣждаемся, что составитель «Повѣсти», приводя «Исповѣданіе вѣры Владиміра», несомнѣнно, находится въ зависимости отъ подобнаго «Исповѣданія», извѣстнаго въ славянскомъ переводѣ едва ли позднѣе X вѣка.

Въ распоряженіи составителя «Начальнаго» свода были и туземные источники, не переводные. Разсказавъ о славянахъ вообще, онъ разсказываетъ о дѣятельности славянскихъ апостоловъ—о дѣятельности Кирилла и Меѳодія: источникомъ для этого разсказа должны были бы явиться такъ наз. Паннонскія житія Кирилла и Меѳодія. Эти житія, восходящія почти къ самой эпохѣ первоучителей, писанныя прямо на славянскомъ языкѣ, ясно, были уже извѣстны и на Руси въ концѣ XI вѣка. Къ числу туземныхъ же источниковъ, вошедшихъ въ «Начальный» сводъ, слѣдуетъ отнести также и договоры русскихъ князей Олега, Игоря съ греками; эти договоры, кромѣ того, что сообщали крупные историческіе факты составителю, они, какъ документы офиціальные, точно датированные, давали и хронологическую опору. Наконецъ, къ числу такихъ же туземныхъ источниковъ свода слѣдуетъ отнести помимо того, что составитель находилъ въ своихъ источникахъ, уже дошедшихъ до него въ письменномъ видѣ, и прямыя устныя преданія, которыя онъ подбиралъ: таковы могли быть разсказы объ Ольгѣ, Олегѣ, дополнявшіе то, что онъ нашелъ въ своемъ первоисточникѣ, напр., въ древнѣйшемъ сводѣ 1039 г. Слѣдъ такого собиранія преданій для включенія ихъ въ общую повѣсть видимъ изъ заявленія самого со-ставителя; именно, онъ вспоминаетъ о нѣкоемъ старцѣ Янѣ, которы[illegible] жилъ болѣе 100 лѣтъ, и который помнилъ много, помнилъ еще кр[illegible]щеніе Руси. Если Янъ около конца XI столѣтія (когда составля[illegible] «Начальный сводъ»), или даже въ третьей четверти этого вѣка ([illegible] вырабатывался первый Печерскій) былъ человѣкомъ за 100 лѣ[illegible] дѣйствительно, событіе конца X вѣка—крещеніе Руси, могло б[illegible] вполнѣ памятно: онъ могъ быть его очевидцемъ. Это был[illegible] образомъ, однимъ изъ живыхъ источниковъ для составителя[illegible]

Вотъ источники, изъ которыхъ собиралъ авторъ «П[illegible] менныхъ лѣтъ» свой матеріалъ. Конечно, перечисленны[illegible] не исчерпываются: были намѣчены лишь крупнѣйшіе и н[illegible] Такимъ образомъ, мы видимъ, во-первыхъ, письменны[illegible] казывающіе, что и письменность въ эпоху созданія [illegible] бѣдна, даже въ смыслѣ спеціально исторической [illegible]

рыхъ, устныя преданія-легенды, и, наконецъ, въ-третьихъ, разсказы очевидцевъ.

Обобщая сказанное объ источникахъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» въ томъ ея видѣ, какъ она намъ извѣстна въ 1-й редакціи (1095 г.), мы могли бы процессъ ея созданія представить приблизительно такъ: ядромъ ея былъ «начальный» древнѣйшій сводъ 1039 г., разсказъ котораго группировался около событій крещенія Руси и послѣ этого событія былъ продолженъ до 1038—39 гг.; въ немъ, повидимому, еще не было разсказа о началѣ Руси. Въ сводѣ 1073 г. идутъ дальнѣйшія продолженія и только въ 1-й ред. (возникла между 1093—95 г.) мы, надо полагать, получаемъ наращеніе впереди: исторію русскаго племени, разсказъ о началѣ государства, о первыхъ князьяхъ (до Владимира, поскольку о нихъ не говорилось уже въ общей связи въ сводѣ 1039 года). Эта переработка стараго свода въ «Повѣсть временныхъ лѣтъ» и вызвала примѣненіе тѣхъ многочисленныхъ источниковъ, которые превратили старый сводъ въ лѣтопись общерусскаго характера.

«Повѣсть временныхъ лѣтъ», повидимому, не имѣла въ первоначальномъ своемъ видѣ—«Древнѣйшемъ сводѣ»—еще того хронологическаго пріуроченія событій, какое мы видимъ въ редакціяхъ 1116 и 1118 гг. или въ спискахъ отъ нихъ пошедшихъ, точнѣе, не видимъ последовательно выдержанныхъ годовъ. Попытка внести хронологію на основаніи греческой хроники Амартола коснулась лишь немногихъ датъ. Съ вокняженія Владимира, м. б., подъ вліяніемъ отдѣльнаго сказанія о крещеніи Руси, уже попадаются опять даты, но и онѣ идутъ не послѣдовательно. Иначе сказать, у составителей «Начальнаго» свода еще не было яснаго стремленія провести хронологію въ видѣ погодной отмѣтки событій. Этимъ отмѣченъ слѣдующій шагъ развитія лѣтописнаго свода. Мы уже упомянули, что, высчитавъ по греческой хроникѣ 852 годъ, годъ перваго появленія Руси въ Царьградѣ, составитель свода разсчитываетъ отъ этого года годы правленія Олега, Игоря, Святослава, Яро[illegible]лка, затѣмъ говоритъ: «а отъ здѣ по ряду положимъ числа», иначе: [illegible] этого года для составителя возникаетъ возможность вести изложеніе [illegible]ное. Но на дѣлѣ оказывалось выполнить это не легко: событій, осо[illegible] событій, пріурочиваемыхъ точно къ году, у составителя не хва[illegible]я погодной помѣты. И вслѣдъ же за 852 г. мы видимъ рядъ [illegible]» годовъ (853—857, 860—861, 863—865, 867—878 и т. д.). [illegible] источниковъ для этихъ годовъ не было. Но иногда, подъ [illegible]одомъ находимъ не разсказъ, а лишь краткое упоминаніе, [illegible]ытіи (см. гг. 883, 911, 920). Появленіе такихъ «пустыхъ» [illegible]ихъ замѣтокъ заставляетъ предположить съ нѣкоторой [illegible]то у составителя «Повѣсти временныхъ лѣтъ» могли

быть уже подъ рукою готовые письменные источники, содержащіе въ себѣ подобныя краткія хронологическія данныя. Этотъ источникъ могъ представлять или погодную запись событій за рядъ лѣтъ, м. б. и не на каждый годъ, т.-е. своего рода лѣтопись, или, можетъ быть, это былъ такой памятникъ, который закрѣплялъ тѣмъ или инымъ способомъ хронологическія даты отдѣльныхъ событій. Что касается перваго разряда источниковъ, то ихъ до насъ не дошло, хотя мы и можемъ предполагать существованіе ихъ: есть, напримѣръ, основаніе предполагать, что существовала въ 60-хъ гг. XI столѣтія Печерская монастырская погодная лѣтопись [1]). Можно также предполагать существованіе и другихъ подобныхъ «лѣтописей» въ Новгородѣ (записи до 1036 года) и пр.. Такого рода записи могли быть подъ руками составителей лѣтописнаго свода; изъ нихъ они могли брать данныя для заполненія пустыхъ годовъ русскими событіями. Что же касается источниковъ второго рода, т.-е. памятниковъ, въ которыхъ такъ или иначе отфиксировалась та или иная хронологическая дата, то ихъ существованіе возможно только предположить: это были, вѣроятно, случайныя памятныя замѣтки, вносившіяся въ другіе памятники въ видѣ приписокъ, время отъ времени, безъ опредѣленной системы. Можно и болѣе опредѣленно указать на одинъ типъ такого рода памятниковъ, который наводилъ на мысль—дѣлать подобныя замѣтки—уже своимъ характеромъ: это такъ называемыя «Пасхальныя таблицы», руководство чисто-практическаго характера. Такъ какъ Пасха и рядъ другихъ, связанныхъ съ ней, такъ называемыхъ «подвижныхъ» праздниковъ каждый годъ бываетъ въ разныя числа, то само собою разумѣется, что требовалось такое руководство, которое указывало бы, когда въ какомъ году слѣдуетъ праздновать Пасху и связанные съ нею праздники: вычисленіе же для празднованія Пасхи, стоящей въ зависимости отъ данныхъ астрономическаго характера и другихъ спеціальныхъ условій, было дѣломъ труднымъ, требующимъ спеціальныхъ познаній. Поэтому еще въ древнемъ христіанскомъ мірѣ было обыкновеніе разсылать отъ имени епископа отдѣльнымъ церквамъ ежегодно или на нѣсколько лѣтъ впередъ та... цы съ указаніемъ, когда нужно праздновать Пасху, Вознесеніе, Тр... когда начинать Великій и Петровъ посты; иначе: разсылалась па... Ею и руководилось духовенство при совершеніи службъ, расп... ніи праздниковъ. Въ болѣе позднее время такія пасхальныя... разсчитанныя на много лѣтъ впередъ, прилагались къ богосл...

[1]) Для болѣе ранняго времени данныхъ о существованіи кіев... насъ нѣтъ; не было, повидимому, лѣтописи, содержащей перечни ... 1039 года. Съ третьей четверти XI ст. предположеніе о существ... ныхъ записей въ Кіевѣ, Черниговѣ, м. б. въ Михайловскомъ ... представляется Шахматову уже возможнымъ (ук. соч. стр., 528...

книгамъ (Уставамъ, служебнымъ Минеямъ, Октоихамъ). Что такія таблицы должны были имѣть мѣсто и въ древней Руси очень рано, это—несомнѣнно; объ этомъ можно было бы заключить апріори. Но сохранились подобныя таблицы и на самомъ дѣлѣ—отъ XIV вѣка; конечно, существовать у насъ онѣ должны были и много раньше, со времени введенія христіанства. Онѣ представляютъ приплетенный къ книгѣ листъ пергамина, разграфленный киноварью на клѣтки; въ графахъ помѣщаются слѣва—года отъ сотворенія міра; затѣмъ, въ слѣдующихъ клѣткахъ—указаніе, когда начинать Великій постъ, въ слѣдующей—когда праздновать Пасху и т. д. [1]). Стало быть, прежде всего, схема годовъ уже была дана. Среди клѣтокъ нѣкоторыя оставались пустыми, такъ какъ въ нихъ помѣщать было нечего; въ эти-то пустыя клѣтки и записывалось то или иное событіе противъ соотвѣтствующаго года; но, конечно, записи отличались краткостью: «Борисъ» (1015, т.-е. убитъ), «Юрьева рать» (1215), «дороговь» (1230, т.-е. дороговизна хлѣба), «Дмитрій нѣмцы взя» (1267), «Александръ князь преставися» (1263), «Ярославу Михайло родися» (1272), «Андрей оженися» 1271) и т. п., т.-е., это такого же рода случайныя замѣтки, которыя и позднѣе, чуть не до нашихъ дней, часто встрѣчаются въ святцахъ, календаряхъ и т. п. Конечно, и въ пасхальной таблицѣ не подъ каждымъ годомъ вставлялись такія замѣтки, а лишь тогда, когда это казалось любопытнымъ владѣльцу таблицы. Такимъ образомъ, и здѣсь мы встрѣчаемъ, какъ въ лѣтописи, рядъ годовъ не заполненными. Это внѣшнее сходство, а также совпаденіе краткихъ замѣтокъ пасхальной таблицы съ подобными же въ лѣтописи подъ тѣмъ же годомъ (и здѣсь часто подъ нимъ больше ничего и нѣтъ) заставляютъ предположить связь въ этихъ мѣстахъ лѣтописи и таблицъ, а именно: пользованіе таблицами у лѣтописи, а не наоборотъ. Конечно, если стремившійся установить событія ...годно составитель свода находилъ въ другомъ источникѣ событіе, ко...ое подходило подъ тотъ или другой годъ, то онъ пользовался и ...ъ другимъ источникомъ. Поэтому, рядъ такихъ хронологическихъ ...хъ извѣстій часто прерывается разсказомъ, который вноситъ бо...робное изложеніе событій. Но тамъ, гдѣ у него источниковъ, ... родѣ пасхальной таблицы, не было, такъ и оставались «пу...». Въ связи съ этими стремленіями—подбирать подъ извѣст...се, что можно было найти—стоитъ и появленіе въ лѣто... памятниковъ, датированныхъ или могущихъ быть дати..., напримѣръ, встрѣчаемся здѣсь съ памятниками, нося... юридическій. Не трудно замѣтить, что юридическіе

[1]) ...факсимиле воспроизведена у И. И. Срезневскаго въ его „Пам. ... въ атласѣ (изд. 2-е) и у М. И. Сухомлинова печатно въ ...ратурномъ“.

памятники передаются не приблизительно, а съ большою точностью. Въ нихъ обыкновенно заключается и хронологическое пріуроченіе: этого требуетъ самый характеръ памятника. Такими памятниками были, напримѣръ, договоры съ греками, которые, несомнѣнно, существовали въ письменномъ видѣ; такъ, существовали договоры Олега, два договора Игоря, договоръ Святослава и м. б. Владимира. Внесеніе этихъ договоровъ въ ихъ подлинномъ видѣ даетъ намъ очень важное показаніе. Это указываетъ, что составленіе лѣтописнаго свода не было дѣломъ частнаго лица, создающаго литературное произведеніе прежде всего для себя и для обычныхъ читателей, а было, такъ сказать, до извѣстной степени дѣломъ офиціальнымъ: договоръ хранился, какъ государственный документъ, въ канцеляріи князя. Мы не можемъ, конечно, прямо утверждать, что «Начальный лѣтописный сводъ» составленъ по порученію кіевскаго правительства: на это нѣтъ положительныхъ данныхъ, но во всякомъ случаѣ, можно сказать, что составленіе «Начальнаго лѣтописнаго свода» велось съ вѣдома кіевскаго правительства, при его участіи. На лѣтопись, именно потому, что она включала въ себя офиціально признанные факты и акты, ссылаются въ позднѣйшія времена, напримѣръ, въ XIII, въ XIV вѣкахъ. Подобныя ссылки дѣлались во внутреннихъ междукняжескихъ дѣлахъ: за лѣтописью признанъ, такимъ образомъ, извѣстный офиціальный авторитетъ. Косвенное подтвержденіе для такого положенія лѣтописи можно видѣть въ обстоятельствахъ самого возникновенія ея: сводъ 1039 г. возникъ по инціативѣ греческаго духовенства, митрополита, при его каѳедральной церкви.

Дальнѣйшее развитіе «Начальнаго общерусскаго свода» можетъ быть намѣчено только въ самыхъ общихъ очертаніяхъ и приблизительно въ такихъ чертахъ. Онъ уже съ 1039 года, т.-е. со времени «дре… нѣйшаго» свода становится въ ближайшемъ по времени отдѣлѣ погоди… записью; поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что по мѣрѣ теченія… бытій онъ продолжаетъ пополняться и послѣ 1095 года; таковы… его редакція (1116 г.) и 2-я (1118 г.); въ этомъ направленіи … реніе свода идетъ дальше. «Начальный общерусскій лѣтописный… является т. о. центромъ, къ которому постоянно подтягиваютъ… ченіемъ времени другіе историческіе или считаемые историч… мятники. Ясно, что лѣтописное дѣло пустило прочный ко… тературѣ. Поэтому-то, если мы обратимъ вниманіе на спис… до насъ, то замѣтимъ присутствіе новыхъ источниковъ, … лѣтопись между концомъ XI и XIV вв. Мы, напримѣ… съ внесеніемъ въ лѣтописный сводъ цѣлаго ряда из… монастыря. Значеніе Печерскаго монастыря, снача… значительнаго, постепенно, какъ мы знаемъ, возр…

печерскіе своды 1073 г., 1093 г. въ 1095 году превратились въ обще-русскій начальный сводъ, и въ этомъ сводѣ печерскія событія занимаютъ видное мѣсто. Позднѣе, число этихъ событій возрастаетъ: опи могутъ итти изъ отдѣльной, продолжавшейся спеціально-монастырской лѣтописи. Затѣмъ въ сводъ входятъ или цѣликомъ или по частямъ произведенія историческаго характера. Этимъ устанавливается связь лѣтописи съ другими памятниками. Иногда дѣло идетъ и обратнымъ путемъ: сказаніе, занесенное въ лѣтопись, является источникомъ или вліяетъ на отдѣльное историческое произведеніе. Такъ было, повидимому, съ житіями Бориса и Глѣба (Нестора и Іакова Мниха). Затѣмъ лѣтописный сводъ продолжаетъ развиваться все по тому же направленію, и мы видимъ присутствіе въ немъ новыхъ отдѣльныхъ памятниковъ, какъ русскаго, такъ и переводнаго происхожденія. Такъ, въ лѣтописномъ сводѣ появляется такое совершенно самостоятельное произведеніе, какъ поученіе князя Владиміра Мономаха. Принадлежало ли это произведеніе историческому Владиміру Мономаху или кому другому, и только сохранилось подъ его именемъ, это для насъ въ данномъ случаѣ не важно, а важно то, что мы имѣемъ дѣло съ крупнымъ дидактическимъ произведеніемъ уже XII вѣка. Изъ числа переводныхъ въ отдѣльныхъ типахъ лѣтописныхъ сводовъ, напримѣръ, въ Ипатьевскомъ находимъ вліяніе, напримѣръ, хроники Малалы.

Слѣдующая фаза развитія лѣтописныхъ сводовъ это—преобразованіе общерусскаго начальнаго свода въ своды общерусскіе и въ то же время мѣстные, т.-е.: беря исходной точкой общерусскій начальный сводъ, редакторы перерабатываютъ его по своимъ источникамъ примѣнительно къ своимъ воззрѣніямъ: сокращая большею частью древнѣйшую его часть, они образуютъ изъ него начало мѣстной лѣтописи—иначе говоря—продолжаютъ общій лѣтописный сводъ или мѣстными извѣстіями, или общерусскими или другихъ мѣстностей, но подъ угломъ ...нія своихъ мѣстныхъ интересовъ. Такими являются списки, носящіе ... наукѣ), названія: Суздальскій (онъ же Лаврентьевскій), Тверской, ...родскій, Ростовскій, Владимірскій и т. д.; списки въ родѣ Ипат... ...аютъ, кромѣ редакціи начальнаго свода, лѣтопись Кіевскую и ... Волынскую, продолжающую собою первую. Поэтому, ясно, что ... лѣтописные своды сильно разнятся другъ отъ друга по сво... ... и характеру: это стоитъ въ зависимости отъ значенія мѣст... ...тотъ сводъ ведется. Такъ, Кіевская лѣтопись, напримѣръ, ...е, такъ сказать, общерусскимъ лѣтописнымъ сводомъ, пока ...тъ за собою значеніе общерусскаго центра. Потому въ ...кія событія и памятники, которые имѣютъ общерус... ...го болѣе въ этомъ отношеніи къ ней подходятъ лѣ... ...я; но, конечно, въ Новгородской лѣтописи болѣе

вниманія удѣляется событіямъ мѣстнымъ, а не кіевскимъ. Затѣмъ идутъ лѣтописи уже, такъ сказать, еще болѣе мѣстныя, не носящія общерусскаго характера въ этомъ смыслѣ; тамъ уже мы часто видимъ довольно отличное отъ стараго общерусскаго содержаніе, такъ какъ въ центрѣ поставляется жизнь небольшого, сознающаго себя отдѣльнымъ, княжества, скажемъ, напр., Тверского, или Ростовскаго, или Галицкаго, Волынскаго и т. д.

Такимъ образомъ, эволюція, которую прошелъ лѣтописный сводъ въ теченіе Кіевскаго періода, въ общихъ чертахъ должна представляться въ слѣдующемъ видѣ: созданный изъ отдѣльныхъ, частью готовыхъ уже источниковъ (отдѣльныя сказанія, повѣсти, документы, воспоминанія) древнѣйшій Кіевскій сводъ 1039 г. даетъ начало древнѣйшему Новгородскому 1050 г. и вмѣстѣ съ нимъ, развиваясь, ведетъ къ общерусскому начальному своду 1093 г.; этотъ, въ свою очередь, осложняясь, вырабатывается въ 1-ю редакцію, такъ наз. «Повѣсти временныхъ лѣтъ» (около 1116 г.) и эта первая редакція общерусскаго начальнаго свода даетъ Владимирскій сводъ 1185 г. и 2-ю редакцію «Повѣсти», которыя даютъ въ свою очередь начало позднѣйшимъ мѣстнымъ сводамъ, распространяющимся за счетъ общерусскаго содержанія мѣстными извѣстіями.

Эти мѣстные своды частью и дошли до насъ въ видѣ списковъ, начиная съ конца XIII-го и XIV вѣковъ, сохраняя то въ большей, то въ меньшей степени общерусскій Кіевскій сводъ. Промежуточныя стадіи между списками и реконструируемымъ начальнымъ сводомъ могутъ быть представлены путемъ анализа этихъ списковъ. А. А. Шахматовъ для этой реконструкціи даетъ приблизительно такую схему [1]):

1-я ред. Повѣсти временныхъ лѣтъ (1116).

Владимирскій сводъ 1185 г. — 2-я ред. Пов. вр. л. (1118).

Ростовск. лѣт. XIII в. — Владимир. сводъ XIII в.

Переясл. лѣтоп. — Общер. сводъ нач. XIV в.

Лаврентьев. списокъ (1377 г.).

Ипатьевск. сп. (XIV в.).—Сводъ (М…

Радзивилл. сп. (XIV—XV в).

1) Приводится съ опущеніемъ подробностей и отдѣльныхъ с… ченныхъ, какъ наиболѣе извѣстныхъ.

Значеніе этихъ лѣтописныхъ сводовъ, какъ литературно-культурнаго памятника, очень велико: лѣтописное дѣло Кіевскаго періода показало уже высокую степень литературнаго развитія Кіевской Руси, совершенно ясно сознанное значеніе историческаго прошлаго, показало оживленіе литературы, совокупными усиліями создавшей такой сложный памятникъ, ставшій и въ литературномъ отношеніи центральнымъ, показало твердо установившуюся литературно-историческую традицію, надолго пережившую и Кіевскую Русь. При общемъ средневѣковомъ характерѣ литературы Кіевскаго періода, отмѣченномъ преобладаніемъ религіозно-церковнаго интереса, дидактическаго направленія, усердно поддерживаемаго Византіей прямо и черезъ юго-славянство, наши лѣтописные своды получаютъ особое значеніе для правильнаго пониманія древнѣйшаго періода литературы: отражая на себѣ неизбѣжно этотъ общій типъ религіозности, лѣтопись не явилась однако выраженіемъ только этой стороны нашей культуры, міросозерцанія. Рядомъ съ церковно-христіанской точкой зрѣнія она, да еще въ бо́льшей степени, явилась выраженіемъ нашего народнаго самосознанія: въ ней воплотилась идея единства русскаго племени, тѣсно связанная съ идеей единства государственнаго, почему интересы общерусскіе стоятъ въ ней на первомъ мѣстѣ, и интересы эти прежде всего политическіе, государственные, народные. Въ силу такого самосознанія лѣтопись не могла стать на византійскую точку зрѣнія отрицательнаго отношенія къ народному, какъ не покрывающемуся космополитической тенденціей исключительно церковнаго, преимущественно христіанскаго; поэтому лѣтопись охотно и свободно пользуется и устно-народной пѣсней, былиной, народной поговоркой и т. д. Она т. о. показываетъ, что Кіевское время стремилось къ гармоничному соединенію своего національнаго и чужого культурнаго, народнаго и христіанскаго. Только на этой почвѣ, при такомъ представленіи Кіевской литературы, далекой отъ религіозной исключительности, онятно появленіе и лѣтописи и «Слова о полку Игоревѣ».

Эволюція лѣтописныхъ сводовъ по направленію къ мѣстнымъ ясно ъ почувствовать значеніе и роль областного принципа развитія на- литературы, какъ онъ выясненъ былъ выше.

ецъ, нужно указать еще и на то, что изученіе исторіи нашей было, вмѣстѣ съ «Словомъ о полку Игоревѣ», такъ ска- историковъ русской литературы, школой научно-литератур- памятникъ сложный, слагавшійся въ теченіе столѣтій, V в. (въ предѣлахъ Кіевскаго періода), лѣтопись даетъ ріалъ для выработки и провѣрки литературно-истори-

---

IX. Слово о полку Игоревѣ. Послѣднимъ памятникомъ, который обязательно, хотя бы въ возможно сжатомъ видѣ, долженъ быть введенъ въ общее обозрѣніе литературы Кіевскаго періода, по своему общему значенію для ея пониманія, должно явиться Слово о полку Игоревѣ. Безъ разсмотрѣнія этого памятника наше представленіе о литературѣ и жизни Кіевскаго періода русской литературы было бы черезчуръ не полнымъ, одностороннимъ. Подобно лѣтописи, «Слово о полку Игоревѣ», изучаемое въ связи съ остальной литературой, бросаетъ яркій свѣтъ на эту послѣднюю, какъ мы знаемъ, особенно нуждающуюся въ этомъ освѣщеніи. Оно—памятникъ, настолько крупный по своему значенію и настолько сложный по своимъ особенностямъ, что подробное его изученіе такъ же, какъ и лѣтописи, должно было служить (и служитъ) предметомъ спеціальныхъ изслѣдованій, имѣющихъ цѣлью освѣтить съ той или иной стороны ту или другую особенность этого памятника. Въ общемъ же обозрѣніи литературы Кіевскаго періода возможно коснуться только наиболѣе существенныхъ сторонъ этого памятника. Эти стороны въ «Словѣ о полку Игоревѣ» удобнѣе всего, какъ мы то дѣлали и по отношенію къ лѣтописи, освѣтить можно, обратившп вниманіе на самую исторію изученія «Слова о полку Игоревѣ»: ни одинъ памятникъ не былъ такъ подробно и многосторонне изученъ, какъ оно, ни съ однимъ памятникомъ не связано столько и столь крупныхъ общихъ и частныхъ вопросовъ въ области исторіи литературы древняго періода. И долго еще онъ останется такимъ центральнымъ памятникомъ для изучающаго древній періодъ. Исторія изученія «Слова о полку Игоревѣ» тѣсно связана со всѣмъ ходомъ научнаго изученія литературы въ теченіе XIX-го вѣка. Излагая исторію изученія «Слова о полку Игоревѣ», мы въ то же время, естественно, познакомимся и съ существенными сторонами этого памятника.

Найденъ этотъ драгоцѣннѣйшій памятникъ нашей древней литера- туры былъ, какъ извѣстно, въ концѣ XVIII-го вѣка (1795 г.). Перво изданіе его появилось въ 1800 г. подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Ир ческая пѣснь о походѣ на Половцевъ удѣльнаго князя Новагор Сѣверскаго Игоря Святославича, писанная стариннымъ русским комъ въ исходѣ XII столѣтія, съ переложеніемъ на употребляемо нарѣчіе. Москва. Въ Сенатской Типографіи, 1800». Изданіе бы жено примѣчаніями, которыя главнымъ образомъ объясняли ис обстоятельства, намеки, находящіеся въ Словѣ; комментарій надлежалъ одному изъ лучшихъ тогда знатоковъ старой (хотя и не назвавшему себя) А. Ѳ. Малиновскому. По т стоянію науки строгаго научнаго отношенія, какого мы т къ издаваемому памятнику быть не могло; важность

сознана, но сюда примѣшивались патріотическія, отчасти романтико-поэтическія воззрѣнія; диллетантскій антикварный интересъ кружка первыхъ любителей русской старины и самая необычность характера «Слова о полку Игоревѣ» дѣлали особенно труднымъ примѣненіе къ нему обычныхъ выработанныхъ тогда методовъ. Какъ извѣстно, «Слово о полку Игоревѣ» постигла печальная судьба: единственная рукопись его, по отзывамъ лицъ, видѣвшихъ ее, довольно древняя, сгорѣла во время московскаго пожара 1812 года; это еще болѣе затруднило положеніе желавшихъ изучить памятникъ, но, съ другой стороны, еще болѣе подогрѣло интересъ къ нему. Въ рукахъ изслѣдователей оказалось лишь малокритическое первое изданіе памятника [1]), свидѣтельства и воспоминанія случайныхъ лицъ, видѣвшихъ рукопись, но не могшихъ ее оцѣнить научно, пока она была цѣла. Другого списка древняго и никакого вообще не находилось (и не нашлось до сихъ поръ). Редакторомъ перваго изданія скорѣе, впрочемъ номинально, былъ коллекціонеръ-меценатъ, нашедшій его, большой любитель древностей всякаго рода (а такихъ любителей тогда, въ концѣ XVIII в., было не мало среди начавшей себя сознавать русской аристократіи) графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ, фактически же—упомянутый А. Ѳ. Малиновскій, человѣкъ очень почтенный, начитанный любитель древности, отчасти ученый спеціалистъ, директоръ Архива Иностр. Дѣлъ, но, конечно, не могшій встать по тогдашнему состоянію науки на вполнѣ научную (для нашего времени) точку зрѣнія по отношенію къ «Слову о полку Игоревѣ». Для первыхъ изслѣдователей «Слова о полку Игоревѣ», это—«ироическая» пѣснь, «подобная Оссіановой» [2]). Появленіе подобнаго памятника льстило національному самолюбію русскихъ патріотовъ: и мы имѣли своего древняго «пѣснотворца», «скальда», какъ и шотландцы, древніе

---

[1]) Это изданіе перепечатывалось буквально (собственно текстъ) не разъ; изъ ...ыхъ перепечатокъ — наиболѣе доступное—„Слово о полку Игоревѣ, Игоря, сына ...ославля, внука Олегова", Спб. 1911 (издат. Комитета при И. Ф. фак. Спб. у—а), ...чтеніями изъ изданія П. Пекарскаго (см. ниже) и небольшой библіографіей ...ры Слова.

...сіанъ, пѣсни котораго (впрочемъ подложныя) изданы были въ Англіи, счи... ...нцѣ XVIII — XIX в. древнимъ (чуть ли не въ IV в.) народнымъ пѣвцомъ ...и, воспѣвавшимъ народныхъ героевъ. Эти пѣсни сыграли видную роль ... романтизма, въ частности той его вѣтви, которая увлекалась само... ...дной старины. Подъ вліяніемъ Запада и у насъ увлекались древнимъ ...еводили его, подражали ему (напр., Батюшковъ). Въ подражаніе ему ... Бояновы", замѣнившіе шотландскаго „барда" русскимъ пѣвцомъ ... и т. д. Это же увлеченіе стариной было и у западныхъ славянъ; ...еніе въ Чехіи „Краледворской" рукописи, „Любушина суда" и ...да, вышедшихъ изъ круга чешскихъ романтиковъ.

греки и т. д. Когда пора этого перваго увлеченія, стоящаго, несомнѣнно, въ связи съ общимъ романтическимъ настроеніемъ, съ общимъ нарождающимся тяготѣніемъ къ народности и старинѣ, съ романтическимъ же ея пониманіемъ,—когда пора этого перваго увлеченія «Словомъ о полку Игоревѣ» прошла, тогда наступила для него другая эпоха. Здѣсь прежде всего пришлось столкнуться съ такъ называемой скептической школой историковъ (упомянутой выше), во главѣ которой стоялъ извѣстный профессоръ русской исторіи въ Московскомъ университетѣ и издатель «Вѣстника Европы»—все тотъ же М. Каченовскій, а за нимъ не менѣе извѣстный Н. И. Надеждинъ: въ противовѣсъ патріотическому самодовольству при изученіи древней русской исторіи, Каченовскій и его школа выдвигаютъ критическое—въ крайнемъ проявленіи—скептическое отношеніе къ предмету поклоненія и увлеченія «романтиковъ». Открытіе такого памятника, «подобной Оссіановымъ ироической пѣсни», мало говорило его самолюбію, скорѣе задѣвая его, стремившагося разрушить старую традицію о славномъ прошломъ Руси; и онъ тотчасъ почти послѣ гибели рукописи «Слова» ставитъ рядъ недоумѣнныхъ вопросовъ, и прежде всего вопросъ: не является ли «Слово о полку Игоревѣ» подлогомъ, поддѣлкой? Очень ужъ оно казалось ему по характеру, содержанію рѣзко отличающимся отъ общаго типа, строя древней литературы, какъ ее себѣ представляли въ началѣ XIX в. наши изслѣдователи, ученики критика Шлецера. Теперь мы знаемъ, что Каченовскій въ этомъ отношеніи ошибался; но тогда русская наука не располагала тѣми данными, которыми мы теперь располагаемъ, и этотъ вопросъ, это сомнѣніе въ возможности существованія въ XII-мъ вѣкѣ такого, казалось, исключительнаго во многихъ отношеніяхъ памятника, какъ «Слово о полку Игоревѣ», несомнѣнно, имѣло большое значеніе какъ въ глазахъ «скептиковъ», такъ и «патріотовъ», въ свою очередь задѣтыхъ сомнѣніями остроумнаго Каченовскаго. Каченовскій усомнил[...] счесть «Слово» памятникомъ XII в. и по языку его и по характер[...] старался найти противорѣчія внутри его, анахронизмы (и находилъ, [...] годаря своему остроумію, діалектической ловкости). Во всякомъ [...] чаѣ, этотъ скептицизмъ Каченовскаго далъ сильный толчокъ для [...] нія, какъ самого «Слова о полку Игоревѣ», такъ и вообще все[...] древней литературы. Было заявлено, что «Слово о полку Иг[...] можетъ быть памятникомъ XII-го вѣка, такъ какъ особеннос[...] ка памятника (мы бы теперь прибавили: и списка), наприм[...] гласны съ языкомъ лѣтописей того же времени. Это во[...] гивъ подлинности памятника поставило на очередь воп[...] языкѣ XII-го вѣка. Конечно, прежде чѣмъ рѣшать [...] ли «Слово о полку Игоревѣ» по языку принадлежать[...]

нужно было имѣть точное представленіе о томъ, что представлялъ собою въ лексическомъ и грамматическомъ отношеніи русскій языкъ въ XII-мъ вѣкѣ. Это было сознано нашими учеными, и работы въ данномъ направленіи начались и идутъ вплоть до сихъ поръ. Теперь этого несоотвѣтствія языка «Слова» языку XII в. мы уже не находимъ. Подъ вліяніемъ этого скептическаго взгляда на «Слово» по отношенію къ его языку въ противовѣсъ этимъ сомнѣніямъ явилась работа Д. Дубенскаго «Слово о плъку Игоревѣ, Святъславля пѣстворца стараго времени, объясненное по древнимъ письменнымъ памятникамъ» (М. 1844, Русскія достопамятности, изд. Общ. Ист. и Др., т. III). Здѣсь впервые вмѣстѣ съ перепечаткой изданія 1800 г. данъ комментарій, дающій объясненія каждому слову, формѣ въ «Словѣ» на основаніи параллели съ древними текстами, вновь открытымъ тогда (см. ниже) сказаніемъ о Мамаевщинѣ, данъ словарь къ памятнику. Это изданіе положило конецъ неосновательнымъ нападкамъ скептиковъ съ этой стороны [1]) и значительно двинуло впередъ изученіе «Слова» и исторіи русскаго языка вообще. Затѣмъ, былъ и еще одинъ довольно сильный доводъ въ рукахъ противниковъ подлинности «Слова о полку Игоревѣ», именно: указывали на исключительное, одинокое положеніе «Слова» не только въ литературѣ XII-го вѣка, но и вообще во всей древней литературѣ. Во всей древней литературѣ нашей не находили ничего подобнаго «Слову о полку Игоревѣ», не было ни одного упоминанія о немъ, никакого слѣда его извѣстности въ старой письменности. Несомнѣнно, что такое произведеніе, какъ «Слово о полку Игоревѣ», должно было быть написано высокоталантливымъ поэтомъ, самая наличность котораго говорила о довольно высокой культурѣ нашего общества въ XII-мъ вѣкѣ, въ чемъ, при тогдашнемъ состояніи нашихъ свѣдѣній о литературѣ древнѣйшаго періода, сомнѣвались. Для представителей омантической школы, для защитниковъ подлинности «Слова о полку оревѣ» тутъ никакого вопроса быть не могло: они были убѣждены существованіи подобной культуры въ Кіевской Руси. Но для проковъ подлинности «Слова о полку Игоревѣ» тутъ былъ большой : они признавали, что во времена Кіевской Руси культура была изка, самый характеръ ея—духовный (это признавали скепСлово о полку Игоревѣ»—памятникъ свѣтскій. Такимъ обрасъ получалъ другую постановку, именно: спрашивалось уже то принадлежитъ ли «Слово о полку Игоревѣ» къ XII-му памятникъ позднѣйшій, а спрашивалось: возможно ли

бенскаго, несомнѣнно, лучшее изъ всѣхъ, появлявшихся до Тихолло и теперь своего значенія.

предположить существованіе такого памятника, какъ «Слово о полку Игоревѣ» въ XII-мъ вѣкѣ? И получался отвѣтъ скептиковъ, что появленіе подобнаго памятника въ XII-мъ вѣкѣ было совершенно немыслимо, такъ какъ вся культура Кіевской Руси не стояла еще на уровнѣ, при которомъ возможно было бы появленіе такого памятника, какъ «Слово о полку Игоревѣ». Но, если можно было думать, что «Слово о полку Игоревѣ» не принадлежитъ къ памятникамъ XII-го вѣка, то, конечно, этимъ вопросъ еще не рѣшался: нужно же было опредѣлить, къ какому времени оно относится, если не къ XII-му вѣку? Здѣсь опять-таки было высказано много предположеній. Одни скептики говорили, что «Слово о полку Игоревѣ» прямо-таки сочинено самимъ Мусинымъ-Пушкинымъ. Сторонники «Слова» указывали, что сдѣлать такую поддѣлку могъ бы только человѣкъ съ большимъ талантомъ и хорошій знатокъ древне-русскаго языка, древностей вообще, а Мусинъ-Пушкинъ таковымъ не былъ: въ такомъ случаѣ поддѣлка обязательно гдѣ-нибудь бы да ужъ высказала себя. Здѣсь указывали на то, что съ рукописью были знакомы такіе знатоки, какъ Карамзинъ; но онъ ни въ чемъ не нашелъ какой-либо ошибки, указывающей на поддѣлку. Были голоса, которые авторомъ фальсификата и называли Карамзина, другіе считали его поддѣлкой въ древнемъ духѣ, по XVI вѣка (митрополитъ Евгеній). Самые тщательные поиски защитниковъ подлинности «Слова» по собраніямъ старыхъ рукописей оставались безрезультатными: второго списка «Слова» не нашлось. Эти поиски вызвали еще нежелательное, впрочемъ временное, осложненіе дѣла, придали еще смѣлости скептикамъ и, кромѣ того, повели къ появленію поддѣлокъ: появились пергаминные списки «Слова»; это производило, хотя кратковременное, но сильное впечатлѣніе, пока подлоги не были обнаружены [1]. Былъ и еще ключъ къ рѣшенію загадки: это—изученіе палеографіи рукописи, опредѣленіе ея подлинности и времени написанія. Конечно, дѣло з труднялось тѣмъ, что рукопись уже не существовала. Но это еще значило, что никакія изысканія въ этой области невозможны: были л видѣвшія рукопись; стало быть, можно было кое-что возстанови памяти; во-вторыхъ, палеографическія особенности письма мо ступать въ печатномъ изданіи какъ прямо, такъ и косвенно, передачѣ печатными буквами начертаній рукописи, иногда въ пущенныхъ издателемъ ошибокъ. Но палеографія была тогд но еще не разработана. Стало быть, мы опять сталкиваемся

[1]) Одинъ изъ такихъ поддѣльныхъ пергаминныхъ списковъ „С
извѣстнымъ въ 20-хъ гг. прошлаго столѣтія торговцемъ рукопися
Музеѣ. Грубость поддѣлки, самая ея возможность, показыва
была въ то время развита палеографія.

явленіемъ, что и относительно исторіи русскаго языка: «Слово о полку Игоревѣ» должно было дать и дало толчокъ къ изученіямъ въ области русской палеографіи, которыя ведутся вплоть до нашихъ дней. Списокъ «Слова о полку Игоревѣ» видѣли такіе знатоки, какъ, напримѣръ, извѣстный митрополитъ Евгеній (Болховитиновъ); онъ былъ человѣкъ достаточно знакомый съ русскими рукописями, и вотъ онъ-то утверждалъ, что списокъ «Слова о полку Игоревѣ» относится къ XVI-му вѣку; другіе находили его «древнимъ» потому, что онъ читался ими съ трудомъ, не имѣлъ дѣленія словъ и т. д.; инымъ онъ напоминалъ бѣлорусскій почеркъ, похожій на руку Дмитрія Ростовскаго (т.-е. XVII—XVIII вв.) и т. п., стало быть, «древнимъ» не былъ. Возникли оживленные споры по этому поводу. Съ точки зрѣнія рѣшенія вопроса о «Словѣ о полку Игоревѣ» можно было бы назвать эти споры безплодными, если бы не ихъ косвенное значеніе, о которомъ мы уже выше не разъ говорили: они послужили какъ вообще къ возбужденію и углубленію интереса къ изученію нашей древней литературы, такъ и дали сильный толчокъ къ разработкѣ цѣлыхъ отдѣльныхъ наукъ и дисциплинъ, какъ исторія русскаго языка, древне-русская палеографія и т. д.—Въ такомъ положеніи дѣло шло приблизительно до пятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, колеблясь то въ одну, то въ другую сторону, пока, наконецъ, всѣмъ спорамъ не былъ положенъ конецъ новымъ, замѣчательнымъ открытіемъ въ области древней литературы. Мы говоримъ объ открытіи (въ 1818 г.) такъ называемой «Задонщины»—памятника конца XIV вѣка, несомнѣнно, подлиннаго, на которомъ однако совершенно ясно отразилось вліяніе «Слова о полку Игоревѣ» [1]). Послѣ этого открытія, только 20 лѣтъ спустя получившаго оцѣнку, у школы скептиковъ, конечно, была окончательно отнята ихъ позиція; они замолкаютъ.

Такимъ образомъ, съ 40—50-хъ годовъ начинается новая эпоха въ изученіи «Слова о полку Игоревѣ», а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ изученіи нашей древней литературы. Здѣсь выступаютъ съ работами о ...ѣ о полку Игоревѣ» Ѳ. И. Буслаевъ и Н. С. Тихонравовъ; осо-

---

...онщина“ открытая Р. Тимковскимъ, изданная И. М. Снегиревымъ (въ ...ставляетъ не что иное, какъ перефразировку (довольно не талантливую) ...у Игоревѣ“ примѣнительно къ событію 1380 г., Куликовской битвѣ.— ...который ударъ скептикамъ, утверждавшимъ, что „Слово“ въ древности ...могло по ихъ мнѣнію быть) извѣстно, нанесенъ открытіемъ въ при... 1307 г. (Моск. Синод. библ. № 122) цитаты („при сихъ князехъ ...усобицами, гыняше жизнь наша...“) близкой къ одному мѣсту ...ытіе, допускавшее возможность и обратнаго толкованія (т.-е. ...тола фальсификаторомъ), дѣла окончательно не рѣшало.

бенно много сдѣлано послѣднимъ. То направленіе, которое было дано Тихонравовымъ изученію «Слова о полку Игоревѣ», остается, можно сказать, въ полной своей силѣ и до настоящаго времени. Это станетъ яснымъ, если мы окинемъ взглядомъ то, что сдѣлалъ Тихонравовъ для изученія «Слова о полку Игоревѣ». Тихонравовъ въ 1865 г., а затѣмъ въ 1868 г. сдѣлалъ изданіе «Слова о полку Игоревѣ», которое онъ предназначалъ, правда, для средней школы; но оно настолько отвѣчаетъ самымъ строгимъ научнымъ требованіямъ, что можетъ считаться вполнѣ научнымъ трудомъ. Такъ, имъ въ предисловіи и примѣчаніяхъ выставлены всѣ основные принципы, по которымъ должно вестись изслѣдованіе памятника; поэтому изданіе Тихонравова получило характеръ программы изслѣдованія. Прежде всего на очереди, конечно, стояла исторія изданія текста: ей должно быть удѣлено достаточно вниманія потому, что она можетъ до извѣстной степени возстановить безвозвратно для насъ погибшую рукопись, отъ которой должно отправляться изслѣдованіе «Слова», какъ и всякаго древняго памятника. Трудности были, конечно, огромныя, такъ какъ приходилось оперировать съ печатнымъ текстомъ «Слова о полку Игоревѣ», который вышелъ изъ рукъ человѣка безъ достаточной научной подготовки, въ лучшемъ случаѣ любителя старины, начитаннаго въ текстахъ: надо было по не критичному, во многомъ не удовлетворительному изданію возстанавливать путемъ его изученія то, что было или должно было быть въ рукописи. Мусинъ-Пушкинъ говоритъ, что читалъ рукопись онъ съ трудомъ, такъ какъ слова не были раздѣлены другъ отъ друга, и вообще было много не понятнаго; трудность увеличивалась еще тѣмъ, что много словъ, по его словамъ, было подъ титлами, т.-е. писанныхъ сокращенно. Въ общемъ же рукопись писана, по мнѣнію Мусина-Пушкина, довольно чистымъ письмомъ, по бумагѣ относилась къ XIV ил[illegible] XV вв. Мнѣніе М.-Пушкина, какъ любителя, въ значительной степе[illegible] диллетанта (какъ показало другое его изданіе: Духовная (поученіе) [illegible]номаха, 1793 г.), могло имѣть значеніе, только какъ свидѣтеля[illegible] общавшаго свое впечатлѣніе. Карамзинъ относилъ ее къ концу [illegible] Селивановскій (ученый типографъ, одинъ изъ сотрудниковъ Ру[illegible] и Мусина-Пушкина) считалъ поздней (бѣлорусское письмо, [illegible] на руку Дмитрія Ростовскаго), Евгеній—XVI в. Чтобы р[illegible] во всѣхъ этихъ противорѣчіяхъ, Тихонравовъ пользуется ме[illegible]нительно-палеографическимъ, который въ данномъ случа[illegible] не безполезнымъ. Ко времени работъ Тихонравова для [illegible] сталъ доступенъ и новый, до сихъ поръ не привлекавш[illegible] это была т. н. Екатерининская копія «Слова», сдѣлан[illegible] съ рукописи и сохранившаяся въ ея бумагахъ въ [illegible]

вѣ (отсюда названіе ея также: «Архивскій списокъ»); она въ 1864 г. найдена Пекарскимъ и издана, хотя и не совсѣмъ исправно [1]). Тихонравовъ использовалъ впервые этотъ текстъ: если Екатерининская копія и не вездѣ умѣло и точно передавала древнюю рукопись, то часто она сохраняла подлинныя начертанія (напр., выписныя буквы), уже уничтоженныя въ изданіи 1800 года, или своими ошибками указывала на то, какъ читалось въ подлинникѣ. Тихонравовъ былъ прекрасно практически знакомъ съ древней русской палеографіей. Путемъ палеографическаго анализа написаній печатнаго изданія, изученія ошибокъ издателей, современныхъ изданію свидѣтельскихъ показаній, Тихонравовъ установилъ, что рукопись во всякомъ случаѣ не старше XVI вѣка, писана она была полууставомъ, переходившимъ уже въ скоропись, въ которой нѣкоторыя буквы мало отличались другъ отъ друга, почему спутать ихъ было очень легко, особенно человѣку неопытному, какимъ и былъ Мусинъ-Пушкинъ и его товарищи; именно, такую то путаницу буквъ мы и имѣемъ въ печатномъ изданіи. Такъ, оно путало: ъ и ь, ѣ съ ы, ѣ съ ъ, что было бы не возможно, если бы передъ издателями была рукопись XV в., тѣмъ болѣе XIV в., когда эти начертанія различались совершенно отчетливо. Въ пользу своего заключенія Тихонравовъ нашелъ и другія, уже литературнаго характера, данныя: какъ извѣстно, рукопись «Слова о полку Игоревѣ» заключалась въ сборникѣ, въ которомъ были и другіе памятники. Какіе это были памятники, намъ извѣстно изъ предисловія къ изданію 1800 года [2]). И Тихонравовъ обращаетъ вниманіе на эти памятники, въ литературной компаніи коихъ оказалось «Слово о полку Игоревѣ». Памятники эти (кромѣ «Гранографа» и лѣтописи) совершенно особаго характера: всѣ они встрѣчаются очень рѣдко, особенно въ тѣхъ редакціяхъ, которыя были въ рукописи Мусина-Пушкина [3]). Это и понятно, по мнѣнію Тихонравова: они отличались по своему содержанію и характеру довольно рѣзко отъ наиболѣе распространенныхъ памят...ковъ въ нашей древней литературѣ, преимущественно церковнаго и ...ѣе или менѣе духовнаго дидактическаго характера. Ни «Слово о ...у Игоревѣ», ни «Девгеніево дѣяніе», ни другіе памятники, бывшіе ...й же рукописи, не носили на себѣ этого церковнаго, душеспаси-

...ное ея изданіе см. въ Древностяхъ И. Моск. Археол. Общ. т. XIII (1890)— ...ки.

...: 1) „Гранографъ“; 2) „Лѣтопись“; 3) „Сказаніе объ Индійскомъ цар- ...заніе объ Акирѣ премудромъ“; 5) „Слово о полку Игоревѣ“; 6) „Девге-

...іяхъ ихъ мы можемъ судить по выпискамъ изъ самой рукописи въ ...на, сдѣланнымъ еще до гибели рукописи.

тельнаго отпечатка. Это и обусловливало ихъ рѣдкость. Это, положимъ, не была апокрифическая литература, которая бы запрещалась церковью, но и не церковная, а свѣтская, которая, во всякомъ случаѣ, церковью и правительствомъ не поощрялась, не переписывалась такъ, какъ литература духовная [1]). Стало быть, какой-нибудь особенно исключительный любитель «свѣтской», «мірской» литературы составилъ для себя этотъ сборникъ, переписавъ въ него тѣ рѣдкія произведенія, которыя ему наиболѣе понравились. Этимъ для Тихонравова объясненъ былъ и фактъ рѣдкости «Слова», то, что не находится до сихъ поръ еще его списковъ. Этимъ устраняется и предположеніе, о невозможности возникновенія «Слова» въ XII в.. Но анализъ сборника далъ матеріалъ и для опредѣленія времени рукописи: Гранографъ—названіе Хронографа—ранѣе конца XVI в. встрѣтиться не могло: это—названіе 2-й редакціи Хронографа, возникшей не ранѣе этого времени и законченной въ 1617 году. Разъ вопросъ о времени рукописи рѣшался такимъ образомъ, становится возможной дальнѣйшая сравнительно-палеографическая критика текста: въ дошедшихъ до насъ рукописяхъ XVI в. мы встрѣтимъ тѣ начертанія, которыя были и въ погибшей; и матеріалъ этихъ рукописей объяснитъ въ значительной степени ошибки и издателей, плохо читавшихъ рукопись, и даже писца, плохо читавшаго въ XVI в. древній свой оригиналъ. Такимъ образомъ, палеографическая критика дала возможность Тихонравову исправить рядъ темныхъ мѣстъ (конечно, не всѣхъ) въ «Словѣ». При этомъ онъ внесъ правильное дѣленіе словъ (вѣдь, его не было въ рукописи), часто ошибочно раздѣленныхъ Мусинымъ-Пушкинымъ (напр., вм. «мужаимъся» Мусинъ-Пушкинъ читалъ: «мужа имѣся»), внесъ болѣе правильную интерпункцію (ея также не было въ рукописи, а если была, то не соотвѣтствующая нашей) [2]), внесъ поправки въ отдѣльныя слова: напримѣръ, исходя изъ близости въ рукописяхъ XVI вѣка начертаній «тр» [3]) и «б», вѣроятно, путавшихся издателями, какъ необычныхъ въ современномъ намъ письмѣ, онъ предложилъ вмѣсто «Тр[illegible] яню», гдѣ требовалъ смыслъ, читать, «Бояню»; имѣя въ виду б[illegible] зость начертаній ъ и ѣ, слабо различаемыхъ издателями, онъ испра[illegible] также нѣсколько мѣстъ (см. примѣръ выше). Сюда же привлечен[illegible] ла для возстановленія «Слова о полку Игоревѣ» и «Задонщин[illegible] чтенія, какъ близкаго словеснаго подражанія «Слову», могли [illegible]

[1]) Напомнимъ, что главную массу людей грамотныхъ составляло в[illegible] венство.

[2]) Этимъ, разумѣется, онъ устанавливалъ болѣе правильный смы[illegible] вильно переданныхъ мѣстъ рукописи.

[3]) Связное начертаніе: „т“ вверху, подъ нимъ „р“.

подлинное чтенiе и «Слова»; кое-что въ «Задонщинѣ» уцѣлѣло лучше, чѣмъ въ копiи XVI в. «Слова»; и ошибки автора «Задонщины» также указывали настоящее чтенiе его оригинала, т.-е. «Слова». Это все использовано Тихонравовымъ и для критики текста и его возстановленiя и въ другихъ случаяхъ. Открытая Тимковскимъ и изданная по древнѣйшей рукописи И. И. Срезневскаго «Задонщина», несомнѣнно, какъ то явствуетъ изъ самаго содержанiя памятника, была составлена вскорѣ послѣ 1380 года. Она стоитъ въ тѣсной связи со «Словомъ о полку Игоревѣ», представляя его передѣлку, приспособленную къ описанiю Куликовской битвы. При этомъ авторъ не во всемъ понималъ «Слово о полку Игоревѣ», доходя въ своемъ заимствованiи до совершенно подчасъ безсмысленныхъ искаженiй слова; напримѣръ: онъ совершенно не понялъ извѣстнаго повторяющагося выраженiя «Слова о полку Игоревѣ»: «О Русская земле, уже за шеломенемъ еси», и передаетъ эту фразу такъ: «Коли русская земля за царемъ Соломономъ была»; изъ «Бояна вѣщаго» сдѣлалъ «вѣщаннаго боярина» и т. п. Такiя искаженiя, подобно доказательству «отъ противнаго», вели къ установленiю текста «Слова». Такимъ образомъ, работы Тихонравова прежде всего вели къ установленiю времени погибшей рукописи и къ правильной постановкѣ критики текста «Слова». Въ этомъ отношенiи имъ достигнуты положительные результаты. Но этимъ онъ не ограничился. Второе, что онъ внесъ въ изученiе «Слова», это было указанiе на установленiе взаимоотношенiя между «Словомъ о полку Игоревѣ» и народно-устной поэзiей. Вопросъ объ этомъ отношенiи поднимался и раньше: еще въ 1837 году М. А. Максимовичъ, одинъ изъ первыхъ изслѣдователей древней малорусской книжной и устной литературы, издавая «Слово о полку Игоревѣ» въ переводѣ на русскiй языкъ, указывалъ, что въ немъ есть очень много элементовъ, роднящихъ его съ нашей народной поэзiей, ри чемъ устанавливалъ связь его, именно, съ современной малорусой народной поэзiей, считая «Слово» произведенiемъ малорусской ратуры. Имѣя въ виду судьбы русской народной поэзiи не только русской, но и великорусской, тѣсно связанныхъ въ своемъ прош- Тихонравовъ расширилъ кругъ сравненiя, введя въ него всю рус- одную поэзiю. Въ этомъ онъ отчасти шелъ уже по слѣду, па- у Буслаевымъ, видѣвшимъ въ «Словѣ» богатый источ- усской и даже славянской миѳологiи и народной поэзiи [1]). мѣстъ въ «Словѣ о полку Игоревѣ», несомнѣнно, самымъ зомъ соприкасается съ народной поэзiей, прежде всего въ

[1]) ... азомъ въ своей извѣстной статьѣ „Русская поэзiя XI и начала ... , 377). Ср. также *И. Н. Жданова*, Сочиненiя I, 345 и сл.

отношеніи пріемовъ поэтическаго творчества: здѣсь мы встрѣчаемъ и отрицательныя сравненія, и постоянныя повторенія, и употребленіе постоянныхъ эпитетовъ, обычное въ устной поэзіи, рядъ образовъ, одинаковыхъ съ образами народной поэзіи, олицетвореній,—словомъ, массу признаковъ, характерныхъ для произведеній народно-устной поэзіи (знаменитый «плачъ Ярославны» даетъ полную аналогію къ заплачкамъ, причитаніямъ и т. д.). Эта связь дала матеріалъ для Тихонравова и послѣдующихъ ученыхъ при опредѣленіи характера всего памятника: она установила фактъ, что авторъ «Слова», если и былъ человѣкъ книжный, то во всякомъ случаѣ писавшій подъ сильнымъ вліяніемъ народно-поэтическихъ воззрѣній своего времени.

Наконецъ, позднѣе (въ его университетскихъ лекціяхъ) Тихонравовымъ затронутъ былъ и третій крупный моментъ въ изученіи «Слова», остававшійся не выясненнымъ, именно, положеніе «Слова» въ литературѣ древняго періода. Уже давно указывалось на одиночество, исключительность «Слова», какъ памятника свѣтскаго, въ древней литературѣ, преимущественно церковно-религіозной. Большой знатокъ древней литературы, Тихонравовъ, объясняя рѣдкость «Слова» его характеромъ (см. выше), отвергаетъ его одиночество, допуская исключительность только въ смыслѣ исключительной талантливости его автора. Онъ нашелъ, что «Слово» есть талантливый представитель цѣлаго теченія въ древней литературѣ, выдѣляющагося на фонѣ остальной, преимущественно, правда, религіозно-дидактической литературы: въ немъ онъ увидалъ «воинскую повѣсть», роднящую его съ цѣлой группой подобныхъ же по міровоззрѣнію и стилю «воинскихъ» повѣстей, старшихъ его и современныхъ и младшихъ, переводныхъ и оригинальныхъ, каковы: «Повѣсть о взятіи Іерусалима» (Флавія), «Девгеніево дѣяніе» (см. выше, стр. 273), боевые разсказы въ лѣтописяхъ (преимущественно южныхъ), восходящіе къ отдѣльнымъ повѣстямъ, какъ къ источникамъ: сказанія о Куликовской битвѣ, о взятіи Кіева Батыемъ, «Взятіе Цареграда турками».

Такимъ образомъ, со времени Тихонравова процессъ изученія ва о полку Игоревѣ» вступаетъ въ фазисъ широкаго, всестор сравнительнаго изученія памятника; многое, сдѣланное Тихонр для изученія «Слова о полку Игоревѣ», стало фактомъ въ н лучило свое подтвержденіе и инымъ путемъ. Но многое ос остается еще сдѣлать. Отправляясь, главнымъ образомъ, с наго Тихонравовымъ, послѣдующіе ученые продолжают «Слова» и до сихъ поръ. Такимъ образомъ, изученіе преимущественно вглубь, незначительно расширяясь в тія новыхъ сторонъ памятника.

Тихонравовъ въ первомъ своемъ изданіи «Слова» въ примѣчаніяхъ объяснялъ поэтическую сторону «Слова о полку Игоревѣ», при чемъ дѣлалъ экскурсы въ область сравнительной миѳологіи по поводу миѳологическихъ реминисценцій въ «Словѣ»: тогда (въ началѣ 60-хъ гг.) было время увлеченія миѳологическими теоріями. Но потомъ, къ концу 60-хъ годовъ, наступаетъ время реакціи противъ этихъ увлеченій миѳологіей, миѳологическая школа смѣняется другими—школой исторической, школой сравнительнаго заимствованія (теорія Бенфея). Тихонравовъ также долженъ былъ сильно сократить миѳологическій элементъ въ примѣненіи къ объясненію «Слова о полку Игоревѣ»: во второмъ изданіи (1868 г.) значительная часть «миѳологическихъ» экскурсовъ удалена. Отраженіемъ начавшагося отрезвленія въ наукѣ явилась работа В. Ф. Миллера «Взглядъ на «Слово о полку Игоревѣ» (М. 1877)», пытавшаяся внести новое освѣщеніе въ генезисъ «Слова». В. Ф. Миллеръ примѣнилъ къ «Слову о полку Игоревѣ» въ общемъ тѣ же теоріи, которыя позднѣе онъ пробовалъ примѣнять къ нашей былевой поэзіи. Какъ извѣстно, онъ видитъ въ нашей былевой поэзіи много заимствованнаго, хотя, конечно, не въ такой степени, какъ казалось это покойному В. В. Стасову, при чемъ В. Ф. Миллеръ усиленно настаивалъ на заимствованіи изъ восточныхъ эпосовъ. Ту же теорію заимствованія онъ примѣнилъ и по отношенію къ «Слову о полку Игоревѣ». Именно, онъ указываетъ на его подражательность, въ частности подражаніе болгарскимъ повѣстямъ. Типъ «воинской» повѣсти представляется ему не туземнымъ русскимъ. Но В. Миллеръ не ограничивается этимъ; онъ указываетъ даже на памятникъ, съ которымъ можно сблизить «Слово о полку Игоревѣ». Этотъ памятникъ—«Девгеніево дѣяніе». Дѣйствительно, «Девгеніево дѣяніе» представляетъ памятникъ бóльшей древности сравнительно со «Словомъ о полку Игоревѣ», также совмѣщаетъ элементы книжные и устные [1]). Но, конечно, утверждать, что «Слово о полку Игоревѣ» есть подражаніе какъ разъ такому памятнику, какъ «Девгеніево дѣяніе», мы не имѣемъ никакого права. Что же каса... стиля «Слова о полку Игоревѣ», то здѣсь мы можемъ найти много ...гіи въ самой же русской литературѣ, напримѣръ, въ Ипатьевской ...иси, что̀ можетъ служить доказательствомъ полной самобытности ... о полку Игоревѣ». Такимъ образомъ, если и можно вообще ... о какихъ-либо заимствованіяхъ, выразившихся въ «Словѣ о ...ревѣ», то, конечно, не въ томъ смыслѣ, какъ дѣлаетъ это ... Миллеръ. Если попытка Миллера связать «Слово о полку

... дѣяніе“ въ основѣ своей имѣетъ народныя богатырско-историче... ...и о борьбѣ съ сарацинами и создано не позднѣе X—XI вѣка.

Игоревѣ» съ «Девгеніевымъ дѣяніемъ», какъ съ образцомъ тѣхъ произведеній, какимъ могъ подражать авторъ «Слова», оказалось не вполнѣ удачной, то другія части его изслѣдованія, несомнѣнно, внесли еще большее освѣщеніе въ изученіе «Слова». Такъ, имъ еще разъ и точнѣе формулирована мысль, что авторъ «Слова»—книжный человѣкъ, что «Слово» не есть запись народной пѣсни (какъ предполагали нѣкоторые прежніе изслѣдователи), а сознательный актъ творчества талантливаго, начитаннаго въ современной литературѣ и чуткаго къ народной поэзіи писателя. Имъ же, помимо нѣсколькихъ удачныхъ исправленій текста (продолженіе работы Тихонравова), дано и одно существенно важное разъясненіе для пониманія стиля «Слова» въ связи съ такъ наз. «миѳологіей» «Слова»: эта послѣдняя не есть «миѳологія» въ собственномъ смыслѣ, а стилистическій пріемъ автора, конечно, уже не вѣровавшаго въ Хорсовъ, Дажьбоговъ, и удачно употребившаго эти «миѳологическія» реминисценціи лишь какъ средство для поэтическаго изображенія, для поэтическихъ образовъ.

Затѣмъ нужно упомянуть о работѣ А. Н. Веселовскаго относительно «Слова о полку Игоревѣ». Веселовскій спеціально «Словомъ о полку Игоревѣ» не занимался. Его работа была вызвана упомянутымъ изслѣдованіемъ В. Ф. Миллера: «Взглядъ на Слово о полку Игоревѣ» [1]). Между прочимъ, Веселовскаго заинтересовалъ вопросъ о томъ же загадочномъ Троянѣ, надъ объясненіемъ котораго трудилось столько ученыхъ (Буслаевъ, Тихонравовъ и др.). Принимая чтеніе—«Троянь»—Веселовскій совершенно не соглашается со взглядами В. Ф. Миллера на объясненіе этого Трояна. Какъ извѣстно, объясненій было дано нѣсколько: одни изслѣдователи, какъ, напримѣръ, Е. Огоновскій [2]), видѣли въ немъ миѳическое существо, которое онъ сближалъ съ Хорсомъ: это былъ какой-то богъ солнца, свѣта, сражающійся съ темными силами. Другіе изслѣдователи, какъ самъ В. Ф. Миллеръ, видѣли въ немъ историческую основу, именно, императора Трояна, но, по его мнѣнію, на основаніи этой исторической личности возникло миѳически-сказочн[illegible] представленіе о какомъ-то зломъ существѣ. Веселовскій отвергаетъ [illegible] эти воззрѣнія; онъ считаетъ, что вмѣсто этой миѳологической [illegible] зрѣнія лучше въ «Троянѣ», «Трояновомъ вѣкѣ» видѣть отзвуки [illegible] сказочной саги о знаменитой Троѣ въ средневѣковой разрабо[illegible] обошедшей всѣ народности Европы. Для подтвержденія этого [illegible] скій даетъ разборъ «троянскихъ» сказаній въ Западной Евро[illegible]

---

[1]) См. Ж. М. Н. П. 1877, VIII.

[2]) Малорусскій галицкій ученый, сдѣлавшій одно изъ лучшихъ [illegible] Львовъ, 1876).

тіи и у славянъ. Если предположеніе Веселовскаго осталось гипотезой, то все же оно отмѣтило новый этапъ въ разработкѣ «Слова»: оно включалось, такимъ образомъ, въ исторію странствующей международной міровой литературы средневѣковья.

Изъ другихъ трудовъ слѣдуетъ отмѣтить трудъ А. А. Потебни («Слово о полку Игоревѣ». Текстъ и примѣчанія, Воронежъ, 1878. Изъ «Филолог. записокъ»): его комментарій, слабый въ смыслѣ критики текста, несомнѣнно, во многомъ разъяснилъ намъ народно-поэтическую стихію «Слова», изучаемую главнымъ образомъ на почвѣ психологіи творчества: сюда входятъ символика, параллелизмъ и т. д. народной поэзіи въ примѣненіи автора «Слова». Въ этомъ отношеніи это одинъ изъ наиболѣе цѣнныхъ комментаріевъ «Слова» [1]).

Нужно еще упомянуть о Е. Е. Голубинскомъ, который, между прочимъ, въ своей «Исторіи Русской церкви» высказываетъ свой взглядъ на «Слово о полку Игоревѣ». Взглядъ его довольно оригиналенъ: онъ считаетъ въ смыслѣ достовѣрности лѣтописный разсказъ о походѣ Игоря гораздо выше «Слова о полку Игоревѣ», а самое «Слово» считаетъ продуктомъ творчества нашего «домонгольскаго трубадурства». Е. Е. Голубинскій хочетъ его мѣрить мѣркой лѣтописи, цѣнность опредѣляетъ по степени фактичности,—взглядъ—нѣсколько односторонній: «Слово о полку Игоревѣ»—прежде всего памятникъ поэтическій, а не историческій, лирическій, а не повѣствовательный.

Теперь переходимъ къ послѣднему крупному труду въ дѣлѣ изученія «Слова о полку Игоревѣ», именно къ работѣ Е. В. Барсова. Работа это большая, въ трехъ томахъ, еще не законченная. Первые два тома вышли въ 1887 г., а томъ III въ 1890 году. Барсовъ старается выставить, главнымъ образомъ, историческое и художественное значеніе «Слова о полку Игоревѣ». Кромѣ того, работа Барсова представляетъ, правда, своеобразный, пересмотръ всего, что было сдѣлано ля изученія «Слова о полку Игоревѣ» до 80-хъ годовъ. Авторъ этого уда извѣстный этнографъ, собиратель древностей, весьма разносторонне итанный, но безъ систематической, строго филологической школы. ъ недостатокъ отразился особенно не выгодно на его обширномъ 1-й томъ, посвященный критическому обзору того, что сдѣлано ова по «Слову о полку Игоревѣ», вышелъ не особенно удаченъ, убъективностью, обнаруживая пробѣлы въ спеціальной подгора, не-филолога. Такой же характеръ въ общемъ носитъ и втоаботы Е. В. Барсова: это—изученіе текста. Работа Барсова

ебни съ дополненіемъ его замѣтокъ о „Задонщинѣ“ вторично изданъ г.

называется очень характерно: «Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской дружинной Руси», т.-е., уже прямо въ заглавіи указывается соціальное положеніе той среды, откуда вышло «Слово о полку Игоревѣ». Въ этомъ отношеніи Барсовъ не вполнѣ самостоятеленъ: это мнѣніе было подсказано ему тѣмъ, что сдѣлано еще Тихонравовымъ, Вс. Миллеромъ. Барсовъ разсматриваетъ «Слово о полку Игоревѣ» съ различныхъ сторонъ. Онъ изучаетъ его въ связи съ народнымъ творчествомъ и въ связи съ древне-русской письменностью вообще, затѣмъ разсматриваетъ его спеціально, сравнительно съ лѣтописями, а также и по отношенію къ позднѣйшимъ повѣстямъ, въ родѣ «Задонщины» или «Сказаній о Мамаевомъ побоищѣ». Такимъ образомъ, Е. В. Барсовъ продолжалъ въ обработкѣ своей и мысль Тихонравова о «Словѣ», какъ повѣсти воинской. Въ виду этого онъ, опять-таки пользуясь указаніемъ Тихонравова, подробно сравниваетъ «Слово» съ переводной повѣстью Флавія о разореніи Іерусалима. Это сравненіе могло бы дать гораздо больше, нежели дало Барсову; недостаточное пользованіе греческимъ текстомъ повело къ ряду ошибокъ и неточностей, что осложнялось еще тѣмъ, что переводная повѣсть Флавія далеко не достаточно изслѣдована; даже греческій его оригиналъ точно не установленъ. Главный интересъ новизны въ работѣ Барсова представляетъ пользованіе бумагами А. Ѳ. Малиновскаго (работавшаго надъ 1-мъ изданіемъ «Слова»), которыя попали въ библіотеку Е. В. Барсова. Здѣсь, конечно, мы имѣли бы дѣло съ цѣннымъ матеріаломъ, какъ идущимъ отъ лица, внимательно (ради изданія) изучавшаго погибшую теперь рукопись: но Е. В. Барсовъ, повидимому, сильно преувеличиваетъ цѣнность выписокъ, сдѣланныхъ Малиновскимъ еще до пожара 1812 года. Присматриваясь къ нимъ съ точки зрѣнія палеографической, убѣдимся, что Малиновскій, если и дѣлалъ, дѣйствительно, выписки изъ подлинной рукописи, то при этомъ вовсе не преслѣдовалъ цѣли точности, тѣмъ болѣе цѣлей палеографическихъ, чт сильно понижаетъ ихъ цѣну: а именно такое значеніе и приписыв ется бумагамъ Малиновскаго. На основаніи выписокъ изъ нихъ, п водимыхъ Е. В. Барсовымъ, возникало даже подозрѣніе, что б Малиновскаго представляютъ собою подлогъ, и что Барсовъ в въ обманъ нечестнымъ фальсификаторомъ. Ясно, что, при таки віяхъ, необходимо полное и точное изданіе бумагъ А. Ѳ. Мали только такое изданіе могло бы окончательно установить цѣн матеріала[1]). Такимъ образомъ, громадный и обстоятельн гихъ отношеніяхъ трудъ Барсова отчасти теряетъ свою цѣ

[1]) Бумаги Малиновскаго въ настоящее время поступили вм рукописей Е. В. Баркова въ Историческій Музей въ Москвѣ.

конечно, отрицать его значеніе въ нашей литературѣ о «Словѣ о полку Игоревѣ» мы не имѣемъ никакого права, какъ попытку объединить, иногда категоричнѣе сказать то, что говорилось и дѣлалось по «Слову о полку Игоревѣ». Но попытка эта, повторимъ, не всегда можетъ считаться удавшейся. Особенную цѣнность представляетъ послѣдній томъ труда Е. В. Барсова—словарь къ «Слову», составленный по древнимъ памятникамъ. Къ сожалѣнію, этотъ словарь остается не оконченнымъ.

Слѣдуетъ, наконецъ, отмѣтить оригинальную попытку разрѣшить вопросъ о стихотворномъ стилѣ первоначальнаго текста «Слова». Предположенія объ этомъ давно высказывались, дѣлались даже попытки переложенія, главн. образ. въ виду наличности ритмическаго элемента въ «Словѣ» (таковы, напр., подражанія автора Бояну); но потомъ онѣ были оставлены, вопросъ рѣшался даже отрицательно, но не рѣшенъ окончательно. Ѳ. Е. Коршъ, большой знатокъ метрики и античной и устно-народной, и современной книжной, предложилъ изданіе «Слова» съ раздѣленіемъ на стихи по размѣру, имъ реконструируемому, что пришлось связать съ критикой и реконструкціей текста, примѣнительно къ устанавливаемому имъ предположительно строенію стиха поэта XII столѣтія.

Такимъ образомъ, мы закончили бѣглый очеркъ исторіи изученія «Слова о полку Игоревѣ» [1]. Этотъ бѣглый очеркъ даетъ, однако, возможность подвести нѣкоторые главнѣйшіе итоги, указать, какъ приходится при современномъ состояніи науки смотрѣть на «Слово о полку Игоревѣ» и оцѣнивать его литературное и историческое значеніе:

1) «Слово»—несомнѣнно памятникъ русской поэтической литературы XII вѣка, созданный неизвѣстнымъ авторомъ, современникомъ событія (1185 г.).

2) «Слово о полку Игоревѣ»—памятникъ Кіевской Руси, вышедшій зъ среды не духовной и поэтому такъ и отличающійся отъ всей на... й древней литературы, носящей на себѣ яркій отпечатокъ ея духовно... ковнаго происхожденія.

...) Поэтическая сторона «Слова о полку Игоревѣ» основана на пе... ахъ языческихъ вѣрованій, которыя здѣсь уже являются не какъ ..., т.-е. не какъ вѣрованія, а какъ поэтическіе образы.

... олѣе подробнаго и полнаго ознакомленія съ литературой о „Словѣ о п. ... азать (кромѣ Барсова, см. выше): 1) А. Смирновъ, О Словѣ о п. ... ра Слова со времени открытія его до 1876 г., Воронежъ, 1877 (изъ ... сокъ), 2) И. Н. Ждановъ, Литература Слова о п. И. (Соч. I Спб., ... Кіев. Унив. Изв. 1880 г., № 7, 8), 3) Владиміровъ П. В. Ли... со времени его открытія по 1894 г. (Кіев. Унив. Изв. 1894 г., ... зій, Лит. „Сл. о п. И.“ за послѣднее двадцатилѣтіе (1894—1913) ...., № 2.

4) Форма «Слова о полку Игоревѣ»—въ настоящемъ его видѣ прозаическая, но съ весьма опредѣленнымъ ритмическимъ характеромъ въ отдѣльныхъ мѣстахъ. Такой, повидимому, она была и въ оригиналѣ, если имѣть въ виду общіе пріемы списыванія въ древней литературѣ не только духовной, но и свѣтской, пріемы, отличающіеся механичностью, стремленіемъ къ буквальности. Впрочемъ, возможность иного представленія о формѣ «Слова» не исключена; т. о. вопросъ этотъ остается не разрѣшеннымъ до сихъ поръ.

5) «Слово о полку Игоревѣ» не было такимъ одинокимъ, какъ это казалось на первый разъ. Мы имѣемъ полное право говорить о цѣломъ направленіи этого рода въ русской литературѣ. Это направленіе—группа такъ называемыхъ «воинскихъ повѣстей». Здѣсь возможно говорить о подражаніи византійскимъ образцамъ, памятникамъ подобнаго рода, какъ «Девгеніево дѣяніе», но это, конечно, не значитъ, что «Слово о полку Игоревѣ» не является памятникомъ самобытнымъ. Подобныхъ повѣстей, при всей скудости извѣстій о древней русской литературѣ, особенно не духовно-дидактической, мы можемъ насчитать нѣсколько.

6) Это наблюденіе даетъ намъ право говорить о цѣломъ, такъ сказать, свѣтскомъ направленіи въ нашей древней литературѣ.

7) Что касается отношенія «Слова о полку Игоревѣ» къ народной поэзіи, къ пріемамъ народно-устнаго творчества, здѣсь дѣло можетъ быть представлено въ такомъ родѣ: стиль «Слова о полку Игоревѣ»—стиль все же книжный, но обильно уснащенный пріемами народнаго поэтическаго творчества; благодаря этому, мы замѣчаемъ близость къ народному міросозерцанію, отсутствіе офиціальной, такъ сказать, церковной морали; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «Слова о полку Игоревѣ» мы имѣемъ типичные образцы народной поэзіи почти въ неизмѣненномъ ихъ видѣ.

8) Несомнѣнно, что «Слово о полку Игоревѣ» не преслѣдовало исто
рическихъ цѣлей; его общій характеръ не узко-историческій, а лир
ческій по преимуществу, что не мѣшаетъ автору высказывать с
взгляды на политическое состояніе Руси. Авторъ, видимо, сторонни
политическаго объединенія съ великимъ княземъ во главѣ.

9) По соціальному своему положенію авторъ скорѣе всего
лежитъ къ кругу княжеской дружины, въ составъ которой
люди образованные, но не духовные, люди, не порывавші
народнымъ міросозерцаніемъ, для которыхъ тенденціи духо
ной литературы не были обязательны въ такой степе
обыкновеннаго грамотника, въ большинствѣ случаевъ
принадлежащаго къ духовному классу.

X. Итоги Кіевскаго періода. Оглядываясь на Кіевскій періодъ литературы въ его цѣломъ, мы даже по краткому обзору лишь главнѣйшихъ памятниковъ письменности этого времени, можемъ составить себѣ болѣе или менѣе отчетливое представленіе объ этомъ періодѣ русской литературы. Прежде всего намъ бросается въ глаза сравнительное обиліе памятниковъ переводныхъ и незначительное количество памятниковъ оригинальныхъ. Объясненіе этого соотношенія въ томъ, что Кіевскій періодъ литературы—первый періодъ нашей христіанской литературы: новое міросозерцаніе, пріобщавшее русское племя къ культурному міру средневѣковья, явилось на мѣсто прежняго, стоявшаго очень низко въ культурномъ отношеніи, рѣзко отличавшагося отъ новаго: переходъ былъ рѣзкій, трудный, а потому требовавшій особаго напряженія народныхъ силъ прежде всего для усвоенія богатаго культурой и матеріаломъ стараго христіанскаго міросозерцанія. Необходимость усвоенія этого матеріала, какъ и у другихъ народовъ, бывшихъ въ томъ же положеніи, отразилась прежде всего на слабости самостоятельнаго творчества, на подчиненіи его болѣе сильному въ культурномъ отношеніи теченію, шедшему извнѣ, т.-е. иноземному вліянію. Такъ было и съ христіанской литературой Кіевскаго времени: она зарождается и развивается подъ сильнымъ одностороннимъ вліяніемъ восточно-христіанской культуры и литературы, иначе византійской, усваиваетъ ея памятники путемъ усвоенія готовыхъ переводовъ, на которыхъ и воспитываются оригинальные русскіе писатели. Этимъ византійскимъ вліяніемъ объясняется и отношеніе молодой христіанской литературы къ старой до-христіанской: теоретически этой послѣдней не было мѣста въ христіанской литературѣ. Отсюда преобладающее значеніе христіанско-церковной литературы надъ иной; отсюда же то сходство, которое въ этомъ отношеніи замѣчается между кіевской литературой и любой средневѣковой христіанской: христіанство и Византія ввели русскую литературу въ кругъ средневѣковья съ его міросозерцаніемъ. Присматри-
ясь къ этому византійскому вліянію, столь характерному для Кіев-
о періода, мы видимъ однако, что русская литература не вышла
й копіей своего образца: византійское вліяніе прежде, чѣмъ дойти
и, преломлялось и кое въ чемъ видоизмѣнялось въ юго-славян-
дѣ. Результатомъ этого преломленія были особенности русской
ы сравнительно съ византійской: свой литературный славянскій
тый изъ Болгаріи, связь съ Кирилло-меѳодіевской тради-
ецъ возможность сохранить на ряду съ преобладаніемъ
іянія связь съ устно-народной литературой и народнымъ
ъ.

такихъ отношеній къ культурнымъ вліяніямъ явля-

ется, съ одной стороны, довольно полное усвоеніе восточно-христіанской литературы путемъ переводовъ сперва юго-славянскихъ, затѣмъ и непосредственно дѣлавшихся на Руси съ греческаго, подражательный характеръ большей части литературы оригинальной, съ другой стороны, возможность созданія такихъ памятниковъ, какъ Лѣтопись и «Слово о полку Игоревѣ», памятниковъ, сочетавшихъ иноземное вліяніе съ мѣстными національными особенностями.

Тѣмъ же соотношеніемъ между этнографическими особенностями русскаго племени, его историческими судьбами и размѣромъ и характеромъ главнаго иноземнаго вліянія объясняются и нѣкоторыя частности въ развитіи русской литературы. Такъ объясняется развитіе своеобразное литературы повѣствовательной: Византія, не сочувствовавшая народной литературѣ и міросозерцанію, этимъ главнымъ источникамъ поэтической повѣсти, богатой фантастическимъ элементомъ, очень неохотно передавала ее и Руси (почему художественно-народная поэтическая и въ самой Византіи одна изъ самыхъ слабыхъ отраслей литературы); результатомъ этого было ничтожное количество подобныхъ повѣстей переводныхъ и на Руси, а также слабость въ развитіи фантастической повѣсти здѣсь. Но потребность художественно-фантастическаго элемента, поэтическаго настроенія, даннаго уже ранѣе въ дохристіанской устной литературѣ, требовавшая удовлетворенія и не находившая его въ полной мѣрѣ въ религіозной (главн. обр. житійной) литературѣ, нашла себѣ выходъ въ исторической повѣсти съ художественно-поэтическимъ, народнымъ характеромъ; это была т. н. «воинская» повѣсть, близкая къ жизни и народному міросозерцанію, пышно развившаяся въ лѣтописи и «Словѣ о полку Игоревѣ» и перешедшая потому и въ слѣдующій періодъ литературы.

Тѣ же соотношенія въ значительной степени опредѣлили и идейное содержаніе литературы Кіевскаго періода: будучи выраженіемъ прежд всего христіанства въ томъ пониманіи его, какое давалось средневѣк вьемъ вообще и Византіей въ частности, русская литература Кіевск періода была уже на пути къ національному самосознанію; оно вы лось въ той идеѣ единства русской земли и русскаго племени дарства, которыми проникнута не только проповѣдь Иларіон та же Лѣтопись и то же «Слово о полку Игоревѣ».

Сохранила Кіевская литература и другую сторону само чувство живой племенной связи съ славянскимъ міромъ в наиболѣе родственнымъ юго-славянскимъ, поддерживаемо нимъ единствомъ культурнаго типа христіанства и да развитія—христіанства Кирилло-меѳодіевскаго. Это созв зящее уже въ лѣтописи), съ одной стороны, ослабля

тійской національно-религіозной исключительности, въ Кіевское время не могшей отдѣлить насъ рѣшительно ни отъ польскаго племени, ни отъ западной Европы (ср., напр., наши политическія отношенія къ Польшѣ, исторія брака Анны Ярославовны съ французскимъ королемъ), съ другой стороны, опредѣлило и положеніе русской литературы среди славянскихъ: тѣсная связь русской литературы съ юго-славянской выразилась не только въ полученіи нами большинства переводныхъ памятниковъ черезъ юго-славянъ, но и отдѣльныхъ фактахъ взаимообщенія: присутствіе въ юго-славянской литературѣ памятниковъ русскихъ (напр., Кирилла Туровскаго), предполагаемый путь перевода Пролога говорятъ объ этой тѣсной связи.

Наконецъ, Кіевскій періодъ литературы даетъ возможность замѣтить еще одну общую черту въ развитіи русской литературы, именно: принципъ областной, т.-е. рядомъ съ общерусскимъ характеромъ литературы видѣть совмѣщеніе и мѣстныхъ особенностей, получающихъ отраженіе въ этой литературѣ, развитіе мѣстныхъ центровъ при одномъ главномъ, имѣющемъ общерусское значеніе. Такова литература Новгорода, довольно отчетливо уже обозначавшаяся рядомъ съ Кіевской— общерусской.

Такъ рисуются главныя основныя черты литературы Кіевскаго періода. Оцѣнивая ихъ, какъ результатъ культурнаго развитія, вышедшаго только что на арену исторической жизни русскаго племени, мы прежде всего обращаемъ вниманіе на то, что результаты эти, значительные сами по себѣ, достигнуты были племенемъ въ сравнительно короткій промежутокъ времени: съ конца X-го или начала XI вѣка и до конца XII-го или начала XIII-го. Причина этого лежитъ, прежде всего, въ сихическихъ свойствахъ молодого русскаго племени, сильнаго въ усвоніи, сильнаго и въ претвореніи усвоеннаго.

Созданное Кіевской Русью не кончило своего существованія съ конъ Кіевской области, какъ центра культуры и литературы: оно проаетъ жить своими послѣдствіями и въ послѣдующій періодъ русизни.

Московскій періодъ.

Главнѣйшія явленія литературы Московскаго періода.

Какъ древнѣйшій періодъ русской литературы мы называли Кіевскимъ потому, что главнымъ центромъ культурныхъ и политическо-общественныхъ, а слѣдовательно, и литературныхъ силъ этого періода былъ Кіевъ, такъ слѣдующій періодъ (который называютъ также «средневѣковымъ» періодомъ русской литературы) мы называемъ «Московскимъ», поскольку такимъ центромъ, какимъ ранѣе былъ Кіевъ, становится теперь Москва. Но надо отмѣтить, что за все то время, которое охватываетъ Московскій періодъ, Москва не была исключительнымъ центромъ литературы, подобно тому, какъ и Кіевъ въ предшествующій періодъ не былъ исключительнымъ центромъ общественныхъ и культурныхъ силъ, и рядомъ съ нимъ существовали другіе второстепенные центры, не имѣвшіе столь важнаго значенія, но игнорироват которые невозможно. Причинами такого «областного» развитія русско литературы рядомъ съ крупнымъ центромъ ея является дробленіе ру скаго государства на отдѣльныя, иногда почти независимыя област съ различнымъ историческимъ прошлымъ, а также этнографичес составъ населенія, которое въ отдѣльныхъ частяхъ представляетъ групп, имѣющихъ извѣстныя индивидуальныя особенности въ с историческомъ развитіи. Наконецъ, областному развитію лите способствовало географическое положеніе отдѣльныхъ частей Руси. Конечно, не всѣ эти причины входятъ въ одинаковой мѣр ствѣ факторовъ въ развитіе литературы Московскаго періо историческихъ законовъ, поставившихъ въ иныя условія государство. Поэтому, говоря о Московскомъ періодѣ, ес ны смотрѣть на него, какъ на продолженіе развитія эк соціально-политическихъ условій прежняго Кіевскаго в ны помнить, что условія эти не будутъ тождественн щими; а съ другой стороны, какъ мы уже сказали,

періодѣ видимъ опять развитіе индивидуальныхъ способностей въ отдѣльныхъ частяхъ русской территоріи, и это развитіе также иное, нежели въ Кіевское время.

Если мы, изучая Кіевскій періодъ русской литературы, могли говорить о **началѣ** русской литературы въ Кіевѣ, это объясняется тѣмъ, что Кіевъ задолго до начала Руси, какъ государства, и ея письменной литературы сталъ крупнымъ экономическимъ и отчасти культурнымъ центромъ и явился готовымъ въ моментъ начала письменной литературы для ея воспріятія, чего нельзя сказать о Москвѣ: она не сразу оказалась такимъ крупнымъ средоточіемъ, стянувшимъ къ себѣ всѣ литературныя силы, какъ это видимъ позднѣе, но уже въ XVI—XVII вв.. Переходъ отъ Кіевскаго къ Московскому періоду совершался не сразу, такъ какъ послѣ утраты Кіевомъ значенія государственнаго и культурнаго центра процессъ образованія новыхъ центровъ литературы шелъ чрезвычайно медленно. Если центръ жизни политической, общественной, культурной совпадаетъ всегда съ центромъ государственнымъ (какъ это было въ Кіевѣ), то приходится по отношенію къ Москвѣ признать, что она далеко не сразу является государственнымъ центромъ, и причины этому мы найдемъ въ фактахъ политической и экономической исторіи Россіи.

Ослабленіе Кіева, какъ центра государственно-культурной жизни, происходило постепенно и при томъ въ пользу и при участіи областныхъ, по преимуществу окраинныхъ центровъ, имѣвшихъ прежде, въ эпоху могущества Кіева второстепенное значеніе, но во время упадка его получавшихъ временно преобладающее значеніе среди областей русскаго племени и государства. Такъ, къ концу Кіевскаго періода поднимается алицко-Волынское княжество, по мѣрѣ упадка Кіева получающее въ олитическомъ отношеніи высокое значеніе во внутренней и внѣшней ызни Россіи, Новгородъ получаетъ все болѣе и болѣе роль самостояьнаго центра; въ литературѣ начинаютъ сквозить памятники Смокіе, Полоцкіе. Точно такъ же на сѣверо-востокѣ возникаютъ постенове политическіе и отчасти литературные центры: Суздаль, , Владиміръ на Клязьмѣ, м. б. Рязань, позднѣе и Москва. о—слѣдствіе колонизаціи изъ земли Кіевской. Колонизація эта щественное, но отрицательное значеніе для исторіи всего Кіевда какъ въ государственномъ, такъ и въ литературномъ этомъ слѣдуетъ вспомнить о той продолжительной борьбѣ торая является однимъ изъ главныхъ общественно-полиій Кіевской Руси: она именно и вызвала главнымъ обрацію, основнымъ смысломъ которой было исканіе бои удобныхъ земель, нежели степныя пространства и

прилегающія къ нимъ заселенныя мѣста, не дававшія возможности мирнаго культурнаго развитія, спокойствія и безопасности, безъ коихъ культурное развитіе не мыслимо.

Это положеніе кіевскаго населенія совершенно ясно обнаруживается уже въ XII вѣкѣ: достаточно вспомнить политику Андрея Боголюбскаго, который, будучи Кіевскимъ великимъ княземъ, предпочелъ уже жить на сѣверо-востокѣ, остановившись окончательно на Владимирѣ на Клязьмѣ. Послѣдующіе князья продолжаютъ ту же политику, и все рѣже и рѣже Кіевъ является фактически главнымъ центромъ, такъ что потомки Всеволода III-го представляютъ для себя окончательно рѣшеннымъ вопросъ о центрѣ государства на сѣверо-востокѣ [1]).

Имѣя въ виду тѣсную связь литературы съ условіями общественной, экономической и политической жизни государства, мы можемъ утверждать, что литература испытывала приблизительно тѣ же перипетіи въ своемъ существованіи. Дѣйствительно, къ концу XII-го и началу XIII-го вѣковъ въ Кіевѣ литературное движеніе слабѣетъ, все болѣе встрѣчаются упоминанія о литературныхъ движеніяхъ, или слабо связанныхъ, или вовсе не связанныхъ съ Кіевомъ, и мы начинаемъ встрѣчать такіе памятники этого времени, которые восходятъ къ сѣверо-восточнымъ центрамъ; такими центрами въ это время оказываются: Суздаль, Рязань, Владимиръ на Клязьмѣ (но не Москва, къ которой можно пріурочить лишь нѣкоторые памятники, и то не ранѣе конца XIV вѣка).

Этотъ бѣглый очеркъ показываетъ, что образованіе новыхъ центровъ совершилось далеко не сразу, и завершилось оно началомъ второго періода русской литературы, которая по мѣрѣ ослабленія Кіева передвигалась на сѣверо-востокъ, пока не нашла болѣе прочнаго центра въ Москвѣ. Поэтому нѣкоторые историки литературы вводятъ для обозначенія этого періода исканія новыхъ центровъ для литературы новый еще терминъ: Владимиро-Суздальскій періодъ. Насколько подобны терминъ можетъ быть принятъ, спорить не станемъ, но значеніе это термина нельзя понимать въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы понима термины: Кіевскій періодъ или Московскій, потому что ни Суздал Владимиръ не успѣли стать столь крупными центрами, какъ М напримѣръ, ставшая скоро претендовать на роль центра нашей вѣковой» русской литературы; въ періодъ Владимиро-Суздал вершалось лишь изысканіе тѣхъ принциповъ, которыми, разраб далѣе, руководилась литература Московскаго періода.

Присматриваясь съ внѣшней стороны къ памятникамъ

---

[1]) Подробнѣе и обстоятельнѣе о колонизаціи на сѣв.-востокѣ чевскаго, Курсъ русской исторіи, I, лекціи XVI и сл.

къ тому періоду, который условно называютъ Владиміро-Суздальскимъ, мы найдемъ, что большинство ихъ, съ трудомъ пріурочиваемое къ этому періоду, не можетъ претендовать на самобытность, новость по идеѣ, формѣ, характеру. Эти памятники представляютъ въ значительной степени не что иное, какъ лишь дальнѣйшее развитіе или повтореніе тѣхъ мотивовъ, которые характерны для Кіевскаго періода, что объясняется самой связью, которая устанавливается исторически между сѣверо-восточными областями и Кіевской Русью. Это—типичные памятники переходной эпохи. Эта «переходная» пора литературы падаетъ приблизительно на конецъ XII-го вѣка и на весь XIII-й, отчасти и начало XIV-го и является, съ одной стороны, объясненіемъ чертъ позднѣйшаго Московскаго періода, а съ другой стороны, представляетъ періодъ, не выработавшій себѣ опредѣленной физіономіи. Обращаясь непосредственно къ обзору литературныхъ явленій этого переходнаго періода, мы должны припомнить прежде всего условія возникновенія памятниковъ этого времени и для этого представить себѣ въ общихъ чертахъ развитіе самой Руси этого времени.

Мы упоминали, что въ послѣдніе года Кіевскаго періода, т.-е. въ XII-мъ вѣкѣ, замѣчается уже общій упадокъ культурной жизни на югѣ Руси: Кіевская Русь въ силу своего географическаго и политическаго положенія раздробляется, Кіевъ постепенно теряетъ свое значеніе. Къ концу XII-го вѣка поднимается Галицкое княжество, которое чувствуетъ себя настолько самостоятельно, что независимо отъ Кіева заводитъ свои сношенія съ Польшей, Венгріей, даже собирается примкнуть къ западнымъ государствамъ (что, какъ извѣстно, и произошло впослѣдствіи: послѣ могущественнаго Романа Галицкаго, Галичъ вошелъ въ составъ Польскаго государства). Также, за счетъ Кіева, стали развиваться области, лежавшія по верхнему теченію Днѣпра, именно Полоц-
кая и Смоленская. Смоленскіе Ростиславичи мечтаютъ о Кіевскомъ сто-
ѣ, иногда на время захватываютъ его, и во всякомъ случаѣ Кіеву
иходится считаться со Смоленскомъ. Почти одновременно съ возвы-
іемъ Смоленска и Полоцка мы видимъ (въ XII—XIII ст.) образо-
литовско-русскаго государства; а дальнѣйшее его развитіе по-
тъ, что Литва также претендовала на господствующую роль на
оль стараго Кіева: борьба за пріоритетъ между Литвой и Мо-
яется, несомнѣнно, слѣдствіемъ этой претензіи на наслѣдство
го роли. Еще болѣе обособилась Новгородская земля, ко-
кде никогда не могла вполнѣ слиться съ Кіевской Русью
XIII—XIV вѣкахъ сильно развивается, становится членомъ
за и теперь еще болѣе тянетъ къ западной Европѣ, а
какъ Кіевъ.

Такимъ образомъ, въ XIII вѣкѣ мы ясно видимъ разложеніе Кіевской Руси на отдѣльныя, обособляющіяся постепенно областныя группы. Что касается ближайшихъ къ Кіеву областей съ востока и юга, то онѣ раздѣлили общую судьбу Кіевской земли: являясь оплотомъ Кіева противъ степи, онѣ постепенно теряли всякое культурное значеніе. Процессъ движенія «степи» на сѣверъ закончился татарскимъ нашествіемъ и гибелью самого Кіева. Нашествіе татаръ, однако, не имѣло само по себѣ вовсе исключительнаго значенія, повернувшаго жизнь Руси въ другую сторону, остановившаго ея прежнее развитіе. Это былъ послѣдній только, правда, сильный въ ряду многихъ предшествовавшихъ, ударъ «степи», заставившій русское населеніе окончательно обосноваться на сѣверо-востокѣ. Движеніе же на сѣверо-востокъ началось уже много раньше. При Юріи Долгорукомъ княжеская колонизація идетъ уже широкой полосой на сѣверо-востокъ, стремленіе занимать новыя мѣста на сѣверо-востокѣ и переселеніе туда кіевскаго населенія, которое не было въ состояніи выдерживать долѣе натискъ степи, намѣтилось еще раньше. Еще при Владимірѣ Святомъ мы видимъ, Борисъ и Глѣбъ получаютъ на сѣверо-востокѣ удѣлы, которые получаютъ впослѣдствіи все большее значеніе, а еще черезъ сто лѣтъ по смерти Владиміра князья окончательно устраиваются на новомъ мѣстѣ. Выгода новаго положенія заключалась въ отдаленіи отъ степи и въ меньшей, нежели у пришлыхъ южанъ, культурности угро-финскихъ племенъ, населявшихъ первоначально сѣверо-восточныя области, которыя не дошли и къ XIII вѣку до созданія своего государства, за исключеніемъ однихъ Камскихъ Болгаръ. Эти племена, жившія родовымъ бытомъ, легко поддавались все усиливавшейся колонизаціи болѣе культурнаго русскаго племени, уже обладавшаго государственностью. Это явленіе роковымъ образомъ отражалось и на Кіевѣ, который постепенно падалъ, и область котораго все теряла свое населеніе: ко времени взятія его Батыемъ въ 1239—40 г. онъ представлялъ лишь остатки прежняго богатаго торговаго город[illegible]

Передвиженіе населенія на сѣверо-востокъ, положившее нача[illegible] образованію новыхъ центровъ на сѣверо-востокѣ, не осталось [illegible] вліянія на бытъ этого населенія: послѣднее должно было измѣни[illegible] степенно во многомъ свои бывшіе устои жизни Кіевской Руси. Д[illegible] тельно, Кіевская Русь, несмотря на присутствіе въ ней князя, [illegible] вляла довольно демократическій строй: рядомъ съ княземъ су[illegible] вѣче, князь не былъ твердо прикрѣпленъ къ опредѣленн[illegible] потому что земля принадлежала не ему, а всему княжеск[illegible] князь постоянно передвигался съ одного стола на другой [illegible] на свой столъ, какъ на временный, до другого лучшаго. [illegible] населенію больше независимости и самостоятельности. [illegible]

шеніе создалось на сѣверо-востокѣ между государственной властью и населеніемъ: колонизація на сѣверо-востокъ была прежде всего княжеская, а не народная, велась она прежде всего княземъ; князь являлся хозяиномъ занятой при его усиліяхъ и руководствѣ новой земли, и, конечно, населеніе, занявшее съ княземъ эту землю, не могло стать къ князю въ тѣ же отношенія, въ которыхъ оно находилось въ Кіевской Руси. Положеніе это ясно обнаруживается къ концу XII-го вѣка, и для иллюстраціи мы можемъ сравнить непосѣдливаго боевого Владимира Мономаха, считавшагося идеаломъ князя въ древней Руси, и домосѣда экономнаго хозяина Андрея Боголюбскаго. Кіевскій князь—носитель идеи народной цѣльности Руси—основываетъ свое значеніе и власть, сидя на столѣ княжескомъ, на защитѣ единства земли русской, сѣверо-восточный князь прежде всего хозяинъ той земли, которую онъ занялъ. Воинственный Кіевскій князь идетъ «биться за землю русскую» (по выраженію «Слова о полку Игоревѣ»), сѣверо-восточный князь идетъ сражаться прежде всего за свой участокъ. Затѣмъ измѣняются на сѣверо-востокѣ отношенія между княземъ и духовенствомъ: князь, какъ бережливый хозяинъ своего добра, прежде всего старается привлечь всѣ силы на охрану своей земли и становится къ духовенству въ такія отношенія, что, давая духовенству привилегіи, преимущественную безопасность, требуетъ отъ духовенства служенія его государственнымъ цѣлямъ. И духовенство, чувствуя себя на сѣверо-востокѣ въ большей безопасности и достаткѣ при мирномъ и богатомъ князѣ, постепенно попадаетъ въ зависимость отъ князя, которая все усиливается въ Московскомъ періодѣ: оно должно своимъ авторитетомъ представителей божественнаго, религіознаго поддерживать и освящать мѣры князя, хозяина-стяжателя.

I. Памятники переходной эпохи. Всѣ эти перемѣны въ положеніи [illegible]селенія, характерѣ власти, несомнѣнно, должны были отразиться и [illegible] литературѣ. Поэтому, переходя къ памятникамъ этого «сѣверо-во[illegible]наго» періода, мы увидимъ въ нихъ, съ одной стороны, переживанія [illegible]каго періода, и отраженія новыхъ уже сѣверо-восточныхъ отно[illegible]XII—XIII вв.—съ другой стороны. Сравнительно небольшое ко[illegible] памятниковъ можетъ быть съ большей или меньшей увѣрен[illegible]несено къ этому переходному времени, которое вообще явля[illegible]лѣе труднымъ въ области изученія русской литературы. Не[illegible] выдѣленія этихъ памятниковъ возникла вслѣдствіе невоз[illegible]ести ихъ вполнѣ надежно къ Кіевскому или Московскому [illegible]хъ содержанію или по ихъ хронологическимъ рамкамъ. [illegible]дъ памятниками пробовалъ продѣлать одинъ изъ изслѣ[illegible]й русской литературы В. М. Истринъ въ статьяхъ

«Изслѣдованія въ области древне-русской литературы» (Ж. М. Н. П. за 1905 и 6 гг.). Статьи эти писались отчасти съ полемической цѣлью, именно: Истринъ желалъ установить рядъ памятниковъ, которые могутъ быть отнесены къ Владимиро-Суздальскому періоду, и въ то же время устанавливаютъ непрерывность традиціи между Кіевской Русью и сѣверо-восточной; эту преемственность тенденціозно отрицалъ малорусскій историкъ литературы И. Франко, который, стараясь въ то же время увеличить объемъ литературы Кіевскаго періода (которая для него является прямой предшественницей малорусской литературы), цѣлый рядъ позднѣйшихъ памятниковъ XIII—XIV вѣка, крупныхъ и важныхъ, зачислилъ въ Кіевскій періодъ. Противъ этихъ тенденціозныхъ выводовъ и выступилъ Истринъ, доказывая принадлежность этихъ памятниковъ ко времени русской литературы и къ мѣстностямъ, лежащимъ внѣ предѣловъ Кіевщины. Эти-то памятники, приводимые Истринымъ, и являются въ значительной степени дальнѣйшимъ развитіемъ литературы кіевской, но б. ч. уже не на кіевской почвѣ. Мы имѣемъ среди нихъ памятники историческіе, дидактическіе (слова и поученія), поэтическую литературу, какъ самостоятельную, такъ и переводную. Мы и остановимся на тѣхъ изъ нихъ, принадлежность которыхъ къ разсматриваемому періоду вполнѣ доказана, и начнемъ съ памятниковъ агіологической литературы.

Въ Кіевскомъ періодѣ агіологическая литература представляла большей частью переводы съ греческихъ источниковъ, хотя дала и нѣчто самостоятельное, какъ, напр., «Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ», составленныя мнихомъ Іаковомъ, а также Несторомъ, «Житіе Ѳеодосія Печерскаго», составленное тѣмъ же Несторомъ; существовали «Сказанія о Владимирѣ и Ольгѣ», а также, вѣроятно, житія отдѣльныхъ печерскихъ святыхъ (напр., Антонія Печерскаго, потомъ погибшее). Крупнымъ памятникомъ агіологической литературы является въ XIII вѣкѣ такъ называемый Печерскій патерикъ. Относительно его возни- каетъ вопросъ, гдѣ явился этотъ памятникъ, и можно ли отнести е- къ концу Кіевскаго періода, или онъ принадлежитъ уже къ «сѣв- восточному» періоду? Вопросъ этотъ для насъ, повидимому, не м- быть рѣшенъ вполнѣ, да въ этомъ не представляется и особой ности при наличности другихъ данныхъ для этого времени: д- не столь важно опредѣлить, гдѣ жилъ писатель? намъ нужн- лить его писательскій обликъ; а этотъ послѣдній ясно ука- связь его съ традиціей Кіевскаго періода. В. М. Истринъ говоритъ о Патерикѣ, какъ памятникѣ, «всецѣло принад- сѣверо-востоку, вплоть до 2-й половины 15-го в.», и рѣ- ситъ его созданіе къ первой четверти XIII в. (что и

притомъ даетъ такое объясненіе возникновенія Патерика: до сихъ поръ «не чувствовалось въ немъ нужды», а какъ только Симонъ (одинъ изъ создателей Патерика) попалъ на сѣверо-востокъ, такъ и почувствовалась въ немъ нужда. Подобное апріорное утвержденіе не можетъ быть убѣдительнымъ для насъ, и во всякомъ случаѣ такая исторія Кіево-печерскаго патерика не уясняетъ для насъ его, какъ памятникъ характерный для переходной эпохи. Кіево-печерскій патерикъ, какъ извѣстно, представляетъ русское подражаніе очень распространенному виду агіографической византійской литературы: патерикомъ называется собраніе житій святыхъ, принадлежавшихъ къ какому-нибудь опредѣленному монастырю или мѣсту, чаще всего подвижниковъ-аскетовъ, иноковъ; таковъ, напр., Египетскій патерикъ, описывающій житія иноковъ Египта, Іерусалимскій патерикъ, заключающій житія сирійскихъ подвижниковъ. Эти патерики, переводимые съ греческаго, могутъ быть сочтены извѣстными русской литературѣ уже въ Кіевскій ея періодъ, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ Синайскій патерикъ, относятся прямо и по рукописи къ XI вѣку. По ихъ образцу составленъ и Кіево-печерскій патерикъ, хотя въ немъ есть и своя особенность: кромѣ ряда біографій подвижниковъ Печерскаго монастыря, мы находимъ въ немъ исторію возникновенія самого монастыря.

Въ своемъ первоначальномъ видѣ Печерскій патерикъ до насъ не дошелъ; онъ имѣлъ нѣсколько редакцій, изъ которыхъ старѣйшая, до насъ дошедшая,—конца XIV вѣка, называемая Арсеньевской (по имени епископа Тверского Арсенія (1390—1409), по заказу котораго писана рукопись). Есть и другія редакціи (XV в., напр., Касьяновская 1462 г.), но болѣе позднія, независимыя отъ Арсеньевской, такъ что по этимъ нѣсколькимъ редакціямъ можно реконструировать первоначальный составъ патерика, что и сдѣлано Д. И. Абрамовичемъ въ его трудѣ «Изслѣдованіе о Кіево-печерскомъ патерикѣ, какъ памятникѣ литера[illegible]урномъ» (въ Изв. Отд. рус. яз. и слов. А. Н., 1901—2). Абрамо[illegible]ъ пересмотрѣлъ всѣ редакціи текста Патерика, начиная съ Арсень[illegible]кой и до окончательной переработки памятника въ 1661 году, когда [illegible]рикъ былъ напечатанъ въ Кіево-печерской лаврѣ по иниціативѣ [illegible]олита Сильвестра Коссова. На основаніи этого, а также болѣе [illegible] изслѣдованій, можно заключить, что Патерикъ сложился изъ [illegible]хъ агіологическихъ трудовъ; по утвержденію Абрамовича, пер[illegible] ядро его составляли четыре произведенія, принадлежавшія [illegible]рамъ. Эти основныя произведенія суть слѣдующія: 1) «Сло[illegible] церкви Печерской», т.-е. о построеніи Успенской цер[illegible] храма монастыря; авторомъ этого «Слова», по всѣмъ [illegible]ляется Симонъ, епископъ Владимирскій (1215—1226),

постриженникъ Кіево-печерскаго монастыря, откуда онъ вышелъ въ игумены Христорождественскаго монастыря во Владимирѣ, а затѣмъ былъ посвященъ въ епископы. 2) Слѣдующая часть Патерика, авторомъ которой является тотъ же Симонъ, называется «Посланіе къ Поликарпу». Поликарпъ, м. б. родственникъ Симону, оставался въ Кіевѣ, въ числѣ иноковъ Печерскаго монастыря, когда Симонъ удалился во Владимиръ, и, можно думать, былъ человѣкъ довольно неуживчиваго характера, честолюбивый, цѣнившій себя высоко. Повидимому, онъ считалъ себя уязвленнымъ тѣмъ, что въ игумены Печерскаго монастыря былъ избранъ не онъ, а Акиндинъ (1214—1231), и собирался покинуть монастырь, чтобы перейти въ кіевскій придворный («княжій») монастырь Златоверхо-Михайловскій. Для его увѣщанія Симонъ и писалъ ему, упрекая его въ тщеславіи и за безпокойный характеръ и указывая, что Поликарпъ слишкомъ мало цѣнитъ ту святыню—монастырь—въ которой находится, а между тѣмъ пребываніе въ ней должно быть счастьемъ для каждаго человѣка; въ частности и онъ, Симонъ, «всю славу и власть сметьемъ вмѣнилъ бы, если бы мнѣ хоть хворостиною торчать за воротами и соромъ валяться въ Печерскомъ монастырѣ и быть попираему людьми». Съ цѣлью доказать Поликарпу великую цѣнность обители, какъ особо прославленнаго святостью мѣста, Симонъ разсказываетъ о подвигахъ нѣсколькихъ святыхъ Печерскаго монастыря и даетъ т. о. девять біографій. 3) Третья часть Патерика представляетъ собой «Посланіе Поликарпа къ Акиндину»; мы можемъ предполагать, что послѣ увѣщаній Симона Поликарпъ смирился и для своего игумена написалъ еще рядъ біографій (числомъ 11) святыхъ подвижниковъ, о которыхъ Симонъ не упоминалъ, при чемъ Поликарпъ, какъ предлогъ къ написанію, выставляетъ просьбу объ этомъ самого Акиндина. 4) Наконецъ, послѣднюю часть первоначальнаго состава Патерика составляетъ «Повѣсть о первыхъ черноризцахъ» монастыря, которую Абрамовичъ и А. А. Шахматовъ (занимавшійся Патерикомъ въ связи съ лѣтописью) считаютъ возможнымъ отнести перу Нестора (ко... ца XI, начала XII вѣка), автора «Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ» и «Ж... тія Θеодосія Печерскаго». Насколько это такъ, сказать трудно;... насъ это послѣднее обстоятельство довольно безразлично, разъ ... что повѣсть о первыхъ черноризцахъ не моложе XII вѣка. ... изъ всего вышеизложеннаго—одинъ: Патерикъ составленъ и... выхъ отдѣльныхъ старшихъ памятниковъ, но хронологическ... памятникомъ не старше первой четверти XIII вѣка, т.-е. ... ни, когда значеніе Кіева, какъ главнаго центра жизни ... уже замѣтно падало. Принадлежность памятника по свое... къ XIII вѣку опредѣляется твердо потому, что намъ х...

время жизни авторовъ—собирателей отдѣльныхъ частей Патерика: Симонъ умеръ въ 1226 г.; слѣдовательно, Патерикъ не могъ составиться позднѣе этого времени, но и не позднѣе XIV в. (время Арсенія). Годы жизни Поликарпа прямо не извѣстны, но мы знаемъ, что онъ былъ современникомъ Акиндина, который по спискамъ игуменовъ Печерскаго монастыря занималъ это положеніе между 1214—1231 годами, что подтверждаетъ наше соображеніе.

Присматриваясь внимательно къ Патерику, мы видимъ, что онъ является въ сущности продолженіемъ литературныхъ традицій Кіевскаго періода: стиль, языкъ, міросозерцаніе автора совпадаютъ съ тѣмъ, которые характерны для агіографической литературы Кіевскаго періода и лѣтописи. Участіе въ составленіи памятника Симона, дѣятеля сѣверо-восточной Руси, не имѣло вліянія на характеръ памятника, такъ какъ Симонъ самъ принадлежалъ по воззрѣніямъ югу и Кіеву. Поликарпъ—также житель Кіева и Печерскаго монастыря. Единственное затрудненіе, касающееся памятника, состоитъ въ нѣкоторомъ внутреннемъ несоотвѣтствіи въ тонѣ между «Посланіемъ Симона къ Поликарпу» и «Посланіемъ» послѣдняго къ Акиндину, такъ что было высказано сомнѣніе въ принадлежности вводной части памятника перу Поликарпа. Если бы даже это предположеніе было справедливо (но оно легко устранимо, если счесть эту вводную часть лишь литературной формой введенія, а не біографической для Поликарпа), все же хронологическихъ несоотвѣтствій не получится для основной части или частей Патерика, и Патерикъ все равно будетъ представлять продолженіе въ XIII вѣкѣ тѣхъ мотивовъ, которые характерны для Кіевскаго періода [1]).

Среди памятниковъ того же переходнаго, такъ называемаго с.-восточнаго, періода можно намѣтить и такіе, которые съ несомнѣнностью могутъ быть пріурочены къ этому періоду по содержанію и пріурочены даже географически къ сѣверо-востоку. Къ числу ихъ относятся произведенія Серапіона, епископа Владимирскаго, занимавшаго Владимирскую каѳедру въ XIII в. (1274—1275) и, несомнѣнно, бывшаго ...пнымъ общественнымъ дѣятелемъ. Серапіону пришлось проповѣды... въ то время, когда только что разразился надъ Россіей послѣдній ...й ударъ—разореніе Руси татарами, подъ впечатлѣніемъ котораго ...твовалъ Серапіонъ.

...ость Серапіона напоминаетъ намъ личность Симона: южанинъ ...нію и, можетъ быть, по происхожденію, постриженикъ и игу-

...ее научное изданіе Печерскаго патерика—Д. И. Абрамовича ...болѣе правильное изъ прежнихъ — И. А. Яковлева (Спб. 1872). Ста...наются съ XVII в. и идутъ до сихъ поръ; есть и переводъ на со... языкъ—М. Викторовой. Ср. выше, стр. 313, примѣч.

менъ Кіево-печерскаго монастыря, онъ проводитъ свою дѣятельность частью на югѣ, частью на сѣверо-востокѣ. Т. о. онъ отразилъ въ своихъ произведеніяхъ черты литературы юга Россіи. Проповѣдей Серапіона сохранилось пять, написанныхъ (м. б. кромѣ одной) во Владимірѣ, и въ нихъ онъ является писателемъ, довольно типичнымъ еще для Кіевскаго періода; его школой была отчасти кіевская риторическая проповѣдническая школа, яркимъ выразителемъ которой былъ, какъ извѣстно, Кириллъ Туровскій. Но, съ другой стороны, Серапіонъ не былъ такимъ художникомъ слова, какъ Кириллъ, проповѣди котораго не предназначались для широкихъ массъ, и предметъ вниманія для котораго составлялъ стиль. Напротивъ, Серапіонъ, въ виду тяжелаго состоянія Руси, долженъ былъ считаться съ современнымъ настроеніемъ дѣйствительности, а не съ своимъ собственнымъ или съ желаніемъ доставить эстетическое наслажденіе слушателямъ, какъ это было цѣлью Кирилла. Проповѣди его болѣе дидактичны и проще, и съ этой стороны Серапіона можно сближать съ другими проповѣдниками Кіевскаго періода, напр., съ Ѳеодосіемъ Печерскимъ, который, если и былъ знакомъ съ риторическими пріемами византійской школы, то не придавалъ имъ такого значенія, какъ Кириллъ, такъ что проповѣди его отличались болѣе жизненнымъ и популярнымъ характеромъ.

Говорить о зависимости Серапіона отъ Кирилла Туровскаго или отъ Ѳеодосія мы не имѣемъ права: Кириллъ и Ѳеодосій не были единственными образцами для Серапіона, къ его услугамъ была огромная переводная литература, на которой учились и Кириллъ, и Серапіонъ. Главнымъ центромъ проповѣдей Серапіона является оцѣнка современнаго положенія Руси. Положеніе это было чрезвычайно тяжело; тотъ Кіевъ, къ которому привыкли относиться съ уваженіемъ, лежитъ въ развалинахъ, государство русское стало данникомъ дикой орды, разгромившей всѣ его лучшія силы. Серапіонъ пробуетъ объяснить и себѣ и слушателямъ смыслъ совершающихся событій и извлечь изъ этого об... ясненія поученіе для слушателей. Онъ смотритъ на нашествіе тата... съ точки зрѣнія религіозной: Богъ наказываетъ этимъ нашествіемъ... грѣхи, за неисполненіе заповѣдей, за паденіе морали, вражду. Се... онъ подразумѣваетъ въ послѣднемъ случаѣ удѣльныя распри ... ослабившія силы Руси,—тема, завѣщанная старой Кіевской Ру... раженная и авторомъ «Слова о полку Игоревѣ». Но Серапіо... дальше автора «Слова», онъ считаетъ необходимымъ улучш... себя съ точки зрѣнія православно-христіанской вѣры, и, т... зомъ, изъ оцѣнки современнаго положенія Серапіонъ дѣл... ческій выводъ, указывая, что нужно удалить изъ общес... чтобы избѣгнуть подобнаго несчастія въ будущемъ. П...

ращается къ характеристикѣ наиболѣе замѣтныхъ недостатковъ современной Руси и къ числу ихъ относитъ, главнымъ образомъ, суевѣрія, слабое вниманіе къ ученію церкви, а также «рѣзоимство и всякое грабленіе». Съ этой точки зрѣнія поученія его даютъ картину, не полную, конечно, но близкую къ дѣйствительности, нравственнаго состоянія общества русскаго въ XIII в.. Мы видимъ изъ его поученій, что общій культурный уровень былъ очень близокъ еще къ языческому. Съ другой стороны, рядъ суевѣрій (какъ своеобразный способъ оправданія обвиняемыхъ посредствомъ «суда Божія» или испытаніе вѣдьмъ путемъ огня и воды, противъ чего возстаетъ Серапіонъ въ особомъ поученіи) какъ будто напоминаетъ западно-европейскіе обычаи среднихъ вѣковъ; но едва ли можно здѣсь говорить о вліяніи запада на происхожденіе этихъ обычаевъ, которые, скорѣе всего, должны восходить къ вѣрованіямъ, одинаково распространеннымъ и на западѣ и на востокѣ [1]). Во всякомъ случаѣ Серапіонъ въ своихъ проповѣдяхъ отличается относительной простотой, непосредственностью и близостью къ дѣйствительности, и дѣйствительность эта скорѣе напоминаетъ культурный уровень нашего сѣв.-востока или сѣвера, нежели юга.

Сравнивая Серапіона съ популярными проповѣдниками Кіевскаго періода, какъ Илья Новгородскій или Лука Жидята, мы найдемъ въ немъ дальнѣйшее развитіе проповѣдническаго искусства: онъ не пренебрегаетъ формой, хотя она не составляетъ для него самаго главнаго, какъ у Кирилла Туровскаго. Этими всѣми качествами его проповѣдей объясняется ихъ широкая популярность: такъ, въ спискѣ «Золотой Цѣпи» XIV-го вѣка мы находимъ «Слова» Серапіона рядомъ съ поученіями Іоанна Златоуста. Т. о. Серапіонъ—явленіе такое же переходное, двойственное, совмѣщавшее черты юга и нарождающіяся сѣверо-востока.

Изъ числа другихъ памятниковъ переходнаго періода надо отмѣ-ъ Толковую Палею, иначе, «Бытіе толковое на Іудея», ко-я, какъ показываетъ само заглавіе, представляетъ памятникъ по-ескаго характера. Правда, этотъ памятникъ не заключаетъ въ акихъ признаковъ, которые прямо пріурочивали бы его къ опре-му времени, такъ что возможны значительныя колебанія въ этомъ въ зависимости отъ того, съ какой стороны подходитъ къ ику изслѣдователь, но принадлежность Палеи къ указанной длежитъ сомнѣнію.

мятникъ, какъ показываетъ заглавіе «Палея» (изъ гре-

монографія о Серапіонѣ: Е. В. Пѣтуховъ. Серапіонъ Влади-оповѣдникъ XIII вѣка (Спб., 1888).

ческаго: i palea diathiki (ἡ παλαιὰ διαθήκη) Ветхій завѣтъ), представляетъ толковый Ветхій завѣтъ, при чемъ толкованія, главнымъ образомъ, направлены противъ евреевъ, какъ носителей ветхо-завѣтнаго закона, которому противополагается Новый завѣтъ. Памятникъ начинается разсказомъ о сотвореніи міра, даетъ толкованія ветхозавѣтной исторіи въ порядкѣ библейскихъ книгъ и заканчивается царствованіемъ Давида. Авторъ, излагая эту исторію, комментируетъ отдѣльныя мѣста, которыя удобны для полемики; излагая шесть дней творенія міра, авторъ пользуется комментаріемъ знаменитаго Шестоднева Іоанна, экзарха Болгарскаго, писателя X-го вѣка. Шестодневъ же Іоанна представляетъ, какъ извѣстно, въ свою очередь компиляцію нѣсколькихъ Шестодневовъ, которые были извѣстны въ византійской христіанской литературѣ (см. выше, стр. 223 и сл.). Авторъ Толковой Палеи, описывая каждый день творенія, объясняетъ, чтó значитъ то или иное библейское выраженіе, и тутъ же дѣлаетъ полемическіе выпады противъ іудеевъ, исходя изъ символическаго, иносказательнаго значенія отдѣльныхъ образовъ и мѣстъ текста. Доходя до пятаго и шестого дней, авторъ разсматриваетъ, какихъ животныхъ создалъ Богъ, и тутъ же разсказываетъ, примѣнительно ли къ событіямъ Новаго завѣта или человѣческой нравственности, о свойствахъ разныхъ животныхъ, для чего часто источникомъ ему служитъ преимущественно «Физіологъ», византійско-греческое произведеніе, повѣствующее о разныхъ явленіяхъ природы и о животныхъ (см. выше, стр. 226 и сл.). Эти свойства животныхъ даютъ автору Палеи указанія на свойства человѣка, чѣмъ опять онъ пользуется для полемики, сравнивая, напримѣръ, лису съ злокозненными іудеями и т. п.

Источниками комментарія къ дальнѣйшей фактической сторонѣ Вет[illegible] хаго завѣта для автора Палеи служатъ отчасти также памятники леге[illegible] дарно-религіознаго характера, почему Палея представляетъ древнѣ[illegible] шій «складъ» апокрифической литературы: авторъ вставляетъ въ с[illegible] компиляцію цѣлые апокрифы, беря ихъ уже въ готовомъ, сдѣлан[illegible] много раньше переводѣ, лишь пересыпая ихъ своими толков[illegible] опять-таки противоеврейскаго характера. Поэтому мы находимъ [illegible] леѣ такіе апокрифы, которые извѣстны безъ этихъ толковані[illegible] дѣльномъ видѣ уже въ византійской литературѣ: Открове[illegible] ама, Лѣствицу Іакова, Завѣты XII патріарховъ и нѣкото[illegible] Апокрифы эти по своимъ темамъ представляютъ развит[illegible] какъ это бываетъ часто, данныхъ уже въ каноническом[illegible] лишь въ намекахъ или очень краткомъ разсказѣ. Откр[illegible] напр., излагаетъ на основаніи, главнымъ образомъ, ст[illegible] скихъ сказаній исторію обращенія отъ идолослуженія[illegible]

въ истиннаго Бога и откровеніе ему отъ Бога о будущихъ потомкахъ—народѣ іудейскомъ; это откровеніе имѣетъ характеръ пророчества и удобно истолковывается въ смыслѣ пророчества о Христѣ (что и заставляетъ автора Палеи воспользоваться этимъ апокрифомъ). Лѣствица Іакова содержитъ истолкованіе видѣнія Іакова въ Веоилѣ и борьбы его съ Богомъ: и въ Библіи подобный разсказъ давно понимался въ христологическомъ духѣ. Завѣты XII патріарховъ представляютъ пророчества 12 сыновей Іакова о грядущей судьбѣ потомства Іакова, а также опять пророчества о Мессіи, составляя какъ бы дальнѣйшее развитіе завѣщанія Іакова своимъ дѣтямъ, изложеннаго въ 49-й главѣ книги Бытія: этому завѣщанію давно уже приданъ былъ характеръ пророчества о Мессіи. Т. о. ясно, почему составитель Палеи внесъ въ составъ своей компиляціи эти апокрифы: они такъ шли къ его основной цѣли: доказательство невѣрному Іудею истинности пришествія Христа; оставалось только усилить ихъ смыслъ полемическими выходками противъ этого іудея, не понявшаго и не принявшаго яснаго пророчества въ своей ветхозавѣтной же письменности. Происхожденіе этихъ апокрифовъ далеко за предѣлами русской литературы: это еще древне-христіанская переработка различныхъ легендарныхъ разсказовъ, которыми была окружена Библія еще въ древне-еврейской литературѣ; въ христіанской же литературѣ эти легенды стали только большей частью пророческими, «христологическими» памятниками. Они же, естественно, оказались наиболѣе пригодны для полемики противъ іудея, явившись еще до Палеи въ славянскихъ переводахъ; поэтому-то они такъ широко и использованы составителемъ Палеи путемъ вставки полемическихъ выходокъ противъ невѣрныхъ іудеевъ и обращенія къ «окаянному жидовину» и т. п.

Противо-іудейская тенденція вообще не была чужда русской литературѣ и, можетъ быть, она имѣла нѣкоторую фактическую подкладку [illegible]усской жизни; намеки на это можно видѣть еще въ житіи Ѳеодосія [illegible] легендѣ объ испытаніи вѣръ. Повидимому, какія-то русскія отно[illegible]къ іудейству могли поддерживать эту тенденцію; эта тенден[illegible]ждебное отношеніе къ еврейству, въ своей основѣ перешла [illegible]изъ Византіи, которая вслѣдъ за іудействомъ перенесла поле[illegible]магометанъ (чего не упускаетъ также и авторъ «Палеи»), и [illegible] также отразилась въ легендѣ о выборѣ вѣры Влади[illegible]тописи, гдѣ лѣтописецъ обвиняетъ магометанъ въ содоміи. [illegible]ра, можно думать, была дана для автора «Палеи» еще [illegible]омъ, а съ другой стороны «Палея», какъ толковый [illegible]ала крупнѣйшимъ источникомъ для русскихъ хроно[illegible]дняго времени. Первая ея редакція можетъ быть на-

24

звана нехронографической въ отличіе отъ второй, гдѣ Палея уже соединена съ хронографомъ. Старѣйшіе тексты Палеи восходятъ къ XIV-му вѣку (старѣйшій датированный текстъ 1406 года) [1]). Ясно, что «Толковая Палея» памятникъ не моложе XIII-го вѣка. Относительно ея происхожденія и времени ея составленія мнѣнія ученыхъ, занимавшихся этими вопросами, расходятся: В. М. Истринъ въ своемъ изслѣдованіи: «О составѣ толковой Палеи» [2]) склоненъ къ тому, чтобы пріурочить составленіе Палеи къ переходной эпохѣ XIII в., и пробуетъ найти объясненіе появленія противоеврейской Толковой Палеи въ историческихъ условіяхъ Руси XIII в., хотя опредѣленнаго чего-либо и не указываетъ. В. Успенскій въ своемъ сочиненіи: «Толковая Палея» (Приложеніе къ Правосл. Собесѣд. 1876 г.) и нѣкоторые другіе изслѣдователи смотрятъ на Палею, какъ на памятникъ, цѣликомъ переводный. Съ этимъ мнѣніемъ считаться приходится, несмотря на то, что основная точка зрѣнія Успенскаго не вѣрна: онъ не принялъ во вниманіе компилятивнаго характера Палеи, составленной изъ текстовъ, извѣстныхъ въ славянскихъ переводахъ уже въ Кіевскомъ періодѣ, которыми составитель, несомнѣнно, и пользуется. Это мнѣніе Успенскаго, одно время оставленное, всплыло опять въ измѣненномъ видѣ. Именно: оспаривая мнѣніе Истрина, А. А. Шахматовъ приписывалъ Палеѣ, если прямо не переводное, то юго-славянское происхожденіе, относя ее къ древнѣйшимъ памятникамъ юго-славянской (болгарской) литературы и указывая, хотя нерѣшительно, на автора Палеи («Толковая Палея и русская лѣтопись»—въ Сборникѣ статей по славяновѣдѣнію, I, 1900, стр. 271—272). Шахматовъ полагалъ, что Палея была составлена Меѳодіемъ или кѣмъ-либо изъ его учениковъ, впервые переводившими для нея рядъ текстовъ съ греческаго языка; ближайшимъ поводомъ къ составленію такого анти-іудейскаго сочинен[...] Шахматовъ считаетъ тѣ пренія, которыя въ свое время велъ Кирил[...] первоучитель славянскій, съ евреями и сарацинами, о которыхъ [...]ворится въ Паннонскомъ житіи св. Кирилла. Какъ ни заманчива [...] теза Шахматова, но, вѣроятно, болѣе справедливо мнѣніе Ис[...] Противъ мнѣнія Шахматова прежде всего говоритъ то, что мы [...] поръ не нашли слѣдовъ Т. п., такого крупнаго и важнаго [...]

---

[1]) Онъ по этой рукописи, писанной въ Коломнѣ (теперь № 38 биб[...]кой Лавры), изданъ цѣликомъ строка въ строку, буква въ букву [...] Тихонравова (М. 1892), положившаго начало научному изслѣдованію [...] нашей древней литературѣ памятника. См. его Сочиненія, I, стр. 11[...]

[2]) Напечатано въ „Изв. Отд. рус. яз. и слов.“ И. А. Н., [...] и 4, т. III (1898), кн. 2. Ему же принадлежитъ работа: „Редакц[...] напечатанная тамъ же, т. X (1905), кн. 4, т. XI (1906), кн. 1, [...]

жанію памятника, на югѣ славянства въ древнемъ періодѣ здѣшней литературы; не видимъ слѣдовъ ея до XIII в. и въ русской литературѣ; связь же Толковой Палеи съ лѣтописью (на чемъ настаиваетъ Шахматовъ) остается проблематичной. Шахматова, повидимому, испугала невозможность найти объясненія антиеврейскому направленію Палеи въ XII—XIV в.; но Истринъ дѣлаетъ нѣкоторыя попытки въ этомъ отношеніи, какъ на это указано было выше; попытки эти опровергнуть не представляется возможнымъ. Не входя въ подробности его объясненій, можно указать, что, дѣйствительно, въ XIII в. у насъ, на Руси, возобновились какія-то недружелюбныя отношенія къ евреямъ (которые, кстати сказать, въ это время появились въ Польшѣ и м. б. на западѣ Руси, съ запада Европы, откуда ихъ гнали по религіознымъ причинамъ); м. б. еврейское движеніе этого времени въ Польшѣ нашло себѣ отраженіе и на Руси, отозвалось и на ея сѣверо-востокѣ, куда въ это время передвигается центръ жизни. Изъ всѣхъ этихъ предположеній, весьма правдоподобныхъ, вытекаетъ то, что, если мы не можемъ отнести Толковую Палею къ числу памятниковъ переводныхъ изъ византійской литературы, не можемъ отнести ее и къ Кіевскому періоду, мы, естественно, должны отнести ее къ интересующему насъ переходному времени. Составленіе памятника произошло не ранѣе XIII-го вѣка, но и не позднѣе XIV-го, къ концу котораго относятся старшіе ея списки (такъ называемая Александро-невская).

Съ отраженіемъ вліянія этого памятника намъ придется еще встрѣтиться при обзорѣ литературы Московскаго періода, и поэтому, не входя въ подробности, мы перейдемъ къ дальнѣйшему обзору литературы «переходной» эпохи. Въ ряду памятниковъ этой же эпохи надо остановиться на одномъ, который стоитъ въ связи съ Палеей: въ это время мы встрѣчаемся съ зачатками русскаго Хронографа. Кіевская литература такихъ самобытныхъ произведеній, какъ хронографы, знала. Въ византійской литературѣ, какъ извѣстно, хронографомъ зывается сочиненіе, представляющее обозрѣніе всеобщей исторіи чеѣчества, начиная большею частью съ сотворенія міра, постепенно ащающееся въ исторію христіанства (исторія Ветхаго завѣта развается, какъ обычно для средневѣковья, въ качествѣ лишь подльнаго къ христіанству періода) и переходящее, въ концѣ конисторію Византіи, какъ единственной представительницы истинславнаго) христіанства. Такія хроники существовали, какъ ъ славянскихъ переводахъ уже въ Кіевской литературѣ; то не позднѣе X вѣка была извѣстна хроника Георгія емного позднѣе хроника Іоанна Малалы Антіохійскаго. дутъ изъ юго-славянской литературы, и въ обще-рус-

скомъ «начальномъ» сводѣ лѣтописи конца XI вѣка (1093—1095 г., по Шахматову) мы находимъ ихъ слѣды, именно—ссылки на Георгія Амартола, приводимыя составителемъ свода съ указаніемъ источника въ 1-й редакціи (1116 г.) (ср. Лаврентьевскій сп.), а во второй его редакціи (1118 г.) (ср. Ипатскій списокъ) встрѣчаются непосредственныя заимствованія изъ хроники Малалы. Но самостоятельной компиляціи по міровой исторіи въ Кіевскомъ періодѣ не было, хотя и несомнѣнно, что хроники Малалы и Амартола служили поводомъ къ попыткѣ создать на Руси самостоятельный компилятивный хронографъ, но это случилось позднѣе.

Византійская обычная хроника начинаетъ исторію отъ сотворенія міра, и вслѣдствіе крупнаго непререкаемаго авторитета Библіи главнымъ источникомъ изложенія начальной исторіи человѣчества является Библія, откуда писатель хроники извлекалъ тѣ или иныя свѣдѣнія, дополняя ихъ изъ иныхъ источниковъ. Библія же является не столько исторіей человѣчества, сколько исторіей избраннаго еврейскаго народа, поэтому въ такой хроникѣ собственно и излагается еврейская исторія въ значительной ея части; такъ идетъ исторія преимущественно до конца самостоятельнаго существованія Іудеи, т.-е. до эллинистическаго и затѣмъ римскаго періода міровой исторіи. Въ римскомъ же періодѣ является христіанство; поэтому, сказавши нѣсколько словъ объ эпохѣ Александра и діадоховъ, хронистъ мимоходомъ упоминаетъ о римлянахъ и переходитъ къ исторіи христіанства. Лишь подойдя къ изложенію христіанской исторіи, авторъ-грекъ излагаетъ общехристіанскій періодъ, но быстро суживаетъ свой кругозоръ, отдавая предпочтеніе близкому ему восточно-православному христіанству, и къ исторіи западнаго христіанства обнаруживая или отрицательное отношеніе или не интересуясь имъ вовсе, т.-е., хроника превращается подъ его перомъ въ исторію Византіи, какъ исторію христіанства. Что касается указанныхъ хроникъ Амартола и Малалы, обѣ онѣ сохраняютъ приведенны[illegible] шаблонъ; разница между ними чисто частная: Амартолъ, болѣе узк[illegible] византіецъ-христіанинъ, старается опираться, главнымъ образомъ, [illegible] Библію и церковную литературу и неохотно пользуется другими и[illegible] никами полуисторическаго характера, существовавшими въ гре[illegible] литературѣ, какъ старой, такъ и византійской; Малала же, [illegible] ецъ по происхожденію, болѣе поэтически и народно настроенны[illegible] но пользуется этими источниками, часто сопоставляя ихъ с[illegible] скими свѣдѣніями. Такъ, напримѣръ, онъ, разсказывая о[illegible] и его легендарномъ путешествіи въ Египетъ, считаетъ Ав[illegible] менникомъ Кроноса, который рисуется ему, какъ ца[illegible] разсказывая о Саулѣ и Давидѣ, Малала вспоминаетъ, ч[illegible]

происходила осада Трои и т. п. Часто Малала просто (правда, по-своему) передаетъ античныя сказанія, напр., объ Эдипѣ, Керкопсѣ и др. Отраженіе общей схемы византійской хроники мы видимъ, отчасти, въ «начальномъ» лѣтописномъ сводѣ, который начинается съ раздѣленія потомковъ Ноя, затѣмъ выдѣляетъ племя Іафета, отъ котораго произошли европейскіе народы, а въ томъ числѣ и славяне. Т. о. переработана мысль Византійской хроники въ исторію Руси. Но въ XIII в. была сдѣлана иная попытка создать хронику особаго типа, о чемъ свѣдѣнія мы имѣемъ изъ рукописи такъ называемаго «Архивскаго» хронографа XV вѣка (списокъ Архива Мин. Иностр. Дѣлъ и списокъ Виленской Публ. библіотеки). Въ рукописи есть замѣтка, въ концѣ изложенія исторіи евреевъ, что исторія эта была списана съ текста 1262 года. Судя по упоминаніямъ о языческихъ вѣрованіяхъ Литвы, можно полагать, что составлялась эта хроника гдѣ-то на юго-западѣ Руси. Эта хроника кончается разореніемъ Іерусалима Титомъ и «Александріей», что дало поводъ В. М. Истрину, ее изслѣдовавшему, назвать этотъ памятникъ «іудейскимъ» хронографомъ [1]). Вообще эта хроника излагаетъ систематически исторію іудеевъ, опуская другія событія, руководясь книгой Бытія, Шестодневомъ, Древностями Іосифа Флавія, хрониками Малалы и изрѣдка Амартола, а также другими книгами Ветхаго завѣта (кончая книгой Руѳь); на конецъ присоединена «Александрія». Мы можемъ, слѣдовательно, думать, что задачей этого памятника было спеціальное изложеніе исторіи евреевъ, что еще разъ подтверждаетъ наличность какихъ-то интересовъ къ еврейству, о которыхъ мы говорили выше. Это же обстоятельство показываетъ, что въ XIII вѣкѣ было создано нѣчто новое въ русской литературѣ, отразившее вопросъ современности. Хронографъ «іудейскій», кромѣ того, оказывается созданнымъ внѣ предѣловъ стараго центра—Кіева.

Къ тому же XIII вѣку относится одинъ изъ популярныхъ переводныхъ памятниковъ древней русской литературы—«Пчела». Пчелами въ византійской литературѣ назывался одинъ изъ видовъ собранія изреченій (лат. терминъ—Florilegium) изъ священнаго писанія, сочиненій отцовъ церкви и иногда и свѣтскихъ писателей, античныхъ мыслите-ей (преимущественно греческихъ); изреченія эти подбирались по из-стной системѣ: или по алфавиту авторовъ (которымъ приписывались изреченія), или по начальной буквѣ изреченій, или же по содер-о, т.-е. въ послѣднемъ случаѣ подъ извѣстную рубрику (напр., рости, о благости, о любви, о братствѣ, о женщинѣ, о судѣ,

---

...робнѣе см. его изслѣдованіе: „Александрія русскихъ хронографовъ“ (М, ... „Чтеній въ Общ. Ист. и Др. Рос.“), стр. 317—361.

вѣрѣ и т. п.) подбирались изреченія различныхъ авторовъ, при чемъ иногда эти изреченія располагаются по степени авторитета авторовъ, какой имъ приписывался въ данное время; такъ, въ первую голову приводили, конечно, изреченія новозавѣтныя, затѣмъ изъ ветхаго завѣта, изъ твореній великихъ отцовъ церкви и, наконецъ, античныхъ философовъ, при чемъ часто разсказецъ, анекдотъ о томъ или другомъ лицѣ надписывался именемъ самого лица, какъ автора (анекдотъ, напр., объ Александрѣ Македонскомъ, обозначался именемъ: «Александръ», и т. д.). Эти сборники, называвшіеся различными именами, показываютъ взглядъ на тѣ или иные вопросы этики и житейской морали въ эпоху ихъ составленія, а, съ другой стороны, представляются собраніемъ философско-общественныхъ мыслей христіанской или античной литературы.

Однимъ изъ наиболѣе крупныхъ составителей флорилегія считается по преданію въ Византіи Максимъ Исповѣдникъ (писатель VII вѣка по Р. Х.), хотя, надо замѣтить, мы въ его сочиненіяхъ не находимъ подобнаго сборника; вѣроятнѣе всего, такой сборникъ былъ только приписанъ ему позднѣе. Были и другія лица (напр., Антоній, Нилъ Синайскій, Менандръ и др.), считавшіяся собирателями такихъ же изреченій. Подобный же флорилегій мы имѣемъ и въ памятникахъ русской литературы, часто съ именемъ Максима (но отличный, отъ ходячаго византійскаго съ тѣмъ же именемъ); онъ состоитъ изъ 70 главъ: каждая изъ нихъ заключаетъ въ себѣ отъ двадцати до ста изреченій, при чемъ разнообразіе ихъ мы находимъ полное: изреченія изъ св. Писанія новаго завѣта, ветхаго стоятъ рядомъ съ изреченіями св. отцовъ, анекдотическихъ мужей древности, философовъ: Платона, Сократа и т. д.; всѣ изреченія расположены въ «іерархическомъ» порядкѣ. Эта такъ называемая русская Пчела не была единственнымъ представителемъ этого вида литературы на Руси, переведеннымъ съ византійскаго оригинала. Были еще въ Кіевское время извѣстны другіе мелкіе сборники изреченій, напр., Менандра, Григорія Богослова, Іисуса Сирахова, Златоуста и др., которые рано появились въ юго-славянской письменности и перешли оттуда въ Русь [1]). Эти греческія изреченія по харак-теру, отчасти по формѣ, близко подходятъ къ народнымъ пословицам[illegible] имѣя предметомъ преимущественно ту же житейскую мораль, излож[illegible]ныя сжато и иногда остроумно, выразительно, они легко поэтому у[illegible]ивались памятью путемъ чтенія, заучиванія въ школѣ и т. д. Эта [illegible]зость къ пословицѣ открывала доступъ взаимовліянію между по[illegible]

[1]) Такъ, уже въ Изборникѣ 1076 года находимъ собранія изреченій: Н[illegible] салимскаго, Геннадія (Стословецъ), Сираха.

нымъ и устнонароднымъ изреченіемъ. Очевидно, еще въ древней русской литературѣ была популярна эта ходячая «пословичная» письменность, которая не осталась безъ вліянія на послѣдующую литературу, въ частности, напр., на извѣстное «Моленіе» Даніила Заточника [1].

Но большой сборникъ «Пчела», о которомъ мы говоримъ, появился судя по всѣмъ даннымъ, которыми мы располагаемъ, лишь въ «переходную» эпоху, хотя не всѣ изслѣдователи признаютъ это. Зная о распространенности «Пчелъ» въ византійской литературѣ и имѣя въ виду обычный путь перехода византійскихъ памятниковъ на Русь, нѣкоторые изслѣдователи полагали, что «Пчела» есть переводный памятникъ, пришедшій съ юга славянства еще въ до-Монгольскій періодъ (ср. А. И. Соболевскій, «Особенности русскихъ переводовъ до-Монгольскаго періода» въ «Трудахъ» IX археологическаго съѣзда т. II) и лишь поправленный позднѣе на Руси. Но внимательное изученіе русскихъ, греческихъ и юго-славянскихъ текстовъ «Пчелъ» доказываетъ, что «Пчела» переведена непосредственно съ греческаго текста въ Россіи прямо на русскій, и эти переводы изъ Россіи только позднѣе попали въ Сербію и Болгарію. Зная, что и въ Кіевскій періодъ дѣлались подобные переводы на русскій прямо съ греческаго (см. ук. ст. Соболевскаго или выше, стр. 273), мы должны предполагать, что переводы византійскихъ памятниковъ литературы не прекратились и послѣ Кіевскаго періода: образецъ именно такого переводнаго памятника представляетъ «Пчела». Первые слѣды «Пчелы» мы имѣемъ въ лѣтописи Переяславля-Суздальскаго (около конца XII-го вѣка), гдѣ лѣтописецъ приводитъ одну цитату, съ указаніемъ «якоже въ Пчелѣ глаголетъ»; но эта цитата восходитъ, кажется, не къ русской «Пчелѣ», а къ иной— юго-славянской, извѣстной и на Руси. Собственно же русская «Пчела» появилась въ половинѣ XIII-го вѣка, и въ памятникахъ конца XIII вѣка мы находимъ ея отраженія. Т. о. эта «Пчела» доказываетъ, что переводная дѣятельность XIII вѣка продолжала начатое въ Кіевскомъ періодѣ, хотя число переводовъ, какъ показалъ А. И. Соболевскій, значительно сократилось.

Среди памятниковъ того же XIII вѣка обращаетъ на себя вниманіе ...инальное по мысли и выполненію «Моленіе» Даніила Заточ... Прежде этотъ памятникъ считали относящимся къ XII вѣку, ...быть, кіевскимъ; такъ думалъ Калайдовичъ въ 1821 году (когда ...ервые напечаталъ цѣликомъ текстъ памятника) [2], основываясь

... М. Сперанскаго, Переводные сборники изреченій въ славяно-рус...ности (М. 1904); здѣсь и литература вопроса.

...амятники россійской словесности XII вѣка" (М. 1821), стр. 225.

на томъ, что княземъ, къ которому обращается Заточникъ, могъ быть только Георгій (Юрій) Долгорукій, князь XII вѣка. Но позже былъ найденъ другой текстъ «Моленія» въ рукописи Ундольскаго XV вѣка (тамъ же находится и «Пчела»), адресованный къ сѣверо-переяславскому князю Ярославу Всеволодовичу (1213—1236). Въ этой редакціи болѣе ярко подчеркнуто переяславско-суздальское происхожденіе памятника, въ отличіе редакціи Калайдовича, гдѣ неопредѣленность текста памятника позволяла относить его къ Переяславлю южному (какъ это сдѣлалъ П. А. Безсоновъ). Текстъ Калайдовича считался, собственно, первой, старинной редакціей памятника, текстъ Ундольскаго—второй, младшей, хотя и сохранившей кое-гдѣ черты древнія, утраченныя уже текстомъ Калайдовича [1]). Дальнѣйшія изслѣдованія (главнымъ образомъ Гуссова) привели, однако, къ иному установленію хронологіи редакцій, и оказалось, что текстъ Ундольскаго хронологически старше Калайдовичева, т.-е. отношеніе текстовъ является обратнымъ. Исходя изъ этого основанія и изъ ярче выступающихъ въ текстѣ Ундольскаго чертъ переяславскихъ (сѣверныхъ), мы должны заключить, что «Моленіе» Даніила возникло въ сѣверо-восточной Руси въ первой половинѣ XIII в. Судя по этому «Моленію», дѣло представляется такъ: авторъ—переяславецъ, какой-то княжой человѣкъ, былъ сосланъ за что-то на озеро Лаче (въ современной Олонецкой губ.), которое входило въ удѣлъ сѣвернаго Переяславскаго княжества. Оттуда, представляется, онъ и писалъ посланіе, въ которомъ оправдывался въ своей винѣ, не говоря о ней прямо (потому что она извѣстна князю), указывалъ, что князь поступаетъ опрометчиво, удаливъ его съ своихъ глазъ, такъ какъ онъ—авторъ—если и не можетъ похвастаться храбростью, однако онъ человѣкъ свѣдущій, книжный, умный, а такіе люди князю нужны и въ мирное время и въ военное.

Для насъ въ данномъ случаѣ не представляется важнымъ вопросъ о заточеніи Даніила (былъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ сосланъ, или нѣтъ, т.-е.: имѣемъ ли мы дѣло съ фактомъ, или лишь литературнымъ прі-момъ), но изъ этого памятника мы во всякомъ случаѣ можемъ заключит что въ нѣкоторыхъ городахъ сѣверо-востока, каковъ Переяславль, ли ратура уже въ XIII вѣкѣ получила нѣкоторое развитіе, была дово опредѣленнаго характера, были люди книжные и здѣсь, цѣнил

---

[1]) Всѣ научные взгляды до 1889 года объединены въ предисловіи к всѣхъ наличныхъ текстовъ „Моленія“ И. А. Шляпкинымъ; см. Пам. д менности (Общ. Люб. Др. Письм.), LXXXI, (Спб. 1889). Наиболѣе полно все, касающееся Даниила и его „Моленія“, сведено и изложено въ р Миндалева, Моленіе Даніила-Заточника и связанные съ нимъ памятн 1914, 346 + XXXIII стр., изъ записокъ Казанскаго у-а (за 1912—1913

здѣсь образованность (иначе не было бы смысла писать въ такомъ духѣ самое «Моленіе»). Даніилъ путемъ остроумнаго подбора изреченій, взятыхъ б. ч. изъ тѣхъ мелкихъ флорилегіевъ, о которыхъ была рѣчь выше, частью изъ св. писанія, частью же изъ живыхъ народныхъ поговорокъ и пословицъ, доказываетъ свои мысли князю, обнаруживая не только остроуміе, но и значительную начитанность, умѣнье справиться съ литературнымъ матеріаломъ и формой. Т. о. передъ нами картина значительнаго литературнаго развитія уже въ XIII в. на сѣверо-востокѣ, и въ этомъ отношеніи «Моленіе» заслуживаетъ вниманія при изученіи интересующаго насъ періода литературы.

Продолжая обзоръ литературныхъ памятниковъ «переходной» эпохи XIII—XIV вв., мы должны отмѣтить и тѣ изъ нихъ, которые были занесены въ лѣтопись, именно сказанія о татарахъ. Вполнѣ естественно, что такое крупное событіе XIII вѣка, какъ нашествіе татаръ, не могло не отразиться въ лѣтописной литературѣ. Но здѣсь идетъ рѣчь не о краткихъ лѣтописныхъ замѣткахъ: рядомъ съ ними въ лѣтописи мы встрѣчаемъ цѣлые разсказы о событіяхъ татарской эпохи. Въ сущности, въ лѣтопись попали сказанія, существовавшія, повидимому, нѣкогда отдѣльно, представлявшія т. о. самостоятельные литературные памятники. Однимъ изъ крупныхъ такихъ сказаній является «сказаніе о Калкскомъ побоищѣ и 70 храбрыхъ» (т.-е. богатыряхъ), внесенное въ лѣтопись по Лавр. списку подъ 1223 годомъ, «Повѣсть объ Евпатіи Коловратѣ» (о разореніи татарами Рязани) подъ 1237 годомъ, наконецъ, «Сказаніе о нашествіи Батыя на Русскую землю», въ которомъ описывается самое печально-громкое событіе татарскаго нашествія—разореніе Кіева. Всѣ эти «Сказанія» по своему происхожденію принадлежатъ, вѣроятно, современникамъ описываемыхъ событій и, какъ повѣствующія о военныхъ событіяхъ, могутъ быть сопоставлены съ «воинскими» повѣстями Кіевскаго періода. Воинскія повѣсти, какъ извѣстно, отличаются отъ другихъ видовъ повѣствовательной литературы своеобразнымъ стилемъ и міросозерцаніемъ автора. Авторъ подобной повѣсти принадлежитъ къ своеобразному кругу людей свѣтскихъ, и, можетъ ыть, спеціально военному, княжеско-дружинному, чѣмъ объясняются огія черты повѣстей, заставляющія выдѣлять ихъ въ особую груп- «Сказаніе о нашествіи Батыя» и другія указанныя заключаютъ ебѣ всѣ элементы воинской повѣсти; такъ же, какъ и эта послѣд- характеризуются они своеобразнымъ подборомъ техническихъ выра- свидѣтельствующихъ о сложной выработавшейся прочно воен- минологіи, а также общими мѣстами военнаго быта: описаніями ній, подвиговъ храбрости отдѣльныхъ лицъ въ довольно типи- выраженіяхъ. Затѣмъ, въ «Сказаніи о Батыѣ» и др., такъ

же какъ и въ воинской повѣсти Кіевскаго періода, мы находимъ своеобразное міросозерцаніе автора—не духовнаго лица: интересы ихъ преимущественно народные, политическіе; религіозно-провиденціальная точка зрѣнія, обычная для духовнаго автора въ другихъ произведеніяхъ, здѣсь, какъ и въ воинской повѣсти кіевскаго времени, отсутствуетъ или почти отсутствуетъ; зато здѣсь сквозитъ тѣсная связь съ народными воззрѣніями, съ народной рѣчью, чего мы не замѣтимъ въ рядовой церковной или полуцерковной письменности.

Все это позволяетъ думать, что повѣствовательные памятники, нами перечисленные, представляютъ органическое продолженіе старой воинской повѣсти; авторами ихъ, вѣроятно, являются и южане (повѣсть о Батыѣ, о битвѣ на Калкѣ) и не южане (можетъ быть, сѣверо-восточные рязанцы—о разореніи Рязани). Болѣе показательнымъ въ послѣднемъ отношеніи, и для непрерывности старой традиціи, представляется другое произведеніе подобнаго рода, именно: «Слово о погибели русской земли». Въ рукописи XV вѣка, идущей изъ Псковской области и содержащей житіе Александра Невскаго, написанное близко ко времени его жизни († 1263), нашелся впереди этого житія отрывокъ, озаглавленный «Слово о погибели русской земли и о смерти великаго князя Ярослава», отрывокъ небольшой, въ двѣ страницы. Нашедшій этотъ памятникъ Х. М. Лопаревъ, сразу оцѣнилъ его значеніе и счелъ его напоминающимъ кое-въ-чемъ «Слово о полку Игоревѣ»; съ такимъ освѣщеніемъ памятникъ и былъ имъ изданъ [1]). «Слово о погибели русской земли», поскольку оно сохранилось (второго списка не найдено), представляетъ изображеніе величія Руси при Ярославѣ Всеволодовичѣ (отцѣ Александра Невскаго); далѣе содержаніе обрывается и, судя по заглавію, изображало современное горькое положеніе Руси послѣ татарскаго погрома. Такъ понимаемое «Слово о погибели русской земли» является любопытнымъ показателемъ продолженія старой кіевской традиціи въ литературѣ XIII вѣка. Но на дѣлѣ «Слово» имѣетъ большее значеніе, нежели показатель жизненности воинской повѣсти и въ переходную эпоху литературы русской. Новѣйшіе изслѣдователи [2]) приходятъ къ мысли, что «Слово о погибели земли ру[illegible] ской» не есть самостоятельное отдѣльное произведеніе, подобное «Сл[illegible] о полку Игоревѣ» или иному какому-либо воинскому сказанію К[illegible] скаго періода. Болѣе вѣроятно, что оно представляетъ введеніе к[illegible] ходящейся въ той же рукописи болѣе обширной «Повѣсти о житі[illegible]

---

[1]) „Слово о погибели русскыя земли"—Пам. др. письм. (Общ. Л. Д. П.) [illegible] Спб. 1892.

[2]) Спеціальное изслѣдованіе о немъ Н. Серебрянскаго. Замѣтк[illegible] изъ псковскихъ памятниковъ (М. 1910), гл. 5.

ксандра Невскаго». Эта повѣсть извѣстна во многихъ редакціяхъ: въ псковской рукописи (гдѣ нашлось «Слово о погибели») такъ называемая краткая редакція. Литературная исторія этого житія въ связи съ «Словомъ о погибели русской земли» представляется изслѣдователемъ (Н. Серебрянскимъ) въ такомъ видѣ: раньше всего появилось краткое сказаніе о смерти и о погребеніи Александра Невскаго (стало-быть, вскорѣ послѣ 1263 года); оно вышло изъ-подъ пера духовнаго лица, жившаго по всей вѣроятности во Владимирѣ (на Клязьмѣ); церковный разсказъ легъ (вѣроятно, уже вскорѣ по своемъ появленіи) въ основу свѣтскаго разсказа о смерти Александра, написаннаго его дружинникомъ (а изъ этой преимущественно среды, припомнимъ, и шла свѣтская «воинская» повѣсть); тогда же къ этому разсказу присоединено было предисловіе въ духѣ воинской повѣсти (отсюда и сходство со «Словомъ о полку Игоревѣ», какъ воинской же повѣстью), т.-е. «Слово о погибели»; позднѣе прибавлена была уже и полная біографія Александра (разсказъ о его жизни). Эта сложная повѣсть позднѣе еще пополнялась и превратилась т. о. въ то большое житіе, которое находимъ въ лѣтописяхъ. Т. о. псковская редакція будетъ древнѣйшей, создавшейся на основѣ «Владимирской» на сѣверѣ, скорѣе всего въ Новгородско-псковской области въ XIII же в.. Князь Александръ былъ однимъ изъ замѣчательныхъ князей XIII в., который, не будучи прямымъ данникомъ татаръ, успѣшно отстаивалъ самостоятельность Новгорода отъ враговъ и восточныхъ и западныхъ. «Повѣсть» рисуетъ Александра не заурядным князем; но идеалъ, съ точки зрѣнія котораго освѣщается этотъ князь, есть идеалъ старый. Постоянно напрашивается сравненіе Александра съ старымъ Кіевскимъ княземъ: не хозяинъ, не ловкій дипломатъ, подобно сѣверо-восточнымъ князьямъ, но представитель боевой силы Руси. Главныя его качества—храбрость, удаль, какъ онѣ изображены въ личности, напр., Владимира Мономаха [illegible]ли Мстислава Удалого; такъ что, восхваляя Александра Невскаго, [illegible]торъ видитъ въ немъ идеальнаго князя предшествующихъ вѣковъ. [illegible]графія такого князя напрашивалась на изображеніе въ старомъ [illegible]скомъ духѣ; она отливалась хорошо въ форму «воинской повѣсти», [illegible] сдѣлалъ авторъ-дружинникъ, попробовавъ перелицевать церков[illegible]азаніе въ повѣсть военнаго характера, привычную «воинскую» [1]). [illegible] ясно говоритъ о томъ, что «Повѣсть о житіи и храбрости [illegible]дра Невскаго» писана подъ вліяніемъ памятниковъ кіевской [illegible]ры, «воинскихъ» повѣстей [2]), но создана она уже въ предѣлахъ

[illegible]бнѣе объ этой Повѣсти см. монографію В. Мансикки. Житіе А. Н., [illegible]цій и текстъ (Спб. 1913.—Пам. Древн. письм. и искусства, CLXXX).

[illegible]вительно, существовавшая до XIII в. „Повѣсть Іосифа Флавія о взятіи

Новгорода и Пскова. Авторъ хорошо знаетъ и любитъ кіевскаго князя, онъ еще не проникнутъ новымъ идеаломъ, который считается обязательнымъ для біографическихъ произведеній (особенно агіобіографическихъ) сѣверо-восточной Руси: подвиги благочестія, хотя и святого, князя не составляютъ еще необходимаго фона для его изображенія. Авторъ, очевидно, сохранилъ традиціи Кіевской Руси, и произведеніе его показываетъ наглядно продолженіе на сѣверѣ Руси этой традиціи въ XIII вѣкѣ.

Традиція эта, нашедшая себѣ продолженіе на сѣверѣ, нашла его и на сѣверо-востокѣ въ новой лѣтописи. Лѣтописное дѣло, начавшееся и такъ блестяще развившееся въ Кіевѣ, не исчезло, конечно, съ переходомъ центра жизни на сѣверо-востокъ; но лѣтопись здѣсь преобразовалась сравнительно съ Кіевской, и выработка новаго лѣтописнаго, въ значительной степени шедшаго по стопамъ стараго свода закончилась только въ половинѣ XV в. Все время—между Кіевскимъ періодомъ литературы и XV вѣкомъ—должно было уйти на постепенную выработку новыхъ лѣтописныхъ сводовъ, которые постепенно и вырабатываютъ свой сѣверо-восточный типъ. Въ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ сборникахъ, восходящихъ по времени своего образованія къ XIII—XIV вв., мы можемъ услѣдить этапы, которыми шло это преобразованіе Кіевскихъ сводовъ въ Московскіе. Такими лѣтописными источниками Московскихъ (иначе, сѣверо-восточныхъ) сводовъ являются тѣ же двѣ редакціи, что и для Кіевскихъ, т.-е. 1-ая ред. Начальнаго свода (1116 г., представляется на сѣверо-востокѣ Лаврентьевскимъ спискомъ 1377 г.) и 2-ая редакція его же (1118 г., представляется спискомъ Ипатскимъ, рукоп. нач. XV в.). Отъ этихъ сводовъ идутъ: Переяславская лѣтопись 1214—19 гг., составленная при Ярославѣ Всеволодовичѣ (томъ же, къ которому обращено Моленіе Даніила), затѣмъ такъ наз. Владимирскіе своды, образцомъ которыхъ является такъ наз. Радзивилловская, или Кенигсбергская, лѣтопись (2-й полов. XV в., богато иллюстри рованная); эти Владимирскіе своды создавались приблизительно: 1 около 1185 г., 2-й около 1192 г., 3-й около 1216 г. Отъ тѣхъ редакцій Кіевскаго Начальнаго свода идутъ: Ростовскія, Тверскі позднія Новгородскія лѣтописи. По изслѣдованіямъ А. А. Шахм (см. выше, стр. 322 и сл.), мы должны представлять себѣ это пр зованіе слѣдующимъ образомъ. Къ концу Кіевскаго періода ос значеніе получаютъ областные центры, которые начинаютъ тать самостоятельность, почему лѣтописные своды Кіевскаго

Іерусалима“—переводная „воинская“ оказала вліяніе и на автора Житі объ А. Н.; ср. В. Мансикка, у. с., стр. 27—32.

начинаютъ перегружаться лѣтописными свѣдѣніями, не имѣющими общерусскаго характера. Въ это время возникаютъ и отдѣльные лѣтописные сборники, какъ Псковскій, Новгородскій, Тверской, Владимиро-Суздальскій и, можетъ-быть, другіе, до насъ не дошедшіе. Эти лѣтописи находятся сначала въ зависимости отъ Кіевскаго свода, чѣмъ и объясняется ихъ составъ: въ основѣ областныхъ лѣтописей лежитъ непремѣнно общерусскій Кіевскій сводъ, но въ немъ выдѣлено больше то, что стоитъ ближе къ мѣстнымъ интересамъ. Особенно характерны въ этомъ отношеніи отдѣльные списки, напр., Ипатскій. Этотъ списокъ южнаго или юго-западнаго происхожденія въ болѣе чистомъ видѣ сохранилъ начальный сводъ, но съ XIII в. онъ превращается въ мѣстный Кіевскій сводъ, затѣмъ переходитъ въ Галицко-Волынскій, сообразно съ ходомъ событій XIII в., когда Галичъ временно на югѣ получаетъ преобладающее значеніе. Лаврентьевскій сводъ отличается отъ предыдущаго тѣмъ, что общерусскій сводъ онъ передаетъ гораздо короче, но постоянно внимательно отмѣчаетъ событія, совершавшіяся въ Суздалѣ и Владимирѣ, что позволяетъ прямо отнести его къ памятникамъ сѣверо-восточнаго періода; особенное развитіе подробностей въ немъ падаетъ на половину XIII в.. Болѣе оригинальнымъ является Переяславскій сводъ, дошедшій въ спискѣ XV-го в., но сохранившій слѣды стараго мѣстнаго свода. Оригиналъ, съ котораго былъ списанъ этотъ списокъ XV в. («Архивскій»), былъ законченъ въ 1214—1219 гг., когда было записано послѣднее извѣстіе современникомъ. Переяславская лѣтопись также зависитъ отъ общерусскаго свода, но событія Кіевскаго періода жизни Руси уже не такъ живо интересуютъ автора, утративъ въ его глазахъ значеніе точныхъ фактическихъ данныхъ. Тонъ, которымъ разсказываются начальныя страницы исторіи Руси (напр., объ Игорѣ, Ольгѣ, Олегѣ), представляется окрашеннымъ уже легендарнымъ характеромъ, чего не было, разумѣется, въ его источникѣ— Кіевскомъ сводѣ.

Такимъ образомъ, въ мѣстныхъ лѣтописяхъ получаетъ преобладаю- ... значеніе мѣстный элементъ. Въ сѣверо-восточныхъ лѣтописяхъ мы ...мъ своеобразное изложеніе событій начала XIII в. по мѣстнымъ ...амъ; такую легендарную подкладку мѣстнаго характера мы имѣемъ ...сказахъ о битвахъ на Калкѣ и на Сити, послужившихъ канвой ...ины о томъ, «какъ перевелись богатыри на св. Руси»; легенды ...идно, рязанскаго происхожденія: героемъ здѣсь является Але- ... Поповичъ Ростовскій, позднѣе въ былинахъ Алеша Попо- ...женіе типичныхъ чертъ сѣверо-восточнаго періода видно и ... Владимиро-Суздальской по Лаврентьевскому списку. Какъ ... это время начинается соперничество Новгорода, Росто-

ва и Суздаля изъ-за преобладающаго значенія въ средѣ мелкихъ сѣверо-восточныхъ княжествъ, намѣчается поглощающая политика великаго князя (процессъ уже характерный для Москвы): въ Суздальской лѣтописи мы встрѣчаемъ чисто мѣстное пристрастіе къ своему князю, насмѣшливое отношеніе къ противникамъ (Новгороду, Ростову), по адресу которыхъ сыплются порицанія. Даже такой герой, какъ Александръ Невскій, нѣсколько затѣненъ въ сѣверо-восточныхъ извѣстіяхъ и, наоборотъ, восхваляется Андрей Боголюбскій, типичный князь сѣверо-восточной Руси. Разсказывая о неудачномъ походѣ Суздаля на Новгородъ, лѣтописецъ старается всячески ослабить впечатлѣніе пораженія суздальцевъ и т. п.

Если въ XIII вѣкѣ мы видимъ въ лѣтописи уже отчетливо выраженныя мѣстныя черты, какъ результатъ ослабленія значенія Кіева, то къ XV в., наоборотъ, начинается опять тяготѣніе къ центру, и такъ называемый Владимірскій «Полихронъ», сложившійся къ 1417 году выражаетъ необходимость собиранія земли, но уже не въ Кіевѣ, а въ новомъ центрѣ. Этотъ процессъ трансформаціи лѣтописи заканчивается въ Москвѣ, около 1443 года.

Наконецъ, къ явленіямъ разсматриваемаго времени надо отнести, по мнѣнію того же В. М. Истрина, проникновеніе въ русскую литературу такихъ переводныхъ памятниковъ, какъ «Сказаніе объ Индѣйскомъ царствѣ», описывающее страну чудесъ Индію съ ея удивительнымъ царемъ-священникомъ Іоанномъ, обладателемъ огромнаго могущественнаго царства, полнаго неисчислимыхъ богатствъ, самыхъ удивительныхъ фантастическихъ чудесъ и т. п. [1]), и сказанія «О двѣнадцати снахъ царя Шахаиши» (иначе: царя Мамера), съ его не менѣе удивительными пророческими видѣніями [2]). Оба памятника проникли на Русь не обычнымъ путемъ (черезъ Византію и югъ славянства), а окружнымъ—изъ западной Европы черезъ Далмацію въ сѣверо-восточную Суздальскую Русь, кажется, минуя Кіевъ. Къ XIII в. съ нѣкоторымъ вѣроятіем[ъ] слѣдуетъ отнести и популярность такого стараго (XI—XII в.), рѣдка[го] переводнаго памятника, какъ фантастическая восточная «Повѣсть о Акирѣ премудромъ», сентенціи изъ которой начитанный въ Кіев[ской] книжной литературѣ авторъ «Моленія» Даніилъ использовалъ въ [сво]емъ произведеніи [3]).

---

[1]) Подробности см. въ отдѣльномъ изслѣдованіи того же В. М. Истрина [...] объ Индѣйскомъ царствѣ (Древности, труды Слав. Ком. И. Моск. Арх. Общ., [...]

[2]) О сказаніи см. А. Н. Веселовскаго. Слово о двѣнадцати снах[ъ] [...] (Сбор. Отд. рус. яз. и сл. И. А. Н., т. 2, № 2), также А. В. Рыст[...] заніе о 12 снахъ царя Мамера (Одесса, 1904 и 1905 гг.).

[3]) См. спеціальное изслѣдованіе А. Д. Григорьева. Повѣсть о [...] мудромъ (М. 1913), стр. 543.

Если присоединить зарожденіе на сѣверо-востокѣ и агіографіи въ видѣ житія Александра Невскаго, продолжающаго традицію южной Руси (ср. труды Нестора), м. б. въ видѣ первичныхъ (не дошедшихъ) редакцій житій Леонтія, Исаіи, Авраамія Ростовскихъ, наконецъ, въ видѣ муромскихъ легендъ, легшихъ въ основаніе сказаній о Петрѣ и Февроніи, полукнижнаго, полусказочнаго характера, то мы получимъ представленіе о довольно живой и разнообразной литературной дѣятельности на сѣверо-востокѣ уже въ XIII, нач. XIV в.; мало того, получимъ указаніе на болѣе или менѣе ясно намѣчающіеся литературные центры; по крайней мѣрѣ, одинъ изъ нихъ представляется опредѣленнымъ: это— сѣверо-восточный Переяславль Залѣсскій (въ отличіе отъ южнаго, кіевскаго), который видимо стянулъ къ себѣ уже значительныя культурныя и литературныя силы; доказательствомъ тому—Переяславская лѣтопись, создавшаяся при Ярославѣ Всеволодовичѣ (отецъ Александра Невскаго), Моленіе Даніила, обращенное къ тому же князю, посланіе черноризца Іакова къ Дмитрію, переяславскому же князю 2-ой половины XIII в. и м. б. другіе памятники этого времени; городъ Владиміръ (на Клязьмѣ) также оказывается не только государственнымъ, но и литературнымъ центромъ на пространствѣ съ конца XII в. до первой четверти XIII-го; около Владимира группируются цѣлые три лѣтописныхъ свода; наконецъ, и Ростовъ играетъ, повидимому, аналогичную роль, судя по Ростовской лѣтописи (отраженной въ Лаврентьевскомъ сводѣ), житіямъ.

Изъ этого очерка, сдѣланнаго въ самыхъ общихъ чертахъ, мы должны вывести заключеніе, что перерыва въ литературной традиціи между Кіевскимъ и Московскимъ періодами не было. Различные по своему характеру и чертамъ памятники этого переходнаго времени были либо прямымъ продолженіемъ старой кіевской традиціи (каковы, напр., поученія Серапіона, Палея, воинская повѣсть, лѣтопись) либо на основномъ фонѣ кіевской традиціи несли въ себѣ уже мѣстныя сѣверо-восточныя измѣненія, что особенно видно на той же лѣтописи, которая, въ концѣ-концовъ, опять-таки возвращается къ общерусскому своду, но только къ московскому по характеру, вкладывая туда уже нѣсколько ...е содержаніе и иную, нежели кіевская, тенденцію. Наконецъ, нельзя не добавить того, что и самый литературный языкъ Кіевской ... (старославянскій въ основѣ) остается литературнымъ языкомъ и ...однаго времени и Московскаго періода; онъ измѣняется только ...зи съ иными теперь условіями общерусскаго языка. Т. о. связь ...обоими періодами русской литературы должна быть признана ...ной.

...что еще можно отмѣтить для характеристики разсматриваемаго

времени, это—то, что при разнообразіи и относительной живости литературнаго движенія этой эпохи, ея тѣсной связи съ предшествующей, переводная литература (возникшая у другихъ славянъ, своя) значительно слабѣе представлена, нежели въ Кіевскій періодъ, и это не потому, что мы знаемъ вообще мало памятниковъ этого времени, а также и потому, что главные источники иноземнаго вліянія (юго-славяне, Византія) стали теперь дальше географически отъ литературныхъ центровъ Руси, путь изъ нихъ сталъ труденъ (степь занята татарами), а, кромѣ того, и потому, что сами эти источники становятся слабы (въ Византіи—латинская имперія, на югѣ-славянства—паденіе Болгаріи): источниками «іудейскаго» Хронографа были въ общемъ старые «кіевскіе» переводные памятники (см. выше), то же у Даніила Заточника (изреченія Сираха, Акиръ, Соломонъ и др.). Лишь только (къ концу XIV в.) налаживаются снова на сѣверо-востокѣ отношенія къ ближнимъ и дальнимъ сосѣдямъ, иноземное вліяніе опять (но уже иначе) чувствуется въ русской литературѣ с.-востока. Это наблюденіе еще разъ подтверждаетъ общую картину жизни Руси, въ эту эпоху, обрисованную выше.

Татарщина, ея характеръ и значеніе. Въ связи съ сдѣланнымъ обзоромъ литературной жизни за этотъ періодъ, приходится считаться съ однимъ мнѣніемъ, распространеннымъ въ учебныхъ руководствахъ по исторіи русской литературы, въ частности встрѣчаемыхъ у А. Н. Пыпина, именно: указываютъ на сильное паденіе, почти перерывъ старой традиціи въ сѣверо-восточной Руси, проводя т. о. рѣзкую грань между Кіевскимъ и Московскимъ періодами; указываютъ, что это паденіе традиціи совершилось подъ вліяніемъ татарскаго ига, перевернувшаго вверхъ дномъ старый порядокъ Руси. Тотъ постепенный переходъ, который наблюдается между Кіевскимъ и Московскимъ періодами, не позволяетъ, однако, приписывать столь сильное специфическое значеніе татарскому нашествію. Современная историческая наука, исходя изъ посылокъ соціально-экономическихъ, указываетъ, что то, что совершилось подъ именемъ нашествія татаръ, было лишь однимъ изъ актовъ той драмы, которая именуется замираніемъ Кіев ской Руси и перенесеніемъ центра культурной жизни на сѣверо-восток Дѣйствительно, если татарское нашествіе и разорило Кіевскую Р оно было не таково, чтобы совершенно прекратить старый поря и помѣшать традиціи основаться на новомъ мѣстѣ; если татарско шествіе въ экономическомъ отношеніи нанесло тяжелый ударъ Руси, этотъ ударъ, все-таки, не былъ настолько силенъ, чт вернуть жизнь Руси въ новое русло, да и не могъ самъ обусловить этого поворота. Татары и послѣ битвы на рѣкѣ

временамъ дѣлали набѣги, которые были, правда, губительны, но въ промежутки между погромами (на сѣверо-востокѣ болѣе, на югѣ слабѣе) населеніе нашло въ себѣ силы приспособляться къ этимъ набѣгамъ, вынося ихъ на своихъ плечахъ и не прерывая, а лишь замедляя свою культурную, созидательную работу, что мы видимъ особенно отчетливо на сѣверо-востокѣ, и что должны предполагать, хотя, правда, въ болѣе слабой степени, на югѣ Руси; этимъ объясняется то, что татарское иго не врѣзывалось слишкомъ глубоко въ русскую жизнь, не могло подорвать ея основы. Здѣсь играла большую роль, конечно, разница въ культурномъ уровнѣ между завоевателями и побѣжденными; татары въ этомъ отношеніи стояли неизмѣримо ниже русскаго населенія, они не вышли вполнѣ еще даже изъ кочевого быта, тогда какъ Русь жила уже сложными формами экономической и государственной жизни, обладала прочно слагавшимися формами осѣдлаго быта, литературой, пережившей своего рода блестящій періодъ. Татары поэтому оставляли въ покоѣ внутреннюю жизнь страны, ограничиваясь по временамъ лишь проявленіемъ грубой силы, грабежами, набѣгами, но не осаживаясь на русской территоріи, а предпочитая уходить въ свои степи, дававшія имъ необходимыя условія для ихъ полукочевого быта. Духовенство, монастыри—крупные центры культурной жизни Руси на сѣверо-востокѣ—сумѣли создать себѣ исключительное положеніе: они не облагались, какъ извѣстно, данью въ пользу татаръ во имя своей высокой миссіи; князья если зависѣли отъ татаръ, то зависимость эта выражалась, прежде всего, только въ дани, да и эту дань собирали сами татары только первое время; князь попрежнему оставался хозяиномъ своего удѣла. Мы видѣли, наконецъ, что фактически и литература въ то же самое грозное время не прекратилась, обнаруживая даже нѣкоторое своеобразное оживленіе, созидая новые центры.

Слѣдовательно, мы должны учитывать въ татарскомъ игѣ и сторону, не столь безпощадно отрицательную: противорѣчіе между фактами представленіемъ объ особенно разрушительномъ вліяніи для литерарной традиціи нашествія татаръ ясно. Быстрая централизація сѣверо-точной Руси около новыхъ центровъ, сознаніе необходимости этихъ ровъ для сохраненія старой традиціи пришли гораздо скорѣе, не- на татарское иго, нежели можно было предполагать, принимая ное мнѣніе о немъ. И къ XIV вѣку можно говорить объ ясно ѣчающемся принципѣ единства Руси около Москвы; а это было маго разгара татарщины. Почему получилось такое неправиль- тавленіе о роли татарскаго нашествія въ жизни Руси, мы до- : не принята была во вниманіе та сторона исторіи Кіевской рую мы называемъ предвиженіемъ на сѣверо-востокъ: про-

цессъ замиранія, ослабленія Кіевской Руси наступилъ не со времени татарскаго нашествія, а гораздо раньше, еще въ концѣ XII в., какъ результатъ экономической и государственной не посильной борьбы этой Руси со степью, и т. о. нашествіе татаръ представляется не неожиданнымъ, не чѣмъ-либо новымъ, а лишь однимъ изъ ряда фактовъ этой борьбы, правда, фактомъ, выдающимся по своей силѣ, по однимъ изъ послѣднихъ, довершившихъ то, что подготовлено раньше: татары разгромили уже ослабѣвшую раньше Кіевскую Русь, которая потому и не могла такъ долго оправиться: ея силы ослабли не только отъ предшествующихъ набѣговъ, но и отъ того, что значительная (м. б. и лучшая, болѣе энергичная) часть этихъ силъ ко времени нашествія татаръ была уже на сѣверо-востокѣ, который поэтому и вынесъ на своихъ плечахъ татарщину, выйдя въ концѣ концовъ побѣдителемъ. Конечно, отрицать тяжести татарскаго погрома нельзя, но не слѣдуетъ и преувеличивать его роли: онъ замедлилъ развитіе старой традиціи, но ея не уничтожилъ. Первое время татарщины не богато памятниками литературы, бѣднѣе Кіевскаго времени и силами; но и въ это время, мы видѣли, литературная и культурная жизнь не умерла, проявляя въ себѣ способности не только сохранить традицію, но и даже разрабатывать ее въ новомъ направленіи, хотя и не такъ быстро, какъ бы, вѣроятно, мы видѣли, не будь татарщины и новыхъ условій жизни на сѣверо-востокѣ. Стало-быть, только правильно учитывая общегосударственные, экономическіе и вообще культурные факторы времени, мы поймемъ, какимъ образомъ сѣверо-восточная Русь сохранила прежнюю традицію, какимъ образомъ она пошла дальше, исходя изъ нея. Все это, конечно, совершилось не сразу. Москва стала центромъ, но созиданіе этого центра идетъ неуклонно, постепенно въ связи съ постепеннымъ созиданіемъ и установленіемъ новой народности великорусской, которая и стала носительницей новаго порядка идей. Поэтому и въ литературѣ шелъ тотъ же постепенный процессъ созданія новаго литературнаго типа, которому, разумѣется, приходилось строиться прежде всего на старой кіевской традиціи. Какъ Московское государст[...] старалось сохранить хотя бы по внѣшности прежній строй, влагая нов[...] содержаніе въ прежнія формы, такъ и литература, пользуясь готов[...] формами, постепенно вырабатывала новый идейный типъ. Въ ка[...] направленіи шла эта выработка, наглядно показываютъ нѣкотор[...] тературные памятники, связанные съ событіями XIV в. Изъ ни[...] обратимъ вниманіе на одинъ или, лучше, на одну группу ихъ[...]

II. Начало Московской литературы. Сказанія о Мамаевщ[...] концѣ XIV вѣка самымъ крупнымъ событіемъ Руси являет[...] ковская битва, имѣвшая огромное общественное и нравств[...]

ченіе для современниковъ и ближайшихъ поколѣній. Послѣ ряда пораженій, погромовъ, отъ которыхъ защититься или не удавалось, или удавалось лишь новыми униженіями и матеріальными жертвами, Московское государство, еще не объединившее всѣхъ русскихъ, даже лишь сѣверо-восточныхъ, областей въ своемъ составѣ, рѣшилось во имя общерусскихъ интересовъ дать отпоръ татарамъ. Столкновеніе это, окончившееся пораженіемъ татаръ, было первой попыткой испробовать свои силы, которыя въ теченіе XII—XIV вѣковъ собирались въ сѣверо-восточной Руси. Попытка эта, хотя и обошлась дорого, но несомнѣнно была удачна. Русь почувствовала свою силу и убѣдилась, что сила эта, если пока еще и не достаточна, чтобы сбросить иго, все же не мала: надежда на лучшее будущее была уже дана такимъ образомъ. Понятно, что такое событіе должно было получить свое отраженіе въ литературѣ: и, дѣйствительно, мы имѣемъ не одно, а нѣсколько произведеній, группирующихся около битвы на Куликовомъ полѣ: мы имѣемъ, во 1-хъ, «Задонщину», затѣмъ «Повѣданіе» и «Сказаніе о побоищѣ великаго князя Дмитрія Іоанновича Донского» (по С. К. Шамбинаго, «Сказаніе»), сохранившееся въ цѣломъ рядѣ редакцій (не менѣе четырехъ), изъ коихъ одна часто называется даже «Житіемъ великаго князя Дмитрія Іоанновича» [1]). Сверхъ того, о томъ же событіи мы имѣемъ «Лѣтописную повѣсть» (въ Новгородской IV лѣт., Софійской I, Воскресенской). Эти три сказанія рядомъ съ лѣтописными повѣстями и составляютъ циклъ, присматриваясь къ которому, мы увидимъ рядомъ со старой формой много новаго въ характерѣ содержанія.

Обращаясь къ старѣйшему изъ нихъ памятнику, «Задонщинѣ», мы имѣемъ указанія на время возникновенія этого памятника. Въ самомъ памятникѣ указывается, что сказаніе приписывалось какому-то Софронію (или Софоніи) рязанцу; появилось оно вскорѣ послѣ событія (въ нач. XV в.). Задонщина представляетъ съ нашей точки зрѣнія плагіатъ изъ другого готоваго произведенія, именно, «Слова о полку Игоревѣ». Авторъ Задонщины, чувствуя аналогію между темой «Сл. о п. И.» (борь-а съ кочевниками, врагами русской земли) и событіемъ на Кули-вѣ полѣ, рѣшилъ имъ воспользоваться для своей цѣли и попро- перелицевалъ «Слово», описывавшее событіе 1185 года, примѣнивъ ъ описанію событія 1380 г. Онъ даже не рѣшался иногда измѣ- нѣкоторыхъ фактическихъ чертъ «Слова о п. И.» (но, разумѣ- е имѣвшихъ мѣста въ 1380 году), повторилъ ихъ и, подчасъ же понимая свой образецъ и еще менѣе разбираясь въ «Словѣ»,

ч. въ „Русскомъ истор. сборникѣ", III; „Житіе" это слѣдуетъ, повидимому, мостоятельнымъ памятникомъ, пользовавшимся предыдущими „Сказаніями", ески отдѣленнымъ отъ нихъ.

какъ поэтическомъ произведеніи, воспроизводилъ его только со стороны словъ и оборотовъ, перенося ихъ не всегда кстати и умѣло въ свое издѣліе [1]).

Новаго, чисто литературнаго элемента авторъ Задонщины внесъ немного; но и это немногое чрезвычайно характерно для его эпохи. Если онъ чуть не цѣликомъ приписываетъ роль Игоря Дмитрію Донскому, а роль Буй-тура Всеволода кн. Владиміру Андреевичу Серпуховскому, то все-таки онъ не удерживался, чтобы не внести въ произведеніе той тенденціи, которая подсказывалась ему настроеніемъ времени. Не понявъ основной идеи «Слова о полку Игоревѣ», идеи этнографическаго единства русской земли, какъ выраженія единства политическаго Руси, а также имѣя передъ собой несоотвѣтствіе въ пораженіи Игоря и побѣдѣ Дмитрія Донскаго, авторъ иначе квалифицируетъ событіе. Основная мысль «Задонщины» вышла поэтому иная: если въ «Словѣ о полку Игоревѣ» не Игорь является центромъ произведенія, но все заслоняетъ идея единства Руси, какъ залогъ ея силы, въ «Задонщинѣ», наоборотъ, все заслонено личностью князя, которая выдвигается значительно въ сравненіи съ другими политическими факторами жизни Руси: роль сѣверо-восточнаго князя въ XIV вѣкѣ уже опредѣлилась ясно по отношенію къ землѣ: онъ сталъ ея хозяиномъ, а не представителемъ ея интересовъ. Значеніе московскаго князя, какъ носителя власти и распорядителя судьбой страны, выдающееся его политическое положеніе, какъ князя Московскаго, и заставляетъ автора «Задонщины» обратить на него особое вниманіе, счесть его истиннымъ виновникомъ первой побѣды надъ татарами.

Другія сказанія о «мамаевщинѣ» еще болѣе выдвигаютъ эти черты идейнаго склада новой Московской Руси. «Повѣданіе» и «Сказаніе о побоищѣ Дмитрія Іоанновича Донского» въ его разныхъ редакціяхъ, начиная со старшей, принадлежитъ къ числу памятниковъ, навѣянныхъ съ одной стороны событіями времени, а съ другой стороны литературными образцами, отчасти «Словомъ о полку Игоревѣ», а можетъ-быть, и типичной уже житійной литературой Московскаго періода. Въ «Сказаніи» на лицо не только элементъ воинской повѣсти (какъ слѣд[illegible] «Слова о п. И.» и кромѣ того «Задонщины»), но и элементъ личн[illegible] значенія князя, который характеризуется, какъ представитель рус[illegible] земли въ ея политическомъ и религіозномъ значеніи. Своей [illegible] дой князь обязанъ не только своимъ личнымъ качествамъ, но и [illegible] благочестію, твердости въ православной вѣрѣ: онъ стяжалъ [illegible]

---

[1]) Подробное сличеніе обоихъ памятниковъ сдѣлано А. И. Смирно[illegible] его книгѣ о „Словѣ о полку Игоревѣ“, вып. II, 138 и сл. (Ворон. 1879 [illegible] лолог. Записокъ).

надъ Мамаемъ за свою горячую вѣру, частыя усердныя молитвы, за то, что онъ выступаетъ защитникомъ вѣры православной противъ «поганыхъ»; потому въ «Сказаніи» отмѣчается, какъ князь постоянно среди военныхъ заботъ предается религіознымъ подвигамъ, ими онъ подготовляется къ бою,—все окрашено идеей религіозной. Первая мысль, являющаяся у князя, когда онъ узнаетъ о побѣдѣ, есть благодареніе Богу и поминовеніе павшихъ; возвращаясь въ столицу, онъ устраиваетъ торжественное молебствіе за ниспосланную свыше побѣду. Здѣсь мы видимъ религіозные мотивы, которые не чужды были и Кіевскому періоду, какъ мы видѣли это на примѣрѣ лѣтописи, но въ «Сказаніи» религіозная идея стоитъ рядомъ съ идеей князя, носителя власти и защитника земли. Кіевское время, выдвигая идею единства русской земли, такого сочетанія не знало, особенно въ такомъ смыслѣ идеи власти и вѣры, какъ главныхъ факторовъ въ жизни народа. Почему значеніе религіи такъ усилилось къ XIV вѣку, станетъ понятно, если припомнимъ роль духовенства въ возвеличеніи и въ самомъ созданіи Московскаго государства: дружная работа духовенства и государства приводитъ къ подъему значенія церкви и къ подъему государства. А потому эта «религіозная» тенденція становится характерной для послѣдующей литературы Московскаго періода.

Третій памятникъ («Житіе»), болѣе поздній и слабѣе отразившій вліяніе воинской повѣсти Кіевскаго періода, тѣмъ сильнѣе отразилъ государственные принципы въ лицѣ Дмитрія Донского и тѣмъ яснѣе отмѣтилъ религіозную тенденцію въ фактическихъ данныхъ и ихъ освѣщеніи.—Такимъ образомъ созидалась московская традиція, съ которой мы встрѣчаемся уже на исходѣ XIV вѣка; въ литературѣ и въ жизни она тѣсно связана съ процессомъ централизаціи, объединенія не только этническаго, но и государственнаго: Москва собирала Русь во имя единства русскаго государства, единства власти въ лицѣ князя, единства вѣры, а вмѣстѣ съ тѣмъ и единства народности. Т. о. въ это время у слагающейся великорусской народности возникаетъ и новое политическое сознаніе себя государствомъ Россійскимъ. Наконецъ, созданіе по-
[illegible]тическаго центра въ Москвѣ является результатомъ историческихъ
[illegible]овій, способствовавшихъ этому городу принять на себя роль объ-
[illegible]ителя Руси, стать во главѣ Московскаго государства. Выработка
[illegible]са московскаго исповѣданія съ православной московской исключи-
[illegible]стью, отмѣченной ярко въ памятникахъ XVI в., происходитъ, ко-
[illegible] постепенно, и зачатки ея, какъ мы видѣли, отчетливо наблю-
[illegible] уже въ повѣстяхъ XIV вѣка.

[illegible] **литературная традиція.** Мы пересмотрѣли нѣкоторые па-
[illegible]которые могутъ быть отнесены къ средневѣковому начальному

сѣверо-восточному періоду русской литературы, и сдѣлали выводъ, что традиція Кіевской литературы въ значительной степени была перенесена и въ новые центры на сѣверо-востокѣ Руси; подъ вліяніемъ этой традиціи, несмотря на тяжелое положеніе русскаго народа въ новыхъ мѣстахъ, въ XIV в. начали вырабатываться новые литературные типы и направленія. Намъ предстоитъ теперь выяснить, какимъ образомъ создалась эта новая, уже сѣверо-восточная, литературная традиція.

Географическое положеніе. Отношенія сосѣдскія. Для ближайшаго ознакомленія съ этимъ вопросомъ не достаточно обзора памятниковъ переходной эпохи, не достаточно и общаго очерка тяжелаго положенія новыхъ центровъ. Для полноты и правильности представленія необходимо пересмотрѣть также условія развитія этой традиціи, и прежде всего надо обратить вниманіе на внѣшнее положеніе, которое заняло великорусское племя, только начавшее слагаться на новыхъ мѣстахъ: географическое положеніе Московской Руси въ отношеніи къ прежнимъ внѣшнимъ центрамъ культуры, къ новымъ сосѣдямъ имѣетъ, конечно, громадное значеніе и въ значительной степени объясняетъ типичныя черты физіономіи московской литературы.

Мы знаемъ, главнымъ факторомъ въ развитіи Кіевской литературы было иноземное вліяніе—византійское, которое шло или непосредственно или въ бо́льшей степени чрезъ посредство юго-славянскихъ литературъ, главнымъ образомъ, болгарской. Въ виду географической близости Кіева къ Византіи [1]) и южно-славянскимъ государствамъ оживленныя культурныя сношенія между ними поддерживались во все время Кіевскаго періода, и притокъ литературнаго матеріала совершался постоянно. Теперь новые культурные центры, притомъ еще слабые, отодвинулись значительно отъ прежнихъ, и главныя области расположились по среднему и нижнему теченіямъ Оки и верховьямъ и среднему теченію Волги: Ростовская земля, Владимиро-Суздальское княжество, Рязанское, наконецъ, Москва. Между сѣверо-восточными областями и Византіей залегли степи, наполненныя враждебными и дикими кочевниками; принимая во вниманіе трудность тогдашнихъ путей сообщенія, легко по нять, что вліяніе Византіи и юга-славянства съ XIII вѣка нача постепенно ослабѣвать и принимать размѣры значительно скромнѣе вслѣдствіе этихъ однихъ причинъ—отдаленности разстоянія, трудно ходимой промежуточной среды.

Но ослабленіе византійскаго вліянія, замѣчаемое въ это вре Руси, въ связи съ удаленіемъ сѣверо-восточной Руси отъ пе

---

[1]) Кіевъ былъ, какъ знаемъ, первой крупной станціей отъ Византі комъ пути изъ Варягъ въ Греки".

ственнаго соприкосновенія съ Византіей, имѣло также и свои причины отчасти и въ историческихъ условіяхъ жизни самой Византіи и юго-славянства этого времени. Въ X—XI вв. Византія переживала своеобразное возрожденіе, отчасти подобное тому, которое испытывала Европа съ конца XII вѣка. Въ это время она и въ политическомъ отношеніи представляетъ сильное государство и, если Византія теряла свои владѣнія въ Африкѣ (Египетъ) и частью въ Азіи и Европѣ (южная Италія), она все-таки расширяла интенсивно свое политическое и культурное вліяніе на Балканскомъ полуостровѣ, оказывая кое въ чемъ вліяніе даже на Западѣ Европы. Не то совсѣмъ мы видимъ въ XII—XIV вв., когда наступаетъ періодъ въ Византіи внутреннихъ безпорядковъ, неудачныхъ попытокъ Византіи принять участіе въ міровой политикѣ, закончившееся основаніемъ чуждой и низшей по культурѣ Латинской имперіи въ самомъ Константинополѣ, просуществовавшей около 80 лѣтъ. По освобожденіи отъ латинянъ внутри Византіи наступаетъ экономическій кризисъ, остро развивается борьба партій, и эти стороны ея внутренней жизни отвлекаютъ всѣ силы Византіи, она даже опускается ниже въ культурномъ отношеніи съ тѣмъ, чтобы никогда не достичь прежняго высокаго положенія. Поэтому ослабленіе вліянія Византіи на сосѣднія страны въ это время является вполнѣ понятнымъ. Упадокъ Византіи въ культурномъ отношеніи отразился на характерѣ ея вліянія на Русь еще въ Кіевскій періодъ: сухая схоластика, приверженность къ буквѣ въ ущербъ содержанію, зачатки религіозно-національной исключительности, усилившееся отрицательное отношеніе къ католическому Западу, рѣзко отрицательное отношеніе къ иновѣрцу вообще, особенно къ мусульманству, суровое отношеніе къ античному наслѣдію, рядомъ самомнѣніе—все это можно отмѣтить въ слабыхъ зачаткахъ уже въ Кіевское время, въ большей степени въ Московское.

То же самое мы видимъ въ XII—XIII вѣкахъ и въ юго-славянскихъ государствахъ. Начало русской литературы совпало, какъ припомнимъ, съ расцвѣтомъ болгарской культуры въ вѣкъ царя Симеона [1]), и культура эта развивается, пока сильно было государство; но какъ только ...лгарія ослабѣла политически, падаетъ и ея культура и вмѣстѣ литура. Въ XI вѣкѣ болгарская литература продолжаетъ еще по ...ціи свое интенсивное развитіе, состоявшее въ болѣе полномъ усвое... ...истіанскихъ элементовъ въ міросозерцаніи, въ продолженіи пе... ...еской дѣятельности. Въ то же время X—XI в. въ Болгаріи— ...усвоенія элементовъ византійской культуры на почвѣ националь-

...вѣкѣ царя Симеона см. „Книгу для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ“ ... Г. Виноградова, II, 913.

ной. Но съ XII вѣка началось временное территоріальное усиленіе Византіи за счетъ государствъ Балканскаго полуострова, и вскорѣ Болгарія, какъ самостоятельное государство, перестаетъ существовать. Византійское же вліяніе на литературу еще болѣе усиливается, и болгарская національная литература все болѣе поглощается византійской, хотя уже не литературой цвѣтущаго періода Византіи, но времени упадка. Въ общемъ, т. о., и въ Болгаріи общественная и литературная жизнь замираетъ; кромѣ того, теперь и центръ русской жизни, прежде близкій къ Болгаріи, удаляется; замѣнившее же на время Болгарію по значенію сербское государство съ Нѣманичами во главѣ находится еще дальше къ западу, и вліяніе Сербіи, естественно, еще слабѣе могло проникать на далекій сѣверо-востокъ Руси.

Такимъ образомъ ясно, что передвиженіе центра русской жизни на сѣверо-востокъ еще болѣе ослабило и безъ того слабѣющее вліяніе Византіи и юго-славянства: съ XIII вѣка русская литература должна существовать и развиваться иначе, нежели ранѣе, такъ какъ измѣнились и ея мѣстныя условія, измѣнилось и положеніе главныхъ источниковъ русской культуры. Прежде всего, получивъ кіевскую традицію, но почти не подвергаясь новымъ культурнымъ сосѣднимъ вліяніямъ, московская литература должна развиваться, черпая силы для этого внутри себя. Затѣмъ, положеніе сѣверо-восточной Руси въ сосѣдствѣ съ некультурными новыми сосѣдями должно было такъ или иначе отразиться на литературѣ: съ юго-востока Русь была окружена степными хищными ордами, не вышедшими еще изъ первобытной стадіи культуры, на востокѣ и сѣверо-востокѣ жили малокультурныя (во всякомъ случаѣ стоявшія ниже пришлыхъ русскихъ южанъ-колонистовъ) угро-финскія племена, которыя постепенно и поглощались велико-русскою слагающейся народностью; разгромленный, ослабленный колонизаціей юго-западъ теперь представлялъ остатки прежней культуры. Съ запада сѣверо-восточная Русь имѣла своимъ сосѣдомъ Литву, которая въ то время не представляла для нея особенной выгоды въ культурномъ отношеніи. Литовское племя само, какъ этнографическая особь, не составляло господствующаго элемента въ Литовскомъ государствѣ и, какъ культ... ный элементъ въ немъ, слагалось подъ сильнымъ вліяніемъ сос... Польши; вмѣстѣ съ тѣмъ Литовское государство по культурѣ и по... шинству населенія (бывшая по преимуществу среднерусская пле... группа Кіевскаго племени, частью южная) было вполнѣ русск... сударствомъ съ православной христіанской религіей, русской ... ностью, аналогичнымъ политическимъ устройствомъ и подобн... усвоило въ значительной степени политическую кіевскую трад... что въ XIV вѣкѣ оно претендовало на центральное и руков...

ложеніе среди русскихъ княжествъ, конкурируя въ этомъ съ Москвой. Второстепенныя русскія княжества, еще уцѣлѣвшія въ XIV вѣкѣ, служатъ для насъ показателемъ этой конкуренціи между Москвой и Литвой: когда поднимался вопросъ о руководящей роли Москвы или Литвы, эти княжества, напр., Рязанское, колебались между Москвой или Литвой, смотря по тому, которая изъ нихъ была въ данный моментъ сильнѣе. Литва, слѣдовательно, не представляла для сѣверо-восточной Руси источника культурнаго вліянія, и роль ея въ развитіи московской Руси не имѣетъ въ это время значенія, развѣ лишь отрицательное: она отгораживала московскую Русь отъ Польши, хотя и слабаго, но все же очага иной—западной культуры. Зато на сѣверо-западъ отъ этой Руси мы находимъ Новгородскую землю, издревле занявшую исключительное положеніе въ исторіи русской культуры. Находясь вслѣдствіе отдаленности своей по своему географическому положенію подъ болѣе слабымъ вліяніемъ Византіи, Новгородъ испытывалъ за то издавна вліянія западно-европейской культуры, чему способствовало и положеніе Новгорода на старомъ пути «изъ Варягъ въ Греки». Новгородъ поэтому рано развилъ свою индивидуальность. Политическая физіономія его отличалась демократическимъ характеромъ, и у него выработались своеобразныя отношенія еще къ Кіеву, а потомъ и къ Москвѣ. Самостоятельная, своего рода республиканская жизнь Новгорода продолжалась и во время татарскаго нашествія, которое, къ тому же, почти не коснулось непосредственно Новгорода. Все это вело къ тому, что новгородская традиція продолжала постоянно развиваться, не представляя первое время такихъ рѣзкихъ измѣненій, которыя неминуемо должны были происходить въ сѣверо-восточной Руси въ силу указанныхъ выше причинъ. Въ XIV вѣкѣ Новгородъ является столь сильнымъ мѣстнымъ центромъ, что Москва должна съ нимъ считаться не менѣе, нежели съ тѣми второстепенными центрами, каковы, напр., Тверь, которые также иногда претендуютъ на руководящую роль въ русской жизни, ищутъ сближенія съ Новгородомъ. Новгородская культура должна была положить предѣлъ движенію на сѣверо-востокъ московской Руси. Новгородъ расши-
...лъ постепенно свои владѣнія на сѣверъ и востокъ, и къ XIV в. онъ
... занималъ своими владѣніями всю сѣверную половину Россіи до
...а. Новгородъ расширялъ свои владѣнія не только и не столько въ
...ъ колонизаціи новыхъ мѣстъ для своего населенія, сколько для
...атаціи богатствъ земель, занятыхъ племенами финскими. Въ XIV
...олонизація эта достигла высшаго напряженія, а самъ Новго-
...еживаетъ цвѣтущее состояніе: онъ—видный членъ Ганзейскаго
...оя близко къ западной Европѣ, сознаетъ выгоду своего по-
...вою матеріальную и экономическую силу, враждебенъ аппе-

титамъ Москвы, которая не можетъ примириться съ такимъ сосѣдомъ, какъ Новгородъ, тѣмъ болѣе, что ей пришлось столкнуться съ нимъ изъ-за колонизаціи на сѣверѣ. Результатомъ всего этого является вѣковая борьба между Новгородомъ и Москвой, закончившаяся, какъ извѣстно, только съ полнымъ паденіемъ Новгорода, какъ культурнаго и экономическаго центра.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что созданіе новаго центра въ сѣверо-восточной Руси было до извѣстной степени болѣзненнымъ, а самая идея единства Руси, во имя которой совершалось объединеніе, слагалась при весьма тяжелыхъ условіяхъ. Великорусскій князь, князь Московскій, не есть временный владѣтель земли, принадлежащей всему княжескому роду, но полный ея хозяинъ, властелинъ, который всегда стремится закрѣпить землю за своимъ прямымъ потомствомъ, самъ назначая заранѣе себѣ пріемника. Отношеніе Москвы, какъ центра, къ остальнымъ княжествамъ понимается, какъ полная политическая зависимость послѣднихъ отъ центра, а области Руси часто не желаютъ добровольно этому подчиняться и потому опираются на враждебныя отношенія Москвы къ сосѣдямъ: Рязань обращается къ Литвѣ, Тверь къ Новгороду, Новгородъ то къ Литвѣ, то къ Твери. Т. о. если татарское иго должно было поглощать въ значительной степени литературныя и общественныя силы Руси, задача, которую ставило себѣ Московское государство, настолько усложняла это объединеніе и требовала такого напряженія, что выполненіе этой задачи заняло нѣсколько вѣковъ. Этотъ процессъ, шагъ за шагомъ идя въ политическомъ отношеніи, отразился и на литературномъ развитіи.

Взоры московскаго правительства, стремившагося къ фактическому объединенію русскихъ областей въ своихъ рукахъ, обратились прежде всего на Новгородъ, который, будучи исконной русской областью, представлялъ и крупную культурную единицу, но сознательно самобытный, традиціонно независимый препятствовалъ округлить владѣнія Москвѣ, стремившейся охватить всѣ русскія племена съ ихъ территоріей. С
XIV вѣка обнаружилось уже прямо враждебное отношеніе между сопе
ничавшими центрами: Москва старалась осилить Новгородъ въ поли
ческомъ отношеніи, подвести его подъ уровень своей культуры
сдѣлать это было не легко, такъ какъ Новгородъ самъ предста
важную культурную силу. И если Москвѣ удалось, наконецъ, под
Новгородъ въ политическомъ отношеніи, культурное вліяніе Но
сказывается въ русской литературѣ и искусствѣ еще въ XV

III. Начало раціонализма. Первый актъ культурной борьб
съ Новгородомъ отмѣченъ рѣзкими чертами: это—первые про
паднаго культурнаго теченія, которое не было замѣтно до

на сѣверо-востокѣ. Положеніе Новгорода ближе къ западной Европѣ отразилось впервые въ литературѣ XIV вѣка, но отразилось на первый разъ слишкомъ слабо въ памятникахъ. Но, несомнѣнно, въ XIV в. въ Новгородѣ происходило какое-то умственное движеніе уже подъ вліяніемъ западныхъ идей, которое къ концу вѣка выразилось вполнѣ опредѣленно; это движеніе было такъ называемое стригольничье, давшее въ свою очередь начало ереси жидовствующихъ, движенію уже еще болѣе опредѣленному и богатому послѣдствіями, прямыми и косвенными.

Общій характеръ культуры средневѣковой Европы, а также Россіи, уже въ XII—XIV вв. былъ вообще христіанскій, когда вся мысль человѣка должна была подчиниться авторитету церкви, ставшей мѣриломъ всѣхъ культурныхъ и общественныхъ явленій, говоря проще: все, что появлялось въ литературѣ, въ жизни, считалось достойнымъ или недостойнымъ, цѣннымъ и не цѣннымъ, смотря потому, насколько оно представлялось согласнымъ съ христіанствомъ, какъ оно понималось въ данное время; а пониманіе это въ средніе вѣка, въ значительной степени, носило черты формализма, схоластики, преобладанія внѣшняго надъ внутреннимъ. Лучше всего это можно прослѣдить на отношеніи между богословскими науками и тѣми, которыя теперь носятъ названіе «свѣтскихъ», а въ средніе вѣка—«внѣшнихъ». Средніе вѣка на Западѣ и на Востокѣ признавали одну науку—богопознанія, а остальныя считались лежащими внѣ этой основной дисциплины, а потому и не могущими итти въ сравненіе съ богословіемъ. Уже въ VIII вѣкѣ на западѣ Европы Ѳома Аквинатъ, на востокѣ Іоаннъ Дамаскинъ, мы знаемъ, являются типичными представителями средневѣковаго міросозерцанія: оба приходятъ къ одинаковому выводу по поводу «внѣшней» науки. Дамаскинъ объявляетъ единственной наукой «божественную философію», т.-е. богословіе, а остальныя признаетъ лишь нужными только постольку, поскольку онѣ полезны этой «божественной» наукѣ; соотвѣтственно этому Ѳома Аквинатъ называетъ философію «служанкой бого-
[illegible]ловія» (ancilla teologiae). Ясно, что при такомъ воззрѣніи богослов-
[illegible]ая наука должна направлять всѣ остальныя, и это мы видимъ и у
[illegible]ъ въ такихъ, напр., памятникахъ средневѣковой литературы, какъ
[illegible]іологъ» или «Палея», гдѣ все подчинено религіозной идеѣ. Поэтому
[illegible]ія средневѣковаго образованія на Западѣ и на Востокѣ есть въ
[illegible]сти исторія религіозной мысли, и мы, исходя изъ этой посылки,
[illegible] представить себѣ положеніе свѣтскихъ наукъ. Само богословіе
[illegible] на пониманіи Священнаго Писанія, являющагося высшимъ не-
[illegible]ымъ авторитетомъ; а въ этомъ толкованіи, основанномъ на
[illegible]скомъ методѣ, т.-е. на методѣ наиболѣе буквальнаго пони-
[illegible]та, видѣли наиболѣе полное усвоеніе христіанскаго ученія.

Взявъ цитату изъ Св. Писанія, схоластики разбирали каждое слово, разыскивая въ немъ, помимо прямого, таинственный, иносказательный, символическій смыслъ, а потомъ выводили на основаніи этихъ толкованій смыслъ фразы. Но руководить пониманіемъ текста Св. Писанія долженъ былъ въ то же время авторитетъ святыхъ отцовъ, какъ лицъ, одаренныхъ свыше особой проницательностью и дарами знанія за свою святую жизнь, и ссылка на Василія Великаго, Іоанна Златоуста, а на Западѣ и блаженнаго Августина рѣшала все. Въ результатѣ получилось одностороннее развитіе мысли, преобладаніе формальнаго мышленія надъ строго логическимъ, безусловная вѣра въ авторитетъ, потребность въ этой вѣрѣ. Отсутствіе возможности свободнаго примѣненія свойствъ разума человѣка, основаннаго на вѣрѣ въ авторитетъ, составляетъ характерную черту среднихъ вѣковъ какъ на Западѣ, такъ и въ Византіи, и по отраженію отъ Византіи въ русской литературѣ Московскаго періода. Такое одностороннее развитіе мысли не давало совершенно мѣста проявленію какого бы то ни было критицизма, какъ сознательнаго вполнѣ отношенія къ интересующему вопросу. «Критиковать» Св. Писаніе значитъ уже сомнѣваться въ его подлинности; а это составляетъ уже смертельный грѣхъ, ересь. И чѣмъ ниже общій культурный уровень, тѣмъ рѣзче, угловатѣе проявлялся этотъ формализмъ и въ жизни. Конечно, всѣ эти элементы не всегда одинаково ярко проявлялись, но все же попытка уклониться отъ установленнаго авторитетомъ пониманія всюду приравнивалась къ еретической идеѣ, противной христіанству, независимо отъ того, какого характера было это отклоненіе. Этимъ объясняется, почему всякое движеніе, направленное противъ условнаго пониманія тѣхъ или другихъ областей мысли даже въ общественной жизни, клеймилось терминомъ ереси. Одностороннее развитіе, схоластика, преобладаніе узко богословской мысли, вѣра въ авторитетъ достигаютъ въ XIV вѣкѣ въ западной Европѣ своего расцвѣта; литература сводится къ богословской схоластикѣ. Такое положеніе дѣлъ загоняетъ человѣческій умъ въ тупикъ, далѣе котораго итти нельзя, н въ которомъ и остаться нельзя: необходимъ выходъ. Въ XIII—XIV въ Византіи начинается своеобразное «еретическое» движеніе, кото старалось разрѣшить по своему самый существенный вопросъ—о ности христіанства; еще рѣзче выразилось подобное же движеніе въ XIV в. на западѣ Европы; приблизительно то же положені концу XIV в. мы видимъ и на востокѣ—въ области русска мени: и здѣсь это время отмѣчено «еретическимъ» движеніемъ вленнымъ къ освобожденію мысли, разума изъ подъ гнета фо склада и вѣры. Здѣсь движеніе это въ значительной степе зультатъ мѣстныхъ условій, а эти послѣднія въ свою очер

чительной мѣрѣ сложились подъ вліяніемъ односторонняго и уродливаго развитія тѣхъ элементовъ византійскаго вліянія, о которыхъ рѣчь была выше.

Причины развитія этой односторонности лежали, помимо общихъ всему средневѣковью, также въ новыхъ условіяхъ, съ которыми пришлось встрѣтиться на сѣверо-востокѣ кіевскимъ колонизаторамъ, физическія и духовныя силы которыхъ къ тому же были отвлечены въ практическую, чисто житейскую сторону начавшеюся борьбой съ сосѣдями: началась эпоха татарщины, эпоха тяжелая въ экономическомъ, общественномъ и скудная въ литературныхъ отношеніяхъ.

Количество литературныхъ работъ временно уменьшается, качество ихъ становится ниже; переработка старыхъ началъ даетъ малоуспѣшные, малопрогрессивные результаты. Пониженіе интеллектуальнаго уровня литературы вело къ пониженію производительности въ началѣ Московскаго періода. Переводная дѣятельность въ этотъ періодъ надолго сокращается, школьная жизнь, получившая было начало въ Кіевскій періодъ, сильно ослабѣваетъ, что видно изъ того, что лучшіе люди Московскаго періода еще въ XV вѣкѣ неоднократно жалуются на безграмотность русскаго общества, не только низшаго, но и высшаго, не только свѣтскаго, но и духовнаго класса.

Византійское вліяніе, ставшее теперь уже застывшимъ, не обновляемымъ новымъ притокомъ изъ Византіи, въ Московскій періодъ создало консервативное направленіе, усилило формальное отношеніе къ мысли и ея выраженію въ литературѣ. Это направленіе въ основѣ своей типичное, реакціонное, направленіе застоя. Оно можетъ быть формулировано такъ: «то, что было пріобрѣтено въ наслѣдство отъ Византіи, должно быть сохранено: этого достаточно». Въ этомъ состояла главная цѣль литературы этого лагеря.

Въ идейномъ отношеніи это направленіе отлилось въ характерныя черты такого рода. Во-первыхъ, это отрицательное отношеніе ко всему тому, что не совпадало съ установившимся въ сознаніи книжника канономъ, боязнь новаго. Все новое или должно быть согласовано со старымъ, или должно быть признаваемо несогласнымъ съ самимъ христіанскимъ идеаломъ, какъ онъ слагался въ XIV—XV в.. Во-вторыхъ, ...альное отношеніе къ идеямъ и самому содержанію христіанству: ...іе», понимаемое буквалистически, становится уже, какъ писаніе, ... того, что оно связано съ церковью, непререкаемымъ авторите... ...итическое отношеніе къ нему считается выраженіемъ недовѣрія ...ому» писанію, стало-быть, святотатствомъ, ересью; близко уже ...ложеніе разума, «мнѣнія» вѣрѣ: первое—источникъ грѣха и ...душевной, вторая—спасенія. Въ-третьихъ, обрядовая сторона

религіи близко подошла къ догматической, порой смѣшиваясь съ нею: отступленіе отъ обряда и неправильное пониманіе догмата одинаково клеймятся именемъ «ереси» [1]). А идеалъ этотъ—идеалъ уже оскудѣвающей духовно Византіи (см. выше).

Это консервативное направленіе имѣло большую силу, опираясь на правительственный классъ и небольшую въ общемъ группу интеллигенціи; т. о. и государство являлось носителемъ консервативнаго взгляда. Но это направленіе не могло удовлетворить многихъ, и въ умахъ людей, не дошедшихъ до боязни «мнѣнія», зарождалось сомнѣніе въ томъ, можно ли ограничиться этими идеалами, можно ли вѣка жить старымъ запасомъ? Соприкосновеніе же съ отзвуками иной, именно западной культуры, хотя они проникали медленно и носили характеръ отсталый въ самой западной Европѣ, все-таки оказывало свое вліяніе на Руси, не давая ей окончательно погрузиться въ спячку, пережевыванье черстваго стараго запаса. Въ области религіозной еще Кіевская Русь отрицательно относилась къ Западу по указаніямъ Византіи. Въ XI-мъ и XII-мъ вѣкахъ борьба между Римомъ и Византіей въ области церкви, достигла особаго напряженія: къ этому времени какъ разъ произошелъ разрывъ церквей. Въ связи съ этимъ появляется цѣлый рядъ византійскихъ полемическихъ произведеній, направленныхъ противъ латинянъ; эти сочиненія передаются и на Русь въ обиліи (ср. выше, соч. Ѳеодосія Печерскаго). Однако, на практикѣ въ жизни въ кіевское время взглядъ на латинянъ, какъ на еретиковъ, получалъ значительное смягченіе: постоянное общеніе съ католической Польшей, еще не достигшее своей категоричности давленіе въ этомъ направленіи Византіи, не давало мѣста такому ригоризму: кіевскій періодъ не выработалъ практическихъ мѣръ, которыя рѣшительно ограждали бы православныхъ отъ католиковъ. Московская Русь дѣлаетъ въ этомъ отношеніи шагъ впередъ, хотя на самомъ дѣлѣ, въ культурномъ отношеніи, это было несомнѣнно шагомъ назадъ: на латинянъ устанавливаются недоброжелательно недовѣрчивые опредѣленные взгляды, которымъ сочувствовало и правительство, считавшее своей задачей сохраненіе «чистоты» вѣры своего населенія. Но и при всемъ отрицательно отношеніи къ Западу, къ латинянамъ, западное вліяніе не могло б устранено въ самой жизни. Причины этого лежали въ новыхъ услов съ которыми приходилось считаться сѣверной Руси. Новыя потреб общественно-государственной жизни, все чаще сталкивавшейся

---

[1]) Таковы, напр., такъ называемые „псковскіе споры“ о хожденіи „п о „великой святой“ „аллилуйѣ“; подробнѣе см. В. О. Ключевскаг изслѣдованія“ (М. 1912), стр. 37—122.

средственно или черезъ ближайшихъ сосѣдей (Литву, Польшу) съ Западомъ на почвѣ государственныхъ дѣлъ, показывали все чаще и чаще несостоятельность стараго режима въ самой практикѣ. Литва и Кіевъ между тѣмъ испытывали уже вліяніе католическаго Запада, борьба съ Литвой изъ за главенства среди русскихъ племенъ затягивалась, сношенія же съ Византіей все ослабѣли. Западное теченіе приходило также въ Псковско-Новгородскую область, которая искони находилась въ культурныхъ связяхъ съ Западомъ. Поэтому, когда западное вліяніе въ культурѣ и литературѣ стало замѣтно пробиваться на Руси, Новгородъ явился проводникомъ этого западнаго теченія. Въ XV—XVI в. консервативный идеалъ доходитъ до своей крайней точки развитія и все болѣе и болѣе не могъ удовлетворять всего русскаго общества. Практическія послѣдствія стараго идейнаго порядка также тяжело ложились на жизнь населенія (таковы поборы духовенства византійскаго и русскаго, грубость, малоспособность къ удовлетворенію насущныхъ духовныхъ нуждъ), которое инстинктивно втягивалось въ начавшуюся борьбу двухъ міросозерцаній. И въ Московской Руси, какъ и всюду на Западѣ и въ Византіи, начинаетъ пробиваться недовольство старыми устоями, проявляется безсознательное желаніе искать обновленія путемъ реформъ или внесенія въ жизнь новыхъ иныхъ началъ. Встрѣчаются попытки выйти изъ заколдованнаго круга—попытки, бывшія и въ Новгородѣ и въ Москвѣ. Это стремленіе къ новымъ началамъ здѣсь сказалось уже въ XIV в., но косность массы, самыхъ даже передовыхъ классовъ ея, не давала возможности органически сдѣлать шагъ впередъ: культура Московской Руси XIII и XIV вв. понизилась даже сравнительно съ Кіевскимъ періодомъ въ силу неблагопріятныхъ условій политической и народной жизни этого времени (татарщина, собираніе земли, удѣльные раздоры, борьба съ Литвой и т. д.).

«Черная смерть». Къ началу XIV вѣка на Западѣ, почти ко второй половинѣ его и у насъ, господство формальнаго уклада мысли, господство схоластики въ жизни и въ вѣрѣ казались незыблемыми. Нуженъ [illegible]ылъ толчокъ извнѣ для приведенія въ движеніе слабыхъ прогрес[illegible]вныхъ элементовъ общества. Толчокъ этотъ и былъ данъ у насъ и [illegible] Западѣ извнѣ. Онъ носилъ собственно общественный характеръ и [illegible]итературѣ имѣлъ лишь косвенное отношеніе, но не могъ не оста[illegible]въ ней слѣда для будущаго. Толчкомъ этимъ было то общественное [illegible]ніе, которое вспыхнуло въ Московской Руси подъ вліяніемъ «чер[illegible]рти» (чумы). Чума эта сначала появляется въ западной Европѣ [illegible]ъ годахъ XIV в. и производитъ тамъ страшныя опустошенія, [illegible]іе самыхъ основъ жизни. Подъ вліяніемъ ея образовались два [illegible]ія: всѣ люди увидѣли въ чумѣ неотразимое, грозное явле-

ніе, впадали въ отчаяніе; но къ самому факту неизбѣжной, грозящей каждую минуту смерти люди относились различно. Одни, болѣе религіозные, на смерть смотрѣли согласно ученію церкви, какъ на моментъ перехода въ будущую, истинную, вѣчную жизнь, къ которой лишь подготовкой является вся земная жизнь, и потому, чтобы получить блаженство за гробомъ или по крайней мѣрѣ избавиться отъ мукъ, какъ возмездія за содѣянное на землѣ, обращались къ аскетизму, къ строгому исполненію всѣхъ христіанскихъ правилъ, предписаній христіанской морали. Такъ возникалъ усиленный религіозный мистицизмъ и аскетизмъ. Другіе люди жили болѣе реальной жизнью и смотрѣли на грозное явленіе иначе. Они дорожили жизнью, какъ великимъ благомъ, даннымъ человѣку, думали, что на томъ свѣтѣ ничего нѣтъ, нѣтъ по крайней мѣрѣ тѣхъ «утѣхъ» жизни, которыя непосредственно они здѣсь могли получить. Настроеніе ихъ было близко къ эпикурейскому. Они хотѣли только одного—оттянуть грозную расплату и воспользоваться краткимъ оставшимся временемъ для того, чтобы возможно полнѣе насладиться великимъ, но, къ сожалѣнію, кратковременнымъ благомъ—жизнью. Несмотря на свое различіе, оба направленія сходятся, однако, въ одномъ— въ критическомъ отношеніи къ современности, къ современному укладу, строю жизни: первыхъ не удовлетворяло современное состояніе церкви и общества, какъ недостаточно осуществлявшихъ чистые христіанскіе аскетическіе идеалы, смѣшивавшіе ихъ съ «мірскимъ», тлѣннымъ (имѣется въ виду грубо матеріалистическій, властолюбивый образъ жизни духовенства, носителей духовнаго начала), вторые въ современномъ укладѣ видѣли со стороны власть имущихъ корыстолюбивое стѣсненіе свободы духа, свободы нравовъ, которыя и могли дать полностью наслажденіе жизнью, ея благами: духовенство въ своихъ выгодахъ, само извлекая изъ жизни благо, обставляло жизнь людей правилами, чтобы эксплуатировать общество въ свою пользу. Результатъ перваго направленія—это суровая обличительная литература, критика существующихъ порядковъ, не удовлетворительныхъ въ христіанско-этическомъ отношеніи; а люди «эпикурейскаго» направленія возставали противъ схоластическихъ и аскетическихъ воззрѣній средневѣковья, против условностей, стѣснявшихъ свободную волю. Потрясеніе привело, таки образомъ, къ одному и тому же явленію: къ критическому отноше къ окружающему. Такъ появился раціонализмъ, иначе: ра заявилъ о своемъ правѣ наравнѣ съ вѣрой быть руководителемъ ж Это настроеніе имѣло различное выраженіе въ жизни, смотря п изъ какого лагеря выходило. Со стороны представителей перв правленія современная христіанская церковь подверглась суро тикѣ, какъ отступившая отъ чистоты первоначальнаго хри

забывшая изъ угоды «міру» завѣты Христа. Представители этого направленія отрицательно отнеслись къ формальному христіанству, рекомендуя вернуться къ идеямъ первоначальнаго христіанства, ко временамъ апостольскимъ. Они отрицали церковную іерархію (какъ измышленіе человѣческое, созданное эгоизмомъ, властолюбіемъ сильныхъ, уничтожавшихъ равенство всѣхъ передъ Богомъ и т. д.), различные церковные ритуалы, папство. Въ это время созидались «крестовыя», религіозныя братства, секта «флагеллантовъ» (отъ flagellum), или «гейслеровъ», или самобичевателей, желавшихъ осуществить, возстановить затерянный было идеалъ. Этими сектами провозглашалось полное равенство, отрицаніе церковной іерархіи, отрицаніе обрядности въ отправленіи богослуженія, какъ мѣшающей проникаться истиннымъ духомъ вѣры; благодать Божія, по ихъ словамъ, дается только общинѣ и выражается черезъ членовъ этого коммунистическаго братства. Изъ таинствъ они признаютъ только два: покаяніе, какъ готовящее къ загробной жизни, и причащеніе, какъ видимое общеніе человѣка съ Богомъ. Сектанты, ища спасенія души и желая спасти ближняго, заблудившагося въ грѣхѣ, ходили толпами по деревнямъ съ хоругвями, въ одеждахъ кающихся и, выбравъ мѣсто для совершенія богослуженія, обычно на площади, привлекали другихъ, совершая здѣсь публичное моленіе, произнося проповѣди. Здѣсь же они давали образчикъ покаянія—покаянія публичнаго, такъ какъ тайную исповѣдь, какъ искаженіе древне-христіанской, они не признавали; для этого они избирали представителя—«мастера», который бы выслушивалъ грѣхи, давалъ отпущеніе. Но скоро и они опять вернулись къ своего рода тайной исповѣди, но все-таки производили ее на площади, а не съ глазу на глазъ кающагося и исповѣдника. Производили они это такимъ образомъ: исповѣдающіеся ложились кругомъ на землѣ и каждый принималъ условную позу, означающую тотъ грѣхъ, въ которомъ человѣкъ хотѣлъ покаяться. «Мастеръ» обходилъ вѣрующихъ, въ заключеніе читалась разрѣшительная молитва и налагалась эпитемія въ видѣ опредѣленнаго числа ударовъ хлыстомъ. [illegible]воеобразная особенность этой ереси—это самобичеваніе, какъ сред[illegible]во умерщвленія плоти, заставляющей человѣка грѣшить. Послѣднее [illegible]ризводилось на площади также публично послѣ покаянія или же пе[illegible] нимъ: это—наслѣдіе практики аскетизма, получившаго въ средніе [illegible] на Западѣ и на Востокѣ смыслъ наиболѣе высокаго проявленія [illegible]іанства (ср. монашество). Вторая половина общества—«эпику[illegible]я»—относилась къ происходившимъ вокругъ явленіямъ также [illegible]ельно, но иначе: отрицая стѣсненія, какъ противныя человѣче[illegible]родѣ, старалась обставить свою жизнь какъ можно удобнѣе и [illegible] Настроеніе этого общества удачно охарактеризовано въ то-

гдашней литературѣ, напр., въ «Декамеронѣ» Боккачьо [1]): компанія молодыхъ людей и дѣвушекъ бѣжитъ отъ чумы изъ Флоренціи въ подгородныя виллы, прекращаетъ всякое общеніе съ зачумленнымъ городомъ, устраивается здѣсь комфортабельно, находитъ развлеченіе въ непринужденномъ препровожденіи времени и старается веселѣе коротать дни въ забавныхъ, трогательныхъ разсказахъ (изъ которыхъ и составляется «Декамеронъ»), играхъ, пирахъ. Когда чума проходитъ, веселая компанія возвращается въ городъ. Въ большинствѣ случаевъ люди «эпикурейскаго» настроенія также не признавали общественныхъ устоевъ, отрицали духовныя власти, принудительные законы, проповѣдуя въ то же время свободу желаній и страстей; боясь смерти, они гнали отъ себя страхъ ея, отрицая загробное существованіе.

«Черная смерть» отразилась въ литературѣ и въ искусствѣ. Въ концѣ «черной» эпохи появляется сатирическая литература, направленная противъ духовенства, не щадившая не только общественной, но даже и частной жизни его. Въ литературѣ появляется шутливое отношеніе ко всему святому, къ религіи. Все это завершилось появленіемъ въ области искусства «Пляски смерти». Смерть, которая доселѣ считалась грознымъ явленіемъ, стала явленіемъ обычнымъ, не возбуждала теперь страха въ людяхъ, сама стала орудіемъ ядовитой сатиры; передъ смертью рисуются всѣ равными: это оправданіе демократическихъ мечтаній общества. Смерть—настоящій царь міра, презрительно относится ко всему святому, почтенному, великому съ мірской точки зрѣнія, къ сану, общественному положенію человѣка; она рисуется въ видѣ скелета, одѣтаго въ царскую порфиру, въ видѣ царя, играющаго на скрипкѣ или лютнѣ, подъ которую волей-неволей всѣ должны плясать, и пляшутъ: и папы, и цари, и рыцари, и монахи, и попы, и мужики, кружась въ быстромъ умопомрачительномъ хороводѣ. Сатира показала, что въ людяхъ проснулось недовольство мертвенными порядками средневѣковья, критическое отношеніе къ окружающему, страстное желаніе реформы самыхъ устоевъ жизни. Подъ вліяніемъ «черной смерти» люди перестраивали свое міросозерцаніе, становились реалистами, начали ве-сти новую жизнь [2]).

Стригольничество. На Руси вліяніе «черной смерти» было ана-гично западному, хотя, быть-можетъ, оно и не было выражено

---

[1]) См. „Декамеронъ“ въ переводѣ А. Н. Веселовскаго (М. 1896, изд. 2-е) и сл.; здѣсь же описаніе чумы во Флоренціи (1348 г.); и во всемъ „Дека всюду разсѣяны черты, цѣнныя для характеристики настроеній времени (с новеллу 2-ую, 1-го дня).

[2]) Настроенія эпохи „черной смерти“ на Западѣ и на Руси подробно ственно изложены у Н. С. Тихонравова. Сочиненія, I, стр. 211 и с

ярко, въ такихъ размѣрахъ, въ силу разницы культурнаго уровня. Но настроеніе и формы проявленія его въ общемъ, все-таки совпадаютъ съ западными. На Руси «черная смерть» появляется съ Запада, двигаясь по путямъ сообщенія съ Западомъ, и прежде всего въ Новгородѣ и Псковѣ. Описаніе «черной смерти» у русскаго лѣтописца аналогично описанію, извѣстному намъ по источникамъ западнымъ. Черезъ Новгородъ и Псковъ, гдѣ она возобновлялась два раза, «черная смерть» пришла и въ Москву, и на Руси вызвала она то же самое потрясеніе, какое было на Западѣ. Только что «смерть» начала ослабѣвать, какъ была отмѣчена въ Новгородѣ и его области, частью въ Москвѣ «ересь» стригольниковъ [1]). Памятниковъ литературы этой ереси до насъ не дошло, либо они не успѣли создаться. По отрывкамъ лѣтописныхъ замѣтокъ, по различнымъ каноническимъ памятникамъ (каковы: посланія патріарха Нила (1382), епископа Стефана (1386), Фотія (1415), (1422) и др.) мы все же можемъ составить представленіе объ этой ереси. Стригольники во многомъ близко подходятъ къ западнымъ самобичевателямъ, во многомъ оказалось и ихъ ученіе аналогичнымъ западному; обстоятельства возникновенія ереси также одни и тѣ же: и у насъ подъ впечатлѣніемъ неминучей смерти, при появленіи чумы, одни уходили въ монастыри, другіе дома готовились «на душевный исходъ»; наши «стригольники» также стали отрицать духовный чинъ, объясняя свое отрицаніе по своему, тѣмъ, что «попы на мздѣ ставлены» (ср. западную «симонію»), что ведутъ они жизнь зазорную, почему и не достойны быть пастырями, учителями и совершителями таинствъ, что они—грабители, насильники; подобно западнымъ флагеллантамъ, и наши стригольники изъ таинствъ признавали, кромѣ причащенія, одно покаяніе, и то не священнику, какъ не достойному, а землѣ [2]); и наши еретики, подобно «крестовымъ» братьямъ Запада (они же флагелланты, самобичеватели, гейслеры), отринувъ духовенство, сами являлись учителями; также, повидимому, отрицали они загробную жизнь; повидимому (по словамъ Стефана), и наши еретики ...емились вести жизнь благочестивую, подвижническую. Въ пользу ...иженія стригольничества съ западнымъ раціонализмомъ говоритъ и ...то ересь явилась какъ разъ въ Новгородѣ и Псковѣ прежде всего, ...тамъ, гдѣ впервые явилась и «черная смерть», занесенная сюда,

---

[1]) ...мый терминъ до сихъ поръ не объясненъ удовлетворительно: одни ставятъ ...зь со „стрѣкаломъ“ (бичъ) и съ глаголомъ „стрѣкать“ (бить, колоть), дру... ...ломъ „стричь“ (стригольникъ-цырюльникъ).

[2]) ... спеціальную статью С. И. Смирнова „Исповѣдь землѣ“ (Богословск. ... 12 г., № 11); она же перепечатана въ его изслѣдованіи „Древне-русскій ... 1913), прилож. II.

какъ сказано, съ Запада. Конечно, были и мѣстныя причины, способствовавшія развитію ереси, ея своеобразной кое-въ чемъ окраскѣ; такой причиной считаютъ отзвуки богомильства (юго-славянской ереси дуалистовъ, отразившейся и на Руси въ народномъ міросозерцаніи, но не давшей еретическаго движенія); такими же причинами считаютъ и мѣстныя экономическія: поборы духовенства съ подчиненнаго въ цѣломъ рядѣ случаевъ духовному (а не свѣтскому) суду населенія, стремленіе духовенства къ матеріальнымъ захватамъ (захватъ земель монастырскими общинами, высшей іерархіей), властолюбіе его, корыстолюбіе, при низкомъ уровнѣ образованности—претензіи на власть учительства и т. д.. Все это также вело къ протесту со стороны терпѣвшихъ эти притѣсненія, а западная форма этого протеста, какъ готовая, облегчала его осуществленіе, облегчало его и тревожное время, разладъ, вызванный общественнымъ бѣдствіемъ: поэтому-то ересь стригольниковъ, судя даже по обрывкамъ свѣдѣній, дошедшимъ до насъ, стала **началомъ** протестующаго, критически-раціоналистическаго отношенія къ окружающему. Характеръ ереси—ясно противоцерковный, но онъ не былъ противорелигіознымъ, противохристіанскимъ. Кончилась чума, и ересь исчезла подъ давленіемъ суровыхъ церковно-административныхъ мѣръ духовенства и правительства, но не сразу: еще въ половинѣ XV в. есть упоминанія о стригольникахъ.

IV. Ересь жидовствующихъ. Попытки стригольниковъ, имѣвшія почву подъ собой въ неудовлетворительномъ состояніи тогдашняго быта, имѣли свои послѣдствія, именно: въ 70-хъ гг. XV столѣтія появилось новое движеніе—ересь **жидовствующихъ**. Послѣдняя была также протестомъ противъ всего уклада церковно-общественной жизни; она въ крайнихъ своихъ проявленіяхъ шла уже гораздо дальше стригольнической ереси, въ общемъ же гораздо шире и глубже захватывала современную жизнь. Въ ней выразился уже ясно раціоналистическій характеръ и рѣзко отрицательное отношеніе къ старому строю. Новгородскій епископъ Геннадій, представитель московской политики, хара теризовалъ это движеніе, какъ возродившееся движеніе стригольников на столько велико сходство было во внѣшнихъ проявленіяхъ м ними. И Геннадій былъ въ значительной степени правъ: раціонали ски отрицательное отношеніе къ принятому строю лежало въ ос той и другой ереси, обѣ были связаны генетически. Это и по валъ Геннадій.

Ересь получила у современниковъ названіе ереси «жидо щихъ», «жидовской». Современники, напр., Геннадій и сотру Іосифъ Волоколамскій, считали еретиковъ прямо отступника стіанства, уклонившимися въ «жидовство»—еврейство: ихъ

томъ, что они принимали еврейскую вѣру. Но, собственно говоря, эта ересь на дѣлѣ не была движеніемъ, направленнымъ прямо противъ христіанства; правда, первые проблески ея были связаны съ дѣятельностью евреевъ, бывшихъ въ Россіи. Оболочка ереси взята отчасти изъ іудейской религіи и литературы. Но дѣло, повидимому, надо представлять нѣсколько иначе.

Въ Новгородъ въ 1470 г. вмѣстѣ съ литовскимъ княземъ Михаиломъ Олельковичемъ (Александровичемъ) являются изъ Кіева нѣкій еврей Схарія, за нимъ вскорѣ еще два еврея: Моисей и Самуилъ. По уходѣ ихъ изъ Новгорода обнаружилось, что они прельстили попа Діонисія, попа Алексѣя, а эти, въ свою очередь, многихъ, въ томъ числѣ поповъ Ивана Максимова и отца его, попа Максима, и много другихъ поповъ и дьяконовъ, въ томъ числѣ Софійскаго (т.-е. Софіи Новгорода) протопопа Гавріила—все лицъ духовныхъ по преимуществу, людей сравнительно образованныхъ. Таково свидѣтельство современника, полемиста противъ ереси, Іосифа Волоколамскаго. Еретики держали свое ученіе въ тайнѣ; ересь, по словамъ полемистовъ, обнаружилась случайно, потому что одинъ попъ, тайный еретикъ, Алексѣй сталъ говорить «нелѣпое»: надругался надъ иконами (хотя, можетъ-быть, это была просто сплетня съ цѣлью очернить его, либо дикое выраженіе протеста со стороны малокультурнаго человѣка; во всякомъ случаѣ фактъ, указанный Геннадіемъ противъ ереси, нуждается еще въ провѣркѣ). Говорили, что онъ держится того мнѣнія, какого держатся евреи: будто бы Мессія не приходилъ еще, и ветхій завѣтъ есть истинное откровеніе и по авторитету несомнѣнно выше новаго. Дальнѣйшее разслѣдованіе ереси привело Іосифа и Геннадія къ раскрытію слѣдующихъ положеній: а) истинный Богъ есть одинъ, Онъ не имѣетъ ни Сына, ни св. Духа, т.-е. нѣтъ св. Троицы; б) истинный Христосъ-Мессія еще не пришелъ и, когда придетъ, то наречется Сыномъ Божіимъ не по естеству, а по благодати, какъ Моисей, Давидъ и др. пророки; в) Христосъ же, въ котораго вѣруютъ христіане, не есть Сынъ Божій, а простой чело-
ѣкъ, который распятъ былъ іудеями, умеръ и истлѣлъ въ гробѣ;
поэтому, должно содержать вѣру іудейскую, какъ истинную. Т. о.,
я по такой формулировкѣ, это было полное отрицаніе христіанства, и
ствующіе въ такомъ случаѣ были не еретики, а прямо отступники
іанства въ іудейство. Эта формулировка ученія еретиковъ принад-
ъ, надо помнить, полемисту. Другія свѣдѣнія нашихъ источниковъ
мъ числѣ и того же Іосифа Волоколамскаго) указываютъ, что
ресь не ограничивалась, и что едва ли это и было во всѣхъ
такое чистое іудейство: еретики увлекались не только отри-
ристіанства (если и было прямое отрицаніе христіанства, то

случаи такіе нельзя считать характерными для всей ереси), но и тайными науками (астрологіей, чародѣйствомъ), цѣнили ветхій завѣтъ выше новаго, усвоили кое-какія обряды и богослужебныя книги евреевъ. Съ другой стороны, въ воззрѣніяхъ жидовствующихъ было много и такого, что выходило за предѣлы простого принятія «жидовства»; такъ, они нападали на монашество, отрицали иконы (считая ихъ идолами), мощи (это, по ихъ увѣренію, лишь мертвыя кости); не признавали загробной жизни, а потому и необходимости поминовенія умершихъ (что давало громадные доходы духовенству); повидимому, отрицали необходимость храмовъ (можно молиться и дома), духовенство (ибо оно «на мздѣ» ставлено), наконецъ, требовали свободнаго права толковать священное писаніе, требовали правъ разуму: «разумъ самовластенъ, стѣсняетъ его вѣра», говорили они, т.-е., признавали типичный принципъ раціонализма. Т. о. въ цѣломъ рядѣ случаевъ жидовствующіе воспринимали взгляды стригольниковъ, съ другой стороны, это былъ знакомый намъ христіанскій раціонализмъ, на этотъ разъ съ замѣтной примѣсью чисто-іудейскихъ вѣрованій и воззрѣній. Таково мнѣніе одного изъ лучшихъ изслѣдователей этого движенія Н. С. Тихонравова [1]). Возникаетъ, естественно, вопросъ, какъ примирить подобныя черты въ ученіи еретиковъ: съ одной стороны, полное отрицаніе христіанства въ основѣ (такъ выходитъ изъ словъ Іосифа Волоцкаго), съ другой— отрицаніе отдѣльныхъ мнѣній и навыковъ и образцовъ, принятыхъ въ русскомъ христіанствѣ. Въ одномъ случаѣ это—отступничество, въ другомъ—ересь, сектантство; принимая первое, «еретики» этимъ самымъ дѣлали излишнимъ второе. Съ другой стороны, мы знаемъ, что «еретики» никогда не переставали считать себя христіанами въ общемъ, не заявляли о себѣ, какъ о «жидахъ», а лишь полагали, что они о вѣрѣ (христіанской) мыслятъ правильнѣе, нежели представители господствующей церкви: опять противорѣчіе въ показаніяхъ Іосифа и другихъ полемистовъ. Примиреніе этихъ противорѣчій лежитъ, надо полагать, въ характерѣ, который получили извѣстія о «ереси» подъ перомъ, главнымъ образомъ, Іосифа: схоластически настроенный, выдающійся п начитанности книжникъ стараго уклада, онъ, на основаніи своихъ о разцовъ, представилъ себѣ ересь въ рядѣ положеній, какъ это онъ отношенію къ древне-христіанскимъ ересямъ нашелъ въ этихъ о цахъ (напр., у Епифанія), довелъ формулировку до той опред ности, на которую права не давалъ фактическій матеріалъ, прида щій смыслъ частному случаю (такіе случаи, какъ единичны денія въ жидовство, могли и быть), иначе: характеризовал

[1]) См. Сочиненія, I, очеркъ 6-й „Отреченныхъ книгъ въ Россіи“.

по отдѣльнымъ признакамъ, обобщивъ ихъ, сочтя ихъ равноцѣнными, и т. о. построилъ самъ для ереси систему, которой на дѣлѣ не было. Это подтверждается и другими извѣстіями, которыя говорятъ, что «ересь» на дѣлѣ не была чѣмъ-либо стройнымъ, однообразнымъ, напр.: современникъ ереси вел. кн. Василій сознавался, что онъ зналъ, **какой** ереси держалась его невѣстка Соломонія, и **какой** дьякъ Курицынъ, т.-е. онъ признавалъ разные толки ереси. Такъ было, повидимому, и на самомъ дѣлѣ: гдѣ отрицаніе было категоричнѣе, огульнѣе, гдѣ сдержаннѣе, въ зависимости отъ степени культурности воспринимавшаго. Да и было бы немыслимо допустить, чтобы на Руси, гдѣ уже нѣсколько вѣковъ было христіанство, могъ имѣть мѣсто въ концѣ XV в. массовый переходъ въ еврейство, отрицательное отношеніе къ которому сознательно воспитывалось въ теченіе вѣковъ той же Византіей.

При такомъ представленіи о ереси естественно возникаетъ второй вопросъ: откуда явилась **еврейская** окраска въ ереси, почему религіозный раціонализмъ принималъ еврейскую окраску, по крайней мѣрѣ иногда, и въ глазахъ современниковъ?

Вопросъ этотъ находитъ наиболѣе удовлетворительное себѣ разрѣшеніе въ исторіи евреевъ въ Европѣ и въ частности еврейской пропаганды въ Россіи. Еще въ Кіевѣ въ древнее время чувствовались какія-то отношенія къ евреямъ. Въ житіи Ѳеодосія Печерскаго говорится, что онъ не разъ ночью уходилъ изъ монастыря въ еврейскій кварталъ города для споровъ съ іудеями о вѣрѣ, видя въ этомъ для искренне вѣрующаго христіанина подвигъ. Извѣстное мѣсто легенды о крещеніи Владимира (по которой и евреи предлагали свою вѣру, которая только что получила популярность среди крымскихъ хазаръ) можетъ быть сочтено отчасти также отзвукомъ реальныхъ, ближе намъ не извѣстныхъ, отношеній евреевъ къ христіанамъ на русской территоріи. Появленіе «Толковой Палеи **на іудеевъ**» (представляющей, какъ мы знаемъ, большой полемическій трактатъ, появившійся на Руси, повидимому, въ половинѣ XIII в.), «Іудейскій» хронографъ—факты, подтверждающіе существованіе какихъ-то столкновеній съ еврейской пропагандой еще ... Кіевскомъ періодѣ. Евреи, о которыхъ говорится въ Кіевскомъ пе...дѣ, были, повидимому, евреи крымскіе, южные. Позднѣе, съ XV в., ...ходится намъ имѣть дѣло съ евреями западными. Теперешніе рус... евреи появились сначала въ Литвѣ и Польшѣ, чему служили при... событія на Западѣ: въ XII-мъ вѣкѣ, во время крестовыхъ по...ъ, при подъемѣ религіознаго настроенія на Западѣ, отношенія къ ...ъ сильно обостряются; захватъ же евреями интеллигентныхъ ...й: купеческихъ, докторскихъ и другихъ, сверхъ того возбу...льное недовольство противъ нихъ на почвѣ экономической; и

съ XII—XIII-го вв. исторія начинаетъ отмѣчать еврейскіе погромы въ западной Европѣ. Спасаясь отъ преслѣдованія, еврейство ищетъ новыхъ мѣстъ для жизни и дѣятельности на востокѣ. Этимъ-то и объясняется то обстоятельство, что въ XIII-мъ и XIV-мъ вв. евреи появляются сперва въ Польшѣ, а затѣмъ и у насъ на Руси, главнымъ образомъ, западной и южной (въ XV-омъ в.). Они пристраиваются здѣсь къ городамъ, какъ къ центрамъ промышленности, и принимаются за свои промышленно-коммерческія дѣла. Этимъ можно объяснить, почему съ литовскимъ княземъ пришли въ Новгородъ и евреи, которыхъ сюда влекли, вѣроятно, торговыя, денежныя дѣла. Обстоятельства, подготовившія появленіе пропагандистовъ-евреевъ въ Новгородѣ—это сношенія его съ Литвой и Кіевомъ: Новгородъ, тѣснимый Москвой съ ея объединительно-подчинительной политикой, всячески стремится сохранить свою самостоятельность. Нужны были вооруженныя усилія, чтобы заставить его покориться. XV-й вѣкъ—это вѣкъ походовъ на Новгородъ, вѣкъ давленія на его устои, это—тяжелая эпоха умирающаго города. Велась отчаянная послѣдняя борьба противъ Москвы, борьба, сказанія о которой сохранились въ историческихъ пѣсняхъ и въ наслоеніяхъ старшей эпики и въ религіозныхъ сказаніяхъ (Чудо о Новгородской иконѣ), и въ лѣтописяхъ. Новгородъ, силясь сохранить самобытный, самостоятельный свой строй, ищетъ помощи сперва у тверского князя, пока тотъ обладалъ политической самостоятельностью и силой. Когда же къ XV-му в. Тверь вошла въ составъ Московскаго государства, Новгородъ обращается за помощью къ князю литовскому и Польшѣ, тогда уже объединенныхъ въ своей враждебной политикѣ относительно Москвы. Происходитъ тайное посѣщеніе Новгорода однимъ изъ младшихъ литовскихъ князей Михаиломъ Олельковичемъ, братомъ Кіевскаго князя Симеона, устроенное польскимъ королемъ Сигизмундомъ. Самъ же Новгородъ въ XV-омъ вѣкѣ еще представлялъ видный центръ торговли за западной Европой, менѣе другихъ пострадавшій при разгромѣ юга Руси. Внѣшнія сношенія его съ Европой выражаются торговыми сношеніями со Швеціей, Норвегіей и Даніей, отчасти с[illegible] Германіей.

Торговый Новгородъ для евреевъ, финансистовъ по складу, экспл[illegible] таторовъ интеллигентнаго труда, несомнѣнно, представлялъ боль[illegible] интересъ, чѣмъ и можно объяснить появленіе Схаріи и Самуила [illegible] жетъ быть, кіевскихъ банкировъ) въ свитѣ литовскаго князя, пр[illegible] шаго въ Новгородъ по политическому дѣлу. Когда стало выяс[illegible] что успѣхъ миссіи литовскаго князя сомнителенъ, евреи отдѣл[illegible] просы политическіе отъ своихъ торговыхъ интересовъ. Оставая[illegible] торое время въ Новгородѣ и замѣтивъ недовольство церко[illegible]

рядками, къ тому же идущими изъ враждебной Москвы, послѣ ереси стригольниковъ, евреи поспѣшили этимъ воспользоваться. Они пытаются использовать въ своихъ интересахъ то раціоналистическое настроеніе, которое намѣтила стригольничья ересь, и которое не заглохло послѣ репрессій, а только примолкло. Для нихъ не важно было совратить христіанъ именно въ іудейство, такъ какъ было бы безуміемъ съ ихъ стороны—стремиться обратить въ іудейство страну, уже нѣсколько столѣтій исповѣдывавшую христіанство; ни Схарію, ни Самуила нельзя въ этомъ обвинять. Мало подготовленная раціоналистическая ересь искала формы; эту форму, построенную на іудейской наукѣ, и давали пропагандисты раціонализма же евреи, привлекая къ себѣ вниманіе и получая возможность извлекать изъ этого выгоды въ матеріальномъ отношеніи. Еврейство, такимъ образомъ, получило значеніе формы, отчасти матеріала, изъ котораго слагались взгляды раціоналистовъ. Несомнѣнно то, что сами русскіе раціоналисты, все-таки воспитанники формальнаго, некритическаго направленія въ жизни Московской Руси, не всегда отличали отъ содержанія и правильно понимали форму, захватывая и усвояя съ нею и чисто еврейскіе элементы, не сознавая ихъ догматическаго смысла. Современники же полемисты, также мало отличавшіе сущность отъ оболочки, склонны были къ преувеличенію. Въ результатѣ получилось, что ересь, будучи въ основѣ раціоналистической, развивалась при помощи культурныхъ людей, именно евреевъ, и получила еврейскую окраску даже тамъ, гдѣ въ еврействѣ не было и надобности. Эту-то окраску, многіе специфическіе элементы еврейства, вошедшіе въ эресь, противники ея поняли, какъ чистое еврейство и отрицаніе сущности христіанства; возможно также, что были и случаи, если не уклоненія въ жидовство чистое, то увлеченія черезъ мѣру формами іудейства (напр., обрѣзаніе, въ которомъ обвиняли еретиковъ, перемѣна христіанскаго имени на ветхозавѣтное библейское). Против-ники ереси невольно и, понятно, могли обобщать и на самомъ дѣлѣ обобщали частные случаи. Кромѣ того, ересь, по показаніямъ самихъ ременниковъ, чѣмъ-либо однообразнымъ, стройнымъ не была: они зличали «разныя ереси», которыхъ держались разныя лица, но и ихъ общимъ терминомъ «жидовства». Одно, что дѣйствитель-общимъ всей ереси, это—раціонализмъ.

алисты требовали правъ разуму рядомъ съ элементами вѣры, ая скептически преимущество «разуму», а старая византій-не давала этого, какъ разъ низводя чуть не къ нулю этотъ ользу вѣры; между тѣмъ еврейская религія и тѣсно съ эклектическая еврейская научная мысль отличались боль-лизмомъ. Богословіе евреевъ являлось наукой ученаго

еврейства и давало потому свѣжую атмосферу, которой искали люди, подавленные старой, затхлой обстановкой съ исключительнымъ господствомъ вѣры и авторитета. Усилія, направленныя въ сторону науки, пытаются подорвать это господство во всѣхъ проявленіяхъ дѣйствительной жизни, вѣры, требуя сознательнаго отношенія къ окружающему. На этой почвѣ возникаетъ сперва борьба житейская, бытовая, а затѣмъ полемика литературная между жидовствующими и православными, полемика, носившая уже болѣе или менѣе уже ученый характеръ, благодаря тону, заданному болѣе культурными и иначе, нежели византисты—москвичи, воспитанными людьми, вкусившими уже «прелестнаго разума».

Геннадій еп. Новгородскій. Московское правительство, узнавъ о ереси отъ одного изъ своихъ главныхъ агентовъ, еп. новгородскаго Геннадія, по его же настоянію пробуетъ подавить движеніе силой, репрессіями, подвергая преслѣдованіямъ и казнямъ еретиковъ (о нихъ подробно разсказываетъ Іосифъ Волоколамскій); но дѣло подавленія умственнаго движенія такими средствами не удавалось: еретики стали лишь осторожнѣе, еще тоньше повели пропаганду; они успѣли найти себѣ связи въ Москвѣ (сюда, не зная, конечно, о «ереси» ихъ, перевелъ главныхъ ересеучителей, поповъ Дениса и Алексѣя, самъ вел. князь, прельщенный ихъ умомъ и ученостью) даже при великокняжескомъ дворѣ (Ѳеодоръ Курицынъ, думный дьякъ великаго князя, архимандритъ чудовской Зосима, впослѣдствіи митрополитъ, даже кое-кто изъ княжеской семьи, были сторонниками взглядовъ жидовствующихъ, во многихъ отношеніяхъ многому изъ ихъ направленія сочувствовали). Гонимые въ Новгородѣ еретики спасались въ Москву, ведя пропаганду и здѣсь. Пойманные, изобличенные, они защищали свои взгляды, критикуя взгляды православныхъ, защищали умѣло и энергично. Ясно, что силой справиться съ ересью было нельзя, надо было бороться на другой почвѣ: этой почвой была литература. Такимъ образомъ ересь жидовствующихъ оказалась связанной съ литературой, и среди православныхъ в[illegible] звала движеніе литературное въ опредѣленномъ направленіи и, све[illegible] того, внесла свою своеобразную литературу въ общую русскую. [illegible] рые моменты этой борьбы должны быть отмѣчены.

Такъ, еретики опирались въ своихъ спорахъ съ правосл[illegible] священное писаніе, по преимуществу (если даже не искл[illegible] ветхаго завѣта. Ихъ критика замѣняла схоластику византій[illegible] скихъ начетчиковъ болѣе сознательнымъ отношеніемъ, как[illegible] спора, такъ и къ средствамъ доказательства. Московскіе [illegible] ученые въ этой полемикѣ съ первыхъ же шаговъ почу[illegible] слабость своихъ аргументовъ и способа пользованія ими [illegible]

ментовъ и метода еретиковъ, которые оказывались тонкими діалектиками. Такъ, когда началась эта полемика, обнаружился фактъ, показавшій, что у представителей православнаго христіанства въ распоряженіи не было даже полнаго собранія св. писанія, этого самого авторитетнаго и сильнаго средства для борьбы. Московская Русь, какъ оказалось, до сихъ поръ пользовалась почти исключительно св. писаніемъ въ томъ объемѣ и составѣ, въ какомъ было оно переведено еще Кирилломъ и Меѳодіемъ; а это писаніе, какъ извѣстно, предназначалось главнымъ образомъ для чтенія въ церкви примѣнительно къ богослуженію (см. выше, стр. 187 и сл.). Все знакомство православнаго христіанства Московской Руси съ ветхимъ завѣтомъ (а онъ былъ особенно важенъ теперь при полемикѣ съ жидовствующими) ограничивалось Пятикнижіемъ (рѣже, Восьмикнижіемъ) и немногими другими отдѣльными книгами ветхаго завѣта, и то не всегда въ чистомъ видѣ, а въ видѣ соединенія съ толкованіемъ (таковы преимущественно были книги пророческія). Главная же книга, замѣнявшая отчасти всѣ книги ветхаго завѣта, была «Паримійникъ»—богослужебная выборка изъ ветхаго завѣта; за нею слѣдовала «Псалтирь», а затѣмъ уже Пятикнижіе или Осмокнижіе и «Пророки толковые»—все книги, сравнительно мало распространенныя. Это и обнаружилось при полемикѣ съ еретиками: іудействующіе ссылались на такія книги ветхаго завѣта, которыя не были доступны московскому православному полемисту, ибо ихъ не было въ славянскомъ переводѣ, хотя онѣ и извѣстны были ему по имени изъ канона св. писанія, изъ индексовъ «книгъ истинныхъ». Православные не владѣли, иначе сказать, даже всѣмъ матеріаломъ ветхаго завѣта. Въ концѣ 80-хъ гг. XV вѣка Геннадій, вступивъ въ литературную борьбу съ еретиками, естественно, почувствовалъ этотъ важный недостатокъ. Мало того, онъ узналъ, что у іудействующихъ есть уже въ своемъ переводѣ, ими или черезъ ихъ посредство сдѣланномъ, тѣ книги св. писанія, которыхъ не было у православныхъ [1]). Для уравновѣшенія, хотя бы въ этомъ [illegible]ношеніи, шансовъ въ борьбѣ и православные должны были имѣть [illegible] книги. Съ цѣлью узнать, не найдутся ли гдѣ-нибудь переводы [illegible] книгъ на Руси въ спискахъ, независимыхъ отъ «жидовскихъ», [illegible] разсылалъ по церквамъ и монастырямъ грамоты съ просьбой [illegible] ему, если гдѣ-либо окажутся, подобныя книги. Правда, Ген[illegible]ствatью нашелъ эти книги, но всего ветхаго завѣта собрать [illegible] такъ и не удалось: его не оказалось цѣликомъ въ прежней

[1]) [illegible]тельно, у „еврействующихъ“ были въ обращеніи свои переводы книгъ [illegible]: нѣкоторые изъ нихъ мы теперь знаемъ, напр., кн. Даніила прор., [illegible] Іереміи. О нихъ см. И. Е. Евсѣева. Книга прор. Даніила въ пе[illegible]ующихъ (Чтенія въ Общ. Ист. и др. рос. 1902 г., кн. 3).

литературѣ русской. Видя, что на Руси нельзя подобрать полнаго списка книгъ ветхаго завѣта, Геннадій тѣмъ не менѣе энергично берется за дѣло. Рѣшившись создать своими средствами такой полный текстъ, онъ созываетъ переводчиковъ для немедленнаго перевода недостающихъ книгъ на славянскій языкъ. Одновременно производится частичное исправленіе старыхъ переводовъ путемъ сравненія ихъ другъ съ другомъ, свѣркой ихъ съ имѣющимися иноземными текстами. Сдѣлать послѣднее было необходимо также въ интересахъ той же борьбы съ жидовствующими, особенно при склонности православныхъ къ буквалистическому толкованію текста св. писанія: распространяемое путемъ переписыванія св. писаніе съ теченіемъ времени сильно измѣнялось въ чтеніяхъ, частью въ связи съ измѣненіями самого старо-славянскаго языка въ устахъ русскихъ переписчиковъ (понятнаго, но все-таки чужого для нихъ), частью вслѣдствіе невѣжества писцовъ-ремесленниковъ. Чтенія переводовъ, сдѣланныхъ для себя жидовствующими, частью съ еврейскихъ оригиналовъ, также отличались отъ чтеній у православныхъ: необходимо было имѣть православнымъ правильный однообразный текстъ. Этого можно было достичь лишь при научной работѣ съ греческимъ текстомъ въ рукахъ и путемъ сличенія отдѣльныхъ списковъ переводовъ. Знанія греческаго языка среди русскихъ, давно уже порвавшихъ живыя связи съ Греціей, а также грековъ, знавшихъ хорошо по-славянски, равно какъ и греческихъ рукописей въ распоряженіи Геннадія не было; не было и среди православныхъ русскихъ людей достаточно подготовленныхъ къ такому, во всякомъ случаѣ, серьезному, трудному дѣлу. Приходилось искать помощи внѣ обычной православной грамотной массы. Поэтому, нашедшіеся старые тексты, какъ сохранившіе менѣе искаженныя временемъ чтенія, сперва свѣряются между собой, затѣмъ сравниваются съ латинскими, рѣже еврейскими, чаще нѣмецкими при помощи людей русскихъ, въ силу обстоятельств[illegible] изучившихъ западные языки, западныхъ, оказавшихся случайно в[illegible] Россіи, а также самихъ жидовствующихъ, если удавалось ихъ привле[illegible] на свою сторону. Кромѣ того, извлекаются библейскіе тексты (на[illegible] пророковъ) изъ «толковыхъ» текстовъ. Латинскіе тексты, и[illegible] еврейскіе служатъ источникомъ и для перевода недостающа[illegible] двѣ книги Паралипомена, 3 книги Ездры, книги Нееміи, То[illegible] он, Премудрость Соломона, двѣ Маккавейскія—переведены [illegible] скаго, книга Есѳирь—съ еврейскаго, предисловія (блаженнаг[illegible] къ отдѣльнымъ библейскимъ книгамъ сдѣланы были съ нѣм[illegible] «толковыхъ» текстовъ берется толкуемый текстъ, толкова[illegible] ваются, и т. о. составляется сплошной библейскій текстъ.[illegible] реводами пришлось обратиться на Западъ, отчасти къ т[illegible]

ямъ», т.-е. къ тѣмъ, кого считали себѣ чужими, считали ниже себя по правовѣрію, даже врагами, съ направленіемъ которыхъ шла главная борьба. Въ концѣ-концовъ такой пестрый, но полный по составу текстъ Библіи все-таки былъ составленъ, благодаря энергіи Геннадія. Т. о. первое крупное столкновеніе съ представителями западнаго теченія свелось для православныхъ къ уступкѣ и отчасти вліянію въ ихъ средѣ того же Запада.

Вопросъ исправленія книгъ—вопросъ трудный; онъ тянется съ XV-го вѣка, проходитъ XVI, XVII-ый и доходитъ, наконецъ, и до частоящаго времени. Этотъ вопросъ былъ особенно сложенъ и труденъ въ XV в. во время полемики съ жидовствующими. Какъ извѣстно, наше священное писаніе восходитъ къ греческому оригиналу. Послѣднее обстоятельство требовало, чтобы лица, занявшіяся пересмотромъ книгъ св. писанія, были знакомы съ греческимъ языкомъ и не были чужды филологическихъ знаній. Подыскать такихъ лицъ въ XV-омъ вѣкѣ было дѣломъ не легкимъ. Всѣ взгляды, разумѣется, были обращены на духовенство, какъ на классъ, который по своему положенію, характеру дѣятельности долженъ былъ бы быть знакомъ съ этимъ дѣломъ; но оно оказалось не выше другихъ сословій. Отовсюду слышались жалобы на малограмотность, а то и вовсе на безграмотность духовенства. Самъ Геннадій, не найдя способныхъ борцовъ съ ересью въ средѣ подчиненнаго ему духовенства, разсказываетъ съ горечью, какъ приводили къ нему ставиться въ попы мужика [1], котораго—говоритъ Геннадій—заставишь читать, а онъ и шагу ступить не умѣетъ. Такимъ образомъ, обязанный быть просвѣтителемъ народа духовный классъ самъ былъ едва грамотенъ. Все образованіе рядового духовенства сводилось къ заучиванію наизусть текстовъ, необходимыхъ для богослужебной практики, или къ простой грамотности. Правда, встрѣчались люди свѣдующіе и превышающіе своей образованностью другихъ, но такихъ людей было очень мало, да и самой ихъ образованности, очень близкой къ ачетничеству, было недостаточно для такого сложнаго дѣла, какъ исавленіе книгъ. Сравненіе же между собою однихъ старыхъ текстовъ ревода, доступное грамотнымъ людямъ, также не гарантировало возовленія правильнаго чтенія: старые тексты сами не представляя ихъ документовъ, такъ какъ въ нихъ самихъ были всевозможѣненія и искаженія, накопившіяся вѣками, а выборъ лучшаго предѣляется только оригиналомъ перевода, т.-е. греческимъ

[1] ное начало въ то время еще не вполнѣ было устранено въ приходѣ ли выбирали себѣ кандидата и представляли для посвященія и утвермy архіерею.

текстомъ, а этотъ послѣдній оставался не доступенъ начетчику. Помимо искаженій и измѣненій, къ концу XV-го вѣка распространены уже и различныя редакціи текста св. писанія, въ разное время появлявшіяся въ славянскихъ переводахъ; уясненіе же ихъ взаимоотношеній вело опять-таки къ различнымъ греческимъ же текстамъ.

Результаты переводовъ и правленія времени Геннадія дошли до нашего времени. Въ рукописи 1499 г. (въ Моск. Синод. библ.) дошла до насъ извѣстная Геннадіевская Библія, могущая служить живымъ свидѣтельствомъ описываемой эпохи. Въ ней мы видимъ текстъ св. писанія, а на поляхъ «глоссы», т.-е. замѣчанія о нѣкоторыхъ словахъ, исправленія читаемаго въ текстѣ. Вся работа показываетъ, что переводъ сдѣланъ не обычными русскими людьми, а западными или во всякомъ случаѣ знакомыми съ западными языками и отчасти пріемами филологической критики, на что указываетъ то обстоятельство, что иногда латинскія и нѣмецкія слова оставались безъ перевода, только написанныя русскими буквами, стоятъ часто рядомъ съ соотвѣтствующими русско-славянскими: окончательно выбора выраженія сдѣлать не рѣшались, хотя необходимость исправленія даннаго мѣста уже опредѣлилась. И дѣйствительно, въ числѣ сотрудниковъ Геннадія по устроенію полной Библіи мы видимъ какого-то латинскаго монаха Веніамина (родомъ славянинъ, а вѣрою латинянинъ, вѣроятно, случайно оказавшійся въ Новгородѣ), толмача Дмитрія Герасимова (дьякъ-переводчикъ по дѣламъ сношеній нашихъ съ западными государствами, человѣкъ западнаго образованія, и кромѣ этого занимавшійся, какъ увидимъ, спеціально переводами съ латинскаго и нѣмецкаго по заказу правительства).

Такимъ образомъ, въ XV-омъ в. въ сердце Россіи, чуждавшейся Запада, какъ иновѣрнаго, еретическаго по рекомендаціи византійскихъ учителей, было внесено силою обстоятельствъ самой жизни вліяніе Запада, да еще въ такую важную область, какъ св. писаніе.

1492-ой годъ. Въ исторіи этого времени былъ еще фактъ, свидѣтельствовавшій о томъ же, равно какъ и о томъ тяжеломъ положені
въ которомъ оказались православные русскіе, и выходъ изъ котора
могли дать только наука, просвѣщеніе, а эти могли быть получ
лишь оттуда же—съ Запада. Конецъ XV в., именно 1492-й годъ,
тался критическимъ въ жизни человѣчества, такъ какъ исполня
сотворенія міра седьмая тысяча лѣтъ (5508 лѣтъ до Р. Х. + 14
слѣ этого, по всеобщему на Руси убѣжденію, должна была
наступить кончина міра, второе пришествіе Христово, Страш
Самое лѣтосчисленіе въ пасхаліяхъ, въ свое время принес
намъ изъ Византіи, оказалось доведеннымъ только до 1
еще болѣе поддерживало это представленіе.

Ученіе о кончинѣ міра во время, опредѣляемое знаменательнымъ годомъ, не было новымъ. Еще въ древности христіанская церковь знаетъ такъ называемый «хиліазмъ», т.-е. мнѣніе, что тысячный годъ— послѣдній годъ въ жизни народовъ. Эту же тысячу лѣтъ понимали различно; одни вели ее отъ основанія Рима, а другіе—отъ Р. Х., третьи считали каждую тысячу отъ сотворенія міра. Въ такіе моменты всякій разъ воскресало въ представленіи людей, даже сравнительно культурныхъ, убѣжденіе, что наступитъ кончина міра именно въ этотъ годъ. Дѣйствительно, слѣды хиліазма есть уже въ Апокалипсисѣ; тоже около 1000-го года по Р. Х. въ литературѣ видно отраженіе этого мнѣнія. Это-то народное вѣрованіе въ близкую кончину міра оживаетъ и къ 1492 году. Кромѣ того, всѣ событія этой эпохи носили такой характеръ, что допускали, при отсутствіи въ средніе вѣка критицизма, при преобладаніи элемента вѣры, при склонности вездѣ видѣть таинственный указующій перстъ Божій, подобныя толкованія. Прежде всего, въ 1492 году исполняется не просто одно изъ тысячелѣтій отъ сотворенія міра, а заканчивается седьмая тысяча лѣтъ. На вопросъ, почему міръ долженъ существовать именно 7000 лѣтъ, а не больше или меньше, отвѣчали, исходя изъ вѣры въ мистическое значеніе цифръ: здѣсь и самое число «7» играло существенную роль; оно давно имѣло въ народныхъ вѣрованіяхъ мистическое, таинственное значеніе (7 таинствъ, 7 смертныхъ грѣховъ, 7 даровъ св. Духа, 7 небесъ, 7 чиновъ ангельскихъ, 7 дней въ недѣлѣ, семь седьминъ Даніила и т. д.); такая роль числа 7 унаслѣдована Европой была, вѣроятно, давно отъ восточныхъ народовъ (ассиріянъ и вавилонянъ или семитовъ вообще) и пользовалась общимъ признаніемъ на Востокѣ и на Западѣ.

Подобно тому, какъ было въ 1000-омъ году, убѣжденные въ имѣющей наступить кончинѣ міра люди и теперь пробуютъ въ событіяхъ ...ижайшаго времени найти указанія на предстоящее свѣтопреставленіе. ...мый же вопросъ о кончинѣ міра независимо отъ этого интересовалъ ... народы во всѣ времена. Въ св. писаніи новаго завѣта по этому ...ду точныхъ указаній нѣтъ; еще во время Христа апостолами былъ ...нутъ вопросъ, при какихъ обстоятельствахъ наступитъ кончина ... Христосъ въ отвѣтъ обрисовалъ ученикамъ картину предшествую... ...ытій въ мірѣ, т.-е. указалъ нѣкоторые признаки, по которымъ ...ить о близости кончины міра. Признаки эти слѣдующіе: по... ... распространеніе Евангелія, общественныя бѣдствія, междо... ...ни и т. п. (см. Ев. отъ Матѳ. гл. 24). Апокалиптической и ...емя эсхатологической литературой была богата и поздняя ...я) литература евреевъ (она же въ то же время и ранне... ... каковы: Книги Еноха, апокрифическія откровенія Да-

ніила, Завѣты патріарховъ и пр.. Иной, уже христіанскій источникъ вѣрованій о концѣ міра находилъ свое начало въ Апокалипсисѣ Іоанна Богослова, написанномъ во 2-мъ вѣкѣ по Р. Х.: какъ пророческая новозавѣтная книга, онъ много удѣляетъ мѣста вопросу о кончинѣ міра. Онъ, полный мистицизма, иносказанія, загадочнаго и вмѣстѣ поэтичнаго, оказалъ большое вліяніе на всю христіанскую эсхатологическую литературу. Въ слѣдъ за нимъ возникаютъ и другія подобныя ему «откровенія», напр., Откровеніе Меѳодія Патарскаго о послѣднихъ вѣкахъ, новыя редакціи Откровенія Даніила; около 1000 года возникаетъ въ Византіи поэтическій памятникъ: Житіе Андрея, юродиваго Цареградскаго. Около этихъ памятниковъ, а также дидактико-повѣствовательныхъ, въ родѣ словъ Ефрема Сирина о Страшномъ судѣ, Ипполита объ антихристѣ, Палладія Мниха и т. п. (давно уже бывшихъ, кстати сказать, въ славянскихъ переводахъ, распространенныхъ и на Руси), группируются еще многія произведенія, трактующія о послѣднихъ судьбахъ человѣчества; таково, напр., пророчество Льва Мудраго, связывавшее, подобно Меѳодію и житію Андрея юродиваго, кончину міра съ судьбами Византіи, видѣніе Стефана Лазаревича, касающееся судебъ юго-славянства и вмѣстѣ кончины міра и мн. др. Съ переводами этихъ сочиненій на славянскій и русскій языки и у насъ постепенно накопляется литература съ обильными разсказами о близкой кончинѣ міра. Во всѣхъ почти подобныхъ произведеніяхъ яркой полосой проходитъ стремленіе возможно отчетливѣе, точнѣе (якобы) представить тѣ событія, которыя должны предшествовать, и которыми должно сопровождаться это міровое событіе. Причина этого понятна: по этимъ подготовительнымъ событіямъ можно было заранѣе судить, предугадать приближеніе самого главнаго момента—кончины міра и Страшнаго суда—и соотвѣтствующимъ образомъ подготовить себя къ этому страш-
ному моменту. Невольно такъ настроенная вѣрующая мысль, не защ-
щенная критическимъ, трезвымъ отношеніемъ къ дѣйствительности, вн-
мательно присматривалась къ событіямъ современности, боязлив-
тоскливо стараясь угадать отвѣтъ на мучительный вопросъ, находя
логію между происходящимъ и долженствующимъ произойти, п-
вамъ писаній, передъ кончиной міра. Такъ было и наканунѣ 700
въ концѣ XV в. нашей эры. Дѣйствительно, конецъ XV вѣ
мало-мальски склонныхъ къ суевѣріямъ и, главное, не облада
собностью относиться критически, полныхъ слѣпой вѣры
знаніемъ, могъ навести на грустныя размышленія. Боль
изведеній, популярныхъ около этого времени, какъ разъ с
етъ именно объ этомъ. Разсказы этихъ произведеній как
себѣ совпаденіе съ современными событіями. Къ полови

1453 г., христіанская Византія кончаетъ свое существованіе, та Византія, съ судьбой которой связана цѣлость и чистота христіанства въ сказаніяхъ, и это являлось толчкомъ для того, чтобы появилась вновь мысль о близкомъ наступленіи царства антихриста, ознаменованнаго оскверненіемъ вѣры дикими сыроядцами, а за ними и Страшнымъ судомъ Христовымъ. Мысль эта была основана главнымъ образомъ на популярномъ «Откровеніи» Меѳодія Патарскаго. Меѳодій Патарскій, между прочимъ, говоритъ, что при началѣ кончины міра замурованные когда-то Александромъ Македонскимъ въ Кавказскомъ ущельи «скверные» народы вырвутся оттуда подъ предводительствомъ Гога и Магога и осквернятъ все святое на землѣ: ихъ отождествили съ турками, гибель міра связана съ гибелью Константинополя когда-то полнаго всякой святыни, носителя чистоты вѣры. Появленіе въ Малой Азіи, а потомъ и на Балканскомъ полуостровѣ турокъ, народа страшнаго, дикаго, малоизвѣстнаго до того времени, дѣйствительно, напомнило многимъ выходъ замурованныхъ на Кавказѣ нечистыхъ народовъ легенды. Сопоставляя этотъ фактъ съ окружающими событіями, склонный къ суевѣрію человѣкъ невольно приходилъ къ мысли, что, значитъ, правда, близка кончина міра. То же говорили ему Ефремъ Сиринъ (его Слово о Страшномъ судѣ), житіе Андрея Юродиваго, сказанія Ипполита Римскаго и др.. Уважаемыя эсхатологическія писанія, вмѣстѣ съ священнымъ, говорили о повальныхъ болѣзняхъ, гладахъ, которые должны предшествовать «послѣднимъ» временамъ: въ концѣ XV в. на Руси эти бѣдствія были на лицо, еще сгущая и безъ того безотрадный взглядъ въ страшное будущее.

По мѣрѣ приближенія 1492 года, эсхатологическая литература все болѣе и болѣе выступала впередъ, появляются новыя редакціи старыхъ памятниковъ, трактующихъ о кончинѣ міра, все болѣе и болѣе претендующія на роль комментарія современныхъ событій. Среди людей начинаетъ царить тяжелое подавленное, близкое къ отчаянію, настроеніе, отзвуки котораго мы видимъ въ тогдашнихъ рукописяхъ; такова, напр., [illegible]иписка въ старой пасхаліи вслѣдъ за 1492 г.: «Здѣсь страхъ, здѣсь [illegible]бь; какой былъ кругъ въ распятіи Христовомъ, такое же лѣто [illegible]сь и на конецъ, когда ожидаемъ мы всемірнаго Твоего пришествія». [illegible]чникъ такого подавленнаго настроенія коренился въ формаль[illegible] преимуществу отношеніяхъ къ свѣдѣніямъ литературы, въ от[illegible]умѣнія различать авторитетное извѣстіе отъ не авторитетнаго, [illegible]тъ неважнаго, иначе—въ отсутствіи критицизма, этого рычага [illegible] преобладаніи вѣры надъ разумомъ.

[illegible]оны же жидовствующихъ, не раздѣлявшихъ или уже осво[illegible] значительно отъ односторонности московско-византійской

рутины, замѣчалось при этомъ угнетенномъ настроеніи массы стремленіе всячески опровергнуть широко распространенную увѣренность въ близкую кончину міра и въ то же время извлечь изъ этого пользу для приданія вѣса своему ученію. Какъ люди, обладающіе уже значительнымъ сравнительно съ другими образованіемъ, а главное настроенные раціоналистически и скептически, они изыскивали всевозможные способы для достиженія своихъ цѣлей, основываясь на данныхъ и своей литературы, получившей отдѣльные элементы и изъ еврейства. Такъ, они утверждаютъ, что слѣдуетъ отдать преимущество, какъ болѣе правильному, еврейскому лѣтосчисленію, по которому до Р. Х. отъ сотворенія міра считается не 5508 лѣтъ, а только 3761, какъ это де и указывалось въ «жидовскомъ» «Шестокрылѣ», а это прямо говоритъ, что нечего еще бояться наступленія кончины міра въ скоромъ времени, такъ какъ срокъ далеко еще не вышелъ, въ запасѣ еще 1847 лѣтъ; они громко и смѣло выражаютъ увѣренность, что ихъ мнѣніе оправдаютъ сами событія, и что такіе авторитеты въ глазахъ православныхъ, какъ святой Ефремъ Сиринъ и др., на дѣлѣ ошибаются, а потому не заслуживаютъ того безграничнаго довѣрія, которымъ ихъ надѣляли. Этого одного даже уже достаточно, чтобы привлечь на свою сторону запуганное воображеніе многихъ колеблющихся между страхомъ и надеждой. Между православными и жидовствующими начинается полемика по этому вопросу. Православные даютъ одинъ совѣтъ: начинать готовиться къ Страшному суду, такъ какъ св. писаніе (а этотъ терминъ понимался широко, обнимая собой большой кругъ церковноучительной литературы) указываетъ де на это ясно. А жидовствующіе въ отвѣтѣ на это стараются увѣрить, что православные писатели не заслуживаютъ большого довѣрія къ себѣ, и что «Слово о страшномъ судѣ» Ефрема Сирина, говорящее о кончинѣ міра, заключаетъ въ себѣ ложное, ошибочно
мнѣніе, либо не принадлежитъ Ефрему. Споръ постепенно разгораетс
и становится замѣтнымъ для очень многихъ. Къ нему начинаютъ пр
слушиваться тѣ изъ православныхъ, которые, находясь въ угнетенно
состояніи, искали хоть въ чемъ-нибудь ободренія. И вотъ этотъ са
ободряющій элементъ и былъ вносимъ жидовствующими въ настро
такъ пессимистически умы окружающихъ. Какъ представители
нальнаго направленія, жидовствующіе сознательно не придава
нія 1492 году. Между тѣмъ угнетенное состояніе правосл
концу этого года достигло своего апогея... Наконецъ, б
проходитъ 1492 годъ: Страшнаго суда не наступило, собы
скаго государства указываютъ, наоборотъ, не на гибель мі
недавно только ставшей «третьимъ Римомъ», смѣнившимъ
зантію), павшій за свои прегрѣшенія въ руки невѣрны

витіе политическаго могущества Россіи и на широкое развитіе религіозныхъ московскихъ идеаловъ. Факты сами доказали, т. о., что тревога была напрасной; а тревогу эту создали писанія, авторитету коихъ вѣрили, какъ св. писанію. Многіе изъ православныхъ тутъ же заключили, что, значитъ, писаніе, увѣрявшее въ близкой кончинѣ міра, заключало въ себѣ явную ложь. Жидовствующіе, замѣтивъ такое настроеніе среди православныхъ, не замедлили воспользоваться этими обстоятельствами, какъ крайне удобной почвой для своей пропаганды. И дѣйствительно, послѣ 1492 г., несмотря на строгія мѣропріятія противъ жидовствующихъ, состоявшія въ сожженіи, въ казняхъ, преданіи позору и пр., ересь не падаетъ, но пріобрѣтаетъ еще бо́льшую силу и еще бо́льшее число сторонниковъ. Раціонализмъ росъ, западное вліяніе крѣпло.

Въ самомъ же началѣ XVI вѣка замѣтно измѣнился и самый характеръ ереси; такъ, черты чисто еврейскія, рѣзко иногда прорывавшіяся, затемняются, отходятъ на второй планъ, и ересь принимаетъ характеръ все болѣе и болѣе чисто раціоналистическій. Дѣло завершилось тѣмъ, что представители этого направленія провозгласили права разума. Появился лозунгъ: «душа самовластна, заграда ей вѣра»: душа, т.-е. разумъ, не подчиняется вѣрѣ въ авторитеты и должна имѣть право на самостоятельное существованіе.

Такъ возникалъ раціонализмъ религіозный и научный, возникалъ такъ же, какъ и въ западной Европѣ эпохи Возрожденія. Почему же раціональное направленіе не принесло столь обильныхъ, какъ на Западѣ, плодовъ на Руси, почему никакъ не могло оно оторваться отъ религіозной области? Отвѣтъ на это одинъ: у насъ не чему было возрождаться, у насъ не было античной литературы, не было связи съ древнимъ міромъ и его культурой; средневѣковое религіозное воззрѣніе, византійское, [illegible]дносторонне развитое малокультурнымъ обществомъ, еще сильнѣе го[illegible]одствовало у насъ, нежели на Западѣ. Для возрожденія нужна была [illegible]авнительно высокая культура, а ея-то у насъ и не было. Поэтому [illegible]асъ раціоналистическое направленіе, какъ выраженіе недовольства [illegible]деннымъ состояніемъ общества, вспыхиваетъ гораздо позже и не [illegible] интенсивно: процессъ освобожденія мысли отъ исключительнаго [illegible]ства церковнаго ученія идетъ медленнѣе, дольше не можетъ по[illegible]зь съ кругомъ церковности.

[illegible]жидовствующихъ несла въ себѣ западное вліяніе, такъ [illegible]ольство жизнью впервые было формулировано на Западѣ. [illegible]е по мѣсту зарожденія направленіе, постепенно двигаясь [illegible]и все слабѣя, переходитъ на Русь; однако говорить о не[illegible]омъ вліяніи эпохи Возрожденія на Русь никоимъ образомъ

не приходится, такъ какъ между Русью и умственными центрами Запада лежала громадная полоса Польши, Литвы, плохо усвоившая начала культуры, да и подготовки соотвѣтствующей для воспринятія въ прошломъ Руси не было. Въ Германіи гуманизмъ появляется довольно скоро, въ Польшѣ расцвѣтъ его падаетъ на первую половину XVI столѣтія. Движеніе идей Возрожденія идетъ по направленію къ востоку, но цѣликомъ дойти до Россіи эти идеи все-таки не могли. Объясненіе этого можно видѣть въ слѣдующемъ: крупными дѣятелями ереси жидовствующихъ на Руси являлись выходцы съ Запада, евреи западной Руси или же русскіе люди западнаго направленія. Однако, евреи скоро перестаютъ у насъ быть носителями идей эпохи, подготовившей на Западѣ возрожденіе. Самое свойство еврейской культуры далеко отъ чисто научнаго характера, носитъ преимущественно практически-утилитарный. Евреи не особенно увлеклись идеями Возрожденія; они руководились ими постольку, поскольку эти идеи соотвѣтствовали ихъ практическимъ, утилитарнымъ цѣлямъ.

Послѣ 1492 года ересь жидовствующихъ, какъ уже сказано было раньше, утрачиваетъ специфическую еврейскую окраску. Раціоналистическое движеніе расширило кругъ дѣятельности и скоро перебралось въ Москву. Оно захватило и здѣсь, какъ и въ Новгородѣ, главнымъ образомъ, интеллигентный классъ московскаго общества, отчасти классъ правящей аристократіи, много лицъ, близкихъ къ великому князю. Захвачено этимъ движеніемъ было отчасти и духовенство, какъ классъ, особенно въ столицѣ, болѣе развитой; въ томъ числѣ былъ и самъ московскій митрополитъ Зосима. Противниками на него возводились обвиненія въ принадлежности къ «ереси» жидовствующихъ, его считали ставленникомъ «жидовской» партіи, во главѣ съ «еретикомъ» думнымъ дьякомъ Ѳеодоромъ Курицынымъ. Православная партія не остановила даже передъ обвиненіемъ Зосимы въ пьянствѣ, богохульствѣ и разврат говорили, что и онъ называлъ иконы идолами и всячески издѣва надъ священными изображеніями. Происки партіи имѣли успѣхъ: Зо былъ низложенъ съ митрополичьей каѳедры, какъ говорилось въ у за различныя допущенныя имъ «непотребства и слабости». Слѣ однако же, замѣтить, что всѣ свѣдѣнія о принадлежности Зос жидовской «ереси» идутъ изъ лагеря противниковъ Зосимы кажется, не былъ, въ сущности, еретикомъ, хотя и сочувст сился къ нѣкоторымъ пунктамъ «жидовскаго» ученія. Что обвиненія Зосимы въ надруганіи надъ святыми изображе чего подобнаго, можетъ-быть, не было. Можетъ-быть, З порицалъ русскія религіозныя привычки. Самъ Зосима не жидовствующимъ, на что указываетъ постановленіе созва

бора. Его раціонализмъ, требованіе умѣренности по отношенію къ «еретикамъ» дали поводъ отнести его цѣликомъ къ «жидовствующимъ».

Литература жидовствующихъ. Рядомъ съ трудами Геннадія по переводу св. писанія стоятъ работы представителей раціоналистическаго направленія. Раціоналистовъ не могли удовлетворить старые переводы св. писанія: существовавшихъ было не достаточно; существовавшіе переводы, кромѣ того, страдали искаженіями, о чемъ, конечно, знали жидовствующіе не хуже православныхъ; кромѣ того, оригиналы еврейскіе и греческіе не вездѣ сходились, а тѣмъ болѣе отъ своего первоисточника—еврейскихъ книгъ—отступали славяно-русскіе списки, восходящіе къ греч. оригиналамъ. Это обстоятельство вполнѣ объясняетъ, почему въ концѣ XV-го и въ началѣ XVI-го вв. появляются упомянутые выше новые переводы св. писанія съ еврейскаго языка, напр., переводы «книгъ Царствъ» книгъ пророческихъ и учительныхъ ветхаго завѣта, книги пророка Даніила, Эсфири и 12-ти малыхъ пророковъ. Новые переводы св. писанія обнаруживаютъ такія же типичныя особенности въ языкѣ, какъ и сдѣланные жидовствующими переводы свѣтскихъ произведеній; они носятъ черты западно-русскаго или южнорусскаго происхожденія, такъ какъ дѣлались, повидимому, или западнорусскими переводчиками, или южанами, раздѣлявшими взгляды «жидовствующихъ», либо евреями, выучившимися русскому литературному языку на юго-западѣ, гдѣ было главное гнѣздо первоначальныхъ пропагандистовъ ереси. Переводы эти несутъ на себѣ слѣды пользованія текстами западными и еврейскими, но также и старыми, притомъ югославянскими переводами (вѣроятно, болѣе доступными на югѣ Россіи, нежели на сѣверо-востокѣ). Это западно-еврейское вліяніе обнаруживается изъ латинизмовъ и гебраизмовъ въ ихъ языкѣ, а такъ же изъ того, что, напр., тексты дѣлятся не только на главы (какъ въ западныхъ текстахъ) и зачала (какъ на востокѣ), а также на такъ называемыя «парашп», т.-е. отдѣлы, приспособленные къ еврейскому богослуженію. Какая-то связь съ юго-славянствомъ сказывается въ томъ, [...] рядомъ съ этими чертами сквозятъ (правда, слабо) и болгаризмы; [...]ненія этой связи мы пока не имѣемъ, кромѣ указаннаго выше пред[...]енія. Если всмотримся въ переводы жидовствующихъ, то уви[...] что въ нихъ довольно ясно отразилось участіе еврейской пропа[...] Въ эпоху ереси жидовствующихъ появляются и у насъ въ пе[...]е-какія спеціальныя іудейскія книги для отправленія бого[...] которое, повидимому, пробуютъ привить на Руси жидовствую[...]ивовѣсъ, въ замѣну отвергаемаго христіанско-православнаго, [...] пробуютъ завести и увлекающіеся черезчуръ и русскіе [...]акъ, до насъ дошелъ одинъ текстъ изъ такого рода пи-

саній: это—такъ называемая «Псалтырь жидовствующихъ» въ переводѣ какого-то Ѳеодора [1]). Послѣдняя представляетъ не обыкновенную нашу псалтырь, а собраніе еврейскихъ богослужебныхъ молитвъ, написанныхъ по образцу псалмовъ, почему она и получила, надо думать, названіе также «псалтири». Свидѣтельство объ этомъ мы находимъ у того же архіепископа Геннадія, который жаловался на то, что жидовствующіе употребляютъ какія-то еврейскія пѣсни, испорченные (испровращенные) псалмы. Геннадій прибавляетъ, что ему удалось достать отъ какого-то дьякона Луки—прежняго еретика, жидовствующаго списокъ еретическихъ пѣсенъ, называемыхъ псалмами. Повидимому, эти «псалмы» и дошли до насъ въ спискѣ. Псалмы и въ этомъ спискѣ дѣлятся на группы (кафизмы) и носятъ надписанія, подобныя псалмамъ Давида; такъ, напр., нѣкоторые изъ нихъ озаглавлены: «псаломъ Іосафа», «псаломъ Соломона» и т. п. Если мы возьмемъ до сихъ поръ употребительный въ синагогахъ еврейскій молитвенникъ («Махазоръ»), то мы найдемъ тамъ большинство псалмовъ, употреблявшихся нашими жидовствующими въ XV—XVI вѣкѣ [2]). Т. о. жидовствующіе попытались внести кое-что новаго даже въ такую область, какъ литература узко-церковная. Но здѣсь, конечно, большого успѣха эта ихъ дѣятельность имѣть не могла въ виду совершенно прочно и ясно сложившихся потребностей литературы въ этомъ отношеніи; но и совершенно отрицать роль ихъ и въ этой области нельзя: они не только вызвали потребность дополнить то, что отсутствовало вѣка, но и отчасти дали средства пополнить эти пробѣлы, какъ это показала исторія Геннадіевской библіи. И въ другихъ областяхъ православной литературы ересь и ея литература сыграли роль возбудителя, а потому и не лишены значенія. Т. о. значеніе литературы жидовствующихъ сказалось, во-первыхъ, въ томъ, что она увеличила собой число памятниковъ, обращавшихся на Руси, на этотъ разъ идущихъ изъ новыхъ источниковъ (западныхъ, еврейскихъ), и, во-вторыхъ, что ересь эта положила начало новому движенію и въ православной литературѣ, которое переходитъ и въ XVI-й вѣкъ.

Противоеврейская литература. Подъ вліяніемъ борьбы съ ере[...] появляется православная полемическая литература, прямо направ[...] ная противъ ереси; такъ, въ 1496 году появляется обширное [...] и не искусное, «Посланіе инока Савы на жидовъ и на ер[...] (изд. въ 1902 г., въ «Чт. О. И. и Д. Р.»). Сочиненіе это м[...]

[1]) Ее надо отличать отъ обычнаго псалтырнаго текста съ особ[...] скими"—толкованіями; этотъ послѣдній текстъ непосредственно намъ [...] лишь есть свѣдѣнія о существованіи его у „жидовствующихъ".

[2]) Эта „Псалтырь" издана цѣликомъ по двумъ сохранившимся с[...] съ введеніемъ въ „Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др." 1907 года.

стоятельное, компилятивное, ясно показывающее невысокое, въ смыслѣ научности и критичности, образованіе автора: историческихъ свѣдѣній о еретикахъ въ немъ мало, все оно состоитъ почти изъ сплошныхъ цитатъ изъ перваго и второго посланія ап. Іоанна и въ значительной своей части изъ дословныхъ выписокъ изъ старой, намъ знакомой «Толковой Палеи на Іудея» (о ней выше, указатель s. v.), наконецъ, заимствованій изъ Слова извѣстнаго митрополита русскаго Иларіона (XI в.) «о законѣ и благодати», сопоставляющаго, какъ извѣстно (см. Порфирьева, I, стр. 366—67), іудейство (законъ) и христіанство (благодать). Такимъ образомъ, Сава опирается въ полемикѣ съ еврействующими, отрицавшими не только христіанскую богословскую литературу, но и новый завѣтъ, какъ разъ на этотъ завѣтъ, и на писанія, авторитетныя для христіанина,—«Палеею» и Иларіона. Т. о. трудъ Савы, какъ полемика противъ еретиковъ, цѣли не достигалъ; могъ онъ пригодиться развѣ для православныхъ, въ смыслѣ укрѣпленія убѣжденій колеблющихся, соблазняемыхъ. Въ 1490 г. выходитъ «Соборное дѣяніе противъ еретиковъ» митрополита Зосимы (изд. тамъ же, въ «Чтеніяхъ»). Соборъ въ литературѣ оставилъ слѣдъ въ видѣ двухъ памятниковъ: во-первыхъ, поученія митрополита Зосимы о еретикахъ, гдѣ онъ, изложивши ходъ развитія ереси въ общихъ словахъ, предостерегаетъ отъ увлеченія ересью православныхъ, рекомендуя (характерно, по-московски—обращая вниманіе на внѣшнюю сторону дѣла) не «пріобщаться къ еретикамъ ни дѣломъ, ни словомъ, ни яденіемъ, ни питіемъ, ни ризами, ни сребромъ, ни златомъ, ниже въ домъ свой пріимати... но повсюду благочестіе проповѣдати»... Затѣмъ, второй памятникъ—«Соборный приговоръ» отъ лица Зосимы же—разсказъ, какъ еретики были открыты и обличены и какъ «всѣ еретиковъ осудили (отцы собора), а священниковъ изъ сана извергоша и всѣхъ вкупѣ отъ Св. Церкви отлучиша»... Потомъ вскорѣ же (въ концѣ 90-хъ гг. XV-го и первыхъ гг. XVI в.) на сцену выступаетъ извѣстный Іосифъ Волоколамскій, которого вызвалъ для борьбы съ ересью архіепископъ Геннадій. ...сифъ Волоколамскій[1]) является самымъ крупнымъ, но та... же типичнымъ, хотя и талантливымъ, представителемъ односто...нго, старо-московскаго направленія, мысли и знанія: онъ обла... огромной начитанностью въ св. писаніи, переводахъ отеческой ли...ры и другихъ писаній. Въ полемикѣ съ жидовствующими, въ ...игѣ «Просвѣтитель» (см. изложеніе ея у Порфирьева), онъ ...доказать неправоту своихъ противниковъ, говоря почти исклю-

[1]) ...мъ специальная монографія: И. П. Хрущовъ. Изслѣдованіе о сочине... Санина (Спб. 1868); полезна также монографія П. А. Булгакова. ... Волоколамскій. Спб. 1865.

чительно цитатами изъ священнаго писанія, правда, пользуясь преимущественно, но не исключительно, св. писаніемъ ветхаго завѣта. Подобранныя по принципу буквальнаго пониманія цитаты изъ св. писанія громоздятся другъ на друга, поражая своимъ количествомъ, которому и самъ авторъ, видимо, придаетъ не послѣднее значеніе; между этими потоками цитатъ—разсужденія автора, но и въ нихъ онъ старается говорить не отъ себя, не своими словами, а словами и цитатами изъ авторитетныхъ для него отцовъ и писаній церковныхъ, искренно полагая, что его мысль, изложенная такимъ способомъ, будетъ убѣдительнѣе и для читателя и, конечно, лучше изложена. Все это объединено горячимъ убѣжденіемъ въ своей правотѣ и заранѣе уже составившимся убѣжденіемъ въ полной негодности всего, что онъ видитъ у противника: надъ доказательствомъ преобладаетъ обличеніе, упрекъ, надъ разсужденіемъ—утвержденіе заранѣе готоваго положенія. Если говорить о пріемахъ полемики Іосифа Волокаламскаго, то мы должны указать на ея существенный недостатокъ: онъ при своей огромной начитанности выхватывалъ безразлично и изъ священнаго писанія и остальной духовной письменности (для него, но не для его враговъ авторитетной) отдѣльныя фразы, часто безъ всякой связи съ контекстомъ, толковалъ ихъ буквально, и на этомъ буквальномъ смыслѣ выхваченной фразы строилъ свои выводы или, скорѣе, искалъ подтвержденія заранѣе сложившагося мнѣнія. Такъ онъ поступалъ и позднѣе, между прочимъ тогда, когда хотѣлъ оправдать жестокія мѣры, предпринятыя духовными властями и правительствомъ противъ ненавистныхъ имъ еретиковъ, сославшись на отрывокъ изъ «Пролога» (о Львѣ Катанскомъ), утверждая, что еретика не стоитъ убѣждать, а гораздо полезнѣе прямо уничтожить. Однако, книга Іосифа Волоколамскаго не достигла своей прямой цѣли: она ереси не ослабила, не уничтожила; причины этого мы можемъ видѣть прежде всего въ томъ, что авторъ ухитряется ничего не говорить отъ себя, а говорить все отъ лица отцовъ церкви, говорить выдержками изъ священнаго писанія и преданія, не отно[сясь] къ нимъ критически, а нагромождая ихъ по возможности боль[шимъ] числомъ на одну и ту же тему. Насколько авторитетны и насколько [пра]вильны были эти цитаты—для его враговъ, обо всемъ этомъ Іо[сифъ] Волоколамскій не хотѣлъ знать: онѣ для него были убѣдительны; [по]ложеніе противника онъ не опровергаетъ, а отвергаетъ.

Димитрій Герасимовъ. Въ области научной, въ которой е[ресь жи]довствующихъ была особенно сильна, пропаганда жидовствую[щихъ] же возбудила сильное движеніе и въ средѣ православныхъ. [Жидов]ствующіе, какъ мы знаемъ уже, ловко воспользовались у[…] православныхъ суевѣрной идеей о близкой кончинѣ міра д[…]

страненія своихъ собственныхъ идей. Когда благополучно прошелъ 1492 годъ, православные оказались въ смѣшномъ и крайне неопредѣленномъ положеніи. Пасхалія наша, перенесенная давно еще изъ Византіи, кончалась этимъ годомъ, и отсутствіе ея на дѣльнѣйшіе годы было для православныхъ очень чувствительно, такъ какъ пасхалія служитъ по своему смыслу регуляторомъ всей церковной жизни, руководствомъ и указателемъ передвижныхъ праздниковъ, группирующихся около Пасхи, и связанныхъ съ ними службъ. Требовалось вычисленіе празднованія Пасхи на слѣдующіе года, иначе: надо было составить новую пасхалію; но средства для этого оказались крайне слабыми. Для составленія пасхаліи нужны были астрономическія свѣдѣнія, а ихъ-то на Руси у представителей стараго строя въ то время какъ разъ и не было. Въ результатѣ получилось нѣчто странное съ точки зрѣнія послѣдовательности: Геннадій, стремясь восполнить этотъ пробѣлъ, пришелъ къ необходимости поручить составленіе пасхаліи, если не прямому послѣдователю жидовствующихъ, то, во всякомъ случаѣ, человѣку, ближе стоящему къ нимъ, поскольку ересь эта была выраженіемъ научныхъ стремленій, связанныхъ съ Западомъ. Такимъ спеціалистомъ по части составленія пасхаліи оказался все тотъ же Димитрій Герасимовъ, толмачъ, помогавшій Геннадію составлять Библію. Это былъ по тому времени знатокъ западныхъ иностранныхъ языковъ; онъ служилъ по посольскимъ дѣламъ, зналъ хорошо языки нѣмецкій и латинскій (средневѣковый, конечно, а не античный) и (не особенно хорошо) греческій. За эту близость къ Западу многіе современники подозрѣвали его въ связи съ жидовствующими. По всей вѣроятности это и было такъ—извѣстная доля научнаго мышленія (считавшагося въ глазахъ православныхъ «ересью») не чужда Герасимову. Ему-то, когда Герасимовъ ѣхалъ въ Римъ по своимъ посольскимъ дѣламъ, и поручаетъ Геннадій навести справки о томъ, какъ и гдѣ добыть пасхалію. Димитрій Герасимовъ принялся за дѣло и скоро составилъ пасхалію на основаніи латинскихъ источниковъ (это—такъ называемый «Міротворный кругъ» нашихъ рукописей), тѣхъ самыхъ источниковъ, къ которымъ православные относились, какъ къ неправославнымъ, съ нескрываемымъ недовѣріемъ и даже враждой.

Кромѣ составленія пасхаліи, Димитрій-толмачъ оказался нужнымъ ... дѣятельности въ другомъ направленіи: физическая борьба пра... ...къ во главѣ съ Геннадіемъ противъ еретиковъ почти не до... ...какой цѣли; суровыя мѣры лишь раздували ересь, заставляя ...дѣйствовать осторожнѣе, тоньше проникать въ сознаніе, ме... ...но себя проявлять. Причина этого лежала отчасти въ томъ, ...роны православныхъ не было предпринято ничего убѣдитель-

наго для противниковъ. Не было научныхъ средствъ, имѣя которыя, можно было бы достигнуть хотя малаго успѣха. Въ этомъ убѣдились православные; убѣдились, что ихъ «восточные» пріемы противъ «западной» прелести не годны. Съ этой цѣлью, по порученію правительства и церковныхъ властей, Димитрій Герасимовъ и сдѣлалъ нѣсколько переводовъ произведеній съ нѣмецкаго и латинскаго яз., казавшихся годными для борьбы съ западниками-еретиками; таково, напр., сочиненіе о еретикахъ Николая Делира, средневѣковаго западнаго схоластика, подъ названіемъ: «Прекраснѣйшія стязанія, іудейское безвѣріе въ православной вѣрѣ похуляюще». Эта книга, хотя и была католическою, казалась какъ будто пригодной для полемики съ жидовствующими. Чтобы полемизировать съ еретиками, нужно было все-таки имѣть представленіе объ ихъ ученіи, о томъ, въ чемъ именно они отступили отъ истиннаго ученія церкви, между тѣмъ какъ старая Русь, наоборотъ, старалась, по возможности, совсѣмъ не говорить о чужой вѣрѣ, навязывая свою, стоящую для нея, разумѣется, выше всякой критики. Въ книгѣ Делира, хотя и въ средневѣковой, далеко не совершенной формѣ, все же были уже научныя основы полемики.

Второй переводный трудъ Димитрія Герасимова—это также полемическій трактатъ противъ іудеевъ: «Учителя Самуила Евреянина на богоотметные жидове обличительно пророческими рѣчьми». Византійская полемическая противъ евреевъ литература была чисто схоластическаго характера. Хотя она и была давно извѣстна на Руси въ переводахъ, но для даннаго времени уже не годилась: въ ней не было критическаго элемента, не было того, что можно назвать «ratio» [1]). Западное же раціоналистическое начало явно чувствовали въ нашей ереси и православные. Поэтому Димитрій Герасимовъ перевелъ (въ 1505 г.) сочиненіе іудея Самуила, одного изъ ученыхъ іудеевъ, жившаго, судя по предисловію книги, въ IV-омъ или V-омъ вв. и якобы принявшаго христіанство, убѣдившись въ его правотѣ, и потому энергично обличавшаго своихъ бывшихъ единовѣрцевъ (такъ гласитъ предисловіе трактата). Переводъ этого произведенія Димитріемъ Герасимовымъ былъ сдѣланъ съ латинско-нѣмецкаго оригинала [2]).

[1]) Памятники этой литературы въ славянскихъ переводахъ собраны въ [...] А. Н. Попова: „Обличительныя писанія противъ жидовъ и латинянъ" (Чте[...] Ист. и Др. Р. 1879 г. I), но далеко не всѣ.

[2]) Нѣчто аналогичное имѣло мѣсто и въ XV в. на Руси: какой-т[...] жидовинъ, принявшій крещеніе, м. б., сотрудникъ Геннадія по исправлені[...] жія по еврейскому оригиналу (см. выше), переводчикъ упомянутой выш[...] жидовствующихъ", пишетъ обличительное посланіе на вѣру своихъ со[...] ковъ (изд. въ Чт. Общ. Ист. и Др. 1902). Впрочемъ, искренность эт[...] сомнительна.

Тому же Дмитрію Герасимову принадлежитъ и еще одинъ переводъ, опять-таки съ латинскаго—«Псалтири толковой» западнаго католическаго епископа Бру́нона Вюрцбургскаго: старинныя толкованія Псалтири, книги уважаемой православными и еретиками, мало пригодны были для полемики этого времени: въ глазахъ еретиковъ, тронутыхъ западной наукой и ея методами, авторитетнѣе былъ Брунонъ, какъ представитель болѣе для нихъ близкаго по научной тенденціи метода, нежели византійскіе схоластическіе толкователи X—XI вѣка. Эту-то Псалтирь и вноситъ Дмитрій въ нашу литературу. Тому же Дмитрію Герасимову приписывается (и съ большой вѣроятностью) переводъ съ латинскаго учебника грамматики извѣстнаго средневѣковаго автора Доната: наши старыя руководства (и ихъ-то было немного, и приспособлены они были къ славянскому языку плохо, представляя переводъ съ греческаго), мало уже были пригодны для той «западной» манеры обращенія съ языкомъ и письменностью, на которой покоились діалектическіе пріемы жидовствующихъ: эту-то «западную» манеру и давалъ, отчасти приспособляя къ условіямъ нашей письменности, Дм. Герасимовъ. Работа Герасимова, хотя и показывала проникновеніе западныхъ элементовъ въ литературу подъ давленіемъ ереси, однако была мало въ общемъ удачна: вскорѣ мы видимъ новыя попытки (именно Максима Грека) помочь обществу въ дѣлѣ грамотности. Наконецъ, участіе Дм. Герасимова сказалось, какъ мы видѣли, и въ главномъ трудѣ Геннадія—созданіи полной Библіи: ему принадлежатъ переводы съ нѣмецкихъ тѣхъ предисловій, которыми по образцу западныхъ библій снабжалась каждая ветхозавѣтная книга и въ славянскомъ текстѣ Геннадія.

Такимъ образомъ, въ лицѣ Дмитрія Герасимова мы видимъ энергичнаго дѣятеля въ православной литературѣ, выдвинутаго движеніемъ жидовствующихъ: этотъ дѣятель оказался однимъ изъ первыхъ проводниковъ западнаго вліянія въ нашей литературѣ консервативнаго лагеря [1]).

Такимъ образомъ, въ старой московской литературѣ начинаетъ за-[…]чаться движеніе впередъ: противъ западнаго теченія выставляются […] западные же переводные памятники, хотя и плохо подобранные […]ругихъ отношеніяхъ. Это движеніе отразилось и на судьбѣ старыхъ […]

[1]) Чтобы полнѣе обрисовать личность и дѣятельность Д. Герасимова, напомнимъ, […]у по всей вѣроятности принадлежитъ переводъ и „Сказанія о мутьянскомъ […]ъ), воеводѣ Дракулѣ“, переведенной съ какого-то западнаго оригинала (о […]фирьева I, 506, и полнѣе у I. Bogdan'a, Vlad Ţepeš, 1896), ему же при[…] переводъ повѣсти „О бѣломъ клобукѣ“ (см. тамъ же); наконецъ, Дм. […] былъ однимъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ Максима Грека въ его

памятниковъ. Старая русская письменность изъ популярныхъ полемическихъ сочиненій противъ евреевъ знала «Толковую Палею на іудеевъ». Памятникъ этотъ былъ очень распространенъ на Руси. Составленіе его относится, какъ мы знаемъ, къ періоду XIII вѣка. Какъ показываетъ самое названіе, цѣлью составленія этого памятника была полемика противъ евреевъ. Однако, кромѣ элементовъ полемическаго характера, «Толковая Палея» заключала въ себѣ и богатый апокрифическій, легендарный элементъ (напр., Откровеніе Авраама, Завѣты 12 патріарховъ) и своеобразный научный элементъ (средневѣковый, описательный, каковъ, напримѣръ, въ ней «Шестодневъ»); въ общемъ, «Палея»—типичное средневѣковое византійское научно-богословское произведеніе. Вотъ объ этой-то «Палеѣ» и вспомнили православные въ эпоху ереси жидовствующихъ, вспомнивши ея основную противоеврейскую тенденцію; но на дѣлѣ оказалось, что памятникъ этотъ мало соотвѣтствовалъ своему значенію въ данный моментъ: онъ былъ выраженіемъ какъ разъ того склада мыслей, противъ котораго боролись раціоналисты, и не имѣлъ въ виду раціонализма, противъ котораго подъ видомъ «жидовства» на дѣлѣ боролись православные. Тѣмъ не менѣе ея антиіудейская тенденція вызвала въ XV в. составленіе новой редакціи. Въ этой второй редакціи антиіудейскій элементъ значительно внѣшнимъ, правда, образомъ, количественно расширенъ по сравненію съ первой редакціей: часть безразличныхъ толкованій выкинута, замѣнена и дополнена новыми. Такое расширеніе матеріала «Толковой Палеи» было явленіемъ характернымъ для того времени и для представителей стараго, преимущественно формальнаго склада [1]). Въ нее вошли, между прочимъ, и новыя апокрифическія сказанія о Соломонѣ, въ которыхъ мы находимъ опять-таки еврейскую (талмудическую) легенду въ основѣ: и здѣсь въ результатѣ борьбы сказалось вліяніе антагонистовъ.

Итакъ, съ конца XV вѣка на Руси были пріоткрыты двери старой литературы для западнаго вліянія, которое все больше и больше начинаетъ давать себя чувствовать съ XVI-го вѣка. На сторонѣ ста
раго византійскаго консервативнаго теченія были преимущества чис
внѣшняго характера, именно: во-первыхъ, большой объемъ литерату
накопленный вѣками; во-вторыхъ, представителями ея явились люди
вительственнаго класса,—лица, опиравшіяся на господствующіе кл
духовенство и бюрократію. Въ ихъ распоряженіи были богатыя
ріальныя средства, кромѣ того, на ихъ сторонѣ была и сила

[1]) Немного позднѣе (см. ниже) такого же рода приспособленіе къ по
даннаго момента, именно къ той же борьбѣ съ „жидовствующими", сдѣл
для другого стараго, также противоіудейскаго памятника—„Толковой пса

тельства. Несмотря на все это, борьба окончилась не въ пользу византизма, какъ (судя по этому) можно было ожидать: консервативная литература все менѣе и менѣе удовлетворяла потребностямъ двигавшейся впередъ жизни. Литература, какъ отраженіе жизни, ея задачъ, постепенно выходила на новый путь, на путь общенія съ просвѣщеннымъ Западомъ.

Литература жидовствующихъ. Что касается памятниковъ литературы этой консервативной, въ значительной мѣрѣ правительственной, официальной, то они сохранились до нашего времени въ большемъ количествѣ, нежели памятники прогрессивнаго направленія. Дѣятельность литературы официальной виднѣе, болѣе охраняется, чѣмъ дѣятельность литературы прогрессивной, не официальной; данныя послѣдней труднѣе поддаются учету; самое ихъ существованіе, какъ отвергаемыхъ, было труднѣе. Официальная литература получила поэтому первенствующее мѣсто въ исторіяхъ нашей литературы этого времени. Хотя ей и дѣйствительно принадлежитъ важное мѣсто въ нашей литературѣ, но все же никакъ нельзя сказать, что это мѣсто исключительное. Старые историки литературы: Порфирьевъ, Шевыревъ, Галаховъ—считали официальную литературу главной выразительницей идейнаго содержанія этой эпохи и отводили ей поэтому первое мѣсто. Отъ этого упрека не свободенъ и Пыпинъ; ему эпоха XV и до XVII вв. рисуется въ очень мрачныхъ, преимущественно отрицательныхъ тонахъ. Сопоставляя эпоху гуманизма на Западѣ и современное состояніе жизни и литературы у насъ, онъ, естественно, находитъ на Руси полнѣйшій застой, скудость мысли, особенно живой мысли; но литературные и историческіе факты у него освѣщены односторонне потому, что онъ имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, эту официальную литературу при сравненіи. Мы, наоборотъ, видѣли начавшееся оживленіе въ этой московской литературѣ XV нач. XVI в., увидимъ его и далѣе. Это оживленное литературное движеніе станетъ еще виднѣе, если мы познакомимся съ литературой другого лагеря—«жидовствующихъ», нашихъ раціоналистовъ. Какъ ли-
ратура не официальная, преслѣдуемая правительствомъ духовнымъ и
тскимъ, она принуждена была прятаться, была удѣломъ меньшинства
разумѣется, не такъ видна изслѣдователю, будучи не такъ замѣтна
своему объему. Но сами же представители официальной литературы
намъ средство не только ознакомиться съ этой литературой, но и
вать ее. Православные полемисты усердно обвиняли еретиковъ,
распространяли у насъ книги, содержащія колдовство, звѣ-
(астрологію), всякое волхвованіе и другія бѣсовскія преле-
мѣ того, ставилась имъ въ вину (прежде всего ересе-началь-
евреямъ) ихъ ученость, наука, именно «мірская», свѣтская на-

ука, которой они не были очень опасны и соблазнительны (ср. характеристику Схаріи въ I словѣ «Просвѣтителя»). Православные принимали свои мѣры противъ распространенія этой «зловредной» литературы: Зосима митр., по настоянію собора, издалъ въ 1490—92 гг. такъ наз. «Списокъ книгъ истинныхъ и ложныхъ»: онъ взялъ по обычаю одинъ изъ старыхъ, давно у насъ извѣстныхъ, текстовъ такого списка, но дополнилъ его тѣми писаніями, которыя считались популярными среди еретиковъ, приписывались ихъ дѣятельности [1]). Изъ этого-то индекса Зосимы (не разъ позднѣе дополнявшагося) мы узнаемъ рядъ писаній, проникшихъ къ намъ черезъ посредство жидовствующихъ. Дѣйствительно, мы нашли нѣкоторыя изъ нихъ и въ нашихъ старинныхъ рукописяхъ. Такъ, въ числѣ такихъ писаній Зосима отмѣтилъ (а за нимъ повторили съ дополненіями и другіе писатели и памятники XVI в., Максимъ Грекъ, Стоглавъ) слѣдующіе памятники литературы жидовствующей: 1) Мартолой (иначе: астрологъ, астрономія)—одна изъ популярныхъ средневѣковыхъ западныхъ книгъ, вошедшая впослѣдствіи въ составъ календарей; 2) Звѣздочетецъ 12 звѣздъ—также астрологическаго характера; 3) Шестокрылъ—книга, хорошо знакомая уже Геннадію, еврейская гадательная по фазамъ луны, сочиненіе Эммануила баръ-Іакова, испанскаго еврея XIV вѣка, названная такъ потому, что дѣлилась на шесть «крылъ», т.-е. главъ; 4) Альманахъ—западно-европейскій календарь со всякими астрологическими предсказаніями; 5) Аристотелевы врата—трактатъ объ управленіи царствомъ, изложенный въ видѣ посланія Аристотеля къ Александру Великому—арабское произведеніе X в., переведенное на еврейскій и запад-

---

[1]) „Списокъ книгъ истинныхъ и ложныхъ"—актъ церковно-юридическаго (каноническаго) характера: онъ еще съ древнихъ временъ христіанства служилъ выраженіемъ взгляда церкви на литературу: церковь, издавая его (въ католической церкви—index librorum prohibitorum—этотъ обычай сохранился до сихъ поръ: еще недав[...] былъ изданъ такой index, куда внесены были сочиненія Э. Золя, напр., „Lourde[...] перечисляла книги преимущественно еретическія и сектантскія, запрещая ихъ [...] пространеніе и чтеніе среди православныхъ, т.-е. объявляя ихъ „апокрифами"[...] эти запрещенія мало вліяли на судьбу книги: она либо пряталась, становилас[...] кровенной", либо, измѣняя заглавіе и внѣшнюю форму, ходила свободно, не п[...] ваемая за запретную. Такъ было и на Руси, куда этотъ обычай издавать и[...] перешелъ изъ Византіи еще въ XI—XII вв. (подробнѣе см. Н. С. Тихонравов[...] I, 138—155): Макарій митр. (XVI в.) внесъ не одну запрещенную книг[...] Четьи-Минеи, а патр. Никонъ въ XVII в. запрещенныя „жидовскія" „А[...] врата" подарилъ въ свой монастырь (Новый Іерусалимъ): оба они не су[...] запрещеннаго писанія, измѣнившаго свою внѣшность: Макарій не у[...] Еноха въ ея отрывкѣ, имъ найденномъ, Никонъ не призналъ апокрифа [...] заглавіемъ („главъ" вм. „вратъ").

ноевропейскіе языки [1]). Кромѣ того, мы знаемъ, что въ связи съ дѣятельностью жидовствующихъ или прямо пропагандистовъ-евреевъ XV—XVI вѣка стоятъ: 1) Лунникъ—«Отъ жидовскихъ книгъ»—гадательная книга; 2) Космографія (не Меркатора); 3) Логика—извѣстнаго ученаго XII—XIII вв. Моисея бенъ-Маймуна (Маймонида); 4) Луцидаріусъ—трактатъ о различныхъ вопросахъ, между прочимъ о мірозданіи (о немъ ниже); 5) быть-можетъ, Лопаточникъ (гаданіе по лопаткѣ барана) и др. [2]). Кромѣ того, мы знаемъ, что евреи и жидовствующіе имѣли свои переводы книгъ св. писанія, сдѣланные съ еврейскаго (кажется, не безъ помощи юго-славянскихъ текстовъ). Намъ извѣстны: книга Есфирь, прор. Даніила, Притчи Соломона, плачъ Іереміи. Всѣ эти памятники литературы жидовствующихъ объединяются по своему происхожденію и языку: 1) всѣ они сдѣланы либо съ западноевропейскихъ оригиналовъ (Мартолой, Звѣздочетецъ, Альманахъ, Космографія, Луцидарій), либо съ еврейскихъ (Шестокрылъ, Лунникъ, Логика, Аристотелевы врата, частью книги св. Писанія; сюда же надо отнести упомянутый выше молитвенникъ «Махазоръ», т. н. «псалмы» въ переводѣ Ѳеодора еврея), что видно изъ еврейскихъ словъ, оставшихся не переведенными; 2) всѣ они по языку перевода показываютъ не московскаго грамотника, владѣвшаго хорошо условнымъ тогдашнимъ славяно-русскимъ книжнымъ языкомъ, а человѣка, которому этотъ языкъ въ значительной степени чуждъ или даже совсѣмъ чужой (м. б. переводчиками были даже не русскіе, а евреи, усвоившіе разговорный русскій языкъ, и то лишь въ предѣлахъ ограниченныхъ); этотъ плохой русскій языкъ пестритъ западнорусизмами, малорусизмами, т.-е. указываетъ, что переводы либо шли изъ Литовской Руси, либо дѣлались выходцами оттуда. А это наблюденіе, совпадая съ извѣстіями, что первые еретики и евреи-пропагандисты пришли изъ Кіева, съ Литвы, подтверждаетъ западный характеръ и всего еретическаго движенія, согласуясь и съ ролью Новгорода, какъ передаточнаго пункта западнаго вліянія въ литературѣ Московской Руси. Всѣ эти переводы (кромѣ, конечно, писанія) отмѣчены одной чертой и въ содержаніи: они несли на...е или, по крайней мѣрѣ, наукообразное, во всякомъ случаѣ иное, ...ли московско-византійское міропониманіе: они будили мысль, при...ли своимъ раціонализмомъ, идя такимъ образомъ навстрѣчу на...шейся потребности мыслить людей, которыхъ уже не удовлетво-

[1]) ...истотелевы врата" изданы и обслѣдованы: „Изъ исторіи отреченныхъ ... (Спб. 1908), изд. О. Л. Д. П.

[2]) ... А. И. Соболевскій. Переводная литература Московской Руси (Спб. ...чень и указанія на оригиналы и изданія текстовъ, связанныхъ съ движе... XVI вѣковъ.

ряла «догма» и «авторитеты», проповѣдуемые консервативной московской книжностью: не даромъ первыми прозелитами ереси оказались какъ разъ «попы», т.-е., наиболѣе образованные люди того времени, и придворная среда въ Москвѣ.

V. Московская идеологія. Московское же византійское теченіе въ эпоху полемики съ жидовствующими дошло уже до крайняго пункта своего развитія: дальше итти по этому пути было некуда. Какъ только раціоналистическое теченіе стало обнаруживать свою силу, привлекать симпатіи, хотя бы своей новизной, старое направленіе тотчасъ зашевелилось, открыло борьбу противъ него, стало принимать свои мѣры къ тому, чтобы парализовать это теченіе. Представители стараго теченія для поддержанія его ищутъ опоры въ своей церковной литературѣ, въ политическихъ условіяхъ тогдашней Руси. Это вмѣстѣ съ условіями времени и создало движеніе въ этомъ лагерѣ, а вмѣстѣ съ движеніемъ передовой литературы составило основную черту литературной и общественной жизни всей второй половины Московскаго періода: рядомъ съ борьбой противъ ереси, XV и XVI вв. были рѣшительными вѣками и въ политической и соціальной русской жизни, а слѣдовательно, и литературной. Изучить эти новыя теченія, ихъ взаимоотношенія и выработку ими въ борьбѣ новаго міросозерцанія, новыхъ культурныхъ и литературныхъ типовъ и составляетъ задачу исторіи этого времени.

Москва ясно уже сознала свои политическія и государственныя задачи, видѣла и цѣнила свой ростъ, свое могущество, какъ государства. Все шло къ тому, что въ Москвѣ долженъ былъ водвориться абсолютизмъ. Къ этому времени, т.-е. къ первой половинѣ XVI в., кончаетъ свое существованіе Великій Новгородъ, какъ отдѣльная область, самобытная (1570). Борьба съ Литвой, Польшей и Ливоніей приходитъ к[...] опредѣленному разрѣшенію. Западныя и южныя области Руси остаютс[...] отдѣленными на время отъ Москвы. Москва однако, уже дѣйствуя инач[...] все же простираетъ на нихъ свои аппетиты и достигаетъ того, что [...] второй половинѣ XVII вѣка снова значительная часть ихъ возвращ[...] ся въ составъ русскихъ областей, объединяемыхъ теперь Москов[...] государствомъ. Отношенія Руси къ Востоку разрѣшаются окончат[...] Зависимость отъ татаръ не только падаетъ, но Москва изъ о[...] тельнаго положенія переходитъ въ наступательное. Объемъ Моск[...] государства въ XVI вѣкѣ быстро растетъ; въ этомъ вѣкѣ мы [...] ствуемъ при процессѣ поглощенія Москвой послѣднихъ б[...] инородческихъ областей. Московская государственная идея [...] полнаго развитія. Прежняя культурная и церковная зави[...] Византіи окончательно замираетъ: уже въ XV в. русская цер[...]

чески самостоятельна; оставалось только оформить московскую церковную независимость[1]). При водворившемся абсолютистическомъ строѣ устанавливается своеобразная идея Московскаго единодержавія,—идея, которая окончательно формулируется въ литературѣ XVI вѣка. Эта идея есть не только идея Московскаго государства, но въ то же время идея Русской земли. Такимъ образомъ, идеологіи старой Кіевской Руси и новой—Московской—сближаются, такъ какъ съ этого времени самодержавная власть является уже національной властью. Внѣшнимъ образомъ это выразилось въ томъ, что московскій государь принимаетъ титулъ царя. Очень характерно этотъ процессъ сложенія государства отразился и въ тогдашней литературѣ.

Съ одной стороны, идея государства формулировалась въ видѣ положенія, что Москва—«третій» Римъ, т.-е., что Москва имѣетъ преемственную государственную власть не только отъ Византіи (второго Рима), а черезъ нее и отъ стараго Рима, и даже болѣе того, отъ исконныхъ царей—древнихъ царей Востока. Русскій старый книжникъ не только говоритъ намъ, что былъ древній Римъ и новый—Византія, но онъ идетъ и дальше: онъ говоритъ, что ветхій Римъ палъ за нарушеніе истиннаго православія (дѣйствительно, въ средніе вѣка Римъ утрачиваетъ свое былое политическое значеніе, замѣняясь западными имперіями), и второй Римъ—Византія—палъ за то же самое, за то, что также измѣнилъ чистотѣ православія (здѣсь имѣется въ виду Флорентійская унія и 1453 г.—паденіе Константинополя). Возникалъ вопросъ, чѣмъ греки провинились предъ христіанствомъ? Отвѣтъ на это книжникъ давалъ слѣдующій: они нарушили чистоту православія тѣмъ, что въ XV вѣкѣ стали сближаться съ Западомъ, но не какъ народъ, а какъ государство, участвовали въ Флорентійской уніи, Базельскомъ и Флорентійскомъ соборѣ (а это участіе трактовалось, какъ измѣна православію). Это для ...нижника наглядныыъ образомъ подтверждается фактомъ паденія гре...ескаго государства. Греки, политически павшіе и матеріально обни...вшіе, не могли сохранить своего прежняго авторитета въ глазахъ ...ковской Руси. Они являлись теперь сюда, не какъ представители ...дствующей церкви и носители истинной власти, а какъ простые ...тели, ходатайствующіе «о милостынѣ» у богатаго московскаго, при... ...равославнаго государя. Процвѣтаніе же Москвы приводило книж... ...ь мысли, что, значитъ, Москва возлюблена Богомъ. За что же? ... ясенъ: конечно, за твердое сохраненіе истинной вѣры,—разсу... ...тарый русскій книжникъ.

...идея, сложившаяся въ мысляхъ тогдашнихъ русскихъ людей,

[1]) ... совершилось введеніемъ патріаршества въ 1586 году.

нашла себѣ отраженіе и въ литературѣ. На Москву стали смотрѣть, какъ на третій Римъ, прибавляя, «а четвертому не быть», т.-е. смотрѣли на Москву, какъ на вѣчный Римъ, какъ на вѣчный оплотъ православія и славы Христовой [1]).

Сложившаяся такъ въ умахъ русскихъ людей XVI вѣка идея о Москвѣ—третьемъ Римѣ получаетъ естественно особенно ясное выраженіе въ литературѣ правительственнаго характера,—литературѣ консервативной группы общества.

Хронографы, лѣтописи. И въ исторіи литературы прежняго періода намѣчается самосознаніе, мысль о единствѣ Руси, но лишь въ идеалѣ. Это сознаніе представлялось, между прочимъ, древнею лѣтописью. Лѣтопись эта, перейдя на сѣверо-востокъ, значительно начинаетъ отличаться по тону отъ лѣтописи Кіевской, отличаясь, какъ мы видѣли, отношеніемъ къ личности князя. Въ то время, какъ въ Кіевской лѣтописи господствовали демократическія начала, племенныя, въ лѣтописи Московской Руси ничего подобнаго уже не было: въ ней преобладаетъ идея русскаго государства. Выраженіе новой сложившейся идеи новаго государства не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ литературѣ XVI вѣка появляются и новые памятники, проводящіе эту новую идею. Въ XVI вѣкѣ нѣтъ лѣтописей даже въ духѣ Суздальской лѣтописи. Въ этотъ періодъ появляются, съ одной стороны, міровыя хроники или «Хронографы» и, съ другой—«Степенная книга» въ замѣнъ прежнихъ лѣтописей. Правда, матеріалъ здѣсь отчасти тотъ же, что и въ лѣтописяхъ, но планъ, по которому расположенъ этотъ матеріалъ—другой, иное и пониманіе событій; старый матеріалъ получаетъ иное значеніе при новомъ планѣ, служитъ новой идеѣ. Старымъ типомъ «хронографа» является, такъ называемый «Еллинскій и римскій лѣтописецъ». Теперь появляется «Русскій Хронографъ» первой редакціи. Старый «Ел-линскій Лѣтописецъ» составлялся изъ различныхъ греческихъ хроникъ, библейскихъ книгъ и т. д. и дополненъ различными свѣдѣніями лѣт... писнаго характера, взятыми изъ греческихъ же и югославянскихъ исто... никовъ. Это редакція не затрогиваетъ почти русской исторіи. Въ р... скомъ же «Хронографѣ» (окончательная редакція котораго относитс... 1512 г.) включается, какъ видный элементъ, и русская исторія: ей ... дено составителемъ сборника довольно большое мѣсто; міровая же ... рія изложена въ немъ сравнительно сжато, многіе изъ фактовъ ... сенныхъ въ «Еллинскій Лѣтописецъ» (служившій для «Хроно... источникомъ въ его «міровой» части), выпущены. Ясно, что ...

---

[1]) Исторіи этой московской идеологіи посвящена большая работа ... нина. Старецъ Филофей, Елеазарова монастыря, Кіевъ 1901 г.

шилось подъ вліяніемъ измѣненія взгляда на міровую исторію и на свою: исторія Руси должна получить теперь мѣсто въ міровой исторіи, какъ видная ея часть [1]). Знаменательно и то, что эта редакція «Хронографа» во всѣхъ ея разновидностяхъ завершается сказаніемъ, при томъ русскимъ сказаніемъ, о паденіи Царяграда. Съ этого времени исчезаетъ представленіе о Константинополѣ, какъ о міровой державѣ. Роль Константинополя принадлежитъ теперь Москвѣ. «Хронографъ» подробно разсказываетъ о паденіи Константинополя; въ разсказъ объ этомъ событіи вошли выписки изъ апокрифическаго «Откровенія» Даніила и аналогичныхъ византійскихъ его редакцій, которыя связывали паденіе, кончину міра, съ паденіемъ Византіи, Константинополя. Но міръ въ 1453 году не палъ, христіанство не исчезло: старая власть Цареграда, истинная вѣра оказались лишь перешедшими въ Москву: ей принадлежитъ отнынѣ міровая роль. Этимъ-то «Откровеніемъ» Даніила и воспользовался вдохновленный величіемъ Москвы составитель «Повѣсти о взятіи Константинополя». По пророчеству Даніила выходило, что Константинополь будетъ вновь освобожденъ отъ невѣрныхъ «русымъ родомъ» (ξανθὸν γένος) [2]); у нашего автора уже вышло: «русскимъ» родомъ, т.-е. получилось уже указаніе на роль Москвы въ будущемъ, какъ освободительницы христіанства отъ власти иновѣрцевъ.

И собственно лѣтописное дѣло въ Москвѣ XV вѣка принимаетъ новое направленіе и проявляется съ двухъ сторонъ: во-первыхъ, въ переработкѣ старыхъ лѣтописей, въ такъ наз. поздніе своды, и, во-вторыхъ, въ выработкѣ новаго типа исторіи («Степенная книга»). Дѣло въ области собственно лѣтописи ограничилось тѣмъ, что дѣлались новые лѣтописные своды: старый матеріалъ объединился, и возникали большіе своды, получившіе въ наукѣ наименованіе Полихроновъ (такъ они названы Шахматовымъ). Таковъ, напр., старый «Полихронъ Владимирскій», возникшій въ 60 гг. XV ст. и заканчивающійся 20-мъ годомъ слѣдующаго столѣтія; общая переработка производилась по опредѣленому плану: факты группировались около идеи единства Русскаго го- ...дарства. Событія южныя теперь находили еще меньше мѣста, чѣмъ ...жде.

...Степенная книга. Второй типъ исторіи, принадлежавшей по идеѣ ... времени возникновенія несомнѣнно XV вѣку, есть «Степенная кни- ... Послѣдняя пользовалась въ общемъ лѣтописнымъ матеріаломъ, жи-

---

...ставъ „Хронографа“ подробно анализированъ въ трудѣ А. Н. Попова. ...онографовъ русской редакціи (М. 1867), 1 вып.

...вѣсть эта издана арх. Леонидомъ: „Повѣсть о Царьградѣ“ (Общ. Люб. др. ...5 г. Спб.), по иной редакціи А. Н. Поповымъ: Изборникъ статей, вне... хронографы. М., 1869, стр. 83.

тіями, повѣстями (также бывшими источниками и лѣтописныхъ сводовъ), хотя по своей идеѣ выходила за предѣлы лѣтописи. Основную идею «Степенной книги» можно усматривать въ самомъ названіи: «Книга степенная царскихъ родовъ». Книга эта излагаетъ не исторію Руси, даже не Русскаго государства, какъ политическаго организма, а даетъ генеалогическую схему царскихъ родовъ, правящей династіи и исторію русской церкви, въ исторіи которыхъ и заключается, по взгляду «Степенной книги», сама русская исторія, какъ государства, такъ и народа. Планъ «Степенной книги» такой: помимо хронологической послѣдовательности въ основу взята генеалогія русскаго правящаго «царскаго» рода, который въ глазахъ составителя является потомкомъ святого князя Владимира и первой христіанки св. княгини Ольги. Отсюда становится яснымъ отношеніе составителя «Степенной книги» къ источникамъ, которыми онъ пользовался: лѣтописные старые источники считались имъ важными постольку, поскольку подтверждали главенствующую роль предковъ нынѣ царствующихъ князей и царей; но этого одного источника не достаточно, поэтому туда включался рядъ и новыхъ памятниковъ: легенды, отдѣльные разсказы, житія и отдѣльныя сказанія изъ другихъ памятниковъ, разъ они служили этой заглавной цѣли, говорили о святыхъ или угодившихъ Богу создателяхъ Московской державы. Исторію «Степенная книга» начинаетъ не съ раздѣленія земли между потомками Ноя, какъ дѣлаетъ лѣтописный сводъ: статьи о княгинѣ Ольгѣ и о князѣ Владимирѣ являются первыми крупными главами въ памятникѣ, и понятно почему: отъ этого «святаго корене» ведутъ свой родъ князья и цари Московскіе. Отъ Ольги и Владимира составитель сборника переходитъ довольно скоро къ Владимиру Мономаху, какъ къ крупному представителю и носителю той же «самодержавной», по взгляду составителя, власти на Руси; учитывая дѣятельность этихъ лицъ, составитель находитъ, что дѣятельность эта отличается прежде всего христіанско-государственнымъ характеромъ. Идея истиннаго христіанства и идея государства въ «Степенной книгѣ» нераз[...] рывно связаны. Крупнымъ поэтому матеріаломъ для составленія «Степе[...] ной книги» автору послужила и исторія русской церкви. Авторъ до[...] останавливается на ростѣ Русскаго государства, какъ христіанскаго [...] вославнаго; жизнеописанія митрополитовъ, епископовъ, житія свя[...] сплетаются въ «Степенной книгѣ» съ описаніемъ жизни князей. Въ [...] всего этого «Степенная книга» и должна была далеко отойти отъ [...] основного источника-лѣтописи: она—результатъ новаго идейнаго [...] какъ онъ формулировался постепенно въ XVI вѣку, результат[...] нія тѣсной связи самодержавія и православія, какъ основъ [...] скаго государства.

Составленіе «Степенной книги» не было дѣломъ частнымъ, а скорѣе было государственнымъ; правда, и лѣтопись имѣла еще въ Кіевское время характеръ отчасти государственный, общественный (такъ какъ при рѣшеніи разныхъ споровъ принимались въ расчетъ ссылки на лѣтописныя замѣтки), но лѣтопись была все-таки въ этихъ случаяхъ документомъ частно-правовымъ: ей вѣрили, а потому на нее ссылались; «Степенная книга, наоборотъ, была дѣломъ чисто офиціальнымъ. Вотъ почему и лица, принимавшія участіе въ составленіи ея, оказывались людьми, занимавшими высшія іерархическія ступени государства. Обыкновенно, по преданію, составителемъ ея считаютъ московскаго митрополита Кипріана, преемника митрополита Алексѣя. На первыхъ порахъ служенія (болгаринъ по образованію, кажется, сербъ по народности) Кипріанъ былъ противникомъ Московскаго государства. На митрополичью каѳедру онъ былъ поставленъ по протекціи литовскаго князя. Однако, Кипріанъ очень скоро перешелъ на сторону московскаго государя. Почему Кипріанъ принялся за составленіе «Степенной книги»? Объясненіе этому можно видѣть въ томъ, что идея «Степенной книги» близка была представителямъ высшей духовной власти—власти, всегда находившейся въ союзѣ съ правительственной. Правда, въ памятникѣ прямыхъ указаній на авторство Кипріана нѣтъ (а если есть, то только косвенныя). Правильнѣе полагать, что, если не самъ Кипріанъ участвовалъ въ составленіи «Степенной книги», то, во всякомъ случаѣ, она вышла изъ той школы, однимъ изъ старшихъ представителей которой былъ Кипріанъ. Эта школа, главнымъ образомъ, югославянская, результатъ вліянія литературы «второго» болгарскаго царства: не даромъ «Степенная книга» такъ близка по духу и стилю къ панегирическимъ житіямъ школы Пахомія Логофета, одного изъ видныхъ дѣятелей агіографіи русской XV вѣка, составившихъ эпоху въ нашей житійной литературѣ. Указываютъ также имя митрополита Досифея, какъ составителя, или редактора «Степенной книги», имя Дороѳея, одного изъ монаховъ Чудовскаго, правительственнаго монастыря: результатъ ...тъ же для характеристики «Степенной книги». Несомнѣнно, во вся...ъ случаѣ, что «Степенная книга» получила свое происхожденіе въ ...вѣкѣ, и несомнѣнно, что она находилась въ связи съ распространен... тогда государственными идеями[1]), завершилась вмѣстѣ съ окон...льнымъ установленіемъ и формулировкой идеи московскаго само...авія (при І. Грозномъ); дошедшіе до насъ ея тексты представля...ос...лѣдовательное развитіе памятника по тому же направленію.

...„Степенной книгѣ“ есть спеціальная монографія: П. Г. Васенко. Книга ...я (Спб. 1904 г.).

Повѣсти. Другими памятниками того времени, выразившими ту же идею Московскаго государства и московскаго православія, является рядъ повѣстей quasi-историческаго характера, каковы: «Повѣсть о бѣломъ клобукѣ», «о Вавилонскомъ царствѣ» и «о шапкѣ Мономаха» и др.

«Повѣсть о бѣломъ клобукѣ», явившаяся, можетъ быть, не безъ участія Дм. Герасимова, человѣка, принимавшаго, какъ мы знаемъ уже, дѣятельное участіе въ политическихъ и религіозныхъ дѣлахъ того времени и, несомнѣнно, одного изъ носителей государственной идеи,—повѣсть эта проникнута ясной тенденціей своего времени [1]): она желаетъ оправдать «исторически», путемъ доказательства преемственности, наслѣдственности, то положеніе, которое русская церковь къ этому времени заняла: уже съ XV в. зависимость ея отъ Византіи была болѣе номинальной (послѣ Фотія митрополиты избираются уже великимъ княземъ, который лишь извѣщаетъ патріарха объ избраніи, и посвящаются соборомъ русскихъ архіереевъ); теперь надо доказать, что власть русскаго архіепископа есть власть преемственная отъ древней церкви и полученіе ея чрезъ Византію есть только осуществленіе давно принадлежавшаго и безъ того русской церкви права. Дѣло въ «Повѣсти о бѣломъ клобукѣ и крещатыхъ ризахъ», которыя носятъ новгородскіе епископы (а это понимается какъ привилегія патріарха—право носить не черный, а бѣлый клобукъ, а на ризѣ нашивать кресты), авторъ Повѣсти объясняетъ такъ: Константинъ Великій (а его родственная связь съ нимъ московскихъ государей доказываютъ другія повѣсти, какова, напр., о Мономаховой шапкѣ) въ благодарность исцѣленіе отъ глазной болѣзни и за крещеніе «жалуетъ» бѣлый клобукъ и крещатыя ризы православному еще папѣ Сильвестру; это облаченіе, когда папы отпали отъ православія, чудеснымъ образомъ переносится въ Царьградъ, ставши, такимъ образомъ, достояніемъ православнаго патріарха. Патріархъ Филоѳей, извѣщенный чудеснымъ знаменіемъ о грядущемъ отпаденіи грековъ отъ православія (разумѣется, Флорентійская унія) и гибели Константинополя, спасая клобукъ, отсылаетъ его новгородскому владыкѣ Василію, и такимъ образомъ передаетъ ему въ наслѣдіе сво[...] власть, какъ русскому сохранившему православіе архіерею [2]). И д[...]ствительно, на соборѣ 1564 года въ Москвѣ это право признано б[...]

[1]) Ближайшій ея иноземный оригиналъ не извѣстенъ, хотя въ рукописяхъ [...] считается переведенной изъ „Римскихъ исторій“; можетъ быть, она и на самомъ [...] составлена на основаніи чужеземныхъ (въ томъ числѣ и латинскихъ) источни[...] можетъ быть, Димитріемъ Герасимовымъ, который и въ Римѣ бывалъ, и ла[...] языкъ зналъ.

[2]) Изданіе „Повѣсти о бѣломъ клобукѣ“ см. въ Пам. старин. рус. лит., [...]полева-Безбородка, I (Спб. 1860), стр. 287 и сл.

за новгородскимъ архіепископомъ: на столько эта идеологія получила кредитъ...

«Повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ» [3]) принадлежитъ по своему содержанію къ повѣстямъ, составившимся изъ соединенія въ переработкѣ бродячихъ международныхъ сюжетовъ. Ближайшій ея оригиналъ не извѣстенъ. Содержаніемъ ея является разсказъ объ основаніи въ Вавилонѣ Навуходоносоромъ царства, о запустѣніи этого Вавилона и о добываніи византійскимъ императоромъ изъ него царскихъ регагій [1]): въ старомъ Вавилонѣ моръ; заболѣвшихъ изгоняютъ въ сосѣдній лѣсъ, гдѣ изгнанники живутъ, получая пищу отъ горожанъ, оставлявшихъ ее на окраинѣ лѣса. Вавилоняне послѣ смерти царя Аксеркса, умершаго отъ той же чумы, вслѣдъ за тѣмъ прекратившейся, не зная, кого взять себѣ въ цари, идутъ въ лѣсъ и находятъ въ немъ младенца, надъ нимъ сову, рядомъ козу (очевидно, вскормившихъ его). Когда найденышъ (это былъ Навуходоносоръ) проходитъ сквозь городскія ворота, на воротахъ воскипѣлъ рогъ съ елеемъ, подвѣшенный гражданами для узнанія избранника въ цари. Навуходоносоръ поставленъ царемъ; онъ повелѣваетъ строить новый великолѣпный городъ—Вавилонъ, повелѣваетъ на всѣхъ предметахъ изображать змѣевъ, окружаетъ городъ стѣной въ видѣ огромнаго змѣя, свившагося кольцомъ, дѣлаетъ себѣ чудный мечъ-самосѣкъ, царствуетъ со славой надъ всей вселенной до самой своей смерти. Сынъ его и наслѣдникъ Василій оказывается уже послѣднимъ царемъ Вавилона; къ нему перешелъ по наслѣдству и мечъ-саморубъ, замурованный Навуходоносоромъ передъ смертью въ стѣну, при чемъ было указано, что мечъ долженъ былъ употребленъ въ дѣло только при крайней надобности, когда царству будетъ грозить погибель. Далѣе въ повѣсти описывается нападеніе враговъ, обступившихъ Вавилонъ со всѣхъ сторонъ. Нужно было извлечь заповѣдный мечъ. Послѣ ...яда колебаній онъ былъ вытащенъ и пущенъ въ дѣло, но, повидимому, ...еждевременно. Враги были дѣйствительно истреблены, но мечъ не ...реставалъ дѣйствовать, убилъ самого царя Василія, потомъ началъ ...ить его подданныхъ; сверхъ того, оживаютъ всѣ сдѣланныя всюду ...ходоносоромъ знаменія змѣевъ, доканчиваютъ запустѣніе, пожирая ...ъ; стѣна, бывшая въ видѣ великаго змѣя вокругъ города, пре...ась также въ живого страшнаго змѣя, заградившаго всякій до... кому бы то ни было въ Вавилонъ. Городъ окончательно запу-

---

...еціальное изслѣдованіе о ней: И. Н. Ждановъ. Русскій былевой эпосъ ..., стр. 1—151.

...текста ея изданы въ Пам. стар. рус. лит., I, стр. 391; другіе тексты, издан... ...изданные, см. въ изслѣдованіи И. Н. Жданова (см. предыд. прим.).

стѣлъ, обросъ кругомъ дремучимъ лѣсомъ. Въ Вавилонѣ осталась корона царская—«царя царей»—Навуходоносора, бармы (оплечье) и прочія царскія регаліи, а также мощи отроковъ Ананія, Азаріи и Мисаила. Много лѣтъ спустя, Византійскій царь Левъ, «въ крещеніи Василій», хочетъ во что бы то ни стало достать эти драгоцѣнности, чтобы получить право считать себя преемникомъ величайшаго царя Вавилонскаго, собираетъ войско, идетъ къ Вавилону, останавливается, не доходя до него. Далѣе идетъ самый разсказъ о царскихъ инсигніяхъ и ихъ добываніи. Отъ греческаго царя Алевуя (онъ же Левъ) отправляются три посла въ Вавилонъ, чтобы взять эти инсигніи. Совершивши рядъ труднѣйшихъ подвиговъ, они достигаютъ, наконецъ, цѣли своего путешествія—приходятъ къ Вавилону. Вавилонъ весь обросъ дремучимъ лѣсомъ, полнымъ змѣй, но онѣ всѣ спятъ по случаю Христова Воскресенія. Великаго змѣя находятъ они также спящимъ и, перелѣзши черезъ него, входятъ въ городъ. Тамъ въ «церкви соборной» они находятъ царскій вѣнецъ, бармы, другія регагіи и мощи св. отроковъ. Забравши все это, они отправляются домой. Но только что они успѣли выбраться изъ города, какъ просыпается великій змѣй, въ сосѣднемъ лѣсу также оживаютъ змѣи, готовыя поглотить смѣльчаковъ. Но послы всего этого ухитряются избѣгнуть: они благополучно возвратились къ царю Льву и вручили ему регаліи. Этимъ, собственно, и кончалась, повидимому, первоначальная повѣсть. Но въ XV в. разсказъ получаетъ своеобразное русское продолженіе: въ немъ среди добывавшихъ священные предметы появляются не только прежніе греки и грузины (обезы—абхазцы), но и «русинъ». Царь греческій посылаетъ въ подарокъ Владиміру Мономаху (такъ какъ онъ «отъ крови царской») эти символы царской власти. Все это должно было показать наглядно русскимъ людямъ того времени, что власть московскихъ царей унаслѣдована съ Востока: изъ Вавилона власть перешла въ Византію, а изъ Византіи на Русь.

Приблизительно въ то же время (вторая половина XV в., нач. XV[illegible] нарождаются въ литературѣ и другія сказанія съ той же тенденці[illegible] таковы: «О шапкѣ Мономаха» и «Повѣсть о князьяхъ Владимирски[illegible] повѣсти эти носятъ другой «не сказочный» характеръ и претенд[illegible] болѣе на историческій. Они хотятъ установить родство русскихъ к[illegible] не только, такъ сказать, символически, но и на международной, [illegible] исторической, почвѣ—генеалогически связать современнаго моско[illegible] самодержца съ исконными представителями царской власти, ина[illegible] казать, что не только іерархически, но и по наслѣдству цари-[illegible] московскіе—преемники во власти древнихъ настоящихъ царе[illegible]

Первая изъ этихъ повѣстей «Посланіе о Мономаховомъ вѣ[illegible] всей вѣроятности, представляющее литературную обработку [illegible]

уже легендъ, сдѣланную ученымъ Спиридономъ — Савой, бывшимъ митрополитомъ Кіевскимъ въ 70-хъ годахъ XV вѣка) разсказываетъ исторію той шапки Мономаха, которая въ XVI в. стала считаться въ числѣ регалій московскаго царя, чуть ли не со времени Ноя: перечисливши великихъ властителей, царей египетскихъ, Александра Македонскаго, Юлія Цезаря, повѣсть останавливается на Августѣ. Августъ въ Египтѣ коронуется инсигніями древнихъ царей и Александра Македонскаго; онъ же увѣнчалъ себя «вѣнцомъ Римскаго царства» и сталъ владыкой вселенной; братъ Августа Прусъ владѣетъ по его порученію на берегахъ Вислы; потомокъ прямой этого Пруса—Рюрикъ, приглашенный Гостомысломъ, воеводой Новгородскимъ, родоначальникъ русскихъ князей, предокъ Владимира Всеволодовича (Мономаха), а черезъ него князей Владимирско-Московскихъ, великихъ государей и самодержцевъ. Такимъ образомъ Московскій самодержецъ, по разсказу повѣсти,—преемникъ древнихъ царей, Александра и др., потомокъ кесаря Августа; власть его не только законная, но и наслѣдственная. Но повѣсть даетъ и другія не менѣе цѣнныя для человѣка XVI в. свѣдѣнія: она сообщаетъ исторію и Мономаховой шапки (на этотъ разъ по сюжету примыкая къ русской версіи сказанія о Вавилонѣ); шапка— достояніе Византійскаго царя, наслѣдника древнихъ царей Вавилона и вмѣстѣ Августа: Владимиръ Всеволодовичъ, подражая древнимъ князьямъ Олегу, Игорю, ходившимъ войной на Царьградъ и бравшимъ съ него богатую дань, предпринимаетъ походъ противъ греческаго царства, завоевываетъ Ѳракію. Византійскій царь Константинъ Мономахъ, чтобы умилостивить побѣдителя, посылаетъ дары Владимиру: въ числѣ ихъ—«вѣнецъ царскій, крабица сердоликова, изъ неяже Августъ кесарь веселяшеся, ожереліе, иже на плещу своею ношаше», т.-е., инсигніи царскія, византійскія. Съ этихъ поръ и Владимиръ сталъ зваться Мономахомъ и царемъ, а его преемники князья Володимирскіе (они же Московскіе) стали этими инсигніями вѣнчаться. Т. о. разсказана и исто-ія перехода власти отъ Византіи къ Москвѣ. Повѣсть уже извѣстна 1523 года, при отцѣ Грознаго.

Ту же приблизительно генеалогію даетъ и «Сказаніе о князьяхъ ...димирскихъ», и эта генеалогія получила офиціальное признаніе; ...ѣрили настолько, что Іоаннъ Грозный ссылается на это свое родо...е въ дипломатическихъ актахъ («мы родствомъ отъ Августа кесаря ...ся», пишетъ онъ шведскому королю), вырѣзываетъ его текстъ на ... царскомъ мѣстѣ (т. н. тронъ Грознаго въ Успенскомъ соборѣ); ...заніе входитъ въ историческія хроники (Степенную книгу), Хро... и т. д.

...имъ образомъ, власть Московскихъ князей въ идеологіи XV—

XVI в. является наслѣдственной, ни много, ни мало отъ самого кесаря Августа, а то и отъ «древнихъ царей» и, конечно, и Византіи. Легенда о Вавилонскомъ царствѣ, исторія шапки Мономаха и легендарная генеалогія сходятся въ XV—XVI в. въ одномъ типичномъ для этого времени воззрѣніи: оправданіи и обоснованіи уже прочно сложившагося московскаго абсолютизма.

Идеи эти не только были книжными, отвлеченными построеніями, литературными, имѣвшими извѣстную цѣнность для правительственнаго класса, но онѣ отчасти вошли и въ сознаніе массъ: отраженіе «Сказанія о Вавилонскомъ царствѣ» мы можемъ найти и въ устной словесности, распространенной въ низшихъ слояхъ общества; подъ его вліяніемъ созидается сказка о Федорѣ Бормѣ, совершающемъ тотъ же подвигъ, что и послы Льва-Василія; только Борма идетъ не отъ греческаго царя, а уже отъ русскаго государя Ивана Грознаго. По своимъ главнымъ чертамъ герой Борма оказывается тѣмъ же «русиномъ», о которомъ говоритъ русская версія «Сказанія», только конецъ сказки прямѣе и проще проводитъ основную тенденцію: придя съ царскими инсигніями въ Константинополь, онъ нашелъ тамъ междоусобія, паденіе православія; поэтому, не передавая ихъ греческому царю, онъ захватываетъ съ собой регаліи и несетъ ихъ въ Москву. Событіе это, сказка, слѣдовательно, относится, т. о., къ эпохѣ Грознаго.

Отзвуки той же идеологіи, того же взгляда на происхожденіе власти Московскаго царя находимъ и въ исторической пѣснѣ эпохи Грознаго, конечно, со своеобразнымъ пріуроченіемъ—къ Казани, а иногда, согласно сказкѣ и повѣсти,—къ Царьграду. Въ былинѣ о убіеніи сына Грозный заявляетъ:

Есть чѣмъ царю мнѣ похвастати:
Я повынесъ царенье изъ Царя-города,
Царскій костыль себѣ въ руки взялъ.

Въ другихъ пѣсняхъ царь хвастаетъ:

Казанское царство мимоходомъ взялъ,
Царя Симіона (казанскаго) подъ миръ склонилъ,
Снялъ я съ царя порфиру царскую,
Крестилъ я порфиру въ каменной Москвѣ,
Эту порфиру на себя наложилъ,
Послѣ этого сталъ Грозный царь.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что идея прославленія москов[illegible] государей получаетъ широкое распространеніе [1]).

---

[1]) Подробнѣе обо всѣхъ указанныхъ повѣстяхъ см. у И. Н. Жданова [illegible] былевой эпосъ (Спб. 1895), I.

Откуда же взялась самая эта идея Московскаго царства, и какъ она вылилась въ ту форму, въ какой мы видимъ ее въ XVI вѣкѣ? Возникла она, конечно, главнымъ образомъ, въ связи съ внѣшними условіями политическаго роста Москвы, ея государственности, изъ сложившагося къ XVI вѣку абсолютизма: онъ уже данъ въ жизни Московскаго государства и требовалъ лишь формулировки, чтобы стать политическимъ догматомъ. Что же касается литературной формулировки этой идеи, то и она имѣла здѣсь мѣсто въ основахъ литературныхъ теченій. Идеи объ исключительной роли Москвы и ея самодержцевъ въ обществѣ формировались въ значительной степени подъ вліяніемъ старыхъ литературныхъ теченій, объединяемыхъ консервативнымъ византійско-московскимъ направленіемъ: въ этой литературѣ уже дано было понятіе о роли Царя-града, какъ хранителя чистой вѣры (эту идею, конечно, давно постарались уже привить намъ сами наши просвѣтители-греки, не предвидя, разумѣется, ея толкованія въ будущемъ), византійскіе императоры считали себя носителями власти древнихъ царей, владыками «вѣчнаго», хотя уже и «второго» Рима—Царя-града—все это давно было уже въ литературѣ, ходячей и на Руси. Событія XV вѣка (паденіе Константинополя, Флорентійская унія, съ одной стороны, возвышеніе Москвы въ качествѣ политическаго центра, ея освобожденіе отъ зависимости отъ Константинополя въ церковномъ отношеніи, паденіе татарскаго ига, завоеваніе Новгорода—съ другой) сами толкали на тотъ порядокъ идей, какой мы видимъ въ Москвѣ въ XV—XVI вѣкѣ. Въ то же время можно предполагать, что самая формулировка этой идеи слагалась не безъ вліянія юго-славянства, которое несло матеріалъ для этой формулировки и самый методъ обработки его въ опредѣленную литературную форму.

VI. Второе югославянское вліяніе. Въ XV вѣкѣ мы встрѣчаемся
почвѣ московской литературы съ такими новыми явленіями въ области
тературы и языка, которыя не могутъ быть выведены путемъ эволю-
ни изъ западнаго раціонализма, ни объяснены, какъ результатъ само-
тельнаго развитія; а явленія эти, характерныя и новыя для насъ,
содержанію и по формѣ явно выдаютъ, между тѣмъ, свое юго-сла-
е происхожденіе. Стараго юго-славянскаго вліянія, имѣвшаго
въ кіевское время, въ явленіяхъ этихъ видѣть также нельзя,
что и самый источникъ вліянія, старое юго-славянство, когда-то
намъ многое, переживало уже съ конца XIV вѣка, въ XV и
эпоху упадка. Но въ XIV вѣкѣ этому упадку предшествовала
о-славянскаго возрожденія, время второго Болгарскаго цар-
олитической жизни, эпоха «Евфимьевская»—въ литературѣ.
получила такое названіе отъ одного изъ крупнѣйшихъ дѣя-

телей ея—патріарха болгарскаго Евфимія. Литература этой-то Евфиміевской эпохи и дошла до насъ къ XV в., а въ концѣ его и дала, повидимому, средства консервативной литературѣ Московской Руси воспринять и отлить въ своеобразную литературную форму накопившійся матеріалъ политическаго и отчасти національнаго самосознанія (выраженіемъ котораго, конечно, и была указанная выше идеологія). Въ виду важности этого *второго* юго-славянскаго вліянія для пониманія не только политической, но и вообще общественной, идейной стороны московской литературы XV и XVI вв., этой Евфиміевской эпохѣ должно быть удѣлено мѣсто и въ нашемъ обзорѣ.

Со второй половины XIII-го, главнымъ образомъ, въ началѣ XIV-го вѣка начинается, послѣ паденія въ XI в. Симеонова царства, новое политическое возрожденіе Болгаріи подъ главенствомъ новой туземной династіи Шишмановичей. Это возрожденіе начинается борьбой съ Византіей, въ этотъ промежутокъ времени (XI—XIV вв.) успѣвшей не только культурно, но и политически подчинить себѣ Болгарію. Къ XIV вѣку на Балканскомъ полуостровѣ на нѣкоторое время вершительницей судебъ, на смѣну сербскихъ Нѣманичей (XI—XII вв.), явилась освободившаяся теперь и ставшая крупной силой Болгарія, границы которой теперь доходятъ уже до Солуня и даже почти до Константинополя [1]. Вмѣстѣ съ политическимъ возрожденіемъ Болгаріи началось въ ней и возрожденіе литературное. На почвѣ Болгаріи появляется значительное литературное оживленіе, воскресившее отчасти и бывшія еще въ эпоху перваго болгарскаго царства литературныя преданія, но отразившее и результаты болѣе поздняго византійскаго вліянія XII—XIV вв., испытаннаго Болгаріей за время ея подчиненія Византіи. Во главѣ литературнаго движенія стоитъ патріархъ Евфимій, типичный представитель современной византійской образованности XIII—XIV вв. на славянской почвѣ. Онъ пробуетъ примѣнить результаты византійско школы своего времени къ славяно-болгарской литературѣ, въ то время переработать на новый ладъ староболгарскій литературный теріалъ. При немъ оживаютъ и народные элементы старой литерат хотя и не отражающіе стремленій Евфимія. Мы снова встрѣч съ богумильствомъ, хотя не совсѣмъ тѣмъ, которое было раньше.

---

[1]) Политическую, отчасти литературную исторію этого времени Бол А. Н. Пыпинъ. Исторія славянскихъ литературъ (Спб., 1881), I; Ѳ. И. скій. Образованіе второго болгарскаго царства (Одесса, 1879), и особе Радченко. Религіозное и литературное движеніе въ Болгаріи въ эп турецкимъ завоеваніемъ (Кіевъ, 1898 г.); важны также труды П. А. С исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV в. (т. I, вып. 1, Спб., 189 2, Спб., 1890).

вы современнаго Евфимію богумильскаго теченія переработались уже подъ сильнымъ вліяніемъ византійскихъ мистическихъ, философскихъ теченій. Въ Болгаріи является при Евфиміи же попытка возстановить старо-славянскую церковную литературу, какъ выраженіе воскрешенія національной традиціи. Но возстановляемыя Кирилловскія традиціи носятъ въ Евфимовскую эпоху характеръ, такъ сказать, уже археологическій. Это, съ одной стороны, усиленная дѣятельность по исправленію, на основахъ современныхъ Евфимію литературныхъ взглядовъ, богослужебной литературы, начиная со св. писанія, усиленное пересаживаніе въ видѣ переводовъ богословскихъ сочиненій современной Византіи съ ея своеобразнымъ религіозно-политическимъ и раціоналистическимъ направленіемъ—съ другой стороны. Эти теченія, спустя 60 лѣтъ, начинаютъ сказываться и въ русской литературѣ.

Причины такого сравнительно поздняго отзвука этого теченія въ Россіи лежали въ условіяхъ и характерѣ сношеній русскаго сѣверо-востока съ Болгаріей. Сношенія эти были медленны и неоживленны въ силу извѣстныхъ ужъ намъ географическихъ условій, а также разницы культуръ сѣверо-восточной русской и юго-славянской, долгое время развивавшихся уже независимо одна отъ другой. Какъ бы то ни было отзвуки этого болгарскаго теченія сказываются у насъ въ XV и XVI вѣкахъ. Теченіе это подготовлялось и поддерживалось еще въ XIV в. главнымъ образомъ путемъ довольно многочисленныхъ выходцевъ съ юго-славянства, работавшихъ или подолгу жившихъ въ Россіи, а также путешествіями русскихъ людей, которые въ свою очередь подолгу заживались среди юго-славянъ въ центрахъ образованности, каковыми были Аѳонъ и Константинополь, и возвращаясь, приносили съ собой и новые юго-славянскіе переводы и исправленные по новому старые, приносили новые литературные навыки, формы. Нѣкоторыхъ изъ этихъ русскихъ людей, усвоивавшихъ новую юго-славянскую школу, мы знаемъ по имени; таковъ былъ, напр., Аѳанасій Высоцкій, ученикъ преп. [illegible]гія, игуменъ Серпуховскаго монастыря (80-е годы, XIV ст.), были и [illegible]іе. Знаемъ мы достаточно и юго-славянъ, оставившихъ слѣдъ въ [illegible]ой письменности и литературѣ этого времени: начиная съ митро[illegible] Кипріана († 1406), получившаго образованіе въ Болгаріи, и [illegible]ія Цамвлака [1]), также типичнаго представителя образованности [illegible]охи, плодовитаго ритора, къ намъ приходитъ много южанъ, ко-

[illegible] Григоріи Цамвлакѣ спеціальная работа: А. И. Яцимирскій, Григорій [illegible] Очеркъ его жизни, административной и книжной дѣятельности (Спб., [illegible] Ц., отдѣльный митрополитъ южной Руси, особенно не былъ популяренъ [illegible]востокѣ, но все же его сочиненія были извѣстны и на сѣверо-востокѣ, [illegible]бразомъ благодаря южно-славянскимъ выходцамъ.

торые принимаютъ видное участіе въ нашей литературѣ, каковъ, напр., сербъ Пахомій Логоѳетъ, отъ котораго ведетъ свое начало у насъ цѣлая школа списателей житій на византійско-болгарскій риторическій манеръ. Эти-то лица могли помочь намъ обработать нашъ матеріалъ въ ту типичную горделивую форму, въ которую (конечно, идейно) отлились наши патріотическо-политическія воззрѣнія, о которыхъ была рѣчь выше: эту же въ основѣ (но не по выраженію) идеологію мы знаемъ изъ Византіи и Болгаріи XIII—XIV вѣковъ. Съ ея отзвуками мы встрѣчаемся и посзднѣе. И въ остальной нашей письменности конца XV и XVI вв. мы постоянно должны считаться хотя съ затемненными, но все же еще угадываемыми откликами того же порядка мыслей.

Въ связи съ юго-славянскими идейными политическими теченіями, кромѣ указанныхъ выше повѣстей «генеалогическаго» характера, надо разсматривать, повидимому, и нашъ Хронографъ русскаго состава (окончательно первая его редакція сложилась въ 1512 г.), излагающій по византійской схемѣ міровую исторію: онъ вмѣщаетъ въ себѣ и данныя по юго-славянству на основаніи юго-славянскихъ источниковъ и заканчивается знаменательнымъ для юго-славянъ разсказомъ о паденіи Царьграда (1453). Есть даже возможность связать этотъ хронографъ (въ его первичной, еще не дѣленной на главы редакціи) съ именемъ опредѣленнаго лица, именно, упомянутаго Пахомія Серба [1]). Въ той же связи съ югомъ славянства стоитъ у насъ появленіе списковъ Кормчей съ толкованіями Аристина, Вальсамона и Зонары, знаменитыхъ византійскихъ канонистовъ XII вѣка, переведенными вскорѣ на югѣ у славянъ, а также «Сантагмы» церковнаго права Матфея Властаря, аѳонскаго канониста XIV в., въ томъ же вѣкѣ переведенной на сербскій языкъ и ставшей быстро и у насъ популярной. Въ это же время на Руси появляются вновь въ массѣ рукописи несомнѣнно, юго-славянскаго происхожденія [2]). Въ самыхъ русских текстахъ этого времени мы замѣчаемъ зарожденіе особой школы пр вописанія—школы, представляющей какъ бы возвращеніе (конеч лишь съ внѣшней стороны) къ старой традиціи церковно-славянс письма. Представители письменности XVI в., какъ истые люди съ

[1]) См. А. А. Шахматова. Къ вопросу о происхожденіи Хронограф 1899).

[2]) Подробнѣе см. Соболевскій А. И. Переводная литература Мо Руси (Сборн. отд. р. д. и сл. И. А. Н. т. 74 и отд. Спб., 1903) стр. 1— димому, роль центра для писателей юго-славянъ или ихъ русскихъ сто игралъ близкій къ Москвѣ Троице-Сергіевъ монастырь, который и до сихъ хранилъ въ своей библіотекѣ рядъ текстовъ, писанныхъ либо юго-славя на юго-славянскій манеръ.

обладаніемъ формальнаго мышленія, всецѣло обращаютъ часто вниманіе только на внѣшность: черты русскаго правописанія начинаютъ принимать окраску средне-болгарскую; въ области графики, напримѣръ, снова появляется уже отжившій свой вѣкъ въ русской письменности юсъ (ж), для употребленія котораго теперь созидаются особыя правила чисто-графическаго характера; въ русскихъ рукописяхъ стали писаться подрядъ двѣ не іотированныхъ (въ противоположность основному закону русской фонетики) гласныхъ; какое-нибудь слово: «добрая», «добрыя» стало писаться такъ же, какъ и въ средне-болгарской рукописи, съ твердой второй гласной: «добраа», «добрыа» и т. д. Всѣ эти черты встрѣчаются уже въ концѣ XV-го и въ началѣ XVI-го вв.: на это время, главнымъ образомъ, падаютъ русскія рукописи подражательнаго юго-славянскаго характера [1]). Это внѣшнимъ образомъ отмѣчаетъ наличность отзвуковъ Евфимовской школы.

Юго-славянское вліяніе нашло отраженіе и въ идейномъ складѣ нашей литературы. Въ этомъ случаѣ юго-славяне оказались еще разъ посредниками между нами и Византіей, сами впитавши (и довольно усердно) элементы культурнаго движенія Византіи XI—XIII вв., они переносили ихъ, конечно, уже въ измѣненномъ и сильно сокращенномъ, подчасъ искаженномъ видѣ и къ намъ. Ознакомленіе, хотя бы и въ самыхъ общихъ чертахъ, съ этимъ культурнымъ движеніемъ Византіи проливаетъ свѣтъ и на нѣкоторыя явленія русской жизни XV—XVI вв.

Въ концѣ XII-го вѣка въ самой Византіи начинается временное оживленіе въ литературной дѣятельности. Происходитъ нѣчто въ родѣ возрожденія. Ученые богословы вновь обращаются къ классической древности и обнаруживаютъ стремленіе къ освѣженію душной атмосферы схоластическихъ, проникнутыхъ церковностью пріемовъ, къ расширенію кругозора, матеріала для своего богословствованія. Однимъ изъ редствъ для достиженія этой цѣли они считали обращеніе къ антич- ой литературѣ, болѣе глубокое и широко-философское ея истолкова- въ примѣненіи къ христіанскому міровоззрѣнію. Этотъ интересъ

) Такіе пріемы графики, взятые изъ юго-славянской (болгарской) рукописи, ю, будутъ крайне искусственны, условны въ примѣненіи къ русской фонети- орфологіи, не будутъ вытекать изъ живой русской рѣчи; поэтому, чтобы пи- акъ, какъ слѣдуетъ, этой искусственной манерой, надо знать рядъ правилъ; авила и излагались въ спеціальныхъ руководствахъ, идущихъ также съ юга тва и приспособленныхъ къ русской рукописи, въ такъ называемыхъ „Про- ихъ“, „Буквицахъ“ и т. п. Эти „правописательныя“ руководства въ большомъ ѣ изданы И. В. Ягичемъ въ его „Разсужденіяхъ южно-славянской и старины о церковно-славянскомъ языкѣ“ (Изслѣдованія по русскому языку И., I, Спб., 1895).

переходитъ въ увлеченіе, доходитъ до полнаго иногда отрицанія различія между античной мыслью и христіанской; видя въ первой изъ нихъ лишь затемненное божественное откровеніе, сопоставляютъ, напр., такимъ образомъ оракулъ и пророчество, вѣру въ магію и чудеса, даръ прозрѣнія и гаданія и т. д.

Другимъ средствомъ этого освѣженія скудѣющей мысли былъ пересмотръ, но критическій на этотъ разъ, принятыхъ формъ самого византійскаго христіанства, стремленіе устранить формальное отношеніе къ вѣрѣ, заглянувши въ ея сущность, возстановивши эту сущность и согласивши съ нею самую внѣшнюю форму религіозныхъ отправленій, хотя бы цѣной отрицанія привычной оболочки религіозной мысли и ея проявленія. Это—своего рода раціоналистическое направленіе, которое немного спустя мы видимъ и на западѣ Европы и еще позднѣе у насъ. Очевидно, вездѣ средневѣковый укладъ жизни и міропониманіе стараго времени отживаетъ свой вѣкъ: вездѣ попытки выйти изъ заколдованнаго круга схоластики. Поэтому-то, не имѣя прямыхъ данныхъ доказать преемственную связь между западомъ и востокомъ въ этомъ отношеніи, мы должны, по крайней мѣрѣ, констатировать фактъ: одинаковыя причины привели къ одинаковымъ послѣдствіямъ, а также при несомнѣнной общности формъ средневѣковой мысли и настроенія средневѣковья, сходное по формѣ проявленіе новаго настроенія на востокѣ и на западѣ. На Руси мы имѣемъ нѣсколько иную картину: и свои тѣ же причины, но также вліяніе запада и юго-славянства съ Византіей обусловливали картину идейнаго и литературнаго оживленія въ концѣ XV и нач. XVI вв. Общія условія, условія вліянія запада мы видѣли; остается обратиться къ Византіи и юго-славянству, чтобы выяснить въ основномъ картину идейнаго движенія въ нашей литературѣ XV и XVI вв., по крайней мѣрѣ, въ извѣстной ея части.

Представители византійскаго возрожденія желали использовать античныя богатства духа и формы, приспособить античную литературу къ христіанской [1]. Правда, связи между ними найдено было мало, е… искали, съ одной стороны, въ христіанской философіи, съ другой ст… роны, въ христіанскомъ мистицизмѣ; въ реальной же обстановкѣ … связь рисуется, съ одной стороны, въ чудесныхъ элементахъ антич… міра, съ другой—въ современныхъ суевѣріяхъ и чудесахъ хрис… ства. Появляются писатели, которые желаютъ осмыслить на этой п… античное міросозерцаніе, какъ они сами его понимали. Они гово… напримѣръ, что всѣ древнія волхвованія и оракулы вполнѣ возмо…

[1]) Интересъ къ античной (конечно, греческой) культурѣ и литератур… видѣ борьбы съ нею, то въ видѣ увлеченія ею, никогда не замираетъ въ … теперь онъ только вновь оживился.

заслуживаютъ признанія съ точки зрѣнія современности, если только, «правильно» ихъ понять; а «правильности» пониманія мы достигнемъ, думали ученые византійцы, если эти волхвованія и оракулы поймемъ какъ затемненное, все же, божественное откровеніе, даваемое Богомъ, непрестанно пекущемся о мірѣ и т. д.; рядомъ съ этимъ идетъ опять увлеченіе Платономъ, котораго считаютъ чуть не выше всѣхъ отцовъ церкви; а рядомъ—вѣра въ миѳы, какъ откровеніе, но только своеобразное, являвшееся въ особой формѣ примѣнительно къ міросозерцанію античнаго грека. Подобное увлеченіе не замедлило принести свои результаты. «Возрожденіе» еще болѣе увеличило ту душевную атмосферу, въ которой жила византійская мысль, запутывая ее въ средневѣковыя тенета мистики и формализма. Византійскіе ученые снова принимаются за свою схоластику, подкрашенную теперь лишь новымъ матеріаломъ, взятымъ изъ древности (каковъ, напримѣръ, Григора), ищущую въ немъ подъ формальной оболочкой слова сокровеннаго, таинственнаго смысла.

Описываемое византійское мистическое теченіе получаетъ отраженіе и въ Болгаріи, отлагаясь на почвѣ старыхъ богумильскихъ вѣрованій. «Чернокнижная» литература и здѣсь получаетъ новое развитіе. Богумильство, утрачивая свой національный характеръ, становится сухой доктриной и дѣлается своего рода кабаллистикой.

Развитіе византійской литературы получаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ новое направленіе, главнымъ образомъ, формальное. Въ новой редакціи той же византійской схоластики, направленной теперь на разработку языка, формы, наступаетъ періодъ риторики—риторики антично-христіанской. Рѣчь становится до невозможности вычурна, расплывчата, полной словесныхъ ухищреній, содержаніе отступаетъ еще дальше, чѣмъ въ IX—XI в., на второй планъ, замѣняясь утрированно развитой символикой, огоней за краской, образностью рѣчи.

Изъ Византіи этотъ взглядъ на литературную форму перешелъ къ о-славянству, на почву болгарской литературы. Ученые Болгаріи, ченные этимъ антикварнымъ стремленіемъ, поклоненіемъ передъ ой, вспоминаютъ дѣятельность Кирилла и Меѳодія, хотятъ веря къ старой литературѣ, ея формамъ, ея языку, видя въ ней наьную старину, какъ греки эту свою старину видятъ въ антич- мірѣ. Но какъ тѣ, такъ и другіе эту старину понимаютъ лишь имъ образомъ, формально. Отсюда—то вниманіе, высокая оцѣн- вальности» въ переводахъ сравнительно съ подлинникомъ, ко- чужды были кирилло-меѳодіевской литературѣ, отлично пони- соотношеніе между мыслью и ея словеснымъ выраженіемъ, авшей всю жизнь національной живой рѣчи, духъ языка. Для

болгарина XIV в. языкъ старославянскій IX—X в. былъ уже не живымъ языкомъ; кромѣ того, въ основѣ литературнаго языка Евфиміевской эпохи лежалъ діалектъ не югозападный (какъ въ старославянскомъ), а восточный, стоявшій уже на другой стадіи развитія (т. н. «среднеболгарской»); это еще болѣе увеличивало трудность возстановленія и самого пониманія правильнаго языка Кирилла и вело еще къ большимъ условностямъ и искаженіямъ. Это формальное стремленіе болгарскихъ ученыхъ XIV вѣка выразилось въ новыхъ буквальныхъ переводахъ и исправленіяхъ старыхъ, ведущихъ къ той же буквальности въ передачѣ греческаго оборота на славянскій, и въ изысканности стиля современныхъ литературныхъ произведеній, воспроизводившихъ старательно утрированную форму и стиль своихъ греческихъ образцовъ. Первенствующая роль въ этомъ движеніи, какъ мы уже не разъ говорили, принадлежала патріарху Евфимію, ставшему главой національной автокефальной болгарской церкви; при его участіи появляются, такъ называемые, «тырновскіе» [1]) изводы священнаго писанія, исправленныя по «тырновски» богослужебныя книги, новые переводы старыхъ произведеній, новыя редакціи старыхъ переводовъ, начиная со св. писанія. Появляются въ это время, напр., «Хроника» Георгія Амартола, переведенная теперь вновь взамѣнъ стараго перевода X в.; появляется болгарскій переводъ «Пчелъ»; древніе церковные уставы и церковныя книги пересматриваются или переводятся вновь. Въ сущности, все движеніе сказалось, если можно такъ выразиться, въ перечисткѣ старыхъ формъ литературы. Отличіе новыхъ переводовъ отъ старыхъ заключается въ томъ, что старые переводы были болѣе близки къ языку живому, къ его духу, чѣмъ переводы новые. Ученые Евфиміевской эпохи, несмотря на то, что церковный языкъ далеко отошелъ отъ живого языка, желаютъ возстановить старую традицію и въ языкѣ. Въ связи съ этимъ, видимъ развитіе ученій грамматическихъ, стилистики; все это должно было осмыслить старую, но уже плохо понимаему традицію, научить примѣнять ее въ новое время. Здѣсь- то и сказал византійское вліяніе: перенесенная на Русь эта сторона болгаро-ви тійскаго движенія, естественно, шла навстрѣчу и безъ того въ т сторону формальности развивавшемуся въ Москвѣ византійскому му вліянію (см. выше). Въ этомъ случаѣ юго-славяне поддерж нашихъ консерваторовъ и буквалистовъ въ литературѣ. Такъ, ес риллъ и Меѳодій при переводѣ священнаго писанія стремились ной передачи мысли, то теперь эту точность понимаютъ въ смыс

---

[1]) Они такъ называются по городу Тырново, столицѣ царства и резид гарскаго патріарха.

вальности, дословной точности передачи словъ подлинника. Руководители переводовъ боятся измѣнить греческую конструкцію рѣчи, сложное греческое слово стремятся передать сложнымъ же славянскимъ; если же его не было—его сочиняютъ; если они не знаютъ, какъ передать какое-нибудь греческое слово равносильнымъ ему по формѣ славянскимъ, то они оставляютъ грецизмъ, не рискуя передать его славянскимъ словомъ, не соотвѣтствующимъ по формѣ оригиналу. Въ старой болгарской (старо-славянской) письменности грецизмы тоже имѣли мѣсто, но они были тамъ естественны, такъ какъ въ IX—X в. не хватало еще славянскихъ словъ для обозначенія новыхъ тогда понятій, отсутствующихъ еще въ самой жизни народа; теперь же грецизмы существуютъ не по необходимости идейной, не ради того, что греческое слово ничѣмъ перевести нельзя, а потому, что боятся, какъ бы не исказить букву писанія, передавши словомъ въ формѣ иной, нежели въ греческомъ подлинникѣ.

Представителями такого «буквалистическаго» и въ то же время схоластико-риторическаго направленія являются у юго-славянъ, не говоря уже о самомъ пат. Евфиміи [1]), многіе писатели, какъ болгарскіе, такъ и сербскіе, быстро усвоившіе этотъ стиль и эти пріемы творчества, каковы, напр., ближайшіе ученики Евфимія: Іосафъ Бдинскій (виддинскій), Ѳеодосій, авторъ ряда житій, затѣмъ Константинъ Костенчскій, Владиславъ Грамматикъ (оба уже позднѣе—въ Сербіи) и другіе по именамъ не извѣстные. Это направленіе вскорѣ получаетъ отзвуки и у насъ: и здѣсь видимъ и непосредственныхъ учениковъ школы Евфимія и позднѣе послѣдователей ея. Такъ, упомянутый выше митр. Кипріанъ, родомъ сербъ, но воспитанникъ Евфимія, еще въ концѣ XIV в. является авторомъ типичнаго уже въ этомъ отношеніи житія митр. Петра: его не удовлетворяло уже кратко и просто написанное житіе митр. Петра приписываемое Прохору, еписк. ростовскому), явившееся вскорѣ послѣ нчины Петра († 1326), и онъ передѣлываетъ его въ высокомъ стилѣ, спространяя, но не фактическими данными, а чисто стилистически, сказывая со всевозможными украшеніями, многословіемъ то, что у хора заняло нѣсколько строкъ, вставляя стереотипныя формулы, щія лишь кажущійся характеръ фактичности: въ началѣ—витіеваступленіе, въ концѣ—похвальное слово, внутри—рядъ разсужде-

———

итературные его труды (кромѣ указанныхъ выше литургическихъ, изд. П. Сырку) Э. Калужняцкимъ по лучшимъ рукописямъ съ обширнымъ введеніемъ: es Patriarchen von Bulgarien Euthymius (Wien 1901); ср. его же работу— panegyrischen Litteratur der Südslaven". Объ ученикахъ и послѣдователяхъ на югѣ см. нѣсколько словъ у А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича. . лит., изд. 2, т. I, стр. 92 и сл.

ній автора «по поводу» и безъ повода о разнообразныхъ вещахъ и т. д.; въ результатѣ—объемистое сочиненіе со скуднымъ, однако, содержаніемъ на тему; житіе изъ историческаго и дидактическаго отчасти произведенія превратилось въ панегирикъ, что, по собственному заявленію автора, и составляло настоящую цѣль его труда [1]). Вскорѣ послѣ Кипріана появляются, надо думать, и уже русскіе любители этой панегирической житійной литературы; таковъ, повидимому, русскій монахъ Троице-Сергіева монастыря Епифаній, по прозванію «Премудрый», жившій въ началѣ XV в.; человѣкъ онъ, несомнѣнно, очень начитанный, искренне увлекающійся своимъ дѣломъ и героями своихъ произведеній, крупный литературный талантъ; онъ уже доводитъ до высокой степени совершенства этотъ искусственный пышный стиль, многословіе; риторика его сдѣлала бы честь любому византійцу; въ общемъ это уже типичный «перелагатель» въ духѣ юго-славянско-византійской школы: таковы составленныя имъ большія житія Стефана Пермскаго и Сергія Радонежскаго. Повидимому, и въ идейномъ отношеніи Епифаній уже кое-что воспринялъ отъ учителей: принципы смиренія, всепрощенія, снисходительности къ ближнему, нестяжательность характеризуютъ у Епифанія идеалъ инока (въ данномъ случаѣ Сергія) [2]). Самымъ же плодовитымъ и типичнымъ представителемъ панегирико-риторической школы былъ во второй половинѣ XV в. выходецъ Пахомій Логоѳетъ, сербъ, почти 50 лѣтъ проживншій въ Россіи (умеръ около 1480 г.) [3]): отъ него остался рядъ «переложеній» житій, гдѣ риторико-панегирическая сторона окончательно задавила фактическую сторону, личное настроеніе автора; верхъ взяло безконечное, по временамъ звучное, чаще трескучее словесное изліяніе: за прилѣпами, украшеніями не стало видно самого зданія. Благодаря усердію и плодовитости Пахомія, созданная имъ житейная литература (онъ далъ житія многихъ русскихъ святыхъ: Сергія, Алексія митр., Варлаама Хутынскаго, Моисея Новгородскаго, Евфимія, Савы, Кирилла Бѣлозерскаго и др., ча- стью написавши вновь, частью (какъ Сергія) передѣлавши раннія) н долго осталась съ характеромъ «украшеннаго» житія, особенно въ п

1) См. В. О. Ключевскій. Житія св., какъ историч. источникъ (М. стр. 84 и 85.

2) Житіе Сергія—трудъ Епифанія—издано не разъ, напр., арх. Леони въ Пам. древн. письм. (О. Л. Д. П.) за 1885 г.; литература о житіяхъ Сергія Голубинскаго, Преп. Сергій Радонежскій и созданная имъ лавра (М. 1909 Общ. Ист. и Др.); см. также А. П. Кадлубовскаго. Очерки по исторіи русской литературы житій святыхъ (Варш. 1902, изъ Рус. Фил. Вѣстн.), стр.

3) Главныя монографіи о Пахоміи: И. С. Некрасовъ. Пахомій Сер тель XV в. (Одесса, 1871, изъ Запис. Новор. у—а) и В. Яблонскій. Сербъ и его біографическія писанія (Спб., 1908).

трахъ литературы: ея отзвуки ясны еще въ половинѣ XVI в. въ дѣятельности митр. Макарія.

Но литературное движеніе въ Болгаріи получаетъ еще подъ византійскимъ вліяніемъ и идейную, именно мистическую окраску. Возникновеніе мистическаго настроенія въ Византіи находится въ связи съ пересмотромъ старыхъ вопросовъ, съ притокомъ вновь поднятаго античнаго элемента, неудовлетворенностью средневѣковой мыслью. Оно находитъ себѣ объясненіе отчасти въ схоластическомъ, риторическомъ направленіи, а главное, въ общемъ теченіи готовой, но не могущей замереть мысли въ Византіи. Чѣмъ формальнѣе относились къ новымъ вопросамъ, тѣмъ болѣе возникало новыхъ искусственныхъ толкованій, построенныхъ на тонкостяхъ схоластики. Дѣло неминуемо вело къ взрыву порабощаемой мысли. Такъ дѣло вышло съ одной изъ крупнѣйшихъ христіанскихъ идей—съ идеей аскетизма. Такъ ли понимался аскетизмъ, или не такъ?—говорили раньше. Теперь же говорятъ иначе: точно онъ опредѣленъ или нѣтъ? По вопросу объ аскетизмѣ церковь высказалась за то, чтобы признать его за высшій видъ проявленія христіанскаго благочестія. Теперь самый вопросъ объ аскетизмѣ сомнѣніямъ не подвергается; но на разрѣшеніе ставятъ новый вопросъ: *какъ* достигается идеалъ аскета, *какова* его форма и т. п.? Свидѣтельства объ этомъ получаютъ различныя толкованія. Таковъ, напримѣръ, вопросъ о значеніи самоуглубленія, созерцанія, которое должно вести къ единенію, сліянію съ Божествомъ: въ чемъ выражается это единеніе, доступно ли оно человѣку, какими средствами это самоуглубленіе ведетъ къ созерцанію, постиженію Божества, каково должно быть созерцаніе, какъ одинъ изъ видовъ самоуглубленія и т. д., въ чемъ должно видѣть это осуществленное общеніе человѣка съ Богомъ и т. д.? Какъ частный случай, обсужденію подлежалъ вопросъ о вещественности и не вещественности проявленія этой связи: понимать ли это общеніе реально, или лишь отвлеченно, мистически или символически и т. д.? Таковъ вопросъ о такъ называемомъ «Фаворскомъ» (при Преображеніи) свѣтѣ: былъ ли ... матеріальнымъ, чувственнымъ, или лишь духовнымъ, мистическимъ? ...росъ этотъ получилъ особое значеніе: отъ рѣшенія его въ ту или ... сторону зависѣло пониманіе самой сущности, свойствъ Божества, ...дователько и самой вѣры. Это раздѣлило византійскую богослов... мысль на два враждебныхъ лагеря: Варлаамитовъ и Паламитовъ. ...съ по своему характеру былъ схоластическій, частный, но дошелъ ...пнаго вопроса—вопроса о томъ, возможно ли реальное, непо...енное общеніе человѣка съ Богомъ, или нѣтъ? Положительный ...на этотъ вопросъ привелъ къ развитію мистицизма. Варлаамиты ...ные такъ по имени ученаго монаха), въ подтвержденіе своей

мысли, что общеніе съ Божествомъ возможно, приводили рядъ примѣровъ изъ исторіи христіанской церкви и даже изъ исторіи античной Греціи. Паламиты, послѣдователи другого толка (ученики Григорія Паламы), предлагали понимать это символически, духовно, иносказательно[1]). Богословскій вопросъ въ своемъ стремленіи къ обобщенію связывался съ народными суевѣріями, которыя получали въ рукахъ ученыхъ «научное» толкованіе и становились «ученымъ» аргументомъ, наравнѣ съ миѳами древности, христіанской легендой. Кромѣ того, вопросъ этотъ получилъ также характеръ и практическій. Подъ вліяніемъ его развиваются два воззрѣнія на аскетовъ. Представители одного воззрѣнія утверждали, что, разъ цѣлью монаха-аскета является единеніе съ Божествомъ, то, чтобы достигнуть этого, монахъ долженъ стоять въ благопріятныхъ жизненныхъ условіяхъ, освобождающихъ его силы и время для главнаго подвига, основной цѣли—единенія съ Божествомъ. Монахъ-аскетъ, по воззрѣніямъ этой школы, полезенъ уже тѣмъ однимъ, что является образцомъ человѣка, приблизившагося къ Божеству. Это приближеніе къ божественному идеалу важно, какъ для монаха, такъ и для общества, которое черезъ такого монаха получаетъ откровеніе о христіанской жизни и высокій образецъ этой жизни съ ея конечной цѣлью. Отсюда выводъ, что общество должно позаботиться, чтобы поставить монаха при выполненіи его трудной задачи въ возможно выгодное положеніе. Монахъ долженъ быть освобожденъ отъ всѣхъ тѣхъ тѣлесныхъ путъ, которыя удерживаютъ его при его стремленіи къ осуществленію идеала. Единственное настоящее дѣло монаха-аскета—самосовершенствованіе путемъ самоуглубленія, проникновенія въ смыслъ дѣятельности Божества. Въ силу такой задачи онъ долженъ быть освобожденъ отъ всякихъ мірскихъ заботъ. Міръ долженъ дать ему пищу, питье и жизненную обстановку. Только при такихъ условіяхъ монахъ можетъ въ концѣ-концовъ достигнуть познанія Божества: тогд[...] онъ достигаетъ душевнаго просвѣтлѣнія, живетъ «ангельскимъ житіемъ» а иногда получаетъ еще при жизни даръ чудотворенія; это—зажи[...] прославленный святой. Это—первый типъ аскета, если можно такъ [...]разиться, типъ «эгоистическій»: онъ прежде всего заботится о се[...] своемъ совершенствѣ и уже этой заботой полезенъ, необходимъ лю[...] живущимъ въ мірѣ: примѣръ его ихъ возвышаетъ.

Другой типъ, противоположный «эгоистическому»—типъ альтр[...]ческій, рисуется иначе. Исходя изъ вопроса, гдѣ труднѣе спа[...] въ міру, или въ монастырѣ, приходили къ заключенію, что въ [...] полномъ соблазна, спастись труднѣе; а разъ такъ, то человѣ[...]

[1]) О нихъ подробнѣе у К. Ѳ. Радченка, у. с., главы I и II.

стигшій чистоты жизни въ міру, долженъ цѣниться выше, чѣмъ монахъ-аскетъ, живущій внѣ міра, защищенный монастырской стѣной; подвиги его должны считаться цѣннѣе. Отсюда выводъ: истинный аскетъ долженъ жить въ міру и здѣсь соблюдать свою чистоту, жить жизнью на благо общества. Общество, выражая по-мірскому свою заботу о такомъ монахѣ, будетъ жертвовать ему монастыри, скиты, земли и пр. Подвигъ монаха заключается въ его дѣятельности, активной работѣ на пользу ближняго: эта работа его совершенствуетъ, приближаетъ къ Богу.

Такимъ образомъ, на вопросъ, каковы средства для достиженія идеала аскета, необходимыя для богопознанія, давалось два различныхъ отвѣта: представители обоихъ аскетическихъ направленій, сходясь въ признаніи одного источника для достиженія идеала—изученія священнаго писанія, богословской литературы—расходились въ вопросѣ, какъ нужно пользоваться этимъ источникомъ. Аскеты-эгоисты говорили, что священное писаніе является орудіемъ постольку, поскольку оно можетъ помочь въ возвышеніи человѣческаго духа. По отношенію къ священному писанію—говорили они—нужна свободная критика, разумное пониманіе внутренняго смысла, постиженіе его смысла путемъ тщательнаго изученія, размышленія надъ нимъ. Представителя альтруистическаго аскетизма, наоборотъ, утверждали, что священное писаніе нельзя критиковать по-своему, его надо лишь исполнять, понимая его такъ, какъ понимали авторитетные святые древніе. Церковная литература—по ихъ мнѣнію—обязательна также въ томъ только видѣ, въ какомъ понимали ее святые отцы. Святоотеческія творенія должны являться для аскетовъ руководствомъ при пониманіи священнаго писанія, а не предметомъ для критики.

Только что указанные сейчасъ два вида аскетизма изъ Византіи перешли въ Болгарію. Какъ тамъ, такъ и здѣсь тотчасъ возникаютъ двѣ партіи: 1) схоластиковъ, или формальныхъ альтруистовъ, и 2) раціоналистовъ, или аскетовъ-эгоистовъ.

Отзвуки этого второго болгарскаго отчасти и византійскаго непо[illegible]едственно возрожденія мысли начинаютъ долетать и до Русской земли. [illegible] Руси замѣчаются родственныя черты въ пониманіи типа аскета; [illegible]ь тоже онъ двоится, и здѣсь видимъ и представителей формально-[illegible]астическаго толкованія идеи аскетизма, а рядомъ и представи-[illegible] раціонализма въ области аскетизма. Въ виду этой аналогіи воз-[illegible]тъ вопросъ, не стоитъ ли русское движеніе въ связи съ визан-[illegible]мъ или юго-славянскими теченіями, по крайней мѣрѣ касательно [illegible]а о значеніи и формѣ аскетизма? По вопросу о связи рус-[illegible]движенія съ юго-славянскимъ или византійскимъ существуютъ два [illegible]ыхъ взгляда. Одни изслѣдователи говорятъ, что русское движе-

ніе стоитъ въ зависимости отъ движенія юго-славянскаго, при чемъ, въ подтвержденіе своего взгляда приводятъ свидѣтельства современниковъ, утверждавшихъ, что на Руси и на югѣ славянства движенія были тождественны; другая группа изслѣдователей признаетъ только аналогію между этими двумя фактами, которые не находились—по ихъ мнѣнію—въ причинной связи между собою: эти факты на Руси—самостоятельное явленіе, и сложились въ силу одинаковости культурныхъ условій Руси и Болгаріи. Отвѣтить на вопросъ, какой изъ этихъ двухъ взглядовъ правильнѣе, довольно трудно. Перваго взгляда держались такіе историки литературы, какъ Порфирьевъ, второго—Пыпинъ. Правда, какъ часто оказывается, повидимому, лежитъ по срединѣ. При рѣшеніи вопроса и здѣсь, какъ и всегда, нужно отличать содержаніе отъ формы. Для точнаго установленія аналогіи между указанными фактами должно пристально всматриваться всякій разъ, когда говоримъ о вліяніи у насъ раціонализма западнаго и раціонализма юго-славянскаго, въ общій характеръ того и другого. У Нила Сорскаго, въ ереси Косого и Башкина, въ отдѣльныхъ вопросахъ присутствуетъ элементъ то какъ будто западный, то какъ будто восточный, юго-славянскій. Такъ, если рѣчь идетъ о способѣ пониманія священнаго писанія, богословской литературы, то большая аналогія окажется между представленіями у Нила и ересью жидовствующихъ,—ересью, которая была происхожденія западнаго, раціоналистическаго. Когда же у Нила Сорскаго идетъ рѣчь объ его взглядахъ на старохристіанскіе, аскетическіе идеалы, а также о различной цѣнности церковной письменности—св. писанія, отцовъ и учителей церкви—у него являются черты, связывающія его съ представителями Востока, Византіи. Вопросъ объ отношеніяхъ чернаго духовенства къ государству у него трактуется съ точки зрѣнія византійскихъ началъ, но по характеру, по способу примѣненія ихъ, Нилъ Сорскій сближается съ западнымъ теченіемъ, хотя о непосредственной связи его съ нашими раціоналистами-западниками говорить едва ли можно, если даже сходство по внѣшности чувствовали современники Нила—люди консервативнаго лагеря. Такимъ образомъ, мы имѣемъ дѣло, м[illegible] жетъ-быть, съ комбинаціей на русской почвѣ двухъ пришедшихъ п[illegible] одновременно теченій: восточнаго (византійскаго)—раціалист[illegible] скаго въ области религіозной мысли, и западнаго—раціалис[illegible] скаго же, но по характеру мірского, научнаго, но въ то же время [illegible] лагавшагося у насъ, въ силу знакомаго намъ уже средневѣковаго [illegible] созерцанія, между прочимъ, и къ области религіозной мысли. Э[illegible] щая характерная основа и западнаго и восточнаго движенія—р[illegible] лизмъ—и вела, быть-можетъ, къ тому, что современники XVI [illegible] Руси, при ихъ преимущественно формальномъ образѣ мышленія [illegible]

обр. представители консервативнаго лагеря), оба эти теченія не различали ясно, почему и обвиняли Нила и его единомышленниковъ, почерпавшихъ свой раціонализмъ изъ восточнаго (византійскаго, юго-славянскаго) источника, въ «жидовствѣ», т.-е. въ увлеченіи раціонализмомъ западнымъ. Аналогія эта могла появиться тѣмъ легче, что тотъ и другой раціонализмъ и по своему проявленію оказывались близкими: и тотъ и другой вели борьбу на русской почвѣ со старымъ укладомъ, тотъ и другой чуть не въ одинаковыхъ словахъ требовали признанія свободы разума.

Но, несмотря на это внѣшнее сходство, разница между раціонализмомъ западно-европейскимъ и раціонализмомъ восточно-византійскимъ, столкнувшимися на русской почвѣ, была, несомнѣнно, настолько значительна, что и здѣсь, на Руси, по сущности раціоналисты-западники и раціоналисты восточнаго типа не могутъ быть смѣшиваемы: они чуждались другъ друга, различно смотрѣли на примѣненіе раціонализма къ жизни: западники-раціоналисты только потому обращались къ области религіозно-церковной, что на этотъ путь толкали ихъ противники-консерваторы, для которыхъ всѣ проявленія жизни покрывались средневѣковымъ религіозно-церковнымъ кругомъ; внѣ же этой полемики западники пропагандировали, какъ видно изъ переводовъ, связанныхъ съ «жидовствомъ» (см. выше), произведенія отнюдь не церковнаго характера, а научнаго (или скорѣе, науко-образнаго); раціоналисты же византійскаго типа, наоборотъ, сами шли въ область религіозную, церковную, стремясь внести туда разумное отношеніе къ вѣрѣ и христіанскому быту. Причина такого различнаго приложенія раціоналистическаго настроенія объясняется, надо полагать, именно въ связи съ различіемъ по характеру раціонализма западнаго и восточнаго: западный вопросъ на почвѣ обращенія къ античному міру, какъ основѣ міросозерцанія, отличной отъ средневѣковаго, а потому и могущаго обновить, создать противовѣсъ этому послѣднему; поэтому онъ тѣсно связанъ съ гуманиз-омъ и лишь косвенно, какъ направленіе боевое, является критикой ...лигіозной сферы, какъ отрицающей права разума, не признающей ...чной основы знанія; раціонализмъ восточный выросъ изъ сопоста-...ія современнаго ему религіознаго состоянія общества съ ранней эпо-... христіанства, отклоненіемъ отъ котораго являлось современное по-...іе христіанства: такова сущность споровъ XII—XIV вв. въ Визан-... Раціонализмъ западный въ его недоразвитой, преломленной отчасти ...ецифической сферѣ еврейства, стадіи воспринимаютъ наши «жи-...ующіе», раціонализмъ восточный, какъ протестъ противъ фор-...-схоластическаго направленія византійской догмы, въ ея москов-...бработкѣ, усваиваетъ Нилъ и его «заволжскіе старцы». Поэтому

понятно, почему ни «жидовствующіе», ни Нилъ не считали себя союзниками, единомышленниками, и только консерваторы, противники раціонализма, могли ихъ поставить на одну доску, что было явнымъ недоразумѣніемъ. Т. о. обѣ вѣтви раціонализма (взявши обратное отношеніе) являются объединенными по формѣ въ аналогичныхъ случаяхъ и въ общемъ потому, что оба, борясь съ средневѣковымъ укладомъ, стремятся внести въ жизнь свѣжую струю разума, критики окружающаго и сближаются, но оставаясь самостоятельными, всякій разъ, когда вопросъ переходитъ въ сферу религіозной жизни—одинъ прямо, другой косвенно.

Дѣйствительно, если мы бросимъ бѣглый взглядъ на новыя культурныя теченія въ это время (XV—XVI в.), то увидимъ въ нихъ одну общую черту, именно, во всѣхъ этихъ теченіяхъ проявляется раціонализмъ, критическое отношеніе ко всему окружающему, какъ въ жизни, такъ и въ литературѣ. Правда, въ Византіи раціонализмъ проявлялся менѣе рѣзко, чѣмъ на Западѣ. На Западѣ онъ шелъ крупными шагами и рѣшительно, о чемъ свидѣтельствуютъ неоднократно упоминавшаяся нами эпоха Возрожденія и ея ближайшая предшественница—эпоха «Черной смерти» [1]). Въ Византіи онъ стремится не къ перевороту, а скорѣе къ поправкѣ міросозерцанія. Эта различная степень интенсивности раціоналистическаго теченія можетъ быть наблюдаема и на отразившемся раціонализмѣ того и другого вида и на Руси.

На Руси также можно предполагать самостоятельно возникавшія попытки освободиться отъ душной формальной обстановки, каковы такъ называемыя еретическія движенія, нами отмѣченныя. Раціонализмъ росъ и у насъ, какъ результатъ протеста противъ односторонности общаго средневѣковаго созерцанія. Его индивидуальная форма всегда отражала и у насъ на себѣ черты времени, когда онъ вспыхивалъ, и кругъ житейскихъ вопросовъ, гдѣ былъ примѣняемъ. Но формы и силы этимъ вспышкамъ давали у насъ вѣянія, приходящія извнѣ.

На это время падаетъ на западѣ и на востокѣ Европы увлечен... идеями древне-христіанской эпохи, литературой первыхъ вѣковъ, п... тивопоставляемыми современной. На Востокѣ (въ Византіи) это у... ченіе сказывается въ развитіи литературы риторической, своеобра... построенной на изученіи древне-греческихъ писателей, схоластиче... а на Западѣ появляется также стремленіе къ изученію классич... литературы. У насъ же на Руси, гдѣ къ античному міру обра... было невозможно, такъ какъ насъ не связывало наше прошедш...

---

[1]) Подробнѣе см. В. Э. Гартполь Лекки. Исторія возникновенія раціонализма въ Европѣ, I, переводъ А. Н. Пыпина (Спб. 1871).

нимъ, процвѣтала примитивная логика и старый схоластическій формальный способъ мышленія и формальное же отношеніе къ мысли. Этимъ методомъ пользовались представители консервативной литературы (ср. Іосифа Волоцкаго), а отчасти и представители либеральнаго направленія (ср. средневѣковую схоластическую «Логику» Маймонида, въ переводѣ жидовствующихъ).

Да иначе, собственно, и быть не могло. Стоитъ только Нилу Сорскому измѣнить чисто внѣшній логическій методъ—отступить отъ формальнаго мышленія, потребовать внутренняго, сознательнаго отношенія къ священному писанію и къ богословскимъ произведеніямъ, какъ высшая правительственная и духовная власть, не могшая различить двухъ разныхъ по источникамъ раціоналистическихъ теченій, не замедлила обвинить его въ склонности не только къ «ереси», къ искаженію основъ христіанства, но и въ «жидовствѣ», какъ болѣе наглядной и доступной современной формѣ раціонализма. Кромѣ Нила Сорскаго въ томъ же самомъ обвинили и Максима Грека. Его сочли до извѣстной степени раздѣляющимъ взгляды «ереси жидовствующихъ». Ясно, что въ разбираемомъ тогда вопросѣ представители консервативнаго направленія не разграничивали также идейнаго содержанія отъ методовъ изложенія. Но въ этомъ спорѣ объ основахъ христіанства, объ его пониманіи заключались самыя основы этого крупнаго литературнаго движенія, которыми характеризуется XVI в.

Какова же была роль юго-славянскаго теченія и какова была роль теченія западно-европейскаго въ этомъ движеніи? Роль ихъ сказалась, главнымъ образомъ, на опредѣленіи характера литературы консервативно-офиціальной и литературы неофиціальной, отрицаемой правительственной и духовной властями. Но дѣло, конечно, не исчерпывается однимъ опредѣленіемъ содержанія литературы того и другого лагеря: формулируются совершенно ясно два теченія литературы, каждое со своеобразной физіономіей, своеобразнымъ положеніемъ въ обществѣ, о своеобразными послѣдствіями въ позднѣйшее время. Эта эпоха— итическая для Московскаго періода. Здѣсь-то и сыграли роль оба занныя выше движенія: западное, шедшее черезъ стригольниковъ идовствующихъ, и византійско-югославянское, характеризованное е и имѣвшее мѣсто у насъ во 2-ой половинѣ XV и началѣ XVI в. ѣненіе ихъ на русской почвѣ получилось сообразно съ мѣстными іями, главнымъ образомъ, на почвѣ развитія все того же раціома и борьбы съ схоластизмомъ. Западное теченіе, несшее за- научнаго мышленія, сближается на русской почвѣ съ идеалистиъ раціонализмомъ, составлявшимъ, какъ мы видѣли, одно изъ еній умственнаго движенія въ Византіи и Болгаріи (исихазмъ—

созерцательный аскетизмъ); второе же византійское теченіе—риторическо-формальное—естественно, сближается съ нашимъ (шедшимъ отъ византійскаго же, но старшаго, нами односторонне переработаннаго направленія) консервативнымъ теченіемъ, усиливая его и тѣмъ помогая этому теченію еще болѣе отлиться въ неподвижныя, негибкія формы, служитъ оправданіемъ и тому идейному складу, который въ видѣ религіозной и политической исключительности является міросозерцаніемъ правящихъ сферъ и опирающихся на практикѣ на правящія сферы представителей консерватизма. Представителями первой вѣтви византійскаго вліянія и западнаго (уже избавившагося отъ специфическихъ чертъ броженія «жидовствующихъ») является въ XV—XVI в. Нилъ Сорскій, наиболѣе чистый представитель византійскаго идеалистическаго аскетизма, его ученикъ Вассіанъ Патрикѣевъ, Башкинъ, затѣмъ (условно) Максимъ Грекъ, его и Ниловы сторонники—князь А. Курбскій, старецъ Артемій и др. Рядомъ съ ними стоятъ прямые послѣдователи бывшаго «жидовства», культивирующіе самостоятельность мірской, «научной» мысли, тогда какъ первые культивируютъ независимость мысли въ религіозно-богословской области. Противъ нихъ стоятъ московскіе «византисты» стараго пошиба и новаго риторико-схоластическаго метода и правительственные идеологи: Іоаннъ Грозный, митр. Даніилъ, Макарій, авторъ «Стоглава», авторъ «Домостроя» и др. Есть между ними и люди, старающіеся (м. б. и не сознательно), если не примирить, то во всякомъ случаѣ согласить оба лагеря по отношенію къ отдѣльнымъ сторонамъ жизни—таковъ, напр., Иванъ Пересвѣтовъ. Эти теченія, создавшіяся на почвѣ борьбы двухъ міропониманій, попытокъ примѣнить ихъ къ жизни, имѣютъ своимъ результатомъ общественное крупное движеніе въ Московской жизни XVI в., отразившееся въ литературѣ оживленнымъ же движеніемъ мысли въ направленіи общественномъ, выразившемся въ своеобразной «публицистикѣ» XVI вѣка.

Съ главными представителями этого движенія, представителями тог[o] и другого направленія, и слѣдуетъ познакомиться: это познакомитъ на[съ] съ самымъ литературнымъ движеніемъ XVI в. въ Московской Руси.

Нилъ Сорскій. Начнемъ съ Нила Сорскаго. Онъ извѣст[енъ] намъ главн. обр. какъ писатель-мыслитель въ области религіозны[хъ] этическихъ вопросовъ. Онъ занимался разрѣшеніемъ вопросовъ о[...] го характера, пониманія христіанской вѣры вообще, и въ области [...] тизма въ частности [1]). Его сочиненія (главн. обр. уставъ и ряд[...]

[1]) Краткое его жизнеописаніе см. у Пыпина, Ист. рус. лит. II, 104—1[...] ціальная монографія: А. С. Архангельскаго. Нилъ Сорскій и Вассіан[ъ ...] кѣевъ (Спб. 1881, Пам. Древней Письм. XVI).

сланій къ разнымъ инокамъ) [2]) показываютъ, что это былъ человѣкъ, искренно относящійся къ христіанству, человѣкъ, проникнувшійся до глубины души идеей христіанства. Эту идею онъ понималъ не такъ, какъ понимали ее представители консервативнаго направленія. По его мнѣнію, главнымъ въ христіанствѣ является внутреннее убѣжденіе человѣка; а для того, чтобы убѣдиться въ истинности христіанства, нужно, думалъ онъ, сознательно отнестись къ его источникамъ, которые человѣкъ изучаетъ, вдумываясь глубоко въ писаніе, въ самую жизнь христіанина, относясь критически къ этому писанію ради постиженія самой идеи христіанства. Поэтому Нилъ относится иначе, нежели Іосифъ Волоцкій, къ «божественному писанію» (а его консерваторы понимали очень распространенно: для нихъ всякое «писаніе», т.-е. писаніе церковное, было «божественное», «святое»; т. о. понятіе о немъ не было отграничено отъ св. писанія въ собственномъ смыслѣ слова рѣзкой гранью, по временамъ сливалось съ нимъ): оно для него не было безразличнымъ авторитетомъ [3]); отрицаніе авторитета въ такомъ смыслѣ не было, однако, отрицаніемъ уваженія къ писанію, тѣмъ болѣе, къ св. писанію; напротивъ: онъ между «божественными» писаніями дѣлаетъ различіе по ихъ церковному, религіозному значенію, при чемъ въ основу этой классификаціи кладетъ разумъ: «писанія многа, говоритъ онъ, но не вся божественна суть»... «наипаче, продолжаетъ онъ, испытую божественныя писанія, прежде заповѣди Господни и толкованія ихъ, и апостольскія преданія, таже (т.-е затѣмъ) житія и ученія св. отецъ, и тѣмъ внимаю яже согласна моему разуму, къ богоугожденію и пользѣ души, преписую себѣ». Т. о., вмѣсто слѣпого механическаго отношенія къ буквѣ писанія и рабскаго благоговѣнія передъ фразой и написаннымъ, Нилъ рекомендуетъ разумное, самостоятельное изученіе писанія, не исключая и св. писанія; иначе: въ основѣ міропониманія Нила лежитъ принципъ критическій. Такимъ бразомъ этотъ искренній христіанинъ, высокій идеалистъ, аскетъ оказлся представителемъ раціоналистическаго теченія въ области боговской науки XV—XVI в.

Самый путь, по которому пошелъ Нилъ Сорскій, ясно отличается пути представителей стараго консервативнаго лагеря, исходившихъ апріорнаго положенія о святости и боговдохновенности написаннаго: илу Сорскому «вѣрить» значитъ «понимать», а у нихъ «поъ» значитъ «вѣрить». Поэтому всю литературу церковную Нилъ

Перечень ихъ у Архангельскаго, ук. соч., стр. 48—62; содержаніе, стр. 63—127.
райнее развитіе понятія этого авторитета можно себѣ представить по старокому изреченію: „что написано, то свято“.

Сорскій разбивалъ на рядъ группъ, одну изъ которыхъ онъ считалъ болѣе важною, а другую—менѣе важною для основной цѣли изученія—благоугожденія Богу и пользы душевной; это его и отличаетъ въ идейномъ отношеніи отъ представителей консервативнаго лагеря, полагавшихъ, что вся церковная литература одинаково важна и необходима для пользы душевной. Примѣненіе этого принципа—критическаго—къ такой области, какъ само св. писаніе, совершенно было недопустимо для представителей слѣпого авторитета; въ этомъ они увидали посягательство на самое св. писаніе, богохульство. За это люди консервативнаго лагеря старались обвинить Нила Сорскаго въ богоотступничествѣ и записать его въ ряды сторонниковъ ереси жидовствующихъ: они не поняли, но почувствовали близость его къ западникамъ—раціоналистамъ, не сумѣвши отдѣлить основы отъ ея оболочки. Такимъ образомъ, въ Нилѣ Сорскомъ мы видимъ первую попытку мыслящаго человѣка критически отнестись къ старѣющимъ идеямъ времени. Возникаетъ вопросъ, откуда у него появился этотъ критическій методъ? Изъ западныхъ исканій, которыя тоже требовали этого права для разума и примѣненія этого права на дѣлѣ, или изъ византійской школы? Отвѣтить можно только такъ: и оттуда, и отсюда, но по сущности, все-таки, изъ византійской школы. Изъ Византіи идетъ у него критическое отношеніе, какъ результатъ потребности самоуглубленія «умнаго» христіанина, облекается же оно, пользуется методами, данными и Востокомъ и нашими «западниками». Оно и понятно: раціонализмъ, какъ мы видимъ, не былъ ни исключительно западнымъ, ни исключительно восточнымъ, а общимъ признакомъ времени паденія средневѣковаго міросозерцанія, предвозвѣстникомъ новаго. Религіозный раціонализмъ Нила Сорскаго, перенесенный на Русь, нашелъ уже подготовленную почву на Руси въ движеніи нашихъ западныхъ раціоналистовъ. Этимъ объясняется та степень его вліянія, которая обнаружилась, напр., на соборѣ противъ жидовствующихъ 1490 года, когда въ отвѣтъ на свирѣпую проповѣдь казни еретиковъ со ссылкой на Льва Катанскаго Зосима отвѣтилъ Іосифу Волоцкому: «мы отъ Бога не поставлены на смерть осужда[ти], но грѣшныя обращати на покаяніе». А дѣло вѣдь шло о еретика[хъ] раціоналистахъ, которыхъ только убѣдивши «отъ разума» мо[жно] было обратить на истинный путь. Нилъ несомнѣнно поддерживалъ [ми]трополита, почему Іосифъ готовъ былъ и Нила обвинить въ е[ретиче]ствѣ. Видно это изъ того, что Нилъ, далеко не стремившійся [въ] силу своего пониманія аскетизма, вмѣшиваться въ церковно-обще[ствен]ныя дѣла, оказался главой и вдохновителемъ «заволжскихъ» ста[рцевъ], убѣжденно проводившихъ идеи Нила, каковы: Вассіанъ Косой, [Нилъ] Ярославовъ, всѣ Вологодскіе и Бѣлозерскіе старцы, неизвѣстн[ые]

торъ «Валаамской бесѣды» и др. Что же касается вопроса, былъ ли Нилъ Сорскій еретикомъ, то на него, разумѣется, нужно отвѣтить отрицательно. Онъ не былъ жидовствующимъ, но усвоилъ только методъ раціоналистическаго пониманія — методъ, употреблявшійся и жидовствующими; идейное же содержаніе его произведеній не имѣло характера ереси. Современники этого понять никакъ не могли, и сочли его еретикомъ.

Нилъ Сорскій, видѣвшій въ монашествѣ наиболѣе высокую степень приближенія къ Божеству—цѣли истиннаго христіанства, является представителемъ особаго, строгаго, «умнаго» аскетизма, ставившаго первою и прямою цѣлью монашества самоуглубленіе человѣка, ведущее къ единенію съ Божествомъ. Постоянное размышленіе о душѣ, Богѣ— вотъ что только можетъ привести къ общенію съ Богомъ, по мнѣнію Нила Сорскаго. Это пониманіе изложилъ онъ по частному вопросу, волновавшему общество нач. XVI в. Тогда, именно, возникъ вопросъ о монастырскихъ имуществахъ, прежде всего о правѣ, согласіи съ цѣлями монашества владѣть землями, притомъ заселенными людьми. Нилъ Сорскій сталъ за полную нестяжательность монаховъ. Монахъ, по словамъ Нила Сорскаго, долженъ самъ трудиться, а не надѣяться на заботы о себѣ со стороны общества; трудъ, ради насущнаго хлѣба, заботы о себѣ не должны быть отвергаемы инокомъ, а сведены къ minimum'у, настолько, чтобы дать монаху свободу и независимость— условія, необходимыя для главнаго его занятія—«умнаго дѣланія», т.-е. самоуглубленія, изученія писанія, что ведетъ къ познанію, общенію съ Богомъ. Этимъ воззрѣніемъ на идеалъ монаха-аскета Нилъ Сорскій коренными образомъ отличается отъ обычнаго византійскаго и въ то же время московскаго воззрѣнія, по которому монахъ имѣетъ право на заботы о немъ со стороны общества, имѣетъ право обставлять себя извѣстными удобствами, ибо де все время монахъ долженъ быть занятъ ыслью о Богѣ. Нилъ же Сорскій утверждалъ, что о себѣ онъ имѣетъ аво помышлять только постольку, поскольку это необходимо для подржанія воздержной жизни. Такимъ образомъ, Нилъ Сорскій является дставителемъ, такъ называемаго скитскаго [1]) устава. Онъ сталъ а монашескую коммунистическую общину, гдѣ должно быть все е—и трудъ, и молитва (уставъ монастырей «общежительныхъ»), былъ сторонникомъ индивидуализма, основаннаго на христіанской и въ ея глубокомъ духовномъ смыслѣ. Въ основу идеала взяты, ъ образомъ, лучшія черты византійскаго аскета-исихаста. Въ силу

)сновы скитскаго устава въ отличіе отъ общежительнаго изложены въ Уставѣ орскаго; см. Пыпина, ук. соч., стр. 107—108.

этого воззрѣнія Нилъ Сорскій не придавалъ значенія внѣшнимъ предписаніямъ иноческихъ уставовъ (разработаннымъ съ большими деталями къ XVI в.), сосредоточивъ все на «умной», «сердечной» работѣ самосовершенствованія, борьбѣ со страстями и дурными помыслами. Этой борьбѣ и посвящено главное сочиненіе Нила: «Уставъ, или преданіе о жительствѣ скитскомъ» [1]). Нилъ Сорскій ставилъ самоуглубленіе въ связь съ умственнымъ развитіемъ монаха, не превращающаго себя въ безсмысленнаго фанатика или блюдущаго всѣ мелочи устава формалиста-монаха, а дѣятельно и сознательно совершающаго свой подвигъ—спасенія души. Изученіе священнаго писанія у Нила Сорскаго идетъ параллельно съ физическимъ трудомъ. Тщательное изученіе священнаго писанія и церковной литературы превращало монашескую келью въ богословскій кабинетъ.

Самъ Нилъ въ силу такого значенія, какое онъ приписываетъ этому внутреннему совершенствованію, является по своему времени замѣчательнымъ психологомъ, хотя и анализирующимъ лишь «грѣховные помыслы», т.-е. страсти: этотъ анализъ очень детапенъ, вдумчивъ, тонокъ; не забыто даже соотношеніе «страсти» къ физической природѣ человѣка. Мысли Нила Сорскаго имѣли огромное вліяніе на значительную часть сѣвернаго монашества; особенно ревностными послѣдователями его являлись знаменитые, такъ называемые, «заволжскіе старцы». Можетъ-быть, въ прочной и точной выработкѣ типа «заволжскаго старца» играли роль и мѣстныя особенности—наслѣдіе Новгорода—свобода, независимость; иноки, конечно, свои задачи понимали на сѣверѣ глубже, непосредственнѣе и иначе, нежели въ Москвѣ, гдѣ сильное вліяніе оказывала близость иночества къ правящимъ сферамъ.

Этотъ порядокъ мыслей, носителемъ котораго является Нилъ Сорскій, и сказался въ спорѣ о монастырскомъ землевладѣніи. Вопросъ о монастырскомъ землевладѣніи имѣлъ большое значеніе не только государственное и экономическое, но и литературное. Возникъ онъ на чист[illegible] реальныхъ основахъ. Со времени монгольскаго ига монастыри стан[illegible]вятся привилегированнымъ учрежденіемъ, даже въ глазахъ татаръ. Р[illegible] монастырей въ русской жизни въ періодъ татарщины и позднѣе, вооб[illegible] говоря, громадна. Колонизація глухихъ мѣстъ Руси почти исключит[illegible]но обязана монастырямъ своимъ осуществленіемъ. Съ XIV вѣка [illegible] начинаютъ появляться на сѣверѣ десятками [2]), несутъ сюда первы[illegible]чатки болѣе высокой культуры, просвѣщенія. Возникалъ монас[illegible]

[1]) Изложеніе его см. у **Порфирьева** въ Ист. рус. слов. I, 496, [illegible] у А. С. **Архангельскаго**, у. с.

[2]) О роли монастырей въ это время подробности см. у П. Н. **Мил**[illegible] Очерки по исторіи рус. культуры, I, 52 и сл.

обыкновенно очень просто и естественно. Уходилъ религіозно настроенный человѣкъ отъ міра въ дремучій лѣсъ, которыхъ тогда было сколько угодно даже въ центральныхъ областяхъ сѣверо-востока, при общей рѣдкости населенія, и которые такъ манили идеалиста—подвижника къ себѣ своей величавой глушью и суровой тишиной, подвигомъ—борьбой съ дикой природой; строилъ себѣ человѣкъ въ лѣсу хижину, шалашъ и жилъ въ немъ въ неустанной борьбѣ и созерцаніи. На такого человѣка смотрѣли и всѣ, кто о немъ узнавалъ, какъ на подвижника: и дѣйствительно, борьба съ природой, подчасъ суровой, идетъ рука объ руку съ духовнымъ самовоспитаніемъ, подвигомъ духовнымъ. Ищущіе уединенія и нравственной помощи приходили къ подвижнику и селились поблизости. Такъ возникала община, которая постепенно все пополнялась новыми пришельцами. Потомъ строили церковь, устраивали въ ней богослуженіе при помощи мѣстнаго архіерея и такимъ образомъ возникалъ монастырь. Мѣсто подъ постройки приходилось расчищать, заботиться о воздѣлываніи земли для своего пропитанія, все дѣлать самимъ. Принципъ неустаннаго труда входитъ въ сознаніе, въ обиходъ; разработка естественныхъ угодій обыкновенно продолжалась и тогда, когда она уже не являлась насущной потребностью, монастыри начинали вести промышленныя предпріятія уже не только для удовлетворенія лишь насущныхъ потребностей, такъ что не рѣдко становились богатыми, превращались въ сплоченныя рабочія артели, оказывающія большое культивирующее вліяніе на всю страну. Въ XV и XVI вв. монастырскія колоніи появляются уже на далекомъ сѣверѣ, на берегу Бѣлаго моря и даже на островахъ (Соловецкій монастырь, напр.). У монастырей было, съ другой стороны, много важныхъ привилегій го-
ударственнаго характера: они, какъ религіозныя учрежденія, не пла-
или податей, не отбывали воинскаго тягла и пользовались самоупра-
еніемъ; монастырскія дѣла подлежали не общему, а духовному суду.
ми же преимуществами въ значительной степени пользовались и
не, селившіеся на монастырской землѣ и такимъ образомъ попадав-
въ привилегированное положеніе и въ зависимость отъ монастыря,
щагося представителемъ и ихъ интересовъ. Эти преимущества
екали къ монастырю массу мірскихъ людей, которые вступали въ
ырь по мотивамъ, имѣющимъ часто лишь далекое родство съ мы-
спасеніи души, въ лучшемъ случаѣ съ мыслью, что работа на
ырь, какъ домъ Божій, есть дѣло богоугодное. Сюда тянуло и
населеніе, образовывавшее монастырскія слободы, посады. За-
жду монастырями и городами начиналась своего рода экономи-
борьба, изъ которой первые вышли побѣдителями. Монастыри
ь экономическими центрами, монастыри богатѣли, чему въ зна-

чительной степени способствовали также и обильныя жертвы благочестивыхъ людей. Многіе жертвовали во славу Божію и на поминъ души въ монастыри не только крупные капиталы, но и земли и цѣлыя обширныя вотчины. Монастыри богатѣли землей, владѣнія ихъ расширялись. Въ XV в. количество монастырскихъ земель и значеніе ихъ стало такъ велико, что великіе князья Иванъ III и Василій III не могли уже съ ними не считаться. Количество монастырскихъ земель въ общей сложности оказалось больше, нежели количество земель, принадлежащихъ непосредственно государству, великому князю. Военныя государственныя потребности Руси страдаютъ отъ такого количества привилегированнаго населенія, не несущаго государственнаго тягла, а это ложилось особенно тяжело на остальное населеніе. Князьямъ приходится запрещать боярамъ жертвовать въ монастыри земли, населенныя людьми, а монастырямъ принимать ихъ въ даръ. Жертвы послѣ этого, правда, уменьшились, но это не могло сломить могущества монастырей, такъ какъ они успѣли запастись средствами уже раньше. Кромѣ того, несмотря на правительственное запрещеніе, монастырскія земельныя владѣнія все же увеличивались, такъ какъ вмѣсто пожертвованія совершались фиктивныя продажи земель монастырямъ, что закономъ не было предусмотрѣно. Когда вопросъ о монастырскомъ землевладѣніи достигъ особаго напряженія при Иванѣ III, правительство прямо поставило на разрѣшеніе вопросъ, насколько монастырское землевладѣніе по своей идеѣ совпадаетъ съ идеей монашества вообще. Вопросъ этотъ сталъ обсуждаться и въ литературѣ. Представители консервативнаго, правительственнаго духовенства во главѣ съ митрополитомъ Даніиломъ, Іосифомъ Волоцкимъ и др. высказывались за то, что они не видятъ въ землепользованіи монастырскомъ ничего противорѣчащаго идеалу монаха. Свои мысли они старались обосновать на фактахъ прошлаго, н[illegible] авторитетныхъ примѣрахъ изъ византійской государственной жизни, гд[illegible] императоры всегда жертвовали земли монастырямъ, деньги и пр.. Н[illegible] если мы всмотримся въ эти разсужденія, то ясно увидимъ, что зд[illegible] собственно нѣтъ отвѣта на поставленный вопросъ. Вѣдь вопрос[illegible] заключался въ томъ, согласно ли пользованіе земельной собственн[illegible] съ идеаломъ монаха, а указанныя лица, уклоняясь отъ прямого [illegible] на этотъ именно вопросъ, ссылались на то, что такой порядокъ [illegible] въ Византіи, что такъ до сихъ поръ дѣлалось во славу Божію и [illegible]

[1]) Іосифъ приводилъ даже такой аргументъ въ пользу монастырскаго [illegible]дѣнія „аще у монастыря селъ не будетъ, како честному и благор[illegible] человѣку постричися?.. А коли не будетъ честныхъ и благородн[illegible]цевъ, ино вѣрѣ будетъ колебаніе“.

Нилъ Сорскій въ силу своего образа мыслей, въ частности воззрѣнія на иночество по поднятому вопросу естественно высказался рѣзко отрицательно: земельная собственность была противна идеѣ монаха-аскета. По мнѣнію Нила Сорскаго, монастыри не должны владѣть имуществомъ, особенно земельнымъ и заселеннымъ, кромѣ самаго необходимаго для жизни (которое, разумѣется, должно принадлежать монастырской общинѣ, а не отдѣльнымъ монахамъ). Монастырь не долженъ являться собственникомъ богатствъ, а тѣмъ болѣе рабовладѣльцемъ. На это мнѣніе представители консервативнаго направленія, возражая, указываютъ, что никакого рабовладѣнія въ монастыряхъ нѣтъ. Населеніе монастырскихъ вотчинъ—не рабы монастыря, а его монастырская паства, и монастырь лучше заботится объ ихъ благѣ, не только матеріальномъ, но и духовномъ (а это важно), чѣмъ всякій владѣлецъ...

Далѣе Нилъ Сорскій отрицаетъ политическое значеніе монаха, оставляя за нимъ значеніе лишь духовное, религіозное: монахъ ушелъ изъ міра, его цѣль—спасеніе своей души. Между тѣмъ Іосифъ Волоцкій стоитъ за то, что монахъ—дѣятель и общества, потому что изъ монастыря выходятъ духовно-общественные дѣятели—епископы. «Если не въ монастырѣ, этой школѣ жизни, то гдѣ бы—спрашиваетъ Іосифъ Волоколамскій—епископъ могъ научиться управлять человѣческими душами, проходя низшія степени священства?» Какъ видно изъ сказаннаго, и здѣсь не было прямого отвѣта на поставленный вопросъ, потому что оба противника имѣютъ различныя исходныя точки: Нилъ, ставя на первое мѣсто религіозный подвигъ, общественное значеніе инока считаетъ лишь независимымъ (пассивнымъ) слѣдствіемъ этого духовнаго подвига; Іосифъ, наоборотъ, исходитъ изъ общественныхъ, государственныхъ потребностей, подчиняя имъ самую дѣятельность духовную. Въ этомъ отношеніи у Іосифа Волоцкаго были свои горяіе сторонники и послѣдователи, преимущественно воспитанники его онастыря, или же монастырей, близко лежащихъ къ Москвѣ; таковъ атъ его Вассіанъ Санинъ, написавшій въ «іосифлянскомъ» духѣ жи- Пафнутія Боровскаго [1]), митр. Даніилъ, видный представитель «пуцистики» консервативнаго лагеря, Нилъ Полевъ и др.

Единомышленниками Нила Сорскаго по этому вопросу были упомяе выше «заволжскіе старцы». Послѣднихъ консервативная правитвенная партія обвиняла потомъ въ отступничествѣ отъ правосла- ъ противогосударственныхъ стремленіяхъ; старцы эти настаивали

[1]) Издано А. П. Кадлубовскимъ въ Сборн. И. Ф. Общ. при Институтѣ въ II (1898); ср. его же „Очерки по исторіи древне-русской литературы житій“ (Варш. 1902), стр. 209 и сл., также 329 и сл.

исключительно на духовномъ значеніи монаха, почему настаивали и на сознательномъ духовномъ пониманіи христіанства, внутреннемъ пониманіи, что доступно было лишь при критическомъ и разумномъ («отъ разума») изученіи писаній [1]); поэтому ихъ и обвиняли въ раціонализмѣ, который объясняли, въ свою очередь, отсутствіемъ уваженія къ издревне установленному обряду, формѣ, а это для православныхъ русскихъ византистовъ было почти все въ дѣлѣ вѣры.

Впослѣдствіи, лѣтъ черезъ 30—40, къ такому же заключенію, какъ и Нилъ, по данному вопросу пришелъ и знаменитый Максимъ Грекъ, который основывалъ свои рѣшенія также на данныхъ того же порядка, подкрѣпляя ихъ своимъ представленіемъ о характерѣ христіанства вообще. Тѣхъ же взглядовъ держится и ученикъ Нила Вассіанъ Косой въ своемъ «Словѣ отвѣтномъ противу клевещущихъ истину евангельскую и о иноческомъ житіи»; еще рѣзче выражается противъ монастырскаго землевладѣнія и оправданія его Іосифомъ Волоцкимъ, т. н. «Бесѣда Валаамскихъ чудотворцевъ Сергія и Германа», выдвигающая сверхъ того энергично требованіе, чтобы монахъ воздерживался отъ всякаго вмѣшательства въ мірскія и правительственныя дѣла; это тоже направлено ясно противъ Іосифа и его школы [2]).

Новыя вѣянія, представителемъ коихъ былъ Нилъ и его школа, коснувшіяся такихъ крупныхъ вопросовъ, какъ отношеніе къ святому писанію, конечно, не могли заглохнуть: они вызваны были самой жизнью. Поэтому отраженіе этихъ вѣяній, равно какъ и Запада, оказалось богаты послѣдствіями въ литературѣ.

Въ XVI вѣкѣ, подъ вліяніемъ второго юго-славянскаго теченія у насъ на Руси, какъ мы знаемъ, уже формулируется идеологія, получившая широкое распространеніе даже въ массахъ. Но тамъ же отражаются и иныя теченія: сама жизнь ставитъ новые вопросы и запросы. Консервативное московское теченіе было связано съ идеей государства. Представленіе объ государствѣ, о роли въ немъ царя получаютъ н[а] Руси обликъ религіозный. Ему ищутъ и находятъ оправданіе и въ п[о]литической, и богословской литературѣ: идея абсолютнаго строя [въ] государствѣ мыслится, какъ идея религіознаго порядка. Западное т[еченіе] ніе въ свою очередь въ связи съ развитіемъ государства въ XVI в[ѣкѣ] получило уже настолько большое значеніе въ самой русской жизни, [что] заставило людей стараго уклада бороться съ нимъ всѣми своими си[лами]

---

[1]) Этимъ, конечно, не отрицалась святоотеческая литература, много по[трудив]шаяся надъ истолкованіемъ св. писанія, но лишь устанавливалось критическо[е от]ношеніе и къ ней при пользованіи ею для пониманія св. писанія.

[2]) „Валламская бесѣда“ наиболѣе удовлетворительно издана въ „Лѣт[описи] занятій Археогр. Комиссіи“, вып. X (1890).

и средствами души. Уже первое столкновеніе обоихъ теченій на почвѣ литературы показало, что борьба противъ новшествъ при помощи старыхъ средствъ и методовъ не достигала цѣли. На сторонѣ представителей консервативнаго направленія были крупныя литературныя силы и матеріальныя богатыя средства, и государственная власть; но зато у представителей прогрессивныхъ теченій въ распоряженіи было умѣніе, научная подкладка мысли и сознаніе, что ихъ образъ мыслей и дѣйствій болѣе соотвѣтствуетъ росту самосознанія, культурнымъ задачамъ общества. Поэтому борьба становится острой и въ то же время затяжной: еще въ XVII и отчасти даже въ XVIII вѣкахъ мы видимъ отзвуки этой борьбы.

Указанныя до сихъ поръ въ общихъ чертахъ теченія русской жизни XVI в. прогрессивное и консервативное, выясненіемъ своихъ отношеній въ литературѣ и самой жизни заполняютъ XVI в., захватывая изъ предыдущаго времени еще конецъ XV в. и переходя въ послѣдующее время въ XVII в. и даже въ отдѣльныхъ случаяхъ въ XVIII в. Отраженіе этого мы и называемъ для литературы движеніемъ въ Московской Руси XVI вѣка, когда отношенія этихъ теченій впервые выясняются опредѣленно. Поэтому было бы ошибочно думать, что московская литература XVI вѣка была выразительницей застоя. Не правъ и одностороненъ поэтому А. Н. Пыпинъ, который говоритъ, что XVI вѣкъ—вѣкъ застоя русской литературы. Движеніе впередъ было и было довольно сильное, хотя и не вездѣ равномѣрное. Правда, если посмотрѣть на жизнь XVI в. съ внѣшней преимущественно офиціальной ея стороны, особенно въ сопоставленіи съ западомъ Европы XVI вѣка—эпохой полнаго развитія Возрожденія, его идей (какъ это и дѣлаетъ А. Н. Пыпинъ)—покажется на первый взглядъ, что какъ-будто на Руси нѣтъ никакого стремленія итти впередъ, выйти изъ рамокъ средневѣковья; при ближайшемъ же разсмотрѣніи мы убѣждаемся, что дѣло обстояло вовсе не акъ безнадежно: мы увидимъ, что даже консервативная партія сознаала необходимость движенія впередъ и по-своему искала новыхъ пуй. Это сказалось среди представителей консерватизма въ сознаніи неодимости пересмотра старыхъ основъ; а про прогрессивную часть ества, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Это стремленіе къ перевру старыхъ основъ съ конца XV вѣка носитъ опредѣленный характ, который окончательно выясняется въ XVI вѣкѣ, напр., на Стогла соборѣ: необходимость реформы была высказана совершенно опренно на этомъ соборѣ Иваномъ Грознымъ въ его рѣчи къ отцамъ а (1551). Но необходимость какой реформы? Цѣлью Стоглаваго ь было изысканіе средствъ, необходимыхъ для устраненія велирусскихъ «нестроеній», явившихся въ значительной степени слѣд-

ствіемъ того броженія, которое выливалось въ такъ называемыя «ереси», сознанія несоотвѣтствія отживающей старины запросамъ современности. Иванъ Грозный предложилъ отцамъ собора рядъ вопросовъ, касавшихся того, что въ русской жизни «поисшаталось», и спрашивалъ (подсказывая въ то же время и отвѣтъ), какимъ путемъ должны быть совершены реформы, которыя введутъ жизнь опять въ колею. Иванъ Грозный высказалъ въ своей рѣчи, въ сущности, лишь то, что давно чувствовалось и сознавалось представителями опредѣленной группы русскаго общества, консервативной. Все это, хронологически даже раньше рѣчи Грознаго, получило отраженіе и въ литературѣ: «шатаніе», по его взгляду, есть результатъ забвенія долженствующихъ быть незыблемыми древнихъ каноновъ жизни и мысли, высказанныхъ отцами церкви. Но насколько эти «каноны» отвѣчали насущной потребности жизни, насколько они были къ ней примѣнимы? Этого вопроса, какъ а пріори уже рѣшеннаго въ положительномъ смыслѣ, Грозный и его сторонники не ставили, тогда какъ съ этого и естественно было начать.

Еще со времени Ивана III начинаются оживленныя сношенія съ Западомъ въ области искусства, политики, торговли. Это показываетъ, что потребность сближенія съ Западомъ была сознана опредѣленно въ средѣ русскаго общества, близко стоявшаго къ запросамъ жизни. Сближеніе это выразилось, прежде всего, въ привлеченіи на Русь разнаго рода мастеровъ, военныхъ, инструкторовъ, ремесленниковъ, художниковъ и пр., т.-е., это сближеніе вызвано было прежде всего практическими потребностями самой государственной жизни, отношеніями къ сосѣдямъ... И уже былое рѣзкое, презрительное отношеніе къ Западу начинаетъ на дѣлѣ понемногу смягчаться, а кое у кого и вовсе пропадать, если теоретически еще и проповѣдуется.

Въ религіозной церковной литературѣ тоже отразилось это столкновеніе съ Западомъ опредѣленнымъ образомъ, какъ это мы знаемъ. Познакомившись, хотя и поневолѣ, съ просвѣщеніемъ Запада, Русь п... немногу должна привить его и у себя: другого исхода нѣтъ; уже Дмит... Герасимовъ, политическій и литературный дѣятель XV—XVI вѣка, с... мится перенести съ Запада нужныя для домашнихъ цѣлей (напр., б... бы съ жидовствующими) произведенія западной литературы; им... переведена была въ числѣ другихъ книгъ первая западно-европе... грамматика, затѣмъ приспособленная для русскаго церковнаго я... Кромѣ этой работы Дмитрій Герасимовъ переводилъ еще нѣкотор... строго литературныя руководства (военныя, финансовыя и пр.). ... терно то, что переводы дѣлались въ кружкѣ Димитрія Гера... составлявшемъ не оппозицію правительственному и господств... теченію, а связанномъ съ правительственными сферами.

VII. Исправленіе книгъ. На той же почвѣ необходимости на сцену выдвигается, затѣмъ, вопросъ первой важности, вопросъ объ исправленіи книгъ. Это вопросъ не только литературный, а общегосударственный для того времени, если имѣть въ виду практическое значеніе его въ борьбѣ съ ересью, борьбѣ, ведшейся уже на болѣе или менѣе научной почвѣ. Въ XVI вѣкѣ онъ сталъ литературнымъ вопросомъ по преимуществу, такъ какъ касался преимущественно церковной литературы, ея пригодности для выдвинутыхъ жизнью запросовъ. Въ средѣ консервативной партіи также находились, такимъ образомъ, люди, признавшіе необходимость реформы, а въ томъ числѣ и литературной. Сквозитъ убѣжденіе, что старая литература, дѣйствительно, обветшала, стала уже не вполнѣ пригодной для своихъ цѣлей. Еще въ концѣ XV вѣка, напр., житійная литература подвергается переработкѣ въ школѣ Пахомія, стремившейся придать ей болѣе приличествующій измѣнившимся (подъ вліяніемъ юго-славянства, роста государственнаго самосознанія) вкусамъ. Точный же правильный текстъ книги, особенно церковной, является и для консервативной партіи практической необходимостью при той борьбѣ за чистоту и истинность самого догмата, которая шла черезъ весь XVI вѣкъ. Однако первыя попытки провѣрить тексты въ желательномъ направленіи убѣдили, что такое литературное дѣло, даже въ такомъ частномъ случаѣ, обстоитъ на Руси не совсѣмъ-то благополучно. На дѣлѣ въ св. писаніи не было единства чтеній, наоборотъ, было крайнее разнообразіе текста. Это былъ результатъ его исторіи, способовъ его распространенія. Вопросъ объ исправленіи книгъ, прежде всего священныхъ, становился въ виду ихъ важности первостепеннымъ. А какъ нужно было исправлять, представители консервативнаго направленія, хотя и сознавали всю важность имѣть текстъ единообразный, терялись въ безплодныхъ попыткахъ: пробовали примѣнить сравненіе со старѣйшими текстами, стало быть, болѣе близкими къ первоначальному переводу, а потому не успѣвшими еще значительно искаться—методъ не совсѣмъ неудачный, но какъ единственный—неовлетворительный. Въ самыхъ древнихъ текстахъ смущала ихъ уже имая разность чтеній. Даже въ такомъ авторитетномъ, оберегаемомъ тникѣ, какъ Евангеліе, мы находимъ значительное количество разыхъ чтеній. Эти различія были разнаго происхожденія; мы теперь знаемъ, какъ это произошло: историческимъ путемъ. Несмотря на то текстъ священнаго писанія тщательно охранялся христіаниномъ, е могъ не отразить прежде всего на себѣ жизни языка; переводный ъ оставался тотъ же, но слова употреблялись другія. Это имѣетъ уже въ греческихъ текстахъ; хотя текстъ, напр., Евангелій, въ іи тщательнѣе другихъ оберегается отъ измѣненій, все же въ

результатѣ мы и въ немъ получаемъ массу разночтеній [1]). Въ славянскомъ текстѣ измѣненія должны были итти еще дальше, особенно въ Россіи. Не говоря уже о томъ, что Кирилловскій переводъ священнаго писанія попалъ не въ культурную область знатоковъ, а просто начитанныхъ людей, древнеболгарскій языкъ его, ко времени Московскаго періода сталъ уже сильно разниться отъ русскаго живого языка. Насколько переводы отходили отъ прежняго текста даже въ области болѣе близкой къ первоисточнику, видно въ той же Болгаріи, по переводамъ въ Евфимьевскую эпоху, когда предпринята была спеціальная работа—сличеніе славянскихъ текстовъ съ греческими, такъ какъ старые тексты уже не удовлетворяли (правильно или нѣтъ, иное дѣло). Характерной чертой переводовъ и направленій того времени являлось рабское отношеніе къ буквѣ. Такъ возникли «Тырновскіе» изводы священнаго писанія. Путь въ основѣ своей—сличеніе съ греческимъ—былъ безусловно правиленъ; но на дѣлѣ выполнить сличеніе съ греческимъ было не легко при разнообразіи самихъ греческихъ текстовъ: съ какой редакціи былъ сдѣланъ славянскій первоначальный переводъ? А этотъ вопросъ получаетъ отвѣтъ лишь въ наше время у филологовъ; и то еще полнаго отвѣта не дано... А къ XIV в. и въ византійскомъ текстѣ выработался цѣлый рядъ варіантовъ. Возникновеніе ихъ можно объяснить такимъ образомъ: у исправителей Тырновской школы была подъ руками не та первоначальная греческая редакція, которая была у Кирилла и Меѳодія, а обычные тексты, современные исправителямъ, приблизительно XIII—XIV вв.. Полнаго соотвѣтствія не было. Съ одной стороны появляются уклоненія въ пользу новшествъ, съ другой стороны—въ пользу стараго текста. Кромѣ того, какъ мы видѣли, самое соотношеніе между оригиналомъ и переводомъ теперь понималось иначе, нежели въ эпоху Кирилла и Меѳодія; основ... этого воззрѣнія составляетъ буквальность въ передачѣ подлинника сл... весная, а не смысловая.

Тексты Евфимьевской эпохи въ XV в. переходятъ на Русь. Зд... они сталкиваются съ русскими изводами переводовъ Кирилла и М... дія: между ними оказалась еще большая разница, нежели между... рыми русскими и болѣе поздними русскими же, вслѣдствіе чего ... недоразумѣній только растетъ. А кромѣ того, въ русскихъ тек... находится рядъ и своихъ искаженій, результаты домысла (не ...

[1]) Для примѣра достаточно указать на современное намъ извѣстное ... изданіе Евангелія К. Тишендорфа, попробовавшаго объединить наслоившія... чтенія, притомъ ограничиваясь древнѣйшими лишь (унціальными, уставны... сками: здѣсь разночтенія занимаютъ чуть ли не двѣ трети каждой страни... браны они лишь изъ древнѣйшихъ (V—XI вв.) текстовъ.

удачнаго) переписчиковъ, которые желая осмыслить или непонятный, или до нихъ искаженный текстъ, исправить испорченное, по своему разумѣнію, безъ греческихъ текстовъ, имъ по языку недоступныхъ, вносили поправки, увеличивая такимъ образомъ дальше эту пестроту чтеній. Тутъ мы наталкиваемся на крайне любопытное явленіе: съ одной стороны боязнь писца измѣнить букву, съ другой—желаніе исправить ошибку, такъ какъ эта ошибка уже сознана. Сами писцы сознавали, что допускали погрѣшности въ текстѣ; поэтому они часто въ концѣ приписывали отъ себя нѣсколько строкъ оправданія, въ которыхъ просили, чтобы читатель не проклиналъ ихъ, а исправилъ бы допущенныя по слабости человѣческой ошибки. Неудобство разночтеній прежде всего сказалось при полемикѣ: у одной стороны текстъ священнаго писанія читался не такъ, какъ у другой, а споръ основывался какъ разъ на правильномъ истолкованіи твердо установленнаго одного и того же текста. Исправленіе книгъ было такимъ образомъ необходимостью даже въ виду момента, переживаемаго русскимъ обществомъ XVI вѣка.

Въ виду всего этого великій князь Иванъ III рѣшилъ попробовать сначала домашнее средство для исправленія книгъ, установленія единообразія чтеній—провѣрить по древнимъ русскимъ же текстамъ. Но оказалось, что и въ древнихъ текстахъ не было единства чтенія, не было совпаденія; рѣшить же, какое чтеніе правильнѣе при этомъ способѣ работы, нельзя; нужно было, стало-быть, обратиться къ иноземнымъ книгамъ. Обратились, конечно, къ православнымъ греческимъ, а не къ латинскимъ, такъ какъ на послѣднія смотрѣли, какъ на не заслуживающія довѣрія. Однако тутъ пришлось считаться съ новой бѣдой: многихъ греческихъ книгъ не оказалось совсѣмъ ни въ княжеской библіотекѣ, ни тѣмъ болѣе въ частныхъ рукахъ. При всемъ этомъ не было и надежныхъ подходящихъ для перевода лицъ, которыя бы знали настолько хорошо греческій языкъ, чтобы могли справиться съ дѣломъ даже при наличности греческихъ книгъ. Ослабленіе, уже давно начавшееся, непосредственныхъ связей съ Византіей (самостоятельность русской церкви, паденіе Константинополя) отразилось на знакомствѣ и …тересѣ къ греческому языку; при отсутствіи же научныхъ запросовъ …ученіе греческаго языка также отсутствовало.

У Ивана III, женатаго на Софіи Палеологъ, племянницѣ послѣд…о византійскаго императора, былъ поводъ обратиться къ грекамъ …просьбой прислать переводчиковъ. Были и свои непосредственныя …зи съ греками, прежде всего съ греками-аѳонитами: Иванъ III чи…лся покровителемъ и защитникомъ христіанъ, жившихъ уже подъ …тью турокъ, прежде всего покровителемъ аѳонскихъ монастырей.

Его преемникъ, Василій Ивановичъ, избралъ послѣдній путь: рѣшилъ просить у грековъ-аѳонитовъ переводчика.

Такимъ переводчикомъ и явился извѣстный литературный дѣятель Максимъ Грекъ (род. ок. 1480, умеръ въ 1556 г.) [1].

VIII. Максимъ Грекъ. Внѣшнимъ поводомъ для приглашенія Максима Грека послужило (если вѣрить позднѣе (въ XVII в.) явившемуся сказанію о М. Г.) желаніе великаго князя использовать книжныя богатства своей библіотеки, среди которой было много не русскихъ книгъ (греческихъ и латинскихъ), читать которыя въ Москвѣ не могли найти свѣдущаго человѣка. На дѣлѣ же главнымъ мотивомъ приглашенія Максима Грека была сознанная потребность сдѣлать новые переводы нѣкоторыхъ нужныхъ церковныхъ книгъ, поставить болѣе или менѣе правильно дѣло исправленія русскихъ церковныхъ и духовныхъ книгъ. Пользуясь связями съ Аѳономъ и его главными монастырями—Ватопедомъ и Пантелеймоновымъ—великій князь просилъ прислать въ Россію грека-старца Саву, знавшаго, какъ то было извѣстно великому князю, и славянскій языкъ: Сава уже два раза былъ на Руси. Монахи Ватопеда, однако, почему-то рѣшились не отпускать просимаго старца, а вмѣсто него послали грека Максима (1518 г.), ссылаясь офиціально на то, что Сава старъ и болѣетъ. Выборъ Максима былъ удаченъ.

Максимъ Грекъ—человѣкъ исключительный по тому времени въ Россіи, и во всякомъ случаѣ не заурядный человѣкъ. Искренній сторонникъ и знатокъ византійской культуры, истинно православный, Максимъ Грекъ былъ образованнымъ по тому времени человѣкомъ. Онъ помимо своей византійской науки (преимущественно религіозно-богословской) владѣлъ западно-европейской образованностью эпохи Возрожденія, хотя и оцѣнивалъ ее съ точки зрѣнія идеаловъ византійскаго православія. Такое сочетаніе западной образованности и убѣжденности въ правотѣ православной науки и восточной вѣры—явленіе довольно рѣдкое въ XVI в. въ самой Греціи. По даннымъ его біографіи видимъ, что Максимъ Грекъ по окончаніи ученія на родинѣ уѣхалъ продолжать обр зованіе на Западъ: во Флоренцію, Феррару, Падую, Миланъ. Па ніе активной жизни въ Византіи оказало вліяніе и на Западъ. Гр

[1]) Изъ жизнеописаній Максима Грека и очерковъ его дѣятельности наи обширнымъ являются: трудъ В. С. Иконникова. „Максимъ Грекъ“, Кіевъ, 18 (изъ Унив. Изв. 1865—66 гг.), обстоятельная статья А. В. Горскаго, „Ма Грекъ-святогорецъ“ М. 1859 г. (изъ „Прибавленій къ Твор. св. отецъ въ рус. т. 18). Изъ болѣе новыхъ популярныхъ статей можно указать Ѳ. Ѳ. Нелидо Грекъ“ въ „Десяти чтеніяхъ по литературѣ“. М. 1895 г.; кромѣ того, см. Мак Ист. цер., т. VI, и Голубинскаго, Ист. пер., т. II, стр. 685 и сл.

искали себѣ и своей культурѣ спасенія на Западѣ, преимущественно въ Италіи, и переселяясь сюда, несли свою образованность, свои греческія рукописи, знаніе древне-греческаго языка и литературы, т.-е. то, что нужно было и Западу въ эпоху Возрожденія. Имъ многимъ обязаны, напр. Боккаччіо, выучившійся греческому языку у заѣзжаго грека, кардиналъ Виссаріонъ, основатель эллинистической школы въ Венеціи. Извѣстно, что и Максимъ Грекъ въ бытность свою въ Венеціи ходилъ для «книжнаго дѣла» въ кружокъ знаменитаго классика типографа Альдо Мануччи, былъ знакомъ или по крайней мѣрѣ видалъ и слушалъ многихъ представителей гуманизма. Есть предположеніе, и вполнѣ вѣроятное, что Максимъ Грекъ былъ нѣкоторое время и въ Парижѣ, который въ XVI в. былъ также однимъ изъ центровъ гуманистической учености, въ частности греческой (во главѣ парижской школы стоялъ ученый грекъ Ласкарисъ).

Итакъ, Флоренція была первымъ городомъ Запада, въ которомъ пришлось болѣе или менѣе долго прожить греческому ученому монаху (около пяти лѣтъ). Въ это время Флоренція была крупнѣйшимъ въ Италіи умственнымъ и научнымъ центромъ гуманизма (время Медичи). Максимъ Грекъ въ своихъ сочиненіяхъ часто потомъ упоминаетъ и про Флоренцію, и про Венецію, и про тогдашняго знаменитаго флорентійскаго проповѣдника, борца противъ крайностей гуманизма, папства— Савонаролу. Іеронимъ Савонарола, въ послѣдніе годы своей жизни и славы (около 1498 г.), можетъ-быть, былъ учителемъ и Максима Грека, во всякомъ случаѣ не остался безъ вліянія на взгляды Максима Грека на отношенія древняго христіанства къ современному. Савонарола— истинный аскетъ, высоко образованный человѣкъ, глубоко вѣрующій, отмѣтилъ наглядно разницу между старымъ идеальнымъ христіанствомъ и одностороннимъ его истолкованіемъ въ современной ему папской Италіи. Онъ первый увидѣлъ крайности эпохи Возрожденія—крайности, нашедшія отраженіе, напримѣръ, въ сложившемся тогда анекдотѣ о ричисленіи Платона къ святымъ или въ противоположеніи христіанва (конечно, въ тогдашнемъ его пониманіи) античному міру, не въ льзу перваго... Идеалъ Савонаролы лежалъ позади—въ древнемъ стіанствѣ. Савонарола настаивалъ на необходимости возстановле- христіанства, какъ силы духовной, моральной, долженствующей жить противовѣсомъ институту папства съ его свѣтской властью, ращенностью, служеніемъ мірскому и т. д.. Папа Александръ IV, ивъ котораго шелъ Савонарола, обвинилъ его въ ереси и пригоъ къ сожженію на кострѣ, хотя Савонарола, въ сущности, ереъ не былъ, а былъ только обличителемъ недостатковъ папства и дательныхъ послѣдствій увлеченія античнымъ міромъ въ его истол-

кованіи XV вѣка. У Савонаролы и Максима Грека, правда, прямыхъ точекъ соприкосновенія не видимъ (хотя о немъ Максимъ Грекъ и вспоминаетъ съ большимъ уваженіемъ)[1]), но все-таки весьма возможно, что вліяніе перваго сказалось на второмъ. Хотя московская среда XVI в. и не давала много поводовъ для примѣненія возвышеннаго міросозерцанія, будучи слишкомъ элементарной для образованнаго на Западѣ грека, но все же иногда Максимъ высказывался о своихъ идеалахъ въ положительной формѣ, при чемъ обнаруживалъ, что между нимъ и Савонаролой есть нѣкоторая общность. Эти точки соприкосновенія касаются общихъ представленій о христіанскомъ аскетизмѣ, восходящихъ къ идеалу первыхъ вѣковъ христіанства. Кромѣ того, Савонаролу и Максима Грека роднила искренняя вѣра, стремленіе постичь духъ христіанства, а не его внѣшность (какъ это было въ Москвѣ, а въ значительной степени и на средневѣковомъ Западѣ). Однако вліяніе Савонаролы сказалось не только въ этомъ, но повидимому, и во всемъ складѣ научныхъ воззрѣній Максима Грека; впрочемъ, это вліяніе можетъ быть отнесено къ равнымъ правамъ и на долю Савонаролы и гуманизма вообще, поскольку представителемъ его былъ и Савонарола. Пріемы, посредствомъ которыхъ Максимъ Грекъ доказывалъ справедливость своихъ православныхъ воззрѣній, несомнѣнно стоятъ въ связи съ западной наукой; стало-быть, эта связь между ними можетъ быть объясняема и на общей почвѣ вліянія этой стороны гуманистической науки на того и на другого.

Легко понять, что по пріѣздѣ на Русь (1518 г.), гдѣ Максимъ на первыхъ же порахъ долженъ былъ встрѣтиться со всякими «нестроеніями» и почти чуждыми ему міросозерцаніемъ и житейской обстановкой, необычно низкимъ уровнемъ книжнаго образованія въ большинствѣ господствующаго класса, ему при всемъ его благодушіи и религіозно-примиряющемъ настроеніи пришлось чуть не тотчасъ же притти въ столкновеніе съ новой для него средой. Представители офиціальн[о] признаваемой литературы, которые ютились около людей власть им[ѣю]щихъ, въ значительной степени были принципіальными, въ лучш[емъ] случаѣ практическими, противниками чужого, подрывавшаго своимъ [по]явленіемъ ихъ авторитеты и выгоды пришельца, хотя и вызванна[го и] поддерживаемаго самимъ великимъ княземъ; по своимъ взглядамъ, [схо]ластически формальнымъ, по своему ничтожному образованію, скорѣ[е на]читанности и развитію, Максиму Греку эти люди были, разумѣ[ется,] ...

[1]) „Я бы съ радостью сравнилъ ихъ (Савонаролу и двухъ его учениковъ, [если] бы они не были латиняне вѣрою, съ древними защитниками благочестія“, [вспоми]наетъ Максимъ Грекъ (См. соч. III, 194).

чужды; къ тому же и самое дѣло, для котораго его и позвали на Русь, по самому своему смыслу едва ли было ему подходящимъ, особенно въ первое время. Дѣло это (переводъ и исправленіе русскихъ богослужебныхъ книгъ, книгъ, нужныхъ для обихода русскихъ читателей) прежде всего требовало хорошаго знанія не только греческаго, но и языковъ старо-славянскаго и русскаго книжнаго, а Максимъ Грекъ этихъ языковъ не зналъ (о чемъ писали и пославшіе Максима святогорцы) въ первое время пребыванія въ Россіи; самое большее, чего можно было ожидать отъ него, что—знаніе самыхъ общепринятыхъ житейскихъ оборотовъ, усвоенныхъ имъ на пути въ Россію, и въ лучшемъ случаѣ кое-какого знакомства со славянской книгой, полученнаго еще въ Аѳонѣ, гдѣ среди греческаго монашества было и славянское (какъ предполагаютъ нѣкоторые біографы Максима).

Когда Максимъ Грекъ прибылъ въ Москву, то онъ былъ принятъ великимъ княземъ съ большой честью. Ему, какъ человѣку ученому (говоритъ позднее сказаніе XVII в.), была показана великокняжеская библіотека, которая, якобы, поразила Максима Грека своимъ богатствомъ: по его, якобы, словамъ, ни Греція ни Италія не имѣли такого богатства. Эта библіотека, по мнѣнію Пыпина и другихъ изслѣдователей, состояла, вѣроятно, изъ книгъ, получаемыхъ въ видѣ подарковъ съ Востока, отчасти собранныхъ прежними князьями, отчасти вывезенныхъ въ Москву изъ Греціи и Рима, особенно, при царицѣ Софьѣ Палеологъ [1]). Въ этой библіотекѣ находилась, будто бы, и та греческая «Толковая псалтырь», которую поручено было Максиму Греку перевести въ качествѣ первой ученой работы по его пріѣздѣ въ Москву.

Переводъ этотъ считали нужнымъ въ Москвѣ въ виду важности самой книги для православныхъ: въ данное время борьба съ жидовствующими еще продолжалась, а псалтырь (особенно «Толковая») играла видную роль, какъ матеріалъ для этой борьбы; старые же тексты «Толковой Псалтыри» (такъ называемое Ѳеодоритово, Аѳанасіево толкованія), бывшіе въ славянскомъ переводѣ на Руси уже въ XI—XII вв., ...вно уже не удовлетворяли при новыхъ условіяхъ, создавшихся подъ ...яніемъ этой борьбы въ XV—XVI в.. Такъ какъ Максимъ мало разу...ъ церковно-славянскій языкъ, первому знакомству съ которымъ онъ ... обязанъ скорѣе всего спутникамъ-славянамъ, которые сопрово-

---

[1]) Вопросъ объ этой библіотекѣ (гдѣ ее искать, сохранилась ли она) вызвалъ цѣ... ...итературу. Наиболѣе обстоятельные труды: Н. П. Лихачевъ. Библіотека и ар... Московскихъ государей XVI в. (Спб. 1894 г.); С. А. Бѣлокуровъ. О библіотекѣ ...вскихъ государей (М. 1899 г); это особенно полная и цѣнная работа; авторъ ...оненъ отрицать даже самое существованіе такой библіотеки, а во всякомъ ... библіотеки, богатой иноземными книгами (см. стр. 316—317).

ждали его по югу Руси, то ему въ помощники дали русскихъ «книжныхъ людей»: извѣстнаго Д. Герасимова и нѣкоего Власія, хорошо знакомыхъ съ латинскимъ языкомъ, которымъ, конечно, владѣлъ и Максимъ, учившійся въ Италіи; были также прикомандированы къ нему и писцы: монахъ Сергіева монастыря Силуанъ и Михаилъ Медоварцевъ. Максимъ Грекъ, сѣвши за работу перевода «Толковой псалтыри», пользовался латинскимъ языкомъ: онъ переводилъ толкованія съ греческаго на латинскій, а его помощники уже съ латинскаго на славяно-русскій, т.-е. тогдашній церковно-славянскій литературный языкъ. При такомъ положеніи дѣла, разумѣется, контроль перевода со стороны главнаго переводчика Максима былъ невозможенъ. Все это не могло обѣщать безусловно хорошихъ результатовъ. Тутъ-то и начинаются столкновенія Максима Грека съ русскими книжниками, кончившіяся такъ печально для Максима Грека. Дѣло, кромѣ того, естественно, шло медленно при такомъ двойномъ переводѣ. Трудъ перевода «Толковой псалтыри» занялъ годъ и 5 мѣсяцевъ. Этотъ трудъ вызвалъ уже недовольство даже среди сотрудниковъ Максима Грека. Указывали на то, что Максимъ Грекъ слишкомъ смѣло измѣнялъ мѣстами текстъ св. книги, хотя на самомъ-то дѣлѣ это были лишь просто исправленія грамматическихъ и стилистическихъ ошибокъ или же удаленіе явныхъ несообразностей, вкравшихся въ славянскій текстъ послѣ ряда копій безъ свѣрки съ подлинникомъ. Максимъ смотрѣлъ на свое дѣло съ точки зрѣнія филологической и научно-критической, а его окружающіе съ буквалистической, т.-е. попросту не понимали основаній его исправленія. Но первое столкновеніе сравнительно благополучно кончилось для Максима Грека. Великій князь передалъ трудъ Максима Грека на разсмотрѣніе митроп. Варлаама. Церковныя власти отозвались о трудѣ Максима Грека съ великой похвалой, Максимъ Грекъ получилъ награду и «великую мзду». Спутники Максима Грека съ подарками были отпущены на Святую гору, самъ же Максимъ былъ удержанъ для другихъ трудовъ.

Теперь ему было поручено митрополитомъ нѣсколько другихъ бо-лѣе отвѣтственныхъ работъ: переводъ своднаго толкованія на Дѣя[illegible] апостольскія и др., исправленіе книгъ богослужебныхъ, прежде вс[illegible] Тріоди, Часослова, служебной (праздничной) Минеи и др.. Здѣсь [illegible] въ славянскомъ текстѣ опять нашелъ важныя ошибки, которыми и[illegible] жалась даже самая христіанская догматика, о чемъ откровенно и [illegible] жденно заявилъ своимъ заказчикамъ. Благодаря самому способу [illegible] ревода, т.-е. тому, что Максимъ Грекъ говорилъ по-латыни, а [illegible] помощники переводили уже на русскій литературный языкъ, если [illegible] несообразности были удалены изъ книгъ, то вкрались и нѣкот[illegible] дѣйствительно, ошибки, хотя и незначительныя, на этотъ разъ [illegible]

сдѣланныя М. Г., вслѣдствіе не нормальныхъ условій работы; къ тому же надо прибавить, что эти исправленія относятся еще къ начальной порѣ пребыванія Максима, не успѣвшаго достаточно овладѣть русской рѣчью; а при подобной работѣ точное и отчетливое знаніе языка, разумѣется, одно изъ главныхъ условій ея успѣха. Московскіе туземные начетчики, благоговѣвшіе (искренно или нѣтъ) передъ буквой, у которыхъ, благодаря Максиму, дѣло теперь уходило изъ-подъ рукъ, постарались раздуть значеніе этихъ ошибокъ, обвинили Максима Грека въ еретичествѣ, въ умышленной порчѣ книгъ, всячески стараясь очернить его, выставить опаснымъ человѣкомъ, доходя даже до обвиненія его въ сношеніяхъ съ врагами христіанства—турками [1]), и т. д. Дѣло, такимъ образомъ, принимало для Максима Грека дурной оборотъ, особенно, когда М. лишился поддержки великаго князя и митрополита [2]). Рѣшено было созвать соборъ (1525). Передъ соборомъ Максимъ оправдывался отъ обвиненія его въ ереси, которую видѣли въ его суровомъ отношеніи къ славянскимъ текстамъ, искаженнымъ временемъ и переписчиками; оказался онъ виноватъ и въ томъ, что на монастырскія владѣнія, какъ аскетъ, смотрѣлъ иначе, нежели соборъ, составленный изъ Іосифлянъ; онъ просилъ прощенія, но безуспѣшно, съ нимъ торопились расправиться, уничтожить его; онъ былъ осужденъ, заточенъ въ монастырѣ своихъ принципіальныхъ противниковъ—въ мон. Волоколамскомъ. Такимъ образомъ, первые же труды Максима Грека, не понятые и не оцѣненные въ Москвѣ, стали прежде всего источникомъ для его гоненій и заточеній со стороны людей, боявшихся его вліянія и дрожащихъ за свое значеніе. Въ заточеніи онъ написалъ, однако, рядъ обличительныхъ посланій, касающихся русскаго духовенства, нравственнаго состоянія Руси, ея вельможъ и т. д.; это только подливало масла въ огонь. Въ 1531 г. его опять вытребовали на соборъ по тому же дѣлу, снова обвинили въ порчѣ св. книгъ и ересяхъ, въ неблагосклонномъ отношеніи къ русскимъ порядкамъ, къ монастырскимъ порядкамъ (М. Г. былъ противъ монастырскихъ владѣній, а у власти

[1]) Дѣло въ послѣднемъ случаѣ было проще: Максимъ вошелъ въ сношенія съ ...нами посольства, состоящаго въ значительной степени изъ его земляковъ-грековъ, ... вполнѣ понятно; посольство же прибыло изъ Турціи.

[2]) Великій князь охладѣлъ къ Максиму послѣ того, какъ Максимъ не одобри...но отозвался о намѣреніи великаго князя развестись съ прежней женой (Соломо...) и жениться на Еленѣ Глинской; митрополитомъ въ это время сталъ уже Даніилъ, ... школы Іосифа Волоколамскаго; а съ этой партей М. Г., какъ увидимъ, сойтись ...огъ по убѣжденіямъ; если онъ и сталъ къ кому ближе, то къ „заволжскимъ ...амъ“, къ которымъ близокъ былъ и предъидущій митрополитъ Варлаамъ; лично ...имъ былъ знакомъ и съ Вассіаномъ Патрикѣевымъ; это несомнѣнно усугубляло ...вину“ въ глазахъ стоявшихъ у власти „іосифлянъ“.

были Іосифляне), вновь осудили еще суровѣе: вѣрующаго человѣка лишили права причащенія. Его пересылаютъ изъ одного монастырскаго заключенія въ другое,—изъ Волоколамскаго монастыря въ Тверской Отрочь—и только подъ конецъ жизни (въ 1551 г.), когда уже сошли со сцены люди, погубившіе его, Максимъ переведенъ былъ въ Троицкую лавру, гдѣ онъ и умеръ въ 1556 году глубокимъ старцемъ, измученный въ заточеніяхъ, обремененный недугами. Но Максимъ, несмотря на всѣ гоненія, не отказался отъ своихъ убѣжденій,—и большая часть его многочисленныхъ сочиненій писана имъ во время этихъ заточеній; онъ успѣлъ уже овладѣть русскимъ литературнымъ языкомъ, хотя пишетъ на немъ стилемъ довольно тяжелымъ и своеобразнымъ; онъ неустанно работаетъ, борется за свои идеи, противъ мрака невѣжества на Руси, противъ порядковъ старѣющагося московскаго консервативнаго режима. Большинство его работъ носитъ характеръ обличительный, боевой.

Переходя къ литературной дѣятельности Максима Грека, мы должны сказать, что она направлена была, главнымъ образомъ и прежде всего, на пересмотръ, на приведеніе въ порядокъ той части русской литературы, на которой покоилось старое міросозерцаніе; это—труды по исправленію и переводу книгъ; о нихъ была рѣчь выше.

Вторая группа его сочиненій касается, главнымъ образомъ, религіозной стороны русской жизни, современнаго ея состоянія: это—сочиненія, направленныя противъ суевѣрій, распространенныхъ не только въ массѣ, но и среди болѣе или менѣе начитанныхъ и даже передовыхъ людей, и суевѣрной литературы, какъ старой, такъ и ему современной, какъ консервативной, такъ и либеральной, приносимой раціоналистами-западниками, противъ неправильнаго пониманія церковныхъ обычаевъ, искажавшаго самое внутреннее пониманіе вѣры, противъ сильно пошатнувшихся нравовъ и обычаевъ современнаго, преимущественно чернаго духовенства.

Третій рядъ работъ Максима касался общественныхъ отношеній, поскольку они обусловливали общее неудовлетворительное состояні московскаго общества: это—его сочиненія о самомъ строѣ Русска государства, нестроеніяхъ въ немъ.

Наконецъ, четвертая группа касалась просвѣщенія и образова въ Россіи: это—имѣвшіе практическое назначеніе труды М. Г. по п вильной постановкѣ изученія греческаго языка въ Россіи, по русс грамматикѣ и т. п. [1]).

---

[1]) Довольно подробное изложеніе главнѣйшихъ работъ М. Г. см. въ Ист. лит. Порфирьева, I, 515—535; также у Е. В. Пѣтухова. Русск. литер. дре

Передъ Максимомъ Грекомъ, при появленіи его въ Россіи, было, какъ мы знаемъ, два главныхъ лагеря: консервативный и прогрессивный. Къ какому же изъ этихъ двухъ лагерей примкнулъ Максимъ Грекъ? Судя по сочиненіямъ, Максимъ Грекъ до извѣстной степени представляется поборникомъ старой, консервативной партіи, но притомъ, конечно, онъ не можетъ быть сочтенъ ортодоксальнымъ ея сторонникомъ, ея активнымъ дѣятелемъ. Онъ служитъ въ отдѣльныхъ случаяхъ ея интересамъ, но служитъ постольку, поскольку допускало его собственное міросозерцаніе; но въ то же время онъ еще чаще рѣзко критикуетъ тѣ убѣжденія этой партіи, которыя онъ считаетъ несогласными съ его пониманіемъ истинъ христіанства и православія. Самая степень образованности Максима не позволяла ему идти съ этой группой. Въ то же время мы видимъ, что онъ не перешелъ и на сторону нашихъ западниковъ и вообще раціоналистовъ, т.-е. не являлся и сторонникомъ прогрессивной партіи. Онъ столь же энергично обличаетъ то, что вносимо было у насъ нашими западниками, разъ это расходилось съ тѣми же его убѣжденіями; онъ относится отрицательно къ латыни «съ ея прелестью», хотя, ясно, и пользуется методами современной европейской науки. Ближе, нежели къ этимъ группамъ, стоитъ Максимъ къ «заволжскимъ старцамъ» (оно понятно: его и ихъ аскетическіе взгляды идутъ изъ одного источника—византійско-аѳонской аскетической школы); но если, какъ аскетъ, какъ человѣкъ, изучающій сознательно писаніе, онъ сближается со старцами, то какъ публицистъ, общественный писатель Максимъ не стоитъ въ связи съ заволжцами: послѣдніе область публицистики считали для себя почти чуждой. Ясно, что Максимъ Грекъ оставался вполнѣ самостоятельнымъ среди этихъ русскихъ партій; причиной этого было то, что ни прогрессисты, ни консерваторы не могли удовлетворить Максима по цѣлому ряду весьма существенныхъ вопросовъ, прежде всего въ религіозной области, но также и обще-этической, не давали отвѣтовъ въ томъ именно духѣ, какой подходилъ къ его міросозерцанію. Гуманизмъ также не увлекъ Максима Грека: онъ далъ ему только матеріалъ, научный методъ, но по сущности остался ему чуждъ: М. Г. оставался православнымъ византійцемъ, грекомъ, патріотомъ [1]). Гуманизмъ помогъ ему лишь глубже заглянуть въ православіе, найти для него новую опору въ наукѣ, возводя его до проникновенія въ самую суть христіанства (ср. Нила Сорскаго).

...ъ (изд. 2-е), стр. 165 и сл.. Сочиненія М. Г. (хотя и не всѣ) изданы были въ ..., 1859—1862 г., въ трехъ томахъ; есть и русскій ихъ переводъ, изданный въ трехъ книжкахъ Троицкой Лаврой въ 1910—11 гг.

[1]) Подробнѣе объ этомъ см. Н. К. Гудзій, „М. Г. и его отношеніе къ эпохѣ ...скаго возрожденія“ (Кіевск. унив. изв. за 1911 г.).

Какъ православный, глубоко и сознательно вѣрующій, Максимъ, конечно, не могъ противуполагать христіанство гуманизму, какъ на западѣ противуполагали ему католицизмъ (разумѣется, папскій), но симпатіи къ гуманизму не питалъ, а къ «латинству» питалъ лишь антипатію, какъ православный византіецъ; не могъ онъ симпатизировать и нашимъ западникамъ, бравшимъ рядомъ съ раціонализмомъ и средневѣковую, суевѣрную книгу Запада. Также мало его, духовнаго христіанина, конечно, могла удовлетворить и московская формалистика, обрядность.

Когда Максимъ Грекъ прибылъ въ Москву, то онъ засталъ здѣсь споръ между теченіемъ не чисто западнымъ, а чуть-чуть лишь проникнутымъ идеями Запада (или правильнѣе, предшественникомъ ранняго гуманизма), именно, «жидовствующими» раціоналистами и теченіемъ старовизантійскимъ, схоластическимъ, дошедшимъ до крайности въ своемъ формальномъ отношеніи къ окружающему и прежде всего къ дѣлу вѣры. Свѣтлымъ пятномъ на этомъ темномъ фонѣ русской жизни были знаменитые «заволжскіе старцы», Нилъ Сорскій, со своими единомышленниками. Максимъ Грекъ въ общемъ своемъ образованіи стоялъ, разумѣется, много выше нашей западнической партіи, получившей изъ западной Европы уже отсталые элементы; видѣлъ ея отрицательныя стороны ясно. Въ сочиненіяхъ Максима Грека есть относительно этого указанія. Такова, напр., его статья объ «Луцидаріусѣ», чтеніемъ котораго (тогда только что явившагося въ переводѣ) увлекался одинъ изъ знакомыхъ М. Г., какой-то «киръ-Георгій». Для Максима «Луцидаріусъ» былъ отсталымъ памятникомъ и въ научномъ отношеніи и не правильнымъ съ точки зрѣнія христіанскаго мышленія; и дѣйствительно, «Луцидарій» былъ устарѣлой, для своего времени грубой (въ научномъ отношеніи) средневѣковой книгой, полународной [1]). Максимъ Грекъ пишетъ затѣмъ рядъ сочиненій противъ астрологіи, противъ гадательной литературы, отчасти принесенной жидовствующими, отчаст[illegible] проникавшей съ отзвуками литературы эпохи Возрожденія. А литерату[illegible] эта, какъ дававшая нѣчто новое для новичка-русскаго, даже нау[illegible] (на дѣлѣ—quasi-научное), была въ большомъ ходу у прогрессист[illegible] жаждавшихъ выхода изъ московскаго заколдованнаго круга. Это[illegible] Максима Грека было въ то же время протестомъ противъ того[illegible] онъ видѣлъ и на Западѣ. Тамъ въ исторіи развитія гуманизма [illegible] чается между прочимъ одна, на первый взглядъ довольно стр[illegible]

---

[1]) Подробнѣе о немъ см. у Н. С. Тихонравова, Соч. I, 304 и сл. [illegible] Архангельскаго. Къ исторіи древне-русскаго Луцидаріуса (Казань, 1[illegible] переведенъ на русскій съ нѣмецкаго; нѣмецкій же оригиналъ восходитъ къ с[illegible]ческому латинскому трактату XI—XII в.

черта: рядомъ съ освобожденіемъ человѣческаго мышленія отъ церковной схоластики, раціонализмомъ, увлеченіемъ классическимъ міромъ, мы видимъ развитіе того же средневѣковаго начала, которое выражалось въ астрологіи, особенно процвѣтавшей какъ разъ среди наиболѣе убѣжденныхъ сторонниковъ гуманизма; герцогъ флорентійскій, ярый послѣдователь идей гуманизма, напр., имѣлъ цѣлый штатъ астрологовъ, безъ совѣта съ которыми не дѣлалъ ни одного шага; составленіе гороскоповъ, прогностиковъ является чуть ли не государственнымъ дѣломъ. Объясненія этого страннаго явленія нужно искать въ психологіи человѣка XV—XVI в.: подорвана старая религіозная основа, питавшая его рядъ столѣтій, ставшая привычной, а новая еще не найдена,—является пустота; мысль въ безпомощности ищетъ опоры, привычной поддержки, хотя бы и неосновательной и неавторитетной. Такимъ критическимъ періодомъ перелома между средними и новыми вѣками, повидимому, и была эпоха гуманизма [1]). Къ намъ на Русь приходила не та астрологія, которая была на западѣ у гуманистовъ, облеченная въ форму науки (хотя и ненаучная въ основѣ), а въ значительной степени упрощенная, старая, средневѣковая, грубая, каковы, напримѣръ, «Альманахъ» или «Звѣздочетцы», памятники, подправленные специфической еврейской окраской (попавшіе впослѣдствіи и въ индексъ книгъ ложныхъ). Стремленіе заполнить пустоту видимъ и у насъ на Руси, хотя эта пустота создалась и иначе, но переломъ міросозерцанія начался и у насъ; вѣра въ непреложность старой религіозной догмы пошатнута, для научнаго, въ прямомъ смыслѣ слова, міросозерцанія основъ не было. Для М. Г. предметомъ отрицанія явилась самая сущность астрологической науки, а не то обстоятельство, что то или иное явленіе пришло съ Запада; поэтому, онъ, полемизируя противъ Николая Нѣмчина, распространявшаго у насъ астрологическую «науку», полемизируетъ не противъ западника, а противъ «звѣздосказанія», «звѣздозрительныхъ прелестей». Косвенно же его политика является направленной противъ не симпатичнаго ему Запада: отсюда вѣдь шла эта ...гопротивная, враждебная христіанству книга.

Какъ человѣкъ, воспитавшійся на христіанскихъ истинахъ, М. Г. ...е на Западѣ отнесся отрицательно къ развитію астрологической ли...атуры. Противъ нея выступалъ на Западѣ и знаменитый Савона...а. Такимъ образомъ, по вопросу о преслѣдованіи астрологическихъ ...ъ М. Грекъ оказался солидарнымъ съ консервативной партіей. ...консервативная партія высказалась прежде всего противъ астро-

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ въ книгѣ Н. В. Сперанскаго „Вѣдьмы и вѣдов... (М. 1906).

логіи, какъ науки, пришедшей къ намъ съ ненавистнаго Запада и съ формальной стороны бывшей подъ запретомъ церкви. Максимъ же Грекъ выступалъ противъ нея, какъ человѣкъ, видѣвшій противорѣчіе между христіанскимъ представленіемъ о Промыслѣ Божіемъ и пользованіемъ гадательными астрологическими книгами: если звѣзды управляютъ судьбой человѣка, то какъ допустить участіе Промысла во всемъ, совершающемся въ мірѣ? Такимъ образомъ, Максимъ Грекъ не стоялъ на почвѣ старорусской консервативной партіи, если и сходился съ нею въ отрицательномъ взглядѣ на то или иное явленіе. Это видно и изъ того, что онъ не считался съ тѣмъ, откуда шло ложное воззрѣніе. Рядомъ со статьями противъ «Луцидаріуса», «Альманаха» и пр. стоятъ его статьи противъ давно существовавшихъ въ русской литературѣ и пользовавшихся довѣріемъ у начитанныхъ русскихъ людей воззрѣній, которыя онъ также осуждалъ, какъ не согласныя съ правильнымъ пониманіемъ христіанства. Таковы, напримѣръ, статьи его о существующихъ на Руси различныхъ повѣрьяхъ, въ родѣ мнѣній о томъ, что на Пасхѣ всю недѣлю солнце не заходитъ, что умершіе на пасхальной недѣлѣ попадаютъ прямо въ рай, независимо отъ своихъ достоинствъ и пр. Всѣ эти суевѣрія опирались на легендарную двоевѣрную литературу, издавна распространенную на Руси, а потому и пользовавшуюся кредитомъ. М. Г. выступилъ и противъ такихъ апокрифовъ, какъ «Повѣсть Афродитіана персянина» о рожденіи Спасителя, давно уже существовавшая и весьма популярная. Эта причудливая смѣсь христіанской легенды съ восточными, христіанскихъ воззрѣній съ языческими вызвала энергичный протестъ со стороны Максима [1]). Все это показываетъ, что М. Грекъ не держался воззрѣній какой-либо изъ русскихъ тогдашнихъ партій, руководился въ своей дѣятельности лишь своимъ убѣжденіемъ; въ то же время и его методы защиты своихъ воззрѣній и полемики противъ того, что онъ видѣлъ, рѣзко отличаютъ его отъ московскихъ консерваторовъ. Сочиненія Максима носили естественно, характеръ преимущественно полемическій, обличительный. Они были направлены, во-первыхъ, какъ мы видѣли, противъ астро-логической, гадательной литературы.

Разсужденія М. Грека по этому поводу приблизительно въ общ... таковы: разъ Богъ управляетъ міромъ, то вѣрованія, будто на ж... человѣка оказываютъ вліяніе планеты, звѣзды, погода и пр., не дол... имѣть мѣста. Вѣдь, возникалъ вопросъ: кто же тогда является г... диномъ въ природѣ? Повидимому, кромѣ Бога, надо признавать и...

[1]) Объ этой повѣсти см. П. Е. Щеголевъ. Очерки изъ исторіи отре... литературы. Изв. отд. рус. яз. и сл. И. А. Н. IV, 1, 3. Повѣсть была отмѣ... индексомъ ложныхъ книгъ.

какую-то темную силу. Вотъ противъ признанія этой темной силы и возставалъ Максимъ Грекъ.

Въ своей полемикѣ онъ примѣнилъ новый для русскихъ книжниковъ XVI в. пріемъ; онъ состоитъ въ томъ, что онъ не сопоставляетъ суевѣрій формально прямо съ ученіемъ Христа, указывая на ихъ противорѣчіе съ нимъ и т. о. отвергая мнѣніе, противное ученію, а подходитъ къ нимъ съ научной точки зрѣнія: онъ ищетъ подтвержденія этому несоотвѣтствію внѣ области догматики. Въ эпоху Возрожденія получаютъ признаніе методы мышленія, забытые или полузабытые средневѣковой схоластикой, формальной стороной мышленія; эти методы вели къ строго установленному, чисто научному мышленію. Ихъ-то и усвоилъ Максимъ. Взявши напр., «Луцидаріусъ», онъ спрашиваетъ себя: нѣтъ ли внутри его, въ самомъ его содержаніи, погрѣшностей противъ основныхъ законовъ мышленія, нѣтъ ли внутреннихъ логическихъ противорѣчій? Если противорѣчіе оказывалось, то это служило яснымъ знакомъ несостоятельности самой мысли, лежащей въ основѣ сочиненія; отсюда необходимость отвергнуть и самое произведеніе, какъ противное логикѣ. Въ XVI вѣкѣ на Руси господствовало полнѣйшее преклоненіе передъ авторитетомъ священнаго писанія, притомъ въ расширенномъ пониманіи этого термина—вплоть до церковнаго писанія вообще (а другихъ писаній, кромѣ такихъ, было немного). Писаніе, такимъ образомъ, оставалось совершенно свободнымъ отъ прикосновенія критики. Но Максимъ требовалъ и здѣсь примѣненія хотя бы элементарныхъ правилъ критики, основанной на законахъ логики. Въ самой вещи мы не можемъ прямо уловить ошибки мысли, такъ какъ, если и обѣ предпосылки были ложны, то ложь вывода не можетъ быть ясной для насъ: выводъ можетъ быть построенъ правильно относительно посылокъ; поэтому слѣдующая ступень критики—повѣрка правильности мысли путемъ провѣрки тѣхъ посылокъ, на которыхъ строится заключеніе. Данные факты должны быть ...опоставляемы съ фактами изъ другой области, и только тогда они ...гутъ быть пригодными для дальнѣйшаго заключенія. Разбирая при... ...енныя въ нашу литературу раціоналистами книги, напр., «Аристо... ...вы врата», Максимъ Грекъ указывалъ на то, что въ сочиненіи ...ъ есть глава астрологическая: въ ней разсказывается о томъ, какъ ..., выступая противъ врага, долженъ узнавать заранѣе о возможномъ ...льтатѣ битвы, примѣняя при этомъ гаданіе по буквамъ имени своего ...его противника. М. Грекъ, выступаетъ противъ такого совѣта узна... будущее. Ему указываютъ, что книга эта не ложная, потому что ...ана для извѣстнаго царя Александра Македонскаго знаменитымъ ...отелемъ, также лицомъ историческимъ. М. Г., возражая, говоритъ: ...же можно найти указанія на то, будто бы Александръ Македонскій

одерживалъ побѣды, благодаря гаданіямъ?» Исторія этого не указываетъ. Не говоритъ о чемъ-либо подобномъ вообще и священное писаніе. Отсюда тотъ выводъ, что, значитъ, фактъ не подтвержденъ, положеніе о пользѣ гадательныхъ книгъ принято быть не можетъ; слѣд. и все сочиненіе «Аристотелевы врата»—ложь. Возникалъ вопросъ объ авторитетѣ священнаго писанія: старый книжникъ говорилъ объ боговдохновенности священнаго писанія; это убѣжденіе было имъ перенесено и на писаніе святыхъ отцовъ и учителей церкви, а потомъ и вообще на всякую церковную письменность; Максимъ же Грекъ говоритъ, что трудно примѣнить критическій методъ къ элементамъ вѣры, но не примѣнять этого метода нельзя. Хотя священное писаніе и авторитетно, но мы все же должны, чтобы понимать его, критически къ нему относиться. Несмотря на требованія старо-консервативной партіи не подвергать критикѣ священное писаніе, какъ предметъ достойный необычайнаго уваженія, святой, стоящій выше покушеній ума человѣческаго, Максимъ Грекъ принесъ и сюда свой смѣлый научный методъ. Съ этой точки зрѣнія Максимъ Грекъ не могъ быть понятенъ для тогдашнихъ людей. Съ другой стороны, эти старые люди измѣряли Максима Грека старой же мѣркой, критиковали его при помощи формальныхъ методовъ, въ результатѣ чего и получалось взаимное непониманіе.

Въ результатѣ и всего направленія дѣятельности Максима Грека у насъ на Руси въ XVI в. не понимали, а потому заслугъ его современники въ массѣ не оцѣнили. Максимъ Грекъ—моралистъ-критикъ по преимуществу. Это обстоятельство еще болѣе усугубляло его тяжелое положеніе.

Необходимость реформы чувствовалась всѣми, даже далеко не передовыми людьми; она прямо-таки, можно сказать, висѣла въ воздухѣ. Умственное и политическо-общественное состояніе Руси XVI в. ясно показывало невозможность оставаться долѣе въ томъ же положеніи: люди прогрессивнаго порядка чувствовали непригодность старыхъ устоевъ, дряблость современныхъ традиціонныхъ началъ и безсознательн[illegible] шли къ отмѣнѣ стараго міросозерцанія, ища источниковъ обновленія и ви[illegible] ихъ въ западной жизни и культурѣ, конечно, далеко еще не буд[illegible] въ состояніи критически разобраться въ томъ, что давалъ Западъ; [illegible] того рядомъ съ дѣйствительно культурными прогрессивными начал[illegible] (напр., въ области науки) пріобрѣтались и отжившія: выросше[illegible] тѣхъ же старыхъ основахъ, но при иныхъ условіяхъ, принималос[illegible] новое, прогрессивное (астрологія, средневѣковая наука). Люди ко[illegible] вативнаго направленія также чувствовали ненормальность совреме[illegible] положенія, но причину этой неурядицы видѣли въ искаженіи ста[illegible] основъ, считавшихся ими незыблемыми и вѣчными; поэтому, не от[illegible] необходимости реформы, они средства ея видѣли въ прошломъ, [illegible]

рое должно быть лишь вновь правильно понято, и это правильное пониманіе должно быть вновь проведено въ жизнь. Иначе: съ одной стороны, смѣлость мысли, съ другой, боязнь ея; съ одной стороны, готовность порвать съ традиціей, съ другой стороны—старая исказившаяся традиція, лишавшая мысль силы въ пониманіи этой же самой традиціи. Но обѣ стороны одна сильнѣе, жизненнѣе, другая—слабѣе, вялѣе, чувствовали однако, что реформа, перестройка современности необходима. Нужно было глубокое пониманіе русской жизни, независимость мысли, серьезное образованіе, чтобы сумѣть провести эти реформы. Максимъ Грекъ, не связанный русской традиціей, хотя и родственной ему, византійцу по происхожденію, но чуждый той уродливой односторонности, до какой она дошла на Руси, но не связанный и западной наукой, какъ грекъ, сохранившій въ основѣ богословско-національное отношеніе къ западу и католицизму, М. Г. могъ отнестись объективно на Руси къ русскимъ явленіямъ жизни; а это неминуемо вело его къ критическому отношенію къ окружающему на основѣ тѣхъ идеаловъ, которые вынесены были М. Г. изъ его занятій наукой, а въ частности богословской, прежде всего наукой православно-греческой. Въ виду того, что Русь и ея современная жизнь не были явленіями только національнаго порядка, но столько же христіанско-православнаго, для него создавалась возможность безпристрастнаго отношенія. А такого отношенія не могло быть ни у консерваторовъ, ни у прогрессистовъ на Руси, какъ русскихъ: и тѣ и другіе дѣлали національное дѣло (конечно, понимала каждая сторона его по-своему). Въ своихъ сочиненіяхъ общественно-политическаго характера, благодаря своей безпристрастности и правдивой смѣлости, Максимъ задѣвалъ и патріотическія чувства русскихъ, не могшихъ стать на его точку зрѣнія и требовавшихъ признанія своей, и задѣвалъ не только національныя чувства, но и религіозно-этическія въ пониманіи русскихъ.

Мы знаемъ, что люди извѣстнаго направленія увѣровали въ необыайное высокое предназначеніе Московскаго государства и русскаго на-
да, этого новаго избранника Божія. Это должно было вести къ
къ называемому патріотическому квіэтизму, безсознательному оправ-
ію всего, что связано съ этимъ идеаломъ. М. Г. со стороны видѣлъ,
реформа, если и совершится, не можетъ быть коренной, а будетъ
аться только второстепеннаго, только однихъ частностей, а стало
ь, будетъ безрезультатной: разница идеаловъ М. Г. и русскаго
ества была слишкомъ велика. Если появляется рядъ «Словъ» Ма-
а Грека противъ магометанства [1]), то въ этомъ случаѣ М. Грекъ

1) Это: „Слово обличительно на агарянскую прелесть и умыслившаго ея сквер-

близко сходился съ русскими, традиціонно (отъ тѣхъ же грековъ) усвоившими рѣзко отрицательное къ магометанству-агарянству и въ дѣйствительности имѣвшихъ своими и политическими и національными врагами магометанъ—татаръ: яркое изображеніе страданій христіанъ—грековъ подъ властью агарянъ—турокъ, которое даетъ здѣсь Максимъ, и въ которомъ вылилась скорбь не только христіанина, но и христіанина-грека, это изображеніе вполнѣ было симпатично русскимъ, и они видѣли здѣсь лишь гнетъ агарянъ-еретиковъ на христіанахъ православныхъ. Но когда М. Грекъ отъ критики магометанства переходитъ къ критикѣ современнаго положенія Русскаго государства [2]), отношеніе къ нему, конечно, рѣзко мѣняется, особенно со стороны лицъ, поведеніе которыхъ и образъ мыслей онъ имѣетъ въ виду; а лица эти—господа положенія, правительство и его агенты. Такъ, въ «Словѣ о нестроеніи и безчиніи царей и властей», Русь аллегорически, но совершенно ясно, рисуется царственной женщиной, находящейся на распутьи, облеченной въ траурныя ризы, плачущей и стонущей безутѣшно; ее со всѣхъ сторонъ окружають лютые звѣри: львы, медвѣди, волки. Авторъ ее спрашиваетъ: «чего ради при пустымъ семъ пути сѣдитъ, и какова вина плача и скорби есть?» Жена (т.-е. Россія), имя ея Василія (по-греч.—Царство), отвѣчаетъ, что скорбь ея не только «неудобь сказуема, но и неисцѣльна отъ человѣковъ, ибо ее, дщерь царя и владыки», стараются подчинить себѣ вся славолюбцы и сластолюбцы, которые, одолѣваемые сребролюбіемъ и лихоимствомъ, лютѣйшимъ образомъ морятъ подданныхъ всякими истязаніями; забывъ страхъ Божій, они—«сущіе во властѣхъ—беззаконно пируютъ со всякимъ смѣхотвореніемъ, скверно-словіемъ и буесловіемъ». Въ другихъ «Словахъ» Максимъ прямо указываетъ на русскіе порядки: неправосудіе, мздоимство, фарисейское лицемѣріе вмѣсто истиннаго христіанства, разбои, грабежи, чинимые сильными надъ слабыми, властями надъ подвластными. Картина получается внушительная, но такъ мало похожая на изображеніе «Москвы—третьяго Рима», рисовавшееся воображенію русскихъ патріотовъ, власт-ныхъ консерваторовъ. Не лучшею въ глазахъ Максима представляе-ся и церковная жизнь и ея представители—духовенство: грубое нев-жество духовенства, фарисейство, внѣшнее пониманіе христіанства ем- философу-догматику, бросаются въ глаза, какъ это видно изъ «Слов

наго пса Моамеоа“, Слово 2-е о томъ же, „Отвѣты христіаномъ противу агаря- напечатаны въ Сочин. Максима Грека, I, 63, 106, 122.

[1]) Это его Слова: „О промыслѣ Божіи, благости и человѣколюбіи; въ томъ на лихоимствующихъ“, „Слово, пространнѣе излагающее съ жалостью нестрое- безчинія царей и властей послѣдняго житія“. Изложеніе Словъ смотр. у Порфир- 1, 527—535, изданіе—въ Сочин. Максима Грека, II, 185, 319.

Божіихъ, къ тверскому епископу Акакію» (Соч. М. Г. II, 260). Поводомъ къ «Слову» послужило то, что когда Максимъ Грекъ находился въ заточеніи въ Тверскомъ Отрочемъ монастырѣ (въ 1537 г.), въ Твери случился страшный пожаръ, уничтожившій соборъ, все его имущество, массу домовъ. Максимъ Грекъ пишетъ посланіе: «Какія рѣчи реклъ бы убо къ Содѣтелю всѣхъ епископъ Тверскій (по случаю пожара), и како отвѣщаетъ ему боголѣпнѣ всѣхъ Господь»... Въ видѣ разговора епископа съ Богомъ Максимъ Грекъ указываетъ на совершенно ложное пониманіе вѣры (и это людямъ, считающимъ себя единственнымъ народомъ, сохранившимъ чистоту вѣры): епископъ, постигнутый несчастіемъ, въ недоумѣніи, за что его постигла кара Божія (пожаръ)? онъ, вѣдь, никогда не допускалъ нерадѣнія къ службѣ (строго исполняя обрядъ), всегда соблюдалъ праздники, украшалъ храмы, иконы, заботился о «доброгласныхъ» и звонкихъ колоколахъ? Господь отвѣчаетъ, что все это пріятно Ему только тогда, когда все это приносится «отъ законныхъ снисканій и праведныхъ трудовъ», сопровождается истинно добрыми дѣлами; иначе, это вызываетъ лишь Его гнѣвъ: вотъ причины кары, Имъ ниспосланной на городъ Тверь и его епископа. «Вы, продолжаетъ отъ лица Господа говорить Максимъ, «книгу словесъ моихъ (Евангеліе) снаружи и внутри обильно изукрашаете, а силы заповѣдей моихъ, въ ней написанныхъ, не принимаете и не только не исполняете, но и поступаете противно имъ»... Ясно, что подобные памфлеты противъ готовыхъ успокоиться въ самодовольствѣ и самохваленіи представителей общественной и религіозной мысли не могли привлечь симпатій къ Максиму Греку; за эту откровенность Максиму мстятъ по-своему люди, забывшіе или не желавшіе помнить даже того, что и, по ихъ мнѣнію, онъ сдѣлалъ для нихъ хорошаго. Опредѣленность въ указаніяхъ оскорбила русскихъ людей, которые, разумѣется, не хотѣли сознаться въ своихъ недостаткахъ, особенно чужеземцу-греку, на которагo они съ высоты своего величія смотрѣли едва-едва снисходительно, особенно послѣ паденія Царьграда.

Такимъ образомъ, искренно-преданный служенію своимъ высокимъ [illegible]аламъ, выношеннымъ христіанской мыслью, и научно подготовлен- [illegible] М. Г. откликался по-своему на всѣ волновавшіе его время вопросы [illegible]кой жизни, такъ мало соотвѣтствовавшей этимъ идеаламъ. Отсюда— [illegible] боевое настроеніе, неуклонная твердость, настойчивость при всѣхъ [illegible]ніяхъ и непониманіи со стороны окружающихъ. Въ этомъ не только [illegible]ическое, но и высокое моральное значеніе сочиненій и личности [illegible]има Грека: онъ, откликаясь на всѣ крупнѣйшія явленія русской [illegible], является для насъ однимъ изъ главныхъ источниковъ при изуче- [illegible]ультурнаго и умственнаго состоянія и движенія въ Московской

Руси XVI в., а для современниковъ—вдохновителемъ и учителемъ той лучшей части русскаго общества XVI в., которая вынесла на своихъ плечахъ въ значительной степени всю тяжесть борьбы за обновленіе Руси: у Максима оказался, несмотря на всѣ препятствія со стороны консервативной группы, рядъ учениковъ, горячихъ поклонниковъ.

Всѣ эти вопросы этики, религіи, просвѣщенія, занимавшіе Максима, поднимались, правда, и много раньше того времени, когда писалъ Максимъ. Еще въ XV вѣкѣ при появленіи «жидовствующихъ» Геннадій показалъ, каково было образованіе среди русскаго духовенства: Геннадій первый почувствовалъ необходимость образованія для низшаго духовенства. Попытка опереться въ борьбѣ съ ересью на духовенство показала ему, какая пропасть лежитъ между наличнымъ развитіемъ русскаго священника и налагаемыми на него его саномъ обязанностями. Среди духовенства почти совсѣмъ не оказалось даже элементарно-образованныхъ лицъ. Правда, яркій примѣръ, приводимый Геннадіемъ (см. выше, стр. 413), представляетъ крайность, которую не слѣдуетъ обобщать. Но и въ общемъ-то дѣло образованности было не многимъ выше картины, нарисованной Геннадіемъ. Все образованіе сводилось къ тому, чтобы при помощи памяти охватить какъ можно большее количество текстовъ, прежде всего потребныхъ для практики, чаще—богослуженія. Но при этомъ отсутствовало сознательное критическое отношеніе, хотя бы въ самыхъ элементарныхъ формахъ, къ запоминаемому. Самый главный дѣятель эпохи Геннадія—Іосифъ Волоцкій, какъ мы уже видѣли, не былъ научно-образованъ, а былъ только человѣкомъ замѣчательно начитаннымъ. Если такого рода «образованіе» было у столь видныхъ дѣятелей, какимъ былъ Іосифъ Волоколамскій, что же сказать о разныхъ какихъ-нибудь писцахъ? Образованіе послѣднихъ не шло дальше простого умѣнія копировать. Недостатокъ образованія этихъ служителей просвѣщенія привелъ къ порчѣ книгъ, а затѣмъ—къ необходимости исправленія ихъ и къ приглашенію Максима Грека. Та-кое положеніе дѣла не могло, конечно, остаться не замѣченнымъ им[illegible] Поэтому въ числѣ другихъ трудовъ Максимъ счелъ себя обязанны[illegible] приступить и къ составленію русской грамматики, какъ средства пом[illegible] дѣлу въ борьбѣ съ порчей книги. Для правильной передачи списы[illegible] маго текста, конечно, нужны были хотя бы элементарныя грамм[illegible] ческія познанія. Такъ какъ и такихъ знаній на Руси почти не был[illegible] Максима Грека, не было даже практически годной грамматики, Мак[illegible] же Грекъ обладалъ такими знаніями (но по греческой грамматик[illegible] первая русская грамматика принадлежитъ ему. Переводныя грамм[illegible] были уже, правда, и до Максима; напр., существовалъ переводъ (я[illegible] Іоанна Экзарха приписываемаго (ложно) Іоанну Дамаскину сочи[illegible]

подъ названіемъ «О восьми частяхъ рѣчи». Въ первой четверти XV вѣка писалъ славянскую грамматику въ Сербіи Константинъ Костенчскій, послѣдователь Евфимьевской болгарской школы XIV в.. Но его руководство не достигло желаемой цѣли, хотя и было извѣстно въ извлеченіяхъ и на Руси. Грамматику онъ составилъ примѣнительно къ болгарской письменности, стремясь придать ей архаическо-церковно-славянскій обликъ, между тѣмъ какъ русская письменность значительно отошла уже отъ древне-славянской и самъ древне-славянскій языкъ уже далеко не вездѣ былъ понятенъ. Поэтому, несмотря на присутствіе у насъ грамматикъ, практическое примѣненіе ихъ было не значительно [1]). Въ русской письменности начала XVI вѣка подъ вліяніемъ юго-славянства утвердились было архаизирующіе пріемы письма, т.-е. стремившіеся къ такому типу письма, чтобы рукопись и по внѣшности возможно болѣе напоминала старую, для чего вносятъ юсы и другія вышедшія изъ употребленія буквы, вводится цѣлая условная система знаковъ, правилъ, какъ писать то или иное слово и т. п. Дѣло усвоенія этого искусственнаго письма становилось дѣломъ не легкимъ, что еще болѣе затрудняло и безъ того не сильнаго въ грамотѣ писца. Максимъ Грекъ хочетъ создать нѣчто въ родѣ грамматическаго практическаго руководства, главнымъ образомъ для этихъ писцовъ, хочетъ помѣстить въ свою грамматику такія правила общаго характера, которыя бы защитили писца отъ ошибокъ въ письмѣ. Правда, Максимъ Грекъ потерпѣлъ въ этомъ случаѣ неудачу, потому что хотѣлъ соединить научное сознательное отношеніе къ рѣчи, какъ оно выработалось въ схоластической греческой письменности, и соблюденіе условностей старой письменности, т.-е., соединить грамматику и пропись. Кромѣ того, Максимъ не имѣлъ средствъ для осуществленія своей цѣли; единственное средство— обращеніе къ живой рѣчи было не мыслимо: литературный языкъ Московской Руси—языкъ не живой, а условный. Если Максимъ овладѣлъ русской рѣчью, литературнымъ языкомъ, то все же у него не [illegible]огло выработаться чисто научныхъ филологическихъ взглядовъ на [illegible]жую ему славянскую рѣчь. Его грамматика вышла передѣлкой ста[illegible]хъ греческихъ грамматическихъ руководствъ, съ явнымъ желаніемъ [illegible]огнать русскую литературную рѣчь подъ греческія правила. Не[illegible]тря на свою неудачу въ смыслѣ созданія, дѣйствительно, практиче[illegible]го руководства для писцовъ и исправителей церковныхъ книгъ, грам-

[illegible]) О грамматическихъ трудахъ древней Руси и славянства вмѣстѣ съ изданіемъ [illegible]ъ текстовъ существуетъ капитальная работа И. В. Ягича. „Разсужденія ста[illegible] о слав. языкѣ“ (Изслѣдованія по рус. языку, изд. И. А. Н., I, 1895 г.; см. [illegible]289—1023).

матическіе труды Максима Грека, въ виду общей скудости и слабости научнаго и практическаго изученія русскаго литературнаго языка, еще XVII вѣкѣ являются источникомъ первой (правда, столько же мало удачной) русской печатной грамматики Мелетія Смотрицкаго (1648 г.), которая стоитъ въ тѣсной зависимости отъ Максима Грека. Все же фактъ сознанія Максимомъ необходимости грамматическаго руководства представляется очень важнымъ: М. Г. старался практически осуществить эту цѣль.

Пропагандировалъ онъ въ тѣхъ же цѣляхъ и изученіе греческаго языка, какъ языка, на которомъ написаны источники для русскихъ книгъ: безъ обращенія къ греческой книгѣ не мыслима была самая справа книгъ славянскихъ. Необходимость изученія грамматики, изученія греческаго языка отмѣчается не разъ Максимомъ въ его сочиненіяхъ по другимъ поводамъ [1]). Кромѣ грамматики, съ именемъ Максима Грека соединяется еще маленькая статья, характеризующая жалкое положеніе образованія на Руси въ то время. Статейка эта назначена была для экзамена учителей греческаго языка. Въ описываемую эпоху въ самомъ обществѣ чувствуется уже потребность въ изученіи греческаго языка: на практикѣ убѣдились, что безъ греческаго языка не обойтись въ дѣлѣ исправленія книгъ. Появились и люди, имѣющіе желаніе поучиться греческому языку. Въ связи съ этимъ появляются цѣлыя толпы учителей-даскаловъ (т.-е. дидаскаловъ), предлагавшихъ свои услуги (разумѣется за деньги) обучать греческому языку: но среди нихъ много было недобросовѣстныхъ эксплуататоровъ невѣжества и легковѣрія общества. Эти «дидаскалы» подчасъ сами греческаго языка не знали; но и русскіе люди были въ печальномъ положеніи: они сами не могли убѣдиться въ пригодности или непригодности предлагающаго свои услуги учителя, не обладая даже элементарнымъ знаніемъ греческаго языка. Противъ такихъ-то недобросовѣстныхъ «даскаловъ» и возсталъ Максимъ Грекъ, указывая средство русскимъ людямъ, не знакомымъ съ греческимъ языкомъ, убѣдиться въ познаніяхъ учителя. Онъ сочинилъ на русскомъ языкѣ нѣчто въ родѣ программы съ отв тами, при помощи которой можно было проэкзаменовать пришедша предлагать свои услуги учителя: онъ пишетъ нѣсколько греческих стиховъ русскими буквами, даетъ переводъ ихъ и грамматическое т кованіе, разъясненіе размѣра этихъ стиховъ: нужно было просить п шедшаго учителя прочитать, перевести и истолковать написанное, ч бы узнать, какъ силенъ онъ въ греческомъ языкѣ.

---

[1]) Эти намеки и указанія собраны въ упомянутомъ изслѣдованіи И. В. Я гл. IV (стр. 582—633).

Окидывая взглядомъ всѣ сочиненія М. Грека, мы видимъ, что по темамъ ихъ можно раздѣлить на четыре разряда: сочиненія, написанныя на темы, касающіяся вопроса 1) объ исправленіи священнаго писанія и его перевода, 2) полемики противъ суевѣрій, 3) критики современнаго уклада русской жизни общественной и религіозной и 4) потребностей народнаго образованія. Отсюда видно, что М. Грекъ въ своихъ сочиненіяхъ считался постоянно съ общественными явленіями, не былъ ученымъ кабинетнымъ, а былъ публицистомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Въ своихъ работахъ онъ, какъ человѣкъ не русскій, а главное человѣкъ иного образованія, сумѣлъ стать выше партійныхъ раздоровъ, въ сторонѣ отъ нихъ. Въ силу этого его дѣятельность должна была имѣть крупное значеніе въ русской жизни, указывая ей новый путь. Но то, о чемъ говорилъ М. Г., на чемъ онъ настаивалъ, относилось къ будущему русской жизни, къ ея дальнѣйшему прогрессу, получило осуществленіе лишь въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣковъ, и то далеко не въ полной мѣрѣ. Практическое значеніе дѣятельности Максима Грека заключалось въ томъ, что онъ создалъ прочный кругъ людей, стремившихся впередъ къ болѣе разумной, сознательной жизни. Противники обвиняли ихъ въ принадлежности къ различнымъ ересямъ, въ отступленіи отъ православнаго ученія, въ отсутствіи патріотизма, въ противодѣйствіи правительству, но все это не могло уже заглушить той освѣжающей струи, которая внесена была въ русское общество Максимомъ Грекомъ; имъ же было поддержано то научное образованіе, стремленіе къ нему, которыя начали пробиваться въ концѣ XV в. и стали уже заявлять о себѣ рѣшительно въ XVI-мъ. Въ этомъ отношеніи Максимъ Грекъ роднится съ доморощенными русскими западниками, потомками старыхъ раціоналистовъ всякихъ оттѣнковъ—отъ жидовствующихъ и до-заволжскихъ старцевъ. Это чувствовали и не замедлили подчеркнуть современники, враги Максима и его учениковъ. Учениками же Максима Грека можно считать Зиновія Отенскаго [1]), князя Курбскаго и старца Артемія [2]), послѣдователями которыхъ были позднѣе въ значительной степени знаменитые князья Острожскіе, дѣятели въ области религіозно-народной въ юго-западной Руси. Какъ бы то ни было, ясно, что общественная мысль въ XVI вѣкѣ работала уже напряженно во всѣхъ слояхъ общества; поэтому, говоримъ, объ этомъ времени нельзя говорить, какъ о періодѣ какого-то застоя: работали прогрессивные элементы и заставляли работать

---

1) Автора полемическаго сочиненія „Истины показаніе“ (изд. въ Правос. Соб. ...г.) противъ ереси Θеодосія Косого.

2) Спеціальная о немъ монографія и изданіе его посланій: С. Г. Вилинскій. ...нія старца Артемія (Одесса, 1906).

людей консервативно, иногда реакціонно настроенныхъ. Къ этому времени окончательно сложились два теченія: передовое и консервативное. Въ XVI вѣкѣ разница теченій сказалась прежде всего по вопросу о реформѣ и ея характерѣ. Передовое теченіе стояло за западные образцы, консервативное же смотрѣло на дѣло иначе. Представители его требовали осторожности въ дѣлѣ реформы, хотѣли изъ стараго матеріала создать нѣчто новое, но на старыхъ же началахъ. Вопросъ этотъ окончательно рѣшился только въ XIX вѣкѣ въ борьбѣ западничества и славянофильства. Но отожествлять послѣднія теченія съ теченіями XVI вѣка мы не имѣемъ права. Въ сущности общаго тутъ только характеръ переходной эпохи, борьбы направленій. Переходныя эпохи всегда имѣютъ сходныя черты: замѣчается оживленіе, литература получаетъ общественный характеръ, появляется и публицистика.

При трудности условій для развитія литературы, особенно при отсутствіи соотвѣтствующихъ органовъ, при средневѣковыхъ устояхъ, низкомъ уровнѣ образованія и пр., ряды публицистовъ, разумѣется, были не велики; но во главѣ такихъ публицистовъ-критиковъ стоялъ Максимъ Грекъ со своими учениками, прямыми и не прямыми; къ нимъ подходятъ и тогдашніе «западники» и «заволжскіе» старцы. Появляются также публицисты и среди правительственной, консервативной партіи.

Даніилъ митр. Среди нихъ были сильные люди, облеченные властью, обладавшіе богатыми средствами. Въ числѣ такихъ горячихъ, энергичныхъ поборниковъ консервативныхъ взглядовъ, помимо старшаго поколѣнія (XV—XVI в.), долженъ быть отмѣченъ искренній «іосифлянинъ», упомянутый не разъ выше митр. Д а н і и л ъ, плодовитый писатель-моралистъ, авторъ цѣлыхъ 16 обширныхъ посланій. Смѣнивши прогрессивнаго митр. Варлаама (покровителя Максима Грека), Даніилъ развиваетъ широко свою дѣятельность; она помимо общихъ вопросовъ церковной морали, окрашена ярко опредѣленнымъ направленіемъ: стро[гій] ревнитель вѣры въ томъ ея пониманіи, какое давалъ ей Іосифъ В[о]лоцкій, онъ горячо преслѣдуетъ всякое отступленіе отъ принятой н[ор]мы (формальной по преимуществу), видя въ немъ не только вольном[ыс]ліе, но и прямое нарушеніе уставовъ церкви; таковы его Слова ... ложныхъ пророкахъ и ложныхъ учителяхъ (1-е сл.), о томъ, что ... ковныя законоположенія переданы намъ св. отцами, получившими ... въ свою очередь отъ апостоловъ (сл. 3-е), о необходимости с... нять неукоснительно всѣ преданія, писанныя и неписанныя (сл. ... Поученія направлены, ясно, противъ новыхъ теченій, какъ идущих... «западниковъ», такъ и отъ заволжскихъ старцевъ. Горячій тем... ментъ, сила энергіи дѣлаютъ изъ Даніила виднаго публициста; ...

его полна отзвуковъ современности, бытовой обстановки XVI в., что дѣлаетъ ихъ крупнымъ источникомъ для изученія эпохи [1]).

Іоаннъ Грозный. Въ числѣ писателей того же лагеря замѣтной величиной является и самъ царь Иванъ Грозный.

Несомнѣнно, Грозный обладалъ литературнымъ талантомъ, не дюжиннымъ, но типичнымъ для XVI вѣка, образованіемъ стараго книжника. Явился онъ авторомъ нѣсколькихъ произведеній не правительственнаго и не узко-церковнаго харакера, а настоящаго публицистическаго; сюда относятъ обыкновенно извѣстныя его произведенія: Посланіе въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, переписку съ княземъ А. Курбскимъ, его полемическое сочиненіе противъ протестанта Яна Рокиты [2]). Въ этихъ сочиненіяхъ Иванъ Грозный является литераторомъ по формѣ, публицистомъ по темамъ, затронутымъ имъ. Грозный—представитель стараго режима, борющагося съ мнѣніями, крайними (или кажущимися ему крайними) въ передовой литературѣ, съ тѣмъ настроеніемъ, которое отмѣтило собой переходную эпоху въ жизни общества.

«Посланіе Грознаго въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь» [3]) явилось по случайному поводу (писано въ сентябрѣ 1573 года) [4])—по поводу безобразій, чинимыхъ заключенными въ монастырѣ опальными боярами Шереметевымъ и Хабаровымъ. Постриженные насильно бояре-монахи не желали подчиняться строгому монастырскому уставу. Такіе бояре устраивались крайне своеобразно: они окружали себя тамъ, какъ въ міру, многочисленными слугами, владѣли большими богатствами, роскошно обставляли свою жизнь, не считались съ нормами монастырской жизни. Присутствіе въ монастырѣ элемента, чуждаго идеѣ монашества, дѣйствовало крайне разлагающимъ образомъ на монастырь, на жившихъ въ немъ рядовыхъ монаховъ. Политическая ссылка въ монастырь весьма часто практиковалась въ то время. Въ этомъ виновато было и само монашество правительственнаго лагеря по направленію, и правительство, отождествлявшее духовное и государственное начало въ своей практикѣ. Правда, нѣкоторые монастыри, напримѣръ, «заволжскихъ старцевъ»—практически, монастырь Іосифа Волоколамскаго—теорети-

---

1) Спеціальная работа о „Митроп. Даніилѣ и его сочиненіяхъ“ принадлежитъ Жмакину (М. 1881), гдѣ большую часть книги занимаетъ изложеніе и анализъ мнѣній Даніила.

2) Первое см. въ Ист. Хрестомат. Ѳ. И. Буслаева, стлб. 841, вторую у Н. Устрялова „Сказанія кн. Курбскаго“ (изд. 3-е Спб. 1842), стр. 51—250, третье у Н. Попова „Древне-русскія полемич. соч. противъ протестантовъ“ (М. 1878).

3) Изложеніе его есть и Порфирьева, I, 570.

4) См. Н. К. Никольскаго: Когда было писано обличительное посланіе Ивана Вас. IV въ Кир.-Бѣлоз. монастырь? (Христ. Чтеніе, 1907 г.).

чески, не желали имѣть у себя ссыльныхъ бояръ и не оправдывали самой ссылки; наоборотъ, монастыри правительственные (т.-е. близкіе къ Москвѣ, къ властямъ), связавшіе свое существованіе со службой государству, свои выгоды съ поддержкой властей, принимали опальныхъ бояръ съ охотой, хотя сосланные бояре, внося богатства въ монастырь, обыкновенно не слушались монастырскаго начальства, а наоборотъ, сами задавали тонъ (конечно, не монашескій) въ обители. Такъ обстояло дѣло и въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ. Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, первоначально славившійся своей строгостью, принадлежалъ къ группѣ т. н. «заволжскихъ» монастырей, былъ однимъ изъ видныхъ центровъ того вида аскетизма, представителемъ котораго былъ Нилъ Сорскій (см. выше), но къ 30-мъ годамъ XVI ст. въ немъ восторжествовало направленіе весьма сходное съ «іосифлянскимъ», а затѣмъ измѣняется и его роль въ томъ же направленіи: онъ становится, въ качествѣ отдаленнаго отъ Москвы монастыря, мѣстомъ ссылки неугоднаго московскому правительству боярства, со всѣми послѣдствіями этой роли для внутренней жизни обители. «Посланіе» Грознаго не являлось только отвѣтомъ царя на жалобу игумена на безобразія, чинимыя Хабаровымъ и Шереметевымъ, но оно высказывало и общіе взгляды автора на важный вопросъ того времени—вопросъ о монашествѣ. Какъ извѣстно, были различныя воззрѣнія на идеалъ монаха въ русской жизни XVI в.; съ этими воззрѣніями и считается Грозный. Истинный монахъ, по его мнѣнію, это—прежде всего человѣкъ, отказавшійся отъ участія въ мірской жизни ради спасенія своей души. При рѣшеніи же вопроса, въ какихъ чертахъ должно совершаться спасеніе человѣка въ этой исключительной обстановкѣ, Грозный занимаетъ среднюю позицію: онъ говоритъ больше о необходимости исполнять уставъ, нежели о духовномъ подвигѣ. Въ сущности, его теорія и его воззрѣнія по этому вопросу стоятъ ближе какъ будто къ воззрѣніямъ Нила Сорскаго: онъ не говоритъ о томъ, что монахъ долженъ быть общественнымъ дѣятелемъ; но онъ не говоритъ и об исключительно духовномъ, созерцательномъ настроеніи монаха. О[illegible] восхваляетъ добродѣтель монаховъ, считаетъ ихъ по моральному з[illegible]ченію выше себя, проситъ ихъ молиться за себя и т. д. Таковъ иде[illegible] монаха-аскета, какъ онъ рисуется Грозному; сопоставленіе же те[illegible] съ дѣйствительностью ведетъ писателя къ иному: во всемъ посланіи т[illegible] и сквозитъ саркастическій тонъ Грознаго; отъ восхваленія истинн[illegible] монаховъ, признанія своего ничтожества въ сравненіи съ ними, [illegible] переходитъ прямо къ суровымъ обличеніямъ на монаховъ Кирилловс[illegible] монастыря. Указавъ, каковъ идеалъ монаха, онъ старается пока[illegible] какъ далеки монахи на дѣлѣ отъ этого идеала, какъ не исполн[illegible]

монахи своего высокаго предназначенія. Для насъ особенно важна первая часть этого посланія, гдѣ Грозный рисуетъ положительный идеалъ монаха, указываетъ на цѣль монашества. Такою цѣлью, по мнѣнію автора, является молитва за грѣшныхъ людей, роль свѣточа, образчикъ святой жизни для мірянъ. Но Грозный обходитъ вопросъ о причинахъ несоотвѣтствія жизни монаховъ съ монашескимъ идеаломъ, такъ какъ чувствуетъ, что въ этихъ причинахъ является участникомъ и онъ самъ, ссылавшій въ монастырь опальныхъ бояръ, являвшихся развратителями монашества. Грозный не упоминаетъ о томъ, что монашество тогда только будетъ истиннымъ, тогда только будетъ соотвѣтствовать своему назначенію, когда оно будетъ добровольнымъ, а не насильственнымъ. На идеалъ монашества Грозный смотритъ, какъ типичный представитель консервативнаго направленія, съ внѣшней стороны: онъ говоритъ о послушаніи монаховъ, объ обѣтахъ и т. п.. Дальше поверхности темы о жизни монаха онъ не идетъ.

Что касается переписки Грознаго съ княземъ А. М. Курбскимъ, то она чрезвычайно характерна, какъ для того, такъ и для другого. Курбскій принадлежалъ къ числу тѣхъ бывшихъ владѣтельныхъ князей, которые когда-то либо добровольно, либо подъ давленіемъ усилившагося московскаго государства должны были отказаться отъ самостоятельности и вступить въ ряды слугъ московскаго князя, но которые помнили и оцѣнивали свое значеніе въ созданіи Москвы. Переписка съ Иваномъ Грознымъ могла произойти только при исключительныхъ обстоятельствахъ. Военная неудача кн. Курбскаго для Грознаго была причиной, позволявшей ему свести счеты съ человѣкомъ иного, чѣмъ онъ, міровоззрѣнія: Курбскій принужденъ былъ бѣжать въ Литву, гдѣ Казимиръ даетъ ему извѣстное общественное положеніе, какъ видному дѣятелю московскому, перешедшему къ нему, врагу московскаго ...ря. И опальный бѣжавшій князь обращается къ своему московскому ...ю-врагу съ письмами [1]).

Въ своихъ письмахъ (ихъ всего четыре) Курбскій указываетъ Гроз... что Москва и онъ, царь, могуществомъ и величіемъ обязаны имен...вшимъ удѣльнымъ князьямъ, которые помогли объединенію Руси, ...лялись съ внѣшними врагами, завоевывали царства, помогли строить ...вское царство. Онъ противъ того, что московскій государь, столь ...ный боярамъ и князьямъ, не считаетъ себя обязаннымъ при...ь родовитое боярство къ государственному дѣлу, а считаетъ себя

[1]) ...исьма А. М. Курбскаго изданы въ послѣднее время въ Русск. Истор. Библі... ...зд. Археогр. Комиссіи: „Сочиненія князя Курбскаго" (Спб. 1913); здѣсь же ...на вновь „Исторія о в. к. Московскомъ", сочиненіе Курбскаго, дополняющая ...скіе и общественные взгляды К-аго въ его письмахъ.

полновластнымъ, имѣющимъ право казнить и миловать ихъ, «своихъ холоповъ», упрекаетъ Грознаго въ томъ, что, ко вреду государства и вопреки справедливости, онъ губилъ лучшихъ людей. У Грознаго же была уже законченная идеологія царской власти, построенная на сознаніи своей силы, подкрѣпленная образцами ветхозавѣтнаго владыки, вычитанными изъ св. писанія, преувеличеннымъ представленіемъ о себѣ, какъ главѣ государства, которому суждена за особыя заслуги передъ Богомъ исключительная судьба. Кромѣ того, не надо забывать, что самъ носитель этой власти Іоаннъ IV—человѣкъ неуравновѣшенный, болѣзненно-раздражительный, подозрительный, чѣмъ и объясняется желчность, «кусательность» его отвѣтовъ Курбскому. Задѣтый за живое, лишенный возможности уничтожить обычнымъ для него способомъ дерзкаго «холопа», въ своихъ отвѣтахъ (ихъ два) Грозный опирается на тѣ авторитеты, которые были признаваемы представителями старой церковной письменности. Для этого Иванъ Грозный пользуется различными мѣстами изъ священнаго писанія, которыми старается («цѣлыми паремiями») завалить противника, при чемъ обнаруживаетъ огромную формальную начитанность по этому вопросу. Идея царской власти, по словамъ Грознаго, есть идея религіозная, и протестъ противъ нея является протестомъ противъ религіи, противъ Бога. Власть царя должна стоять выше всего въ государствѣ. Допущеніе бояръ къ участію во власти—искаженіе, умаленіе этой идеи, недопустимо по существу самой власти, какъ таковой, для Грознаго лишь абсолютной, какъ отраженіе власти Божіей, разумѣется, не дѣлимой, не ограниченной; за свои дѣянія царь отвѣтственъ только передъ Богомъ, давшимъ ему власть, а отнюдь не передъ людьми, его подданными, «холопами». Въ видѣ примѣра Грозный указываетъ на тѣ злоупотребленія, которыя допускали бояре во время его малолѣтства; онъ говоритъ, что есл раньше великіе князья совѣщались съ боярами, то, стало-быть, бы на то воля этихъ князей, а не обязанность. По самому сущест для Грознаго власть не можетъ быть иной. По его мнѣнію, онъ вол поэтому распоряжаться всѣми, какъ своими холопами; а если ра боярство считало своимъ правомъ отъѣздъ, то этого права не мо и не должно быть, ибо это не право, а «воровство»; раньше оно, е было, все же не какъ право, а какъ попустительство. Идеалъ ц Грознаго—царь библейскій: не даромъ онъ весь сотканъ изъ в завѣтныхъ цитатъ; основныя черты этого идеала въ «царѣ Навуходоносорѣ.

Какъ писатель, Грозный выказалъ громадную начитанност этомъ отношеніи произведенія его крайне любопытны, какъ пока того запаса для механическаго воздѣйствія, которымъ владѣлъ

щійся представитель консервативнаго направленія этой эпохи. Грозный все время говоритъ не отъ себя, а «отъ писанія». Въ его разсужденіяхъ замѣчается типичная для всего этого направленія черта—отсутствіе послѣдовательной критической мысли, отсутствіе различенія важнаго отъ не важнаго, формальнаго отъ существеннаго. Грозный заранѣе рѣшилъ, что онъ правъ, и не старался критиковать мнѣній противника, а, голословно отвергая его мысли, лишь стремится доканать противника новыми и новыми обвиненіями, переходящими часто въ рѣзкую брань.

Въ отношеніи метода пользованія своимъ запасомъ знаній онъ подходилъ къ другому типичному представителю консервативной партіи—къ Іосифу Волоколамскому, особенно въ его «Просвѣтителѣ». Поэтому-то полемика Ивана Грознаго, какъ и Іосифа Волоколамскаго, не достигала желаемой цѣли: она громила противника, но не убѣждала. Что касается литературной формы полемики Грознаго, то она носитъ характеръ рѣзко-личный: раздраженіе, иногда брань по адресу противника, ѣдкій сарказмъ сквозятъ въ перепискѣ Грознаго.

Въ сочиненіи противъ Яна Рокиты (1570 г.) мы встрѣчаемъ также типичный образчикъ тогдашней литературы богословско-полемическаго направленія. Грозный считаетъ Іоанна (Яна) Рокиту, представителя чешскаго братства, лютераниномъ, послѣдователемъ «еретика» Лютера, (что и правильно съ внѣшней точки зрѣнія): переродившееся гуситство въ XVI вѣкѣ сливалось съ протестантизмомъ, объединялось на почвѣ борьбы съ католической реакціей. Этимъ представленіемъ о Рокитѣ, какъ «еретикѣ», сразу же опредѣлилось суровое и презрительное отношеніе къ нему хранителя православія Грознаго. Посланіе свое пишетъ только за тѣмъ, чтобы Рокита не подумалъ, что ему, Грозному, нечего отвѣтить на доводы, на изложенное Рокитою свое ученіе (повидимому, въ письменной формѣ представленное Грозному) [1]. Обличая противника, Грозный двинулъ весь свой богатый арсеналъ начитанности, широко развивъ свои полемическіе и литературные пріемы, но и здѣсь онъ не столько доказывалъ еретичность Рокиты и его «учителя» Лютера, сколько съ высоты своего царскаго достоинства и убѣжденного носителя единственной истинной православной вѣры громилъ своего антагониста, засыпая его цитатами, забрасывая нелестными эпитетами «...а», «антихриста», сопоставляя единовѣрцевъ Рокиты со свиньями, предъ которыми не слѣдуетъ метать бисера, доходя даже до своеобразной филологіи и сопоставляя имя Лютера (у Грознаго «Люторъ»)

---

[1]) Подробное изложеніе всего пренія между Грознымъ и Рокитой см. у митр. Макарія. Ист. рус. церкви, VIII, 405 и сл.

со словомъ «люты» (во истину бо Люторъ иже лютъ глаголется), обзывая лютеранъ волками въ овечьей шкурѣ и т. д.. На каждое положеніе лютеранства, приведенное Рокитой, Грозный высыпаетъ цѣлый коробъ цитатъ изъ священнаго писанія въ томъ традиціонномъ толкованіи, которое ему досталось въ наслѣдство, но которое мало убѣдительно для «еретика». Поэтому въ общемъ онъ ничего новаго въ лютеранствѣ не находитъ, кромѣ возродившихся знакомыхъ въ древности ересей, а потому и опровергаетъ ихъ тѣми средствами и цитатами, которыя примѣнялись когда-то современниками къ этимъ ересямъ. Рѣчь въ общемъ полна гнѣва, презрѣнія къ противникамъ, раздраженія—типичная черта царя Грознаго-литератора. Правда, въ концѣ посланія Грозный говоритъ: «я обѣщалъ тебя не преслѣдовать, я и теперь опалы на тебя не налагаю; но еретикомъ не считать тебя не могу».

Обобщимъ теперь литературную дѣятельность Грознаго. Мы видимъ, несомнѣнно, очень талантливаго человѣка, но въ то же время это—типъ человѣка «неудачника», способности котораго ушли на такое дѣло, которое по существу не могло принести пользы. Его начитанность не развила въ немъ способности къ критическому мышленію. Все вниманіе онъ обращалъ на количество матеріала, слабо отличая его отъ качества. Что касается характера литературной дѣятельности Грознаго, то она касается различныхъ сторонъ современной русской жизни, требовавшихъ разрѣшенія. Таковы, напримѣръ, вопросы о монастыряхъ, о сущности царской власти, объ отношеніяхъ къ иновѣрцамъ и проч. Грозный т. о. вездѣ стоитъ на точкѣ зрѣнія публициста, но въ то же время публициста консервативнаго направленія. Вопросъ объ отношеніи къ иностранцамъ (они же иновѣрцы)—вопросъ давнишній. Съ Ивана III этотъ вопросъ дѣлается предметомъ заботъ царской власти, но Грозный рѣшаетъ его съ точки зрѣнія религіознаго принципа, тоже по старому.

Иванъ Пересвѣтовъ. Русское государство въ лицѣ правительства энергично защищало старое, то, что должно было измѣниться при новыхъ условіяхъ, въ которыхъ оказалась сложившаяся Москва; судьба стараго уклада жизни уже была рѣшена самими обстоятельствами жизни; это чувствовало и правительство, но, какъ таковое, оно не счита[illegible] себя въ правѣ открыто признать это, поддерживая, сколько было си[illegible] и умѣнья, прежнія основы; идя на реформу, оно прежде всего видѣ[illegible] себя принужденнымъ сохранить или возстановить эти основы. И [illegible] «консервативная» реформа нашла себѣ откликъ въ публицистикѣ X[illegible] вѣка. Рядомъ съ Грознымъ приходится поставить Ивана Перес[illegible]това, писателя, правда, мало еще освѣщеннаго. Это былъ авторъ [illegible]сколькихъ посланій, носившихъ широкій публицистическій характ[illegible] Нѣкоторые изслѣдователи, какъ, напримѣръ, Карамзинъ, считали [illegible]

посланія не принадлежащими XVI вѣку, а писанными позднѣе. Впрочемъ, это толкованіе теперь не имѣетъ сторонниковъ. Но по вопросу о самомъ авторѣ и теперь существуетъ разногласіе: одни говорятъ, что фамилія «Пересвѣтовъ» есть псевдонимъ въ честь Пересвѣта, героя Куликовской битвы (А. Поповъ, А. Н. Пыпинъ), и видятъ подъ этимъ псевдонимомъ того же Грознаго, другіе склонны думать, что это—фамилія реальная, что такой авторъ дѣйствительно существовалъ. Послѣднее мнѣніе въ настоящее время преобладаетъ, находя себѣ опору въ данныхъ біографіи его, занесенныхъ въ его писанія. Пересвѣтовъ, какъ писатель,—явленіе для того времени чрезвычайно оригинальное [1]). Онъ не былъ обычнымъ представителемъ консервативной партіи: онъ—выходецъ изъ Литвы, человѣкъ, повидимому, бывалый, много путешествовавшій по Молдавіи, Венгріи, Польшѣ, Чехіи, столица которой—Прага въ XV—XVI вв. была центромъ образованности. У польскаго короля Иванъ Пересвѣтовъ былъ придворнымъ лицомъ, и около 1540 г. выѣхалъ въ Москву на «царское имя», т.-е. на службу. Всѣ эти свѣдѣнія извлекаются изъ его же сочиненій; свѣдѣнія, даваемыя имъ о себѣ, настолько конкретны и согласны съ другими точными данными изъ его же сочиненій, картиной жизни XVI вѣка, что представляется сомнительнымъ, чтобы все это не могло быть прикрыто псевдонимомъ: это біографія ловкаго, умнаго авантюриста, вполнѣ возможнаго съ этими чертами въ XVI вѣкѣ.

Иванъ Пересвѣтовъ оставилъ нѣсколько посланій, сказаній и т. п. Изъ нихъ извѣстны: двѣ «Челобитныхъ къ Грозному», «Сказаніе о турскомъ царѣ Махметѣ, како хотѣ сожещи книги греческія», «Сказаніе о Петрѣ, волошскомъ воеводѣ». Самое яркое выраженіе политическихъ взглядовъ Пересвѣтова находимъ въ его «Сказаніи о турецкомъ царѣ Махметѣ» и «Петрѣ, воеводѣ волошскомъ». Человѣкъ пришлый въ Московскомъ государствѣ, не родовитый, Пересвѣтовъ—врагъ боярства, вельможъ и въ то же время сторонникъ самодержавной власти царя и роли въ государствѣ его слугъ, выдвинутыхъ не родовистью, а личными достоинствами, самъ могъ обратить на себя вниніе лишь личными качествами. Подъ видомъ характеристики дѣятельсти идеализированнаго мудраго государя Махметъ-султана авторъ разваетъ свой взглядъ на положеніе Русскаго государства: всѣ темныя роны царства (русскаго) объясняются негодностью правящаго боярго класса, угнетающаго народъ и разоряющаго государственную

1) Специальную монографію и полное собраніе его сочиненій см. В. Ф. Ржига. . Пересвѣтовъ, публицистъ XVI в. (Москва 1908—изъ Чтеній въ Общ. Ист. и Росс.).

казну неправеднымъ судомъ, лихоимствомъ, вымогательствомъ, хищеніями: поэтому Махметъ вводитъ прежде всего праведный строгій судъ (иначе: этотъ судъ долженъ быть введенъ на Руси), за правильность коего судьи отвѣтственны головой, уничтожаетъ «кормленіе», всѣ доходы направляетъ въ казну государства, которое само и оплачиваетъ труды слугъ государевыхъ въ видѣ опредѣленнаго жалованія, смотря по ихъ работѣ, личнымъ заслугамъ. Особаго уваженія и заботъ требуетъ (по Пересвѣтову) военный классъ: въ немъ сила государства, опора государя: войско всегда должно быть въ боевой готовности, всегда хорошо вознаграждено жалованіемъ, набираться не изъ родовитыхъ людей, а изъ храбрыхъ и преданныхъ царю, быть въ полномъ распоряженіи только у царя или того, кому онъ прикажетъ. Всѣ эти реформы возможны лишь при неограниченной власти, которая и ведетъ, хотя и круто, деспотически, государство и народъ ко благу, и благоденствіе государства—въ благоденствіи народа, защищаемаго государемъ отъ бояръ, волостелей. Вся эта картина необходимыхъ реформъ иллюстрируется ненормальнымъ положеніемъ современной Руси, подтверждается ссылками на аналогичные порядки греческаго царства, доведеннаго ими до гибели. Наконецъ, Пересвѣтовъ возстаетъ противъ рабства, какъ явленія, не оправдываемаго не только религіозными побужденіями, но и исторически и экономически въ государственномъ смыслѣ («отъ рабства и татьба, и разбой, и обида, и всему царству оскудѣніе великое»). Такимъ образомъ Пересвѣтовъ абсолютистъ, но такой, у котораго абсолютистическія идеи могли итти рядомъ съ чисто-демократическими воззрѣніями (равенство передъ закономъ, личныя заслуги и способности, опредѣляющія мѣсто человѣка, отмѣна рабства). Теорія просвѣщеннаго абсолютизма, выработанная въ эпоху Возрожденія учеными изслѣдователями политическихъ писателей-классиковъ, радушно встрѣчена была во всѣхъ европейскихъ государствахъ. Для нея принципы демократическаго либерализма соединены съ наличностью сильной центральной государственной власти, ибо власть существуетъ не рад[illegible] власти, а для блага государства; во имя этого блага и самая деспот[illegible]ческая власть есть благо. Пересвѣтовъ, узнавши, можетъ-быть, во вре[illegible] своихъ скитаній о политическихъ ученіяхъ изъ иноземныхъ источнико[illegible] (напр., въ Прагѣ), указалъ, насколько они примѣнимы въ Россіи. По[illegible]му авторъ не сочувствуетъ раздѣленію власти, какъ, напримѣръ, вид[illegible] онъ въ Польшѣ (король и паны). Литературный типъ восточнаго [illegible]пота пользовался въ Москвѣ признаніемъ. Султанъ турецкій не б[illegible] только предметомъ ненависти, но и приводился въ примѣръ, [illegible] образецъ мудраго, твердаго государя; то же было и въ западной Ев[illegible] въ XVI вѣкѣ. Этимъ широкимъ чисто политическимъ идеаломъ умѣл[illegible]

благороднаго государя и воспользовался Пересвѣтовъ. Иванъ Пересвѣтовъ явился въ этомъ не оригинальнымъ писателемъ: съ одной стороны, у него обычная идеологія, хорошо знакомая теоретикамъ и на Западѣ, съ другой, онъ близко подошелъ по формѣ и къ идеологіи московской, сложившейся исторически, носителемъ которой, какъ власти абсолютной, поглощающею государство, какъ мы видѣли, и былъ Іоаннъ IV. Поэтому, что касается Ивана Пересвѣтова, какъ писателя, ясно, почему можно замѣтить, что у него есть точки соприкосновенія съ тогдашними идеологами консервативнаго толка. Но отсюда же ясно, что, какъ представитель реформаціонныхъ стремленій, Пересвѣтовъ будетъ соприкасаться и съ либеральной партіей, но не по духу, а по отношенію къ окружающему: онъ, подобно Максиму Греку, критикъ, обличитель современной неправды, но не во имя высшей правды, а во имя правды, которая утилитарно необходима для государства. Такимъ образомъ, Пересвѣтовъ былъ не только представителемъ консервативной партіи, но онъ переносилъ свои симпатіи и къ реформамъ стараго строя при помощи новыхъ пріемовъ, новыхъ данныхъ, навѣянныхъ идеологіей Запада. Но Пересвѣтовъ требуетъ въ своихъ сочиненіяхъ реформы строя на основахъ идей, раздѣляемыхъ и консервативнымъ лагеремъ; въ результатѣ его реформы должно получиться подкрѣпленіе старой идеи абсолютизма, одного изъ устоевъ идеологіи Іоанна IV. Въ силу этого Пересвѣтовъ пользовался симпатіями у старой консервативной московской партіи. Встрѣчаются упоминанія, будто его сочиненія читались самимъ царемъ и хранились въ царской библіотекѣ; мало того: была даже попытка осуществить часть идей Пересвѣтова: пересмотръ Судебника, постепенная замѣна боярства служилымъ дворянствомъ могутъ быть поставлены въ связь съ мыслями Пересвѣтова.

IX. Консервативное теченіе. Несомнѣнно, что въ XVI в. уже чувствовалась всѣми необходимость реформы, пересмотра устоевъ русской жизни. Это было сознано, какъ мы видѣли, уже и самимъ правительствомъ, которое и рѣшило созвать духовный соборъ (опять типичная рта для консервативнаго лагеря), чтобы обсудить, какимъ образомъ жно устранить великія «нестроенія» русской жизни. Этотъ соборъ лучилъ впослѣдствіи имя «Стоглаваго» [1]). Въ соборѣ принимаетъ стіе и самъ Иванъ Грозный. Онъ въ предсоборной рѣчи пытается тически отнестись къ укладу современной русской жизни. Грозный статируетъ рядъ явленій, не соотвѣтствующихъ принятому идеалу.

---

[1]) Записки о дѣятельности этого собора содержатъ 100 главъ; изданъ „Стоглавъ" азъ; лучшія изданія—Казанское (2-е, 1887) и Суботина (1890); изданіе Кожанва (1863)—сокращенная редакція.

Обращаясь къ вопросу о духовенствѣ, онъ упрекаетъ его въ томъ, что оно не заботится о своей паствѣ. На это, по словамъ Грознаго, указываетъ присутствіе въ народной массѣ многихъ не христіанскихъ воззрѣній, суевѣрій, гаданій, языческихъ вѣрованій, обычаевъ и т. п. явленій, которыя должны быть признаны пережитками языческой старины. Въ своей рѣчи Грозный далѣе указываетъ на разложеніе въ обществѣ иночества, отсутствіе просвѣщенія. Отцы собора не могли не согласиться съ нимъ по этому вопросу, такъ какъ отлично и сами знали о существованіи такихъ же фактовъ, какъ, напр., муже-женскіе монастыри. Всюду слышались жалобы, что поставленное просвѣщать народъ духовенство не заботится совершенно о просвѣщеніи своей паствы, суевѣрій и языческихъ обрядовъ не искореняетъ, а болѣе поддерживаетъ ихъ съ цѣлью эксплуатаціи обращающихся къ нему прихожанъ; отцы собора указываютъ, что, напримѣръ, духовенство позволяетъ вносить въ алтарь различныя яства, питія и пр. На вопросъ, чѣмъ все это можно объяснить, отцы собора говорятъ, что причина лежитъ въ малограмотности самого духовенства, которое само по своему умственному развитію, не можетъ разобраться въ томъ, что истинно и что ложно, а потому отступило отъ древняго, истиннаго преданія. Но можно указать еще на одну причину такого отношенія духовныхъ къ допущенію суевѣрій—это экономическая зависимость духовенства отъ паствы. Правда, объ этомъ отцы собора не говорятъ... Мысль объ учительствѣ паствы безграмотнымъ духовенствомъ поставлена была соборомъ отдѣльно отъ вопроса о грамотности духовенства. Соборъ постановилъ, чтобы архіереи завели у себя при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ школы для обученія будущихъ пастырей церкви. Но это было лишь повтореніемъ того, что требовалось еще византійской Кормчей.

Вся программа дѣятельности собора заключалась въ рѣчи Грознаго которая сплошь состояла изъ указаній на нестроенія Русской земли Отвѣты отцовъ собора на поставленные Грознымъ вопросы носятъ кра не однообразный характеръ; смыслъ ихъ состоитъ, разумѣется, томъ, что указанныя нестроенія должны быть удалены изъ русс жизни. Далѣе, отцы собора (не безъ намековъ въ рѣчи уже царя) у зываютъ и средства къ удаленію нестроеній. Любопытны аргументы, торыми пользовался Стоглавый соборъ: отцы собора и не ду предлагать чего-либо новаго, не объясняли причинъ этихъ нестрое каковы: невѣжество духовенства, полухристіанскіе обычаи народо т. д.; они просто обращались за сопоставленіями русской дѣйстви ности къ канонамъ св. отцовъ; «Большая Кормчая», по ихъ пред ленію, должна была дать всѣ указанія на исцѣленіе отъ недуго

для русской жизни; они подыскивали въ ней случай, аналогичный современному русскому; напримѣръ, говоря объ остаткахъ языческихъ обычаевъ, отцы Собора обращаются къ постановленіямъ Гангрскаго собора, созваннаго въ IV вѣкѣ, и думаютъ, что языческія вѣрованія у насъ на Руси отъ того, что мы забыли примѣнять у себя на Руси эти постановленія; за указаніемъ на то, что епископъ долженъ заботиться о просвѣщеніи духовенства, они обращаются къ правилу одного изъ вселенскихъ соборовъ, трактующему объ учительныхъ обязанностяхъ епископовъ и т. д. Отцы московскаго Собора не думаютъ считаться съ специфическими особенностями устройства русской жизни при примѣненіи постановленія вселенскихъ соборовъ. Здѣсь ясно сказался обычный принципъ людей консервативнаго лагеря XVI в.: внѣшнее сопоставленіе исчерпывало весь анализъ. Правда, Стоглавый соборъ считался и съ новыми явленіями и съ проблесками западной культуры, новой литературой Московской Руси, но и здѣсь Соборъ все мѣрилъ старой мѣркой и все рѣшалъ на тотъ же ладъ. Отцы Собора съ необычайнымъ упрямствомъ вездѣ хотѣли подыскать старую рубрику для новыхъ явленій. Поэтому они приравниваютъ новыя произведенія русской литературы къ старымъ «ложнымъ», «отреченнымъ» книгамъ; они запрещаютъ ихъ въ той же формѣ стараго индекса потому, что содержаніе ихъ противорѣчитъ канону IV вѣка. Митрополитъ Зосима (въ XV вѣкѣ) выработалъ индексъ: «Списокъ книгъ истинныхъ и ложныхъ»,—индексъ, получившій большое распространеніе и новое развитіе послѣ Стоглаваго Собора. На ряду съ апокрифическими книгами запрещались теперь и разные зловредные обычаи, книги не религіознаго содержанія, вошедшія главнымъ образомъ въ эпоху жидовствующихъ. Ясно, что Соборъ 1551 г. смѣшалъ зловредныя книги съ зловредными обычаями, запрещая обычаи, запрещалъ и книги, откуда эти обычаи, по мнѣнію отцовъ Собора, шли; запрещая книги, онъ этимъ желалъ парализовать источникъ нестроенія. Такимъ образомъ, дѣятельность Стоглаваго собора ясно съ одной стороны указывала, что реформа необходима, но съ другой стороны, что отцы собора приступили къ ней съ негодными средствами. Привыкнувъ не различать форму отъ содержанія, вѣрить, а не знать, они отнеслись формально къ сочтеннымъ ими отрицательнымъ явленіямъ, ища вездѣ связи съ авторитетными въ ихъ глазахъ мнѣніями, аналогіи, въ прошломъ же и отвѣта: тамъ вся мудрость уже дана, новаго искать не надо, надо лишь вспомнить старое. Отсюда видно, что ни о какомъ прогрессѣ не могло быть и рѣчи. Здѣсь было только желаніе уложить новое содержаніе въ старую и уже мало пригодную форму.

Кстати для общей характеристики воззрѣній собора слѣдуетъ ука-

зать еще на одну типичную особенность, обнаружившуюся на немъ. Иванъ Грозный по обычаю въ своей рѣчи старается говорить словами писанія, которое служило для него авторитетомъ; даже описывая специфическія русскія явленія, суевѣрія, онъ описываетъ ихъ словами греческихъ толкователей Кормчей книги: Зонары, Аристина, Вальсамона и др. Все это говоритъ о томъ, какъ сильно было вліяніе буквы на представителей консервативной московской партіи даже у такихъ талантливыхъ, какъ Грозный, и въ такомъ живомъ дѣлѣ, какъ народная жизнь XVI вѣка.

Такимъ образомъ, дѣятели Стоглаваго собора, хотя и сознавали необходимость реформы («нестроенія» били въ глаза), но пути, которые они намѣтили, были такого свойства, что также бросались въ глаза своимъ несоотвѣтствіемъ съ жизнью. Намѣченный путь реформъ въ видѣ возвращенія къ старинѣ не обѣщалъ хорошихъ результатовъ и успѣховъ, такъ какъ отцы собора въ постановленіяхъ своихъ руководились сравненіемъ современности съ отдаленнымъ прошлымъ, съ явнымъ предпочтеніемъ къ этому прошлому, и сравненіе это не привело ихъ къ вопросу о совмѣстимости стараго идеала, да еще не русскаго, съ тѣмъ, что дала сама жизнь. Способъ проведенія реформы получилъ типичный бюрократическій характеръ, а ужъ это одно не обѣщало, разумѣется, успѣха. Соборъ, сопоставивъ русскую жизнь со старыми законами Византіи, рѣшилъ сдѣлать указанія, что необходимо вернуться къ исполненію каноническихъ правилъ, полагая, что для осуществленія дѣла достаточно его авторитетнаго въ его собственныхъ глазахъ приказанія, иногда угрозы. Соборъ, напримѣръ, сказалъ: «пускай священники учатъ, а то они забыли свое назначеніе», епископамъ предписано было заводить училища, такъ какъ таково было постановленіе древнихъ соборовъ. Поэтому постановленія Собора были, въ сущности, пожеланіями, не могшими оказать серьезнаго вліянія на устраненіе «нестроеній русской жизни». Это была бумажная реформа, которая въ жизнь и не вошла, такъ какъ она сама съ ней не считалась. Послѣдствія доказали это наглядно: соборы при Михаилѣ Θеодоровичѣ и Никонѣ указываютъ на тѣ же недостатки, что и Стоглавый соборъ. Причины этого заключаются въ томъ, что отцы соборовъ не были убѣждены сами въ необходимости коренныхъ измѣненій началъ русской жизни, сообразно съ тѣмъ, что выработала сама жизнь, а лишь въ поправкѣ путемъ возвращенія къ доброй старинѣ; консервативная реформа поэтому не могла принести тѣхъ результатовъ, которыхъ ждала отъ нея лучшая часть тогдашняго общества [1]).

[1]) О Стоглавѣ см. статьи И. Н. Жданова въ его Сочиненіяхъ (Спб. 1904, I, 171 и сл., 361 и сл., а также работу, обобщающую изслѣдованія о

Макарій митрополитъ. Такой же оттѣнокъ имѣла и литературная дѣятельность въ XVI в., поскольку она носила реформаторскій характеръ. Мы говоримъ о литературной дѣятельности кружка митрополита Макарія. Самъ Макарій былъ крупнымъ дѣятелемъ и въ общественномъ и въ литературномъ отношеніи. Онъ дѣлалъ много, но результаты его дѣятельности не оправдали той затраты силъ и энергіи, тѣхъ ожиданій, которыя возлагалъ на нихъ самъ же Макарій и его единомышленники. Причина неудачи и здѣсь коренилась въ консервативной программѣ дѣятельности Макарія.

Дѣятельность его развивалась, главнымъ образомъ, въ двухъ направленіяхъ: 1) въ церковно-административномъ и 2) въ церковно-литературномъ; оба эти направленія идейно связаны другъ съ другомъ.

Первое направленіе этой дѣятельности стоитъ въ связи съ господствующей идеей Московскаго государства—съ представленіемъ о Москвѣ, какъ о третьемъ Римѣ, какъ единственномъ центрѣ и вѣковѣчномъ хранителѣ истиннаго православія и, слѣдовательно, христіанства. Вопросъ о самостоятельности русской церкви былъ рѣшенъ въ XVI вѣкѣ окончательно и всѣми сознанъ. Связь съ Византіей получила теперь другое истолкованіе, нежели прежде. Теперь нѣтъ у насъ зависимости отъ грековъ, а наоборотъ, сами греки находятся (лишившись царства) подъ гнетомъ турокъ, въ зависимости отъ Москвы, ища въ ней покровительства, защиты и матеріальной поддержки. Понятіе о собственномъ значеніи поднимается въ нашихъ глазахъ все выше и выше. Однако, по мнѣнію Макарія и его сверстниковъ, внутри церковь наша не обладала ни достаточнымъ блескомъ, ни достоинствомъ, сообразными съ величіемъ, котораго она достигла теперь въ глазахъ христіанскаго міра. Недостатокъ образованія, масса церковныхъ нестроеній, убогая внѣшность и «пестрота», которая ослабляла цѣльное величественное впечатлѣніе,—вотъ на что обратилъ свое вниманіе митрополитъ Макарій въ своей практической дѣятельности. Поэтому начался, по его почину, ъ церковной области пересмотръ условій, которыя должны были дать ѣпоту» московской іерархіи и русской церкви. Макарій организуетъ лый рядъ соборовъ для изысканія средствъ къ упорядоченію строя сской церкви, изысканію средствъ для приданія ей подобающей внѣшсти. Сороковые года XVI столѣтія отмѣчены особой дѣятельностью этомъ направленіи. Макарій исходилъ, какъ видимъ, изъ внѣшняго, жде всего, представленія о величіи церкви, о проявленіи въ ней благати Божіей. Это проявленіе благодати Божіей усматривалось въ имыхъ знакахъ: въ количествѣ святынь, въ чудесахъ великихъ под-

ѣ — Д. Стефановича. О Стоглавѣ. Его происхожденіе, редакція и составъ. . 1909.

вижниковъ—этимъ Богъ выражаетъ свое расположеніе къ русской церкви за сохраненіе ею чистоты и особыя заботы о Руси. При такомъ внѣшнемъ отношеніи къ дѣлу, естественно, однимъ изъ первыхъ поднимался вопросъ о внѣшнемъ величіи и благолѣпіи русской церкви. Это идея, конечно, не новая: она усвоена Московскимъ государствомъ отъ Византіи. Но древніе христіане не понимали ея такъ матеріально, какъ у насъ: особый блескъ церкви въ глазахъ русскихъ придавали святыни, ихъ количество, важность. Припомнимъ, что сущность «Сказанія объ Индійскомъ царствѣ» говоритъ уже объ этомъ и въ томъ же духѣ. Сказаніе представляетъ описаніе чудесъ природы, о которыхъ разсказывали на Западѣ и въ Византіи въ Средніе вѣка въ повѣстяхъ объ Индіи и ея христіанахъ. Во главѣ Индійскаго царства находится нѣкій могущественный царь-попъ Іоаннъ, теократическій владыка; Индія представлена одаренной несмѣтнымъ богатствомъ матеріальнымъ, политическимъ. Все это изложено въ видѣ посланія къ Мануилу Греческому; сравнительно съ индійскимъ царемъ могучій византійскій императоръ оказывался ничтожествомъ. Но XVI вѣкъ рѣзко измѣнилъ содержаніе посланія: къ нему присоединили отвѣтъ Мануила Іоанну; отвѣтъ этотъ характеренъ для XV—XVI вв., поскольку онъ представлялъ, въ чемъ заключается величіе церкви. Въ отвѣтъ на хвастовство Іоанна своимъ несмѣтнымъ богатствомъ и славой Мануилъ отвѣчалъ перечнемъ великихъ святынь, которыми обладаетъ Византія: въ сравненіи съ ними всѣ богатства и могущество Индіи—ничтожны. Вотъ въ чемъ и заключалось величіе церкви. Это—народный (но не богословскій) взглядъ Византійской церкви, удовлетворявшій національному самолюбію. На этой же точкѣ зрѣнія стоятъ и люди Московской Руси XVI вѣка. Цѣлый рядъ подвижниковъ древней Руси вселялъ убѣжденіе, что только на Руси есть истинная вѣра, такъ какъ Богъ не даромъ прославляетъ русскихъ святыхъ. Но вся эта масса дорогой святыни не достаточно опре[...]дѣлена, не видна въ своемъ величіи, потому что не приведена въ строй[...]ный порядокъ, долженствующій дать то величественное впечатлѣніе, к[...]торое чувствовалось Макаріемъ, и которое долженъ испытывать всяк[...] кто познакомится съ русской христіанской жизнью. Такую жизнен[...] окраску имѣлъ вопросъ о канонизаціи русскихъ святыхъ, о житій[...] литературѣ. Макарій вѣрилъ въ особое предназначеніе Руси. Вопрос[...] русскихъ святыхъ глубоко интересовалъ его съ этой точки зрѣнія; [...] когда онъ былъ новгородскимъ епископомъ, до перехода въ Мо[...] (въ митрополиты всея Руси), онъ уже обратилъ свое вниманіе на [...]графическую литературу, какъ матеріалъ для уясненія объема рус[...] святыни, приведенія ея въ порядокъ, подсчета. Тогда же Макарій [...]мышляетъ составленіе своихъ «Четіихъ-миней». Перейдя въ Мос[...]

Макарій однимъ изъ первыхъ вопросовъ при приведеніи въ порядокъ русской религіозной жизни поставилъ вопросъ о канонизаціи русскихъ святыхъ. Макарій и здѣсь, въ области церковнаго почитанія святыхъ, замѣтилъ нестроеніе. Онъ наблюдалъ такія явленія: одинъ какой-нибудь святой, явившійся въ одномъ мѣстѣ, пользовался всеобщимъ признаніемъ среди русскихъ, не извѣстно почему, другой наоборотъ, только мѣстнымъ признаніемъ, въ сосѣдней же мѣстности его и не знали, а о третьемъ и совсѣмъ не имѣлось свѣдѣній, хотя его память и чтилась то мѣстно, то въ качествѣ общерусской и т. д. Получалась такая непослѣдовательность, «пестрота», которая не могла быть терпима при такой идеализаціи величія Московской церкви, какое рисовалось Макарію. Нужно было уничтожить эту «пестроту», такъ какъ великое, прежде всего, должно быть стройнымъ въ своемъ величіи; сверхъ того самая литература о святыхъ русскихъ (житія, службы) представлялась ему въ полномъ безпорядкѣ: у однихъ святыхъ были житія, у другихъ ихъ не было, у однихъ житія были написаны красиво, стильно, у другихъ крайне неискусно, одни внушали довѣріе, въ другихъ была масса явныхъ ошибокъ, очевидныхъ нелѣпостей, одинъ и тотъ же святой имѣлъ не одно житіе, и эти житія противорѣчили другъ другу. Такъ представилась Макарію наша житійная литература, этотъ первоисточникъ для признанія того или другого лица святымъ. Макарій обратился за справками и руководствомъ къ Византіи. Въ X—XI еще вѣкѣ тамъ дѣйствовалъ Симеонъ Метафрастъ. Этотъ Метафрастъ, человѣкъ ученый, представитель церковной литературы, положилъ въ основу своей обработки византійской житійной литературы тогдашній научный принципъ. Онъ подвергъ житія пересмотру съ точки зрѣнія правдивости и стиля. Результатомъ явились Метафрастовскія редакціи житій: стройныя, гладкія, чинныя и умно-написанныя, на взглядъ правдивыя. Позднимъ отпрыскомъ этого направленія былъ на Руси въ XV в. ъ добавленіемъ риторики Пахомій Сербъ (черезъ югославянство; см. ыше), выразитель этого направленія на Руси. Манера, взгляды Паія въ значительной степени усвоены были и Макаріемъ. Маій, собираясь пересмотрѣть житія святыхъ, дѣлалъ въ сущности то самое, тоже желалъ сдѣлать ихъ по наружности болѣе благопрыми, удобопонятными и убѣдительными.

На соборахъ 1547 и 1549 гг. была пересмотрѣна фактическая сто цѣлой массы матеріаловъ для канонизаціи святыхъ, т.-е. житій, аній о святыхъ, съ точки зрѣнія достовѣрности; для этой цѣли ребленъ матеріалъ, собранный Макаріемъ, когда онъ былъ еще ородскимъ епископомъ; собирался вновь и теперь житійный мате, опрашивались вызванные изъ разныхъ мѣстностей люди, которые

должны были сообщать устныя преданія и, такъ сказать, защищать своихъ святыхъ, разъ относительно правильности ихъ почитанія поднимался вопросъ на соборѣ. При этомъ оказалось, что цѣлый рядъ святыхъ не имѣетъ прямыхъ данныхъ (житій), записей чудесъ, которыя бы оправдывали ихъ почитаніе, хотя устная молва и придавала этимъ святымъ иногда большое значеніе. Самое почитаніе—результатъ канонизаціи, акта церковно-юридическаго, оказывалось не оправданнымъ, совершоннымъ безъ опредѣленныхъ правилъ: все это приводятъ въ порядокъ Макарьевскіе соборы [1]).

Эта практическая сторона дѣятельности Макарія въ силу своего характера (все основывалось на признанномъ, заслуживающемъ довѣрія памятникѣ, житіи, на устномъ преданіи, но признанномъ достовѣрнымъ, а потому долженствовавшимъ и быть закрѣпленнымъ) тѣсно связана съ литературой, по крайней мѣрѣ, одной ея вѣтвью—агіографіей. Мы видѣли, что для Макарія дѣятельность въ этой литературной области началась еще въ Новгородѣ. Еще съ большей энергіей, естественно, она должна была проявиться въ Москвѣ въ связи съ соборами 1547 и 1549 года. Въ Москвѣ эта дѣятельность приняла и новое направленіе, получила въ глазахъ Макарія и болѣе широкое общественное, общецерковное значеніе. И для насъ, изучающихъ идейную исторію XVI вѣка, эта дѣятельность получаетъ болѣе широкій смыслъ, нежели простое накопленіе житійнаго матеріала. Этому широкому общецерковному назначенію долженъ былъ отвѣчать главный трудъ Макарія, его «Великія Минеи-четьи», явившіяся литературнымъ результатомъ работъ Макарія въ области упорядоченія, провѣрки, русской святыни. Онѣ могутъ быть по своей задачѣ отнесены и къ памятникамъ общественнаго характера; но, съ другой стороны, этотъ трудъ имѣетъ и литературное значеніе. Прежде всего «Минея» Макарія явилась эпохой въ агіографической русской литературѣ: изслѣдуя житійную литературу, мы можемъ говорить о житіяхъ «до-Макарьевской» и житіяхъ «Макаріевской» редакціи. Чѣмъ же отличаются другъ отъ друга эт редакціи житій? Нужно, прежде всего, обратить вниманіе на тѣ рамк въ которыя была заключена дѣятельность Макарія. Агіографичес литература для Макарія связана была съ идеей приданія порядка, внѣ няго блеска русской церкви. Соборы, созванные Макаріемъ, занимал провѣркой правъ цѣлаго ряда русскихъ святыхъ на почитаніе ихъ русской церкви, т.-е., этотъ пересмотръ былъ поставленъ въ связь вопросомъ объ упорядоченіи канонизаціи русскихъ святыхъ. Вопр же этотъ самъ по себѣ вообще принадлежитъ къ наиболѣе сложн

[1]) Подробнѣе объ этихъ соборахъ у Е. Е. Голубинскаго: „Исторія низаціи св. въ русской церкви". Изд. 2-е, стр. 92—109.

въ жизни христіанской церкви. Признаніе извѣстнаго лица святымъ— актъ общецерковный. Осуществлялась канонизація различно, смотря потому, какими правилами въ данной церкви руководствовались (древнехристіанская церковь руководилась простымъ признаніемъ, основаннымъ на общей вѣрѣ въ святость извѣстнаго лица, какъ дѣятеля въ пользу церкви, каковы, напр., мученики, исповѣдники-апологеты), въ Византіи канонизація совершалась по постановленію соборовъ, на Западѣ—по постановленію папы и собираемаго имъ для этого совѣта. Условія канонизаціи выработались въ разное время различныя. Ни въ восточной, ни въ западной церквахъ не существовало опредѣленныхъ во всѣхъ подробностяхъ правилъ для канонизаціи святыхъ: признаніе даннаго лица святымъ опиралось на факты, связанные съ элементомъ вѣры, чувства; такъ, святымъ признавалось лицо, прославленное чудесами: въ нихъ видѣли внѣшнимъ образомъ выраженное указаніе свыше на богоугодность лица. Съ другой стороны, почитаніе основывалось на вѣрѣ ближнихъ или потомковъ въ богоугодность даннаго лица, подкрѣпляемой устнымъ или письменнымъ преданіемъ. Конечно, это убѣжденіе, какъ элементъ вѣры, точному строгому учету подвергаться не можетъ. Во всякомъ случаѣ, главнымъ источникомъ при канонизаціи являлась, конечно, біографія, святого, достоинство ея и признаніе ея фактовъ достовѣрными. Главнымъ фактическаго характера признакомъ святости того или иного лица искони считались чудеса, совершонныя Богомъ черезъ это лицо при его жизни, или же по его смерти, черезъ останки— мощи; послѣднія, т.-е. мощи, сами являются (хотя не вездѣ, не всегда) особеннымъ проявленіемъ силы Божіей (тлѣнный человѣкъ не истлѣлъ) и тоже принимались во вниманіе при канонизаціи. Это послѣднее обстоятельство (нетлѣніе), какъ особенно наглядное, выдвигается, какъ одинъ изъ сильныхъ аргументовъ въ пользу святости лица, въ русской церкви, является толчкомъ для начала дѣла о канонизаціи лица. Разсуждали просто: не истлѣло тѣло человѣка, какъ всѣхъ другихъ простыхъ людей, значитъ, онъ не подвергся общей судьбѣ по особому усмотрѣнію Божію; онъ святой, при чемъ забывалось, однако, давнее богословское положеніе, что мощи сами по себѣ не всегда могутъ служить доказательствомъ святости лица (сохраненіе нетлѣннымъ тѣла могло быть слѣдствіемъ иныхъ причинъ, напр., физическихъ, геологическихъ условій почвы, гдѣ погребено тѣло), а отсутствіе мощей не есть доказательство не святости (чудеса не отъ мощей, не отъ костей, не отъ иконы—изображенія даннаго лица): мощи многихъ святыхъ не найдены, либо были временемъ, огнемъ уничтожены, что не могло служить поводомъ къ отмѣнѣ чествованія святого, либо къ отрицанію его правъ на признаніе святымъ.

Макарій долженъ былъ считаться съ этими условіями. Какъ онъ отнесся къ этому вопросу? Онъ думалъ найти разрѣшеніе въ русскомъ обычаѣ и въ старыхъ канонизаціяхъ. Измѣряя въ своемъ представленіи степень величія русской церкви количествомъ святыни, Макарій, естественно, и по своему образованію и по настроенію не могъ быть особенно строгъ въ разборѣ матеріала, служившаго источникомъ канонизаціи: элементъ вѣры, соединенный съ желаніемъ прославленія церкви, выдвигается на первое мѣсто; это видно изъ того большого числа новыхъ канонизацій и незначительнаго числа отмѣны ея, которые получились результатомъ соборовъ. Въ результатѣ такой канонизаціи получилось громадное скопленіе агіографическаго матеріала, въ числѣ его много и письменныхъ житій и устныхъ преданій, достовѣрность которыхъ въ значительной степени покоилась на благочестивомъ увлеченіи возможно больше сохранить святыню, боязнь быть несправедливымъ, выражая сомнѣніе, критикуя. Въ концѣ-концовъ, русская агіографія была приведена такимъ образомъ въ порядокъ. Немногіе святые мѣстные были лишены признанія или низведены въ разрядъ святыхъ «подъ спудомъ» (отъ нихъ отнимали службу, оставляя одну панихиду, и уничтожали или запрещали читать житіе): нѣкоторые, наоборотъ, были удостоены службъ, открытаго почитанія, составлены ихъ житія; другіе святые изъ мѣстно-чтимыхъ возведены во всероссійскіе. Все это подняло значеніе агіографическаго матеріала, оживило, хотя и въ опредѣленномъ направленіи только, агіографическую литературу. Это оживленіе и нашло себѣ выраженіе въ «Великой Четьей-минеѣ» Макарія, въ ея первоначальной идеѣ—собрать русскую святыню во-едино.

Обратимся теперь къ «Четьимъ-минеямъ» Макарія, куда вошелъ этотъ громадный житійный матеріалъ. Четья-минея Макарія по своему составу представляетъ прежде всего объединеніе оригинальнаго и переводнаго житійнаго матеріала, накопившагося на Руси отъ начала христіанства у насъ и до времени самого Макарія; объединеніе это представляется настолько полнымъ, что житія, создавшіяся или переведенныя до Макарія и не попавшія въ его Минею, встрѣчаются очень рѣдко [1]. Внѣшнимъ планомъ для этого объединенія для Макарія послужила старая Четья-минея, переводная [2], давшая всѣ элементы для подбора статей въ «великой» Четьей-минеѣ Макарія. Какъ извѣстно, греческая Четья-минея ко времени появленія ея въ славянскихъ переводахъ (къ X в.) не успѣла еще вполнѣ развиться: далеко не всѣ числа мѣсяца были заполнены житіями тѣхъ святыхъ, память коихъ однако

[1]) Чаще встрѣчаются житія въ иной, старшей редакціи, нежели Макарьевская.
[2]) О ней см. выше, стр. 199.

уже отмѣчена мѣсяцесловомъ. Дальнѣйшая судьба старой переводной Четьи-минеи выражается на русской почвѣ стремленіемъ расширять объемъ внесеніемъ новыхъ житій переводныхъ и русскихъ изъ отдѣльныхъ текстовъ или сборниковъ житійнаго характера подъ числа, гдѣ уже были житія, или же внесеніемъ такого же происхожденія житій подъ числа, оставшіяся въ греческой Минеѣ не заполненными за отсутствіемъ или не нахожденіемъ соотвѣтствующаго житія. Разростался въ русской Ч.-М.. и ея нравоучительно-панегирическій отдѣлъ (являющійся уже вторичнымъ для греческой Минеи): поученія и похвальныя слова на опредѣленные дни или въ честь извѣстныхъ святыхъ (бывшія первоначально только приложеніемъ и потому помѣщавшіяся часто въ концѣ мѣсяца подъ соотвѣтствующими числами, а потомъ перешедшія въ самую житійную (основную) часть Минеи) увеличиваются и численно, и по объему. Такого развитія достигла Минея на Руси до Макарія, но все-таки ей еще не удалось заполнить всѣ числа мѣсяца соотвѣтствующимъ матеріаломъ. Объ этомъ позаботился Макарій. Первыми источниками для него послужили отдѣльныя житія, по чему-либо (напр., по своему объему, черезчуръ большому, напр., житіе Саввы Освященнаго, Григорія Омиритскаго) не попавшія въ Минею раньше, и особенно старые Прологи, въ силу особенностей состава своихъ житій представившіе болѣе полное внѣшнее развитіе и успѣшнѣе заполнявшіе пробѣлы отдѣльныхъ чиселъ въ мѣсяцѣ [1]). Ко времени Макарія Прологи значительно уже пополнились на русской почвѣ; кромѣ того, въ распоряженіи его былъ не только старый Прологъ, такъ наз. «простой», но и «стишной». Этотъ послѣдній отличается отъ простого и редакціями отдѣльныхъ житій и самымъ составомъ всего памятника: подборъ житій въ стишномъ Прологѣ иной часто, нежели въ простомъ [2]), житія далеко не такъ лаконично-кратки и далеко не выдержаны въ объемѣ вмѣстѣ съ житіями въ нѣсколько строкъ (каковы болѣе или менѣе авномѣрно выдержаны въ «простомъ» Прологѣ) или краткой хронолоеской замѣткой о святомъ помѣщаются довольно большія житія—въ колько страницъ); сверхъ того, при каждомъ житіи (обычно при омъ подъ даннымъ числомъ) помѣщается «стихъ»—два-три, чаще о ямбическихъ (въ греческомъ) стиха, содержащихъ характеристику ого, чаще всего въ видѣ истолкованія его имени (Ѳеодоръ—даръ ій, Николай—народовъ побѣдитель и т. п.). Прологъ этотъ явился изантіи довольно поздно, около XII—XIII вѣка, и вскорѣ былъ

См. выше стр. 200 и сл.

Причина этого въ томъ, что „простой“ Прологъ въ своихъ памятяхъ слѣ церковному уставу Студійскому (иначе константинопольскому), „стишной“ же лимскому, получившему позднѣе преобладаніе на Востокѣ.

переведенъ на болгарскій (вѣроятно, въ эпоху Евфимія), быстро вытѣснилъ старый «простой» на югѣ славянства, а въ XV в. появился и у насъ. Но здѣсь онъ засталъ уже ставшій популярнымъ и осложнившійся старый Прологъ «простой»; поэтому въ русской письменности онъ замѣнить собой стараго Пролога не могъ, а сталъ лишь источникомъ для дополненія, расширенія этого русскаго Пролога и въ отдѣльныхъ русскихъ спискахъ встрѣчался рѣдко. Этимъ-то Прологомъ «стишнымъ» рядомъ съ «простымъ», какъ матеріаломъ, удобнымъ для заполненія сказаніями дней, до сихъ поръ въ Минеѣ не занятыхъ, и воспользовался Макарій, и воспользовался обильно: въ началѣ каждаго дня своей Минеи онъ помѣщаетъ цѣликомъ сказанія и изъ «простого» Пролога и изъ «стишного» («Прологъ первый» и «Прологъ вторый» въ его рукописи). Такимъ путемъ совершонъ былъ имъ первый шагъ въ объединеніи агіографической письменности, накопившейся къ XVI вѣку на Руси: въ его «великую» Минею вошла цѣликомъ старая Четья-минея, цѣликомъ же (въ житійной своей части) оба Пролога и, наконецъ, отдѣльно ходившія или помѣщавшіяся въ «житійникахъ» житія русскія и переводныя, независимо отъ ихъ объема [1]). Но Макарій, составляя Минею, не ограничивается только собираніемъ готоваго матеріала старой русской переводной и оригинальной житійной литературы: онъ вноситъ въ свою Минею всѣ житія святыхъ, одобренныя его соборами, составленныя вновь по отдѣльнымъ источникамъ, даже преданіямъ; дѣлается это часто, за неимѣніемъ достаточнаго матеріала, по готовому шаблону: нужно было имѣть житіе какого-нибудь вновь канонизируемаго или давнишняго святого, о которомъ, кромѣ краткихъ отрывочныхъ свѣдѣній (напр., въ службѣ ему, отдѣльныхъ записяхъ чудесъ), никакихъ біографическихъ данныхъ не сохранилось. Въ такомъ случаѣ выбиралось готовое житіе другого святого, болѣе или менѣе похожаго по типу на даннаго, иногда одноименнаго ему, и по его образцу, взявши изъ него типичное, создавали новое, лишь видоизмѣняя подробности [2]); иногда довольствовались даже однимъ устнымъ преданіемъ. Такимъ, напримѣръ, образомъ явилось у Макарія житіе не задолго

[1]) Чтобы нагляднѣе представить себѣ Минею Макарія, см. ея описанія: 1) І... фа архим. „Подробное оглавленіе Великихъ Четьихъ Миней“ (М. 1892); 2) ...скаго и Невоструева. Описаніе Вел. Четьихъ Миней (Чтенія въ Общ... и Др. 1884, I; 1886, II) или, наконецъ, самое изданіе ихъ въ Археографич. Ко... (до сихъ поръ изданы цѣликомъ мѣсяцы съ сентября по декабрь, съ небол... пропускомъ въ ноябрѣ).

[2]) Этотъ способъ практиковался и помимо Макарія другими составителям... тій и раньше его и позже; см. А. П. Кадлубовскаго, Очерки по исторі... нерусской литературы житій (Варш. 1902), стр. 16 и др. Также: Яхонто... Житія сѣверо-русскихъ подвижниковъ (Казань 1882), 45 и др. (въ концѣ книги...

редъ тѣмъ замученнаго турками болгарина Георгія: достаточно было разсказовъ странниковъ, случайно прибывшихъ изъ Болгаріи въ Псковъ и видѣвшихъ эту мученическую смерть или даже только лишь слышавшихъ о ней, чтобы появилось житіе Георгія, новаго мученика Средечьскаго (Софійскаго). Внося въ Минею житія, Макарій давалъ новую редакцію старымъ житіямъ святыхъ, опять-таки подводя ихъ подъ опредѣленный шаблонъ. Причины этого кроются, во-первыхъ, въ желаніи избѣжать искаженій, вкравшихся вслѣдствіе неграмотности переписчиковъ и неискусства составителей, а во-вторыхъ, въ томъ, что многія житія, восходя къ древнѣйшимъ временамъ, далеко отошли отъ современнаго книжнаго, болѣе или менѣе общепринятаго славяно-русскаго языка, либо отъ привычнаго житійнаго стиля XVI в.: Макарій и желаетъ имъ придать «пристойный» видъ, т.-е. приближаетъ ихъ по языку къ употребительному въ его время, обрабатываетъ ихъ схематически и со стороны стиля. Здѣсь-то и сказалась аналогія, указанная выше, съ Симеономъ Метафрастомъ, который въ X в. придавалъ, прежде всего, житіямъ современную имъ литературную риторическую форму, въ то же время очищая ихъ отъ погрѣшностей. Этому способствовало и то обстоятельство, что XVI вѣкъ былъ временемъ развитія риторическаго стиля и въ другихъ областяхъ литературы, которая и во внѣшнихъ формахъ стремится выразить величіе новаго Московскаго царства. Школа эта риторическаго искусства пришла къ намъ, какъ мы знаемъ (см. выше), съ юго-славянства, и въ области житійной литературы еще до Макарія создала нѣчто уже опредѣленное. Пахомій Логофетъ сербъ, пришедшій въ XV в. съ Аѳона въ Россію, даетъ образчикъ подобнаго рода житій, которыя онъ называлъ житіями «украшенными», т.-е. риторическими: и по внѣшней формѣ «Житія» должны быть памятникомъ, прославляющимъ святого; житіе становится чѣмъ-то среднимъ между исторіей и панегирикомъ святому. Этотъ принципъ руководилъ Пахоміемъ: продолженіе этой школы—время Макарія. Такимъ образомъ, отмѣтивши всѣ пріемы въ агіографической дѣятельности Ма...ія, мы имѣемъ полное право говорить о житіяхъ святыхъ въ редак...хъ до-Макаріевскихъ и послѣ-Макаріевскихъ. Въ исторіи нашей жи...ной литературы дѣятельность Макарія составила такимъ образомъ ...ху.

Съ другой стороны, «Четьи-минеи» Макарія представляютъ типич... памятникъ XVI вѣка. Стремясь собрать всю житійную литературу ...ридать ей стройный и благолѣпный видъ, Макарій вполнѣ удовлет...илъ вкусамъ тогдашней московской консервативной публики и ея ...денціямъ публицистическаго характера. Составлялось обширное, гран...ное собраніе житій, внѣшнимъ образомъ выражавшее собой гро-

мадность русской святыни: при томъ эта масса, приведенная въ порядокъ, уже своей стройностью и объемомъ должна была производить внушительное впечатлѣніе, соотвѣтствующее величію самой русской державы. Однако, Макарій не ограничился и этимъ: онъ при самой работѣ сталъ расширять размѣры своихъ «Четьихъ-миней»: по первоначальной идеѣ это долженъ былъ быть сборникъ сказаній о всѣхъ святыхъ, чтимыхъ на Руси; но теперь Макарій соединилъ эту идею съ болѣе еще грандіозной идеей—выраженія всего духовнаго богатства русскаго народа, въ чемъ бы это богатство ни проявлялось. Прежде же всего эта мощь, богатство должны были проявиться внѣшнимъ образомъ (а эта сторона, какъ мы знаемъ, и была наиболѣе доступна Макарію, типичному воспитаннику старой консервативной школы, а также его такимъ же современникамъ) въ обиліи, громадности объема того, что, какъ связанное тѣсно съ церковью, носило на себѣ печать «божественнаго»; на первое мѣсто, естественно, и слѣдовало поставить литературу, какъ наиболѣе яркое выраженіе этого духовнаго богатства; а эта литература была — почти вся письменность русская, какъ говорящая преимущественно о «святомъ», «божественномъ» (понимая этотъ терминъ въ духѣ XVI в.). На расширеніе объема этого «божественнаго» для Макарія оказало вліяніе уваженіе русскаго человѣка къ писанію вообще, перенесенное съ св. писанія, какъ «божественнаго» по преимуществу, на все, что касается церкви, т.-е., отсутствіе строгой грани между различными писаніями по ихъ значенію. Такимъ образомъ агіографическая первоначально идея у Макарія расширилась до громадныхъ размѣровъ. Собирая сказанія о святыхъ, Макарій приходитъ къ мысли о собраніи въ одинъ corpus всей «божественной» книжности и о приведеніи въ порядокъ всей вообще церковной литературы, какъ «божественной». Особый же интересъ къ этой «божественной» литературѣ унаслѣдованъ Макаріемъ и его современниками отъ предыдущаго времени, когда впервые былъ поставленъ вопросъ о приведеніи въ порядокъ прежде всего церковныхъ книгъ подъ вліяніемъ начавшихся в обществѣ броженій; эта литература, какъ крупное въ глазахъ консервативной партіи орудіе для цѣлей обузданія прогрессивнаго течен была сразу оцѣнена: уже своимъ внушительнымъ объемомъ, важнос содержанія, своей древностью, она должна была оправдывать консе тивныя воззрѣнія партіи. Часть этой литературы—агіографическа уже опредѣлена Макаріемъ съ точки зрѣнія ея цѣнности для со менности. Остальная «божественная» литература теперь должна б получить тоже примѣненіе для оправданія консервативныхъ взгля Макарія—стать орудіемъ борьбы съ новымъ курсомъ жизни. Ма всю эту литературу и стремится объединить въ своей Минеѣ, вз

такимъ образомъ, въ основу внѣшній планъ—календарный—житійнаго сборника. Житія—историческій матеріалъ—здѣсь группировался вполнѣ удобно; но въ эти же рамки умѣстилась у него и чуть не вся не-житійная литература: и догматическая, и поучительная, и даже легендарная (поскольку послѣдняя можетъ быть подведена подъ широкое понятіе «писанія»—писанія «божественнаго»): здѣсь принципомъ подбора для составленія явилось имя автора произведенія, имя героя разсказа: если святой, житіе коего вошло въ Минею, былъ при томъ извѣстенъ собирателю, какъ авторъ, писатель, то разыскивались писанія, ему принадлежащія (или лишь приписанныя ему, чего, конечно, не отмѣчала письменность, а писатели XVI вѣка, не владѣвшіе критическимъ, хотя бы и слабымъ, методомъ, вопроса объ этомъ не ставили) и помѣщались вмѣстѣ съ житіемъ святого; если извѣстны были, кромѣ житій, какія-либо писанія о святомъ (напр., сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ), то присоединялись и они; если было толкованіе на сочиненіе святого (напр., Евангеліе Луки, апостолъ), то и оно помѣщалось вслѣдъ за самымъ сочиненіемъ; т. о. собиралось подъ однимъ именемъ все, что къ нему относилось и могло быть отнесено. Естественно, при такомъ условіи «Минеи» Макарія должны были достигнуть громадныхъ размѣровъ. Такимъ образомъ, напр., при житіи св. Василія Великаго, св. Іоанна Златоуста и др. оказывалось полное собраніе ихъ сочиненій, извѣстныхъ на Руси, часто по объему очень крупное. Иногда, благодаря такому принципу подбора, являлись и повторенія: напр., толкованіе на Евангеліе, которое приписывалось Іоанну Златоусту, заносилось въ «Минеи» два раза: и послѣ житія Іоанна Златоуста, какъ его произведеніе, и послѣ житія евангелиста, послѣ его Евангелія, какъ имѣющее связь съ личностью апостола и его писаніями. Это еще увеличивало объемъ и безъ того огромнаго труда. Дорожа писаніемъ, какъ «божественнымъ», боясь опустить дорогую крупицу стараго наслѣдія, проникнутый уваженіемъ къ письму, буквѣ, Ма...ій не рѣшался что-либо выкидывать; когда сочиненіе, достойное вой...ъ Минею, встрѣчалось въ двухъ редакціяхъ или переводахъ, онъ ...ыбиралъ одну редакцію или переводъ, а помѣщалъ оба, хотя и въ ...ыхъ мѣстахъ Минеи, напр., исторію паденія Іерусалима Іосифа ...ія въ февралѣ и декабрѣ. Поэтому-то Макарій, составляя свою ...икую» Минею-четью, имѣлъ въ концѣ концовъ нѣкоторое право ска... что «собралъ всѣ книги, которыя въ Русской землѣ обрѣтаются». ...ри взглядѣ на громадный трудъ [1]) возникаетъ вопросъ: какъ

... Макарій при помощи своихъ сотрудниковъ изготовилъ три списка Минеи: ... (сравнительно краткій) еще въ Новгородѣ—такъ называемый, Софійскій (для ...), находящійся теперь въ библ. Спб. духовной Академіи, другой—для Москов-

Макарій относился къ своимъ источникамъ? Мы видѣли, что онъ ихъ редактировалъ: простыя житія онъ передѣлывалъ въ болѣе художественномъ для того времени духѣ, приноравливая языкъ ихъ по стилю къ языку литературному. Но собирая произведенія старой письменности, Макарій, естественно, долженъ былъ разбираться и въ томъ, все ли можетъ быть включено, что составляетъ предметъ писанія, всякое ли писаніе имѣетъ мѣсто въ его собраніи, т.-е., онъ обязанъ былъ имѣть критерій для разсортировки памятниковъ огромной письменной литературы примѣнительно къ своей цѣли. И онъ имѣлъ его въ томъ видѣ, какъ его имѣла старая консервативная литература; критерій этотъ опредѣлялся для человѣка XVI вѣка широкимъ понятіемъ—«божественное писаніе»; а понятіе это для Макарія опредѣлялось формально: «божественнымъ» было все, что стояло въ связи съ церковью, согласовалось съ ея ученіемъ, какъ онъ его понималъ. Поэтому новая западнаго пошиба литература, имѣвшая характеръ не церковный или прямо противоцерковный (еретическій), съ точки зрѣнія человѣка XVI в., войти сюда, разумѣется, не могла, какъ не входившая въ кругъ этого стараго понятія; по тому же самому необходимо исключить было изъ состава Минеи и всю апокрифическую литературу: она исключалась церковью на основаніи списка-статьи о книгахъ истинныхъ и ложныхъ. Такимъ образомъ, Макарій и здѣсь руководился преимущественно формальнымъ взглядомъ. Индексъ являлся въ данномъ случаѣ единственнымъ указаніемъ при обсужденіи вопроса о включеніи или исключеніи того или другого памятника старой письменности. Однако, оказалось на дѣлѣ, что все же помѣщены были въ Минею и нѣкоторые апокрифы, напр., «Откровеніе Авраама», «Исповѣданіе Евы», «Енохъ» и пр. Какъ же они туда попали? Причины лежатъ въ томъ, что апокрифы въ старой письменности распространялись не только среди людей, довольно безразлично относящихся къ указаніямъ «индекса» или не знавшихъ его, но и среди людей, кото- рые по своему образованію и положенію должны были считаться с «индексомъ». Но эти люди и «индексомъ» пользовались не умѣло, н научно. Существовало, напримѣръ, посланіе архіепископа Новгор скаго Василія (относится къ XIV вѣку) къ Ѳеодору Тверскому о щеcтвованіи земного рая еще въ настоящее время. Въ связи съ эт

скаго Успенскаго собора (самый обширный), третій—для царя; оба эти списка т въ Моск. Синодальной библіотекѣ. Для нагляднаго сужденія о громадности пріятія Макарія можно напомнить внѣшній объемъ одного списка (Успенс Минеи: въ немъ 12 томовъ въ большой листъ и всего 13336 листовъ; другой сп (Царскій)—11 томовъ (книга за мѣс. февраль потеряна)—11758 листовъ то формата.

вопросомъ существовала довольно большая литература «хожденій» въ рай разныхъ святыхъ. Хотя эти писанія частью запрещены были «индексомъ», напр., хожденіе Макарія, Зосимы, но архіепископъ Новгородскій Василій, доказывая скептику Ѳеодору, что рай на землѣ существуетъ, но мы лишь не достойны видѣть его, не устоялъ противъ искушенія использовать очень подходящее для его цѣлей писаніе объ Агапіи, процитировалъ и его; этого было достаточно для Макарія, митр.: видя, что это посланіе написано архіепископомъ Василіемъ, онъ счелъ возможнымъ допустить его въ «Минеи», хотя оно и пользуется апокрифомъ: авторитетъ архіепископа и писанія взялъ верхъ надъ авторитетомъ «индекса»; интересное само по себѣ писаніе, къ тому же уже процитированное архіепископомъ, заставило забыть про запрещеніе писанія. Другая причина допущенія апокрифовъ въ «Минеи» заключалась въ томъ, что отсутствіе критическаго такта не давало основаній для сужденія въ отдѣльныхъ случаяхъ: апокрифъ въ «индексъ» попадалъ по одному лишь заглавію. Но апокрифическія писанія ходили въ рукописяхъ часто подъ другими названіями, нежели тѣ, подъ коими они занесены въ «индексъ»; такъ, напримѣръ, «индексъ» запрещалъ «Евангеліе апостола Іакова», но въ древней письменности оно ходитъ подъ названіемъ «Слово Іакова, брата Господня» на Введеніе во храмъ Пресвятыя Богородицы, на Рождество Христово. И Макарій просто не узнавалъ апокрифа въ писаніи, заглавіе коего не совпадало съ заглавіемъ въ «индексѣ», а къ тому же оно пользовалось уваженіемъ, встрѣчаясь въ такихъ почтенныхъ сборникахъ, какъ «Златоустъ», «Торжественникъ». Макарій хотѣлъ собрать всю священную письменность въ свои «Четьи-минеи» и помѣщалъ туда и апокрифы, принимая ихъ, такимъ образомъ, за «божественныя» книги: авторитетъ имени, поставленнаго въ заголовкѣ, дѣйствовалъ на робкаго умомъ составителя «Минеи». Такимъ образомъ, становится понятнымъ, почему «Минеи» Макарія могли охватить такую массу памятниковъ не только церковныхъ, въ собственномъ смыслѣ слова, но даже епризнанныхъ церковью, не говоря уже о прикрытыхъ терминомъ ожественныхъ». Безъ преувеличенія можно сказать, что почти вся ша духовная и церковная литература, поскольку она сохранилась половины XVI вѣка, вошла въ «Минеи» Макарія. Этотъ огромный ѣнадцатитомный трудъ, поэтому, долженъ былъ въ глазахъ Макарія нять почетное мѣсто въ нашей древней литературѣ, такъ какъ онъ глядно говорилъ о томъ литературномъ богатствѣ, которымъ владѣла рая Русь. И это значеніе ея тѣмъ болѣе понятно, что «Минея» карія не ограничилась строго одной лишь церковной письменностью, ъединяя разнородный огромный матеріалъ того, что читалось и чти-

лось на Руси; объединеніе это стало возможнымъ лишь при смѣшеніи «божественныхъ» и «боговдохновенныхъ» писаній съ писаніемъ церковнымъ или духовнымъ (т.-е. противоположномъ свѣтскому): «Хожденіи» Даніила Паломника, напр., признается «божественнымъ» только потому, что говоритъ о священныхъ вещахъ и потому оказывается въ «Минеѣ», «Толковая Палея»—тоже. «Минеи» Макарія ясно показываютъ, какова была эта точка зрѣнія на достойную христіанина литературу въ то время. Рядомъ съ этимъ и понятіе о такъ называемой «отреченной» литературѣ получило широкое толкованіе. Отреченная книга со времени «индекса» Зосимы смѣшивалась съ книгой, запрещенной вообще; получается, такимъ образомъ, для консервативной части общества весьма характерный фактъ: есть только два рода письменности «божественная» и «отреченная», середины нѣтъ... Такимъ образомъ, объединяя всю «божественную» литературу, Макарій ясно шелъ навстрѣчу опредѣленной программѣ консервативной группы, служилъ сознательно ея цѣлямъ; древне-книжное богатство Руси—громадно по объему, громадно оно и по своему «божественному» характеру; въ немъ есть все, что нужно православному христіанину; слѣдовательно, совершенно можно обойтись безъ того новаго, что двигалось съ Запада; цѣль жизни—угожденіе Богу, богопознаніе—достигается вполнѣ при помощи того, что мы уже получили; а кромѣ того, это богатство велико, теперь стройно, вполнѣ приличествуетъ величію Русскаго государства. Такимъ образомъ, Макарій зачисляетъ себя въ число тѣхъ борцовъ-публицистовъ, общественныхъ дѣятелей, которыхъ мы видѣли выше [1]).

Кромѣ «Четьихъ-миней», съ дѣятельностью Макарія связаны и другіе труды; изъ нихъ наиболѣе крупный—новая редакція «Степенной книги», которая носитъ уже въ XVI и XVII вв. на себѣ имя Макарія, даже какъ иниціатора. Это произведеніе было переработкой русской лѣтописи на новыхъ началахъ—на основахъ генеалогіи правящей династіи вмѣсто хронологіи; эта переработка началась до Макарія, б. м. еще въ XV вѣкѣ, но не отлилась тогда въ нѣчто стройное цѣлое; Макарій ея идею довелъ до полнаго соотвѣтствія съ государственной идеологіей своего времени; онъ хотѣлъ ввести и въ это освѣщеніе русскаго прошлаго порядокъ, стройность, связать его со своимъ временемъ

[1]) Для насъ Минея Макарія также памятникъ первостепенной важности: она не только крупный литературный фактъ XVI вѣка, дающій опредѣленнаго характера освѣщеніе консервативной мысли этого времени, но и самое цѣнное собраніе памятниковъ литературы предшествовавшаго ей періода: многіе памятники сохранены до насъ только потому, что они попали въ Минею Макарія; ею отмѣчена часто нов эпоха въ жизни стараго памятника.

Редакція «Степенной книги», которая связана съ именемъ Макарія, была доведена до конца царствованія Ивана III. Элементъ государственности и церковности былъ выдвинутъ на первый планъ; въ центрѣ всего поставлена личность государя. Идея государства въ лицѣ государя сливалась съ идеей величія русской церкви, а равно и Русскаго государства, почему туда были на ряду съ біографіями царей и князей введены и біографіи митрополитовъ, архіепископовъ, житія святыхъ и т. п. [1]). Такимъ образомъ, по идеѣ «Степенная книга», изложенная тѣмъ же пышнымъ стилемъ, что и Макарьевскія житія, будетъ аналогична пышной «Четьей-Минеѣ».

Дѣятельность Макарія явилась, такимъ образомъ, собираніемъ и приведеніемъ въ порядокъ литературнаго богатства, накопленнаго къ XVI вѣку на Руси, но въ то же время она оказалась невольно по характеру своему подведеніемъ итоговъ цѣлаго періода русской духовной жизни, хотя и претендовала на значеніе матеріала для дальнѣйшаго развитія Руси, но въ духѣ консервативной партіи. Это подведеніе итоговъ, поэтому, является характернымъ симптомомъ стараго культурнаго теченія: въ XVI-омъ вѣкѣ старыя византійскія воззрѣнія въ литературѣ и жизни явно отживали свое время; литература же макарьевскаго направленія и школы ничего новаго не даетъ, кромѣ желанія противоставить это «доброе старое» новымъ условіямъ, народившимся въ самой жизни, доказать способность этого стараго къ дальнѣйшей активной жизни, сообщивъ путемъ стройности этому старому внѣшнюю устойчивость при новыхъ условіяхъ жизни Московской Руси. Но это приспособленіе, какъ основанное на старыхъ отжившихъ началахъ, положительныхъ результатовъ не могло дать, какъ увидимъ; оно на дѣлѣ оказалось сдачей въ архивъ исторіи византійско-московскихъ началъ въ большей части проявленій жизни Московской Руси: жизнь шла впередъ, и реформа въ консервативномъ духѣ не удовлетворяла уже запросамъ этой жизни, ни въ ней самой, ни въ литературѣ. Резуль-[т]атъ получился аналогичный тому, какой мы видѣли для «Стоглава».

Домострой. Къ памятникамъ XVI-го же вѣка относится еще одно [из]ъ интереснѣйшихъ произведеній того времени—«Домострой». Онъ [та]кже является параллельнымъ трудомъ къ «Стоглаву» и «Минеѣ» Ма-[кар]ія. Какъ въ «Стоглавѣ» мы видимъ пересмотръ различныхъ вопро-[сов]ъ общественной, церковной жизни съ цѣлью ее упорядочить и тѣмъ [со]общить устойчивость старымъ устоямъ, такъ же точно и въ «Домо-

[1]) Спеціальная монографія о Степенной книгѣ Пл.-Гр. Васенка: „Книга [Степе]нная царскаго родословія и ея значеніе въ древне-русской исторической пись-[менн]ости“ (Спб. 1904) ч. I.

строѣ» на первомъ мѣстѣ стоитъ вопросъ объ упорядоченіи, о согласованіи съ идеаломъ, какъ онъ сложился и мыслился въ XVI-омъ вѣкѣ, жизни частной, домашней. Вопросъ о происхожденіи «Домостроя» до сихъ поръ остается еще не разрѣшеннымъ окончательно. Болѣе ранніе изслѣдователи, основываясь главнымъ образомъ на его послѣдней главѣ—посланіи Сильвестра къ сыну Анфиму—склонны были считать авторомъ его знаменитаго благовѣщенскаго протопопа Сильвестра, руководителя времени молодости Іоанна Грознаго (Буслаевъ, Забѣлинъ); позднѣйшіе ученые (Некрасовъ, отчасти Михайловъ) сильно поколебали эту увѣренность въ авторствѣ Сильвестра. Сюда присоединяется и то обстоятельство, что по дошедшимъ до насъ спискамъ «Домострой» представляетъ двѣ разновидности (редакціи), и потому возникаетъ вопросъ, какая изъ нихъ первоначальная, ближе къ подлинному труду автора [1]); вопросъ этотъ остается также еще не разрѣшеннымъ. Однако, въ какомъ бы видѣ не разрѣшился вопросъ о редакціяхъ «Домостроя», это въ данномъ случаѣ для насъ не важно [2]): гораздо важнѣе для насъ идейное содержаніе «Домостроя», какимъ онъ явился, какъ памятникъ XVI вѣка. Оно состоитъ въ стремленіи привести въ порядокъ устройство домашней жизни: эта тенденція, несомнѣнно, на лицо въ обѣихъ дошедшихъ до насъ редакціяхъ «Домостроя»; съ другой же стороны, знакомясь съ содержаніемъ его [3]), мы должны сказать, что мысли «Домостроя» не являются впервые въ XVI вѣкѣ. Идейный его порядокъ слагается постепенно вмѣстѣ съ жизнью и уже обнаружился почти вполнѣ въ концѣ XV и въ началѣ XVI столѣтія. «Домострой», въ сущности, стремился представить, каково должно быть «праведное» (т.-е. порядочное вполнѣ) житіе человѣка, построенное на основаніи «писанія», какими правилами долженъ руководиться человѣкъ, желающій жить на основаніи «божественныхъ» писаній,—однимъ словомъ, какимъ образомъ могутъ быть и должны быть осуществляемы идеалы богоугоднаго, честнаго житія [4]),—другими словами: онъ желалъ дать идеалъ

---

[1]) Одна редакція, такъ называемая Коншинская (по имени бывшаго владѣльца рук-
писи), издана была, но плохо, въ 1849 г. (Временникъ Общ. Ист. и Древ.) и въ 190
(Чтен. Общ. Ист. и Др.) вполнѣ исправно А. С. Орловымъ; другая—Забѣлинская, и
Общ. Ист. и Древ.—не вполнѣ исправно издана въ Чтен. Общ. Ист. и Древ. 1882, кн.

[2]) Этому вопросу посвящено, далеко впрочемъ не удавшееся, изслѣдованіе Н.
Некрасова „О происхожденіи древне-русскаго Домостроя“ (Чтен. Общ. Ист
Древ., 1872 г., 3).

[3]) Довольно подробное изложеніе содержанія „Домостроя“ см. у Порфирьева, И
лит. I, 547—555.

[4]) Подробнѣе объ идейной сторонѣ „Домостроя“, схемѣ этой идеи, государст
но-партійной (іосифлянской) тенденціи его см. А. А. Кизеветтера. Ист. оче
(М. 1912), стр. 1—28.

богоугодной, настоящей жизни, какъ этотъ идеалъ мыслился въ XVI вѣкѣ, и такимъ образомъ отмѣтить, въ чемъ жизнь XVI вѣка отклонилась отъ него. Самая форма «Домостроя», конечно, традиціонна и играетъ второстепенную роль въ дѣлѣ пониманія идейнаго содержанія его. «Домострой» въ этомъ отношеніи раздѣляетъ судьбу различныхъ «путеводителей по жизни», которые существовали еще въ средневѣковой литературѣ не только византійской и русской, но и западной и восточной (они указаны отчасти у И. С. Некрасова въ ук. соч.). Форма, такимъ образомъ, могла быть дана готовой автору «Домостроя». Такую форму, дѣйствительно, имѣютъ многія писанія-поученія, извѣстныя и въ русской письменности, каково, напр., поученіе Ксенофонта къ дѣтямъ (памятникъ, переведенный съ греческаго), поученіе Владиміра Мономаха, многія поученія святыхъ отцовъ и учителей церкви, носящія общія названія: «Слово отъ отца къ сыну», «Слово, како жити христіаномъ» и проч. Литературные источники для «Домостроя» довольно ясно могутъ быть намѣчены въ общихъ чертахъ. Исходной точкой міросозерцанія автора являются «божественныя» (въ смыслѣ XVI вѣка) писанія, каковы: «Прологъ», «Измарагдъ», «Златая цѣпь», «Стословецъ» Геннадія патріарха, отдѣльныя житія, также, можетъ быть, «Златоустникъ» и др. Источники эти относятся къ кругу популярнаго чтенія сторонника старины XVI вѣка. Но, излагая свой идеальный взглядъ на устроеніе жизни, составитель «Домостроя», какъ человѣкъ, у котораго формальная сторона мышленія покрывала собой критическую, отвлеченную, часто даже замѣняя ее, не разграничиваетъ строго идейныхъ и формальныхъ требованій, которыя онъ ставилъ своему читателю, сближаясь въ этомъ отношеніи съ другими представителями нашихъ стародумовъ XVI вѣка. Въ силу этого содержаніе «Домостроя» носитъ характеръ записокъ бытового характера: эта бытовая старина отражаетъ современную автору дѣйствительность, сквозитъ тамъ, гдѣ авторъ порицаетъ ненормальности (съ его точки зрѣнія) жизни, отклоненія отъ тѣхъ идеальныхъ сторонъ жизни XVI вѣка, какими по крайней мѣрѣ желалъ бы ихъ видѣть авторъ «Домостроя», самъ человѣкъ этого же вѣка. Это замѣтно особенно тамъ, гдѣ ему приходится говорить о атеріальной обстановкѣ жизни. Частный домъ, по взглядамъ составителя «Домостроя», долженъ приближаться къ «Божьему дому», т.-е. ъ храму, или скорѣе монастырю, хотя безъ монастырскаго послѣдоательно проведеннаго аскетизма: это—вѣдь не монастырскій, а семейый бытъ; но все же монастырскій уставъ незримо играетъ роль того ѣрила, возможно близкое приближеніе къ которому, какъ къ идеалу, редносится мыслямъ автора; онъ беретъ монастырскій уставъ и остаяетъ изъ него то, что не противорѣчитъ устоямъ семейной жизни,

которая рисуется имъ во всѣхъ ея бытовыхъ подробностяхъ. Какъ подчиненіе, послушаніе являются главной добродѣтелью въ монастырѣ, такъ и глава семейства рисуется владыкой, безконтрольнымъ распорядителемъ, которому члены семьи должны безпрекословно подчиняться, какъ иноки игумену: это переводъ монастырскаго начала на свѣтскій ладъ. Все это находится въ связи съ представленіемъ XVI вѣка о власти вообще, начиная съ «божественной» власти царской. Принципъ автократіи какъ въ обществѣ, такъ и въ семьѣ проводится послѣдовательно. Обязанности хозяина, главы дома, представляются въ двухъ видахъ: 1) отношеніе къ государю и 2) отношеніе къ домочадцамъ (дѣтямъ, женѣ, роднѣ, слугамъ), т.-е. къ подчиненнымъ. Какъ государь даетъ отвѣтъ Богу, такъ домохозяинъ даетъ отвѣтъ государю, кромѣ, конечно, отвѣта, даваемаго Богу: по отношенію къ государю онъ лишь слуга, беззавѣтно творящій волю господина; по отношенію къ семьѣ, къ домочадцамъ—онъ самъ государь, требующій такого же безпрекословнаго повиновенія отъ своихъ подданныхъ—домочадцевъ. Первая часть «Домостроя» трактуетъ объ отношеніяхъ общественныхъ, объ отношеніяхъ къ властямъ, вторая характеризуетъ частный распорядокъ жизни мірянина. Домовладыка обязанъ руководствоваться «святымъ» писаніемъ въ томъ распространенномъ смыслѣ слова, какъ это понималось въ XVI вѣкѣ, и это писаніе, истолкованное въ такомъ «автократическомъ» духѣ до мелочей, опредѣляло всѣ его внѣшнія отношенія, какъ къ властямъ, такъ и къ домашнимъ: эти отношенія носятъ преимущественно, если и не исключительно, характеръ формальный. Человѣкъ и долженъ не укоснительно выполнять эти формальности; этимъ и исчерпывались его обязанности, этимъ достигалась безошибочно и главная цѣль—вѣрность государю и вѣра къ Богу. Переходя къ частной жизни, «Домострой» также подробно и серьезно регламентируетъ всѣ ея мелочи: онъ распредѣляетъ весь порядокъ дня, распредѣляетъ всѣ службы религіознаго характера (молитва, чтеніе поученій, поклоны). Не довольствуясь регламентаціей обязанностей отвлеченнаго характера, «Домострой» касается и житейскихъ отношеній къ домашнимъ и всякихъ мелочей домашней жизни, до приготовленія пищи включительно. И здѣсь чувствуется вліяніе такъ называемыхъ монастырскихъ «обиходниковъ». Такимъ образомъ, рядомъ съ требованіями отвлеченнаго характера, преимущественно религіозными, мы видимъ, на одну доску поставлены съ ними и чисто внѣшнія, утилитарныя и формальныя предписанія. Въ этомъ отношеніи «Домострой» является типичнымъ памятникомъ XVI столѣтія. Съ точки зрѣнія взглядовъ на жизнь, ея направленіе, «Домострой», ясно, тѣсно связанъ съ консервативнымъ теченіемъ жизни XVI вѣка; идеалы автора его, какъ и

Макарія, Іоанна Грознаго, не впереди, а назади; самое его появленіе вызвано тѣмъ, что «старина поисшаталася», что новшества, вторгавшіяся въ жизнь, нарушили, испортили тотъ благословенный укладъ жизни, гдѣ все было ясно, было опредѣлено буквой «святого»» писанія: надо вернуться къ этому руководству. Но жизнь и въ этомъ случаѣ, разумѣется, довольно скоро показала, что идеалы «Домостроя» уже далеки отъ нея, что они уже не выполнимы. Такимъ образомъ, «Домострой» былъ, собственно говоря, также подведеніемъ итоговъ, а съ другой стороны—приговоромъ надъ старымъ міросозерцаніемъ, уже отжившимъ свой вѣкъ.

Легенды. Пересмотрѣнные до сихъ поръ памятники XV—XVI ст., какъ переводные, такъ и оригинальные, появившіеся за это время въ московской литературѣ, дали возможность освѣтить одну изъ наиболѣе важныхъ въ историко-литературномъ и историческомъ отношеніяхъ сторонъ тогдашней жизни. Броженіе мысли, вылившееся въ этихъ памятникахъ, показало большое оживленіе въ литературѣ, памѣтило собой тотъ переломъ въ жизни и литературѣ, съ которымъ намъ придется имѣть дѣло впослѣдствіи. Но въ то же время мы не имѣемъ права предполагать, чтобы этой борьбой двухъ теченій исчерпывалась литературная дѣятельность этихъ вѣковъ: если и не столь крупное, то все же значительное движеніе мы наблюдаемъ и въ другихъ областяхъ литературы, иногда близкихъ къ сферамъ религіозно-общественнымъ, иногда болѣе отдаленнымъ. Въ этомъ случаѣ мы видимъ отчасти отзвуки оживленія, вызваннаго борьбой направленій, въ народно-устной средѣ (что мы уже знаемъ, напр., касательно идеологіи Московскаго царства), частію же дальнѣйшее развитіе, хотя преимущественно количественное, того, что получено было московской литературой отъ предшествующей эпохи; при этомъ въ послѣднемъ случаѣ мы видимъ и нѣкоторое измѣненіе въ характерѣ памятниковъ оригинальныхъ, сравнительно съ предшествующимъ временемъ; въ религіозную и историческую повѣсть проникаютъ элементы устно-народной поэзіи, отзвуки быта. Процессъ этотъ въ дальнѣйшемъ развитіи, уже въ XVII в., приводитъ къ цѣлому, правда еще не крупному по размѣрамъ, теченію народнаго характера въ книжной литературѣ, къ установленію связи между книжностью и устной литературой, связи, которая принципіально отрицается консервативной письменностью XV—XVI в. Это проникновеніе народныхъ элементовъ совершается подъ двоякимъ воздѣйствіемъ: ростъ народнаго самосознанія, самосознанія государственнаго, вызвавшій отзвуки въ устно-народной поэтической литературѣ (каковы упомянутыя сказанія о Грозномъ, о Вавилонскомъ царствѣ и т. д.), въ свою очередь способствуетъ установленію этой связи; съ другой

стороны западное теченіе ведетъ къ «обмірщенію» литературы и тѣмъ также суживаетъ пропасть, отдѣляющую въ сознаніи книжника консервативнаго лагеря «божественную» литературу и «поганую» устнонародную. Къ концу XV и XVI в. относится развитіе такъ называемой «исторической» пѣсни, представляющей дальнѣйшее развитіе такъ называемой былины; развитіе это выразилось прежде всего въ усиленіи въ пѣснѣ чувства исторической дѣйствительности, современности: эпоха Грознаго уже богата въ пѣснѣ историческими отзвуками и прямо описаніями недавнихъ фактовъ; сюжетами ея являются такія событія, какъ взятіе Казани, зачало царства, завоеваніе Сибири, даже частная семейная жизнь и общественная: женитьба Грознаго, убійство сына, опричнина, крамола боярская и т. д. Къ этоду же времени, надо полагать, относится переработка старшей поэзіи, примѣнительно къ бытовымъ условіямъ современности, внесеніе въ старую пѣсню намековъ на современность. М. б., къ этому времени восходитъ и самая форма былины, въ какой мы ее знаемъ теперь. М. б. къ этому же времени слѣдуетъ относить и особенное развитіе духовнаго стиха и т. д. Въ области книжной литературы, въ ея наиболѣе консервативной части, религіозной, это движеніе народной мысли не проходитъ даромъ; это лучше всего видно на религіозной легендѣ XV—XVI в., которая, подобно устной поэзіи, несетъ въ себѣ черты преимущественно XVI в. въ томъ видѣ, какъ она дошла до насъ. Типичными образцами такой легенды можно счесть сказанія о Петрѣ, царевичѣ Ордынскомъ, легенды Муромской о Петрѣ и Февроніи и, м. б., сказаніе о Меркуріи Смоленскомъ и др. [1]). Въ первой легендѣ находимъ сказочный, международный мотивъ о томъ, какъ ордынскій царевичъ обводитъ веревкой занятое имъ мѣсто и по веревкѣ выкладываетъ границу золотыми и серебряными монетами; легенда рисуетъ, кромѣ того, отчетливо картину жизни мелкаго удѣла княжескаго, съ жалобами въ Ордѣ, сутяжничествомъ и т. д. Вторая легенда, о Петрѣ и Февроніи, вся соткана изъ сказочно-былинныхъ мотивовъ: здѣсь есть и «змій», который ле- таетъ къ княгинѣ, мотивъ змѣеборства и чудесный «Агриковъ» мечъ, а образъ Февроніи—образъ сказочной мудрой дѣвы, говорящей зага- ками; и опять живая картина мѣстной жизни. Въ третьей легендѣ— Меркуріи—отзвуки и татарщины, и богатырскій образъ воителя, самый разсказъ о святомъ, несущимъ свою отрубленную голову, так

---

[1]) Содержаніе этихъ легендъ пересказано у Порфирьева, Ист. слов. I, 56 сл., анализъ—у Пыпина, Ист. слов., I, глава IX; ср. также Ѳ. И. Буслаев Очерки, I, 269 и сл. и II, 155 и сл. О Меркуріи см. А. И. Кадлубовска Очерки по ист. литер. житій св. (Варш. 1902), стр. 44 и сл.

бродячій сюжетъ, разработанный здѣсь въ духѣ устной повѣсти. Наконецъ, къ этой же группѣ сказаній, однородныхъ съ указанными по характеру, слѣдуетъ отнести упомянутыя выше сказочныя повѣсти о Вавилонѣ и шапкѣ Мономаха и т. д. Т. о. можно съ увѣренностью полагать, что XV и XVI в. были вѣками особаго оживленія устно-народной и народно-книжной легенды, въ то же время глубокихъ внутреннихъ измѣненій въ нихъ по характеру, отношенію къ дѣйствительности: и въ нихъ историческое самосознаніе растетъ, растетъ и народность, связь книжной и устной струи, ослабляется исключительно церковный характеръ народной легенды.

Повѣсть. Тоже мы замѣчаемъ и въ переводной и заимствованной повѣсти: она все историчнѣе, все чаще фантастика приводится въ связь съ русской дѣйствительностью, служитъ интересамъ самосознанія. Отчасти это видно было уже по упомянутымъ повѣстямъ о Вавилонѣ, то же говорятъ и такія повѣсти, какъ о Дракулѣ [1]), историческомъ молдавскомъ воеводѣ XV в. Цепешѣ, прославившемся своей жестокой справедливостью, повѣсть о царицѣ Динарѣ (грузинской царицѣ Тамарѣ XII в.), побѣдившей персидскаго царя [2]); послѣдняя повѣсть—результатъ усилившихся политическихъ сношеній Руси съ Кавказомъ), повѣсть о судѣ Шемяки—международный, преимущественно восточный сюжетъ, примѣненный къ русской жизни и эпохѣ Димитрія Шемяки [3]), и др. Сюда же съ нѣкоторой оговоркой надо отнесть и упомянутую выше повѣсть-памфлетъ Ивана Пересвѣтова о Махметѣ и т. д. Ясно, что къ концу XVI в. физіономія русской литературы значительно измѣнилась сравнительно съ прежней: измѣненіе это, ясно, идетъ въ сторону раскрѣпощенія русской мысли отъ оковъ односторонней, средневѣковой церковщины, совершается по направленію расширенія связи съ народноустнымъ міросозерцаніемъ, съ Западомъ, въ общемъ—по направленію къ «обмірщенію» литературы.

Путешествія. То же движеніе наблюдается и въ наиболѣе консервативной церковной области: если здѣсь не видимъ прямого движенія къ Западу, все же можемъ констатировать усиленіе соотвѣтствія дѣйствительности, самосознанія народнаго и государственнаго. Такова, напр., ажная и показательная въ культурномъ отношеніи область путешествій въ чужіе края, въ частности во св. Землю. Главные представители этого рода литературы XVI в.: Василій Позняковъ (1558—

[1]) Перенесеніе ея приписывается Димитрію Герасимову (см. выше, стр. 424); переводъ сдѣланъ, кажется, съ нѣмецкаго.

[2]) О ней см. у А. Н. Пыпина, Ист. рус. слов. II, 492—494; переводъ сдѣланъ, кажется, съ греческаго; оригиналъ до сихъ поръ, однако, не найденъ.

[3]) О ней см. М. И. Сухомлинова въ Сбор. Втор. Отд. А. Н., т. X.

61) и такъ называемый Трифонъ Коробейниковъ [1]), показываютъ, что самое отношеніе къ св. Землѣ и Востоку уже измѣнилось: Московская Русь, если и относится съ уваженіемъ къ святынямъ Востока, то уже покровительственно относится къ людямъ Востока и грекамъ, не прочь заподозрить чистоту ихъ православія подъ игомъ невѣрныхъ, не прочь подчеркнуть свое православіе; самыя путешествія окрашены уже государственно-официальной нотой: путешественники—люди посланные правительствомъ; передавая милостыню, они выполняютъ порученіе правительства. Интересъ къ святынѣ не исчерпываетъ цѣли путешествія: Позняковъ имѣетъ порученіе «обычаи во тѣхъ странахъ писати». Т. о. и здѣсь отразилось самосознаніе—идеологія—Московской Руси, а также расширеніе интересовъ къ чужимъ землямъ, ихъ жизни, что показываетъ, что посторонпія вліянія, хотя медленно, но дѣлали свое дѣло: косность нарушилась. Косвенно то же измѣненіе настроенія и кругозора общества, охваченнаго движеніемъ, видно и изъ того, что въ XV—XVI в. появляются, помимо паломническихъ, путешествія и иного характера: подневольное путешествіе Афанасія Никитина въ Индію, ок. 1466 г., показало въ своемъ описаніи интересъ къ чужимъ странамъ, умѣніе разобраться въ наблюдаемомъ, а путешествія Авраамія смоленскаго и Симеона суздальскаго въ Италію (по случаю Флорентійскаго собора) [2]) представляютъ, по словамъ А. Н. Пыпина, уже полное признаніе западно-европейскаго художества: ясно, что и въ данномъ случаѣ западное вліяніе не осталось безрезультатнымъ. Т. о. движеніе мысли, гдѣ сильнѣе, гдѣ слабѣе, идетъ во всѣхъ областяхъ литературы XV, особенно XVI вѣка, вездѣ замѣчаются черты, подготовлявшія то новое, что мы наблюдаемъ въ XVII в., т.-е. торжество западной культуры надъ консервативной «византійщиной» въ московскомъ истолкованіи, не безъ упорной, однако, борьбы уступающей свою позицію: многое изъ стараго живетъ или старается жить и въ XVII вѣкѣ.

---

[1]) На дѣлѣ Трифонъ Коробейниковъ, хотя и путешествовалъ въ 1582 и 1593 г[illegible] въ св. Землю, описанія путешествія не писалъ: оно составлено кѣмъ-то другимъ [illegible] Василію Позднякову и документальнымъ даннымъ, касающимся Т. К.; подробности с[illegible] у А. Н. Пыпина. Ист. рус. слов., II, 228—233. Хожденіе Позднякова издано И. [illegible] Забѣлинымъ въ Чтен. Общ. Ист. и Др. 1884 г, кн. 1, вторично—Х. М. Лопа[illegible]ревымъ въ Палестинск. об., вып. 18. Трифонъ изданъ С. О. Долговымъ въ Чте[illegible] Общ. Ист. и Др. 1887 г., I и Х. М. Лопаревымъ Пал. сб., вып. 27.

[2]) Афанасій Никитинъ изданъ И. И. Срезневскимъ (Уч. Зап. II Отд. А. [illegible] т. II—1857), Авраамій—А. Н. Поповымъ (Истор. лит. обзоръ др.-рус. полеми[illegible] сочиненій противъ латинянъ (М. 1875), стр. 399), Симеонъ—у Сахарова (Пут[illegible]шествія русскихъ людей. М. 1837).

Итоги. Такимъ образомъ, пересмотрѣнные памятники XVI вѣка выяснили общественныя черты умственнаго движенія вѣка, какъ въ консервативной части общества, такъ и въ прогрессивной. Обобщая сдѣланныя наблюденія, можно притти къ такого рода выводамъ. Всякое произведеніе литературы носитъ опредѣленный характеръ, стоящій въ зависимости отъ условій возникновенія, условій существованія его въ ту или иную эпоху; поэтому, главныя черты памятниковъ XVI вѣка показываютъ, что произведенія эти—произведенія эпохи перелома: старая литература какъ бы остановилась, сознала необходимость оглянуться на пройденный путь. Что же было причиной того, что внутреннее развитіе старой литературы какъ будто пріостановилось, во всякомъ случаѣ сократилось, сузилось, стало медленнымъ? Причина этого заключается, во-первыхъ, въ новомъ теченіи, появившемся въ XV вѣкѣ, сперва въ видѣ раціонализма, потомъ въ усиленіи вообще западнаго вліянія, главнымъ образомъ уже въ XVI вѣкѣ. Кромѣ того, были причины второстепенныя, лежащія въ самой русской жизни, именно: состояніе русскаго общества, характеръ московской жизни и пр. Главной чертой послѣдняго направленія было характерное міросозерцаніе средневѣковья, заковывавшее мысль въ тѣсный кругъ религіозной схематической мысли. Это міросозерцаніе не могло долго удовлетворять даже людей, наиболѣе полно имъ овладѣвшихъ; оно не давало должнаго простора уму, подчиняя его почти всецѣло элементу вѣры, давленію авторитета, умъ же человѣка неуклонно требовалъ движенія впередъ. Такимъ образомъ, у насъ повторилось, но лишь позднѣе по времени, въ значительной степени то же, что и въ остальной Европѣ: явилось раціоналистическое теченіе и у насъ, хотя и позднѣе и въ менѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ на Западѣ. Результатомъ раціонализма на Западѣ была наука, ставшая опираться на правильно организованную школу, какъ источникъ знанія. Русское общество не имѣло даже правильной организаціи учебнаго дѣла, оно стояло на столь низкой ступени азвитія, что и простая грамотность считалась наибольшимъ, чего могъ стигнуть человѣкъ въ области знанія; достигши этого, онъ становился четчикомъ—формалистомъ, буквалистомъ. Съ одной стороны, такимъ разомъ, — глубокое невѣжество, съ другой — инстинктивная потребсть чего-то новаго, нужнаго. Это-то и обезпечивало новому—западму—успѣхъ, несмотря на его слабость, какъ внутреннюю, такъ и шнюю. Съ появленіемъ западныхъ вліяній и общество наше раздѣось какъ бы на два лагеря: люди, которыхъ коснулось западное еніе, составили классъ передовой, остальные были отсталыми. Сообно съ этимъ раздѣлилась и литература. Кромѣ того, западное теченіе оизвело дифференціацію и среди грамотнаго класса; получились дѣя-

тели литературы консервативные, отсталые, и новые, передовые; за тѣми и другими стояла масса. Передовые люди питались, разумѣется, идеями, изготовленными на Западѣ, консерваторы старались вдохнуть жизнь въ старину. Такимъ образомъ, въ XVI вѣкѣ было положено начало дѣленія всего общества на три группы: 1) прогрессистовъ, «западниковъ», 2) консерваторовъ, византійско-русскихъ и 3) безразличныхъ, куда вошелъ весь остальной людъ, вся остальная масса населенія, не принимавшая активнаго участія въ умственной жизни общества, а лишь пассивно усвоивавшая то, что шло изъ интеллигентныхъ двухъ лагерей.

X. Западное теченіе. Западное теченіе сказалось прежде всего въ сферѣ религіозной, а именно, въ появленіи «ересей»: другой формы выраженія протеста, желанія реформы средневѣковья, въ силу своего міросозерцанія, найти оно не могло. И уже по началу, положенному раціоналистическими, «еретическими» теченіями, легко было видѣть ихъ послѣдствія. Представители офиціальной церкви оказались въ полномъ смыслѣ не состоятельными въ борьбѣ, растерялись, разъ борьба вышла за предѣлы чисто внѣшняго воздѣйствія. Обнаружилось полнѣйшее отсутствіе какихъ бы то ни было пригодныхъ средствъ для борьбы съ нарождающимся раціонализмомъ. Для того, чтобы старое могло бороться съ новымъ—а борьба была необходима—нуженъ былъ новый матеріалъ, который бы разъяснилъ и укрѣпилъ это старое и далъ бы ему орудіе для борьбы. Нуженъ былъ иной методъ, иное пониманіе окружающаго: а ихъ-то не было, а ихъ-то отрицали представители старины. Въ связи съ народившеюся потребностью новаго появились и новые памятники. Первые памятники этой смѣны міросозерцанія были характера почти исключительно религіознаго, именно, переводы священнаго писанія; затѣмъ появились различныя руководства, сочиненія претендовавшія на названіе научныхъ, также и апокрифическая литература, только въ новомъ вкусѣ. Старая апокрифическая литерату[illegible] носила характеръ преимущественно легендарный, новая—бытовой: [illegible] были толковыя «Звѣздочетья», Астрологіи, гадательныя книги—эти [illegible] бросы средневѣковья и Возрожденія, несшія, однако, кое-какія жа[illegible] крупицы новаго знанія. Астрологія ложная, какъ наука, заклю[illegible] въ себѣ нѣкоторыя сѣмена истиннаго знанія, какъ результатъ на[illegible] денія, опыта, какъ это было и на Западѣ. Появленіе этихъ пр[illegible] веденій на Руси было значительнымъ шагомъ впередъ по сравн[illegible] съ прошлымъ, такъ какъ эти сочиненія возбуждали въ человѣкѣ, [illegible] не «жажду знанія», то во всякомъ случаѣ нѣкоторую пытлив[illegible] удовлетворяли этой пытливости еще малоразвитаго ума. Въ виду [illegible] тиворѣчій со священнымъ писаніемъ въ его формальномъ истолков[illegible] ставшемъ традиціоннымъ, эти сочиненія вызывали протесты со сто[illegible]

представителей церкви. Недовольны были ими и вообще всѣ представители консервативной партіи. Они указывали на преступность попытки искать знанія внѣ давно ставшей привычною области «святыхъ книгъ», благословенной старины. Началась и полемика, которая выразилась, главнымъ образомъ, въ дѣятельности Максима Грека и въ борьбѣ съ ересями и до него въ видѣ переводовъ Герасимова, попытокъ исправить текстъ священнаго писанія. Памятниками этой борьбы являются и соборы противъ жидовствующихъ, собиравшіеся Зосимой, «Стоглавъ», и новыя редакціи списковъ отреченныхъ книгъ. Въ половинѣ XVI вѣка мы видимъ послѣднюю редакцію индекса книгъ ложныхъ. Но индексъ, какъ выраженіе протеста въ открытой формѣ, могъ весьма мало ограничить распространеніе этихъ писаній; они встрѣчали сочувственный пріемъ и у передовыхъ людей и въ народной массѣ, въ которой жили еще языческія суевѣрія, близкія по духу къ западному мракобѣсію: западная гадательная книга поддерживала ихъ, давая новый и въ то же время очень родственный по характеру матеріалъ. А для опроверженія этого матеріала, какъ онъ ни былъ далекъ отъ науки, нужна была уже наука съ ея логическими и критическими методами, какъ разъ то, что въ старой книжности почти отсутствовало. Такого рода, уже научную болѣе или менѣе, борьбу беретъ на себя М. Грекъ, но видныхъ результатовъ не достигаетъ, какъ человѣкъ, оказавшійся въ сторонѣ отъ главной арены борьбы; къ тому же онъ одинъ и не могъ выполнить всю задачу, требовавшую силъ не одного человѣка и долгаго времени. За этой литературой суевѣрій идетъ съ Запада и болѣе серьезная, сперва очень осторожно, затѣмъ все смѣлѣе и смѣлѣе. Въ XVI в. переводятъ уже руководства ученыя и практическія: учебныя книги, географію, учебники военнаго дѣла, появляются также и произведенія западной литературы повѣствовательной [1]).

Первые изъ этихъ переводныхъ памятниковъ еще связаны съ ересью жидовствующихъ и своимъ появленіемъ обязаны не только западному оригиналу, а даже еврейскому, напримѣръ, «Аристотелевы врата», «Шестокрылъ» и др. Эти еврейскіе памятники восходятъ не къ чистымъ западнымъ оригиналамъ, а къ еврейскимъ переработкамъ старыхъ средневѣковыхъ трактатовъ, стало-быть, несутъ уже тѣ же западные элементы, несмотря на свое иногда пестрое происхожденіе на Западѣ. Во-вторыхъ появляются переводы прямо съ средневѣковыхъ латинскаго и нѣмецкаго языковъ: «Луцидарій», «Альманахъ», «Мартолой», всякіе «Звѣздочетцы» и пр.. Третья группа—хронологически младшая—пере-

---

[1]) См. А. Соболевскаго. Переводная литература Московской Руси (Спб., 1903), въ частности стр. 38—51.

воды съ польскаго. Переводы первыхъ двухъ группъ—съ еврейскаго, латинскаго, нѣмецкаго—наиболѣе древніе и менѣе численны. Переводовъ же послѣдней группы—съ польскаго—довольно много уже съ конца XVI и въ началѣ XVII вѣковъ и въ теченіе всего XVII вѣка.

Вліяніе черезъ Польшу. Съ этимъ послѣднимъ источникомъ мы въ московской переводной литературѣ встрѣчаемся, какъ сейчасъ сказано, впервые въ концѣ XVI-го вѣка. Поэтому, естественно, возникаетъ вопросъ, почему именно Польша явилась посредницей между Западомъ и Русью при переходѣ западной литературы къ намъ? Это объясняется географическимъ положеніемъ Польши и ея отношеніями къ Россіи и къ Западу. Около Москвы объединились, собственно говоря, только тѣ русскія племена, которыя въ результатѣ дали одно великорусское племя, остальныя же русскія племена, нѣкогда входившія въ составъ Кіевской Руси и давшія въ послѣдующемъ своемъ развитіи племена бѣлорусское и малорусское, оказались за предѣлами Московскаго государства—въ областяхъ, главнымъ образомъ, Литвы и Польши, которая издавна примкнула къ западной культурѣ. Великорусское восточное племя подчинилось съ самаго начала своего сложенія и долгое время остается подчиненнымъ византійскому и юго-славянскому вліянію. Подъ тѣмъ же вліяніемъ развилась прежде (въ Кіевское время) и южная и западная Русь, но она, придя затѣмъ въ непосредственное и тѣсное общеніе съ Польшей, раньше восточной стала испытывать вліяніе Запада черезъ Польшу. Что же касается племени польскаго, то оно никогда не было подчинено восточной, византійской культурѣ, а западно-европейской. Въ то же время юго-западная Русь, хотя и втягивавшаяся черезъ Польшу въ область западной культуры, все же по старой памяти единства восточно-византійской старшей культуры обнаруживала тяготѣніе къ единовѣрному сѣверо-востоку; Польша съ своей стороны, какъ государство и страна западной католической культуры, борется съ этимъ тяготѣніемъ и стремится ассимилировать себѣ юго-западъ культурно и политически, т.-е., стремится ввести ю.-з Русь въ кругъ вліяній культуры западной по характеру и католическо по духу. На этой почвѣ и создалось посредничество Польши меж западной Европой и восточной Русью. Посредничество это отразило и въ литературѣ. Юго-западная русская литература, носительниц которой стали теперь племена бѣлорусское и малорусское, выросш подобно великорусскому, на обломкахъ русскихъ племенъ той же Кіе ской Руси, стала, поэтому, въ большомъ количествѣ воспринимать зачатки западной литературы. Когда началось западное теченіе на с веро-востокѣ, то западная и южная Россія уже имѣли несравнен больше, чѣмъ отдаленная Москва, элементовъ западной культуры

своемъ обиходѣ—литературномъ и народномъ. Это положеніе западной Руси и объясняетъ появленіе и въ Москвѣ памятниковъ западнаго типа черезъ посредство, именно, западной Руси. Путь черезъ Польшу и западную Русь былъ удобнымъ и естественнымъ для Руси сѣверо-восточной. Въ виду сильнаго вліянія Польши на западную Русь не только культура, но и польскій языкъ дѣлалъ въ ней громадные успѣхи. Т. о., мы получали изъ западной Европы то, что сначала путемъ переводовъ получала оттуда сама Польша. Установленію этого литературнаго общенія между западной и южной Русью (иначе, Литовской) и Польшей, съ одной стороны, и восточной Русью (иначе, Московской) способствовали также политическія отношенія между этими государствами: сперва борьба между Литовскимъ государствомъ и Москвой изъ-за главенствующей роли среди русскихъ племенъ (великаго княженія), затѣмъ войны съ Литовско-польскимъ государствомъ, Смутное время: событія эти передвигали значительныя массы съ запада на востокъ и обратно, сближая ихъ культурно; въ дипломатическихъ сношеніяхъ Руси и Польши видная роль принадлежала южному и западному русскому боярству, какъ единоплеменникамъ московскихъ представителей государства и т. д.

Значительная часть московскихъ переводныхъ памятниковъ XVI и XVII вѣковъ носитъ слѣды бѣлорусскаго и малорусскаго своего происхожденія: иначе быть не могло, въ виду положенія юго-западной Руси, какъ посредницы между Москвой и Польшей, а за этой, и западной Европой. Это были прежде всего памятники научнаго, повѣствовательнаго, поэтическаго или историческаго характера. Подъ вліяніемъ ихъ мѣняется не только составъ московской литературы XVI в. въ XVII-томъ, но мѣняются по характеру и старые памятники, вырабатываются новыя типичныя для новаго времени редакціи, показывающія измѣненія не только литературныхъ вкусовъ, но даже и міросозерцанія московскаго книжника. Примѣромъ могутъ служить тѣ измѣненія въ составѣ Хронографа подъ вліяніемъ Запада, которыя мы видимъ въ его 2-ой редакціи сравнительно съ первой. Старая русская редакція Хронографа, такъ называемая редакція 1512 года, была построена цѣликомъ на переводныхъ памятникахъ византійско-юго-славянскихъ и оригинальныхъ русскихъ. Она создалась по типу міровыхъ хроникъ византійскаго средневѣковья [1]. Совершенно иное даетъ 2-ая редакція «Хронографа», которая сложилась во второй половинѣ XVI вѣка, а опредѣленную форму получила въ 1617 г. [2]. Этотъ «Хронографъ»

---

[1] Ея описаніе и анализъ у А. Н. Попова. Обзоръ Хронографовъ русской редакціи, вып. I.

[2] Описаніе и анализъ ея см. у А. Н. Попова, ук. соч., вып. II, начало.

второй редакціи является, дѣйствительно, показателемъ того, что сдѣлало въ концѣ XVI вѣка западное теченіе въ русской письменности. При сравненіи Хронографовъ редакціи 1512 г. и 1617 года мы найдемъ, что въ основѣ Хронографа 1617 г. лежитъ все же Хронографъ 1512 г., но основа эта значительно уже осложнена. Самая идея 2-й редакціи уже другая, отличная отъ первой редакціи: она заключается въ отличномъ отъ прежняго объемѣ понятія о міровой исторіи. Тогда какъ первая редакція представляла міровую исторію, опредѣляя объемъ ея исторіей Ветхаго завѣта, частью ранняго христіанства, а въ дальнѣйшемъ лишь православнаго христіанства, 2-ая редакція расширила понятіе міровой исторіи почти до современнаго намъ объема. 1-ая редакція начинаетъ исторію міра по Библіи, потомъ переходитъ къ исторіи Греціи; о Римѣ говоритъ мало и неохотно, какъ о предкахъ «отверженныхъ» латинянъ-католиковъ; далѣе быстро переходитъ ко времени кесаря Августа и Тиверія, какъ моменту начала христіанства. Римская имперія интересуетъ старый Хронографъ, только какъ страница изъ исторіи христіанства, почему онъ быстро переходитъ къ Византіи, и съ Константина Великаго начинаетъ описывать подробно греко-византійскій періодъ, какъ православный, какъ время истиннаго христіанства; постепенно русскіе Хронографы вводятъ туда же исторію Россіи, какъ православной же страны, по сказаніямъ и повѣстямъ мѣстнаго происхожденія, заканчивая эту исторію разсказомъ о паденіи главнаго христіанскаго центра—Царяграда (1453)—какъ концомъ греческаго періода христіанства и началомъ новаго періода, московскаго. «Хронографъ» XVII-го вѣка расширяетъ представленіе о всемірной исторіи: составитель 2-ой редакціи уже замѣтилъ одностороннее представленіе о всемірной исторіи; цѣлый европейскій западъ отсутствовалъ въ Хронографѣ 1512 года; а Западъ теперь, въ XVII в., играетъ видную роль въ представленіяхъ русскаго человѣка, то какъ величина положительная, то какъ отрицательная; поэтому составитель Хронографа 1617 г. и ввелъ сюда исторію и другихъ народовъ—прежде всего—ближайшихъ и крупнѣйшихъ государствъ и народовъ Запада. За источниками этихъ дополненій онъ естественно обращается къ Западу (имъ, вѣдь, Византія мало интересовалась сама), хотя и не непосредственно, а черезъ Польшу и западную Русь. Такимъ образомъ, первое отличіе Хронографа 1617 года отъ Хронографа 1512 года, это—присутствіе западныхъ источниковъ въ готовыхъ русскихъ переводахъ, перешедшихъ черезъ Польшу. Къ числу такихъ западныхъ его источниковъ принадлежатъ хроника Конрада Ликостена, хроника Стрыйковскаго, хроника Мартина Бѣльскаго и др.: всѣ эти хроники раньше (въ концѣ XVI в.) были переведены съ польскаго въ западной Руси и въ этомъ русскомъ пе

реводѣ оказались въ рукахъ составителя 2-й ред. Хронографа. Но литературный вкусъ составителя 2-ой редакціи идетъ и дальше фактическихъ дополненій по направленію къ Западу: онъ замѣняетъ нѣкоторыя статьи въ старомъ Хронографѣ византійскаго происхожденія аналогичными статьями западными; такъ, напримѣръ, произошло со сказаніями о Троянской войнѣ: старую повѣсть, краткую, сухую смѣнилъ цвѣтистый, богатый новыми подробностями въ духѣ средневѣковаго рыцарства разсказъ Гвидона-де-Колумна, не задолго передъ тѣмъ явившійся въ русскомъ (западномъ же) переводѣ съ польскаго. Ясно, что читателя уже мало удовлетворялъ старый разсказъ: ему нужно было иное чтеніе, дававшее не только знаніе, но и извѣстные художественные элементы, иначе: эстетическіе и литературные вкусы русскаго читателя нач. XVII в. клонились уже къ Западу.

Не одни Хронографы подверглись подобной переработкѣ. Переработанъ, напримѣръ, въ томъ же направленіи былъ и другой довольно извѣстный памятникъ—популярная «Александрія». Старая греческая Александрія получаетъ рядъ добавленій подъ вліяніемъ источниковъ западныхъ въ отдѣльныхъ спискахъ. Кромѣ того, въ Хронографѣ 1617 года замѣчается сокращеніе статей юго-славянскихъ въ пользу западноевропейскихъ и русскихъ. Такимъ образомъ, соотношеніе обѣихъ редакцій Хронографовъ ясно: къ началу XVII вѣка на популярномъ старомъ памятникѣ обнаружилось не только вліяніе западной литературы, но сказалось и измѣненіе литературныхъ вкусовъ. Но, конечно, Хронографу 2-ой редакціи все еще было далеко до научнаго изложенія исторіи. Этого мы не найдемъ не только въ XVI, но и въ XVII вѣкѣ, а развѣ лишь въ концѣ XVIII вѣка и въ началѣ XIX-го.

Тотъ же процессъ вліянія западной литературы со стороны содержанія и вкусовъ найдемъ мы и въ рядѣ другихъ памятниковъ литературы, переводной вообще и въ литературѣ повѣствовательно-художественной въ частности. Эту литературу въ XVII вѣкѣ уже можно до извѣстной степени назвать литературой «четьей», т.-е. предназначенной просто для занимательнаго чтенія, а не для назиданія, спасенія души. Какъ извѣстно, повѣствовательная литература въ ея собственномъ видѣ не отсутствуетъ и въ Кіевскомъ періодѣ. Уже тамъ переводная и отчасти оригинальная повѣствовательная литература насчитываетъ значительное количество памятниковъ, хотя она и не сознается, какъ отдѣльный видъ литературы; а если и существуетъ, то вызываетъ отрицательное отношеніе «настоящей» (т.-е. связанной съ церковью и ея задачами) литературы, которая обходитъ ее молчаніемъ. Въ Кіевскомъ періодѣ эта повѣствовательная литература была или греческая, или юго-славянская по происхожденію, или созданная по ихъ

образцу. Она тогда носила характеръ преимущественно религіозный и поучительный, во всякомъ случаѣ не чуждый тому и другому, и имѣла въ свое время важное значеніе, какъ средство удовлетворять этическимъ и религіознымъ потребностямъ, а кстати и эстетическимъ и художественнымъ вкусамъ читателя. Религіозная окраска являлась для нея довольно характерной въ большинствѣ случаевъ. Церковный характеръ являлся обязательнымъ и настолько привычнымъ для письменности Кіевскаго періода, что даже позже, когда западное вліяніе начало сказываться на Руси, произведенія безъ этой окраски не могли бы сразу привиться публикѣ и встрѣчали бы отпоръ: насколько внѣшность ихъ (а съ нея и начинали, особенно въ силу древней привычки къ формѣ, къ формальному прежде всего) была чужда русской литературѣ, настолько переходъ казался бы рѣзкимъ, что и самое содержаніе возбудило бы чуть ли не испугъ... Поэтому-то мы замѣчаемъ, что первыя произведенія повѣствовательной западной литературы явились подъ болѣе или менѣе привычнымъ религіознымъ покровомъ, хотя и не густымъ. Впослѣдствіи религіозный тонъ повѣсти постепенно начинаетъ исчезать. Остается только второй элементъ старой письменности, именно, элементъ дидактическій, поучительный, но постепенно и онъ отходитъ на второй планъ. Этотъ процессъ постепеннаго «обмірщенія» повѣствовательной литературы идетъ параллельно измѣненію вкусовъ по направленію къ Западу уже съ конца XVI вѣка и тянется черезъ значительную часть XVII-го, проявляясь когда сильнѣе, когда слабѣе, смотря по средѣ, воспринимающей новые элементы съ Запада.

Изъ многочисленныхъ памятниковъ этого направленія достаточно остановиться только на нѣкоторыхъ, именно, болѣе важныхъ по типу и показательныхъ въ этомъ отношеніи сборникахъ повѣстей, притомъ начиная со старшихъ по типу, болѣе близкихъ къ старому московскому складу письменности.

Великое Зерцало. Прежде всего въ числѣ подобныхъ сборниковъ слѣдуетъ указать на такъ называемое «Великое Зерцало». Этотъ памятникъ представляетъ большихъ размѣровъ сборникъ, составленны[й] однако, изъ небольшихъ разсказовъ, приблизительно до одной стра[ни]цы (если перевести на современный намъ печатный текстъ), а часто меньше. Разсказы расположены въ немъ по темамъ того нравоучен[ія,] которымъ заканчивается каждый разсказъ. Всѣхъ такихъ разсказо[въ] находится въ болѣе полныхъ спискахъ «Великаго Зерцала» отъ 8[00] до 1000. Въ силу своего столь большого объема «Великое Зерца[ло»] не могло имѣть много цѣльныхъ списковъ: они рѣдки; но оно б[ыло] распространено въ XVII—XVIII вв. въ выборкахъ изъ полнаго [те]кста. Одинъ изъ полныхъ списковъ, заключающій въ себѣ болѣе

разсказовъ, хранится въ Москвѣ, въ Румянцевскомъ музеѣ (Ундольскаго № 523; есть еще списки въ Синодальной библіотекѣ, въ библіотекѣ Забѣлина и др.); не полныхъ же списковъ «Великаго Зерцала», представляющихъ различную выборку наиболѣе интересныхъ для читателя или для пишущаго рукопись разсказовъ въ числѣ отъ нѣсколькихъ до 200—300 и больше мы знаемъ множество. Разсказы «Великаго Зерцала» входятъ и въ другіе памятники (каковы: «Небо Новое»—Іоанникія Галятовскаго и другія сочиненія того же писателя) [1]. Въ концѣ XVII вѣка и въ началѣ XVIII мы видимъ уже массу списковъ его, не рѣдко даже въ старообрядческой литературѣ, хотя принципіально и отрицающей все, что не только шло, но и отзывалось Западомъ. Достаточно указать для наглядности, что нѣтъ ни одного почти собранія рукописей монастырскаго и частнаго, гдѣ бы не было въ сборникахъ разсказовъ изъ «Великаго Зерцала». Все это говоритъ за то, что памятникъ этотъ, несмотря на свое западное и довольно позднее происхожденіе на Руси, быстро сталъ весьма популярнымъ. Это еще болѣе подтверждается тѣмъ, что нѣкоторыя статьи изъ «Великаго Зерцала» вошли затѣмъ въ народную книгу; отдѣльные разсказы изъ «Великаго Зерцала» переработались въ народную, такъ называемую, лубочную литературу, и «Зерцало» имѣло значительное вліяніе на устную народную поэзію. Итакъ, что же это былъ за памятникъ, получившій такое значеніе въ русской литературѣ XVII—XVIII вѣка? Исторія «Великаго Зерцала» выяснена съ достаточной ясностью въ общемъ [1]. «Великое Зерцало» представляетъ, какъ уже сказано, большой сборникъ разсказовъ, расположенныхъ по опредѣленнымъ темамъ. Каждая статейка его представляетъ цѣльный краткій разсказъ, или, такъ называемый, «прикладъ», т.-е., примѣръ къ нравоученію, выраженію мыслей разсказчика, отвлеченной темы, иллюстрируемыхъ разсказомъ. Каждый разсказъ носитъ опредѣленное заглавіе, указывающее на тему поученія разсказа; напр., «Ангелъ Господень святого Антонія рукодѣлію научи», «Девяти дѣтищъ единымъ рожденіемъ нѣкая жена роди», «Тайна злобы на долзѣ таитися не можетъ», «О милосердіи Божіи Троичною благодатью надъ грѣшникомъ» и т. д. Всѣ разсказы по содержанію являются типичными дидактическими статьями. Это своего рода басни, прозаически изложенныя и посвященныя морали или религіознымъ вопро-

---

[1]) Подробнѣе см. С. Ф. Шевченко. Къ исторіи Великаго Зерцала (Рус. Фил. Вѣст. 1909).

[2]) По этому вопросу существуетъ спеціальное изслѣдованіе П. В. Владимірова. „Великое Зерцало" (М. 1884), его же. Къ изслѣдованію о „Великомъ Зерцалѣ"—Учен. Зап. И. Каз. У-ва по историко-филолог. отд. 1884 г. (Казань 1885) и ст. его же. „Изъ исторіи переводной литературы XVII вѣка" (Казань 1887).

самъ. Въ оригиналѣ памятникъ написанъ на средневѣковомъ латинскомъ языкѣ. Еще въ XIII вѣкѣ онъ носитъ заглавіе: Speculum magnum historiale, ad usum praedicatorum. Особенно типиченъ конецъ заглавія: «ad usum praedicatorum»: «для пользованія проповѣдниковъ». Эта прибавка къ заглавію указываетъ отчасти и на назначеніе, а вмѣстѣ и на характеръ латинскаго «Зерцала» въ средніе вѣка. Средневѣковые западные проповѣдники не однократно жалуются на то, что народъ пересталъ слушать ихъ церковную проповѣдь, разъясняющую христіанскую мораль, и что прихожане толпой бѣгутъ изъ церкви, какъ только начинается проповѣдь. Это, конечно, вполнѣ понятно, если принять во вниманіе скучную для простого слушателя, отвлеченную схоластическую проповѣдь средневѣковья. Въ виду этого западные проповѣдники рѣшаютъ искать средствъ, чтобы привлечь публику въ храмъ, заставить ее, хотя и невольно, слушать проповѣди, получать поученія, хотя бы подъ иной формой. И духовенство спускается съ высоты своихъ каѳедръ къ толпѣ, которую оно хочетъ удержать около этихъ каѳедръ. Приходится прибѣгать къ новому пріему: заинтересовывать присутствующую публику житейскими, иногда шутливыми, занимательными разсказами, изъ которыхъ, однако, можно было бы вывести должное нравоученіе, которое преподносилось бы т. о. въ интересной формѣ, иначе сказать: они стремились учить развлекая. Въ силу этого проповѣдникъ вносилъ въ свою проповѣдь анекдотъ, веселый, захватывающій фантазію, иногда даже довольно фривольный, грубоватый, соотвѣтственно нравамъ времени. Это пріемъ—типичный для западнаго католичества, оставшійся въ силѣ и до нашихъ дней: онъ далъ проповѣди жизненность, интересъ современности, обусловилъ ея вліяніе. Такимъ образомъ, проповѣдь стояла на границѣ между поученіемъ и развлеченіемъ. Теперь намъ понятно происхожденіе Великаго Зерцала. Въ цѣляхъ дать проповѣднику готовый разнообразный матеріалъ, который могъ бы быть примѣненъ къ конечной цѣли его проповѣди—поученію, и появляется такой сборникъ, какъ Великое Зерцало. Обильное количество матеріаловъ для проповѣди, имѣющееся въ Великомъ Зерцалѣ, раздѣлено на темы, моральныя или вообще наставительныя, сгруппировано по нимъ для того, чтобы проповѣдникъ могъ легче найти нужный ему для каждаго отдѣльнаго моральнаго тезиса разсказъ. Эта тема и обозначается въ заключеніи или заглавіи разсказа (прилогъ). Таково первоначальное назначеніе Великаго Зерцала въ западно-европейской средневѣковой литературѣ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что «Великое Зерцало» служило для цѣлей проповѣдника, слѣдовательно, должно было носить на себѣ характеръ церковный или близкій къ церковному; поэтому-то разсказы

касались или темъ церковныхъ (напримѣръ, таинствъ) или иныхъ, но приводимыхъ (при помощи толкованія) въ связь съ ученіемъ церкви и моралью; т. о. кромѣ чисто церковнаго элемента, этотъ памятникъ заключаетъ въ себѣ еще элементъ и нравоучительный. Въ силу этого послѣдняго на Руси на «Великое Зерцало» стали смотрѣть, какъ на предметъ для душеспасительнаго чтенія, т.-е., въ «Великомъ Зерцалѣ» на лицо были оба элемента, необходимые и для нашей старой письменности: «божественность» (т.-е. тѣсная связь съ церковью) и поучительность («еже душа спасти»). При появленіи этого памятника на Руси не только не было обращено вниманіе на то, что это былъ памятникъ католическій, но его считали такою книгою, которую можно смѣло употреблять во славу Божію. Появленіе «Великаго Зерцала», какъ сборника, трактующаго о вещахъ божественныхъ и богоугодныхъ, не встрѣтило никакого противодѣйствія со стороны московской консервативной партіи. Это находитъ объясненіе главнымъ образомъ въ томъ, что «Великое Зерцало» не шло въ разрѣзъ съ аналогичными ему памятниками повѣствовательнаго характера, ранѣе уже водворившимися и пользовавшимися почетомъ на Руси. Послѣднее обстоятельство видно изъ аналогіи, иногда родства, въ отдѣльныхъ мотивахъ разсказовъ между «Зерцаломъ» и аналогичными ему византійскими сборниками; такимъ сборникомъ былъ, напримѣръ, Прологъ [1]). Дѣйствительно, присмотрѣвшись къ Прологу, какъ къ памятнику чисто-литературному, мы замѣтимъ, въ значительной степени общность его и «Зерцала» по характеру, особенно въ части поучительной (не житійной): мы увидимъ, что въ него, какъ и въ «Великое Зерцало», вошла обильно международная странствующая повѣсть, давшая Зерцалу чуть ли половину его содержанія, не мало давшая также и Прологу (въ видѣ поучительныхъ примѣровъ, наставительныхъ разсказовъ, помѣщаемыхъ послѣ рядового житія даннаго дня); такъ, въ Прологъ входитъ по частямъ, напримѣръ, житіе Варлаама и Іоасафа [2]). Разсказы изъ того ...е источника есть и въ «Зерцалѣ». Житіе это связывало литературу ...падную и литературу византійскую и славянскую; та и другая по...чили его изъ одного мѣста—съ Востока. Несомнѣнно, въ Прологѣ ...ли и другіе элементы, которые подходили по своему характеру къ ...еликому Зерцалу» или, точнѣе: правоученія («прилогъ») «Великаго ...рцала» подходили къ поучительнымъ сказаніямъ Пролога. Все это ...тверждаетъ то предположеніе, что одни и тѣ же разсказы и въ

---

[1]) О немъ смотрите выше, стр. 203.

[2]) Житіе это—собственно сборникъ „апологовъ“ (басенъ, притчъ), вложенныхъ ...житійно-романическую рамку объ обращеніи индійскаго царевича въ христіанство.

«Великое Зерцало» въ концѣ концовъ занесены частью изъ того же источника, что и въ Прологъ, т.-е. большей частью съ Востока, только пришли въ него инымъ путемъ, нежели въ Прологъ. Сюда они шли черезъ Византію, туда, минуя ее, черезъ южную Европу, особенно близко по временамъ (напр., во время арабскихъ завоеваній, крестовыхъ походовъ) становившуюся къ тому же Востоку. Такимъ образомъ съ появленіемъ «Зерцала» у насъ, мы получали иногда одинъ и тотъ же по сюжету разсказъ, но въ двухъ видахъ, пришедшій двумя путями и въ разное время: старшимъ съ Востока черезъ Византію, черезъ юго-славянство, затѣмъ—младшимъ, съ того же Востока, но черезъ западную Европу, въ частности черезъ Польшу. Къ числу такихъ параллельныхъ разсказовъ, пришедшихъ къ намъ двоякимъ путемъ, принадлежатъ, напримѣръ, разсказы «О грѣшной матери», «Объ Авраамін пустынникѣ», «Объ Евлогіи», «О дьяволѣ во Христовомъ образѣ» и т. д. Русскій читатель, взявши въ первый разъ «Великое Зерцало», встрѣчалъ въ немъ, въ сущности, не неизвѣстный ему памятникъ, а стараго знакомаго: это—или знакомый ему разсказъ, или знакомый хорошо нравоучительный характеръ разсказа. Это было причиной того, что могшая быть въ сердцѣ русскаго предубѣжденность противъ этого памятника, какъ пришедшаго съ иновѣрнаго Запада, падала сама собой. Такимъ образомъ, самый характеръ, а отчасти и содержаніе «Великаго Зерцала» [1]) обусловили то, что появившись сборникъ этотъ сразу былъ принятъ въ число любимыхъ книгъ для чтенія даже въ старообрядческой, сектантской средѣ XVII и XVIII столѣтій. Здѣсь Великое Зерцало дожило и до XIX вѣка. Какъ популярный памятникъ, оно оказало вліяніе на русскую сказку съ одной стороны и дало нѣсколько темъ для народной пѣсни—съ другой; такъ, разсказъ «Великаго Зерцала» «О грѣшной матери» далъ начало духовному стиху подъ тѣмъ же заглавіемъ.

Обращаясь къ тому, какъ было принято «Великое Зерцало» у насъ читателями на Руси, мы не можемъ не задать вопроса: неужели, все таки, въ этомъ памятникѣ русскіе консервативные люди не призна «зловѣрнаго» католическаго элемента? Несомнѣнно, мы должны отм тить, что «Великое Зерцало» было въ большей или меньшей мѣрѣ щищено отъ подобнаго къ себѣ отношенія по крайней мѣрѣ въ г захъ тѣхъ своихъ читателей, которые искали въ немъ прежде вс интереснаго и привычнаго по тону полуцерковнаго чтенія. Характе

[1]) Великое Зерцало до сихъ поръ не издано, но отдѣльные разсказы изъ н можно найти въ Памят. Стар. Рус. Лит. Кушелева-Безбородка, вып. I, с 91, 99, 109, 133, 141, 145, 195, 209, 271.

и назначеніе сборника на его родинѣ въ качествѣ настольной книги для практическихъ цѣлей, а не спеціально богословско-догматическихъ, имѣли своимъ послѣдствіемъ то, что составитель или редакторъ «Зерцала» не имѣлъ повода особенно настойчиво вносить католическую тенденцію, хотя и былъ католикомъ: онъ давалъ лишь примѣры, въ которые смыслъ и тенденцію сообразно потребности даннаго случая вносилъ самъ пользующійся ими проповѣдникъ. А кромѣ того и переводчикъ памятника на русскій языкъ постарался сгладить и безъ того не рѣзкую католическую тенденцію, безсознательно, можетъ-быть, ослабляя ее еще больше. Въ «Великомъ Зерцалѣ»—католическія черты самаго общаго характера, почему и не играютъ въ разсказахъ существенной роли и не возбуждали, благодаря этому, подозрѣнія. Далѣе, переводчикъ, желая быть возможно болѣе понятнымъ своимъ русскимъ читателямъ, постарался замѣнить или даже выкинуть то, что въ «Великомъ Зерцалѣ» могло обратить на себя особое вниманіе именно съ этой стороны. «Бѣлорусскій» языкъ переводовъ уже много, особенно въ лексикологіи, воспринявшій польско-католическаго (напр., въ терминологіи), не пугалъ никого въ Москвѣ, не имѣвшей повода строго слѣдить за чистотой языка, и особенно не въ узко-церковномъ или богослужебномъ текстѣ, скорѣе же свѣтскомъ, мірскомъ. Такъ, попадалось тамъ, положимъ, слово «парохіанинъ»: такъ какъ это слово было въ ходу въ западной Руси среди православныхъ, въ восточной же Руси оно не было въ употребленіи, но было понятно людямъ, имѣвшимъ дѣло съ западно-руссами (напримѣръ, въ приказахъ), то переводчикъ спокойно и основательно замѣнялъ его русскимъ словомъ «прихожанинъ», а то и такъ оставлялъ. Или же еще: говоря о причастіи, «Великое Зерцало» называетъ его, какъ это принято вездѣ на Западѣ, «Святой Сакраментъ». Русскій переводчикъ «Великаго Зерцала» замѣнилъ это непонятное для русскаго читателя, а главное, латинское «богослужебное» слово, общеупотребительнымъ и общепринятымъ русскимъ: «Святыя Тайны» или «Святые Дары». Если переводчику приходилось сталкиваться со словами, касающимися безбрачнаго католическаго духовенства, то онъ мѣсто католическаго священника писалъ прямо: «нѣкій мнихъ»,—и дѣло отъ этого по существу не страдало, и т. п. Вотъ путь, и тѣ условія, при которыхъ пришло на Русь «Великое Зерцало» и прочно укрѣпилось въ ней. «Великое Зерцало» являлось въ сознаніи читателя памятникомъ какъ бы старымъ, но только въ новой одеждѣ, которая при самой незначительной привычкѣ къ Западу (а это уже было въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вв.) не могла возбуждать недовѣрія и препятствовать къ распространенію. Что касается спеціально пути, по которому шло къ намъ «Великое Зерцало», то замѣтимъ, что путь этотъ

впервые намѣтился у насъ уже въ 80-хъ годахъ XVI вѣка, повидимому, черезъ западъ Руси, Бѣлоруссію и Литву. Это подтверждается тѣмъ, что старѣйшіе списки «Великаго Зерцала» носятъ всѣ черты русскихъ памятниковъ западнаго происхожденія: мы встрѣчаемъ здѣсь западно-руссизмы въ языкѣ, а не только полонизмы, какъ остатки польскаго оригинала. Переводъ «Великаго Зерцала» былъ сдѣланъ несомнѣнно выходцемъ изъ Бѣлоруссіи, гдѣ было сильно польское вліяніе, и гдѣ польскій языкъ вліялъ на лексику, фонетику и морфологію бѣлорусскаго говора, т.-е., лицомъ не великорусскаго происхожденія, и съ польскаго, на что и указываютъ полонизмы [1]). И дѣйствительно, въ польской литературѣ мы встрѣчаемъ то же «Великое Зерцало», которое пользовалось и тамъ большой популярностью въ концѣ XVI вѣка. Тамъ «Великое Зерцало» было въ такомъ почетѣ, что текстъ его былъ напечатанъ въ XVII вѣкѣ. Однако, сличая польскій печатный текстъ «Великаго Зерцала» съ русскимъ, мы замѣчаемъ нѣкоторыя особенности: прежде всего мы видимъ, что польское «Великое Зерцало» по объему чуть ли не вдвое меньше русскаго. Это прямо говоритъ о томъ, что переводъ былъ сдѣланъ не съ печатнаго польскаго изданія, намъ теперь извѣстнаго. Оригиналомъ перевода былъ, повидимому, рукописный текстъ, аналогичный полному латинскому тексту. Дѣйствительно, въ латинской литературѣ имѣется подобный по объему списокъ «Великаго Зерцала». Что касается дальнѣйшей судьбы «Великаго Зерцала», то мы видѣли, что полные списки его встрѣчаются довольно рѣдко, благодаря большому объему сборника, медленно и съ трудомъ распространявшагося путемъ списыванія. Если мы и встрѣчаемся съ «Великимъ Зерцаломъ» въ нашей письменности, то чаще имѣемъ дѣло съ механическими сокращеніями большого сборника или отдѣльными статьями изъ него. Нужно помнить, что «Великое Зерцало» состоитъ изъ мелкихъ разсказовъ, напр., о почитаніи святыхъ, о таинствахъ, о дружб и пр., и разсказы эти ничѣмъ не связаны другъ съ другомъ внутренн кромѣ только общей темы; поэтому сокращеніе въ количествѣ стат не влечетъ за собой измѣненія ихъ качественнаго: темы, на котор были разбиты всѣ разсказы по группамъ, могли оставаться тѣ же мыя; такимъ образомъ, если выпускалось изъ общей суммы тол нѣсколько разсказовъ, то суть сборника оставалась та же; мѣня лишь объемъ его. Правда, между разсказами «Великаго Зерцала» вст чаются и разновидности, но онѣ заключаются, собственно, въ измѣ

[1]) Переводъ сдѣланъ, повидимому, въ Москвѣ, въ Чудовѣ монастырѣ (гдѣ б школа юго-западныхъ ученыхъ въ XVII в.) въ 1677 г., какъ показываетъ записі одномъ изъ его списковъ (Син. библ.).

ніи чтеній, а не носятъ идейнаго характера; напр., онѣ заключаются въ приспособленіи текста къ современному литературному языку, замѣнѣ западныхъ терминовъ московскими, западно-русскихъ оборотовъ современными великорусскими, книжными. Этимъ и объясняется, что при разсмотрѣніи памятниковъ переводныхъ мы имѣемъ право говорить объ одной переводной редакціи даннаго памятника, каково и наше «Зерцало» при разновидностяхъ списковъ.

Римскія Дѣянія. Другимъ переводнымъ же сборникомъ того же времени упроченія западнаго теченія, который носитъ нѣсколько иной характеръ и который также даетъ указанія на то, что въ русской книжной литературѣ XVI—XVII вѣка происходитъ процессъ ея «обмірщенія», былъ сборникъ, такъ называемыя—«Римскія Дѣянія» [1]). По своему объему «Римскія Дѣянія» гораздо меньше, нежели «Великое Зерцало»: «Римскія Дѣянія» заключаютъ (въ западно-европейскихъ текстахъ) въ себѣ до 150 главъ (въ русскихъ текстахъ находимъ лишь 40 главъ); зато заключающіеся въ нихъ разсказы по своему объему крупнѣе статей, находящихся въ «Великомъ Зерцалѣ». «Римскія Дѣянія» въ русскомъ переводѣ представляютъ по содержанію также крупный шагъ впередъ въ дѣлѣ усвоенія новыхъ памятниковъ западнаго происхожденія. Разбираемый нами памятникъ, съ одной стороны, примыкаетъ по характеру къ «Великому Зерцалу», а съ другой—принадлежитъ уже къ литературѣ свѣтской. Происхожденіе оригинала «Римскихъ Дѣяній» на Западѣ составился также въ значительной степени изъ странствующихъ повѣстей, которыя дали рядъ разсказовъ и для «Великаго Зерцала», и также имѣлъ цѣль дидактическую (въ концѣ каждой статьи—«выкладъ», т.-е. нравоучительное объясненіе повѣсти). Но «Римскія Дѣянія» отличаются отъ «Великаго Зерцала» прежде всего по характеру своихъ разсказовъ: разсказы эти взяты изъ «римской» исторіи. Если присмотрѣться къ сборнику, то можно увидѣть, что здѣсь мало того, что соотвѣтствуетъ нашему понятію о римской исторіи. Правда, тамъ встрѣтятся историческія имена римскихъ кесарей, императоровъ и консуловъ, но на ряду съ ними встрѣтятся и имена средневѣковыхъ императоровъ, рыцарей, имена дѣятелей, персонажи изъ средневѣковой жизни западной Европы. Чтобы понять такое названіе сборника, припомнимъ то значеніе, какое имѣлъ терминъ «римскій» въ средніе вѣка. Въ эпоху появленія памятника подъ терминомъ «римскій» (напримѣръ, «римскій императоръ», «римское государство») подразумѣвался не только кесарь, царствующій въ Римѣ, не только государство, находящееся

---

[1]) Они цѣликомъ изданы Общ. Люб. Древн. Письм. въ 1877—1878 г. (Памятники V и XXIII).

на Италійскомъ полуостровѣ, имѣющее своей столицей городъ Римъ, но нѣчто несравненно болѣе обширное: подъ Римскимъ государствомъ понималась въ средніе вѣка «Священная Римская имперія», основанная Карломъ Великимъ. Этимъ и объясняется широта термина. Этимъ же объясняется и то, почему въ сборникъ, носящій названіе «Римскія Дѣянія», вошли, даже преимущественно, сказанія о событіяхъ, мѣстомъ дѣйствія коихъ является западная Европа эпохи средневѣковья. Такимъ образомъ, этотъ сборникъ представляетъ изъ себя собраніе разсказовъ, якобы изъ исторіи Священной Римской имперіи среднихъ вѣковъ, часть же разсказовъ вращается, дѣйствительно, около именъ Римской имперіи древнихъ. По характеру своему, по типу разсказовъ, «Римскія Дѣянія», какъ это было замѣчено раньше, отличаются отъ разсказовъ «Великаго Зерцала». Въ разсказахъ «Великаго Зерцала» отсутствуетъ историческая (можетъ-быть, псевдо-историческая) окраска. Исторія тамъ не играетъ никакой роли; наоборотъ, въ «Римскихъ Дѣяніяхъ» передъ нами проходятъ якобы историческія событія. Правда, это не римская исторія въ родѣ лѣтописныхъ разсказовъ, а скорѣе историческіе по характеру анекдоты, пріуроченные къ эпохѣ «римской» исторіи; искать въ «Римскихъ Дѣяніяхъ» чего-либо историческаго, въ собственномъ смыслѣ этого слова, такимъ образомъ, нельзя. На нихъ именно такъ и взглянули на Руси. Разсказы «Римскихъ Дѣяній» не были использованы въ качествѣ историческаго источника, какъ, напримѣръ, западныя хроники, о которыхъ была рѣчь выше. На Руси смотрѣли на «Римскія Дѣянія», какъ и на «Великое Зерцало», т.-е., какъ на интересное и въ то же время поучительное, отчасти душеспасительное чтеніе. Эта сторона «Римскихъ Дѣяній» указываетъ на то, что свѣтскій, мірской характеръ не помѣшалъ ихъ популярности. Несмотря на этотъ явно мірской характеръ «Римскихъ Дѣяній», эта книга все-таки была принята радушно древнерусскимъ обществомъ, какъ было принято «Великое Зерцало». Причина этого лежала въ томъ, что «Римскія Дѣянія» одной стороной своей непосредственно примыкали къ «Великому Зерцалу», заключая, подобно послѣднему, различныя нравоученія, поучительные выводы; здѣсь такъ же, какъ и въ «Великомъ Зерцалѣ», сначала приводится разсказъ, потомъ къ нему присоединяется поученіе дидактическаго характера: оно-то и мирило съ памятникомъ читателя, привыкшаго къ душеспасительному, какъ единственному приличному чтенію, но въ то же время пріучало его искать интереса и внѣ этого привычнаго круга чтенія. Съ другой стороны, потребность въ чтеніи не только полезномъ, но и интересномъ вкрадывалась уже невольно въ жизнь. Разница же между двумя сборниками заключается въ томъ, что «Римскія Дѣянія» носили въ бо́льшей степени мірской характеръ

хотя и не исключали нравоучительнаго элемента, и входили поэтому въ цѣпь полусвѣтскихъ разсказовъ старой русской литературы. Этимъ-то объясняется, почему «Римскія Дѣянія» у насъ на Руси, относившейся вообще подозрительно и боязливо къ западнымъ произведеніямъ, не встрѣтили особеннаго противодѣйствія. Исторія появленія «Римскихъ Дѣяній» на Руси почти такая же, какъ и исторія появленія «Великаго Зерцала». Оригиналомъ для русскаго перевода послужилъ польскій, для котораго, въ свою очередь, послужилъ оригиналомъ латинскій. Латинскій оригиналъ прошелъ въ Польшу и потомъ, въ видѣ перевода съ польскаго, перешелъ къ намъ на Русь: «Римскія Дѣянія» съ польскаго были переведены на бѣлорусскій языкъ, изъ Бѣлоруссіи сборникъ переходитъ на востокъ, въ Москву, теряя постепенно полонизмы оригинала, діалектическія особенности бѣлорусской рѣчи. Однако, до конца XVII-го, или даже до начала XVIII-го вѣка, къ которому относятся самые поздніе списки «Римскихъ Дѣяній», связь съ польскимъ оригиналомъ и первоначальнымъ языкомъ перевода сохраняется въ языкѣ памятника. Непосредственный польскій источникъ русскаго перевода «Римскихъ Дѣяній», какъ и «Великаго Зерцала», намъ не извѣстенъ; но во всякомъ случаѣ можно намѣтить предположительно его литературную исторію до перехода ихъ въ литературу польскую. «Римскія Дѣянія» въ силу популярности темъ, такъ какъ онѣ говорятъ о средневѣковомъ бытѣ, городскомъ, рыцарскомъ, несомнѣнно, стояли ближе къ дѣйствительности, нежели обобщенные разсказы «Зерцала». Этимъ объясняется, почему на Западѣ «Римскія Дѣянія» становятся популярнымъ памятникомъ уже въ XIII-омъ вѣкѣ. Съ этого вѣка они встрѣчаются въ массѣ рукописей и отдѣльныхъ редакцій на разныхъ языкахъ. Это разнообразіе текстовъ увеличиваетъ трудность при изученіи литературной исторіи «Римскихъ Дѣяній», а также точнаго опредѣленія ближайшаго оригинала русскаго ихъ перевода.

Исторію «Римскихъ Дѣяній» на Западѣ можно представить себѣ вкратцѣ въ такихъ чертахъ. Многіе изслѣдователи этого сборника (напр., издатель «Gesta romanorum» G. Oesterley) говорятъ, что происхожденіемъ своимъ онъ обязанъ Англіи: «Римскія Дѣянія» возникли на латинскомъ языкѣ въ литературѣ англійской въ XIII-омъ вѣкѣ приблизительно и распространились сначала въ Англіи. Древнѣйшіе списки, нѣкоторые разсказы которыхъ находятся во всѣхъ позднѣйшихъ спискахъ, несомнѣнно, англійскаго происхожденія, такъ какъ носятъ въ себѣ отраженіе англійскаго быта; въ нихъ же видна англійская средневѣковая латынь [1]). Изъ Англіи сборникъ перешелъ на материкъ,

[1]) Какъ общій языкъ литературы средневѣковья, латынь получала, однако, мѣстную окраску, воспринимая мѣстныя слова въ свой составъ, придавъ имъ лишала-

гдѣ получилъ двѣ версіи: французскую и германскую. Эти двѣ версіи «Римскихъ Дѣяній» отличаются другъ отъ друга прежде всего по языку, такъ какъ въ первомъ часто будемъ встрѣчать латинскія слова французскаго происхожденія, а во второмъ—нѣмецкаго. Затѣмъ есть между ними разница и въ составѣ: одни разсказы есть въ одномъ, но нѣтъ въ другомъ, и наоборотъ. Скоро этотъ латинскій сборникъ, приспособленный къ мѣстнымъ интересамъ Германіи и Франціи, переведенъ былъ на нѣмецкій и французскій языки. Нѣмецкіе переводы «Римскихъ Дѣяній» связаны съ дальнѣйшей исторіей распространенія этого памятника въ другихъ литературахъ на востокѣ Европы. Скоро появляются славянскіе тексты «Римскихъ Дѣяній»; такъ, въ XV-омъ вѣкѣ появляется текстъ чешскій, восходящій къ тексту латинско-нѣмецкому: въ основѣ этого текста лежитъ латинскій текстъ, переработанный и нѣсколько сокращенный въ Германіи [1]). Отъ германскаго же текста идетъ переводъ «Римскихъ Дѣяній» на польскій языкъ. С. Л. Пташицкій въ своей монографіи «Средневѣковыя западно-европейскія повѣсти въ русской и славянской литературахъ» (Спб., 1897) говоритъ, что, если польскій переводъ и сдѣланъ съ латинскаго текста или съ германскаго, то точно указать оригинала нельзя: повидимому, въ основѣ и польскаго текста лежитъ какая-либо переработка этого текста. Оригиналомъ польскаго перевода былъ текстъ не позднѣе XVI-го вѣка, такъ какъ намъ извѣстно изданіе польскаго перевода 1553 г. Отношенія русскаго и польскаго текстовъ аналогичны. Старопечатный польскій текстъ, но не 1553 года, а какой-либо иной [2]) XVI-го вѣка является оригиналомъ для русскаго перевода. Нѣкоторые ученые думаютъ, что изъ славянскихъ переводовъ на русскій языкъ перевода повліялъ чешскій текстъ. Такого мнѣнія, между прочимъ, держался Пыпинъ; Пташицкій не отрицаетъ, что слѣдовъ чешскаго текста въ русскомъ переводѣ нѣтъ, но предполагаетъ, что точки соприкосновенія русскаго текста съ чешскимъ объясняются на польской почвѣ: можетъ быть, думаетъ онъ, приходится говорить о вліяніи чешскаго текста еще на польскій оригиналъ, что вполнѣ представляется возможнымъ. Чешская литература въ XVI-мъ вѣкѣ была самой культурной литературой на востокѣ западной Европы, и въ Польшѣ въ этотъ періодъ замѣчается сильное чешское вліяніе, обусловленное близостью языковъ и культурно-политическими связями Польши и Чехіи.

тинскую форму; поэтому въ латинскихъ текстахъ, писанныхъ въ Англіи, мы встрѣтимъ англійскія слова, только съ латинскими, напр., окончаніями.

[1]) Этотъ старый чешскій переводъ научно изданъ въ 1885 г. въ Чешской Академіи Наукъ въ Прагѣ, проф. Я. Новакомъ.

[2]) Текстъ старопечатный польскій 1553 г. также изданъ въ 1894 г. въ Краковской Академіи Наукъ В. Быстронемъ.

Такимъ образомъ, латино-польскій оригиналъ «Римскихъ Дѣяній» и русскій переводъ его предполагаютъ такой путь своего слѣдованія: латинскій оригиналъ идетъ изъ Германіи и подвергается, можетъ быть, вліянію чешскому, потомъ переходитъ въ Польшу и въ такомъ видѣ польскій оригиналъ становится источникомъ русскаго перевода. Теперь возникаетъ вопросъ, когда сдѣланъ былъ русскій переводъ? Въ нѣкоторыхъ русскихъ рукописяхъ «Римскихъ Дѣяній» указывается, что переводъ сдѣланъ съ «друкованной новой польской книжицы», т.-е., недавно вышедшаго печатнаго польскаго изданія; въ другихъ указывается и это польское изданіе 1663 года, а переводъ сдѣланъ то въ 1681, то въ 1691. Отсюда слѣдуетъ, что русскій переводъ сдѣланъ съ польскаго во всякомъ случаѣ въ концѣ XVII-го вѣка. Но изданія польскаго 1663 года—неизвѣстно. Сравнивая же со старѣйшимъ упомянутымъ польскимъ изданіемъ 1553 года, видимъ съ одной стороны много сходства (въ числѣ разсказовъ, ихъ расположеніи), съ другой—въ русскомъ текстѣ есть глава—одна—не находимая въ польскихъ изданіяхъ. Это заставляетъ предполагать, что переводъ сдѣланъ съ такого печатнаго польскаго изданія, которое отличалось отъ изданія 1553 года. Какъ бы то ни было, характерно уже прямое заявленіе переводчика о польскомъ оригиналѣ русскихъ «Римскихъ Дѣяній»: отношенія къ Западу и Польшѣ сдѣлали шагъ впередъ въ сознаніи общества. Но въ «Римскихъ Дѣяніяхъ» были, какъ и въ «Великомъ Зерцалѣ», элементы для приспособленія; нѣкоторыя повѣсти (житіе св. Алексѣя, Евстафія Плакиды) были давно извѣстны изъ византійскаго привычнаго источника; теперь онѣ являются уже въ западной одеждѣ.

Аполлонъ Тирскій. Къ числу такихъ повѣстей западнаго же происхожденія относится «Повѣсть объ Аполлонѣ Тирскомъ»; представляющая своего рода интересное явленіе въ нашей переводной литературѣ, характерное для сужденія объ измѣненіи вкусовъ и литературныхъ взглядовъ XVI и XVII вв. сравнительно съ прежними. Она [в]рѣчается въ составѣ «Римскихъ Дѣяній» и отдѣльно. Въ «Римскихъ [Дѣя]ніяхъ» въ «Повѣсти объ Аполлонѣ Тирскомъ» на Русь переходитъ [пам]ятникъ на этотъ разъ чисто свѣтскаго характера. Повѣсть эта [1]) [при]надлежитъ къ числу первыхъ западныхъ переводныхъ повѣстей [так]ого характера, которыя появляются въ нашей литературѣ, и «По[вѣс]ть объ Аполлонѣ Тирскомъ» открываетъ собою рядъ такихъ же

[1]) Въ „Римскихъ Дѣяніяхъ“ по изданію общества Любителей Древностей Рос[сійск]ихъ она стоитъ на первомъ мѣстѣ и въ заглавіи указана ея идея: „прикладъ, [яко] печаль перемѣняется въ радость“; такимъ образомъ, нравоучительный элементъ [не] отсутствуетъ. Отдѣльная редакція, старшая нежели въ „Римскихъ Дѣяніяхъ“, [напе]чатана Н. С. Тихонравовымъ въ Лѣт. Рус. Лит. 1859 г., т. I.

отдѣльныхъ повѣстей: это—романъ съ приключеніями. Въ появленіи этой повѣсти на русской почвѣ есть нѣкоторая особенность: извѣстенъ также отдѣльный переводъ этой повѣсти, независимый отъ того, который вошелъ въ «Римскія Дѣянія» (т.-е. того, который переведенъ былъ съ польскаго на русскій вмѣстѣ самими «Римскими Дѣяніями»). Повидимому, надо предполагать, что этотъ двойной переводъ одной и той же повѣсти свидѣтельствуетъ объ ея популярности, иначе, о значительномъ уже прогрессѣ въ области «свѣтскаго» чтенія.

Происхожденіе и исторія въ европейскихъ литературахъ романа объ «Аполлонѣ Тирскомъ» довольно сложны и не вездѣ ясны; не ясно и происхожденіе того польскаго текста, который вошелъ въ «Римскія Дѣянія», и того, съ котораго сдѣланъ отдѣльный русскій переводъ. Исторія «Повѣсти объ Аполлонѣ Тирскомъ» въ иноземныхъ литературахъ длинна и отлична отъ исторіи остальныхъ повѣстей, вошедшихъ въ «Римскія Дѣянія». Если мы въ «Римскихъ Дѣяніяхъ» имѣемъ дѣло преимущественно со странствующей легендой, новеллой, акклиматизировавшейся въ средневѣковой Европѣ, то здѣсь мы имѣемъ дѣло, повидимому, съ древне-греческимъ романомъ, который перешелъ потомъ въ западную Европу и въ восточную Византію. Не касаясь въ подробностяхъ исторіи античнаго романа и судебъ его въ западной Европѣ (что въ данномъ случаѣ было бы неумѣстно), однако нельзя не коснутся этого вопроса постольку, поскольку онъ нуженъ намъ для выясненія характера «Повѣсти объ Аполлонѣ Тирскомъ». Происхожденіе древне-греческаго романа вообще и его исторія подробно разработана нѣмецкимъ ученымъ Erwin'омъ Rhode [1]). Послѣдній показываетъ, что, говоря о романѣ въ древности, мы понимаемъ подъ этимъ прежде всего фантастическую повѣсть, какъ продуктъ личнаго творчества, въ отличі отъ эпоса. Начало этого романа восходитъ къ латинской и греческо литературѣ. Еще въ III вѣкѣ до Р. Х. въ греческой литературѣ м встрѣчаемъ элементы, которые впослѣдствіи, вступивъ въ извѣстное с четаніе, дали особый видъ творчества, получившій у насъ названіе мана. Это—элементы бытовые, интересъ къ личности; они заклю ются, напримѣръ, уже въ идилліяхъ Феокрита. Сложился же изъ эт элементовъ романъ въ Александріи: Александрійскій романъ II в до Р. Х. и до I-го по Р. Х. есть уже романъ, преимущественно, бовный, принявшій уже опредѣленную форму, которая потомъ со няется въ видѣ схемы въ средніе и новые вѣка вплоть до настоя

[1]) Der greichische Roman (1897). Не менѣе важна въ этомъ отношеніи рец на эту книгу А. Н. Веселовскаго въ Ж. М. Н. П. 1879, XI, значительн полняющая схему Э. Родэ. Ср. также А. Н. Веселовскаго, „Беллетристи древнихъ грековъ", въ Вѣст. Евр., 1876 г., XII, 671 и сл.

времени [1]). Къ числу подобныхъ романовъ и принадлежитъ интересующая насъ «Повѣсть объ Аполлонѣ Тирскомъ». Это типичный для античной языческой литературы романъ. Въ христіанское время античный романъ получаетъ новую разработку, главнымъ образомъ въ особомъ типѣ житій («Клементины», «Тавръ и Менія»; см. Веселовскій Александръ «Изъ исторіи романа и повѣсти», въ Сбор. Отд. рус. яз. и сл. А. Н., т. 40-й). Но «Повѣсть объ Аполлонѣ Тирскомъ» осталась, повидимому, безъ этого христіанскаго вліянія; это—застрявшій въ европейской литературѣ до болѣе поздняго времени древній романъ, поздне-греческій или римскій. Такой романъ при помощи польской литературы перешелъ къ намъ на Русь вмѣстѣ съ «Римскими Дѣяніями». Содержаніе романа-повѣсти «Объ Аполлонѣ Тирскомъ» носитъ, какъ сказано было, типичный любовный характеръ. Здѣсь изображается обычная въ этихъ романахъ исторія пары (даже нѣсколькихъ) влюбленныхъ людей, ихъ приключенія. Въ романѣ преобладаетъ по преимуществу элементъ чувства и даже чувственности. Въ повѣсти соблюдены въ точности внѣшнія формы стараго романа. Фабула развивается въ странствованіяхъ и приключеніяхъ и кончается тѣмъ, что влюбленныя пары своими незаслуженными страданіями умилостивляютъ судьбу, которая и соединяетъ ихъ. Въ «Повѣсти», конечно, о нравоученіи не можетъ быть и рѣчи: изъ нея нельзя вывести никакой поучительной тенденціи, тѣмъ болѣе въ духѣ церковной морали, какъ это мы видимъ и въ надписи въ «Римскихъ Дѣяніяхъ» (см. выше). Этотъ-то чисто свѣтскій романъ, перешедшій на Русь, находитъ себѣ мѣсто въ поучительномъ сборникѣ «Римскія Дѣянія»; хотя характеръ самой «Повѣсти объ Аполлонѣ Тирскомъ» въ общемъ не противорѣчитъ общей идеѣ «Римскихъ Дѣяній», но вмѣстѣ съ тѣмъ и не сливается съ ней. Это и даетъ право намъ видѣть въ немъ уже слѣдующій шагъ, если такъ можно выразиться, въ обмірщеніи нашей «четьей» литературы. На то же указываетъ особенно существованіе иного, нежели въ «Римскихъ Дѣяніяхъ», отдѣльнаго перевода «Повѣсти объ Аполлонѣ Тирскомъ»: ясно, что потребность въ подобномъ чтеніи взяла верхъ надъ [...]кимъ отношеніемъ къ не церковному, не морализующему. Главный [ар]гументъ для признанія существованія отдѣльнаго перевода «Повѣсти [об]ъ Аполлонѣ Тирскомъ» рядомъ съ вошедшимъ въ «Римскія Дѣянія» за[клю]чается въ особенностяхъ языка отдѣльнаго текста повѣсти. Если ста[не]мъ сличать отдѣльные списки «Повѣсти» и текстъ, вошедшій въ [«Р]имскія Дѣянія», то замѣтимъ, что при русско-польскомъ характерѣ

[1]) Ср. наше теперешнее обычное ходячее представленіе о романѣ, какъ прежде [вс]го о повѣствованіи, въ которомъ главную роль играетъ любовный элементъ (ср. [х]одячее выраженіе „завести романъ“ и его теперешній смыслъ).

ихъ замѣчаются въ отдѣльныхъ спискахъ нѣкоторыя черты, указывающія на то, что отдѣльная повѣсть не была переведена съ польскаго, а можетъ быть, съ чешскаго. Съ другой стороны, есть основанія предполагать, что и въ польскомъ оригиналѣ «Римскихъ Дѣяній», «Повѣсть объ Аполлонѣ Тирскомъ» присоединена изъ чешскаго источника; т.-е. схематически исторія текстовъ «Повѣсти объ Аполлонѣ Тирскомъ» можетъ быть предоставлена такимъ образомъ:

Зап.-европ. неизвѣстный оригиналъ
↓
чешскій текстъ
Польск. перев. въ „Р. Д.". ← → Отд. русск. переводъ.
↓
Русск. перев. въ „Р. Д.".

Къ такому выводу, именно, что въ русской литературѣ мы встрѣчаемся съ двумя переводами: однимъ съ польскаго, а другимъ, вѣроятно, съ чешскаго оригинала—пришелъ изслѣдователь переводовъ «Повѣсти объ Аполлонѣ Тирскомъ» чешскій ученый Ю. И. Поливка. Если подобное заключеніе справедливо, то для историка русской литературы возникаетъ другой вопросъ: какъ произошелъ этотъ переводъ съ чешскаго? Естественно, мы должны предположить, что въ Польшѣ и западной Руси чешскіе тексты были извѣстны, и ихъ умѣли читать и понимать. И дѣйствительно, у насъ есть для такого предположенія нѣкоторыя фактическія данныя. Данныя эти говорятъ, что помимо обычнаго посредства польскаго было посредство чешское, хотя и въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ. Въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣковъ появляются у насъ и другія произведенія романическаго, или скорѣе романтическаго, характера, происхожденіе которыхъ несомнѣнно чешское.

Вопросъ о роли чешской литературы, являющейся проводникомъ з[illegible]падныхъ идей и произведеній въ русскую, вопросъ не безразличн[illegible] такъ какъ такіе факты перевода съ чешскаго на русскій далеко [illegible] случайны. Эти же данныя показываютъ, какъ шло это чешское влі[illegible] на Русь: оно шло вмѣстѣ съ тѣмъ и черезъ польскую среду, развивал[illegible] сперва въ юго-западной Руси, а оттуда проникало въ Москву, уже к[illegible] теченіе западно-русское. Въ польской литературѣ XVI—XVII вв. за[illegible] чается присутствіе сильной чешской струи. Присутствіе этой струи о[illegible] ясняется династическими и культурными сношеніями народовъ по[illegible] скаго и чешскаго. Чешскіе дворяне въ значительномъ числѣ входи[illegible] въ ряды польскихъ придворныхъ. Чешскій языкъ въ XVI вѣкѣ являе[illegible] языкомъ придворнымъ, игралъ въ польскомъ аристократическомъ об[illegible]

ствѣ ту же роль, что впослѣдствіи языкъ французскій. XVI вѣкъ во второй его половинѣ отмѣченъ, кромѣ того сильною иммиграціей чеховъ (главнымъ образомъ гуситовъ-протестантовъ) въ Польшу. Въ самой Чехіи въ это время происходило сильное движеніе—католическая реакція противъ гуситства. По мѣрѣ усиленія реакціи, преданные гуситству, такъ называемые «чешскіе братья», избѣгая преслѣдованій, переходятъ сначала въ Саксонію, а потомъ въ Польшу, какъ наиболѣе защищенную временно отъ католической реакціи. Появившіеся въ Польшѣ «чешскіе братья» пробуютъ пробраться даже и въ Москву; такъ, одинъ изъ нихъ, Иванъ (Янъ) Рокита, какъ мы видѣли, даже посѣтилъ московскаго царя Ивана Грознаго. Кромѣ того, въ Польшу шло вліяніе и протестантизма, и оно проходитъ черезъ ту же чешскую среду. Позднѣе гуситы въ Лютерѣ и Кальвинѣ видѣли, естественно, своихъ союзниковъ и старались объединиться съ ихъ послѣдователями, воспринимая многое изъ протестантизма. Такимъ образомъ и чисто протестантское вліяніе приходило въ Польшу въ чешской окраскѣ, и потому естественно, чешскій элементъ области духовной культуры былъ въ Польшѣ довольно значителенъ: онъ былъ религіознымъ, въ то же время и общекультурнымъ. Если же мы посмотримъ на польско-литовскія отношенія, то мы увидимъ такую картину: Польша всячески старается подчинить себѣ Литовскую и южную Русь и въ культурномъ и въ національномъ смыслѣ, прежде всего, въ вѣроисповѣдномъ отношеніи. Этотъ процессъ польскаго стремленія подчинить Литву начинается еще въ концѣ XIV в. Къ XVI в. Польша въ своихъ стремленіяхъ дѣлаетъ большіе успѣхи. Русско-литовская и южно-русская знать измѣняетъ постепенно православію и переходитъ въ католичество, усваивая и польскій языкъ и нравы. На Литвѣ такимъ образомъ прошло и сказалось сильное польское вліяніе, а черезъ него проходило и чешское. Въ Бѣлоруссіи нѣкоторая часть населенія, особенно дворянство, мелкая шляхта уже въ XVI вѣкѣ является двуязычной, т.-е. говорящей на двухъ языкахъ: на своемъ родномъ русскомъ, а также на польскомъ. Но были элементы литовскаго населенія, говорившіе даже на трехъ языкахъ: своемъ, чешскомъ и польскомъ; это была преимущественно аристократія, когда-то литовско-русская, а теперь польская. Таковы предположенія общаго характера. Они вполнѣ оправдываются и на дѣлѣ. Можно поэтому предполагать, что переводъ на бѣлорусскій языкъ могъ дѣлаться и съ чешскаго языка непосредственно. Переводчиками должны являться преимущественно лица, высоко стоящія на іерархической лѣстницѣ Литовскаго государства. Однако въ XVI вѣкѣ поглощеніе въ Литвѣ русскихъ элементовъ Польшею далеко не было фактомъ окончательно совершившимся. Правда, въ политическомъ отношеніи Литва

вошла въ составъ земель Польскаго государства; но сліяніе это не прошло, однако, по всей линіи. Въ Вильнѣ продолжалъ существовать литовскій княжескій дворъ, во главѣ со своимъ канцлеромъ. Какъ онъ, такъ и многіе придворные, сохраняли и чисто русскія черты, хотя рядомъ, по традиціи и модѣ польской аристократіи, здѣсь говорили и по-польски и, подражая польскому двору, также по-чешски. И литературная дѣятельность на русскомъ языкѣ окончательно не исчезла въ Литвѣ совершенно. Послѣднее обстоятельство и позволяетъ предположить, что переводъ отдѣльной «Повѣсти объ Аполлонѣ Тирскомъ» на бѣлорусскій языкъ могъ быть совершонъ при дворѣ литовскаго «князя» съ чешскаго языка. Одна случайная находка подтверждаетъ косвенно это предположеніе. Найденъ былъ каталогъ книгъ, вѣроятно княжеской библіотеки въ Вильнѣ, каталогъ, восходящій къ началу XVI в. Каталогъ написанъ на польскомъ языкѣ. Изъ перечня книгъ мы видимъ, что рядомъ съ польскими въ этой библіотекѣ было много книгъ и на русскомъ языкѣ. Но среди польскихъ и русскихъ книгъ каталогъ отмѣчаетъ также небольшую группу и чешскихъ. Послѣднее обстоятельство приводитъ къ мысли, что разъ чешскія книги находились въ библіотекѣ, значитъ, на нихъ былъ спросъ, значитъ, онѣ читались. Мы можемъ быть вполнѣ увѣренными въ томъ, что знакомство съ чешскимъ языкомъ въ Литвѣ, по крайней мѣрѣ, среди образованныхъ людей, было. Все это ведетъ къ тому, что «Повѣсть объ Аполлонѣ Тирскомъ» могла явиться въ переводѣ на русскій языкъ непосредственно съ чешскаго, тѣмъ болѣе, что переводъ этотъ съ чешскаго въ то время не являлся исключеніемъ: были и другіе переводы съ этого языка. Такъ, непосредственно къ чешскому оригиналу восходитъ фантастическій, полный сказочныхъ мотивовъ романъ «Повѣсть о Брунцвикѣ королевичѣ», разсказывающій о томъ, какъ Брунцвикъ, лишенный своего наслѣдственнаго права, добылъ его послѣ цѣлаго ряда подвиговъ и при помощи льва и орла, ему служившихъ, а потомъ и помѣщенныхъ имъ въ свой королевскій чешскоморавскій гербъ [1]). Къ подобнымъ же переводамъ, кажется, надо отнести и мало изслѣдованную до сихъ поръ повѣсть «о Василіи Златовласомъ, королевичѣ чешской земли».

Такимъ образомъ, къ концу XVII вѣка съ легкой руки «Великаго Зерцала» и «Римскихъ Дѣяній» у насъ на Руси появляется любовный, а затѣмъ рыцарскій романъ, интересная свѣтская повѣсть, не имѣющіе ничего общаго съ церковно-поучительной литературой, все еще въ ту

[1]) На чешскомъ гербѣ и теперь двухвостный левъ, на моравскомъ—орлица. Такимъ образомъ романъ служитъ какъ бы „историческимъ“ объясненіемъ къ этимъ гербамъ. Подробный анализъ и изданіе русскихъ текстовъ „Повѣсти о Брунцвикѣ“ сдѣланы проф. Ю. И. Поливкой въ изданіяхъ чешской Академіи (1892 г.).

эпоху составлявшей среди образованнаго русскаго общества главный кругъ чтенія.

Повѣсть свѣтская переводная и оригинальная. Къ этому времени восходятъ переводы цѣлаго ряда романовъ и повѣстей, какова, напр., «Повѣсть о семи мудрецахъ», составленная почти сплошь изъ странствующихъ мотивовъ, вложенныхъ въ типичную ходячую также рамку: царь по навѣтамъ жены, мачехи царевича, приказываетъ казнить сына; за него говорятъ, изобличая клеветницу иносказательно, его учителя мудрецы до тѣхъ поръ, пока царевичъ не получилъ возможности открыто изобличить мачеху (ему приказано было 7 дней молчать). Схема опять старая (она извѣстна, напр., изъ «Повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ), часть разсказовъ также знакомая по византійскимъ источникамъ. Повѣсть переведена съ польскаго и, кажется, довольно рано—въ XVI еще въ вѣкѣ. Изъ рыцарскихъ романовъ, ставшихъ популярными, къ XVII в. по переводамъ надо отнести романы: о Бовѣ Королевичѣ, о Еруcланѣ Лазаревичѣ, о Францелѣ Венеціанскомъ, о Мелюзинѣ, о Петрѣ Златыхъ-ключахъ и Магиленѣ, т.-е. тѣ, которые до сихъ поръ (разумѣется, измѣненные уже) ходятъ въ видѣ лубочной книжки и мн. др. [1]). Въ этой переводной литературѣ, идущей главнымъ образомъ черезъ ту же Польшу, въ XVII в. встрѣчаемъ веселый анекдотъ, «смѣхотворную повѣсть»—т. н. «Фацеціи» (перв. въ 1680 г.), а также западно-европейскую новеллу, въ частности изъ «Декамерона» Боккачіо. На сколько это чтеніе получило радушный пріемъ, видно изъ того, что эти повѣсти и романы находятъ себѣ отзвукъ въ устной словесности (въ сказкѣ, напр., о Бовѣ, Еруcланѣ) цѣликомъ или по частямъ и ведутъ къ созданію оригинальной или полуоригинальной повѣсти русской, каковы: о Горѣ-злочастіи, о Саввѣ Грудцынѣ, Фролѣ Скобѣевѣ и др. [2]). Указанныя повѣсти помимо своей связи съ литературой переводной, если не по источникамъ, то по своему характеру, отношеніямъ къ старшей религіозно-церковной повѣсти, представляютъ интересъ, какъ показатели того, что проглядывающее въ повѣсти XVI в. (см. выше, стр. 527) отношеніе сказанія къ дѣйствительности, быту, народно-устной литературѣ, теперь, въ XVII в., значительно уже прогрессировало: повѣсть о Горѣ-злочастіи, если и несетъ еще на себѣ дидактическій тонъ, то онъ уже не играетъ видной роли; если здѣсь религіозная идея еще не исчезла (молодецъ спасается отъ «Горя» въ монастырѣ, куда оно (какъ начало «злое», «темное») не можетъ проник-

---

[1]) Подробности см. у А. Н. Пыпина. Очеркъ литературной исторіи повѣстей и сказокъ русскихъ; также—въ 1 т. Ист. рус. слов. А. Галахова (статья А. Н. Веселовскаго).

[2]) Тексты у В. В. Сиповскаго. Русск. повѣсти XVII—XVIII ст. (Спб. 1905 г.); тамъ же см. и вводную статью; см. также А. Н. Пыпина, Очеркъ.

нуть), то главный интересъ ея уже поэтическій—горестныя приключенія «добра молодца»; основа повѣсти уже устно-народная: пѣсня о горѣ. Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ—при аналогичной до извѣстной степени темѣ—отличается тѣмъ же интересомъ къ приключеніямъ (составляющимъ главное содержаніе переводной повѣсти), богата бытовыми чертами жизни русской XVII в. (т.-е. она реалистична уже), даже стремится въ цѣляхъ правдоподобія дать хронологически точныя пріуроченія, примкнуть къ историческимъ событіямъ (время Смуты); подобно «Горю-злочастію», въ ней есть народно-поэтическій образъ бѣса (названный другъ Саввы). Еще большимъ бытовымъ характеромъ отличается повѣсть о ловкомъ мошенникѣ, Фролѣ Скобѣевѣ, ябедникѣ, клязникѣ; здѣсь реализмъ развертывается уже во всю. Даже въ область религіозной легенды проникаетъ сильно реально-бытовой матеріалъ, народно поэтическое воззрѣніе: таково «чудо Іоанна и Прокопія Устюжскихъ», о бѣсноватой женѣ Соломоніи, гдѣ и народная демонологія и бытовая обстановка и пріуроченіе къ эпохѣ достигаютъ уже полной законченности. При такомъ направленіи повѣсти къ реализму и народности понятно, почему старшая повѣсть о судѣ Шемяки въ XVII в. превращается въ бытовую сатиру: сказка о Ерщѣ-Ершовичѣ и Калязинская челобитная въ народно-реалистическомъ духѣ, высмѣиваютъ судебные и монастырскіе порядки XVII в., сюда же слѣдуетъ отнести повѣсть «О высокоумномъ Хмелѣ», характеризующемъ знаменитое «Руси есть веселіе пити», повѣсть о Бражникѣ, проникнутую высокой идеей значенія любви въ мірѣ, «повѣсть о Ноѣ» съ темой, сходной съ легендой о первомъ винокурѣ и т. д. Отъ нихъ только шагъ къ политической сатирѣ нач. XVIII в.,—«О томъ, какъ мыши кота хоронили». Эта струя народности въ соединеніи съ западнымъ вліяніемъ, прививавшимъ вкусъ къ «занятному» повѣствованію, открывала уже въ XVII в доступъ и самой народной словесности, до сихъ поръ офиціально г[illegible] нимой и теоретически отрицаемой (ср. грамоту къ Верхотурскому во[illegible] водѣ) [1]): къ XVII в. (вторая половина) относятся первыя записи б[illegible] линъ, которыя попадаютъ въ типичное для этого вѣка сборники по[illegible] стей. Ясно, что измѣненіе вкусовъ идетъ уже глубоко въ литератур[illegible] въ жизни, измѣненіе это совершенно опредѣленное—обособленіе ли[illegible] ратуры отъ ея слiянія съ интересами церкви, отъ роли служебной, [illegible] отношенію къ послѣдней. Это «обмірщеніе» литературы получило с[illegible] начало въ западномъ теченіи въ жизни и самой литературѣ.

Повѣсти религіозныя. Наконецъ, намъ остается разсмотрѣть гру[illegible] памятниковъ, типичныхъ для конца XVI и начала XVII вв. Памятн[illegible]

---

1) О ней см. у А. Н. Пыпина, Ист. рус. слов. III, 22.

эти также западнаго происхожденія, перешедшіе къ намъ черезъ Польшу. По своему содержанію они представляютъ любопытное явленіе также въ смыслѣ показанія измѣненія вкусовъ русской литературы того времени. Памятники эти чисто религіознаго содержанія. До сихъ поръ намъ неоднократно приходилось указывать на то, что препятствіемъ появленію и распространенію западныхъ памятниковъ на Руси было именно ихъ происхожденіе съ Запада, къ которому московская Русь по давней привычкѣ продолжала относиться съ недовѣріемъ. Послѣднее, мы видѣли, мало-по-малу начинаетъ падать, о чемъ можетъ свидѣтельствовать появленіе такихъ памятниковъ, какъ «Великое Зерцало», «Римскія Дѣянія» и др.. Появленіемъ этихъ полусвѣтскихъ, полурелигіозныхъ памятниковъ дѣло не ограничилось. На Русь по немногу начинаютъ переходить и памятники чисто религіознаго характера, но также западнаго происхожденія. Съ такими памятниками мы встрѣчаемся въ концѣ XVI-го, вѣрнѣе въ началѣ XVII вв.. Эти памятники проникаютъ такимъ образомъ въ наиболѣе отрицательно относившуюся къ Западу область—православно-религіозную.

Къ числу ихъ относятся прежде всего популярное у насъ въ XVII—XVIII вв. такъ наз. «Страсти Христовы», сочиненіе, пользующееся почетомъ и до сихъ поръ, даже въ старообрядческой литературѣ (оно даже напечатано было старообрядцами въ концѣ XVIII вѣка въ Супраслѣ). По содержанію памятникъ этотъ представляетъ то, что мы знаемъ и въ старой русской литературѣ: «Страсти Христовы» представляютъ одну изъ западныхъ обработокъ древне-христіанскаго апокрифа (того же, который на Востокѣ далъ «Никодимово Евангеліе», имѣвшее, кромѣ того, также и свои западно-европейскія версіи). «Никодимово Евангеліе»—старый памятникъ въ русской литературѣ, памятникъ, появившійся едва ли не при самомъ началѣ ея: по своему происхожденію старѣйшія изъ двухъ переводовъ «Никодимова Евангелія» принадлежитъ юго-славянству X—XI вв. или даже Кирилло-меѳодіевской письменности IX—X вв. въ Моравіи; переводъ славянскаго древнѣйшаго текста сдѣланъ съ латинскаго. Вскорѣ, еще на югѣ славянства, появляется и другой переводъ—съ греческаго текста. Видимо, онъ пользовался большимъ распространеніемъ, оказалъ вліяніе на церковную литературу, церковную живопись и т. д.[1]. Въ началѣ же XVII в. мы встрѣчаемся съ новымъ памятникомъ того же содержанія, но уже западнаго поздняго сравнительно происхожденія, что видно и въ языкѣ, и въ подборѣ фактовъ, и въ характерѣ изложенія. Памятникъ этотъ и

---

[1]) Подробнѣе см. М. Сперанскаго. „Славянскія апокрифическія евангелія“ (М. 1895).

есть «Страсти», переработка «Никодимова Евангелія», сдѣланная на Западѣ. «Никодимово Евангеліе» излагаетъ исторически процессъ надъ Христомъ въ духѣ старо-христіанской легенды, «Страсти Христовы» излагаютъ тоже, но въ видѣ поучительной исторіи, съ легкой католической тенденціей, въ тѣсной связи съ западной обработкой этой легенды; напримѣръ, разсказывается о крестныхъ этапахъ и мѣстахъ, гдѣ останавливался Христосъ (ср. «кальваріи» западныхъ святыхъ мѣстъ), о ранахъ, полученныхъ Христомъ, ихъ числѣ и т. п.. Разсказъ ведется со всевозможными подробностями, типичными для западно-католической литературы. Этотъ-то памятникъ приходитъ въ XVII вѣкѣ и къ намъ на Русь [1]). Благодаря сходству даннаго памятника по темѣ, а въ значительной долѣ и содержанія со старыми русскими, Никодимовымъ Евангеліемъ и подобными сказаніями, онъ нашелъ успѣшный пріемъ на Руси, вытѣсняетъ изъ употребленія старое Никодимово Евангеліе, которое съ XVII в. все рѣже и рѣже встрѣчается въ рукописяхъ, тогда какъ «Страсти» все чаще и чаще.

Параллельнымъ этому явленію слѣдуетъ счесть и такой фактъ, какъ появленіе перевода Житія Алексѣя, Божія человѣка въ переводѣ изъ западнаго источника; оно переведено вмѣстѣ съ «Римскими Дѣяніями»: старое житіе (съ нач. XII в. извѣстное) греческаго происхожденія замѣняется латинопольскимъ.

Если появленіе полу-религіозныхъ, полусвѣтскихъ произведеній западнаго происхожденія объясняется довольно легко, то появленіе на Руси чисто религіозныхъ твореній католическаго характера объясняется и оцѣнивается иначе. Религіозный страхъ передъ Западомъ теперь ослабѣваетъ, а любопытство знать новое или старое же, но въ новой формѣ, беретъ верхъ на Руси конца XVI в. Теперь на Руси, помимо старыхъ религіозныхъ легендъ, мы видимъ рядъ новыхъ религіозныхъ памятниковъ, въ которыхъ знакомые вопросы трактуются иначе, на западный манеръ; и это уже не отталкиваетъ читателя. Съ этихъ поръ мы начинаемъ констатировать ясно измѣненіе литературнаго вкуса, дальнѣйшее сравнительно съ отмѣченнымъ выше расширеніе его въ сторону Запада. Такимъ образомъ, въ литературѣ конца XVI вѣка, мы замѣчаемъ, старые памятники не вымираютъ, но между ними уже дѣлается выборъ сообразно съ новыми вкусами. Разъ дѣло западнаго вліянія въ XVI вѣкѣ на Руси поставлено было довольно прочно, естественно, судьба византійскаго,

[1]) Старѣйшій текстъ, западно-русскій по мѣсту перевода, восходитъ къ XV в. и, скорѣе всего, къ польскому оригиналу. Но онъ, повидимому, не стоитъ въ связи съ обычными „Страстями“, идущими отъ латинскаго оригинала, при томъ едва ли старшаго, нежели XVII вѣкъ. Текстъ XV в. изданъ Н. М. Тупиковымъ. Пам. др. письм. CXE (Спб. 1901).

консервативнаго начала была безапеляціонно рѣшена: оно обречено на постепенное суженіе своего значенія, а въ иныхъ областяхъ и на вымираніе. И дѣйствительно, въ литературѣ половины XVII вѣка замѣчается, что религіозная старая культура становится уже специфически церковной, духовной, сохраняя свое болѣе общее значеніе въ значительной степени только въ обособившейся средѣ старообрядчества. На этотъ фактъ нужно смотрѣть уже, слѣдовательно, какъ на подготовительный къ раздѣленію литературы въ сознаніи общества на церковную и свѣтскую, что ясно и намѣтилось въ концѣ XVII вѣка и внѣшнимъ образомъ ярко выразилось въ началѣ XVIII в..

Но прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію другихъ болѣе общихъ литературныхъ явленій 2-й половины XVII в., необходимо вернуться нѣсколько назадъ. Къ половинѣ XVII вѣка въ литературѣ московскаго періода появляется рядомъ съ тѣмъ западнымъ вліяніемъ, которое мы только что прослѣдили, еще новый источникъ, сближающій съ тѣмъ же Западомъ, и такъ же, какъ и первый, не прямо западнаго происхожденія для Московской Руси. Это было развитіе югозападной русской литературы и ея вліяніе на литературу московскую.

XI. Литература юго-западная. До сихъ поръ мы останавливались на исторіи литературы сѣверо-восточной Руси, литературѣ великорусскаго племени. Дѣлая обзоръ литературы сѣверо-восточной Руси, мы оставили временно въ сторонѣ южную и юго-западную части Руси, которыя, конечно, не исчезали съ горизонта русской исторіи, но, отдѣленныя силою обстоятельствъ отъ сѣверо-востока Руси, продолжали свое существованіе, своеобразно совершая развитіе тѣхъ же старыхъ началъ, которыя даны были и Москвѣ, и югу, и западу еще Кіевской Русью. Это развитіе юго-западной литературы поведетъ со временемъ къ взаимообщенію ея съ литературой московской, сближая ихъ въ значительной степени, начиная съ XVII в.. Руская литература теперь приближается, по крайней мѣрѣ, отчасти, къ тому состоянію, въ которомъ она находилась въ теченіе Кіевскаго періода: московская литература, объединяя разрозненныя части русскаго племени, стремится пріобрѣсти значеніе общерусской литературы на пространствѣ всего XVIII и частью XIX вѣка. Съ этой стороны, изученіе юго-западной русской литературы становится для насъ необходимымъ для пониманія процесса развитія и московской литературы, въ идейномъ смыслѣ стремящейся стать общерусской уже въ XVII вѣкѣ.

Въ концѣ Кіевскаго періода, въ концѣ XIII вѣка и въ началѣ XIV-го, подъ вліяніемъ экономическихъ, политическихъ и государствен-

ныхъ условій, центръ руской жизни изъ Кіева переносится, какъ мы знаемъ, на сѣверо-востокъ—въ Суздаль, Владиміръ и ихъ области, а потомъ въ Москву. Перенесеніе это внѣшнимъ образомъ выразилось не только въ перенесеніи столицы, какъ центра политической жизни, но и въ отливѣ населенія на сѣверо-востокъ. Лучшія силы населенія теперь переходятъ въ Суздальско-Владимирскую Русь. Жизнь южной Руси какъ будто замираетъ: извѣстія о томъ, что тамъ дѣлается, встрѣчаются все рѣже и рѣже. Невольно поднимается въ наукѣ вопросъ: что же сталось съ оставшимся населеніемъ юго-западной Руси, съ его культурой, въ частности съ его литературой? По этому вопросу существуетъ въ исторической наукѣ нѣсколько теорій, имѣющихъ, правда, не всегда лишь научный интересъ. Вопросъ этотъ былъ бы для насъ въ данномъ случаѣ не важенъ, если бы въ концѣ XVI вѣка мы не получили бы права говорить о своеобразной литературѣ, развившейся, именно, на юго-западѣ и въ XVII в. ставшей въ опредѣленныя отношенія къ литературѣ сѣверо-востока. Къ этому то времени относится зарожденіе литературы м а л о - р у с с к о й въ смыслѣ современномъ. Зарожденіе это началось не съ конца XVIII вѣка и начала XIX, не съ И. П. Котляревскаго и Т. Г. Шевченка, какъ еще недавно думали, а именно, съ конца или даже половины XVI вѣка, когда впервые мы можемъ говорить о юго-западной литературѣ, какъ уже обнаружившей тѣ специфическія черты, которыя мы наблюдаемъ теперь въ литературѣ мало-русской въ болѣе развитомъ и болѣе или менѣе томъ же видѣ. Конецъ XVIII в. и начало XIX в. были для нея временемъ не зарожденія, а возрожденія.

Какъ же возникла малорусская литература? Вопросъ этотъ рѣшался, начиная съ 50 годовъ прошедшаго столѣтія двояко, сперва преимущественно историками, а затѣмъ и при участіи филологовъ, изучавшихъ исторію русскаго языка и исторію литературы. Въ 1856 г. М. П. Погодинъ, извѣстный историкъ, старался съ своей точки зрѣнія объяснить внезапное для него и его современниковъ появленіе малорусскаго племени и литературы такимъ образомъ: до татарскаго нашествія въ Кіевѣ и его области малоруссовъ не было; здѣсь жили тѣ же племена, которыя мы видимъ позднѣе въ московской области, т.-е. великоруссы; предки же малоруссовъ тогда жили на западъ отъ Кіевщины, около Карпатъ (мѣстности Галича и Волыни), а въ южную Русь пришли они лишь въ концѣ XV в., стало быть, послѣ разоренія татарами Кіевской земли и бѣгства ея коренного населенія на сѣверъ и сѣверо-востокъ; эти пришельцы заняли опустѣвшую, превратившуюся въ пустыню Кіевскую Русь и т. о. положили начало здѣсь новой жизни, малорусской. Противъ такого представленія объ исторіи мало-

русскаго племени возстали главнымъ образомъ представители этого племени—М. А. Максимовичъ, А. А. Котляревскій (1862), которые, наоборотъ, стремились доказать, что теперешніе малоруссы—прямые потомки стараго кіевскаго населенія, что населеніе никуда не уходило, что Кіевщина никогда не была безлюдной; хотя они и допускали колонизацію Кіевщины населеніемъ галицко-волынскимъ, допускали и колонизацію изъ Кіевщины на сѣверо-востокъ, но не придавали, однако, этой колонизаціи значенія рѣшающаго элемента въ исторіи современнаго малорусскаго племени. Горячая полемика между обоими лагерями, значительно подогрѣваемая націоналистическими и политическими тенденціями со стороны, какъ малоруссовъ, такъ и великорусскихъ представителей науки и внутренней политики правительства, выяснила довольно многое; но и теперь вопросъ нельзя считать окончательно рѣшеннымъ во всѣхъ деталяхъ. Но, повидимому, слѣдуетъ признать, что объективной, исторической и научной, правильности больше за группой ученыхъ, ближе стоящихъ къ представителямъ старой малорусской гипотезы. Еще въ 1883 г. А. И. Соболевскій находилъ возможнымъ старомалоруссовъ выводить съ Волыни, видѣть великоруссовъ въ Кіевѣ еще въ XV в.; но онъ уже не допускалъ мысли о запустѣніи края послѣ татарщины, принимая мнѣніе Владимирскаго-Буданова и Леонтовича. Успѣхи изученія русскаго языка, особенно исторіи его, діалектологіи въ связи съ исторіей края и этнографіей пролили свѣтъ и на этотъ сложный вопросъ. А. А. Шахматовъ, вооруженный всѣми данными лингвистики и исторіи, значительно подвинулъ рѣшеніе вопроса, найдя возможнымъ объяснить составъ нынѣшняго малорусскаго племени въ связи съ исторіей общерусскаго племени [1]. Вотъ выводы Шахматова: 1) группировка русскихъ племенъ въ X—XI в. не соотвѣтствуетъ теперешней; теперешняя группировка: великоруссы, малоруссы и бѣлоруссы—результатъ измѣненія старой группировки (сѣверныя племена, среднія, южныя) подъ вліяніемъ историческихъ и политическихъ условій, пережитыхъ старымъ русскимъ племенемъ; потому о малоруссахъ, въ современномъ смыслѣ, нельзя говорить для X—XI вѣка; 2) теперешнее малорусское племя, какъ и большинство другихъ историческихъ человѣческихъ племенъ,—смѣшанное; въ него вошли элементы разныхъ русскихъ племенъ X—XI в.; 3) начало образованія этого смѣшаннаго малорусскаго племени, начало образованія малорусскихъ говоровъ (южно-малорусскихъ и сѣверо-малорусскихъ)

---

[1] Послѣднее мнѣніе Шахматова, наиболѣе ясно формулированное, высказано имъ въ Энциклопед. Словарѣ Брокгауза, полутомъ 55, стр. 564—581; ср. болѣе раннюю его же статью: „Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей“ (Ж. М. Н. П. 1899 г. IV).

должно быть отнесено къ XIII—XIV в. (время Даніила Галицкаго); 4) въ составъ теперешняго малорусскаго говора вошли части старой югѣ въ это время важную роль получаетъ Литва (въ основѣ—среднее (лѣво-бережная Украйна—Полтавщина)—результатъ позднѣйшей колонизаціи изъ-за Днѣпра; 6) такая исторія образованія малорусской группы находится въ полномъ согласіи и съ діалектологіей малорусскихъ говоровъ и съ исторіей южной Руси. При такомъ рѣшеніи вопроса уже нѣтъ мѣста теоріямъ Погодина, нѣтъ мѣста и крайностямъ украинской школы. При такомъ взглядѣ для насъ разъясняется и исторія литературы русскаго юга до XV—XVI вѣковъ, когда малорусская литература намъ уже отчетливо видна.

Малорусская литература. Существовала ли малорусская литература до XV и XVI вв.? Представители первой школы во главѣ съ Погодинымъ говорили, что современная малорусская литература не получила историческаго оправданія на существованіе, она не связана общностью традиціи съ кіевской литературой X—XI в. Съ другой стороны, противники этого направленія—Максимовичъ и другіе—указывали, что малорусская литература имѣетъ законное право на существованіе, что она древняя и, мало того, родоначальница московской литературы, поскольку эта послѣдняя несетъ въ себѣ кіевскую традицію. Суть дѣла заключается въ слѣдующемъ: Погодинъ, представитель старорусской московской партіи, исходилъ изъ апріорнаго положенія, что татарское иго, обрушившееся на Русь, къ XIV вѣку стерло кіевскую Русь съ лица земли, и поэтому здѣсь, на мѣстѣ, уже не могло быть связи съ Кіевомъ: эта связь оборвана. По свидѣтельству лѣтописей, дѣйствительно, южная Русь послѣ татарскихъ нашествій «запустѣла». Исходя изъ этого выраженія лѣтописи, Погодинъ представляетъ дѣло такъ, что южная Русь превратилась въ пустыню, и что только въ XV—XVI в. эта окраина начала заселяться вновь, но не кіевскимъ старымъ племенемъ (уцѣлѣвшая часть коего давно еще до татаръ, ушла на сѣверъ, часть погибла при нашествіи татаръ), а племенемъ, уцѣлѣвшимъ въ Галичѣ и Волыни и родственнымъ бывшему старокіевскому населенію. Такимъ образомъ, по Погодину, населеніе кіевскаго Приднѣпровья—новое, появившееся изъ Галича и Волыни. Конечно, при такой предпосылкѣ встрѣчается рядъ условностей: прежде всего Погодинъ, говоря о томъ, что южная Русь превратилась въ пустыню, высказываетъ неправильную мысль, которая нами никоимъ образомъ не можетъ быть допущена, такъ какъ подобный фактъ былъ бы безпримѣрнымъ въ исторіи. Современники монгольскаго ига, понятно, не щадили словъ для выраженія при описаніи бѣдствій, приносимыхъ имъ игомъ, но и они не говорятъ о сове

шенномъ прекращеніи жизни въ Кіевской Руси послѣ татарскаго погрома. И вотъ за повѣрку этого положенія, высказаннаго такъ категорично, принимаются малорусскіе ученые: Максимовичъ, Котляревскій (А. А.), Срезневскій и другіе. Прежде всего подвергнуто было сомнѣнію мнѣніе Погодина и его сторонниковъ о роли татарскаго ига, въ частности нашествій, на состояніе страны: оно представлено Погодинымъ въ преувеличенномъ видѣ по своей губительности для населенія и его культуры (это мы уже видѣли выше по отношенію къ сѣверо-востоку); если даже взять число погромовъ, павшихъ на южную Русь (а на этой цифрѣ основывался Погодинъ), то окажется, что сѣверо-восточная Русь испытала ихъ больше, и погромы эти были сильнѣе, нежели на югѣ (оно и понятно: с.-в. Русь была привлекательнѣе для нашествій, какъ страна болѣе богатая, болѣе служившая центромъ жизни, нежели давно уже до татаръ ставшій оскудѣвать матеріально югъ); тѣмъ не менѣе с.-в. Русь не только не погибла, но имѣла возможность, хотя и медленно, сложиться въ сильное государство; культура же юга, откуда шло населеніе на с.-востокъ, не могла быть въ XIII в. ниже. Тѣ же ученые затѣмъ указываютъ на рядъ фактовъ, которые свидѣтельствуютъ, что населеніе южной Руси со времени татарскаго нашествія, правда, порѣдѣло, но жизнь тамъ окончательно не прекратилась. Новые колонисты съ запада заселяли не пустыни, а приходили къ старымъ своимъ родственникамъ, продолжавшимъ еще жить на старыхъ мѣстахъ, сосѣднихъ Польшѣ и Литвѣ; тѣ же изслѣдователи указываютъ на то, что объ умираніи края не можетъ быть и рѣчи: населеніе сократилось, но не вымерло. Если культура, можетъ-быть, понизилась [1]), то жизнь все же не замерла и въ области культуры, въ частности—литературы. Внимательное изученіе южно-русскихъ рукописей, памятниковъ, сохранившихся въ той же московской письменности, отчасти и на самомъ югѣ, показало, что есть памятники, возникшіе именно въ этотъ «глухой» періодъ жизни на югѣ Руси. И. И. Срезневскій нашелъ нѣсколько поученій, принадлежащихъ несомнѣнно по мѣсту происхожденія южной Руси и относящихся къ XIII—XIV вѣкамъ, т.-е. къ самому темному періоду: сюда относятся, напр., поученіе такъ называемаго «Зарубскаго старца» XIII вѣка, «Паисіевскій сборникъ», восходящій къ XIV в. и югу Руси [2]). Къ перечисленнымъ фактамъ можно отнести и участіе представителей южной Руси въ лѣтописной

[1]) Какъ понизилась она временно и на сѣверо-востокѣ подъ вліяніемъ отчасти того же ига, а частью же въ зависимости отъ мѣстныхъ причинъ.

[2]) О нихъ см. И. И. Срезневскаго. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, VII, LVI.

дѣятельности. Если мы во Владимиро-Суздальской Руси имѣемъ «Лѣтописецъ Переславля Суздальскаго», то онъ прототипомъ своимъ имѣлъ сборникъ юго-западной Руси, аналогичный «Лѣтописцу»: «Лѣтописецъ Переславля Суздальскаго» былъ переработанъ на югѣ или западѣ Руси. На это указываетъ, напр., включенный въ него разсказъ объ испорченности нравовъ и обычаевъ, о различныхъ измѣненіяхъ въ жизни. На жизнь южной литературы указываютъ и конецъ Ипатскаго списка и Радзивилловскій списокъ [1]). Всѣ эти документы говорятъ о связи литературы этого періода съ древне-кіевской литературой и о продолженіи кіевской традиціи и здѣсь. Если мы не имѣемъ права говорить о замѣтномъ развитіи южно-русской литературы, то во всякомъ случаѣ о совершенномъ замираніи, тѣмъ болѣе, о вымираніи литературы, говорить никакъ нельзя. Позднѣйшіе изыскатели, болѣе или менѣе сочувствовавшіе Погодину, пришли къ раскрытію фактовъ, которые въ значительной степени говорили противъ него же. Таковы, напр., работы А. И. Соболевскаго въ области діалектологіи. Въ своихъ работахъ А. И. Соболевскій пришелъ къ любопытному рѣшенію вопроса о кіевскомъ говорѣ [2]). Сторонникъ скорѣе взглядовъ Погодина, А. И. Соболевскій характеризуетъ кіевскій говоръ, какъ говоръ безъ признаковъ, т.-е. говоръ, носящій обще-русскій характеръ въ Кіевскій періодъ. Онъ думаетъ, что въ то время, какъ говорилось въ Кіевѣ, такъ и писалось. Спеціальныхъ чертъ, которыя роднили бы южный говоръ XIII—XIV вв. съ говоромъ малорусскимъ, Соболевскій не находитъ. Однако онъ указываетъ, что съ XV вѣка діалектическія особенности рукописей этого вѣка стоятъ въ явной связи съ языкомъ малорусскимъ. Такимъ образомъ, А. И. Соболевскій получилъ наблюденіе, которое въ значительной степени подрываетъ довѣріе къ «безпризначности» Кіевскаго говора: малорусскія діалектическія черты въ XV в. не могли явиться внезапно, имъ должно было предшествовать соотвѣтствующее состояніе говоровъ съ малорусскими же (можетъ, быть, въ старшей стадіи) чертами. Въ то же время А. И. Соболевскій уже не находитъ возможнымъ говорить, что южная Рус[ь] обезлюдѣла, литература вымерла. Ясно, что дѣятельность ея выра[-] жалась главнымъ образомъ только въ сохраненіи и перепискѣ стараг[о]. Противъ этой старорусской или, лучше сказать, Погодинской теорі[и] возстаютъ энергично, хотя и не безъ тенденціи, южно-русскіе учены[е] во главѣ съ А. Е. Крымскимъ [3]) и М. Грушевскимъ. Въ своих[ъ]

---

[1]) Въ пользу того же положенія говоритъ и то, что указывалось нами и выше въ исторіи темнаго періода XIII—XIV в. о кіевской традиціи.

[2]) Извѣстія Отд. рус. яз. и сл. И. А. Н. X, I.

[3]) Напр., въ его „Украйнской грамматикѣ“ (I, вып. 1. стр. 48 и сл.) приводит[ся]

работахъ они указываютъ прежде всего на нѣкоторые матеріалы, оставленные безъ вниманія А. И. Соболевскимъ. Оказывается, по ихъ наблюденіямъ, что уже съ XV вѣка мы встрѣчаемъ такія явленія въ языкѣ рукописей, которыя тѣсно и несомнѣнно связываютъ этотъ южный ихъ говоръ съ позднѣйшимъ малорусскимъ, т.-е. даютъ указаніе на древнее, по времени болѣе близкое къ Кіевскому, состояніе руской рѣчи на югѣ Россіи. Правда, конецъ XIII в. и XIV в. представлены слабо въ литературномъ отношеніи; но на это можно возразить, что и сѣверо-восточная литература тоже представлена не особенно богато по своимъ памятникамъ (исключая развѣ Новгородъ и его область). До насъ, вслѣдствіе крайне неблагопріятныхъ условій, могло дойти лишь небольшое количество старыхъ памятниковъ, по которымъ, однако, приходится строить точный, опредѣленный выводъ.

Такимъ образомъ, и съ этой стороны мы должны притти къ выводу, что южная Русь не запустѣла, и что жизнь ея только сократилась. Послѣднее обстоятельство несомнѣнно, но оно не можетъ быть истолковано въ смыслѣ перерыва литературной традиціи. Что осталось отъ Кіевской Руси въ наслѣдство Руси южной XIV—XV в., вопросъ этотъ еще не рѣшенъ окончательно историками литературы [1]) и лигвистами. Все же историки литературы дали совершенно новый матеріалъ, необходимый для рѣшенія вопроса о малорусской литературной, а вмѣстѣ и народной традиціи. Извѣстно, что русская устная поэзія (въ частности—былевая) въ значительной степени сложилась на югѣ Россіи, потомъ вмѣстѣ съ колонизаціей стала переходить на сѣверо-востокъ, гдѣ на дальномъ сѣверѣ европейской и азіатской Руси въ значительной мѣрѣ сохраняется и до сихъ поръ. Возникаетъ вопросъ, въ какомъ положеніи оказывается эта старо-русская словесность въ теперешней малорусской словесности? Погодинъ говорилъ, что кіевскія «старины» о богатыряхъ найдены лишь на сѣверѣ, въ области великорусской (что и было совершенно правильно); но это обстоятельство, по Погодину, свидѣтельствуетъ о томъ, что представителями, слагателями «старинъ» (по старой терминологіи «былинъ») было великорусское племя, а не малорусское, въ средѣ котораго мы былинъ не знаемъ; а великорусское племя—потомъ старокіевскаго; отсюда

...инный рядъ текстовъ или южно-русскихъ, или восходящихъ къ нимъ и сохранившимъ черты малорусской рѣчи XIV—XV в.. Но надо, все таки, отмѣтить, что въ этомъ спискѣ есть тексты, малорусское происхожденіе коихъ не установлено безспорно.

[1]) Историки малорусской литературы (И. Я. Франко, Ефремовъ) обычно перечисляютъ въ качествѣ такихъ памятниковъ памятники Кіевскаго времени, но не касаются ихъ дальнѣйшей исторіи на югѣ Россіи.

получается, для Погодина, новое подтвержденіе его мысли о неродственности малоруссовъ со старокіевской Русью и о великоруссахъ, какъ прямыхъ и единственныхъ наслѣдниковъ Кіевской Руси. Но изысканія Александра Николаевича Веселовскаго, Н. П. Дашкевича, М. Е. Халанскаго и др. [1]) въ наше время показали, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ отсутствіемъ былевого стараго эпоса на югѣ, а лишь съ сильнымъ затемненіемъ, измѣненіемъ той же традиціи былевого стараго эпоса. Остатки эпоса, по изслѣдованію Веселовскаго, мы констатируемъ до сихъ поръ и на югѣ Руси: мы ихъ находимъ въ сказкахъ, бытовыхъ пѣсняхъ, въ преданіяхъ, уже въ XII вѣкѣ закрѣпленныхъ отчасти письменностью, живыхъ и до сихъ поръ въ устахъ малорусскаго народа. Такимъ образомъ, и здѣсь устанавливается невозможность отрицанія связи между старымъ южно-русскимъ, малорусскимъ племенемъ, съ одной стороны, и сѣверно-великорусскимъ— съ другой.

Слѣдовательно, имѣя передъ собой московскую литературу, сѣверовосточную, великорусскую по языку, и рядомъ съ нею литературу юго-западную (западно-русское племя отдѣльной литературы создать не успѣло), малорусскую по языку, мы должны смотрѣть на ту и другую, какъ на близкородственныя, съ точки зрѣнія обще-рускаго языка, какъ выросшія на основахъ одной древней литературы Кіевскаго періода, но въ то же время не тожественныя и не противоположныя одна другой, а лишь различно развившія эту общую основу въ зависимости отъ различія условій жизни на сѣверо-востокѣ и на юго-западѣ.

Бѣлорусская народность. То же въ значительной степени приходится наблюдать по отношенію къ другимъ остаткамъ кіевскаго племени, которое положило начало отдѣльнымъ говорамъ бѣлорусскимъ, составляющимъ теперь отдѣльную вѣтвь русскаго языка, подобно говорамъ малорусскимъ. Давно уже указывалось, что бѣлорусское племя создалось изъ элементовъ, родственныхъ по языку великорусскому и позднѣйшему малорусскому племенамъ. Изслѣдованія въ области исторіи бѣлорусскаго языка, его памятниковъ, произведенныя главнымъ образомъ Е. Ѳ. Карскимъ [2]), приводятъ къ тому выводу, что первые признаки бѣлорусскаго племени и языка встрѣчаются уже въ XIII и XIV вв. Затѣмъ замѣчаютъ, что въ области бѣлорусскихъ памятниковъ и живыхъ говоровъ мы встрѣчаемся съ двойственностью

---

[1]) Главный и наиболѣе важный въ этомъ отношеніи трудъ А. Веселовскаго: Южнорусскія былины (Сборн. От. рус. яз. и слов. А. Н. т. 22 и 36).

[2]) См. его большой трудъ: „Бѣлоруссы" (Варшава 1903—1912) т. I и II (части 1, 2, 3); особенно т. I.

типичная черта бѣлорусскихъ говоровъ—дзеканіе—распространена далеко не на всемъ пространствѣ этихъ говоровъ. Рядъ однихъ бѣлорусскихъ говоровъ не имѣетъ никакихъ признаковъ малорусскихъ чертъ, сохраняя, однако, дзеканье, другой—даетъ черты родственныя великорусскимъ говорамъ—аканье, которое обнимаетъ, однако, всѣ бѣлорусскія говоры; т.-е. нѣкоторые говоры представляютъ отдѣльныя черты, аналогичныя къ великорусскимъ, нѣкоторые же даютъ черты, родственныя малорусскимъ говорамъ. Все это показываетъ, что въ составѣ бѣлорусскаго племени, какъ и въ составѣ его говоровъ, были элементы, которые намъ извѣстны теперь, какъ великорусскіе и малорусскіе. Судя же по памятникамъ бѣлорусской рѣчи XIII—XIV в., мы въ правѣ предполагать, что и бѣлорусское нарѣчіе, если и испытало на себѣ вліяніе, и можетъ-быть давнее, говоровъ, которые дали впослѣдствіи великорусскіе и малорусскіе, точно такъ же восходитъ къ древне-русскимъ говорамъ (повидимому, къ такъ называемымъ среднерусскимъ) и такъ же, какъ малорусскіе, стоитъ въ связи съ древнекіевскимъ и его культурой.

Представляя себѣ такъ исторію образованія существующихъ теперь нарѣчій русскаго языка на основаніи лингвистическихъ данныхъ, мы найдемъ ей объясненіе и въ данныхъ политической исторіи и исторіи литературы. Если же мы такъ строимъ исторію этихъ нарѣчій, то и вопросъ о малорусской и бѣлорусской литературѣ переносится на другую почву: мы должны ставить вопросъ не о правѣ малорусской литературы на существованіе, не о томъ, есть ли она прямой потомокъ Кіевской Руси X, XI вѣковъ, но о томъ, **какъ** сложилось малорусское племя, и почему оно является къ XVI вѣку съ извѣстной уже опредѣлившейся своей физіономіей.

Дѣло въ результатѣ цѣлаго ряда изслѣдованій представляется намъ теперь въ такомъ видѣ: послѣ татарскаго ига, когда политическій центръ Руси передвигается окончательно на сѣверо-востокъ, понижаются культура и работоспособность южно-русскаго племени, оставшагося въ значительной части на своемъ мѣстѣ, на Днѣпрѣ. Оно, несмотря на рядъ нашествій, все-таки пережило этотъ погромъ, сгруппировавшись въ болѣе тихихъ уголкахъ, частью отодвигаясь вверхъ по Днѣпру. Потомъ, съ ослабленіемъ внѣшней опасности, оно снова начинаетъ развиваться путемъ ассимиляціи съ другими племенами, пріѣхавшими сюда для поселенія, главнымъ образомъ съ запада (изъ Галицкой Руси, менѣе Кіевской пострадавшей отъ татаръ и рано уже тѣснимой племенемъ польскимъ). При измѣнившейся политической группировкѣ измѣнились и условія, а стало-быть, и результаты развитія русскаго племени на югѣ Россіи. Исторія показываетъ, что юж-

ная Русь, оторванная отъ сѣверо-восточной, въ разбираемую эпоху становится въ иныя культурныя отношенія къ сосѣдямъ, нежели стояла Кіевская Русь. Устанавливаются у нея болѣе тѣсныя отношенія съ Литовской Русью (средне-русское племя), такой же наслѣдницей Кіевской Руси, какъ и сѣверо-востокъ, и Польшей. Отношеніе южной Руси и къ сѣверно-западной—Галицкой—становятся также иными. Центръ на Волыни основанъ быть не могъ, несмотря на временное возвышеніе Галицкаго княжества, такъ какъ въ 60-хъ гг. XIV вѣка галицкая и волынская Русь фактически уже присоединены къ Польшѣ. Несомнѣнно, отношенія сосѣдскія и племенныя вели къ тому, что необходимо должны были выработаться иные культурные типы на югѣ Руси, нежели они выработались на сѣверо-востокѣ, гдѣ дѣйствовали свои, мѣстныя же, условія. Дѣйствительно, это южно-русское, теперь малорусское, племя своими отличительными чертами представляетъ при новомъ своемъ выступленіи въ исторіи нѣчто своеобразное. Такимъ образомъ, исторія южной Руси должна разниться отлично отъ исторіи сѣверо-восточной Руси: обѣ онѣ прожили рядъ вѣковъ въ совершенно различныхъ условіяхъ.

Изученіе этихъ условій дастъ намъ возможность получить правильное представленіе о малорусскомъ и бѣлорусскомъ племенахъ, сложившихся къ XVI вѣку уже въ опредѣленную форму. Такимъ образомъ, подходить къ вопросу о взаимоотношеніи между двумя литературами юго-западной и московской съ точки зрѣнія непосредственнаго преемства той или иной отъ Кіевской Руси не даютъ намъ права научныя данныя языка и другіе общественно-политическіе факты; обѣ онѣ, повторимъ, въ равной степени наслѣдницы Кіева, по различно использовавшія это наслѣдіе. Правильнѣе будетъ, поэтому, поставить вопросъ объ исторіи малорусской и бѣлорусской народности въ связи съ ея прошлымъ.

Смотря на этотъ вопросъ съ объективной точки зрѣнія, мы убѣ-ждаемся, что малорусское племя въ XVI вѣкѣ, какъ и другія племена представляетъ собою уже сложную картину развитія, основанную н взаимоотношеніи различныхъ элементовъ. Въ числѣ ихъ играетъ бол шую роль южно-русское племя Кіевскаго періода. Остатки послѣдня которые перенесли эпоху погрома и которые продолжали развиватьс сохранили оставшуюся отъ того времени свою литературу, свою н родность, языкъ. Этимъ объясняется то, что и въ малорусскомъ язы и поздней сравнительно малорусской литературѣ мы находимъ данны восходящія къ Кіевскому періоду. Но при всемъ томъ мы констат руемъ фактъ, что нѣкоторая часть элементовъ Кіевскаго періода ок залась сохраненной не малорусскимъ племенемъ, а великорусским

Это обстоятельство еще разъ доказываетъ ту связь, которая существовала между этими племенами. Причины утраты элементовъ Кіевскаго періода малорусскимъ племенемъ были слѣдующія: 1) подъ вліяніемъ переселенія на сѣверо-востокъ, борьбы со степью, населеніе южнаго края рѣдѣло, отрѣшалось отъ мирной жизни, а за этимъ слѣдовало и ослабленіе культурныхъ старыхъ элементовъ; 2) ослабленные т. о. остатки южно-русскаго племени Кіевскаго періода переживаютъ рядъ новыхъ измѣненій подъ вліяніемъ постороннихъ, позднѣе вошедшихъ въ жизнь элементовъ, которые исторически, политически и этически содѣйствовали видоизмѣненію основъ, носителями которыхъ продолжало быть южно-русское племя, но до полной утраты этихъ основъ дѣло не дошло. Эти причины находятъ оправданіе и въ исторіи литературы. Въ первое время татарщины мы замѣчаемъ уплотненіе населенія на Волыни, около Галича и на Буковинѣ и, повидимому, разрѣженіе въ области Приднѣпровья: извѣстія о Кіевщинѣ становятся рѣже, о Галичинѣ чаще. Въ позднѣйшее время (въ XV в. приблизительно) замѣчается малорусское племя опять около Днѣпра и далѣе на востокъ въ мѣстностяхъ нынѣшнихъ Черниговской и Полтавской губ. Въ XV и XVI вѣкахъ главнымъ центромъ являются мѣстности, лежащія по сю сторону Днѣпра (на востокъ отъ него). Въ Полтавской и Черниговской губерніи составъ населенія будетъ иной, чѣмъ въ областяхъ средняго Заднѣпровья: здѣсь, въ Черниговской, рядомъ съ южно-русскими присутствуютъ элементы западно-русскіе (бѣлоруссы); въ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ говорахъ настоящаго времени замѣчается, въ свою очередь, связь съ малорусскими говорами. Это показываетъ, что населеніе этихъ мѣстностей представляетъ также элементы стараго малорусскаго племени, оставившаго въ этомъ слѣдъ своего здѣсь пребыванія и смѣшенія съ предками теперешнихъ бѣлоруссовъ. Въ Полтавской губерніи, рядомъ съ остатками кіевскаго племени, мы видимъ такія особенности говоровъ, которыя объединяютъ этотъ говоръ съ говорами теперешнихъ жителей Галиціи и Буковины; здѣсь дѣло надо представлять приблизительно такъ: когда условія жизни въ Полтавщинѣ улучшились, населеніе двигается по направленію съ сѣвера на юго-востокъ, изъ-за Днѣпра и увлекаетъ съ собой и ту часть населенія, которая считала Галичъ и Волынь своей родиной, но ранѣе уже стала передвигаться въ Кіевское Приднѣпровье. Такимъ образомъ, получалось смѣшеніе старинныхъ говоровъ, южно-малорусскихъ и восточно-малорусскихъ, которое мы видимъ и въ настоящее время. Итакъ, малорусское племя въ своихъ діалектахъ представляетъ остатокъ кіевскаго племени, а частью населенія Галича и Волыни, а Кіевское племя (старое южное и часть средняго) связано съ бѣлорусскимъ частью

на почвѣ среднерусскаго стараго племени, частью въ силу позднѣйшихъ скрещеній. Такъ рисуется этнографическій составъ малорусскаго племени. Когда эти племена ассимилировались, то естественно должна была получиться форма, не тожественная съ формой племени старой Кіевской Руси. Этимъ измѣненіемъ созданіе малорусскаго племени не ограничилось. Въ созданіи принимаютъ участіе и другіе элементы. Мы констатируемъ связь въ языкѣ малорусскаго племени съ сосѣднимъ племенемъ, польскимъ. Правда, это вліяніе—результатъ культурныхъ воздѣйствій болѣе поздняго времени, нежели время образованія самого малорусскаго говора, и оно не было особенно глубоко, такъ какъ это былъ элементъ уже не близко родственный. Сюда относится появленіе особенностей въ словарѣ малорусскаго языка, какъ выраженіе вліянія иной культуры; оно сказалось въ рядѣ полонизмовъ, а въ области литературы—въ нѣкоторой общности сюжетовъ народной поэзіи и ея формъ, въ складѣ жизни, въ бытовыхъ особенностяхъ и т. п.. Объясненіе этого вліянія—въ исторіи малорусскаго края: малорусское племя, когда его связь со старымъ Кіевомъ становится все болѣе слабой, развивается подъ постепенно усиливающимся политическимъ вліяніемъ Польши. И дѣйствительно, если мы заглянемъ въ политическую исторію южной Руси послѣ татарскаго погрома, то увидимъ, что иначе и быть не могло.

Когда Кіевъ сталъ падать, роль его перешла на время XIII—XIV вѣковъ къ Галичу и Волыни, выдвигается сперва Владиміръ (Волынскій), а затѣмъ Львовъ. При наступленіи татарскаго погрома центръ государства уже оказался на сѣверо-востокѣ русскаго племени, гдѣ слагалась новая своеобразная великорусская народность, также на основѣ кіевской, но со своими особенностями (Суздаль, Москва). На югѣ въ это время важную роль получаетъ Литва (въ основѣ—среднерусская группа русскихъ племенъ Кіевскаго времени), раньше уже подвергавшаяся сильному вліянію Кіева, и затѣмъ Польша. Впослѣдствіи, когда происходятъ осложненія въ отношеніяхъ Польши, Литвы и сѣверо-восточной Руси, когда сказалось тяготѣніе Литвы къ востоку, снова пріобрѣтаетъ значеніе культурнаго центра Кіевъ; но это уж[е] былъ XVI—XVII вѣкъ. Оказалось, что среднерусское племя (кіевска[]го времени) исполнило свою культурную миссію въ XIV, XV и XV[I] вѣкахъ и на юго-западѣ Руси. Исторія княжествъ Полоцкаго и Смо[]ленскаго, центровъ средне-русскаго племени, намъ знакома по тѣм[ъ] поводамъ, когда князья этихъ княжествъ принимали участіе въ обще[]русскихъ событіяхъ. Когда же Кіевъ потерялъ значеніе, передъ нам[и] встаетъ новое готовое племя,—бѣлорусское, которое имѣло центръ въ Вильнѣ. Хотя тамъ и господствовало политически племя литовско[е]

(не славянское), но оно въ культурномъ отношеніи въ значительной степени ассимилировалось съ русскимъ—именно, съ бѣлорусскимъ. Культура Литовскаго княжества въ сущности была культурой русской, кіевской по происхожденію. Далѣе, въ XIV вѣкѣ, когда Литва, будучи тогда еще не христіанской, приняла православіе, то ясно сказалось, что здѣсь было сильно вліяніе русское, шедшее издавна съ юга. Поэтому первые памятники бѣлорусскаго нарѣчія стоятъ въ связи съ литературой кіевско-русской. Такимъ образомъ, къ XIV вѣку сложилась новая цѣлая культурная область, которая прежде не могла заявить о себѣ и стала заявлять только тогда, когда условія стали благопріятствовать этому. Это русское племя старалось принять на себя функціи Кіевской Руси; поэтому Литва вступила во враждебныя отношенія къ Москвѣ, претендовавшей (и болѣе успѣшно) на ту же роль: XIV и XV вѣка—вѣка борьбы Литвы и Московской Руси. Литва, какъ государство русское, унаслѣдовавшее также кіевскую традицію, предъявляла претензію на руководящую роль, которая раньше принадлежала Кіеву. Ольгердъ, Ягайло ставили своей цѣлью политическое освобожденіе Литвы отъ вліянія Москвы и обладаніе Кіевомъ. Они хотѣли привлечь къ себѣ тѣ русскія области, которыя неохотно подчинялись Москвѣ съ ея новыми политическими вкусами. Этимъ-то и объясняются сношенія Литвы съ Новгородомъ, Псковымъ, Тверью и пр. въ эпоху особенно интенсивнаго развитія объединительной политики Москвы, уже сознающей себя общерусскимъ центромъ и стремившейся фактически стать имъ.

Такимъ образомъ въ Литовско-русскомъ государствѣ мы имѣемъ передъ собой Русское государство, которое преслѣдовало тѣ же племенныя и государственныя задачи, унаслѣдованныя отъ Кіева; только исполненіе задачъ было иное, нежели въ Москвѣ. Обособленіе южной и западной Руси отъ Руси восточной измѣнило и отношенія къ сосѣдямъ: къ Москвѣ и Польшѣ. Исторія показываетъ, каковы были отношенія между Литвой и Польшей. Послѣдняя стремилась къ расширенію своихъ владѣній и къ захвату русскихъ областей. Это въ началѣ борьбы Польшѣ удается отчасти сдѣлать. Казимиръ IV захватилъ часть русскихъ областей, тянувшихъ къ Литовско-русскому государству: такъ, онъ занялъ Галичъ и Волынь. Однако Литовско-русское государство оказалось не такимъ слабымъ, какъ его представляли въ Польшѣ. Отношенія между Литвой и Польшей измѣняются. Польша, не будучи въ состояніи вполнѣ подчинить себѣ племена бѣлорусскія и малорусскія, перешла къ политической, персональной уніи, т.-е., произошло не завоеваніе, а политическое объединеніе, хоть и съ явнымъ преобладаніемъ Польши, какъ ядра объединеннаго Польско-литовскаго госу-

дарства. Однако Польша не оставляла своихъ исконныхъ задачъ: она стремилась къ созданію однороднаго по составу государства, стремясь подчинить себѣ южно- и западно-русскія области, если не прямо политически, то культурно и національно. Эти стремленія начали уже осуществляться съ XV вѣка и доходятъ до новаго времени. Все это не прошло безслѣдно въ исторіи малорусскаго и бѣлорусскаго племенъ: многое они усвоили изъ польской культуры. Только что намѣченныя отношенія и обусловливали до нѣкоторой степени этническую физіономію малорусскаго племени. Ими объясняются отношенія, съ которыми намъ придется считаться въ первой половинѣ XVII вѣка. Въ XVI и XVII вѣкахъ закончился процессъ въ исторіи сложенія малорусскаго племени, что затѣмъ обусловило все послѣдующее и установило опредѣленныя отношенія между великорусскимъ и малорусскимъ племенами.

Въ XVI вѣкѣ малорусское племя представляетъ, такимъ образомъ, уже сложившуюся опредѣленную этническую единицу, которая имѣла опредѣленныя отношенія къ сосѣдямъ—Польшѣ и Московскому государству. Разъ малорусское племя входило въ составъ Польши (которая хотѣла его ассимилировать себѣ), то становится яснымъ, въ чемъ выражались эти отношенія. Польша стремится подчинить себѣ русскія области въ отношеніи культуры, религіи и языка. Она начала борьбу на почвѣ религіозной и чисто народной; и дѣйствительно, съ конца XV вѣка, а затѣмъ въ теченіе XVI и XVII-го, мы видимъ борьбу въ объединенномъ Польско-русскомъ государствѣ, которая является борьбой національнаго и религіознаго характера; для малорусскаго племени (которое получаетъ преобладаніе надъ бѣлорусскимъ и беретъ на себя все выполненіе задачи) борьба эта выражается въ защитѣ своей національности и религіи. Характеръ этой борьбы очень важенъ и для общерусской литературы. Суть этой борьбы заключается въ слѣдующемъ: Польша, рано принявшая западное христіанство, и примыкаетъ къ западному христіанству; вмѣстѣ съ христіанствомъ въ Польшѣ получаютъ значеніе и элементы культуры западно-католической. Національна[я] борьба тамъ, гдѣ она возникала (ср. чехо-моравовъ, нѣмцевъ въ эпо[ху] Кирилла, позднѣе гуситство), еще въ средніе вѣка принимала ест[е]ственно характеръ религіозный. Такъ было и у насъ на Руси въ дв[и]женіяхъ XIV и XV вѣковъ, когда борьба, по смыслу широкообщ[е]ственная, выразилась прежде всего въ религіозныхъ отношеніяхъ, отл[и]лась въ форму борьбы чисто религіозной. Такъ было и въ Польшѣ, [в]ъ ея отношеніяхъ къ Литовской и южной Руси: разъ начиналась борьб[а] національная (а при задачахъ Польши государственныхъ она и был[а] таковой, хотя и не сознавалась отчетливо), то она должна была ск[а]затъся въ области религіозной, и, наоборотъ борьба религіозная ст[…]

новилась національной. Это тотчасъ обнаружилось въ борьбѣ между русскимъ православнымъ населеніемъ и католической Польшей, стремящейся ассимилировать себѣ сосѣднія области. Ассимиляцію эту нужно понимать такъ: если достигалось единство въ религіозномъ отношеніи, то скоро достигалось единство и въ этническомъ отношеніи и, наоборотъ: единство въ этническомъ отношеніи превращалось въ единство религіозное; при этомъ религіозное объединеніе стояло въ сознаніи впереди у поляковъ. Какъ только состоялась политическая унія между Польшей и Литовской Русью, первымъ условіемъ со стороны Польши было принятіе Ягелломъ католицизма, допущеніе пропаганды католичества между бѣлорусскимъ и малорусскимъ населеніемъ. Католическая религія фактически становилась господствующей, дававшей всѣ права государственныя, хотя теоретически признавались эти права и за православіемъ; вся послѣдующая борьба съ малорусскимъ и бѣлорусскимъ элементами рисуется для Польши въ видѣ борьбы господствующей католической церкви съ отщепенцами (диссидентами). Иначе, разумѣется, понимали свои права эти «диссиденты». Вотъ основная черта, характеризующая этотъ періодъ. Однихъ военныхъ, правительственно-административныхъ силъ (какъ и у насъ въ борьбѣ съ «жидовствующими») оказалась уже недостаточно: нужны иныя средства для борьбы—именно, средства культурныя. Польша послѣ тяжелыхъ для нея казацкихъ войнъ убѣдилась въ этомъ и начинаетъ примѣнять не грубую матеріальную силу, противъ которой русское населеніе съ успѣхомъ выдвигаетъ народъ и казачество, а научную полемику противъ православія и протестантизма, проникшаго уже съ Запада и пользовавшагося успѣхомъ среди и русскаго населенія и наиболѣе либеральной части польскаго. Въ Польшѣ возникаютъ іезуитскія школы. Значительная часть русской аристократіи путемъ польской школы постепенно культурно объединяется съ Польшей, а черезъ нее—и съ католичествомъ. Это было значительнымъ, хотя и временнымъ, успѣхомъ Польши въ ея борьбѣ съ русскимъ населеніемъ и косвенно съ Москвою, къ которой, какъ къ единовѣрной и единоплеменной и близкой по своему культурному прошлому, инстинктивно тянетъ русское населеніе ю.-з. Руси. Однако, борьба эта не достигла благопріятнаго для поляковъ результата. Черезъ самихъ католиковъ былъ указанъ и для русскихъ путь веденія борьбы, благопріятное время для нея Польшей было упущено; военная борьба не прошла безслѣдно для русскаго населенія: эта борьба вызвала русское возрожденіе также съ религіозно-національной краской. Возникаютъ и на ю.-з. Руси школы. Въ ю.-з. Руси отношеніе между знатью и народомъ было другое, чѣмъ въ Польшѣ: русская аристократія стояла къ нему ближе. Въ юго-западной Руси на-

чинаютъ все живѣе чувствовать свою связь съ единовѣрной массой и съ единовѣрной Москвой. И Москва понимаетъ это и старается эксплуатировать это чувство въ свою пользу. Иваны III и IV убѣжденно считаютъ себя наслѣдниками Кіева, какъ преемники власти Кіевскихъ князей, стремятся къ возсоединенію всѣхъ элементовъ, отторгнутыхъ когда-то отъ остальной (т.-е. сѣверо-восточной) Руси. Связь Литвы и Малой Руси съ Москвой становится все тѣснѣе. Это сознаніе оказываетъ услугу для поддержанія національнаго самосознанія и на юго-западѣ. Такимъ образомъ, на этой почвѣ, религіозной и національной, создаются главныя отношенія между южной Русью, Литвой, борющимися за свою національность и православную культуру, и Польшей и Московской Русью.

Національно-религіозная борьба. Культурная борьба противъ чуждой народности, чуждой исторически религіи создала своеобразную культуру въ южной Руси. Юго-западная Русь по своему географическому положенію и отношеніямъ къ Польшѣ быстрѣе увлекается элементами Запада, чѣмъ Русь восточная. Этимъ и объясняется, почему южная Русь является передаточнымъ пунктомъ между Западомъ и Русью Московскою. Западно-русская среда, какъ близко родственная, была удобна для переработки западныхъ вліяній примѣнительно къ потребностямъ жизни восточной Руси, такъ какъ она сама дѣлала шагъ впередъ сравнительно съ этой Русью.

Несомнѣнно, борьба религіозно-національная съ народностью, выше ея стоящей въ развитіи, давала южной Руси культурное преимущество передъ сѣверо-востокомъ, имѣвшимъ дѣло преимущественно съ инородцами востока, и большее сравнительно съ нимъ національное самосознаніе. Русская народность въ значительной степени сохранила на юго-западѣ свою самобытность въ своихъ основахъ, національный же характеръ борьбы заставилъ быть чуткими и въ усвоеніи чужой культуры. Въ XVI-омъ вѣкѣ создается, такимъ образомъ, здѣсь культура подобная западно-европейской, но ассимилированная на почвѣ не католическій, а православной. Это подтверждается фактами: въ религіозномъ отношеніи въ XV-омъ вѣкѣ единство русскаго народа было нарушено: Литовская Русь по политическимъ мотивамъ добивается раздѣленія русской митрополіи, отдѣльной митрополіи для Кіева и всего юго-запада. Церковная независимость отъ Москвы давала возможность Литвѣ сохранить болѣе тѣсную связь, нежели то было въ Москвѣ, съ Константинопольскимъ патріархомъ, опираться на авторитетъ и помощь котораго въ виду аггресивной политики католической Польши было дѣломъ для православной юго-западной Руси необходимымъ, тогда какъ Москва все болѣе и болѣе освобождается отъ этой связи и за-

висимости. Патріархъ цареградскій соглашался на отдѣленіе литовско-русской церкви отъ обще-русской (Московской) подъ условіемъ сохраненія подчиненія литовско-русской церкви ему непосредственно и сохраненія связи съ нимъ. На этой почвѣ поддерживается и византійское вліяніе на юго-западѣ, когда-то легшее въ основу русской культуры. Если сѣверо-восточная Русь освобождается отъ зависимости отъ Константинопольскаго патріарха, то южная Русь въ своей борьбѣ съ Польшей сама ищетъ поддержки въ Константинополѣ. Патріархъ въ государственномъ смыслѣ независимъ отъ Польши, но сохраняетъ въ ней свои права и власть, какъ глава русской церкви—положеніе выгодное. Этимъ и объясняется, почему въ Московской Руси, при вступленіи ея вновь въ связь съ южной Русью, начинается опять приливъ византійскаго вліянія: теперь сношенія грековъ съ Москвой становятся легче опять-таки черезъ южную Русь. Съ этимъ обстоятельствомъ намъ и придется имѣть дѣло при обозрѣваніи литературы второй половины XVII вѣка. Такимъ образомъ исторія юго-западной Руси пріобрѣтаетъ не маловажное значеніе и для сѣверо-востока, и съ нимъ и для всего русскаго племени. Поэтому, ознакомленіе съ тѣмъ, что происходило въ литературѣ юго-западной Руси въ XVI-омъ и XVII-омъ вѣкахъ необходимо для пониманія всей русской литературы этого времени.

Гуситство и протестантизмъ. Въ культурно-религіозной борьбѣ, начавшейся въ Польско-литовско-русскомъ государствѣ, важно предварительно отмѣтить для пониманія литературнаго движенія еще нѣкоторые элементы сверхъ указанныхъ.

Однимъ изъ важныхъ по своимъ послѣдствіямъ факторовъ этой религіозной и національной борьбы были отзвуки религіознаго движенія, развившагося на Западѣ въ связи съ гуситствомъ и протестантизмомъ. Протестующіе противъ католицизма на Западѣ «Чешскіе братья» появляются и въ Польско-литовскомъ государствѣ [1]). Эти протестанты, потомки гуситовъ,представители реформаціи разныхъ толковъ, по положенію относительно католиковъ, сближаются, естественно, съ домашними протестантами, т.-е. тѣми русскими православными, которые защищали свое православіе и вмѣстѣ съ нимъ и политическую и національную свободу: ихъ сближаетъ общій врагъ—католицизмъ, и общая тенденція борьбы—національный ея характеръ. Какъ и въ Литовской Руси, и на Западѣ религіозная борьба гуситовъ, требовавшихъ реформы католицизма, рѣшившихся на отдѣленіе отъ Рима въ случаѣ неудачи, борьба религіозная, тѣсно слилась съ національной—борьбой чешской

[1]) Къ числу ихъ принадлежалъ, если припомнимъ, и тотъ Я. Рокита, противъ котораго полемизировалъ Іоаннъ Грозный, когда Рокита пришелъ въ Москву искать покровительства и прибѣжища себѣ и своимъ единовѣрцамъ.

народности съ нѣмецкой. Правда, прямого союза между православными и пришлымъ протестантскимъ элементомъ въ западной Руси мы не замѣчаемъ; однако, съ косвеннымъ вліяніемъ этого элемента на почвѣ борьбы православнаго русскаго общества мы должны все-таки считаться. Можно поднимать вопросъ о вліяніи протестантовъ того или другого направленія (напр., антитринитаріевъ, представители которыхъ замѣтны были и въ средѣ русской и польской аристократіи того времени); но эта сторона вопроса чисто религіозная, и мѣсто ея—въ исторіи религіозной мысли; для насъ, изучающихъ исторію литературы XVI—XVII в. на юго-западѣ, важнаго значенія не имѣетъ въ данномъ случаѣ эта сторона: изъ борьбы между католицизмомъ и западными протестантами православная часть населенія извлекла отчасти методы борьбы, познакомилась съ тѣми средствами, которыя примѣнялись въ этой борьбѣ протестантами, отчасти нашла подтвержденіе своимъ взглядамъ, слагавшимся невольно, какъ результатъ этой борьбы. Принципомъ, объединившимъ русскихъ и пришлые элементы, былъ принципъ національный; національныя идеи для тѣхъ и другихъ тѣсно сливаются съ идеями религіозными. Это мы еще видѣли въ самомъ гуситствѣ. Эти чуткость и вниманіе къ своему національному имѣли своимъ послѣдствіемъ заботу о популяризаціи своихъ религіозныхъ воззрѣній, ознакомленіе народныхъ массъ съ источниками вѣроученія непосредственно; а для этого необходимо было приблизиться къ міросозерцанію массъ, къ ихъ рѣчи, чтобы быть имъ понятными, доступными. Эти взгляды и внимательное отношеніе къ народу и народности перенесены были западными протестантами въ Польшу и на Русь, гдѣ для ихъ воспріятія отчасти была уже подготовлена почва мѣстными условіями. Православные близко стали къ нимъ въ отношеніи формулировки своихъ требованій. Они требуютъ такъ же, какъ гуситы, свободны вѣры, самостоятельности для русскаго духовенства, невмѣшательства польскаго правительства и католическаго духовенства въ ихъ церковную и частную жизнь, общедоступности св. писанія и пр.. Все это, какъ мы видимъ, имѣло мѣсто и въ гуситствѣ, которое, такимъ образомъ, дало образчикъ и православнымъ, поддержавъ ихъ и національныя и религіозныя стремленія.

Братства. Во время борьбы русскіе приходятъ къ мысли использовать въ интересахъ православія и народности тѣ демократическія учрежденія, которыя были здѣсь на лицо, использовать общинное городское устройство западной Руси. Мысль эта привела къ образованію на Руси «братствъ».

Первоначальной цѣлью этихъ братствъ представлялось лишь самосохраненіе, огражденіе церкви и прихожанъ отъ притѣсненій католичества. Она выразилась прежде всего въ поддержаніи внѣшняго благо-

лѣпія храмовъ, установленіи регулярнаго богослуженія, стремленіи имѣть все необходимое для матеріальнаго обезпеченія духовенства. Вся эта организація была вызвана теченіемъ самой жизни: католическое правительство чинило всевозможныя препятствія православной церкви, запрещало строить новые храмы и даже ремонтировать старые; польскіе паны, дѣйствовавшіе по указаніямъ своего правительства, всячески притѣсняли своихъ холоповъ и производили давленіе главнымъ образомъ на православныхъ священниковъ, считая себя господами и церкви, выстроенной на ихъ землѣ. Своего презрѣнія къ православной церкви католики не скрывали, указывая на бѣдность православныхъ церквей, сравнительно съ поддерживаемыми правительствомъ костелами, низость уровня образованія православнаго духовенства, сравнительно съ католическимъ; выставляли требованія, якобы въ интересахъ культуры, чтобы православное духовенство имѣло опредѣленный цензъ; въ общемъ отдавали предпочтенія католику передъ православнымъ при занятіи должности и т. д. Для устраненія этого гнета и были образованы церковныя братства, использовавшія для этого цеховое устройство ремесленныхъ классовъ. Задача ихъ скоро стала расширяться, результатъ этихъ организацій сказался скоро: матеріальному гнету противопоставленъ былъ коллективный капиталъ съ опредѣленнымъ назначеніемъ, произволу— законная коллективная защита интересовъ церкви. Братства содержатъ духовенство, даютъ возможность прилично обставлять богослуженіе, снабжая церковь необходимымъ, ведутъ, какъ законно организованная, юридически полноправная община, процессы противъ захватовъ и насилій со стороны католиковъ, помогаютъ духовенству получать лучшее образованіе, обучаютъ дѣтей и прихожанъ пѣнію, образуютъ церковные хоры и т. д. Въ результатѣ борьба ведется средствами уже болѣе культурными. Католицизмъ и польское правительство, видя, что силой они ничего не могутъ добыть, должны измѣнить средства борьбы. Но все-таки еще пробуютъ старыя средства—прямыхъ репрессій. Но на принимаемые польскимъ правительствомъ походы противъ православной ерквн и ея сторонниковъ въ краѣ отвѣчаетъ бунтами православное качество; вѣка XVI-й, XVII-й отмѣчаются, какъ вѣкъ казачьихъ войнъ отивъ Польши. Вмѣсто военной силы и походовъ польское правильство теперь выставляетъ еще новыя силы, чисто культурныя. Веніе этого дѣла беретъ на себя знаменитый орденъ іезуитовъ, появлее которыхъ было вызвано самими обстоятельствами жизни въ Польшѣ. рденъ считалъ возможнымъ примѣнять всѣ средства, лишь бы только ни оправдывали цѣль. Въ XVI вѣкѣ іезуитскій орденъ только еще налъ развиваться, почему и проявлялъ такую изумительную силу и нергію. Орденъ первое время имѣлъ своей задачей культурное воз-

дѣйствіе въ духѣ католицизма въ Германіи, охваченной реформаціоннымъ движеніемъ. Отсюда стремленія іезуитовъ направились въ Польшу и Литву, гдѣ появился, какъ мы видѣли, протестантизмъ разныхъ направленій. Начавши съ преслѣдованія протестантовъ, іезуиты расширили свои операціи, пошли и противъ православныхъ, также враговъ католицизма, помогая, такимъ образомъ, и правительству въ его стремленіяхъ.

Іезуиты пускаютъ въ ходъ свои научныя средства борьбы, средства, выработанныя западной схоластикой и испытанныя уже на дѣлѣ. Какъ ловкіе діалектики, они имѣли громадное преимущество передъ русскими защитниками вѣры, далеко отставшими отъ нихъ въ познаніяхъ и умѣніи вести полемику, воспитанными на устарѣлой уже схоластикѣ византійской. Но и эти средства, казалось бы, сильныя, не достигали желаемой цѣли. Православные, сообразивъ невыгоду своего положенія, не принимали вызова и избѣгали споровъ, не доводя дѣло до открытаго диспута. Тогда іезуиты дѣлаютъ новый шагъ. Они пробуютъ поднять культурный уровень, какъ среди католиковъ, такъ и среди православныхъ, естественно, подчиняя послѣднихъ католической культурѣ и превращая ихъ въ концѣ концовъ въ католиковъ. Съ этой стороны школа представляетъ для нихъ могущественное средство. Желая быть образованными людьми, чтобы пользоваться правами, одинаковыми съ католиками, многіе изъ литовскихъ и южно-русскихъ гражданъ учатся поневолѣ въ иноземныхъ и иновѣрныхъ школахъ, въ томъ числѣ и школахъ іезуитскихъ, такъ какъ своихъ въ ихъ распоряженіи еще не было. Тѣ русскіе, которые желали бы руководить борьбой или играть въ ней видную роль, естественно, чувствовали при такихъ обстоятельствахъ потребность въ образованіи не низшемъ, а такомъ же, какъ ихъ противники. Имъ приходилось или ѣхать на Западъ, что не всѣмъ было возможно, или итти въ католическую школу, руководимую іезуитами. Въ результатѣ получалось то, что многіе русскіе люди по окончаніи образованія порывали связь со своимъ прошлымъ и становились сторонниками католическаго направленія. Подобные прозелиты, которымъ къ тому же давались преимущества, которыхъ поощряли, становились еще болѣе энергичными въ борьбѣ съ православіемъ, чѣмъ сами іезуиты. Но эта не этичная политика была на дѣлѣ еще зловреднѣе; такъ, въ XVI вѣкѣ мы замѣчаемъ такое явленіе: одинъ княжескій родъ дѣлился на нѣсколько группъ: консервативную часть, оставшуюся въ православіи, и другую часть, ищущихъ спасенія въ сектантскихъ увлеченіяхъ протестантизма, третья группа становилась католической, т.-е. въ семьѣ вносился въ самую ея интимную сторону острый расколъ. Такъ, было, напр., въ извѣстномъ родѣ Радзивилловъ, одни члены были протестантами, другіе—католиками, третьи—православными.

Школа. Образовавшіяся ранѣе и успѣшно уже обслуживавшія матеріальные интересы русскаго общества русскія братства, поставившія сначала своей задачей добываніе средствъ для поддержанія церкви, теперь увидали, что этого недостаточно. Русское духовенство не было въ состояніи устоять противъ польской культуры. Это обстоятельство неминуемо должно было натолкнуть на мысль о поднятіи уровня образованія и въ средѣ русскаго духовенства, дабы дать ему средства для активной борьбы уже въ другой области. Пока братства заботились только о матеріальныхъ средствахъ, дѣло клонилось къ упадку; вскорѣ оказалось, что часть имѣвшихся церквей не могла уже обслуживаться соотвѣтствующимъ образомъ за недостаткомъ духовенства, которое могло бы по культурности подняться до уровня католическаго прелата; а этого требовали и обстоятельства, и правительство (послѣднее, видя въ этомъ требованіи еще шансъ въ борьбѣ, плохо подготовленнаго священника не допускало, якобы въ интересахъ достоинства самой церкви). Православная церковь стала похожа на обездоленную падчерицу. Братства, чувствуя это, дѣлаютъ новый шагъ: заботятся теперь не только объ экономической сторонѣ, но рѣшаютъ обратить вниманіе и на сторону культурную въ своей дѣятельности. Въ этомъ стремленіи братствамъ оказали значительную моральную и активную поддержку константинопольскій патріархъ и Московская Русь, оба одинаково заинтересованные въ поддержкѣ православія въ юго-западной Руси. На этой почвѣ происходитъ попытка договора между двумя половинами русскаго племени—восточной и западной. Братства, придя къ мысли поднять, или лучше сказать, создать новую православную культуру, обращаются за помощью къ правительству Московской Руси. Послѣднее въ дѣлѣ принимаетъ горячее участіе, такъ какъ думаетъ использовать это въ интересахъ своей программы на пути къ присоединенію Литвы и южной Руси къ Москвѣ. Константинопольскій патріархъ не менѣе Москвы былъ заинтересованъ въ этомъ дѣлѣ, потому что Московская Русь уже фактически отдѣлилась отъ него: надо было спасать оставшееся. Чтобы понять роль византійскаго патріарха, какъ лица не только съ религіозной точки зрѣнія, но и съ матеріальной стороны заинтересованнаго въ этомъ дѣлѣ, нужно сдѣлать маленькое отступленіе. Процессъ развитія нашихъ отношеній къ византійскому патріарху въ московскій періодъ представляетъ процессъ постепеннаго освобожденія русской церкви отъ зависимости, отъ Византіи. По мѣрѣ того, какъ Московская Русь начинаетъ жить собственной жизнью, она все болѣе и болѣе начинаетъ чувствовать свою самостоятельность, какъ въ политическомъ, такъ и въ церковномъ отношеніяхъ. Отдѣленіе русской митрополіи идетъ быстро потому еще, что ему способствуетъ поло-

женіе самого константинопольскаго патріарха. Въ разсматриваемое время (XIV—XV в.) константинопольскій патріархъ и сама Византія начинаютъ замѣтно клониться къ упадку. Ослабленіе силъ Византіи отразилось и на ослабленіи вліянія патріарха. За Русью идутъ въ смыслѣ отдѣленія отъ константинопольскаго патріарха Болгарія, Сербія и другія государства Балканскаго полуострова. Въ XV вѣкѣ стремленія Византіи по отношенію къ Руси, сводятся къ тому, чтобы поддержать дольше хотя бы видимое главенство, которое было важно для Византіи, оскудѣвающей и въ матеріальномъ отношеніи. Когда со стороны Руси былъ сдѣланъ рѣшительный шагъ къ отдѣленію, византійскій патріархъ не могъ вернуть ее къ старому парядку вещей. Шагъ этотъ былъ подсказанъ нашей политической жизнью. Русская территорія распадалась въ XIV в. на двѣ части, сѣверо-восточную, и юго-западную, долгое время находившіяся другъ съ другомъ въ остромъ антагонизмѣ на почвѣ литовско-московскихъ отношеній XIV—XV вв.. Политическое раздѣленіе русскаго племени повело неминуемо и къ раздѣленію митрополіи въ XIV в., ставшему фактомъ въ XV вѣкѣ. Константинопольскій патріархъ не могъ противостоять начавшемуся раздѣленію и находился въ крайне щекотливомъ положеніи. Для него ясна была опасность лишиться русской митрополіи, но ясна была невозможность и предотвратить это раздѣленіе, и онъ рѣшаетъ вести двойную игру. Онъ назначаетъ митрополита (съ титуломъ Кіевскаго и всея Руси) то въ Литву, то въ Москву. Но игра эта не могла привести къ хорошимъ результатамъ. Литовская Русь рѣшила во что бы то ни стало, покончить съ этимъ вопросомъ. Ольгердъ литовскій входитъ въ стачку съ Казиміромъ польскимъ и, подъ угрозой выбрать себѣ католическаго митрополита, убѣждаетъ константинопольскаго патріарха назначить въ Литву особаго митрополита, не обращая вниманія на главенство Московской Руси въ церковномъ отношеніи. Но Польско-Литовское государство нарушило свои обѣщанія, обязавшись при этомъ вполнѣ сохранить свободу вѣроисповѣданія, не притѣснять православныхъ русскихъ. Теперь Польша и Литва окончательно стараются окатоличить и ополячить мѣстное населеніе. Была уже объявлена Брестская унія, т.-е. подчиненіе края въ духовномъ отношеніи Риму, стало быть, католицизму. Такимъ образомъ опасность была близка. Константинопольскій патріархъ не могъ не замѣтить ея; поэтому онъ и заявляетъ себя энергично союзникомъ «братствъ», считая себя, совершенно основательно, главой юго-западной русской церкви; но въ то же время, какъ живущій въ Константинополѣ, онъ не досягаемъ для давленія католической Польши и умѣетъ, такимъ образомъ, использовать свое положеніе въ интересахъ сохраненія за собой вліянія и власти въ юго-западной Руси. Онъ даже

предпринимаетъ путешествіе на мѣсто открытія братства во Львовъ. Это братство было первымъ научно-общественнымъ въ юго-западной Руси. Основаніе ему положено было самимъ патріархомъ Іереміей. Мало того, патріархъ высказываетъ гласно желаніе, чтобы программа школъ, открываемыхъ братствами, соотвѣтствовала цѣлямъ; онъ указываетъ путь, идя которымъ можно было бы соперничать съ католическими школами—путь усвоенія западной науки, но переведенной, такъ сказать, на «православный языкъ»; основы науки тѣ же, но онѣ должны быть очищены отъ специфически католической тенденціи, а если тенденція необходима, то должна быть противокатолической, православной. Подобно братству, открытому во Львовѣ (1591), открываются братства со школами и въ другихъ городахъ: Кіевѣ, Острогѣ, Вильнѣ, Владимирѣ-Волынскомъ, Луцкѣ и пр.. Братства начинаютъ теперь энергично заботиться объ образованіи духовенства, о воспитаніи молодыхъ людей въ строго православномъ духѣ. Этимъ достигалась и та цѣль, что лица, получавшія образованіе, лишались повода отказаться отъ участія въ борьбѣ. Этимъ дѣятельность братствъ не могла ограничиться; они становятся не только центрами культуры вообще, но и литературы. Изъ этой-то дѣятельности братствъ и нарождается та юго-западная полемическая и церковно-свѣтская литература, которая сослужила великую службу для національнаго дѣла на юго-западѣ, а также и для Московской Руси.

Второй путь, поддерживавшій юго-западную Русь въ ея тяжелой борьбѣ,—содѣйствіе Московскаго правительства, а также притокъ на западъ Руси дѣятелей съ востока Руси. Исходною точкою правительства было желаніе политическаго объединенія. И дѣйствительно, несмотря на отрицательное отношеніе къ Литовской Руси, какъ правительственной организаціи, Московское правительство старается привлечь ея населеніе на свою сторону, удовлетворяя его нужды, поскольку онѣ касались духовной культуры. Мы знаемъ нѣсколько случаевъ, когда Московское правительство снабжало Литву и деньгами и книгами. Все это показываетъ, что именно на культурной почвѣ и подготовлялось то воссоединеніе, которое совершилось въ значительной своей долѣ во второй половинѣ XVII вѣка.

Такимъ образомъ, мы замѣчаемъ, что въ литературѣ западной Руси образовалось два направленія: усиленное теченіе византійское (можетъ быть, отчасти, юго-славянское) и теченіе московское. Оба они обнимались третьимъ, которому они служили,—западнымъ, національно-православнымъ. Таковы внѣшнія условія, при которыхъ развивалась юго-западная русская литература [1]).

[1]) Болѣе подробное изложеніе исторіи этихъ условій и связанной съ ними литературы см. у М. Грушевскаго: „Культурно-національний рухъ на Україні

XII. Литературное движеніе XVI—XVII вв. Въ чемъ выразилось развитіе его въ XVI—XVII вв.?

Прежде всего мы видимъ, что эта литература имѣла характеръ полемическій (что естественно вытекаетъ изъ условій ея возникновенія) и принимала постепенно характеръ народный. Кромѣ того, эта литература носила на себѣ религіозный характеръ восточной литературы, частью литературы Кіевскаго періода, частью Московскаго. На ряду съ восточнымъ характеромъ эта литература не чужда и западнаго, такъ какъ она должна была противодѣйствовать западному же по характеру движенію противъ него—католическо-польскому. Несомнѣнно, замѣтно также, что въ юго-западной Руси XVI—XVII вв. довольно сильно была развита литература, выросшая подъ вліяніемъ Запада и въ меньшей степени литература восточная византійско-московская. Если мы примемъ это во вниманіе, то намъ станутъ понятны памятники этого времени. Въ нихъ мы увидимъ выраженіе то той, то другой черты.

Св. писаніе на народномъ языкѣ. Въ концѣ XV вѣка, когда Московская Русь о народности еще не имѣла понятія, замѣняя ее идеей государственной, въ юго-западной литературѣ мы видимъ уже націоналистическое направленіе. Мы видимъ такіе факты, какъ новые переводы священнаго писанія, сдѣланные не на церковно-славянскій языкъ, а на простонародную живую русскую рѣчь. Появились бѣлорусскіе и западно-русскіе переводы Псалтири, переводы, сдѣланные не для церковнаго употребленія, а очевидно для другихъ цѣлей. Для церкви переводы на простой, народный языкъ, очевидно, не были необходимостью. Сама церковь, какъ прежде, такъ и теперь не рѣшалась замѣнить традиціонный церковно-славянскій языкъ русскимъ языкомъ, не имѣющимъ въ глазахъ молящихся такого важнаго священнаго характера, какъ языкъ церковно-славянскій. Переводы эти явились явно подъ вліяніемъ лицъ, уже почувствовавшихъ роль родного языка въ дѣлѣ пониманія и усвоенія вѣры, можетъ быть, натолкнутыхъ на эту мысль выходцами съ Запада—протестантами. Такимъ образомъ, въ переводѣ Псалтири мы видимъ памятникъ, который явился выраженіемъ націоналистическихъ стремленій, уже присутствовавшихъ естественно въ сознаніи западно-русскаго населенія [1]).

Другіе памятники [2]) этого времени отмѣчены тѣмъ же характеромъ

XVI—XVII віці" (Кіевъ, 1912). Изданіе популярно по изложенію, богато иллюстрировано.

[1]) Подробнѣе: Е. Ѳ. Карскій. Западно-русскіе переводы Псалтири. Варшава 1896, главн. обр. стр. 1—19.

[2]) О нихъ см. П. В. Владимировъ. Францискъ Скорина (Спб. 1888), въ частности, стр. 200—219 (гл. 4).

Такія же черты мы встрѣчаемъ въ оригинальныхъ памятникахъ, которые вышли изъ среды православныхъ братствъ во второй половинѣ XVI вѣка, изъ кружка Острожскаго, князя Курбскаго, старца Артемія и другихъ дѣятелей того времени.

Въ тѣхъ же цѣляхъ національно-религіозныхъ и въ южной Руси предпринимаются и другіе переводы священнаго писанія на народный живой языкъ, кромѣ указаннаго выше западно-русскаго перевода Псалтыри, нашедшаго себѣ распространеніе и на югѣ. Такъ, на югѣ Руси въ это время появляется рядъ переводовъ простыхъ евангелій, евангелій толковыхъ, отдѣльныхъ библейскихъ книгъ (напримѣръ, Пѣсни пѣсней). Переводы эти, правда, не могутъ считаться цѣликомъ памятниками рѣчи того времени, но они все-таки давали возможность плохо уже понимающимъ церковно-славянскій языкъ понимать содержаніе книгъ священнаго писанія. Появившійся, напримѣръ, въ это время переводъ Евангелія, сохраненный Пересопницкою рукописью (теперь въ Полтавской духовной семинаріи) отличается обиліемъ живыхъ народныхъ элементовъ, замѣною старыхъ формъ новыми, живыми. Это Евангеліе даетъ возможность судить и о томъ, чѣмъ была русская рѣчь на юго-западѣ Руси въ то время [1]).

Въ памятникахъ этого времени мы видимъ, что малорусскій элементъ въ XVI вѣкѣ уже рѣзко выраженъ въ литературѣ. Кромѣ того, эта рѣчь характеризуется и съ другой стороны: въ ней мы видимъ вліяніе польской рѣчи, вліяніе, сказывающееся, главнымъ образомъ, въ словарномъ отношеніи, рѣже въ формахъ. Другіе памятники были болѣе консервативны, менѣе годились для живой рѣчи. На основаніи этихъ памятниковъ мы получаемъ факты, сходные съ тѣми, съ которыми имѣемъ дѣло въ сѣверо-восточной литературѣ.

Мы присутствуемъ въ XVI в., изучая юго-западную литературу, при фактѣ огромной важности: начинаетъ образовываться новый литературный языкъ, какъ живой. На сѣверо-востокѣ мы долго такого языка не замѣчаемъ. Причиной этому служатъ многія условія исторіи края, отличныя отъ юга. Литература юго-зап. Руси дѣлится такимъ образомъ на двѣ группы, изъ которыхъ одна тяготѣла къ сѣверо-востоку, стало-быть была болѣе консервативна, другая же была болѣе либеральна—стремилась оживить старый литературный языкъ.

Такіе дѣятели, какъ князья Курбскій, Острожскіе и другіе, вполнѣ

[1]) О немъ есть и спеціальная литература; таковы статьи А. С. Грузинскаго: Пересопницкое ев., какъ памятникъ искусства эпохи Возрожденія въ южной Россіи въ XVI вѣкѣ (Кіевъ 1911), Критич. и палеографич. замѣтки о Пересопн. рукописей (Ж. М. Н. П. 1911); П. И. Житецкаго. Пересопницкое еванг. (Труды V Кіев. Археол. Съѣзда); здѣсь рядъ текстовъ изъ Евангелія.

сознательно относились къ вопросу о литературномъ языкѣ. Они указывали на связь между языкомъ памятника и его значеніемъ, степенью его распространенія въ публикѣ. Сами они пишутъ и издаютъ книги на двухъ языкахъ: на церковно-славянскомъ—книги духовныя, для церковнаго употребленія, на народномъ живомъ языкѣ тѣ же книги духовныя, а также и памятники другого рода, но уже для распространенія въ массахъ. Острожскіе, кромѣ того, прямо допускаютъ рядъ памятниковъ на языкѣ польскомъ для группы русскихъ, для которой польскій языкъ былъ наиболѣе понятнымъ и привычнымъ въ обиходѣ въ силу ихъ образованія, среды, положенія (главнымъ образомъ въ русскихъ аристократическихъ кругахъ). Теперь въ юго-западной Руси литература впервые становится органомъ въ общественной жизни, получаетъ общественное значеніе. Такая практическая сторона литературы повліяла и на ея содержаніе.

Въ ней намѣчается два направленія: одни произведенія касаются по преимуществу злобы дня, другое направленіе выразилось въ созданіи фундамента, на которомъ прочнѣе могла себя чувствовать русская народность. Первое направленіе—литература боевая должна была, естественно, скорѣе и глубже проникнуться западнымъ вліяніемъ въ борьбѣ съ польской западной же культурой: потому же она и несла въ себѣ въ большей степени и элементъ народный. На сколько въ этой вѣтви литературы замѣтно это стремленіе, видно изъ тѣхъ памятниковъ, которые появились въ это время. Такъ, кіевскій Патерикъ въ началѣ XVII вѣка получилъ новую редакцію, заключавшуюся не въ измѣненіи содержанія, а въ переработкѣ, въ примѣненіи къ потребностямъ даннаго времени. Онъ передѣлывается на русскій и польскій языки. То же случилось и съ Учительнымъ Евангеліемъ. Старый текстъ Учительнаго Евангелія, состоявшій въ истолкованіи дневныхъ евангелій, подвергается переработкѣ со стороны языка и содержанія. Сюда же включаются такъ называемые «приклады»—увѣщанія, наставленія. Далѣе слѣдуетъ рядъ уже прямо полемическихъ произведеній юго-западной литературы, именно, произведенія ученыхъ юго-западныхъ школъ, во главѣ которыхъ стала школа кіевская.

Лит. полемическая. Эта полемико-богословская литература по формѣ и по назначенію распадается въ свою очередь на двѣ большія группы: съ одной стороны стоятъ богословскіе научные трактаты, большею частью направленные противъ подобныхъ же трактатовъ католическаго ученаго духовенства, съ другой—живая проповѣдь, построенная по правиламъ уже западной риторики, назначавшаяся вмѣстѣ съ популярной литературой для широкихъ массъ православнаго населенія. Въ первой группѣ къ числу наиболѣе крупныхъ по своимъ научнымъ до

стоинствамъ должна быть отнесена, напр., «Палинодія» Захарія Копыстенскаго (ок. 1620 г.) [1]), направленная противъ іезуита Крезвы, стремившагося исторически оправдать Брестскую унію: это— одинъ изъ лучшихъ трактатовъ въ защиту православія и противъ уніи за это время. Захаріи же принадлежитъ «Книга о вѣрѣ», также имѣющая полемическое назначеніе—противъ протестантовъ. Рядомъ съ Захаріей долженъ быть поставленъ неизвѣстный (скрывшій свое имя подъ псевдонимомъ Христофора Филалета) авторъ «Апокрисиса, альбо отповѣди на книжки о соборѣ Берестейскомъ» [2]): здѣсь авторъ полемизируетъ удачно не только противъ яраго защитника уніи знаменитаго Петра Скарги, книга котораго «Соборъ Берестейскій и оборона Берестейскаго собора» и имѣется главнымъ образомъ въ виду авторомъ «Апокрисиса» (1597), но также и противъ католичества и папства вообще. Къ нимъ примыкаетъ и Мелетій Смотрицкій въ первой половинѣ своей дѣятельности (во второй онъ уже—уніатъ), энергично полемизировавшій и защищавшій права православнаго русскаго населенія на юго-западѣ. Сюда же, наконецъ, надо отнести еще довольно рано, до Берестейскаго собора, составленное анонимное посланіе противъ поляковъ-католиковъ [3]). Во второй группѣ проповѣдниковъ, воспринявшихъ западныя основы въ своей проповѣди и примѣнившихъ ихъ къ своей дѣятельности, надо назвать Іоанникія Галятовскаго [4]), сочетавшаго и богословскій и свѣтскій элементы въ своемъ «Ключѣ разумѣнія», придавшаго жизненный интересъ проповѣди (1665), и упомянутыхъ выше Смотрицкаго, Захарію Копыстенскаго и др.; имъ пришлось сыграть видную роль въ исторіи русской проповѣди. Указанные примѣры ясно показываютъ, какъ быстро на югѣ и западѣ Россіи овладѣли западной наукой, на сколько живымъ движеніемъ и литературной производительностью отличалась эпоха конца XVI и первой половины XVII в. Вся эта дѣятельность объединена одной идеей: защиты православія, а вмѣстѣ съ нимъ и національности. Въ этомъ отношеніи этой вѣтви юго-западной литературы принадлежитъ безспорная заслуга.

Проповѣдь. Другая вѣтвь въ литературѣ, дополняя первую, поддерживала старинныя основы церковно-славянскаго языка и старую

---

[1]) Цѣликомъ напечатана въ „Русской историч. библіотекѣ“ (т. IV, Спб. 1878).

[2]) Напечатанъ тамъ же, т. VII.

[3]) Издано Н. П. Дашкевичемъ въ „Чтеніяхъ въ общ. Нестора въ Кіевѣ“ (т. XV, 1901).

[4]) О немъ есть спеціальная монографія Н. Ѳ. Сумцова. Іоанникій Галятовскій (Кіевъ 1884).

Въ дополненіи къ этой монографіи см. Сумцовъ же „Обзоръ содержанія проповѣдей І. Г.“ („Ключъ Разумѣнія“)—въ Вѣстникѣ Харьковскаго И. Ф. Общ. 1913 г. № 4, стр. 27—38.

(традиціонную для юга) литературу кіевско-московскую. И эта струя развивалась подъ вліяніемъ условій, въ которыхъ жила юго-западная Русь XVI—XVII в. Когда въ концѣ XIII в. начинается нѣчто въ родѣ замиранія въ юго-западной литературѣ, литературные памятники, какъ мы видѣли, уменьшаются въ численности, распространенности. Забывается, лучше сказать, слабѣетъ старая литературная традиція. Въ XV же и XVI вѣкахъ, когда край начинаетъ снова оживать въ національномъ и религіозномъ отношеніяхъ, замѣчается недостатокъ въ матеріалѣ, на которомъ могло бы основаться то или другое убѣжденіе, положеніе, важное для сохраненія народности и православія. Теперь въ полемикѣ, борьбѣ эта скудость памятниковъ даетъ себя особенно чувствовать; поэтому, стремясь пополнить этотъ недостатокъ, возникаетъ вторая литературная вѣтвь—вѣтвь со старымъ пошибомъ въ содержаніи; она стремится возстановить старыя основы, традицію, чтобы противоставить ихъ натиску католицизма и полонизма въ языкѣ. Первые дѣятели ея—князь Курбскій, князья Острожскіе, старецъ Артемій, отчасти Іоаннъ Вишенскій, видя недостатокъ необходимыхъ произведеній, хотятъ вернуть опять въ жизнь старые памятники, которые искони служили основой міросозерцанія православныхъ, но забыты. Отсюда, съ одной стороны, начинаются поиски за старыми памятниками, съ другой—новые переводы сочиненій, по духу однородныхъ со старыми памятниками, т.-е. византійско-православныхъ. Въ Москву изъ Южной Руси пишутъ посланія съ просьбами прислать списки книгъ церковнаго и духовнаго содержанія. Появляются новые свои переводы, языкъ которыхъ говоритъ объ ихъ юго-западномъ происхожденіи. Выбиралось же для этого преимущественно то, что подходило къ данному времени, т.-е. то, что могло быть полезно при борьбѣ съ католицизмомъ. Въ это время на юго-западѣ появляется старѣйшій списокъ «Толковой Псалтири» Максима Грека—списокъ, сдѣланный, можетъ быть, при жизни самого автора и получившій путемъ переписки распространеніе. Рядомъ съ этой «Толковой Псалтирью» является смѣшанное толкованіе, такъ называемое «сборное». Въ этомъ толкованіи находилъ читатель то, чѣмъ можно было защищать свое православіе отъ католичества, чѣмъ можно было опровергнуть антитринитаріевъ (секта протестантскаго характера), скептицизмъ жидовствующихъ (и эти имѣли также своихъ приверженцевъ въ Литовской Руси) [1]) и пр.

Новые переводы сочиненій представлены, главнымъ образомъ, также такими, которые полезны для полемическихъ цѣлей или возстановляютъ

---

[1]) Объ этомъ сборномъ „Толкованіи на Псалтирь“ см. Н. П. Попова. Рукописи Моск. Синод. Новоспасское собраніе (M. s. a.), приложеніе 1-е.

старую традицію; таковы сочиненія Іоанна Златоуста («Маргаритъ»), Василія Великаго («Уставъ»), Кирилла Александрійскаго; характерной особенностью этихъ переводовъ является ихъ языкъ: переводчики стремились писать по-церковно-славянски, но чистая церковно-славянская рѣчь, даже въ московской окраскѣ, уже не вполнѣ имъ доступна: она сбивается у переводчика на ихъ живую рѣчь. Такимъ образомъ создается своеобразная форма юго-западнаго церковно-славянскаго языка, болѣе приблизившая и консервативный литературный языкъ къ живому.

Такимъ образомъ эта вѣтвь юго-западной литературы въ интересахъ современности старается укрѣпить старыя основы, которымъ помимо религіознаго приписывается значеніе и народное; вмѣстѣ съ этимъ и московская православная традиція признается теперь болѣе близкой къ этой старой основѣ, почему на юго-западѣ охотно подражаютъ московскому консервативному теченію, охотно принимаютъ изъ Москвы и книги, и литературныхъ дѣятелей. Въ этомъ направленіи развиваютъ свою дѣятельность и мѣстные дѣятели, каковы: Острожскіе, Хоткевичи, и пришлые, каковы: Курбскій, Артемій, Иванъ Федоровъ, московскій типографъ, и др..

Андрей Курбскій. Дѣятельность кн. Андрея Курбскаго на юго-западѣ носитъ совершенно другое направленіе, нежели въ Москвѣ. Здѣсь Курбскій положилъ всѣ свои силы на поддержаніе идеи, отстаивающей религіозную и національную независимость юго-западной Руси отъ католицизма и полонизма. Поэтому Курбскій, какъ видный по своему положенію въ русскомъ обществѣ человѣкъ, является однимъ изъ центровъ, около котораго группировались люди, поставившіе также своей задачей поддержаніе ставшей уже традиціонной, но ослабѣвшей въ предшествующія столѣтія православной литературы. Дѣятельность его выражалась въ томъ, что онъ, подобно Максиму Греку, сгруппировалъ вокругъ себя лицъ, сочувствующихъ этому направленію, и самъ принималъ непосредственное участіе въ литературѣ. Въ составъ его кружка входили съ одной стороны, юго-западные русскіе люди, стоявшіе на сторонѣ православія и народности, съ другой стороны—бѣглецы изъ Московской Руси, частью послѣдователи Максима Грека, частью представители гонимой прогрессивной группы. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и старецъ Артемій, который началъ также дѣятельность на сѣверо-востокѣ Руси. Сначала онъ примыкалъ къ лагерю Нила Сорскаго, а потомъ сблизился съ Максимомъ Грекомъ. Его раціонализмъ, борьба съ отживающимъ консерватизмомъ лагеря Іосифлянъ воздвигли противъ него гоненіе, и ему пришлось, какъ и Курбскому, бѣжать въ Литву. На юго-западѣ дѣятельность старца Артемія была, главнымъ образомъ, полемическая, направленная не столько противъ

католицизма, сколько противъ юго-западныхъ русскихъ еретиковъ. Такъ, посланія къ Курбскому, Острожскимъ заключаютъ въ себѣ полемику противъ антитринитаріевъ, социніанъ (секты протестантскаго пошиба) и жидовствующихъ. Послѣдній пунктъ является очень интереснымъ. Мы видѣли жидовствующихъ на сѣверо-востокѣ; ихъ считали пришельцами (по крайней мѣрѣ первыхъ еретиковъ) изъ Литвы. Возникаетъ вопросъ, были ли они дѣйствительно на юго-западѣ, или здѣсь были только евреи, вмѣшавшіеся въ русскую церковную дѣятельность. Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ произведенія старца Артемія. Судя по нимъ, можно предположить, что движеніе жидовствующихъ было и на юго-западѣ Руси. Раціонализмъ, стало-быть, былъ явленіемъ, захватывающимъ очень большой районъ. Правда, на западѣ Руси онъ не носилъ рѣзко выраженнаго характера ереси «жидовствующихъ». Онъ нашелъ тамъ опору въ чуждыхъ элементахъ, у социніанъ, протестантовъ разнаго характера. Въ этомъ отношеніи старецъ Артемій является прямымъ продолжателемъ дѣла Максима Грека—созидателемъ новаго научно-богословскаго направленія на юго-западѣ. Главная роль старца Артемія заключалась въ его сильномъ вліяніи на стоящихъ около его лицъ, въ особенности на своего ученика—князя А. Курбскаго. Послѣдній былъ по призванію собственно государственнымъ человѣкомъ, выдающимся военнымъ дѣятелемъ, представителемъ традиціонныхъ воззрѣній стараго русскаго боярства. Подъ вліяніемъ Максима Грека Курбскій усвоилъ въ значительной степени его міросозерцаніе, сталъ человѣкомъ прогрессивнаго направленія. Онъ не готовилъ себя въ дѣятели духовной литературы; охоту къ этой дѣятельности внушилъ ему старецъ Артемій; потому во всей дѣятельности князя Курбскаго мы замѣчаемъ осуществленіе программы старца Артемія [1]). Князь Курбскій не могъ окунуться прямо въ самый разгаръ полемики: онъ и не обладалъ достаточной подготовкой, и для него обстановка юго-запада была нова, не обычна. Онъ выбралъ поэтому, такъ сказать, окольный путь. Какъ человѣкъ, начитанный въ литературѣ московской церковно-византійской, Курбскій хочетъ помочь возстановить ее и в[ъ] юго-западѣ Руси, какъ основу православія. Онъ является въ сил[у] этого прежде всего переводчикомъ. Ему принадлежитъ, во-первых[ъ] переводъ «Новаго Маргарита» Іоанна Златоуста. «Маргаритъ» этот[ъ] представляетъ изъ себя собраніе поученій Іоанна Златоуста, преим[у]щественно общественнаго характера (произнесенныхъ имъ въ бытнос[ть] архіепископомъ Константинопольскимъ); «Маргаритъ», такимъ образом[ъ]

---

1) Артемію посвящена спеціальная монографія С. Г. Вилинскаго. Послан[ія] старца Артемія (Одесса 1906 г.).

былъ тѣмъ памятникомъ, строго православнымъ, нужда въ которомъ подсказывалась и тогдашней жизнью на юго-западѣ. Кромѣ этого памятника, крупнаго и необходимаго для юго-запада Руси, князь Курбскій перевелъ еще и другой памятникъ—«Діалектику» Іоанна Дамаскина. «Діалектика» эта представляетъ старый памятникъ, переводъ котораго сдѣланъ, можетъ быть, еще на югѣ славянства, но памятникъ, мало извѣстный на Руси, поэтому Курбскій его переводитъ вновь. Самое заглавіе его показываетъ, какая роль предназначалась ему переводчикомъ въ эпоху религіозныхъ споровъ на юго-западѣ. Переводы князя Курбскаго и другихъ, совершонные на юго-западѣ въ XVI—XVII в., отличаются, помимо своего языка (о чемъ была рѣчь выше), отъ старыхъ и еще одной особенностью: они дѣлались большею частью уже съ научныхъ западныхъ печатныхъ изданій, воспроизводя текстъ памятника (греческаго), уже критически установленный и часто снабженный комментаріемъ и предисловіемъ (на латинскомъ) научнаго характера Какъ извѣстно, на Западѣ въ XVI—XVII в. гуманисты и вообще ученые уже обратились къ изученію и изданію памятниковъ средневѣковья, въ томъ числѣ византійскаго, ища тамъ объясненія или античнаго міросозерцанія, или современнаго; богословская наука, церковная исторія и литература разрабатываются уже научно. Эти тексты, частью ученый аппаратъ къ нимъ переходятъ и въ переводы славяно-русскіе нашего юго-запада, дополняя т. о. схоластическую богословскую литературу, построенную, какъ мы видѣли, на основахъ той же западно-католической науки.

Острожскіе. Другими видными дѣятелями литературно-общественными въ это же время являются знаменитые князья Острожскіе. Родъ князей Острожскихъ былъ одинъ изъ очень видныхъ и старыхъ въ южной Руси, уцѣлѣвшихъ отъ древне-русскаго періода до второй половины XVII вѣка: предкомъ своимъ князья Острожскіе считали Ростислава, князя Смоленскаго. Острожскіе въ XVI в. еще строго соблюдали православіе, сознавали свое прошлое, связывавшее ихъ съ русскимъ равославнымъ населеніемъ, жившимъ на ихъ обширныхъ земляхъ. въ имущественномъ отношеніи князья Острожскіе представляли крупую силу. На нихъ-то и была направлена католическая пропаганда, но а нихъ же было устремлено вниманіе защитниковъ православія. Княья Острожскіе были почти единственнымъ домашнимъ, такъ сказать, ентромъ, около котораго сгруппировались всѣ защитники православія и національности. Значеніе ихъ въ этомъ отношеніи крупнѣе, чѣмъ наченіе князя Курбскаго. Отецъ, сынъ и внукъ Острожскіе стояли о главѣ русскаго просвѣщенія въ строго православномъ духѣ. Ихъ оложеніе было совершенно исключительное. Какъ могущественный маг-

пать, кн. К. К. Острожскій ведетъ непосредственныя сношенія съ константинопольскимъ патріархомъ, ведетъ переговоры съ московскимъ правительствомъ и съ частными московскими людьми, легче можетъ добиваться своего, нежели другіе менѣе знатные. Несмотря на всевозможныя препятствія, чинимыя его врагами, врагами его дѣятельности, на юго-западѣ Руси созидается цѣпь школъ и другихъ учебныхъ и ученыхъ заведеній, и все это благодаря въ значительной степени князьямъ Острожскимъ. Такая дѣятельность естественно являлась крупной и важной по своимъ послѣдствіямъ. Острожскіе, съ одной стороны, кладутъ много труда и для поддержанія старой русской литературы, а съ другой—принимаютъ самое дѣятельное участіе и въ литературѣ полемической, внося сюда и свои національно-патріотическіе взгляды.

Что касается перваго направленія, то въ этомъ отношеніи ими сдѣлано то, что имѣетъ значеніе для всей русской литературы XVI—XVII вѣковъ. Идея созданія національной литературы и образованности появилась, правда, раньше К. К. Острожскаго. Острожскій-отецъ (К. И.) основалъ школы во Львовѣ, Вильнѣ, Брестѣ Литовскомъ и ученую академію въ городѣ Острогѣ. Острожскій-сынъ продолжалъ дѣятельность своего отца. Онъ прибѣгъ къ новому средству для борьбы съ католичествомъ—къ книгопечатанію, которое дѣйствительно оказалось сильнымъ орудіемъ для цѣлей православнаго населенія юго-запада Руси. Первые печатники XVI в. на юго-западѣ Руси—русскіе—являются выходцами съ сѣверо-востока Руси. Правда, появленіе славянскаго книгопечатанія относится ко времени болѣе раннему—къ 90-мъ годамъ XV вѣка: въ Краковѣ въ 1491 г. были изданы священныя книги ветхаго завѣта Швайпольтомъ Феолемъ, по національности чуть ли не нѣмцемъ. Издатель, хотя и не въ большой мѣрѣ, старался приспособить церковно-славянскій языкъ писанія къ живой рѣчи. Такимъ образомъ, здѣсь видимъ фактъ, параллельный упомянутымъ выше переводамъ Псалтири и Евангелія. Однако эти изданія, являясь дѣломъ новымъ и частнымъ, не имѣли большого распространенія, а потому оказали и мало вліянія, связанныя, повидимому, къ тому же съ сектантскимъ дви-женіемъ протестантскаго характера. Въ связи съ этимъ же движеніем находится дѣятельность другого работника печатнаго дѣла—Францi-ска Скорины. Послѣдній былъ родомъ изъ Полоцка и получилъ за-падно-европейское образованіе. Дѣятельность свою началъ онъ въ Пра-гѣ, гдѣ онъ сначала жилъ, гдѣ и пришелъ къ мысли издать кни священнаго писанія для своихъ сородичей. Его Библія явилась въ свѣтъ на бѣлорусскомъ языкѣ, довольно близкомъ къ живой разгово-ной рѣчи. Свою дѣятельность Францискъ Скорина потомъ переноситъ въ Вильну, гдѣ основываетъ свою типографію. Однако, дѣло его так

не получило надлежащаго развитія. Объясненіе этого обстоятельства можно видѣть въ томъ фактѣ, что онъ не заслуживалъ довѣрія, какъ человѣкъ, усвоившій міросозерцаніе «чешскихъ братьевъ», какъ протестантъ. Его Библія была переведена съ чешскаго и нѣмецкаго, и въ общемъ была скорѣе протестантскаго, чѣмъ православнаго направленія, не заключала въ себѣ слѣдовъ старой традиціи [1]). Изданіе же чисто православной Библіи связывается съ именемъ Константина Острожскаго. Эта Библія издана была въ 80-хъ годахъ XVI вѣка; она была хорошо приспособлена къ потребностямъ русскаго населенія юго-западнаго края, явилась однимъ изъ главныхъ памятниковъ, которые восполнили недостатокъ въ церковной литературѣ. Библія, по имени ея издателей и мѣсту печати, носитъ названіе «Острожской». Значеніе ея было велико не только для даннаго времени и мѣста: оно простиралось очень далеко и территоріально и хронологически; вплоть до 2-й половины XVII в. [1]) и даже 50-хъ годовъ XVIII-го, пока не появляется изданіе Библіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича и имп. Елизаветы Петровны, «Острожская Библія» была единственной печатной полной Библіей, общедоступной на Руси и для юго-славянъ. Такимъ образомъ, изданіе Острожскихъ сыграло обще-русскую роль, хотя имѣло своей ближайшей цѣлью отвѣтить потребностямъ прежде всего мѣстнымъ.

Самый текстъ Библіи, пріемы перевода даютъ намъ яркую картину состоянія литературы на юго-западѣ Руси въ описываемую эпоху. Принципы, положенные Острожскимъ въ основу изданія, показываютъ, что дѣло изданія священнаго писанія было уже поставлено на научную почву. Прежде чѣмъ приступить къ изданію Библіи, Константинъ Острожскій обращается въ Москву съ просьбой прислать ему древнѣйшій текстъ Библіи. Ему была прислана одна изъ трехъ копій Геннадіевской Библіи. Но она не могла удовлетворить критическимъ пріемамъ, которые хотѣлъ примѣнить князь Острожскій при своемъ изданіи: Геннадіевская Библія—переводъ, который, какъ извѣстно, былъ сборнымъ, разновременнымъ въ своихъ отдѣльныхъ частяхъ, сдѣланнымъ отчасти

---

¹) Также мало и, повидимому, по тѣмъ же причинамъ имѣло успѣха и еще одно редпріятіе: изданіе Евангелія, предпринятое Василіемъ Тяпинскимъ (его социіанство можетъ быть доказано): до насъ сохранились лишь отрывки этого изданія, ъ экземплярѣ въ И. П. Б. Еще экз. въ Антоніево-Сійскомъ мон. — Ж. М. Н. П. 884 (статья Леонида), V, 44.

²) Въ 1663 г. въ Москвѣ напечатали Библію, но ограничились перепечаткой строжскаго текста, безъ новой свѣрки съ греческой (Соловьевъ Н. А., Государевъ печатный дворъ (М. 1903), стр. 46); Елизаветинская библія вышла въ 1751 г. ъ Спб. Острожская библія довольно точно такъ же перепечатана въ 1914 г. москокими старообрядцами.

наскоро, а потому не отличался единствомъ текста; въ основѣ ея не повсюду лежалъ греческій текстъ, а кое-гдѣ еврейскій, мѣстами и латинскій, нѣмецкій. Чтобы получить однообразный текстъ Библіи, Острожскій образовалъ кружокъ ученыхъ, которые могли бы провѣрить текстъ по древнему греческому. Дѣло осложнялось еще тѣмъ, что это былъ конецъ XVI вѣка, когда западно-европейская филологія сдѣлала уже огромный шагъ впередъ. Требовалось критическое отношеніе къ тексту св. писанія: вмѣстѣ съ тѣмъ Острожскій сознаетъ необходимость стоять и на почвѣ традиціи старо-славянскихъ переводовъ. Онъ хочетъ сохранить старыя основы и въ то же время исправить ихъ. Такимъ образомъ, дѣло разрасталось въ большой важности научное предпріятіе. Сознавая его важность и значеніе, князь Острожскій вполнѣ подготовился къ нему, получивъ благословеніе константинопольскаго патріарха, который, сочувствуя предпріятію князя, прислалъ ему ученыхъ переводчиковъ и самые тексты писаній. Кромѣ того, Константинъ Острожскій предпринимаетъ рядъ экскурсій для собиранія различныхъ рукописей и текстовъ греческихъ, латинскихъ и славянскихъ. Развитіе западной науки заставляетъ его обращаться и на Западъ. Многіе ученики изъ основанныхъ имъ школъ ѣдутъ за границу пополнять свое образованіе, собирая тамъ въ то же время переводы священнаго писанія, изданные въ это время болѣе или менѣе научно уже на разныхъ европейскихъ языкахъ. Считаясь со священнымъ характеромъ Библіи, съ тѣмъ временемъ, которое придется просуществовать его изданію, Константинъ Острожскій стремился выполнить свою работу сколько возможно лучше, осторожнѣе. Возникаетъ вопросъ, кто же былъ въ числѣ этихъ работниковъ надъ текстомъ Библіи и членовъ кружка Константина Острожскаго? На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ предисловія Библіи мы можемъ предположить, что въ него входили русскіе, югославяне, греки, присланные патріархомъ, и даже «латиняне». Что это свидѣтельство князя Острожскаго достовѣрно, о томъ можетъ свидѣтельствовать самый языкъ Библіи. По своему языку она церковно-славянская XVI вѣка. При сравненіи съ библіями Московскими она представляетъ нѣкоторыя особенности. Такъ, прежде всего, мы здѣсь видимъ южно-славянизмы, архаизмы, уже исчезнувшіе въ письменности Московской Руси, какъ плодъ реставраціи текста подъ вліяніемъ югославянства. Во-вторыхъ—рядъ грецизмовъ, объясняемыхъ невозможностью подобрать къ данному греческому слову русскій переводъ и, в-третьихъ, присутствіе западныхъ руссизмовъ въ текстѣ, допущенныхъ юго-западными переводчиками. Въ общемъ же надо признать, что провѣрка текста сдѣлана правильно, языкъ текста выдержанъ въ духѣ церковно-славянскаго XVI вѣка. Значеніе предпріятія Острожскаго для

всего юго-запада, разумѣется, было велико: оно давало читающей массѣ въ большомъ количествѣ экземпляровъ полный текстъ священнаго писанія православнаго въ эпоху религіозной борьбы, когда потребность въ такого рода текстѣ особенно ощутительна.

Переводы. Этимъ крупнымъ культурнымъ фактомъ дѣятельность Острожскаго не ограничилась. Помимо издательской, онъ учреждаетъ ученую коллегію, которая должна была заботиться вообще о переводной литературѣ. Въ небольшомъ городѣ Острогѣ, имѣніи князей Острожскихъ, имъ основывается высшая школа, нѣчто вродѣ академіи, которая должна была преслѣдовать эти спеціальныя цѣли. Кромѣ того, Острожскій въ противовѣсъ католической пропагандѣ основываетъ Дерманскій монастырь по образцу монастырей Базиліанскихъ, полагая, конечно, въ основу православный уставъ Василія Великаго; монастырь этотъ долженъ былъ имѣть значеніе чисто научное: туда принимались только ученые и послѣ долгаго ученаго искуса. Но несмотря на всѣ старанія Острожскаго, на высокую цѣль его дѣятельности, ему не было въ началѣ удачи. Людей, годныхъ для его академіи и монастыря, найти было трудно, а общество, не доросшее до пониманія значенія дѣятельности Острожскаго, не стремилось къ поддержанію его предпріятія. Поэтому Базиліанская община, небольшой кружокъ дѣятелей Острожскаго, существовалъ не долго, а черезъ какихъ-нибудь 10—15 лѣтъ онъ пришелъ уже въ крайній упадокъ. Самая академія въ началѣ XVII вѣка также превращается въ типичную братскую средняго типа школу, существующую для приготовленія чтецовъ и пѣвцовъ церковныхъ. Однако, дѣятельность и академіи не прошла даромъ для литературы. Съ ней связано нѣсколько памятниковъ: 5—6 изданій переводныхъ, сдѣланныхъ русскими базиліанцами, нѣсколько рукописныхъ переводовъ. Такъ, прежде всего изъ кружка Острожскаго вышло нѣсколько изданій свято-отеческихъ твореній: Василія Великаго, Аѳанасія Александрійскаго и другихъ. Если мы присмотримся къ тексту твореній, хотя бы Аѳанасія Александрійскаго, то увидимъ, что переводъ сдѣланъ на юго-западѣ въ недавнее время на языкъ, на который переведена была и Библія Острожскаго: особенности этого перевода въ сущности тѣ же, что и въ Библіи. Нужно, кстати, замѣтить, что и по этому переводу прошла рука переводчика-болгарина, такъ какъ здѣсь замѣчаются болгарскія позднія формы, проникшія, конечно, изъ живого болгарскаго языка; это отчасти указываетъ на связь предпріятій Острожскаго съ югомъ славянства, отчасти на составъ его сотрудниковъ. Что же касается выбора для перевода произведеній Аѳанасія Александрійскаго, то это объясняется тѣмъ интересомъ, который былъ въ то время къ его сочиненіямъ: Аѳанасій Александрійскій былъ

самымъ популярнымъ представителемъ христіанской догматики въ то время и въ греческой литературѣ, и отчасти въ русской. Полнаго собранія сочиненій Аѳанасія Александрійскаго не знала древняя Русь. Это изданіе представляетъ и большое научное значеніе, такъ какъ восходитъ къ текстамъ, изданнымъ въ Германіи учеными гуманистами.

Изъ другихъ переводовъ, вышедшихъ изъ того же круга, нужно указать на переводъ «Пчелы», сдѣланный въ 1599-мъ году. Текстъ указанной «Пчелы» представляетъ нѣчто иное по сравненію съ извѣстной древне-русской «Пчелой» (переведенной еще въ XIII вѣкѣ, приблизительно). Послѣдняя представляла собственно анонимный сборникъ, лишь приписываемый Максиму Исповѣднику и восходящій къ болѣе древнему—«Мелиссѣ», считавшейся также Максимовой. Эта «Мелисса» («Пчела») Максима Исповѣдника была источникомъ разнообразныхъ сборниковъ изреченій византійскихъ «Пчелъ». Такъ, рядомъ съ нѣсколькими редакціями т. н. «Пчелы» Максима, существовала еще «Пчела» Антоніева, по имени Антонія (прозваннаго, въ свою очередь, «Мелиссой» за свой сборникъ этого имени), писателя XI—XII вѣковъ; это, собственно, два сборника, одинъ въ 100 главъ, другой—въ 90. Въ первомъ своемъ сборникѣ Антоній близко подходитъ къ т. н. «Мелиссѣ» Максима Исповѣдника, дополняя его изъ другихъ источниковъ подобнаго же типа: во второмъ онъ болѣе независимъ отъ этой «Мелиссы». На Западѣ въ эпоху Возрожденія и увлеченія греческой и латинской литературой эти сборники получили широкое распространеніе. Поэтому въ 40-хъ годахъ XVI столѣтія одинъ знатокъ греческихъ писаній, цюрихскій ученый Конрадъ Гесснеръ издаетъ произведенія т. н. Максима Исповѣдника и оба сборника Антонія Мелиссы, соединивъ ихъ вмѣстѣ. Это печатное изданіе и послужило источникомъ для переводчиковъ Острожской «Пчелы». Здѣсь и особенности перевода тѣ же самыя, какія мы видимъ въ Библіи, и въ твореніяхъ Аѳанасія Александрійскаго: это снова подтверждаетъ то, что переводъ былъ сдѣланъ въ Острожской «академіи».

Теперь отвѣтимъ на вопросъ: почему понадобился переводъ «Пчелы», когда на Руси существовалъ старый переводъ, возникшій еще въ XIII вѣкѣ, быстро распространившійся и популярный въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ? Въ XVI вѣкѣ старая русская «Пчела» пережи[illegible] на сѣверо-востокѣ цѣлыхъ три редакціи, представляющія собою посл[illegible]довательныя переработки памятника, безъ новой, впрочемъ, свѣрки с[illegible] подлинникомъ. Если старая «Пчела» была такъ популярна, то поп[illegible]лярна была только на сѣверо-востокѣ, а на юго-западѣ она почти о[illegible]сутствовала, можетъ быть, была затеряна, либо не успѣла тамъ распр[illegible]страниться, какъ сравнительно поздній (XIII в.) переводъ. Можно пре[illegible]

положить, что для восполненія этого недостатка понадобился новый переводъ. Однако, подобнаго рода предположеніе будетъ не особенно основательно. Если не было списковъ на юго-западѣ, то мы имѣемъ списки южно-русскіе, возникшіе въ Молдавіи. Румынская литература, какъ извѣстно возникла на славянскомъ языкѣ, который былъ въ то же время ея церковнымъ языкомъ и литературнымъ. Ученые по происхожденію румыны принимаютъ участіе и въ литературѣ болгарской и обратно: болгары—въ румынской, какъ, напримѣръ, Григорій Цамблакъ (XV в.), и принимаютъ участіе и въ литературѣ и жизни русскаго юга, испытывая позднѣе и вліяніе русское въ своей письменности. Достаточно вспомнить также, что основатель Кіевской духовной академіи Петръ Могила (преобразовавшій ее изъ братской школы) былъ родомъ изъ Молдавіи, родственникъ молдавскихъ господарей (Валахія же въ этомъ случаѣ болѣе тяготѣетъ на западъ, къ сербскому теченію). Поэтому мы находимъ и древне-русскую «Пчелу», переписанную въ Молдавіи, что доказываетъ, что тексты не совсѣмъ отсутствовали въ южной Руси, а только либо затерялись, либо были рѣдки. Наконецъ, въ концѣ XVI вѣка текстъ обычной русской «Пчелы» не трудно было получить и изъ Москвы. Московскіе люди, работавшіе въ XVI вѣкѣ на югѣ Россіи, въ частности въ Острогѣ, не могли не знать популярной «Пчелы». Причина же появленія перевода «Пчелъ» въ 1599 г. была, видимо, другая. На сѣверо-востокѣ имя писателя не имѣло значенія, нуженъ былъ лишь титулъ его, указывающій на его авторитетъ. На западѣ же Руси подъ вліяніемъ западной науки было другое отношеніе къ писателю, отношеніе, которое сохранилось и до настоящаго времени. Имя писателя тамъ имѣло важное значеніе, такъ какъ оно идейно связывалось съ его произведеніями, т.-е. значеніе болѣе научное. Поэтому тамъ появляется собраніе сочиненій того или другого лица, произведенія котораго служили характеристикой его личности. Старо-русская «Пчела» не имѣла подобнаго отношенія къ писателю. Сличая ее съ «Пчелами» Антонія и Максима Исповѣдника, мы увидимъ, что Максимова «Пчела», будучи по составу своему полнѣе старой, представляла памятникъ въ ущности другой: оказывалось также, что въ нашей «Пчелѣ» не хвало многихъ изреченій. Кромѣ того, цѣлые два сборника Антонія не ыли извѣстны вовсе въ старо-русскомъ переводѣ. Такимъ образомъ, перь литература получила еще новое при томъ научно-обработанное обраніе изреченій, столь любимыхъ и на сѣверо-востокѣ. И эта «деранская» «Пчела», дѣйствительно, быстро стала и здѣсь популярна: въ VII и XVIII вв. ее усердно списываютъ и наши старообрядцы [1]). Та-

---

[1]) Подробности см. М. Сперанскій. Переводные сборники изреченій въ евне-русской письменности (М. 1902), гл. „Пчела 1599 года“.

кими соображеніями—составомъ «Пчелъ» и отношеніемъ къ личности автора—можно, приблизительно, выяснить возникновеніе этого перевода.

Иванъ Θедоровъ. Рядомъ съ Курбскимъ и Острожскимъ близко къ послѣднему стоитъ и русскій выходецъ Иванъ Θедоровъ: если онъ не былъ литературнымъ дѣятелемъ въ собственномъ смыслѣ слова, то все же его дѣятельность имѣла не маловажное значеніе для литературы юго-запада: опытный, энергичный типографъ, потерпѣвшій неудачу въ Москвѣ (откуда его заставили бѣжать нападки и преслѣдованія промышленниковъ-книгописцевъ, прикрывавшихъ свои интересы и экономическіе разсчеты приверженностью къ благочестивой старинѣ), Иванъ Θедоровъ является истиннымъ родоначальникомъ печатнаго дѣла на всемъ юго-западѣ, основателемъ и дѣятелемъ печатной книги въ томъ видѣ, какъ она слагалась въ Москвѣ: отъ него идутъ типографіи православныхъ въ Вильнѣ, Львовѣ, Острогѣ (онъ печаталъ здѣсь Библію), а отъ его учениковъ—въ Кіевѣ, Луцкѣ и др..

Іоаннъ Вишенскій. Наконецъ, къ числу видныхъ дѣятелей юго-западной литературы, нѣсколько своеобразныхъ, по тѣмъ не менѣе оказавшихъ ей существенную услугу, надо отнести Іоанна Вишенскаго: энергичный борецъ противъ католицизма и уніи, аскетъ по воспитанію (онъ жилъ долго на Аθонѣ), онъ выдѣляется своимъ глубокимъ національнымъ и демократизмомъ, выразившимися въ его глубокой любви и вниманіи къ простой темной массѣ, предметѣ его жалостливаго участія. Дѣятельность Вишенскаго (рядъ посланій частью увѣщательнаго характера, преимущественно же полемическаго), несомнѣнно, сыграла видную роль въ концѣ XVI вѣка въ дѣлѣ подъема національнаго самосознанія на югѣ Россіи [1]).

Такимъ образомъ, дѣятельность князя Курбскаго, кн. Острожскихъ, Іоанна Вишенскаго и цѣлаго ряда другихъ дѣятелей юго-запада показываетъ, куда направлялась юго-западная литература. Она выходила въ XVI и XVII вѣкахъ на новый путь, сближавшій ее съ Западомъ. Въ основѣ ея лежала западная наука, но уже примѣненная къ потребностямъ старо-русской жизни. Въ результатѣ получается то, чт юго-западная литература присоединила къ византійской основѣ, кот рая была и на сѣверо-востокѣ, новый источникъ прогресса—нау европейскаго Запада. Этимъ и объясняется, съ одной стороны, сбл женіе юго-западной литературы съ московской, также начавшей

---

[1]) Объ Іоаннѣ Вишенскомъ см. Ивана Франка. Иванъ Вишенській і йо твори (Львовъ. 1895), рецензію на эту книгу А. Е. Крымскаго—въ Кіев. Стари 1895, X; ср. также И. П. Житецкаго. Литературная дѣятельность Ивана Виш скаго (Кіевъ. 1890).

XVI в. испытывать западное вліяніе, а съ другой стороны,—и то вліяніе, которое оказала первая на вторую въ XVII вѣкѣ.

Школы и братства. Теперь намъ остается указать еще на нѣкоторыя явленія, которыя имѣли мѣсто въ западно-русской литературѣ и были важны для литературы сѣверо-восточной, и опредѣлить ихъ вліяніе на литературу сѣверо-восточную. Толчкомъ къ основанію своеобразной литературы юго-западной и ея развитію были, какъ мы видѣли, мѣстныя политическія событія, которыя выразились, главнымъ образомъ, въ борьбѣ между западно-католической и восточно-православной культурами на почвѣ народности и государственнаго строя. Мы видѣли, что литература юго-западная удовлетворяетъ потребностямъ момента, именно, она отражаетъ народныя стремленія южно-русскаго населенія. Это—первая характерная черта южно-русской литературы; вторая—это стремленіе возвратить то, что было утрачено и забыто изъ старой византійско-русской литературы, то, что необходимо было для старо-русско-византійской культуры, такъ какъ являлось противовѣсомъ іезуитскому западному направленію. Мы коснемся теперь того вопроса, въ которомъ соединены обѣ эти черты, именно, вопроса объ образованіи. Мы уже говорили, что однимъ изъ средствъ для борьбы съ католицизмомъ служили такъ называемыя «братскія» школы [1]). Онѣ получили особое развитіе въ юго-западномъ краѣ. Но первоначально это были все же школы низшаго типа, дававшія только начальное образованіе, учившія только основамъ элементарной грамотности, тому, что практически требовалось, главнымъ образомъ, для нуждъ церкви, богослуженія. Разумѣется, этого скоро стало недостаточно, тѣмъ болѣе, что католическое образованіе шло шагъ за шагомъ, погрессивно увеличивая программы своихъ школъ, такъ какъ желало постоянно поддерживать то соотношеніе, для котораго школы и служили, т.-е. желало поддерживать свое господствующее положеніе въ дѣлѣ образованія, имѣвшее для католиковъ и поляковъ практическую цѣль—окатоличенія и поляченія русскаго православнаго населенія, для чего необходимо ло, чтобы русскія православныя школы все же являлись ниже школъ толическихъ, польскихъ.

Православныя братства, не желая отстать отъ католическихъ школъ, . сознавая все значеніе этого повышенія типа школъ въ борьбѣ, тоже ышаютъ уровень своихъ школъ. Въ результатѣ этого соперничества

1) О братствахъ и школахъ можно указать двѣ обстоятельныя работы: К. Х а р-м п о в и ч а. Западно-русскія православныя школы XVI—XVII вв. (Казань. 1898 г.) А. С. К р ы л о в с к а г о. Львовское ставропигіальное братство (Кіевъ. 1904 г.). го о нихъ говоритъ С. Т. Г о л у б е в ъ въ своей большой книгѣ „Петръ Могила“ въ. 1883 и 1895), а также въ „Исторіи Кіевской дух. Академіи“ (Кіевъ. 1886).

русскія школы постепенно также шагъ за шагомъ преобразовываются въ школы высшаго типа. Мы могли бы ихъ назвать теперь уже не низшими, а средними школами. Школы эти, назначенныя служить орудіемъ религіозной борьбы, разумѣется, носили преимущественно духовный характеръ, не являясь вполнѣ свѣтскими, такъ что мы могли бы сравнить ихъ, пожалуй, съ теперешними духовными семинаріями по типу. Такихъ повышеннаго типа школъ возникаетъ довольно много, главнымъ образомъ, въ крупныхъ центрахъ: въ Вильнѣ, въ Черниговѣ, Полоцкѣ, Смоленскѣ, Кіевѣ, Львовѣ, а также и въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ городахъ, гдѣ могли найтись достаточныя матеріальныя средства, напр., во владѣніяхъ православныхъ магнатовъ, напр., въ Дермани, Луцкѣ и т. д. Все это большею частью мѣста, гдѣ потомъ, въ XVIII вѣкѣ, мы видимъ уже настоящія семинаріи. Программа этихъ школъ была расширена значительно по сравненію съ элементарными школами стараго типа. Теперь уже не довольствовались только обученіемъ чтенію, письму и пѣнію, но учили грамматикѣ (вмѣстѣ съ піитикой, риторикой, діалектикой) и философіи вмѣстѣ съ богословіемъ. Разумѣется, что и значеніе этихъ школъ стало гораздо больше, чѣмъ старыхъ. Школа этого типа на долгое время сохранилась въ качествѣ почти единственной средней общеобразовательной школы на югѣ Россіи вплоть до реформы Екатерины II. Несомнѣнно, что школа эта, какъ общеобразовательная, не могла исключительно служить интересамъ духовенства; сообразно съ ростомъ потребности въ образованіи, сознанія его важности въ краѣ, школы развивали свои программы, шагъ за шагомъ отвѣчая на всѣ расширенія латинской школы.

Дѣло этимъ, однако, не ограничилось. Былъ сдѣланъ еще одинъ крупный, но послѣдній шагъ впередъ въ школьномъ дѣлѣ со стороны католиковъ: мы говоримъ объ основаніи къ Краковѣ высшей католической школы—духовной академіи—коллегіума. Южная Русь опять не могла отстать и въ этомъ отношеніи, не могла допустить такого пере[illegible] вѣса. Въ 30-хъ годахъ XVII столѣтія въ Кіевѣ Петромъ Могилой учре[illegible] ждается тоже высшая школа—Кіевскій коллегіумъ [1]). Эта школа и[illegible] вѣстна и теперь подъ названіемъ Кіевской Духовной Академіи; сыгра[illegible] она огромную роль въ исторіи образованія всей Россіи; эту роль [illegible] сохраняла вплоть до открытія Московскаго университета, и даже [illegible] жалуй, и дальше, вплоть до открытія южно-русскихъ университето[illegible]

[1]) Исторіи этого коллегіума въ связи съ дѣятельностью Могилы посвящ[illegible] огромная работа С. Т. Голубева, упомянутая выше, спеціально Кіевской ак[illegible] міи—того же Голубева, Исторія Кіевской Духовной Академіи (Кіевъ 1886) и с[illegible] шая—Макарія (Булгаковъ). Исторія Кіевской Духовной Академіи (1843 г. Кі[illegible] очеркъ Аскоченскаго и др.

изъ Кіевскаго Коллегіума выходитъ цѣлый рядъ русскихъ общественныхъ дѣятелей до конца XVIII вѣка. Такимъ образомъ, борьба между католицизмомъ и православіемъ въ юго-западной Руси даетъ въ результатѣ своеобразное націоналистическое развитіе литературѣ и серьезное развитіе научныхъ стремленій, регулярнаго образованія, переходящаго уже далеко за предѣлы элементарной грамотности и первоначальной цѣли—дать орудіе для борьбы въ религіозной области.

XIII. Москва и юго-западная Русь. Послѣ этого довольно длиннаго отступленія возвращаемся теперь къ Московской Руси. Мы оставили ее на перепутьи... Конецъ XVI вѣка, Смутное время не создавали особенно благопріятной почвы для западнаго, культурнаго вліянія въ жизни Московской Руси; но все же столкновенія болѣе частыя Польши и Москвы, постоянные походы поляковъ на Русь, передвиженіе и русскихъ массъ населенія къ западу въ эпоху борьбы пріучали къ этому общенію съ иной культурой все болѣе и болѣе. Подъ вліяніемъ политическихъ осложненій и броженія Смутнаго времени Московская Русь представляла въ началѣ XVII вѣка уже картину во многомъ отличную отъ той, которую мы могли наблюдать лѣтъ 15—20 тому назадъ. Теперь новые элементы заявляютъ о себѣ громче: это тѣ западные элементы, которые раньше не играли замѣтной роли, отрицались большинствомъ въ руководящихъ кругахъ. Постепенный прогрессъ и характеръ вкусовъ въ литературѣ мы видѣли раньше.

Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и въ началѣ XVII вѣка мы не слышимъ уже разговоровъ о той борьбѣ противъ Запада, о той переоцѣнкѣ стараго, которою полонъ былъ XVI вѣкъ. Это можно было объяснять двоякимъ образомъ: или вопросы эти были уже разрѣшены, или же появились новые, болѣе важные, которые заслонили собою старые. Въ началѣ XVII вѣка имѣло мѣсто то и другое объясненія. Если мы всмотримся въ сущность теченій XVI и начала XVII вѣковъ, то увидимъ, что у западнаго теченія было много средствъ для развитія, хотя внѣшнія обстоятельства и способствовали устойчивости консервативныхъ идей. Смутная эпоха ничего не прибавила византійскому теченію, западное же теченіе не только уцѣлѣло эту бурную эпоху, но даже сдѣлало значительные шаги впередъ. царствованіе Михаила Ѳеодоровича нѣтъ уже прежняго враждебго отношенія къ Западу, какъ къ «поганому». Что прежде вызывало зкій отпоръ, теперь сдѣлалось совершенно обычнымъ, не порождало е никакихъ толковъ. Это уже, несомнѣнно, новая фаза въ развитіи щества. Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича мы замѣчаемъ и ноя явленія того же характера: появленіе отдѣльныхъ интеллигентныхъ уппъ западнаго типа, и не только по внѣшности, а и по глубокому

увлеченію, хотя бы основной идеей западнаго прогресса, напримѣръ, кружокъ боярина Ртищева.

Ртищевъ. Ф. М. Ртищевъ, одинъ изъ столповъ московскаго боярства, является, съ одной стороны, продолжателемъ того направленія, представителями котораго были Максимъ Грекъ и князь Курбскій. Это все поборники науки, сознающіе ея огромную важность для жизни; съ другой, въ осуществленіи этой идеи просвѣщенія мы видимъ уже и новое: бояринъ Ртищевъ основалъ въ Москвѣ школу съ общеобразовательной программой, при томъ того типа, какой сложился на юго-западѣ. Эта школа является до нѣкоторой степени уже и общедоступной школой. Потребность въ такой школѣ сознавалась уже и правительствомъ, такъ что возраженій со стороны его бояринъ Ртищевъ не встрѣтилъ. Но все же онъ долженъ былъ взять на себя иниціативу и обезпечить школу своими личными средствами. Да и для основанія этой школы боярину Ртищеву пришлось еще дѣлать извѣстнаго рода уступку общественному мнѣнію. Изстари было представленіе, что школа учреждается при монастырѣ, какъ центрѣ, гдѣ живетъ учительный по спеціальности людъ—духовенство: и Ртищевъ основываетъ Андреевскій монастырь и при немъ школу. Но соотношеніе, конечно, ясно: монастырь былъ заведенъ для школы, а никакъ не наоборотъ. Но какъ бы тамъ ни было, все же мы можемъ констатировать фактъ, что обстоятельства въ Москвѣ въ первой половинѣ XVII вѣка сложились уже такъ, что довели передовыхъ, по крайней мѣрѣ, людей до признанія необходимости правильнаго образованія, помимо его утилитарнаго приложенія, имѣвшаго въ старое время одну цѣль—начетчичество. Попытка боярина Ртищева все же связана была со старыми русскими воззрѣніями на образованіе: это все еще было дѣло частное, а не государственное. Когда же бояринъ Ртищевъ поистратился, даже поразорился со своей школой, и она стала клониться къ упадку, то стало ясно, что ни общество, ни правительство не доросли еще до сознанія необходимости поддержать подобныя начинанія частныхъ лицъ [1]). Несомнѣнно только одно, именно, что сознаніе необходимос[ти] школы уже было не только у боярина Ртищева.

Новый режимъ, который явился съ воцареніемъ новой динас[тіи,] унаслѣдовалъ многія привычки стараго направленія. Задачи, котор[ыя] стояли передъ правительствомъ Ивана Грознаго и Бориса Годунова, [не] были ни устранены, ни разрѣшены съ наступленіемъ новой эпохи [въ] жизни государства. И при Грозномъ и при Годуновѣ были попыт[ки]

---

[1]) Спеціальная монографія о Ртищевѣ—Н. Козловскаго „Ф. М. Ртищев[ъ]" (Кіевъ, 1906 г.).

сближенія съ Западомъ на почвѣ преимущественно практической; эти попытки продолжались и при Михаилѣ Θеодоровичѣ. Иностранная колонія въ Москвѣ—знаменитая впослѣдствіи Нѣмецкая слобода—теперь уже значительно расширилась. Уже въ половинѣ XVII вѣка она является настолько крупной, что московское правительство не можетъ съ ней не считаться. Сношенія съ западной Европой тоже очень оживляются. Въ XVI вѣкѣ эти сношенія носили характеръ преимущественно дипломатическій, теперь же они принимаютъ другой характеръ: русскіе отправляются на Западъ затѣмъ, чтобы завязать постоянныя сношенія, чтобы уговориться относительно правъ иностранцевъ на эксплуатацію богатствъ Россіи, а для русскихъ людей на культуру Запада. Внѣшнимъ образомъ это проявляется въ томъ, что съ Запада идетъ рядъ людей для эксплуатаціи полудикой, варварской Россіи, гдѣ ихъ охотно принимаютъ, стараются отъ нихъ заимствовать или прямо извлечь пользу, нанимая ихъ, напримѣръ, на русскую службу, по старой привычкѣ заботясь только о томъ, чтобы этотъ иноземецъ не проникъ въ заповѣдную область—семейную и религіозную. XVII вѣкъ отмѣченъ цѣлымъ рядомъ западныхъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Московію (Олерій, Мейербергъ и другіе). Несомнѣнно, что основа сношеній была прочно установлена обоюднымъ интересомъ дальнѣйшаго сближенія и взаимовліянія, точнѣе: усилилось иноземное вліяніе среди русскихъ. Внѣшнія обстоятельства XVII вѣка идутъ навстрѣчу этому усиленію. Начиная съ воцаренія новой династіи, Московское государство берется опять за осуществленіе задачи, завѣщанной отъ стараго времени, но временно въ смутные годы (конецъ XVI и нач. XVII в.) оставленной. Задача эта заключалась въ возсоединеніи всѣхъ земель, когда-либо принадлежавшихъ русскому племени, и въ доведеніи предѣловъ Московскаго государства до его естественныхъ племенныхъ границъ. Поэтому-то, несмотря на только что пережитую тяжелую эпоху Смутнаго времени, въ царствованіи Михаила Θеодоровича по отношенію къ западнымъ русскимъ областямъ и сосѣдней Польшѣ ведется та же политика, что и въ царствованіе Грознаго. Еще въ концѣ XVI вѣка, несмотря на враждебныя отношенія между Литвой и Москвой, Москва не упускала случая поддержать литовско-русское православное населеніе, настроенное враждебно по отношенію къ Польшѣ. Такая же поддержка оказывалась и юго-западнымъ областямъ теперешней Россіей. Такимъ путемъ подготовлялось возсоединеніе Малороссіи. Она и была присоединена въ 1654 году революціоннымъ путемъ, который былъ въ значительной степени подготовленъ, безусловно, Москвою, въ результатѣ чего и получилось присоединеніе къ Москвѣ лѣвобережной Украины и позднѣе Кіева (эпоха Хмельницкаго). Несомнѣнно, что такой шагъ,

какъ присоединеніе части Малороссіи, оторванной теперь отъ Польши и остальной Малороссіи (правобережной), не могъ совершиться безъ предварительной подготовки населенія. Эта подготовка и была сдѣлана планомѣрно: въ царствованіе Михаила Өеодоровича мы замѣчаемъ постоянныя сношенія съ Малороссіей, ея представителями, даже ея населеніемъ непосредственно. Такимъ образомъ, сближеніе между юго-западной Русью и Москвою имѣло подготовку и на обще-политической почвѣ.

Если мы присмотримся къ московской литературѣ XVII вѣка, то увидимъ, что появленіе малороссовъ въ Москвѣ не является чѣмъ-либо неожиданнымъ. Появленіе малороссовъ въ Москвѣ и ихъ прочное въ ней обоснованіе имѣло огромное значеніе для московской жизни и литературы [1]). Малороссійская струя въ Московскомъ государствѣ шла навстрѣчу западному теченію, которое существовало въ Москвѣ и раньше; это облегчало ей движеніе и въ то же время поднимало ея значеніе. Юго-западное теченіе сразу формулировалось въ Москвѣ, очень быстро акклиматизировалось и вывело московскую литературу на тотъ путь, по которому она пошла потомъ во второй половинѣ XVII вѣка, затѣмъ въ XVIII и даже въ началѣ XIX вѣка. Юго-западное теченіе, привившееся на московской почвѣ, принесло слѣдующіе результаты: оно породило учебное и въ то же время ученое, чисто научное направленіе, внесло новыя формы и новое содержаніе въ московскую литературу—формы, выработавшіяся въ юго-западной школѣ подъ вліяніемъ ея борьбы съ католицизмъ. Эти внѣшнія черты привились въ Москвѣ и оказали большое вліяніе на послѣдующій ходъ развитія московской литературы.

Затѣмъ, несомнѣнно, что юго-западные ученые вносили въ литературу московской Руси и нѣчто новое по отношенію къ ея содержанію: Московское западное теченіе не столько понимало, сколько чувствовало, необходимость новыхъ методовъ, юго-западные же пришельцы все это принесли въ формулированномъ, привитомъ на русской почвѣ видѣ.

Литературный языкъ. Съ появленіемъ у насъ южанъ стиль Московской литературы сталъ значительно измѣняться. Языкъ литературы началъ распадаться замѣтнѣе на двѣ вѣтви: на узко-церковно-славянскій языкъ и на языкъ литературный, хотя и не складный еще, но все же новый языкъ, имѣющій слабую связь съ языкомъ церковно-славянскимъ, но за то болѣе тѣсную съ живымъ. Правда, это раздѣленіе замѣчается въ языкѣ Московской литературы и раньше, а въ

---

[1]) Большая, богатая матеріаломъ работа, посвященная этому вопросу, принадлежитъ К. В. Харламповичу: „Малороссійское вліяніе на великорусскую церковную жизнь", т. I (отъ конца XVI в. до 1762 г.). Казань 1914. По содержанію она шире, нежели обозначено въ заглавіи.

зачаткахъ можетъ быть прослѣжено и до очень ранней эпохи письменности: еще въ древнѣйшей нашей письменности можно при внимательномъ изслѣдованіи отмѣтить разницу въ языкѣ (стилѣ, лексикѣ) письменности церковной спеціально и письменности не столь тѣсно связанной съ церковью; напр., если мы сравнимъ священное писаніе, церковное поученіе и лѣтопись, повѣсть воинскую, то увидимъ, что въ послѣднемъ случаѣ въ языкѣ будетъ слабѣе строй старо- или церковно-славянскій, нежели въ первомъ, а зато элементъ русскій (живой рѣчи) будетъ сквозить болѣе; причина этого—въ большей или меньшей близости самого памятника къ церкви и ея воззрѣніямъ по характеру и содержанію въ сознаніи читателя и писателя, пользующихся искусственнымъ литературнымъ языкомъ. Съ усиленіемъ притока западной литературы въ XVI вѣкѣ это сознаніе выступаетъ уже ярче и ярче, въ зависимости отъ характера памятника западнаго, отражается на языкѣ перевода и оригинальнаго, подражающаго западному, памятника. Этотъ процессъ усиливается и благодаря тому, что кругъ литературныхъ дѣятелей измѣнился: рядомъ съ духовенствомъ и близкимъ къ нему консервативнымъ писателемъ, является грамотный, нѣсколько знакомый съ чужими языками въ качествѣ переводчика и писателя дьякъ московскихъ многочисленныхъ приказовъ, изъ матеріальнаго разсчета или по интересу занимающійся переводами, списываніемъ произведеній новаго типа, разъ на нихъ есть уже спросъ. Языкъ этихъ произведеній «обмірщается», получаетъ черты иногда канцелярскія типичныя дѣловыхъ актовъ приказа.

Теперь вліяніе малороссовъ, принесшихъ свой языкъ, выработанный на юго-западѣ, намѣчаетъ окончательно то дѣленіе литературы на свѣтскую и духовную и по содержанію, которое вполнѣ выраженнымъ мы видимъ лишь въ XVIII вѣкѣ. Мы замѣчаемъ, что подъ вліяніемъ малороссовъ у насъ появляется иное отношеніе къ языку. Подъ вліяніемъ западнаго теченія появляются грамматики славянскаго и русскаго языковъ новаго типа. Старыя руководства, въ родѣ ученія «о восьми частяхъ слова», приписывавшагося І. Дамаскину, юго-славянскія руководства въ родѣ «Простословій», неудачная грамматика Максима Грека замѣняются новыми, писанными по типу западныхъ, грамматиками. Въ числѣ такихъ грамматикъ особенно выдѣляется грамматика Мелетія Смотрицкаго, извѣстнаго общественнаго дѣятеля и ученаго юго-запада: она является каноническимъ руководствомъ и въ Московской школѣ. Грамматика Мелетія Смотрицкаго говоритъ не объ языкѣ вообще, а о церковно-славянскомъ языкѣ, отличномъ отъ «простой мовы» (т.-е. рѣчи народной, живой). Вполнѣ научныя основанія русской грамматики даны были значительно позднѣе, главнымъ образомъ, трудами

Ломоносова, но начало этой дифференціаціи восходитъ ко временамъ Мелетія Смотрицкаго. Доказательство этому видимъ въ томъ, что въ Петровское время грамматика Мелетія Смотрицкаго является еще общепризнанной: новая грамматика, появляющаяся въ это время, Максимова, справщика Московскаго печатнаго двора, представляетъ изъ себя лишь легкую передѣлку грамматики Мелетія Смотрицкаго [1].

Что касается содержанія московской литературы XVII вѣка, то и здѣсь, безусловно замѣтно вліяніе малороссовъ. Они принесли новое содержаніе, хотя оно и не могло во всемъ объемѣ быть усвоено литературой Московской Руси въ силу разницы въ уровнѣ культуры и ея характерѣ. Московская литература въ своихъ основахъ покоилась на византизмѣ, своеобразно понятомъ, въ свое время поддержанномъ и юго-славянскими теченіями. Сознаніе этой основы цѣло и въ XVII в. Съ одной стороны, юго-западная литература, сама отчасти восходящая къ той же основѣ, но въ болѣе слабой степени и въ иной обработкѣ ея, если этимъ и облегчила себѣ доступъ въ Москву, все же вносила измѣненія въ эту основу, хотя не въ смыслѣ ея отмѣны, но внести цѣликомъ свои новыя основы не могла; она только давала совершенно опредѣленный характеръ этой старой основѣ. Истолкованіе этой византійской основы у малороссовъ становится другимъ: отношеніе къ грекамъ и ихъ литературѣ стало научнымъ, критически сознательнымъ. Даже представители враждебнаго юго-западному, «латинскому», направленія—«греческая» Чудовская школа московскихъ ученыхъ [1]—не осталась въ сторонѣ отъ этого вліянія, что служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что основные методы южно-русскихъ пришельцевъ были усвоены въ Москвѣ.

Если мы будемъ брать однѣ общія черты, то мы увидимъ во всемъ быстро усиливающее вліяніе Запада, особенно если перейдемъ къ общественнымъ явленіямъ второй половины XVII вѣка. Стало-быть, связь между юго-западной Русью и Москвой становится вполнѣ ясной въ смыслѣ сильнаго средства къ сближенію сѣверо-восточной Руси съ европейскимъ Западомъ: юго-западная Русь внесла къ намъ то, что у насъ подготовлялось, но шло очень медленнымъ темпомъ. Одного только не могла передать намъ южная Русь, это—ея національныхъ стремленій и народныхъ чертъ въ литературѣ, во всемъ объемѣ, какъ онѣ выработались на юго-западѣ. Въ московской литературѣ не было той народной борьбы, которая выдвинула эту черту въ литературѣ юго-запада,

[1]) Спеціальная монографія о немъ: Никифоръ Засадкевичъ, Мелетій Смотрицкій, какъ филологъ (Одесса, 1883).

[2]) О ней подробности см. у Е. В. Пѣтухова. Русская литература. Древній періодъ (изд. 2-е), стр. 266—271.

такъ какъ Московской Руси не приходилось такъ бороться за свою народность, какъ южной Руси. Въ московской литературѣ тоже существовало понятіе народности, только совершенно съ другимъ содержаніемъ, которое скорѣе всего можно опредѣлить, какъ государственное; это была своего рода «официальная», правительственная народность, ведущая свое начало въ концѣ концовъ отъ Московской идеологіи XV—XVI вв. (см. выше). Юго-западная литература была литературой по преимуществу демократической, скорѣе даже противогосударственной (по отношенію къ Польшѣ); она разрабатывала поэтому какъ разъ основы подлинной народности, поднимая народное самосознаніе массъ.

XIV. Юго-западное вліяніе въ Москвѣ. Теперь намъ въ общихъ чертахъ слѣдуетъ намѣтить, въ чемъ фактически выразилось юго-западное вліяніе на литературѣ Московской Руси въ XVII вѣкѣ, главнымъ образомъ, во второй его половинѣ.

Школа. Прежде всего южно-русскіе пришельцы, неся въ Московскую Русь «западное» теченіе, несли главнымъ образомъ его научно-просвѣтительные элементы. Основа юго-западнаго теченія въ литературѣ заключается прежде всего въ развитіи научнаго направленія въ литературѣ. Однимъ изъ первыхъ новыхъ элементовъ, которые мы замѣчаемъ теперь въ Московской Руси, является основаніе школъ, и именно школъ такого типа, какихъ раньше въ Москвѣ не было. Хотя мысль о необходимости школы и была, но государственная инціатива сводилась къ однимъ лишь пожеланіямъ, каковы, напримѣръ, постановленія соборовъ XVI в., которыя указывали на необходимость заводить школы, потребныя для приготовленія грамотныхъ людей, для нуждъ прежде всего церкви. Старая школа, по своей идеѣ, носила чисто утилитарный характеръ; она должна была служить интересамъ церкви или интересамъ клира, частью же и интересамъ правительственныхъ группъ—чиновничества. Къ половинѣ XVII в., если школа боярина Ртищева была пока единичнымъ явленіемъ, частной инціативой, то все же мы можемъ видѣть, что переломъ во взглядахъ уже совершился; пора школы, какъ предназначенной для обученія только чтенію и письму, уже проходила, спросъ на образованіе, какъ таковое, уже былъ заявленъ. Теперь же и московское правительство идетъ навстрѣчу общедоступному образованію, само сознаетъ уже его необходимость. Появляется (1665 г.) уже правительственная школа, такъ называемая Заиконоспасская, Симеона Полоцкаго (позднѣе Славяно-Греко-Латинская Академія). Школьный вопросъ во второй половинѣ вѣка становится уже общественнымъ вопросомъ и литературнымъ. Обѣ эти школы—Ртищевская и казенная—образовались при участіи юго-западныхъ выходцевъ и по-

тому носили характеръ школъ юго-западныхъ. Однако, въ нихъ скоро появляются различныя теченія, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Здѣсь, въ школѣ, рядомъ съ латино-польскимъ по преимуществу, появляется и греко-византійскій элементъ. Это, разумѣется, прежде всего выразилось въ расширеніи программы. Но и эта школа, несмотря на такую свою двойственность, все же явилась проводникомъ тѣхъ же западныхъ вліяній. Въ числѣ предметовъ въ этой школѣ были и языки латинскій и греческій, а затѣмъ науки математическія и словесныя. Стало-быть, эта школа уже не могла считаться болѣе школой исключительно духовной. Но несомнѣнно, что, такъ какъ эта школа была основана выходцами съ юго-запада, людьми, воспитанными на извѣстной, опредѣленной тенденціи, поставившей себѣ цѣлью защиту православія, а также и потому, что наиболѣе развитымъ и образованнымъ сословіемъ въ Московской Руси было духовенство, эта школа все же носила въ общемъ церковно-религіозный характеръ. Такимъ образомъ, школа XVII в.—школа духовная, но въ то же время совмѣщающая въ себѣ и свѣтскіе элементы [1]).

Рядомъ съ развитіемъ школы развивается и литература. Произведенія литературы западной все болѣе и болѣе свободно начинаютъ проникать въ Москву, встрѣчать здѣсь радушный пріемъ и интересъ къ себѣ. Этимъ объясняется успѣхъ направленія такихъ писателей, какъ Симеонъ Полоцкій [1]).

На ряду съ этимъ нельзя не отмѣтить развитія книгопечатанія на Руси. Произведенія литературы изъ рукописи переходятъ въ печатную книгу, что, конечно, обезпечиваетъ болѣе быстрое распространеніе литературныхъ памятниковъ. Въ это время въ Московской Руси печатаются не только уже одни «божественныя» писанія, какъ то было раньше, но и книги научнаго и свѣтскаго содержанія. Все это идетъ, конечно, медленно, даже, можетъ-быть, слишкомъ медленно, но все же идетъ; стало-быть, какъ бы то ни было, условія для литературы

---

[1]) Подробности объ общихъ направленіяхъ школы XVII в. въ связи съ основными теченіями русской мысли см. М. Сперанскаго. Идейныя движенія въ старой Москвѣ. (Москва въ ея прошломъ и настоящемъ, вып. 4). Спеціально по школьному вопросу въ Московской Руси см. М. Сменцовскій. Братья Лихуды. (Спб. 1899); ср. А. Галкинъ. Академія въ Москвѣ въ XVII столѣтіи. (М. 1913). Для общихъ идейныхъ теченій въ Моск. Руси этого времени см. С. Н. Браиловскій: Одинъ изъ пестрыхъ. (Спб. 1902), его же. Очерки по исторіи просвѣщенія въ Моск. Руси въ XVII в. (М. 1890, изъ Чтеній въ Общ. люб. дух. просвѣщенія), С. А. Бѣлокуровъ. Изъ духовной жизни московскаго общества XVII в. (М. 1903, изъ Чтеній О. И. и Д.).

[2]) Отдѣльная монографія о немъ—Л. Н. Майкова въ его „Очеркахъ по исторіи русской литературы XVII—XVIII в.“.

измѣняются въ иную сторону. Для того, чтобы печатныя книги всякаго содержанія могли успѣшнѣе распространяться, и для того, чтобы такихъ книгъ печаталось болѣе, необходимо было учрежденіе отдѣльныхъ частныхъ типографій, такъ какъ на «Печатномъ государевомъ дворѣ» печатали только книги духовнаго содержанія, удовлетворялись главнымъ образомъ потребности церкви. Во главѣ типографскаго дѣла стояли по преимуществу лица духовныя извѣстнаго направленія, преимущественно консервативнаго, такъ что свѣтская (не спеціально церковная) литература совершенно не могла пользоваться услугами правительственной типографіи. Когда Симеонъ Полоцкій пробовалъ привить вкусъ къ свѣтской литературѣ, то для этого понадобилось учрежденіе другой типографіи. Главою «Государева печатнаго двора» былъ патріархъ, человѣкъ, въ силу своего положенія, консервативно настроенный, не довѣрчиво относящійся къ юго-западнымъ, на латинскій манеръ образованнымъ пришельцамъ, почти чуждымъ церкви, какъ эти отношенія понимали въ XVII вѣкѣ въ группахъ統 стародумовъ; произведенія этихъ пришельцевъ должны были печататься въ другомъ мѣстѣ. Въ новой же типографіи, «у государя наверху» устроенной Симеономъ, получаютъ возможность печататься и произведенія не узко-церковнаго характера. Такимъ образомъ появляется въ Москвѣ «Повѣсть о Варлаамѣ и Іосафѣ», которая явилась почти первымъ своего рода «свѣтскимъ» произведеніемъ, напечатаннымъ въ Москвѣ. Этотъ популярный романъ явился подъ своимъ стариннымъ заглавіемъ «Житіе царя Іоасафа и старца Варлаама», но уже въ новомъ переводѣ, сдѣланномъ Симеономъ Полоцкимъ съ латинскаго языка (хотя онъ принималъ во вниманіе при работѣ и старый переводъ). Вслѣдъ за этимъ произведеніемъ появляются въ печати: «Обѣтъ душевный», «Вечеря душевная» «Вертоградъ многоцвѣтный» того же Симеона и др.—все произведенія не строго-церковнаго характера и притомъ типичные по своему характеру и по формѣ плоды юго-западной литературы съ ея новой для Москвы риторикой. Стало-быть, вторымъ результатомъ вліянія юго-западныхъ выходцевъ было то, что въ Москвѣ стало расширяться печатное дѣло, появилась нецерковная книга печатная—«книга четья», подающая руку такой же, ранѣе явившейся книгѣ рукописной.

Затѣмъ, подъ вліяніемъ юго-западной струи появляются и новые виды литературы, уже прямо тѣсно связанные съ Западомъ или непосредственно или черезъ ту же юго-западную литературу. Боязнь передъ «мірской» литературой, какъ передъ грѣховной, постепенно исчезаетъ, соотвѣтственно съ чѣмъ является иной взглядъ на литературу западнаго происхожденія, который теперь замѣтно начинаетъ прививаться и распространяться въ Москвѣ. На встрѣчу юго-западнымъ дѣя-

телямъ идутъ и упомянутые выше дѣятели, вышедшіе изъ Московскихъ приказовъ; все это, взятое вмѣстѣ, еще ускоряетъ процессъ сближенію московской литературы съ западной.

Виршевая поэзія. Вмѣстѣ съ новымъ направленіемъ появляются и новыя литературныя формы. Прежде всего появляется въ Москвѣ своя поэзія стихотворная [1])—«виршевая» по формѣ, схоластическая по характеру: это юго-западная «виршевая» же поэзія, пересаженная на московскую почву. За писаніе «виршей» принимаются и чисто-русскіе люди, москвичи, подражая своимъ учителямъ вродѣ Симеона Полоцкаго, особенно культивировавшаго эту силлабическую форму въ цѣломъ рядѣ своихъ произведеній. Эта «виршевая» поэзія продолжаетъ существовать въ теченіе всего XVII вѣка и переходитъ даже въ XVIII вѣкъ, доживая вплоть до тонической формы стиха Третьяковскаго и Ломоносова.

Драма. Параллельно съ «виршевой» поэзіей появляется въ Москвѣ и драма. Культивируемая первоначально въ южно-русскихъ школахъ [2]), она приносится въ Москву вмѣстѣ съ южно-русской наукой и тоже прививается здѣсь, придясь по вкусу обществу, хотя въ первое время и встрѣчаетъ противодѣйствіе большинства и живетъ преимущественно въ школѣ же. На юго-западѣ драма появилась не какъ самостоятельная отрасль литературнаго творчества, а скорѣе какъ одинъ изъ предметовъ школьной науки: здѣсь драма была, собственно говоря, однимъ изъ средствъ борьбы съ католицизмомъ, средствомъ педагогическимъ, и потому развивалась она въ этомъ духѣ и направленіи, была тенденціозна, и дидактизмъ въ ней стоялъ, поэтому, на первомъ планѣ. Образецъ для нея былъ данъ тѣми же католическими школами, которымъ подражала школа православная, только мысли, конечно, были вложены свои, православныя, частью противо-католическія; она усвоила довольно полно и формы этой католической драмы. Католическая же школа въ свою очередь очень быстро и энергично воспользовалась тѣмъ матеріаломъ, который былъ въ ея распоряженіи, и воспользовалась, надо сказать, очень умѣло. Поэтому, было, что̀ заимствовать и борющейся

---

[1]) До сихъ поръ такой формы не знала русская литература (если не считать формъ устной поэзіи, не проникавшихъ въ письменность); стихотворныя произведенія Византіи (церковная пѣснь, каноны, изрѣдка стихотворный романъ въ родѣ „Дигениса“) при переводѣ утрачивали свою форму и передавались прозой, въ рѣдкихъ случаяхъ ритмической.

[2]) О ю.-русской драмѣ см. П. Пекарскаго. Наука и литер. при Петрѣ В. (Спб. 1862), I, гл. XIV; П. Морозова. Ист. русскаго театра, I, (Спб. 1889). Спеціальныя работы общаго характера; Н. И. Петровъ. Очерки изъ исторіи украинской литературы XVII—XVIII вѣковъ. (Кіевъ. 1911); І. Стешенко. Історія українськоі драми. (Кіевъ. 1908). Сюда же относится компилятивная работа Б. Варнеке. Исторія русскаго театра, I. (Казань. 1908).

съ ней православной школѣ. Однако, примѣненіе драмы къ школьнымъ цѣлямъ не было изобрѣтеніемъ католической школы, а наоборотъ, школы протестантской, съ которой на Западѣ борется эта католическая школа. Протестанты взяли за образецъ народную, средне-вѣковую, и искусственную драму и, заполнивъ ее новыми началами, использовали ее для борьбы съ католицизмомъ, выставляя этотъ послѣдній, разумѣется, въ отрицательномъ освѣщеніи. Но орудіе оказалось обоюдоострымъ. Католики, главнымъ образомъ іезуиты, воспользовались имъ же, т.-е., взявъ у протестантовъ форму и вложивъ въ нее свое содержаніе, обратили драму въ орудіе борьбы противъ протестантовъ же, усовершенствовавши его по-своему. Заслуги ихъ въ области драмы довольно велики; они значительно переработали ее, создали духовную драму, воспользовавшись широко драмой-мистеріей и такъ называемыми «моралитэ» (духовной драмой съ нравоучительнымъ содержаніемъ), сконцентрировавъ все около одной цѣли, придавши драмѣ блескъ, высоко развивъ сценическую технику. Такова, напримѣръ, мистерія «Страсти Христовы». Она изображаетъ въ драматической формѣ то, что разсказывается о страданіяхъ Христа въ Евангеліи, съ массой эффектныхъ картинъ, при чемъ присоединяется всюду религіозно-нравоучительное толкованіе деталей событія, широко развиваемый символизмъ, аллегоризмъ въ изображеніи при помощи богатыхъ средствъ риторики и піитики. Для тѣхъ же цѣлей, по образцу моралитэ, вводятся такъ называемыя олицетворенія: «Зависть», «Ненависть», «Злоба», «Добродѣтель», «Вѣра Христова», «Милость Божія» и пр.. Такъ какъ у актеровъ было вполнѣ основательное сомнѣніе, что не подготовленные зрители не поймутъ этихъ олицетвореній, то эти аллегорическія фигуры появлялись на сценѣ прямо даже съ вывѣсками, съ ярлыками, какъ въ старомъ моралитэ, на которыхъ было написано названіе того порока или той добродѣтели, который или которую должно было изображать дѣйствующее лицо. Кромѣ того, были и другія внѣшнія типичныя средства для распознанія этихъ аллегорическихъ дѣйствующихъ лицъ—олицетвореній: напримѣръ, добродѣтель изображалась въ видѣ красивой женщины, пороки же въ видѣ старой, черной, безобразной и т. д.; часто даже являлось у рампы прямо лицо, которое объясняло слушателямъ смыслъ и характеръ дѣйствующихъ лицъ; для этой же цѣли служили прологъ и эпилогъ, присоединяемые къ пьесѣ въ началѣ и концѣ ея.

Такого рода драмы были очень пригодны для проведенія какихъ угодно тенденцій, какъ положительнаго свойства, такъ и сатиры. Это прекрасно поняли іезуиты, и, ухватившись за эту мысль, ввели такую драму въ школу: въ ней они видѣли хорошее средство дать ученику

умѣніе держаться въ обществѣ, использовать драматическій элементъ въ его будущей практикѣ пропагандиста и защитника католицизма. Іезуиты же указали и на общественное значеніе этой драмы. Въ театрѣ они увидали такую же, какъ церковную, каѳедру для проповѣди, проведенія, прославленія идеи католицизма и, пожалуй, еще болѣе достигающую цѣли: слово, соединенное съ дѣйствіемъ, обставленное эффектной, блестящей обстановкой производило большее впечатлѣніе, привлекало больше слушателей—зрителей. Поэтому школьные спектакли, служа и ближайшимъ школьнымъ цѣлямъ и будучи рекламой школы, являлись орудіемъ воздѣйствія и за ея стѣнами: спектакли стали публичными, становятся весьма часто придворными представленіями, спеціально назначаемыми для аристократіи; вырабатывается даже особый видъ іезуитской драмы — Ludi caesarei — съ особымъ блескомъ, роскошью постановокъ, сложной техникой сцены и т. д. При такихъ условіяхъ, какъ мистеріи, такъ и моралитэ, въ іезуитской обработкѣ нашли широкое распространеніе сначала въ западной Европѣ, а потомъ путемъ польской литературы перешли и въ южно-русскую школу. Хотя русскія школы не могли использовать драму во всей ея широтѣ, не имѣя такихъ богатыхъ матеріальныхъ средствъ, какъ дѣлали то іезуиты, но все же драма на юго-западѣ Руси привилась, по крайней мѣрѣ, въ школахъ, привлекая зрителей, оказывая даже извѣстное вліяніе на массы и устную словесность (черезъ странствующихъ школяровъ).

Въ такомъ видѣ является школьная драма и въ Москву, гдѣ пробуетъ укорениться; но здѣсь она получаетъ отчасти новое истолкованіе: школьная драма въ Москвѣ устраивается внѣ школы, какъ самостоятельный видъ творчества. Въ Москвѣ драма появилась въ 70-хъ гг. XVII столѣтія. Родоначальникомъ ея въ идеѣ можно считать Симеона Полоцкаго. Онъ могъ, конечно, перенести въ московскую литературу ту именно драму, которую онъ зналъ самъ, а зналъ онъ преимущественно драму духовную, религіозно-нравоучительную, школьную; зналъ онъ, можетъ-быть, и Ludi caesarei, т.-е. іезуитскую придворную драму. Эта-то именно религіозно-нравоучительная драма и стала прививаться въ Москвѣ, все еще склонной ко всему «божественному» въ области литературы. Что весьма важно и въ данномъ случаѣ,—драма понравилась царю. Драма стала придворной. Слѣдовательно, положеніе драматической литературы на московской почвѣ является нѣсколько инымъ, чѣмъ въ юго-западѣ Руси. Тѣ полемическія цѣли, которыя преслѣдовала эта драма на западѣ Европы и юго-западѣ Руси, въ Москвѣ не могли имѣть мѣста. Драма въ Москвѣ не была тѣсно связана со школой и получила сразу значеніе отчасти общественное, если и не широко общественное, во всякомъ случаѣ не узко-церковное, спеціаль-

ное. Но отчасти тотъ характеръ, который носила драма южно-русская, долженъ былъ остаться на ней и послѣ перенесенія ея въ Москву. Такъ какъ въ XVII вѣкѣ въ Москвѣ была широко распространена дидактическая литература (вспомнимъ хотя бы то же «Великое Зерцало»), то дидактическій элементъ въ драмѣ тоже очень понравился среди людей, не испугавшихся новшествъ, но въ то же время не вполнѣ освободившихся отъ «учительнаго» взгляда на литературу, и возбудилъ къ ней симпатію. Поэтому особый успѣхъ имѣли драмы именно духовно-дидактическаго характера.

Но въ исторіи русской драмы указывается и другой источникъ ея появленія въ Москвѣ—непосредственно Западъ. Хронологически западная драма, притомъ идущая изъ протестантскихъ круговъ, явилась раньше юго-западной. Тѣмъ не менѣе, можно утверждать, что самая идея драмы явилась къ намъ все же съ юго-запада Руси, а непосредственно пришедшая съ Запада драма сдѣлалась лишь источникомъ, дававшимъ вмѣстѣ съ юго-западной драмой возможность заполнить этотъ пробѣлъ въ литературѣ.

Припомнимъ условія появленія этой драмы [1]). Царь Алексѣй Михайловичъ зналъ о существованіи драмы на Западѣ отъ западныхъ выходцевъ, главнымъ образомъ, отъ Симеона Полоцкаго, былъ первымъ царемъ, пожелавшимъ увидѣть драму въ Москвѣ. Этому желанію взялся удовлетворить Симеонъ. Пока Симеонъ Полоцкій готовился къ постановкѣ, писалъ пьесу, царь Алексѣй Михайловичъ попытался своими средствами устроить это дѣло. По приказанію царя, нашли артистовъ въ Нѣмецкой слободѣ: нашелся пасторъ Грегори, знакомый съ нѣмецкой «народной» драмой. Въ селѣ Преображенскомъ была построена «комидійная храмина», гдѣ обученными Грегори артистами изъ Нѣмецкой слободы было представлено «Артаксерксово дѣйство», типичная духовная драма, но построенная нѣсколько иначе, нежели іезуитская школьная: по образцу свѣтской, такъ называемой «англійской» комедіи. Только потомъ уже явилась «Комедія о блудномъ сынѣ» Симеона Полоцкаго. Драмы эти очень понравились царю. Духовникъ царя разрѣшилъ его отъ сомнѣній, указавъ на то, что и другіе благочестивые цари и императоры ничего зазорнаго въ посѣщеніи драматическихъ представленій не видѣли,—и съ тѣхъ поръ драматическая литература нашла себѣ почву въ Москвѣ, пробила себѣ дорогу, хотя и съ трудомъ.

Такимъ образомъ, вліяніе юго-западной литературы на сѣверо-восточную еще болѣе усилилось. Это имѣло большія послѣдствія для русской литературы.

---

[1]) Подробности см. Н. С. Тихонравовъ. Соч., II, 52—119; также П. О. Морозовъ. Исторія русскаго театра, I (Спб. 1880), гл. VI.

Литературныя теченія второй половины XVII в. Въ первой еще половинѣ XVII вѣка въ нашей литературѣ ясно опредѣлились слѣдующія теченія: съ одной стороны—консервативное, тяготѣющее къ завѣтамъ старины, съ другой—западное, шедшее къ намъ изъ Бѣлоруссіи и Польши—литература прогрессивная. Намѣчаются же эти два теченія еще значительно раньше XVII вѣка, въ XVI вѣкѣ они вступаютъ между собою въ борьбу, въ XVII же становится ясно, на чьей сторонѣ побѣда: становится уже видно, что западное теченіе акклиматизировалось, получило извѣстное, хотя и не гласное, признаніе. Западное теченіе теперь, во второй половинѣ вѣка, кромѣ того, появляется еще и съ другой стороны и въ нѣсколько другомъ видѣ, именно, въ нашей южно-русской передѣлкѣ. Это западное теченіе, конечно, нельзя отождествлять съ тѣмъ западнымъ теченіемъ, которое было раньше, которое шло къ намъ непосредственно чрезъ Польшу: его рѣзко выраженный характеръ сразу опредѣляетъ его взаимоотношенія съ консервативнымъ теченіемъ. Затѣмъ въ половинѣ же XVII в. замѣчается теченіе, которое нельзя отождествить ни съ консервативнымъ, ни тѣмъ болѣе съ прогрессивнымъ: оно было генетически связано съ первымъ, но представляло собою крайнее развитіе консервативнаго теченія, доводя тяготѣніе къ старинѣ въ духѣ XV—XVI в. до предѣловъ реакціоннаго обскурантизма: это—такъ называемый расколъ старообрядства, который оказалъ свое вліяніе и на нашу литературу, имѣя въ числѣ своихъ сторонниковъ такихъ талантливыхъ писателей, какъ апостолъ старообрядчества протопопъ Аввакумъ, съ его типичнымъ угловато-простымъ народнымъ слогомъ, но полнымъ жизни, энергіи [1]), Лазарь и другіе.

Старообрядчество. Идейно это старообрядческое теченіе консервативно, но по своимъ средствамъ оно все же приближается опять къ западному: вліяніе Запада на старообрядческую литературу несомнѣнно. Мы можемъ сказать, не боясь впасть въ преувеличеніе, что если корни старообрядчества и въ далекомъ прошломъ XV—XVI в., то самый расколъ старообрядчества, какъ отдѣльное теченіе жизни и мысли, появляется у насъ, именно, какъ слѣдствіе усилившагося западнаго теченія. Когда возникаетъ вопросъ о реформѣ церковной жизни, правительство, уже до извѣстной степени убѣжденное въ необходимости примиренія съ Западомъ, хотя бы въ интересахъ государственныхъ, не является уже ревностнымъ хранителемъ всего стараго только потому, что оно старое. Этимъ объясняется и отношеніе правительства къ старооб-

[1]) Изъ литературы объ Аввакумѣ слѣдуетъ привести: А. К. Бороздина „Протопопъ Аввакумъ" (Спб. 1898), Мякотина В. „Протопопъ Аввакумъ" (популярный очеркъ. Спб. 1893).

рядчеству въ XVII вѣкѣ. Несмотря на то, что патріархъ Никонъ, считавшійся виновникомъ появленія старообрядчества, смуты въ церкви, палъ, дѣло его не заглохло; такова ужъ была логика событій, такъ ужъ должно было быть [2]). Дѣло Никона продолжается: правительство перестаетъ ужъ быть ультра-консервативнымъ, формально-отрицающимъ новое, становится скорѣе умѣренно-прогрессивнымъ въ области церкви и государства; не отрицая основъ старой московской жизни, оно впитываетъ и новыя начала. Этому направленію многіе сочувствовали и въ обществѣ, такъ какъ многіе уже сознавали необходимость ассимилированія съ Западомъ.

Какъ только южно-русская литература, уже подвергшаяся этому западному вліянію, уже впитавшая въ себя кое-что чисто-западное, появилась въ Москвѣ, она должна была сразу обратить на себя вниманіе той умѣренной части общества, которая не относилась уже рѣзко отрицательно ко всему западному, и притти ему на помощь въ дѣлѣ проведенія этихъ западныхъ началъ въ русскую жизнь. Но часть русскаго общества болѣе консервативная, менѣе умѣвшая различать мірское и духовное, подобно тому, какъ было въ XVI в., отнеслась не довѣрчиво къ этимъ юго-западнымъ выходцамъ; ихъ стали упрекать въ нечистотѣ ихъ православія, исказившагося у нихъ подъ вліяніемъ тѣснаго общенія съ Западомъ во время борьбы. При отсутствіи строгаго критерія поставить такое обвиненіе было легко, но доказать его было труднѣе. При отсутствіи знанія стилистическія измѣненія рѣчи можно было принять за измѣненія догматическаго характера (какъ это было въ дѣлѣ Максима Грека, напр.). Въ этихъ выходцахъ преувеличенно видятъ опасность для самой основы русской культуры—православія. Сначала принимаютъ мѣры противодѣйствія, стараются сократить притокъ этихъ людей въ Москву, затѣмъ начинаютъ запрещать книги, идущія съ юго-запада Руси и т. д.. Но всѣхъ этихъ средствъ внѣшняго воздѣйствія для предотвращенія опасности уже было не достаточно. Необходимо было научное же противодѣйствіе научному теченію. Тутъ-то для услугъ Московской консервативной Руси являются греки и частію тѣ же юго-западные выходцы. Тѣ и другіе сыграли въ Москвѣ крупную роль, хотя москвичи относились къ нимъ не особенно-то довѣрчиво: южно-руская школа заимствовала іезуитскую науку, поэтому обвинить юго-западныхъ пришельцевъ въ измѣнѣ православію было легко; православные, хотя и мало цѣнимые, греки уже не такъ легко могли воз-

---

[1]) Выясненію роли Никона и его предшественника патр. Іосифа, значительно подготовившаго реформу Никона, посвящены монографіи Н. Ф. Каптерева. „Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ" 2 т. (Сергіевъ посадъ 1909 и 1912) и „Патріархъ Никонъ и его противники" (Сергіевъ посадъ 1913).

будить подозрѣніе. Но, несмотря на это враждебное отношеніе къ юго-западной наукѣ, почва, на которой могло развиться юго-западное вліяніе, была въ Москвѣ до извѣстной степени подготовлена самими же греками. Такимъ образомъ несомнѣнно, что въ отдѣльныхъ случаяхъ южно-русская школа на сѣверо-востокѣ получила какъ разъ то, что было нужно.

Какъ извѣстно, въ это время (шестидесятые годы XVII ст.) пріѣхали въ Москву греческіе патріархи помогать Московской церкви въ ея борьбѣ со смутой, вызванной Никономъ, обвиняемомъ старообрядцами въ склонности къ католическому Западу. Результатомъ этого является то, что на ряду съ Заиконоспасской школой западника Симеона Полоцкаго образуется другая—Чудовская, которая пользуется услугами той же Заиконоспасской школы, только переиначиваетъ все на греческій манеръ, привлекаетъ ученыхъ грековъ и русскихъ южанъ, знающихъ ту же западную науку, но въ окраскѣ греческой православной. Такимъ образомъ, если мы переберемъ всѣ эти факты, то легко опредѣлимъ и ихъ взаимоотношеніе. Съ одной стороны—старообрядческое теченіе, отрицающее безусловно стремленіе къ ассимиляціи съ Западомъ, отрицающее даже необходимость движенія впередъ. Это теченіе, какъ самое отсталое, понятно, съ самаго своего появленія было обречено на второстепенную роль. И дѣйствительно, старообрядческая литература должна была жить своей жизнью, усиленно оберегая старое, якобы чистое отъ вліянія Запада, наслѣдіе. Она не могла переломить всей литературы, уже шедшей явно по новому пути: ея задача прежде всего—самосохраненіе. Хотя подобная литература существуетъ и до сихъ поръ, но она очень отличается отъ той, главными представителями которой являлись упомянутые выше протопопъ Аввакумъ, Лазарь и другіе апостолы и первоучители раскола. Для тѣхъ вопросъ о направленіи русской жизни по старому или по новому руслу еще не былъ рѣшенъ, а рѣшеніе его въ опредѣленномъ направленіи, надежда на возможность этого рѣшенія въ духѣ старины—жизненный нервъ дѣятельности; позднѣйшая старообрядческая литература уже стоитъ передъ рѣшеннымъ вопросомъ: русская жизнь пошла новымъ русломъ и задачею этой литературы является самосохраненіе и опредѣленіе своихъ отношеній къ совершившемуся факту. Поэтому дальнѣйшаго развитія внутри этой литературы мы не видимъ въ идейномъ отношеніи; она растетъ и даже значительно въ отношеніи количественномъ, становится болѣе развитой со своей формальной стороны; но она утратила связь съ общимъ теченіемъ русской жизни, сохранивъ ее только съ жизнью отдѣльной группы, гдѣ формальная религіозная мысль является основой. Поэтому старообрядческая литература вліянія

на общерусскую жизнь оказывать и не могла, а при попыткѣ подойти къ ней ближе сама испытывала ея вліяніе, поскольку могла переварить новые, живые элементы. Вслѣдствіе этого въ области этой литературы мы, между прочимъ, наблюдаемъ уже въ XVIII в. любопытный фактъ: несмотря на все желаніе стоять, какъ можно дальше отъ Запада, старообрядцы всеже не могутъ уберечься отъ вліянія западныхъ идей, западныхъ по происхожденію памятниковъ (напр. Зерцало), воспринимая ихъ наравнѣ съ своими издревле-православными.

Другое теченіе—это теченіе западное—теченіе прогрессивное. Въ сторонѣ немного отъ него стоитъ теченіе правительственное, теченіе болѣе умѣренное. Но оба эти теченія довольно скоро приближаются другъ къ другу въ XVII в. и въ результатѣ ведутъ къ тому, что мы называемъ литературой свѣтской, въ отличіе отъ литературы духовной (церковной). Такимъ образомъ, если мы будемъ разсматривать взаимоотношеніе этихъ сторонъ нашей литературы, то увидимъ, что старая литература обречена уже на постепенное вымираніе, какъ общественное обще-русское явленіе, на ограниченіе области своего вѣдѣнія; новая же, приближающаяся въ XVII в. къ западной, была уже залогомъ тѣхъ теченій, которыя разовьются въ XVIII вѣкѣ. Въ концѣ XVII вѣка западное теченіе все усиливается и усиливается. Отрицательное отношеніе къ Западу все болѣе и болѣе пропадаетъ. Это видно изъ тѣхъ характерныхъ явленій, которыя мы наблюдаемъ въ нашей духовной литературѣ. Какъ въ XVI-мъ, такъ и въ XVII вѣкахъ мы видимъ, что старое направленіе подводитъ свои итоги, и тѣмъ быстрѣе совершается этотъ процесъ, чѣмъ ближе мы подходимъ къ XVIII вѣку; появляется уже желаніе объединить научно всю эту литературу, сдѣлать ей подсчетъ. Это дѣлаетъ Московскій Печатный Дворъ, гдѣ воедино была сведена вся идейная сторона литературы старой Московской Руси. Въ это время появляется трудъ неизвѣстнаго автора: «Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ» [1]). Это—трудъ чрезвычайно интересный для историка литературы: это своего рода каталогъ всей русской литературы того времени, съ точки зрѣнія идейной—это подведеніе итоговъ всему книжному богатству древней Руси, поскольку оно сохранено въ обиходѣ XVII в.. Если мы просмотримъ этотъ списокъ, то увидимъ, что въ него вошли какъ разъ тѣ произведенія, которыя въ XVII вѣкѣ уже являются отживающими въ общей литературѣ и переходящими въ спе-

[1]) Издано В. М. Ундольскимъ въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. 1846 г., кн. 3, съ именемъ Сильвестра Медвѣдева (ученика Симеона Полоцкаго); но, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ (Браиловскаго, Соболевскаго) „Оглавленіе“ ему принадлежать не можетъ.

ціально церковно-духовную. Слѣдовательно, это—итоги того, что сдѣлано было московской литературой церковной и близкой къ ней юго-западной до половины XVII вѣка.

Изъ всѣхъ этихъ теченій къ концу вѣка слагается идейное содержаніе литературы. Изъ нихъ жизненными являются тѣ теченія, которыя переходятъ въ XVIII вѣкъ, и на почвѣ которыхъ развивается русская литература XVIII вѣка: это теченія западно-европейскаго характера; консервативныя—замираютъ, оставаясь лишь въ специфической области религіозно-церковной.

XV. Итоги московской литературы. Подводя итоги обзора Московскаго періода литературы, мы приходимъ къ слѣдующему общему представленію о русской идейной жизни за XIV—XVII вв., поскольку она выразилась въ литературѣ.

Уже первые проблески раціонализма, выразившіеся въ сомнѣніи на счетъ нормальности основъ духовной жизни, а затѣмъ въ протестѣ противъ односторонняго уродливаго пониманія основы средневѣковаго міросозерцанія—христіанства, связали себя съ аналогичнымъ движеніемъ мысли на Западѣ: стригольничья ересь заключала въ себѣ черты, роднившія ее съ западнымъ раціонализмомъ. Послѣдующее движеніе болѣе яркое и глубокое—«жидовствующихъ»—уже отчетливо несетъ на себѣ черты своей связи съ Западомъ, если не прямо съ Западомъ эпохи Возрожденія, то съ отзвуками этого Возрожденія, хотя, можетъ-быть не лучшими, не передовыми. Первые же «еретики» старому московскому укладу предъявляютъ требованія уже болѣе или менѣе научнаго характера, пользуются въ полемикѣ съ православными пріемами, идущими отъ научной критики, являются людьми не только начитанными, но и размышляющими, владѣющими кое-какими отголосками западной средневѣковой и, можетъ-быть, болѣе свѣжей науки. Ихъ литература, приносимая съ собой въ видѣ переводовъ преимущественно, подтверждаетъ это. Выступленіе ихъ съ новыми критическими («отъ разума») пріемами, какъ бы пріемы эти ни были несовершенны, сразу же показало, что московская начитанность, количественно громадная, не можетъ устоять передъ необширной количественно, но качественно болѣе глубокой литературой раціоналистовъ: это почувствовалъ первый же борецъ противъ раціонализма—московскій ставленникъ Геннадій, еп. Новгородскій; это же доказалъ (въ отрицательномъ смыслѣ) своимъ «Просвѣтителемъ» и Іосифъ Волоколамскій. Это же первое столкновеніе раціоналистовъ и приверженцевъ традиціи обнаружило наглядно и всю неорганизованность стараго раз-

витія: «жидовствующіе» принесли съ собою Библію, у православныхъ не оказалось даже полнаго перевода ея на славянскій языкъ: они прожили пять вѣковъ съ отрывками Ветхаго завѣта. Результаты первой схватки борющихся ясны: православнымъ пришлось уже выйти изъ своей проторенной колеи, вступить отчасти на тотъ же путь, которымъ пошли ихъ враги, чтобы сколько-нибудь сравняться оружіемъ въ борьбѣ: полная, такъ называемая, Геннадіевская Библія 1492—9 г. создана усиліями Геннадія при помощи западныхъ выходцевъ и ихъ учениковъ, на основахъ западныхъ источниковъ, давшихъ то, чего не нашлось дома. А для полемики съ пришедшими изъ «Литвы», съ Запада, еретиками дѣлаются переводы полемическихъ сочиненій противъ евреевъ: эти переводы дѣлаются съ латинскаго, принадлежатъ западно-европейской наукѣ; такова дѣятельность Димитрія Герасимова. Такимъ образомъ, первый результатъ борьбы съ раціоналистами сказался уже въ томъ, что зашевелился готовый закоснѣть старый московско-византійскій укладъ и пошелъ на компромиссъ съ западничествующимъ врагомъ. Съ своей стороны западное теченіе, проявившее себя въ «ересяхъ жидовствующихъ», водворяется въ нашей литературѣ, влагая въ нее тѣ новые элементы, которые должны были служить пробудившимся потребностямъ и запросамъ «разума», запросамъ знанія, не исчерпывающагося лишь интересами вѣры. Таковы первые переводы раціоналистовъ, принесенные съ Запада и, кажется, черезъ юго-западную Русь: «Логика», «Космографія», рядъ астрономическихъ (астрологическихъ) сочиненій; правда, произведенія эти не высокой научной пробы, но они указывали на элементарные методы, вводили въ обиходъ наукообразное отношеніе къ окружающему, расширяя въ то же время кругозоръ и давая удовлетвореніе пытливости человѣческаго ума, долгое время обреченнаго на бездѣйствіе господствующими элементами вѣры и авторитетами.

Начало обновленія идейной жизни Московской Руси было, такимъ образомъ, положено, и мысль неуклонно идетъ въ намѣченномъ направленіи. Уже въ половинѣ XVI в. въ Москвѣ ясно намѣчаются результаты этой работы: передовое меньшинство, гонимое и тѣснимое большинствомъ, имѣющимъ въ своемъ распоряженіи богатыя матеріальныя и правительственныя средства, измѣняетъ картину мыслящаго общества Москвы: оно распадается на прогрессистовъ, протестующихъ во имя знанія, сторонниковъ реформы въ духѣ сближенія, по крайней мѣрѣ, тяготѣнія къ Западу, и на консерваторовъ, всѣми силами стремящихся вернуть жизненныя основы отживающему міросозерцанію, но невольно все болѣе и болѣе идущихъ на компромиссъ, хотя и не желающихъ признаться въ этомъ. Идетъ упорная борьба: для консерва-

торовъ и прогрессистовъ одинаково ясно, что старое отошло, что нужно что-то иное, но каждый понимаетъ это по своему. Прогрессисты—люди частные—работаютъ, постепенно увеличивая запасъ западной литературы въ обиходѣ русской и тѣмъ подготовляя окончательное торжество западной культуры на Руси: оттого-то переводная литература, сосредоточившаяся главнымъ образомъ въ Москвѣ XVI и XVII вв., представляется столь значительной и носитъ опредѣленный характеръ; это—научная, практическо-прикладная учебная книга, затѣмъ литература «четья», на обязанности которой лежало удовлетвореніе любознательности читателя, а не только роль средства для воспитанія себя въ духѣ религіозномъ, средства, «како своя душа спасти». Эта литература выражаетъ уже насущныя жизненныя потребности и самой жизни Москвы, теперь уже не могущей самозаключиться въ гордомъ сознаніи, что она особенно Богомъ излюбленный, опредѣленный къ вѣчному существованію «третій Римъ», единственная представительница истиннаго, не нарушеннаго христіанства. Эти чисто жизненныя условія были той силой, которая поддерживала прогрессивную литературу, не пользующуюся богатыми средствами консервативно-правительственной части общества. Митрополиты Даніилъ, Макарій, самъ царь Грозный, неизвѣстный авторъ «Домостроя» и еще раньше Іоаннъ III—всѣ они стараются сдержать порывы вольнодумцевъ, доказать ихъ ненужность, доказать, что старыя основы не отжили, что онѣ живы, только затерты небреженіемъ: стоитъ ихъ возстановить, привести опять въ порядокъ, собрать вмѣстѣ... и величественное зданіе носительницы истинныхъ завѣтовъ христіанства и истинно-христіанской жизни—Московское государство—во всемъ своемъ блескѣ и величіи возстанетъ передъ глазами міра и убѣдитъ колеблющагося, ищущаго опоры на сторонѣ, что ничего не нужно, что все уже дано для будущаго безпечальнаго и достойнаго развитія великаго Московскаго царства. Вотъ идейное настроеніе консервативныхъ дѣятелей XVI вѣка, ихъ программа. Программа эта проводится съ энергіей и настойчивостью: Максимъ Грекъ вызванъ, чтобы помочь не только въ борьбѣ съ «звѣздочетцами» и «альманашниками», жидовствующими, но чтобы внести стройность и порядокъ въ нашу византійско-русскую религіозную литературу путемъ новыхъ переводовъ надежныхъ писаній, исправленія старыхъ, искаженныхъ невѣжествомъ писцовъ. Митрополитъ Макарій собираетъ, пересматриваетъ московскую святыню, чтобы она, стройная, внушительная по объему, убѣдила всякаго сомнѣвающагося, насколько Русь оправдала и заслужила свое великое назначеніе; соборы 1547 г. и 1549 г. канонизируютъ цѣлые ряды новыхъ угодниковъ, возсіявшихъ на Руси, упорядочиваютъ болѣе раннія канонизаціи. Самъ Макарій создаетъ свою чу-

довищную «Великую Минею Четью»; онъ же окончательно устанавливаетъ (самъ или нѣтъ—все равно) опредѣленный взглядъ на прошлое Россіи: ея прошлое есть результатъ дружной дѣятельности Богомъ хранимыхъ и руководимыхъ Имъ царей и князей въ союзѣ со святыми строителями русской церкви—такова основная идея «Степенной книги царскихъ родовъ», завершенной при участіи Макарія. Онъ же вмѣстѣ съ Грознымъ собираетъ Стоглавый соборъ. Этотъ соборъ, опираясь на вѣковѣчные каноны великихъ отцовъ вселенской церкви, указываетъ нестроенія, накопившіяся въ русской религіозной жизни, требуетъ возстановленія ея полнаго согласія съ этими канонами. Митрополитъ Даніилъ подготовилъ уже путь и Макарію и Стоглаву. Авторъ «Домостроя» проводитъ ту же программу примѣнительно къ частной жизни. Казалось, что такія дружныя усилія консервативныхъ реформаторовъ достигали цѣли. Но на дѣлѣ выходило иное: дѣятели стариннаго покроя, подводя итоги старинѣ, чтобы дать ей жизнь, подвели ея итоги, чтобы сдать ее въ архивъ исторіи. И ясно, почему это такъ вышло, помимо ихъ желанія: ихъ идеалы были не впереди, а назади; средства проведенія этихъ идеаловъ уже не соотвѣтствовали современному культурному уровню; современность требовала мысли, знанія, училась критически, сознательно относиться ко всему, не исключая даже св. писанія (ср. «заволжскихъ старцевъ»), а ей рекомендовали—вѣру, вѣру въ авторитетъ, требовали отказа отъ вопросовъ: почему, зачѣмъ? объявляя пытливость, «мнѣніе» грѣхомъ передъ Богомъ.

Поэтому-то и ясны и неудача этой попытки, и судьба Максима Грека: его, отнюдь не сторонника Запада, не могли понять въ Москвѣ; его и его сторонниковъ зачисляли въ лагерь тѣхъ «еретиковъ», которые разрушали старое благолѣпіе; шли ли эти разрушители отъ «жидовствующихъ», или отъ «заволжскихъ старцевъ» съ Ниломъ Сорскимъ—все равно. Строительство консерваторовъ не могло помочь и въ борьбѣ съ вольномысліемъ: отзвуки того же раціонализма въ ересяхъ Косого и Башкина не могли быть задавлены и опровергнуты старыми средствами: репрессіи и полемика Зиновія Отенскаго принесли мало пользы.

Если мы заглянемъ въ XVII вѣкъ, то увидимъ, что картина уже значительно измѣнилась, и эти измѣненія ясно показываютъ, что усилія консервативной партіи XVI в. остановить жизнь потерпѣли полную неудачу; западное теченіе въ литературѣ, западное вліяніе въ самой жизни дѣлали свое дѣло безостановочно, и консервативныя начала, въ духѣ дѣятелей XVI вѣка, становятся удѣломъ уже меньшинства, притомъ явно отмѣченнаго чертой реакціи, обскурантизма: идеи московскихъ любителей старины XVI вѣка становятся достояніемъ старообрядчества.

Такъ кончился второй актъ идейной борьбы въ Москвѣ; послѣдній—третій—протекаетъ въ XVII вѣкѣ, уже далеко не вызывая такихъ рѣзкихъ потрясеній въ мысли, какъ сто лѣтъ передъ тѣмъ, но за то обнаруживая все болѣе и болѣе глубокія послѣдствія перелома, совершившагося въ XVI вѣкѣ. Западная наука медленно, но прочно укореняется въ Москвѣ. Передовое теченіе мысли XVII вѣка дѣлаетъ настолько видный шагъ впередъ, что уже прогрессивное міросозерцаніе XVI вѣка въ XVII-мъ служитъ признакомъ консерватизма, а консервативное того же вѣка, въ XVII вѣкѣ признакомъ обскурантизма.

Передовое теченіе, несшее въ Москву зачатки западно-европейской мысли и науки въ XVI в., идетъ не непосредственно изъ центровъ умственной жизни Европы, а преимущественно черезъ польскую среду, служащую въ одно и то же время и связующимъ звеномъ между Европой, культурными плодами которой она сама пользуется, и Русью, и средостѣніемъ, ослабляя это западно-европейское вліяніе, воспринимаемое ею самою далеко не въ полной мѣрѣ. Но то же западно-европейское вліяніе, также идущее черезъ Польшу, но болѣе интенсивно, отражается въ юго-западной Руси, политически связанной съ Польшей, но съ конца XVI в. начинающей втягиваться въ болѣе тѣсную связь съ Москвой, неуклонно исполнявшей свою старую политическую программу—объединеніе около себя всѣхъ русскихъ народностей; теперь, въ XVII в., эта московская программа даетъ результаты болѣе благопріятные, чѣмъ 100 лѣтъ назадъ передъ тѣмъ. Но эти политическіе успѣхи Москвы имѣли для нея и болѣе глубокія послѣдствія чисто культурнаго характера: они открыли новый, уже болѣе приспособленный, болѣе скорый путь западной культурѣ въ Москвѣ, чѣмъ Польша. Юго-западная Русь XVI—XVII в., воспитавшая свою русскую культуру па основахъ польско-западно-европейскихъ, но сохранившая основныя черты русской, родственной московской культуры, эта Русь въ половинѣ XVII в. несетъ результаты своей культуры въ Москву. Такимъ образомъ, у Москвы XVII в. было два проводника западной мысли и литературы: Польша и юго-западная Русь. Это, несомнѣнно, было важнымъ пріобрѣтеніемъ. Результаты этого обнаруживаются весьма скоро и являются весьма замѣтными во второй половинѣ XVII в.. Русская жизнь, русская литература, по наружности, сохраняютъ въ значительной степени какъ-будто старую окраску, съ ея религіозно-церковными формами, съ внѣшностью, напоминающею старину XVI в., однако въ своемъ содержаніи онѣ далеко уже уклоняются отъ старыхъ византійско-московскихъ устоевъ; если еще идутъ рѣчи о «еретическомъ», «зловѣрномъ» Западѣ, растлѣнномъ «латинской» вѣрой, то въ XVII вѣкѣ мы уже не слышимъ рѣзкихъ протестовъ противъ науки въ пользу

вѣры; наука, ея необходимость, молча признаны даже врагами Запада (конечно, исключая обскурантовъ, старообрядцевъ); теперь идетъ споръ не о нужности или ненужности науки, а о томъ, какова должна быть въ своей основѣ эта наука: «западно-католическая» или «восточно-греческая?» Въ области литературы тѣ же перемѣны: она быстро наполняется продуктами Запада, начиная съ интересныхъ (хотя и католическихъ), привлекательныхъ и вмѣстѣ какъ-будто поучительныхъ повѣстей «Великаго Зерцала» и «Римскихъ Дѣяній», латинско-польскихъ міровыхъ хроникъ, радикально измѣнившихъ старый Хронографъ и расширившихъ наше представленіе о міровой исторіи до европейскаго объема, рыцарскихъ любовныхъ романовъ, въ родѣ «Бовы Королевича», «Еруслана Лазаревича», «Петра Златыхъ ключей», «Брунцвика» и др., и кончая рядомъ учебниковъ горнаго дѣла, военнаго строя, Космографіей Меркатора и лицевой Библіей Пискатора. Эта литература теперь уже не вызываетъ протеста за свое западное происхожденіе; она изготовляется почти въ правительственныхъ сферахъ, а иногда, какъ, напримѣръ, «Зерцало», даже по заказу самого царя. Мало того, она имѣетъ уже своего читателя, который теперь прямо ищетъ въ ней не только и не столько душеспасительнаго наставленія, сколько удовлетворенія своей любознательности, своего вкуса къ интересному и захватывающему чтенію: подъ воздѣйствіемъ идейнаго западнаго вліянія и этой литературы въ XVII вѣкѣ, ясно, въ Москвѣ намѣчается фактъ давно уже совершившійся на Западѣ: распаденіе литературы на свѣтскую и духовную, на мірскую и церковную; объединенной прежнимъ средневѣковымъ міровоззрѣніемъ въ одной духовно-церковной сферѣ литературы уже нѣтъ. Это дѣленіе, намѣченное въ XVII вѣкѣ, къ концу его стало настолько ясно, что времени Петра осталось только закрѣпить внѣшнимъ образомъ совершившійся фактъ (введеніе гражданскаго шрифта).

Это проявившееся сознаніе двухъ сферъ умственной дѣятельности имѣло крупныя послѣдствія: оно обусловило собой положеніе западной науки и мысли въ отношеніи къ духовной жизни общества; отношенія церковной и свѣтской литературы къ Западу далеко не одинаковы; мыслящее, сознательно понимавшее потребность науки, какъ залога прогресса, московское общество распадается на двѣ главныхъ группы (не считая, разумѣется, обскурантовъ, вѣровавшихъ въ возможность вернуть или сохранить устои жизни XVI-го, даже XV в.): представителей латинизма и представителей эллинизма; борьба же между ними вращается около вопросовъ православія и католицизма. Представители православія и эллинизма упрекаютъ своихъ противниковъ въ томъ, что, внося «латинскую науку» (т.-е. западную), они искажаютъ чистоту

православія; представители «латинской науки», доказывая преимущество Запада передъ Востокомъ, пытаются убѣдить своихъ противниковъ въ чистотѣ своей вѣры, сохраненной ими, несмотря на свою близость къ Западу. Главными дѣятелями этихъ «латинствующихъ» представителей науки и литературы являются свои же русскіе люди, получившіе образованіе большей частью на юго-западѣ, совмѣщавшіе въ себѣ культурныя особенности западно-польской и православно-русской культуры, насколько она уцѣлѣла въ борьбѣ за народность и вѣру въ юго-западной Руси: это были дѣятели, образчикомъ которыхъ былъ Симеонъ Полоцкій, позднѣе его ученикъ Сильвестръ Медвѣдевъ, юго-западные церковные и литературные дѣятели, вынесшіе на себѣ впослѣдствіи петровскую реформу. Среди эллинистовъ мы видимъ также людей образованныхъ, энергичныхъ, и по происхожденію русскихъ, уже проникшихся необходимостью просвѣщенія, сознавшихъ необходимость науки въ интересахъ упорядоченія современнаго уклада жизни. Въ ряду этихъ сторонниковъ греческихъ основъ нашего просвѣщенія видимъ такія имена, какъ боярина Ф. М. Ртищева, основателя первой правильной школы въ Москвѣ, человѣка, впрочемъ еще не выразившаго ясно своего направленія въ ту или другую сторону, гуманиста вообще; видимъ уже болѣе опредѣленную фигуру патр. Никона, не любившаго западныхъ выходцевъ и «фряжскихъ» обычаевъ, хотя и относившагося съ расположеніемъ къ южно-русскимъ дѣятелямъ, но болѣе всего дружившаго съ греками; Епифанія Славинецкаго, эллиниста, выросшаго на основахъ юго-западной «латинской» школы, его ученика, старца Евфимія чудовского, наконецъ, грековъ братьевъ Іоанникія и Софронія Лихудовъ.

Эти два теченія, борющіяся между собою, однако, боролись въ сущности за одно и то же: за просвѣщеніе, необходимость его проведенія путемъ водворенія новой школы въ Москвѣ, до сихъ поръ ограничившейся лишь епископскими, монастырскими и приходскими школами сомнительной научной цѣнности; если и были люди болѣе образованные, то это было дѣломъ частной инціативы, дѣломъ любительскимъ. Возросшее сознаніе важности просвѣщенія приводитъ къ сознанію необходимости правильной школы, и пока еще все-таки дѣло не доходитъ сразу до школы правительственной. Частной инціативѣ проникнутаго гуманными идеями Ф. М. Ртищева Москва обязана была первой своей школой (1648 г.). Ртищевъ былъ проводникомъ западнаго просвѣщенія, покровителемъ южно-русскихъ ученыхъ, хотя и сочувствовалъ православно-греческой націи. Но дѣло просвѣщенія, поставленное такъ ясно Ртищевымъ, не сразу становится твердо на ноги: его Андреевская школа существовала только до тѣхъ поръ, пока поддерживалась щедрой рукой

основателя. Но самый фактъ ея основанія показалъ, что потребность времени была понята; послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ основать въ Москвѣ постоянную школу (Арсенія грека 1649 г., просуществовала лишь полтора года) при помощи выписанныхъ грековъ (которымъ, какъ православнымъ, чуждымъ латинскаго духа, вѣрили больше), пришлось обратиться къ южно-русскимъ дѣятелямъ: въ 1665 году въ Спасскомъ монастырѣ, на Никольской, за Иконнымъ рядомъ, открывается первая правительственная школа, въ которой молодые подъячіе Приказа тайныхъ дѣлъ должны были учиться у Симеона Полоцкаго «по латынямъ и для грамматическаго ученія». Но эта школа просуществовала не болѣе трехъ лѣтъ, послѣ чего, повидимому, закрылась. Но шагъ ужъ былъ сдѣланъ, и шагъ характерный: первая правительственная школа была «латинскимъ ученіемъ», т.-е. копіей юго-западныхъ школъ, съ основнымъ языкомъ латинскимъ и кругомъ наукъ Запада, а не греческой науки (хотя та же наука лежала въ основѣ и греческой школы XVII вѣка, какъ это понималъ и Паисій Лигаридъ въ своей запискѣ московскому правительству о школахъ, 1666 г.). Но старыя идеи, консервативныя, боявшіяся Запада, какъ «латинскаго», «зловѣрнаго», еще не отжили и нашли опору въ сторонникахъ «греческой науки» въ спорѣ объ источникахъ знанія. Это повело къ оживленной литературно-научной борьбѣ, раздѣлило ревнителей просвѣщенія на два лагеря въ 70-хъ годахъ XVII вѣка: если борьба эта исходитъ внѣшнимъ образомъ изъ религіознаго принципа, то это отзвукъ стараго формальнаго воззрѣнія, какъ привычнаго, не утратившаго своего значенія и въ жизни; если противники обвиняютъ другъ друга въ ошибочномъ пониманіи религіозныхъ вопросовъ, то на дѣлѣ это была борьба двухъ культуръ: прогрессивной западной, шедшей навстрѣчу къ все болѣе и болѣе тѣсному сближенію съ европейской наукой, и консервативной восточной, стремившейся слить византійскія начала съ западными, но съ явнымъ подчиненіемъ послѣднихъ первымъ.

Въ 1680 г. появляется опять мысль о школѣ, какъ уже школѣ высшаго типа, и она оказывается опять за «латинянами»: Симеонъ Полоцкій проектируетъ ее по образцу полудуховныхъ, полусвѣтскихъ школъ Запада и прежде всего воспитавшей его самого кіевской школы Петра Могилы. Это была Славяно-греко-латинская академія, которой суждено было стать разсадникомъ просвѣщенія вообще въ Россіи и центромъ его для Московской Руси вплоть до основанія Московскаго университета. Но и эта новая школа далеко не сразу могла утвердиться, несмотря на то, что она была предположена не только латинской, не только славяно-латинской, но и «славяно-греко-латинской»: ея осуществленіе встрѣтило дружный отпоръ консерваторовъ-эллинистовъ,

почувствовавшихъ всю важность проекта будущей русской школы и сумѣвшихъ напряженно использовать всѣ слабыя стороны позиціи противниковъ и свои сильныя: колебанія власти передъ такимъ, какъ будто рѣзкимъ нарушеніемъ традицій недовѣрія къ «латинству», возможность конфликта свѣтской власти съ духовной (на памяти у всѣхъ еще было дѣло Никона). Медвѣдевъ, ученикъ и горячій поклонникъ идей Симеона Полоцкаго, несетъ на своихъ плечахъ всю тяжесть борьбы; борьба сначала ведетъ къ побѣдѣ, хотя и не полной, консерваторовъ-эллинистовъ (въ 1682 г.). Сильвестръ Медвѣдевъ открываетъ казенную школу, но не съ широкой программой академіи, а лишь элементарную, «славянскаго языка», т.-е. школу грамотности. Но и эта школа была завоеваніемъ латинскаго ученія: въ ней кромѣ славяно-русской грамоты, какъ оказывается, преподается и латинскій языкъ и риторика, пишутся типичныя «ораціи», поздравленія. Школа, повидимому, отвѣчаетъ потребности, служитъ даже толчкомъ къ просвѣтительной дѣятельности и защитниковъ греческаго ученія. Въ противовѣсъ ей патріархъ Іоакимъ открываетъ школу «греческаго языка и писанія» подъ управленіемъ русскаго іеромонаха Тимофея, долго жившаго въ Палестинѣ, и съ учителями изъ грековъ; школа ставится въ тѣсную связь съ типографіей—Печатнымъ дворомъ—всецѣло находившимся въ рукахъ патріарха. Школа эта имѣетъ временный успѣхъ: въ 1686 г. въ ней 233 ученика, изъ коихъ 67 обучаются спеціально греческому языку. Разумѣется, ни школа патр. Іоакима, ни скромная школа Сильвестра Медвѣдева не дали того, что нужно было Москвѣ, какъ политическому, религіозному и культурному центру Россіи конца XVII вѣка: ей нужно было не элементарное, не утилитарно-церковное, а общее широкое научное образованіе. Уже въ 1682 г. начинаются опять подниматься хлопоты, ходатайства объ основаніи высшей школы: чудовскій монахъ Каріонъ Истоминъ подаетъ правительницѣ Софьѣ стихотворную челобитную о водвореніи наукъ въ Россіи. Обѣ воюющія стороны стараются использовать въ своихъ интересахъ это предложеніе: сторонники грецизма предлагаютъ послать къ восточнымъ патріархамъ за учеными профессорами академіи, Сильвестръ Медвѣдевъ въ 1686 г. хлопочетъ объ утвержденіи устава академіи, выработаннаго имъ по идеямъ его учителя Симеона Полоцкаго. Но и въ этомъ случаѣ какъ будто представителямъ «латинскаго» ученія не повезло: въ мартѣ этого года въ Москву прибыли греки съ Востока, братья Лихуды, которые и стали въ главѣ «Эллино-греческаго училища», т.-е. академіи. Хотя въ самомъ названіи новой высшей школы звучала побѣда греческаго ученія, но побѣды на дѣлѣ не было: братья Лихуды, правда, православные и греки,—по своему образованію тѣ же западники: обра-

зованіе свое и методы научные и педагогическіе они принесли изъ Венеціи и Падуи, учатъ не только греческому языку, но и латинскому, о которомъ еще въ 1666 г. грекъ, западникъ, Паисій Лигаридъ говоритъ, что «онъ нынѣ царствуетъ въ училищахъ, въ книгахъ, въ княжихъ домахъ и, аки обычный, непшуется и глаголетъ же ся едва не отъ всѣхъ родовъ». Черезъ 14 лѣтъ (въ 1700 г.) побѣда латинской школы обозначалась и внѣшнимъ образомъ: она носитъ названіе «Славяно-латинской академіи».

Такимъ образомъ, Петру Великому, заставшему Россію на переходѣ къ новой жизни, путь которой ясно и рѣшительно опредѣлился, осталось только завершить тотъ процессъ, который слабыми чертами намѣтился въ концѣ XIV вѣка, обозначился въ XV и XVI-омъ, опредѣлился окончательно въ XVII-омъ. Это была смѣна культурныхъ основъ развитія русскаго племени, объединившагося около Москвы: постепенный переходъ отъ византизма и средневѣковья черезъ раціонализмъ и религіозныя броженія къ западной культурѣ и новому времени. И выработка новыхъ основъ, начавшихся внѣ Москвы, сосредоточилась въ ней. Москва была въ теченіе трехъ вѣковъ ареной этой борьбы Востока и Запада. Ей же пришлось быть мѣстомъ и окончательнаго торжества новаго просвѣщенія: въ ней явился первый народный центръ высшей науки—Московскій университетъ.

УКАЗАТЕЛЬ.

Указатель составленъ бывшимъ моимъ слушателемъ, нынѣ оставленнымъ при университетѣ для приготовленiя къ ученой степени *С. В. Шуваловымъ,* за что приношу ему благодарность.

М. С.

Списокъ пособій къ курсу Исторіи древней русской литературы.

I. Пособія необходимыя.

1. **Порфирьевъ И. Я.** Исторія русской словесности, т. I (въ любомъ изданіи, начиная съ изд. 1886 г., Казань).
2. **Пѣтуховъ Е. В.** Русская литература. Древній періодъ (изд. 2-е. Юрьевъ, 1912).
3. **Владиміровъ П. В.** Древняя русская литература Кіевскаго періода XI—XIII вѣковъ (Кіевъ, 1901).

   Пособія № 1—3 должны служить главнымъ образомъ для дополненія и ознакомленія съ фактическимъ матеріаломъ древней русской литературы.
4. **Пыпинъ А. Н.** Исторія русской словесности, т. I—II (въ любомъ изданіи, начиная съ изд. 1899 г., Спб.).
5. **Архангельскій А. С.** Очерки по исторіи западно-русской литературы (М. 1888, въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. Рос.).
6. **Платоновъ С. Ѳ.** Учебникъ русской исторіи (любое изданіе).

   Для справокъ и припоминаній по фактической исторіи Руси.

II. Пособія рекомендуемыя.

1. **Макарій митр.** Исторія русской церкви.
2. **Голубинскій Е. Е.** Исторія русской церкви.
3. **Ключевскій В. О.** Курсъ русской исторіи.
4. **Милюковъ П. Н.** Очерки по исторіи русской культуры.
5. **Тихонравовъ Н. С.** Сочиненія, т. I—II.
6. **Забѣлинъ И. Е.** Бытъ русскихъ царей.
7. „ Бытъ русскихъ царицъ.
8. **Петровъ Н. И.** Очерки по исторіи украинской л-ры.
9. **Шахматовъ А. А.** Разысканія о древнѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ (Спб 1908; Лѣтопись занятій Археогр. Комиссіи XX).
10. **Архангельскій А. С.** Изъ лекцій по исторіи русской лит-ры. Литература Московскаго государства (кон. XV—XVII вв.). Казань. 1913.
11. **Платоновъ С. Ѳ.** Древне-русскія сказанія и повѣсти о Смутномъ времени XVII в. (изд. 2-е. Спб. 1913).

    Къ числу рекомендуемыхъ пособій относятся и библіографическія указанія и ссылки въ текстѣ и примѣчаніяхъ къ нему въ самой книгѣ.

III. Справочники.

1. **Шляпкинъ И. А.** Исторія русской словесности. Программа университет. курса съ подробной библіографіей (Спб. 1913).
2. **Мезьеръ А. В.** Русская словесность. Библіографія. Указатель. Ч. I (русская словесность съ XI по XVIII в.). Спб. 1899.

Русское племя въ IX в. и его сосѣди. I

СѢВЕРНОВЕЛИКОРУССЫ
СРЕДНЕВЕЛИКОРУС.
ЮЖНОВЕЛИКОРУССЫ
БѢЛОРУС.
МАЛОРУССЫ
Ю.В.Р.
Бѣлое М.
Балтійское море
Азовское море
Черное М.
Москва
Петербургъ
Новгородъ
Псковъ
Вологда
Кострома
Ярославль
Владиміръ
Нижній Новгородъ
Казань
Вятка
Пермь
Симбирскъ
Самара
Пенза
Тамбовъ
Калуга
Тула
Орелъ
Курскъ
Воронежъ
Смоленскъ
Могилевъ
Минскъ
Черниговъ
Кіевъ
Житоміръ
Полтава
Харьковъ
Саратовъ
Астрахань
Оренбургъ
Уральскъ
Екатеринославъ
Херсонъ
Одесса
Симферополь
Новочеркасскъ
Екатеринодаръ
Ставрополь
Новороссійскъ
Владикавказъ
Варшава
Рига
Ревель
Выборгъ
Петрозаводскъ
Архангельскъ

20
25
30
35
40
45
60
55
50
45
15
20
25
ВЯТКА
ПЕРМЬ
НИЖН.НОВГОРОДЪ
КАЗАНЬ
УФА
СИМБИРСКЪ
Ю.В.Р.
САМАРА
ПЕНЗА
ОРЕНБУРГЪ
САРАТОВЪ
УРАЛЬСКЪ
АСТРАХАНЬ
СТАВРОПОЛЬ
ВЛАДИКАВКАЗЪ
ТЕМИРЪ-ХАНЪ ШУРА
ЕРНОВЕЛИКОРУССЫ
…РУС.
…ЛИКОРУССЫ
Каспійское М.